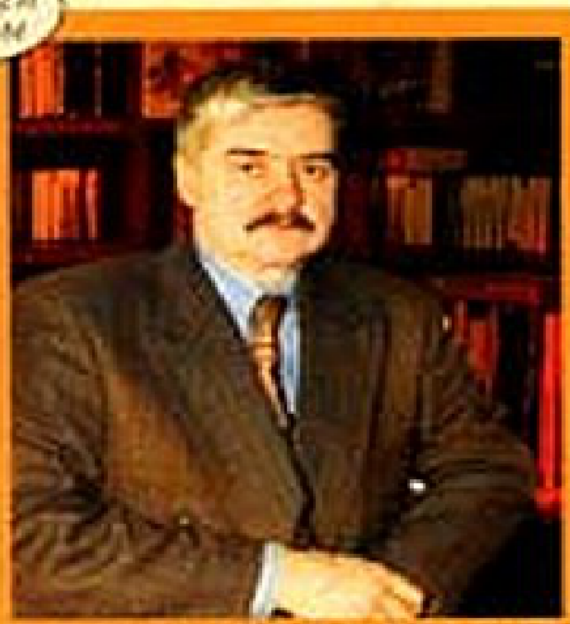

МЕМУАРЫ ВЫДАЮЩИХСЯ ДЕЯТЕЛЕЙ РОССИИ

СЕРГЕЙ ЕСИН

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

ДНЕВНИК РЕКТОРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Есин Сергей Николаевич — известный писатель, драматург и публицист. Его повести и романы: «Имитатор», «Мемуары сорокалетнего», «Р-78», «Типы», «Гладиатор», «Живем только два раза», «Бег в обратную сторону» широко известны читателям.

Его Дневники охватывают последние три года XX века. Здесь — жизнь страны, жизнь Литературного института им. А. М. Горького, ректором которого он является, жизнь самого автора и многих людей, его окружающих.

Напечатанные в «толстых» журналах дневники были востребованы читателями так же жадно, как и проза писателя.

- СЕРГЕЙ ЕСИН
  - От автора
  - 1998 год
  - 1999 год
  - 2000 год
  - «ЖИЗНЬ КРАСИВАЯ И МУЧИТЕЛЬНАЯ…»
  - УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

СЕРГЕЙ ЕСИН
НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ
ДНЕВНИК РЕКТОРА

От автора

Интимный ли жанр — дневник? Конечно, существуют дневники Гонкуров, конечно, свои знаменитые дневники писал Достоевский — нет-нет ни на что не замахиваюсь, отчетливо сознаю свое место. Мы, низкорослые ребята, раньше всегда писали дневники как бы только для себя. А разве кто-нибудь не начинал писать в десять лет, потом — в семнадцать, потом создавал свой лирический дневник из стихотворений к любимой девушке… Потом начинал лет в тридцать. Я тоже начинал, потом забрасывал дневник. Писать — это когда он пишется сам, когда хочешь или не хочешь, а садишься за стол. А вот что тебя заставляет писать: неудовлетворенность жизнью или избыточность ее счастья, или необходимость зафиксировать нечто важное и мимолетное, что происходит вокруг тебя… Или, может быть, это стремление дать реванш обстоятельствам. Вот, говорят, на миру и смерть красна — это русская манера говорить что-то резкое и нелицеприятное при стечении народа. А я и мой Дневник — это уже множественность.

Я думаю, что побудительный мотив к написанию дневника — мысли о живых.

Русский человек, всю жизнь чувствующий над собой Божью десницу, никогда не стремился к какому-то продолжению земной жизни после смерти, никогда не стремился к форсированию памяти о себе… На русских северных погостах на могиле ставился деревянный крест, никаких камней с высеченными именами — это все западные затеи; и хоронили в ту же могилу снова довольно скоро, как только крест сгнивал. Уже второе, третье поколение смутно помнило о могилах, но, конечно, это не значило, что забывали лежащих в них. Впрочем, великий Пушкин об этом говорил в своих письмах исчерпывающе.

Так вот, побудительными мотивами к написанию дневника все-таки являлось обращение к живым, тайная мысль, что после смерти эти строчки могут оказаться востребованными — детьми, внуками, правнуками, отсюда можно было черпать опыт пращуров. Могли воспользоваться дневником как неким документом юридические инстанции, правый или неправый суд, в дневнике можно было свести счёты с врагами, отблагодарить друзей. В дневнике можно было поговорить с Богом. И опять прародителем этой мысли был Пушкин.

Другая мотивация для написания дневника — это, кроме собственного учета внутренней жизни и поступков, еще и организация своей жизни, организация своего внутреннего

духовного начала и своего быта. Иногда дневник был исповедью перед Богом или собственной совестью. А вот что касается дневников писателей, то все они, как мне кажется, обращены к современнику. Впрочем, границы и преференции этих начал стираются, одно переходит в другое. Можно ведь говорить с Богом и одновременно быть тщеславным. Большинство писателей писали дневники с уверенностью, что они будут изданы.

Я начинал свои дневники несколько раз. Первый раз в детстве, тогда было модно писать дневник, но быстро бросил. Мне всегда казалось, что и жизнь моя не так интересна для дневника, и событий я увлекательных не находил, а самое главное, наверное, я не находил стиля и ракурса, в которых мои собственные дневники были бы написаны совместимо с моей духовной жизнью. Я уже вроде махнул на это рукой, но жизнь двигалась, что-то выпадало намертво, время было не остановить. Да и что время — я уже давно привык к тому, чтобы ничто здесь не задерживалось: ни собственные переживания, ни интересные впечатления, ни собственные, пускай и не средневековые, но дорогие каждому страсти.

Но уходили люди. Пришло время, когда почему-то один за другим стали уходить из жизни мои сверстники, друзья… Больше всего в то время меня потрясла смерть Юрия Визбора. Он был первый из них. Я работал с ним на радио, в иновещании, и это был первый мой ровесник, который вдруг выпал во всенародную славу. Хоронили мы его на Кунцевском кладбище, было много народу, мелькали лица людей, которых я знал. Мне было удивительно больно…

На кладбище я встретил еще одного нашего приятеля, ныне также покойного, — Игоря Саркисяна. Начиналась перестройка, всё трещало… Игоря я даже не взялся подвезти на машине, не хотел, чтобы он знал, что у меня есть автомобиль, как бы щадил его самолюбие. А Игорь был потрясающим поэтом. Я ехал по Кутузовскому проспекту, очень боялся, что в кого-нибудь врежусь, а дома, открыл большую конторскую книгу, давно лежавшую без дела, и написал первую строку. Я просто не знал тогда, что так я начинаю свой Дневник.

Я решил писать только о друзьях и людях, которые уходили и были мне, по тем или иным причинам, дороги. Может быть, такое решение я принял под влиянием «Мольера» Михаила Булгакова, в котором один из персонажей, актер, ставит в хронике театра крест в дни несчастий. Крест давал анонимность персонажам жизни. Об этом знали лишь герои случившегося и летописец. Возможно, в свое время из этих записей получилась бы небольшая книжка об ушедших друзьях — дни у меня теперь такие, пора

подводить итоги. Подобную идею прекрасно осуществил писатель Эдуард Лимонов, выпустив в 2000 году блестящую «Книгу мертвых» — мемуары и воспоминания об ушедших друзьях. Какие здесь Лимонов раздал характеристики некоторым персонажам, как точно, а порой как зло…

Потом рядом с датой смерти Ю. Визбора и написанными о нем строками появилась вторая запись, а потом пошло… Я тогда не писал каждый день, и когда начиналась моя «художественная» деятельность, когда у меня шли роман, повесть, рассказ, даже статья — Дневник отодвигался. А потом опять выходила на авансцену конторская книга. Очень медленно эта книга росла. С мартирологом у меня не получилось. Сначала я еще что-то записывал, а потом испугался остаться возле одних только могил. Но, тем не менее, иногда я что-то в большой бухгалтерской книге оставлял. Описывая события, я не старался фиксировать время в надежде, что, в конце концов, есть газеты, они все сохранят. Писал я от руки, потом начал вклеивать в текст билеты в театры, которые я посещал, потом стал вносить туда цитаты из полюбившихся мне статей, вернее, из статей, которые меня обожгли. Тогда обо мне много писала литературная пресса, в Дневнике стали появляться цитаты, я доспоривал с оппонентами, старался писать всё это покороче и пояснее. Работа у меня тогда не была такой интенсивной, я практически был на свободных хлебах и много занимался — опять, стыдясь, повторяю — «художественной» формой.

Для чего я писал Дневник? Конечно, было некоторое желание, чтобы вода в ведре не высохла. Я замечал также, что в Дневнике часто формулировались мысли, которые потом развивались в то, что я делал в прозе. Иногда в Дневник я вставлял наклёвушки сюжетов. Я вообще считаю, что писатель должен все первично формулировать с карандашом в руках. Поэтому на всех выступлениях и на всех встречах я бываю с записной книжкой.

Дневник позволяет часто ставить собственные точки в спорах — если хотите, брать реванш, конструировать собственные ответы и слышать собственные неудачи. Дневник позволяет также и не завираться — как мы подчас завираемся в обычной жизни и в традиционных спорах. Дневник — это диалог с жизнью и о жизни. И, как обычно бывает, дневник — некоторая надежда оставить за собой последнее слово.

Когда писание Дневника стало моей нравственной потребностью? Не тогда ли, когда в мои простенькие записи вторглась политика, потом работа, служба в институте? Или когда вдруг дневник стал чуть ли не моим основным жанром?..

Как бы там ни было — настал момент когда мой Дневник из личного жанра перешел в жанр публичности.

Конец века. Выходит эта книга с тремя годами моей жизни»… Но жизнь продолжается в новом веке, и Дневник все пишется…

1998 год

1 января, четверг.

Новый год встретили вдвоем с В. С..[1]

Как ни странно, и как обычно, это оказалось и без нервов, и интересно. Яств особенно никаких не было. Полдня я трудился над становящимся традиционным фаршированным судаком. Были еще три или два салата и копченый палтус. Из всех безумств телевизора мы выбрали НТВ — «Песни о главном-3» проигрывали традиционному вечеру НТВ. На этот раз было попурри из знаменитых классических номеров в исполнении эстрадных артистов. Особенно хорош был Киркоров, который, в перьях и стразах, пел, подражая герою фильма о кастрате Фаринелли. Чувствовалось, что ему самому это очень нравилось, он наслаждался. Понравился также Леонтьев, певший что-то классическо-инструментальное на манер ансамбля мужских и женских голосов, инструментовавших раньше под «ба-бо-бу» Баха, и какой-то не узнанный нами немолодой певец, исполнивший «Устал я греться у чужого огня». При этом на нем была надета маска сварщика, в общем, смешно и остроумно. Как всегда, на балу НТВ были все их ведущие и полюбившиеся гости. Неестественны и ненатуральны были почти все, но особым внешним лицемерием отличались Хакамада, все разыгрывающая из себя девушку, и Костиков — владелец прессы прошлых лет. Из усов Евгения Киселева и с голых плеч Светланы Сорокиной выпирали деньжищи, которые им заплатили, наверное, за эту непринужденность и веселость. Не устаю каждый день говорить, что журналисты очень хорошо устроились, очень неподкупное племя. Через всю программу мучили животных: сначала президент компании Малашенко выводил бычка, который символизировал старый год, а потом кто-то из певцов пел с тигренком, который еще не умеет по-настоящему укусить.

Перед развлекательными программами что-то с телесуфлера считывал президент. Его речь, как всегда, была неискренна и неумна. В самом конце, создавая эффект сиюминутности для этой записи, из-за кулис появилась его семья и принялась чокаться шампанским. К сожалению, их показали мало, было бы интересно посмотреть на эту семью, все разглядеть, коли страна попалась к ним в лапы и их обслуживает.

2 января, пятница.

Вчера вечером пришел Эрк и, как всегда, принес стирать

сумку белья. Две закладки сделали вечером и одну утром. У Эрка в диване даже хранится свое белье: пододеяльник, простыня, наволочка. Утром он погулял с собакой, потом мы втроем делали бефстроганов, под вечер запеканку.

Весь день читал монографию о Плеханове. Корю себя, каким малограмотным и самонадеянным человеком я сел за роман о Ленине. Ночью еще прочел Марину Шаповалову, студентку из семинара покойного Шугаева. Девочка она безумно честолюбивая, со способностями: головными, высчитанными. Все время что-то философствует, выкаблучивается. Рассказы ее, в том числе и последний по времени (о какой-то ведьме), взросшие на почве чужих школ и нашего стремления к пьянству — дань моде и времени, — откровенно плохи. Много манерности, страсти к половухе, нет у нее рассказа или повести, где она не упомянула бы гомосексуализм. Настрадалась от него, что ли? Кстати, лучшая у нее повесть — о жизни еврейской семьи и об ее эмиграции. Это по-настоящему хорошо. По проблематике, времени, материалу это напоминает мои «Мемуары сорокалетнего», но мы с этим покончили двадцать лет назад.

Чувствую себя плохо, силы уходят.

4 января, воскресенье.

Весь день разбирался с бумагами, по-прежнему бумажку кладу к бумажке, вырезки раскладываю по папкам, как будто собираюсь прожить еще сто лет.

Вечером ходил в театр «Сопричастность» на улице Радио, где Игорь Сиренко поставил под названием «Без солнца» горьковское «На дне». Все это интересно, я с удовольствием смотрел и слушал великий текст. Восприятие его с возрастом становится совершенно другим. Удивился тому, как хорошо этот текст знал Сталин, по мере движения спектакля вспоминались раскавыченные цитаты из «отца народов». Во время этого спектакля возникло и ощущение обмана — в знаменитых фондовых радиоспектаклях текст, оказывается, был весь размылен, все уходило в роскошные интонации мхатовских актеров-классиков. Героем у Сиренко, как, чувствуется, и в пьесе, стал Лука. Играет его молодой, что, кстати, правильно, Владимир Михайлов. Во всяком случае, нет ни седой бороды, ни армяка. Ведь Луке может быть и лет 45 — по тем временам возраст почтеннейший. Понравились еще Александр Шишкин — Клещ, Михаил Жиров — Костылев и Коля Тыртов — Барон. Коля и его жена Наташа Кулинкина играли еще в моем «Сороковом дне».

Из последних политических событий: если не будет выполнено требование шахтеров, то они начнут бессрочную

всероссийскую забастовку. Требование у них простое — досрочные перевыборы президента и Думы.

5 января, понедельник.

Часто мы совершенно не можем интерпретировать свершившиеся события. И я посмеялся над состоявшимся конгрессом интеллигенции, и все газеты посмеялись. Даже наш студенческий журнал издевательски отозвался о сопутствующем «Большому конгрессу» малом конгрессе «Молодой интеллигенции». И только потом я в своих бумажках нашел крошечную вырезку из «Российской газеты» (26.09.97 г.), озаглавленную «Распоряжение Правительства Российской Федерации»: «Выделить в 1997 году организационному комитету учредительного съезда движения «Конгресс интеллигенции России» за счет резервного фонда Правительства Российской Федерации 1 млрд рублей на частичное возмещение расходов, связанных с подготовкой и проведением учредительного съезда движения «Конгресс интеллигенции России». А я-то по наивности думал, что резервный фонд — это на землятресения, пожары, стихийные бедствия, на сирых и убогих. Теперь понятно, почему вполне серьезные люди вроде Ю. Черниченко — я помню его вместе с А.Яковлевым в президиуме первого «молодежного» съезда в ЦДЛ, я, кажется, об этом писал в дневнике — почему эти серьезные люди схватились за такое дело.

По ТВ передают о фестивале памяти С. Михоэлса в Большом театре. Диктор без тени сомнения говорит о том, что актер был убит по личному распоряжению Сталина. Говорят о миллионах долларов, которые Михоэлс привез из Америки, и ни слова о том, какие контакты он там имел и подо что эти миллионы дали.

Вечером звонил Витя, двоюродный брат В.С., ныне житель Германии, кандидат наук. Он на побывке в Москве. Не о Крыме ли шла речь еще тогда? В Германии в качестве беженки у него сестра, тоже, кстати, доктор наук. Витя с его крепкими к науке мозгами никогда бы не поступил в мединститут, а Лена, ненавидящая специальность и больных, никогда бы не стала доктором наук, если бы не их отец дядя Сеня, выдающийся ученый, который никуда не хотел из России уезжать. И не при советской ли власти этот, правда, гениальный, местечковый еврей получил и свою науку, и свое образование? Кстати, его дети выехали из страны как преследуемые по еврейской линии. Витя сейчас служит парковым рабочим, обрезает сучья, собирает листву, копает ямы под посадку деревьев, но зато «весь день на свежем воздухе». Никакой гордости у бывших советских людей, одна лишь страсть к добротной немецкой колбасе. Но какое

замечательное качество у немецких налогоплательщиков так терпеливо содержать людей, уже поменявших одну родину.

6 января, вторник.

Утром написал Ф. Легге письмо относительно Дней Литинститута в Марбурге и конференции «Учитель и ученики», посвященной Ломоносову и Вольфу. Последнюю я хотел бы посвятить памяти Е.Н. Лебедева, и никакая это не месть, не попытка воевать с мертвым и доказывать свою правоту, а последовательная линия. По-своему покойник был известен. Хотя, с моей точки зрения, и запятнал себя интригой, но по сути дела об этом досконально знаю только я, а у всех остальных осталась в памяти несправедливость, якобы допущенная по отношению к нему. Мне действительно не с кем доспорить, спорить с умершим не хочу, поэтому молчу и взываю к чувству справедливости по-другому. Разберемся на небесах.

С одиннадцати часов сидел на госэкзамене по итальянскому языку у переводчиков. Все осложнялось старым конфликтом «институт — студенту», «студент — институту». Внезапно у нас появилась возможность отправить четырех девиц на стажировку в Италию. Евгений Михайлович Солонович отобрал кандидатуры. Это — Черепейникова, Женя Титунова, с которой у меня и у Елены Алимовны Кешоковой был конфликт три года тому назад, Бобылева и Катя Степанцова. Стал на дыбы Сергей Петрович: Титунову мы исключали из института, а Степанцова отказалась под каким-то детским предлогом помогать во время приезда к нам в институт студентов-итальянцев. Можно представить, как парень накалился, если написал мне по этому поводу докладную на четырех страницах. Я разделяю его гнев, потому что тоже намыкался с этой вечной неблагодарностью студентов, их индивидуализмом, стремлением только взять, не желая ничего дать взамен. В этом смысле они почти все советские люди, которые привыкли к «нам положено». Их родителям было положено бесплатное образование, за которое платило государство, а уже их образование государство оплачивает лишь на 40 процентов, а остальное добывают такие «бездари» и бездушные «тупоумцы», как мы с Толкачевым. Нажим идет страшный. В результате этого решили все же Титунову простить, начинала она, что ни говори, ничего не соображающей девчонкой, я помню также ее мать, одетую бедно и плохо. Но на Степанцовой, которая считается «лучшей ученицей», мы оба зациклились. Поэтому во время экзамена витал дух сопротивления — доказать мне, что я душитель, невежда, взявшийся судить даже о степени знания итальянского языка. Но

я простенько в переводах, в том числе и Степанцовой, сделанных во время экзамена, подчеркнул стилистические ошибки. В русском-то языке, надеюсь, все догадываются, что я кое-что понимаю.

В городских газетах появились язвительные заметки относительно постоянных отпусков Ельцина. «Московский комсомолец» даже подсчитал, что за полтора года после его избрания он не был на работе полгода. Его отсутствие, впрочем, как мне кажется, никому не мешает, мешает злонамеренность его присутствия.

7 января, среда.

Весь день читал монографию Тютюкина о Плеханове и журнал «Пушкин», который выпускает мой любимец Марат Гельман. Это чтение заинтересовало меня так, как когда-то интересовал до дрожи «Театр». Выписывать литературоведческие цитаты не стану, но одну политическую приведу. Ефим Островский «О несвоевременности мемуаров в России»: *«Очевидно, подавляющее большинство политиков, участвовавших в перестройке России, изначально вовсе не были ни агентами Запада, ни агентами криминальных контрэлит. И ответ на вопрос о том, желали ли они сохранения и увеличения могущества России, однозначен: конечно, желали. Однако, выйдя в политической борьбе на передовые позиции, новые деятели перестройки встали перед драматическим выбором. Их профессионализация требовала источников средств, но законы страны не давали им возможности добывать средства законным образом. Ситуация осложнялась еще и тем, что сама связь между политикой и деньгами представлялась общественному сознанию и сознанию элит как «преступная», «незаконная».*

Дальше идет довольно длинное рассуждение о старых и новых элитах. Мысль не новая. Когда пахнет деньгами и властью — сдают принципы. Интересно, по Е. Островскому, рассуждение новых: «*криминальные элементы» советской системы станут добропорядочными гражданами в системе постсоветской; а те, кто был врагами Страны, когда она называлась СССР, вдруг превратятся в ее друзей, как только она начнет именоваться Россией. Этого не случилось. И не могло случиться».*

Следует очень занятный, казалось бы, вывод:

«*Я полагаю, что за воплощение в жизнь преступного сценария не ответственны ни «перестроечники», ни «антиперестроечные» политики. Ответственность за преступные, противозаконные последствия реформ ложится на тех, кто создал неполноценные парадигмы из тех и других.*

За антиобщественный характер прошедшей перестройки ответственны те, кого можно назвать «концептуальной элитой», те, кого мы именуем «гуманитарными технологами» и к которым причисляем и себя». Конец, как говорится, цитате. А за ней я вижу целый сонм известных и для меня абсолютно конкретных журналистов, писателей, актеров, музыкантов, которые сотворили и обеспечили «выполнение» этой перестройки.

Умер Георгий Свиридов. Нам вместе в сентябре вручали медали к 850-летию Москвы. Среди присутствующих он был, конечно, самой знаменитой, обреченной на бессмертие персоной. Мне через несколько дней передал Володя Костров: «Свиридов на тебя обратил внимание и просил привезти тебя к нему домой». Я ответил, что с удовольствием поеду, но попозже. А вот теперь все это уже невозможно.

Я думаю, что композитор такого масштаба и такой национальной густоты в наше время уже невозможен.

По телевидению передали, что в С.-Петербурге Майя Плисецкая участвовала в показе мод Кардена. Удивляться этому не приходится: во-первых, он на нее шьет, а во-вторых, рекламирует же Михаил Горбачев «Пиццу-хат». Интересно, кто из наших великих актрис, вернее кто первой рискнет рекламировать прокладки.

8 января, четверг.

В два часа вместе с Володей Костровым поехали на квартиру Свиридова прощаться. Его жена, кажется, человек религиозный, мужа не дает на растерзание всяким общественным организациям. Жил Георгий Свиридов на Грузинской, я даже и не предполагал, что существуют такие квартиры и такие дома в нашей жизни. Но не в этом суть. Не в огромной, скромно обставленной, почти без мебели квартире. Лапником застелены пол в подъезде, лестница вплоть до шестого этажа, полы в квартире. Я положил свои скромные розы на гроб. Лицо Свиридова было обычно, как всегда; когда глядишь на него, то не веришь, что именно он автор гениальной музыки, божественных хоров. Зашел в кабинет, весь пол усыпан цветами. Рояль в центре комнаты выглядит сиротой. Мебели, кроме стола, тоже почти нет, слева на тумбочке стоит факс. Несколько картин. Место добычи руды и алмазов. В этой квартире пугает даже холодильник, вполне современный, — гений не пьет, не ест, летает на крыльях.

Здесь же, в спальне с двумя огромными кроватями, толпились «близкие» — Ганичев и Андрей Золотов со своей непременной бородой, я думаю, ждали телекамер. Спросили меня, поеду ли я завтра на отпевание в храм Христа Спасителя. Я представил себе,

как все наши отважные интеллектуалы будут становиться, чтобы отсветиться, позади Лужкова и Черномырдина, и сказал: «нет». Как обычно, был несправедлив и слишком к людям злобен.

Вечером включил канал «Культура»: Андрей Золотов берет интервью у уже покойного Свиридова, и это интересно и сердечно. Это его, Андрея, звездный час и его счастье, за которое он держится.

Вечером была и другая, если так можно выразиться, светская встреча. На пять минут я заскочил во МХАТ им. Горького к Т. В. Дорониной. Я ее должник и понимаю, что ничем за ее помощь во время моей избирательной кампании расплатиться с ней не смогу. В праздничный вечер хотел сделать ей что-нибудь приятное: отвез коробку конфет, белые розы и статуэтку Сергея Есенина. Бронзовой фигурке она была очень рада. Подарок был подобран со значением — авторская копия памятника, который стоит напротив МХАТа на бульваре. Не могу долго хранить подарки, которые мне постоянно вручают: они уезжают то к пожарным, то в министерство, то к гостям института. Я целовал ее прекрасную белую руку. Это одна из тех редких женщин, которые действуют на меня магнетически.

9 января, пятница.

Убили Евгения Цимбалистова — директора гостиницы «Россия», так объявил диктор телевидения. Убивают там, где рядом ходят деньги. Кажется, самая опасная профессия нынче — банкир. Совершенно перестал интересовать президент, правительство, интересоваться ими — это жить в их мрачном царстве. Продолжаю читать прекрасную монографию Тютюкина о Плеханове. Думаю о том, что в нашей стране сейчас удивительный классовый состав: делятся все не на богатых и бедных, это деление условно. А на мещан — это очень богатые: банкиры, бухгалтера в банке и в фирмах, продавцы в продовольственных палатках и ювелирных магазинах, рабочие на кладбищах и рабочие, нанятые турками на московские стройки — все они думают только об одном, об обогащении. Мещан большинство, мещане, может быть, почти все. Потом идут нищие — бомжи, пенсионеры, учащиеся институтов, педагоги, нянечки в больницах, врачи, машинистки в министерствах, лифтерши, гардеробщицы и прочие. Те, кому с трудом хватает того, что он достает или получает и кто не думает ни о каком будущем. Ни о чем величественном. Кому хватает сил только на то, чтобы исполнить свой долг, прожить день, и кто живет по принципу: куда выведет судьба. Есть еще прослойка людей духа: они что-то ерепенятся, суетятся, что-то из последних сил делают и думают,

что их жизнь на земле вечная.

Свиридова похоронили (опять со слов ТВ) в середине «Новодевичьего кладбища» рядом с Райкиным, Папановым, Пляттом. Не рядом с Булгаковым, Чеховым, Станиславским, Качаловым, Москвиным.

11 января, воскресенье.

Ощущение, что я иду по очень тонкому льду, когда не знаешь, где затрещит и ты окажешься в холодной воде — старость. Полюбил тупо смотреть по телевидению кинокартины. Не интересует ни сюжет, ни мелькание новых предметов, мебели, светильников, машин невиданных марок, новейшего дизайна — тупое мельтешение, мелькание кадров.

Со вчерашнего дня В.С. в Матвеевском.

13 января, вторник. Расписание: работа, подписывал бумаги, беседовал с Дм. Ник. о планах — поручил ему «встречи», потом ездил на телевидение к Шаталову, потом был в особняке МИДа, где состоялся небольшой прием и фуршет, посвященный 200-летию со дня рождения Пушкина. Интересно было лишь прекрасное чтение Э. Марцевичем стихов Пушкина и пение дивной колоратуры Ольги Чесноковой.

Интервью с Шаталовым прошло, как обычно, в темпе, довольно остро, хотя сделают из всего этого что-то свое и наверняка традиционно приспособленческое. Говорили об «Антибукере», лауреате Галковском с его «Бесконечным тупиком» и премиях вообще. Играют ли премии какую-либо роль в писательской судьбе? Я думаю, что для настоящего писателя роль играют только деньги на жизнь, чтобы накормить ближних и продолжать продуцировать без помех тексты и дальше. Не дали Нобелевскую ни Толстому, ни Чехову. А когда дали Шолохову за «Тихий Дон», ни для Шолохова, ни для признания «Тихого Дона» это не имело никакого значения. Когда Галковский отказался от премии «Антибукера», то это наверняка только литературные соображения. Значит, минимум денег есть, а вместо максимума он предпочел литературную славу. Отказ Пастернака от Нобелевской премии тоже лишь рассчитанный, и неплохо рассчитанный, литературный ход. Умер бы Пастернак, любимец всех режимов, от голода? Или с ним что-либо сделали? Отправили бы в лагерь? Исключили бы из Литфонда? Отобрали бы литфондовскую дачу, но осталась бы квартира в Лаврушинском переулке. Высылали Солженицына — ничего, кроме литературной славы и денег, ему это не принесло. Гонорары Солженицына — это одна из составляющих той цены,

которую Россия заплатила за перестройку, за разрушение страны и гибель социалистического образа жизни.

На студии, на лестнице, я встретил А. Н. Яковлева. Я, правда, знал, что Шаталов его записывает, и предполагал, что встреча могла бы произойти. Если бы он вошел в комнату и меня ему представили, я бы демонстративно не подал ему руки. Я прошел мимо него по лестнице, не поднимая глаз. Федя, который шел рядом, сказал мне позже, что вроде тот хотел что-то мне сказать. Демон перестройки спускался вниз, я поднимался вверх.

Говорили мельком, кроме прозы «Антибукера», о стихах и книге «Прощание с Нарциссом». Уже позже внес в свою записную книжку и теперь переписываю: «Постмодернизм — это метод, который позволяет большей части интеллигентной и грамотной молодежи, в основном еврейской, мечтающей стать писателями, но не обладающей настоящими способностями и, главное, адреналином, который надо на творчество тратить, создавать произведения, вернее, тексты, почти похожие своей внешней оболочкой на литературу, по крайней мере вследствие огромного количества иллюзий по отношению к настоящей литературе».

14 января, среда.

Жить стало легче. Потому что можно поступать менее осмотрительно. Все как бы уже позади, и нет смысла бояться за основной урожай. Сегодня в Доме литераторов видел, спускаясь по лестнице, как внизу на каталке санитары вывозили какого-то писателя, который или умер, или которому стало плохо. Не такая уж невероятная для меня сегодня ситуация. Уже без особой трагической паники думаешь, что всегда можешь оказаться в этом положении.

Был на вечере московской писательской организации, вернее, на вечере «Московского вестника». Насколько это интересней даже самого увлекательного смотрения телевизора. Неожиданно в выступлениях прозвучал панегирик Литинституту, как удивительному в России месту. Он интересно назвал общежитие — Бутырский хутор. Выступало довольно много писателей. Я еще раз удивился, как интересно пишут эти обрюзгшие, плохо одетые и неопрятные люди, как они талантливы, как глубоки, остроумны. Брагин в стихотворении о президенте: «Он ляжет на рельсы, когда перестанут ходить поезда».

Утром был в общежитии, смотрел, как ремонтируют душ.

Проезжая по Москве, я вдруг заметил, что, кроме храма Христа Спасителя и нескольких новейших зданий банков, все остальные новостройки в Москве — это лишь реставрации, пристройки, надстройки, достройки на старых фундаментах. Все

еще живет на хребтине старого, ныне проклинаемого властями государства.

Сегодня убили еще одного помощника депутата от ЛДПР, фамилии не помню, пропустил, даже было неинтересно. Это, как сказало ТВ, одиннадцатое убийство помощника депутата от этой партии. Убитому парню двадцать пять лет. Любопытно: почти всех этих предприимчивых политических деятелей, убивали сидящими в «мерседесах». А вот я в «мерседесе» не езжу.

15 января, четверг.

Ученый совет, где Ю. И. Минералов отстаивал свои права. Удивительный человек, интересный, полноценный ученый — и такой суетливый. Не хочет довериться судьбе.

Приезжало НТВ, взяло у меня интервью о новом гербе, флаге и гимне. Ельцин настаивает на принятии орла и триколора, палата готова проголосовать за старую эмблематику.

По дороге домой заезжал в Дом журналистов, где происходило празднество по случаю вручения газете «Гласность» ордена Октябрьской революции. Я говорил об отношениях правящей партии и оппозиции, об умении вести диалог с инакомыслием. Привел пример с премьерой «Ревизора» в Александринке, когда Николай I первым захлопал, а потом послал сочинителю кольцо с бриллиантом.

Лужков по телевидению согласился с Куликовым в необходимости превентивных бомбардировок, «упреждающем ударе» по отношению к Чечне, и сказал так о Березовском и Чубайсе: «Чубайс — автор правил незаконной приватизации, а Березовский воспользовался этими правилами». Что-то почти дословно.

Вечером после диализа приехала В.С. и устроила почти беспричинный скандал. Я могу без конца разворачивать у себя в уме причудливую ткань наших семейных распрей, но, по сути, это всегда разный взгляд на людей и их долг по отношению к нам. На этот раз все началось с сумки с ее норковым жакетом, которую Федя вроде обещал, а Сережа, которого вроде она просила забрать с ее работы, не сделал этого. Она была больна и сумку оставила. Сережа заболел и сумку не взял. Федя, который работает по 12–14 часов, про сумку забыл. Я во всем оказался виноват. Здесь еще огромное раздражение по поводу моей поездки в Данию. Ей ездить уже нет возможности, но к поездкам она по-прежнему относится, как относились мы все в советское время, как к явлениям приоритетным, выделяющим человека из массы. Я разнервничался, у меня стало плохо с сердцем. Утром, скорее из чувства протеста, я решил в Данию не ездить, отменить

командировку, хотя вряд ли я кому-нибудь что-нибудь докажу.

16 января, пятница.

Последний день на работе, твердо решил не ездить в Данию, но неделю отсидеть дома. У меня по меньшей мере 56 рабочих дней отпуска за прошлый год.

Днем заезжали Шувалов и Юра Беляев: с Академией не получается, решили, что организацию президиума, научных коллегий и Приемной коллегии возьмет на себя институт. Беляев во что бы то ни стало хочет где-нибудь получать зарплату за свои заслуги по пробиванию Академии и побаивается, что я начну интересоваться всеми людьми, которые попали в список этой Академии. Волнуется он за Валерия Поволяева, на счету которого десяток скверно написанных книг, а также элевации с Российским Литфондом; в список членов-корреспондентов вставили и жену Юры.

Вечером были «мои коммунисты» — штаб выборной кампании. Мы выпили две бутылки водки и съели огромный торт, который я купил. Были очень интересные сведения по выборам. Конечно, эти выборы выиграл я. Я добился результата без денег, хотя Копкина, которую поддерживал Боровой, истратила, по слухам, 200 тысяч долларов. Морозов — связанный с собственным, личным, огромным и не всегда прямым бизнесом — чуть ли не полтора миллиарда рублей. О Катушенке и говорить не приходится. У этих молодцов была возможность послать каждому избирателю по индивидуальному письму, благо технология была отработана еще при выборах Лужкова. Что касается Катушенка — то косвенно он свою кампанию начал за много месяцев раньше, стоя вместе с мэром у ковша городской благотворительности. Здесь платила и платит мэрия. Оказывается, мэрия пять раз проводила социологические опросы, которые докладывались только своим людям. Очень интересна была и ночь подсчета голосов. Случилось, как мы и предполагали, все, что и «планировалось»: сначала поломка компьютеров на избирательных участках, потом они заработали в одну сторону, на выдачу информации, потом — отключилась вся компьютерная сеть. Чем точнее и механизированнее счетные инструменты, чем дальше все от человеческого глаза, тем легче все сфальсифицировать. Чтобы закончить с этой темой, надо сказать, что в двух из трех избирательных участков, где избиратели почти недоступны для индивидуальной пропаганды и должны делать выбор на основании самых элементарных документов, без давления и без подарков — комплектов постельного белья: в СИЗО, в тюрьме и больнице — победил я. Как положительный

результат можно рассматривать и то, что не прошел никто из знаменитых «демороссов»: ни Новодворская, ни Боровой. При выборах в прошлую Думу места распределялись так: «демороссы» — 31 % (ныне их только 7 %), «Яблоко» — 3 %, НДР — 1 %. И все же какое невероятное раздолбайство творится у коммунистов! Надеясь на меня как на одного из надежных кандидатов, они тем не менее послали меня в округ, где поражение любого кандидата было заведомо очевидно, кроме одного, много и давно дающего. А этот номер, когда Подберезкин выдвинул себя в последний момент в Центральном округе? Теперь ясно, почему он не отдал этот округ мне, когда я у него, при распределении, этот округ просил. Почему мне не отдали округ, где я живу? При всем желании победы блоку были и свои личные маленькие расчеты.

18 января, воскресенье.

Вечером в «Итогах» Киселева выступал Анатолий Гладилин. Его племянник Никита, сын Валерия, преподает немецкий язык у нас в институте. Эрк говорит, что Никита владеет языком без акцента. Валера был приятелем В.С. Сейчас он лечится где-то возле Мюнхена от туберкулеза. У меня такой возможности нет, и никогда не появится. С одной стороны, хочу повторить: умеют эти люди устраиваться. Валера никогда не был человеком выдающихся и даже достаточных способностей, но вот живет. С другой, попадаются же в этой популяции очень славные и соображающие ребята. Толя, с которым я встречался еще в Копенгагене, мужик открытый, без крутни. Но это, видимо, уже талант подталкивает. На этот раз он сказал приблизительно такое: ребята, русские писатели, сидите, и, если вас хоть немножко печатают, не рыпайтесь. Я сделал очень большую ошибку, что уехал, меня даже Сахаров об этом предупреждал. Все бы постепенно наладилось, годика через два-три меня начали бы печатать, потом выбрали бы Секретарем СП… Интересно и жалко, пропал парень. В юности был милый, добродушный, всегда прыщавый…

Весь день читал Ленина, второй том. Сам классик марксизма-ленинизма дарит мне материала значительно больше, чем все монографии, которые я накупил. Он дает массу мыслей по поводу сегодняшнего дня. Как и всегда при столкновении с Лениным, я думаю о том, какой это был любопытный и интересующийся человек. Какие замечательные проблески языка. Читаю еще потому, что любопытно, потому что местами наслаждаюсь языком. Беда нашего времени в том, что ни один из наших вождей не знал как следует экономики и марксизма. Взять на себя ответственность — это значит отвечать. Три раза Ленин

менял внутреннюю политику государства: военный коммунизм, продразверстка, нэп. Не получалось, пробовал следующее. Жизнь должна была подсказать…

Меня буквально потрясло мимолетное сообщение диктора, комментирующего покупку одной из российских нефтяных компаний, группой банков: «Судя по этой покупке и ее цене, время первоначального накопления капитала у нас закончилось». Люди, оказывается, у меня на глазах создавали миллиардные капиталы, а я копал грядки на даче и писал книжки. Я думал, что анимаюсь настоящим мужским делом.

21 января, среда.

Из событий последних дней — звонок Игоря Любинского. Он разыскал Витю Шелягина, с которым я не виделся с 1965 года, когда переехал из квартиры в Гранатном переулке — на Бескудниковский. Завтра поеду на «стрелку». Будет еще Игорь Егоров по кличке Граф. Это будет подведение наших мальчишеских итогов. Все подавали бешеные надежды, все претендовали на место в жизни.

К трем часам поехал на «литературный обед» и вручение «Антибукеровской» премии. Все это состоялось в ресторане «Серебряный век» (название сугубо литературное) и находящемся напротив (само вручение) трактире «Аркадия». Места исключительно хорошо знакомые. В этой самой «Аркадии» был расположен буфет первого разряда Центральных бань, а в «Серебряном веке» — высший разряд Центральных бань. Нет смысла описывать мои чувства, я всегда бываю против, когда в городе исчезает какое-либо социально доступное учреждение и возникает что-то элитное, не для всех. Ресторан, конечно, шикарный, с хорошей мебелью, отличной кухней, но когда я поднимаю глаза к изумительному мавританскому потолку, оставшемуся еще от старых времен, невольно вижу под сенью этих расписных балок голых мужиков и банщиков, угодливо несущих пиво.

Дмитрий Галковский, как известно, от премии отказался, в своем письме в «Независимую газету» он писал что-то о невозможности для него есть севрюжину с хреном в тот момент, когда вся страна голодает. Севрюжины, кажется, на очень изобильном столе не было. Но икра красная и черная, расстегайчики, что-то из ветчины, крученное в желе, балыки, осетрина и пр. — имели место; так же как и хрен. Но вообще у меня ощущение, что «Бесконечный тупик» всеми не прочитан — какое яростное сочинение. Обидно, только что парень лишился 12 тысяч долларов. Сам по себе отказ от премии уже не вызвал,

как раньше, какой-либо скандал. Кстати, присутствовавшая на вручении министр культуры Дементьева предложила отдать эти деньги на нужды какой-либо районной библиотеки на родине отказанта. Поступок весьма дамский и, как мне кажется, рассчитанный на телевидение. Наша литературная публика и творческая интеллигенция уже очень хорошо знают: как стать, каким образом, какой совершить общественный поступок, чтобы оказаться под светом лакомых телевизионных объективов. В этом смысле интересно было, как члены жюри заранее садились во время вручения АБ на свои места — в президиум. Мест не хватало, и наблюдалась суматошная борьба тщеславий. Я загодя не стал садиться за стол, а болтал с Володей Бондаренко и Светланой Беляевой. Она сменила имидж и теперь ходит в блондинках с крошечными «средневековыми» очками. Была сутолока, лиц знакомых тьма. По своему обыкновению никого не помнить, я все время спрашивал. Так, я не узнал очень постаревшего Битова и спутал очень суетливого толстого человека, не распознав в нем бывшего посла в Израиле Бовина.

Теперь о литературном обеде. Идея хорошая, потому что, на минуточку перестав есть, писатели должны были слушать речи своих собратьев. Я помню, как, затаив дыхание, слушали ирландцы нобелевского лауреата Хини. Слушать в качестве «запевал» Иванову и Латынину никто не стал. Мысль о единении литератур не осуществилась.

Интересная вещь: за самым крайним к стенке столом посадили меня, Ю.И. Беляева, Володю Андреева, Володю Бондаренко, атташе американца и пр. Ну мы-то, русопяты, понятно, но американца! Я злобно пошутил, что Америка должна принести по этому поводу протест.

Из самого интересного: это знакомство с Александром Гольдштейном. Мой первый взгляд на его книгу был несправедлив. Начал читать и не смог оторваться: умно, плотно, хотя и несколько цветисто. Это умные, просторные тексты, которые я люблю. Прекрасное соблазнительное чтение. Я полагал, что Гольдштейн это шестидесятилетний, моего возраста, еврей. Худенький, моложавый сорокалетний человек. Сказал ему, что хотел бы видеть его читающим лекции нашим студентам, но не знаю, как это сделать. Приглашение в институт зарубежного профессора — дорогостоящее дело.

22 января, четверг.

Вечером поехал встречаться с ребятами из моей прежней компании. Большинство я не видел лет 30–35. Долго искал дом, но наконец отыскал на Плющихе. Первый этаж, старинная

четырехкомнатная квартира, большая кухня с посудомоечной машиной и старинным буфетом, моложавая, радушная жена Галя, прелестные и воспитанные дочки, старшей лет 18 — это все Игорь Егоров, по нашей дворовой кличке Граф. Больше всего, конечно, меня интересовал Виталий Шелягин. Здесь было больше претензий, больше решительности и нахрапа вундеркинда, наиболее увлекательно разворачивалась его судьба. И, похоже, как много, по сравнению со сверстниками, ему было дано: Виталий с восьмого класса побеждал на разных городских математических олимпиадах, без каких-либо внешних трудностей поступил в самый престижный вуз столицы той поры, в Физико-технический институт, играл на гитаре, выхватывал и забалтывал прекрасных девушек, после окончания института махнул на несколько лет на Курилы начальником каких-то то ли метереологических, то ли сейсмических станций. «Ищи меня сегодня за тысячу земель, за океаном, за большой водою». За столом Витя признался, что в юности поставил своей целью объехать весь мир. Побывал везде, кроме Австралии. В русле своего образования поменял десятки профессий. Мягко, не хвастаясь, говорил, что денег было достаточно по сравнению с тем, что платили в Москве. Было куплено несколько машин. Я молчал, не пил, улыбался. Я понимал, что должен вести себя скромно, уже самое мое появление на этой пьянке ставит ребят в своеобразное положение. И особенно Виталия. Слишком часто мелькаю на телевидении, слишком много титулов, слишком много книг. Наше соперничество началось с детства, мы ведь познакомились с четвертого класса. А когда у Виталия появилась компания, я к ней только примкнул. Своей компании у меня не было никогда. Я был словно младший, они все были горнолыжники, туристы, отличники, путешественники. Мои стишки и заметки в газете не ценились, всем казалось, что заметочки эти они могли бы сочинять лучше. Все это грех времени. Эпоха на первое место ставила физиков. Витя очень интересно, уже подшофэ, рассказал о том, как я не поступил в институт. Поперло скрытое, мясное, сокровенное. «Поступить в институт нам после десятого класса казалось элементарным. Сережа не поступил — значит, он парень второго сорта… Потом его забирали в армию, и он, пьяный, клялся: «Ребята, я вернусь через год, я вернусь…» И он действительно через год вернулся. Постучался в дверь и зашел…

У меня сидела компания, и вдруг появляется Сережа (я записываю весь этот монолог почти дословно, так он меня потряс продуманностью и точностью деталей), вернулся, как и обещал. «Я представляю, ребята, как Сережа тогда на меня обиделся. Ему,

наверное, стоило неимоверных усилий вернуться в обещанный срок. А здесь никто на него внимания не обращает, отнеслись как к рядовому явлению: садись, пей вино, выбирай барышню».

Собственно, мы уже к этому времени давно стали жить по разным орбитам. В армию я попал не на следующий год, как держал экзамены в институт востоковедения, а через два года — уже проработав в Ташкенте в военном театре один сезон и поступив на заочное отделение в университет. У нас у всех оказались свои интересы, у ребят еще молодые, а у меня нормальных молодых интересов никогда не было. Я никогда с удовольствием не играл в футбол, никогда не любил играть в карты, не любил тусовок, танцев, коллективных походов в театр, турпоходов. Единственный в моей жизни большой туристический, в частности, байдарочный поход был в компании с Игорем Любимским по Валдаю. Как до сих пор я ему за это благодарен. Но пора возвращаться к теме.

Потом Виталик предпринял следующее на меня наступление. Заговорили о партии, Виталик в нее вступил, Игорь Любимский в нее не вступил, Игорь Егоров в нее вроде не вступил, поэтому, дескать, не сделали и карьеры. И здесь я ничего не стал возражать. О том, что, возможно, кое-кому этого и не предложили, что для этого надо было предпринять определенные усилия, это любого крепко ограничивает, если он честный человек и готов исполнять взятые на себя обязательства в действиях, в словах, в стремлении поблистать на кухне, в поступках, даже в уровне честности. Но про себя я подумал, что я единственный из всех, кто ни разу не изменил своему призванию и делу. Виталий, рожденный теоретиком, соблазнился легким воздухом. Свободной, без ежедневной явки на работу, жизнью. Пейзажами редкой красоты, которые всегда перед глазами, возможностью каждый день жить на курорте в Антарктиде ли или на Камчатке, питать сетчатку глаза новыми впечатлениями, а сознание — прихотливыми коллизиями жизни. Сейчас пенсионер, и нет планов, а впереди суд по разделу дачи: с сестрой Татьяной и младшим братом Сергеем. В принципе дело привычное и типичное для московской интеллигенции. Егоров в начале перестройки плюнул на свою геологию, которую так все в свое время любили, потому что она представляла собой определенный образ жизни, и стал заниматься горючесмазочными материалами. Может быть, отчасти повезло Игорю. Много лет назад у него появилось хобби — вместе со своими друзьями-физиками он стал плотничать, а именно — строить дачи. В этом смысле хобби стало основной работой, приносящей и удовлетворение, и деньги, а работа лишь фантом былых интеллектуальных удовольствий. Вот

так я думал обо всем происходящем. Уже в двенадцать ночи, мы вышли все во двор, чтобы идти к метро. Я посмотрел на воробьиную фигурку Виталика, на его легонькую (все молодится), курточку. Вспомнил все лучшее, что меня с ними связывало, а главное — годы советских, полных надежд, лет, когда мы все пополучали свое высшее, без всяких забот, образование, вспомнил его шевелюру, абсолютно седую и такую похожую на шевелюру моего покойного отца. Чего нам теперь-то делить — пенсионерам? И все пенсионеры поплелись к метро.

23 января, пятница.

Сегодня, во время парламентской дискуссии о государственной эмблематике, генерал Макашов, явно рассчитывая на еврейскую, очень обильную часть Госдумы, выразился приблизительно так: «А вам, любителям трехцветного флага, скажу: триста лет вы жили в черте оседлости, откуда вас вызволила советская власть себе на горе».

26 января, понедельник. Как негр, даже не имея времени поесть (попросил из столовой принести мне бутерброд), весь день просидел на работе. Вбивал в мозги своему коллективу, что студенты должны жить в общежитии. Несмотря на то, что могут наши интеллектуалы-несмышленыши нагадить прямо на пол возле туалета, потому что другие несмышленыши в туалете вывернули лампу. О том, что студенты должны жить лучше, поэтому им надо ремонтировать в общежитии кухни и душевые, но тем не менее делать это, не воруя и не давая воровать с этого никому. Разговоры о хозяйственных методах постройки. Потом долго ругался с Беляевым и Шуваловым по поводу академии. У нас разное представление о том, что она собой представляет. Для ребят это звания, для меня политический и рабочий инструмент. Юра Беляев все время тасует по-приятельски список академиков и членов-корреспондентов, наращивая их число. Все академики говорят только о грамотах и удостоверениях, а не о непосредственной работе. Я требую созвать хотя бы президиум. Кстати, президиум тоже вырос на два человека: неизвестно по чьей воле и во имя чьих интересов. По-моему, его наращивают только для борьбы со мной. А со мною не нужно бороться. Я готов удовлетвориться званием и должностью академика и писателя. Все незаконно, потому что без общего собрания, вопреки уставу были выдвинуты и президент, правда, бесспорный — В. С. Розов, и вице-президенты, в том числе и я. Появилась нелепая должность президент-координатор. Вечером я собрал своих, институтских академиков: что делать в этой ситуации? Решили пока подождать, хотя я настроен решительно все это похерить. В

пункт академии надо ввести: «об участии членов только в одной российской академии», их теперь много, как грибов осенью, исключение должно составлять только участие в РАН.

Вышел в свет сборник-справочник московских писателей с претенциозным названием «На пороге XXI». Здесь 473 статьи и столько же портретов писателей. Тонкость заключается в том, что все эти статейки написаны лично писателями. Материал вполне саморазоблачительный, в лучшем случае, нормальным писательским языком написаны полтора десятка этих аннотаций. Такое ощущение, что идет парад изношенных вещей.

27 января, вторник.

Вторую половину дня был на работе, хотя вроде бы объявлены четыре дня «здоровья» — все равно все воспользуются каникулами и на работе никого не будет, лучше отпустить самому. Ночью очень болела грудь, неотступный неимоверный кашель, что делать, не знаю. В больницу ложиться бесполезно, да и на работе много незаконченного. Главное при всех условиях — никому не жаловаться.

Вторую половину дня подписывал кассовые бумаги. Среди них обнаружил заявление Н.Буханцова об оказании материальной помощи Г.А.Низовой. Мотив: подготовка к операции на сердце. Помощь оказал, через несколько дней она ушла с работы по собственному желанию. Потом мне сказали, что никакой операции на сердце не было.

Вечером прошла защита Е.Антоновой. Как быстро летит время, еще совсем недавно она поступала в аспирантуру, и я беспокоился о комнате для нее. Жалко, конечно, что готовим мы кадры не, как я думал, для провинциальных институтов. Лена поет в хоре, а в Москве собирается работать у Корниенко при подготовке собр. соч. Платонова. После защиты все собрались выпить в 24-й аудитории. Внезапно Лена предложила выпить за ректора.

Из академических сплетен: в отдельных институтах берут с аспирантов деньги для оплаты оппонентов. Разговор об этом возник внезапно, после того как я отругал Коростылева за то, что мы платим членам специализированных советов не в день защит, а в дни кассовых выплат.

28 января, среда.

Вечером ходил в оперетту на «Веселую вдову». Зал театра, в котором я не был много лет, сразу навеял на меня воспоминания. Во времена моего детства это был филиал Большого театра, и здесь я видел массу оперных и балетных спектаклей. Тем

неожиданней было, что теперь в оперетте поют с крошечными радиомикрофонами. Без такого микрофона пела только молодая оперетточная звезда. Сам спектакль довольно классический, с дивными костюмами и прекрасными декорациями. Удивила еще и музыка, которую заново, «современно», аранжировали, и сама пьеса, переписанная очередным хазаром и снабженная новыми репризами пошлости невероятной.

В средствах массовой информации идет скандал с неким Бревновым (молодым человеком, чиновником, ставленником «молодого реформатора» Бор. Немцова), который в США летал на ИЛ-62 за семьей, заплатив 130 миллионов рублей из казенных. Теперь он эти деньги внес обратно в казну после представления счетной палаты. Но каков уровень богатства у молодых людей! Какие предприимчивые!

30 января, пятница.

Юбилей Проскурина в СП РСФСР. Нагнали массу людей и официальных лиц. Я выступал во второй половине вечера, говорил хорошо и ссылался на Вольфганга Казака. «Во время перестройки он стоял на резко консервативных позициях», использовал я казаковское и «великодержавное». Во время выступления вдруг уловил на себе взгляд В. Ганичева. Последний точно представляет, что я понимаю всю возню в Союзе и смогу это сформулировать.

31 января, суббота.

У меня в этом году не намечена, и это меня беспокоит, литература для премии Москвы. Я, привыкший прикидывать эту премию по разумению, а не по уже готовым представлениям, позвонил Вл. Крупину. Он отказался, объяснив мне, что всегда отказывается от всех премий и отказался в свое время от Толстовской премии. Говорил он об этом радуясь, что может продемонстрировать мне свое духовное превосходство, ибо я от премий не отказываюсь. Даже говорил, что, дескать, знаю, что он от премий отказывается, а вот все равно предложил, чтобы на будущее, дескать, заручиться его поддержкой. Последнее я, скорее всего, выудил из тона Владимира Николаевича. Модель хорошая, но не моя городская. Это, скорее всего, хитрооснастная деревенская модель. Я долго размышлял: гордыня это, внезапное хвастовство или вполне осознанная нравственная позиция. Это особенно грустно, ибо нравственная вроде бы позиция совмещается здесь с ощущением всеобщего коварства людей. Во что бы то ни стало его, незапятнанного, хотят вовлечь в грех и смуту.

2 февраля, понедельник.

Начну с того, что в моей войне с электронной техникой появилась первая реальная победа. Впервые без посторонней помощи я самостоятельно открыл файл. Что из этого получится, не знаю, но вроде пока дело идет, хотя с у е в е р н о боюсь об этом говорить. Слово, выделенное в этом тексте разбивкой, я вспоминал десять минут. Это повод, наверное, поговорить о здоровье. Весь год я болен, последнее время самочувствие резко ухудшается. Мне уже стало трудно ходить и боль в сердце, когда иду от метро, стала для меня привычной. Часто вспоминаю маму перед смертью, мучившуюся одышкой, и В.С., которая через каждые несколько шагов останавливается. Из какого-то мистического чувства, обостряя судьбу, я не иду к врачу, довольствуясь старыми консультациями о бронхите, бронхосклерозе, даже бронхиальной астме. Все перечисленное еще позволяет быть по-прежнему легкомысленным и не сворачивать немедленно дел. Я вспоминаю, как трудно бывает всегда уехать осенью с дачи: то одно оказывается недоделанным, то другое не закрытым на зиму, а третье не подготовленное к весне. А как трудно все подготовить, чтобы уйти из этих дней.

Вчера был на презентации премии, учрежденной газетой «Культура», «Окно в Россию». Премия учреждена среди провинциальных учреждений культуры. Занятно само название этой премии, перефразирующее известное выражение Пушкина об окне в Европу. Редактор «Культуры» в своем слове очень точно сказал о суете московских презентаций, выдаваемых за культуру страны. Лауреаты получат по 10 000 долларов. Деньги не малые. Кроме этих крупных премий, проект, кстати, финансируется «Филипп Моррисом», свои премии дали Национальная академия искусств и канал «Культура» с г-ном Швыдким, который (говорю не о сегодняшнем случае) мелькает везде с упорной навязчивостью. Все состоялось в Музее Пушкина на Волхонке. Само по себе появление многих лиц из провинции в зале, в одном из самых престижных залов Москвы, очень многое значит. Лауреатов не перечисляю. Действительно огромная страна с действительно огромной сетью тлеющей культуры. В первом ряду сидели Шабдурасулов и прочие люди, которые по должности должны были о культуре заботиться, а вместо этого делает это зарубежная фирма по производству и продаже продуктовых товаров. Невольно я это корреспондирую с заявлением Дементьевой о распределении на книги премии Галковского. Ребяточки, вам бы не чужое распределять, а делать так, чтобы было в своем лабазе, и уж из него организовывать раздачи.

3 февраля, вторник.

Вечером был в Фонде культуры на вечере, посвященном В. Розанову. Было много интересного в смысле познания себя через природу другого человека. Говорили о многовалентности высказываний В. Розанова. Я не отрицаю, что многое в его письме и вне логики и вне диалектики, но говорить надо о некой интеллектуальной вибрации души, не имеющей причала. Шкловский где-то говорил, что Розанов отменил литературу. В этом есть резон, для людей моего круга образованности читать художественную литературу тошно. Литература, конечно, должна выступать в образе нормальной беседы и речи, а не притворяться картинами. Люди научились задавать вопросы и о технологии творчества. А откуда он, дескать, это знает?

Здание фонда культуры отремонтировали. Плафон блестит сегодняшней недорогой новизной. Кажется, я разобрал подпись реставратора: Д. Билютин.

5 февраля, четверг.

Вечером был в театре Вахтангова на спектакле «За двумя зайцами» — старинная, начала века оперетта по пьесе М. Старицкого. Остро, весело, с прекрасной актрисой Марией Ароновой в роли Прони. Наверное, эту роль и трудно играть, но мне это запомнилось и при распределении премий Москвы постараюсь с этой премией ей помочь. Гуляя по фойе театра, освященном портретами, вспомнил слова Проскурина на его вечере. Имея в виду М.Ульянова, он говорил, что старательно стремился встречаться в Москве с земляками, но никогда не хотел входить в контакт с этим знаменитым актером.

6 февраля, пятница.

Утром ездил с В.С. в поликлинику — она слепнет, ей сегодня должны были расширить зрачок и посмотреть глазное дно. Знакомая поликлиника в ужасном состоянии, обшарпанные стены, проводка и коммуникации, проведенные поверху, портят поверхности, до дыр протерт линолеум на полах. Валентине Сергеевне, выписав направление, врач очень осторожно сказала, что в больницу теперь кладут только за деньги. Сама улица Рылеева, на которой когда-то стояла поликлиника, нынче уже Гагаринский переулок. Не в честь ли того «любомудра» Гагарина, который выписал «диплом» А.С. Пушкину, ставший причиной роковой дуэли? Но поразила больше всего меня в больнице публика. Это все наша интеллигенция, профессора со всей Москвы, деятели культуры, руководители библиотек, директора и

преподаватели крупных техникумов, актеры, кинематографисты. Я помню этих достойных, хорошо одетых и спокойно себя ведущих в поликлинических коридорах людей. Все постарели, не видно молодых лиц, молодые, верно, лечатся в платных учреждениях. В коридорах идут разговоры о платных и бесплатных анализах. Старики рассказывают друг другу о том, что в районках анализ можно сделать бесплатно, но врачей и лаборантов нет, и записаться на эти анализы и осмотры практически невозможно. Сейчас рассказчики какие-то бомжи. Невероятное скопление обветшалой, потертой, вышедшей из моды и потерявшей форму одежды. Все эти вязаные кофточки, протертые юбки. Начищенные, потерявшие форму сапоги. Слезы наворачиваются на глазах. Только чудом я не среди них. Прописал в Москве Лешу. С ним жить намного легче, будет гулять с собакой. Меня волнуют его интересы, которые пока все сосредоточиваются на смотрении телевизора. Иногда, приходя из магазина, Леша приносит себе какой-нибудь «Сникерс».

8 февраля, воскресенье.

Чувствовал себя так плохо, что всю субботу работать не мог. Принимал по часам все таблетки, снадобья и лекарства, которые у меня есть, даже дышу теми ингаляциями, которые принесла Марина Шаповалова, моя ученица. Боюсь, что на бегу умереть не удастся, а если длительная и изнурительная болезнь, то это просто может сделать меня нечеловеком.

В воскресенье написал пару страниц в роман о Ленине. Компилировать и держать в стилистических рамках доходчивости мысли очень тяжело.

По телевидению опять некий скандал с последним молодым реформатором из Ленинграда, соратником Коха, неким Резником, приватизировавшим какую-то госстраховскую компанию или его отделение банка. Показали старух, которые внесли ему последние деньги — «на смерть». В наше время каждый должен позаботиться о собственной смерти. Ну как здесь не станешь бытовым антисемитом: как общенациональная кража — так еврей. Наших тоже, конечно, достаточно, но здесь как бы воруют у своих, и когда их убивают, бьют морды, поджигают их машины, то «н а р о д н ы х м с т и т е л е й» хотя бы не называют антисемитами. Своих мы со временем выучим сами. Евреи на своей территории, наверное, будут вести себя скромнее — там такие же жуки, которых обмануть труднее, а наш народ слишком доверчивый для постоянного сожительства с этими предприимчивыми ребятами.

Очень волнует начинающаяся военная ситуация вокруг Ирака. Невольно связывается оральный секс Клинтона с его

боевитостью в Ираке. Полководец должен затмить неосторожного сексуального подмастерья.

9 февраля, понедельник. Самое крупное событие — это Валерия Новодворская на ТВ. Наконец-то ее показали много. Для малого требуется микроанализ, а большое видится само по себе. Она ведь ненормальная и узконаправленная на свое мелкое и ничтожное «я» всезнайка. Круг ее рассуждений чрезвычайно мал, хотя за всем ее обликом чувствуется перекормленная девочка, из-за отсутствия мальчиков проводящая все время в библиотеках. Ее диссидентство от ее уродства и непривлекательности. Кстати, по ТВ объявили, что когда-то ей ставили диагноз шизофрения. Ссылка на тоталитарную медицину. Мы теперь кормимся эстетикой и этикой умалишенных.

10 февраля, вторник.

Очень неудачно прошел семинар. И я был пуст, как старый валенок, и Лена Нестерина на меня в конце семинара «наехала». Какая эволюция в девочке. Она обеспокоена тем, что напротив ее дверей в общежитии очень долго ремонтируют туалет. Сейчас пишу, и мне противно от ее снобизма и эгоистического взгляда на жизнь. Неужели таких верхоглядов мы воспитываем?

11 февраля, среда.

Был в больнице у врача, которого мне рекомендовала Инна Люциановна. Судя по его словам, еще не все безнадежно. Кое-что мне прописал.

Телевидение полно сообщений о нападении на Шеварднадзе. Болезнь ломает способность работать, и ты начинаешь смотреть телевизор и читать всякую чепуху.

Вечером звонил Титов из Ленинграда. Опять споры о фестивале. Ленинградцы хотят превратить его в свою обычную актерскую хищную тусовку. Я защищаю общие интересы с такой горячностью, будто это мои собственные. Я не хочу тратить институтские деньги без пользы для литературы. Моих студентов и преподавателей. Денег сейчас нет, аренды не все введены в строй, многие еще простаивают, а ремонт душевых в подвале потребовал почти 60 миллионов рублей.

12 февраля четверг.

Иду к Игорю Болычеву на семинар по текущей литературе. Сделал это из стремления убедиться, как он плох, но обнаружил, что семинар довольно интересен. Это, скорее, связано не с тематикой или особыми откровениями Болычева, а дело только в самом руководителе семинара. Парень толковый, чувствует

природу литературы, ее пластику и ходы. Немножко обращает внимание на постмодернизм. Дело это темное и пустое и обращаться к нему надо реже. Интересное соображение — Болычев, как мне кажется, справедливо заметил, что современная литература началась с 1985 года. Здесь у меня сразу возникла мысль о реорганизации кафедры: русской и современной литературы. Еще приведу одно соображение Болычева: он, опять-таки справедливо сказал, что после девяносто первого года, в связи с ощущением всеобщего кризиса, писатели замолчали. Тут же мне подумалось, что эта ситуация обошла меня счастливо стороной. Я один из немногих, кто получил возможность и в это тяжелейшее время не молчать. Только сейчас я понял, как невероятно счастливо в этом отношении сложилась моя судьба.

Телевидение лениво говорит о покушении на Шеварднадзе и о намеках грузинской стороны на причастность к этому российских спецслужб. При всем прочем, Шеварднадзе, как политику, немыслимо повезло с этим покушением, если только придумал покушение не он сам или его тайные присные, — теперь его обязательно выберут на новый срок.

Вечером ездил в больницу к В.С. Это отделение хроников, все неторопливо делается здесь и обреченно. Я с ужасом узнаю от нее об очередной смерти кого-нибудь из этих несчастных.

13 февраля, пятница.

Сочетание цифры и дня недели. Завтра день святого Валентина. Внедрение его происходит, видимо, вместо дня 8 Марта. Это корреспондируется с посещением президентом папы римского. Немыслимый визит для человека, призванного покровительствовать Русской православной церкви. Конечно, как всегда, Ельцин в подтексте, в силу своей угодливости и до боли в коленках преклонения перед Западом, надавал обещаний.

В институте: Александр Сергеевич Орлов получил медаль Ломоносова. Для меня это — как собственная удача, чувство зависти у меня полностью отсутствует. Посидели по поводу награждения на кафедре. Говорили о дуэли Пушкина. Моя версия: как писатель он усложнял жизнь, талант иссякал, темы мельчали, он искал любого выхода, который напоминал бы Божью волю.

В институт приезжал Витя Симакин. Мы очень славно, вспоминая прошлое, с ним поговорили о жизни и о театре. Я пригласил его поехать со мною на Гатчинский кинофестиваль.

Чувствую я себя отвратительно, уже две ночи подряд жутко кашляю. Иногда мокрота отходит с кровью. Тоже усложняю себе жизнь в надежде, что все разрешится само собою. Жалко только кучи недоделанных работ и замыслов.

15 февраля, воскресенье.

Вчера вечером позвонил Анри Вартанов, и я с ним помирился; опять пишу кусочки телевизионного рейтинга для «Труда». Ох уж эти газеты, стремятся вроде бы и куснуть власть предержащую за руку, но только так, чтобы та и не заметила, чтобы не было больно. Никого бы не обидеть и от властей что-то получить.

> «*Телевидение закормило нас криминальными сюжетами. В данном случае имею в виду не банальные убийства, ограбления и взрывы бомб под «мерседесами» нуворишей. Вещи более страшные, потому что они имеют не частный характер, а свидетельствуют о полном параличе и коррумпированности власти. То, почему западная пресса называет нас самой коррумпированной страной в мире. Итак, после коробки из-под ксерокса, гонорара за книгу о приватизации — имен не называю, они у всех на слуху и хорошо известны, — после утечки информации с заседания правительства, на которой можно было хорошо погреть руки, и внезапно перепрыгнувшей на стол к президенту МВФ Мишелю Комдессю — имена все те же — новый скандал с министром Яковом Уринсоном, который потрафил в доходах своему младшему брату Александру. Подбор фамилий таков, что невольно начинаешь обвинять ТВ в антисемитизме. Да что же наши коренные русаки так отстают? В остальном на нашем экране все по-старому. Школьникам лучше телевидение не смотреть, чтобы не портить вкус, пенсионерам — чтобы хорошо спать, бизнесменам — чтобы не возникало желание своровать, больным — чтобы не попасться в лапы рекламе медицинских препаратов, здоровым — чтобы не заболеть. Я смотрю по субботам и воскресеньям зарубежный, пошлый сериал «Приключения Геракла» — из якобы античной жизни и думаю, знают ли наши семиклассники после десяти лет реформ, где расположен Олимп — не магазин, последний еще недавно был открыт возле метро «Краснопресненская», и кто такие Зевс, Гея и этот самый Геракл».*

16 февраля, понедельник. С каждым днем мне все хуже и хуже, несмотря на все дорогие лекарства, которые пью. Болезнь мне, довольно состоятельному человеку, влетает в копеечку, а как же нищим пенсионерам? Сегодня поехал в фирму «Амиго» делать

анализы на микрофлору в легких. Это на Новобасманной в здании кожно-венерологического диспансера, видимо «своя» фирма при диспансере. Все, естественно, блестит, сверкает, итальянская керамическая плитка, фонтан в холле, пластмассовая тропическая зелень. Делают самую редкую диагностику: «Расширенный анализ урогенитальной м-флоры», ВИЧ, RW, хламидии, грибки. Судя по немногочисленным посетителям, здесь исследуются на изысканную половую микрофлору дорогие проститутки. В коридоре ожидают врача две совсем молоденькие девушки в роскошных одинаковых (эта одинаковость — безошибочный признак простонародных подруг) норковых шубах, с большими, думаю, 40–41 размера, ногами и отвратительными грубыми и наглыми голосами. Конечно, это «аристократки» от Казанского вокзала и королевы закрытых саун. Цены дикие — эта самая урогенитальная микрофлора, анализ, стоит 310 рублей, мои грибки в крови, серология — 110, посевы мокроты — 170. Медицина для всех превратилась в доступную медицину для избранных.

22 февраля, вторник.

Читал в «Нашем современнике» статью Татьяны Окуловой-Мекешиной. Это молодая жена Михаила Петровича Лобанова. Здесь есть чрезвычайно лестный, хотя и несколько риторический пассаж с упоминанием моего имени. Это о своре кремлевских помощников, двигавших нашими былыми генсеками. Все написали свои мемуары, и Татьяна Окулова перелопатила эту гору книг. Отсюда же я узнал, что автор лозунга «Экономика должна быть экономной» — это интеллектуал Бовин.

Вечером С.П. протащил меня до Смотровой площадки МГУ. Я думал, что сил у меня на такое уже не станет. Прошел, но кажется, простудился.

23 февраля, понедельник.

Сегодня Юра Роговцев подал мне заявление о материальной помощи. Я оговорил его, подписывая документ, потому что он всегда что-то бунтует, не ходит на воскресники, канючит, бунтует против местной, т. е. моей власти, недоволен супом в столовой. Он сказал, что, видимо, ему придется покупать проездной билет, потому что он должен ездить на какие-то медицинские процедуры. Тем не менее учится он старательно и хорошо, много работает над собой и сделал очень большие успехи. Ну, попроси что-либо по-человечески, без гонора и скандала. Выяснилось, что он живет только на стипендию в 85 рублей и даже не покупает из экономии проездного билета, до института ходит пешком. Я

содрогнулся от этой нищеты и выписал ему сразу 300 рублей. Четыре его стипендии.

26 февраля, четверг.

Открытие фестиваля в Гатчине. Мои преподаватели, голубчики, все поехали, как один: поехали Евгений Рейн, Валентин Сидоров, Татьяна Бек, Юрий Кузнецов, Владимир Костров. В Париже задержался лишь Роман Сэф. Из студентов со мною Саша Великодный, стихи слабоваты, но обязателен и мил, Аня Кузнецова, Федя Черепанов. Открытие прошло довольно традиционно, но чуть меньше танцев, свечей, хотя всех других провинциально-ленинградских аксессуаров достаточно. Я не вполне доволен жюри. Милые женщины прошлого «созыва» Плаксина и Сэпман мне были милее. Как быстро, немедленно нашли друг друга Таня Бек, Менакер — «гениальный» режиссер, поставивший около тридцати фильмов, но ни одного из названий которых Женя Рейн не помнит (терминология Жени), Титов, занятый только собой, и другие персонажи. Жмется к «работодателям» и Сережа Шолохов, еще один член жюри, хотя его интересует, конечно, другой, более свежий и молодой аспект творчества.

На официальном открытии я нервничал, мне долго не давали выступать, даже лишили темы, я предполагал тихо, скромно обнародовать жюри, но Дмитриев все это сделал. Тем не менее я скрутил такую занятную полуполитическую конфетку и под двойные аплодисменты ее преподнес. Перед этим была спета «Дубинушка» и с таким примиренческим с сегодняшней надеждой переливом. Я опираюсь на цитирование И.К.Скобцевой Толстого (она приводила знаменитую цитату о хороших и плохих людях, о том, что плохие немедленно объединяются, а вот что бы и хорошим не объединиться!), итак, я, опираясь и вроде бы искусственно полемизируя под аплодисменты зала, вдруг вспомнил о толстовской «дубине народного гнева». Моя речь «хохотунам» вряд ли понравилась, ибо я еще говорил о Сергее Бондарчуке, рядом с которым многие из присутствующей режиссуры пигмеи.

В гостинице читаю Галковского, с упоением. Наверное, это действительно лучший роман последних десятилетий. Со мною в номере живет Саша Великодный, который заваривает чай, меня растирает по утрам и сочувствует.

27 февраля, пятница.

Сегодня утром показали фильм Лидии Бобровой по мотивам рассказов Бориса Екимова «В той стране». У меня сразу создалось

впечатление состоявшегося фестиваля. Вряд ли что-либо будет еще сильнее, но этот фильм безусловно тянет на Главный приз. Жизнь северной русской деревни. Много смертей, пьянок, но тем не менее есть духовное величие терпеливого народа. Даже удивительно, как такой фильм мог быть поставлен в наше время. Белорусский фильм по рассказам О.Генри на меня впечатления не произвел так же как и грузинский «Омут». Здесь много страшных сцен жизни, есть политика, но почему-то сочувствия у меня ни фильм, ни грузины не вызывают. Это все страдания за разрушение России. Грузия долго и много пользовалась Россией, освободилась и сейчас в своих бедах все время вспоминает и винит русских. Впрочем, вполне понятно, почему политикам это выгодно. Политикам вообще нет дела до отечества, их интересует только собственная власть и ее сохранение.

Вчера Синод принял решение о недоказанности принадлежности екатеринбургских останков именно царской семье Романовых и тем самым посоветовал мирским властям до выяснения немедленно их похоронить как просто пострадавших от лихолетья людей. Сегодня наше бойкое и не боящееся ни Бога, ни черта правительство решило похоронить их, как останки царской семьи. Они сами все знают, у них политические цели. Тенденция мне ясна: следующий будет Ленин. Ленина-то вообще чуть позже похоронить надо, проведя всенародный референдум, но зачем связывать это с костями из-под Свердловска? Кстати, не будем забывать, что этот царь сам первый бросил Россию, а ведь первые Романовы клялись в неразрывности с ней.

Вечерами у меня появилась температура — 37,2. В один из дней показывали литовский фильм «Лунная Литва» — фильм не только антисоветский, но, как мне кажется, еще и антирусский. Интересная реакция зала. Ни одного хлопка. Такого на фестивале я больше не встречал. Хлопают из вежливости хоть чему.

5 марта, четверг.

Гатчина. Через час уезжаю. Все осталось позади: просмотры, обиды, решение жюри, закрытие фестиваля, банкет. Уже два дня мне получше, ночью я вовсе не кашляю, но мокрота еще отходит. Ощущение, что это у меня не надолго.

Решение жюри фестиваля стало сенсационным. Во-первых — приз Лидии Бобровой. Особенно это решение значительно на фоне «Киношока», прошедшего в Анапе, где председательствовал Даниил Гранин. Лида подошла ко мне и рассказала, как в свое время Гранин сказал ей: «Ставь полбанки за то, что я выбил тебе премию за сценарий». Две установки в искусстве: одна, связанная с народной жизнью и неизбежным для этого дыханием, сердцем,

и другая, европейская, конструированная из изящных обработок уже существовавшего, намеков, ассоциаций, интереса к околоткам так называемой интеллигентной действительности. На «Киношоке» в Анапе первую премию получила грузинская картина «Райские птички». Если говорить об этом еще раз, мы не дали никаких призов грузинам, литовцам с их антирусскими, но претендующими на объективный историзм картинам, не дали и казахам. Подтексты везде блистают одни и те же. Виновата везде Россия, которая уйдя или мало оставила, или сейчас мало дает. Наши лауреаты — это Вася Ливанов с его «Дон-Кихотом», Лидия Боброва («В той стране» по рассказам Бориса Екимова) и Виталий Мельников («Царевич Алексей»). Как в этой картине играет Людмила Зайцева крошечную роль царицы Евдокии!

Я рад, что этот наш фестиваль, как встарь, представляет собой некое культурное действие. Со встречами на предприятиях и в школах и т. п. Главное для меня, что ребята-студенты Леша Тиматков, Сева Константинов, Федя Черепанов, Саша Великодный посмотрели иную жизнь, а профессура: Кузнецов, Рейн, Бек, Костров, Сидоров — немножко встряхнулась. На вечере закрытия Ю.Кузнецов прочел свое знаменитое «Маркитанты». Весь зал, вся публика, размещавшаяся сзади, аплодировала, Гранин, сидевший рядом со мной на первом ряду, сцепил ладони. Объявляя итоги конкурса, я довольно удачно попикировался с Дмитриевым — на его реплику «Служить» ответил: «Служить бы рад, прислуживаться тошно», — и говорил тепло и хорошо.

На приеме в ресторане было голодно и воровато. Ребята рыскали по столам, утопающим в коммерческой полутьме. Все эти салатики, разложенные по плошкам, горячие бутербродики, залитые плавленым сыром и майонезом, производили впечатление несвежести, будто целую неделю копили обрезки с кухни и недоеденные посетителями ассорти от прежних вечеринок, а тут, освежив, бросили все в жерло голодным актерам и писателям. Вкусной была лишь свежая отварная картошка, посыпанная укропом. Полный стол был только у губернатора Густова. Он сидел, огромный и широкий, как вавилонский вождь, вместе с актрисами. Меня подвели к нему с той же значимостью, будто для высокодержавной аудиенции, он посмотрел довольно тупо, как на лакея, и занялся только собственным Граниным, последнего тоже подсунули по тревоге к сановным очам. Писатель и губернатор вспоминали, как вместе они витийствовали на обкомовских собраниях. Было довольно неприятно от положения, будто бы Гранин на глазах у всех выиграл соревнование со мной. Я съел палочку шашлыка и, счастливый, удалился в воровскую темноту ресторана.

Мне вообще очень интересно наблюдать сановные разговоры бывших обкомовцев. Они говорят как бы об одном: о социальной справедливости, о зарплатах для учителей, сокрушаются о социальных возможностях ушедшей под воду Атлантиды. Но им нравится их собственная сегодняшняя жизнь, нравится их парадная униформа с черными пиджаками, фрачными рубашками и бабочками. Их «вольво», охранники, сидящие тяжелыми жесткими задницами на местах, предназначенных гостям. Мое собственное место, естественно, было занято одним из таких стальнозадых. И вместо 16-го я сидел рядом с Ливановым на 26-м. Им нравится перспектива для их собственных детей, нравится отдых на Мальте или Кипре и оставшаяся от прежних времен и ставшая еще беспредельней власть.

6 марта, пятница.

Тороплюсь внести в дневник, пока не забыл. Цены в поезде. Стакан чая в самом вагоне — 2 рубля, стакан чая в вагоне-ресторане — 8 рублей, если ты в вагоне-ресторане закурил и тебе принесли пепельницу, — это считается, как дополнительная услуга и обходится клиенту в 10 рублей. В этом маленьком факте я вижу губительное начало для нашей сферы услуг, нашей торговли, для всего нашего нарождающегося псевдокапитализма. Торопливо содрать.

7 марта, суббота.

Получаю отклики на свое огромное интервью в «Советской России». В «Русском телеграфе», газете, конечно, либерального направления в «субботнем обозрении» Максима Соколова есть такой любопытный пассаж. Можно гордиться, так обо мне никто не писал. А я-то думал, что ни «Правду», ни «Советскую Россию» никто не читает.

«Впрочем, в расследовании дел много более зловещих, нежели убийство Листьева и Холодова, — взять хоть «Книжное дело», — генпрокуратура продвигается куда успешнее. Известный советский писатель, ректор Литинститута Есин признался: «Я видел этот текст (книги «История приватизации в России» — М.С.)… Такого дурного текста, написанного каким-то серым валенком, я уже давно не читал. В каком хедере учили русский язык эти люди? Это настолько ничтожное письмо, с таким количеством общих слов, общих формулировок, сложившихся стереотипов, что диву дивишься».

Диву можно дивиться и при попытках понять, где Есин видел текст неизданной пока книги. Бедность, на которую Есин громко жалуется, вряд ли позволила ему из одного лишь литературного

любопытства посетить швейцарское издательство на предмет знакомства с текстом, а при тотальном есинском неприятии всей российской власти, начиная с осени 1991 года, трудно ожидать, чтобы кто-то из авторов книги по дружбе ознакомил маститого писателя с рукописью. Вслед за Доренко и Минкиными можно было посмотреть рукопись в структурах «ЛОГОВАЗа», куда генпрокуратура имеет обыкновение передавать истребованные документы, но при жестокой неприязни Есина к питомцам хедера (глава же «ЛОГОВАЗа» сын раввина) и это сомнительно. Скорее всего, знакомство с текстом происходило вполне официальным образом — еще месяц назад Скуратов изъявил желание произвести «лингвистическую экспертизу» на предмет установления того, является ли «данный набор бумаги литературным произведением», и привлечение к делу ректора Литинститута в качестве лингвостилистического эксперта показалось генпрокурору вполне естественно: если в Литинституте не учат стилистике, то чему там вообще учат?

К сожалению, Скуратов ошибся, ибо рассуждение Есина о хедере, т. е. еврейском религиозном училище, где, по его мнению, обучались Чубайс, Бойко, Кох, Мостовой и Казаков, свидетельствует не столько о любви эксперта к евреям, сколько о скудости его лингвостилистических познаний. Не вдаваясь в рассуждения о том, сколь органически смотрелись бы в качестве юных питомцев хедера: сын гарнизонного офицера Чубайс, московский номенклатурный внук Бойко и фольксдойче Кох. Заметим лишь, что подлинных выходцев из черты оседлости в большую российскую политику, склонных притом к писанию — таких, как Л.Д.Троцкий-Бронштейн, К.Б.Радек и нежная любовь каждого антисемита Миней Израилевич Губельман (Ем. Ярославский), — отличала, скорее, страстность, пылкость, развязность и вместе с тем некоторая утрированная чрезмерность литературного стиля. В.В.Шульгин, стоящий на несколько голов выше Есина и как антисемит, и во всех прочих отношениях, специально отмечал пафосную бойкость и живость как характерную черту еврейской публицистики. Наконец (может, эксперт хоть газеты читает), знакомство с творчеством нынешних продолжателей дела Радека — Минкина и Хинштейна — позволяет поинтересоваться: ужели их мессианские страстные подвывания написаны серым валенком? В чем, в чем, но уж в этом их обвинять решительно невозможно, и остается лишь пожалеть Скуратова, который для своей экспертизы не может найти хотя бы чуть-чуть профессионально квалифицированного помощника органов.» («Русский телеграф», 7 марта, стр. 3.)

Максим Соколов откомментировал меня подробно, как

Библию. Боже мой, из-за одного намека на «хедер» и одновременно какое прославление талантливой еврейской головы! Не лучше ли всех писали у нас Троцкий и Радек? Как хорошо, оказывается, держат они велеречивость и полноту русского стиля! Воистину надо родиться евреем, чтобы хорошо писать по-русски. И какие, оказывается, русские ребята, эти дети гарнизонных офицеров и номенклатурные внуки. Как хорошо Соколов знает генеалогию этой компании, я их определяю по поведению и стилю, а Соколов, оказывается, по анкете.

9 марта, понедельник. Сегодня «гуляем» праздничную компенсацию за 8 Марта, легшую на воскресенье. В чем-чем, а в нерабочих днях в неработающей стране правительство всегда щедро и справедливо. Институт после гатчинской паузы я нашел в сносном состоянии. Лев Иванович, к сожалению, ничего не сделал в том списке заданий, которые я дал ему, уезжая. Преподавательские часы не подсчитаны, количество контрольных работ, которыми мы душим наших студентов во имя выполнения нормы для преподавателей, не учтено, учебный план не совершенствуется. У меня времени хватает, чтобы держать институт на плаву: платить зарплату и отбиваться от внешних сил, которые все время заносят лапу на скверик возле Пушкинской, на старинное здание, на ощущение благополучия, которым институт живет. За время отсутствия вышла «Советская Россия» с полосой моего интервью. Это старое интервью для «Правды», которое делал Виктор Кожемяко и куда я добавил в финал две страницы. Отнести ли это за счет крупного тиража газеты или за счет какого-то нового для меня качества, но отклик на этот раз оказался мощнее и заметнее. Не исключаю, что это относится и на счет в известной мере нового для меня принципа высказывать самые сильные для меня вещи без помощи политической аргументации. Было много звонков, но радости это не дало, потому что скучаю по «художественной» прозе.

Все праздники читал рукописи абитуриентов. У меня возникло даже хорошее настроение: в этом году, не в пример прошлым, больше самостоятельных и ярких рукописей, хотя пока безусловного лидера и нет.

Решил, что с первого курса начну и свою новую книгу о литературоведении. На каждую свою «вводную» лекцию по литературоведению на семинаре буду сажать стенографистку.

Сейчас еду на презентацию книги Инны Макаровой. Книга у нее замечательная, и мне нужно выступить.

10 марта, вторник.

Вчера вечером ходил на презентацию книги Инны Макаровой.

Несмотря на несколько современно-выспренное название, книжка хорошая. Никаких сведений счетов. Наблюдения. Письма. Собственно письма и делают всю эту книгу: письма Инны к матери в Новосибирск и письма студентки Инны на родину. Здесь чрезвычайно много культурных подробностей и подробностей времени. Как занимался Герасимов со своими студентами. Как ему помогла Тамара Федоровна Макарова, как принимались художественные и политические решения в искусстве. Или, например, картинка парикмахерской, куда бедную Инну потащили краситься для роли.

«Сегодня была в «Национале» в парикмахерской с Тамарой Федоровной. Это такое шикарное заведение, что просто ужас! Одни иностранцы. Дамы самые шикарные, пока я там была, приходили и Ладынина, и жены Моисеева и Пастернака. А что же делала я? Меня завили на шестимесячную, сейчас сижу блондинкой, и вы думаете, это все? Завтра в одиннадцать часов к этому же мастеру и еще раз покрасят, чтобы совсем была белая, а мне идет. Это лучший мастер. Наверное, очень дорого — платила Тамара Федоровна. Да, потом поедем к косметичке Тамары Федоровны, и она мне брови подергает, они очень густые, и придаст другую форму».

Сколько деталей, штрихов времени. И еще один портрет студентки Макаровой: отсутствие амбиций, невероятное трудолюбие, принятие строя и стремление жить в области, которой она посвятила жизнь.

В Белом зале Союза кинематографистов состоялось что-то среднее между творческим вечером Инны Владимировны и презентацией. Инна одним бреднем захватила всех. Выступали Володя Егоров, я, Георгий Жженов, Виктор Мережко, который вел вечер и обозвал меня Владимиром, новые друзья Макаровой из «Киношока», муж Миша Перельман. Показали отрывки из «Молодой гвардии». До чего же хорошо и не постарело! Я говорил довольно удачно, об актрисе, о необычности ее книги, о «Молодой гвардии», которая остается одним из самых значительных мифов двадцатого века, и лепты кинематографистов в этот миф. Говорил и о русском национальном характере актрисы.

Как налетела общественность на легкий фуршет!

В связи с книгой Макаровой вспомнил лет десять назад разразившийся скандал. Инна снималась в фильме по сценарию Майи Ганиной, дамы, видимо, подружились, Ганина написала прекрасную повесть, которая была опубликована в «Новом мире». Но детали были слишком узнаваемы. В первую очередь для самой Инны и ее актерского окружения. Это обычный случай, когда

пишешь слишком с натуры. А вот Марсель Пруст всю жизнь описывал своих родных, мать, теток. Интересно, что все они похоронены на Пер-Лашез под одной блестящей гранитной плитой. У меня лично уже наступило время, когда я сочиняю.

Звонил Станиславу Куняеву — пригласил его на работу. Поэт он серьезный, достойный, но, честно говоря, приглашаю его я как ответ на зимний поступок Тани Бек, когда она сняла из моего предвыборного плаката свою фамилию. Теперь пускай покрутится и пообщается со Станиславом Юрьевичем. Твердо решил, что и на прозу возьму Петю Проскурина.

На час задержал семинар. Потому что был в посольстве Белоруссии у посла Владимира Викторовича Григорьева. Мое письмо к А.Г. Лукашенко сыграло свою роль. На всякий случай привожу его текст:

«Глубокоуважаемый Александр Григорьевич!

Я очень долго не мог начать это письмо, все время размышляя — что, собственно, положить во главу угла: факты, как много русских людей с надеждой и интересом следят за Вами, внутренне поддерживают Вас, живут Вашими трудностями и Вашими удачами, или начать с того, что уже давно Вы снискали известность одного из самых опытных и талантливых политических лидеров на пространстве бывшего Советского Союза, что каждый раз десятки миллионов людей прислушиваются к Вашим высказываниям и невольно сопоставляют Ваши слова со словами своих собственных руководителей и лидеров. Или другой ход — взять и прямо, по-солдатски, написать: чего, если позволите сказать, мы от Вас хотим?

Дорогой Александр Григорьевич!

Вы часто бываете в Москве и, судя по прессе, находите время встречаться здесь с разными людьми, в том числе и с писателями, бываете даже в некоторых коллективах. Но если бы хоть раз повезло и нам, Литературному институту имени Горького, в котором, кстати, всегда учились, и сейчас учатся студенты из Белоруссии!

Если бы нам действительно повезло, и во время своих визитов в Москву Вы бы встретились со студентами, преподавателями и персоналом небольшого, находящегося в самом центре Москвы Литературного института! У нас прекрасный институт, прекрасные ребята; с некоторым недоумением наш профессорско-преподавательский состав учится различать, кто из какой

республики, потому что по-прежнему дружба народов и семья народов Советского Союза для нас — не пустые звуки.

Наш институт довольно часто посещают общественные деятели, писатели, деятели искусств. Если говорить о деятелях от политики, то мы встречались с Г.Явлинским, А.Лебедем, Г.Зюгановым.

Александр Григорьевич, ну, действительно, а что если бы на часочек завернуть и к нам? И простите меня, ради Бога, за беспрецедентную смелость пригласить Президента суверенного государства в наш институт. Извиняет меня только искренняя любовь к Вам и огромное уважение к Вашей деятельности.

***Сергей Есин, ректор, секретарь Союза писателей России**».*

«*Чрезвычайному и Полномочному Послу Республики Беларусь в Российской Федерации г-ну Григорьеву В.В.*

Глубокоуважаемый Владимир Викторович!

Мне чрезвычайно лестно обращаться к Вам, в замечательный особняк на Маросейке. Просьба у меня одна: если это возможно, если это выдерживает дипломатический этикет (который я плохо знаю), то передайте адресату письмо, которое от имени Литературного института им. А.М.Горького я написал Президенту Вашей страны Александру Григорьевичу Лукашенко. Из письма понятна суть просьбы Литературного института.

Со своей стороны у меня нижайшая личная просьба к Вам: посодействуйте!

Как Вы понимаете, воздействие на студентов такого исключительного характера и такого замечательного интеллекта, как у Александра Григорьевича, может явиться основополагающим для формирования личности каждого молодого человека. Заранее благодарен.

С уважением, Сергей Есин, ректор, секретарь Союза писателей России».

Лукашенко будет у нас в институте 18 марта. Это итог письма и разговоров с послом. Это уже вторая почти чистая победа Димы Лаптева. О первой будем говорить, когда принесут лицензию на гостиницу. С ней тоже целая история, типичная для нашего времени.

Хорошо и с подъемом прошел семинар. Говорил о книге Инны Макаровой. В последнем случае говорил о письмах и дневниках, которые надо писать в юности.

11 марта, среда.

Александр Иванович Горшков подарил мне новую свою книжку «Русская словесность. Сборник задач и упражнений». В виде задач и упражнений наряду с текстами Распутина, Крупина, Орлова есть и восемь цитат из меня. Дожили. Уже входим в учебники. Александр Иванович, кроме автографа, вложил в книжку еще и записочку с цифрами страниц, на которых разнесены цитаты: 24–25, 28–29, 32, 36–37, 41–42, 64–65, 83, 218–219. Кроме цитат из рассказов, как образцы помещены отрывки из моих речей — в частности, речь на открытии памятника А.Фадееву, — и официальных писем — письмо об институте вице-премьеру Б.Салтыкову. Александр Иванович для меня образец не только русского характера, но и научной деловитости и дисциплины.

12 марта, четверг.

Я всегда говорил нашим спокойным толстозадым писателям, вернее, нашему писательскому толстозадому начальству, что с нами, с писателями, не станут считаться, пока мы не почувствуем себя политической организацией. Пока мы только охаем, вот и писательская поликлиника на Аэропорте оказалась наполовину кому-то продана. Сейчас из нее, говорят, выписывают или на этих днях начнут выписывать писательских вдов и жен. Одним словом, я решил действовать в одиночку и сегодня в четверг ИТАР-ТАСС по своим каналам распространил заявление Исполкома МСПС, Академии российской словесности и Литинститута по поводу избиения русскоязычного населения в Латвии, осквернения могил советских воинов в Латвии и на Украине и слухов о демонтаже памятника первопечатнику Ивану Федорову. Все это я замастырил за полдня, включая мои переговоры с Виктором Розовым, нашим президентом.

Это, пожалуй, единственное, в чем я наконец-то совпал с нашим правительством.

13 марта, пятница.

День один из самых, говорят, тяжелых в году, на солнце немыслимая активность. Наше обращение напечатала «Российская газета», выпали только подписи, что безумно печалит Тимура Пулатова. Он мне, кстати, рассказал, пока мы с ним переговаривались об этом обращении, что к нему приходил Ганичев, последнему, естественно, хочется спихнуть Пулатова и отобрать собственность. Уже есть и «внешний» претендент на лакомое место — Феликс Феодосьевич Кузнецов. Я не могу еще раз не отметить знаменательный факт, а именно теснейшее взаимодействие Ф.Ф. с его бывшим идеологическим врагом Евг. Александровичем Евтушенко. Разговор Пулатова и Ганичева шел не совсем мирно, но окончился, по словам Пулатова, он так: Ты кто? Ты — Ганичев. А я — писатель Пулатов.

И здесь, я не могу сказать, что Пулатов совсем не прав.

Был на юбилейном вечере С.В. Михалкова. Старика я очень люблю, за писательский и житейский талант, незлобивость, редкий для его возраста ум. Весь этот «показ» Михалковых состоялся в Колонном зале дома Союзов. Никита и Андрон сидели на возвышении по бокам огромного, похожего на трон кресла Михалкова-старшего. Возвышение было талантливо декорировано разными невинными, но полными значения символами. Основой всему, как бы столпами, были перья со старомодными перышками-«рондо». Тут же стоял,

символизирующий детство позолоченный трехколесный велосипед, потом Красное знамя на флагштоке, украшенном наконечником со звездой, серпом и молотом. Витал дух воспоминаний и либеральной оппозиционности. В приветствиях отсветились — президент, Черномырдин, министерство культуры, генеральный прокурор Скуратов, министерство обороны. На крупных писателей, как, скажем, В. Распутин или Вас. Белов времени не хватило. Свои стихи прочел Игорь Ляпин и на этот раз невразумительно что-то проговорил Тимур Пулатов. Этот 85-летний юбилей сильно отличался от юбилея, состоявшегося пять лет назад. Растерянность и горечь утраты великой державы тогда звучали острее. Теперь мы все поприспособились, попритерлись к власти, уже есть что терять. Практически во власть вошел Никита Сергеевич, в Москве, тусуясь среди благополучных сверстников, живет его сын Степан, похоже, что возвращается в Россию Андрон Михалков-Кончаловский, возникло как вполне реальное и работающее дворянское звание. Но народ этот вполне порядочный, а в прошлом слишком много славы, работы, удач, и вот эта порядочная струнка заставляет его защищать былое. Кстати, дворянский герб Михалковых, очень живописный, в синих тонах, как фантики с конфет «Мишка косолапый», очень многофигурный, висел над сценой Колонного зала, в котором Михалков проводил не один пленум СП и не один съезд. Народа выступала масса, артисты — от Башмета, Соткилавы и Махмуда Эсамбаева до Мих. Задорнова и Наташи Дуровой с удавом на шее. Пел Кобзон, и в том числе под фонограмму спел целиком вторую редакцию гимна СССР. Пока он делал извивы, я понял, чем это кончится, спустил на пол лежащий у меня на коленях портфель и с первыми тактами встал, подав сигнал всему залу. А может быть, зал встал «как один». Любопытный за этим последовал момент. Дернулся было встать и сам Сергей Владимирович, молниеносный перегляд с младшим сыном, который скомандовал: «Сидеть!» — и все трое сидят. А зал стоит, а Кобзон поет.

14 марта, суббота.

Ходил на вечер, посвященный тому же юбилею, но уже в Фонд культуры. Практически это было повторение. Во-первых, дали слово тем, кому не успели дать накануне, во-вторых, дали слово и массе нужных людей, а потом всех прекрасно покормили. В программе были повторы из казаков, мальчика-танцора и певца откуда-то с Кавказа, певица-девочка Пелагея, выступил народный артист Женя Стеблов. Мальчик во время пляски делал зверское лицо, но пел прекрасно. Пела и интересно говорила о Михалкове

Гурченко. Сыновья, а потом отец были первыми читателями ее книги. Видимо, С.В. и передал ее в «Современник». А я-то в свое время удивлялся, как это Гурченко пробилась в журнал. Хорошо и умно говорил Илья Глазунов, хотя в его речи и чувствовалось некоторое сведение счетов с теми, кто сделали его лишь только членом-корреспондентом Академии художеств. Стеблов во время банкета, когда мы оба объедались домашними пирогами, сказал, что прочел, будто любовь к сладкому у мужчин — это один из знаков их эротичности. Два раза Стеблов мне сказал, что разыскивает жену. Я выступил довольно удачно, но не без ехидства. Намекнув, что такой длительный юбилей и для зрителей дело тяжелое. Когда я закончил, то добрый С.В., целуя меня, говорил, что помнит мою речь на его 80-летии. Тогда я заставил весь зал встать, цитируя слова михалковского гимна.

Кстати, в сегодняшнем «Труде» я встретил фотографию Натальи Дуровой все с тем же удавом на ее гордой дворянской вые. Но это уже происходило на каком-то другом юбилее. Ложусь спать. Не написал о чувстве грусти, которое владело мною два этих дня. Видимо, это связано с отсутствием у меня большой семьи и детей, такой же устроенности быта. Завидую легкости и удачливости жизни, умению жить играючи и красиво. Завидую умению так обделывать свои дела.

Физически мне опять хуже, вернулись кашель и хрипы в груди, то ли это от краски и олифы при ремонте коридора, который я снова затеял после ремонта кухни и ванной комнаты, то ли новая простуда. Плохо чувствует себя и В.С., у нее тоже четыре месяца не перестает кашель.

И самое уже последнее, перед таблеткой димедрола: у входа в Фонд культуры встретил Анатолия Салуцкого. Он признался, что только что с юбилейного собрания по поводу девяностопятилетия русской социал-демократии. На собрании не дали говорить А.Н. Яковлеву. Начался шум, крики «предатель». Вот радость-то.

16 марта, понедельник.

Сначала радио и телевизионные новости. Вчера Явлинский сказал на своем «яблочном» съезде, что по-настоящему и в полном объеме реформы у нас идти не могут, потому что политические деятели — это действующие бизнесмены. Власть связана с бизнесом. Олигархия, как надо говорить по-русски. В списке самых богатых людей страны Чубайс стоит на шестом месте, а Черномырдин на третьем. Любопытно, что еще вчера по тому же телевизору, находясь в Америке, бывший член ЦК КПСС Черномырдин рассуждал, что у нас слишком много говорят о всяких «измах», о капитализме, о социализме, гоняются по

Европам за разными призраками, а надо работать. Маркс, дескать, чего-то понаписал, а теперь мы все расхлебываем. Об этом хорошо, подумалось мне, и даже полезно размышлять, являясь одним из самых богатых людей страны, ему лучше бы, чтобы никто ни о чем не рассуждал, а работал, вкалывал на него. Чем больше прибавочная стоимость, тем лучше.

Вечером говорили о новом сексуальном скандале у Клинтона, и приехавшая парочка, Вишневская и Ростропович, побывав в гостях у Ельцина, рассказывали, как он прекрасно и спортивно выглядит и какой он молодец. Вся обстановка этого парного конференса была угодливой. Я не знаю, зачем это нужно Ростроповичу и Вишневский, но атмосфера была самая лакейская. Зазывалы хвалили свое цирковое представление. Почему эти два человека так теряют свое лицо, неужели просто, чтобы быть на виду, неужели только потому, что уже не востребованы миром. Надо не забывать, что, видимо, два этих музыкальных гения крепко потягивают от своего сановного и спортивного друга. На Остоженке строится какая-то вокальная Академия госпожи Вишневской. Здесь возникают вопросы землеотвода, самого строительства и пр. и пр. Неужели примадонна платит за все только сама без малейшей государственной поддержки? Сколько несчастья принес своей стране этот быстрый виолончелист.

Пришло подтверждение из посольства — Лукашенко приедет в институт 19-го в 16.30. По гороскопу день этот очень неудачный.

Вечером вручали на Комсомольском большие и малые Российские премии. Большую премию получил Дмитрий Михайлович Балашов, малые — Юра Волков, Виталий Третьяков, который в своей речи сказал, что в этой премии видит некоторую интригу и, конечно, прав. Распутин — за публицистику, а также Николай Шипилов и Смертина — поэтесса. Двойственное чувство охватило меня: вроде бы все в порядке, и тем не менее вижу расчетливую руку кукловода. Кто такой Шипилов? Почему Распутину, одному из лучших наших прозаиков, премию за публицистику? Мне не понравились стихи поэтессы, здесь много искусственного жима на русскость и пастушку. Все действие происходило в новом ресторане «Пегас», открытом в подвалах «Дома на Комсомольском». Это дорогое коммерческое предприятие, которое ничего не принесет писателям. Я даже думаю, что правление не будут здесь кормить. В крайнем случае покрасуется с иностранными гостями Валерий Николаевич.

17 марта, вторник.

Не успел войти в институт, как встретился с вдумчивыми

глазами офицера ФСБ — присматривают обстановку и готовятся к визиту Лукашенко. Обещают даже привести специальную «ловчую» рамку, которую ставят всегда на входы в самолеты и на кремлевские банкеты. Расстались очень довольные друг другом и с клятвой друг другу помогать. А потом через два часа выяснилось, что саммит из-за болезни Ельцина отменен, и значит визит Лукашенко и в Россию, и в Литинститут не состоится. Студенты шутят: «Ельцин зачихал нашего Лукашенко». Если мне не изменяет память, это как раз тот самый Ельцин, о спортивности и здоровье которого день назад так по-лакейски плакали виолончелист и певица. Вспомнилось о том, что Пушкин очень не хотел, чтобы его хоронили в камергерском мундире. Его и похоронили во фраке.

Вечером выступал по «Эхо Москвы». Мне дали неожиданно много времени. Десять минут я говорил о фестивале в Гатчине, а десять рассказывал об институте. Практически отказался от попыток расспросить меня об инвективах в «Литгазете». Я только спросил: а где сейчас эта самая «Литгазета»? Высказал свою точку зрения, что газета умерла не только потому, что плохое было начальство, но и потому, что слабым оказался коллектив, который традиционно считал себя очень компетентным и сильным. Они все были сильны и значительны, лишь тогда, когда только «Литературке» и разрешали немножко поговорить. Живут же, перестроившись, «Комсомолка» и «МК».

18 марта, среда.

Состоялась прекрасная защита наших студентов из семинара Гусева и Волгина. Особенно меня поразила Таня Ирмияева — за пять лет такое невероятное движение. Она русского-то на первом курсе не знала, и взял я ее скорее из сострадания, потому что в своих горах и в своих аулах она бы с дочкой пропала.

Во время защиты много думал о себе, о бесплодно вколотых в институт годах, о том, что я умудряюсь проиграть и свою жизнь, и литературу. Зачем я всем этим занимаюсь, ради чего? Почему все время беру на себя все новые и новые обязательства, толкаю этот институт, как старую со скрипом телегу. Я ведь точно знаю, что ни слова благодарности не получу, большинство народа даже не понимает, чем я занимаюсь. Все видят только кабинет с картинами и бумагами, валяющимися на столах, портрет Горького на стене, да красное знамя в углу еще с «советской» эмблематикой — эти причуды ректора-совка. А как я не сплю ночь, думая о том, как выкроить зарплату, как стремлюсь, чтобы институт не утонул в окурках, бутылках из-под пива, пакетах из-под молока — по утрам мы наших студентов поим молоком, —

обертках из-под «сникерсов» — кто ведает об этом? Ректор приезжает и уезжает на машине. А эти бесконечные нападки на институт, эта огромная собственность в центре Москвы, на которую все зарятся? Как я только отбиваюсь от всего этого напора?

Стал читать по утрам, с семи и до восьми, когда Леша уходит гулять с собакой. С огромным интересом прочел «Тюремную исповедь» Оскара Уайльда. У меня сложилось впечатление, будто это я раньше читал. В подобных, как у Уайльда и Дугласа, отношениях всегда очень много потерь, и они естественны. Все знакомо и по-человечески понятно, но какое обилие точных суждений об искусстве. Сделал довольно много выписок в свою книгу.

19 марта, четверг.

Сегодня в «Московском комсомольце» прочел крошечную информацию. Вернее, ткнула меня в нее носом Надя Годенко. «Эхо Москвы» (радио): «Подлинным бичом этой замечательной радиостанции стали ее «маленькие старушки» — ведущие прямого эфира. Есть никто, и звать никак — а туда же. Городят в микрофон порой такое, что диву даешься. Некая Ксения Ларина давеча в беседе с ректором Литинститута Сергеем Есиным обхамила газету, весь огромный коллектив «МК» — мол, как интеллигентный человек может читать такую газету? Типун вам на язык, «маленькая старушка».

20 марта, пятница.

День рождения у В.С. Встречали вчетвером. С.П. еще накануне притащил огромную индейку, которую мы зажарили в духовке. Я приехал к пяти часам, и часов в семь уже сели за стол. Надо всем царствовал огромный холодец, который мы сделали с В.С. за несколько дней до этого. Слава Богу, все прошло хорошо, отчасти весело и без ссор. Может быть, нам всем удастся прожить еще один год.

Уходя из института, довольно случайно прочел письмо, адресованное «Платоновскому обществу»: это ответ Черномырдина на челобитную Марии Платоновой. Я все же вице-президент этого общества, и это общество было организовано по моей инициативе и на деньги института. Все же гнусная она баба, Мария Андреевна: все тот же скулеж по поводу музея. Она уже не хочет, как мы с ней договорились, сделать памятную аудиторию. В музей, конечно, ходить никто не станет, ибо в музеи и не ходят. Значение Платонова в отечественной литературе, хотя он и крупнейший наш волшебник слова, все время падает. Но нужен

ли Платоновой музей? Ей нужно место директора, нужны деньги от сдачи площадей в аренду. На Литинститут ей наплевать. В этой акции, безусловно, принимает участие наша Корниенко. Завтра вызову Смирнова и покажу ему письмо, это главный поддерживатель Корниенко. Объясню ему, что музей тесно связан с его собственной зарплатой. Если этот музей будет, то, скорее всего, институт надо будет закрывать. В конце концов черт с ним. Этот доблестный коллектив все время подтачивал меня, значит, вы этого хотели, дети неразумные.

21 марта, суббота.

Весь день сидел над третьей главой «Ленина». Появились некоторые беллетристические приемы. Воистину роман вырастает сам из себя. О, если бы можно писать что-нибудь без документов и материалов!

Умерла Галина Сергеевна Уланова. Ей было 89 лет. Как мельчает наш мир искусства! В связи с этим припоминаю за день или два телевизионную информацию. Встреча Таранцева, хозяина «Русского золота», в зале VIP в Шереметьево. Среди встречающих Гусман, Мережко и Марк Захаров. Шаляпин встречает с объятьями на вокзале банкира Гиршмана.

Уланова, Уланова, Уланова!

22 марта, воскресенье.

Сегодня по ТВ: в Америке, в конгрессе, генерал Лебедь сказал, что Ельцину нельзя доверять ядерную кнопку, ибо он не адекватен. Он также сказал, что Американским штатам не следует давать денежную помощь России, ибо деньги, данные для поддержки реформ и народа, уходят в криминально-правительственные структуры, попросту говоря, разворовываются.

Весь день работаю над «Лениным» и дневником. Ленин все больше и больше приобретает черты писателя Есина, по крайней мере, он почти как и Есин рассуждает об искусстве прозы.

Утром читал «Московский вестник» с прекрасными дневниками В.Гусева. Определенно он нащупал если не новый жанр, то ракурс и подачу свершаемого времени. У него много рассуждений о власти и евреях. Среди прочих и такое: после всего случившегося в России в течение ближайших 200 лет евреям в мире не будут, как прежде, доверять.

23 марта, понедельник.

Сегодня президент Ельцин отправил в отставку все правительство. На бытовом уровне это еще раз показывает: кто начинает первым наступать — тот выигрывает. Через три недели

это правительство в Думе все равно неизбежно получило бы отставку. Теперь новое правительство имеет право много месяцев продолжать все безобразия предыдущего, потому что оно новое. Кажется, менее всего был информирован о внезапной отставке Черномырдин. Но этот опытнейший еще с советских времен, этот терпеливый член ЦК КПСС умеет брать себя в руки. На состоявшейся пресс-конференции через хорошо скрываемое раздражение он все время говорил о преемственности реформ и преемственности одного правительства по отношению к другому. Как это естественно говорить о преемственности, по сведениям газет, бизнесмену № 3 России. И я бы, наверное, заговорил о преемственности, если бы, ничего не имея и ничем не владея, как и все советские люди, вдруг за десять лет стал третьим по капиталам собственником в России. О том, как возникала в нашей стране такая собственность, говорить просто смешно. И Ельцину надо говорить о преемственности. А надо ли говорить о преемственности обнищавшему старому человеку? Преемственности нищеты. Сегодня много думал об особом положении Москвы в государстве. Причины этого понятны, здесь все почти и бюджетно-зарплатные деньги и вообще деньги. Банки, госучреждения и пр. Москва собирает такие доходы в свой бюджет, который никогда не сможет собрать ни один город. Именно в Москве покупается и продается наибольшее количество товаров и ценных бумаг, здесь наибольшее количество нотариусов, собирающих свою немалую мзду с каждой сделки и с каждой подписи. И в свете всего этого такой ли уж хороший хозяйственник наш мэр Лужков? Ему просто достался самый лучший и урожайный в стране лужок. А так все осталось по-старому: раньше в Москву вся страна ездила за колбасой. Теперь вся страна ездит за деньгами.

Интересно еще одно обстоятельство: письмо-то Маши Платоновой было направлено Черномырдину. Вызов Смирнова пока отменяется.

Писал ли я, что продолжаю покраску полов и покупку ковров для института? Сердце радуется, когда захожу в конференц-зал, в 23-ю аудиторию, где у нас как бы музей соцреализма. Теперь отремонтировали кафедру творчества и кафедру иностранной литературы. В институте появляется прежняя барственная строгость. Студент должен с почтением относиться к дому, в котором он учится.

24 марта, вторник.

Семинар пришлось сегодня сократить до одного часа десяти минут. Интересно, что ребята на него аккуратно и добросовестно

ходят. Четвертый курс практически перестал писать, как это обычно случается на старших курсах. Разбирали «параллельные портреты». Сегодня это были Маша Лежнева и Саша Барбух. Ткнув на прошлом семинаре пальцем, я и не предполагал, что заставлю их написать любовную историю. Обязательно надо сегодня «истребовать» у ребят разрешение и напечатать это в нашем студенческом журнале. Лучше и благороднее написала Маша. Здесь была обида, перегоревшая любовь и разочарование. Я вообще потрясен, как здорово за последнее время Маша работает. Барбух на ее фоне кажется неблагородным при всех своих признаниях. Вот она, жертвенность и искренность в литературе. Другая пара — Аня Кузнецова и Коля Эдельман — была посуше, поэгоистичнее. Подозреваю, что здесь тоже был роман, но похолоднее. Как всегда очень интересно написал Юра Роговцев, он сделал свой этюд-портрет в виде стихотворения о Тане Трониной. Этюд Ани я критиковал несправедливо жестко, критика скорее была направлена против тенденции. Но эти ребята умны, владеют словом в пределах игры ума, со страстями здесь хуже.

К шести часам поехал на ужин в китайское посольство. Описывая все происходившее, должен сказать, что это один из самых удивительных вечеров в моей жизни. Пропущу китайскую еду, которая была и вкусна, и разнообразна, удивление от огромного посольства, целого города неподалеку от университета, пропущу даже впечатление от холодновато-торжественных залов личной резиденции посла, находящейся здесь же, на границе этой огромной территории, по которой мы плутали на машине. Бедный Федя, мой шофер, простоял в посольстве, возле резиденции, с 6 почти до 9! Удивление вызвал в первую очередь сам посол Ли Фэнлинь. Это бывший аспирант МГУ, заканчивавший аспирантуру у Петра Савича Кузнецова. Наши ребята, которых посол позвал на эту встречу, Феликс Кузнецов, Станислав Куняев, который начинает работать у нас в институте (написать, если не сделал этого раньше, историю появления Стасика в институте), Валерий Ганичев, сравнительно недавно вернувшийся из Китая, Володя Костров, Олег Бавыкин, заведующий у Ганичева международной частью, все были милы и естественны. Не было обычной в этих случаях лести, каких-то выпрашиваний, подмазки. Правда, Феликс не утерпел и начал искать себе партнера для Пушкинской конференции в лице Китая. Я тоже рыпнулся: пригласил посла в институт на встречу со студентами. Это было бы для них, для наших студентов, интересно как факт трудолюбия, как факт, что можно сделать из собственной судьбы, если за нее как следует взяться. Как же

посол знает русский! Как естественно, как вольно. Какая прелестная человеческая реакция на смешное, как он заразительно хохочет! Мы вспоминали университет, студенчество, общих преподавателей, даже анекдоты той студенческой поры. Память у посла более живая и цепкая, нежели у меня. Всеми своими товарищами я восхитился. В.Н. Ганичев немножко хвастал тем, что недавно встречался с губернатором Санкт-Петербурга, и рассказывал послу о том, что он увидел в Китае. Естественно, в его рассказе не было ничего нового и оригинального. Над Валерием Николаевичем я даже иногда подтрунивал, а один раз, когда он что-то очень вольно вильнул хвостом, даже сказал: «Ну, что вы, Валерий Николаевич, меня не бойтесь, не стану я вас сегодня обижать». Сказал я это уместно, и получилось не обидно. Все говорили тосты, и были тосты красивы и уместны. Пили «маотай» крошечными рюмочками.

Феликс Кузнецов сказал, что только перед визитом в посольство виделся и три часа разговаривал с Солженицыным. Институт выпускает академическое собрание Александра Исаевича.

25 марта, среда.

Очень много работы, она неинтеллектуальна, не развивает, просто глушит меня. В 15 часов состоялась защита дипломов. Защищались Замостьянов, Ряховская, Авдеев, Сергей Мартынов и две кореянки. У кореянок пьесы, кажется, интересные по замыслу, и одна из них получила диплом с отличием. Отличие получил и Саша Авдеев, это меня очень радует. Неужели мне удалось доучить это бородатое чудо?! Помню его приемные экзамены, помню, как я правил ему грамматические ошибки, а С.П. помогал ему с английским. Саша Авдеев, сын простых и, видимо, достаточно темных людей из Ярославля, сын огромной семьи, где чуть ли не шестеро детей, первым в семье получает высшее образование. Очень порадовала меня Татьяна Александровна Архипова, резко, хотя и справедливо, выступившая по Ряховской. По поводу небрежностей и плохого оформления работы последней я тоже проворчал, намекая на телефонные просьбы, которые на протяжении всех пяти лет следуют за этой девочкой. Заласканный длинноногий ребенок. Не получил «отличия» и другая звезда института — Замостьянов, что-то довольно резкое сказал я по поводу его баллады «Ларионов» — был в Рязани такой секретарь обкома, который, выполняя план по сдаче мяса государству и желая отличиться, пустил под нож весь молодняк рогатого скота. Меня удивило какое-то неуважение, пусть даже и к неправильно прожитой, но человеческой, а не скотской жизни.

Слава Богу, удачно защитился Сережа Мартынов. Отпраздновали его победу двумя бокалами красного вина в нашем кафе. Были еще С.П. и Оля Горшкова.

Чтобы с этим покончить, привожу историю появления Куняева в институте. Летом во время выборов я попросил Татьяну Бек, мою приятельницу, поставить свое имя в список людей, поддерживавших меня. Она это сделала, но через два дня свою подпись сняла. Испугалась своих евреят. Она-то меня знает, но товарищи по классу мною пугают, а защищать не хочется, не политично. Значит, лучше всего, чтобы и не знали, что она со мною дружит. Подпись сняла, я не подал виду, но в душе оскорбился. Значит, если я не могу рассчитывать на людей, меня хорошо знающих, с которыми я работаю, которым всегда делаю много хорошего, но которых не устраивает моя национальность как «чужого», значит, я должен рассчитывать только на своих, которых моя кровь и мой образ мыслей о моей родине не раздражает. Удивительное дело у нас, русских: когда доходит до дела, все равны — кто дело хорошо делает, тот и хорош, а у богоизбранной нации, во-первых, хороши свои, а потом уже существуют чужие. С грустью приходится констатировать, что я русский националист.

26 марта, четверг. Вечером начал читать заданные мною раньше «автобиографии» и «портреты», сделанные семинаристами. Очень много интересных фрагментов и работ. Тут же возникла мысль, что я заставлю своих студентов все дипломные работы предварить биографиями, написанными на первом и четвертом курсах. Потом пойдет «манифест», но это я задам им на следующем занятии. Решил также, что следующее занятие посвящу разбору написания «манифестов». Может быть, это сделать и одной главой будущей книжки? Уже определенно встает вопрос о стенографистке.

Сегодня была дама из минкульта, приехавшая по письму Марии Платоновой, Галина Васильевна. Я показал ей институт, постарался рассказать обо всем, в том числе и о проблеме платоновского музея, как я все это вижу. К сожалению, почувствовал, что не многие понимают, как мне достались лакированные полы, ковры, само чудо держать на плаву учебный процесс и здание. Тем не менее дама оказалась очень милой. Понимающей и, кажется, сочувствующей моей точке зрения. Может быть, удастся и отбиться.

На ученом совете долго говорил о проблеме платоновского музея. Как о проблеме института. Не мы не хотим этого музея, а обязанность времени — сохранить наш институт. Важно спасти каждого студента, накормить его и обогреть, чем тешить

самолюбие дочки писателя: у меня есть музей! Собственный. Весьма прозрачно намекнул, кем все это инициируется. В разговоре с Галиной Васильевной промелькнуло понятие «Платоновский центр». Я сразу понял, откуда дует ветер, и мне захотелось спросить: «А что это такое?»

Проголосовали и собрали документы, что может быть еще более важно, для выдвижения А.И.Горшкова на премию правительства России за серию его учебников для школы «Русская словесность». Интересно, — по рассказу Александра Ивановича получается, — что многие пассажи будущего учебника он придумал, когда вел занятия в институтском лицее.

Купил сегодня в нашей книжной лавочке журнал «Разбитый компас» Дмитрия Галковского. Мне повезло, наткнулся на 2500 цитат из Ленина. Есть мысль, что в дальнейшем я буду читать только Галковского. Сейчас лягу и почитаю.

30 марта, понедельник.

Вечером вместе с Татьяной Иосифовной пришел Боря Поюровский, чтобы посоветоваться по московским премиям. Рассказал, что когда он был на поминках по Марии Мироновой, которая завещала все вещи и квартиру музею Бахрушина, к нему подошла Наина Иосифовна и сказала: «Все-таки надо сделать так, чтобы все досталось Маше, дочке». Чудовищно, если ее муж все время говорит о правовом государстве. Миронова была дочерью знаменитого портного, а дед Менакер — выходец из солдат-кантонистов, имевших право после 25 лет службы селиться вне черты оседлости. Уже, кажется, отец Менакера учился в Цюрихском университете или дед. Интересно, что Андрей Миронов был мамин, а не папин сын.

31 марта, вторник. Вечером вместе с приехавшей Барбарой ходил в театр имени Гоголя на чеховского «Иванова». Спектакль хорош, здесь окончательно проявилась эстетика Сергея Яшина с его движениями и танцами-символами. Как всегда, у него играют Светлана Брагарник и Олег Гущин. Возможно, я стою возле возможности создать о Гущине статью.

Возникло просветление относительно этой первой пьесы Чехова. В ней нет ни одного положительного героя, кроме еврейки Сары. Русские представляют из себя сволочей и дерьмо. Пьеса заражена духом якобы русской рефлексии, грубости, ложной искренности и хамства. В спектакле Яшина особенно пронял меня доктор, человек, который все делает и поступает «как честный человек».

Днем провел кафедру по итогам дипломных работ. Критиковал Олесю Николаеву за верхоглядство, за невнимание к

студентам. Хоть как-то защитил Воронова. «Я, конечно, ничего не понимаю в поэзии, так же как и Андрей Михайлович Турков, но когда мы после защиты ехали с ним домой, то пришли к выводу, что потенциально самым сильным является Воронов». Именно на него Олеся больше всех и лила воды, его диплом оказался совершенно ею не подготовленным и, возможно, даже не просмотренным.

Днем на мой семинар приходил корреспондент из Би-Би-Си. Разбирали этюд Барбуха о Маше Лежневой. Самый холодный он все же из всех мальчиков. Дал задание написать манифест. Накануне кое-что посмотрел и сделал выписки.

1 апреля, среда. Уехал с Лешей на дачу и пробыл там до второй половины дня. Много сделали по большой стеклянной теплице, переносили навоз, который зимой завез наш комендант Константин Иванович. Леша, как истинное крестьянское дитя, если врезается в работу, то роет ее до конца. Сделал мне из досок и кирпича образцовое обрамление грядок в теплице.

Вечером пытался начать следующую, четвертую главу Ленина, чего-то пока не получается, но снятая с принтера предыдущая глава обладает некоторой обнадеживающей плотностью текста. Скоро, полагаю, начну печатать. Вернулся в четверг довольно рано. В наше отсутствие Олег продолжал строгать стеллажи, рисунок, как всегда у Олега — еще один образец русского рабочего человека, — прописывается очень интересный. Олег и гениальный рабочий, делающий все тщательно и аккуратно, не хуже хваленых югославов и турок, и одновременно грандиозный дизайнер. Я уже даже не высказываю ему своих пожеланий, а только намекаю, потому что знаю: мои предложения будут скромнее и бестолковее, чем придумает и сделает Олег.

3 апреля, пятница.

Проснулся в четыре утра и теперь маюсь с газетами. Люди занимаются работой большого стиля, пишут романы, о них спорят, а я только из газеток выписываю мелочевку, касающуюся меня, тщеславясь, на что-то надеюсь. Не будет никакого музея, не будет даже собрания сочинений, и памяти обо мне не будет. Писательская общественность меня уже похоронила. Вернее, похоронила следующая генерация. Но все равно буду скромно писать свой злосчастный роман и постараюсь включиться в другие мои задуманные работы. Сейчас очень мешает потерянный файл первой главы Ленина. Я выписал из Галковского кое-что из порядков в Симбирской гимназии и постараюсь вставить. Напряжение создают стиль, плотность мыслей и информации.

Самое главное, не лезть в архивы самому, это не моя специальность. Писать на новом материале — это удел плохих писателей, хороших — новость сама по себе. Все главное и существенное уже напечатано в книгах. Моя задача все по-своему соединить.

В «Дне» статья В.Бондаренко как ответ на статью Чупринина о том, что русские писатели патриотического направления загнали себя в «культурное гетто». В этом есть некоторый резон, но писать об этом не хочется. Привожу цитату из статьи Бондаренко совершенно по другому поводу.

«Это разве не преступление, когда государственный канал «Культура» контролируется исключительно антинациональными деятелями. Где здесь даже намек на мирное сосуществование двух культур, господин Чупринин? Где в попечительском совете телевидения Распутин или Доронина, Губенко или Бурляев, Николай Тряпкин или Вячеслав Клыков? Кто изолирует их от государственного телевидения? Почему господа Швыдкой, Гусинский, Березовский и Сванидзе, а с ними и господин Чупринин на дух не переносят всего, что творится в современной русской культуре? Ведет передачу на канале «Культура» талантливый порнограф Виктор Ерофеев, но изгоняется даже тихий и спокойный умеренный патриот Сергей Есин». *Конец цитаты.*

Володя Бондаренко только забыл, что Сергей Есин — единственный среди многочисленных свободных патриотов государственный чиновник. И не боится из-за выступлений это маршальское место потерять. А когда витийствует сам Бондаренко и Золотцев, это несколько другое витийство. И Проханов, и Бондаренко — я уже не говорю здесь о политической карьере — из этого патриотического витийства сотворили себе хлеб насущный. Проханов и Бондаренко тем не менее лучшие и благороднейшие, они талантливы, а многочисленные другие — одописцы и протестанты. Признаемся, что есть определенное количество писателей патриотического лагеря, которые могли бы составить славу так называемому писательскому лагерю демократов, но большинство-то патриотов никому не нужны, потому что серы и никчемны. Плохо и косноязычно пишут, не работают в основных жанрах, а суетятся в сферах, близких к журналистике. Я все-таки из тех, кого возьмет себе любой лагерь. Я сам выбрал себе путь и свою судьбу, в том числе литературную. Я знал, что в том, демократическом лагере, где есть, конечно, и первоклассные писатели, такие, как Василь Быков и Астафьев, в этом лагере мне было бы денежнее, престижней, свободней. Но я сделал свой выбор. А вот понимают ли мои коллеги по протесту,

что в отличие от большинства из них каждое мое слово вредит мне.

Вечером был на спектакле в «Табакерке» (так в Москве называют труппу Олега Табакова). Спектакль называется «Еще Ван Гог…» Идея и композиция Валерия Фокина. Я сразу обратил внимание, что нет ни автора пьесы, ни вообще пьесы. Композиция довольно тривиальная. В современном дурдоме сидит юноша-художник. Практически всего два героя: этот самый юноша (Евгений Миронов) и его мать (Евдокия Германова). Поставил все это наш пострел Валера Фокин. Скучища жуткая. Хотя все кругом крутятся и вертятся, и балетничают, и циркачут. Почти виртуальное искусство, вдобавок с некоторым ощущением, что это тебя развивает. Интересно, что в фойе всем зрителям дают бесплатный кофе в бумажных стаканчиках — рекламная акция «Нескафе». Без кофе это и не выдержишь. Вечером позвонил Руслан Киреев: «Новый мир» берет записки В.С. Боже, как я этому рад.

6 апреля, понедельник.

А.С. Орлов передал мне газету «Советская Россия» с огромной статьей учителя из Екатеринбурга Р. Бармина с полемикой по поводу одного лишь моего пассажа в интервью с В.Кожемяко. Статья называется «Назван родины главный предатель». После подписи небольшой постскриптум. «Уважаемые редакторы «Советской России»! Вы нашли мужество предоставить возможность Есину нанести пощечину учительству. Было бы справедливо предоставить такую же возможность и учителям публично ответить своему хулителю». Сути статьи я не передаю, «ответ получился» вялый все с теми же заезженными тезисами. Новое лишь то, что нынче голодный учитель стоит на передней линии противостояния режиму. Аргументы привычные: боялись (КПСС, как будто бы надо было учить противостоянию, а не умению сделать выбор и анализировать). Именно об этом я и говорил в своем интервью. Сути моего высказывания Бармин понять, по естественным причинам, не захотел. Но вот что интересно, в этом же номере газеты есть статья о викторинах на ТВ: «Опасные игры», и в этой статье автор пишет: «…года полтора назад собрал Леонид (имеется в виду популярный телеведущий Леонид Якубович — *С.Е.*) на свое «Поле» старшеклассников, резонанс она имела большой. На другой день многие возмущались: «Да чему же учат в школе наших детей?» А поводом для возмущения послужило то, что игроки, восьмиклассники, не знали, кто написал «Руслана и Людмилу», не могли вспомнить ни единой строки из «Евгения Онегина», перепутали Пушкина с

Тургеневым, а один мальчик, ничего не зная о Чехове, назвал его поэтом». Я писал не об этом, хотя и это свидетельство лености и интеллектуальной нерадивости сегодняшнего учителя. Здесь не дефекты времени и не «ужасные дети». Здесь учитель. Я писал о вещах более глубоких, о неумении учеников с позиции этики рассуждать, сопоставлять, думать об отечестве, решать «элементарные задачи». Вечером я рассказал обо всем этом Леве Аннинскому. Он сказал: по существу об этом знают все, но писать об этом не принято.

7 апреля, вторник.

Был у Натальи Дуровой в ее уголке. Говорили о реализации ее проекта «Страна детства». На мою долю выпадет «лицей». Ни ей всего этого не нужно, ни мне. Но без планов, без чувства ответственности за будущее мы жить не можем. Тем не менее Наташа еще живет и своим: на ней потрясающий костюм из серой каракульчи.

На сегодняшнем семинаре читали и разбирали «манифесты»; чудные сделали Таня Тронина и Юра Роговцев. Как я все же не ошибся в ребятах….

12 апреля, воскресенье.

Около двух часов приехал с Алексеем из Обнинска. Два дня занимались хозяйством, перетряхивали гараж, монтировали теплицу. В Москве около четырех выпал снег. Я долго раздумывал, ехать ли мне в Театр русской драмы, «камерная сцена». Это возле театра на Таганке, на углу Земляного вала и Тетеринского переулка. На дороге жуткая слякоть, метель. Машины едут, разбрасывая тучи воды, смешанной со снежной крошкой. Играли «Царя Федора Иоановича». Крошечная сцена, где все поместилось, и поместилось монументально. Прекрасные актеры, совершенно мне неизвестные, с молодыми лицами. Я мало помню свое впечатление от спектакля. В памяти остались только гениальные декорации Куманькова. Я раньше не понимал, в чем гениальность Смоктуновского, пьеса мне казалась каким-то рудиментом старой дореволюционной моды. В чем же здесь блистал Москвин?

Вот только здесь, в театре «Камерная сцена», я все и понял. О, если бы что-то подобное появилось у Ефремова или у Табакова, какая бы была пресса. Очень интересно играет Михаил Щепенко, худрук. Никогда не забуду одной интонации у актрисы, играющей царицу Ирину. Ради одного слова мы подчас и ходим в театр. А здесь в слове зазвучала целая пьеса.

14 апреля, вторник.

Я обратил внимание на то, что у меня вдруг снова, как в молодые годы, проснулась фантазия. Мозги вдруг начали функционировать с той же изобретательностью и с тем приносящим радость изворотом. Несколько интересных идей возникло во время последнего семинара, где снова разбирали «манифесты». Ребята в этом жанре чистой мысли работают плоховато. Здесь надо или придумать всю ситуацию группы, или своего лирического героя, или в своем творчестве набрать много идей и мыслей. Ребята все привыкли делать с опорой на собственные силы, считать себя непревзойденными образцами мыслителей и фантазеров. Подумалось: а почему бы ни сделать «Записки вруна»? Утром мелькнула мысль написать повесть о матершиннице, что позволило бы ввести в литературу иную лексику. Условно — это «Записки Галкиной-Федорук». Естественно, фамилия должна быть изменена. Она в семье Реформатских, потом замужем за Галкиным, ректором МГУ. Легенды вокруг ее имени. Никакой диссертации о русском мате она не писала. Но я всего этого не напишу, потому что занят Лениным.

Вечером был на президиуме академии. Надо бы выйти из академии, но пока берегу честь и достоинство своих, институтских. В прошлый раз Беляев и Сергей Шувалов перевернули и сократили президиум, сделав его карманным. Мне удалось только вернуть Горшкова. При любом голосовании я окажусь в меньшинстве. С каким остервенением они — Беляев, Поволяев, Муссалитин — протестовали против введения в число академиков Вл. Гусева, дескать, он пьяница. Эти люди говорили о моральном облике Гусева! Говорили, что я из академии пытаюсь сделать филиал Литинститута. Меня поддерживал лишь А. Ким, в президиуме мы только двое писателей. Единственная возможность — апеллировать к общему собранию. После заседания ощущение грязи и нечистоты. Но они еще плохо меня знают, я из этой академии выйду. Во время всех голосований старик Розов не поддерживал меня: сработало старое опасковое начало. Впрочем, Беляев уже президент, Розов с удовольствием ему этот пост уступил. Впервые от всего происходящего я пришел в ужас.

15 апреля, среда.

Жуткая история с разгоном студенческих демонстраций в Екатеринбурге. ОМОН. Дубинки, разбитые головы. Телевидение приезжало домой брать у меня интервью, говорил о внутренней безнадежности сегодняшнего высшего образования: к тому

времени, когда молодой человек оканчивает институт, скажем как физик, уже нет учреждения, которому физики, химики или философы нужны. Значит, впереди толпится безнадежность. Она-то, а не реформы высшего образования выводят студентов на улицы. И студенты все могут перетерпеть, кроме ненужности своих усилий. Почему почти каждый молодой человек хочет в экономисты или менеджеры — ближе к живым деньгам, а в юридические институты идут не потому, что хотят служить закону, а потому, что за беззаконие очень хорошо платят.

В 16 часов состоялся президиум союза книголюбов — как славно и хорошо мои товарищи кормятся вокруг этой организации.

16 апреля, четверг.

Утром ездил с С.П. на Загородное шоссе. День хороший, солнечный, и жизнь уже не кажется такой безнадежной. На территории больницы я не был уже лет тридцать. Здесь многое изменилось. Здания уже кажутся не старыми, а старинными. Прибавилось порядка и в парке. В молодости на все смотришь мельком: жизнь очень длинная и можно вернуться к тем же самым предметам и рассмотреть их подробнее. В старости на все смотришь уже в последний раз…

Приезжал в институт посол Ли Фэнлинь. Мое вчерашнее отсутствие на работе сказалось: зал был не полон, а студентов я сгонял на встречу. Лева, которому я поручил с утра заняться студентами, все формально переложил на преподавателей и занимался своими бумажками. Я-то знал, что встреча эта будет очень увлекательной. Были интересные вопросы ребят и интересные ответы. Одним из застрельщиков был С.П., спросивший: «Существует ли в китайском языке слово «взятка» и как часто этим словом пользуются?» Выяснилось, что именно у этого слова, как и у его русского собрата, огромное количество эквивалентов. Вспомним гоголевского «барашка». Мысль посла о бремени культуры, которая заставляет оглядываться назад. Культурная традиция также всегда отыщет в прошлом прецедент, на который можно сослаться по поводу сегодняшнего беззакония. Роль коммунистических идей в жизни китайского общества сегодня. Нет общей мировой цивилизации. Пора России избавляться от страхов. Страх с Запада. Страх с Востока. Язык — это мышление. Китайцы по-другому рассматривают крупные личности. Их традиция требует рассматривать их как живопись крупных мазков. Почти любой ответ посол начинал со слов «Это вопрос сложный».

После беседы целый час в ректорате пили чай с пирогами.

Посол с удовольствием съел и пирожок с грибами, и кусок горячего пирога с капустой. В этом смысле наш Алик, директор столовой, молодец.

Читаю «Гоголь в жизни» В. Вересаева. Это невероятно интересно, много материалов для моей книжки. Из последних новостей — поездка в Багдад. Пулатов собирает команду писателей на день рождения Саддама Хусейна. Это инициатива Тимура Пулатова, строящего свою свиту перед поездкой. Первоначально должен был ехать и Сорокин, но Арсений Васильевич Ларионов, традиционно играющий на всех полях, почему-то нашего Сорокина отговорил. Я думаю, что это связано с долгой войной Союза писателей на Комсомольском с Поварской. Последним, естественно, хочется чужой собственности. С одной стороны, в этом есть некоторый резон, но, с другой, с разрушением Сообщества исчезает последняя объединяющая структура писателей бывшего Союза. Я знаю как хозяйственник всю неаккуратность обращения на Комсомольском с общественными средствами. Кому достанется собственность на Поварской: Ляпину и Ганичеву? А Сорокин все же хлеб ест на Комсомольской.

17 апреля, пятница.

В четыре обедал вместе с Барбарой и приехавшим в Москву ее другом Вилли — у Альберта. Еще была Мария Зоркая, которой я, как всегда, симпатизирую. Другое дело, что в ней сидит, несмотря на все ее христианство, библейская скрытность и стремление не выносить своего духовного мира на поверхность. Библейцы все очень закрыты и обтекаемы в личных контактах, как бы боятся показать свою житейскую технологию, обнажить свою душу. А может быть, и сами понимают свой душевный изъян.

Вечером вместе с С.П. ездили в филиал Малого на колкеровский мюзикл по Сухово-Кобылину. Сначала все очень не понравилось, но постепенно увидел вдруг значительность этого спектакля. Все хорошо, и декорации, довольно условные, и актеры, и, конечно, Соломин, играющий Кречинского. Стареющий, без единой мысли о вечном, кот. Пришла в голову мысль, что недаром Кобылин выбирает для своего проходимца фамилию с польской огласовкой. Очень хорош и Расплюев Бочкарева. Сколько в нем бесшабашного, разгульного, но русского. И опять ассоциация по смежности: Польша отказалась выдавать российским властям нашего родного демократа Сергея Станкевича. В глазах москвичей он, конечно, жуликоват. Спектакль ирреален в своем ужасе, в конце спектакля на сцене

появляются некие дьявольские топки из нержавеющей стали. Это, кажется, действует на зрителя. Кстати, зритель в Малом существенно отличается от посетителя «Табакерки». Какие-то раскрепощенные, но не наглые. Фигуры без претензий, много русских лиц.

18 апреля, суббота.

Ездил во второй половине дня на дачу, где я высыпаюсь единожды в неделю. Неужели раньше все люди жили в такой глубокой и спокойной тишине? Какое счастье, что на даче у меня не работает телевизор.

Утром ездил выступать на конференцию «Средства массовой информации и духовное состояние общества». Как всегда, сначала согласился, а потом пожалел. Зал был полон, я порадовался за публику, которая приходит сюда поговорить и пообщаться со своими. Но какое огромное количество нездоровых людей. Здесь же состоялась и моя встреча с коммунистами, которых все время поддерживаю. Но какое количество бездельников и как все они любят интриги. Вопрос остается все тот же: что такое социализм, что такое равенство, что такое социальные программы. Человечество надо любить со всеми его недостатками.

На даче я, коммунист, лег спать с мыслью о своей виновности и о Боге. Движение к Богу — это возрастной страх конца жизни или же созревание и понимание, что без него твоя жизнь не существует, она мертва?

20 апреля, понедельник.

В институте начались государственные экзамены по литературе. Второй год, как введен экзамен по словесности. Экзамены летят, будто вся комиссия куда-то торопится. Привычка проводить экзамены, как в литобъединении, будто все торопятся на совместную пьянку. Марку держит только Чудакова, которой все интересно, и Горшков, который принципиален. Хуже всех отвечает Сережа Мартынов, еле-еле ему натягивают «тройку». С Чудаковой поболтали о вчерашнем выступлении Зюганова, который обвинил Ельцина, что тот, дескать, на Пасху уехал в Японию, и страна осталась без пастыря. Член той партии, которая традиционно бывала безбожной. Воистину с этикой у того и у другого не все в порядке.

Очень понравились «Вопросы для зачета письменной работы IV курса», которые показала мне Чудакова. Каждому отвечающему она вручает контрольную работу, которую студент писал по этим вопросам на IV курсе. Работа перепечатана на машинке, и я сразу увидел здесь и собственную пользу: этот опрос или идеи

студентов вставятся куда-нибудь в работу профессора.

«Прошу изложить письменно в любой форме и любом объеме ваши впечатления от нижеследующих произведений, возникших в рамке литературного процесса советского времени.

Какое-либо стихотворение Маяковского и его статья «Умер Александр Блок».

«Дума про Опанаса» (1926) Багрицкого (факультативно — если есть что сказать)

Рассказ Бабеля.

Стихотворение (одно или более) Павла Васильева.

Стихотворение (одно или более) Твардовского 1936 года.

«Охотничий рассказ».

Какой-либо рассказ Зощенко середины 1920-х годов и повесть «Перед заходом Солнца» (1943).

Цикл Пастернака «На ранних поездах» (1941) и неоконченная поэма «Зарево» (1943).

Видите ли Вы — и если да, то в чем — воздействие печатного литературного процесса советского времени на роман «Мастер и Маргарита»? (Факультативно).

Интерпретация любого произведения советского времени как точки приложения — или пересечения — вектора социума и вектора литературной эволюции.

Декабрь 1996. Профессор М.Чудакова.»

21 апреля, вторник.

Ни один день не могу посвятить себе. Может быть, я скрываюсь за этой хозяйственно-руководящей работой? На экзаменах сегодня три «двойки» по словесности. Нарушу вузовские порядки и разрешу пересдать в конце сессии или с заочниками.

Вечером давал интервью Рен-ТВ. Теперь буду знать, что это брюзжащий канал. Приехала жуткая, с брезгливой миной девка и угрюмые операторы, распространяя везде дух недовольства. Говорили об «этической цензуре». Здесь я расхожусь с друзьями-коммунистами: я против смертной казни, против цензуры.

На семинаре разбирали пьесу Максима Курочкина. Он сделал большой прогресс, это хорошо. Его новая пьеса, при всей рациональности Максима, оказала на меня очень большое впечатление. Возникло что-то летящее, неожиданное, помимо логики. Из удач дня — согласие Саши Сегень на преподавание на заочном отделении.

С доски публикаций принесли мне статью Олеси Николаевой в «Независимой газете». Она теперь церковница, попадья, муж у нее настоятель в университетской церкви, где отпевали Гоголя. Теперь церковница Олеся выступает с позиции этой партии. Кстати, меня удивляет, как церковники охотно подбирают самых гибких, пластичных, всю жизнь прыгающих за сильными. Образец — В.Г. и многие другие, взял что ближе и понезатейливее. Образец забвения всякой этики. Мы ведь, кроме махания рукой в виде креста и поцелуев с неразборчивыми церковными иерархами, знаем, какое невиданное воровство не без его, полагаю, попустительства царит вокруг него.

Итак, статья «Пир духа» с запасниками». Музейная администрация не желает расставаться с сокровищами ризницы Троице-Сергиевой лавры». Вообще весь вопрос с культовыми произведениями искусств очень сложен. Не висит же Мадонна Рафаэля в соборе Святого Петра, хотя там находится Пьятта Микеланджело. Весь тон статьи «партийный» с подковырками. Будто не госпожа попадья и ее муж выучились на коммунистические деньги в Литературном институте, где разумно, в единственном институте страны, не преподавался атеизм. Будто не ее водили по музеям и коллекциям с этим самым «награбленным». Не ее ли отцу-инвалиду дали из казенного, распределенного и отрезанного писателям Сталиным, не им ли дали огромную дачу в Переделкино. Будто не ей лично, из тех же самых общих писательских средств, выделили и еще для ее семьи — дачонку. «Вполне закономерно, что с падением коммунистического режима началось медленное, частичное возвращение Церкви того, что было награблено у нее государством за семьдесят лет». Вот такой тон. Кстати, она мне сегодня встретилась во дворе и похристосовалась. Все-таки матушка. Ох, если бы она по-матерински занималась со студентами, внимательно читала бы их дипломы.

Вещи у меня не собраны. А через два дня я уезжаю в Багдад. Этот город до сих пор для меня лучший из городов мира. Не забыть бы купить Самиду каталоги.

22 апреля, среда.

С утра сидел на госэкзаменах по литературе. Отвечали ребята средне, хотя порадовал Эдик Поляков. Эти русские парни, если во что-то вгрызаются, то знают. Часто не умеют втереть очки экзаменатору, но суть знают, литературу чувствуют. Дотошно и принципиально работали Горшков и Лилеева. В результате у них оказалось три двойки. Вопрос надо было решать: или мы вслед за студентами признаемся в несерьезном отношении к экзамену,

который только что ввели, или действительно надо поступать жестко. Двоим я перенес экзамены на конец экзаменационной сессии, а Бояриновой, у которой были недостаточные ответы по двум вопросам, на следующий год. Весь остальной день провел в хлопотах по институту, решал всевозможные хозяйственные, денежные и организационные дела. Традиционно отбивался от Светланы Викторовны с ее стремлением отчислить всех неуспевающих. В последний момент вычеркнул из приказа Сережу Гузева. Парень прогуливает, кажется, покуривает травку, но я его жалею. Потому что он пишет хорошие стихи. У него не менее двух несданных экзамена за прошлый семестр.

В самом конце дня позвонили из посольства Белоруссии о возможном визите президента Лукашенко к нам в институт 28 апреля. Я долго размышлял, уже даже решил отменить свою поездку, но потом не смог выдержать искушение Багдадом. Почему я все время кого-то жду, чего-то ломаю в своих планах. Как будет, так и будет, предоставим все на случай, пусть покрутится Лева.

24 апреля, пятница.

Из окна отеля Мансур, где нас на этот раз поселили, виден Тигр, мост через реку и на другом берегу опять какая-то башня отеля и снова невысокие домишки города. Видимо, волшебным образом сказывается на мне название города. Описывать не стану полет на самолете, многочасовое, всю ночь и еще часть дня, путешествие по пустыне. Все это на меня навевает какую-то умиротворенность и каждый раз одни и те же размышления. Я всегда думаю в этих местах об идеях христианства, о действующих лицах этой великой драмы, которую человечество знает наизусть, о том, что в этих местах, среди этого пейзажа, и в таких же скудных хижинах при свете очага зародились великие легенды. Интересно, что меня здесь даже не волнуют разгадки тайны, выберут или нет сегодня в Думе нового тридцатипятилетнего премьера. Наша богоизбранная страна хотела своего Израэли — в контексте моего дневника, — и она его наконец-то получит. Если стране от этого станет хорошо, то дай бог. Но как этот маленький, улыбчивый человек хочет власти. Как молчаливо старается и как все сносит. Как быстро и отчетливо перестраиваются все наши знаменитые политические деятели, чувствуя неизбежность. При нашей Конституции, подобно которой не было ни в одном монархическом государстве, все возможно. Даже при Романовых был синод, был сенат. Было государственное собрание, существовала Дума, а у нас все это носит характер декорации, и лишь один президент. Я хочу, я

решил, я так намерен.

Перед отъездом из Москвы я передал папку с повестью В.С. для Анатолия Дьяченко в надежде, что тот отыщет что-либо для пьесы. Разговор об этой инсценировке возник у меня еще раньше. В автобусе меня пронзило, что может получиться прекрасная пьеса по мотивам двух книг: моей и рукописи В.С. Два основных действующих лица: ректор и его жена. Две трагических ситуации, пожар в конце пьесы, на который так упорно указывал Толя.

Автобус, рыча, проползал сотни километров, и тут на пустынном шоссе из Аманна в Багдад появлялся, как горящий факел в ночи, сверкая электрическими огнями, очередной стан, несколько магазинчиков, туалет, харчевня и на отшибе какие-то кочевые палатки, в которых живут люди. Утром вдалеке, почти на горизонте, стали появляться вкопанные в землю танки и какие-то военные строения. Все это не буду описывать, надеясь, что описал прежде, два года назад. Но какие роскошные, как стекло, дороги. По своей привычке во всем усматривать результаты человеческого труда я подумал, сколько усилий под солнцем, в ночном холоде пустыни были потрачены здесь, прежде чем появились эти плавные шоссе и изысканнейшие развязки.

Самым интересным были разговоры ночные и утренние с Владимиром Ивановичем. Первоклассный русский и мужской характер и ум. Я завидовал ему, что он все время выносит что-то, навеваемое дорогой, а я все это уже видел и пережил. Поговорили и об институте: надо брать молодняк и вытеснять интриганов и слабоумцев. Я все время думал о своем романе и о том, что напишу дальше. Не забыть бы о роли Энгельса в распространении идей Маркса и о его точке зрения на свое учение: я всего лишь экономист, базирующийся на учении Гегеля. Последний бой с народничеством. Надо прекратить что-либо читать. А читать только Ленина.

Сам воздух Багдада я бы назвал самым благоуханным из воздуха над городами мира. Никакого сравнения ни с Каиром, ни с Дели, ни с Кабулом — выбирал мусульманский Восток. Мне нравятся здесь люди, мужская толпа на вечерней улице, обрамленные платочками лица женщин, галереи на центральной улице и мощное течение загадочной реки через центр города. Из моей гостиницы видны перекидные через Евфрат мосты и силуэты-башни отелей. Здесь, видимо, время свадеб, раздаются звуки барабанов и какой-то свистящей дудочки. В отелях роскошные невесты в белых атласных платьях с кринолинами и шлейфами и в коронах из поддельных жемчужин. Говорят, что есть, дескать, указ президента, что молодая пара один, первый, день своей семейной жизни может прожить в любом самом

роскошном отеле. Одна из невест с подведенным европейской косметикой лицом была увенчана умопомрачительной прической: с затылка поднимался сплетенный из волос столбик сантиметров в пятнадцать, а на его вершине, как на колонне, был вмонтирован небольшой портрет президента. Мне это напомнило моду времен Марии-Антуанетты.

Вечером ходили менять деньги и в любимую лавочку Сергея Журавлева пить соки. Эта привычка пить ледяные соки, их разнообразие и дешевизна одна из достопримечательностей города. За ужином узнал результаты голосования в Госдуме: 336 против 22-х. Браво, коммунисты. То вам Кириенко не нравился, а теперь вдруг оказался люб и дорог. Просто дорогими оказались места в Думе. Не все еще обогатились и не все еще получили квартиры. Как хорошо знаю я эту публику. Дума своим соглашательством с властью проголосовала за политическую смерть КПРФ.

25 апреля, суббота.

Ходили на Сук, работал над романом, искупался в бассейне, ездили на встречу в Союз писателей. Здесь выяснилась удивительная вещь: побывавший в Багдаде Саша Казинцев от имени Союза, оказывается, заключил здесь договор. Мы все, присутствующие на этой встрече — Пулатов, Гусев, я, Ниязи — оторопели. Договор, естественно, ни в одном пункте не выполнен, но можно представить себе, как Саша здесь поважничал. Откуда на этом документе стояла печать правления? Одинаково восхищают меня и патриоты, и коммунисты.

27 апреля, понедельник.

Вечером были в Союзе писателей. Прием на крыше и подписание договора, во время которого возникла грызня по поводу включения со стороны иракской писателя-русиста. Я объяснял, что это необходимо для жизни русистики в Багдаде, но писатели-«бугры» хотят ездить сами. Какая еще к черту русистика, мне надо поднимать авторитет в семье, среди публики и друзей, которые видят, как меня чтут, выдвигают и даже посылают за границу. Все очень похоже на нашу ситуацию до перестройки.

28 апреля, вторник.

6 часов 34 утра. Только что завершилась грандиозная склока, в которую попали и мы с Гусевым. Еще вчера Тимур Пулатов чуть ли не до драки в ресторане поссорился с Сергеем Журавлевым. Я давно этого ожидал, потому что Тимур по своей натуре властный

и честолюбивый, а здесь, в Багдаде, на первых ролях в силу традиций и старого знакомства Журавлев. Тимура долго злила и восточная неразбериха, которая не давала ему возможность всласть походить по рынкам, и то, что у Сергея здесь, видимо, свои коммерческие, и не слабые, дела. Недаром он с некоторой провокационной осведомленностью сказал мне, что магазин «Именное оружие» на Арбате принадлежит Сергею. Я, честно говоря, этому поразился, но, поразмыслив и вспомнив интерес Сергея к оружию и прошлые закупки сабель и кинжалов, этому с некоторой грустью коммерческого неудачника поверил. Все это назревало подспудно и, наконец, прорвалось. Поводом послужила наша встреча с послом, которую нам объявили очень внезапно. Тимур, видимо, хотел вечером пойти в серебряные ряды или занять себя каким-либо другим образом, а тут эта встреча, он не сдержал досады, Володя Гусев помалкивал, я старался все сгладить. Картинка была занятная, когда они двое, огромные, немолодые, тяжелые, стояли порывисто дыша.

Поехали в посольство в разных машинах, и на встрече с послом Тимур не сказал ни слова. Посол Николай Васильевич Картузов очень интересно прочертил всю линию государственных отношений, в которой много любопытного, но выпустил то, как мы несколько раз бросали Ирак. Много подробностей выяснилось в системе управления нашим МИДом и в Багдаде. Переписываясь через газеты и меморандумы, политические деятели говорят друг с другом на языке весьма выразительном. Посол — человек не из старых, гордый своими успехами и тем, что оказался на вершине госполитики, немножко перед писателями красовался своей ультрасовременной лексикой и модернистскими подходами. Но тем не менее писателям с их честолюбием вякнуть не дал. По слухам — а источников у меня немного, — у Картузова в иракском деле тоже свои интересы: его сына взяли в организацию Международного экономического сообщества, совсем еще молодого человека на оклад, а сам посол, ведая квотой продажи нефти, большую ее часть отдал супербиблейскому банку. Естественно, без взятки, естественно, без постороннего нажима. Посол сказал, что из всех арабских народов иракцы самые талантливые в области машиностроения, математики и физики. Переделали же они наши обычные ракеты в баллистические.

В результате всего этого, отчасти потому, что поздно легли спать, рано в пять проснулись, нашли какой-то дурацкий предлог — из объективного было лишь то, что на следующий день нам всем предстояла поездка по пустыне, — и не поехали на родину президента, где должно было состояться празднество и парад. Я тоже, дурак, поддался этому настроению, не проявил твердость,

не увижу большой кусок страны. Утешает одно, что сегодня поработаю.

Вчера полдня просидел за компьютером. То, что я делаю, вовсе не самоочевидно хорошо. Может получиться хорошо только в случае реализации замысла полностью. Отдельные главы никому не нужны.

Как там дома? Вчера во время утреннего путешествия с Сергеем Журавлевым по бесконечным лавчонкам в серебряных рядах купил для В.С. за 200 долларов браслет — наверняка обманули, но вес есть — и выкупил «из плена» фарфорового Тараса Бульбу для моей коллекции литературного фарфора. Это притом, что в лавчонках фарфора почти нет. Можно нафантазировать целую историю, как это изделие Ленинградского фарфорового завода оказалось сначала в Ираке, а потом было продано скупщику.

29 апреля, среда.

Через два часа уезжаем. Как я и предполагал, два наших деловых человека помирились: Пулатов и Журавлев. Оба мне довольно много друг о друге рассказали.

Вчера вечером ездили с Олегом Захаровым, его прелестной женой Лилей и Витей Узловым в ресторан. Это был пир хищников. Если в прямом смысле, то Олег с его неуемным жизнелюбием и молодым круглым животом съел один три порции бараньей ноги. О степени богатства обоих свидетельствуют их разговоры: о бассейне на даче с очисткой воды, о покупке еще одной квартиры в кондоминиуме с охраной, теннисным кортом и детским садом на Юго-Западе, о собственной даче в Сочи, о московской даче с подогреваемым бассейном. Они сыпали общими фамилиями людей, занимающихся собственностью, рассказывали, как можно растаможить очень дорогой автомобиль по цене в двадцать раз меньше объявленной. Я не мог отделаться от мысли о том, что один из них в очках с золотой (не позолоченной) оправой был восемь лет назад полковым финансистом, а другой руководил строительным трестом сначала, а потом был предисполкома одного из районов Москвы. Интересен был рассказ о жене последнего. Она сейчас, при муже бизнесмене, обслуживается в поликлинике на Грановского, и лечится у доктора, которая является женой одного из действующих министров.

Ходили с В.И. Гусевым на Сук. Я купил там себе прелестную бронзовую фигурку. Взрослый жираф кормит, склонившись над жирафленком. Ассоциации, в том числе и самые грустные, возникли в моей седой голове. Поставлю фигурку у себя в

кабинете на работе. В 12 часов уезжаем.

1 мая, пятница.

Самое интересное — это довольно случайные мои наблюдения за майским праздником. В половине шестого утра приехал Толя, брат Алексея, который уходит в армию и перед этим приехал попрощаться с братом в Москву. Сам Толя, чтобы покончить с этой темой, довольно милый современный деревенский мальчик, смотрящий телевидение и в меру все понимающий. У него милый деревенский акцент и страсть к рисованию. По крайней мере, когда мы проходили мимо гостиницы «Метрополь», то мне не пришлось объяснять, кто такой Врубель. Этого художника Толя знал. В общем, утром же, покормив парнишку дома, мы повезли его осматривать Москву и совершенно забыли, что можем встретиться с майскими эксцессами. Не буду описывать, как купили билет на проход в Кремль, а Кремль оказался закрытым, но вроде обещали в 10 открыть. Перехожу к эпизоду, который меня поразил. Подходим к входу в Кремль со стороны дома Пашкова. На входе стоит мужик лет пятидесяти с золотыми зубами, упитанный. Я спрашиваю у него, откроют ли Кремль, и он отвечает в той манере, что, дескать, господа коммунисты решили устроить демонстрацию, и вот поэтому Кремль пока не открывают. Сказал он это с издевкой, и открытой ненавистью дворника в богатом доме. Но ведь сам-то кто? И ведь всю жизнь, наверное, был коммунистом и лизоблюдом. Плохо не то, что мир раскалывается на бедных и богатых, что рождается обыватель, — рождается еще и хам, и лакей. Вот что я увидел за этим крошечным рядовым эпизодом.

Удивила огромная демонстрация на Театральной, которую я впервые вижу вживе. Много флагов, антиправительственных лозунгов. Интересно, что ряд людей несут как бы лозунги от себя, выполненные на небольших планшетах. Как же надо измордовать человека, чтобы он решился на такое. Всю жизнь зная, что он досягаем для властей. Как такого человека измучили. Было несколько антиеврейских лозунгов. Интересно, что телевидение вечером их не показало.

И опять случайная встреча: на Васильевском спуске митинг русских национал-большевиков. В центре кружка Эдуард Вениаминович Лимонов говорит о «прикормленном» управлении: везде, почти на любой правительственной должности испытанный на прикорм цековскими привилегиями управленец. В связи с этим я вспоминаю еще багдадский рассказ У-ва, бывшего председателя Красского райисполкома, как он взял кредит в 200 миллионов, а в связи с инфляцией тот обернулся в 2 миллиарда. И вот из этих-то

миллиардов кредит в 200 миллионов тут же был возвращен. Вот база для того, чтобы купить золотой браслет жене. Но ближе к теме. Я протискиваюсь в первые ряды, Лимонов улавливает мой взгляд и, вроде, узнает. Лозунг его молодежи, а ребятам по 16–20 лет, кажется, такой: если не мы, то Россия погибнет. Мы за злую Россию. Подразумевается их возраст. Отдельные плакаты типа: «Если начальник тебе не заплатил, убей его». Я им определенно сочувствую и не вижу здесь ничего фашистского.

Вечером поехал на ТВ, где поругался с неким искусствоведом-краеведом Клеменко. Как ни странно, из-за Глазунова. Искусствовед начал с комплимента: я помню ваш роман о Глазунове. А откуда вы взяли, что я писал роман о Глазунове? Интеллигенции интересно было считать, что мой роман о Глазунове, она так и считала. Потом Клеменко рассказал, как он, предотвращая в себе негодование, все же попал в мастерскую Глазунова. Тот говорил по телефону с военными и очень унижался. Вообще, я заметил, что все недоброжелатели Глазунова, как правило, из среды художников. Валюсь с ног от усталости.

4 мая, понедельник.

Со второго — на даче. Сделали посадки в большой теплице и убирали во дворе. Алексей чуть ли не изувечил себе электропилой руку. Пришлось везти его в Обнинск. Перевязали, но предупредили, что следующая перевязка будет платная и стоит 15 рублей. Довольно рано 4-го вернулся с дачи. Дача грабит меня, там я спускаю последние деньги, но ничего поделать с собой не могу. Вечером сидел с В.С., и она расплакалась. Говорила, как тяжело ей дается жизнь. Единственный человек, который мог бы помочь ей, это я. Господи, как мне ее жалко. За что?

5 мая, вторник.

В 6 часов вечера провели в институте секцию литературы, театра и кино по премиям мэрии Москвы. Приехали Володя Андреев, Боря Поюровский, Володя Орлов, Марк Зак и Андрей Парватов. К моей неожиданности, все закончилось довольно быстро и достаточно справедливо: премировали пятерых актеров — Аронова, Зайцева, Соломин Вит., Светлана Брагарник, Олег Гущин, четырех режиссеров — В. Васильев, Марк Розовский, Сергей Яшин, Щепенко и художницу, жену Сережи Яшина. Кино опять оказалось без своего московского приза. Марк Зак рассказывал, что он сумел включить в повестку Госкино вопрос о премиях мэрии. В Госкино помахали списком картин, которые можно было бы представить, но на этом все и остановилось. Я при

этом подумал, что коррумпирующие кино кланы не смогли договориться, сторожа друг друга. Что касается литературы, то решили отдать премию Кострову. Очень удачно, что все как бы оказалось приуроченным к 850-летию Москвы.

Весь день отбивался от огромного количества тяжелой рутинной работы. Уговорил Чудакову попринимать кандидатские экзамены. Представляю легкую истерику Владимира Павловича, но формально я прав, у Н.В. Корниенко нет ни одного аспиранта, которым надо задавать спецвопросы по теме диссертации. В телефонном разговоре Мариэтта Омаровна попеняла мне за встречу в институте Лукашенко. За что его ненавидит интеллигенция, мне не очень ясно. Интересную подробность рассказала о дне 28 апреля, когда президент Белоруссии приезжал в институт, Инна Вишневская. Этот день совпал с ее днем рождения. И вот, когда с цветами в руках она сбегала по институтской лестнице, именно в этот момент со своей охраной, ФСБэшниками, «мерседесами», «джипами», секретарями посольскими подъехал Лукашенко, и она, доблестная профессорша, вместе со своим рождественским букетом растянулась у его ног. Какой-то охранник подумал, что это цветочки для президента. «Вы, наверное, литератор?» — спросил охранник у поверженной профессорши и начал пытаться поднять ее и подталкивать к президенту, чтобы та вручила букет. Но у Инны Люциановны относительно цветов были иные планы. «Отдайте мои цветочки! — закричала семидесятилетняя Инна. — Я никому их не собираюсь дарить!»

Май будет чудовищным по нагрузке.

Сегодня в «Труде» два интересных для меня материала. Короткую заметку цитирую целиком:

«*Поезд мечты. Почетный заказ выполнен на вагоностроительном заводе в Твери: там изготовлен специальный поезд для президента России. Стены укреплены бронированными панелями, стекла пуленепробиваемые, а колесные пары способны выдержать взрыв. Отделка — как в лучших домах: красное дерево, малахит и даже кораллы. Есть спецвагон — сауна с гидромассажем. «Доводка» поезда № 1 обошлась в 12 миллиардов старых рублей, сообщает наш корреспондент Николай Чулихин».*

Второй материал посвящен «Школе оперного искусства Галины Вишневской». Под маркой ее и Ростроповича имени — вопрос, не без их ли участия? — на дорогой Остоженке построен огромный доходный дом. Разбираются материалы, как и с чьего разрешения была использована эта драгоценная земля. Раньше здесь был сквер. Очень интересно, сколько получила семья за то, чтобы под ее имя выбивалась земля, а может быть, и кредиты.

Определенно не даром Галина Павловна учила Ельцина беречься от насморка.

7 мая, четверг.

Утром сумел написать страницу в роман. Задача тяжелая — обзор книги «Развитие капитализма в России», но я с нею справляюсь. Обзор делаю в виде карты страны, которую мой герой видит в своей тюремной камере как некое экономическое содержание — он видит эту карту как экономическую и расшифровывает ее.

Вечером ходил на спектакль «Песни нашего двора» в театре Марка Розовского. Спектакль на свежем воздухе. Мой одноклассничек в этом спектакле и играет. Всегда немножко больно видеть пожилого актера, чуть паясничающего на сцене, но постепенно и я, и зрители привыкли к его потешной роли. «Посмотри, вон он, — истошно орет Марк, — на крыше», — и мне показалось, что делает он это ничего. Зрители оборачиваются со своих скамеек, крутят шеями, действительно на крыше флигеля актер поет новый старинный шлягер. В конце спектакля Марк спел «Товарищ Сталин, вы большой ученый» на фоне какой-то решетки. Вообще спектакль очень занятный и здорово придуман. Во дворе театра — а это типичный московский двор 50-х — под небом поставлены неструганые деревянные скамейки, и без каких-либо связывающих лишних слов пяток актеров под гитары поют самые разухабистые шлягеры — весь дворовый репертуар тех лет, в том числе и то, что пели мы: «Девушка из Нагасаки», «В Кейптаунском порту», «Негр Тити-Мити» и прочее. Музыкально-литературная композиция. Очень много песен из воровского и приблатненного фольклора. Поют все, согласно моде времени, через радиомикрофоны. Сзади двух сотен зрителей стоит радиоаппаратура, ощетинившаяся десятком антенн от этих микрофонов. Главное — потеплее одеться. Отношения между актерами складываются не из этих песен, а по воле режиссера. Он нафантазировал флирты, супружеские склоки, мелкие пьянки, и попутно актеры между песнями играют. Все это очень и очень неплохо. Три раза всех зрителей во время спектакля обносят водкой в пластмассовых стаканчиках с крошечными бутербродами — это, конечно, не новое в режиссуре, подобное мы видели уже у Сережи Арцибашева на дне рождения у сестер Прозоровых, но очень мило и приносит согревающий и расслабляющий эффект. Обидно, что в своей режиссуре Марк (в русском театре вообще режиссура от Марка — Марк Розовский, Марк Захаров) действует очень нахраписто, и шлягеры у него самые-самые, и актеры самые активные, быстренько бежит к эффекту, к результату. Правда и то, что ни в одном московском дворе никогда не было такого количества собранных вместе старозаветных библейцев. Вот тут и проверяется театр, возникает ли после спектакля некое парение духа или чуть стыдновато.

Премию Марку Розовскому мы за спектакль дадим, но настроения не было. Может быть, потому, что многое здесь из моей молодости и район моей молодости.

Сегодня решилось, 10-го еду в Красноярск на выборы к Лебедю. Надоело быть партийным человеком. Вся моя партийность закончилась на голосовании в Думе коммунистами по кандидатуре Кириенко. За этой фигурой я буду следить с упоением. Мальчик многое натворит. Жду разгона демонстраций войсками, инфляцию, обнищание народа, обман и пр. и пр. С Россией ни ему, ни Березовскому не справиться. Мы не просто рабочая сила.

Постараюсь пораньше завтра уехать на дачу и пробыть там до середины дня десятого. Роман надо писать, хотя дневник отнимает времени много.

9 мая, суббота.

Со вчерашней середины дня в Обнинске. Начало весны — это самое тяжелое и рабочее время. Сажал вместе с Лешей и Толиком огурцы, набивал теплицу. С.П., как всегда, по кухне. Сегодня по случаю дня Победы жарили шашлыки. Я много думал о мертвых, о неестественно, вопреки логике жизни, прекращении этой самой жизни. Думал о матери Леши и Толика, еще молодой женщине, у которой сегодня день рождения. Тяжелая судьба: муж в зоне, платят ли на работе? Через рассказы Леши прорывается дикая, нищая, пьяная жизнь в селе. И такие попадаются стихийно талантливые дети. Мы с С.П. дали перед шашлыком Толику написать этюд. Из тех, которые у нас пишут наши студенты на вступительных, и он, не чинясь, не отказываясь, не ломаясь, сел и через час написал очень и очень приличный этюд. А ему идти в армию, и вернется ли он из нее? Есть Чечня, Таджикистан, или просто забьют, или сведут с ума.

В десять мальчишки пошли гулять. Отпросились на час. Сейчас уже половина первого, они где-то коноводятся с нашими поселковыми девками. Если бы они знали, какие теле- и радиознаменитости родители у этих девок. Я-то знаю это жуткое, настырное и блудливое племя. Вечер стоял сегодня дивный, теплый, прозрачный. Почти с детства, с калужского периода, я не видел майских жуков. Когда мы сидели за столом, Толик сбил одного. Я долго его рассматривал и стал горевать, не перебито ли у него крылышко. Но внезапно внутри жука что-то заработало, будто моторчик, он завис на пальце, потом резко, падая, пошел вниз, сердце у меня ойкнуло, но жук выровнялся, и принялся набирать высоту к темнеющим в густом небе яблоневым ветвям.

10 мая, воскресенье.

День пошел наперекосяк. Ребята пришли со своей гулянки лишь в пятом часу. До половины четвертого я стоял перед дачей, не случилось ли что-либо, не подрались ли, не попали в милицию. Поселок уже спал, пару раз где-то высоко в небе пролетели птицы. Они перекликались во время полета, было радостно и значительно. Жизнь приобщила меня к одной из своих тайн. Пришли ребята навеселе, и тогда у меня возник жестокий план — утром же уехать в Москву и отправить Толика домой. Он принял все это безропотно, и нехорошие предчувствия о его армии, о его дальнейшей судьбе, навалились на меня.

11 мая, понедельник.

До Красноярска лета всего четыре с половиной часа. Правда, долго ехали по Москве и ждали в Домодедове. Кроме В.В. Сорокина, летел еще Петр Лукич Проскурин и двое очень симпатичных ребят из команды Лебедя. Жуткое впечатление производит аэровокзал в Москве. Народа почти нет, это ни в какое сравнение не идет с тем временем, когда в стране летали все. Правда, в центре аэровокзала выстроены огромные дорогие магазины обуви, одежды, дорожных принадлежностей и чая. Чай — лучший подарок, когда ты забыл что-либо купить близким.

В Красноярске встретили ребята из группы Лебедя, среди них попадаются наши выпускники и выпускники Высших литературных курсов. ВЛК и Литинститут достойно несут по стране русскую службу. Из рассказов становится ясно, что Лебедь здесь в яростной блокаде и подвергается жуткой травле. Зубов не хочет расставаться с властью, а президент боится прихода деятельного человека в избранный круг власти. Все-таки Красноярский край — это две с половиной Франции и основные запасы полезных ископаемых страны. Это станет опасно ему самому. Здесь, говорят, находится зам. главы администрации президента, некая Митина. Ей поручено признать выборы недействительными. Именно она занималась этим в Нижнем Новгороде после выборов Климентьева. Эта идея связана пока с заявлением Зубова об автономии и нежелании края платить налоги в центральный бюджет. Пока же сторонники Зубова, хочется сказать не «зубовцы», а привычное «зубатовцы», раздают водку, идут на всякие подлости и провокации. Не перечисляю, но интриги за власть начались страшные. Судя по накалу страстей, за всем этим стоят большие деньги. Ну, а с чего по улицам городов ходят такие машины, тратятся такие деньги на предметы роскоши и комфорта, с чего идут разговоры о строительстве индивидуальной станции по фильтрации воды в индивидуальном

бассейне?

Интересно следующее обстоятельство: не успел я закончить тюремную главу о Ленине и приняться за другую, ссылка, Шушенское, как оказался в этих краях — Минусинск рядом. Холмы, река, небо все те же. Не знак ли это? Болит мочевой пузырь. Со своей трусостью я дождусь непоправимого. Вчера узнал, что рак у Геннадия Копосова.

Через пару часов пресс-конференция писателей. Всяких предвыборных историй ребята из штаба Лебедя порассказали тьму. За чаем ли в кафе, во время ли перекуров, вспоминаются разнообразные случаи, каждый из которых мог бы стать эпизодом в романе. Вывешивается афиша о приезде Лебедя, а потом объявляется: «Лебедь не приедет. Он, как обычно, обещаний не держит». Сегодня утром, опять по рассказам, в пятнистую омоновскую форму переодели каких-то бомжей и послали их, якобы от лица сторонников Лебедя, бить тех, кто «за Зубова». В гостинице, где живут и враждующие стороны, и средства массовой информации, говорят, только что сменили охрану. Вместо покладистых местных мальчиков, которые понимали, что им потом жить с теми же людьми, поставили специально выписанных московских громил. Но это тоже по рассказам. Я просто всего этого не наблюдаю. Я всей душой сочувствую Александру Ивановичу, но интересно, что рассказывают в штабах его противников. О последних рассказывают такое. После проигрыша в первом туре в администрации тырят чайники и списывают компьютеры. Думаю, что все это довольно реально.

Писать дневник постараюсь аккуратно. Перед пресс-конференцией волнуюсь. У меня, в отличие от Героя Социалистического Труда Проскурина и лауреата Государственной премии Сорокина, особый статус — я государственный чиновник. Мне надо говорить так, чтобы не навредить институту.

Все прошло весьма благополучно. Мы распределили роли. Я тактичный въезд, обоснование, общетеоретическую часть, не переходя особенно на личность Лебедя. Рассказ об институте. Петр Лукич — основную, с воспоминаниями о Приднестровье, заслугами, рассуждениями о природе власти, чем — по его словам — он занимался в своих книгах, а Валентин Васильевич — общепрактический плач: Россия, любовь к ней, страдания русского народа, кризис. На пресс-конференции в гостинице «Октябрьская» и телевизионщики, и газетчики вопросов особенных не задавали, все прошло вяловато, хотя и точно, по крайней мере наши хозяева были довольны.

После обеда поехали в Дивногорск. Город времен моей

юности, когда я здесь побывал, я не помню, но сейчас он кажется мне удивительно прекрасным. Красивый, советской поры ДК, потрясающий вид на отроги Саянских гор по берегам, на сам Енисей. Об уровне богатств недр и качестве строительства: весь туалет в ДК облицован мрамором, отдельными небольшими плитами. И стены до потолка, и стены в кабинах.

Природа величественна и грандиозна. Когда же человек с его чувствованием встанет вровень с ней! Народа на встрече было немного, видимо, городское начальство не захотело светиться, а так втихомолку нас поприветствовало. В городе, естественно, безработица, учителям и сфере культуре платят за январь-февраль и говорят об этом, как о достижении. Наших речей не перелагаю, потому что с теми или другими вариациями они были, как и утром. Значительно труднее окажется завтра, где мы встретимся с зубовской аудиторией. Здесь все были наши союзники, ибо Дивногорск на 51 % проголосовал за А.И. Команда, кстати, его обожествляет.

После выступления в том же ДК поужинали в ресторане-буфете. Были все свои, а кроме нас троих, москвичей, оба наших руководителя, и Владимир Леонидович, и Валерий — выпускники Литинститута. Был еще Анатолий Буйлов, который живет возле Дивногорска. У него пятеро детей, хозяйство на одном гектаре. Тот самый великий тигролов. На одном из съездов он еще мне не понравился своей активной, кричащей русской позицией. Здесь он был скромен, умен, уместен. В разговоре сказал, что хотел бы еще парочку деток, но жена болеет, ей тяжело, а государство, вместо того чтобы помогать семьям, как у него, больше мешает. Рассказал о своем старшем сыне, плотнике. Он собирается его женить, но до этого старший сын должен на этом же семейном гектаре построить своими руками дом. Сын сейчас с увлечением этим занимается, вкладывая каждую заработанную копейку в свое строительство. И за столом, и в машине много читали стихов.

Последняя за этот день деталь. Зачем-то остановились возле аптеки. Вижу на дверях, на обеих створках, объявления — на одной: «Лечебные бальзамы Востока»; на другой (такого же размера буквы, набранные на компьютере): «Презервативы производства США, 25 видов. Студентам скидка 10 %». Захотелось выйти из машины. Войти в аптеку и спросить: «А есть ли скидка для аспирантов?»

12 мая, вторник.

Сначала попытаюсь просто назвать события: утром ходили по набережной, заходили в историко-культурный центр — бывший музей В.И. Ленина. Моя «пруха» продолжается, я многое узнал к

книге. Кораблик «Св. Николай» — на нем Ленин ехал до Минусинска, но на этом же судне проделал какую-то часть пути, возвращаясь обратно после кругосветного путешествия, и цесаревич Николай, ставший потом Николаем II. Узнал, что Ленин ехал за свой счет по ходатайству своей матери Марии Александровны, которая впоследствии за сыном не поехала. Следовавшие в ссылку подельщики ехали в обычном «арестантском» вагоне. Шушенское, оказывается, совсем не на берегу Енисея. Оказалось, что и Ленина определили в ссылку в Иркутск. Генерал-губернатор делал объезд губернии и оказался в заштатном Красноярске, в котором к нему и обратились с прошением.

На набережной стоит памятник Чехову. Еще раз я полюбовался этим удивительным городом. Много километров вдоль реки: три-четыре улицы на одном берегу и три-четыре улицы на другом.

Незабываемым был рассказ Толи Буйлова о ловле тигров. Все это невозможно вместить ни в литзапись, ни даже в роман. Устный рассказ. Как выслеживают, как ловят, как пеленают, как ночуют возле нодии, срубленной из высохшей кедровины — такая нодия способна гореть около суток, ровным, словно газовым пламенем, и прочее. Толя удивительный человек, во время нашего похода он все время приводил разные случаи и истории, в том числе много рассказывал о Викторе Петровиче Астафьеве. Замечено, что Астафьев подписался под письмом 42-х последним, только разыскали. Астафьев похоронил дочь и возле ее могилы на сельском кладбище в Овсянке загородил и забетонировал, чуть ли не сотку земли — видимо, готовил мемориал для себя. Попутно, оттолкнувшись от моего словечка «мемориал», кто-то рассказал, что Кугультинов, которому его президент выдал деньги на дом, построил вместо дома мавзолей. Очень наш писатель озабочен не оставить судьбе ничего случайного: бессмертие при жизни.

Потом ездили на встречу в техникуме лесообрабатывающей промышленности. Аудитория трудная. Мальчики и девочки накачаны взрослыми против Лебедя. Я довольно долго говорил о самостоятельности мышления, о необходимости думать. Подходили учительницы и потихонечку говорили, подбадривая нас, что они за Лебедя. Но тем не менее из-за страха проглядывает стремление сделать самостоятельный выбор, и гордость за этот самостоятельный выбор. Стипендии студентам не платят. Мы с директором поплакали друг другу в жилетку, что знаем: сколько у кого на территории канализационных колодцев, и сколько стоит крыша. Бюджет не оплачивает ни содержание помещения, ни коммуналку, ни формирование библиотеки, ни

существование спорта для студентов, ни командировочные, ничего, кроме зарплаты для педагогов и персонала (с многомесячными задержками) и стипендии. Стипендии тоже задерживают. Интересно, что когда я выступал перед студентами и преподавателями и попытался объяснить студентам ту цепочку экономических взаимоотношений, которая и приводит к таким ситуациям, — они этого не понимают. Они не пытаются решить несложную задачку. Почему раньше было, а теперь нет, куда все подевалось. Большинству из них по команде свыше преподаватели внушили, что демократия, современная жизнь — это Зубов.

Должен сказать, что у слова «демократия» поразительный ореол. Кто из нас не демократ? Помню, впервые я услышал от М-на словосочетание «Демократическая Россия». Уже тогда образовывалась партия с таким названием, а я, не интересуясь политикой, тогда же об этом услышал. Словосочетание показалось мне очень интересным, но тогда же я еще подумал, какое отношение люди типа М-на, а его взгляды я знал, и его близкие имеют отношение к демократии. Мне тогда показалось, что и демократия, и Россия были ими узурпированы у меня.

Вообще и аудитория, и беседа были трудными. Но я забежал вперед. Директор рассказал, как зимой у него отключали отопление, и система замерзла в шести местах. Я прекрасно понимаю, что это такое. Несколько дней, продолжал директор, он провел в кабинетах администрации. Одна ветвь власти поручает директору обучать детей, а другая ничего для этого не дает, но требует каких-то денег и каких-то налогов, когда эти бедные учреждения что-то добывают для себя. Власть удобно устроилась, ничего не платя за содержание высших учебных заведений: если платят только стипендию, даже если платят не вовремя, и то гордятся. Ни объяснить этой ситуации кому-либо постороннему, кто не живет в системе, ни понять абсурдность происходящего самому невозможно.

О мимолетной встрече с Лебедем, после его пресс-конференции, не пишу, мы встретились в гостинице после того, как состоялся круглый стол, где представители красноярского бизнеса говорили, что они готовы поддержать Лебедя. Пресса выходила из зала, по лицам журналистов я понял, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Мне даже показалось, что чаша уже не только для меня, но и для людей, привычно и за немалые деньги обслуживающих власть, качнулась в сторону Лебедя. Вышел и Александр Иванович, узнал. Побалагурил, был даже сердечен, позвал нас в 22.15 к себе в гостиницу «Октябрьская» на ужин.

В этот день все наши встречи уже закончились, до вечера было еще далеко, надо бы работать, садиться за компьютер, но я пошел в театр оперы и балета. Ну просто в тридцати секундах ходьбы от гостиницы, дверь в дверь. Театр очень красивый, современный, светлый, с настенной скульптурой в фойе. Сюжеты нашей литературы, писатели, музыканты, композиторы. Давали «Севильского цирюльника». За спектаклем стоит остаточное финансирование: и декорации не так свежи и хороши, и оркестр слишком мал. Было интересно наблюдать из зрительного зала, как ударник мечется среди группы ударных инструментов, но тем не менее все было сыграно и спето тепло и с полной серьезностью. Из курьезов замечу странную картину: Фигаро — молодой баритон, как брат-близнец, похожий на вице-премьера Немцова. Возможно, к своей похожей внешности певец кое-что и добавил гримом. Пел, правда, слабовато.

Теперь ужин с будущим губернатором, после которого я пишу эти заметки.

Александр Иванович Лебедь, с которым я встречаюсь во второй раз, произвел на меня очень сильное впечатление. Он не только держит политическую ситуацию, не только очень умен и находчив, но еще обладает образным мышлением и начитанностью. Это чисто русский человек, для которого большее значение имеет быть, нежели казаться. Кормили в отдельном кабинете хорошо, был даже шашлык из осетрины, правда, не такой большой, как хотелось бы. Александр Иванович рассказал, что вроде бы поссорился с Лужковым, когда тот «советовался» с ним относительно памятника Петру. Раздался звонок, и Лужков сказал, что хотел бы посоветоваться с Лебедем и что это не телефонный разговор, что у него чертежи и, дескать, Лебедь обязательно должен на все это посмотреть. Оказалось, что чертежи эти — чертежи того самого памятника Петру I Церетели. Потом Лужков раскричался на Лебедя, когда обнаружил, что тот не очень одобряет и его идею, и художественный облик памятника, и место, где мэр собирается памятник ставить. Передаю так, как запомнил.

Много говорили о политике, о ситуации в стране. Интересно даже не то, что Лебедь говорит, кое-какие его пассажи я помню, важен уверенный и не наигранный магнетизм его фраз, неповторимость интонаций. Для меня неоспоримо, что он принадлежит к определенной породе людей, выделенных уже самой природой. Кстати, по типу магнетизма, он очень близок к Ельцину. Когда, здороваясь, Лебедь жал мне руку, и я имел возможность взглянуть близко в его лицо, я обратил внимание на здоровые зубы, на чувство физического здоровья, которое он

распространял вокруг себя. Такой же магнетизм распространяет вокруг себя и Ельцин. Попутно отмечу, что его телевизионный имидж отличается от его домашнего поведения. Кстати, его имиджмейкер, с лицом имиджмейкера, ходит в темном костюме и каких-то красноватых ботинках. Впрочем, все имиджмейкеры похожи на имиджмейкеров, а все вместе на Славу Зайцева. Чего-нибудь в них во всех есть одинаковое: или красные ботинки, или шейный платочек, или платочек в нагрудном кармане.

В конце ужина, уже прощаясь, я сказал, что по-человечески я желал бы ему поражения, потому что понимаю, на какие муки он себя обретает. Вот здесь, сказал Александр Иванович мне, вы не правы. Пояснил, что именно такая, полная напряжений, почти трагическая жизнь и есть его жизнь и его среда настоящего обитания, в любой другой атмосфере он закисает. Ему 49 лет.

Сегодня должны были состояться защиты у Румянцева, Антонова и Юры.

13 мая, среда.

Было три выступления, и буквально из какой-то библиотеки, начав первым, я махнул в аэропорт. В.Сорокин и П.Проскурин остались еще на два дня. Билет мне купили в бизнес-класс. Обратил внимание на почти пустой Красноярский аэропорт. Встречал меня в Домодедовском аэропорту верный Федя. В Москве оказалось прохладно.

14 мая, четверг. Весь день просидел на экзаменах, аспиранты сдавали минимум по специальности. Огромное впечатление произвел С.П., его рассказ был не только выстроен, но и достаточно глубок, наполнен информацией. Обычно аспиранты применяют прием, как я его называю, интеллектуального бормотания. Вроде бы спонтанный процесс мышления, мысль как бы возникает непосредственно во время ответа. На самом деле соскребается все, что аспирант знает, и все, что близко к теме, и выдается за некий поток, интеллектуальный экспромт. Считается, что за берегами этой импровизации целые россыпи настоящих знаний. На самом деле в этих берегах почти ничего, кроме сказанного, нет. В этом смысле рассказ Сережи был некой мини-лекцией. Я понял, что лекции он будет читать хорошо, и студенты будут его любить. Кроме зарубежки, сдавали критику, перевод и русский язык. Здесь аспиранты были пожиже. Как всегда, я наслаждался бригадой с кафедры стилистики. Везде, где бывает А.И. Горшков, там все решается четко и, главное, принципиально. Интересно говорил и аспирант Кривцуна Беспалов.

Сергей Петрович подарил мне по случаю своей сдачи экзаменов новый том «Кто есть кто в России». Здесь есть

интересная статья и обо мне:

> «*В творческой биографии журналиста и писателя есть два кульминационных момента, когда он оказался в центре всеобщего внимания. Первый — после выхода в свет романа «Имитатор», ставшего литературной сенсацией 1985 г., второй — в год избрания на альтернативной основе ректором Литературного института».* Приведу еще одну цитату: *«Сергей Николаевич острее многих своих ровесников (поколение «сорокалетних») чувствует современность, что подтверждают его последние романы «Затмение Марса» и «Гувернер».*

15 марта, пятница.

Кандидатские экзамены по истории русской литературы. Принимали Смирнов, Буханцов, Ковский и Чудакова. Мариэтта Омаровна поглядывала на меня довольно враждебно, видимо прослышала, что я побывал у Лебедя, и это ей, конечно, не нравится. Про себя загадал, вспомнит ли Смирнов, как обычно, и задаст вопрос, какого автора читал старший Аблеухов на последней странице романа Андрея Белого «Петербург». Читал он философа Георгия Сковороду. Задал, вспомнил. Для родной литературы отвечали не блестяще, хотя пятерок мы поставили несколько. К сожалению, плоховато отвечал Валера Поленов. Почему так слабо отвечают российские парнишки? Только закончились кандидатские экзамены, как началась итоговая аттестация выпускников. Выпускники, как пять лет назад, будучи абитуриентами, снова сидят напротив меня. Как и пять лет назад, за круглым столом в зале заседания ученого совета. Как пообтерлись, но как поумерили свое честолюбие. Большинство так и прошли бесцветными и эти пять лет, и сегодняшнюю аттестацию. Кем будешь работать? Чем станешь заниматься? Большинство говорят, в лучшем случае, о газете, об аспирантуре, об издательстве. Тщеславие и разворачивающиеся впереди горизонты потускнели. Не теряют бодрости только мои любимые ребята Саша Авдеев, Володя Воронов, Эдик Поляков. Все они по-настоящему талантливы, но до конца институт их не обтесал, как обтесал других милых чад. Я уверен, что эти ребята еще что-то сделают в литературе, хотя знаний явно недостаточно. Получит диплом с отличием только Шорохов. Как, интересно, скоро слетит с него его исключительная принципиальность, его гвардейская выправка.

Вечером приезжал К-ов, который, к сожалению, запил.

Признался мне в природе нашего конфликта. Несколько месяцев назад он позвал меня показать квартиру, которую купил возле Даниловского рынка. Квартира действительно прекрасная, с прекрасной ванной комнатой и роскошным кухонным гарнитуром. Мне все понравилось, и я, как мог, говорил об этом. Но, во-первых, не умею лицемерить, а во-вторых, всему подобному я не придаю исключительного значения. Видимо, Юру с его семейным устройством, с его деньгами беспокоит и моя верность идеалам нашей юности, и моя относительная известность. А тут не перешиб он этого даже квартирой. Пьяненький Юра каялся мне и в своих деньгах, и в отношении ко мне. Его, оказывается, беспокоят и не совсем кондиционные изделия, которые он поставляет нашей промышленности. Совесть точит, но деньги есть деньги, это наказание. Плохо спал.

Суббота закончилась на даче. Взял много работы, ничего не делаю.

17 мая, воскресенье.

Вечером приехал с дачи и наблюдал по телевидению огромную растерянность Киселева по поводу победы Лебедя. Одновременно он и как бы уже приспосабливался к новому положению Лебедя. Сегодня состоялись выборы еще двух губернаторов, и там картина одна и та же: народ перестал верить действующей власти и хочет смены. Везде в губернаторы проходят новые люди.

18 мая, понедельник.

Вечером ходил на прием по случаю открытия итальянского Института культуры — отделения общества дружбы по-нашему. Состоялось все это в итальянском посольстве, а заманивали на визит, на выступление по этому случаю Умберто Эко. Впервые я, встречавший и видевший такое огромное количество знаменитых людей, подошел и, став позади телевизионного оператора, стал вглядываться в лицо и фигуру какого-то, пусть и знаменитого, писателя. Я и в Фиделя Кастро так не вглядывался. Довольно полный кареглазый мужчина, в его облике есть что-то внутренне сдерживаемое, как бы человек еще не раскрытой тайны. А может быть, вполне обычный любящий макароны итальянец, таинственность которого навеяна его книгами. Кстати, и о его книгах — «Имя розы» и «Маятник Фуко» — и о книгах Фаулза (имею в виду его «Волхва») я постоянно думаю, они «запали», запомнились, но все это «профессорская», а не писательская литература, помнятся исторические подробности и неожиданный быт, а не люди, ни новые характеры, ни сами фигуры. Люди как

раз в полумистическом тумане, в некоторой научной дымке, которую между зрителем и сценой развесил автор, чтобы прикрыть прорехи в хороводе живого изображения. Впрочем, выступал Эко очень неплохо. По крайней мере, в его кратком слове на открытии было проявление воли и характера — очень ловко он сказал несколько фраз по поводу служителей культуры, которые сами не производят ценностей, а, так сказать, обслуживают ее в разных странах. Везде что-то открывают, способствуют, говорят речи, участвуют в фуршетах. Сказал он все одной какой-то фразой, я перевел для себя все в образную форму. Говорили все много, обычное европейское красноречие с привычными, давно бродящими идеями. И как все не стесняются говорить тысячу раз до них сказанное. Фуршет нам даром не дался, пришлось выслушать много наших, в выступлениях которых сквозило завуалированное попрошайничество и слово «дайте», и от наших деятелей — архитекторов, историков, культурологов и прочих рологов — не отставали и итальянцы. Кто-то говорил и о специфическом взгляде русских на культуру Италии, о приверженности нашей к ее средним векам и Возрождению в ущерб современности, и вот этим взглядом русских на культуру Италии пренебрегать не надо. В принципе очень верно, Италия как пятая в мире по промышленному потенциалу страна нас совершенно, по крайней мере меня, не интересует. Меня увлекает только ее история, века туманные.

Была Мариэтта Омаровна, сидела рядом с Чуприниным, помахала мне ручкой и быстренько ушла. Взгляд ее на меня был сердитый. Я невольно проецирую на себя победу на выборах Лебедя, кажется, это Мариэтте Омаровне не по душе.

Наибольшее впечатление произвело на меня здание посольства. Это, кажется, один из особняков семьи Морозовых, построенных Шехтелем. Во всем сказанном, впрочем, не уверен. Определенно «те» новые русские строили и имели воображение лучшее, нежели «эти», сегодняшние новые русские. Прекрасный зал с разрисованным потолком, лестница наверх, оформленная под готику. Тяжелая красота увядания, как в фильмах Висконти. В маленьком салоне на первом этаже эсер Блюмкин стрелял в Мирбаха — раньше здание принадлежало немецкому посольству. Я специально зашел в этот пустой салон, меня вообще волнуют места, в которых произошли какие-то трагедии: время сомкнулось, и опять солнце светит на то же место, в принципе очень ограниченное по площади, на котором умер Александр Македонский, и красивые креслица стоят на месте, где текла кровь посла. А ведь все могло кончиться тогда катастрофой для государства.

Утром дал факс в Красноярск с поздравлениями Александру Ивановичу.

19 мая, вторник.

Сегодня состоялась конференция по книгам Дженифер Джонсон, которая вчера приехала из Дублина вместе с Сарой. Народа было немало для такого рода собраний. Пришли наши кафедральные и Наталья Александровна Бонк. Конференция прошла очень интересно, не подкачали наши девочки из английского семинара. Дженифер сделала очень интересное сообщение, которое я предполагаю напечатать в нашем «Вестнике». Отсюда вывод — надо всегда готовиться. Это рассказ о собственном творчестве, о психологии творчества и прочее. Я, кроме отдельных слов, ничего не понимал, С.П., занятый собой, мне ничего не переводил, но у меня, вслушивавшегося в речь, было ощущение, что еще немножко, еще одно последнее усилие, и я пойму этот язык. Попутно, чтобы не завидовать чужому творчеству, я записал у себя в записной книжке: «Во мне не звучат какие-либо голоса, не вижу никаких картин, но медленно и неуклонно из меня происходит некое в ы д а в л и в а н и е. Текст медленно выдавливается из меня, как зубная паста из тюбика».

Завтра утром забираю В.С. из Матвеевского.

20 мая, среда.

Как всегда, в трудах проходит конец учебного года. Снова вспухло дело Гах. Мне обидно, что вся эта ситуация инспирирована не мною, а расхлебывать мне. Состоялось представление нашего студенческого театра по пьесе Плавта «Два Менехема». Инициатором представления, как всегда, стала Елена Алимовна. Отличился, как почти профессиональный актер, Дима Крюков. Был очень хорош и полуслепой Толя Ткаченко со своим провинциальным нахальством и провинциальным гыканьем. Вся эта студенческая жизнь в институте и для института огромное дело. Так мы собственно ответили на состоявшуюся сегодня же акцию студентов и преподавателей по поводу сокращений ассигнований на образование: продолжили учебный процесс. Акция была очень многочисленная, но бесполезная. Шли через новый Арбат с лозунгами и транспарантами. Попользовалось этой выразительностью наше телевидение. Неужели всем не ясно, что ни этот криминальный режим, ни это правительство, ни акценты поведения — свидетельство того, как эта власть хочет жить дальше, с когда-то лучшим в мире образованием ничего не сделают. Попросту оно им не нужно. Своих детей они предпочитают учить за границей. Предпринять что-либо можно

лишь после смены режима. Меня потрясает, как обгаженные прессой, осрамленные, обвиненные в воровстве и коррупции политические деятели, такие как Немцов и еще совсем недавно Чубайс, появляются на экранах телевизоров.

Продолжается грандиозная забастовка шахтеров. Я впервые начал бояться, чем все это может закончиться: это уже не перец под хвост власти, а нечто покрупнее. Но кончится тем не менее все для власти благополучно, шахтерам раздадут по булке, пообещают по банке с джемом, и все разойдутся по домам. Телевидение наконец-то, выгораживая власть, объясняет, что, видите ли, большая часть шахтерских денег оседает у посредников. Как будто это раньше кому-то было неизвестно. Как будто старательно не узаконивалось воровство, неизбежное при создании первоначального капитала имущего класса. Этими посредниками, как обычно, являются близкие родственники или друзья тех же самых начальников угольной промышленности, всех этих начальников шахт и управлений. Так обстоит во всех областях жизни, но более скрытно. Попробуйте сделать какую-нибудь лицензию. Выясняется, что жена начальника, выдающего эти лицензии, имеет фирму «предлицензионных консультаций» и берет за свои консультации не меньше, чем муж по государственным расценкам за собственно лицензию. И попробуйте сварганить все это без этих консультаций.

21 мая, четверг.

Все утро размышлял над очередным номером «Вестника». Кажется, выступление Дженифер Джонсон перед студентами станет его гвоздем и началом. Дальше пойдут лекции Горшкова о славистике, статьи Кочетковой, Толкачева, Скворцова, Пронина и хроника общества, возглавляемого Деминым. Пока определенно стройности и цельности во всем этом я не вижу, надо искать. В запасе есть еще и институтская хроника, которую готовит Кешокова.

Обедал вместе со Скворцовым и Димой Лаптевым. Как всегда, разогреваясь, завел какой-то политический разговор. На этот раз о вчерашней акции протеста студентов и преподавателей. Почему я не принял участие в этой акции? И сам себе отвечаю: а разве не при помощи этих же самых преподавателей пришел режим к власти и предыдущий был разрушен? Нынешняя власть выполнила все свои обещания: хотели свободу выезда — получили, хотели свободу печати — получили (условно; цензуру политическую сменила цензура экономическая, цензура издателя), хотели возможность из коммунистов превратиться в богатых людей — получили эту возможность. Предполагали, что

каждый станет миллионером — стали миллионерами другие. Не пищите. Разве вы не учили в вузах, что у капитализма иные правила? Разве вы по экономике социализма не знали, что значит бесплатное образование и для чего оно было предназначено? На этом было основано распределение. Вы не могли унести капитал, который государство затратило на вас за границу. Теперь можете. Теперь все свободны — никто никого не распределяет, значит, и государственного образования не нужно. Значит, учитесь за свой счет. В 1991-м и в 1993-м вы проголосовали за новые правила игры, и вы их получили. Против чего протестовать?

Выхожу из столовой — во дворе на спортивной площадке играют в футбол: пятый выпускной курс сражается со сборной института. Играет, естественно, наша русская молодежь: Эдик Поляков, Володя Воронов, Дима Мартынов, Ваня Журавлев. Судит Виктор Андреевич Тычинин. Порадовался за то, что не отдал под стройку спортивную площадку. Возникло чувство благодарности к Тычинину, несмотря ни на что он свою линию тянет. Пятый курс все же выиграл у сборной.

Сегодня состоялся президиум комиссии по премии мэрии Москвы. Я еще раз удивился русской твердости Ирины Константиновны Архиповой: по своей секции, которая вбирает в себя и эстраду, она категорически выступила против присуждения премии пародисту Петросяну. Здесь не только принципиальность, но еще и масштаб личности. Этому завидую.

Вечером уехал на дачу — отвез собаку и Лешу. У собаки признали лишай, теперь еще хлопоты, связанные с лечением моей любимой животинки.

22 мая, пятница.

Обязательные мероприятия, т. е. то, что мне совершенно необходимо сделать лично:

* В 12 обязательно присутствовать на защите дипломных работ у наших девочек-итальянок. Это остаток семинара Евгения Солоновича, студентки, которые ездили на стажировку в Италию и поэтому не могли участвовать в защитах вместе со всеми остальными студентами. Меня приятно удивляет на защитах у Солоновича объем и серьезность работ. Особенно понравилась Марина Бобылева, переводившая «Монолог о не родившемся ребенке» Арианы Фаллачи. Защищалась Женя Титунова, но все это довольно поверхностно, хотя она сама уже превратилась из ребенка в тяжеловесную еврейскую девушку. Я еще раз порадовался во время ее защиты, что не сломал ее судьбы, остановил себя.

* Обедал с Дженифер в нашей институтской столовой. Кроме

нее и Сары, были еще С.П., Наталья Александровна Бонк, Ирина Шишкова, Кешокова и Царева. Все прошло очень мило, Наталья Александровна занимала Дженифер песнями на английском языке. Они пели, как две виолончели.

* Вручал дипломы. День назад здание Дома Советов в Махачкале захватил, как объявили, террорист, некто Хачалаев, он, кстати, является или являлся депутатом Государственной думы… Оказалось, что он еще и бывший выпускник Литинститута. НТВ, говоря об этом факте, сообщило, что Хачалаев является выпускником элитарного московского вуза — Литературного института имени Горького. Вот с этого я и начал, дипломы мне, дескать, выдавать уже страшновато: Яндарбиев, недавний президент Чечни, был нашим выпускником, и вот теперь Хачалаев. Не станет ли таким образом знаменит кто-нибудь из нынешних выпускников. Сообщил и цифру: всего с 1930-х гг. было выпущено на дневном отделении 2154. В этом году нас покидают 34 выпускника набора 1992 года. Это были самые тяжелые годы, когда мы принимали этих ребят, казалось, что пришел конец профессии, но мы просто пытались еще и набрать более или менее талантливую молодежь, даже при той заниженной квоте, которую нам спустило министерство. В своей речи я сказал, что путь нашей страны выбрали их отцы, матери и старшие братья.

* В Большом Театре заказаны два билета на «Лебединое озеро» в новой редакции Васильева. Я уже знаю, что премии мы Васильеву на своей комиссии не дали, а включили его в список лауреатов, выполнявших программу по празднованию 850-летию Москвы. Брезгливо отмахнулись. У спектакля была тяжелая пресса, и даже зная продажность и ангажированность нашей печати, я не предполагал такой недобросовестности. Это не только естественное для Васильева обрусение спектакля, но и приведение в какую-то драматическую форму всей балетной ткани. Возникло цельное и плотное по своей внутренней структуре произведение. Исчезли, превратившись в сценическую мотивированную ткань, все дивертисменты. Особенно мне понравился всегда провальный 1-й акт. Все спорно, не так, как раньше, но интересно. К сожалению, грамотны, техничны Н.Семизорова и К.Иванов, последний и молод, и прелестен, но не очень выразительны и трагичны. Все это восполняет Н.Цискаридзе, король. В известной мере весь балет — это борьба в противостоянии с Майей Плисецкой, но и с памятью о ней. Сделаем наоборот, чтобы изгнать и дух этих простеньких аттракционов с заломанными лебедиными руками. Самая интересная фигура балета — это король. Образ сделан мощно,

сильно, не без сегодняшних веяний. Налицо явление, если не вытеснения мужским танцем танца женского, то его активное пробивание. Одновременно, как мне показалось, очень планомерно Васильев вводит в мужской танец и виртуозные женские элементы. Понравилось мне все, даже декорации.

Наблюдение попутно. Я сидел в первом ряду и заглянул в оркестровую яму. Ба! Здесь поменялись лица — очень много, почти все, люди со славянской внешностью. Я это отношу к тому, что все другие музыканты играют сейчас за границей. Там больше платят.

Возвращаясь на машине из театра, решил заехать для летучей проверки в институт. Уже у калитки встретил выпившего Лешу Тиматкова. Мое указание Леша и наш замечательный охранник Коля выполнили. Не в девять, но в десять все стали расходиться, здание, когда я подошел к подъезду, оказалось уже очищенным.

23 мая, суббота.

Во Владимир. Утром в 7 часов институт открыт, никак Колю-охранника не могу добудиться.

Нашел компромисс. Во Владимире Дженифер лезет в каждую щель в музее. Я впервые оценил Золотые ворота. Пешком в дождь к Нередице, дамы босые. Удивительный храм с дрожащим внутри воздухом; во Владимирском соборе — фрески Рублева. Монашенки во дворе Боголюбского монастыря.

О рождаемости в 1986. Детская смертность — 45 на 100. За ужином упомянул эти факты.

24 мая, воскресенье.

Вернулся часам к девяти. В.С. рассказала все политические новости. А они, как и всегда за последнее время, постыдны. По телевизору показывают церемонию присуждения премии Тэффи, изо всех сил старающуюся быть похожей на какую-нибудь дурную американскую церемонию. Почти сразу же показали трех номинантов на премию за передачи об искусстве. Были Вульф, Скороходов и совсем уже слабенькая… Я сразу сказал: Вульфу не дадут, слишком его ненавидят. Так и не дали, но здесь был свой коварный сюжет. Премию по решению жюри должен был получать Глеб Скороходов. Но его в зале не оказалось: его просто не предупредили, потому что персонал был уверен, что главный претендент — Виталий.

Из итальянского посольства пришел пригласительный билет на прием по случаю годовщины республики.

25 мая, понедельник.

Всегда умозрительно я понимал, что современная молодежь живет другими интересами и другими символами в искусстве, нежели мы. В принципе, это понятно, но важно знать не только этот постулат, а изучить само движение, характер его. Наблюдая, чем живет и интересуется Леша или мой шофер Федя, что они слушают из музыки, какие любят фильмы или «приколы», я всегда списывал специфику и изощренность их вкуса на среду, на низкий уровень их домашней и родительской жизни. Но есть еще и какая-то мода времени, «зацепляемость» самих произведений, безвкусие всего поколения. Нравился же нам в свое время «Черный кот» — «только черному коту и не везет». Как видно, не всегда это подчиняется времени, логике, чистоте жанра и художественным достоинствам произведений.

Открыл, наконец, книгу, которую написала обо мне Вера Константиновна Харченко, и прочел несколько страниц. Мы договорились, что выпускаем ее, то есть платим за набор и типографию на двоих, каждый получает по 500 экземпляров. Не верил я в эту книгу, полагая, что она прибавит к моему литературному облику лишь некое число публикаций и не больше. Но текст оказался прекрасным. Сильным, густым, с огромным числом очень точных наблюдений и цитат. Натыкаясь на цитаты из моих же произведений, я удивлялся: неужели это написал я? Размышляя трезво, книга Харченко — это для меня новый этап. В первую очередь, это университетская аудитория, подобранные цитаты, долговременный выход на студенческую аудиторию.

26 мая, вторник.

Поздно вечером поехал в театр Гоголя на юбилей Елены Федоровны Качаевой. Она главный художник театра и жена Сережи Яшина. Юбилей получился чудесным, хороший капустник на малой сцене, где актеры демонстрировали костюмы Качаевой. Играло пианино, и были милые стишки. В одном из них некие намеки, связанные с Олегом Гущиным и его сидением в гримуборной у зеркала, «подобный ветреной Венере, когда, надев мужской наряд, богиня едет в маскарад».

Встретил Виталия Вульфа и сразу же заговорил с ним о ТЭФИ — телевизионном конкурсе программ, где его замечательная передача не получила ожидаемого приза. Он мне рассказал, что его поздравили с присуждением премии еще 23-го, но 24-го Владимир Познер, президент телевизионной академии, собрал академию и потребовал переголосовки. Счет оказался 50 на 50, тогда Познер вспомнил, что у него два голоса. В общем, в отношении Вульфа я оказался прав. Он вываливается из тусовки.

Но почему же так враждебен библеец оказался другому ветхозаветному библейцу?

На этом празднике увидел Евтушенко. Мэтр очень постарел, подошел ко мне и стал говорить, что хотел бы получить диплом нашего института. Дескать, его очень престарелая мамочка — еще до недавнего времени она торговала газетами возле Рижского вокзала — не успокоится, пока сынок не получит нашего советского вузовского диплома. Враки все это, просто замечательному, как флюгер, советскому поэту за границей начнут платить больше денег, когда он сможет предъявить диплом о высшем образовании. Тут же он налакомил меня тем, что нарассказал, будто диплом ему не выдали из-за отзыва о романе Дудинцева «Не хлебом единым». Я-то знал, что, как и обычно, выгнали за неуспеваемость и пропуски занятий.

28 мая, четверг.

Состоялся ученый совет, где я разделил должность проректора по учебной работе и научной работе на две: проректором по научной остался Лева Скворцов, который, конечно, затаит на меня, а проректором по учебной работе стал Александр Иванович Горшков. Александр Иванович всегда призывается, когда институту трудно. Сейчас именно такая пора и наступила: надо создавать госстандарт, совсем разбалансировался наш учебный план, разболтался персонал.

29 мая, пятница.

Были на пятидесятилетии Юрия Ивановича Минералова. Он выставил в герценовском кабинете прекрасную закуску и батарею своих аспирантов. Мне очень нравится его жена Ирина Георгиевна, похоже, что ее аспиранты покруче. Кстати, она сама в прошлом заканчивала нашу аспирантуру. Мы ели, провозглашали тосты, а бедная женщина, профессор и доктор наук, все резала и резала бутерброды.

Неожиданное продолжение получила история с дипломом Евтушенко. Понимая беды выдающегося певца всех времен и всех правительств, я решил упросить ученый совет в порядке исключения выдать искомый диплом классику. Для этого я запросил институтский архив, чтобы найти для акции, так сказать, исходный материал. Личного дела в архиве не оказалось, кто-то вспомнил, что в начале перестройки то ли «Апрель», то ли «Мемориал», одна из двух отчаянно принципиальных организаций затребовала дело выдающегося поэта — и с концами. Для выдачи диплома не осталось никаких оснований.

В пятницу же уехал на дачу и провел субботу и часть

воскресенья. Читал работы абитуриентов и рукопись Веры Константиновны. Объективно — это очень хорошая книга. Думал над статьей о Ладыниной.

1 июня, понедельник.

Пробую опять что-то сделать для «Труда»:

«*Боже мой, как однообразно и скучно наше телевидение. Неужели еще кто-нибудь без аллергической сыпи на теле смотрит его? Надоел даже Чак Норрис, гастролирующий сейчас в Москве. А все эти голливудские разборки — для духовно отчаявшихся! Реклама выучена наизусть и превратилась в пошлые разговорные формулы. Как племя убогих, заговорим скоро сплошь текстами из рекламных клипов. Интересно, додумаются ли телезрители стихийно, как наши избиратели, начать бойкотировать рекламируемые товары? Уверяю, что наш советский и постсоветский «Фтородент» не хуже эмигрировавшего из страны проживания «Блендомета». И, кстати, дешевле. А к кому, собственно, обращена реклама предметов роскоши? К людям, регулярно гремящим у меня под окном мусорными баками в поисках остатков съестного? Как они мне, несчастные, напоминают телекомментаторов — копание в свалке политических сплетен и скрытая реклама хозяев. Как они все похожи в главном и основном — принципиальный Сванидзе, густо информированный Киселев, невозмутимая Арина Шарапова, очаровательная при любой политической погоде и нетленная Миткова. Царство рекламы. Совсем не безобидное царство. Я имею в виду только что прочитанную статью в «Совершенно секретно» об убийстве Листьева. Есть там кое-что и о коробке из-под ксерокса. Все остальное было сокращено. Я всему этому верю, и это веселит душу. Сколько веревочке ни виться…*»

Впрочем, я несправедлив и к Голливуду, и к Америке: были «Путь Карлито» Брайана де Пальма о наркомафии и «Хорошие парни», тоже о наркомафии, режиссера Скорсезе, того самого, который не дал никакого приза в Канне нашему Алексею Герману. Наркомафия становится актуальна и для нас. Реклама и героин. Что еще заполнит наши экраны? Но был еще прелестный, хотя старинный, по каналу «Культура» спектакль «Дориан Грей» и, как видение, ночью прошелестел «Ночной портье». Раздумий на всю оставшуюся ночь…

2 июня, вторник.

Рано проснулся, потому что В.С. сменила время диализа и теперь ездит в больницу утром. Гулял с собакой, на помойке среди выброшенных книг — уже совершенно безжалостно люди

выбрасывают то, что мы когда-то называли политической литературой, — нашел «Краткую биографию» В.И.Ленина.

На работе продолжает развиваться история Николая Пашкова, нашего ВЛКашника. Несколько дней назад он опять учинил пьяный ночной дебош в общежитии. Ребята написали на него коллективку, ох уж не люблю я этой писанины! Я лишил его права проживать в общаге. Другой наш слушатель, священник Володя Ермолаев, взял над Пашковым шефство и стал водить его по храмам и заставлять публично каяться в совершенном дебоше. Теперь возникла новая ситуация, писавшие как бы попали в неловкое положение. Мотивы религии оказались и в системе нашего института.

Написал отрывок для книжки преподавателей о методе ведения семинаров и посидел на защите. У меня защищался ученик Вячеслава Шугаева Петя Лебедев. С год назад по моим рекомендациям он попал в Союз писателей. Сейчас он очень переживал, что его рассказ, который нравится мне, не получил оценки «отлично». В конце защиты стал что-то объяснять оппонентам. По первому образованию Петя физик, вот и включил логическое. В рассказе действительно есть несколько очень интересных, написанных с подлинным волнением сцен, но в его рассказе больше не от Тургенева, на которого так часто ссылаются герои, а от манеры Томаса Манна, такой соблазнительной для неофита.

На защите, как всегда, умильно слушал выступления наших преподавателей и поделился этим своим восторгом с сидящей рядом Татьяной Бек. В ответ она заметила: «Я люблю надышать недостающее».

Было приятно, что Наташа Губенко в традиционной благодарственной речи сказала, что выражает признательность главному повару нашей институтской кухни Сергею Николаевичу. Интересно, что только сегодня утром тот же образ повара пришел на ум и мне.

Вечером ходил в итальянское посольство на прием по случаю дня Республики. Толпа и невнятица была невероятная. Жизнь воистину демократизируется. На приеме уже нет тарелок, вилок, все тычутся подцепить какую-нибудь булочку и бутербродец или кусочек пиццы специальной деревянной палочкой. Не получил удовольствия даже от толпы. Бродили какие-то расслабленно-раздраженные депутаты Госдумы, и масса зарубежной и нашей демократической публики. Удовольствие я получил только от встреченной на приеме Улицкой, с которой я чуть-чуть поболтал, от огромного торта, который я нагло размахнул первым, публика жалась и стеснялась сделать это, и от небольшого концерта

бельсальеров. Это тип гвардии. В роскошных с петушиными перьями шляпах и многоцветных мундирах с красными галстуками. Как они дудели в свои трубы и как пели! Такие же ребятки, как и наши солдатики. Легенда о поголовных красавцах и поголовно кареглазых итальянцах развеяна.

4 июня, четверг.

Защищался Витя Айсин. Я написал хорошую рецензию, пожалуй, с новыми мыслями. Выступающий Рекемчук меня поддержал. Его выступление можно было свести к тезису: бомж становится настоящим героем литературы. «Андеграунд» Маканина, подчеркнул Рекемчук, опубликованный «Знаменем», этому свидетельство. Про себя я смогу добавить, ловя мысль Александра Евсеевича налету, что это связано еще и с тем, что и писатель тоже стал неким люмпеном. На что нынче может надеяться Маканин, еще недавно бывший лидером литературы и борясь в меру сил с современным ему порядком? Нынче он раз за разом, оставаясь и лауреатом «Букера», и любимцем власти, лишь фиксирует происходящее. Ну, предположим, в «Кавказском пленнике» это сделано, в силу потаенного гомосексуального мотива, более захватывающе.

6 июня, суббота.

Всегда я падаю жертвой опрометчиво данных обещаний. Мне кажется, что меня куда-то бескорыстно и наивно зовут, я бескорыстно и радостно еду, а потом оказывается, что нужна определенная духовная работа, а за поездку, за стол и за удобства нужно расплатиться. Несколько дней назад меня добивали звонками из Калужского землячества, в котором я состою, памятуя, что и я сам имею дачу в Калужской области, что чрезвычайно чту память о годах войны, которые провел в Калуге. Земляки говорили о поездке в Калугу, о поездке на Полотняный завод, где я никогда не был. По-мальчишески, хотя занят безумно, соглашаюсь. Как-то пропускаю, что одновременно меня зовут в Псков, в Болдино. Грядет Пушкинский всероссийский праздник, а у калужан, оказывается, свой юбилейный, двадцатый, в Полотняном заводе. С комфортом, предаваясь в руки нашему расторопному землячеству — земляки, кстати, снимают люкс для меня в гостинице, и институту это безусловно выгодно, потому что это фиксированная плата, — я у филиала МХАТа вместе с Лешей, без которого теперь В.С., волнуясь за меня, уже из дома старается не выпускать, сажусь в комфортабельный автобус. Еду по Москве и Киевскому шоссе, во время поездки слушаю очень подробную лекцию о владельцах Полотняного завода, к своему

стыду обнаруживаю, что Гончаровы совсем не оглушительно знатного рода, а скорее просто богатые. Правда, тут же слышу и версию, что основатель рода — незаконный отпрыск любившего пошалить Петра Великого. Наслаждаюсь обещанным обедом с калужским губернатором и тут узнаю, что как самый знаменитый из всех писателей, которые будут присутствовать на празднике, я призван произнести речь. Забегая вперед, скажу, что речь пришлось произносить во время большого концерта, который по примеру действа на Михайловском поле под Псковом, здесь, на Полотняном заводе, проходил в парке на лесной поляне. Все меня привело в восторг: и роскошный хор из «Хованщины» Мусоргского, и хор мальчиков, и даже танцы — довольно неуклюжее, но обаятельное повторение фокинского па-де-катра из «Шопенианы», — танцевали студентки колледжа искусств. Попутно боюсь только, что девочкам дурят головы, что они могут стать настоящими балеринами. Девочки крепенькие, плотненькие, не отказывающие себе в еде, но лица дивные, изысканной шопеновской красоты. Был еще также местный парень, читавший искусственно детализированный текст монолога Скупого, а еще номера из репертуара гастролирующей в Калуге воронежской оперы, и местный тенор, и местная певица, работавшая раньше, чуть ли не двадцать пять лет, в саратовской оперетте. Голосище невероятный, и с такой страстью спетые романсы Рубинштейна. Опять старая мысль о безмерной талантливости нашего народа и о том, как несправедливо порой складывается судьба. Кое-кто из этих исполнителей, коли судьба сложилась бы более удачно, а сами были бы понастырнее, вполне могли рассчитывать на центральную сцену.

И в дороге до Полотняного завода, и сидя на концерте, я все время думал о своей речи. Надо обязательно коснуться отношения Пушкина с царем и властью, должна быть отчетливая перекличка с сегодняшней интеллигенцией, сказать о его западной и одновременно русской ориентации, не забыть и тезисов профессиональных — поэзия и проза. Он пробудил Лермонтова. Я твердо так же решил поговорить о современном модернизме в музыке, литературе, искусстве на примере зала, так настойчиво слушающего классику. Заканчивать буду воспоминаниями о калужском моем бытии. О церкви на Смоленке, о ложке сахара на куске хлеба, который давали на перемене в школе, о первых стихах Пушкина, которые мы заучивали в войну. Он тогда был явно на нашей стороне. Оказался ли бы он на стороне сегодняшних властей?

Произнес речь, стараясь говорить покороче. Потом ко мне подошел один из моих «земляков» и сказал, что им с женой речь

понравилась. Оказывается, можно не все формулировать, пафос, помимо фраз, доходит до слушателя. Я понял, что я с этой парой приблизительно одних взглядов. Потом во время пикника где-то вблизи Полотняного завода — на кусок полиэтилена накидали нарезанную магазинную снедь — мы долго говорили о политике и о сегодняшнем дне. Опыт у собеседника огромный. Я люблю мужиков с таким резким аналитическим умом, которым я сам не обладаю. Согласились, что страна подошла к определенному рубежу, когда количество превратилось в качество. Вот тут-то она и была подстрелена перестройкой. Вместе как-то отыскали и рубежи начала разрухи — тезис Хрущева о личной заинтересованности как основном стимуле хозяйствования. С моей точки зрения, это абсолютно верно. Страна уже зажила по другим принципам, и этот неграмотный крестьянин заставил ее пятиться. Мы только сейчас поняли, что уже жили и в каком-то неожиданном социализме, и в каком-то неотчетливом коммунизме и проглядели это. Откуда помощнички наших вождей вытащили словечки, которые и оказались для общества главными минами: стагнация, консенсус и т. д. Представляю в этот момент лица старшего Арбатова, Зорина, Бунича. У моего собеседника интересная мысль, что интеллигент — это человек, всегда общественное ставящий над личным.

Дворец — Полотняный завод. Кабинет в крыле, которое выходит на заводы. Коммунисты организовали школу и управление. Был и музейчик. Немцы. Никто ничего особенно не растащил.

Леша вел себя идеально, не толокся рядом с делегацией. Сидел вдали за пикником. Был молчалив. Молодец.

7 июня, воскресенье.

Обнинск, читаю дипломные работы.

8 июня, понедельник.

Материал для телерейтинга «Труда»:

«*В силу незначительности и недостоверности мнений российского телевидения для нашей постсоветской действительности мы уже давно смотрим его, как в концерте слушаем музыку: фрагменты перемежаются собственными воспоминаниями и думаниями о себе. Возникает проблема как бы параллельных текстов. Такие параллели у меня возникли и на этой неделе. О политике не говорю, россияне не то что стали равнодушны к ней, а она помертвела, поэтому знаменитые телеобозреватели могут дальше спорить между собой. Мы уже все патетически воскликнули: «Что мне Гекуба» во главе с Ельциным*

ли, Чубайсом или новым бодрым премьером.

По одному из каналов попался зарубежный фильм «Хищники». Это о восстании птиц против людей, так варварски вмешивающихся со своим неуклюжим желанием переделать природу и не ждать от нее милостей. Даже канарейка норовит клюнуть человека. Здесь для меня лично две темы: первая — массовая гибель в Москве деревьев. Далеко не надо ходить, достаточно взглянуть на состояние зеленых насаждений на бывшей улице Горького, на Комсомольском проспекте или на Ленинском. Вторая тема — это восстание: уже даже птицы озверели. А что если в стаи собьются недовольные политической экологией люди?

Второе соображение касается прямой трансляции открытия давно уже не популярного «Кинотавра». Почему так нелепа вся эта церемония с украденной где-то идеей звездной дорожки и с попыткой превратить третьестепенных деятелей культуры в деятелей и звезд искусства. Что только стоит восклицание одного из ведущих: «Приближается группа писателей-сатириков». Воистину мы если не стадная, то коллективная страна. И пусть попробует переделать нас какая-нибудь рыночная экономика.

Третье частное соображение касается ошибки в произнесении Ариной Шараповой названия крупного города в Чехии. Город называется Чешске Будейовице, а не Бедеевице или что-то в этом роде. В связи с этой инвективой против нашей безмятежной теледикторши вспомнилась цитата из «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова. Она, правда, касалась наших радиодикторш. Писатель не предполагает наших гигантских шагов прогресса: «Я, откровенно говоря, — это речь Воланда, — не люблю последних новостей по радио. Сообщают о них всегда какие-то девушки, невнятно произносящие названия мест. Кроме того, каждая третья из них немного косноязычна, как будто их таких нарочно подбирают».

11 июня, четверг.

Опять все утро сидел на экзаменах у заочников. Лева Скворцов отпросился у меня на четверг. Председатель государственной экзаменационной комиссии выгребал, к счастью, ни одной двойки, но все равно предмет знают ребята неважно.

Проболтался в институте весь день, занимался разными экономическими делами. Узнал, что, кажется, из особняка съезжает «Русское золото». Как и все подобные организации, они не сочли нужным поставить меня в известность заранее. Надо снова искать арендатора. Не знаю, как будем платить отпускные. О, если бы мне пожить жизнью наших профессоров. За шесть лет

они так и не знают, что такое задержка зарплаты. Экономические ужасы, в том числе и эти самые невыплаты, существуют для них лишь в телевизионном виде.

В девять часов выехал с Алексеем и собакой в Обнинск на машине. Очень хотел взять и В.С., но из-за жары она очень плохо себя чувствует. Обещала приехать вечером в субботу. В дороге порадовались, что поехали одни: невероятные пробки и невероятная жара. Вдобавок ко всему в машине не отключается печка, и Сахара обжигает грудь и ноги.

12 июня, пятница.

День независимости, праздник, который я не чувствую. Может быть, подобным образом не чувствовали Октябрьскую годовщину люди прежнего еще дореволюционного режима? Сейчас я размышляю так: независимость от огромных пространств, завоеванных нашими предками? Независимость от социального равенства? Независимость от своей истории, которую мне предложено позабыть.

В Москве продолжается сидячая забастовка у Белого дома воркутинских шахтеров. Никто из правительства к ним не выходит, потому что у шахтеров политическое требование: отставка президента и правительства. Парадокс заключается в том, что именно под давлением и с поддержки воркутинских шахтеров Ельцин пришел к власти.

По телевизору речь Ельцина. Нелепые общие рассуждения о свободе. Запомнилось такое: «О свободе, которую можно завоевать, рискуя собственным благополучием». Скорее, здесь надо говорить о свободе, которую кто-то завоевал за счет благополучия тысячи людей.

Весь день читаю Ленина по второму изданию и перечитываю первую главу романа. Все может получиться, в примечаниях масса подробностей, и к каждому тому приложены дополнительные материалы, высвечивающие некоторую объективность и фон. Родители выручают меня и здесь.

13 июня, суббота.

Вечером ездил на станцию за В.С., приехавшей на электричке. Температура держится и здесь, и в Москве свыше 30 градусов. Долго сидели на кухне, обменивались новостями. Ночью я проснулся от крика. В.С. сошла вниз и там во дворе упала. Неодетым я скатился по лестнице со второго этажа. К счастью, все обошлось.

14 июня, воскресенье.

Снова рейтинг для «Труда»:

«Определенно наше телевидение — главный враг нашего родного правительства. За что они только его, сделавшего телевизионных боссов собственниками и миллионерами, так ненавидят? Почему все время заставляют телезрителя погружаться в царство каких-то намеков и иллюзий? Страну потрясают политические и экономические убийства. Ни убийцу Влада Листьева, хотя, скорее всего, мотивы здесь другие, ни убийцу Дмитрия Холодова, ни даже убийцу Отари Квантришвили не отыскали. На прошедшей неделе убили в Элисте — заметьте, так же как и Воркута, российская территория — редактора газеты «Советская Калмыкия сегодня» Ларису Юдину, в Новокузнецке при выходе из квартиры был убит один из директоров компании «Сибирьнефть», в древнем Курске арестовывают двух вице-губернаторов, в Москве после почти года расследований арестован член правительства, директор Госкомстата Юрий Юрков, его заместитель Валерий Далин, директор Вычислительного центра Борис Саакян. Найдено было у этих активных людей полтора миллиона долларов в конвертах, и, как обычно, никто и не виноват. Черте что! Арестованные, в надежде на какую-то немалую поддержку, уже отказались от первоначальных признаний. И перед такими фактами робеешь, не знаешь, что подумать, что предпринять и как жить дальше. А в это самое, неустойчивое время легкомысленное телевидение вдруг выпускает на свои экраны старый советский, заметьте, фильм про незабвенного уполномоченного Анискина с Михаилом Жаровым. Деревенский детектив! Я уже не говорю, что мощнейший отряд актеров, среди которых и Роман Ткачук, и Лидия Смирнова, и Татьяна Пельтцер, как бы сметает напрочь еще выглядывающих по каналам юмористов и других представителей современного лицедейства. Но смысл! Смысл! Это что же такое получается: при том, тоталитарном, режиме, любой преступник, даже в сельской местности, отыскивался и выявлялся сразу, а ныне, значит, ничего не получается? Нет, так не пойдет, вы нам новое время не порочьте. А потом, что несет этот самый Анискин с экрана, на что намекает? Он, видите ли, возлагает некоторую вину за криминальные происшествия на сельского киномеханика, который слишком часто показывает фильмы, где дерутся, грабят, воюют и про шпионов. На что это намек? Телевидению снова захотелось цензуры? И самое удивительное, что фильм про деревенского мента Анискина шел параллельно с праздничным выступлением президента, который в этот же самый момент, 12 июня, в день, так сказать, независимости, по другому каналу говорил о «свободе, которую

можно завоевать сегодня, рискуя собственным благосостоянием». О благосостоянии не говорю, нам бы хотя бы справиться с телевидением».

Все сегодня уезжают на пленум СП в Ленинград. По этому поводу мне звонил накануне Ганичев. В Ленинград мне хочется, но в среду у меня защита студентов из семинара покойного Шугаева. Объяснил Валерию Николаевичу, что выеду в среду вечером после заседания комиссии, если мне купят билет. Он сказал, что обязательно купят, но, естественно, не купили. Странные игры играют со мною на Комсомольском.

17 июня, среда.

Защищаются Смирнов со своими страшными рассказами, Марина Шаповалова, лучшая повесть у которой это ее «еврейская» проза, и Анжелика Михайлова с ее чудесным циклом городских провинциальных рассказиков. Неожиданно для меня и безо всякого моего давления девочкам ставят по пятерке. Мы удивительно сходимся с Турковым в ощущении искусства. Вечером что-то наговорил Ире Медведевой для газеты Совета Федерации.

18 июня, четверг.

Не смог поехать с «Независимой» на теплоходе, где должен был состояться круглый стол по Горькому. Привлекало и то, что это как бы личный теплоход Сталина. Вот бы посмотреть. Мы до седых волос любим песни про царей. Вместо этого попал на кафедру к Владимиру Павловичу. На этот раз мне было, что им сказать. Самое главное — это низкие знания студентов, которые они продемонстрировали на экзаменах. Упрекнул нашу институтскую науку за отсутствие общей линии. В.П. между делом отметил, что я насильно в свое время внедрил в институт горьковский семинар, который традиционно читает Паша Басинский. Хорошо, сказал я, пусть один годочек Паша отдохнет. Конечно, я имел в виду, что облыжная статья Павлова попала в «Литературку» через этого критика. Сунулся Буханцов с деньгами, которые он недополучил за занятия с албанскими студентами. Я что-то говорил о лодке, в которой мы все гребцы, о заработках, из которых складывается общий институтский фонд. Как всегда, настоящие аргументы пришли лишь дома.

21 июня, воскресенье.

Как и всегда в июне каждый день у меня бой. С утра дипломная аттестация заочников, все-таки замечательных людей за пять лет пересоздал институт. В семнадцать часов защищался

Нгуен Тьен. Стихи у него сильные. Настоящая поэзия слышится и из-под слоев чужого языка.

23 июня, вторник.

В 12 часов заседание приемной комиссии. В этом году я бьюсь над тем, чтобы как можно больше взять заочников. Наша профессура, привычная к работе лишь с отборным материалом, — сопротивляется. Все забывают, что шесть лет получают зарплату, которая возникает не из-за щедрости бюджета, а из дикой предприимчивости дюжины наших сотрудников, сдающих в аренду здания, ведущих курсы, работающих с гостиницей. Дело пошло, когда я пообещал по пятерке в месяц с каждого коммерческого студента.

24 июня, среда. Вручение дипломов. Заочники.

25 июня, четверг. Аттестация, Ученый совет.

26 июня, пятница. Съезд ректоров. Был в МГУ. Сидел рядом с Т.П.Митиль. Интересно говорили. Человек редчайшей преданности делу.

27 июня, суббота. Аттестация. Всех жалею.

28 июня, воскресенье. На дачу поехать не удалось.

29 июня, понедельник. Пошли обиженные студенты.

30 июня, вторник. Еще день, два и передышка.

1 июля, среда.

Очень хотел отвезти в Шереметьево Мифу Ефимовну, мать Ефима Лямпорта, но Федя был в отпуске, район, в котором она живет — это где-то на Первомайской, — мне совершенно не известен, и я решил ехать к десяти, только к самолету. Виню себя, потому что в этом было и немножко моей лени и безответственности. Извинить меня может только дикая моя усталость, но ведь привык все время жить на распыл, надо бы и в этом случае. Федя внезапно появился утром, и мы поехали. Переволновался страшно, потому что Мифа Ефимовна приехала только через полтора часа после назначенного времени. В большой папке у эмиграционной службы оставалось только ее дело. Собственно, я их и уговаривал подождать до последнего предела. Оказалось, опоздали потому, что не могли засунуть в клетку кота, с которым Мифа Ефимовна ни за что не захотела расставаться. Почему-то эта женщина, с которой я и знаком-то плохо, мне очень дорога. Да и вообще Ефим — это мой, пожалуй, теперь единственный литературный друг. Кота именно я относил в ветслужбу, чтобы получить на него разрешительные документы. Торопливо распрощался с Мифой Ефимовной и полетел на

исполком к Пулатову.

История этого собрания такова. Неделю назад позвонил мне совершенно расстроенный Тимур. Ему кто-то донес — я об этом не знал и теперь, но задним числом понял, почему я так необходим был в Ленинграде, — что на пленуме опять зашел разговор о бывшей союзовской собственности, и пленум как бы решил заставить Тимура проводить досрочно съезд. С одной стороны, наша общественность, потерявшая все, думает, что с возвращением этой собственности что-то изменится в ее жизни. А что изменится? Ничего. С другой стороны, эта общественность науськивается союзовским, РСФСРовским начальством, которое, имея в руках эту собственность, имело бы деньги на поездки и внутренние кормления. Немаловажным является и то, что, заводя все время дело Пулатова, ребята с Комсомольского отвлекают общественность от себя. С их собственной собственностью в высшей степени не все в порядке. Запрос на пленуме для нервного Тимура осложняется и тем, что грядет новая перерегистрация. Тимур всему этому придал огромное значение. Я в качестве контрмеры дал ему совет: собрать исполком с участием совета старейшин, т. е. литературных генералов. Вообще-то, конечно, вести в данный момент против Пулатова работу — свинство. Исполком — единственная организация в постсоветском пространстве бывшего Союза, которая выполняет некоторые свои объединительные функции. Не мне перечислять, сколько здесь сделано, но многое было на моих глазах. Пулатовский союз — это последняя надежда региональных классиков быть еще и людьми московскими. Были Сергей Михалков и Давид Кугультинов, который, по слухам, душа в душу живет с Кирсаном Илюмжиновым, построившим для своего национального классика в центре Элисты маленький мраморный дворец — «Мир Кугультинова». Был Михаил Алексеев и несколько других столь же знаменитых стариков. Другие прислали телеграммы.

2 июля, четверг. Состоялся странный разговор с С. Б. Джимбиновым. Я всегда знал, что в дневник надо вписывать все мелочи, но в свое время, кажется, деталей этой истории и цифры не записал, а только сами факты и их последовательность дают правильное представление о случившемся. Полтора года назад, почти скопом, институт купил некоторую часть библиотеки Джимбинова. Я понимал, что он чистит и освобождает от дубликатов свои домашние стеллажи, но это были книги, которые при первом пригляде мне показались нужными для института. Взаимный интерес. Особенно меня заинтересовала литература,

падающая на период, когда институт практически ничего не покупал, не было денег. И литература, которую в предыдущее время институт не покупал по идеологическим соображениям. Книги мы сразу же вывезли на институтском автобусе. Я мельком просмотрел список и поручил Л. И. Скворцову проработать все детально. Сразу же оплатили по цене 7 рублей за штуку, т. е. оптом, полторы тысячи экземпляров русской части покупаемой партии. Потом ситуация с покупкой из-за отсутствия денег затихла, точнее — я забыл о дальнейших проплатах, а С. Б. по каким-то соображениям мне не напоминал, библиотека не напоминала тоже. Но теперь, когда мы подошли к оплате последней части, я отдал книги на экспертизу. Сразу же выяснилось, что в студенческом потреблении, а точнее — учебном, может иметь хождения приблизительно одна пятая. Еще полтора года назад мы уточнили цену иммигрантских собраний, определив ее в 40 рублей за том, но все оптом. И вот сейчас, когда я послал все на экспертизу, то эксперты, т. е. книжники, имеющие дело с постоянным спросом и предложением, определили круговую стоимость каждого экземпляра в 10 рублей, а точнее от 5 до 10 рублей. Об этом я и сказал Джимбинову. На этом он довольно много терял от первоначальной договоренности. Мы имели с ним два разговора. И должен сказать, что, во-первых, я еще никогда не встречался с таким яростным отстаиванием собственных интересов и, во-вторых, с печалью должен констатировать общеизвестное: никогда не делай добра. Самое пикантное, что когда мы стали идти по списку конкретно, определилось большое количество не нужных никому книг, которые наш опытный профессор заложил в первую уже купленную партию. Здесь дубликаты, которые уже есть в институтской библиотеке. Здесь же крошечный, как брошюрка, самоучитель английского языка, которым раз попользовался — и надо выбросить… И вот тут я отчетливо понял, что я и плохой психолог, и плохой писатель дневника. Я не могу свести воедино свои собственные чувства обманутого человека и аргументацию Джимбинова. Он показывал мне каталог на некоторые свои уникальные издания, в котором стояли огромные суммы. Но он не хотел понять, что его книгу покупает не любитель и специалист, которому она необходима прямо сейчас и здесь, а библиотека, которую не очень волнует — первое ли это драгоценное издание или последнее. Я не мог свести воедино и то, что наш требовательный профессор только что получил годовой отпуск под диссертацию, которую он не напишет. Почему он в моем лице обижает институт? А его профессорское звание «сухого» профессора? Разве, если бы не я, получил бы он его

когда-либо? А его регулярные опоздания на 20–30 минут на лекции и стремление отказаться от любой общеинститутской работы, с которыми я мирюсь? Ну, да ладно, с грустью и горечью соглашусь: я недальновидный и доверчивый человек и просто плохой прозаик. И еще последний штрих, вносимый мною не без помощи Е. Я., вечной моей советницы. Записав все это с моих слов как диктовку, она прокомментировала: он, истинно книжный человек, видит все окружающее как бы сквозь некую призму: главное, что занимает его, — когда вышла книга, кто был редактор и сколько в ней страниц. От своего не отступит ни за что. Я невольно отношу это все за счет гремучей смеси в его крови: наполовину башкир. Но мы тоже не лыком шиты.

«Заведующему кафедрой зарубежной литературы проф. Б. Н. Тарасову.

Дорогой Борис Николаевич!

По поводу дошедших до меня слухов об отъезде за рубеж проф. С.Б.Джимбинова. Во-первых, я действительно говорил с проф. Джимбиновым, как, впрочем, до этого говорил со многими преподавателями на определенном этапе их академической карьеры о необходимости написания докторской диссертации. Такие разговоры велись мною неоднократно. Как у нас принято, под это благое дело можно было бы дать и год творческого отпуска. В свое время такой год получал проф. Смирнов В. П., доцент Калугин В. В., проф. Еремин М. П. К сожалению, не всегда год бывает результативен. Естественно, в случае предоставления такого отпуска я и помыслить не мог, что это может пройти мимо вас, мимо кафедры, чтобы под это дело не были заполнены соответствующие бумаги и в свое время не сделан соответствующий отчет. Так что если проф. Джимбинов хочет этот отпуск получить, то должен делать это не явочным путем, а в соответствии с процедурой. Во-вторых, хочу напомнить вам, глубокоуважаемый Борис Николаевич, и вы скажите об этом Станиславу Бемовичу, что отпуск этот даю не я, а ученый совет, а ближайший такой совет будет 25 июня, вот на нем и должно быть что-то решено, но не раньше.

С уважением, ректор Литературного института профессор С. Есин.

2.06.98 г.»

Теперь я предвосхищаю следующее. Отпуск на год мы, конечно, Джимбинову дадим, докторская диссертация — для меня свято. Диссертацию Джимбинов не напишет, но неприятеля на всю оставшуюся жизнь я получу.

3 июля, пятница. В 14.30 у министра культуры Натальи Леонидовны Дементьевой. Мы едем вместе с Сергеем Шуваловым по нашим книголюбовским делам. Как ни странно, попадаем к ней легко, записавшись у помощника. Не думаю, что здесь только магия имени президента совета Международного сообщества книголюбов (это, кем я числюсь, надо уточнить) и ректора Литинститута. С Дементьевой легко, разговор сразу складывается, мы должны пригласить Дементьеву в Ленинград, открыть Всемирный конгресс экслибриса. Она охотно соглашается: «В это время я буду под Питером в Луге, лежать у себя на даче на втором этаже и читать. Если дозвонитесь, то приеду и открою». Естественно, не приехала и не открыла. Что

это: стиль общения или, как и у меня, романтический взгляд на время, тем не менее разговаривать с Н.Л. очень легко и приятно, у нас много точек соприкосновения. Но сначала был тест. Показала фотографию булыжной мостовой, снятой в определенном ракурсе. Детские шуточки. Ну, конечно, это Петропавловская крепость, площадь перед собором. Разговор зашел об Андрее Платонове. Договорились когда-нибудь встретиться и посмотреть все на месте. Потом заговорили о просьбе каких-то северных народов прислать за счет, конечно, их Севера какую-нибудь творческую бригаду. Скучают по советским культурным порядкам, когда снабжали из центра культурными сливочками, а расплачивались за все это только выпивкой. А теперь попробуй пригласи Киркорова или Леонтьева, они летают на двух самолетах. Я стал диктовать, фантазируя поход и свой список. «А наш питерский Кушнер?» — дополнила список Дементьева. Договорились, что список за мной. Вспомнили еще почему-то Андрея Дементьева, бывшего поэта и корреспондента ТВ в Израиле.

В 16 часов небольшая вечеринка по случаю 50-летия Дмитрия Николаевича Лаптева. Сижу, говорю речи. Пью чай на полном автомате. Наконец разряжаюсь и сочиняю телеграмму мэру.

«*По поступившим в институт сведениям, сегодня ночью планируется снос строений, принадлежащих Некрасовской библиотеке по адресу: Сытинский пер., Большая Бронная, непосредственно примыкающих к зданиям Литературного ин-та. Работы ведутся по личному распоряжению мэра без постановления Правительства Москвы и согласований с ГлавАПу. Напоминаю, что строения Литинститута являются памятником русской архитектуры, культуры и истории. Ректорат ин-та и Ученый совет беспокоят возможные повреждения зданий ин-та в результате этих спешных работ. Хотелось бы выразить свое недоумение тем, что администрация ин-та была поставлена в известность об этих авральных работах лишь накануне.*

Сергей Есин, ректор Литинститута, секретарь Союза писателей России, президент Международного союза книголюбов».

4 июля, суббота.

Это день, когда разваливают соседний дом. На нашем здании трещины.

5 июля, воскресенье.

Разбили строение, примыкающее к флигелю, где раньше размещался журнал «Знамя». В стенах появились проемы, которые

надо будет заглаживать. Кто этим станет заниматься?

6 июля, понедельник.

«Префекту Центрального Административного Округа Музыкантскому В. И., копия — супрефектуры Пресненского Территориального Управления Бочарову А. Г.

Копия — главному специалисту Пресненского Территориального Управления Лебедеву Е. М.

Глубокоуважаемый Владимир Ильич!

Как вы знаете, за субботу и воскресенье были снесены флигели Некрасовской библиотеки, прилегающей к Литинституту. Нам стало известно, что все это происходило без согласований с ГлавАПу и Теплосетью. Об этом в субботу нами дана телеграмма мэру. Напоминаю, что все здания Литинститута являются не только архитектурными памятниками, но и редчайшими памятниками русской культуры: в этих зданиях жили Платонов и Мандельштам, Дос Пассос, Фадеев. Здесь же находились учреждения Союза писателей и бывали, читали свои стихи и доклады сотни знаменитейших людей, от Блока и Есенина до Евтушенко и Ахмадулиной. В настоящее время в результате ночной авральной работы у нас повреждена крыша на флигеле в стиле модерн и разрушена стена, обнажившая проемы в помещении. Я чрезвычайно боюсь следующего шага строителей, в результате чего может «не выстоять» флигель библиотеки и читального зала. Я также ставлю вас в известность, что, не имея никаких задолженностей перед Мосэнерго и Теплосетями, мы можем прервать учебный процесс в результате того, что осенью из-за засыпанных колодцев и бойлерной в здании может не оказаться тепла. Обращаюсь к вам как к ценителю культуры и человеку, доброжелательно относящемуся к Институту. Я всегда полагал, что лучше все сделать вовремя, в том числе и заделать проемы в зданиях, чем потом махать крыльями. Естественно, и с уважением к вам, и с надеждой на вас, ибо главного специалиста Лебедева мы на стройке не застали.

Сергей Есин, ректор Литинститута, секретарь Союза писателей России, ваш знакомый».

Звонил из Нью-Йорка Ефим Лямпорт. Я всегда нервничаю, когда он пространно говорит — это ведь за его счет. Дела у него подвигаются. Его успехи — это еще и мои счеты с московской демократически-литературной тусовкой.

7 июля, вторник.

Леша неудачно сдавал экзамен на водительские права. Когда он сдаст экзамен, решатся многие вопросы: например, он смог бы

отвозить на дачу В.С. в мое отсутствие или привозить ее с дачи.

Читаю книги на конкурс Пенне.

8 июля, среда.

Весь день кручусь с этими внезапно образовавшимися дырами в боковой стене флигеля. В один ряд бывшие окна не заложишь — стена будет промерзать. На городские власти надежд нет. Надо латать крышу.

Поздно вечером уезжаю на дачу.

«*Глубокоуважаемая Наталья Леонидовна!* Письму сразу пытаюсь придать свой стиль, поэтому начинаю с почти цитаты из «Онегина» —

Не отпирайтесь… Посылаю имена кандидатов для «прогулки» по Заполярью. Со всеми отчасти оговорено:

Татьяна Бек, поэт, литературовед, автор книги об «Акмеистах», доцент Литинститута.

Владимир Орлов, знаменитый романист («Альтист Данилов», «Аптекарь», «Шеврикука» и пр.), доцент Литинститута.

Владимир Костров, невероятно знаменитый поэт, лауреат различных премий, председатель Пушкинского комитета, доцент Литинститута, с последним я не созвонился, но человек он на подъем легкий.

Игорь Волгин, поэт, литературовед, с немыслимо интересными докладами о Достоевском и семье Николая II, председатель Фонда Ф. М. Достоевского, профессор Литинститута.

Пожалуйста, выбирайте. Как Вы и предлагали — хорошо бы сюда добавить и ленинградца Кушнера, тогда все получится не только знаково это ссылка на разговор в министерстве и одновременно подначка: свой? *но и мифологический».*

Самое сложное, обращение в начале и концовка письма. Здесь начало и завершение ситуации, у меня всегда надежда на понимание адресата.

«С восхищением (здесь опять словечко не простое, ибо оно из «Мастера и Маргариты», министр может принять его и как непочтение, если не поймет игры, или как некоторую вольность, расцвечивающую официальный стиль), *Сергей Есин, ректор, хозяйственник.*

P.S. У нас по соседству рушат флигель Некрасовской библиотеки, это усадьба Салтыковых, наши стены тоже трещат, садится фундамент, пощелкивают трещины. Что станется со зданием к зиме, ведает один Лужков.

С. Есин, ректор».

9 июля, четверг.

Наконец-то выполняю свое обещание: посылаю факс Н.Л. Дементьевой со списочком «персонажей» для поездки. Поездка, конечно, не осуществится, но обещания надо выполнять. Институт пустой — все ушли в отпуск. Остались лишь я и хозяйственники. Веду отчаянную борьбу с подрядчиками за приемлемую цену.

12 июля, воскресенье.

Для «Труда»:

«*Жуткое и безнравственное впечатление производят репортажи из Бюро судебно-медицинской экспертизы в Екатеринбурге. Значения никакого не имеет, заслужил ли Николай II свое народное прозвище Кровавый или не заслужил, с него ли начинались все беды России нового периода или не с него, приедет ли на символические похороны Б.Ельцин, автор разгрома дома Ипатьева, или не приедет, признает ли Синод за этими костями право быть костями царскими или лишь костями обычных сограждан. Но это останки людей, как и тысячи других, погибших во всенародной катастрофе. Никакие человеческие останки не заслуживают придания им декоративного характера, не заслуживают, чтобы под улюлюканье сомнений, под возню в правительственных комиссиях, под разговоры о расходах, будто речь идет о похоронах бомжей, под телевизионные гонорары за эксклюзивные съемки мытарить эти уже многострадальные кости с одного конца страны на другой. Неприлично это, господа. В Петербурге ли, городе возможного прапрапрапрадеда, в Екатеринбурге ли, городе возможной прапрапрапрабабки должны были найти успокоение эти останки. И уж если судьба так распорядилась, так ли это важно, чьи они? Не являлась ли персонифицированная царская власть частью народа? Да, они, эти останки, станут святыми, если к подножью их могил мы принесем свое искреннее покаяние — тому, что неправедного было совершено в давнее время, что неправедное было совершено сейчас, потому что наше время тоже не безгрешно, тоже кроваво».*

14 июля, вторник.

Вчера поздно вечером приехал в Обнинск из Москвы. Дорога полупустая. В городе открылись какие-то детские олимпийские игры, иногородние машины в Москву, по обыкновению, не пускают, и все силы милиции, в том числе и ГАИ, брошены в центр. Всю дорогу слушал оперные арии, пленку, которую в прошлом году подарил мне Стенфорд. Какая прелесть, какая божественная музыка, как она поднимает! Не зная итальянского, я улавливаю в разных ариях очень похожую лексику, но как это,

тем не менее, не похоже на сегодняшние стенания и речь современной поп-музыки. Все это зовет к любви возвышенной и говорит о страданиях души.

Я, кажется, с сегодняшнего дня в отпуске. С утра слоняюсь по хозяйству и раскладываю бумаги, потом читаю «Новое литературное обозрение». Наслаждаюсь, читая «Заметки о поколениях в Советской России» Мариэтты Чудаковой. Особенно интересно, как со сменой поколений из литературы уходила определенная рефлексия. Прочел также статью В. Курицына о постмодернизме. Статья очень интересная, но ничтожен фронт, по поводу которого хлопочет автор.

Вот так жить бы мне и поживать, почитывать и подвязывать огурцы, но уже в пять вечера приехали на автомашине Федя, С.П. и Владимир Харлов. Надо срочно решать с освободившимся «знаменским» особняком. Привезли договор. Сложность в том, что появился новый закон, по которому мы обязаны регистрироваться в Госкомимуществе, и, думаю, последние отберут у нас часть денег. Опять сражаюсь с правительством. Это притом, что накануне из Госкомвуза прислали извещение о финансировании: за июль не дадут даже стипендии, которую мы, кстати, уже студентам заплатили. Продолжать рисковать и ставить себя под удар? После долгих раздумий я решил зарегистрировать договор в Госкомимуществе. Я больше не хочу отвечать за благополучие всего института, прекрасно живущего института, не имея безоговорочной поддержки. Если деньги отнимут, то поголодаем все, господа, вместе. И вы, господин С., который постоянно что-то шебуршит, и вы, господин Ф., который молчит, улыбается и поддакивает.

Днем ездил в Мишково в хозяйственный магазин. Не был там лет десять. Магазин по ассортименту стал роскошным: позолоченные дверные ручки, замечательная сантехника. Инструменты, мебель и прочее и прочее. Потрясли, когда знакомой дорогой ехал в Мишково, неработающие печи цементного завода. Для меня пейзаж был всегда стабильный, так привык: едешь на машине, а по правую руку крутятся смесительные печи цементного. Все стоит. Быстро мертвеющие руины.

Вечером показывали фильм о Николае II. Какая неискренняя фальшивка, какой неинтересный Жженов! Царь, развязавший кровавое воскресенье, предстает милым семьянином, пожалейте. Он, видите ли, любит Аликс, и почти в параллель крутит с Кшесинской. «Бриллиантовым перстеньком» молодые на стекле одного из дворцов выводят свои инициалы. Дешевенькая литературная реминисценция из «Онегина» и «Карениной».

Жженов — не историк и очевидец, как видимо, замышлялось, а просто актер, выучивший роль и, чувствуется, за большие деньги. Несколько лет назад какие были патриотические высказывания!

Попросил С.П. отправить в «Юность» рукопись первой главы романа о Ленине.

16 июля, четверг.

Проспал до половины двенадцатого и стал читать к конкурсу Пенне присланные книги. Очень занятные фантастические рассказы Валентины Пахомовой и лагерные повести Наума Нима. Последний по тематике и по внутреннему видению очень зависит от Солженицына. Лишь стиль искусственно напряжен, каким сейчас пишут начитавшиеся чужой литературы интеллигентные люди. Как я говорю, стиль Марка Харитонова. Пахомова очень легка, занятна и непредсказуема. Ее главный «недостаток» — русскость и полная неизвестность.

В 15 часов по ТВ показали церемонию «перелета» царских останков из Екатеринбурга в Ленинград. Были ковровые дорожки, родственники, «старшие офицеры» в форме офицеров советских войск в чине майоров, трехцветный флаг, хотя у армии еще прежняя советская атрибутика, рота почетного караула, не слышанный мною прежде марш. Мне очень нравится «семейная» идея последнего русского царя, его чадолюбие, его несчастные дети, по крайней мере двое из которых были тяжело больны, я осуждаю коварное его убийство без суда и следствия. Убили и концы в землю. Но я не могу простить 9 января 1905 года. Тысячи безвинных изрубленных и застреленных людей, не могу забыть Ходынку, японскую войну, воровство державы. Его смерть это искупление черных дел его царствования. А что касается сегодняшней церемонии, то она кажется мне отвратительным новоделом. В моем сознании в этих гробах в тяжелой парче лежат музейные, захватанные досужим взглядом кости. И ничего больше. Единственно, что хорошо, что на этом деле ставят точку.

17 июля, пятница.

Вернулся с дачи. Положенный по закону двухмесячный отпуск закончился в два дня. Волнуют институтские дела. Стенку в особняке, к сожалению, стали связывать с оставленной стеной от прежнего, разрушенного дома: начнут рано или поздно рушить стенку, за нею неизбежно может потянуться наша новостройка. Ничего не понимаю, почему люди искусства отказываются думать логически. Это я о своем любимце Леше Тиматкове, руководившем этой «реконструкцией».

Вечером, успокоившись от институтской тряски, сумел

интересно, во вторую главу романа о Ленине, вписать фрагменты о Федосееве и Охотникове, «невписываемость» которых в первую главу меня волновала. В связи с Федосеевым взял 45-й том Ленина, и, боюсь, задача вставок может оказаться легче и доступнее — материалы именно здесь, на месте. Не надо писать полную биографию, моя сила в сгущении атмосферы и личностной интонации. Вот то, что из Ленина возникает обычный есинский романный герой, меня ни капельки не смущает.

19 июля, воскресенье.

Читал литературу на конкурс. Много журналистики, довольно занимательной, даже отдельные статьи, но каково самомнение. Это действительно самомнение или ощущение, что все премии, награды, в том числе и литературные, даются и распределяются между своими, а вдруг пронесет? Среди довольно средних вещей попался рассказик некоего молодого человека из Австралии о евреях-переселенцах в Германии. Сделано все со знанием дела. Наслаждаюсь от чтения прекрасной поэмы Зульфикарова. Но уж ему-то никакой премии не достанется. Особенно при нынешней системе их присуждения. С одной стороны, очень разбитое, на две тенденции, жюри, которое, в принципе, бьется за своих, а с другой — жюри читателей, хотя и молодых, которым проза Зульфикарова не по зубам.

20 июля, понедельник.

С утра ворошу все в институте. К сожалению, у С.П. сугубо бумажный стиль руководства. Его мало интересуют люди, их семьи и предметы, которые за людьми и действиями стоят. То есть мир воспринимается как результат.

Начали стекаться ответы на мои панические телеграммы по поводу сноса ближайшего к институту дома. Начальство, как всегда, врет. Стоит обратить внимание на слова «разобраны». Их разносили бульдозерами.

Вечером был у сестры Татьяны. Слегка закусили. Выпили по глоточку, уже больная старость. Заговорили о жизни «там» и «здесь». Она там живет, но понимает, что в той системе плохого: ожидание несчастья, ненужность, несоприкасаемость с общим миром. У нас очень много духовной близости, мы оба умеем думать. Материальное, духовное или социальное схватываем быстро, четко и в подробностях. Мы не понимаем, что значит быть глупым, а ведь большинство людей таковыми и являются, а не только некрасивыми, кособокими и кривыми.

Опять тачаю очередной опус для все более и более популярного «Труда»:

«Исключительно на крупном плане истории работало телевидение прошлую неделю. Все поучительно, все заслуживает исторического толкования. Но если кто-нибудь думает, что я начну с похорон последнего царя из династии Романовых, то он ошибается. Здесь лишь взлет непомерной славы Евгения Киселева и такие изысканные шляпки на депутате Старовойтовой. Депутаты, губернаторы и просто политическая челядь спешили то ли приобщиться, то ли вписать себя в золотую книгу истории. Опять были мысли о том, в каких же головах вызрела деловая идея вот так просто взять и втихомолку расстрелять всех, включая комнатную девушку, повара и лакея. То есть мысль этическая. И рассуждения: а что и кости мертвой комнатной девушки, и доктора Боткина и лакея Адольфа Труппа и повара Харитонова проходили генетическую экспертизу? И кто давал исходный материал? И здесь тоже не было никаких сомнений? Мысль историческая, которую можно назвать и обывательской». — Это все сокращено, потому что можно и гавкнуть, но из подворотни, мелких шавок обижать нельзя и не дай Бог обидеть свою Старовойтову. *Но дело сделано, слава Богу, страдальцы нашли свое успокоение. Можно подумать и о главном событии. А им, безусловно, стало награждение президентом силовиков и речь, которую он произнес, глядя в камеру, о том, что и переворота не будет, и отставки не будет, и не случится ничего, что хотят шахтеры и энергетики. Пить бы устами нашего президента мед, но те, кто в школе изучал историю, знают, что она не терпит ни сослагательного наклонения, ни императива и порой такое откалывает. Вот даже вождь трудящихся всего мира за несколько месяцев до Октября не предполагал, что его поколение доживет до революции в России, а сколько наших замечательных монархов говорили о незыблемости порядка и вечности самодержавия. А тут случись непорядок с подвозом муки в Питере, при царской, напомним, власти переименованном из Санкт-Петербурга в простецкий Петроград, и все это самодержавие вплоть до нынешних порядков как корова языком слизала… Вот такие политические раздумья. Что касается художественных свершений, то ими стала пятисерийка сладкая и рассиропленная, согласно нынешнему месяцу, в котором обыватель варит варенье, до невероятия. Но если бы не Цусима, если бы не Порт-Артур, если бы не Ходынка, если бы не январь 90-го, если бы не Ленский расстрел, если бы этот полковник не поторопился отречься. Милая, дружная семья, уже заранее, в потомстве, наказанная Провиденьем. Всех, включая режиссера и замечательного актера Георгия Жженова — жалко. У последнего впервые в кинематографе не получилась роль, и вместо Историка так и остался актер в разных интерьерах и у*

разных дворцов. Не вписался».

21 июля, вторник.

Утром ездил с Алексеем в МРЭО. Экзамены он наконец-то с третьего захода сдал. Все время ожидал какого-нибудь подвоха — не те квитанции, не соответствует прописка, — ожидал очередных бюрократических разбирательств. К моему удивлению, все обошлось. Поздно вечером уехал, весь обессиленный, на дачу. Единственное утешение: пошли огурцы и кабачки…

22 июля, среда.

Сегодня день рождения у Алексея. Вечером приехали гости: Федя, который подарил ему одеколон, Олег с прекрасным волейбольным мячом. Главное — накануне Леша получил права. Я рад, что смог сделать что-то для его будущего. Теперь надо устраивать его на работу и что-то приплачивать за огород, машину и гуляние с собакой. Жарили шашлык, топили баню, ребята играли в футбол. Перед приездом компании я чуть-чуть поработал на компьютере.

23 июля, четверг.

Прочел для конкурса несколько рассказов Георгия Баженова. Много раздумий о скрытой жестокости мира. Он знает и живет в мире, в который я не хотел бы попасть. Замечательно сильные и серьезные произведения с приоритетом мысли. Он ищет зазор между истиной и правдой, мужским началом и волей. Многое от упорства и головы. Тем не менее восхищение мое скорее умственное.

Гуляли с Алексеем по большому кругу: через поселок на гору, вдоль реки, через луг и снова через поселок снизу. У реки две молоденькие девочки загорали без лифчиков, сидя у реки спиной к тропинке. Одна из них внезапно чуть повернулась, и на мгновенье мелькнула прелестной формы невероятно соблазнительная, маленькая, как апельсин, грудь.

24 июля, пятница.

Вернулся с дачи. Провел консультацию по этюду. В моих архивах, оказывается, целая папочка с записями на эту тему. Надо писать статью об этом виде испытания. Написал письмо в академию, которая требует от меня 160 долларов за официальное оформление. К сожалению, из абитуриентов явились на экзаменационную сессию не все, испугались и института, и его трудностей. Набрали тексты «Вестника» и «Чеховского сборника». Долго сидел разбирал тексты и думал, как скрутить все это

получше. Вечером с В.С. смотрели замечательный фильм Алексея Балабанова «Про уродов и людей». Билеты в доме Ханжонкова для пенсионеров стоят 25 рублей, а для всех прочих 50. Это и для меня невероятно дорого. Вот тебе и самое массовое из искусств. Действие фильма происходит в Петербурге в начале века. Сугубо интеллигентное общество. Под корочкой — разврат и низость. Можно сказать, что здесь не только собственные комплексы Балабанова и хорошее его знание предмета, но и сильная социальная идея — общество прогнило. Не случайно за окном квартиры, разъезжая в разные стороны, паровоз. «Наш паровоз, вперед лети…» Меня поразило, что все это я разглядел в юном художнике еще пять лет назад, когда смотрел его «Замок» по роману Франца Кафки.

25 июля, суббота.

Привожу в порядок дневник. Многие замечательные мысли о времени и об искусстве исчезают, растворяются, так и не дойдя до бумаги.

Леша вечером уезжает на каникулы в Усолье. Не дешевое это дело держать в одном лице водителя, садовника, «вожатого» собаки. Но приблудившегося Лешу мы уже полюбили и хотели бы сделать для него как можно больше. Осенью из заключения возвращается его отец. Дождусь возвращения В.С. после диализа, и поедем с ней на дачу. Наметил заняться романом и перетаскать землю с фасада на грядки в теплицу.

27 июля, понедельник.

В институте пишут этюды. Темы. Мне помогает Хамид.

Для «Труда»:

«*Что же я буду унижаться и писать о том, за что Елену Масюк выслали и объявили персоной нон грата из Таджикистана. Итак, все знают: местные ненормальные боевики изнасиловали 86-летнюю русскую бабушку. А корреспондентка об этом рассказала. Тема ли это для передачи или для мидовской переписки, не знаю. Гадко. Но разве не гаже бывает, когда то же телевидение приносит вести о невероятных кручениях с коренным языком для русскоязычного населения в Эстонии и Латвии. Это уже не на задворках мира, а как сами эстонцы и латыши говорят в цивилизованных странах. И ничего, измываются над этими несчастными русачками, которые построили им промышленность и порты, а сами эти цивилизованные граждане все интервью дают на русском языке. Забудьте этот язык, коли он так вам ненавистен. И будто опять МИД и правительство не может тряхнуть плечом, чтобы своих не забижали. Я вот, например, в*

знак протеста эстонскую сметану не покупаю, а теперь перестану слушать музыку Раймонда Паулса, раз он так занятно рассуждает о своем родном языке и о том, кому давать латышское гражданство, а кому нет. Да и кто бы в огромной стране знал этого Раймонда Паулса, если бы не русские певицы и русский язык? Но это все мелочи, крики страдающей души, вот опять телевидение объявило о двух дополнительных процентах, которые я буду платить в пенсионный фонд с зарплаты. Я об этом горюю? Если после этого будут выдавать зарплату шахтерам и пенсии в Хабаровске и Владивостоке, то пусть. Но ведь не будут, пообещают, как всегда, а сделают как обычно. Потому что банками, а не промышленностью занимаются, и не о ней и сельском хозяйстве болит правительственное сердце. Я вот уже сейчас прикидываю, не введут ли в ближайшее время наши молодые нижегородские монитаристы налог, чтобы начать платить по процентам Международному Валютному Фонду. Вот друзья, набрали деньжищ, вот наобещали, и куда они интересно их денут, чего купят, какие правительственные здания построят, какие новые отгрохают загородные резиденции. А что касается художественных передач, то очень понравилась встреча с актером Сергеем Виноградовым. Тут я совсем успокоился: со зрелищами, судя по его репертуару, у нас все в порядке, а хлеб даст Международный Валютный Фонд. Но еще лучше на эти деньги купить вагон фанеры и всей страной построить один большой самолет…»

Вышел «День литературы» со статьей Ильи Кириллова о «Гувернере». Мне это было интересно читать, потому что Илья выстраивает какую-то иную картину, увиденную в романе, нежели я ее себе представлял. Особенно это касается гносеологии романа, Илья выводит ее из молодого соцреализма. Всегда интересно о себе читать то, что расширяет твое представление о собственных возможностях. Многозначителен, хотя и лишь комплиментарен, один пассаж статьи: «у Есина в современной литературе есть один соперник — Владимир Маканин».

28 июля, вторник.

Очень волнует аренда бывшего «знаменского» особняка. Приехал на работу, чтобы написать письма в Госкомимущество. Аргументация моя известна: зарплату платим вовремя, не участвуем ни в каких революционно-социальных акциях, потому что нет повода, а значит — не воруем. Разрешите нам сдать наш особняк, не забирая львиную долю аренды себе. У нас подтекстом — на дело, у вас — на воровство. Вдобавок, напоминаю, наша собственность — это бывшая собственность Союза писателей

СССР, добровольно переданная этой общественной организацией государству.

29 июля, среда.

Занимался «платными» студентами — это наше спасение. Во время «штурма» Некрасовки в особняке практически обвалился балкон. Его обязательно надо реставрировать. Все это связано с огромными бюрократическими сложностями, вокруг каждой из которых крутятся деньги. Написал письма архитектору и в административную инспекцию. Представляю трудности, которые нам начнут чиниться. Чиновники за деньги делают все четко и быстро, а когда дело касается вещей государственных и бесплатных, они демонстрируют свою верность букве закона и порядку.

Пришел в институт некто Булкин, тот самый парень, рукопись которого я читал больше года назад. Прошлый раз я его не видел, а общался с ним лишь Лев Иванович. Мне пришлось писать ему письмо. Теперь он принес уже книгу. «Записки голубого». К своему удивлению, мое письмо-рецензию он без моего разрешения включил в свой текст. Издал он книгу в Польше и часть тиража контрабандой привез в Москву.

В 11 вечера приехал на дачу в надежде поработать. Я даже боюсь задумываться над тем, что в ближайшее время надо сделать. Во-первых, отредактировать четыре написанные главы романа о Ленине. Первая уже прочитана «Юностью», и они вроде ее приняли. Во-вторых, огромное чтение по конкурсу Пенне, которое я забросил. Это надо обязательно срочно сделать, потому что на деньги от конкурса я рассчитываю. В-третьих, необходимо подготовиться к новому учебному году, а это значит, составить план лекций и попытаться все это застенографировать. Книжка «Искусство писателя» мною не забыта, хотя, судя по книжке В.К. Харченко, часть моих идей, которые я имел неосторожность высказать во время лекции в Белгороде, она использовала. Конечно, мне надо бы быть поосторожнее со своими устными высказываниями, но с другой стороны и я теперь воспользуюсь рядом ее разработок. К чести Веры Константиновны, цитирует она меня довольно часто. Ее книга мне нравится.

30 июля четверг. Кажется, закончил вторую главу романа «Смерть Титана». Она получилась огромной. Мельком посмотрел, похоже, ничего, есть напряжение. Но величина невероятная — 54 страницы. Вечером смотрел фильм Балабанова «Брат» — В.С. нагрузила меня перед отъездом на дачу кассетами, хочет, чтобы я о Балабанове написал статью. Фильм произвел на меня большое впечатление. Это о мальчике-киллере, которого современная

жизнь ведет по сегодняшней дорожке. Его природная нравственность выражается в специфических формах — он убивает. Специфическая нравственность нашего времени.

Днем занимался стрижкой участка.

Шахтеры устроили пикеты на Красной площади. С какой бы быстротой власти раскидали пикетчиков, если бы это были преподаватели вузов или какие-нибудь артисты. Шахтеров боятся. По словам телеведущих, правительство все время ищет деньги для выплаты долгов. Как же плохо они хозяйничают, если все время ищут. С большим интересом наблюдаю за Кириенко — какая невероятно обтекаемая демагогия. Кириенко друг Немцова и Бревнова.

31 июля, пятница.

Читаю роман Бориса Васильева «Утоли моя печали» для конкурса. Время — Ходынка, картины которой прописаны очень ярко и отчетливо, семья и молодежные искания. Несмотря на некоторую социальность, это беллетристика. Тем не менее много интересных мыслей, наблюдений. Все это безо всякого зазрения совести я отправлю в собственный роман. Много расхожих описаний коронации, взятых из прессы. Это тоже, чтобы не бегать далеко, я приберу к рукам. Конкурс Пенне определенно действует на мой роман, вот и «Ученики» Константина Белова мне хорошо послужили. Все это — имею в виду Б. Васильева — и писалось как беллетристика: в конце романа даты: 1. 01. 97–20. 03. 97. Булкин — это гомосексуальная беллетристика, Маринина, Васильев — это тоже беллетристика, грамотный Поволяев сегодняшней литературы, что ли. Тем не менее некоторые мысли из Васильева на меня произвели впечатление. Надо сделать выписки.

Вечером на дачу приехал С.П. — В.С. плохо себя чувствует. Встречать ее не надо. Это значит, целых два дня я буду нервничать.

3 августа, понедельник.

Слава Богу, В. С. здорова, ухудшение и температура связаны с тем, что ее «недокачали». Медсестра ушла из зала, и вместо «заказанных» полутора литров откачали только пол-литра жидкости. Такое легкомыслие к собственному долгу чревато человеческим мучением, приближающим смерть. Но кто знает свой час?! Болит живот, мочевой пузырь. Догадываюсь, что это такое, но к врачу не иду.

Весь день пробыл в институте. Конкурса уже нет, мы с трудом набираем свой контингент. Но в этом году у нас очень много платных студентов, особенно заочников, надо уже сейчас

подумать об организации учебного процесса для них всех. Наша шестая аудитория будет ломиться от обилия народов.

Для «Труда»:

«*Слава Богу, наконец-то окончательно, средствами массовой информации выявлены параметры антикризисной или, говоря президентскими словами, стабилизационной программы. Как это, оказывается, просто и надежно придумано нашим замечательным премьер-министром: платит неимущий. Как сам он умен, как занятен, как умеет вовремя не сказать слово и тактично промолчать! Вообще, ставка на молодежь, которую, судя по всему, вслед за другим отцом народа, сделал наш президент, исключительно замечательна. Молодежь бестрепетна, когда дело касается чужих жизней. Что ей какие-то три процента, которые еще только впереди надо платить в какие-то Пенсионные фонды! Пусть возмущаются старые, которые платили, платят и еще будут платить. Молодым везде у нас дорога. Что ей, молодежи, какие-то новые тарифы за коммунальные услуги, за тепло, за воду. Что ей, молодежи, если пенсия реально уменьшается не у них, которые еще ее не заслужили, а у старых. Старым у нас почет. И пусть особо не рассуждают по поводу налогов на продажи и прочее. Слава, повторяю, Богу, что этот налог не распространили на молоко и хлеб. А все остальное на изобильном прилавке — это для молодых. Однообразная пища — пища спартанцев и нравственных людей. Вон корова одну траву жует, а молочком доится. И что там еще придумал наш молодой премьер! Почему бы ТВ-викторину не провести с единственным вопросом: «а что еще отобрать?» Шагай вперед, комсомольское племя! Воистину, молодые хозяева земли. Международный Валютный Фонд ими доволен. А вот платит ли МВФ кому-нибудь комиссионные за смелые траншы? Или их платит лихим просителям само наше правительство. Опять вопросы для новой интересной телевизионной игры «Угадайка!»*

Что касается художественной части программ, то они удивительно политизированы. Это что, телевидение снова дает про Шерлок Холмса и доктора Ватсона, чтобы подчеркнуть медлительность наших силовых структур, когда дело касается поимки каких-то чукотских преступников или раскрытия весьма громких былых убийств? А гениальный «Леопард» Л.Висконти стыдливо показывают в ночь, чтобы еще раз ткнуть пальцем в то, что идеологические перевертыши были во все времена, и не только среди секретарей обкомов, но и в изысканной среде аристократов? Художественные программы на телевидении придется закрыть, ибо они еще острее, чем политические, вопят о несовершенстве и моральной нечистоплотности нашей жизни».

6 августа, четверг.

Вечером из Мурманска приехал Саша Мамай.

9 августа, воскресенье.

Отослал еще две главы в «Юность». Всю субботу и воскресенье работал. Читал Зорина, при всех издержках, касающихся в основном тенденциозности книги, оторваться от нее не могу. Работал над четвертой главой. Для ленинских мемуаров беру факты из мемуаров его противника Мартова. Отдиктовал В.С. небольшую статью о кинорежиссере Александре Балабанове. Это после фильма «Про людей и про уродов». В Балабанове, этом прекрасном художнике, я чувствую русскую идею. А кто поддержит его еще, кроме меня?

10 августа, понедельник. Для «Труда»:

«По большому счету ни рыбалка президента, ни похороны Шнитке не явились крупными телевизионными событиями. Смерть человека — это всегда трагедия космического порядка. Смерть грандиозного музыканта — это, конечно, немыслимая утрата. Я удовлетворен, что, судя по посещению панихиды Сергеем Владиленовичем, наш премьер еще и меломан. Было интересно снова увидеть знакомые лица седых шестидесятников: Э. Климова, Ю. Любимова, сильно постаревшего Г. Рождественского, соавтора покойного композитора по опере «Жизнь с идиотом», писателя, эссеиста и скандалиста В. Ерофеева и неизменного посетителя всех значительных культурных мероприятий — от презентаций до похорон — когда-то знаменитого поэта Андрея Вознесенского. Андрей Вознесенский и шейный платок! И все же грандиозным событием недели стал повтор на ТВ-6 передачи «Акулы политпера» с другим знаменитым и ныне покойным человеком — Львом Рохлиным. Тоже невосполнимая, космическая для страны утрата. Боже мой, какой невероятной искренности и чести был человек. Как предрек свою смерть буквально за три дня до нее, как, оказывается, неизбежна она была. Идти по следам этой передачи — значит, найти его убийц. После такой передачи человек жить не мог. Вернее, герои его горьких дум и разоблачений с ним жить не могли. За слово заплачено кровью, как в былые времена.

Это, собственно, все мои конкретные наблюдения над программами телевидения. Есть еще и частность: ну, почему так значительны все политические сообщения в последних известиях по НТВ («Сегодня») и так легковесны, так улыбательны, такие подыгрывающи правительству передачи по другим каналам, и особенно по Российскому телевиденью («Вести»)?»

Сегодня весь день сидел на собеседовании. Кажется, идут очень неплохие ребята. Похоже, что удастся взять семерых платных студентов на переводческое отделение.

Вечером на кусте увидел сидящими двух уже очень подросших воронят, которых еще месяц назад гоняла наша институтская собака Муза, когда те выпали из гнезда. Я, кажется, писал, как собаку отгоняла мама-ворона. Подросли и сидят на кустиках довольно важно. Ворону уже не видно, она выполнила свою функцию и занялась другими делами. Вот бы заглянуть в воронью душу.

Толя Дьяченко на всю стену во дворе намалевал огромную афишу о премьере в своем театре. Это надо зафотографировать. За субботу и воскресенье наш плотник Денис и охранник Коля покрасили полы еще в двух аудиториях. В шестой и в бывшем лингафонном кабинете. Теперь осталось несколько аудиторий на заочке. Саша отбыл на Крит, на Сантарину.

Как же я хочу побывать в этих местах!

11 августа, вторник. Целый день сижу на собеседовании. Ребята вроде ничего, но темноваты. К себе в семинар меня упросили взять двух или трех девочек только потому, что они учились у нас в лицее. Снова взяли в институт проворовавшегося по юношеской легкомысленности позапрошлый год Пашу Быкова и выгнанного в прошлом году за прогулы Мишу Вишневского. Много в этом году занимаюсь платными студентами. Их получается человек 15 на очном и человек 40 на заочном отделении.

Ездил вечером на дачу в Сопово и забрал оттуда Олега, который красил дом. Я понимаю, что этот оставшийся от брата дом будет сосать и сосать из меня деньги, но я не могу с ним расстаться. Как мне нравится второй этаж, где можно было бы сделать просторный кабинет! Как мне нравится первый этаж с огромной большой комнатой и встроенными двумя комнатками, оставшимися от строительства Юры.

Поздно вечером около двенадцати был в общежитии, здесь определенно стало чище.

Я весь в сиюминутном, в жизненном, в бытовом. А где же размышления о вечном?

12 августа, среда.

Прочел и разобрался с верстской романа о Ленине, отрывок которого публикуют в «Юности». За счет чего держится напряжение?

Правительство Москвы, как всегда, соврало, что привело все в

порядок после сноса библиотеки. После ремонта потекла стена в особняке. Или это «приведенная в порядок» крыша, или через щель в стене, которую мы срочно заделывали.

13 августа, четверг.

Утром на пересадке в метро увидел парня, взасос читающего «Доктора Фаустуса» Томаса Манна, и весь день ходил под впечатлением этой сцены.

Провел консультацию по этюду. Весь день занимался хозяйством, вел диалоги с Ольгой. Надо во что бы то ни стало настоять на том, чтобы все платы от аренды шли только по перечислению. Ольга Васильевна сопротивляется любому контролю за деятельностью бухгалтерии. Скандал, в частности, возник из-за попытки взять в штат института инженера-плановика.

Снова экономический кризис в стране, но наше правительство, вместо того чтобы чинить промышленность и экономику, чинит банковскую систему в надежде, что рынок все приведет в порядок. Впервые я желаю недоброго своей стране.

С некоторым грустным злорадством все мы восприняли наступление талибов возле самых границ бывшего Союза. Прежние наши республики сразу запищали. По этому поводу смешно и не без остроумия сказал вчера Жириновский: не давать ни одного русского солдата. Пусть отбиваются яблоками, персиками, дынями, арбузами и помидорами.

Прочел верстку первой главы, написал врезку и отправил все в «Юность».

Вечером был у В.А. Пронина. Говорили о нашей старости и об учебном процессе. В.А. согласился стать научным редактором очередного номера «Вестника».

14 августа, пятница.

Утром вынул из почтового ящика «Труд». Как всегда мелкими поправками редакция — а я полагаю, что не обходится и без доблестного Вартанова — извратила мое маленькое сочинение. Поправки я внес в компьютерный текст. Ну что для них значит «шейный платок», а для подкованного читателя здесь весь Андрюша Вознесенский. «Уберите Ленина с денег…» Боже мой, как искренне в свое время он это завывал.

Вечером вместе с С.П. уехал на дачу. В.С. приедет, как всегда, в субботу. У Сережи плохое состояние. Так с ним бывает всегда, когда он много работает. Похоже, что он собирается за пару месяцев поднять всю свою диссертацию.

16 августа, воскресенье.

Много спал, дочистил четвертую главу. Сюда надо вставить пару фрагментов, и она готова. Пора приниматься за Шушенское. Читал хуррамабадские рассказы Андрея Волоса, присланные на конкурс. Еще с прошлого года я запомнил и его рассказы, и эту фамилию. Человеческие истории о распаде Союза и о человеческой распре, которая возникает на национальной основе. Насколько художественная литература сильнее публицистики. Достаточно прочесть это, чтобы правителям закричать: что же мы наделали! Все эти картины стоят у меня перед глазами. Здесь даже не скажешь о литературных поворотах — разворачивает жизнь. Я еще очень сомневаюсь, за кого мне ратовать первым номером: за Баженова или за Волоса. В воскресенье, уже после возвращения в Москву, читал «Совершенно секретно». Это свойство житейской информации — она воспринимается лишь сознанием, не сердцем, а потом не знаешь, о чем вспомнить.

По телевидению грозные признаки начинающегося финансового кризиса. Ельцин объявляет, что никакой инфляции не будет. Врет, конечно, по своему обыкновению. Все торговцы получили предупреждение, что если, дескать, попытаются взвинтить цены и воспользоваться ситуацией, то последуют кары в виде налоговых проверок, а Лужков сказал, что начнет лишать такие торговые точки лицензий. Цены, конечно, подержатся несколько дней, а потом неизбежно поползут вверх. Курс доллара, который еще совсем недавно держался в районе 6 рублей, вспух до 9, а в отдельных местах до 10. Многие банки прекратили выдачу вкладов под видом предварительной записи вкладов, и долларовых, и рублевых. Я в невеселых мыслях: от последней зарплаты в связи со скудными летними тратами осталось на институтских счетах что-то миллион или полтора.

17 августа, понедельник.

Правительство пытается сохранить хорошую мину при очень плохой игре. Для всех теперь стало ясно, что антикризисная программа — это программа за счет народа. Дума была совершенно права, когда не давала добро Кириенко и его пакету реформ.

18 августа, вторник.

Поздно вечером вместе с В.С. уехал на дачу. У меня уже не хватает здоровья вынести на работе всю неделю. Все утро занимался спасением своих денег. Сначала пошел на университетский оптовый рынок и покупал продукты, которые можно еще купить впрок. Купил массу чая, пять литров

кукурузного масла, десять полукилограммовых банок с маргарином «Рама», килограммов пять рыбного филе, которое заложил в морозильник. Утром еще купил пять с лишним килограммов свинины, которую по вторникам у нас во дворе продают женщины, приезжающие в Москву торговать мясом и творогом с Украины, из Житомира. Одна из женщин жаловалась: в дороге, в тамбуре во время посадки у нее выхватили сумку с товаром. Все это на фоне недавно происходившего в Форосе 60-летия украинского вождя Кучмы. Президенты, в основном бывшие ЦКашники, съехались с подарками. На этом мои покупки не закончились — по дороге домой заехал в зоомагазин и купил собаке по 45 рублей три пакета сухого корма.

К той же теме. Сегодня днем был у меня в институте А.С. Демин, профессор, доктор, крупнейший специалист по древнерусской литературе. Он у нас совмещает на 0,75 ставки. Жаловался, что у них в Институте всемирной литературы зарплату не выдают «в связи с отсутствием финансирования со стороны РАН». Пришел занять у меня до первого числа хоть немножко денег. Дал 30 рублей. Не забыть выписать ему материальную помощь.

Днем имел отвратительный разговор с нашим студентом Гришей Петуховым. Не хочется касаться наболевшей проблемы, но опять встретился с хамством и наглостью. Писал ли я, что выставил Гришу из института, потому что он ударил доцента-физкультурника Тычинина? Потом мне все же стало жалко парня, и я дал ему доучиться на первом курсе, потому что с первого курса нельзя ни переводить, ни уходить в академичку… Можно лишь в никуда… При этом сохранил ему и общежитие. Теперь требует обратно или очного отделения, или жить в общежитии… В Свердловске, откуда он родом, нет ни работы, ни среды. Я ему долго, выхаживая вокруг памятника Герцена, объяснял свою позицию. Я даже был готов на следующее: пусть за тебя попросит Тычинин, т. е. по-настоящему наладь отношения… Они слишком гордые… В завершение всего милый Гриша сказал мне, что я веду себя с ним, как сатрап…

Написал кусочек для «Труда», но оказалось, что сделал это слишком поздно…

Днем был Илья Кириллов. Посоветовал ему поступать в аспирантуру к Минералову: влияние классики на современную литературу. Это может быть интересно.

19 августа, среда.

Подготовил две ямы под смородину, набил их навозом, теперь дело лишь за Лешкой. Он должен выкопать два куста

черной смородины, которые Таня Матвеева мне подарила. Уехали вечером. Завтра тяжелый день и отъезд в Ленинград на конгресс экслибристов.

24 августа, понедельник. Для «Труда»:

«Невероятно жалко нашу всегда отзывчивую прессу: только-только она, словно мать новорожденного щеночка, облизала Сергея Владиленовича, как последовала отставка последнего. В ситуации, о которой пишут сейчас все обозреватели, для меня важны не так называемые «непредсказуемые действия нашего президента», к которым, мимоходом скажу, мы уже привыкли и не считаем за таковые. В подобных случаях хочется воскликнуть: «Положи на место спички». Известная ситуация для меня лично омерзительна другим: полным отсутствием этического начала. Боюсь, как и в случае с Черномырдиным, последний наш премьер узнал о своей отставке тоже довольно внезапно. Поставьте теперь себя на место этого человека, промоделируйте чувства его жены, недавно в качестве второй леди слетавшей с мужем в Париж, промоделируйте чувства сына, всегда гордившегося отцом. Дали расчет, как нашкодившему лакею. Это что, так можно поступить с любым? Не дает ли гарант Конституции и отец нации плохого примера? А в остальном — все хорошо, прекрасная Миткова.

Порадовала меня своей невероятной загадочностью также и передача о книгах с Леонидом Куравлевым. Я долго про себя решал, почему это наш замечательный актер не снимает очков, столь резко ломающих его имидж, и наконец догадался: Куравлев неотрывно следит за телесуфлером. А теперь я не знаю, была ли подобная передача с Олегом Анофриевым лучше или хуже, чем с Куравлевым, но тем не менее скажу: книги — та область, где важно мнение, может быть и косноязычное, но специалиста, которого не станут подозревать в том, что он проговаривает чужой текст».

27 августа, четверг.

В.С. вспомнила, что звонил какой-то гонец из Усолья: Леша, дескать, приезжает во вторник или в среду. Понедельник, вторник, среда — собеседование.

Сегодня звонил в Усолье.

29 августа, суббота.

Утром уехал домой Саша Мамай: я посидел с некоторыми правками в ленинские главы и поехал на дачу. План очень небольшой: привести в порядок, если хватит времени, дневники, пересадить два куста смородины, которые мне дала Таня

Матвеева, и выкопать яму еще под один кустик. За политикой почти не слежу. В правительстве, в Думе гнусная возня. Никто не хочет настоять на своем, потому что теряют бытовые и престижные удобства, а ищут некий компромисс. Сейчас урезают полномочия президента в обмен на утверждение Черномырдина. Только наивному может показаться, что этот вальяжный и хитрый крестьянин способен что-то сделать полезное. Сделать можно, если поднимать промышленность и сельское хозяйство. Когда Черномырдин говорит, что возврата к командной экономике быть не может, а возврата к ней быть не может, потому что время продвинулось, то он в первую очередь имеет в виду, что своего личного ничего не отдаст, а не интересы родины. Президент по телевизору жалок — все время как заклинание повторяя, что он гарант и через силу утверждает, что до двухтысячного года никуда не уйдет. Чего, интересно, он сгарантировал: образование, рост популяции его нации, медицину и хлеб для всех?

30 августа, воскресенье.

Я так устал, что проспал двенадцать часов подряд. Начал вечером на даче и утром, не вылезая из постели, прочел из конкурсных книг роман писательницы из Омска — Алисы Поникаровской «По дороге в рай». Очень интересные частности, усредненный без интонации язык. В альманахе «Апрель», похожее, немедленно забытое после прочтения произведение Павла Катаева «Футбольное поле в лесу». Редколлегия альманаха будто специально для демонстрации подобранная: Лев Аннинский, Елена Аксельрод, Александр Городницкий, Павел Катаев, Лев Лазарев, Александр Нежный, Григорий Померанец, Елена Ржевская, Яков Хелемский.

У Левы Аннинского интересная статья о бардах и, в частности, утверждение о том, что Визбор («Апрель» № 9) был первым в бардовской песне. Это верно, отсюда и все Юрины мучения, раздражение и ранняя смерть, Он-то знал, за кем приоритеты. Главку о Визборе в своей статье «Барды» Аннинский назвал очень точно «Первопевец»: «Так кто же начал? Кто эту «костровую» песню вывел на уровень поэзии? Кто первый взял гитару и, подойдя к микрофону, стал не читать стихи, а петь их? Кто — у истоков традиции? Многие полагают: Окуджава. Еще чаще говорят: Высоцкий. У людей есть основание думать так. Но если быть точным, то у истоков современной звучащей лирики стоит Визбор. Юрий Визбор. Было время недолгое, полтора-два года в конце пятидесятых, когда именно он, ярко выделявшийся, как бы выплывший из волн широко разлившейся тогда студенческой песни, единолично овладел вниманием и сердцами

слушателей. Это было до Окуджавы, до Высоцкого, до Анчарова, до Галича, до Кима, даже до Городницкого и Ады Якушевой».

31 августа, понедельник.

Утром состоялось то, что мы называем «собранием коллектива». Сюда надо привести цифры: зарплата, ремонт, соцбыт, расходы, доходы за учебный год. Через пару часов после собрания в своем новом кабинете праздновал 75-летие Александр Иванович Горшков. Невероятной энергии, знаний и доброжелательности этот человек. Насколько спокойнее мне стало после его назначения. Мы с Ольгой Вас. подарили ему футболку с моим портретом — это подразумевало преемственность верховной власти в институте во время моих отъездов — и бутылку рижского бальзама.

В преддверье начинающейся инфляции принял решение заплатить авансом зарплату всем сотрудникам за сентябрь, теперь следующий у нас выплатной день лишь 4 ноября.

Дума отказала Ельцину в назначении Черномырдина. Наш настойчивый президент, обостряя ситуацию, опять внес ту же кандидатуру.

Как всегда в понедельник, для «Труда»:

«*Неделя прошла под знаком двух прекрасных, одного русского, а другого французского, сериалов. Один сериал о знаменитом премьер-министре Людовика XIII герцоге Ришелье, а другой о не менее известном нашем земляке Штирлице. Оба сериала достаточно крепко скроены, и интрига в них доведена до мифического правдоподобия. Третий сериал, который разыгрывался по всем каналам, это, конечно, сериал о Думе, нашем президенте и Черномырдине. Как и два первых, этот сериал о крушении посредством банков российской демократической империи населен массой узнаваемых и знакомых по двум первым персонажей. Здесь есть слабый, в одном случае, и с придурью, в другом, правитель, замечательные исполнители убийств, наветов и приговоров, опытные говоруны, шпионы, прекрасные женщины — здесь глазки у меня разбегаются, и я не могу решить: Старовойтова, Миткова или Сорокина, и фоном проходит вечно страдающий народ. И везде кажется: удайся интрига, и ход национальной истории пойдет по-другому. Интриги удаются, но история идет все же по путям, проложенным общественными отношениями и промышленностью. Увы, этим самым промышленности и сельскому хозяйству в России. Не банки надо спасать, а человека. В этом смысле показательно было коротенькое выступление по ТВ когда-то прославленной героини наших промышленных и сельскохозяйственных времен Валентины Гагановой. По ней сразу*

становилось ясно, что героем и в те времена не становился любой, а лишь человек, бесконечно преданный родине и умеющий сострадать и работать. Таких людей в нынешнем исполнении я на этой неделе по телевидению больше не видел. Что касается других персонажей из сериалов, то они смертельно надоели и разделяют вместе с Людовиком XIII всю ответственность за нашу несчастную жизнь. В новом телевизионном сериале я не увидел также и дюка Ришелье, проложившего путь Франции к славе. Увидел лишь очень богатого и хитрого человека, который хочет власти, чтобы сохранить почет и капитал».

1 сентября, вторник.

Утром проводил митинг по случаю начала учебного года. Принявшийся гвоздить дождь заставил собраться в зале. Все было как всегда, но теплее. В следующий раз на такую встречу приведу кого-нибудь из видных людей. Как обычно, вручал студенческие билеты. Студенты пока покорны и тихи. Потом провел двухчасовой семинар с I курсом. Вместе с заочниками здесь у меня 27 человек. Поднимал по очереди, заставлял рассказывать о себе и под эту марку учил говорить, строить фразы, анализировать сказанное. Никого пока, естественно, не помню и не запоминаю их истории. Семинар был очень интенсивен по моим «вливаниям», поэтому я собой доволен. Вечером в 16 провел второй семинар с V курсом. Установил график обсуждения дипломных работ и стращал. Доллар все время поднимается, очень волнуюсь за деньги, которые мы собрали за обучение. Все, что в долларах, держим пока, нарушая финансовую дисциплину, в сейфах. Сдавать будем лишь тогда, когда они понадобятся институту.

Приехал Клинтон; глядя его по телевизору, не могу избавиться от картинки, как он развлекается с Моникой Левински, оглядываясь по сторонам.

2 сентября, среда.

Состоялось открытие Московской книжной выставки-ярмарки. Опять много стендов, ярких обложек, но если приглядеться, то глубоких и по-настоящему ценных книг становится все меньше и меньше. Встретил господ из Академии, которые меня избегают. Я полагаю, что из нее, чтобы в дальнейшем не было стыдно, надо выходить. Кстати, на мое письмо относительно оплаты и прочее и прочее они так и не ответили.

Ходил после работы в сбербанк платить за коммунальные услуги — еще рублей на 40 выросла плата за гараж, и надо было

внести ее в ордер, и заодно посмотрел цены на продукты. Становится страшновато. Доллар уже 12 рублей, т. е. рубль стал вдвое дешевле, чем полторы недели назад. Кукурузное масло, за которое еще неделю назад я платил 11 рублей, сегодня стоит 18, а бананы, традиционно стоявшие между 5 и 6 рублями, уже десятку.

Ельцин в день города посетил открываемую на Поклонной горе синагогу. Боюсь, что своими действиями новые власти и телевидение доведут и до волны настоящего антисемитизма, и до гражданской войны.

Прочел чудесные рассказики Маши Лежневой — у нее готов диплом, а ведь брал ее с прицелом на выгон. Все нежно, мягко. С добротой и без малейшего комического нажима.

Народ институтский преждевременную зарплату принял, но поговаривают: «Есин, дескать, зарплату выдает, потому что не хочет платить индексацию». Комментировать это смысла нет. Приезжал Семен Апокорин, сказал, что в создавшемся положении платить аренду не может. Вот так, вот тебе и индексация.

4 сентября, пятница.

Дефолт. Предпринимаю невероятные усилия для того, чтобы спасти все то, что нам заплатили учащиеся. А время сейчас самое урожайное: деньги пришли и от наших студентов, а у нас их около двадцати на дневном отделении и до сорока на заочном. Нельзя дать съесть банкирам и их банкам то, что мы заработали с таким трудом. Еще в четверг мне принесли гонорар за рекламу на «знаменском» особняке. Я понял, что сразу убиваю двух зайцев: закрываю стену и получаю немножко денег. Конечно, обманули, и эти 4,5 тысячи долларов принесли вечером и не по курсу. В четверг мы купили для института какой-то компьютер, а сегодня я бегал вокруг дома во все компьютерные магазины: курс в них невероятно грабительский — 20,5. С большим трудом купил два лазерных принтера. Деньги еще остались, и сегодня будем решать, что с ними делать. Была у меня попытка купить еще один ноутбук, но специализированный магазин на Ленинском «закрыт по техническим причинам».

5 сентября, суббота.

Простуженный, поехал в Обнинск. По дороге обратил внимание на дико взвинченные цены в Макдональдсе. В Обнинске в субботу паника: в магазинах скупили соль и спички. Постное масло, на которое я ориентируюсь, стоит уже 30 рублей. Много читал своих учеников и носил навоз в теплицу. Большевики, конечно, к власти не придут, второй раз чудо не случается, но не

придется ли второй раз Светлане Молчановой из церковного старосты переквалифицироваться в секретаря партийной организации?

6 сентября, воскресенье.

Вечером в Москве следил за выступлением Черномырдина. Политика в первую очередь — это бесстыдство. Они все хотят власти и чтобы не тронули их наворованного богатства. Завтра вечером буду писать рейтинг для «Труда», там и выскажусь.

7 сентября, понедельник.

Все утро лихорадочно крутился с деньгами, которые идут за платное образование. Инфляция идет обвальная. Додумались выдать еще один аванс в счет зарплаты за октябрь. Будем делать по «расценкам»: ректор — 4000, проректор — 2000, профессор — 1200, доцент — 900 и пр. Как все это постыдно.

Сегодня в 16 часов состоится общее собрание.

Для «Труда»:

«*Героем дня, конечно, стал Виктор Степанович Черномырдин. Как замечательный актер он безусловно обыгрывает даже нашего не слабого в интонациях и позах президента. Вслед за Нероном можно было бы воскликнуть: «Какой актер пропадает!» И должен сказать, что, говоря о редкостном умении Черномырдина держать зал, смешить его или печалить, я отнюдь не имею в виду только понедельничную баллотировку в Думе. Рядом с роскошным шоу, которое Виктор Степанович дал накануне вместе с вечно подыгрывающим власти Киселевым, его думский бенефис — это этюды в театральной школе. Как хорошо он у Киселева говорил о счетах в банках, как будто эти счета у нас у каждого второго. А о бедах, которые семьдесят лет, оказывается, шли от коммунистов! Об индексации, которая теперь отменяется и будет, словно младшая сестра, называться компенсацией. Как будто можно компенсировать жизнь, разрушенное высшее образование, разоруженную армию и потерявший веру в себя народ. Не при Мамае все это случилось, а когда строились сверкающие здания «Газпрома». Воистину у одних суп жидок, а у других жемчуг мелок. Конечно, хотелось бы, чтобы премьер говорил правильным русским языком, но сколько Виктор Степанович прячет за своим милым косноязычием! Да и вообще, не заглядывая никому в карман, я бы хотел, чтобы перед каждым диктором на нашем постсоветском телевидении горела цифра его оклада, а перед общественным деятелем — итоговая цифра его счета в банке. Тут и становится ясным: кто и что имеет в виду под емким словом «народ».*

Вообще надо сказать, что неделя была крута на искусство.

Например, непосредственно после программы Киселева — фильм о сыне дьявола, с невероятным красавцем американского кино Тони Перкинсом. И не ищите, пожалуйста, аналогий! Но поразили меня стихи Пастернака. Как-то ночью, в бессонницу, включаю ящик, а там прекрасный фильм Андрея Смирнова «Осень». И вдруг в пивной, в совсем, кажется, неподходящем месте, зазвучали стихи из пастернаковских «На ранних поездах». О том, как в военную зиму в электричке читали дети: «В них не было следов холопства, которые кладет судьба, и трудности и неудобства они несли, как господа».

9 сентября, среда. На сорок процентов резко поднялась цена на бензин. Это, как мне кажется, Черномырдин и его группа отвечают на провал в Думе. Президент пока молчит относительно новых кандидатур, долларовая паника не стихает, но к ней привыкают.

Вчера провел два семинара: на младшем обсуждали Ксению Кузнецову и Скудина с первого курса, на старшем — диплом Маши Лежневой. Как ни странно, все это не вызвало у меня обычного раздражения от трудности чтения. Машин диплом просто чудо — в это время ни слова о политике, лишь частная жизнь и жизнь вокруг. Маленькие, казалось бы ничтожные, рассказики сложились в единое целое.

Прошлый раз дал своим ребятам задание: «Есин со всеми его недостатками», начал получать апологетические тексты. Тексты прелестные, но иногда я вижу на столах в аудиториях про себя такое… Загадочная и подловатая душа студента. Мой любимый второй ряд.

10 сентября, четверг.

Состоялся ученый совет. С приходом Горшкова все встает на свои места. Финансовый и политический кризис мы вроде прошли, нам даже почти удалось сохранить деньги за обучение. Впрочем, склока разгорелась вокруг премирования приемной комиссии, Лаптева и товарищей. Хотя деньги в результате их летней работы пришли огромные, но даже один процент от этих сумм — это 2 тыс. долларов. Лица у некоторых членов ученого совета были красные. Думали не о затраченных усилиях, испорченном летнем отпуске, усталости, а о тысячах.

11 сентября, пятница.

Утром приходили итальянцы брать интервью о культуре и политике. Не аналитик я-с. Проболтал что-то воодушевляющее. Потом началась обычная нервотрепка. Был один из родителей студентки, исключенной за творческую несостоятельность.

В пять часов Госдума начала дискуссию и утверждение Примакова на должность премьер-министра. Я приехал домой и, соответственно, видел по телевидению лишь конец. Эта кандидатура устраивает почти всех. Лишь Жириновский затеял жуткий скандал, тем самым подчеркнув свою особую позицию. Ему ничего не светило, а с Черномырдиным, привыкший от любого голосования что-нибудь получать, он явно просчитался. От независимых депутатов выступил Боровой, и тут сразу стало ясно, чем Примаков нехорош: противник продвижения НАТО на Восток, противник оголтелого воровства. Да и по самому Примакову видно: ему лично уже ничего не нужно. Почему-то это воодушевляет.

Цены в Москве выросли, и их не опускают, хотя доллар немножко упал и сейчас стоит где-то 10–11 рублей.

С Агроном Туффом из Албании пришли экземпляры «Имитатора» на албанском.

12 сентября, суббота.

В Обнинске. Очень плохо себя чувствую, кашель меня изнуряет, почти нет сил работать. Впереди поездка в Китай по линии Союза писателей.

17 сентября, четверг.

Пекин. Раньше об этом в дневнике не писал, но поездка эта по линии МГСПС намечалась уже давно. Я как-то несерьезно относился к разговорам Пулатова, а когда все определилось, стал утешать себя, что это невозможно. Не может судьба так подыграть, чтобы в сказочной стране, в которой мне тридцать лет назад посчастливилось пробыть двое суток и проспать две ночи, удалось бы побывать снова. С меня вполне хватило пения птиц в посольском саду, чуть ли не под конвоем поездки с аэродрома в посольский городок, какой-то мимолетной прогулки по неведомому парку и в день отъезда во Вьетнам — в 1968 году я летел туда в качестве фронтового корреспондента — картины утреннего прочно забитого, как ватой, туманом Пекина без машин, без реклам, медлительного, упорного — от одного края улицы до другого — потока велосипедистов, через который продиралась машина. Господи, неужели промелькнуло ровно тридцать лет! А теперь я стар, сед, болен и, хотя стараюсь идти прямо и высоко держать голову, чувствую, что меня качает и походка неверна. Но тем не менее сроки планированной поездки приближались, развернуться на сто градусов уже было неудобно, и я, несмотря на отвратительное самочувствие, решил ехать.

В самый последний момент, перед отлетом, отказался ехать и

сам Пулатов, переменчивый, как ветер мая. У него, по его словам, это было связано с болезнью жены, «пролетом» с каким-то банком и постоянными наездами ганичевской команды. Я Пулатова по телефону покорил, и мы втроем полетели: кроме меня, это Вл. Гусев и Ренат Мухамадиев, председатель Союза писателей из Татарии. О нем впоследствии особое слово.

Перелет Москва — Пекин. Наш огромный Ил-86, который, кажется, полностью не набьешь никакими силами, китайцы вперемешку с русскими. Запомнилась одна фраза стюардессы: «Леди и джентльмены! Подушки и пледы являются собственностью «Аэрофлота». Просьба при выходе из самолета оставить на ваших креслах».

Город потрясает своей величиной, красотой, обилием современных зданий, машин, велосипедистов и видом людей, вполне, кажется, довольных жизнью. Здесь, похоже, нет богатых и бедных — одни китайцы в машинах и на велосипедах. Сразу вспомнился тридцатилетней давности Пекин. Это было одно из самых сильных моих потрясений. Утром, когда мы в туман ехали из посольства в аэропорт, я увидел через окно машины лишь крыши какой-то старинной постройки и облепившую нас со всех сторон беззвучную толпу велосипедистов — это было как победное и молчаливое нашествие саранчи.

«Программа пребывания делегации МСПС (Международный Союз Писательских Союзов)

17 сентября.

В 15 часов встреча с русистами в Пекинском университете. 18 сентября. Поездка на Великую Стену; в 16 часов встреча с писателями в Союзе писателей Китая; в 18 часов банкет. 19 сентября. Вылет из Пекина в Ханчжоу. 22 сентября. Вылет из Ханчжоу в г. Сиань. 25 сентября. Вылет из Сианя в Пекин».

Вся эта программа нашего пребывания в Китае написана круглым почерком нашего переводчика Лю. С ним я встречался в Москве, и он на аэродроме в Пекине без всяких табличек и вывесочек, к которым прибегают при встрече иностранцев, меня опознал.

Сразу же после встречи в аэропорту и обеда повезли на факультет славистики в Пекинский университет. Расположился факультет в бывшей загородной резиденции императоров, в тех самых знаменитых садах. И опять я подумал о живительной роли социализма в этой стране. Полный двор молодежи, играющей в какие-то спортивные игры. Слушали хорошо, я подарил книги для факультетской библиотеки. Интересно выступал Гусев, немножко по национальному вопросу посражались с Мухамадиевым. Ренат

— бывший соратник Ельцина — тот предлагал ему даже место своего заместителя в Верховном Совете — теперь пришлось уходить в патриоты. Речь зашла о русском языке в бывшем Союзе, о республиках. Я говорил о том, что все политические деятели этих республик сейчас, давая интервью телевидению, всегда говорят по-русски. Говорил, что без русского языка не было бы Айтматова, да и неизвестно, что там писали Нурпеисов и Гамзатов. Не усилиями ли Солоухина и Казакова, переводивших первого, и опытнейших профессионалов Гребнева и Козловского, переводивших второго, возникли эти имена, теперь известные во всем мире.

Завтра едем на Великую Стену. Здесь бы дать описание гостиничного номера на третьем этаже гостиницы «Пекин», но будем краткими: современная роскошь.

18 сентября, пятница.

Я недаром никогда не подстегивал события и поддавался их течению, не пытался что-то схватить, не принадлежавшее мне, и легко относился к тому, что от меня уходило. Еще найдется. Я помню, как тогда, тридцать лет назад, кто-то из посольских, с симпатией относившихся ко мне, сказал за столом, кивая в мою сторону: «Свозить бы молодого человека на Великую Стену и к Минским могилам». Минские могилы — это могилы императоров эпохи Мин. Я тихохонько спросил: «А это далеко?» И мне ответили: «К Стене — километров семьдесят, а могилы еще ближе». Меня никуда не свозили, а свозили в ресторан, единственный, кажется, в годы культурной революции, открытый для дипломатов. Мы там с какими-то француженками лихо сплясали модную тогда коллективистскую летку-енку. Я еще очень гордился спортивными ботинками и почти воинскими спортивными штанами. На следующий день, переспав в посольстве, я улетел во Вьетнам.

Вот и Великая китайская стена. Описывать ее, как описывал картины природы и архитектурные достопримечательности Гончаров во «Фрегате «Паллада», в век телевидения, фотографии и массовых иллюстрированных изданий не имеет смысла — все это запечатлено тысячу раз и в том числе на сетчатке глаза почти любого телезрителя. Запомнилось напряжение, с которым я поднимался по ступеням к верхней башне, густая толпа китайцев и иностранцев, с которыми довелось совершать это путешествие, и мучительное чувство останавливающегося сердца и принудительного, а не органического дыхания. Здесь дети, молодожены, смеющиеся парочки, старухи в шелковых костюмах, поддерживаемые под локоток стариками. В этой толпе мне легко

дышится. Я ощущаю здесь, конечно смешно сказано, беззаботный воздух социализма и равенства. Как у нас в лучшее время. Как мне жаль людей будущего, не живших в той атмосфере уверенности в своих правах и уверенности в своей жизни.

Спускаясь, я все время вижу загорелый плотный затылок Рената и его седую голову. Ни в чем он, конечно, не виноват, но я виню всех, кто привел Ельцина к власти. По рассказам Рената, Верховный Совет голосовал его в качестве ельцинского заместителя, но не хватило голосов. Это уже потом он оказался и в Лефортово, и в оппозиции. Чего-то не додал. Вот опять Ренат, патриот-демократ, рассуждает о том, что русский язык сознательно насаждали, чтобы он вытеснял татарский, а потом говорит, что сам он из крестьянской семьи. Защищался он в МГУ у Метченко с диссертацией по общей теме дружбы народов, а мы знаем, какого рода диссертации были на эту тему.

Вечером в Союзе писателей Китая был обычный разговор о писателях, о новых именах, потом банкет. Мне очень нравится наш Лю, с которым мы работаем. Прекрасно знает русский язык и русские реалии. Тот роскошный «русский» фарфоровый чайник, который я вез в подарок начальству, я решил подарить ему. Китайцы, с которыми мы общаемся, знают русскую классическую литературу в мелких подробностях и очень неплохо нашу советскую и современную. Первую половину встречи вел Jidi Majia, секретарь китайской ассоциации писателей, который подчеркнул, что он из представителей нацменьшинств, из племени «И». Это даже подчеркнуто в его фамилии. Я сразу вспомнил знаменитое стихотворение Семена Липкина и всю возню вокруг него. И тогда, и сейчас мне кажется эта возня несущественной, хотя, может быть, Липкин что-то и имел в виду. Обычный круглолицый китаец, больше похожий на казаха. В копилку общеизвестных сведений: в Китае проживает 56 национальностей. Самая большая из них — 95 % — это племя хань, собственно китайцы. Только по отношению к семьям из национальности хань действует закон о планировании рождаемости — только один ребенок на семью.

На встрече был и директор Литературного института имени Лу Синя. Он рассказал о возникновении института. В 1951 году китайская писательница приезжала в Москву получать Сталинскую премию, и в беседе с ней Сталин спросил, есть ли у них литературный институт. Собственно это и стало импульсом. Так что Иосиф Виссарионович стоял у истоков основания двух литературных институтов. Институт Лу Синя отличается от своего московского собрата. Это, скорее, наше ВЛК (Высшие литературный курсы), дипломов они не дают. В китайском

литинституте есть и заочное образование, потрясающее своими щедрейшими, воистину китайскими цифрами, чуть ли не пять тысяч воспитанников за год. Если я ошибся, и это за все время существования, то цифра тоже знатная. Московский институт, начавший работать лет на пятнадцать раньше, не выпустил и трех тысяч заочников. Завтра улетаем в Ханчжоу.

19 сентября, суббота, Ханчжоу.

Надо отвыкать думать о Китае тайно-пренебрежительно, что свойственно нам, русским. Роевая жизнь, трудолюбивые и упорные, но все-таки какие-то не такие, как мы. Крошечные делянки, крестьянин с мотыгой, если прикажут и все налетят и бросят по камешку, то возникнет гора. Это огромная, цивилизованная, живущая по самой избранным законам, могучая, промышленная страна. Хочу заметить, что сытая страна. Держава. Об этом вопиет все, что я видел. Да, есть богатство и бедность, но богатство не вопиет, как у нас и не наглеет, потому что есть кто-то, кто может указать ему его место. Наверное, это компартия, которая держит управление страной в своих руках. Я все-таки помню наши времена. Что мог украсть секретарь обкома? В лучшем случае достать квартиру для сына, устроить на приличное место невестку и без очереди купить сыну «Волгу». Перепродать «Волгу» по коммерческой цене на рынке — это было уже трудно. Стукнут, выгонят из партии, лишится поста и всех привилегий. За жизнь народа во вверенной тебе области жестко спрашивали. Но тем не менее не хватало мяса, молока, часто хлеба и не было «Пепси-колы» и «Баунти». Мне не передать главного в Китае, привычного мне чувства единства и равенства, что было свойственно нашей стране. Это трудно описать словами и здесь, и раньше у нас, но надо пожить в этой атмосфере, чтобы почувствовать ее, и уже не забудешь. Если говорить о китайских «доказательствах», то эта не нагрешившая против социализма, хотя и много ошибавшаяся страна, обошла нас по количеству новых современных зданий в столице, по транспорту, по прекрасным дорогам, по современнейшим и, главное, хорошо организованным аэропортам, по связи, в конце концов по количеству телевизионных каналов в столице.

Сегодня вечером обедаем в огромном ресторане на берегу. Это какой-то гигант общепита, много огромных залов, в которых за круглыми столами сидят люди и по-китайски обильно и не торопясь едят.

На этот раз я записал меню блюд, которыми нас угощали. Сначала был зеленый чай, заваренный в чашке с крышечкой. Потом блюдо очищенных креветок. Следом — курица, жаренная в

листе лотоса и обмазанная глиной. Название у курицы — «нищая». Нищий украл где-то курицу, и у него не было ни соли, ни муки, ни каких-либо приправ. Он завернул курицу в лист лотоса, обмазал глиной и положил этот полуфабрикат в костер. Было еще блюдо с какими-то рисовыми шкварками в сладком соусе с креветками и мидиями. Блюдо с корнем лотоса, фаршированным овощами, а также блюдо каких-то трав и овощей, похожих на молодую фасоль, суп с капустой и яйцом, большое блюдо с карпом в соусе и какие-то еще блюда, которые я позабыл. Самое поразительное, что приблизительно так же мы едим уже третий день, но не было никаких повторов. Каждый повар при наличии общего канона строго индивидуален. Пища эта легкая, уже сейчас, через два часа после окончания ужина, когда я пишу эти строки, в животе побулькивает, чего бы съесть. На каждом блюде наклеена коротенькая ленточка — это фамилия повара, который эту еду готовил. И на карпе, и на креветках, и на каких-то рисово-рыбных заедках — везде ленточка.

Во время ужина, пока я записывал меню, у меня мелькнула мысль, что именно с этого ужина начну статью о еде у Айрис Мердок, карточки к написанию которой я давно заготовил. Сюда же включу дипломатическое меню сталинской эпохи, которое мне обещал мой друг Коля Агапов.

Чтобы закончить с гастрономической темой, дополню сегодняшние впечатления тем, что я забыл записать вчера. Во-первых, сам заместитель председателя Союза писателей бывший генерал, что-то вроде умершего демона Волкогонова, бывшего начальника ПУРа. И второе: в чайные чашки, уже приготовленные на столе с разными корешками и травами, горячую воду наливал не очень молодой парень. Он делал это издалека из чайника с носиком приблизительно метра в полтора длиной. Меня поражало, как снайперски он целил в чашку, и струя, без единой капли мимо, вся попадала в сосуд.

20 сентября, воскресенье, Ханчжоу.

Вчера плохо спал, просыпаясь, читал том Ленина, который с собой захватил, письма к родным, читал путеводитель по Китаю. Ночью через час-полтора просыпался от кашля, утром голова болела. На улице шел дождь, все озеро затянуло туманом, лодки, отплывая от берега, тут же уходят в туман. В моей голове все перемешалось: туман, императорские династии, перипетии жизни Ленина, первая сцена, которую я придумал в новую главу. Бессонница, на дворе морозная ночь, уже шли первые хлопоты по самоустройству: надо жить зиму, и молодой Ленин в отчаянии. Вдобавок ко всему мы опоздали на катер, и Лю повел нас на

пешеходную экскурсию по береговым музеям. За первую половину дня, до обеда, мы побывали в Храме полководца Юэ Фэня, в Храме Прибежища Душ и Музее чая. И еще меня все время донимала мысль, как бы не забыть включить в дневник рассказ Рената о Ельцине. Ренат уверяет, что в самолете, летевшем в Австралию, когда они с Ельциным киряли в баре на второй палубе, тот рассказал ему… Невольно, потому что сейчас об этом пишу, сравниваю его с другим «властелином» России — с В. И. Лениным. Тот три раза сидел в тюрьме, бесчисленное количество раз рисковал жизнью, на него устраивали покушения, стреляли, ранили. Был он крупный теоретик или не был — спорьте! — но это до сих пор один из самых читаемых авторов мира, он сам написал бездну томов, он трудяга.

21 сентября, понедельник, Ханчжоу.

Утром была большая экскурсия на лодках по озеру, потом за 8 км к пагоде Шести Гармоний. За 107 юаней купил сумку «Адидас», чтобы везти подарки, лекарства и обновы. В три часа беседовали с писателями в здании их Союза. Обычная беседа с искренней, но однообразной тематикой. Они все прекрасно знают нашу классическую и советскую литературу, их интересует постсоветская судьба Горького, Фадеева. В известной мере это их учителя, литературный капитал их молодости. Подробнее не пишу, потому что вся беседа у меня в записной книжке. У них «под ружьем» около тысячи человек. Государство не щедро, но субсидирует Союз. В 1996 г. — 1 миллион юаней, в 97-м — 1 миллион 150 тысяч, в нынешнем — 1 миллион 750 тысяч. 700–800 юаней в год получает через Союз каждый писатель. В одном случае это чуть-чуть меньше, а во втором чуть больше 100 $. Хорошо несколько раз говорил Гусев, каждый раз умно и толково, несмотря на то что в отличие от меня он за столом пил. Но я уже говорю о продолжении встречи в соседнем ресторане. Самое интересное — дом, в котором проходило это собрание с обязательным чаепитием. И по полкило знаменитого луньинского чая нам подарили. За несколько часов перед этим я купил у пагоды Шести Гармоний еще полкило безумно дорогого жасминного чая. А предупредительный Лю купил мне тут же «конфеты от кашля, которые очень помогали императрице Ци Си», регентше, предшественнице последнего императора Пу И. Покопавшись в своей памяти, я вспомнил, что будто бы она еще и отравила своего мужа императора Гуансюня. Но не конфетами же! Вроде бы на этикетке коробки из-под конфет, по словам Лю, действительно написано, что конфеты с экстрактом грушевого сока и каких-то трав сначала помогли какой-то далекой

императрице, а потом и императрице Ци Си. Рецепту тысяча лет.

Дом, в котором находится Союз писателей, принадлежал некогда Суй Май Лин — жене Чан Кай Ши. Это была ее дача. Прекрасная вилла не без влияния модерна. Внутри все не очень разорено, в порядке прекрасная лестница, деревянная отделка комнат. В одном из помещений сохранилась часть мебели, оставшейся от бывшей владелицы. Кровати, шкафы, туалетные столики поставлены один на другой. Сохранилось и пианино Gollard&Gollard, я тронул клавишу — беспомощный, фальшивый звук. Легенды гласят, что в свое время это пианино было лучшим инструментом в Китае. Интересно заметить другое: есть порода женщин, умеющих точно целиться и бить влет самых влиятельных людей эпохи. Видимо, в этом есть даже что-то роковое и генетическое. Вспомним родных сестер Эльзу Триоле и Лилю Брик. Обе выбрали писателей: Маяковский и Арагон. У Суй Май Лин тоже были сестры. Одна — Сун Цин Лин оказалась замужем за Сун Ят Сеном, другая, Сум Ай Лин, за неким Кун Сян Си — премьером правительства Гоминдана. Сун Цин Лин будто бы еще жива, она в Америке, и ей около ста лет.

За ужином в ресторане писатели старались радовать нас, как только могли. Они даже нашли караоке с «Подмосковными вечерами» и «Вот мчится тройка почтовая». Два почтенных китайских писателя через микрофон песни исполнили. Тем не менее этот наш ужин был самым, наверное, дорогим в Ханчжоу, хотя и самым невкусным. Все, видимо, зависит от повара, а не от цены блюд и их списка. Сами блюда, которыми нас потчевали, я записал. В моей транскрипции это получилось так: «Змея, жаренная в соусе (не решился), редька маринованная, кальмар вареный под соусом, финики квашеные, угорь соленый, подвяленный, каштаны вареные в соусе, что-то сладкое вроде… ростков бамбука, вареных в соусе, змея жареная с чесноком вареным, креветки вареные, суп из утки с капустой, блинчики из сквашенной сои, побеги бамбука жареные, жареный голубь в корзиночке, блюдо из вареных крабов, блюдо с разным разносолом, блюдо с морской рыбой и жареным беконом, блинчики из тыквы и риса, оладьи из пшеничной муки с капустой и рыбой, пончики с тыквой, суп с клецками и перебродившим рисом, арбуз, нарезанный кусочками и для удобств утыканный зубочистками».

Вечером к нам в гостиницу закройщик принес костюмы, которые мы заказали с Мухамадиевым сразу же по приезде. Каждый костюм-тройка стоил нам по двести долларов. Я заказал себе сразу два: темно-синий и серый из одинакового материала. Все это оказалось значительно дешевле, чем в Москве, и безо

всяких хлопот, но как я все это повезу в Москву?

До приезда портного читал письма Ленина, выкристаллизовывается несколько мыслей. По крайней мере, его ужас, когда его оторвали от жизни и отправили в Шушенское, мне понятен. Человеческую ситуацию этого писателя я хорошо чувствую, а что касается остального — проглотят. Главное — все это набить знакомой, но сгущенной информацией.

22 сентября, вторник.

Уезжали из Ханчжоу рано утром, и всю ночь я не спал. Во сне же начались смутные беспокойства, что завтра день семинара и как там с этим справится Самид? Снился дом, потому что грызет тревога за В.С. Между прочим, Ленин, даже молодой, в письмах к матери называет свою невесту по имени-отчеству — Н.К. Снилась еще собака, это, кажется, к другу, и какие-то туманные истории. Не подвел бы меня Алексей, обещавший помогать В.С.

Сиань оказался городом огромным, промышленным, чем-то неуловимым; его фабричные кварталы напоминают Красноярск.

Самое главное — Сиань это город, от которого начинался тысячекилометровый Шелковый путь. Этой странице городской истории посвящен памятник. Из светлого камня пустыни высечены купец в тюрбане волхва, погонщик, несколько верблюдов — караван. Сюда из Поднебесья свозился шелк, и здесь формировались караваны с фарфором, пряностями и шелком. Сразу в памяти зашевелилось какое-то виденное свое кино, представил себе ночь, факел, нападение разбойников, и все сразу — и окрестности, и сам город зажили какой-то понятной для меня жизнью. Через эти небоскребы с зеркальными стеклами в центре города, за вполне современными и даже убогими кварталами на окраинах прорезалось нечто другое. Серединное место и Китая, и истории этой страны. Сиань оказался столицей 12 династий. Убийства, заговоры, строительство дворцов, казни, гробницы сатрапов. Сколько же произошло под этим синим небом!

Особенно меня поразил Музей стел. Начал его собирать какой-то император в 1037 году. Эти каменные стелы — обычай по своей внутренней сути глубоко народный: еще и сейчас, говорят, крестьяне в некоторых провинциях могут на плитах выбить стихотворение вождя Мао или изречение Ден Сяо Пина. Стелы эти огромные, метра два в вышину и метра полтора в ширину, гранитные плоскости, на которых выбиты иероглифы. Тысячи иероглифов на камне. Какое же нужно терпение и внутренняя уверенность, чтобы день за днем молотком бить по зубилу! Но тексты надо было сначала написать. Этот музей

одновременно является и как бы музеем каллиграфии. Иероглифы, характер их написания, в конце концов, мода на какую-нибудь закорючку изменялись лишь с веками. Сегодня современные каллиграфы находят здесь родник вдохновенья. Но умельцы ищут здесь и источник денег. Можно, например, коли о нем все время идет речь, получить известный по всем учебникам философии портрет Конфуция. Как бы почти оригинал. Для этого предприимчивый умелец особым образом наклеивает на лицевую сторону стелы белую бумагу и все время, макая тампон в краску, начинает бить по граниту. Выпуклые места оказываются черными, а все прорези на камне белыми. Портрет из контрастных черно-белых пятен. На стелах, которые мы увидели, есть изречения Конфуция, записаны диалоги его учеников с учителем. Видимо, китайцы знали, что рукописи горят. На нескольких стелах опубликован «Словарь терминов», которому тысяча лет, есть «The Stone Tabit of Prefae to the Poem of the Mejynan Mystia Springu». Некоторые стелы стоят на спинах черепах. Не только памятники, но и книги истории. Библиотека, для перевертывания книг которой нужен великан. Сам музей — это бывший конфуцианский храм, т. е. система павильонов, дорожек, выхоленная зелень, подстриженные деревья, цветы в горшках.

Естественно, в этом изобилии текстов мы переговаривались с дорогим Владимиром Ивановичем о разном, связанном с историей и культурой. Не отставал от нас и Ренат. Его неслабые вопросы к переводчику Лю о том, был ли Конфуций живым человеком или только легендой, вводили и стойкого Лю, и нас в такую оторопь, из которой подчас было нелегко выйти. Спасала только бесхитростная наивность Лю. Ну, как бы нормально политизированный китаец отнесся к вопросу: является ли Тибет частью Китая? Лю как-то сохранил лицо, мы застыли. Впрочем, сам Ренат человек бесхитростный, признался, что в университете больше бегал на лыжах, боролся и играл в волейбол, чем занимался наукой. Но, если касаться вопросов, которые иностранцы задают своим гидам, то бывают случаи похлеще. Владимир Иванович рассказал о давней своей нашумевшей поездке вместе с «сорокалетними» в Париж. Устраивали эту поездку супруги Фриу и Сокологорская, у которых я тоже гостил. Во время этой поездки мой друг и лауреат Руслан Киреев, стоя напротив Собора Парижской Богоматери, произнес: «Ну вот, это Нотр дам де Пари, а где же собор Парижской Богоматери?» Шутка. А другой мой старинный дружок, Толя Афанасьев, когда попали в аббатство, в котором был аббатом Ронсар, вдруг, перепутав Ронсара с Ростаном, а последнего совместив с его героем Сирано де Бержераком, спросил у — другого слова нет —

остолбеневшего гида: «Почему у Ронсара такой длинный нос?» Предвидя возможную отговорку, добавлю, все они в университетах обучались. Но как шутили!

Не описываю совершенно современный музей истории, в котором хранятся немыслимые ценности. Здесь надо отметить простор, современную экспозицию и сам факт, что построено под музей новое роскошное здание. Правда, для иностранцев вход в музей особый, обязательно через магазин. Это тоже музей. Здесь предметы, изготовленные китайскими умельцами. Фарфор, вышивки, лак, терракота. Глядя на все это, так хочется быть богатым. Мне это не грозит, хотя я с удовольствием ввинчиваю китайцам, дабы придать себе значительности, что получил за книгу о В.И. Ленине аванс в 5 тысяч долларов.

23 сентября, среда.

Гостиница в Сиане чуть похуже, чем в южном богатом Ханчжоу. Здесь надо сделать большую пропись о гостиницах и гостиничном и ресторанном деле, вспомнить перчатку для поедания креветок. В Сиане мы креветки вместе с писателями ели просто руками.

Терракотовое войско. Это один из самых больших музейных комплексов в мире. Описывать не стену, но, хотя и мельком: многотысячное заупокойное ритуальное войско.

Термальный источник Хуацин. Баня для богатых. Безвкусная скульптура наложницы. Вспомнил о Сочи и ее особом «правительственном» корпусе на Мацесте. Чтобы вымыть руки в воде 43 градусов тепла, надо заплатить пятьдесят китайских копеек. Ухватили привычку у Америки. Здесь, кстати, произошел занятный эпизод истории. Снизу, от императорских купален, Лю показал мне беседку высоко на крутом склоне горы Лишань. Никаких дорожек к беседке не видно, но тем не менее они, наверно, были. Есть беседка, есть и дорожки. Именно здесь молодой генерал Джан Сю Лян арестовал Чан Кай Ши. Дело было во время японской оккупации Китая, генерал симпатизировал коммунистам и считал, что Чан Кай Ши пособничает захватчикам. Тем не менее коммунисты, кажется Чжоу Энь Лай, уговорили генерала, опасаясь неминуемо начавшейся бы гражданской войны, освободить пленника под честное слово, что тот больше не будет противодействовать силам компартии. Генерал согласился и взялся сопровождать освобожденного Чан Кай Ши на Тайвань. Когда самолет приземлился на территорию, которую Чан Кай Ши контролировал, тот приказал немедленно взять генерала под стражу. Генерал просидел в тюрьме много лет, пока Чан Кай Ши не умер. Теперь он доживает век в США, и ему

93 года. Не слабая история для романа с названием или «Благодарность правителя», или «Диктатор и генерал».

Вечером здесь же, в гостинице, состоялась табельная встреча с писателями. Их было не густо — трое, потом возник традиционный банкет. Гусев злился, не дали ни грамма водки, да и с вином непонятное жлобство, на всех была одна бутылка красного. Наверное, вышла какая-нибудь винная директива, Я вспоминаю, что в мое время работы на радио прозвучала партийная команда экономить на встречах с иностранцами. А тут как раз в Ленинграде должен был состояться симпозиум по радиодраме, где я был принимающей стороной. Банкет мне давать запретили, вернее денег на него не дали. Вместо банкета мы с покойным Николаевым, ленинградским председателем комитета по радиовещанию и телевидению, устроили экскурсию на пивной завод «Вена», а потом я закатил оглушительную пьянку за свой счет в собственном номере.

Дочитал и прочесал, как говорится, с карандашом в руках «шушенский период» тома ленинских писем к родным, теперь это все систематизировать, кое-что добавить и — вперед.

24 сентября, четверг.

Сиань. Многочасовая поездка на Запад. Позавчера, когда мы утрясали программу, наши хозяева намекнули, что мы должны выбрать один из двух привычных для них маршрутов, по которым они обычно возят гостей: на Запад — длинный маршрут, на Восток — экскурсия на полдня. В первом случае мы увидим терракотовое войско — археологическая сенсация последнего времени, а во втором — монастырь и пагоды, связанные с каким-то захоронением Сакьямуни. Таких захоронений по миру разбросано немало. Я помню, на Цейлоне был в храме Зуба Будды. Та же самая ситуация, что и с костями христианских святых. Вокруг останков и фрагментов скелета — прошу у себя прощение за грубость и нетактичность выражения — возникают храмы и монастыри. Владимиру Ивановичу интересней, конечно, последнее. Он много читал по буддизму, а его аспирант Толя Дьяченко написал диссертацию, тема которой звучит приблизительно так: буддизм и современный театр. В своей диссертации, между прочим, Толя осторожно подводит читателя к мысли, что Камю и Сартр все свои экзистенциальные теории вывели на основе восточных религий, неприметно кое-какие мысли восточных мудрецов выдав за свои. Так это или не так, я сказать не решаюсь, но на правду похоже. Одно очевидно: вопросами общего характера поведенческой линии человека восточная философия начала заниматься на много столетий

раньше, чем европейская.

Я сразу поломал все колебания в нашей группе и привел оглушительный довод: даже Клинтон, президент США, во время своего визита в Китай выбрал время, чтобы посетить эти удивительные раскопки. А сам тут же начал вести работу по уточнению расписания: в день, когда мы будем заняты только первые утренние часы, в этот день мы могли бы встретиться с писателями Сианя, а на следующий день махнуть на Запад! Ренат такой постановкой вопроса не очень доволен, он мечтает о свободном времени, чтобы побродить по базарам и магазинам. У него целый список вещей, которые он должен купить для семьи. Объяснять ему, что, сэкономив на местной дешевизне пару сотен долларов, мы можем потерять многотысячную поездку по Китаю и так и ничего не увидеть, я не стал. Итак, поездка на Запад состоялась.

Прав был старик-генерал, заместитель председателя Всекитайского Союза писателей, когда говорил нам: «Вы увидите современный Китай — это Пекин; волшебную сказку Китая — это Ханчжоу; историю Китая — это Сиань». Но, пожалуй, мы увидели больше, скажу немножко выспреннее: жизнь китайского народа. Когда мы пробирались на Запад по центральным и проселочным дорогам — маршрут этот рассчитан в основном не на туриста из Америки и Германии, а на туриста из Японии, из самого Китая, из Индии и Таиланда — из стран, где буддизм если не господствующая, то одна из основных религий населения. Мы увидели делянки и поля, засеянные кукурузой, яблоневые сады с созревшими яблоками. По дороге было много, как и у нас, крестьян, торгующих своим товаром. Интересные детали. Первая. Не было ни одной корзинки с яблоками, где плоды просто лежали бы на жестких ивовых прутьях и потихонечку бились. В каждой корзинке постлана мягкая дерюжка, предохраняющая яблоки. То же самое — с корзинами сборщиков. Даже кузов трактора, который на прицепной тележке вез яблоки, и тот был застелен какой-то ветошью. Естественно, вспомнил о своем отечестве. И вторая многозначительная деталь, символизирующая если не китайское отношение к делу, то китайский добросовестный характер. Возле многих домов лежали яблоки, уже упакованные в картонную фабричную упаковку. Время урожая. Значит, оптовый торговец доверяет своему контрагенту-частнику сортировку и упаковку, уверенный в сортности товара, его однородности и качестве. Национальная черта — честность и добросовестность. Мы видели еще полубедную жизнь маленьких городков. Починку велосипеда прямо на улице, или прямо на улице цирюльник бреет голову старику. Видели небогатые прилавки, нищих детей,

торговцев сувенирами. Вдоль улиц выстраивались рынки и стояли тележки, на которых в масле готовилась и кипела какая-то снедь. Мы не видели только прогуливающихся китайцев. Китаец не просто идет. Он что-то всегда несет, везет на велосипеде, на мотоцикле, на машине. Он не сидит на корточках: он, сидя на корточках, чистит початки кукурузы, ремонтирует ботинок, копается в моторе мотоцикла, наконец, ест. Китайские шоферы виртуозно ездят, по крайней мере, наш шофер, толстомордый парень, ехал именно таким образом. Сколько раз по инстинкту водителя я жал правой ногой в пол — тормозил. Но и без моей телепатической помощи толстомордый парень отлично справлялся. В городах разрешенная скорость для автомобиля, кажется, около сорока километров. При обилии, вернее при лавине, велосипедистов это нелишне. Никто скорости не нарушает, хотя не всегда велосипедисты уступают дорогу автомобилю. Едут на велосипедах и мотороллерах матроны, молодежь, пожилые мужчины и женщины. Родители часто забирают детей из школы, дожидаясь окончания уроков, и везут домой тоже на велосипеде, посадив ребятенка на багажник. На взгляд европейца, это кажется экспериментом рискованным: во время такой поездки, сидя за спиной мамы или папы, крутящих педали, малыш еще может и сосать мороженое или пить через трубочку какой-нибудь сок из банки. И ничего. Любовь к детям, как и почти везде на Востоке, невероятная.

Кончая с детской темой, скажу то, что услышал о так называемом «ограничении рождаемости». Услышал готовую местную формулу: «Отставание роста промышленного производства от прироста населения». Комментировать этические и моральные аспекты ее предоставляю специалистам из демократического лагеря нашей прессы. Мы вон ограничили рождаемость у себя в России очень простым способом: при помощи мудрого демократического управления сами разрушили промышленность, разрушили сельское хозяйство, то, которое было, ничего не организовав взамен, не дотируя его, как делают во всем мире, не платим зарплаты рабочим и крестьянам, а также стипендий студентам и пенсии пенсионерам. Пенсионеры перемрут, и наша недостаточная промышленность придет в соответствие с оставшимся населением. И чем его станет меньше, тем лучше.

Теперь оттенки этой ограниченной рождаемости. Семейная пара в городе может иметь одного ребенка. В селе — двоих. Если в семье рождается первым мальчик — то на этом и следует ограничиться. А если девочка — то разрешено сделать еще одну попытку. Представителям национальных меньшинств разрешено

иметь детей столько, скольких смогут прокормить и на скольких хватит пороха. Но люди эти упорные.

Итак, продираясь через велосипедистов, плохие и хорошие дороги, не отрывая глаз от того, что делается за окном микроавтобуса, мы ехали на Запад. Как оказалось, по все тому же забытому Шелковому пути. Фамэнь — первый город на пути древних караванов. Именно здесь во втором веке была возведена пагода, где хранилась священная реликвия — палец Будды. Естественно, он хранился в реликварии, под землей среди других сокровищ. Это обычное явление. Точно так обстоит дело и с грандиозными ступами, которые я видел в Бирме, Ньямне, как пишут нынче. Священная реликвия хранится замурованной в камне. Она имманирует свою энергию, а проявлять любопытство в святых таинственных делах не следует. Выразил ли я восхищение по поводу времени возникновения этой священной китайской древности? Вдумаемся: второй век нашей эры, Русь еще языческая, ее будут крестить только через восемьсот лет, на кручах Днепра нет ни одного православного храма. Римская империя еще держится. В Китае появляется огромное сооружение — пагода в Фамэне. Китай живет своей отдаленной жизнью, в нем уже ткут шелк, изготовляют фарфор, кажется, уже изобретены книгопечатание и порох. Последнее изобретенье Европа переняла или, вернее, украла.

Итак, в основании пагоды хранится палец Будды и ни я, и никто никогда бы не увидел этого сокровища, если бы в 80-е годы нашего уже времени пагода бы не обвалилась. Одна ее сторона как бы съехала вниз.

Здесь по существу следует сделать большое отступление о китайской политике в области культуры. Конечно, если бы поехал Тимур Пулатов, который остался расхлебывать результаты неумелых маневров правительства, в результате которых рухнули коммерческие банки и девальвировался по отношению к доллару рубль, и расхлебывать нетоварищеские интриги своих товарищей по перу, желающих получить чужую собственность, дабы не очень заметно было, что они разбазарили и неумело управляют своей, так вот, если бы поехал Пулатов, то нас, конечно, принимали бы первые лица и, может быть, даже министр культуры. У него тогда бы я смог, у министра, кое-что спросить. Но ответьте мне, почему в социалистическом и даже коммунистическом Китае находит крестьянин какую-то дыру в земле, находит какие-то скульптуры из обожженной глины — и в довольно спешном порядке собирается правительство, выделяются огромные деньги, проводятся дорогостоящие раскопки, строятся павильоны, дороги, коммуникации, возникает культурно исторический и туристский

объект, который немыслимо работает на славу коммунистического Китая, и все это начинает приносить огромные доходы? Возникает тысяча рабочих мест, окрестное население принимается изготовлять в принципе дешевые сувениры с исторической «изюминкой», которые, как горячие пирожки возле московской станции метро, начинают расхватывать, переплачивая порой в десятки раз, иностранные туристы. Коллекцию глиняных кукол в человеческий рост охраняет не милиция, а регулярная армия, а китайский солдат неуступчив, как Китайская Стена. А мы в это время пишем о воровстве редчайших книг, возраст которых сопоставим с возрастом пагоды в Фамэне, из Государственной национальной библиотеки. У нас разрушается последнее, у нас под угрозой исчезновения Кижи, мы не можем привести в порядок Куликово поле и поле Бородина, но мы ставим чудовищный памятник Церетели в центре Москвы. Примеры я мог бы множить.

Пагода, вернее одна ее часть, съехала вниз, и, по идее, лет через тридцать, окончательно разрушаясь, пагода должна была лежать в руинах. Я не знаю, как китайское правительство относится к религии. Но оно понимает, что такое национальное достояние и что такое туристский объект, вышедший из эксплуатации. Это тот феномен, когда идеология соединяется с экономикой. Начинают разбирать завалы, готовясь к реставрации, и тут натыкаются на реликварий — тайну любой религии.

Уже в музее, а его быстро построили, хорошо и на долгие годы, я увидел макет в натуральную величину того, что было устроено под пагодой в те годы, которые реально невозможно себе представить. Довольно длинный, но невысокий коридор, скорее даже лаз, в подземелье. Сначала надо было отомкнуть деревянную, толщиной сантиметров в тридцать, дверь, и грабитель, а служители туда не спускались, попадал в несколько камер, следующих одна за другой. Все камеры были уставлены, грубо говоря, сокровищами, золотыми и серебряными предметами. Ценность предметов, естественно, неимоверно выросла со временем. Но грабитель не знал, что, уткнувшись при свете смоляного факела в конец этой анфилады, надо было еще и разобрать стену. Вот за ней и стоял маленький золотой ковчежец с реликвией.

Пагоду восстановили, музей построили, в нем рассказывают еще и о чае, и о шелке — товарах на Шелковом пути — и чуть переделали пагоду. Вокруг нее по-прежнему находится действующий буддийский монастырь, но есть и магазины с дорогими сувенирами. Можно подняться на первый этаж пагоды и посмотреть в окно на «китайские», с загнутыми углами, крыши,

на деревья и цветы ухоженного сада. Но можно войти и в святилище. Здесь в хрустальном, наверное пуленепробиваемом, ларце находится священная косточка. Мне кажется, что Будда, когда он был еще человеком Сакьямунье, был великаном. Горят свечи и электрическая люстра. Все крошечное святилище без окон, отделано гранитными плитами с выбитыми на них по современной технологии сюжетами. Все видно очень отчетливо. Рассказывают, что в день нового открытия пагоды и ее святилища, когда во дворе было огромное скопление народа и народ, несмотря на сумерки, не расходился, косточка вдруг начала светиться и приподнялась в своем стеклянном ларце. Я, в принципе, не удивился — это какое-то энергетическое явление. Место-то, как говорят у нас на Руси, намоленное. С годами я все меньше и меньше сомневаюсь в чудесном.

Ренат опять отличился с вопросами. Много раз слыша от нас о каком-то Сакьямуне, спросил у Лю: был ли Будда живым человеком и кто такой этот самый Сакьямуни?

Из всего огромного сегодняшнего дня наибольшее впечатление произвела на меня гробница принцессы Юнтай. Это уже другой туристический объект. Впрочем, все в Китае производит на меня ошеломляющее впечатление, и я только раздумываю, что я с этим всем буду делать. Ну, если бы эти поразительные богатства да в юности! Как бы это все я вплел в свои романы. Но только для юности нужны мозги не молодого человека. Так же кляну себя, что, собрав столько в доме книг о Китае, я не удосужился серьезно в них заглянуть. И второе: Боже мой, какая несправедливость царит в нашем обиходном сознании по отношению к великой стране. Какие там великие камни Европы! Они жалки и ничтожны рядом с этими памятниками поразительной древности и неслыханного величия.

Собственно, к гробнице Юнтай мы подъехали почти случайно. Уже после посещения другой гробницы, не похожей на гробницу, а именно гробницы Цяньлин третьего тайского императора Гаоцзуна, наша сопровождающая (Люся) как бы обмолвилась: хотите ли вы еще побывать, но только быстро, еще в одной гробнице или устали? Мы уже за сегодняшний день насмотрелись и крепко растряслись в машинах по провинциальному бездорожью и устали, но я смело и решительно сказал: «Мы готовы посмотреть все, что нам покажут». И это самое последнее мое впечатление о Китае оказалось самым сильным.

Гробница Гаоцзуна называется гробницей Цяньлин, а это женское имя, потому как эта очень предприимчивая дама — все передаю по рассказам Лю — сначала умертвила своего мужа,

потом отодвинула от престола собственных детей и стала первой в Китае императрицей. Даже пыталась основать династию. По слухам из тех же источников, именно она, вернее, по ее приказу ее внучке Юнтай подсыпали что-то — как там у них в Китае делали в дремучее время? Во времена, описываемые Дюма, отравляли перчатки, яблоки, окуривали ядовитым дымом. Какое благовоние предложили принцес, я не знаю, но, кажется, бабушка, замаливая свои грехи и сохраняя реноме при дворе и в глазах придворных, соорудила внучке неподалеку от гробницы мужа, в которую впоследствии она ляжет и сама, другую царственную гробницу. Я еще никогда не видал Минских могил, на которые охочусь уже давно, но эта гробница дала полное представление о многих сторонах той, старинной и придворной жизни Китая. Довольно широкий тоннель шел вглубь от подножья небольшого холма позади храма. По стенам, которые еще сохраняли следы верхней сырости, мелькали какие-то рисунки, потом пошли подсвеченные электрическими лампочками и забранные ныне решетками ниши, в которых, как в тоннелях терракотового войска, стоят, но только маленькие, фигурки стражи, готовой охранять вечный сон принцессы. Потом стоят фигурки ее придворных, потом ниша с посудой и, вероятно, едой, может быть даже и не отравленной предусмотрительной бабушкой, с какими-то косметическими принадлежностями.

В самом низу тоннеля в погребальной камере, прислоненной к одной стене, так что можно подойти и провести пальцем по спящим иероглифам, находится огромный гроб, высеченный из гранита. Гроб пуст, потому что прах истлел, а драгоценные предметы и золото были похищены захороненная грабителями вскоре после. Лаз, по которому они попали в тоннель, заделан кирпичом. «Навел», наверное, не боящийся мщенья богов какой-нибудь из неубитых строителей или кто-нибудь из охраны. Подкоп, видимо, велся издалека, но расчет был оглушительно верным — подземный лаз, как иголка в вену, попал точно в тоннель. Можно пофантазировать по поводу ужаса и алчности грабителей.

И все-таки самое удивительное не это. Посередине тоннеля, как раз перед входом в погребальную камеру, подсвеченные электричеством мерцают две исполненных гениальным художником фрески. На них стоят в ряд молодые женщины в шелковых одеждах и высоких прическах. Их лица тонки и прекрасны, как прекрасна их молодость, которая не стареет вот уже почти полторы тысячи лет. Конечно, фрески на левой стороне Нила, напротив Луксорского храма, тоже очень хороши своей определенностью и яркостью синих фоновых красок, но что-то

они померкли у меня в воспоминаниях пред этой тайной вечно грустной молодости.

Вечером в гостинице нас кормили цзяоцзы — пельменями с различной начинкой, кажется, это сианьское спецалите. Премен было двадцать или двадцать пять: пельмени с креветками, пельмени с говядиной, пельмени с капустой и свининой, какие-то сладкие пельмени, все это нежное, сочное, в тонюсенькой шкурке, пельмени с курятиной были выполнены в виде цыплят. Существует около 170 сортов этих пельменей.

Вещи упакованы, завтра утром мы улетаем в Пекин, а послезавтра в Москву. Запретный город — жилище императоров, я, кажется, не увижу и в этот раз.

25 сентября, пятница. Пекин.

Запретный город я увидел, но это меня даже расстроило. Исполнение сокровенных желаний опасно и приводит к потере интереса к жизни. Мы прилетели из Сианя довольно рано и без особых осложнений. Я еще раз подивился порядку в пассажирских потоках и пропускной способности на китайских авиалиниях. Не успели мы подойти к багажному отделению, как наши чемоданы уже поползли по ленте транспортера. Город, естественно, забит пробками, и протиснуться до нашей гостиницы было не так легко. Снова огромные здания министерства культуры, Всекитайской ассоциации женщин, министерства иностранных дел. Но ощущение, что дух подлинного Китая так и не дался мне, на этот раз подступало все сильнее. Понять и постигнуть мы можем собственную жизнь, а во всех остальных случаях лишь наши личные формулы, с которыми, если мы чувствуем их внутренний артистизм, мы соглашаемся, а если нет, то говорим о неудаче познания. Но и собственная жизнь — лишь приснившийся сон. Разве не вчера, проезжая через площадь Тяньаньмынь, я почти отводил глаза — было страшно, а вдруг что-то произойдет. Тогда, тридцать лет назад, когда я летел во Вьетнам через Китай, в Пекине лежал снег и шла культурная революция. Какие там памятники истории и культуры! Привезли в посольство, свалили, а на следующий день отвезли на аэродром. Уже существовало главное впечатление от страны, которое подтвердилось и сейчас, так сказать, на земном уровне — я имею в виду поездку на машине из Сианя на Запад. Тогда на подлете к Пекину я посмотрел через иллюминатор за борт. Внизу были скаты зеленых холмов. Потрясло, что все эти скаты от макушки до подножья представляли земледельческие террасы, перемежаемые квадратами построек — земля на всех ее мыслимых уровнях была заселена. Если говорить коротко, то Лю, который еще недавно

что-то темнил, когда в день прилета я говорил ему о Запретном городе, вдруг сам предложил не гипотетическую прогулку по городу в субботу до авиарейса, когда такая прогулка практически не могла бы состояться, а посвятить этому ближайшие часы, только сложив вещи в гостинице, не селясь пока в ней. Возможно, дело было в расчетном часе, который начинается во всех гостиницах с 12 дня, и он экономил на нас народные деньги.

До экскурсии мы, побросав распухшие чемоданы — целую адидасовскую сумку у меня занимают купленные лекарства, — пошли обедать. Час принятия пищи — святое для служивого китайца. Я помню, как, уезжая из Ханчжоу в шесть часов утра, милая сопровождавшая нас девушка Вэн повела нас на завтрак. Какую же полную тарелку жареной свинины, яичницы, кусков ветчины и всякой прочей не дамской, а плотной мужской снеди она себе навалила. На обед мы пошли в специализированный по пекинской утке ресторан. Все оказалось здесь по технологии из моего путеводителя. Легкая закуска, которая мне уже перестала нравиться — потянуло на своенину; после повар принес коричневую от жара утку — ее заливают через надрез на грудке соевым соусом и томят в специальной печи — и прямо на глазах эдаким большим косачем принялся ее строгать на мелкие соблазнительные кусочки. Из целой утки получается тарелка строганины, остатки не без мяса костей пойдут на коллективный бульон. В своей записной книжке я набросал фразу, которую цитирую: «Что там расслабленная игра Ростроповича, как ворон прилетающего на каждое российское несчастье, я видел, как в китайском ресторане повар нарезает утку по-пекински!»

И Тяньаньмынь, и сам Запретный город впечатляют, конечно, своими размерами. Меня лично поражает в этом ансамбле, что задуман он был правителями почти шестьсот лет назад целиком и сразу. Ансамбль зимнего дворца, Эрмитажа с его театром да вдобавок с Летним садом и лежащим напротив Михайловским замком — но сразу, не как плод сложившихся обстоятельств и желаний вереницы царей, а как некая разовая задумка. Передать и описать впечатление невозможно. А для меня все это еще и не лишено внутреннего человеческого содержания, потому что помню настольную книгу моей юности — мемуары Пу И, последнего императора Китая. Имена императрицы Ци Си и наложниц для меня не пустой звук. Утверждают, что главная идея дворца китайских императоров — заставить человека почувствовать себя песчинкой в бесконечных дворах между роскошными павильонами. Мне кажется, наоборот: императоры думали о своем величии, о реальном ощущении себя здесь, в центре Вселенной, в центре многих окружающих одну другой

сфер. И первая из них была дворец. Господи, что же испытывал в реальности человек, молча, со свитой за спиной, переходящий из одного павильона в другой? Все чудеса дворца описывать не стану, это уже сделали за меня типографы, где искусство фотографа и типографское искусство заслоняют порой реальный предмет и его масштаб, тем более что я, отчаянно торгуясь, купил здесь альбом и хорошо помню фильм Бертолуччи — лучше не скажешь. Осмотреть дворец можно лишь за несколько дней. Даже официальная экскурсия разбивается на двое суток, сначала осматривается западная сторона, а потом восточная. Поразили огромные вызолоченные чаны, расставленные возле почти всех павильонов. Они для воды — это средневековая и дальнейших веков мера пожарной безопасности. А мы всегда протестуем против пожарного инспектора. В тронном зале я сразу узнал трон, на котором сидел маленький император из фильма Бертолуччи и где он спрятал свой шарик.

Китай навсегда останется для меня недосягаемым для познания. Всегда гордящийся тем, что я русский, впервые поймал себя на мысли, что хотел бы быть китайцем. В этом случае какой-то «китайский», непознаваемый остаток от мною здесь виденного оказался бы понятым. Что же это за цивилизация, способная после себя оставлять памятники, подобные гробнице какой-то коварной и беспощадной императрицы Цянь Лин, наверное, это жена Гаоцзуна. Это я опять возвращаюсь к виденному мною в провинциальном Китае. В комплекс этой гробницы, которая, кстати, кажется, еще не раскопана, хотя об этом говорил еще Го Можо, президент Китайской академии наук, входит огромная гора, на которую идет пешеходная тропа — это голова императрицы, шея — аллея каменных скульптур километра в два-три, две башни на двух соседних горах, расположенные как бы на одном уровне — это соски императрицы, а дальше на необозримое пространство простираются ее живот, ноги, и где-то покоится ее лоно. Уверен, что у китайцев для всего перечисленного есть свои определенные географические пункты или пунктики. Все это производит удивительное ощущение масштабов и простора, слияния с природой и ее силами. Рядом с этой величественной гробницей, состоящей из одних только символов. Невольно приходит мысль: природу не переплюнешь, китайцев не превзойдешь.

1 октября, четверг.

Еще 26 сентября, в субботу, поздно вечером возвратился в Москву. Поездка была тяжелая, в Пекине нагруженный самолет стоял два часа, в Новосибирске во время остановки из самолета

не выпускали. Все делается для удобства не пассажиров, а сотрудников. Интересно, такая ли ситуация складывалась с рейсами в Париж, Франкфурт, Мадрид — огромное количество туристов и невероятное количество рейсов в Европу — как и рейсов в Москву. В Пекине определенно лишние часы на загрузке связаны с какими-то, скорее всего, левыми грузами — ведь самолет огромный, способный поднимать танки. Чтобы закончить эту тему, вспомню и другой эпизод. На следующий день, 27-го в воскресенье, в Шереметьево, когда сестра Таня улетала вместе с Татьяной Алексеевной в Париж и у них был перевес стоимостью в 240 долларов, то регистраторша, ничуть не стесняясь, взяла без квитанции с них 100 долларов и на багажных квитках написала «норма». А потом мы фантазируем, отчего бьются самолеты — от перегрузки. И размышляем, отчего наш «Аэрофлот» находится в таком прорыве. Да он разоряется по кусочку своими сотрудниками.

Сразу же по приезде узнал, что Таня и Татьяна Алексеевна продали отцовскую квартиру на Ленинском и навсегда уезжают во Францию. Стоит квартира 80 тысяч долларов, деньги они сумели сразу переправить на новую отчизну. Продали и дачу. К чувству некоторого недоумения: да как они смогут без родины, примешивается и сиротское чувство: я теперь один, и сердце дрожит. Но, в общем, обе мои родные девушки выбрали чужие удобства вместо своих родных трудностей. Бедный поседевший и сломавшийся в лагерях папа! Помню, как он просидел в приемной ректора университета Лумумбы десять часов, чтобы Таньку взяли туда. А Танька не успела институт закончить, как, наверное, все же по любви, с кошачьей грацией, но слоновьим упорством вышла за француза. Именно это, кажется, сделали, поставив целью, все девочки из ее группы. Зятя у меня зовут Марк.

Провожая ее в Шереметьево, я плакал: свидимся ли еще когда-либо? Мне от моей родни осталась целая квартира мебели с пианино, посуда, какие-то хозяйственные вещи и мой собственный гараж, который был оформлен на Татьяну Алексеевну. Все это, включая пианино, я перевожу в институт, теперь будем обставлять общежитие и институтскую гостиницу.

И еще две для меня значительные новости: вышла (и уже привезен тираж) книга В.К. Харченко и появился журнал «Юность» с первой главой моего Ленина. Сейчас очень занят следующей главой — Шушенским. Опять читаю недочитанное и поражаюсь упорным и ясным ленинским письмом.

Книга В.К. Харченко называется: «Писатель Сергей Есин: язык и стиль».

Все эти дни на фоне падения доллара и формирования

нового правительства занимался хозяйством: надо ремонтировать крышу, сорванную новым ураганом на общежитии, и перестраивать читальный зал.

Владимира Константиновича Егорова назначили министром культуры. Это уже второй ректор ходит в министрах. Сегодня, встреченный мною Гусев сказал: «Следующим станешь ты». Фигушки.

2 октября, пятница.

Утром перевезли в институт пианино. Постепенно я начинаю осознавать, какое все-таки счастье, что Харченко написала обо мне книгу. Здесь огромное количество примеров для преподавателей и ученых. При всеобщей лености через эту книгу я скорее войду в научный оборот. Как замечательно ей удалось прочесть все, понять выгоду заниматься мною и понять меня. Она удивительным образом, ни капельки не льстя, умудрилась сказать обо мне то, что я сам трезво думаю о себе. Последнее я никому не говорю, потому что не поверят. Но я действительно чувствую в себе совпадение художника и ученого.

Вечером по телевидению известие: ушел в отставку Александр Асмолов — заместитель министра образования, который курировал среднюю школу. Предлогом для ухода он избрал приход в министерство «красного» министра высшего образования Филиппова. На самом деле, как я понимаю, это немыслимая боязнь независимого человека, нового министра, который довольно быстро может понять, что господин Асмолов своим «вариативным» образованием погубил русскую школу. Сегодня в интервью для журнала «VIP» я говорил, что гуманитарное образование, которое с помощью Асмолова в средней школе почти забыто, готовит из молодежи граждан, пробуждает чувство патриотизма. Асмолов тот человек, при котором наша школа стала учиться по учебникам Сороса. Вечером Сванидзе вцепился в это либеральное наваждение, пытаясь доказать на его примере откат страны от либерализма.

Получаю первые отзывы о своем Ленине: Самид сказал, что, как при чтении «Улиса», чувствуется значительность, но читать дальше нельзя, утомляет. Я-то, держащий в голове весь замысел, надеюсь на силу и читабельность «промежуточных» глав.

4 октября, воскресенье.

На даче в Обнинске привел все в порядок к зиме. Деревья, посаженные мною почти двадцать лет назад, в этом году не принесли урожая, в лучшем случае с десяток яблок, по-настоящему их надо выламывать, выкорчевывать и менять. Но

безумно жалко. В связи с этим вспоминаю эпизод почти шестидесятилетней давности, сорок первый год. Мы в эвакуации в деревне, на родине мамы, и как, теперь понимаю, деревня плохо к эвакуированным, хотя и к своим, относилась: не было что поесть и зимой не было чем топить. Отчетливо помню, как мама в крутой мороз сама ездила на лошади с санями в лесничество за дровами. Она, крестьянка, рассказывала, что больше всего боялась, как бы лошадь не распряглась. А потом она от нужды и холода вспомнила, что у ее деда, бабушкиного отца, был единственный в деревне кирпичный дом и при нем сад, тяжелый, яблоневый. Дом, естественно, эвакуированной жене военнослужащего не отдали, живи в избе, а вот сад спилить разрешили. Чтобы не делиться с нею, единственной наследницей, ничем. Тогда же меня пронзила жалость по отношению к этим старым деревьям. Ну, как же, зачем, они так долго росли и так много видели. Деревья, как собаки и лошади, должны в покое доживать свой век, даже если они не в силах приносить пользу.

Прочел интересную повесть Лены Нестериной, которую она представляет как дипломную работу. Все в порядке и с художественными средствами, и со вкусом, и с наивностью писателя, хороши и местами очень точные мужские образы. Меня только волнует сам факт: поиск вшей. Женщинам-писательницам близок крутой натурализм. Возможно, здесь я что-то недопонимаю. Но для меня важно не то, что мы называем новым или устаревшим, а само, как раньше говорили, «непечатное».

По дороге с дачи домой купил десять литров подсолнечного масла и 25 килограммов картошки. В магазинах довольно пусто. Интересная особенность: западный маргарин процентов на двадцать стоит дороже нашего сливочного масла. У всех ощущение тревоги и голода. Мое поколение надвигающийся голод чувствует нутром.

В стране и в Москве идут выступления народа. Народ в открытую говорит о Ельцине как о камне на дороге.

7 октября, среда.

Вроде бы не хотел идти на работу, а заняться чтением и писанием пятой главы, но внезапно подумал: я не приеду, а все решат, что я со своим дружком Зюгановым где-нибудь на акции. Приехал на службу, копался с компьютером, подписывал кассовые книги. Я заметил, бухгалтерия почти специально дает мне подписывать кассовые ордера через два-три месяца после факта выплаты. Вся подозреваемая мною беда в наличке. Но наличка — это большая экономия средств, с нее почти всегда наш контрагент не платит налогов, а значит, мы даем ему денег на одну треть

или в половину меньше. Выработал план: на каждого арендатора, на каждый вид деятельности заведу отдельный учет. В конечном счете, я хочу знать, сколько мы тратим на бензин и на машину. Пока наша кассир Светлана Михайловна, с которой мы разбирались с кассовыми документами, сказала, что шофер берет денег из кассы очень много и что наша бухгалтерша Ольга к нему благоволит.

Днем и вечером ТВ показывало — смотрел на работе — демонстрации. Они производят очень впечатляющий вид. Главный лозунг — «Ельцина в отставку». Народ, развращенный демократической демагогией, думает, что президента так же легко, как его выбрали, можно и отправить в отставку. Есть лозунги с требованием отдать Ельцина под суд. Отличительная черта этих выступлений — большое количество молодежи. И вторая особенность телевизионного показа: просто чувствуется, как телевидение хотело бы какого-нибудь инцидента, а еще лучше, как и в 93-м, какой-нибудь крови.

В конце телевизионного дня выступил старый ельцинский прихлебатель Олег Сысуев и сказал приблизительно такое: президент внимательно рассматривал текущие события и обратил внимание, что еще большое количество народа не вышло на манифестацию, а поэтому, дескать, он твердо решил ради этих не вышедших, а значит поддерживающих его граждан, оставаться на своем посту до 2000 года. Какая стыдоба!

Вечером остался и наконец-то посетил наш институтский театр «Теория неба». К моему удивлению, авангардная пьеса оказалась очень интересно поставленной. Впервые я воспринимал не пьесу слово за словом, а пьесу, скорее, как музыку, улавливал контуры, а уже потом доходил до смысла. Вся пьеса пронизана библейскими ассоциациями. Мне лично очень понравилось, а сидевший рядом со мной Алексей не понял в ней ничего. Ему только нравились герои с париками из цветной фольги. Ему бы скорее отвезти меня домой, погулять с собакой — и по своим девицам.

8 октября, четверг.

Открылась наша институтская конференция с пушкинскими словами в названии «Язык как материал словесности». Открывая, прочел полную цитату из нашего классика и, как всегда, поразился его прозорливости. В одной этой цитате и исторический путь языка, и путь его развития в будущем. В 1825 г. Пушкин опубликовал статью «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова», в которой писал: «Как материал словесности язык славяно-русский имеет неоспоримое

превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей».

Конференцию мы посвятили 75-летию со дня рождения Александра Ивановича Горшкова. Глядя на него, я думаю, что может быть, старость и не так страшна. Сколько светлого ума, сколько бодрости. В своем вступительном слове я остановился и на его жизненном пути.

Уровень конференции оказался чрезвычайно высок.

9 октября, пятница.

Утром пришел телерейтинг, который я написал для «Труда» в понедельник. То, что Анри Суренович Вартанов, который мне его заказывает и всегда редактирует, обрезал в моем фрагменте все, что связано с грязным участием НТВ в избирательной кампании президента, это понятно, он сам написал статью почти о том. Я могу понять и другую редактуру, но как они все оберегают доброе имя Швыдкого! Я чувствую, что, критикуя любое лицо еврейской национальности даже по самой, верхней принципиальнейшей планке, я невольно в их глазах становлюсь шовинистом. В этом рейтинге я хохотал над соображением Инина о долларе. Деятелю искусства в первую очередь надо защитить этот последний. Это его больше всего взволновало: куда денется мой долларишко.

Утро провел на конференции, которую, между прочим, я просидел всю от начала до конца. Я все время думал о небольшом приеме, которым должен был завершить все действие. К счастью, оказалась на месте пятилитровая бутылка «Смирновской водки», которую мне подарила Бобылева после своих госэкзаменов. Спасибо тебе, девочка, за твою бутылку, которую так лихо распили ведущие русисты страны. Был еще ящик сухого вина «Маркиз де Круи», который привез Илья Шапиро, и упаковка минералки, оставшаяся от тестирования. В этом отношении мой кабинет напоминает склад — телевизоры, магнитофоны, упаковки вина, стопки бумаги, компьютеры, принтеры и т. д. Я так боюсь, чтобы кто-нибудь это имущество не растащил. Еще несколько дней назад, глядя на зарешеченные окна кабинета проректора, я подумал: а не пора ли все эти решетки снимать? По

нынешним меркам старые компьютеры и телевизоры уже не ценность. Но тут вчера с кафедры иностранных языков украли два магнитофона и срезали новый телефон. Это притом, что внизу у нас охранник.

10 октября, суббота.

С утра льет дождь, на дачу не поехал, хотя очень хотелось посетить Сопово, убрать, подышать воздухом на этой братниной фазенде. Все время вспоминаю своих родных. Во время утренней уборки позвонила Инна Макарова. С обычной своей детской прагматичной наивностью она вспомнила, что я познакомил на презентации ее книги в Доме кино с Владимиром Егоровым, и теперь спрашивает, как бы к министру подобраться. У Наташи Бондарчук есть какие-то проекты, связанные с Пушкиным, и какие-то проекты, связанные с ее дачным поселком в Одинцово. Для этого министр и нужен. Ну и шустрость. Я посоветовал пока к Егорову не обращаться, министр, дескать, только входит в должность, и ставить перед ним частные, свои личные вопросы просто нетактично. Приехавшая после диализа В.С. напомнила мне один свой телефонный разговор с Инной. Когда-то В. С., по настоянию Дубасова и Швыдкого, звонила ей с просьбой устроить кого-то из швыдковских родственников или его самого к Михаилу Перельману, ее мужу, на лечение. И вежливый откат, который за этим последовал. Швыдкой тогда еще не был заместителем министра. Отказ сопровождался сентенцией: «Конечно, деятелям культуры нужно помогать». Кстати, во всех публикациях, которыми сейчас полны наши газеты относительно Егорова, всех смущает, что Егоров был когда-то главным редактором журнала «Молодой коммунист». Журнал стоял на либеральных позициях. Все делают ударение на слове «коммунист». Никого не смущает, что Отто Лацис был редактором «Коммуниста». Выписываю одно из специфических высказываний. Это мнение Льва Разгона в «Коммерсанте». «Бьюсь об заклад, — пишет Разгон, — что это имя мало кому известно. От такого министра ничего хорошего в области культуры ждать не приходится. Министр культуры сам в первую очередь должен быть человеком высокой культуры, иметь обширные представления в области искусства. А Егоров в лучшем случае будет заниматься сельскими библиотеками. Впрочем, и на том спасибо. Но в состав кабинета Егоров вписывается идеально: когда я смотрю на министров правительства Примакова, мне кажется, что я помолодел на двадцать лет». Главный недостаток Егорова — что он из правительства Примакова, который в свою очередь назначил вице-премьером коммуниста Маслюкова.

11 октября, воскресенье.

Все-таки побывал в Сопове. Леша со своим приятелем Сережей очистили там весь участок. Полюбовался на работу Олега, который, как и всегда, специалист и художник. Сколько бы это ни стоило, пусть уж лучше дачу доделывает он. Удастся ли мне этой дачей воспользоваться и в ней пожить, но получается очень красиво.

На обратном пути, пока Леша вел машину, читал повесть Саши Родионова. Все это, конечно, очень интересно и оригинально, но местами его язык переходит в какую-то невнятицу с оттенком одессизмов.

12 октября, понедельник.

Утром написал письмо Илье Шапиро относительно снижения арендной платы и ездил в общежитие. Часть площади будем забирать в институт обратно. Выгоднее иметь собственный учебный бизнес, чем общаться с людьми торговыми.

Для «Труда»:

«*Люди моего возраста давно уже поняли всю бесполезность политической возни на телеэкране и следят исключительно за нравственными поворотами ведущих телегероев. И в этом смысле прошедшая неделя принесла нам одно невероятное событие: Евгений Киселев наконец-то сдал Ельцина! Бессмысленно задавать вопросы, каким образом этот талантливый аналитик раньше не видел того, что видели менее образованные люди из оппозиции. Нетактично напоминать Киселеву и какую-то роскошную машину, подаренную последнему за великолепно проведенную в пользу немолодого президента кампанию. Сегодня он говорит о двух процентах опрошенных, которые проголосовали бы за нынешнего президента, если выборы состоялись бы в последнее воскресенье. А как, фигурально выражаясь, талантливо выкручивал нам руки перед выборами: «Голосуй, а то проиграешь!» Интересно, что есть определенный сорт людей, которые всегда работают без проигрыша. Сегодня кличка у них — политический телеобозреватель.*

Другое примечательное событие — это первый день второго пятилетия на канале НТВ. День был отмечен прекрасным фильмом «Последние дни Френка Мухи» с великолепным актером Денисом Хоппером. Действие фильма происходит в среде мафиози и порнографов. Видимо, актуально».

13 октября, вторник.

День семинаров. Я начинаю страшиться своих мальчиков и до сих пор удивляюсь, почему они слушают меня с таким

вниманием. Боже мой, как прекрасно, почти гениально стартуют. Сегодня утром на I курсе обсуждали Пака. Это свое собственное русское точное слово. Упорное стереоскопическое видение и собственный норов в прозе. А в четверг на «взрослом» семинаре обсудили дипломную работу Саши Родионова. Здесь все чрезвычайно значительно и объемно. И опять собственный, еще не виденный в литературе стиль и изображение. Единственное, что меня смущает, это «штучный» характер Сашиной прозы. Местами с грузинского акцента он переходит просто на неграмотную одесскую речь. Но как незлобива и воздушна его проза! Вдобавок ко всему с привкусом эпоса. Смущает меня также «обожествление» практически разбойников, не очень славной показана парикмахерская — русские женщины.

Во время семинара пришел Мартынов: звонила В.С. и сказала, что ей плохо. Чего я только не передумал, пока на машине ехал по Ленинскому проспекту: как страшно остаться, одному. Несмотря ни на что, подумал я, никогда я не мечтал о лучшей жене и не хотел бы сменить мою жену на другую. Без В.С. я не выживу.

Сегодня та же меня пронзила мысль, что, в сущности, мне жалко Ельцина. Не было, наверное, на земле человека, которого так мучила бы и эксплуатировала собственная семья.

16 октября, пятница.

Вчера прошел ученый совет, голосовали на должность — всего 38 человек. Ни одного голоса против не получила даже Мариэтта Омаровна. Это, вероятно, свидетельствует о климате в институте. Вечером тоже «приятное событие»: Строева, чью переменчивую и подхалимскую натуру я чувствовал всегда, с трибуны Федерального собрания практически обвинили в подхалимстве и угодничестве властям. Сам ведь из области «старых большевиков», но как я не люблю этих псевдосоветских мужичков, у которых одна только идеология: себе! и только один прием: обмануть ближнего и сподличать.

Ездил в министерство, отвозил дело З.М. Кочетковой на присвоение ей звания доцента. В министерстве довольно грустно — денег уже второй месяц не платят. Впрочем, в отделе, где присваиваются звания, деньги и не нужны, они смело могут открыть конфетную лавку. В книжной лавке за 18 рублей купил книгу о Михаиле Кузмине, о которой я уже слышал ранее, и повидался с Татьяной Павловной Митиль, которая, оказывается, не против, чтобы мы открыли какую-либо новую при институте специальность. В конце дня ввязался в суету вокруг покупки нового ксерокса для заочного отделения. Вот так день и прошел.

Заходил еще к С.П. в отдел, поболтал там с каким-то гитисовским аспирантом Андреем. Интересно.

Нервничаю от проделок Алексея, который подвирает и исчезает, заставляя волноваться. Обычное человеческое, много придумывающее в своем воображении, волнение. В эти минуты прекрасно читается дурацкая книга Чернобровкина, которую он мне подарил. Таланта у него не прибавилось, но то, что он был отличником, чувствуется — все свои прибамбасы он расставляет филологически точно. Есть даже фразы, есть некоторое ощущение стиля, но нет ни стиля, ни текста. Один голо-коммерческий книжный базар. И темы-то выбраны конъюнктурно-убойные: вор в законе, воровство, драки, восточные единоборства, телевизионная порнуха, переведенная в словесный ряд, много сношений с женщинами — это Саша пишет холодно, как закоренелый онанист, но довольно верно, словно был и женщиной, и мужчиной, и этим самым лагерным пидером. Есть строки, посвященные мне и кое-кому еще из нашего института. Памятуя, что ничего доброго от учеников ждать нельзя, я с удовольствием перепечатываю эти, как Сашеньке кажется, инвективы: «Она сидела в компании молодых пропойц в свитерах или с цветастыми косынками на шее — местечковой богемы. Лишь один был в костюме и при галстуке, правда, в таком разноцветно-ярком, будто одолжил его у светофора. Потом я узнал, что это уездный гений, писатель Есик. Он занимал в Союзе писателей кресло, с которого раздавалась материальная помощь. Там, видимо, и были истоки его гениальности. Деньги злы, и раздают их козлы… Есик написал несколько, как я называю, «чукчанских» романов — что вижу, о том и пишу. А видит только себя, любимого. Его опусы можно объединить в один — расширенную автобиографию и назвать «Сага о Есике». Я считаю, что писатель начинается там, где заканчивается автобиография».

Второй отрывочек касается другого ректора. Видимо, Саша особенно не любит именно их.

«Носил он фельетоновскую фамилию Сидоров, звали его Евгений Юрьевич. Наверное, из-за фамилии мужик он был толковый, сговорчивый. Он успел переболеть романтизмом своей профессии, понял, что честным путем ничего в жизни не добьется… Обычно у мусоров обмен такой — он мне… — в рот, а я ему… — в жопу. Сидоров предложил сыграть почти на равных. Я беру на себя несколько его тухляков, а он договаривается с судьей на минимальный срок».

17 октября, суббота.

Навалилась какая-то неимоверная усталость, весь день провел в постели, почитывая работы студентов. Они все меня радуют: и Юра Роговцев, давший мне «Песнь акына» — очень

интересные наблюдения, и Коля Эдельман с его повестью — произведением виртуозным по исполнению. Глядя на своих учеников, я думаю: неужели это я? И вынужден согласиться: не без моей помощи, по крайней мере это, как и у меня, усложненная, тугая и не очень глупая проза.

К четырем часам поехал на дом к Мише Рассолову. Я давал ему рекомендацию в Союз писателей, а он, работая в ВАКе, был внимателен к просьбам и представлениям института. На своей роскошной циковской квартире — все осталось, как и прежде, даже консьержка внизу — Миша решил устроить чествование по поводу собственного пятидесятилетия, в котором ему наверняка отказал бы Союз писателей. Людям всегда хочется того, чего у них нет. Обстановка в квартире роскошно-провинциальная. Картины, которые висят на стенах и которыми Миша гордится, почти все не имеют профессиональной цены. Впрочем, сам Миша человек добрый, его жена и дочка милые и сердечные, а сам Миша довольно много сделал для нашего института, так что, Есин, уйми свое злоязыкое перо.

Стол роскошен, как в старое время. Единственное, о чем я жалел: у меня не было аппетита. За столом и состоялось чествование. Я прочел сразу два адреса — и за Литинститут, и за МСПС. Все это достойно не только товарищеского умиления, но и сатирического пера.

В этом чествовании я сделал одно полезное дело — помирился с двумя «неизменными персонажами нашей академии» — Юрой Беляевым и Владимиром Муссалитиным. Они всегда меня переигрывали в лае, в неправде, в отстаивании своих мелких интересов, а я их переиграл в блеске, в широте, в умении все высмеять и надо всем поиронизировать. Посмотрим, как дальше пойдут дела, в среду, кажется, вручение дипломов.

24 октября.

Только материал для «Труда»:

«*В наше время все в политике говорят одно и то же. Народ и телевидение слились в общем неприятии власти, хотя телевидение, даже самое независимое, еще юлит перед рукой дающей. На эту тему можно было бы и порассуждать, но обойдемся без трюизмов: например, как Киселеву, в свое время получившему «мерседес» от «Мост-банка» за образцово проведенную президентскую кампанию, сейчас не стыдно глядеть в глаза народу. Ведь все знали, и кого, и насколько нездорового, но удобного человека впихивали стране в президенты. Можно вспомнить и Миткову, и Сорокину, но поговорим лучше о культуре. Если в телевизионном аспекте, то каналу «Культура» последние времена*

определенно пошли на пользу. Канал стал гибче, насыщеннее не только специфической, по Швыдкому, культурой, но и культурой более общей, так сказать, корневой, народной. Смена начальства пошла на пользу. Здесь и фильмы, и интервью, и классические спектакли былых времен. Иногда начинает казаться, уж не альтернативный ли попечительский совет, созданный в недрах народного фронта, руководит этой программой. Я к тому, что культура доходчивее всего оттеняет день нынешний от дня минувшего. Выходки по поводу культуры на других каналах тоже по-своему примечательны. Так, совершенно великолепно провел передачу о народном композиторе Марке Фрадкине наш немеркнущий и пластичный, как Марсель Марсо, сладкоголосый Владимир Молчанов. Портил эту передачу только заискивающий пассаж о неких людях, говоривших о еврейском происхождении этого поистине русского народного композитора. Как будто сам Молчанов не знает, что одних не научишь, а других и не переучишь. Но, впрочем, известно, что такт неведом нашим смелым, на разминированном поле, телеведущим.

Другим примечательным явлением была отставка замминистра образования Асмолова, курировавшего среднюю школу. Господину заместителю министра, пережившему уже ни одного принципала, якобы показалось, что в лице вновь назначенного министра наше народное образование получило своего сокрушителя. Ах, ах, новая метла обязательно выметет его вариативное образование для средней школы. Здесь много было кукареканий по всем каналам, как и в случае с Шохиным, но лично мне видится здесь трусость и боязнь скорой расплаты за погубленное дело перед лицом компетентных людей. Мы-то, принимающие каждый год вступительные экзамены, знаем, как низко пал уровень хотя бы гуманитарных знаний наших школьных выпускников, мы знаем, что стоят эти вариативные учебники по литературе и истории. Естественно, знающий человек не потерпит такой профанации. В общем, смотря телевидение, руководимое Сванидзе ли, Киселевым ли, телезрители, будьте бдительны и следите, куда эти господа загибают и кому это выгодно. Культура такая уж вещь, вся на подтекстах».

26 октября, понедельник.

Два соображения по поводу надвигающегося юбилея МХАТа. Естественно, в старый МХАТ, который стал имени Чехова, меня не пригласили. Забегая вперед, я должен сказать, что до глубокой ночи глядел по телевидению трансляцию. Как же надо было ненавидеть ту власть, при которой этот театр процветал, и социального, пролетарского писателя Горького, чье имя было

пробивным и охраняющим знаменем театра, чтобы при первой возможности, при первом свисте, сменить это имя на, правда, не менее великое, но другое! Само празднество это напоминало усталый междусобойчик, где, попивая винцо, люди незатейливо себя развлекали. Телевизор, необязательность во время телевизионных передач полноценного художественного переживания окончательно развили в этих людях нетребовательность. И так сойдет, достаточно моего узнаваемого по кинокартинам лица и модного какого-нибудь развевающегося малахая. Мы знаменитые, значит, еще и умные. Поэтому все это долгоиграющее празднество стало плоским и провинциальным. Кумиры в цветастых малахаях оказались лишенными очарования жителями коммунальной квартиры. Были попытки придать этой стареющей и скучной тусовке некоторую интеллигентность. Но это скорее за счет узнаваемых гостей из правительства и писателей типа Бакланова, стареющую оболочку которого постоянно показывали. Публика, так сказать, в ее общем виде, и ее нынешнее мучительное состояние эту веселую компанию не трогала. Еще никогда я не видел такой густой массы привилегированных актеров, которые так цинично относились бы к людям, которые ими восхищаются на протяжении многих лет. Почти все козырные лица кино и телевидения. Мы уже славно оторвались, мы попиваем другое, чем вы, винцо, носим другие туалеты — не «секондхенд» — и живем совершено другой, открытой буржуазной жизнью, наша привязанность — просторная жизнь буржуазная, а вы живите своей, иной и нищенской, плебейской. Мы даже не вообще актеры, есть другое нищее племя актеров, которое живет плохо, потому что страна лишилась в том числе и театров в каждом районе, в каждом более или менее крупном городе, мы же царские шуты, мы развлекаем правительство, мы участвуем в голосовании и правительственных парадных приемах, придавая им необходимый блеск и шарм. Мы — на государственной службе и на службе у любого разбогатевшего недоноска.

Но тут меня позвали в другой МХАТ, с исконным именем плебейского писателя. Я стал думать, как бы не подкачать и представить родной институт получше. И вдруг меня в воскресенье, по дороге с дачи, осенило. Сережа Кондратьев! Я позвонил ему, а он мне еще сказал, что появился сигнал моей новой книжки. Сережа дает девяностотомную энциклопедию Брокгауза и Эфрона. Это будет подарок издательского дома «Терра» и Литинститута.

27 октября, вторник.

Слава Богу, все определилось, ребята из издательского отдела сделали прелестный экслибрис с видом Литинститута; мои дорогие девочки Оля и Маша наклеили экслибрис на книги, и все перевезли через дорогу во МХАТ. С некоторой робостью я шел на этот юбилей. Сразу же в вестибюле стало видно, что здесь другой зритель. Какие-то бабушки развернули красное знамя и кустились возле него. В целом публика была победнее, постарее той, что пришла вчера во МХАТ на Камергерский. Поскромнее были и запахи, а иногда и поэкстравагантней. В четырнадцатом ряду, где я с краю сидел, откровенно пахло неопрятной старостью от сидящей рядом старушки.

Патриотический состав оппозиции был в полном знаковом составе: от Зюганова до Бондаренко и Проханова. Со мной была Ольга Васильевна, и я представлял ее разным деятелям направо и налево; рассказов в ее сказочном Подмосковье будет прорва. Приметил еще унылого, как осенний день, В.Н. Ганичева, а также маршала Язова, Стасика Куняева, маршала Говорова, нашего телевизионщика Сашу Крутова, который взял у меня интервью, поджарого Клыкова. Были и идеологические разведчики. Кажется, с высоты, с яруса поблескивала очками Галина Волчек, со мной поболтал Миша Казаков. В процессе разговора, совсем не желая что-то исследовать, я выяснил, что, вроде, Миша считает себя православным.

Само действие было занятным: Доронина в знаменитую декорацию к мольеровскому Журдену вложила, как в драгоценную оправу, отрывки из Островского, Горького, Твардовского. Много было песен из советского репертуара, задорно играли молодые актеры. Кое-что переосмысленное в виде истории двух МХАТов или в виде политических инвектив. Вообще, спектакль при всей его остроумности носил политический характер.

В перерыве позвали в комнату президиума за сценой. Стол был накрыт не изобильно, но с красной икрой, водкой и виноградом. Публика за столом, я ее, в основном, уже перечислил, была вся неплохо одетая, но разговоры велись скорее про бедность и моральные обстоятельства. Пища для богатых на столе как-то в этих приложениях бралась за скобки. Тут же выяснил, что говорить мне и приветствовать двадцать первому. Удовлетворение было от того, что до Феликса Кузнецова, тоже горьковца, до Ганичева и Куняева. Я нервничал, хотя речь у меня была написана.

Второе действие состояло из поздравлений. Труппа расположилась на сцене все на стульях: Доронина, как царица, в кресле. Татьяна Васильевна выстроила всех желающих в

прихотливую очередь, но первым был Володя К. Егоров, который помянул даже президента, потом вице-мэр Москвы Валерий Шанцев, потом все вперемешку: посольство Белоруссии и средняя школа из Дмитрова, в которой действует музей Аллы Тарасовой и МХАТа. Поздравления театров — все те же, в основном, что вчера, были менее густые, то есть пожиже, актеры повторичнее. Афанасий Кочетков просто разболтался. Всех выступающих Доронина целовала, потом девушка вручила всем выступающим подарки: две заказные фарфоровые тарелки с портретами основателей, медаль, книжка и значок.

Свою речь уже в первом часу ночи я и начал с того, что согласился выступать только от того, что здесь целуют. Дальше с пропусками и ошибками довольно близко по тексту рассказал речь, которая лежала у меня в кармане:

«*Сначала о подарке, чтобы с этим покончить раз и навсегда, тем более что при этом необходимо будет упомянуть одно имя.*

Каким-то образом идея этого подарка соединилась с одним разговором в кабинете директора и художественного руководителя МХАТ имени Горького Т.В. Дорониной. Мы беседовали о разнообразных делах и об одном совместном проекте. О проекте я, возможно, еще расскажу. Но в процессе разговора возникла картина страшного дележа имущества старого МХАТа на два новых. Разговор об имуществе ценном, менее ценном — и тогда же мелькнула мысль: боюсь, что не самыми богатыми ушла группа горьковцев от своих более ушлых товарищей, группы чеховцев. Вспоминались какие-то костюмы, декорации и прочее и прочее. Есть в русской живописи картина: о дележке крестьянского имущества.

И вот теперь, когда возникла эта волнующая тема празднества и юбилея, когда для Литинститута имени Горького, расположенного через дорогу от МХАТа имени Горького, возникла и идея подарка, я подумал: наверное, и библиотеку при этом разделе, похожем на пожар, разделили тоже, как и декорации, репертуар и костюмы, разделили как-нибудь специфически, как-нибудь по Смелянскому. — Во время моей речи раздались клики: «Библиотеку всю Смелянский забрал себе!» Я продолжал: — А что может подарить бедный, не вырабатывающий тканей и не обжигающий фарфор Литературный институт? И тут я принялся названивать своему другу, директору издательского дома «Терра» Сергею Александровичу Кондратову. Ну вот, имя и произнесено.

— Сережа, движется столетие театра, — говорил я, — а у тебя на складе есть 90-томная энциклопедия Брокгауза и Эфрона. Я приценивался на нее в «Книжной лавке» у нас во дворе института — почти полторы тысячи долларов, мы такое не потянем даже для дорогого нашего театра. Не отдашь ли

дорогому театру энциклопедию даром?

Собственно говоря, дальше было дело техники — привезти со склада, перевезти в театр, наклеить экслибрис, на котором есть упоминания театра, института и досточтимого книжного Дома.

Теперь несколько слов о самом театре.

МХАТ принадлежит не Олегу Николаевичу Ефремову, не Татьяне Васильевне Дорониной — это наше национальное достояние, принадлежащее поколениям зрителей, которые сначала ходили в театр на Камергерском, потом поколению зрителей, которые ходят в театр на Тверском бульваре и в театр на Камергерском. Я люблю Чехова. Я люблю Горького. И тем не менее в том отчаянном положении, которое случилось со всеми нами 7 лет назад, нужно было особое мужество, чтобы сохранить имя Горького на знамени театра. Знаю по себе, мы ведь тоже сохранили это славное имя в названии института, хотя новейших идей по этому поводу у ополоумевших либералов было достаточно.

Я люблю социальную струю в искусстве, и признаемся: имя определенного писателя на знамени театра диктует и характер поведения. Я люблю Доронину, считаю ее выдающейся русской актрисой, прекрасным режиссером, великолепным организатором. Имея помногу друзей, мы слышим один и тот же стереотип: конечно, Есин прекрасный писатель, но зачем он стал ректором.

Но тем не менее институт, где Есин ректор, не имеет ни одного долга ни за коммуналку, ни по налогам перед бюджетом. В этом институте ни разу не задержали зарплату. В этом институте организовано бесплатное питание для преподавателей и студентов и работает все, что должно работать в вузе. Понятна ли моя мысль?

Итак, повторяю: Татьяна Васильевна Доронина — прекрасный режиссер и одна из лучших актрис современности.

Теперь о маленьком проекте, который разрабатывают два учреждения культуры, живущих через дорогу, адрес у которых в одном общий: Тверской бульвар.

Есть же, в конце концов, у нас драматурги, а почему в Литинституте не должно быть актеров, которые играют пьесы этих драматургов? Мы попытаемся уже в следующем учебном году открыть при Литинституте — или при МХАТе им. Горького — отделение-студию актерского мастерства. И я предвкушаю тот счастливый момент, когда мы зачислим на кафедру мастерства народную артистку СССР Татьяну Васильевну Доронину, и. если мне отчаянно повезет, то я когда-нибудь сумею влепить ей выговор за опоздание на занятие. У меня ведь тоже должны быть свои маленькие удачи.

А теперь мне осталось самое малое: поздравить МХАТ с его

поразительным для театра долголетием, поздравить своих соседей — МХАТ им. Горького — с любовью к нему зрителей, с любовью к нему Отечества и заверить в непреходящей любви к нему коллектива студентов и преподавателей института напротив, с того же Тверского бульвара».

28 октября, среда.

Приехал на работу попозже, но остаться дома, как предполагал, не смог. Каким это образом директора пишут книги, играют в спектаклях, наматывают километры мемуаров? Времени на «свое» определенно не хватает. Дни накручивают на себя бремя общественных дел.

Об академии словесности. Пришел обиженный Витя Узлов, пытался вовлечь меня в академические дела, в склоку, которая идет, в дележку академических мест и в будущую академическую власть. Сейчас все забеспокоились по поводу того, о чем я говорил раньше, т. е. о легитимности каждого избрания, тем более что академия может стать государственной со всеми вытекающими отсюда последствиями. Юра Беляев, от которого уже постанывают его соратники — плохо пишущие писатели, так поддерживавшие его в самом начале, насовал в академию массу людей, которые могли бы что-либо «дать». При всем том Беляев со своей маниакальной настойчивостью академию эту открыл. Никто другой этого бы не сделал. Мне только кажется, у него ко всему специфический подход: схватить… Тем не менее я дал совет Беляеву немедленно включить в список членов академии Гусева, Пулатова и Финько. Наш резерв — только еще не выданная часть дипломов. Боюсь, что и в регистрации академии произошли некоторые подлянки. Очень уж ребятам хотелось. Я вынужден, пытаясь сохранить организацию, на многое закрывать глаза.

Интересно, что Узлов стал повторять то, о чем я ему говорил в Ираке, и мы договаривались, что он придет после поездки и спокойно мы обо всем поговорим. Беда появляется там, где мы не поступаем принципиально. Надо было набирать в академию нормальных писателей, тогда не было бы и скандалов. Но поторопились выбрать политических генералов. Форсируем материальную сторону дела.

29 октября, четверг.

Утром принимал экзамены в аспирантуру, ребята сдают лучше, чем в предыдущие годы, особенно порадовал меня Володя Воронов. Свободно, легко и органично он говорит о литературе. Я восхищаюсь этими нашими русачками и им потихонечку

покровительствую. Ребята буквально за волосы вытаскивают себя из засасывающей среды, из невежества! Именно в отличие от интеллигентствующих молодых москвичей институт таким много дает. Собирался сдавать экзамены мой бывший ученик Арутюнян, говорил, что готовился весь год, хотя и принес старый реферат, увидел, что билеты я раздаю сам, значит, ничего подходящего не достанется и вдобавок еще сижу, присматриваю, чтобы не шпаргалили, и ушел, не став отвечать на билет. В коридоре я встретил его ненавидящий взгляд.

Кризис тяжелейшим образом сказывается и на нас. Сегодня приехал Кузнецов, которому мы отдали в аренду часть помещения в общежитии над банком, и попросил в наших документах зафиксировать доллар на уровне 14 рублей. Все это сокращает прилив денег, на которые будет жить институт. Весь день работа. Все время идет текучка, от которой никак не избавишься. Восстановили в институте Гришу Петухова, естественно, со временем он станет моим злейшим недоброжелателем. Все я по доброте душевной забываю, а ведь никто иной, как Гриша, совсем недавно называл меня «сатрапом». Пришло письмо от О. Табакова, его латыши уезжают, им вроде нашли какую-то площадь поближе к студии и получше. По моим сведениям, ребята не очень к этому стремятся. Но, видимо, здесь есть какой-то интерес дамы, которая по команде Табакова их к нам устраивала.

30 октября, пятница.

Состоялась долго подготовляемая поездка в Марбург. Это началось еще в конце прошлого года, когда, заезжая туда на два или три дня, я договорился с Леге о проведении дней Литинститута под названием «Учителя и ученики». В известной мере я строил это с уверенностью в участии Коли Романова, нашего замечательного певца. Но тот, когда мы стали договариваться об этом летом, сказал, что без Игоря Черницкого он не поедет. Я не люблю шантажа и поэтому больше с Колей не говорил. Для меня это еще один урок, что делать что-либо и для кого-либо не следует — обязательно получишь по затылку. Без моей руки и направления ни один ни другой ни в институт, ни на ВЛК не попали бы. В общем, ребята меня смертельно обидели. Не смог поехать и Федя Черепанов, не организовав себе зарубежного паспорта. Но, с одной стороны, ему это трудно, как жителю Казахстана, а с другой, как и любой хорошо пишущий поэт, он человек неорганизованный. Вмешалась в мой отбор преподавателей и Барбара, она, видите ли, смотрела в «Лексиконе» у В. Казака и наводила справки: попала ли в нашу

группу Татьяна Бек? Вместо Феди Черепанова и Коли Романова поедут по инициативе Барбары Сережа Мартынов и Сережа Толкачев. Ну, что же, я ей прямо так и скажу, что не очень ловко мне их посылать. Жду существенной помощи в организации концерта от Леши Тиматкова. С нами едет и Анатолий Приставкин.

С Приставкиным встретились в аэропорту. Сразу посетовал на жизнь. Ему исполнилось 65 лет, и его сняли с денежного довольствия, как председателя комиссии по помилованию. Об этом он мне жаловался еще летом. Но сказал, что остается на своем посту и без денег. Я понимаю это, остались командировки, осталась машина и огромное положение. Теперь он говорит мне, что страной правят три человека: Татьяна Дьяченко, Юмашев и Березовский. Рассказал интересный «типовой» анекдот. Хоронят кого-то. Гусинский кладет на гроб, для памятника, что ли 100 долларов, потом Потанин кладет 150, потом приходит Березовский, выписывает чек на 250 долларов, кладет его и забирает уже лежащие деньги — сдача. Соль здесь и в «чистых» деньгах, и в непроходимости нынче никаких денег через банки. Я пытаюсь рассказать Приставкину историю о приезде ко мне в институт О-га, от которого так много в стране зависит, и о его поиске исполнителя на самом верху, который смог бы президентским указом поменять хозяина одного из ведомств… Анатолий Игнатьевич не дослушивает. Я начинаю думать: занят только собой. В известной мере я оказываюсь неправым. Анатолий позже очень много рассказывает мне о тюрьмах, о приговоренных пожизненно, о наших друзьях-товарищах — о Битове, не вылезающем из-за границы, о Войновиче, талантливо сосущем и Россию, и Германию, о равнодушии Искандера, о Владимове и его покойной жене Наталье. По мере того как Запад становится менее щедрым и на всех не хватает, между коренными демократами начинается грызня. У кого кость послаще и помясистее. Рассказывает, между прочим, о статье в «МК», в которой приводятся списки людей, приватизировавших госдачи. Статью надо посмотреть и сделать из нее выписки. По словам Анатолия Игнатьевича, среди героев статьи Хинштейна и наш Женя Сидоров. Сам Анатолий Игнатьевич, между прочим, живет в том самом доме Пен-клуба, о котором я тоже кое-что знаю: как в свое время, когда Мальгин был депутатом Моссовета, дом приобрели за какую-то ничтожную сумму.

Вот и опять я совершаю проторенный путь от Франкфурта до Марбурга. Ну, почему этот, самый таинственный город — достаточно сказать, что во время последней войны его, один из немногих городов Германии, не бомбили — и мистический город

для русской литературы оказался теснейшим образом связанным и со мною. Опять совершенно не изменившийся путь, все те же аккуратно нарезанные поля, порядок на дорогах, электронные объявления о скоростях, все те же противошумные стенки, виноградные лозы, связанные рулонами пучки соломы на полях. В этом, наверное, и заключается смысл жизни, чтобы как можно меньше менять ее внешние основы. И те же вывески в Марбурге, тот же шпиль церкви св. Элизабеты, то же кафе Фетер (Vetter), в котором будут происходить наши встречи.

Ребят селят в каком-то частном пансионе. Это так прекрасно, можно посмотреть чужой быт, невероятной чистоты комнаты, карточки и картиночки по стенам, удивительную сантехнику, стремление жить экономно и достойно. Чистейшие простыни и наперники на перинах, но остается ли здесь место для витания духа? У нас хватает лишь для постоянного безобразия. В городе происходил еще какой-то съезд, гостиниц не хватает, и нас везут на ночь в Биденкопф, тот городок, откуда наш огромный и добродушный Герхард. Он по обыкновению встречал и нас во Франкфурте. Я в этом городке уже был и помню замок на горе. Небольшие улицы и дома на склоне — как старые знакомые. Гостиница в деревенском стиле, а доставили нас сюда, потому что «в пансионе утром будет плохой завтрак». Постоянно чувствуется заботливая рука Барбары. Вся гостиница завалена детскими мягкими игрушками, вырезанными из дерева скульптурами, кукольной мебелью. Много еще и служащих, как декоративный элемент — предметы старого крестьянского быта. На розвальнях, накрытых столешницей, стоят кувшины с молоком, блюда с корнфлексом и банки с джемом для завтрака. Но — вернусь к игрушкам — если любую такую игрушку перевернуть, то виден лейбл с ценой. И подчас для такой безделицы не маленькой: игрушки здесь не только делают, но и продают. Немецкая баба-яга на метле, в красном платке и с очками на носу стоит 85 марок. Большое это искусство назначать высокую цену и так ценить себя и свой труд. Завтра переезжаем в гостиницу. Я предполагаю, что с 1 ноября в гостиницах начинается осенний, сниженный тариф.

На стене кафе Фетер — это имя семьи, содержащей кафе, — большое объявление о встрече с Приставкиным. У него вышло в Германии несколько книг. Сам Анатолий Игнатьевич жалуется, что в России его с 94-го года не переиздают. Но сегодня в кафе собрание литературного общества по случаю 25-летия. Каждый раз я восхищаюсь кафе с его косами и серпами по стенам, столами и стульями — спинки из плетеной соломки — начала века. Сегодня здесь еще огромный и сытный фуршет. Мы не

выступаем. Только Леша и Сережа Мартынов поют. Сережа два старых романса, Леша свои песни. Сережа нашел свою манеру, на этот раз и обаятелен, и мил. Исполненный им романс о юнкерах звучит удивительно актуально: не про Чечню ли поет мальчик? Это хорошо и мило, но жаль, что публика не разбирает слов. Праздник идет весело, во время докладов звякают ножи и вилки, но иногда атмосферу натягивает и наступает тишина.

Публика не книгочеи и не писатели в своем большинстве. Старушки, старички, немножко русистов из местного университета, люди, которые считают себя интеллигенцией, они пришли поесть, поразвлечься и отдохнуть от телевизора, посмотреть и поболтать со своими сверстниками. Была прекрасная легкая и вкусная еда. На эстраде неизменный Леге, его любят, хотя местами он нелеп. Меня восхищает умение Леге и немецких профессоров говорить так, будто они не выдыхают и не вдыхают воздуха. Единственным недостатком вечера была его невероятная длина. Особенно после перелета и бессонной ночи. Мы решили с Приставкиным, что для долго говорящих профессоров надо снова ввести смертную казнь и казнить их пачками.

31 октября, суббота.

Утром в историческом зале ратуши происходил торжественный акт по поводу 25-летия общества. За эти годы в Марбурге в качестве гостей побывали тысячи писателей, а порой и мировые величины. Приезжали из наших, например, Айтматов, Окуджава и Евтушенко. Выступал бургомистр, несколько профессоров, пел прекрасно и классику, и новую, часто юмористическую музыку, местный хор. Я выступил, и четыре раза публика прерывала меня аплодисментами. Сережа Толкачев эту речь, кажется, записал. Институт подарил обществу роскошный расписной самовар. После этого мы обедали.

Вечером Барбара, которая всегда очень много в Марбурге тратит на гостей, повезла всю нашу компанию в ресторан. Хорошо и весело сидели. Вспомнили, что сегодня канун Хелоуина — какого-то дьявольского праздника, когда выходят из земли покойники. С Приставкиным мы пикируемся по поводу «ихних» и «наших». Я не совсем кстати вспомнил письмо 42-х и понял, что для Приставкина это «горячее» место. Он стал, нервничая, говорить о якобы существовавшем приказе № 1 Руцкого расстреливать каждого, кто нападает на Белый дом. Возможно. А уж их Руцкой, с корешками из Израиля и немыслимой предприимчивостью, вообще ничего не стоит. Я ответил, вспомнив указ № 1 Ельцина о зарплате преподавателям, тоже

указик-миф. Но это письмо с требованием убивать и изолировать инакомыслящих, Толю, конечно, угнетает. В конце концов благами власти пользовались они, а не мы.

Днем гуляли с С.П. по парку, прекрасно.

Начал читать «Записки социал-демократа» Ю. Мартова, начинается все, как обычно, с еврейского вопроса. Юлий Осипович, родившийся в Константинополе, отмечает, что «домашним языком до пятилетнего возраста был для меня французский и новогреческий (язык константинопольской прислуги)». А чуть ниже Мартов пишет об антисемитизме при приеме его в петербургскую гимназию. Как при таком болезненном выяснении национального вопроса Мартов дружил с Лениным? Посмотрим, что будет дальше.

1 ноября, воскресенье.

В одиннадцать часов состоялось запланированное чтение в кафе «Фетер». Несмотря на афишу, читал не один Приставкин, а еще и я. Пришлось читать кусок из «Марса», самое начало, который мне показался грубоватым, и начало четвертой главы из «Имитатора». Все прошло довольно удачно. Я сменил на менее бубнящую манеру чтения, а потом Барбара с выражением прочла все это по-немецки. Заинтересовало ли это публику? И мне самому, который этот роман поругивал, и думаю, сидящим в зале своим и чужим русским показался этот текст значительным и сильным. Вот этот перелом в настроении я и почувствовал. Почувствовал это, видимо, и Толя, очень хорошо выступавший вслед за мной.

Чем я его взял? Где я ему наступил на мозоль? Скорее всего, раздражала и моя довольно открытая линия поведения, и прежняя неприязнь таких его товарищей, как Валя Оскоцкий, но, скорее всего, разозлил сам текст и своя, в сравнении с моей, собственная техника. Почти во всей его предваряющей чтение речи я чувствовал инвективы, оговорки, касающиеся меня, или просто упоминания. Здесь не надо было быть Фрейдом. Связано это, наверное, еще и с довольно сложным положением Приставкина на работе. После 65 лет ему перестали платить как госчиновнику, но тем не менее он без всякой оплаты остался на службе. Я готов принять даже рассуждения о долге и о боевом окопе, который демократам не хочется терять. Особенно, если президент все подписывает не читая. Это тебе не предыдущие французские президенты, которые читали каждое дело приговоренного к смертной казни, когда она во Франции еще существовала. Хочется положения, связей, которые дают гранты, диппаспорт и служебную машину, к которой привык. А тут

имеется совсем недемократический его ровесник с таким значительным положением, как ректор. Сидя на таком посту, можно еще интенсивней и ездить за границу, и получать гранты. Сейчас, когда стало значительно хуже и с «гуманитарной» помощью Запада, подкидывавшего тому, кому надо, и с госслужбой, которая нынче в основном дается, как в боярские времена, своим людям для кормления, когда уже шесть лет институт производит впечатление устроенного, охотников на мое место все больше и больше. Самое интересное и среди нашего патриотического союза, то есть среди моих «друзей» и среди политических оппонентов. Ухоженное место привлекает многих. Да и как писатель, возвращаюсь к нашим баранам, что нынче председатель комиссии по помилованию при президенте — без службы? Тем более, как выясняется сейчас, при всех качествах «Тучки», существенным для того, чтобы ее раскрутила демократическая пресса, стала тема Чечни в ней.

В общем, из рассказов Приставкина на публике я узнаю то, где он был довольно осторожен в наших предварительных разговорах. А тут понесло, слишком считаются с его оппонентом, слишком он независим и удачлив. Он, как бы запоздало дискутируя с моей вчерашней речью в магистрате, объявляет, что он тоже секретарь, но другого союза, он тоже редактор, но «Апреля», он тоже чиновник и даже правительственный. Все после моего чтения направлено на меня. Я-то понимаю, что на мои тексты. Тексты мои, увы, выделяются среди описательных текстов сегодняшней литературы. Они не описательные, а философические, не биографически-протокольные, а «скомпонованные», придуманные. Мне уже давно ясна его тусовка и круг знакомств, круг разговоров, которые надо в этой тусовке поддерживать. Ясны те популярные повороты в его прозе, которые были и общим, а значит читаемым местом, и которые были близки демократам. На большее эта проза не рассчитывает. Во всем виноват Сталин! Не существовало ни объективной реальности, ни войны, ни стечения обстоятельств, ни причин, по которым усатый вождь совершал свои действия. Во всем был виноват этот один человек, построивший грандиозную империю. А как по-другому строятся империи и выигрываются войны? Я не поддерживаю Сталина, но стремлюсь рассматривать его личность в историческом контексте. Если не враги и противники мы с Приставкиным, то люди, по-разному глядящие на историю. Приставкин в своей речи говорит, что малолетки («Кукушата»), оказавшиеся в конце войны без родных и без какой-либо помощи вокруг Москвы, по приказу Сталина были высланы — подразумевается, на уничтожение, на верную смерть, —

рассредоточены по открывавшимся детским домам. Здесь, правда, и Толина судьба. Но ведь и я сын репрессированного. Разве в конце войны, когда я жил у тетки в Калуге, Тамара, моя сестра, не работала воспитательницей в детском доме и не рассказывала, что они делали для спасения всех этих малолеток? Разве мои соседи по даче Валентин и Татьяна не дети войны, но ведь они тоже оба прошли через детский дом, где и нашли друг друга? И здесь, в этом нажиме Приставкина, я вижу не только его субъективизм, но и следование определенной временной конъюнктуре. Недаром у него в «Тучке» оказались некие ребята — «еврейцы», несшие в мир голодных беспризорников справедливость. Мы что, не помним, где, при каком редакторе и когда это впервые публиковалось? А почему тогда — новый вопрос — сейчас это не востребуется? А что это за позиция писателя, подлаживающегося под публику: «Как писатель я скорее нужен Германии, чем России». Возможно, это и верно. В России более заметны все политические извивы этой прозы, так густо замешанной на страдании.

Во время утренника в кафе «Фетер» познакомился с неким Мишей, химиком и доктором наук из Ленинграда. Он живет в Марбурге и работает в университете. Сам он органик, но сейчас занимается созданием анализаторов и методики определения плутония в речной воде. Милый, пятидесяти с лишним лет библеец. Поговорили об отсутствии у местной публики внутренней работы. Сам он уехал, потому что, вроде, получал по почте антисемитские письма, потому что в России, дескать, надвигается фашизм и продают открыто «Майн кампф». Не верю ни единому слову. Не было корней, не было любви к этой стране, не было желания терпеть вместе с нею. А докторское звание дала она.

После выступления уехали к Гюнтеру в Беденкопф на весь день. Я еще помню большое имение, в котором Гюнтер и его жена жили на окраине. Но именьице пришлось оставить. У него теперь прекрасный дом с ручьем, протекающим по участку, чудесная размеренная жизнь, много книг, среди которых и старинные. Дивно покормили, как и в прошлые годы, разварными свиными ножками с кислой капустой. Я думал о холестерине и прочем, что попадает в организм с этим огромным количеством мяса. Но ведь вкусно.

Вечером читал Мартова.

Заграница хороша тем, что много и всласть думаешь о своей родине.

2 ноября, понедельник.

Меня давно уже смущает, с одной стороны, огромная информация, которую я каждый день получаю, с другой — ничтожное количество духовной и даже просто «письменной» работы, которую я делаю. А ведь и себе, и всем говорю, что только ради этого и живу. Точнее было бы сказать, проживаю. И здесь вся надежда на дневник, но вся густота жизни не фиксируется и в нем. Это все какие-то заготовки для новых работ, которые так и не будут никогда сделаны. И сам я тоже к собственным дневникам ни в рабочем порядке, ни для того, чтобы что-либо освежить в памяти, не вернусь. Значит, новое представление для публики?

Сегодняшний день состоял из трех моментов питания: прекрасного шведского стола в гостинице — стакан апельсинового сока, один йогурт, один крем со сметаной в пластмассовой баночке, одно яйцо всмятку, одно масло в фабричной упаковке, один мед, тоже в упаковке, две тарелки корнфлекса и мюсли с молоком, две чашки чая и, пожалуй, если память моя не подводит, бутерброд — завтрак; чашка супа с соевым творогом, ростками бамбука и шампиньонами, кари с луком, ростками бамбука и какими-то другими неопознанными овощами, рис с соевым соусом, чайник зеленого китайского чая — обед в китайском ресторане; на званом ужине в замке подавали тосты с ветчиной, ананасами и сыром, домашнюю ветчину, картофельный и какой-то очень изысканный салат с кукурузой, много разных сыров, ветчина и копчености, как говорят, в ассортименте, красное и белое вино, виноград и апельсиновый сок с минеральной водой.

Деловая часть программы состояла из трех официальных бесед: с вице-президентом университета профессором Шиллером, на этой беседе вице-президенту ассистировал профессор Брант, работающий по экологическим отходам атомной промышленности с Дубной; потом состоялась беседа с бургомистром, здесь обменялись речами и выпили по бокалу сухого белого вина (желающие могли пить и сок), наконец, в третий раз мы беседовали с обер-бургомистром господином Меллером. Везде обменялись речами, везде был понят, везде люди все быстро схватывают. Речь шла о проведении международной в Марбурге конференции, посвященной ученику и учителю — Кристиану Вольфу и Михайлу Ломоносову! Дублировать встречу с бургомистром и обер-бургомистром пришлось потому, что один из них социал-демократ, а другой христианский демократ и оба претендуют на звание обер-бургомистра на выборах, которые состоятся в феврале. В своих речах все немецкие начальники чаще всего произносили слово

«финансирование». Очень понравился прекрасный портрет Фридриха II Гессенского, висевший за спиной обер-бургомистра. И первый, и второй мужики красивые, видные, но у Фридриха шелковый кафтан, голубая лента через плечо, бриллиантовая звезда на боку. У обер-бургомистра звезды нет, но костюм добротный, лицо сытое, живое. Отсутствием суетливой хитрости немецкие начальники приятно контрастируют с нашими. Мне понравилось, что во время этих бесед я окончательно сформулировал облик конференции и даже ее хозяйственную часть. Между прочим, эту конференцию можно проводить через два или три года и делать ее попеременно в Москве и в Марбурге.

Вечером наш предводитель Леге объявил, что ужинать мы едем в замок. Я тут же себе нафантазировал, что это будет какой-нибудь ресторан, стилизованный под замок, с традиционной безвкусицей вроде официантов в герцогских кафтанах, как у нас в московской «Праге». Но все оказалось по-другому. Предупреждаю и себя, и возможного читателя: описать так, как все было на самом деле и описать точно мои превосходные впечатления невозможно. Для того чтобы описать все, нужен роман. В романе действовал бы мальчик, начавший собирать библиотеку в десять лет, немецкий фронт под Сталинградом, контуженный молодой человек, случайно оставшийся живым, разоренная Германия, университет, преподавание теологии в Америке, увлечение немецкой готикой и мистикой средневековья, случайная покупка большого дома в окрестностях Марбурга, в котором привиделось что-то из той, далекой и навеки ушедшей жизни, а потом началось — каждый заработанный на преподавании в Америке, как на поденной работе доллар, каждый пфенниг — в этот самый дом-замок, в новое отопление, в новую электрическую проводку, в ремонт фундаментов, в перестилку крыш и полов, в обновление стен, в покупку мебели, которую тем временем иногда и даром выбрасывали по деревням, потому что не модная. Боже мой, как красиво и комфортно все получилось! А еще я даже не намекнул на позднюю женитьбу, на рождение пятерых детей, не рассказал, как все они росли, как выросли и разлетелись по университетам и в самостоятельную жизнь, оставив отца среди раритетов. Да, папа, которому под семьдесят, и мама, которая его немного моложе, остались со своими книгами, со своими резными шкафами, с портретами графов и графинь, со своими гравюрами по стенам, остались одни в огромном доме. Я спросил: а кто же вытирает с книг пыль? Почти семидесятилетний хозяин ответил мне «Это очень трудно, я беру каждую книгу в руки, и книги передают мне какую-то свою силу». У хозяина целый, например, шкаф Юнгера. Две книги с автографами: одна, когда юный хозяин

приехал к философу через всю Германию на велосипеде, а вторая, когда через тридцать лет снова переступил порог того же дома.

Во время разговоров хозяин сказал, что когда он преподавал в Америке, там на кафедре было трое евреев, они охотно его приняли, кстати, в комнатах не видно ни одного предмета культа.

3 ноября, вторник.

Сегодня свободный день, только вечером выступление ребят и традиционный ужин у директора школы Рексуса. Я уже прежде был в огромном подвале Рексуса и с Тимуром Пулатовым, и с Леней Бородиным, и с Викторией Токаревой.

Утром за завтраком Приставкин — тем временем я сделал пару бутербродов с колбасой и, завернув их в салфетку, положил в карман для нашей молодежи, которую в пансионе завтраком не кормят, — Приставкин завел разговор о том, не еврей ли хозяин замка, который принимал нас вчера. Я обратил, конечно, внимание на то, что во время своего рассказа о жизни в американском университете старик-хозяин упомянул, что небольшая университетская колония из немецко-говорящих евреев радушно приняла его, но особых выводов не сделал. Но мне-то, патриоту и националисту, и положено было на это обратить внимание, но почему к этому так внимательно отнесся просвещенный Приставкин? Не зависть во мне говорит, а трезвое понимание, что такое огромное количество переводов, как у нашего мэтра, — следствие не только его выдающегося таланта, серьезного официального положения, которое он не хочет ни за что терять, а также политической антисоветской, а иногда и антирусской по существу, конъюнктуры в его сочинениях и связей в мире переводчиков, который достаточно сильно заполнен людьми иудейских кровей. А мы-то знаем, что такое национальная эстетика. Порой я и сам, так любящий Малера, Шостаковича и Чайковского, бледнею от счастья, когда слышу гармошку или балалайку.

Ребята очень хорошо выступили на вечере в кафе — и оба Сережи, Толкачев и Мартынов (этот таки нашел для своих стихов и песен своеобразную интонацию), и Леша Тиматков. Интересно прозвучало выступление Сергея Петровича — его речь об институте на немецком языке и отрывок из его повести «Бульон на палубе «Променад». Его дару к языкам, которого я напрочь лишен, можно позавидовать. По-французски он прочитал лекцию в университете Париж VIII, и на немецком языке речь здесь, в Марбурге. А начинал учить язык уже в институте, при мне. Как удивительно выросли ребята, как точны их интонации и как иногда интересны, а главное, глубоки их стихи и рассказы. Как я

завидую их начинающейся жизни и будущей.

С.П. переводила Барбара, и в ее переводе повесть публике понравилась. Сама она обещала не забывать моего «Марса», но ей, видимо, больше нравится «Бульон». Дай Бог! По ее словам, она займется переводом «Марса» и дальше. Пока было очень много шума и согласований вокруг первых двух страниц моего текста, который появился в журнале «Литература после 11» — именно в это время начинаются встречи в кафе «Фетер». Писал ли я, что «Фетер» — это фамилия владельцев? На столиках лежат проспекты, в которых прослеживается вся история предприятия лет за сто. Какой вид с террас этого кафе, прицепившегося к марбургской скале, открывается на город!

У Рексуса все, как обычно: маринованный лук, подносы с ветчиной и сыром, огромное количество хлеба — все тонко нарезано, надо учиться, — вкусно, достаточно разнообразно и не очень для хозяев работоемко. На столе была еще прекрасная кровяная «гессенская колбаса». Сказывали, что колбаса эта осталась от именин обер-бургомистра, которые тот только что праздновал в ратуше. Оказывается, и у немцев процветают междусобойчики для сотрудников на работе. Обычные тосты, обычный темп, с каким в изобилии подается пиво, книга для почетных посетителей, в которую уже впечатаны прежние фотографии и мои, и Бородина. Я ушел довольно рано.

4 ноября, среда.

Отъезд. В целях экономии нас разбили на две группы: нас четверо — Приставкин, Калинин, Толкачев и я — на машине, а Сережа Мартынов и Леша Тиматков с Пафом — на поезде. Милый толстый Гюнтер, незыблемый, как горная вершина, вел свой автомобиль. Утром он, видимо, заезжал в прачечную, в багажнике стопками лежало выстиранное белье. До прихода машины состоялся с Леге разговор, во время которого мне удалось придумать для немцев интересный журнал — параллельную литературу Литинститута и Марбурга. Особенность хода состояла в том, что в «марбургскую литературу» я включил беседы принца Филиппа с Лютером и прозу, если она есть, Вольфа. За Литинститут будет играть почти вся современная русская литература.

Еще до этой встречи с Леге мы с Толкачевым побежали докупить что-либо из носков, трусов и сувениров в «Вульворт». Чего-то мы по-русски заспорили о товарах, и стоявшая рядом женщина на русском же языке откликнулась. Лет сорока пяти, такого тяжелого восточного вида.

— Вы русская, вы так хорошо говорите по-русски?

— Да уже и по-русски я разучилась говорить, да и по-немецки не научилась, — с горечью и раздражением то ли ответила нам, то ли сказала про себя женщина. Что-то не хорошо мне стало от этих слов.

6 ноября, пятница.

В институте скопилось огромное количество черновой работы, перемалывал ее два дня. Восстановил в институте Гришу Петухова. Это, наверное, не последний его выгон и не последнее восстановление. Парень он, безусловно, способный, но неблагодарный, заносчивый и наглый.

В политике разворачивается история с Макашовым, обозвавшим евреев, заполнивших средства массовой информации, жидами. Или что-то в этом роде, сейчас оправдывается. Только что, сегодня вечером, передали об обращении деятелей культуры по этому поводу. Среди подписавшихся и Олег Табаков. Сегодня же показывали его фильм молодых лет «Молодо-зелено», какой был удивительный, по-жеребячьи органический актер! По этому же поводу высказался молодой Михалков, политически нестабильный, как ветер мая.

Вечером в институте праздновали день рождения Зои Михайловны. Сколь много она делает для института, в котором прошла ее жизнь! В нашей преподавательской среде одно всегда обновляется — лица.

Прочел «Записки социал-демократа» Мартова, завтра берусь за доклад комиссии. Из чего писать главу о Шушенском есть, но меня начинает страшить основательность моей работы.

Возвращаясь вечером на машине из института, по радио услышал «предпраздничное» обозрение, где журналисты, беседуя с радиослушателями, выжимали из них соответствующий «предпраздничный» демократический реагаж. Иногда в прямом эфире возникали осечки.

— Будете ли вы праздновать завтра 7 ноября? Не зря ли случилась эта революция? А при существовании Советского Союза вы хорошо жили? — это вопросы.

— При Советском Союзе мы жили, как сыр в масле. — Это ответ.

Вечером ходил в «Новый мир», брал по доверенности гонорар В.С. За ее работу заплатили меньше 2000 рублей, можно ли на такие деньги жить литератору?

7 ноября, суббота.

Утром прочел «Россия в камуфляже. Эссе» Анатолия Приставкина. Сочинение это оказалось у меня в ксероксе,

который я взял у Анатолия Игнатьевича еще в Марбурге. Оно недаром в Марбург было привезено и рассчитано, по большому счету на заграничное видение, для перевода. Писатель иногда пишет именно то, что от него ожидают, или то, что хорошо пойдет на рынке. Как же не любят иногда люди, милеющие от имени президента России, эту Россию. Почти безупречная демагогия.

«Однажды от своих друзей-болгар я впервые услышал поговорку: «Если, возвращаясь домой, ты увидишь у себя во дворе танк, не пугайся — это старший брат пришел к тебе в гости».

«Старшим братом» болгары, как и другие республики, называли тогда русских.

«Старший брат» немало поутюжил гусеницами Европу, наезжая в чужие «дворы»: и чешские, и венгерские, и берлинские…

Не так давно жители Европы и бывшей Западной Германии, ложась спать, на всякий случай прислушивались к чужеродным звукам за окном. Не едут ли «гости»?» — Это цитаты.

Будто бы мы по своей воле пришли в Берлин, пришли в Венгрию, будто бы Болгария страдала под гнетом советского и русского солдата?

Ах, как хочется новых, сладких как малиновый пирог, переводов.

Так, еще одна цитата. Сама по себе свидетельствует о безвкусице жанра и темы. На ловца, как известно, и зверь бежит. На страницах приставкинского эссе возник мой старый знакомый еще по первой поездке в Данию Лев Копелев. Его мемуары я потом, кажется, читал, и они как-то отражены у меня в дневнике.

«Писатель Лев Копелев, проживающий нынче в Кельне, в одном из своих романов описал бесчинство советских солдат, которое он наблюдал в 44 году, когда входили в Германию. И там происходили массовые мародерства, насилие и убийства…»

8 ноября, воскресенье.

После двенадцати утра уехал на дачу в Обнинск. Москва совершенно не дает работать. Но в принципе просто нет сил, нет прежнего куража на работу. Вряд ли что-либо крупное, кроме замыслов, удастся еще сделать, и такое наступает отчаяние от осознания тщетности всех моих усилий. Специально пишу в дневник о гнусных надписях в институтском туалете. «Писатели» и «художники» действовали со знанием дела, что свидетельствует об их опытности. Оставляю биографам и литературоведам разбираться в истине и данностях, почему чем у писателя судьба и биография запутаннее, тем интересней. Для них же

констатирую, что в этом году парочку «голубей» застукали на ВЛК. В одной из аудиторий долго не открывали, а когда оттуда ушли двое ВЛКашников, то обнаружен был в аудитории презерватив. Чьих же рук это все дело? Воистину писатель и его герои — это разные люди.

Телевидение ожило и вздохнуло после 7-го, теперь они стремятся преуменьшить количество людей, участвовавших в манифестации. Там, где одни называют 300 тысяч человек, другие — 10, эти телевизионные другие показывают все сверху, в свое время они показывали сверху Манежную площадь.

Пресса не может успокоиться после неловкого высказывания генерала Макашова, назвавшего сионистов «жидами». Конечно, нецивилизованно говорить о еврейском вопросе. Но слово «нецивилизованно» произносили латыши и литовцы на первом съезде советов, а потом такой устроили геноцид против русских. Ведь если по существу, без сильнейшего сионистского лобби разве развалили бы Советский Союз? После рухнувшего гиганта кто прибрал к своим рукам богатство и собственность? Кто такой был Березовский, ставший ныне одним из богатейших людей, и откуда возникло его богатство? И он требует объявления вне закона компартии. Теперь все удивляются появлению национализма. Но уничтожив социализм в многонациональной стране, делавшей ставку на интернационализм, уничтожив эту идеологическую базу, когда национализму пикнуть не давали, стоит ли удивляться, что вылез из-под земли этот самый нелюбимый национализм. И зря приписывают ему красные черты, черты у него всегда одни — коричневые, красноты или голубизны добавляют те, кому это выгодно.

9 ноября, понедельник.

Весь день читал работы студентов. Прочел дипломную работу Трониной, ее прежние рассказы, вычищенные и переделанные и чудесный маленький роман «Космополит». Как много эта девушка, имеющая двоих детей и сочиняющая свои рассказы на старых сводках и оперативках министерства внутренних дел, сделала за время учебы в институте. Потом читал этюды первокурсников. Этюды слабоватые, да и мой ассистент Самид в мое отсутствие дал слишком абстрактную для ребят тему — космос. Но какова дистанция между этими этюдами и прекрасными дипломами пятикурсников. А ведь начинали последние не лучше нынешних.

Конспектирую в блокноте материалы к 5-й главе романа. Вот бы нашим демократам дать посмотреть то, что писал Мартов.

10 ноября, вторник.

Как обычно два семинара: утром — рассказы Сережи Терехова — прекрасный фейерверк; вечером — рассказы Тани Трониной. Лучший из ею написанных — об американском парне в России, здесь есть напряжение слова. Вот так день и прошел.

Воевал с Ольгой Вас. и Дмитрием Николаевичем — наводил жесткой рукой между ними мир. Дмитрий Николаевич мастерит институтский файл в Интернет: открывается этот файл с ректора, а точнее с таких слов: «В России началась публикация дневников Ленина». Это по поводу выхода в свет первых глав моего нового романа.

Писал ли я, что вышел и 10-й номер «Юности»? Он совсем тоненький, возможно, прощальный. Денег нет, и журнал закрывается. Кризис этот журнал сожрал. Здесь интервью Т. Дорониной, глава из моего романа и дневники жены Вл. Солоухина. Неужели на этом закончится журнал, который воспитал почти всех без исключения нынешних политиков? Заканчиваются в наше время самые замечательные начинания советской власти! А что возникает взамен? Конечно, нынешние журналы появляются без решения политбюро ЦК КПСС, но ведь и умирают через два-три номера. «Юность» просуществовала эпоху.

Теперь о моей публикации в «Юности». Она уже замечена. Руслан Киреев сказал, что не очень долюбливающие меня критики «Нового мира» доброжелательно высказываются о первой главе. Это, правда, совершенно не означает, что милые дамы будут об этой публикации доброжелательно писать. Не модно.

В 12 часов ночи позвонил В.П. Смирнов: умер, не приходя в себя, Николай Стефанович Буханцов. Я, конечно, до 5 утра не спал. Николай Стефанович был на четыре года меня моложе. Мы совершенно беспомощны перед волей Бога и судьбы. Одновременно немножко пораздражался: хорош и Владимир Павлович — он довольно ловко и, главное, не дав опомниться водрузил на меня психологические заботы по похоронам и прочему. Но я тоже не совсем лох, поступок В.П. инициировал мой приказ по институту: председателем похоронной комиссии Владимир Павлович и назначен. Хоронить Н.С. будем за счет института, в наше время водружать эту обязанность только на родственников бесчеловечно.

11 ноября, среда.

Наконец-то вышел в свет 11-й номер «Нового мира». В нем материал В.С. Я не называю его ни рассказом, ни повестью. Думаю, что это нечто большее — жизнь. Вечером пошлю ребят забирать из редакции экземпляры. Эта публикация ее сильно

поддержит. Как много значила публикация в «Новом мире» во времена нашей юности. Мечты сбываются, когда они стали воспоминаниями.

В Московском отделении открылось совещание молодых писателей и, параллельно ему, встреча писателей Москвы и Орла. Мы всех приезжих расселили за счет Литинститута в гостинице и общежитии. На совещании были интересные доклады и сообщения. Как всегда, довольно косноязычно, но по существу блестяще говорил Лобанов. В частности, об особенностях отношений с Богом в иудаистской религии, ссылаясь на эпизод борьбы Иакова с Богом в романе Томаса Манна. Довольно внезапно Владимир Иванович Гусев поднял, чтобы обозначить Литинститут, меня, и мне пришлось плести какую-то речь. Я говорил о своей озабоченности качеством набора на ВЛК и о двух модных тенденциях современной молодой прозы: постмодернистский, а значит вторичный текст, или «боговдохновенный», вялый и штампованный, как ранее тексты о КПСС. Вот таковы все хваленые «христианские рассказы». Примитивную канву христианства наши писатели выучили быстро, как в свое время быстро выучили примитивную и вульгарную социологию. Так писать, ничего не открывая, легче.

12 ноября, четверг.

Институт делает экспертизу по текстам Коха и Чубайса. Проходя в кабинет, вижу, как из приемной выносят магнитофон с большими вертикальными дисками. Слушали телефонные переговоры этих двух фигурантов современной истории, записанные на пленку. «Спецы» говорят, что тексты совсем криминальные по лексике, с большим количеством мата, речений из быта качков и бандитов. Будто переговариваются не два вице-премьера, а служащие «Коза ностры».

В прессе и в средствах массовой информации разворачивается целая кампания против идиотского высказывания Макашова. Глядя на эту плохо, торопливо и ненавистно приготовленную стряпню, я думаю об обратном ее эффекте. Наконец-то страна узнала, что в правительстве у нас действительно большинство евреев. Брошены все главные силы от Кобзона до Табакова. Простые люди, которым еврейский вопрос был до лампочки, наконец-то начнут в нем разбираться, переспросят у знающих, что такое погромы, узнают в том числе и наши еврейские персоналии. Если бы уж надо было ответить старому придурку, то я бы один раз дал его речь целиком, а после нее без каких-либо комментариев показал с десяток портретов знаменитых евреев.

Сегодня «Труд» вышел с подборкой «О «еврейском вопросе». Вот парочка высказываний оттуда:

«Светлана Т., 39 лет, домохозяйка, русская, г. Ногинск:

— Лично я к евреям отношусь хорошо, они такие же люди. И направленные против них акции я не одобряю. А вообще «еврейский вопрос» придумали политики и вы, журналисты!»

Здесь можно говорить и о мастерстве журналиста, и о мастерстве думанья домохозяйки в зависимости от того, кто этот текст замостырил. «Они такие же люди».

Другое высказывание:

«Геннадий В., 61 год, американский коммерсант, еврей:

— Так называемый «еврейский вопрос» и вынудил меня 15 лет назад покинуть Россию. Недавно вернулся ненадолго в Москву и увидел, что на моей родине, которую я люблю, мало что изменилось, и последние события в Думе стали тому подтверждением. Но тем не менее запрещать компартию в этой связи я бы не стал.

Здесь можно откомментировать только то, что дорогой Геннадий, получив образование и возможность к эмиграции именно в России, опять приезжает на свою милую родину — видимо, бизнес с широкими и не крохоборамироссиянами намного легче крутить здесь, чем где-либо в Африке.

Что касается авторства высказывания о запрещении компартии, то оно принадлежит г-ну Березовскому, еврею, секретарю совета СНГ. Это очень богатый человек, который, естественно, боится доктрин компартии. Вот образец использования служебного положения в личных и националистических целях.

Прочел писания В.С., это потрясающе, как глубоко, серьезно и искренне. Какой удивительный диагноз времени! Я думаю, это произведение окажет довольно серьезное влияние на литературу. Стоящий рядом Солженицын сильно ей в письме и искренности проигрывает. Я почему-то предвижу, что с этим номером «Нового мира» произойдет то же, что в свое время с номером, в котором были напечатаны Бондарев и я. «Моя» часть номера в библиотечных экземплярах в отличие от бондаревской была совершенно замызгана. Не хочу этими своими высказываниями умалить ни большое дыхание Солженицына, ни поразительный талант Бондарева.

13 ноября, пятница.

Сегодня хоронили Николая Стефановича Буханцова. Погода в Москве стоит ужасная, снег и мороз, даже до больницы в конце Кутузовского проспекта проехали с некоторым трудом. Федя

загрузил в свою «газель» пятнадцать человек, да еще троих привез я на «Жигулях». Сначала состоялась в морге больницы небольшая гражданская панихида, потом отпевание в соседствующей с моргом часовне. Все выступившие — Смирнов, Гусев, Архипова — говорили хорошо и сердечно. Портрет вырисовался довольно верный честного, не хватающего звезд с неба человека, в известной мере умятого временем: сначала был парторгом института, потом профоргом, председателем месткома. От власти отойти боялся, как мне казалось, хотел жить по совести, но жил по времени. В своем слове опирался я на цитату из Писания: «Хромые внидут первыми», которую рассматривал как некое обозначение человеческих свойств. В наше время совесть — это тоже причина рефлексии и недостаток. Вот эта рефлексия, может быть, Николая Стефановича и убила.

В четыре часа в институте в столовой у Альберта Дмитриевича начались поминки, было человек пятьдесят. Все меня очень благодарили, говорили о христианском поведении, но мне мотивы такой исступленной благодарности были непонятны — если в институте были деньги, то почему бы не сделать. Похороны, кажется, нам обойдутся долларов в 600. Родня размахнулась и купила очень дорогой гроб, с откидывающейся крышкой. Надо было предупредить, чтобы не выходили за рамки.

Не успел я принести на работу публикацию В.С., как началось повальное чтение. «Болезнь» В.С. отличается одной особенностью — прочитав первую страницу, оторваться от вещи невозможно. Вот она, притягательная сила «теплых» вещей.

14 ноября, суббота.

Сегодня день моего годового «заработка» — итог конкурса Пенне. На этот раз финалистами стали, как я, наверное, писал, Евгений Носов за небольшой рассказик, Андрей Волос за цикл рассказов, тематически связанных с распадом Союза (действие рассказов, несмотря на тонкие литературные вуали, происходит в Таджикистане). Лауреатом стал Борис Васильев за совершенно беллетристический роман с библейским названием. Здесь полный, столь ценимый нынче набор: царь, коронация, влюбленные, какие-то просвещенные меценаты, Ходынка. Публика вынесла свой вердикт — проголосовала за имя. Это тот случай, когда публика не права, когда демократия лжива и несодержательна. Но во всем случившемся виноваты и мы, жюри. Мы все, кто читал, поставили Васильеву, чтобы не ссориться, потому что результаты наших голосований становятся известны, поставили по нескольку баллов. Двое-трое поклонников этого клана в литературе и этого беллетристического направления, не

читая романа, поставили по восьмерке или девятке, а в результате Васильев попал в шорт лист. Попадать в шорт лист такая литература не должна бы. А публика, мальчики и девочки, проголосовали за кино, за былое.

Прием был дорогой, представительный, но еда, несмотря на высокую планку ресторана, невкусной.

На приеме Чупринин просил у меня материалы академии. Скандалы вокруг академии назревают, к сожалению, я пойду подельщиком и стану расхлебывать вину.

Сегодня «Независимая» напечатала рецензию на первую главу моего романа о Ленине. Некий С. Поваляев назвал рецензию так: «Титан и ректор», в целом тон уважительный и рецензия положительная. Интересна мысль: «предсовнаркома диктует ректору».

15 ноября, воскресенье.

Ездил к Владиславу в Егорьевск. Только что у него прошла предзащита докторской. Живет он плохо: двухкомнатная квартира на первом этаже с отоплением от АГВ, без ванной комнаты, без горячей воды, с крошечной кухней. У него трое мальчишек, старший, Алеша, учится в Бауманском, он приезжает по субботам домой, и каждый раз ему надо 30 на дорогу и 100 рублей на неделю. Галя по-прежнему работает в школе, преподает в начальных классах. Владислав работает на две или три ставки, но совершенно не жалуется и не считает, что живет плохо. Все живут надеждами. Об их образе существования говорит обед, которым они меня накормили: маринованные грибы, салатик домашнего консервирования, суп с маленьким кусочком мяса, жареная картошка. Пить чай мы с Владиком ходили к его теще. В этом деревенском доме на окраине Егорьевска, как я вспомнил, играли его свадьбу. Мы все тогда были молодые, я только научился водить и приезжал на первой своей машине, на «запорожце».

В автобусе и метро прочел дипломную работу Кати. Она написала, еще, правда, сырую, повесть о лесбиянках. Такой смелости я от нее не ожидал. Прочел также несколько замечательно выписанных вещей Бойко. Много откровенного, выписанного до уровня стихотворений. Его путь, конечно, это документальная проза, для большой прозы он слишком опытный стилист, и слишком много в душе его знаний и усталости.

На обратном пути в метро купил вчерашнюю «МК»: «Депутат Кобзон уже вторую неделю не может спокойно войти в Думу. Парами прогуливаются перед входом в парламент старушки с портретами Макашова на груди и не дают известному певцу

прохода. Нет, они не просят у него автографа. «Жидовская морда», — кричат они». Тоже глас народа. Старушки представляют, как певец разбогател, они видят, как разбогател Березовский, Ходорковский, которых им регулярно представляет Миткова, а они, старушки, их дети не разбогатели…»

16 ноября, понедельник.

Сегодня с 9 часов утра в общежитии. Каждую копейку для института приходится добывать с боем. Уже два месяца у нас в общежитии живут латыши — молодые актеры из русско-латышской студии Олега Табакова. Платят они много, значительно больше, чем мы берем в обычном порядке. Но они были недовольны туалетом на этаже, даже не они, а их дирекция. Возможно, здесь играла роль и какая-то интрига, может быть даже и некая маржа при снятии в наем других апартаментов. В общем, ребят переселили, но на новом месте им не понравилось, и студийцы вернулись. Тем не менее проблема туалета осталась, если мы хотим в течение пяти лет получать по 900 долларов ежемесячно. Подрядчики за переустройство туалета и умывальной комнаты брали бешеные деньги. Я отчаянно торговался и вместо 50 тысяч сторговал все за 35. Во время этого торга было и озарение, и восторг, и удовлетворение от победы.

В двенадцать часов дня сам вместе с Еленой Алимовной принимал экзамены у Напрюшкина и Раджабова. Вмазали ребятам по трояку, но тем не менее Раджабов сделал невероятные успехи. Этот темный дагестанский парень вдруг заговорил о принципе контаминации в римском фарсе. Как я рад, что не дал себя уломать нашему деканату дневного отделения. Не интеллигентный я человек. Но если я и грешен перед Богом, то много мне простится именно за то, что я боролся за каждого способного человека. За каждого ребенка, которому не был родителями выдан стартовый материал.

17 ноября, вторник.

Ходил пешком на Поварскую в Содружество, к Пулатову. На углу бывшей Герцена и бывшей Наташи Кочуевской обратил внимание на жилой дом, в котором жили знаменитые актеры. Внизу, на первом этаже, был прекрасный магазин театральных принадлежностей с прекрасным книжным отделом. Теперь здесь «Механнефтьбанк».

На объединенном семинаре обсудили Тронину. Первому курсу она понравилась больше, чем пятому.

Вечером занимался Лениным. Звонила Эмилия Алексеевна, требовала от меня третью главу и говорила, как они счастливы от

того, что «Независимая» дала рецензию.

Забыл написать, что Леша попал в небольшую аварию, когда вместе с Федей ездил на базу ремонтироваться. По словам Феди, он не виноват, и в той ситуации, которая случилась, вел себя идеально. Но ведь с утра от него пахло перегаром, и я сам сел за руль. А под вечер в нашем гараже появился Лешин друг по Усолью Паша, тот самый, который приезжал с ним раньше и который потом за какое-то хулиганство сел. Вышел по амнистии. Я сразу отрезал, что устраивать Пашу не буду и пусть он на следующий день уезжает из Москвы. Как показывают обстоятельства, он не уехал.

18 ноября, среда.

Вот она, сила влияния. День ознаменовался тем, что Алексей пришел домой в три часа ночи и пьяный, а утром я его по-черному ругал. А когда я пришел домой, то обнаружил, что все его личные вещи собраны и его нет. Что-то сразу же меня тут ожгло. Я кинулся к потайному ящичку, где хранил резервные деньги, собранные в свое время на операцию В.С. Толстенькая пачечка отчаянно исхудала. Я долго буду рассуждать о психологии вора и о соблазне. Черт с ним! Малые несчастья хранят нас от больших.

19 ноября, четверг

Умер в больнице наш студент Саша Костюк. Мне об этом позвонили домой. Саша вел у нас секцию тэквандо. Умер от саркомы лимфатической системы. Почему так внезапно и рано умирают молодые, может быть, от огорчения? Лучше пусть умирают придурки, зачатые в хмелю, которые насилуют принципы жизни. Возвращаясь к моей ситуации, я все время задумываюсь: почему? Я не могу понять эту неблагодарную природу человека, не могу постичь это иждивенчество по отношению к жизни.

Утром был на внеочередном съезде «Духовного наследия». Мне всегда одиноко среди политиканов. Все время думаю: зачем мне все это? Зачем я им? Приходится полагать, что мы одинаково страдаем за родину. Тем не менее другие, кажется, не рефлектируют. Был весь наш патриотический набор: Зюганов, Подберезкин, Тарасов, Говорухин, Драпеко. Как сумело наше время придать новый смысл знакомым словам! Я имею в виду разделение на патриотов и демократов. Разве патриоты не демократы, разве патриоты не либералы? Но демократами себя называют Чубайс и Гайдар, значит, мы не демократы. Я ведь тоже человек консервативно-либеральных взглядов, но если слово

«либеральный» приватизировал Жириновский, то я не либерал.

Интересно на съезде говорил Зюганов, хотя сейчас, когда я пишу эти строки, я не могу ничего вспомнить. Но вот помню хорошо одного из выступавших священников и его мысль, что кризис не в государстве, а в мозгах. Это очень совпало с моей мыслью о кризисе этики, которая имеет главенствующую роль во всех земных делах. Забыв о ближнем и сострадании, президент подписывает указы, а простой народ пьет и грабит друг друга. Очень интересно для меня говорил дважды Герой Советского Союза космонавт Аксенов. Он так же, как и я, пытается в начало всех размышлений о власти и государстве поставить нормальную, всех объединяющую идею.

Вечером позвонила мать лешиного друга Сергея и интересовалась Пашей. Я сказал ей правду о Паше и его судимостях, начертанных на его руках, и вчерне о поступке Леши, укравшем деньги. Они, оказывается, не уехали, как я предполагал, в Самару, хотя наказывали сказать, если я позвоню, что уехали. Уже заранее я злорадствую, представляя как через две или три недели, когда все потратит, пропьет и прогуляет, когда или посадят, или будет на грани того, Леша примется переживать, что никогда не сможет вернуться в дом, который живет другой жизнью. Зла против него у меня нет, в конечном итоге тем, что так небрежно храню большие деньги, я его соблазнил, но есть некое злорадство: я-то потерял только деньги, которые наживу, а ты единственный в своей жизни шанс. Но ушло идеалистическое представление, что кого-то можно перевоспитать. Вот она, сила семьи, в которой многие сидели. И ничего с этим не поделаешь. Поколение песни.

20 ноября, пятница.

Приехал на работу своим ходом, потому что у Феди разные хозяйственные по институту дела и занимать в этом случае машину под свою персону мне не хотелось. Вот и почувствовалось отсутствие второго шофера.

Встречался с китаистом Дмитрием Николаевичем Воскресенским, давним приятелем Александра Ивановича. Говорили о Китае и о принципах набора на китайский семинар. Я не устаю удивляться таким идиотам, как я. Государство уже давно не заботится о государственных интересах, а только о собственности, детях и внуках президента, а мы все еще думаем о государственной политике, как мы ее понимаем.

Вечером, как член комиссии по премиям мэрии, ходил в цирк на Цветном бульваре, дирекция выставила лишь один дурно названный аттракцион «На слонах вокруг света». Конечно,

принимали льстиво, как умеют принять в цирке и театре, усадили в ложу директора, поставили в антракте и вино, и шампанское, и фрукты. Я ограничился чашкой фруктового чая, а вот Саша Великодный, мой студент, с которым я ходил, смел половину блюда с бутербродами.

Кажется, единственное, что в стране не за последние демократические времена, — это цирк. Я даже подобрел к покойному Юрию Никулину. Прекрасное представление, хорошая атмосфера. Цирк, в котором я был много лет назад, показался мне больше и праздничнее. Но как работают слоны! Как работают дрессировщики! Все кажется мне сказочным. Дрессировщиков и основных артистов номера Таисии и Алексея Чернова будто бы и не видно. Я невольно этих слонов, среди которых редкостная африканская слониха Флора только что не говорит, сравнивал со своей собакой. Да разве она так послушна, так терпелива, так внимательна? Совершенно великолепен был и, кажется, сын дрессировщиков, молодой актер, исполняющий в аттракционе роль, несколько похожую на Паганеля. Такой немыслимый темперамент и такая милая ненавязчивая раскованность. Выставили ли на премию и его? Феноменальный был и еще один номер — «Гимнаст на ремнях» (Антон Беляков). Если Корниловы — это цирковая династия с наработанной репутацией и связями, то Беляков, видимо, новенький, за него некому попросить. Попытаюсь сыграть роль Деда Мороза и выдвину его сам.

21 ноября, суббота.

Я опять занимаюсь политикой — на II съезде НПСР (Народно-патриотический союз России). Съезд проходил в Колонном зале. Над сценой написанные синими буквами слова: «Возродим великое Отечество».

Билет был с печатью. Зюганов — председатель движения, а Рыжков, председатель исполкома. Началось все с ошеломляющего для меня известия — смерть Г.В. Старовойтовой. Ее убили, как я узнал потом, накануне в Ленинграде из автомата. Много есть версий убийства, но, конечно, есть попытка связать это все с ее политической деятельностью и каким-то образом соединить еще и с антисемитской истерией, начатой газетами. Был город Ленинградом — там не убивали депутатов парламента. По одной из версий она везла с собой крупную сумму денег для проведения выборной кампании. Чувство сожаления у меня огромное, потому что она живой была человек и хорошо поляризовала, выявляя тенденции политической жизни. Отчетливо помню, что сыграла покойная существенную роль в развале Союза, подталкивая, в частности, к этому Армению, отчетливо чувствую, как не любила

она все русское, но жаль, очень жаль. В конце концов свою смерть она же и посеяла.

После двух первых часов работы я ушел. Доклад Зюганова был хорош, с отчетливо читающимися стилистическими правками Проханова. Прозвучало несколько выступлений, где вещи назывались своими именами, но за всем этим чувствовалась усталость, стремление все сделать не своими руками, а при помощи газет. Невольно сравниваю с голодной агрессией социал-демократов начала века. Импотентность выдается за цивилизованность. В зале патриотов всегда пахнет старой одеждой. Выписывал словосочетания у Зюганова: «бездарные реформы», «чикагские мальчики», «русскоговорящие банкиры», «сирены свободного рынка», «либеральный погром», «всевластие уголовщины».

К понятию «русскоговорящие». И любят Россию, и любят язык, и зарабатывают здесь, но сердце и все приоритеты в другом месте. Ролан Быков православие принял за два или три дня до смерти. Какой актер пропал! Какой делец ушел из жизни!

Перебирая достижения культуры в патриотическом лагере, Зюганов говорил об Орле и о многочисленных премиях, которые возникли в провинции. В этой связи вспомнил рассказ Гусева, как М. выбивал себе премию, кажется, Бунина. К премиям этим у меня отношение брезгливое: мы выдаем их сами себе. Здесь царство большевизма.

Один из следующих докладчиков, кажется, председатель Аграрной партии Михаил Лапшин, назвал цифру: 600 тысяч сельских ребятишек не посещают школу. Это значит, что через десяток лет у нас будет 300 тыс. неграмотных солдат.

Интересный факт: губернатор Саратовской области Аяцков, прославившийся тем, что ввел у себя в области куплю-продажу земли, на выборах прошел лишь потому, что выдавал себя за противника права собственности на землю. Это к вопросу, хотел ли бы я быть политиком.

Я сидел рядом с космонавтом Аксеновым, чье выступление так мне понравилось на съезде «Духовного наследия». Он интересно говорил о духовных приоритетах, на которых только и может стоять государство, о религии, о дарвинизме, о необходимой нам системе выборов президента, которая не позволила бы подтасовывать и фальсифицировать выборы.

23 ноября, понедельник.

Вечером без машины, которая поехала в Шереметьево встречать делегацию китайских писателей, пришлось ехать в общежитие. С этими писателями надо было поужинать, а потом

взглянуть, как там обстоят дела: во вторник хоронят Сашу Костюка, смерть впервые в нашем студенческом общежитии.

Очень рад был встретить снова Лю Сяопина, я уже привык к его хитроумной физиономии. За ужином, который накрыли внизу в пустом баре, он мне сказал, что говорил о моей книжке, и консультант издательства, ведущий русскую литературу, предложил включить в эту переводную книжку «Стоящую в дверях» и еще пару рассказов. Меня поразило, что в Китае знают «Стоящую» по журнальной публикации. Повесть не была напечатана и во время своей поездки в Китай я о ней не говорил.

По своему обыкновению, китайцы не пили. Все заготовленное для них спиртное, а его заготовили немало, тут же ночью допивал персонал.

24 ноября, вторник.

Все эти дни идет сильнейшее политическое напряжение вокруг смерти Галины Старовойтовой. Уже давно проигравшие свою политическую жизнь такие вожди демократов, как Гайдар, Куркова воспользовались этой смертью, чтобы отсветиться и попытаться переломить политическую ситуацию в свою пользу. У меня сложилось впечатление, что никто, как демократы, хотят драки, репрессий, погромов. В одном случае, применив силу, они снова войдут во власть, в другом — отойдут в сторону, чтобы снова диссиденствовать, протестовать, обладать моральным авторитетом страдальцев. Разрушенное государство, разрушенные судьбы людей никого не волнуют. Я Старовойтову, конечно, не любил, потому что она делала и говорила все, что было противно моему сердцу, каждый ее призыв оборачивался новым несчастьем для России. Но без нее жизнь станет преснее, обеднеет. Мне рассказали, что в телевизионных кадрах съезда НПСР в тот момент, когда Зюганов объявил о смерти Старовойтовой, я перекрестился. Я хорошо, чувственной памятью, помню этот момент, потому что испугался некоторой импульсивной неуместности этого своего жеста в этих стенах и среди этих людей. Сделал я это инстинктивно. Именно этот мимолетный эпизод телевидение и показало.

Обсуждали диплом Кати Володькиной. Повесть о лесбиянках не так хороша, как хотелось бы, но девочке надо было выговориться. Я понимаю, что своих оболтусов учу всему. Раздал всем этюды с рецензиями. Семинар очень трудоемок, но мне все это нравится.

26 ноября, четверг.

Все время приходится вести и некоторую общественную

работу, потому что это позволяет отбиваться и от собственно институтских проблем, помогает моим литературным делам. В двенадцать начался исполком Международного сообщества писательских союзов (Пулатов). Пулатову надо было провести съезд не раньше мая, а Союзу на Комсомольском — с налета, в надежде свалить Пулатова и завладеть собственностью. Пулатов, конечно, перебирает с татарами, Чечней и прочими шведами. Меня смущают денежные дела на Комсомольском. Куда они подевали и как растранжирили всю свою собственность? Почему все время у них какие-то «особые» отношения с арендаторами. То огромные деньги им должен банк, то они получили какого-то воинственного соседа в виде ресторана. Почему молчат, почему не протестуют? Значит, в чем-то не свободны. Недавно мы повспоминали с В. Орловым, как В.Н. Ганичев, работавший зав. сектором в ЦК ВЛКСМ, всыпал нам в «Комсомолке» за какие-то там церковные звоны.

27 ноября, пятница.

С утра воевал с О.В., которая очень хотела получить с института 5 тысяч рублей, чтобы поставить себе телефон. Эта дитя Подмосковья удивительно цепка, когда касается возможности что-либо получить. Она аргументировала это тем, что вот, дескать, Минералов и Тарасов получили телефон. Объяснить что-либо этой вольной подруге современного предпринимательства невозможно. Особенно разницу между лихим бухгалтером и даже не выдающимся, а просто серьезным ученым.

С трех часов сидел в университете дружбы народов на докторской защите Марии Ивановой. Она защищалась по житийной литературе 14–15 веков. Диссертация у нее, судя по отзывам оппонентов, блестящая, и держалась Маша великолепно, отчетливо и умно отвечала на вопросы. И платье на ней было великолепное. Я сам получил огромное удовольствие от этой атмосферы изысканнейших ученых препирательств. Насколько это интереснее моих споров с подрядчиками, бухгалтером и слесарями. Можно было бы, конечно, на защиту не ездить, предоставив все естественному течению, но я Маше симпатизирую, а у нее были некоторые напряжения с диссертацией при обсуждении среди старых завистливых теток в Институте русского языка. Группа поддержки была мощная: А.И. Горшков, Л.И. Скворцов и я. Случай не частый, чтобы ректор ездил на защиту. При таком количестве «чужих» особенно не побалуешься с интригами. Для меня эта защита имела еще и символическое значение. В конце концов Машу мы взяли на место

Вас. Вас. Калугина, который при мне все никак не мог защититься, хотя мы и давали ему полный годовой отпуск на написание диссертации.

Защита происходила на четвертом или пятом этаже. Из окна был виден Ленинский проспект, машины, пешеходы, огромные жилые дома на правой, если из центра, стороне. Как величественна и отважна жизнь. Потом потемнело, налегли сумерки, зажглись фонари, летящие машины узнавались по свету фар и габаритным огням. Все это стало напоминать какую-то красочную новогоднюю картину. Надо бы жить экономней, заниматься лишь своими делами, а не лезть, благотворитель, в чужие. Тем временем жизнь, моя собственная жизнь, протекает, как песок сквозь пальцы.

Надо бы обязательно проверить новшество университета — а не покрасить ли и нам в серый цвет столешницы парт?

28 ноября, суббота.

Позвонил Володя Андреев и пригласил на премьеру к себе в театр. Давали новую пьесу Л. Зорина. Мне особенно интересно было это посмотреть, потому что я только летом читал зоринский роман-мемуары. В пьесе заняты двое: сам Андреев и Элина Быстрицкая, два народных артиста СССР. Спектакль получился прекрасный, но пьеса скучновата, практически это продолжение «Варшавской мелодии», герои встретились через много лет в аэропорту. Завязка несколько натянутая. Очень квалифицированная литературная работа, местами с блеском. Актеры крупнее текста, хотя рисуночек-то Быстрицкой напоминает рисуночек роли Барбары Крафтувны в фильме «Как быть любимой». Быстрицкая безумно женственна, но когда в самом начале она вышла с лицом старого Райкина, я не думал, что окажется так хорошо. Но все скучновато, пафос направлен вникуда. Голоса актеров и их волнение ударяются в крышу. Зорин не утерпел, чтобы не внести в пьесу несколько прелестных еврейских аккордов. Все это, конечно, рикошетит и на нашу ситуацию, и на наши дни. Округлость сценического вымысла. Для меня эта округлость прочитывается как отсутствие народных знаний и народных страстей. Все вроде ничего, и, говорят, в Израиле спектакль пользовался успехом, и авацию зрители устроили в конце, но побушевали недолго и с готовностью отпустили актеров со сцены. Актеры создавали что-то, возможно, и вопреки драматургии, укрупняя ее своими индивидуальностями. В Андрееве есть какое-то щемящее великодушие. Может быть, это лучшее, что я у него видел на сцене.

29 ноября, воскресенье.

Утром ездил в общежитие, хотелось посмотреть, что там делается в светлые выходные дни. Делается там все довольно нескладно: много мусора, грязи. На пятом этаже ремонтируют туалет, никто не убирает. Но интеллигенция всегда интеллигенция, у нее только требования к другим.

Вечером час посидел над Лениным.

Позвонила Зоя Михайловна: умер Владимир Иванович Славецкий, 47 лет, прелестный, беззлобный человек. Он умер внезапно в метро, поехал в Дом литераторов, и на следующей остановке с ним случился сердечный приступ. Остались жена, дочь с ребенком, бесконечные заботы, которые его и сгубили. Совсем недавно я разговаривал с ним и отметил для себя, как он пополнел и какую-то нервность. Определенно я уловил некоторые предчувствия. Сейчас не могу себе простить, что даже не подумал над тем, чтобы представить его к должности профессора. Но ведь мог, он заслужил, читает основные курсы. Я все думал, как он еще молод. Только в молодые годы и радоваться своей молодости, уже обремененной знанием.

Спадает истерия, связанная с гибелью Старовойтовой. Уже начали говорить, что коммунисты здесь ни при чем.

30 ноября, понедельник.

С утра распорядился относительно похорон Владимира Ивановича. Институт буквально растаскивают, причем делают это не студенты, а персонал. В четверг Лидия Васильевна попросила материальную помощь на лекарства — 200; в пятницу Раиса Александровна попросила материальную помощь на лечение, снабдив просьбу анализами на кровь и мочу, у нее один из видов гепатита — 400 рублей. По Р.А. я провел расследование, и оказалось, что в 98 году она уже получила всяких социальных льгот и помощей тысячи на четыре. Екатерина Яковлевна ежемесячно приносит рублей на 250 счет за стенографирование ученого совета. А кроме этого, около 10 тысяч рублей нам обошлись похороны Буханцова, около десяти — похороны Саши Костюка и около десяти обойдутся похороны Славецкого.

Сегодня из Германии пришла телеграмма от Вольфганга Казака. Я ему посылал книжку В.К. Харченко. Казак пишет: «Уважаемый Сергей Николаевич, благодарю Вас за любезную передачу новой книги о Вас. Это хорошее подтверждение другого столбца, на котором теперь уже много лет стоит Ваша жизнь.

Наилучшие пожелания — творческие Вам, экономические для России».

Вечером ездил в Останкино для съемки в утреннюю передачу на первый канал. Все получилось неплохо, но, Боже мой, в каком жутком состоянии телецентр. Я-то ведь помню, когда там все блестало и сверкало. Теперь там драная мебель, лохмотья побелки по углам в вестибюле, вытертый линолеум. По-прежнему бродят толпы народа. Как райские птицы, по коридорам проносятся телеведущие в своих роскошных туалетах. Но почему же всем этим много заколачивающим людям так наплевать на дом, где они работают, на место, которое приносит им доходы!!!

1 декабря, вторник.

Только три события стоит отметить: обсуждали Сашу Дмитриева на семинаре, утром смотрел свое изображение. Телевидение в общем, понравилось, некий довольно спокойный, чуть усталый и ироничный человек, несколько даже свысока рассказывает о своей работе и об окружающей его молодежи. Сама физиология этого человека — седые волосы, уже полноватая и чуть сгибающаяся спина, худое лицо — это-то как раз на меня производило самое отвратительное впечатление.

Довольно успешно обсудили Сашу Дмитриева. На всех его бандитские рассказы произвели впечатление. В них много действия, эдакий Тарантино, одно цепляется за другое. Но есть напряжение, здоровая чувственность, злость по отношению к взрослому миру. Значит, если Саша защитится, я в нем не ошибся. Вот это чувство ответственности за следующий мой, нынче первый, курс не дает мне покоя.

Во второй половине дня ездил на радиостанцию «Говорит Москва» на Татарскую улицу. Здесь совсем другое дело по сравнению с Останкино. У радиозавода откуплено огромное здание, видимо, заводоуправление, и построен информационный центр. Вскоре сюда переедет и ТВ-6. Здесь потрясающий европейский дизайн, совершенно новые по планировке и звукозащите студии. Все будто из современнейшего американского фильма. Я заглянул в окно, выходящее во двор: естественно, сам радиозавод, находящийся за окном, тлеет. Нужна власть, а не промышленность. Станция принадлежит мэрии, а значит, готовилась, как мощнейший пропагандистский бастион на случай президентской кампании Ю. Лужкова. Какие огромные вбиты в это здание, в оборудование, в новейшую мебель и прекрасный дизайн деньги. Как долго этот господин в незатейливой демократической тельмановке готовился к десанту во власть! Слишком поздно приходят ко мне настоящие, не романтические мысли о политике. Я-то все надеялся, что в народном выборе есть место и для божьего промысла.

В государстве опять скандал. Сергей Беляев, бывший глава Госкомимущества, бывший глава парламентской фракции «Наш дом — Россия», уличен в грязной и мелкой манипуляции с квартирами: все время приватизировал, потом менял, сращивал, присваивал. В результате это обаятельный и кристально-честный ленинградец стал обладателем шестикомнатной квартиры в центре. Сколько честных людей столпилось под «крышей дома твоего», о, Россия! Газеты сегодня обо всем напишут, я слышал этот криминальный рассказ по НТВ.

2 декабря, среда.

Дмитрий Николаевич принес мне первую порцию откликов на ленинскую публикацию в Интернете. Завязали, правда, они довольно занятно, в виде вопроса, стоит или нет публиковать ленинские дневники, подменяя мои «мемуары» «дневниками». Правда, вся публикация привязана к ректору Литинститута, а далее к самому Литинституту, к правилам приема и т. д. Из ленинской публикации делаем рекламную кампанию. Как ни удивительно, но результаты есть. В день возникает до тысячи посещений нашей странички.

3 декабря, четверг.

Провожали китайцев, пришлось давать им обед в столовой у Альберта. На этот раз все расстарались: были фирменные «горшочки» и зажгли камин. Мы еще от института подарили им какую-то хохлому. Обидно, что только мы сами понимаем необходимость китайско-российских связей. Что-то делаем для этого, боремся за престиж страны, а ведь этого никому больше не надо.

По телевизору выступал в рубрике «Герой дня» Иосиф Кобзон. Он совершил в Думе «героический» поступок: под телевизионными софитами и при внимании всех телекамер, видимо, заранее оповещенных, отказался находиться в одном зале с Макашовым, положил цветы на обозначенное место Старовойтовой и удалился. Проделал он это все на высоком уровне. Сразу видно, что привык к публичности и что это Народный артист СССР. Все забыли о слухах, которые ходили о его предприятиях, доходах и прочих высокохудожественных деяниях.

Вообще телевидение — это отличный пункт наблюдения: сегодня днем беседовали Молчанов и Дибров. Называли друг друга по именам: Дима и Володя. Володя все сетовал, какой он обиженный бывшей советской властью и как его родне плохо жилось. Времени стоило перемениться, чтобы увидеть, как

сладкопевец Молчанов ругает эту демократическую власть.

Очухался, слава Богу, помощник покойной Старовойтовой Линьков. Есть версия, что Старовойтова оказалась как бы довеском. Стреляли в Линькова. Очень милый юноша, с по-южному волосатыми руками и шеей.

5 декабря, пятница.

Опять был в общежитии. В гостинице мне жалуются, что корейцы включают в сеть обогреватели по 2600 ватт, я с гневом кидаюсь проверять, а оказывается, что в комнатах не закрываются окна и щели не замазаны. В гостиничной кухне возле плит черные наплывы: «Не отмывается, Сергей Николаевич, мы уж старались». Беру в руки столовый нож, лежащий на плите, и начинаю снимать с пола слои жира. Этот нагоревший жир, связанный с грязью, снимается легко, будто сливочное масло с бутербродов. И все говорят о своем немыслимом труде, невероятном трудолюбии, о том, как устали и переработали. Наши администраторши ходят в стильной одежде и модельной обуви, и все требуют прибавки, материальной помощи и премий.

Под конец дня немножко попьянствовали на кафедре общественных наук — 60 лет со дня рождения А.С. Орлова. Вот где вклад в образование, в воспитание характера, в чужую судьбу.

Дмитрий Николаевич передал мне еще одну порцию отзывов в Интернете на «Смерть титана».

Горская Е.А.: *«Я тут Вам насчет «дерьма» посылала… Но вот зашла к Вам на страничку и решила откомментировать: ну, если это Есин, то это должно быть замечательно, его книги замечательны!!!»*

Вадим Якунчиков: *«Батеньки, похоже, скоро появятся: Александр Пушин, Владимир Маяковий. И т. д. и т. п. Хороший способ псевдонимы придумывать».*

Дмитрий Клименко: *«Навряд ли это стоит сейчас делать. Это в большей части будет способствовать восстановлению прежнего строя…*

Хотя, может, было бы и интересно почитать….

Если нужен категорически точный ответ — тогда НЕТ!»

Кирилл Рерминов: *«Я считаю, что это более чем вредно, данный германский шпион и так сделал для России много гадости и отбросил начавшую набирать силу страну в варварство коммунизма. Эти трактаты хорошо выпускать в виде растопок для буржуек. Может стать очень актуально».*

Еще мнение: *«Уважаемые господа! Не знаю, почему я удостоился чести прокомментировать публикацию дневников Ленина. Текст очень интересный, но подлинность его сомнительна.*

Спасибо за ваше сообщение. С уважением, Сабирджан Курмаев».

Вечером был еще один занятный «герой дня» — Анатолий Игнатьевич Приставкин. С самого начала бросилась в глаза дорогая дубленка и парадный костюм. Наконец-то востребовали! Пригласили Приставкина по поводу дурацкого решения Думы восстановить памятник Дзержинскому на Лубянской площади… Не самое лучшее для этого выбрано время. Столько здесь наш образованный и умный Приставкин вылил на советскую власть, на время, на сегодняшнюю Думу, на Селезнева, который в полемическом азарте по поводу активности криминальных структур предложил ввести каторгу. Как будто бы из контекста не было ясно, для кого Селезнев предлагает эту каторгу. В одном я с Приставкиным всегда буду согласен — запрете на смертную казнь. Впечатляли примеры, когда казнили за недоказанные преступления. Например, на одного парня навесили некоторые подвиги Чикатило, в которых последний потом сознался. Не человек дал, не человеку и жизнь отбирать.

Еле удерживаюсь, чтобы не написать повесть об Алексее.

6 декабря, воскресенье.

Был на премьере пьесы Ануя в театре на Бронной. Есть сюжет, актеры, действующие лица, но скучно, потому что пьеса в один тон, в глубине не социальна, не народна, нет общих страданий, в частности рассказов об обстоятельствах. Ушел после первого акта. Прекрасно играли Вавилов и Антоненко.

Немножко продвинул пятую главу. Если бы можно было работать каждый день.

8 декабря, вторник.

Обсуждали на семинаре Олю Никитину. Она поступала к нам с эссе об Екатерине. На диплом она написала некую сказку. Ребята сказали слово «порожняк», тем не менее думаю, что вещь еще может получиться весьма значительной.

Вечером вычитывал присланную из «Юности» четвертую главу. Не так уж плохо, по крайней мере, эффекта — плотного, тесно вышитого ковра я добился. Есть психологическое напряжение и перекличка с сегодняшним днем.

Опять наскок Платоновой, на этот раз через мэра.

9 декабря, среда.

Два события.

Утром выхожу, чтобы ехать в институт, сметаю снег с крыши и тут обнаруживаю, что машина вскрыта, капот приподнят, а в моторном отсеке нет аккумулятора. Вор действовал очень

поспешно: в бардачке лежит головка от магнитолы.

Средства массовой информации распространили сообщение: в Чечне найдены отрезанные головы похищенных ранее трех англичан и одного новозеландца. Эти люди приехали сюда по контракту создавать для Чечни систему сотовой связи. Их захватили, видимо, ради выкупа, но убили в процессе освобождения, чтобы чего-нибудь не разболтали. Мир содрогнулся от такой жестокости. Раньше, когда все это касалось русской крови, никого особенно подобное не интересовало. Так, в самом конце 1994 года в станице Асиновская федералам были подброшены в мешке головы четырех российских пограничников, не принимавших, кстати, участия в боевых действиях. Затрепетал ли в страхе цивилизованный мир? Англичане и несчастный новозеландец приехали в компанию, учредителями которой являются родственники вице-президента Чечни Вахи Арсанова. А теперь зарубежные фирмы отзывают своих специалистов. Ну наконец-то Запад начинает понимать, что это за народ, хотя я по-прежнему думаю, что народы ни в чем не виноваты, но есть удручающие факты, противоречащие моему мнению. А может быть, «горец» Сталин лучше нас разбирался в кавказском вопросе?

10 декабря, четверг.

«При себе необходимо иметь паспорт» — это был лейтмотив всех полученных мною документов для «собрания учредителей Московского городского регионального отделения Общероссийской политической общественной организации «Отечество». Декабрь — время созыва всяческих собраний и политических сообществ. У всех на носу регистрация, перерегистрация. Скорые выборы и прочие властолюбивые дела. Все это состоялось в большом конференц-зале мэрии. Зал прекрасный, я подумал, что это большой зал СЭВа, в котором раньше проходили важные заседания, а не собачьи свадьбы политических действий. «Отечество» — это политическая партия, которую Лужков готовит себе на выборы. Все прошло быстро, четко и определенно, по заранее заведенному сценарию. Вел ректор МГУ Садовничий. Что было действительно хорошо и с каким-то верным набором слов — это речь Лужкова. Я бы даже сказал, что впервые за многие годы в таком истинном и сочувственном контексте прозвучали слова «крестьянин» и «рабочий». Вообще, даже если Лужков и Кац, как утверждает молва, то ведь и В.И.Ленин тоже немножечко Кац. Черт с этим, пусть он ходит в кепуре и празднует хануку, лишь бы страной управлял. В общем, речь была ничего себе. Потом началось

славословие под видом говорения правды и деловых советов. Говорили все старые говоруны: бывший 2-й или 3-й секретарь МГК Карабасов, нынче ректор Института стали и сплавов, философ Бокий, доктор наук, главный режиссер Марк Захаров. Этот зализывал Юрию Михайловичу в свободной импрессионистической манере, небрежно и смачно. Я тоже сидел, страдал, тоже страстно хотелось выпендриться и публично полизать, но я себя уговаривал: тебе-то чего, у тебя есть роман, который ты пишешь, у тебя есть репутация, сиди и молчи. Потом было единодушное голосование. И это демократия? Неужели так же было и в древней Греции, и в Риме?

11 декабря, пятница.

Написал еще одно «объясняющее» письмо по поводу организации музея Платонова вместо институтских аудиторий. На этот раз Мария Андреевна бросилась в ноги к Лужкову. Ее можно понять, она руководствуется многими обстоятельствами: память об отце и стремление укрепить его в строю классиков, тем более что значение Платонова умаляется в связи с тем, что политически он уже меньше демократам нужен. А ведь совсем недавно этот чувствовавший прогрессивность нового общественного строя писатель был одним из главных идеологических орудий разрушения социализма. Марии Андреевне хочется утвердить свое будущее и будущее сына, сделавшись директрисой, а должность эта почти наследственная. Наконец, она так долго терпела, что теперь хочется большего. Я ведь не могу забыть — со слов Н.В. Корниенко, — что Марья Андреевна ни строчки отцовских публикаций не отдает даром.

Сегодня на Поварской у Пулатова состоялось чествование Михаила Николаевича Алексеева в связи с его восьмидесятилетием. Это все приобретает почти ритуальный характер, наладилась и процедура, и даже сравнительно скромное меню. Старые классики-писатели с удовольствием ходят, и потому, что это приближает их к прошлой жизни, когда они в общественном смысле что-то значили, и потому, что можно поесть и даже немножко выпить. Здесь Пулатов, конечно, молодец, сохраняя иллюзию у старых людей. На столе стояла выпивка, немного фруктов, бутерброды с ветчиной, семгой, а, главное, с селедкой, на которую я в основном и нажимал. Был еще чай. Присутствуют всегда на таких чествованиях человек пятьдесят.

Интересно, что это чествование совпало с 80-летием А.И Солженицына. Писатели его не любят, и я тоже его не люблю, хотя и ценю отдельные вещи. Я понимаю титаническую

самосделанность этой судьбы. Конечно, он нанес советской власти невиданный удар, который упал бы в вату, если бы не предательство Горбачева. Но мир лишился такой удивительной своей краски. Такой поразительной возможности по-другому строить жизнь. Родина оказалась в разрухе и нищете. Между прочим, Пулатов сказал о том, что сегодня, посылая Солженицыну телеграмму, он с трудом нашел несколько писателей, которые согласились эту телеграмму подписать.

Очень интересно говорил об Алексееве Михалков, нарисовав боевой путь Михаила Николаевича. В смелости, отваге и мужестве последнему не откажешь, такая бездна орденов и даже две медали «За отвагу». Вспомнил Михалков и покойную Вангу, и ее с ним свидания; она видела как бы человека в окружении душ его близких.

Как всегда, интересно говорил Бондарев. Его главный тезис — это грандиозный расцвет советской литературы, ставшей в XX веке самой сильной литературой столетия. С этим трудно не согласиться. Он говорил об унижении этой литературы и ее читателя.

После Юрия Васильевича пришлось говорить мне. Литература не исчезла, она превратилась в литературу подпольную. Испорчен механизм восприятия и подачи ее читателю, но литература существует и живет по тем же законам. В качестве пожелания Алексееву я сказал: живите, пока можется, и пишите — пока хочется. Я говорил также о чувстве безграничного восхищения писателями старшего поколения. Но это действительно так, я невольно встаю, когда в дверь входит Михалков.

Напротив меня сидел Распутин, но я не дождался его выступления, потому что надо было уезжать в институт, а потом в общежитие. Как обостряется к старости жажда славы и быть единственным, как начинает точить пишущего человека ревность.

Вечером в большом зале ЦДЛ состоялся вечер Эдика Балашова, народа было не много. Я понимаю, что десять-пятнадцать лет назад получить Большой зал было невероятно. Мечталось, и вот теперь запоздалый реванш. Но надо рассчитывать свои силы. Очень хорошо какой-то парень из консерватории играл Шопена. По-другому, чем во времена моей юности, суховато, мелочно, будто в банке машинка считает купюры, с такой немыслимой виртуозностью, что возникало какое-то новое временное качество.

12 декабря, суббота.

Роман о Ленине дается мне так же трудно, как восходителю на Эверест каждый сантиметр подъема. У восходителя это уже в

конце пути, а у меня — с первой страницы. Где же прежняя легкость и стремительность? Долго ли это сочинение будет пить из меня соки? Надо найти ход, чтобы все кончить на 17-м году.

Вечером был в театре у Т. Дорониной на спектакле «Мадам Александра». Мне определенно везет, это опять Ануй. Беда этого театра только в одном: нет больше в труппе актера или актрисы, на которой с такой магической силой сосредоточивалось бы внимание зрителей, как оно сосредоточивается на Дорониной. Я это чувствую по себе — все, что она говорит, как она ходит, поет, что бы она ни делала, мне все нравится. В спектакле есть сцена с «любимым поэтом». Поэт читает какие-то банальные фразы из своей пьесы, а актриса сразу их делает значительными и величественными. Так задумано. Но Доронина действительно любой текст может напитать жизнью. Есть ли в наше время еще актриса такой силы и мощи? Это совершенно правильно, что у нее свой театр, свой зритель, который любит и свою драматургию, и свою актрису. Так же, наверное, были устроены и великие театры Сары Бернар и Веры Комиссаржевской.

Веду внутренние диалоги с Лешей. Иногда мне кажется, что это какая-то чудовищная ошибка. Он ведь собирался жить долго. Но я знаю, это моя логика, а у него логика сегодняшней жизни, собачья.

13 декабря, воскресенье.

Потекли сопли, не выхожу весь день из дома, болею. Словно гранитную плиту, продвигаю по полстранички в день свое сочинение. Меня пугает, что в главе «Шушенское», где все поначалу мне было видно и ясно, отсутствуют подтексты.

Не делаем ли мы в своих дневниках телевизионные новости своими личными? Звонил Вартанов, опять звал делать рейтинг и жаловался, что авторов мало и подходящих он никак не найдет. В частности, говорили об Анатолии Гребневе, который, как всегда, хвалит свое чисто местное.

Показали скромный юбилей Солженицына в театре на Таганке. В связи с этим Любимов говорил о необходимости, по его мнению, запретить компартию и сравнивал ее с фашистской. Эти высказывания, как мне кажется, делаются как некоторые магические жесты, от отчаяния, как упреждающие: а вдруг вернутся? Но ведь если и вернутся, то ведь на другом уровне, и никому не нужно будет ждать, чтобы захрипели эти морщинистые шеи. Старички-шестидесятники любят еще говорить об этих страшилках коммунистического режима, потому что это темы их юношеских кухонных разговоров. Сейчас это уже никому не интересно.

Я не люблю Солженицына, потому что во всем, в любом его действии и жесте я вижу обдуманность и расчет. Вот он отказался от ордена Андрея Первозванного… Он, видите ли, не может принять орден: «От верховной власти, доведшей Россию до сегодняшнего состояния, я награду взять не могу». Это он прочел свое письмо, которое раньше отправил в администрацию президента. И все у него на бумажке, все зафиксировано, все припасено.

В «Независимой газете» на полосу напечатана статья Золотусского о Солженицыне. Надобно бы привести здесь пару точных цитат. Вообще-то, столкнулись два честолюбца, статья каждым своим абзацем вопиет: я не меньше!

Дело Лисовского — «Голосуй, а то проиграешь». На него наезжает налоговая полиция. Вчера он уже дал интервью, ни гу-гу о ящике из-под ксерокса. Паша Лобков сегодня треплет его пожестче. В Женеве освобожден Михась, вроде бы руководитель Солнцевской группировки. Вернулся в Москву и прошел через зал ВИПа.

15 декабря, вторник. Утром был на V съезде Земского движения. Писал ли я о том, что встретил Панину и признался ей, что, кажется, в свое время погорячился, когда вышел из движения, с треском хлопнув дверью. Убедила меня в этом и быстрая рокировка главных действующих лиц этой инициативы — вот, например, почти коммунист Попович стал чином в НДР, убедило меня в этом прекрасное выступление самой Паниной в Думе, где она протестовала против льгот для глянцевой прессы. И на этот раз она сделала блестящий и не по-женски умный доклад. В своих посылках она все дальше уходит в сторону социализма.

Пишу годовой рейтинг для «Труда»:

«*Бесспорным завоеванием телевидения стала картина современных нравов. Какие были показаны люди, какие поразительные портреты. Какие невероятные сотрясали этот год скандалы, так освежающие нашу художественную действительность. Как был мужественен и предпришмчив бритоголовый криминалитет, возбуждающий нашу телевизионную и многоканальную атмосферу. Какими телевидение оперировало именами! Япончик и Михась, Пиночет и Макашов, Кобзон и Лисовский. Сколько было торжественных похорон и высококачественных убийств. А нераскрытых преступлений!*

Как увлекательно было следить за смешными наркокурьерами, незамысловато глотающими презервативы с наркотиками. Обхохочешься, когда милого дядю наркокурьера сажают на ночной горшок. Ха-ха-ха! Прилюдно и при дамах!

А реклама! Сколько новых замечательных речений и понятий.

Хагинс и дирол без сахара! О, эта реклама, с крылышками и водоотталкивающими слоями, меняющая жизнь к лучшему и вселяющая в нас уверенность.

Мне, например, нравится, что совершенно исчез с экрана телевидения так называемый человек труда. Да и что он может сказать, этот тракторист или слесарь! Его вспоминают только оборванного и грязного, когда надо продемонстрировать пьяную Россию или разных оборванцев, сгрудившихся под красным зюгановским знаменем. И чего наш хорошо одетый лидер нашел в этих давно не мытых и не получавших пенсии стариках? То ли дело золотая картинка жизни, показанная нашим телевидением! Как длинноногие русские красавицы, демонстрирующие разнообразные моды от Зайцева и Юдашкина. Как уверенны и значительны наши молодые реформаторы, во главе с кудрявым, словно Фигаро, Немцовым. А как рассудителен и округл Сергей Владиленович, талантливо спустивший пирамиду ГКО и все наши сбережения под откос. А главный приватизатор и кормилец Чубайс, зажигающий дорогостоящее электричество в стране самых больших энергетических ресурсов в мире? Мне нравятся их такие милые и порядочные лица бескорыстно радеющих за родину людей.

Но картина будет не полной, если не вспомнить малахитовые кремлевские интерьеры и обновленную мебель в старинных залах. Ничего не поделаешь, большой монархический стиль эпохи. Все это создает прекрасное обрамление для деятельности нашего неувядаемого президента, о котором плохого ни полслова. Пусть плохо говорит о нем премьер телевизионного кремлевского балета Евгений Киселев, манипулирующий своими послушными рейтингами. Вот это прыжки, вот это вращения, вот это изящнейшие позы! И все в три четверти оборота к публике. О президенте — повторяю — ни одного легкомысленного слова. Он настойчиво и талантливо, как все простые люди, болеет и упорно и самоотверженно пересаживает свой квартет по новым местам, надеясь получить нужное звучание. Вот пересадит и переменит местами все окончательно, и тогда, наконец спокойно и чинно, мы заживем с пенсиями и зарплатой в свободном капиталистическом обществе».

Появилось обращение деятелей культуры по поводу обыска у Лисовского. Список открывает Григорий Бакланов. Из всех шести фамилий, которые были названы, ни одного русского человека.

17 декабря, четверг.

Я удивительно точно сам себе строю диагнозы. Последние недели у меня болит какой-то коренной зуб. Пытаясь определить область боли, я нащупал какую-то крошечную косточку в самом

углу челюсти. И мне показалось, что именно эта косточка и есть источник боли. Все так и оказалось, рентген определил, что эта крошечная, выпирающая косточка есть верхушка зуба мудрости, который почему-то растет не вертикально, а вдоль челюсти. Сразу было принято решение зуб этот выдрать. Целая поэма, как его драли. Маленькая хрупкая женщина-хирург так ловко и надежно это сделала, что я просто поразился. Несколько раз я слышал хруст кости на челюсти, и мне казалось, что у нее ничего не получается. И вот в тот момент, когда я с ужасом представил себе, что мне еще предстоит такая же процедура, а может быть и в стационаре, хрупкая хирургесса подала мне завернутый в марлевую салфетку мой неродившийся зуб. Большой, с хорошими корнями. Но я сразу же углядел на нем, на том бочку, которым зуб вылезал наружу, черное пятнышко. Это было дупло. Я даже понюхал его, ух… Отсюда и боль. Но меня поразило другое: еще не проклюнулось, еще совсем не родилось, а уже смердит.

Вчера ночью американцы опять стали бомбить Багдад. Обозреватели связывают эту решительную бомбежку с попыткой отсрочить уже почти вызревшее в конгрессе слушанье по делу об импичменте президента Клинтона. Слушанье действительно отменили. Дорого же многострадальному миру обходится честолюбие Клинтона и минет, который отстрочила ему Моника Левински. На этот раз нападение на Ирак не санкционировано ни Советом безопасности, ни какими-либо общими договоренностями. Если Клинтон человек религиозный, то неужели он не понимает, что взял на свою душу смертный грех? Каким-то силам очень хочется немедленно привести к власти Гора, который автоматически станет президентом после импичмента Клинтону. Этим силам уже мало г-жи Хиллари в Белом доме, им хочется большего. Это не моя обостренность этим вопросом, а, к сожалению, факты.

Но и об этих фактах думать не хочется, когда я попадаю в руки своего зубного врача Беллы Абрамовны. Какие прекрасные руки, какая сердечность, какой редкостный для нашего времени профессионализм! Я ведь действительно, утром и вечером чистя зубы, ловлю себя на одной и той же мысли, как прекрасно она меня прошлый раз починила.

20 декабря, воскресенье.

Начну по порядку. В пятницу прекрасно в институте отпраздновал свой день рождения. Было человек семьдесят-восемьдесят; я практически позвал к себе весь институт. Организовал я все довольно просто, дал 1000 рублей Наде Годенко на закуски, был даже торт, и 1000 рублей столовой на

закупку водки. Столовая от себя прибавила салаты и вареную картошку, у меня в кабинете хранился ящик вина, оставшийся от какого-то праздника, и минеральная вода — остатки от летнего тестирования. Все получилось очень мило и сердечно. Я еще раз понял, как необходимо иногда народ собирать и заставлять между собою общаться.

Подводя внутренне итоги прожитого, я думаю, надо сказать, что я себя за волосы вытащил в категорию «хороших» людей, а главное, развил в себе до автоматизма, до инстинкта доброту и сострадание. Я не понимаю классовую или какую-нибудь еще доброту, понимаю только доброту, которая существует таковой даже во вред себе. Мне надарили кучу подарков, некоторые из них сделаны от чистого сердца, но тем не менее не дешевые.

Почему-то с особой сердечностью я встретил Наталью Александровну Бонк. К сожалению, ее дочь Ирина сейчас проходит химиотерапию. Дай Бог им обеим здоровье и спокойствие. Удивительная вещь: стоит только нацелиться на мирное начало, вырастить мир в собственном сердце, как сразу же все становятся миролюбивыми, и непроходимые преграды сразу готовы быть пройденными. Даже с Сережей Федякиным, который в свое время прислал мне заносчивое письмо, я сумел поговорить мирно. Мы вспомнили наших недавних дорогих покойников и решили, что жизнь так коротка, что не стоит отравлять ее враждою по пустякам.

Субботу и воскресенье был дома, у меня опять открылся кашель, и состояние паники подступает. Занимался писанием пятой главы, кое-что нашел, но сил уже остается все меньше. Роман о Ленине у меня должен был бы быть проходной и обычной вещью. Историческим романом в творчестве. Кстати, надо сменить подзаголовок при следующей публикации — исторический роман.

В пятницу конгресс проголосовал за пункты к импичменту, и, значит, дело передадут в сенат. Никакого сочувствия у меня к Клинтону нет, здесь уже не должностные преступления, а вранье с именем Бога на устах. Так же неестественно и двулично ведет себя Хиллари. Не очень я верю в ее всепрощение и любовь, но вот этот прагматизм, который играет в любовь, честность и христианскую терпимость, отвратителен. Безбожная нация, которая Бога превратила в хозяина биржи.

В воскресенье закончилось нападение на Багдад — будто бы все, цели достигнуты. Это разбойное нападение на страну подвело формальный итог под статусом России как великой державы. Не великая мы держава. Нашему президенту его друг Билл даже не позвонил. Война эта разрушила и всю систему

противостояния в этом мире. Маленькое государство теперь стало заложником техники государства большого. Человека больше нет, он раздавлен, он смазка для ракет и снарядов. Война не народов, а война технических потенциалов, и в этой войне кто-то может быть совсем безнаказан.

21 декабря, понедельник.

Утром наш аудитор Алла Ивановна делала доклад по нашим финансам и бухгалтерии. Не все у нас ладно. И у Ольги Горшковой, и у всей бухгалтерии есть определенная инерция в работе и стремление идти легкими путями. Много ошибок идет просто от разгильдяйства. У Ольги есть еще стремление быть единовластной хозяйкой. В силу того, что она распоряжается деньгами, у нее есть и чувство, будто она их и зарабатывает. Мне уже надоело постоянное сравнивание труда конторщика с трудом профессора. И подобная аргументация: подумаешь, пришел два раза в неделю, что-нибудь прочел и убежал в другой институт. А ты попробуй!

Все мои огорчения немного скрасил спектакль нашего античного театра. На этот раз играли «Брюзгу» Менандра. Ребята выпустили чудесную программку, и столько живости и изящества было в том, что они делали, завернувшись в простыни, что я невольно залюбовался. Из моих семинаристов были особенно восхитительны Рустем Фесак в роли Пана и Володя Харченко, игравший повара Сикона. Дочь Клемона играла француженка Мари Лемер, которая учится у нас на платной основе. Как она чудесно с нежнейшим акцентом начала говорить по-русски. Елена Алимовна, собственно говоря, взрастившая этот театр, каждый раз «артистам» ставит без экзаменов оценки и зачеты.

22 декабря, вторник.

Сегодня у меня на семинаре был Владимир Николаевич Крупин. Каждому курсу я прививаю Крупина в обязательном порядке. Я не очень силен в нашем христианском учении, в истории религии, плохо знаком с христианской идеей в русской литературе. Другое дело, что в советское время я один из первых ввел в то, что я пишу, аргументацию к духу, душе и Богу, за что был увещеваем прессой. И вот для этой самой христианской пропаганды я и приглашаю Крупина. Как обычно, Володя был блестящ, информирован, рассказал мне много нового. Ах, если бы не писать и не работать ректором, а учиться. Такая у меня молодая и невежественная душа.

Обсуждали рассказы Володи Харченко. Рассказы у него еще очень несовершенные, но писать мальчик будет хорошо и свежо,

как мне хочется взглянуть на него через пять лет.

23 декабря, среда.

Сегодня день ученого совета. То есть ученый совет должен был состояться в четверг, но в понедельник, когда я отвозил письмо в Союз писателей и переговорил с Ганичевым, мы договорились, что я приеду на секретариат СП в четверг. Но, кажется, Ганичев, по необязательности бывшего партработника, этот секретариат и не назначал. По крайней мере, когда я позвонил с работы вечером, то его знаменитая секретарша ответила, что ни о каком секретариате речи не шло.

Все утро сидели с Ольгой Вас. Горшковой и прикидывали наши скромные средства. На зарплату вроде нам хватает, но я-то отлично понимаю, что люди живут из последних сил. Это с одной стороны, но с другой — все новые и новые номера выкидывает наше правительство. Поэтому мы решили распатронить наши последние 14 тысяч долларов, которые собрались от обучения ирландцев, и из этих денег выплатить тринадцатую зарплату всему институту. Распределили деньги по особой шкале, отдавая приоритет преподавателям.

На совете решали относительно денег на операцию нашей студентки Ольги Седовой. У нее разрушен тазобедренный сустав, и через несколько месяцев она навсегда сядет в инвалидную коляску. Я не мог взять на себя грех испорченной жизни кого-либо.

Вечером меня порадовала Инна Андреевна Гвоздева. Вышло ее пособие по древней истории, и она с радостью мне его подарила. Что за свойство ума, который занят перебиранием генеалогии и черепков минувших эпох. Почему мне это так интересно? Посвящение на подаренной мне книге написано по латыни: ЦИТАТА. «Как безбрежно наше знание, и как мало я знаю». Институт постепенно начинает занимать особое место в московской филологии и среди вузов искусства, и я радуюсь этому. Может быть, не мои книги, а моя работа как педагога и хозяйственника и есть главное, что я сделал в жизни?

Часто, когда гуляю с собакой, вспоминаю об Алексее. Как он на такое решился, почему был так недальновиден, почему сломал собственную жизнь? Иногда я думаю, что он мучается от совершенного и не спит. Это особая порода новых людей: люди без рефлексии. Я ужасаюсь и себе, ради чего я взваливал на себя такой воз?

Днем меня в СП подвозил Самид на своей новой «ниве». Я спросил, сколько она стоит, — 3800 долларов. Остальное не продолжаю, но с потерей я уже примирился и думаю о

случившемся меньше.

25 декабря, пятница.

Утром состоялось годовое собрание московских ректоров. Все прошло в Институте стали и сплавов, который нынче, наверное, поименован какой-нибудь академией. Я впервые увидел нашего нового министра Филиппова. Он сделал доклад, из которого, кроме кое-каких прочих деталей, я узнал, что если соизмерять в долларах и определить цифрой 3 бюджет прошлогодний, то наш бюджет этого года можно было бы определить цифрой 2. Тем не менее он принят нашей Думой. Здесь важна личность Примакова, который, если и экономит, то, значит, на дело, на развитие села и промышленности.

Внешне собрание — это седые и седоватые головы и старая кожа. Ректоров было много, вузов в Москве около сотни.

В 16.30 состоялась встреча с Александром Зиновьевым. Он приехал с женой Ольгой Мироновной и говорил очень интересно. Многое было особенно интересно для меня. Вообще, у меня с Зиновьевым много совпадений. Так же как и меня, вошедшего в литературу поздно и внезапно, когда все места были распределены, Зиновьева, по его словам, эмиграция не приняла. И там все распределено и размечено: кто гений, а кто просто талантлив. Очень похоже и то, как его стараются не замечать сопредельники. Фраза, что он истинно русский человек, о многом говорит.

Зиновьев им платит той же монетой, рассказывает, как против него выступил Солженицын, и кроет как доносчиков Мамардашвили и прочих философов-современников.

Особенно интересно и горячо он говорил о феномене советской литературы — самой могучей и мощной, по его мнению, литературы двадцатого столетия. В целом это действительно так. Поразительно точное у него наблюдение над творчеством Шолохова: «Тихий Дон» бесспорно шолоховский уже и потому, что такое мог написать только очень молодой и неопытный писатель».

Я пригласил Зиновьева, который входит в тройку лучших логиков мира, на работу к нам в институт. В апреле он покупает квартиру и переезжает на родину из Мюнхена.

27 декабря, воскресенье.

Вечером сегодня уезжаю в Ленинград, чтобы вручить дипломы нашим ленинградским коллегам-академикам. Весь день работал над романом и слонялся по дому. Настроение хреноватое, не могу сосредоточиться. Телефон, институтские

дела и Валя не дают мне по-настоящему собраться. Как ни один из моих романов этот располагает к сосредоточенности и ежедневной методической работе. Вязь слов рвется, и приходится почти наобум выхватывать петельку.

Вчера был в институте, посидел и послушал, как принимают зачеты. Все-таки у нас дивная молодежь! Я сейчас вроде бы и забыл, что сам был молодым, сам все быстро и на лету хватал. Поражаюсь мгновенностью реакции, объемом знаний.

Вечером был у Владислава Александровича Пронина. Говорили об эмиграции, вспомнили Льва Копелева и Раису Орлову. Я высказывался в том духе, что Копелева я не люблю, думаю, что моя нелюбовь базируется на том, что он просто много знающий человек, но человек не очень талантливый, хотя и претендующий. Орлова и талантливее и умнее его, но ведь тоже, до того как стала эмигранткой, писала, что прикажете: образ коммуниста в американской литературе, Говард Фаст. Я ей во время нашего знакомства очень симпатизировал, хотя и не забывал, что муж и жена всегда одна сатана. Умный Пронин на такие мои речи помалкивает.

По телевидению уже все забыто, о Старовойтовой ни слова. За последние дни несколько раз говорил с Генриеэттой Карповной: идет новый виток фестиваля. Как обычно, денег нет, и, как обычно, подключают меня. Я определился с программой института: Куняев, Гусев, театр под руководством Володи Дьяченко и «Алканост». Писал ли я, что невероятно щедрая «Терра» опять дала деньжат?

29 декабря, вторник.

Прямо с поезда приехал на работу. Ездил в Ленинград — в понедельник утром туда приехал, а вечером обратно — по линии академии, чтобы вручить академические дипломы новым академикам — директору Государственной библиотеки Зайцеву, директору Пушкинского дома Скатову, Ивану Сабило, с которым я раньше не был знаком, но проникся симпатией, также незнакомому мне лингвисту и словарнику Кузнецову и поэту Глебу Горбовскому. Глеб Горбовский поэт прекрасный, но попал в список академиков, потому что в свое время, называя будущих академиков, я перепутал Глеба Горбовского с Глебом Горышиным. Глеб Горышин, оказывается, два года назад умер. Мне было по-настоящему и искренне жаль писателя, но вот в моей памяти он еще два года был жив. На церемонии вручения, которая состоялась в Государственной библиотеке, Горбовский прочел очень хорошие новые стихи. Жалко, что не я, а предприимчивый Зайцев догадался взять у поэта автограф.

Ленинград очень какой-то неубранный, шел дождь, на улице наледи. Заходил в Гостиный двор: там роскошно, но пустовато.

В дороге читал в «Литературном Санкт-Петербурге» статьи Николая Коняева и Ивана Сабило. Писатели подарили мне несколько экземпляров этой газеты. Как иногда более легкая журналистика, оставляющая после себя ощущение пустоты, начинает замещать художественное творчество. Статьи Сабило и Коняева мне понравились, особенно интересны наблюдения Коняева о борьбе Романовых с церковью. А самодержец и вынужден всегда бороться. Спорным мне кажется искупительность Николая II за грехи целой династии.

Ужасно жалкое впечатление произвел на меня Союз писателей, вернее Ленинградское отделение. Отделение помещается на 4-м этаже Б.Конюшенной, возле Невского. Всего несколько комнат. Я очень жалею, что не был в бывшем помещении, расположившемся в Шереметьевском дворце. Бывшее сгорело после арбитражного суда. До этого демократическая часть выделилась в союз петербургских писателей и потребовала выселения патриотов. Но суд решил по закону. Что выделившаяся часть, т. е. выделившаяся организация, должна уходить, как уходит женившийся сын из семьи.

Весь день занимался экономическими и хозяйственными делами. Под вечер пришел Саша Семенец с 1-го курса поэтического семинара, которого до сих пор не прописали. Парень рассказывает, что голодает, и что вынужден иногда больным приезжать в институт, чтобы пообедать. Я взялся за трубку и накричал на Лыгарева, который, дескать, плохо следит за паспортисткой. Сразу же оказал Семенцу материальную помощь в размере 300 рублей. Три с половиной его стипендии. Я вообще слишком жалостлив в подобных случаях. Потом ездил на стадион «Автомобилист», где играла наша институтская футбольная команда. Собирался посмотреть на «физкультуру» уже давно и рад, что это сделал. Очень хороший зал для игр и прекрасный бассейн. Заманил, оказывается, меня на стадион Тычинин, чтобы показать футболистов, у которых я осенью должен найти талант к прозе или публицистике. Хороший институт должен быть славен и своей командой. Очень хорошо играет Дима Мартынов, вообще в футбол играют только наши русачки. Умные мальчики сидят дома, читают книжки и ведут содержательные разговоры.

Вечером читал гомосексуальный роман Димы Лычева, напечатанный в Праге. Меня это интересует после моего «Затмения Марса». Отсутствие человеческой идеи. В этом смысле «Богоматерь цветов» Жене не перешибить.

30 декабря, среда.

Утром выяснилось, что в Кремль на прием меня на этот раз не пригласили. Не думаю, что это воля Бугаева. Скорее, кто-то из аппаратчиков утырил мой пригласительный билет для кого-то из своих присных. Уже сразу почувствовался уход Татьяны Иосифовны, она бы за этим приглядела. Но, может быть, это и к лучшему?

Весь день продолжал тяжбу с Ильей Шапиро. Один из его арендаторов, которого он вытряхает, захотел выйти на институт напрямую. И вышел на Володю Харлова. Я даже этому обрадовался, потому что нашли взаимовыгодную и простую схему платежей, включив коммуналку в стоимость аренды. В последний момент пришлось этому арендатору отказывать. Разговор у меня с Шапиро произошел поздно вечером накануне, это стоило мне бессонной ночи. Кое-что мне пришлось ему вспомнить. О упоительное чувство развязанных рук и отсутствия «зацепочек» и «крючочков»! Зато я в отместку этому упорному арендатору отгрохал и отослал утром по факсу письмо. Вот оно, великое умение формулировать и ставить в определенной последовательности строго определенные слова.

Вечером поехал в общежитие, где уже началась предпраздничная подготовка. Наша Ирина Евгеньевна встретила меня в новом перманенте. После того как я выставил ее мужа Гену, уже давно немножко работающего, а в основном имитирующего работу электрика, она поняла, что я возьмусь и за нее. Институту дорого, кроме зарплаты, содержать ее в двухкомнатной квартире. Если бы я еще чувствовал, что она экономит институтские деньги, но барышня предпочитает спокойствие. Общежитие ее раздражает, грязная жизнь студентов может остаться грязной, а я запрусь в своем двухкомнатном замке и постараюсь как можно реже из него выходить. Что касается меня, я не прощаю людям отсутствие энтузиазма.

Теперь о наших дорогих студентах, пробегающих мимо меня словно мимо водопроводчика. В новом, только что построенном туалете на пятом этаже уже кто-то из них вывинтил для личного пользования лампочку. Дела предновогодние, и в комнате должно быть светло. Но туалет, кажется, будет стоять. К сожалению, когда его строили, ни Ирина Евгеньевна, ни Сергей Иванович, ни Леша Тиматков не следили за всей этой операцией, поэтому довольно много огрехов. Наши специалисты, принимая и подписывая сдаточный акт, не обратили внимание, что им вместо новой двери, которая числилась по смете, впиндюрили старую. Ну почему никто не хочет работать? И почему я так много сил

отдаю этим проблемам, которые никем, кроме меня, не будут вспоминаться? И на это уходит жизнь.

Вышел очередной номер «Юности», там у меня третья, плехановская глава. Отзывы вроде пока неплохие, но ведь никто и не представляет моего замысла целиком. Мне-то самому кажется, что все это скучновато. До сих пор не могу отыскать «образ» Шушенского, стержень внутренний, соотносимый с сегодняшним временем посыл. Промелькнула мысль — приезд Крупской. А разве соединение двух людей, прошедших по жизни, не есть событие?

31 декабря, четверг.

Вчера крупно поругался с В.С. Она, конечно, очень больной человек, но не хочет понимать, каким образом я зарабатываю деньги, что мне как писателю надо сосредоточиться, но ей еще нужно бесконечное и каждодневное внимание. В общем, высказаться до конца пока не могу. Всю жизнь я еще борюсь с ее недоброжелательством в словах по отношению к другим людям. По мере приближения этих людей к ней ее недоброжелательность усиливается. Мы ссоримся не из-за денег, не из-за политических дефиниций, а только когда я пытаюсь в ответ на ее инвективу установить какую-нибудь справедливость. «Если я никому не нужна, я завтра после поездки на диализ могу не возвращаться». — «Ну, тогда я могу уйти совсем». Это уже моя реплика, голодного раздраженного работой и только что вернувшегося со службы человека, который пытается что-то себе приготовить.

Вчера поссорились с моим уходом из дома, возвращение — с миром. Все, как обычно. Значит, весь день сегодня отношения ровные. Я с утра создавал фаршированного судака, потом ходил по магазинам. Вечером тихо и мирно посидели за столом. Был С.П., который нас не бросает. Звонил из Ирландии Сережа Мартынов и из Парижа сестра. По НТВ показали «Куклы» с мотивами «Гибели «Титаника». Героиней этих кукол стала Раиса Максимовна Горбачева. Под символическим сюжетом «гибели» мы входим в новый год. Ельцин с обращением не выступал. Вместо него довольно остроумный текст произнесла его кукла из последней передачи. Политически это довольно занятно, но «аппарат» и близкие определенно не хотят показывать президента, которого «мы сами выбрали».

Во время моего блуждания по рынку днем я обратил внимание, что цены выросли. Яйца уже 17–18 за десяток, а еще недавно я брал их за 8–9. С первого числа повышается тариф за электричество.

1999 год

1 января, пятница.

Весь день сидел над пятой главой «Смерти Титана». Материал не складывается в новую данность, т. е. не оживает, а остается одномерным, без паутины идей, деталей, оригинальных сравнений. Остается литературной невнятицей.

3 января, воскресенье.

Ездил на день рождения к Наташе Кутафиной. Ей 50 лет, и муж, ректор юридической академии, постарался отпраздновать все с помпой. Празднество проходило в ресторане «Олимп», на берегу Москвы-реки, на Лужниковской стороне, напротив трамплина. Без машины к ресторану проехать невозможно. Все было так роскошно, как никогда, и по роскоши вполне заменило кремлевский прием. Из гостей, которых я узнал, были Бурбулис, ныне депутат Госдумы, и Красавченко, последнего тоже зовут Сергей Николаевич. Еще один политический покойник. Долго ждали подругу Наташи, некую девушку Гелу, сестру Кобзона, она дирижер-хоровик. По-фамильному крупнопанельная, с настоящими красивыми драгоценностями и умеющая ловко себя вести дама. Она мне нравится, сидим мы с ней за столом, может быть, даже нравимся друг другу, но про себя я тем не менее отмечаю, что в одном проклятая Америка неколебима: отчетливо метит наших быстрых и предприимчивых людей. Не пустили Кобзона, потом не пустили бывшего министра Госимущества Альфреда Коха. Я с восторгом жду, когда в Америку направится Борис Федоров, бывший министр, как-то связанный с делом бриллиантщика Козленка, недавно выданного органам греческими властями; и куда направится Сергей Дубинин, бывший глава Центробанка.

Я выступал, а точнее произносил тост, одним из первых. Что-то говорил об институте и культуре. Но Наташа действительно умная, красивая и отзывчивая женщина, здесь я не грешил. Почему-то мне счел нужным ответить Красавченко, этот «никто», раньше занимавшийся культурой в президентских структурах. Ах, как наши лидеры завидуют не мокрой и не обезображенной предательством репутации!

Моей «добычей вечера» стал рассказ одной женщины, врача-акушера, что она способна в течение двух первых часов, глядя на новорожденного, установить его судьбу. «Я иногда вижу, — рассказывала она, — что рождается будущий преступник. Но я не

могу об этом предупредить мать младенца, я только говорю: старайтесь быть всегда с вашим ребенком. Другой матери я могу сказать: не думайте о своем сыне, пусть он делает, что хочет, и, если не пришел ночевать домой, не волнуйтесь. С ним все будет хорошо».

Я все время думал, каким акушерка могла бы увидеть только что родившегося Алексея, моего бывшего шофера?

4 января, понедельник.

Довольно много работал над Лениным. Меня это пугает, или я — как бывает, когда тачаешь: роман или пьеса распишутся, и ты начинаешь улавливать характер — на этот раз уловил не ленинский, а создаваемый мною.

Вечером был у Владислава Александровича Пронина.

5 января, вторник.

Утром очень долго кашлял и очищал легкие. Конечно, если бы не единственный якорь, который приковывает меня к Москве — Валентина Сергеевна и ее болезнь, я бы закончил свои дни где-нибудь на теплом юге. Мне нужно до полутора часов, чтобы принять лекарства (а я, пренебрегавший ими всю жизнь, теперь принимаю много), перестать хрипеть, сделать зарядку, которая выдавит из меня слизь, собраться. Иногда, когда С. П. бывает у нас, он гуляет с собакой, помогает по хозяйству и делает мне массаж грудной клетки, в который вкладывает и чувство подспудного ко мне раздражения: трет и похлопывает меня до отчаянной боли. Я уже совсем было сегодня утром лег на диван под его длань, как зазвонил телефон, и мне потребовалось несколько минут, чтобы закончить разговор. Но С. П. был уже в ванной, раздалось шипение воды, ждать не стал ни минуты. У него нет ни одной минуты свободного времени. Эта глухая рациональность меня пугает и, наверное, мешает ему. Чем же он в детстве был так напуган и обижен?

11 января, понедельник.

Снова пишу телевизионный рейтинг для «Труда». Конечно, для них я бываю резковат, но мне и самому видно, что по мыслям и языку делают это вполне достойно пока только два человека из присяжных «рейтингистов»: — Кублановский и я.

«Последние дни первой новогодней декады всегда окружены магией двух праздников: финала зимних школьных каникул и Рождества. Удивительно, что телевидение, последнее время отмечающее оба, к обоим относится одинаково формально. Что касается каникул, то набор здесь традиционно однообразен:

бессмертная «Золушка» с Жеймо и Раневской и «Электроник» — прекрасная постановка по ставшей классикой повести рано умершего писателя Е. Велтистова. Все остальное или стандартно плохо, или никак. Церковным праздникам, видимо в силу особой и хронической нелюбви к ним телевидения, достается и еще меньше. Я не говорю здесь о глупых моментах, случавшихся ранее, вроде демонстрации по НТВ (вопреки увещеванию патриарха) фильма «Последнее искушение Христа». Здесь становится неловко и верующим, и неверующим. Это же не предместкома и не знакомый банкир, а Патриарх церкви, которая была властным строителем страны, где мы живем.

В этом году НТВ отметило святорождественские праздники демонстрацией одного сюжета в теряющей популярность передаче Киселева «Итоги». Это рассказ о подразделении верующих солдат в ракетной дивизии, дислоцируемой под Козельском. Хорошо это, плохо ли и как к этому следует относиться, из репортажа узнать было трудно. Скорее, лица этих прекрасных верующих ребят и строй их отчетливых и уверенных речей входили в противоречие с намерениями и социальным заказом корреспондента. Хотели сделать как всегда, но получилось неплохо.

Хорошо получились на телевидении и обе рождественские службы, которые проводил патриарх Алексий в Богоявленском соборе и в нижней церкви храма Христа Спасителя. На этот раз все, видимо, попало в другие и ответственные руки. Каждую из трансляций и каждое иногороднее включение предварял телевизионный логотип: «Православное телевизионное агентство». Телевидение показало здесь себя как массовое эпическое искусство. В отличие от представлений, которыми нас потчевали в новогоднюю ночь, ни одного имитирующего лица. Все серьезно, глубоко и прочувствованно. И, если пользоваться театральными аналогиями, то полное слияние сцены и зала. И какие лица! Рождественское поздравление Патриарха, произнесенное без листа и без телесуфлера, с тратой собственных сил и эмоций, существенно отличалось от привычных выступлений иных первых лиц: камера отъезжала, вписывая Предстоятеля русской православной церкви в интерьеры Богоявленского собора, — и тут оказалось, что это не отрепетированная заранее запись, а живая… работа.

Чтобы не быть несправедливым, скажу, что была удача и в другом праздничном (детском) секторе программ. Это американский фильм «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура». Каким удивительно новым оказался этот знакомый с детства сюжет Марка Твена. Американцы, создавая фильм для своих детей, никогда, наверное, не думали, что это фильм о нашей

дремучей демократии, о наших рыцарях и вышедших из ума вождях, похожих на древних магов. Смешной фильм для наших детей и нравоучительный для взрослых».

12 января, вторник.

Утром пришел «Труд» с сенсационным заявлением генерального прокурора Ю. Скуратова: «Что я могу здесь сказать по делу Листьева? Для нас во многом картина уже ясна. Пострадавший, как выяснилось, сам был, мягко говоря, далеко не ангел в своих коммерческих делах и уж конечно не мог претендовать на титул чуть ли не национального героя. Суду будут предоставлены необходимые доказательства».

Уже тогда, когда Листьева хоронили и А. Яковлев устроил по нему трехдневные телевизионные бдения, я знал, нюхом долго работавшего в этой системе человека знал: это деньги, здесь пахнет невиданными барышами, которыми Листьев, наверное, не хотел делиться. Подождем следующего этапа, а именно: причастности к убийству его… Это тоже носилось в воздухе. Наследники.

Второе признание генерального, в котором для всех думающих не много нового: «Об убийстве Старовойтовой. Кстати, в ходе расследования этого дела порядка полутора тысяч преступлений раскрыто в Санкт-Петербурге. Вообще, эта криминальная ситуация в Питере складывалась давно». Само по себе занятно, что же это за такие глубокие и скрытые дела, если их почти моментально раскрывают. Но дальше! «Дело об убийстве Старовойтовой оказалось очень сложным из-за обилия ее связей самого разного рода: политических, коммерческих, сугубо личностных, деловых. Вокруг нее было очень много всяких людей. Отсюда — многообразие версий, направлений работы.

Основные версии — политическая, коммерческая, версия об элементарном ограблении. Четвертая версия связана с личностными отношениями. Вот по этим версиям мы пока и работаем.

Чудом оставшийся в живых помощник Старовойтовой на допросах не договаривает некоторые вещи, молчит по ряду позиций, которые для нас наиболее интересны».

Я приблизительно догадываюсь, о чем парнишка молчит. Но покойница уже лежит в некрополе русской славы, в ограде Александро-Невской лавры.

17 января, воскресенье.

Была Лена Иванова, сестра В. С. Сейчас она живет в Германии. Процесс для нашего времени типический: вполне

обеспеченные люди объявили себя политическими страдальцами. Говорили о жизни, нашей и «той». Все как-то устраиваются, я же тяну жесткую лямку жизни: дом, институт, собака, В. С.

Роман идет удивительно трудно. Хорошо, что я не обхожу ни одного момента. Еще пару недель — и я закончу главу. В Данию возьму компьютер и том ленинских писем. Если бы можно было от Дании отказаться. Я опять начинаю подозревать у себя что-то более серьезное, чем бронхит, и вспоминаю мать. Сегодня объявили об очередной болезни президента, у него язва желудка. Все это обставлено Центральной клинической больницей, интервью и догадками. Сколько еще будет по этому поводу комментариев? Мне порой кажется, что все наше российское здравоохранение сосредоточилось на персоне президента. Как все это надоело. Живем в кошмаре медицинской энциклопедии. Тем не менее я, насквозь больной, не иду к врачу. Потому что не хватает времени для дела. И боюсь очередей и нищеты наших больниц. Ленин говорил, что не ходить к врачу — это некультурно.

18 января, понедельник.

Сегодня купил мемуары Эммы Герштейн, сунул в них нос — интересно. Но моя планида — пока не закончу романа — писать, писатель.

Рейтинг для «Труда»:

«Какую же суматоху подняло телевидение вокруг болезни президента! Какой-то несчастной язвочки в желудке. Совершенно справедливо воскликнул вице-спикер Государственной думы Владимир Рыжков: «У половины директорского корпуса эта самая язва. Едим — бог знает что и когда, а иногда и не с теми, с кем следует!» У меня три года назад язва была, я от радости, что сумел по блату сделать гастроскопию и она показала все же язву, а не «то самое», песни распевал. Попил какие-то таблетки, которые мне тут же посоветовали, и больше к врачам не обращался, потому что в наше время это и нелегко, и дорого. Может быть, и шум такой вокруг этой язвы подняли, потому что медицины вокруг нее слишком много стянули! На бои, так сказать, местного значения бросили основные, собранные со всей страны силы. Иначе как по-другому объяснить в такой богатой ресурсами стране нехватку лекарств и отсутствие зарплаты у врачей? Но хватит о недостатках. Ведь, по сути дела, если отвлечься от этой самой язвы, надо порадоваться за нашего президента. Полежит в постели недельку, почитает умные книжки, посмотрит по телевизору картины жизни. А Дума бюджет примет! Ведь по себе все знаем, сколько можно сделать по-

настоящему полезного, пока начальник отсутствует на работе. Больших и малых интересных дел. За работу, товарищи!

Из остальных телевизионных тенденций отмечу фактор похожести. Все на телевидении на кого-то похожи. Вот недавно смотрел пляски с пением и развевающимися плащами Филиппа Киркорова. Раньше, в перьях и бутафорских латах, он был похож на героя фильма «Фаринелли-кастрат», а теперь, в плащах, — на поющего Бориса Моисеева, пение и позы которого недавно ночью показывало телевидение. И так во всем: первый канал похож на НТВ; Жириновский, отправляя коммунистов тремя колоннами, по своей энергии стал похож на Макашова; Лужков почти слился программой с Зюгановым. И только Явлинский похож на самого себя: не принимает очередной бюджет и очередное правительство».

19 января, вторник.

Я очень боюсь, как бы мой дневник не стал описанием моих болезней. Чувствую я себя ужасно, но держусь, потому что знаю: лучше умереть на ходу, чем терзать всех рассказами о своих недомоганиях. Если кому-то я о себе и говорю — то как бы извиняясь за свой непрекращающийся кашель и мокрый носовой платок. Бронхит мой прогрессирует; я вычитал в медицинской энциклопедии, что это может дойти до синюшного цвета лица и холодных из-за плохого кровообращения ног. Все это уже получено; иногда, задыхаясь, я пользуюсь ингалятором по пять-шесть раз в сутки.

Приехал из Албании Лиле Баре, мой переводчик и издатель. Рассказывал, что книга имела коммерческий успех и очень хорошие рецензии. Мужик он предприимчивый: взял билет и приехал без нашего институтского согласия. Визу ему дали в посольстве без всякого приглашения. Он действительно много делает для российской культуры и любит ее. Правда, и живет за ее счет. Сейчас приехал за критической литературой — собирается переводить Бахтина, Шкловского, Проппа. Я покормил Лили Баре в нашей столовой. Были еще В. С. Модестов, С. П. и наш студент Агрон Туфа. Очень интересно поговорили о литературе, вспомнили романы Исмаила Кадаре и, в частности, его роман о Литинституте. По словам Валерия Сергеевича, этот очень интересный писатель и подлизывал, когда надо, и критиковал, когда требовалось. Восхвалял. По поводу романа о Литинституте, в котором не в самом лучшем виде был выведен даже Паустовский, он позже написал сочинение как бы извиняющееся. Время изменилось — и можно покаяться, типичный образ действия наших писателей. А может быть, это вообще образ действия и умоустановления писателей?

Литература характерна тем, что в ней очень быстро можно скурвиться и почти невозможно отмыться.

20 января, среда.

Всю предыдущую ночь читал книжку Николая Богомолова о Михаиле Кузмине: и жизнь, и творчество. Серьезные, с фоном и атмосферой, статьи, на основе дневников самого Кузмина дается его работа. Конечно, очень силен привкус «темы». Кости этих людей — Судейкин, Нувель, Вяч. Иванов — уже давно перегорели в земле, а страсти их еще увлекают нас, и мы принимаем их за свои страсти.

Большая сила в литературе — искренность.

Весь день возился с очень эмоциональным заявлением Тани Ирмияевой. Я, наверное, писал об этой удивительной женщине. Она сама признается, что, хотя считается русской, в ней бурлит кровь деда — то ли горца, то ли какого-то восточного человека. Она в одночасье подала заявление с просьбой, чтобы ее освободили от ее многочисленных учебных обязанностей по заочному отделению. Хочет сосредоточиться на аспирантуре и зарабатывать на жизнь переводами для «Терры», куда ее сосватал Владислав Александрович. Я сразу подписал и занимался целой цепочкой перестановок.

Вышла очередная «Юность» — значит, уже три главы у меня напечатаны. Возник план, как скруглить роман. При всех случаях, второй частью станет мой предыдущий роман о Ленине «Константин Петрович».

21 января, четверг.

Газеты опубликовали сообщение французской прессы о том, что якобы убитые сербами мирные крестьяне-албанцы на самом деле — албанцы из отрядов самообороны, боевики. Вроде бы они оказались не жителями соседнего села, многие свезены сюда из других мест и сброшены в ров. Будто бы даже одежда, в которую они одеты, не имеет следов от пуль, послуживших причиной их смерти. Обычная провокация. Чтобы подхлестнуть мировое сообщество к действию против Милошевича. У многих возникает мнение, что такая «любовь» мирового сообщества и Америки к албанцам проистекает только оттого, что Милошевич — коммунист.

«Литературная газета»: небольшой материал Анатолия Латышева, прославившегося своими раскопками возле могилы Ленина. Опубликовал свою очередную страшилку: «Была бы полезной передача о хранившейся в сейфе Ленина заспиртованной голове члена царской семьи». Я думаю, что и

платят за подобные материалы уже не густо. А почему пишут гробокопатели и их печатают? В боязни уже содеянного — уже засветились и уже показали себя на письме ничтожествами — теперь торопятся еще одним фактиком, который сам по себе ни о чем не говорит, утвердить свою кривду, доказать что-то и самим себе.

Состоялся ученый совет. По моей инициативе приняли список стихов и отрывков из русской классики, которые наши абитуриенты должны знать наизусть. Мне очень нравится английское выражение «бай хат» — сердцем.

25 января, понедельник.

Опять везу на каникулы группу студентов в Данию. Обмен Литинститут — муниципальная школа для взрослых в Ольборге. Лечу, как всегда, в счет отпуска, по коллективному билету института. Мы с Л. А. Линьковой будем жить, как преподаватели, в гостинице, а студентов разберут по домам слушатели. На этот раз, кроме в прошлом году закончившей Ольги Бояриновой, все — студенты из нашего института непосредственно, а не слушатели курсов Н. А. Бонк. Я уже дорожу этим обменом и постараюсь сделать все, чтобы он существовал как можно дольше. Здесь и «макание» наших студентов в среду — с языком у них сейчас, после появления учебника Бонк и моего нажима на кафедру, стало получше, — даже выезд молодого человека впервые за рубеж, где все важно: и аэродром, и первый вопрос на английском, и то, что ты можешь быть предоставлен самому себе.

В Копенгагене мы здесь уже несколько часов — нас встретила, как и два года назад, Марина. Это знакомая Людмилы Артемовны, она закончила Литинститут, училась у Владимира Ивановича. Тепло вспоминает и своего руководителя, и его выносливость по части выпивки, и его поразительное умение всегда держать интеллектуальную форму. Здесь пришлось пойти на жесткую меру: ребята остались в аэропорту, а мы на машине совершили чудесную прогулку по Копенгагену. Выходили только два раза: у Королевского дворца и возле Парламента. Муж Марины Мортон — музыкант, играющий на восточных инструментах. Очень утонченный мужчина, сын бывшего главного архитектора Копенгагена, поэтому показал город с деталями, объяснениями и как-то изысканно. Меня заинтересовали казармы моряков-пенсионеров Христиана IV, системы уже не существующих укреплений. Я прикидывал все к своему любимому XVIII веку. И представлял себе его сиятельство князя Куракина. По куракинским запискам в свое время я делал диплом.

На дворцовой площади, окруженной четырьмя дворцами королевской семьи, мы внезапно встретили выходящего из машины кронпринца. Довольно немолодой и одутловатый человек что-то вытаскивал вместе с шофером из машины. Мы появились из-за угла, как привидения. Тут же возник и гвардеец в меховой шапке, потоптался возле нас и ушел. Рядом с площадью — море. Воистину, морская держава — порт рядом с жилищем королевской семьи. Неизгладимое впечатление произвел бывший королевский замок — парламент; библиотека, сияющая в ночи огромными стеклянными окнами, и государственный архив. Дания, по признанию ее жителей, самая «зарегистрированная» страна в мире. Вся Дания за несколько столетий в этих бумагах и на этих стеллажах, видных из-за слабоосвещенных окон архива.

В десятом часу на маленьком самолете прибыли в Ольборг. Та же, как и в прошлом году, прелестная гостиница, напротив парка, тот же Пол в своей «московской» шапке и куртке. С нами, вместе с группой, летит Ваня Журавлев, самый наш молодой, за него я волнуюсь, ему, с его еще мальчишеским миром, будет здесь трудно. Ребята все на редкость милые и хорошие. Постепенно я в них разберусь.

В самолете открыл «Литературку». Блестящее интервью Вяч. Вс. Иванова. Как всегда, меня восхищает: вдруг формулировать то, что было ясно и десять, и пятнадцать лет назад. Но тогда еще сравнительно нестарый Иванов — говорю это без раздражения — был депутатом первого выбранного на Съезде Советов Верховного Совета. И это все было не столь экстренно. Честно говоря, меня всегда удивляет, как люди, внутренне (морально) не готовые к ответственнейшему делу руководства тысячами людей, вдруг за это самое руководство берутся. Любопытно то, что он последнее время почти постоянно живет за границей. Их довольно много, попробовавших власти и величия и уехавших к теплому чужому «сникерсу»: Евтушенко, Коротич, Иванов… Тем не менее цитаты:

«Задачей любых таких реформ могло и может быть только скорейшее улучшение благосостояния возможно большего числа жителей России». Вот тогда бы специалист и должен был на этом настаивать.

«Но в некоторых областях (здравоохранение, образование), несмотря на все бюрократические препятствия, чинимые режимом, нашей интеллигенции удалось сделать удивительно много, используя систему, где государство хотя бы теоретически поддерживало социальную сферу». Вопреки партии и правительству интеллигенция запланировала выпуски врачей, постройки больниц, проектирование производства или закупку оборудования. Удивительно, как обозленный человек может быть

несправедлив. Это государство выучило и сделало чуть ли не в 20 с лишним лет, талантливого конечно, Вяч. Вс. Иванова доктором наук.

«Чем больше занимаешься историей русской культуры (а мне приходилось за последние годы не раз читать о ней курсы лекций и обдумывать планы занятий в руководимом мною Институте мировой культуры Московского университета), тем больше поражаешься ее тысячелетней устремленности к высшей красоте и сосредоточенности на основных мировых вопросах». Мысль, конечно, весьма тривиальная. Самое интересное, что директор это пишет из своего прекрасного заграничного далека. «Литературка» предупреждает, что «интервью носило заочный характер: «ЛГ» сформулировала ряд вопросов, на которые были получены письменные ответы». Значит, и не мыслили заполучить директора домой.

Итак, опять через два года в Ольборге. Два года назад я здесь прочел Фишера и составил план романа о Ленине, который пишу совершенно по-другому и не заглядывая в этот план. Сделать книгу беллетристикой мне не удалось.

26 января, вторник.

Утром была общая беседа о школе, которую провел Бруно, а потом лекция о Дании. Прекрасные, чистые классы вызвали у меня чувство глубокой зависти. На столах ни одной надписи, будто бы их вчера только купили. Наши мальчишки и девочки пишут, наверное, от избыточности мыслей и эмоций. Потом ходил по городу, доглядывал то, что не видел раньше. Большой на берегу дом, окруженный другими строениями, с большим двором — это городской замок. По преданию, здесь жил королевский наместник или кто-то вроде герцога, которого звали Гамлет. Это имя нас, русских, возбуждает. Обнаружил также целый квартал крошечных, вроде тех, которые я видел в прошлый раз на острове Фьюн, домишек. Они очень похожи на домик, в котором родился Андерсен. Их иначе и не назовешь, как сказочные или игрушечные, в некоторых меньше шестидесяти — семидесяти метров, хотя и по два этажа. Самая дорогая жилплощадь в Ольборге.

Лекцию читала Анна-Мария Карлсон. Я помню ее по пребыванию в Литинституте. Прежде она училась в Москве. Женщине, конечно, за пятьдесят. Во время лекции она сказала, что видела Гагарина, и у нее есть его автограф. Очень, видимо, хорошо разобралась в наших делах и осталась поклонницей прежнего Советского Союза.

Перенес в дневник фразы, которые записал на листочке

бумаги во время ее лекции.

До развала СССР в Дании было 13 процентов безработных. Дания — страна с самым «регистрированным» налогом в мире. О том, чтобы не платить налоги, и речи быть не может, вычтут из ближайшей зарплаты. Усталость от системы бюрократии. Американизация датского племени. Свобода. У бомжа несвобода передвижения. Свободен экономически, но не свободен от агрохимии. От опасности неучастия в политике. Самое высокое налогообложение в мире. Общность датского государства — это о частях Дании, среди них Гренландия, которой практически владеет Америка. Об американской атомной бомбе, потерянной в Гренландии. Довод о якобы русификации республик в бывшем СССР: а каким образом тогда литовцы сразу же заговорили по-литовски, а украинцы — по-украински? Вот тебе и школьная экспансия. Экспортировали разные системы демократии, вместо того чтобы пойти по своему пути. Купить такие же географические карты для института. Первая датская конституция в 1849 году — 150 лет. Королева не имеет возможности не подписать закон, принятый парламентом.

В 1814-м Норвегия стала независимой от Дании. Скандинавы могут друг к другу ездить без визы и работать в любой из этих стран. Раньше в Дании много выращивалось фруктов, ржи, ягод. «Общий рынок» попросил Данию с этим покончить. Как при Горбачеве уничтожали виноградники у нас, так в Дании уничтожали фруктовые сады.

О домашнем враче. К врачу нельзя, как в России, прийти и побеседовать. Врач сразу предупреждает: 10 крон за визит или 20 минут на визит. Медицинская система, которая раньше была на первом месте в Европе, нынче на одном из последних. Общее с Россией — черный хлеб. Дания миновала чеснок. Его здесь не едят. Не едят днем горячее — на предприятиях нет столовых. В Дании большие фирмы это 200–500 человек. На предприятиях — больших — нет перерывов на обед. Общая стрессовая ситуация. Пригласить Анну-Марию в Москву. Пусть прочитает пару лекций в Литинституте. Работают теперь 37 часов в неделю, было лучше, когда работали 42. Жмет капиталист. На практике — работают больше 37 часов. Перерыв на обед — 20 минут. На предприятиях эти 20 минут вычитаются из зарплаты. Стресс. Домашний ежедневный план. Магазины рано закрываются — в 17.30. В воскресенье не работают. Планирование в семье. «Мы все умираем в Дании от этих планов». Скрытая безработица. Учителю могут предложить мыть полы — и он соглашается. Не доплачивают оговоренных с профсоюзами сумм. Пенсия — с 67 лет. Молодые 30-летние люди, которые никогда не работали.

Проблема научить таких людей работать. У бедных резко сократилась продолжительность жизни. Три поколения никогда не живут вместе. Нет бабушек, некому воспитывать детей. Всё на детский сад. На государство. На родительских собраниях: «Мне некогда заниматься ребенком».

Через пару часов получил урок коммерции в аптеке. Хотел купить себе самбутамол, который покупаю в Москве. Не наркотик. Лекарство почти безвредное. Без рецепта не дают. Хотите рецепт? Наш аптечный врач даст такой рецепт. Не осматривая вас, готов выписать. Это стоит 200 крон. Лекарство стоит 156 крон за упаковку. Обойдемся.

27 января, среда.

С утра еще одна лекция Анны-Марии. Ваня Журавлев совсем разболелся, пришел с температурой. Я принес ему градусник и пачку шипучих таблеток аспирина с витамином С. Он принял тут же, на лекции, и уже к концу лекции был весь мокрый, но температура упала. У него что-то не заладилось с хозяйкой, сравнительно молодой девкой с плохим характером. Этим она уже известна. Сумели договориться, что он будет жить вместе с Мишей и Алешей. С самого начала я предполагал, что Ване будет лучше жить с ребятами — в конце концов, так и получилось. Стресс у Вани, который начался в самом начале поездки — страх перед незнакомым городом, новыми условиями, необходимостью объясняться — прошел. С моей точки зрения, он сделал над собой невероятные усилия и победил.

Ездили с Людмилой Артемовной к Полу. Его жена Анна хорошо нас покормила. Все было вкусно: и селедка, и горячие колбаски, и сыр с хлебом, и невероятный, только что из духовки, паштет. Было все, что мне по возрасту нельзя, и все это я ел. Пол выдал нам командировочные по 1500 крон. Наибольшее впечатление на меня произвел его сын, Эспион — это означало во времена викингов Повелитель медведей. Мальчик подрос, он очень домашний. Весь дом подчинен его воспитанию. На полу в холле — огромная железная дорога. Я с удовольствием поиграл в паровозики. Здесь же — коллекция марок. По-прежнему любит змей и, по рассказам родителей, во время путешествия в Америку, где-то в террариуме, в зоопарке, даже каким-то образом играл с двухметровым питоном. Как бы мне хотелось увидеть этого мальчика лет через пятнадцать. Увы, это невозможно. Отец, который любит путешествовать и всегда берет с собой жену и ребенка, с гордостью признался, что, когда они поедут в Норвегию, это будет 22-я страна мальчика.

Вечером не пошел в концерт и занимался дневником.

Пол просто ненавидит Клинтона! Загадочно высказался о том, что какая-то капля ирландской крови в нем, может, и течет… Зато в Дании точно отмечено, что в аппарате президента никогда не было такого количества людей еврейской национальности. Как и у вас, не удержался Пол, о котором я всегда думал, что он лишен расовой наблюдательности. Он уверил меня, что Мадлен Олбрайт тоже еврейка. Она чешка! А что же, ты думаешь, в Чехии нет евреев? Моника Левински, о чем не писали у нас, тоже, оказывается, из богатой еврейской семьи, и отец за большие деньги устроил ее в аппарат Белого дома. Воистину, общаясь с людьми за границей, узнаёшь много нового.

29 января, четверг.

Весь день сидел за компьютером и не ездил ни на какие экскурсии. Только вечером вышел посмотреть ночной город. Сегодня очень холодно. Появились курточки из дубленой овчины — наши «пилоты». Фонтан в парке замерз, а купы кустов, похожие на фикусы или магнолии, с вечнозеленой листвой, не выдержали, и листья свернулись.

Разрешилась медицинская проблема. С экскурсии Людмила Артемовна привезла мне две пачки «Volvax»; правда, на них написано «Бруно Тордстен». То, что мне стоило бы по 156 крон за пачку, при таком обороте дел обернулось в 83 с мелочью за две пачки. Не надо, оказалось, и платить доктору 200 крон.

Кроме сидения за компьютером, занимаюсь еще йогой и чтением Пушкина. Внимательно прочел «Деревню». Какая жалость, что в школе нас заставляли читать вторую, риторическую часть: «Но мысль ужасная здесь душу омрачает» — вместо прелестной первой! Что стоит только «Везде передо мной подвижные картины».

Вечером, стоя на коленях, как повелевает йога, видел отрывок из какого-то фильма с хорошими актерами. Помощник по торговле в рыбной лавке становится любовником жены хозяина. Одновременно помощник любит и хозяина, и сына хозяина (этих, естественно, в платоническом, семейном плане). Кончается все ужасно, убийством. И инфарктом хозяина. В чем сила такого искусства?

29 января, пятница.

Каждый день за завтраком, экономя деньги, потихонечку набираем себе и на обед — пару-тройку бутербродов. Яблоки добываются внизу. Возле портье. Как и всегда в больших отелях, это презент для гостей. Иногда я презентую себе по паре или тройке. Столько яблок, как здесь, я еще не ел. Яблоки зеленые, но

очень вкусные.

Утром ездил по старому маршруту: музей викингов, о котором я уже писал. На этот раз показали еще художественный фильм, где современная массовка изображает чистенький и гладенький народец. Сам музей прелестный, очень наглядный, с прекрасными живыми картинами, врезающимися в память. С большим интересом рассматривал всякую древнюю инженерию и удивлялся человеческому уму, гению и рукам, которые в тех условиях, при минимуме инструментов, но максимуме времени, так интересно строили. Меня поразило устройство корабля викингов. Вот это бесстрашие! А где же они спали? Где они кухарили? Как, наконец, в этом крошечном суденышке отправляли естественные надобности? Но, как всегда, больше всего меня опять поразил этот пологий холм с валунами, ограничивающими место кремаций или захоронений; с баранами, неторопливо выщипывающими до газона всю траву на холме. А небушко все такое же милое и прозрачное, как и тысячу лет назад.

В этот раз я город смотрю интереснее и подробнее, чем раньше. Были еще в историческом музее, в центре города. Привлекла внимание отличная коллекция прикладного стекла и выставленный в одном из залов катафалк XVII века. Гид, молодая девушка, музей знает очень плохо, в частности, не знает портреты. Похоже, что наши студенты по истории Европы готовы получше. Из экспонатов еще отмечу обстановку комнаты богатого купца, которая перенесена целиком из XVII века: и резной шкаф, и стены, и огромный стол с цельной дубовой столешницей.

В разделе каменного века, за стеклом кости 40-летней женщины. Она лежит на боку в неудобной позе, у шеи рассыпалась горсть бус. Этот «экспонат» просматривается со всех четырех этажей. Господи, ведь живая была душа… Ну почему надо кощунствовать из-за любознательности? Почти у всех наших ребят появились подобные мысли.

Со стороны узенькой улочки, идущей боком к центру, вошли в какое-то здание. Гид открыла своим ключом дверь и рассказала историю. Это бар, который помещается в комнатах гильдии или некоего собрания, организованного еще Христианом V перед войной. Тем временем мы спустились по очень узкой лестнице и долго шли длинными коридорами, справа и слева там находились подсобные помещения: кухни и посудомойки. Когда в город вошли немцы, то они не миновали этот бар, и хозяину это очень не понравилось. Тогда, чтобы не иметь случайных посетителей, он раздал всем своим постоянным клиентам ключи от запасного входа и закрыл парадный. В огромном подвале мы

увидели массу людей и пустое кресло-трон, на котором когда-то восседал Христиан V. А гид сказала, что действует какой-то международный клуб, в который входят все члены королевской фамилии и крупнейшие международные деятели, в том числе и Клинтон; так вот, всем им при вступлении дают такой ключик от тайного хода.

Вечером были на премьере «Ромео и Джульетты» в местном театре. Шел туда с предубеждением. И когда вошел в зрительный зал и на сцене увидел земной шар, окруженный со всех сторон (на заднике — тоже кресла) креслами для зрителей, и отца Лоренцо, занимающегося химией — опрыскивающего сад (подобные этюды по школе Станиславского делают лучше), и кормилицу условно сеющую так же на кладбище, на земном шаре, цветы и пропалывающую сорняки, — предубеждение усилилось. Но все оказалось очень интересно. Все молодо. Лучше всего играл Меркуцио — здесь какой-то чудесный и сильный образ. Из молодой части труппы все были хороши, все нерассироплены, и даже Ромео и Джульетта не сладкозвучные оперные красавчики — современные хохочущие люди. Очень удачные костюмы Монтекки и Капулетти, в сером или черном. Как бы две породы мышей. Трагедия не влюбленных интеллектуалов, а просто двух молодых, переполненных силой людей. Я почему-то представил себе команду актеров, работавших под руководством Шекспира над пьесой: «А теперь, ребята, надо наполнить чем-нибудь поинтересней саму любовную сцену…»

Ольборгский театр не описываю, билеты очень дорогие, мой на третий ряд стоил около 140 крон. Лампы сверкали. Вместо билетеров — молодые, в униформе, ребята. Программки бесплатно выдают при входе. Публика в основном местно-сановного разлива. Дамы в драгоценностях, с прическами, одетые «на выход». Праздничный, штучный характер происходящего подчеркивается и тем, что в антракте все пьют из бокалов красное вино и шампанское. Уютная, не столичная, роскошь. Но доконали меня писсуары в туалете: они еще не виданной мною конструкции из нержавеющей стали. Похожие на мойки в московских кухнях.

Перевозбужденный раздумьями о том, как мне закончить главу о Шушенском — об этом я, естественно, думал и под аккомпанемент датской речи на спектакле, — я долго не мог заснуть. Включил телевизор «на шелест», и вдруг — такая беззастенчивая и гнусная порнография, с такой страстью актеры лижут и сосут, что еще долго и долго не спал, а разглядывал происходящее как невиданную этнографию. Интересно, не скрою, но лучше — не надо.

30 января, суббота.

На пароходе встретил двух русских девушек, лет по семнадцати. Они выглядели вполне благовоспитанными и щебетали у меня за спиной, не зная, кто я такой, по-русски, потом одна, что-то открывая, чуть меня подтолкнула и сразу же грубым голосом сказала другой: «Вот, мужика какого-то зацепила». Потом разговорились. Одна из Польши, мама вышла замуж за датчанина, и теперь девица живет здесь. Вторая — родственница из Киева. Здесь уже месяц. Ради нее и совершается это путешествие; поездят по Гетеборгу — и по домам. Будет отчет, что были. Обеим скучно. Спросили меня, что можно увидеть в Гетеборге и открыты ли там по субботам магазины.

Позже, когда я работал за компьютером, та, которая из Киева, прошлась по залу, томно поводя очами. Она была в модной у нас обуви на платформе. Но весь ее несчастный и вульгарный вид говорил: «Видите, какая я модная, почему же вы, ребята, не оглядываетесь на меня. Я готова на все: остаться, выйти замуж…»

И поездку на пароме до Гетеборга, и поездку от Гетеборга — это 400 километров или около — не описываю: все как и в прошлый раз, лишь пейзаж чуть другой, более гористый, а очертания деревьев и сосны напоминают Лапландию. Из увиденного хочу отметить дорогу, прекрасную, почти всю освещенную стоячими фонарями. В связи с этим вспомнил наше Киевское шоссе — светло лишь до Внукова-2, правительственного аэропорта, а дальше начинается глубокая провинция. Поразили и несколько бесконечных тоннелей перед Осло, все сделано из норвежских материалов и норвежскими руками. Деньги остались в стране. Это не наши порядки: со всего нового строительства в Москве деньги утекают. А спрашивается, что, наши, если по-настоящему платить, не могут? Могут. Но с чужих легче взять взятку и перевести деньги за границу.

В пути Л. А. слишком экономит, мне приходится, хотя и жалко, тратиться, я, все же, ректор. Беру какие-то кусочки пирога и пытаюсь ими угостить и Людмилу Артемовну, она — ни в какую. Пол везет нас на новой машине, прекрасно и славно работающем «ниссане». Она ему обошлась в 40 тысяч долларов. Это его годовая зарплата. Моя годовая зарплата — около двух тысяч долларов. Значит, работая полтора года и ничего не покупая, я смог бы купить себе «жигули». Следовательно, живем почти одинаково, просто у нас разные стандарты.

31 января, воскресенье.

Осло. Главное: вечером пришел друг Пола, директор частной

школы, и позвал всех в какой-то очень дорогой ресторан. Потом мне рассказывали, что там кормили камбалой немыслимого вкуса и дороговизны. Чуть ли не по 50 долларов за порцию. Я мужественно не пошел и долго сидел в номере над романом. Глава почти окончена, теперь боюсь за компьютер, как бы чего с ним не случилось. Отказ от ресторана — это мое главное достижение.

Утром посетили сразу четыре музея, находящиеся рядом. Там все то, о чем я много читал в своей юности, но никогда не мечтал увидеть. Это «Фрам», судно Фритьофа Нансена. Плот «Кон-Тики», на котором в 1947 году Тур Хейердал пересек Тихий океан от Перу до Полинезии, лодка из папируса «Ра-2», которая с тем же путешественником прошла через Атлантику: от Марокко до Барбадоса. В соседнем музее стояли черные корабли викингов. Это просто низенькие лодочки, на которых тоже ходили чуть ли не до Америки. Когда представляешь реальную жизнь на этих кораблях, волосы встают дыбом. Чего стоит только подводная часть — это тоже показывают — «Кон-Тики». Когда-то я зачитывался Туром Хейердалом, помню знаменитую фразу из его воспоминаний: путешественники поднырнули под дно плота и увидели — это уже в океане, — что бревна в своих веревочных «упряжках» «ходят». Как ненадежен был барьер, отделяющий жизнь от смерти! Великолепной чертой норвежских музеев является их стремление включить человека в показ. «Фрам» можно весь обойти, полазить по его трюмам, походить по капитанскому мостику. Через вставленные в двери кают окна увидеть, как все тогда было. Допотопное оборудование, корабельный двигатель внутреннего сгорания. Тут же — огромный запасной вал. Одиннадцать или двенадцать человек на корабле — и несколько лет этот корабль, вмерзший в лед, как орех, дрейфовал по Ледовитому океану от Аляски, вдоль всей Сибири и почти всей Европейской части. Вот так строятся великие жизни и делаются великие открытия. В носовом трюме через громкоговоритель транслируется запись океана: он рядом, постоянный тонкий вой. За тонкой деревянной стенкой лютует невероятной силы стихия. В корабле ни одного иллюминатора. Темная коробка для тараканов. Допотопное научное оборудование, при помощи которого сделаны огромные открытия. Это разное дело: ходить по судну, когда оно стоит под крышей в специальном ангаре, — и плыть на нем, вмерзнувшем в лед, в черную полярную ночь.

Народный музей. Если конспектом, то «уличная» часть существенно отличается от наших музеев народного деревянного творчества. А ведь тоже свезены избы и сараи. В одной такой

«избе» разговорился с девушкой, которая, одетая в национальный костюм, вроде бы встречает посетителей: готовится в институт. В другой избе такая же девушка печет блины. Кроме деревни, здесь еще и город начала века. В лавочке колониальных товаров конфеты расфасовывают в «фунтики». Все подлинное: прилавок, весы, коробки с конфетами и чаем, ящики с мылом. В соседнем здании выставлены игры и игрушки, которыми еще мы, мое поколение, играли; стоят типы холодильников, которыми мы еще недавно пользовались.

Не буду писать о музее Мунка. Поражает, в первую очередь, объем творчества. Норвегия — какое-то племя гигантов. За его специфической образностью стоят жесткие и вполне реалистические штудии. К картинам трудно привыкать. Сначала вроде недоволен деталями, но вдруг, при переходе из зала в зал, снова бросаешь неспециальный взгляд — и только что рассматриваемые работы превращаются в выпуклые картины действительности. Теперь в моей черепушке навек сидят видения Мунка.

1 февраля, понедельник.

Эти поездки с Полом, как и прошлая, превращаются в постоянную работу. С утра до вечера, с объекта на объект. Если говорить результативно, то напор увиденного слишком велик. Писать об этом, как я стараюсь делать всегда, и одновременно потихонечку разбираться с романом нельзя. Поэтому пойду по конспективному принципу.

Утром часовая прогулка по городу. Из отеля по центральной улице до кафедрального собора XVII века. Напротив собора на небольшой площади — бронзовая фигура Христиана IV, основавшего город. Плотный король, одетый в платье, чем-то напоминающее костюмы мушкетеров у Дюма, сам похож на Портоса. Лютеранская кирха сделана, как и подобает главной церкви королевства, с некоторой роскошью. На потолке — мозаики 40-х годов этого века, что-то довольно яркое. Можно поджать губы от недостатка «классичности», можно возражать против некоторого осовременивания истории Иисуса; но в целом — какое-то новое впечатление создается. Необычен алтарь: вместо заалтарного изображения — огромная резная (по дереву) картина «Тайная вечеря». Орган. Скамейки, производящие впечатление старых.

К 12 часам поехали в лучшую частную школу Осло. Что-то среднее между школой рабочей молодежи и дистанционным обучением. Все платное. Можно получить аттестат, который ты по каким-то причинам не получил раньше. Можно сдать экзамен,

которого тебе до аттестата не хватает. Есть такие программы и договоренности: девушки учатся по два года за границей на медсестер физиотерапевтических кабинетов — бачала. Отчасти все эти проекты финансируются государством. Примерил все это на институт, прикинул деньги, которые платят здесь за год обучения. По сравнению с нами — чудовищные: 33 000 крон. К доллару это — 1 к 5. У нас за эти деньги можно получить элитное образование. Были на уроке английского: молодая преподавательница на прекрасном английском языке рассказывала о системах образования в Англии. У ребят лица хорошие. Все отлично ее понимали; если бы так обучали языку у нас! От самого здания школы у меня потекли слюнки. Вспомнил, что надо немедленно ремонтировать подвал под студенческое кафе с умеренными ценами на чай и кофе. Пусть сидят и треплются.

Ездили куда-то на гору, к замечательному трамплину, на котором проходили олимпийские соревнования, смотреть с вершины на Осло. Пол поил кофе и принес по куску лимонного пирога, — сколько ему это стоило, я боюсь и подумать. Рядом сидели старушки, глядели на вид, на город, на солнце, на туман, расстилающийся над фьордом, и жрали жареную колбасу, как грузчики. С Полом поговорили о «вкладе» в мировую литературу. Он сторонник большого стиля. Я говорил ему о Шолохове, Маркесе и Манне, а он мне — о Фаулзе. Я сказал, что это профессорская проза.

На обратном пути попали еще в парк Вигеланда. О парке много писали — это собрание обнаженных скульптур, объединенных исследованием человеческой жизни: любви, потомства, старости. Физические типы одни, но красоты от этого не убавляется. Особенно хороши скульптуры в движении. Это все как-то просто и впечатляюще. Как и в случае с Мунком, художник (он был, видимо, богатым человеком) работал всю жизнь и подарил все городу. Какой, оказывается, гигантской по результату и времени может стать человеческая жизнь.

У Пола с собой сотовый телефон. Иногда его кто-то вызывает из Дании. Каждый раз я вздрагиваю, потому что думаю: не меня ли?

2 февраля, вторник.

Еще раз смог оценить настойчивость Пола в осуществлении планов. Это путешествие было посвящено не только нашему любопытству и любознательности, но и развитию Эспиона. Его голос все время звучал в машине, как колокольчик, и я потрясался вдумчивости этого малыша, умению играть самому с

собой, фантазиям, которые отражались на его личике. Итак, в день отъезда из Осло Пол поднял всех рано и коли обещал нам показать Норвегию, то показал. Но пока, при всей насыщенности нашей предыдущей программы, он отвез нас в замок — в слот. Эспион был в восторге. Один раз я видел его расстроенным, когда у трамплина ему не дали покататься на санках: в его городе снег редкость.

Впечатления от настоящей средневековой крепости опять не формулируемы, потому что здесь требуются описания, а зачем что-либо описывать, как еще делали в XVIII и XIX веках, описывать, когда существуют кино и телевидение. Итак, крепость на утесе над городом, старые деревья, тропинки, тишина, вид на город; понимание его географии с этой высоты. Понимание новых мест в последнее время приходит все больше не самим их видом, а собственным настроением, душевным подъемом, ощущением бодрости в теле и свежести на лице.

Прелестен был плотненький и веселенький солдат-часовой, возле которого мы все дружно на память сфотографировались. На нем — черная с белым кантом форма и шляпа с петушиными, черными же, перьями.

По дороге мы заехали в еще один замок. Это высоко на горе, с прекрасным видом на город и фьорд. Опять в копилку незабываемого. Я только оживился, когда вдруг прочитал на указателе «К монументу Карла XII». И все тут же обрело свой смысл. Король, о котором норвежцы знают не больше, чем о каком-либо другом короле, для меня — персонаж русской литературы и русской истории. Оказывается, именно возле этой крепости Карл XII был убит. Пол с готовностью сообщил и апокриф: убит пулей в спину. Значит, стрелял кто-то из его солдат. Почему-то в этот момент появилось размышление о Горбачеве. Для всего мира он — политический деятель, а для нас — злодей нашей русской истории.

Не писал о богатстве Норвегии. Это самая дорогая и нынче, наверное, самая богатая страна в Европе. Источником этого богатства стала нефть, которую открыли в Северном море. Здесь самые высокие цены, но и высокие зарплаты и низкие налоги. Писал ли я о том, что, переехав границу, уже в Норвегии, я выпил самый дорогой в своей жизни чай — за 3 доллара?

Последние впечатления от Швеции, уже в Гетеборге. Совершенно современное, похожее на заводоуправление какого-нибудь металлургического завода, здание гетеборгской оперы — через оконные витражи видны склады, декорации, нутро театра. И двадцать минут, проведенные в книжном магазине. Рассматривал альбомы с фотографиями и книги по живописи.

3 февраля, среда.

Ребятишки наши расклеились: модное здешнее хождение без шапок, вольный режим. Миша потратил все деньги, полагаю, ублажая Олю и Таню, и теперь выписывает какие-то деньги из Москвы. У Марины начался приступ астматического бронхита — не у одного, значит, меня. Все сопят, кашляют. Оля и Таня предпочитают видеть жизнь в более веселом цвете, нежели ту социально аранжированную, которую нам показывают. В «Центр» мы еще ходили вшестером, а уже на ферму, кроме меня и Л. А., великодушно поехали только Алеша и Светлана.

При всей своей внешней устроенности «Центр» — это все тот же дом для престарелых. А старость есть старость, и у нее только молодые воспоминания. Все это задумано прекрасно; 42 однокомнатных бокса, в чем-то похожих на комнаты для стариков в Матвеевском, но побольше, до 30 метров. Этажом выше — спортивные залы, кружки, комнаты для шитья, лепки, керамические мастерские. Старикам сохраняют пенсии, их собственные квартиры так и остаются квартирами собственными, они их могут продать или завещать; а муниципальные они должны сдать. Решает проблемы социального призрения домашний врач и муниципалитет. Политика такова: пока старик может обслуживать себя, он должен оставаться дома. На этот вид социальной услуги есть очередь, но подобных центров в городе около 40. Кроме постояльцев, в центр в неделю приезжают или приходят до 1000 стариков — можно по годовому абонементу заказывать такси, это много дешевле. Приезжают они, чтобы просто провести время, позаниматься в кружках, поесть в дешевом диетическом кафе. Нас тоже здесь накормили — вареная картошка и морковка, два ломтика отварного мяса. За еду старики платят. Иногда в своих кухнях они объединяются по интересам: скажем, трапеза для диабетиков. Директор центра — энергичная, но уже пожилая дама учит мужчин-стариков готовить: оставшись без женщин, мужчины выясняют, что готовить не умеют.

В центре есть служащие, которые занимаются похоронами.

Во второй половине дня были на ферме. Хозяина зовут Йорген. Тридцатипятилетний парень, четверо детей, здоровый, предприимчивый, любит эту жизнь и эту работу. Ферму купил в рассрочку на 30 лет, взяв ссуду в банке. Много модернизировал, сейчас у него 90 коров, было 25. Механическая дойка. Все: ох и ах, вот бы нам так. Я стал потихоньку расспрашивать — и оказалось: за 1 га зерна государство приплачивает фермеру 2 300 крон, за 1 га зеленого гороха — 3 200 крон. Создана и отлично

работает вся сложная система, соединяющая саму ферму с внешним миром. Через день приезжают за молоком, и к этому времени весь удой за два дня должен быть охлажден.

Наибольшее впечатление произвел следующий эпизод. Во время дойки одной корове поставили переносной доильный аппарат. Корова оказалась больной, она мечена специальным бандажом на задней, обращенной к дояру ноге. Корова эта, по словам хозяина, получает бициллин. Самое неожиданное — что из этого индивидуального доильного аппарата молоко вылили просто на землю. Оно плохое.

Телята выпаиваются через специальный прибор, в котором все время разводится новая и новая порция теплого молока. Но молоко здесь специальное, фирменное, предназначенное для откорма телят, сухое. Трехнедельных телят фермер продает специализированной голландской фирме на доращивание. На ферме управляются только два человека, потому что дойка автоматизирована, потому что навоз откачивается в специальные бункера, потому что ферму можно не отапливать, и она не утеплена — климат; потому что климат позволяет растить траву и зерно без полива, с запасом вегетационного периода.

Готовы ли мы, на нашей родине, под водительством лидера партии фермерского крестьянства г-на Черниченко, к подобному? Нет, не готовы. Потому что нет дороги, потому что подвозить из Голландии сухое молоко дорого, потому что может возникнуть перебой в электричестве, потому что дояр не выплеснет на пол испорченное молоко и погубит всю партию, потому что фермер запьет, потому что нет телефона, потому что сегодня выходной у ветеринара, проводящего искусственное осеменение.

Но тем не менее все увиденное производит впечатление. Телята, уход за ними, миксеры, в которых смешивают корма, тракторы, установка для доения, сам фермер, свободно объясняющийся по-английски. На последнее хочу обратить внимание — это свидетельствует лишь о том, что парень хорошо и добросовестно учился в средней школе и один год в своем колледже. Ничего другого он не кончал. Он все имеет, но он весь в долгах. Ему бы только не сломаться. Мне все это было очень интересно.

Я задавал так много специальных вопросов за угощением, которое нам поставили во вполне комфортабельном фермерском доме, что хозяин спросил: «Этот профессор — специалист по сельскому хозяйству?»

Вечером начал обрабатывать текст пятой главы: все довольно плохо. Скучно, подробности интересны только для пишущего. Наверное, неудача. Но нет и мысли сдаваться. Надо или

выбрасывать, или обогащать.

Возвращаясь после посещения центра в гостиницу с одной из наших милых сопровождающих дам, я обнаружил, что возле магазина, где продаются ковры, в шезлонге, тепло одетая, сидит с книгой в руках вполне интеллигентного вида женщина. Мне объяснили, что в магазине объявили пятидесятипроцентную скидку на ковры на завтра, и дама хочет быть в завтрашней очереди первой.

5 февраля, пятница.

Утром — морской музей. Это на берегу: несколько деревянных одноэтажных домов, соединенных коридорами; внутренний двор, в котором находятся несколько военных кораблей, лежат на подставках мины и стоит большая подводная лодка. В музее много поучительного, а самое главное — он говорит о сложности устройства мира. Полазил по подводной лодке, которая больше всего нравится Ване и Эспиону. В принципе, это, конечно, плавучий гроб, и жить в ней страшно. Все, казалось бы, направлено на развитие человека, но, видимо, это особенность датской культуры, она не в слове, не в движении отвлеченной мысли, а в обустройстве самой жизни, в ее материальных щедротах.

Потом были у Пола, Аннета кормила нас ужином, и поехали на другую ферму. Это произвело на меня очень большое впечатление. Дом, где прожили четыре поколения предков. Старики. Все чистенько.

7 февраля, воскресенье.

Сижу в самолете «Аэрофлота», но в «боинге». Это что, свойство наших предпринимателей: немедленно забывать об интересах страны? Но первый шаг в этом направлении, наверное, сделал наш президент. При том, что у нас были такие машины представительского класса, как ЗИЛ, пересел на «мерседес». Курчавый «купидон» Немцов в одном был прав: чиновник должен ездить на своей, родной, российской машине. Деньги из бюджета по возможности должны поддерживать собственный народ и собственную промышленность. Итак, я сижу во вполне удобном «боинге», командировка закончилась. За иллюминаторами вовсю валит снег.

Из Ольборга долетели благополучно. К счастью, нас тут сразу же встретила Марина, та же грузинка, которая встречала нас по дороге в Ольборг. И на этот раз она проявила к нам чудеса внимания. Из аэропорта ехали 15 минут, 20 крон стоит коллективный билет и 30 — обычный. И сразу же пошли в

глипотеку — музей в центре города. По воскресеньям он открыт бесплатно. Старинный музей с огромным зимним садом в центре, прекрасно освещенными залами и новыми пристройками. Особенно хороши отделы древнегреческий, римские — достаточно саркофагов и надгробий, и очень сильны залы, посвященные Гогену и импрессионистам. Есть даже у Гогена пейзажи с коровками — фоновые пятна все те же, что и на таитянских картинах: надо не забывать, что женой у него была датчанка. Есть один великолепный до подозрения в подделке Ван Гог и прекрасная скульптура Родена. Целый зал портретов, в том числе — Виктора Гюго, Пюви де Шована, Клемансо. Все это интересно. Рядом с этими вещами остальные — пресны и мелки. Будто бы даже и не одно время. Я опять вспомнил о нас. Ведь даже мне попасть в музей нынче не так уж дешево. Но, видимо, это знак эпохи: министерства культуры и высшего образования работают сами по себе, а эти самые высшее образование и культура — по-сиротски.

Приехал домой около трех часов ночи.

8 февраля, понедельник.

В Москве. Мельница на весь день. Самое приятное — это порядок, который новый референт Сережа навел у меня в кабинете. У него поразительное умение везде все приводить в порядок. Здесь не только строгий фильтр посетителей и звонков, но и постепенное приведение всех дел в стройный логический ряд. Если и дальше так все пойдет, то я из него сделаю человека.

Звонил Сережа Кондратов: он дает деньги на призовой фонд фестиваля «Литература и кино» в Гатчине и обещает приехать сам, дает и призовые книги. Толстого решили заменить академическим 24-томным Пушкиным. Какой он, все же, молодец.

За институт все время волнуюсь, проживем ли. Начался откат и платных учеников.

Утром созвонился с Эдуардом Лимоновым — тот обещал быть завтра на семинаре.

Наш редакционно-издательский отдел приподнес мне подарок: вышел очередной «Вестник».

Был В. И. Гусев. Он издал свои дневники за 93-й год. Я сунул в них нос и опять позавидовал. Все чрезвычайно просто. Но — держит аромат дней и какая-то удивительная смесь политики и личного. Определенно здесь нащупывается если не новый жанр, то какое-то своеобразие жанра.

9 февраля, вторник.

Лимонов, которого в институте я слышу не в первый раз,

пришел как миленький. Подарил мне свою «Лимонку». Был, как всегда, в черном, седой. Руки. Кисти крупные, мужские. Сегодня он был особенно интересен. В аудиторию Долматовского набралось пол-института. Лимонов говорил о рефлексии и нестойкости интеллигенции, нападал на Пушкина и Достоевского. Многое в его нападках было искусственным, но в целом — хорошо возбуждало нашу молодую публику. Глядя на него, я думал о том, сколького можно добиться путем самообразования. Крепкий и толковый мужик. Он называет себя еще и политиком. То, что он сделал ставку на молодежь, свидетельствует о многом.

10 февраля, среда.

Умерла Айрис Мердок. Конечно, как говорят, в Англии ее давно уже не читают, но это великая представительница профессорской прозы. На всех она оказала очень большое влияние. Мне кажется, что в ее смерти заключен некий знак для Сережи, который пишет диссертацию о ее прозе.

Утром был в «Терре» у Кондратова. Договорились о моей новой книге писем. Я должен сделать ее как некий учебник.

В институте сегодня в шестой раз состоялась панихида по А. С. Пушкину. Как всегда — на втором этаже, в зале, где портрет Горького и высказывания наших классиков. На этот раз служил Вигилянский, муж Олеси Николаевой и отец нашего студента Коли Вигилянского. Он бывший наш студент, а теперь священник университетской церкви на Моховой, где отпевали Гоголя. На меня произвело большое впечатление, что он несколько раз сказал об учившихся здесь и «прежде начальствующих». Многих ребят из хора я вижу в шестой раз.

После панихиды пили чай и более крепкие напитки в деканате. Вигилянский, говоря о прежних гонениях на церковь (самые жестокие были при Хрущеве), рассказал такой изумительный факт. Будущий диссидент, генерал Петр Григоренко, командовал взрывом храма в Витебске.

11 февраля, четверг.

В три часа собрание прозаиков в Московском отделении. Здесь начались распри, вызванные тем, что на каком-то внутреннем конкурсе члены бюро секции прозаиков поделили премии только между своими. Лауреатами стали председатель бюро, секретарь, члены бюро. Премия называется Пушкинской. Сюда наслоилась обычная ситуация со сменой поколений. Молодежь всегда права, торопя отжившее; а в наше время и в нашем деле — как никогда. Сейчас происходит и смена стилей, и

смена манеры письма, вызванные эпохой. Нам, конечно, не очень хочется отдавать позиции, но ведь ничего с этим не поделаешь. У нас другие вкусы, другие подходы, мы по-другому смотрим на типическую ситуацию, и в том числе на ситуацию в литературе. Почему же только из нас, стариков, должны состоять все бюро, все жюри? Почему мы должны оценивать молодых со стороны наших представлений? Во главе бюро стоит Валерий Рогов, со своей немыслимой амбициозностью и величием. У него неизбежен был конфликт с Гусевым, человеком и совестливым, и порядочным, и прямым. В ответ на эту прямоту Гусеву всегда клеят только одно: его умение выпить и любовь к этому. Потом, наши писатели ничему не научились, они по-прежнему думают, что все в писательском деле равны, у них по-прежнему в моде некий залихватский стиль общения. Гусев очень хорошо ответил на наскоки: «Я защитил две диссертации, написал и издал 32 книги и около 900 статей в периодике. Мое так называемое пьянство мне не мешало. А в принципе, у большинства не хватает ни ума, ни таланта, ни умения себя вести». Меня партия Гусева специально вызвала на собрание, и Гусев внезапно для меня объявил мое выступление. Говорить мне было легко, потому что ничего не выдумывал. Тезиса было три: Гусев как преподаватель, как мастер и как наш литинститутский очень уважаемый человек; Гусев как человек, который держит московский Союз писателей; конфликт в бюро как неизбежный конфликт поколений. Я привел свое недавнее наблюдение, как наша литинститутская молодежь смотрит на молодых мастеров. Слушали очень хорошо, без реплик.

Само собрание пересказывать не стану. Меня удивила масса плохо одетых и несчастных людей, которым внушили, что они все очень хорошие писатели и не знаменитые только потому, что нет обстоятельств. Если бы не институт, то в этой массе мог быть и я.

Очень хорошо работает Гончаренко.

13 февраля, суббота.

Был на спектакле «Лес» Островского. Это старый спектакль с Дорониной. Я наслаждался пьесой и спектаклем. Какая жалость, что я не видел больше ни одного спектакля, чтобы сравнить. Весь зал был набит молодежью, и, как ни странно, никто не ушел во время этих совсем не кинопредставлений. Сидели, как мышки, всю длиннющую пьесу. Мне кажется, что процессы внутренней кристаллизации стали очевидны: МХАТ им. Горького постепенно становится «Комеди Франсез» — здесь сохраняется классический репертуар; а во МХАТе им. Смелянского — совсем другая политика: этот театр постепенно становится театром

«Современник».

Особенность драматургии Островского — это прямое формулирование.

Относительно последнего: хорошо бы написать пьесу, взяв за дальний прототип Волчек. Директриса и депутат Госдумы. Дальше надо все придумывать. Театр на многих сценах, без души и без искусства. Одним из героев можно было бы сделать и моего друга Вульфа.

Очередной материал для «Труда»:

«Зинаида Гиппиус в своих «Дневниках» писала приблизительно следующее: пишите мелочи, главное и без вас напишут. Поэтому пропускаю и главное, и наболевшее: и пожар в Самаре (в любой другой стране кто-то здесь ушел бы в отставку), и вердикт американского сената (если кто-то предполагает, что Клинтон молодец, то не я: и врал, и изворачивался, что не к лицу президенту), и вызреваю-щую американскую агрессию против Югославии (если нашему министру обороны кажется, будто он к этому не причастен и к этому не причастен развал наших вооруженных сил, то министр заблуждается). Пропускаю и резко набирающий силу и качество, в отличие от всего нашего телевидения, канал «Культура».

Тем не менее я хотел бы привлечь внимание общественности и телезрителей к передаче «Спросите у Лифшица». Бесспорно, что это прелестный человек, острослов, вспомнивший ароматное слово наших детских подворотен «не жадничайте», выдающийся экономист, так невероятно поднявший вместе с Кириенко и Черномырдиным нашу экономику. Но вот после одной из его передач моя жена не только забрала 150 или 170 долларов, которые у нее лежали в Сбербанке, но сняла все, что у нее хранилось и на пенсионном вкладе в российских рублях. Лифшиц рассуждал о банках и экономике. Вот она, сила телевидения!»

В «Независимой» обращение «К гражданам России». Его содержание: «Страну все более захватывает волна коммуно-фашизма». Пафос обращения: «Убийство Галины Старовойтовой, все учащающиеся вспышки антисемитизма, решение Думы возвратить на Лубянскую площадь в Москве памятник кровавому палачу Дзержинскому, бесстыдное воспевание Сталина и сталинизма, предложение Селезнева о восстановлении каторги, попытки подкрасить языческую коммунистическую идеологию православием — все это звенья единой цепи». Самое интересное здесь — подписи: «Б. Васильев, А. Володин, А. Гербер, Д. Гранин, В. Оскоцкий, А. Приставкин». Почему некоторым так нехорошо от православия?

15 февраля, понедельник.

Сережа Толкачев в разговоре сказал, что его сын питается и имеет в детстве значительно больше, чем он сам в детстве. Вот картинка: «Мясо мы ели лишь один раз в неделю по воскресеньям, все остальные дни — кашу и овощи».

Весь день работал, как машина. Написал рецензию на Машу Лежневу, к ее диплому, и Сашу Родионова. Каким-то образом я их выучил. Маша пишет удивительно просто, но с хитрецой. Она, скорее, не знает, но чувствует жизнь. Ее проза, модель для которой я взял у Елизаветы Ауэрбах, не современна, но читабельна и интересна. Без малейшей потуги стать знаменитой или великой писательницей. Писательницей Маша станет. Саша очень одарен, его грузинский акцент создает в его прозе особый эффект, но в его воспитании очень чувствуется влияние семьи и деда Анатолия Гребнева: он не любит русских людей (они все у него лишены тонкости) и готовит себя к поприщу знаменитого сценариста.

Был Андрей Москвин, приятель Андрея Полонского. Андрей сейчас опять уехал с нашей легкой руки в Италию преподавать русский. Из университета за столь частые отлучки его освободили. Андрей Москвин живет и работает в Варшаве. Советовался со мной, где бы лучше пристроиться на кафедре славистики. А начинал-то как полонист, уехавший на стажировку для диссертации. Вот так мы сами готовим диссидентов и невозвращенцев. С некрепкими умом и волей, они прельщаются той жизнью, а потом, чтобы оправдать себя, начинают поносить нашу.

В сущности, и Солженицын знает, что он писатель, почти полностью лишенный воображения. Он сейчас на положении Льва Толстого; этому положению надо соответствовать, но соответствовать не получается. Его новая вещь называется «Угодило зернышко промеж двух жерновов». Это, естественно, все о нем. Тоже мне, «зернышко».

Написал письмо Т. В. Дорониной. Это — впечатления от ее спектакля «Лес» и некоторые вопросы по открытию новой специальности.

16 февраля, вторник.

Читал этюды к сегодняшнему семинару. Постмодернизм наложил на нашу литературу мертвенную печать. Никто не хочет заниматься спокойным и медленным текстом. Надо бы было отметить Бойко, но он уже стар; и Харченко, но он слишком молод и еще не наработал вкуса. Те, кто умеют, не видят вокруг; а те, кто видят вокруг, не умеют строить фразу.

Был в общежитии. В новых туалетах стало значительно чище: сработал «эффект метро». Раньше в московском вычищенном и вылизанном метро никто и бумажки не смел бросить.

Вечером позвонила Таня Бек: у нее обокрали квартиру. Вытащили компьютер, телевизор, духи, как ни странно, не нашли 200 долларов, которые у нее хранились где-то в книгах.

Семинар у меня прошел очень удачно. Особенно хороши были Чуркин и Савельев.

Вечером я должен был поехать в Одинцово на благотворительный бал, посвященный Пушкину. Звонила мне об этом сначала Инна Макарова. Прислали билет, пропуск на машину, список приглашенных. В примечаниях значилось: темный костюм или смокинг. И чествования, и обед, и вальсирование. Не было только меню. Посмотрел на список приглашенных, меня в нем не было. Видимо, начали приглашать, когда другие почетные гости стали отпадать. Ой как надоело быть фоном для политиков и деятелей. Не поехал. День завтра тяжелый и ответственный. Институт занимает меня все больше и больше.

В Москве, как и во всем мире, жуткий протест курдов против выдачи их лидера Оджалана. Мы все поддерживаем абстрактный закон и абстрактную демократию. Ведь эта же самая Турция, интересы которой мы сейчас блюдем, все время поддерживает Чечню. С Курдистаном у нее такая же ситуация, как и у России с Чечней. Большая страна не хочет нарушать своей целостности.

Скандал с подписанием договора с Украиной и взрывы в Ташкенте. Новые режимы балансируют.

19 февраля, четверг.

Вчера состоялась защита шести дипломных работ, трое из ребят мои: Маша Лежнева, Саша Родионов и Таня Тронина. Двое последних получили «с отличием». Машенька открыла новую тенденцию на подобных экзаменах: она прочла отрывок из своего романа. К сожалению, я сам не проследили — делала она это не очень отчетливо и по-бытовому. Пятерочку получила бы и она, если бы втихаря от меня кое-что в диплом не вставила. На этой комиссии был Игорь Ляпин — первый секретарь Союза на Комсомольском — и Светлана Дульченко — секретарь приемной комиссии. К сожалению, не был Тимур Пулатов. Я всех их включил в Государственную комиссию. Это моя попытка не только раздать нашим выпускникам союзовские билеты, но и навести мосты между Пулатовым и Ганичевым.

Татьяне Бек вставили в дверь замок, ездил Денис, наш институтский плотник. Татьяна задает вопрос, почему обокрали

именно ее, самую бедную в подъезде. Поэтому и обокрали; но еще это означало, что судьба от нее что-то хотела. Как от меня отвела, с кражей Алексеем денег. О его поступке я думаю постоянно. Он не укладывается в мои представления о человеческой бытовой этике. Значит, эта этика исчезла? Значит, она существует только в моем воспаленном литературном сознании? Татьяна, полупьяная, позвонила вечером и сказала, что я самый лучший человек, потому что единственный сразу же предложил действенную помощь. Как же люди обозлены и изверились, если естественную реакцию руководителя принимают за его исключительные качества.

Вечером В. С. рассказала мне, что встретила пьяного хозяина Орбита, прелестного добермана-пинчера, который вечно так носился, будто бежал стометровку, — собака сдохла. Я сразу же почувствовал, что у меня плохо с сердцем.

21 февраля, воскресенье. Для «Труда»:

«Ежели ТВ постоянно рассказывает нам о слухах в коридорах и на кухнях власти, то почему бы и нам в отместку о них что-нибудь не пофантазировать? Ну, например, что старые корифеи начинают пробуксовывать на своей наезженной либеральной колее. Конечно, есть фактор привыкания, но Любимов уже не кажется нам таким обаятельным и новым, Сорокина не каждый раз справляется со своим «героем», Миткова воодушевляется только тогда, когда идет речь о коммуно-фашизме, Сванидзе тасует только собственную колоду персонажей, и все они у него пиковой масти: или Чубайс, или Гайдар. Но грядет смена. Вот уже и Кучер из «Обозревателя» вовсю переиграл хитроумного Евгения с его «Итогами». По крайней мере, воскресный «Обозреватель», где Кучер был талантлив, непредсказуем и отчаян, — это уже если и не явление, то некий обнадеживающий факт «голубого» экрана. Боюсь, что старая мысль демократов — об обществе, которое обновится только со сменой поколений, — действительна и для ТВ. Это общее рассуждение.

Из частных — это прекрасная передача о черновиках Пушкина в субботу по каналу «Культура». В передаче принимал участие наш знаменитый писатель Битов, который так удачно (под аккомпанемент ансамбля) и выразительно проборматывал черновики «Бесов»: «Мчатся тучи, вьются тучи, невидимкою луна…». Но в связи с этим хочу поделиться своим уже не новым впечатлением. Мне почему-то кажется, что грядущий юбилей Пушкина превращается в повод для разнообразных шоу, передач вокруг и по поводу, необязательных речей, незамысловатых карнавалов, в праздник по случаю. Но ведь существуют еще и сами

знаменитые тексты, которые хорошо бы поактивнее внедрять в общее сознание народа. В этом смысле предыдущий режим был попоследовательнее. Звучал сам Пушкин в знаменитом исполнении знаменитых актеров. Мы ведь все только клянемся в любви к поэту, а его надо сначала знать. Из знания и придет любовь».

23 февраля, вторник.

Семинар. Рецензии на Эдельмана и Никитину, отправка автобуса в Гатчину. Не забыть бы в дневник, в соответствующее место вставить отказ Минкультуры в финансировании гатчинского фестиваля. Тут же привожу фрагмент меню банкета, чем потчевали на премьере фильма Михалкова «Сибирский цирюльник»: «блины масленые, икра зернистая каспийская, форель гатчинская с листьями салата и клубникой в соусе из обжаренных грецких орехов…» — «МК».

На пресс-конференции Генриетта Карповна очень интересно и достойно говорила о В. С. как о человеке, пробившем этот фестиваль. Это верно: Г. К. схватила за горло городское начальство, а В. С. меня — вот фестиваль и получился.

Открытие состоялось, может быть, удачнее, чем в прошлые разы. Уже не было танцев: детских танцевальных школ, театров моды (последние за свои экзерсисы на сцене попросили деньги), все было академичнее и строже. Выкликали актеров (их было много, и крупных), хотя Ленинград на этот раз, в связи с отсутствием Леонова-Гладышева (с ним и с Титовым Генриетта Карповна тоже в ссоре, и я ее понимаю), присутствовал по-другому. Без мелочевки. Но были Лавров, Трофимов. Ребята устроили из общего фестиваля свой собственный праздник.

Мне пришлось сказать небольшую речь, которую все сочли очень удачной. Я говорил о «частном» фестивале. Это не государственный, как раньше, фестиваль, а частный. Мой, Генриетты Карповны, Вал. Серг., Блинова, губернатора. Мы сделали его через силу, а государство устранилось. Даже те деньги, которые были посланы от имени института, получил за рекламу воды. Копеечка в копеечку.

Коля Романов пел две собственные песни «к проектам фильмов»: «Юнкерам» и «Затмению Марса». Его голос и его пение я люблю. Но лучше бы он не пел. Многие потом подозрительно спрашивали, не мои ли это стихи.

26 февраля, пятница.

Второй день фестиваля. Утром смотрели «Без обратного адреса» — фильм по сценарию Вал. Азерникова и по его же повести. Режиссер Константин Худяков, бывший актер. Все: и

повесть, и постановка — дурного вкуса. Меня иногда удивляет, как люди сами не видят пошлятины, своих уступок низменным вкусам и низкой моде. А потом, где-нибудь за чашкой чая, рассуждают о высоком, судят Феллини или Ф. Абрамова. Мне всегда казалось, что знать собственное место — это главная задача деятеля искусств.

День чудесный. Весь фестиваль поехал на Выру. Я чего-то замешкался, меня подбросили на машине, но что-то было не рассчитано и пришлось обратно возвращаться со школьниками, на автобусе. Это было интересно. Поговорил с водителем и экскурсоводом. Жизнь в Ленинграде трудная. Мой репертуар был обычен: куда все подевалось, а дальше — практическая экономика. Кстати, в Выре я заходил в местное сельпо — разнообразие почти такое же, как и при советской власти. В такой ситуации, конечно, стыдновато участвовать в подобных фестивалях: мы ведь, в принципе, отгорожены прозрачной золотой стеной от народа. Власти идут на это потому, что надо сохранять видимость, что живем (по меньшей мере, почти) как раньше. Иначе — народ разорвет. Зрелища обходятся значительно дешевле, чем достойная жизнь для всех.

Пока шел в гостиницу, вырисовывались и статья для «Правды», и доклад для Кореи. В последнем случае, конечно, надо начинать как писатель, а не как экономист; то есть начинать с культуры. Интересный пассаж слышал на этот счет вчера по ТВ-6. Выступал специалист по ВИЧ-инфекции. Говорил, что денег мало, чтобы даже младенцев пролечить трехразовым специальным коктейлем (по закону государство должно это делать, как и во всем мире, за свой счет), не хватает, «а тут государство, видите ли, деньги дает на культуру, а не дает на СПИД». И этот человек — кажется, Коон — по-своему прав.

Вечером был на встрече в Выре. Все участники счастливы, что их провезли по набоковским и пушкинским местам. В силу местных правил, здесь даже помнят, что в этих местах есть и усадьба Рылеева. Кормили вкусно, по западным параметрам (не хуже). По своей привычке записывать меню, привожу и это, так сказать, в русском стиле: рыба заливная, селедка под шубой с луком и свеклой, хлеб собственной выпечки, бутерброды с красной икрой, рыба красная, ассорти мясное, похлебка в горшочке, тушеное мясо с картошкой в горшочке, печеные яблоки, чай, русский фрукт банан. Из-за привезенных из С.-Петербурга цыган все прошло несколько хаотично, без стихов и нашей актерской самодеятельности. Пели только Коля Романов и Игорь. Прошлый раз очень хороша была «Офицерская дочь», но тогда Коля пел ее один.

Поговорил с вице-губернатором Ленинградской области Воронцовым, он, оказывается, читает мою публицистику. А вечером в баре какой-то пожилой актер долго рассказывал мне о моем рассказе «При свете маленького прожектора». В советское время знаменитым можно было стать почти мгновенно.

Взялся за Валентинова и сразу понял, что начну сейчас писать одну из «дополнительных» глав к «Ленину».

27 февраля, суббота.

С утра смотрели фильмы. Во время фильма-балета «Петрушки» понял и идею, которой, наверное, руководствовались первые авторы: балерина-то достается арапу. Так и все наше время постепенно пододвигает нас к власти арапа. Чародей, который руководит театром, тоже фигура неслучайная. А вот все остальные: народ, ярмарочные зазывалы и балаганные зрители — все это лишь ансамбль. Арап с мечом и чародей. Бедный Петрушка, такова твоя судьба в России.

Итак, утром — «Голос», 45-й фильм Андрея Осипова — «Коктебельский дом» Волошина, Гумилев, Черубина де Габриак (габриак — корень засохшей лозы), Булгаков, Цветаева. Сделано ловко и хорошо, хотя есть некий политический нажим: ночами приходят к поэту в дом, чтобы обыскивать и брать инакомыслящих. В фильме много того, что лежит на поверхности рассказа о Волошине. Обедали «жюрящим» коллективом. Зинаида Григорьевна рассказывала о двух молодых вгиковских людях, написавших заявку на фильм о некоем внебрачном ребенке Ленина. Настойчивость этих хорошо воспринявших конъюнктуру людей увенчалась успехом. Вроде бы иностранные спонсоры дают деньги. Сейчас на ленинскую тему, оказывается (о болезни), собирается делать фильм и Сокуров, Арабов для него дописывает сценарий. Тоже исключительно остро чувствующие время люди. Я предпочитаю пропускать то, с чем не согласен; по крайней мере, как Сокуров, я фильма о Ельцине не делал.

После обеда показали фильм Игоря Апасяна «Притяжение солнца» по повести Брэдбери «Вино из одуванчиков». К сожалению, фильм растянут, но красиво и выразительно снят, чувствуются деньги, которые в него вложены. Растянутость приобретает характер всеядности, ползучести. Все по отдельности очень хорошо. Надо бы не забыть ряд сентенций, на которых держится фильм; например, о том, что с гибелью последнего участника войны за независимость она и закончилась. Здесь много прекрасных мыслей о жизни и смерти. Но не будем забывать, что все это — придумки автора. Игорь приехал из Праги, где он был на фестивале, вусмерть пьяный, с прелестным

мальчиком-актером, который у него снимался. Когда съемки о детстве этого мальчика начались, ему было 12 лет, а теперь — 20. Где же время, чтобы стать знаменитым?

«Железная пята олигархии» не имеет никакого отношения (кроме цитируемых текстов) к Джеку Лондону. Фильм скорее понравился. Очень не понравился сам Баширов: человек, для которого ничего нет, кроме него самого. Не тоталитаризм здесь обвиняется, а есть насмешка над членом партии, над диссидентом, над Крупской, над Лениным. Не все это, конечно, прочитывают. Фильм оставляет запах помойки. Надо очень точно выверить свою линию поведения на жюри.

Мэр Станислав Семенович Блинов давал торжественный ужин для ближних. Я сказал довольно умную речь о жюри, о том, что привыкли к нему, а люди в нем самодостаточные. Говорил о Клепикове, Новикове, Плаксиной, Скобцевой. Полагая, что на этом вечере мне больше ничего не надо, мою мысль никто не подхватил, и в мой адрес здесь — ни слова. Говорила еще Светличная. Она милая женщина, постится, и, я надеюсь, не из моды; но уговорам «мы в пути», «по принуждению» — поддастся довольно быстро. Актеры, которым так хорошо дается речь, которую они заучили, подчас, вставая, думают, что говорить — это их природный дар…

На вечере были, по моему настоянию, и «хохлы». Товар надо было подавать лицом.

У входа в кинотеатр стоит прилавочек с книгами издательства ленинградского Пен-клуба. Перечисляю всех авторов этого ряда, никак не внося своего тайного смысла в это перечисление: Михаил Кураев — 10 руб.; Израиль Меттер — 12 руб.; Илья Штемлер — 12 руб.; Семен Ласкин — 12 руб.; Марк Галлай — 12 руб.; Виктор Конецкий — 12 руб.; Александр Кушнер — 17 руб. Обидно только, что моя мысль справедлива.

28 февраля, воскресенье.

Звонил домой, там все не так хорошо. В. С. пошла гулять с собакой, и та ее каким-то образом толкнула; теперь у В. С. на шее гематома. Это все меня волнует и не дает по-настоящему жить.

Приехал Леша Тиматков и теперь будет заниматься ребятами. Писал ли я о том, что и последний раз застал наших мальчиков вольно отдыхающими? Вечером я вошел в кафе на четвертом этаже: ну, все, естественно, пьяны. В середине кафе на пластмассовом стуле сидит белорусский режиссер в пальто и шапке и спит. В этот момент, стоя на столе, Миша Свищев в своем черном пальто и белом шарфе, как поэт в кино, читает стихи. Чтобы освободить место мне, ребята сдвинули столы,

предварительно, на стуле же, отнесли в сторонку режиссера. Режиссер не проснулся. Может быть, они праздновали свой поэтический дебют где-то в районе?

Сегодня смотрели прелестную маленькую мультипликационную картинку «Лягушка-путешественница». Здесь хорошая смесь сказки Гаршина и новых современных фраз. Мило и современно.

«Я первый тебя увидел». Детский фильм Валерия Быченкова по повести Л. Пантелеева. Все очень незамысловато, дело происходит во время финской войны. Главный герой — время, сталинское. Объективно в картине (очень жестко) показана система. Как некая существующая и привычная данность. Очень точные детали, одежда, обувь, мебель, привычки. Незамысловатость — главный ее враг. По крайней мере, Володе Вишнякову из «Правды» это все очень не нравится. А мне все это кажется значительным. Прекрасно и совершенно неузнаваемо играет Игорь Горбачев, и очень интересно — Юрий Кузнецов.

«Заман-Ай» — казахская картина по повести Сакена Жунусова: революционные годы, исход дунганов в Китай и символическое возвращение через много лет мальчика, сына героя, обратно на родину. Интересно, Жунусов написал это все до перестройки или после? Мне это было интересно только с точки зрения исторической. Какие просторы, какие огромные пространства — и это все мы отдали. Мое любопытство мне всегда мешает в оценках, делая эти оценки более снисходительными. В титрах картины стоят только казахские имена: это все выпускники ВГИКа. Значит, научили. Тем не менее в картине есть и антирусские штрихи.

1 марта, понедельник.

Утро началось с просмотра вгиковских лент. «О том, как Колька и Петька летали в Бразилию», «Ночь перед Рождеством», «Двинский чай», «Мертвое тело», «Утюг, или несколько выстрелов». Есть ленты и интересные, как, например, анимационный кукольный фильм «Ночь…» или фильм по роману С. Клычкова «Засахаренный немец» — «Двинский чай». Тем не менее я все время пытаюсь найти мотивы таких постановок, как, например, «Мертвое тело» — почти анекдот; или «Птицы без лапок» — тридцатипятиминутная адаптация пьесы Теннесси Уильямса «Орфей спускается в ад». Столько раз эту пьесу играли выдающиеся актеры! И почему наш молодой человек или девушка сразу начинают с пьесы зарубежного и модного классика? Близко лежит? Или — уже прочитанное, и можно лишь аранжировать? Кстати, чуть позже (не делай скоропалительных выводов) загадка

разрешилась. Сережа Головачев заканчивал актерский, 4 года играл у Дорониной, заканчивал ВГИК. Надо было делать отрывок — сделал Уильямса; срочно надо было сделать дипломную — написал сценарий по Чехову; оказалось — слишком дорого, мастер вспомнил об отрывке из Уильямса. Денег дали мало, отрывок пришлось сократить, декорации Головачев построил своими руками. Вот и еще одна иллюстрация к теме искусства.

После обеда — два огромных фильма: казахский «Юность Жамбыла» и трехчасовой «Минувшие дни», фильм узбекский. Мои специалисты увидели и плохую режиссуру, и растянутость. Ну почему мы должны специфический кинематограф Востока судить оценками Запада? Самое интересное, что оба фильма были хорошо приняты публикой, никто не уходил. Мне было интересно. Узбекский — зная Узбекистан, его историю и географию, я все время разгадывал разные ребусы: антирусские мотивы, географию. Много для меня неизвестного было связано и с бытом. В казахском фильме я все время помнил, что это Джамбул. Интересна была разница с каноническим обликом советского поэта и новым мифом. Кино много открыло из действительной правды: и само состязание акынов, и аристократические претензии постановщиков на родословную поэта-орденоносца. Хороша сцена родов во время зимней кочевки. Меня всегда интересует технология жизни.

Вечером долго сидел в баре вместе с Симакиным и Сашей, был Вадим Потемкин. Последний жал на меня с Башировым и рассказывал о книге «Неизвестный Петербург» — это какие-то петербургские гомосексуальные связи. Я все больше и больше склоняюсь обменять Баширова на нормальных людей, которым надо помочь и которых надо порадовать. В качестве маневра можно разбить три главных приза на пять. Все становится интересным. Интеллигенцию захватила волна разговоров о национал-большевиках. Но все хотят быть интеллигентными.

2 марта, вторник.

Уже второй день я болею: простудился, не высыпаюсь, из носа течет. Правда, отчаянное чихание — это признак перелома. Дай Бог. Но это моя жизнь: через силу.

Утром смотрели последние остатки и (уже за обедом) схлестнулись. Здесь две точки зрения, одна — Юрия Николаевича Клепикова, человека, конечно, большого вкуса, но проповедующего либеральные ценности. Это демократическое крыло отличалось безразличием к таким понятиям, как Родина, ценности Отечества, объективность исторического процесса. Юрий Николаевич безоговорочно требовал признания лидером

фестиваля Баширова. Но здесь показали фильм Грымова «Муму» с его удивительной стилистикой и добрым взглядом на русского человека, и я решил сопротивляться. Фильм Грымова, может быть, и не сильнее Баширова, ибо зло всегда показывать проще, — но ёмче, бескорыстнее. Я понимал всю убогость «Железной пяты», но противопоставить ей было практически нечего. Клепиков — это демократия в действии и, конечно, огромный личный эгоизм. Если вы не согласны со мною, я оставляю за собой право на пресс-конференции высказать свое особое мнение. Мне приходилось думать о фестивале. Интересную мысль высказал директор «Ленфильма». Воспиталось целое поколение художников, ориентирующихся на узкопартийные вкусы критики. Уже при голосовании большинство почти на любые предложения находило какие-то возражения. Все, в общем, в белых фраках, а брызги — на меня. Естественно, при голосовании Новиков уклончиво воздерживался. У Зинаиды Григорьевны свои резоны, чтобы и не очень не любить Грымова, и косвенно поддерживать Баширова. Она, по ее невольному признанию, продает права «Олигархии» ТВ. Решили так: Гран-при «Гранатовый браслет» не присуждать. Вопреки обещанию, данному Сереже Кондратьеву, я разбил его деньги на две части. По собранию сочинений и по 2,5 тысячи долларов Грымову и Баширову. Баширов получает премию еще и как актер. Но Максакова, барыня из «Муму», тоже получает премию. Интересно, что другого актера на номинацию «Лучшая мужская роль» мы не нашли. Половина жюри хотела дать эту премию Горбачеву (он играл в детском фильме «Я увидел ее первый») — тут Юрий Николаевич стал говорить о маразме, о мерзавце. И это повторялось после любого нового предложения. Я высказал мысль, что, появись сегодня у нас на фестивале «Судьба человека» Бондарчука, то Клепиков заявил бы, что Шолохов плохой писатель, а Бондарчук плохой актер. Судя по бурной реакции Юрия Николаевича, я оказался прав. Потом мы, конечно, помирились; но я думаю, что победа Юрия Николаевича — это поражение. Я уступил ему как слабому.

3 марта, среда.

Только что закончилась церемония закрытия. На прием я не пошел. Федя сказал, что собирается выехать в Москву сегодня же ночью. Нет, определенно, он просто молодец. Вот наши-то литинститутские ребята будут разочарованы! Они-то собирались как следует гульнуть на приеме, а потом еще колобродить по номерам всю ночь. Кем я доволен, так это нашими ребятами. Их выход на закрытии был одним из лучших. Они вытащили

гигантскую трапецию с приделанными к ней крыльями-веслами. Все по очереди гребли и читали стихи. Стихи как труд на галерах. Но и взмах крыла Пегаса. Но главное — стоицизм в самой жизни. Надо постоянно делать усилия. На закрытии хорош со своими мимическими этюдами был еще Сережа Головачёв. Чудо как артистичен и талантлив. И картина у него была хорошая. Слишком много в России талантливых людей, поэтому и без работы сегодня. Своим поведением и решением жюри я недоволен. Мы стали работать против того, что собирались защищать. Против литературы. В этом виновата в первую очередь организация дела. Почему «Железная пята» попала в конкурс? Фильм не имеет никакого отношения к литературе. Только потому, что Дима Савельев дружит с Башировым, а Светлана Хохрякова строит из себя прогрессистку. Но из-за этого акценты смазываются. Мы совершенно не отметили картины, которые были бы отмечены, если бы общая диспозиция была другой. Вот он, тоталитаризм демократии.

Я в ужасе от того, что мне предстоит до 16 марта когда я улетаю в Корею. Защита, где у меня защищаются четверо, семинар и доклад на тему «Куда идет Россия?» Ленин опять стоит. Правда, я думаю браться за «окружение». Уже прочел книжку о «запечатанном вагоне».

5 марта, пятница.

Позвонил, а потом зашел на работу, мой племянник Валера. Его произвели в полковники, он просит 500 рублей — надо отметить это с генералитетом, а денег нет. А также он просит на один денек какой-нибудь мой костюм, потому что, кроме форменного кителя и свитера с джинсами, в которых он ходит мыть и сторожить машины, у него ничего нет. В костюме ректора его племянник будет на торжественном банкете по поводу производства его в полковники. Дожила русская армия. Не пишу о закрытии фестиваля, чтобы не переживать все заново еще раз.

7 марта, воскресенье.

Все дни после приезда из Ленинграда я живу под гнетом очень плохого самочувствия В. С. Каждый день у нее температура скачет до 40–41, ее тошнит. Врачи здесь ничем не помогут, так развивается ее болезнь. Мне стыдно быть еще внешне здоровым и молодым. Подавая ей питье и поддерживая под голову, я вижу, как постарело ее лицо. Теперь оно старше лица моей мамы, когда она умирала. Не дай Бог мне остаться одному. У меня все время навертываются на глаза слезы. Почему же в таких муках живет человек? У меня никогда бы не хватило стойкости, чтобы

вытерпеть то, что терпит она.

9 марта, вторник.

Все утро диктовал рецензии на дипломные работы пятикурсников. Я выбрал свободно-раскованную и объективистскую манеру, свойственную в институте, пожалуй, только мне. Рецензии получились разнообразными и индивидуальными.

У Леши Тиматкова родился мальчик. Будут называть его Егором. Это те радости жизни, которых я лишен. У В. С. температура, она еле спустилась утром, чтобы сесть в машину.

Вечером состоялся семинар. Обсуждали Ксению Королеву. Пишет она хорошо, но хорошо по-журналистски, нет в ее милых этюдах и рассказиках влажного дыхания жизни. Во время семинара заставил ребят подыскивать эпитет в строке Пушкина «Так выпьем же за……. союз, связующий Моцарта и Сальери». Называли все, кроме того, что надо — «сладостный». И как от этого правильного эпитета возвышается и переосмысляется фраза! Все искусство именно здесь.

10 марта, среда.

Наконец-то я разделался со своим пятым курсом. Состоялась защита у последних моих четверых учеников. Лена Нестерина и Света Пономарева защитились с отличием, а Оля Лифинцева и Катя Володькина — «успешно». Я очень волновался за результаты, особенно за работу Кати.

Домой подвозил Андрея Михайловича Туркова, говорили о потере обществом интереса к литературе. И ему неинтересно читать толстые журналы, и мне.

11 марта, четверг.

Я нахожусь в невероятных распрях с нашим арендатором Мишей Ф. Миша возглавляет отдел продаж квартир. Все началось с того, что я обнаружил — отдел продаж уже два месяца не платит. Практически, мне все здесь понятно. Никто не хочет платить из прибыли, а чтобы списать на затраты, надо зарегистрировать договор аренды в Москомимуществе или в Госкомимуществе. Но последнее почти невероятно, потому что все наши попытки и попытки арендаторов зарегистрировать наш договор с фирмой Ш. оканчивались неудачей. Никто этим заниматься не хочет. Ф., по слухам, хочет тихо слинять. Я не хочу обострять с ним отношения. Бодрый Володя Харлов сегодня принес слух, что не платящий аренду Миша купил себе новую машину немыслимой красоты и цены.

В три часа состоялся Ученый совет. Все было довольно буднично. Ю. И. Минералов, как всегда, завел какую-то мелкую склоку, а потом вдруг сделал небольшое, но очень содержательное сообщение о друге Пушкина Одоевском. Как все соединяется в одном человеке!

У В. С. температура стала нормальной. Но в больнице ей сделали рентген и обнаружили в легких остаточные явления после воспаления легких. Слава Богу, что ничего худшего.

По телевизору выступал Явлинский, которого принял президент. Судя по всему, президент опять опасается за свою власть и начинает шурудить. Явлинский сказал, что за год реальные доходы населения упали до 30 %. Единственно бесспорное о чем говорил Явлинский, — необходимы общественные работы. Дальше все — слова и слова. Что в нашей стране невозможно что-либо сделать с той системой собственности и хозяйствования, которая предложена нынешним режимом. Не деньги что-то делают в этом мире, а труд.

Получил очередной номер «Юности» с четвертой главой. Они дали там отзывы из Интернета. Само по себе это создает какой-то особый фон. Но главу эту я недолюбливаю, она кажется мне скучной.

По ТВ выступал Никита Михалков, которого ребята Лимонова (так, по крайней мере, говорят) забросали куриными яйцами. Уж коли ты выбрал публичную профессию, так держись… Я удивительно чувствую каждое движение Никиты Михалкова как рассчитанное. Но так оно, наверное, и есть. Вспоминается давнишняя фраза Михалкова-старшего о сыне как о президенте: «А что, разве был бы плох?». Значит, в семье этот вариант был сконструирован давно.

12 марта, пятница

Всю ночь думал и перехожу к боевым действиям. Коли Миша говорит, что у нас с ним нет договора, то, значит, договор отсутствует и на право стоянки его автомобилей. А посему говорю Леше Тиматкову, чтобы он отдал приказание закрыть проезд во двор для всех машин.

Именно это мое действие выманило Михаила Павловича из его уютной норки. Зашел, мы хорошо с ним поговорили. Для острастки я показал ему все свои фотографии, висящие на стенах: и с Примаковым, и с Ельциным. Парень этот мне определенно нравится, он как бы и не утверждает, что он самый умный и самый талантливый, ему повезло. Подробность о новых русских: интересно говорил о Флоренции. Несколько раз был там без всякого дела.

Заходил Котомкин, говорил, что ему рассказывали, будто бы я в комнате, где умер Платонов, держу обменный пункт. Показал Платоновскую аудиторию: вот и еще одна наглядность, как в собственных интересах умеют люди врать.

В конце дня разнервничался, и когда приехал домой, давление у меня было 200 на 100.

Самое сильное впечатление дня — это как на заочке Перушев из моего семинара прокалывал язык какой-то студентке. Я застал его со шприцем в руках, сначала подумал — наркотики, но оказалось обезболивающее. Он вставлял ей в язык какую-то модную металляшку.

13 марта, суббота.

В «МК» — символическая заметка, которую я жду очень давно. Она если не все, то многое объясняет в нашей жизни. Речь в этой заметочке идет о сыне зампрокурора России — неком адвокате Артеме Чайка, который отдал принадлежащий ему «мерседес» кавказцам, и на этой машине были совершены преступления. Самое интересное, что машина была снабжена документами спецслужб, дающими возможность ездить на ней без досмотра. Обычный рядовой случай. Но интересна статистика, которую приводит газета:

«Похождения сановных детей — «песнь песней». Число скомпрометированных родителей растет с каждым днем.

Неделю назад под колесами джипа, принадлежащего сыну Олега Сосковца, бывшего первого вице-премьера, погибли трое таджикских рабочих. В декабре 98-го на полтора года был осужден сын советника президента Сергея Красавченко. Его признали виновным в незаконном хранении оружия и подделке документов. Ранее на угнанном «Мерседесе-200» советничий сын сбил ребенка. Другой сын Красавченко в драке зарезал подростка.

В декабре 95-го за совершение разбойного нападения был арестован сын начальника ГУВД Московской области генерал-полковника Куликова, кстати, сам старший лейтенант ОМОНа.

Шестнадцать тысяч долларов в августе 98-го пытался провезти контрабандой в Германию сын курского губернатора, в прошлом вице-президента страны, Александра Руцкого.

В мае того же года с пакетиком кокаина наряд милиции задержал дочь исполнительного секретаря СНГ Бориса Березовского.

По подозрению в скупке краденого осенью 95-го допрашивали дочь Сергея Филатова, на тот момент руководителя администрации Президента».

17 марта, среда.

Сейчас почти бессмысленно писать о прошедшем семинаре, о повести Светланы Кузнецовой. О моих сборах в Сеул, о возне на работе. Хорошо, что я собрался еще накануне и взял с собой на работу вещи. Правда, еще надеялся часа в три съездить проститься с Валей. А уже потом — в аэропорт. Но в пятнадцать часов 16-го состоялся «наезд». Я начал коллекционировать свое немыслимое сердцебиение, этих огромных мужиков в куртках, отчаянный страх, западающий в душу. Все повторилось почти так же, как было при пожаре. Правда, сейчас я стал объектом косвенным. Чтобы не забыть (а я об этом никогда не забуду), скорее для того, чтобы вставить в ряд других событий, описываю и это. После обеда я зашел к Ольге Вас., стоял, что-то ей говорил в кабинете — и вдруг в кабинет ворвались трое громил. Я сразу же по их виду понял, кто они такие. Если о портретах, то один вполне интеллигентный, с ним-то я и перекинулся парой слов, а двое других — просто орангутанги. Какие-то уродливые, я их даже и не запомнил. Этот, условно говоря, интеллигент стал требовать Лаптева. Я спросил: по какому вопросу? По вопросу приема. Я ректор, я отвечаю за прием. А может быть, вы Лаптев? Нет, я не Лаптев. Я вспомнил, что у Лаптева что-то случилось в Белгороде, не следы ли оттуда? Ольга позвонила Лаптеву. Не можете ли вы оставить нас одних? Я сажаю Лаптева на место Ольги. И не успеваю я, оставаясь в предбаннике, вызвать Федю и случайно здесь оказавшегося Лыгарева, как трое выходят. Сидит растерянный и растоптанный Лаптев. Что? Они сказали, что мы получаем деньги за обучение, я делюсь с ректором — и требуют к пятнице 2000 долларов. У меня сразу мелькнуло: не штучки ли это Ольги, которая что-то подобное раньше проделала с Лыгаревым, когда он остался ей должен. Никто не мог предположить, что я буду в институте. Почему не шантажировали меня? Почему не прошли в кабинет Лаптева, а прошли в кабинет Ольги? Я впрямую спрашиваю у нее: не твои ли, голубушка? Входит Лыгарев, звонит в милицию, приезжает некто Сергей Сергеевич. Мы прокачиваем с ним ситуацию. Описать в дневниковом жанре все это невозможно. Тяжелый барьер на сердце — в самолете, в гостинице по приезде в Сеул. Все плывет мимо меня автоматически, держу себя к руках: как там? Все больше и больше анализируя, понимаю…

Забыть бы все это. Лечу в самолете бизнес-классом. Хорошо кормят. Сеул потрясает своими размерами. Мы все хотим от Востока экзотики, сохранения нравов и обычаев, чтобы было чем любоваться — а он уже другой. Уже несколько поколений живет с техникой и в современных домах. Это не Запад, а выбранный всем

населением оптимальный образ жизни.

18 марта, четверг.

Обед по случаю заключения договора между Литературным институтом и Университетом Конкук. В кабинете ресторана отеля «Шератон Волкер Хилл». Меню: 1. Кусочки утки по-пекински с маринованными овощами и теплыми гренками. Сливочное масло. 2. Суп из моллюсков с овощами. 3. Макароны с черной икрой и соусом. 4. Стейк с отварными овощами (я брал рыбу). 5. Десерт: шербет с клубникой, поданный на кусках льда в виде сердца, с горящим подо льдом огоньком (между льдом и салфеткой лежал крошечный фонарик). 6. Вафли круглые с кремом. 7. Кофе со сливками.

Подавалось все это на огромных фарфоровых тарелках, соответствующего или контрастирующего цвета каждому блюду, тарелках. Присутствовали, кроме самого президента университета, еще шестеро корейцев, мы с профессором Рёхо и Елена Леонидовна Лилеева. Но перед этим состоялась церемония подписания в кабинете у президента. Кряжистый улыбающийся кореец, биолог, занимается селекцией молочного скота. Кстати, у университета есть своя молочная ферма и, кажется, хлебопекарный завод. Были речи и в кабинете, и за обеденным столом. Я, по своему обыкновению, пытался шутить. Себе казался милым и остроумным. Пугают меня всегда только зеркала: эдакий урод.

Отодвинул, усилием воли, от себя московские проблемы. Вины за мной нет, а так — жизнь я прожил красивую, мучительную, пусть убивают. Надоело бороться.

Показали мне библиотеку, полную компьютеров. Все удобно, современно и рационально. Хорошо бы что-то подобное иметь в институте. Но купить у нас — дорого, потому что все через перекупщиков, занимаемся самодеятельностью. Возникла мысль, что скоро мы будем гордиться тем, что студент у нас работает не с экраном, а с книгой. Это не потому, что я консерватор — за пролистыванием книги мысли идут по-другому. В конце концов, этот дневник пишу же я на компьютере.

Перевезли во второй университетский кампус. Это два часа езды по скоростной трассе. Прелестный маленький городок, но поселили еще дальше: в роскошной гостинице, стоящей на месте горячих источников. У меня двухкомнатный номер с ванной комнатой и туалетом для гостей. Полы теплые. Хорошо. Из новинок техники — унитаз с подогреваемым сиденьем. Уже целый день идет дождь. Отодвинул окно во всю стену, вдалеке внизу — клубящийся неоновый туман и звуки дождя, хлещущего

по огромной террасе. Внизу, в холле гостиницы — выставка-продажа премированного на международных выставках фарфора. Это к 55-летию какого-то новейшего фарфорового производства. Вкуса и изящества все необыкновенного. Тарелки, чашки, сервизы.

Много говорили с Рёхо и Сим Сон Бо о Востоке, восточном видении мира, о социальных проблемах. 35-летний Сим Сон Бо, похожий своим изяществом и красотой на знаменитого китайского актера, игравшего в «Индокитае», оказался по мировоззрению социалистом. В юности он за эти идеи год сидел в тюрьме. Сейчас он ищет смысл жизни. Любит Россию, по-русски говорит книжно, путая ударения. Я выдвинул идею о страдающих странах и не страдавших. Среди не страдавших — и Америка, и Англия, и Франция, и Германия. Мучения после войны — это не страдания, а месть судьбы. Какие бывают полеты, когда говоришь, — а на бумаге все получается бледно.

Вчера читал Ленина. Не забыть кое-что добавить в верстку пятой главы из начала «Что делать?» Главным образом, о легальных марксистах. Пора начинать. Начну, наверное, с общих рассуждений. Мысли о Втором съезде и о Бунде. Но вообще-то, о евреях думать надоело. Начинать надо после уже готового кусочка с рассуждения о «свободе критики». Не забудем, Сергей Николаевич, что разрушение государства у нас началось со свободы критики. Все движется по моделям, которые мы все не можем запомнить.

19 марта, пятница.

Если о главном, больном и московском — то два ощущения: первое — все бросить, пора пожалеть и себя. Второе — не огрызаясь, готовиться и к самому худшему. Но только «если смерти, то мгновенной, если раны — не большой». Весь день действовал, знакомился с университетом, говорил с преподавателями — как в тумане, но часа в четыре дня (по Москве) все вдруг будто отлегло. Правда, уши у меня горят. Или вспоминают — или после сауны, в которую мы пошли с Кимом Рёхо и молодым Сим Сон Бо. Это опять горячие источники, однажды я лакомился ими в Японии. Эти моменты не забываются. И баня, и все в этой гостинице для меня, толстопятого, незабываемо. Большой зал с бассейнами посередине. По кругу в простенках установлены краны с горячей и холодной водой, души, по стенам зеркала. Все моются, сидя на маленьких пластмассовых скамеечках. Через окно виден водопад и еще один бассейн, уже на дворе, с горячей минерализированной водой. Незабываемое впечатление обжигающей воды и свежести горного

воздуха. Но лишь бы не заболеть!

Мое выступление в университете условно назовем удачным. Перевод был длинным, пришлось по ходу дела сокращаться; сбоку я видел, как двое ребятишек в амфитеатре откровенно спали. Милые сонные дети. Мне даже задали вопрос об истоках моего мировоззрения. Я ответил что-то туманное о русском менталитете, о философии православия и сказал, что огромное впечатление на меня произвел марксизм. Вопрос задавал очень милый молодой профессор-лесовод. Потом я его встретил на обеде. Но тем не менее дальше все пошло — как по-заведенному. Обед был в корейском стиле: с массой блюд, почти без тостов. Мне переводила профессор Ли — молодая худенькая женщина с тоненькими ножками. Мне уже сказали раньше, что именно она была противницей связей с нашим институтом. Но она сама три года училась в МГУ. Поэтому я стал говорить с ней как выпускник с выпускником, потом подарил книжку и букет цветов, доставшийся мне на встрече. Вечером она звонила мне в гостиницу, просит визу. Помозгуем и что-либо придумаем.

Снова водили по компьютерным залам, я все внимательно разглядывал и прикидывал, что можно пристроить у себя. Вера местного начальства в компьютеры безгранична. Но, полагаю, и студенты, сидя за своими интернетами и си-ди-ромами, тоже внушают себе, что они много постигают; на самом деле — постигают все не творчески, как мне кажется, скорее убаюкивая себя не самой работой, а процессом работы. Но мордахи у всех хорошие.

Вечером опять хорошо поужинали, на столе было блюд пятнадцать-двадцать. Все очень острое, но, как мне кажется, легкое. Для хорошего повара несъедобно только отражение луны в воде. Ким Рёхо и Сим Сон Бо, каждый, рассказали по своей истории. В частности, Сим о своем социализме, за который он отсидел год в тюрьме. В армии он не был, в его анкете есть пункт «опасное прошлое». Я опять подумал о нашей стране: если бы такой пункт был введен хотя бы в нашу политическую жизнь!

20 марта, суббота.

Невероятное чувство у меня вызывает зеркало. Чужой исстрадавшийся человек глядит на меня через стекло. Я еще знаю, как его терзают печаль, честолюбие и нездоровье. Как ему страшно иногда становится жить. Какая невыносимая боль, за близких, разрывает ему сердце. Я все время вспоминаю этих трех подонков, зашедших к Ольге в кабинет. Что-то здесь не то, что-то настораживает и вызывает чувство затравленности. И почему, спрашивается, я должен уходить, когда все вроде бы

налаживается. Эта моя поездка в Корею может стать поворотным пунктом, потому что корейские русисты хотят контактов и я столько сделал, чтобы создать для них базу. Вечером, уже в Сеуле, встречались в ресторане самообслуживания (в правилах шведского стола — любые напитки, вплоть до коньяка; такое возможно только в непьющей стране) с корейскими русистами. Поднимая тост, Ким Рёхо охарактеризовал каждого, я собрал со всех визитные карточки. У меня не оказалось только ни имени, ни фамилии самого старшего из них. Как сказал Ким Рёхо, когда в молодости он учил русский язык, то только по этому поводу корейская разведка через день стучалась к нему в дверь. Он перевел полное девяностотомное сочинение Толстого и кучу всего остального. Какова дерзость этих ребят. Самый молодой из них, эдакий крепыш в клетчатом костюме и очках, заведующий кафедрой университета «Данкук» Lee Hang Jae, мне чем-то напомнил молодого Цибульского. Он переводил Толстого и Достоевского. Особенно он мне понравился тем, что читает свой девятнадцатый век на русском языке. Диссертация у него была по Толстому. Полного, лет сорока пяти, корейца в очках — он нынешний президент корейской ассоциации русистов (всего в Корее 40 кафедр, занимающихся русским языком и литературой) — зовут Ju-Gwan Cho. Он — завкафедрой университета «Юнси». Тоже знаменитый переводчик древнерусской литературы. Hur Seung Chul — секретарь ассоциации, лингвист, владеющий русским, чешским, украинским и польским языками. Он защищался в Америке. Автор, вместе с петербуржцем Цветовым, учебника русского языка. Учебник надо бы посмотреть и сделать из него базовый для нашего института. Мы ведь столько занимаемся корейцами, а даже не смогли сделать несколько страничек методических указаний. Милая, по-европейски подкрашенная и вполне светская молодая дама — это профессор Myong Ja Jung. Она из «нашего» университета Конкук. Говорит по-русски средне, но писала об ахматовских переводах корейских поэтов. Книжечка долго у меня стояла на полке, а потом я подарил ее Сереже Мартынову.

Теперь — план за весь прошедший день: выехали утром, заехали на квартиру к Сону, позавтракали. У него — две прелестные дочки и влюбленная в него жена. В Сеуле были во дворце королевы. Ее убили в 1895 году, и это стало началом японской оккупации. Потом были на рынке, где я купил туфли для В. С.

Больше писать нет сил. Страшусь Москвы.

21 марта, воскресенье.

В самолете: «Человеческий мозг — не телевизионная пленка, хранящая любые картинки. Вот я помню еще тяжелые квадратные плиты двора королевы в Сеуле и еще могу вызвать их в памяти во всей их визуальной конкретности, но уже затягивается ряской забвения такой недавний Китай, и горькое китайское солнце, и милый переводчик Лю».

Я читаю, читаю, чтобы отвлечься, Ленина, и лишь отдельные места захватывают меня до видимых проблесков.

22 марта, понедельник. Для «Труда»:

«Каждая неделя на телевидении так неожиданна в силу изобилия политических всплесков и фактов культуры, являющихся или притворяющихся ею, что невольно приходится, дабы не впасть в грех перечисления, прибегать к сугубому индивидуализму. Итак, великолепный нестареющий сериал «Джузеппе Верди». Один из двух-трех сериалов, которые только и можно смотреть на нашем голубом экране. Но и в этом сериале есть сцены, которые невольно переплетаются с политикой. Вот, например, некий австрийский барон-цензор читает либретто новой оперы маэстро. Мне, лично встречавшемуся с советской цензурой один на один много раз, всё очень напоминает советские времена. Но тут же, по закону ассоциации, я думаю: что это там за правила о нравственности на экране изобрела наша Дума? По этому поводу у меня есть наблюдения бывалого человека: за все отвечают не мальчики и девочки на экране, а руководитель канала; в той же самой мере, как за страну в целом отвечает президент. Другое дело, что руководители бывают разных типов: один не смотрит на подведомственный экран, а другой не занимается страной».

Начальнику уголовного розыска
83 отделения милиции г. Москвы
Семенову А. И.;
РУОП г. Москвы.

Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Информирую Вас о следующем происшествии, случившемся в Литературном институте 16 марта с. г. между 15 ч. и 15 ч. 30 м. Я рассказываю об этом с известной определенностью потому, что часть событий я наблюдал лично.

В момент происшествия я находился в небольшом кабинете главного бухгалтера института, и у нас шел обычный рутинный производственный разговор. В это время дверь распахнулась и вошло трое граждан, требуя проректора по социальным вопросам Д. Н. Лаптева. Я спросил: «По какому поводу вы хотите видеть Лаптева?». Один из них ответил: «По вопросу приема в институт на платной основе».

Вся эта ситуация показалась мне неестественной и в известной мере меня испугала. «Что вам нужно? Я ректор института и одинаково отвечаю в том числе и за прием в институт.» — «Вы Лаптев?» — «Нет, я не Лаптев», — ответил я.

Я сознавал, что рядом, в бухгалтерии, находится наш шофер, рядом — хозяйственная часть, что в институте в это время находится начальник охраны. — «Нам нужен Лаптев».

Главный бухгалтер набирает телефон кабинета Д. Н. Лаптева, который находится на этом же этаже, и дверь кабинета которого, так же, как и дверь кабинета гл. бухгалтера, снабжена табличкой с его фамилией, — и тут же приходит Лаптев. Пока он шел, были какие-то незначащие вопросы, содержание которых я привести не могу.

— Дима, эти господа хотят говорить с тобой, — сказал я вошедшему Лаптеву.

— Мы хотим поговорить с ним один на один.

Д. Н. Лаптев сел в кресло бухгалтера, а мы с О. В. Горшковой вышли. Сразу же я крикнул в открытую дверь бухгалтерии: «Найдите Лыгарева» (начальника охраны).

На мой взгляд, беседа трех незнакомцев с проректором проходила менее минуты. Незнакомцы вышли, прошли мимо меня, мимо шофера, встретились на улице с начальником охраны Лыгаревым. Лаптев сказал нам следующее: «Они сказали, что знают, что у нас есть нарушения по платным студентам. Мы будем за вами тщательно наблюдать. Надо делиться, и в пятницу в 2 часа дня мы приедем за двумя тысячами долларов».

Через час, по телефонному звонку начальника охраны Лыгарева, приехал оперуполномоченный Уголовного розыска 5-го

отдела милиции Жестков С. С., который находится в дружеских отношениях с Лыгаревым С. И. С ним обсудили эту ситуацию. К этому времени мне уже необходимо было уезжать в аэропорт, ибо я улетал в запланированную намного раньше командировку.

Мы договорились с С. И. Лыгаревым, что он будет держать ситуацию под контролем и внимательно проследит всю ситуацию в пятницу, имея наготове помощь Жесткова.

Сегодня, после возвращения из Сеула, я узнаю следующие подробности. В пятницу гости не пришли. Но они позвонили накануне Д. Н. Лаптеву и сказали, что завтра, в пятницу, не придут, но чтобы Лаптев всегда был готов.

Следующий звонок от них последовал вчера, в воскресенье, 21 марта, в 20 ч. 30 мин., в номер институтской гостиницы, где Лаптев постоянно прожи-вает.

— Это ваши старые знакомые. Мы хотим сказать, чтобы вы держали деньги при себе. Мы вам сообщим, когда и где вы нам их передадите.

В этом звонке, который я описываю со слов Лыгарева, парадоксальным был один момент, который мог обнаружить только человек, знакомый с институтским положением дел. Звонок последовал на коммутатор гостиницы, через линию, только что введенную в строй, номер которой еще мало кому известен.

Прошу принять меры и обеспечить расследование данного инцидента.

Ректор Литературного института, профессор ***С.Н.Есин.***

P. S. Одновременно с этим заявлением посылаю заявление в РУОП г. Москвы.

Вечером, вместе с только что приехавшей из Марбурга Барбарой Кархофф, был в ЦДРИ на вечере Васи Мичкова. Он совершенно гениально читал «Евгения Онегина». Все главы, кажется, чуть ли не за четыре с половиной часа. Сколько возникло ускользавших ранее от меня подробностей! Как искусно Пушкин все время отдаляет и отдаляет действие, как удивительно пишет Онегина из косвенных деталей, как всплывает время из лирических отступлений. Все чтение, как я уже написал, длится около четырех часов; я, к сожалению, из-за усталости смог просидеть только первое отделение — две главы. Так тянет своей сиюминутностью телевизор — но какие впечатления от иной жизни, от свежего голоса, от вникания в речь, от запаха, наконец, старых кресел.

А в ЦДРИ встретил и сидел рядышком с Володей Андреевым. Познакомил его с Барбарой. Володя был галантен и обаятелен,

подарил ей книжку. У Барбары скапливается целая череда великих автографов.

23 марта, вторник.

С утра почему-то огромный, но слабый пульс — около 100, тем не менее поехал с самого утра, чтобы встретиться с Лыгаревым. Чувствовал себя так плохо, что пришлось в РУОП вместо себя отправлять Лыгарева с Лаптевым, хотя раньше я предполагал съездить сам. По их рассказам, когда они вернулись, офицер, которому все было рассказано, будто бы сказал: «Исходя из моего наработанного здесь опыта — это шантаж. И он может иметь два корня: или студенческая обиженная наводка, или кто-то из администрации института». Решили уже на нашем маленьком совещании, что, если бандиты еще раз позвонят, Дм. Ник. им скажет: а чего вы, ребята, суетитесь, весь институт знает, кто вас прислал. От этого же офицера я услышал и самый большой в моей жизни комплимент, жаль, что это не было сказано мне лично. Прочитав мое заявление, продиктованное в понедельник для РУОПа, он сказал: «классно написано». На случай моей смерти и просто для памяти, переписываю фамилию, имя и отчество этого офицера: Расулев Алишер Хамидович.

Вечером был семинар. Приезжал Валентин Константинович Черных вместе с Людмилой Александровной Кожиновой. Разобрали учебные заявочки моих студентов на сценарии фильмов, поговорили о кино. Ребята позевывали, кроме самых умных, но мне было интересно, я кое-что записал в журнал.

25 марта, четверг.

Сережа Толкачев сразу же после этого акта телефонного шантажа позвонил, не спросясь у меня, Анатолию Приставкину. Вот у кого есть связи и возможности! Тот немедленно перезвонил мне, скорее со словами общего привета. Практически отказался мне помочь, ссылаясь на ненависть милиции к Комиссии по помилованию, которая выступает против смертной казни. Какой мастер клана и имитации! Договорились, что он звонит мне утром. Я ведь тоже всегда был против смертной казни, но вот посидели бы уже два раза Мариэтта Омаровна и Анатолий Игнатьевич на моем месте. Посмотрели бы на этих громил, которые чувствуют себя безнаказанными. Кажется, я уже был не против смертной казни.

26 марта, пятница. Анатолий Игнатьевич, естественно, не позвонил. Они, эти интеллигентные демократы, мастерски просят, когда им надо. Вот попросил у меня зарплату доцента, когда ему перестали платить зарплату в его комиссии. Попросил,

наверное, на всякий случай. Потому что сразу же купил себе, по словам Мальгина, живущего с ним в одном доме, дорогую машину. В два часа собрал Ученый совет. Я рассказал все обо всей ситуации. Рассказал о телефонном звонке. Мысли у меня было две: пусть об этом знает как можно больше людей и пусть морально это потянет наших людей. Большую зарплату, материальную помощь, поездки за границу, стабильную работу они имеют за счет институтской коммерческой деятельности, которой руковожу я. У меня даже возникло предложение эту самую деятельность сократить. Пусть постепенно отсыхает аренда — у нас будут большие учебные площади и кабинеты; пусть сократится платное обучение, уйдут курсы Бонк. Будем ли мы все тогда получать зарплату — не знаю.

В три часа я уехал на исполком к книголюбам. Утверждали план, все было, как обычно, кроме одного джентльмена, тоже книголюба. Он, как больной, не мог себя остановить в разговоре, все вспоминал свою советскую деятельность и настаивал, что и нынче весь мир вертится вокруг деятельности его новой, книголюбской.

Я все время не пишу о главном — о новой югославской трагедии — бомбардировке Сербии и Белграда. Я думаю, впервые военная акция Америки получает такой сильный и несрежиссированный отпор у нашего народа. Садовое кольцо запружено демонстрантами. Я видел, как наши ребята пачками уходили с занятий на демонстрацию к посольству. Никто их не подзуживал. Утром на стенде объявлений появилась надпись: «Убей янки у себя в душе». Сначала мы этого янки долго в себе воспитывали, а теперь чувствуем, как он выедает нашу душу.

Прочел очень интересную статью Федякина в «Завтра» о постмодернизме. Подарил ему галстук, привезенный из Кореи.

27 марта, суббота.

Днем ездил на спектакль театра «Вишневый сад» по стихам и документальной прозе Ольги Берггольц. Практически это моноспектакль актрисы Ольги Широковой, жены Саши Вилькина, главного режиссера этого маленького, без своего помещения, театра. Было здорово, для меня это и открытие замечательной советской поэтессы. Так странно и больно было слышать уходящее слово «Ленинград». Но многие детали не всецело понимаемы зрителем. Реалии ушли, многие общекультурные символы, знакомые раньше и школьникам, стерлись. Шофер Миша мучился и скучал, а он мальчик умненький. Я подумал, что надо обязательно принести этот спектакль в институт. Текст очень сконцентрирован и заставляет думать.

Сейчас идет трансляция из Думы — югославские события. Вот депутат Астраханкина говорит: «Разговаривая о псевдорусском фашизме, вскормили фашизм американский».

К теме: проезжая мимо американского посольства в театр, увидел: густая толпа, окруженная милицией и ОМОНом. Вся стена, вплоть до четвертого этажа, разукрашена «взрывами» пузырьков с чернилами и пакетов с куриными яйцами. Но какие молодцы: отдельные «взрывы» долетали и до пятого этажа.

Утром говорил с Борей Поюровским. Он, как всегда, довольно театрально рассказывал о последних событиях. Два дня назад у киноконцертного театра «Россия» открывали «звезду Андрея Миронова». Поюровский, с его слов, обзвонил старых товарищей Миронова: Горина, Державина, Ширвиндта. Все поклялись прийти — и вдруг накануне ночью, когда все билеты были распроданы, один за другим все дружно стали отказываться. Я, долго разговаривая с Борей, не мог понять, почему же эти ребята не пришли. «Из зависти, ведь открывают мироновскую «звезду», а не их». Но в рассказе Поюровского был и еще эпизод. На концерт пришла «дружившая и с Мироновой, и с Менакером» Наина Ельцина. Между ней и Поюровским произошел такой разговор: «А состоится ли прием?» — «Прием не состоится, потому что это очень дорого». Наина Иосифовна подзывает какого-то своего человека. «Дайте ему или продиктуйте список приглашенных на мероприятие». Кончилось все, как в сказке. «После окончания концерта, — былинно продолжал Боря, — такой был накрыт стол…» Комментария у меня к этому нет.

29 марта, понедельник.

Утром, как и было назначено, позвонили ребята с Лубянки. По виду они несколько напоминают тех же молодцов: рост, плечи, энергия. Сразу же сказали, что если прежние «быки» появятся, то чтобы я давал им их мобильный телефон — они разберутся с ними бесплатно. Подчеркнули, что это какая-то самодеятельность, корни которой растут из нашего коллектива. Сказали также, что обычно бандиты к искусству относятся снисходительно. А деятели искусства — тут мой собеседник улыбнулся, — чтобы «изучать жизнь», иногда даже дружат с бандитами. Так вот, например, Михаил Александрович Ульянов был дружен с держателем общака Павлом Цирулем… При прощании обменялись карточками. Я читаю: Леонид Александрович, кандидат наук. Одновременно мне посоветовали взять какую-нибудь, в добавление к Лыгареву, серьезную охрану, которая будет заниматься любыми нашими проблемами. Я решил, что это необходимо. По мере того как денег в институте будет все

больше, подобные «наезды» участятся.

30 марта, вторник. Маленький материал для «Труда»:

«Конечно, ни о чем другом, как о Сербии (даже о новом для телевидения фильме Альмадовера или переменчивом, как ветер мая, Киселеве), писать невозможно. Но попробую и о Сербии в новом ракурсе: связь телевидения и жизни. Очень, конечно, огорчился, когда по стенам американского посольства шарахнули — это по телевидению — из автомата, а пытались даже из гранатомета. Но вот, проезжая по Садовому кольцу на машине в субботу (это из жизни), не просто обратил внимание на боевые следы чернильниц и яичных пакетов на стенах амбассадии, но и заметил, что некоторые «разрывы» оставили свои следы аж выше четвертого этажа. А нас еще пытаются взять шантажом или бескормицей. О русское «размахнись рука…» ! Из других отечественных наблюдений отмечу плакатик, который в эти же дни появился у нас в институте. «Убей янки в своей душе». Это что, прекратилась любовь народа к «ножкам Буша» и сладкой, как торт, Америке?

Если и прекратилась, то только в жизни. Посмотрите на телевидении Гайдара, Чубайса, Немцова, этих веселых и сытых ребят. Любовь продолжается. Что касается плакатика, то, дабы не множить нелюбовь, я собственноручно его снял. Несмотря ни на что, я все еще являюсь противником смертной казни, даже в душе».

На семинаре обсуждали Рустема Фесака. Но перед этим долго говорили о Сербии, о выступлении москвичей возле посольства. Я постарался всю беседу свести к наблюдательности, к анализу общего наблюдения. Ребята оживились. Один сказал, что 10 % приходили из-за сочувствия к сербам, а 90 % гнала сюда ненависть к американцам. Было много других живых деталей, о которых я уже забыл.

Очень трогательно поступил Рекемчук: он нашел каких-то людей и договорился с ними. Которые могут решить мою проблему с «наездом».

Дома с восхищением читаю роман Олега Стрижака «Мальчик». Чувство зависти к очень высокому полету.

31 марта, среда.

С утра немного занимался Лениным, ночью дочитал «Мальчика» и, конечно, был восхищен самим фактом, что в наше время кто-то подобные вещи делает, а кто-то читает. К 15 часам ездил на юбилей Бондарева в Союз к Пулатову. Подарил от института дорогой квасник, прекрасный адрес и сказал несколько слов, которыми был доволен.

Сегодня приезжала на работу О. В. Я ее не вызывал, но в конце дня она нашла меня и сказала, что наконец и к ней пришли. Она, бедная беременная девочка, открыла дверь в девять часов вечера на слово «телеграмма», произнесенное мужским голосом. С нее попросили 4 тысячи. Во время короткого разговора наверху, на балюстраде (О. В. вытащила меня с защиты дипломов), она все время кружила вокруг того, что если бы мы, все трое, ребятам заплатили, то все было бы хорошо. Даже и такое, будто бы ее, ребята сказали, вот ее одну они готовы вытащить, а троих — без денег трудно. Я сказал: «Ну, пусть тебя вытаскивают — одну! А телефон, который я тебе дал, «бандюкам» передала?» — «Передала». И дал совет, почти приказание: немедленно пиши заявление в милицию. А также попросил ее дать словесный портрет гонца к ней. Это был какой-то новый «тип», а не из тех, что были раньше у нее в кабинете. Закрывая дверь, она сказала, что ничего не будет писать. А потом, когда мы расстались, я нашел Лыгарева и сказал ему: найди О. В., пусть даст словесный портрет и напишет заявление в милицию. Внешние признаки говорят, конечно, не в ее пользу, но я продолжаю ее любить и не хочу верить в то, что эти пахнущие кровью шалости связаны с ее неприязнью к Дмитрию Николаевичу.

1 апреля, четверг.

Утром ездил в общежитие, а в пять часов возил целый автобус ребят из своего семинара на «Сибирского цирюльника» в кинотеатр «Кунцево». Здесь управляется подруга В. С. — Дарико, и, значит, ребята попали в кино бесплатно. Говорить о фильме не хочется, картина сделана по всем правилам американского кино; то есть произведение скорее рассудочное, нежели эмоциональное. Оно не оплодотворено большой идеей, а только конъюнктурой и видимостью красоты. Вдобавок ко всему, и конъюнктура — любить американское — тоже передвинулась в связи с Сербией. В картине воплотились многие комплексы Никиты Сергеевича, в том числе и тоска по своей молодости и юнкерской жизни. Редкостный русский характер играет Ильин, вдруг что-то получилось у дочери самого Михалкова. И Меньшикова, и Джулию Ормонди все время воспринимаешь с некоторой натяжечкой — как здорово они притворяются молодыми! Тем не менее очень много находок, хотя многие из них заставляют вспоминать нечто уже виденное или подобное тому.

В общежитии стало почище. На целый ряд вещей (на новые туалеты, на переоборудованный третий этаж) я смотрю, как на нечто вполне заурядное. А сколько крови и жизни стоило мне все

это в свое время! Наши студенты и новый душ на этажах, и теннисные залы воспринимают как что-то вполне заурядное. В одной из комнат студентов-заочников на потолке — сентенция, намалеванная сажей с двумя орфографическими ошибками: «На заочном учится не трудно, но стыдно». И любимая фраза нашего историка А. С. Орлова: «Я это внятно произнес?». Еще одна заочница-первокурсница из Златоуста пристала ко мне, чтобы я ее перевел на очное отделение. Ее аргументация такова: «Я из еврейской семьи, мои родители уезжают в Израиль, а я уезжать не хочу». Моя, значит, задача — нарушая закон, спасать еврейское чадо, которое захочет уехать лишь тогда, когда закончит институт. Но, с одной стороны, я действительно не могу перевести ее на очное отделение, а с другой стороны, во мне жива святая вера, что русский человек должен, ущемляя себя, бросить все и заняться этим еврейским ребенком. Но почему тогда я не взял на первый курс абитуриента, который стоял следующим за контрольной цифрой набора?

Утром же довольно серьезные размышления: ну как же Оленька, взрослая беременная женщина, в 10 часов вечера открывает дверь на слово «телеграмма»? «Мы, дескать, ожидаем смерти бабушки». Но вряд ли в доме у бабушки или окружающих ее в сей скорбный час есть адрес внучки, которая и года еще не живет в новой квартире. Уж скорее телеграмму пошлют родителям, которые живут рядом с дочкой. Я это на всякий случай записываю к тому, что за день или два до этого скромница Олечка рассказывает, что к ней приходили — один неизвестный парень — и тоже требовали делиться. Этому парню она и дала тот телефон ребят из ФСБ, который я ей передал. Какое счастье, что этот телефон я ей дал, для нее и для меня это возможность выйти из игры. «Крыши» между собой разобрались.

2 апреля, пятница.

Кажется, заканчивается эпопея с установкой памятного знака Даниилу Андрееву на флигеле во дворе института. Он здесь учился, и никакого другого места в Москве, где хоть как бы можно было обозначить эту жизнь, нет. Конечно, вся эта затея началась, когда меня не было в институте, — по просьбе С. Б. Джимбинова. Ученый совет дал согласие. Видимо, это сказалось на тексте моего письма в мэрию.

Мэру г. Москвы
Ю. М. Лужкову

Глубокоуважаемый Юрий Михайлович!

Вместе с этим письмом Вы получите еще целую папку бумаг, где наши «творцы», вернее — Ваши творцы, как Вы их любите называть (но, правда, творцы по части литературы, а не по части эстрады и песен), просят, ходатайствуют о разрешении установить памятный знак, посвященный выдающемуся поэту и мыслителю Даниилу Андрееву.

Этот памятный знак предполагается установить во дворе Литинститута (не на фасаде). Конечно, здание нашего института, при желании, можно было бы до второго этажа украсить мемориальными досками и памятными знаками: через эти замечательные дворы и флигели барской усадьбы Яковлевых прошел целый ряд выдающихся деятелей русской культуры. Но так уж трагически стеклось, что Даниилу Андрееву, автору «Розы мира», больше в Москве такой знак поставить негде.

По зрелом размышлении, глубокоуважаемый Юрий Михайлович, я вместе с Ученым советом Литературного института ходатайствую об установлении подобного знака. Тем более что сам литинститутский двор с его маленьким парком в центре Москвы требует подобных литературных уточнений, намеков, «зарубок». У нас во дворе уже стоит памятник родившемуся в нашем доме Герцену. Я не думаю, что деятели великой русской культуры будут конфликтовать между собой.

С глубоким уважением к Вам, к Вашей замечательной деятельности —

Ректор Литературного института, писатель, лауреат премии г. Москвы

Сергей Есин.

Одна милая первокурсница вчера написала мне объяснительную записку о том, почему она не была в институте три дня. «Принимала участие в пикетировании американского посольства по случаю бомбардировки Америкой Югославии». Теперь два «газетных» соображения: «Завтра» напечатала огромный фоторепортаж об этом самом пикетировании — сплошь молодые лица. Здесь какой-то вызов власти и ее телевидению, показывающему во время любых антиправительственных демонстраций только лица стариков. Тем не менее война в Югославии продолжается. Вторая газетная новость — это коллективное письмо в защиту военного журналиста Пасько. Его теперь судят трибуналом за разглашение военной тайны. Уж сколько этих тайн разгласило наше высшее руководство! Среди подписавшихся в защиту Пасько все та же компания: Ковалев,

Лихачев, Искандер и Толя Приставкин, которому было некогда заняться моим делом или хотя бы меня успокоить.

3 апреля, суббота.

Ездил в филиал Малого на спектакль по пьесе Э. Скриба и Е. Легуве «Тайны мадридского двора». Зрительный зал был в восторге. Роскошные декорации Э. Стенберга, постановка В. Бейлиса, моего старого знакомого и соседа по гаражу. Роскошные костюмы, грамотная, хотя и несколько холодноватая игра. Спектакль знаменит только одним: видимо, это типичный спектакль императорского Малого театра. Что-то вроде русского спектакля «Комеди Франсез». Ходил вместе с Барбарой и С. П. В антракте нас поили чаем с шоколадом. Интересно, что скажут о спектакле наши прелестные дамы?

4 апреля, воскресенье.

Продолжаю ходить на спектакли комиссии по премии «Москвы». Сегодня — «Мольер» в театре «Вишневый сад» у Вилькина. Это продолжение «костюмной» части театра, где театр — театр, а не сборище бомжей и хулиганов. На этот раз спектакль даже политический. Видимо, и лицемерие, и ханжество так универсальны, что я невольно подставил под термин и нашего Чубайса с лицом постника, и нашего Гайдара с физиономией святоши, и «кудрявого мальчика» Немцова. Все они подходят под то, что актеры делают в спектакле. Даже госпожа Пренель, мать Оргона (О. Широкова), мне чем-то (о покойниках ничего или только хорошее, прости меня Боже) напоминает покойную Г. В. Старовойтову. Та же экстатическая напористость. Вилькин еще очень ловко переориентировал явление королевского офицера в финале в издевательское. Это — просто призыв вспомнить речеобильного и словоумильного Ельцина. Все это прекрасно оформлено и сыграно в темпе.

Вчера вдруг раздался телефонный звонок. Некий «его знакомый Алексей» — это по словам секретаря — сообщил мне… в общем, все та же песня рэкета. Опять намеки на то, что надо делиться и с рекламы, и с обучения. Полное знакомство и с нашими делами, и с нашими планами. Только властное ощущение, что все у нас в полном порядке, хотя бы по этике, а не только по бумагам, придавало мне силы. Самое любопытное, что этот разговор происходил в приемной, полной людей. Я вышел в приемную и взял трубку секретаря, а не поднял свою в кабинете. В это же время шофер Миша при открытой двери в кабинет — он забирал сумку с продуктами (деньги на которые я давал утром Альберту Дмитриевичу) — слышал весь разговор. Перед этим мой

референт Сережа пытался несколько раз соединить меня с неким «Алексеем», но номер срывался, и я вышел на третий раз в приемную. Выбор имени для «переговорщика» был довольно симптоматичен. Не Олечка ли так точно все рассчитала? Я в трубку довольно отчетливо и громко сказал, что денег в институте нет и не будет, потому что все у нас идет через кассу. И дальше уже на заводном оре закричал — что хоть стреляйте меня, но я ни с кем не поделюсь, потому что делиться не с чего и нечем. Интересно, конечно, и то, что намек о рекламе возник не случайно. Институтские знали о деньгах, которые были даны, но мало кто знал, что на всю эту сумму была куплена и оприходована, через бухгалтерию, техника. Знала, что в этом месте мы уязвимы, и Олечка.

В таком состоянии я уехал домой. Хорошо, что все, к дню рождения В.С. приготовил еще накануне, осталось расставить и накрыть стол.

5 апреля, понедельник.

Утром довольно удачно написал страничку шестой главы — в роман. Материал чуть-чуть размялся, но пишется тяжело, зато интересно, как под пером формируется и герой и версия времени. В институтском смысле день был тяжелым. Бухгалтерия, а точнее — наша нехрупкая Людочка вовремя не сообщила арендаторам новые реквизиты, и деньги переслали не в тот банк. Удастся ли их теперь из этого банка выбить? Под конец дня звонил из министерства культуры некто Юрий Константинович. Опять речь идет о передаче куска института под музей и исследовательский центр Платонова. Я долго объяснял всю ситуацию, как я ее вижу и как уже не один раз описывал ее в прессе. Но Марии Андреевне Платоновой нужно место директора, а властям за любой счет отсветиться, что они радеют за культуру. Я не стал объяснять, что значение Платонова уже меняется, видимо, он писатель, который останется со своим временем. Бум Платонова был связан еще и с тем, что объективно своим массированно выброшенным в средства массовой информации творчеством он разрушал социализм. Вместе с Баклановым письмо подписала и Наталья Васильевна Корниенко. Особенно активен Бакланов. Так мне сказали собеседники из администрации президента. Но какова Наталья Васильевна, работает в институте и институту же гадит. Почему я эту ученую даму-совместительницу не освободил от работы в прошлом году? Я разнервничался сильнее, чем когда три недели назад мне звонили бандиты. Будем советовать открыть моим оппонентам такой центр в ИМЛИ. Площадей, которые они сдают, у них не меньше, чем у нас. А мы ограничимся памятной

аудиторией.

По понедельникам я обычно пишу «рейтинг» — коротенький обзор телевизионных событий для «Труда».

«На политическом ТВ меня просто заворожила фраза «Человек, похожий на Скуратова». Мы все на кого-то похожи. Поэтому не мог, например, представить, что именно президент подписал указ, отстранивший генпрокурора от должности, когда всюду говорится о том, что генпрокурор готов назвать двадцать человек из высшего эшелона власти и управления, связанных с незаконными деньгами в швейцарских банках. Это сделал человек, похожий на президента. Не могу я, например, поверить, что именно руководитель ФСБ искренне обеспокоен безопасностью неких дам, жриц свободной любви, в то время, когда взрывают его собственную общественную приемную и каждый день кого-нибудь да убивают — это тоже человек похожий. Человек, похожий на нашего бывшего министра иностранных дел, распинался в своей любви и ориентированности на Запад в передаче «Итоги». Да и самого Евгения Киселева тоже заменили на человека, похожего на Киселева. У настоящего Киселева хватило бы ума явно не лоббировать точку зрения президента Клинтона, который один в этой неразберихе «подобий» (словечко из ранней лирики Бор. Пастернака) был верен самому себе: ему было наплевать на чужую кровь и чужие страданья».

И последнее впечатление этого дня, от которого я не могу отделаться. Утром из окна машины в арке моста окружной железной дороги я видел несчастную собаку. Ей, видимо, ушибло или отдавило задние лапы. Она куда-то стремилась, держась, как акробат, на двух передних лапах и подняв над землей заднюю половину туловища. Это одна из самых кошмарных сцен, виденных мною в жизни.

6 апреля, вторник.

Успел сегодня к выносу гроба с телом Феликса Чуева. Такой был добродушный, сильный и спокойный мужик. Кажется: и жил, и писал играючи. Не скрывал, что был сталинистом. Его книжка бесед с В. М. Молотовым стала бестселлером. Здесь покойному Молотову повезло больше, чем с племянником, неким Никоновым, который талантливо поддерживает сильных и постоянно меняет точку зрения. Народа на прощании с Феликсом было много. Ко мне подошла жена В. Ганичева и плача стала мне объяснять, что ничего не знала обо мне и моей жизни, а вот теперь прочла в «НМ» работу В. С…Я растрогался.

Вечером ходили с В. С. в «Дом кино». Такого поразительного столпотворения я не видел со времен начала перестройки.

Показывали фильм «Влюбленный Шекспир», получивший 6 «оскаров». Фильм меня разочаровал, обычный голливудский замах. Немножко эпохи. Немножко литературоведения. Немножко сплетен, показали обнаженного Шекспира. Это тебе почище, чем «оральный секс Моники и Клинтона». Через час после начала фильма ушли.

Дома отчаянно поругались из-за непорядка и грязи на кухне, из-за того, когда идти гулять с собакой.

7 апреля, среда.

В «Труде» статья генерал-майора юстиции Юрия Баграева «Большая ложь о саперной лопатке». Я хорошо помню всю эту историю апреля 1989 года, послужившую в известной мере идеологической причиной распада Союза. Пресса озверело писала о том, как русские советские солдаты били саперными лопатками мирное население. «Оккупационные войска…» В центре этой кампании был Анатолий Собчак, ездивший от имени 1-го Съезда народных депутатов СССР расследовать события, мятеж в Грузии и действия армии. Собчак заявил, что армия в этих событиях действовала неоправданно жестко. Генерал рассказывает об истинном количестве погибших в этом происшествии и о «саперных лопатках». Их пустили в ход служащие одного из десантных подразделений — 59 человек — против озверевшей толпы. Приводится соотношение: 187 военнослужащих получили колотые и резаные ранения, а пострадавших среди населения было только 74. В связи с этим я вспомнил историю, рассказанную мне Юрой Изюмовым, в то время зам. гл. редактора «Литгазеты». Он рассказывал, как на снимках эти следы «саперных лопаток» появились после ретуши.

Среда — день защиты дипломов. Но до этого пришлось обедать с корейскими студентами. Это новички, и мне важно, чтобы они прижились. Кое в чем они ориентируются, например, что в литинституте к ним относятся внимательнее, и требуют более прочных знаний. Мне это приятно. Обедали в нашей институтской столовой. Закуска — овощи и мясо, вино и водка, которую пил Рехо, овощи, сок. Основным блюдом было мясо в горшочках. Во время обеда и разговора с ребятами я решил, что их обязательно надо привлекать к занятиям физкультурой. Сами ребята мне очень понравились, здоровые, без комплексов, веселые и открытые. Часто мы говорим «чурки», как это несправедливо.

Защищались наши переводчицы с финского языка и парень из Южной Кореи. Самое невероятное, что он перевел на корейский язык «Врагов» Горького. Оппонировал ему доктор Ким Рехо, здесь были очень точные замечания, тем более что Рехо билингв. Это,

наверное, один из самых первых переводов драматургии Горького непосредственно с русского. Рехо, как сложившуюся, но, правда, ныне разрушающуюся традицию, приводит обычай в Корее переводить Горького с английского или японского. Парень получил «с отличием», тем более что проявил такую немыслимую литературную отвагу.

Вечером ходил смотреть «Трехгрошовую оперу» в «Сатирикон». Мальчики на гардеробе приставали, чтобы все брали бинокли. В зале, как и прошлый раз, было полутемно, на открытой сцене стояли какие-то железные конструкции. Я мрачно пошутил, споткнувшись о приставной стул, пробираясь по залу: «Здесь надо не бинокль, а приборы ночного видения». Начался спектакль с оглушительного грохота, с взрывов петард — все это я не люблю. Но постепенно пристрастие к спектаклю рассеялось. По сути, я не знал пьесы, а она великолепна по своей простоте, по социальности замысла. Две бандитские «семьи», проститутки, вымогатели, гангстеры, полиция. Основные герои Мэкки Нож и Пантера Браун — предводитель гангстеров и полицейский — старинные армейские друзья. «Я, может быть, и не такой красавец, но я опытный грабитель». Один никогда не начинает ограбления, не предупредив другого, а второй — всегда готов выручить первого. Просто ощущение пьесы сегодняшнего дня. Бандиты во фраках так хотят походить на высший свет! Это не актеры, а герои сегодняшнего нашего телевидения: политики и министры, только что сменившие автомат на смокинг и бабочку. «Мы связаны с крупными представителями власти». В зале полно молодых людей чрезвычайной крутизны. Сидят они все на местах, которые по 150 рублей. Ловлю себя на ощущении, будто актеры на сцену выходят из зала. Реплики и реагаж соответственный. Такие же у них и дамы. Прически и повадки у проституток на сцене почти такие же, как у прелестниц из партера. Дамы на сцене говорят лучше, зал косноязычен до умопомрачения.

Мне впервые на сцене понравился Константин Райкин. Он играет очень весело и с немыслимым одесским шармом. «У нас все основано на взаимности». Очень хороша была и Наталья Вдовина, которую я заметил еще в так наскучившем мне «Гамлете». Прекрасная актриса и прекрасный мим. Впрочем, нынче актриса должна быть скорее акробатом.

По ходу спектакля в зал полетела пачка денег. Это оказались стодолларовые бумажки, отпечатанные на цветном ксероксе. «Купюра», упавшая мне на колени, с портретом Франклина, за номером AB 14882825 L.

8 апреля, четверг.

Сегодня привезли из Литературного музея огромный портрет Горького — авторская копия художника Павла Корина. Каким-то немыслимым образом я сумел этот портрет выпросить. Повесим в актовом зале, на заочном отделении. Обсуждали со столяром Денисом вопрос о рамке. На портрете повреждения, придется вызывать реставратора.

Занимался торговлей — с «Продажей квартир», которые хотят съехать из института, заплатив вместо 500 тыс. рублей лишь 100 тыс. Ах, Паша Финкельбаум! Дочитываю «Мальчика» и начал Эмму Герштейн. Поразительны приводимые ею свидетельства обвинения в антисоветизме Пунина, мужа Ахматовой, Мандельштама и молодого Гумилева. Особенно это выразительно на фоне неистовства Надежды Мандельштам.

Сегодня звонили из издательства, моя старая знакомая Динара Робертовна Кандохсазова, — готовы напечатать, как я понял, все, что у меня есть. У меня впервые возникла мысль о дневниках: если сделать из них гипертекст, то все может получиться. Главное — выкроить время, бытовая жизнь захлестывает меня.

Обдумываю систему охраны в институте.

9 апреля, пятница.

Сначала о писателях.

По утрам я проезжаю на машине по Спиридоновке — бывшей улице Алексея Толстого. От Никитских ворот мимо особняка Рябушинского, особняка Горького, мимо дома, где жил Алексей Толстой, с блестящей полированной мемориальной доской, потом мимо крошечного скверика, в котором сравнительно недавно, ну, может быть лет пять назад, был установлен памятник Блоку.

Сегодня обратил внимание — на низком постаменте черной краской выведено: «Саша», «Катя» и еще какое-то имя. Это вопросы к школе, которая учит писать.

Портрет Горького все же решили повесить на заочке — над входом на лестницу. Денис обещал сделать плотную, гладкую раму. День прошел в разговорах с бухгалтерией. Все приходится перестраивать на новую систему учета: раздельный учет и налогообложение. Бухгалтерия готова выплатить государству лишние налоги, «подписано — и с плеч долой» — нежели думать. Они все напыжились: на нашего аудитора — Аллу Ивановну и Дмитрия Николае-вича, который ее привел. Но ведь совсем недавно Алла Ивановна спасла нам 170 тысяч, на которые мы отремонтировали туалеты в общежитии. Бандитские дела вроде бы пока закончились. У меня уже нет никакого сомнения, что все это — изнутри института, я бы сказал, изнутри хозяйственного

корпуса. Я говорю с этими людьми, вижу их, но почему-то зла не имею. Ведь, скорее всего, своего они не добились: и меня пока не убили, и Дмитрия Николаевича не запугали. Конечно, действия могли произойти и покруче, но слишком уж эти господа и дамы засветились, а всей этой истории придан характер гласности.

Продолжаю читать прекрасные мемуары Эммы Герштейн. Здесь каждую страницу надо цитировать.

«О политической стороне дела. О моем положении он думать не хотел. Тогда я наконец заговорила о его поведении на следствии, чего я себе не позволила ни разу при встречах с Надей в Москве. Но перед лицом все увеличивающихся требований Мандельштамов я решила в конце концов поставить точку над «i». Ведь уверенность в друге должна быть взаимной. Осип Эмильевич начал мне объяснять: «Вы же сами понимаете — речь идет о том, что на допросе Мандельштам назвал Эмму Герштейн среди людей, которым он читал эпиграмму на Сталина; сама Герштейн в это время думала, что она почти единственный человек, который эту эпиграмму знает — что я больше никого назвать не мог. Не Ахматову же или Пастернака?..»

Мандельштамы в быту были люди очень эгоистичные, считавшиеся только со своими интересами.

Но какой финал у Герштейн в одной из глав! Мандельштам уже сидел.

«Ранней весной я пошла в Большой зал Консерватории, желая попасть на концерт заграничного гастролера. Билеты были распроданы. Я стояла у входа в надежде купить у кого-нибудь лишний билет. В празднично возбужденной толпе я неожиданно увидела Надю. Она стояла в берете и кожаной куртке. Только немножко похожая на себя. Нельзя было сказать, что она похудела. Нет, она как будто высохла и в таком виде окаменела. Кожа обтягивала ее лицо. Она говорила односложными неправильными фразами. Ее не интересовал заграничный виртуоз. Она хотела послушать музыку, «которую любил Ося». На афише значились его любимые вещи. Я ушла домой, чтобы не конкурировать с Надей в погоне за билетом. Я почувствовала, что если она останется одна, люди не пройдут мимо нее. Сухой блеск ее глаз был нестерпим».

Надо этот кусочек прочесть ребятам на семинаре.

11 апреля, воскресенье.

Ехал на трамвае по улице Вавилова. На пересечении с Профсоюзной новое огромное здание Сбербанка. Какая роскошь! Но это за счет недоданной даровой площади, которую раньше Москва строила для своих жителей.

12 апреля, понедельник.

С каждым разом все труднее писать еженедельные кусочки для «Труда». Исчерпывается все: и злость, и ненависть, и недоумение:

«*События в Сербии, так подробно освещаемые нашим ТВ, показали русскому человеку истинное значение целого ряда мифов. Миф об американской демократии и защите прав человека. Все спикеры и министры иностранных дел обеспокоены судьбой трех американских солдат, попавших в югославский плен. Бомбардировки Белграда и Приштины на этом фоне отходят куда-то в сторону. А вопросы, отчего бегут албанцы: от так называемых этнических чисток или от бомбардировок НАТО? — кажутся несущественными. И чем было вызвано, коли оно имело место, противостояние югославских албанцев и сербов? Выяснилось также, что у нашего народа свой счет не только к американцам, но и к англичанам, и французам, и немцам. Здесь тоже рассеялись некоторые мифы. В трамвае за своей спиной я слышал под Пасху разговор двух старух. Они вспоминали войну, «колодцы, которые набивали» телами русских людей, вспоминали трудности, мучения, — память о которых еще не испарилась, и вдруг возник фантастический поворот сюжета: «Ракеты повернут и по Божьей воле полетят обратно в Америку, Германию, Англию и Францию». Все-таки мы воспитаны так, что если у каждого из нас не хватает силы, то за нас мстит провидение.*

Что касается телевизионных подробностей, то запомнились две: Жириновский в Бутырской тюрьме, почти уверявший, что в тюрьме спокойней и слаще, чем на воле; и беспрецедентный отпор Примакова высшему должностному лицу России».

Весь день занимался зарплатой и охраной.

13 апреля, вторник.

Утром готовился к семинару. Текстов нет, и я решил сделать лекцию-семинар о письмах. Начал я это с разбора объяснительных записок ребят, опоздавших на семинар, который состоялся неделю назад. «Документ как художественное произведение», — показал, как через документ добиваться цели. Из иллюстраций: поворачивая каждый раз под иным углом — цитировал письма Боткина об Испании, письма Честерфилда, письма Суворова, привел письмо Пушкина к Вульфу. Говорил также о своих письмах к Гайдару и Сидорову об институте.

На кафедре общественных наук праздновали день рождения Вали Каракиной и отмечали доцентские корочки Зои Михайловны. Все постарели, но я по-прежнему всех люблю. Мне

хочется прожить остаток своей институтской жизни так, чтобы не было стыдно перед этими людьми.

Продолжаются жуткие налеты на Сербию. Воистину Давид против Голиафа. Только Голиаф вооружен натовскими самолетами. Кувалдой бьют по лицу, чтобы убить комара.

«Труд» поместил следующую информацию:

«Гайдар заложил Примакова. Прояснилось, почему глава МИДа России Игорь Иванов, намекая на поездку лидеров «Правого дела» в Белград, сделал резкое заявление о формировании в России «пятой колонны». Как стало известно, Егор Гайдар и его «подельники» во время встречи в Будапеште со спецпредставителем президента США Ричардом Холбруком, призвали Запад ни в коем случае не идти на уступки Примакову, так как он не пользуется доверием президента. Короче, наябедничали на премьера…»

Ночью снился Леша. Хоть он и вор, но дурак, и мне его жалко.

14 апреля, среда.

Утром был на открытии в Российской государственной библиотеке книжно-иллюстративной выставки «Всемирный Пушкин»: выставка интересная — разные издания и иллюстрации к книгам и стихам Пушкина. За полтораста лет скопилось многое. Произвели впечатление иллюстрации к «Руслану и Людмиле» Владимира Королева, славянская мифология. В программе стояли выступления Скатова и Палиевского. Но их я не дождался, потому что сначала выступал министр культуры Владимир Константинович. Главное достоинство его речи заключалось в том, что библиотеку он назвал Ленинкой и немножко поцитировал Пушкина. Но потом тридцать минут говорил академик-секретарь Е. П. Челышев, речь была самовлюбленной, плоской и не о Пушкине, а скорее о себе. Старость это, или он всегда был таким плоским?

Наконец-то исполнилась моя мечта: Василий Мичков прочитал у нас в институте все главы «Евгения Онегина». Мы отменили две последних лекции и согнали два первых курса. У меня, как и в первый раз, когда я слушал Мичкова, возникло ощущение совершенной и очень новой работы. Я бы даже сказал, что Вася читает здорово, хотя много ребят после первого же перерыва ушли. В конечном счете мне их жалко, потому что они не видели, когда Вася читал последнее объяснение Татьяны и Онегина с залитым слезами лицом. Для меня это чтение было важно еще и потому, что с искренней и неожиданной силой я понял гениальность Пушкина и совершенство его романа. Это же надо так невероятно прекрасно написать современный роман,

ведь слова «карета» и «свеча» были так же банальны и повседневны, как и нынче слова «автомобиль» и «электролампочка». Сила романа в замедлении действия. На весь роман практически пяток эпизодов. Все остальное отвлечения, отступления, лирические описания.

После того, как все закончилось, я попил с Васей чая, покормил его и звукорежиссера бутербродами и выпили по рюмочке коньяку.

Днем еще говорил с Людмилой Михайловной о цифрах и отчетности. Ей плохо живется с ученого совета, где я рассказал о «наезде». Естественно, надо теперь делить тревогу со мной. Этого, собственно, я и добивался. Олечка перевела стрелки на Дмитрия Николаевича, он сделал ошибки при составлении баланса, оперируя теми неверными или неполными цифрами, которые он получил из бухгалтерии. А я ведь всегда за пошлую серединную справедливость. Осадок на душе у меня нехороший.

Из политических новостей. Ельцин назначил Черномырдина чем-то вроде ответственного за переговоры о Сербии. Это после его-то знаменитого разговора по телефону с Басаевым! Этого дурака, погубившего нашу промышленность.

В «Завтра» написано, что Степашин в советское время защитил диссертацию «Руководящая роль КПСС в пожарном деле».

Вечером позвонил Леонид, приятель покойного фотокорреспондента Геннадия Копосова. Он преподает в «Керосинке» — Институте нефти и газа. Поговорили о житье-бытье. Жалуется, что мало студентов, поэтому не дают часы, нет зарплаты. Студенты поступают на специальности «Вычислительная техника», «Маркетинг». На специальность «Геологическая разведка нефтяных и газовых месторождений» никто не идет. Леня говорит: «Лет через пять-десять спохватятся, да уже поздно будет».

16 апреля, пятница.

Приехал аудит — Алла Ивановна. Конечно, у нас много нарушений. Бухгалтерия встает горой на защиту своего «мундира». Аудиторы дали дельный совет: объявить всех за штатом, потом аттестовать и дать каждому по контракту. Я этим до осени воспользуюсь. Каждый день говорю себе, что не нужно никакой жалости к людям, так бесстыдно использующим меня, они убивают во мне и писателя и просто человека, а я еще с ними вожусь.

Были ребята из администрации президента — по Платонову. Они без интереса встретили мои новации и старания по

институту. О музее почему-то — мне-то понятно — особенно печется Бакланов. Сорос его, говорят, от работы освободил, теперь занят новыми планами. Маша Платонова хорошо подбирает союзников. В разговоре возникло недоумение, почему из трех крупнейших фигур русской литературы, столетие со дня рождения которых исполняется в этом году, — Набоков, Леонов, Платонов — акцент делается на Платонове. Это и понятно, именно Платонова сделали одним из орудий уничтожения социалистической идеи. А ведь и он, и погибший от советской власти Мандельштам были очень советскими людьми. Вот дочери и жены у них были другого склада. А в общем, я на все махнул рукой, пусть делают музей, пусть губят институт, пусть закрывают. Эта власть может безумствовать так, как ей заблагорассудится. Мы устали от нее и больше не станем предостерегать ее от необдуманных поступков.

18 апреля, воскресенье.

В субботу вместе с Федей, Мишей и охранником Димой приехали на дачу, где я не был уже с поздней осени. Ребята сделали чрезвычайно много по хозяйству. Перекопали парники, собрали теплицу. К сожалению, в гараже не оказалось телевизора и магнитофона — двойки. Я полагаю, что еще зимой Леша, как раз в те дни, когда у меня сняли с машины аккумулятор, съездил и забрал телевизор и пленки. Ездил он, наверное, на машине Сергея. Отсюда и снятый аккумулятор. Так болит сердце, так гадко от этого на душе. Столько я в этого сволочонка вложил и так хотел, чтобы он был нормальным человеком. Я начинаю верить в генетическую предопределенность преступности.

Замысел романа о Ленине начинает трансформироваться в сторону упрощения и снятия моей монументальности. Промежуточные главы могут быть написаны с точки зрения сегодняшнего редактора.

Прочел рассказ Сенчина в «Знамени» — эстетика чернухи, подразумевающая, что такой же и автор. Герой и весь строй рассказа — человек без внутреннего центра. Он раб любых обстоятельств. Прочел также в «Знамени» записки Ваншенкина. Не пригласить ли мне его в институт с «прозой поэта»?

На даче встретил Таню Матвееву. Она очень похудела, но на мой комплимент ответила так: «Я за всю зиму и одного яблока не купила. Две последние недели денег еле наскребали на хлеб. Андрею зарплату уже несколько месяцев задерживают. Мне необходимы гормоны, потому что мне в прошлом году вырезали щитовидку. Лекарства стоят по 80 рублей». Я уже не стал ей говорить, что у меня лекарств выходит в неделю почти на 500

рублей.

19 апреля, понедельник.

Вечером в Доме кино я был на новом фильме Говорухина «Ворошиловский стрелок». Фильм об одиноком мстителе. Поначалу смотрелось очень тяжело, но потом фильм развернулся, и в зале завеяло каким-то умиротворением. Оказывается, есть хоть кто-то, кто может встать за себя и за всех. Государство отставлено в сторону, оно не справляется со своей миссией. Дело защиты и поиска справедливости отдано в руки отдельных граждан. Это, конечно, очень серьезный конкурент «Цирюльнику», тем более что фильм сделан на грошовые деньги. Многое в нем и художественно сделано, хотя в первую очередь это социальный подвиг режиссера. Интересная русская деталь: герой не убивает впрямую своих недругов. Уничтожает без крови. Самая большая удача в фильме — это следователь, гад удивительный, его, прихохатывая, играет депутат Семаго. Очень неплохо. Герой, конечно, Ульянов. Он здесь играет в кино против того, что натворил в жизни.

Я ходил на фильм с Зоей Михайловной. Поговорили с актрисой Людмилой Зайцевой, которую я очень высоко ценю. Встретился с Зюгановым, он не против еще раз приехать в институт. Перебросились парой слов со Скобцевой. Не забыть бы на следующий год пригласить на семинар Георгия Жженова с его «Саночками», познакомился с Зурабом Константиновичем Церетели. Этот грузин пьет только боржом. На премьере был и Егоров с женой, вот Света — без малейших комплексов, спросила меня, почему не звоню. Я ответил — стесняюсь, комплексую.

20 апреля, вторник. Для «Труда»:

«Герой дня — Березовский. И совершенно правильно поступила нетленная Сорокина, пригласив в свою передачу адвоката Резника. Если нет солнца, будем светить отраженным светом. Какой там Ельцин, какой там Скуратов, которого наши независимые губернаторы неизбежно, и как миленькие, сдадут. Скуратов платит всего-навсего 450 рублей за массаж, а где давал Березовский свою пресс-конференцию в Париже?.. То-то, и помалкивайте. Завидуете вы все ему. Даже в ЦКБ — где только финансовые князья да президент — Борис Абрамович сразу же почти с самолета лег, после прошлогодней травмы позвоночника, которую он получил, катаясь в Подмосковье на снегоходе. В Швейцарии лечили и не вылечили, теперь за это взялись Де Бейки и Чайка. А вы попробуйте в своей районке в тот же день записаться не то что с позвоночником, а даже с кровоточащей язвой.

Завидуете: удивительному уму, трудолюбию, бережливости. Разве без экономии можно было бы владеть на паях и автогигантом, и телевизионной компанией, и нефтяными разработками. И я завидую и восхищаюсь. И все стараются встать у него за спиной, чтобы отсветиться в телевизионной камере, как дорогой адвокат Резник в день прилета. Человек-уникум. Читали об американских мальчиках, которые становятся миллионерами? Он чистит ботинки прохожим, копит центы, которые пускает в дело и становится миллионером. Так и Борис Березовский накопил. Чтобы дать свою пресс-конференцию в Париже в отеле «Крийон». Том самом, который был показан в воскресенье по НТВ в фильме «Ягуар». Завидуйте! Какой там Примаков со своим радикулитом! Эфир занят не подготовкой к посадке картошки, ее, если надо, и так купят в дружественной НАТОвской Польше. Никому другому и не снилось — иметь столько доброжелателей. Я в их числе. Что вы все к нему вяжетесь? Чему завидуете? Что завлаба и кооператора назначили заведовать странами СНГ? Так и Чубайс, начинавший заведовать цветами, стал заведовать электричеством». Писал очень срочно и не все продиктовал. Кусочек, который я отдал Вартанову, был злой, но законченный.

Тем же днем. В 2 часа был со студентами первого курса в Третьяковской галерее. Надежда Геннадьевна, моя старая знакомая, провела и отлично показала ребятам древнерусское искусство. Раньше мне «Троица» Андрея Рублева казалась больше. Как глаз стремится навеки запомнить эти удиви-тельные черты. Византийцы первые выстроили свою особую, мало похожую на быт реальность. Нечто похожее на виртуальную реальность в ее средневековом исполнении. Из этих чаш не пьют вино, на эти горы нельзя вскарабкаться, нельзя в этих домах жить, а из мамрийского дуба нельзя сделать мебель. Почему сетчатка глаза не держит прошлое во всех подробностях, почему надо постоянно все освежать?

Орудия страстей господних. На полотенце, как на хирургической салфетке, разложены гвозди, терновый венок, молоток, кажется, это все на обратной стороне Владимирской Богоматери. Эта икона со своим удивительным выражением создала наш русский всепрощающий характер. Я думаю, все подновления шли по пути уточнения этих незлобивых русских черт, по руслу и нашей жизни, и нашего миросостояния. Но миллионы русских людей, концентрируя на ней свой взгляд, помыслы, духовную энергию, еще и намолили изменение этого удивительного лика, этого взгляда, этого движения руки младенца, этой мягкости и света. Не энергией ли ушедших

навсегда душ светится эта святыня? В Боге и в этом молении мы все одинаковы и все строители, здесь можно встретиться со взглядом и наших царей, и наших святителей.

Вечером были на спектакле по Теннесси Уильямсу «Стеклянный зверинец», поставленном Вилькиным. Мне все нравится, особенно пьеса. Лучше играет молодежь. Мне это понравилось, потому что я только что прочел два рассказика младшей Вилькиной, которая очень хорошо играет. Но это папа поставил спектакль на дочь — он знает ее недостатки: чуть-чуть не хватает пластики (а героиня хрома), чуть-чуть есть дефекты в речи (но героиня неврастенична). Очень понравился также и Парфенов.

Если я буду писать повесть о последних происшествиях, то ее надо видеть глазами не моими, а обратными. Но для человека это все уже в прошлом. Он смотрит на все глазами богатого человека, может быть, интеллектуала. Хватит ли у меня смелости это написать? Главное — скорее закончить Ленина.

27 апреля, вторник. Для «Труда»:

«Поговорим о звездах. Если их зажигают, значит это кому-нибудь нужно. Парфенов и Киселев, две кокетливые телевизионные примадонны, определенно соревнуются друг с другом в том, что знают приблизительно, исходя из самых общих впечатлений. Знание и чувствование — разные вещи. Один со сноровкой холодного сапожника изготовил нам сначала Солженицына, потом Набокова, другой сначала долго излагал про Романовых, а теперь полтора часа рассказывал о Ленине. Поразительная соотнесенность гениев: Киселев, Ленин, Набоков, Парфенов, Солженицын (пишу по алфавиту). Я-то еще помню, когда юбилейную речь о Горьком произносил Леонов, тоже, кстати, писатель неслабый. Невольно начинаешь думать, что в основе такой удивительной мобильности двух воротил НТВэшного эфира лежит экономический принцип. Наша кормушка — и никого не подпустим!

Но от общих к конкретным соображениям. День рождения В. И. Ленина НТВ ознаменовало удивительно плоской передачей, в которой, по обычаю красуется Киселев. На этот раз, к чести нашего кремлевского обозревателя и «слухиста», — он, как домработница, все время в своей деятельности оперирует слухами, — Киселев попытался не выходить за рамки лояльности по отношению к самому крупному деятелю XX века. На титрах написано, что проект принадлежит именно ему, Киселеву. Но, к сожалению, весь дикторский текст так безлик, так бестемпераментен, фанерен, что я и представить себе не могу,

чтобы наш обозреватель сам это и написал. Нового здесь, кроме внутренней, вполне понятной для богатого человека недоброжелательности, нет, но есть определенная нескромность. Телевидение, пожалуй, впервые — предыдущий режим от этого, может быть даже по соображениям суеверия, категорически отказывался — показывает усопшего, т. е. мертвого Ленина в стеклянном саркофаге, в гробу. Камера фиксирует через стекло сразу два лица: В. И. Ленина и Е. Киселева. Приобщился. Мне это напомнило стремление определенной части посетителей в Эрмитаже, когда отвернется смотритель, сесть на тронное кресло».

Как обычно, в четыре часа состоялся семинар. Обсуждали повесть Сережи Самсонова. Повесть его произвела на меня огромное впечатление. В этом возрасте такое знание психологии и такой тягуче-сладкий стиль. Лишь бы у мальчика хватило сил раскрыться. Фамилия у Сережи очень подходящая для классика. Возле нее нет ничего заметного, как возле моей: Есин, Есенин.

Читал повесть я с изматывающим трудом. Но и за две недели больше половины моих семинаристов ее тоже не прочли. Я рассадил на семинаре ребят по двум сторонам прохода: те, кто читал, и те, кто не прочел. На моих семинарах скапливается уже по тридцать человек.

Сережа на семинаре сидел с огромным синяком под глазом. Кто-то его стукнул.

После семинара поехал в Матвеевское к В. С. Она живет в номере, где умерла Александра Самойловна. Под окном все та же готовая зацвести — яблоня. В. С. очень плоха и слаба. Я тоже чувствую, как старость наваливается на меня.

Это для следующего рейтинга:

Такой же плоской была передача Пресс-клуба с неувядаемо демократичной Прощутинской:

— Российская культура должна жить за свой счет или зарабатывать деньги?

— Культурных людей было больше в СССР или современной России?

Интеропрос.

28 апреля, среда. Утром работал над романом. Днем сидел на специализированном ученом совете, потом давал интервью Людмиле Лавровой о своем новом романе. Она прочла все четыре напечатанные в «Юности» главы, говорит, что интересно, читала с удовольствием. Что она из этого сделает? Но я говорил все, что думал, хотя это могло показаться и не очень острым.

Бухгалтерия, которую я попросил сделать мне распечатку с

113 счета, — я все ищу «банные» деньги — сегодня делает мне третий вариант: каждый раз они «нечаянно» ошибаются и дают какую-нибудь другую распечатку, где никаких денег никогда не было. Потом под вечер поехал в общежитие. Там стало почище. Занимался с больным студентом и смотрел третий этаж гостиницы. Внизу в вестибюле висит объявление: «Жизнь бьет ключом? Нет времени на контрольные и курсовые работы? Не говоря уже о дипломе? Напишу все, что нужно, за умеренную плату. Пейджер 918-19-19, № 8185, для Ларисы».

Уже несколько дней размышляю над тем, что Игорь Болычев внезапно для меня оказался редактором полупорнографического журнала, а Олег Коростылев выпускающим редактором. Еще совсем недавно Коростылев просил у меня денег на лечение от артрита, а Игорю Болычеву в качестве материальной помощи я выписывал 250 рублей на проездной билет.

29 апреля, четверг.

Состоялся ученый совет. Меня выдвинули на соискание звания «Заслуженный деятель искусств» — по моей просьбе, но, думаю, звания этого я не получу, лень будет этим заниматься. А напрасно — здесь, кажется, есть льгота по квартплате.

1 мая, суббота. Для «Труда»:

«Все мои заготовки впечатлений о телевизионных передачах недели, как в Бермудском треугольнике, вращаются вокруг: «Пресс-клуба» о культуре с неувядаемой Кирой Прошутинской; прелестного детского фильма советской эпохи «Хоттабыч» и сербских репортажей, в которых возник вдруг новый аспект. Ну не смотреть же фильмы американские?! Лучший же российский фильм 90-х называется так знакомо и символично — «Вор»! Тоже мне невидаль. Каждый день минимум по одному вору на ТВ. Такие мелочи, как наш президент, читающий простенький (и для школьника) текст по бумажке, я отношу к моде на ретро. Так пахнуло любимым Леонидом Ильичом. Итак, клуб с претенциозным до идиотизма тезисом: «Культура как зеркало российских реформ, или нужен ли графу Толстому министр культуры в 21 веке?». Самоуверенные старые и молодые гости — параллельный культуре виртуальный мир, — собранные в ней, несли такую чушь! Исключение составляли лишь два разумных человека: министр культуры В. Егоров и В. Толстой, потомок русского классика. Впрочем, на их лицах была заметна сдерживаемая оторопь от высказываний решительного собрания. Первый сказал то, что и должен был сказать: что никакая культура, не как частность, а как явление, себя прокормить не в состоянии. А второй заменил

подброшенную ему — потомку и, может быть, наследнику огромного имени, — как дохлую кошку, идейку имущественной и земельной реституции на идею возвращения провинции и ее музеям культурных ценностей, узурпированных центром».

Опущенное «Трудом» окончание статьи:

«Что касается сербской проблемы, она неожиданно повернулась в стойкую неприязнь в России всего строя Америки. Раньше это был скорее правительственный официоз, запущенные еще прежним режимом дрожжи. Молодежь подтрунивала над идеологическим противостоянием, но смотрела фильмы и наслаждалась американской жвачкой. Но дело, кажется, идет к тому, что мы не станем покупать американские куриные ножки не потому, что они хуже, а потому, что они американские и любой цент прибыли с них может пойти на решение еще одного неправого дела,

Теперь о фильме «Старик Хоттабыч». Представим, что этот могущественный волшебник появился в нашей жизни и какая-нибудь, уже в возрасте, сельская учительница или несмышленыш из ПТУ просят его выполнить их сокровенные народные желания. Куда бы в этом случае полетели НАТОвские ракеты, куда делись бы наши крупнейшие политические деятели и банкиры, пресс-секретари, министры, Березовский, столь часто перебираемая, как зерно, администрация, певцы, соловьи нашего политизированного времени, посланник президента по решению сербской проблемы — сначала так удачно управлявший страной, сам президент и отчаянно артикулирующая правду журналистка Миткова?»

На демонстрации левой оппозиции — это тоже показали по ТВ — несли на черном полотнище списки людей, погибших в Чечне. Огромное полотнище, с наклеенными по нему, напечатанными на машинке списками. Огромность смерти.

У НАТО кончились ракеты прицельного наведения. Одна маленькая Сербия поглотила все эти ракеты и еще не сдалась.

2 мая, воскресенье. Читаю прекрасную книгу Красовской — о балете. Биографии: Павловой, Нижинского и Вагановой. Какой прекрасный стиль, какое умение держать характеры. Насколько все это сильнее «художественной прозы».

3 мая, понедельник. Богатый «мальчик» сетует, что за один час в бане платит 500 рублей. В качестве контрастного хода записываю разговор с Вадимом, моим старым приятелем из Ногинска. Я позвонил ему, чтобы поздравить с праздником: «Приезжай, Вадик, что-нибудь интересное расскажешь». — «Я, конечно, приеду, но мне надо где-то найти денег на электричку».

Это классный-то, со стажем акушер, через руки которого прошло полгорода. Приехал, рассказывал о быте, о больнице, о том, что подработать остается после суточных дежурств на смену. Тем не менее рад, что не изменил себе и в самое трудное время не бросил профессию. В свое время его жена говорила: «Бросай свою больницу, иди хотя бы бутылки собирать и мыть». Сейчас бы, говорит Вадик, был бомжом.

Американцы панически боятся встретиться с сербами лицом к лицу. С самолетов молотят все, что только в Сербии есть. Уже добрались до жилых кварталов. Разбомбили энергетический узел и телецентр. В Белграде нет воды и электричества. Мы-то помним, какими прекрасными бойцами были югославские партизаны. Европа еще встрепенется, когда по ней разойдутся косовские албанцы. Проблема нацменьшинства, которое пытается вытеснить коренное население.

На рынке у Университета обратил внимание, что среди торговцев зеленью, и вообще торговцев, нет ни одного русского лица. Ни одного крестьянина из Подмосковья. Значит, согласованно высокие цены. Пучочек петрушки — 5 рублей. Почему мы должны содержать чужой народ? Милиция давно коррумпирована и для своего коренного и неимущего народа опасна.

Почему же был взорван 20-й этаж «Интуриста»? В семи номерах там, оказывается, был офис Кобзона. Кобзон усиленно по телевидению оправдывается: что, дескать, не из-за него взорвали. И это у меня вызывает ощущение обратное. Но не из-за советских же песен его, московита, разбомбили!

Дневник пишу менее интенсивно — делаю роман, по страничке, по полторы в день.

6 мая, четверг. Несмотря на холода, все же решил ехать на дачу. Долли сразу почувствовала сборы и начала бегать из комнаты в комнату, как бы не уехали без нее. К своему удивлению, я не потерял навыков езды. Заправлялся, как и всегда, на Ленинском проспекте. На заправке тот же паренек, с ясными светлыми глазами, запомнившийся мне еще по прошлому году. Встретились, как знакомые, он даже помнит мою собачку. Собачка, естественно, была с «выражением счастья» на морде. Она всегда счастлива, когда с хозяином и в машине. «Как живешь, как платят?» Я всегда зондирую социальную ситуацию у такого сорта людей. Ответ был интереснейший: «Платят вполовину меньше, а забор бензина — меньше в четыре раза». Это тем поучительнее, что бензин за это время в цене не повысился. Для меня сразу стало ясно, как сильно прошлогодний кризис ударил по целому

слою людей.

Здесь все стеклось, позавчера или вчера по ТВ сообщили, что в Ленинграде в три раза были подняты цены на бензин. Это связывается и с коррупцией, но я-то связываю и с тем, что еще раньше ведомство Мишеля Камдессю предложило правительству в три раза повысить акциз на бензин. В этой ситуации очевидно, что у дельцов упадут доходы, а у потребителей увеличатся расходы. Но что в советской стране потребитель перед продавцом? Продавцы торопятся вперед взять свое, а дальше ведь может и не получиться.

И еще «машинный» эпизод. Разговоры на молочном заводе возле Обнинска, где я покупаю творог и сметану. Стоящие старушки-сдатчицы шепчутся. В их разговорах очень любопытно трансформируются телевизионные рассказы. «В Ленинграде цены на бензин утроили. Теперь поднимут плату и у нас: наши яички, сметанка и молочко никому не будут нужны». Это переводится так: будет меньше дачников ездить на машинах — будет, значит, меньше покупателей.

Салат, несмотря на холод, в теплице и под пленкой взошел. Посадил под пленку кабачки, завтра перед отъездом собираюсь посеять и огурцы. Температура ночью — 5, но уже цветут сливы и начинают цвести яблони. А вдруг пронесет?

7 мая, пятница. Уехал с дачи около трех. Подвал еще мокрый, вода не сошла, и поэтому не подступишься к печке. Холодно, горят два электрокамина, значит, деньги мои летят из щелей дома на ветер. Собрался, покормил собаку и поехал.

Приехали к 7-часовым новостям НТВ. Переписываю свои заметки, которые я сделал во время передачи. Ельцин впервые крестился. Так как он принадлежит дьяволу, то это плохо кончится. Сил больше писать нет. Завтра пойду в баню.

Дочитал «Нижинского» Красовской, особенно интересен конец — борьба сумасшедшего со своим безумием. Такое ощущение, что написано по учебнику психиатрии. Эту же линию поведения я наблюдал у многих своих знакомых, даже моих близких.

Смотрел фильм Альмодовара. Обрывки очень реальных человеческих судеб. Все без стыда и вежливости. В конце фильма показаны огромные жилые дома. И в каждой клетушке такие же страсти.

9 мая, воскресенье. Довольно жалкий и тусклый парад на Красной площади. Президент стоял не на трибуне Мавзолея, а возле, на небольшом подиуме, сколоченном прямо на площади. У

меня возникла ехидная — после вчерашней «случайной» бомбежки в Белграде китайского посольства — мысль, а не залетит ли и сюда «нечаянно» НАТОвская шальная ракета? Стертая, изобилующая штампами речь Ельцина. И как это они наскребли денег на парад, на новенькую форму, на подкормку этих бравых молодцов?

«Родина вас не забудет». Забудет — и забыла. И умирали люди даже не потому, что думали о родине, а потому что это инстинкт русского человека — сражаться, не думая о смерти.

Весь день работал над шестой главой, потом вместе с С. П. и Долли долго гуляли. Открылся, видимо связанный с весной, жуткий кашель.

Дома на автоответчике сообщения от Е. П. Лямпорта. Я его даже записал. «Здравствуйте, Сергей Николаевич! Это Ефим Петрович говорит. Сергей Николаевич, я поздравляю Вас и Вашу семью с праздником. Я сдал второй экзамен. Это главная новость. Гринкарту мне еще не дали. Как дадут, сразу приеду в Москву. Собираетесь ли вы в Нью-Йорк? Если «да», то я перезвоню». Какой прекрасный и трогательный парень. Как его, действительно, мне не хватает. Как не хватает его и нашей культуре. А в это самое время я подчеркиваю у Ленина цитаты по еврейскому вопросу.

Есть и вторая новость искусства. В моем почтовом ящике я нашел вырезку из «МК». Их обычно кладет мне Ашот, когда разбирает почту. Цитирую всю целиком: «Вчера, в шикарно оформленном по такому случаю малом зале ЦДЛ, Союз писателей Москвы вручал свою ежегодную литературную премию «Венец» ведущим литературным деятелям. Победителями в номинациях «Поэзия», «Проза», «Драматургия», «Публицистика» и «Молодой автор» стали соответственно Владимир Корнилов (за вклад в поэзию последних лет), Анатолий Жигулин (за гуманистический вклад в литературу), Михаил Рощин (за драматургию последних лет), Андрей Турков (выдающийся вклад в литературоведение) и Елена Исаева (талантливый дебют). Что самое интересное, раздача «слонов» производилась совершенно справедливо. Ведь в Попечительский совет входили такие гуру судейства, как: Олег Табаков, Марк Захаров, Белла Ахмадулина, Егор Гайдар, а также главные редакторы газет «Культура» и «МК» — Юрий Белявский и Павел Гусев.

При всем честном народе (а среди публики присутствовали в числе прочих Марк Розовский, Илья Резник, Аркадий Вайнер с дочкой, Борис Немцов) лауреаты «Венца» стали счастливыми обладателями роскошных цветочных букетов, почетных дипломов и приличной денежной суммы».

Все непристойно, начиная от одесского стиля самой заметки,

кончая списком ценителей, славных своей клановостью, и самой тусовкой, перечислением гостей. Все раздается и делится только среди своих, и какое обилие именитых евреев и «полтинников». Единственное приличное имя, затесавшееся в этот ряд, — Андрей Турков, но ему премию готов дать любой союз.

В Москве холодно, и погода не стремится стать теплее.

10 мая, понедельник. У Светланы Михайловны был день рождения, очень ловко его днем отпраздновали, как чаепитие. В бухгалтерии приживается новый парнишка — Костя. Я вдруг заметил, что с Ирой мне работать легче. Дело о «Сауне» я еще не раскрутил, но о нем не забыл.

Весь вечер сидел над шестой главой. Уже виден край, я все-таки заставил себя сделать шестую главу так, как мне мерещилось. Прочел в «Независимой» статью В. С. о Бондарчуке. Она молодец, а главное, это ее бодрит. В «Независимой» есть статья об И. Арманд. Концепция автора и моя сходятся, роман был «устный». Арманд — это обычный тип независимых суфражисток-истеричек.

11 мая, вторник. С утра я за работой для «Труда»:

«Наши праздничные военные передачи еще раз показали подловатую и сентиментальную стыдливость режима. И сами ветераны, и люди, для которых эта война уже вошла в ранг далекой истории, охотно согласились бы, вместо фанфарного излишества, на некоторую дополнительную помощь участникам войны и просто старым людям. А о наших воинах надо вспоминать всегда, повседневно и в том числе не только на телеэкране. Из всех многочисленных военных передач отметил бы только беседу всегда ловкого Кучера с писателем Лазарем Лазаревым. В этой содержательной беседе прозвучали и слова «профессиональный ветеран». Мы все понимаем, что это значит, и с подобного сорта ветеранами и ветераншами часто встречались.

Из других событий отмечу два: крестное знамение, которое, наконец-то, публично наложил на себя Б. Н. Ельцин, и связанный с ним же некий инцидент во время заседания Совета по встрече третьего тысячелетия. Дело даже не в том, что президент заметил непорядок в рассадке «думных бояр» и приказал пересесть С. Степашину. Но какова пауза?! Она была грозна и страшна, как в цирке, когда в немой тишине ты лихорадочно думаешь, успеет ли поймать воздушный акробат перекладину, или нет…

На телевидении были и бесспорные шедевры: это балеты «Голубой экспресс» и «Треуголка» — оба балета танцевались на сцене Гран-Опера и были оформлены Пабло Пикассо. На одном из

балетов костюмы сделаны по эскизам Коко Шанель. Это тебе не перья Киркорова и плащи Бориса Моисеева. Впрочем, наши телеакадемики, если бы эти передачи были и нашего производства, их не заметили, здесь нет живой личности или клана, которым надо подсуживать…».

12 мая, среда. Утром принимали аспирантский экзамен, в этот момент, часов в одиннадцать, входит В. И. Гусев: «…сняли Примакова и назначили Степашина». Потом вечером я видел по НТВ подробности — все мерзко. Очевидно, что это снятие сделано Ельциным исключительно из ревности к Примакову. Ничего более бессмысленного и прямо вредного стране я не вижу. Источником этой неприязни я вижу опять только семью, только стремление к личной безопасности. Если раньше резкие движения что-то Ельцину давали, то этот жест сделан исключительно в надежде, что движение что-то принесет. Это как лягушка, которой отрывают голову, а она еще дергается. Он двигается, потому что движение обозначает — жизнь.

Приехал Коля из Вьетнама — это прозвище одного из наших бывших выпускников-вьетнамцев, — и мы с ним обедали. Их Институт литературы пока живет и, кажется, даже ничего. На мой вопрос: «По-прежнему ли вьетнамские крестьяне хотят стать писателями?» — Коля ответил, что у них в этом году уже есть больше трехсот заявлений. Говорили о платной группе, о новых контактах, обмене.

По дороге домой на Ленинском проспекте встретили четыре автобуса с солдатами. Солисты на месте, теперь подтягивают кордебалет.

Я сам очень плох, много кашляю. В Москве холодно, отключили отопление.

13 мая, четверг. «Труд» поместил хронику снятия правительства. В 10.00 Ельцин встретился с Примаковым, а в 12.40 курс рубля понизился на 40 копеек.

Звонил Валя Черных, который прочел мое второе «Избранное». Он полагает, что я один из немногих действующих писателей. Хвалил отчаянно, пересказывать не стану. На организацию своей славы я наконец-то махнул рукой: как будет. Это еще связано и с тем, что я определил свою собственную цену. Она высокая. Тем не менее целая полоса в «НГ» о Маканине меня расстроила. Не расстраивается же он, что обо мне вышла целая монография.

Начался импичмент президента. Я, как и все, понимаю, что ничем все это не кончится. Но ведь наступает время, когда все

надо сказать в лицо. Все политические деятели поменялись, и на телевидении уже достаточно снисходительно относятся к Степашину, которого еще вчера ожесточенно ругали. С любым гипотетическим премьером все хотят жить в мире. На экране все время, пританцовывая и семеня ногами, мелькает Черномырдин. Его видение напоминает вставание покойника из гроба. Как и любой покойник, он хочет утащить побольше с собою под землю: сегодня эта черная мырда предложила Думе самораспуститься.

Читал какое-то умное эссе Сережи Терехова и рассказики Харченко и Рустема. Все ребята мне нравятся, но Сережа слишком умен и художественно бесплоден, чтобы не быть раздраженным.

Вечером в институте состоялся концерт Леши Тиматкова. На этот раз он мне показался менее свежим и оригинальным, чем всегда. Публики было много: почти полный зал на заочке, его друзья, родная тусовка, но многое из того, о чем пел Леша, я не понял. Поэзия уже не воспринимается поэзией, а только с аккомпанементом. Какой-то всеобщий балдеж.

Звонил помощник Александра Ивановича Лебедя. Поговорили о служебных институтских делах. Все-таки он наш выпускник, а потом он пожаловался на необъективность прессы по отношению к Александру Ивановичу. Конфликты у него все на той же почве: собираемость налогов в крае увеличилась в три раза. Вот тебе и конфликт с Быковым.

14 мая, пятница. Утром был аспирантский экзамен по литературе. Я слушал современную часть, т. е. сидел за столом с Ковским, Смирновым, Корнеенко и Чудаковой. Литературный институт, к сожалению, есть литературный институт, все расплывчато и аморфно… Расстроили не столько низкие знания, но отсутствие продвижения вперед и нежелание особенно рыться в истории литературы. Все нацелены только на диссертацию. Алеша Иванов, с трудом вспомнив «Разгром» Фадеева, с заносчивостью назвал его средней литературой и, как бы подыгрывая неким заинтересованным лицам, сказал, что больше его никогда не будет читать. Ну, так я никогда не стану больше читать его, Алешу. В его повести «Зеленый лимон» хорошо было только начало, а так литература ниже среднего. Это, кажется, его застукала Надежда Васильевна после защиты диплома с… Ладно, даже в дневнике не стану порочить чужую репутацию. Бесспорно продвинулся только Валера Оссинский, я бы даже сказал, что продвинулся крепко. А я-то его всегда на семинаре упрекал в невежестве. После экзамена я сказал Валере: «Ты хотел мне доказать? Ты мне доказал». В деле приема экзаменов мы с Чудаковой на одной линии: не болтовня, а знание — как

минимум, текстов. Чувствуется определенная литературная расплывчатость знаний наших студентов.

Для «Труда»:

«Ну, что мне Гекуба? Ну, что мне импичмент? Ну, что мне даже Степашин, который или станет премьер-министром огромной страны, или не станет? Меня взволновали на прошлой неделе совершенно другие события. Например, немыслимая инициатива знаменитого танцора, а ныне художественного директора Большого театра Владимира Васильева. Пусть все театры мира сделают отчисления от одного своего спектакля за год в пользу Большого. А Большой на эти деньги произведет необходимую реконструкцию. Надо-то всего 200 миллионов долларов. Ну нет этих миллионов в государстве российском! На реконструкцию Красного крыльца есть, на постройку собора Казанской Божьей матери нашли, на реконструкцию кремлевских апартаментов и строительство многочисленных резиденций отыскали, а вот на другую всенародную святыню, на Большой театр, нет. А теперь представим себе, что на возведение Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге Петр I просит финансирование у Карла XII, Екатерина Великая ищет деньги на покупку библиотеки Вольтера у Людовика XVI, строительство храма Христа Спасителя финансирует не правительство Александра I, а Ватикан, а на московское метро и Университет на Ленгорах Сталин ищет валюту у Мишеля Камдессю. Мысль ясна? Самое интересное, что это смелое предложение прозвучало перед нашей взволнованной интеллигенцией и руководителем ЮНЕСКО Федерико Майором. Я запомнил во время этой церемонии благостное лицо бывшего министра культуры России Евгения Сидорова и оторопевшее Владимира Егорова — министра нынешнего.

Другим примечательным и многозначительным событием стал пакет жидкой краски, который метнули бывшие соратники-экологисты в голову министра иностранных дел Германии Йошки Фишера. В этом экстравагантном действии был не только протест против участия Германии в кровавом бенефисе НАТО в Югославии, но и акт мести избирателей своему избраннику, не сумевшему выполнить предвыборные обещания. Если «зеленый» — не воюй. Ну, хорошо краски, а если в ход пойдут рельсы или другие предметы, о которых во время своих избирательных кампаний говорили депутаты и другие избранники? Я имею в виду, конечно, скорее не германских, а наших».

15 мая, суббота. Почти весь день смотрел по телевизору прямую трансляцию из Думы. В этот день шло заседание, а после

него началось голосование по началу импичмента Б. Н. Ельцина. Шансы были только у третьего пункта обвинений — война в Чечне. Этот пункт набрал 283 голоса. Для того, чтобы процедура началась, нужно было минимум 300 голосов из общего количества делегатов в 450. С моей точки зрения, это уж во всяком случае не поражение оппозиции. Такое огромное количество «избранников народа», как иронично подчеркивает демократическая и неплохо оплачиваемая пресса, не согласно с позицией и политическими движениями президента. Но наш президент вряд ли об этом задумается. Важность всей этой процедуры заключается в том, что она погубила еще и ряд политических репутаций, очертила абрисы отдельных политических лидеров. По крайней мере, рухнул под грузом собственной речи и своего вечного увертливого по отношению к президенту и власти лакейства Жириновский. Обнажилась равнодушная к народу жилистая демагогическая суть либерал-демократов. Для них важнее сухой ригоризм слов, нежели народная жизнь и смерть. Таким мне показалось очень интересное, но себялюбиво-холодное выступление младшего Рыжкова. Но тем не менее можно и восхититься виртуозными инструментовками и Рыжкова — ой, далеко пойдет! — и Явлинского.

Телевидение также показало, как при выходе из Думы народ чуть не побил Жириновского и Митрофанова. Сквозь эфирные микшеры пробились даже такие слова, обращенные к этим магистрам либерализма, как «сука» и «жидовская морда». Здесь уже ничего не поделаешь, примеры Жириновского заталкивают не очень разбирающийся в тонкостях политической конъюнктуры народ в норы антисемитизма. Я пишу об этом еще и оттого, что читаю книжку Льва Полякова «История антисемитизма». Читаю и многое полезное выписываю в подготовительные материалы. Как и у любого серьезного исследователя, у меня много интересных наблюдений.

18 мая, вторник. Сегодня у меня на семинаре был Вячеслав Курицын, наш, наверное, самый знаменитый молодой критик-литературовед. С помощью Марата Гельмана он ведет даже какой-то свой журнал в Интернете. Говорил довольно интересно, но и сам всеяден и неглубок и поддерживает поэтому поверхностную постмодернистскую литературу. Но сам по себе Слава хорош: в синих чуть ли не домотканых портках, майке и куртке с надписью UNITED STATES ARMY*. Интересно и симптоматично, что он ученик Г. Белой.

Светлана Зимарева написала очень приличный по языку

текст.

19 мая, среда. По НТВ показали некий спровоцированный милицией и журналистами скандал. Человек десять-пятнадцать ребят в черной форме «Памяти» на Театральной площади поют молитву в день гибели Николая II, ОМОН и телевидение их уже ждут. Завязываются сначала толкания друг друга, потом молодцов бросают в автобус милиции. Здесь же священник в облачении, его отталкивают, но он с «Памятью». Меня поразили очень красивые молодые и очень русские лица ребят. Все они что-то горячась говорят в камеру о произволе.

Дума утвердила в должности премьер-министра С. Степашина. Меня все это перестало волновать. Чувствую себя очень плохо, задыхаюсь. Крепко и жестко поговорил с Сорокиным. Институт собирается в Орел на «День славянской письменности», я все подготовил, но все вдруг оказались очень занятыми. Юра Кузнецов, с чьей дочерью я довольно серьезно занимался во время приема ее в институт, «не смог». У В. И. Гусева — ну, это действительно так — какое-то срочное дело. У Льва Ивановича болит нога, а Валентин Васильевич лечит зубы. Каждую пятницу он уезжает на дачу и не бывает в институте. Всю вторую половину дня после часа уезжает и проводит в Союзе писателей России, недавно на несколько дней, не предупредив, уезжал на Пушкинские дни в Каир. А вот когда надо институту — он не может. Он все вздыхает о Родине и говорит, как он в молодости работал у горящего мартена, но, как и все наши русские пустобрехи… Это обычный советский писатель, скорее ловкий, нежели глубокий, и самодостаточный. Может быть, я на него похож: он тоже все время служит.

Третий съезд так наз. Пулатовского союза.

Общее впечатление: все прошло благостно, потому что все было достаточно подготовлено, и за шесть лет работы стало ясно — как много Пулатов делает, хотя бы в силу того, что все взгляды направлены на него, нет организации, которая бы его не подтравливала.

Главная примета съезда — это, конечно, возраст, сплошь седые головы. Толкачев, которого избрали в ревизионную комиссию, оказался, наверное, самым молодым. Это как бы съезд бывшей литературы. Но, с другой стороны, за этими восточными аксакалами что-то и стоит.

Пулатов сразу сделал хороший ход — Ганичев вел съезд. Чем был выторгован мир, я узнал в самом конце съезда.

Ниже приведу коротенькие фразы из выступлений на третьем съезде.

1. Г а н и ч е в — «Опустошающий тип культуры»; «Россия распадется так же, как Союз».

2. М. У. (Казахстан) — «Союзы писателей оказались вне бюджета»; «Доллар гудит в ушах»; «Вспоминаю о нашей родной, милой Москве»; «Мы должны сохранить островок из тех времен — это МСПС».

Говорит о памятнике Пушкину, который ставят в Алма-Ате. Мне кажется, они начали фрондировать Пушкиным, как мы раньше фрондировали Хемингуэем, Фолкнером, Прустом.

«Зона хитрости».

«Сделать хотя бы справочник членов МСПС, хотя бы маленький, чтобы было кому позвонить».

«Есть много людей, которые чувствуют себя политическими чабанами». «Уходит переводческое ремесло». Их литература становится никому не нужной.

3. С п е к т о р Д м и т р и й (Украина) — «В организации 300 человек».

4. Б и р у л а в а (Грузия) — «Я прошу моего друга и земляка Эбонаидзе шире предоставлять свои страницы (журнал «Дружба народов») членам нашего «Содружества».

Насколько я понимаю, им крупно повезло с самостоятельностью и известностью. С моей точки зрения, и у Армении, и у Грузии нет ни одного шанса выжить без России и быть самостоятельными.

Собственно говоря, а чем сейчас управляет Шеварднадзе? В Абхазию его не пускают, в Мегрелию, где сидят сторонники Гамсахурдии, — тоже, в лучшем случае — Тбилиси и грузинские армяне.

5. К у г у л ь т и н о в Д. Н. (Калмыкия) выступал в обычной своей манере культурологического рассказа. Вот что я выжал из его баек:

«После землетрясения в Армении было принято решение: все котельные комплексы, которые производились в СССР, отпускать только в Армению». Давид Никитич рассказал, как благодаря своей поэтической популярности добыл, тем не менее, вырвав у Армении, для своего родного села такой комплекс.

Их семью в свое время раскулачили и отобрали тысячу овец. Д. Н. поднял удивительный вопрос — о графе национальности в паспортах. Смысл заключается в следующем: «Я не хочу быть просто российским гражданином. Я никогда не отрекся от того, что я калмык, и название именно этой национальности выбито на памятнике Пушкину в Москве».

(Ввязался хитрый Машбаш и сказал, что у Пушкина в

оригинале сначала было написано а д ы г, а потом зачеркнуто и появилось к а л м ы к).

Как ни странно, этот вопрос стал актуальным еще в нескольких репликах. Очень резко отнеслись к идее ликвидировать графу «национальность» армяне. Это понятно, у них огромная диаспора в России. Армяне также полагают, что им нет смысла отказываться от своей знаменитой древней нации. Я тоже своей национальности не стыжусь.

Немного перескакиваю и привожу другое выступление.

6. Н е м б е т о в (Кыргызстан) — «Был на выставке в Нью-Йорке. Спрашивают: Вы откуда? отвечаю: Кыргызстан. — Пакистан? Курдистан? Никто такой национальности в мире не знает. А когда были советскими — говорили просто: русские».

«Да как же так? — продолжает Кугультинов. — Ведь каждый из нас для того, чтобы принадлежать к этой своей национальности, готов идти на смерть…» «С помощью закона мы заставляем калмыков учить калмыцкий язык». Как я полагаю, это оговорка, но очень мне симпатичная.

7. С т о г а н о в (Белоруссия) много говорил о московском Литфонде, о том безобразии, которое в нем творится, например с поликлиникой.

Правда, тут же г-на из Белоруссии срезал Яша Козловский: «А не говорите ли вы на заседании Литфонда (докладчик — председатель ревизионной комиссии международного Литфонда) одно, а у нас — другое?»

8. Х а к и м о в (Таджикистан) — «В начале века к нам через русских пришло просвещение. В Таджикистане кончилась гражданская война, в соседнем Афганистане она идет 19 лет. Почему? А потому, что у нас весь народ, практически, образован, грамотен, в Афганистане же грамотных в лучшем случае 40–50 %. Вот за что мы благодарим Россию. В Душанбе сейчас живет 2–3 русских писателя. Раньше было 30 человек, это были прекрасные переводчики, через которых на нас смотрела Россия».

9. Зачитали письменное выступление Гамзатова: «Довольно мстить все время прошлому, в нашем прошлом и так достаточно ошибок». «У нас, практически, все время идет подготовка к войне». «За последнее время мы много приобрели, но много и потеряли. Некоторые поэты хотят подчинить профессию разуму».

10. М а р л е н А р д ж а н я н (Армения) — «Я горжусь своим советским паспортом. Что же у нас будут писать в паспортах для тех, кто живет в других странах? «Ассимилянт»?»

Это самое неожиданное на съезде.

11. Ка з б е к Г а й д у к а е в (Чечня) — «Погибло 120 тысяч населения. Каждая вторая жизнь уничтожена. За 2–3 года мы

приняли 20 человек в Союз писателей. Мы по-своему празднуем Пушкина — «чеченский след в творчестве Пушкина».

12…….. Азербайджан. (Застал середину выступления.) Докладчик рассказывает о Гейдаре Алиеве: «…именно по его воле писателям старше 60 лет приплачивают по 250 долларов в месяц. Все журналы в Азербайджане взяты на содержание бюджетом. Но все отчетливо сознают, что это до тех пор, пока Алиев у власти».

Алиев, конечно, достаточно жесткий человек, понимающий, как играть при определенных условиях игры. Я лично всегда подозревал, что если бы в свое время власть отдали не Горбачеву, а Алиеву — Союз был бы цел, хотя и реформирован.

После съезда, во время которого два раза кормили, всех повели в ресторан, который, оказалось, находится здесь же, в помещении СП, почти как у нас в Литинституте. Только это совершенно другой ресторан — какой-то восточный, азербайджанский, вход в который не через двор Союза писателей, а сбоку. Я всегда думал — кто же живет в помещении бывшей иностранной комиссии и в тех комнатах, в которых когда-то находился журнал «Юность». Оказалось, что через этот вход с другой стороны, именно в это помещение мы и попадаем. Кормили нормально, я ничего не ел и не пил, но все время вспоминал, что именно в этих комнатах и залах сидели референты иностранной комиссии — шла какая-то работа, кто-то ездил куда-то, и писатель не думал каждый день только о куске хлеба…

Перед концом заседания меня вызвали в коридор Бондарев и Проскурин: в этом году мне присудили премию им. Шолохова. Старость не то время, чтобы радоваться чему-то…

23 мая, воскресенье. Вернулся из Обнинска, куда уехал около часа дня вчера, и сел за компьютер. Уехал в совершенно «разобранном» состоянии, с диким кашлем и хлюпаньем в груди. На даче протопил печь и лег на электроплед. Всю ночь проспал с горящим светом, время от времени просыпаясь, чтобы откашляться в полотенце. Полотенце к утру оказалось весом с килограмм, но, несмотря на слабость, мне полегчало.

Днем, проведенным в Обнинске, я оказался очень доволен. Дочитал «Историю антисемитизма» Льва Полякова. Прекрасная, отлично написанная книга. Прочел интересную работу Дани Першина к семинару во вторник. Кое-что посмотрел по Зиновьеву и Сталину, а самое главное — решил, что не обязательно «вставные» главы в «Ленина» делать в том же ключе, как и основные. Мы живем в век постмодернизма.

Самое главное, что я пересилил себя и посадил перец,

который купил еще в прошлое воскресенье на Черемушкинском рынке, и тридцать кустов помидоров, рассаду которых мне подарил мой сосед Вили Пылаев. Его фамилией я в свое время воспользовался в одном из своих романов, а относительно его имени только сейчас догадался, что оно является аббревиатурой от Владимир Ильич Ленин. Его мать, покойница Варвара Петровна, вполне так могла придумать. Еще я посадил в другую теплицу огурцы. Делал все потихоньку, все время отдыхая, но если не посадить именно сегодня, то прощайте любые виды на урожай.

Заходил сосед Володя Шеметовский, поговорили, то да се. Я спросил, чем он сегодня обедал, он ответил, что, как всегда, кашей и сардельками. А теперь он размышляет, чем бы поужинать перед тем, как пойдет в баню. Я тут говорю: «У меня, Володя, есть пачка свежего творога, хочешь — возьми». Он отвечает: «Конечно, возьму, мне такое не по карману». Этот эпизод я невольно связываю с недавней просьбой профессора Демина — занять несколько сотен из институтской казны до зарплаты. У него чуть ли не серебряная свадьба, а в доме нет ни копейки. Это уже не впервые. Крупнейший ученый-славист — и в такой нищете.

Завтра мне вручают премию имени Шолохова.

24 мая, понедельник. Утром в «Труде» нашел материальчик: «Как воровали при Сталине». Здесь рассказывается об утечке информации перед денежной реформой 1947 года. Оказывается, Сталину подавали рапорта о всех безобразиях его присных. Во всей статье единственная фамилия, цитирую: «28 ноября в ресторане «Москва» гроссмейстер Ботвинник через директора потребовал отпустить ему 7 кг шоколада в плитках. 27 ноября в том же ресторане Ботвинник скупил еще 10 кг шоколада «Золотой ярлык», говорилось в одном из донесений МВД».

Может быть, у нас вся страна антисемитов? Вот и в кусочке из последнего слова знаменитой аферистки «Властилины», чей процесс идет уже более года, лишь одна фамилия. Хозяйка знаменитой фирмы рассказывает, как она встретилась с Иосифом Давыдовичем Кобзоном и тот принялся знакомить ее с каким-то нужным человеком.

Сегодня состоялся последний семинар на первом курсе. Обсуждали Даню Перышева. Почти трогательно я простился с семинаристами до следующего года.

Как неглавное: утром же был в литфондовской поликлинике у врача. Наконец-то через полтора года решил провериться, да и то потому, что нужна курортная карта. Ну, забегая вперед скажу, дела у меня совсем не блестящие. После того как поликлиника

стала платной, народу в ней почти нет. В регистратуре стеллажи заполнены в лучшем случае на одну треть.

25 мая, вторник. Я никогда не думал, что буду так волноваться во время вручения мне Шолоховской премии. Обратил внимание, что пальцы у меня до белизны стиснуты. Ведь знаю всю механику, все рычаги, которые были приведены, но все равно волнуюсь. Малый зал Дома литераторов полон, я думаю, на подобной процедуре столько народу не было никогда. Две трети — это наши сотрудники. Здесь Надя Годенко с букетом. Букет этот теперь стоит у меня на секретере. Надо будет цветы засушить и сохранить. Почему-то сейчас вспомнил сухие букеты моей прежней секретарши Галины Васильевны. За столом сидели хорошо известные мне представители учредителей: Арсений Ларионов — «Современный писатель», Пулатов. Речь Бондарева. Когда он заговорил в своей обычной, оснащенной эпитетами и вводными предложениями манере, я сразу же подумал, что речь надо будет обязательно посмотреть на бумаге. Наша институтская интеллигенция немножко поворчала. Очень непросто Бондарев говорил и о времени, и о Шолохове. Я, кстати, не ошибся — это позднейшая компьютерная приписка, опубликованная в «Советской России», речь действительно выглядела очень значительно. Хорош был и снимок — Бондарев, Боря Шереметьев, как секретарь комитета, и лауреаты. Я с китайским шарфом на шее. В своей речи я воспользовался своим старым тезисом о том, что Шолохов безумно мешает всей нашей русской литературе XX века. Он как горная вершина, которая поднимается выше туч. Без него литературный пейзаж выглядел бы как ряд высоких горных пиков. Пик Бунина, пик Платонова, пик Булгакова. При этой расстановке сил и я вместо лейтенанта мог бы быть майором. Но Шолохов фактом своего литературного присутствия всех на один ранг понижает. Во время речи мне пришла в голову мысль, что только наш русский «менталитет», вечное недовольство собой и своим характером, не позволяет нам, например, говорить и сравнивать Шолохова и Пруста, Шолохова и Джойса. А ведь Шолохов это сравнение выдерживает и превосходит.

26 мая, среда. Ашот положил мне в почтовый ящик вырезку из «Комсомольской правды»:

«Премии. Писателям еще дают, но за особые заслуги. *Вчера в ЦДЛ в торжественной обстановке объявили лауреатов премии имени Михаила Шолохова. Премия эта вручается «за выдающиеся литературные произведения», а определяет, кто оказался наиболее выдающимся, специальная комиссия под председательством*

известного писателя и пламенного коммуниста Юрия Бондарева. А потому и выбор комиссии не совсем случаен.

В прошлые годы премию получали Анатолий Иванов, Виктор Кочетков, Расул Гамзатов. В 99-м году ее удостоился еще один лидирующий писатель Петр Проскурин за роман «Число зверя». Лауреатами также стали Мустай Карим за собрание сочинений в пяти томах, Сергей Есин за новый роман и Юрий Круглов за книги фольклора».

Ну, конечно, премию дали «своим». И автор, подыгрывающий демократам, напрасно здесь иронизирует. Разве демократы когда-нибудь дали премию Распутину или Белову? Значит, не только за литературу. А почему же патриоты должны давать премию Битову или Искандеру?

Сегодня в пять выдаем дипломы, а в шесть я иду на юбилей Галины Александровны Ореховой — во МХАТ на Тверском. Женщина она, конечно, поразительная, талантливая, умная. При знании языков, с европейским образованием, она не переметнулась, не предала. Ее статьи в «Советской России» не забыты. Я навсегда запомнил, как встретил ее в октябре 1993-го на Смоленской площади, когда там строили баррикаду. Струсил тогда я, не дал ей для «Советской России» интервью, сославшись на то, что я госчиновник. Но тогда мы все, впрочем, ожидали и арестов, и снятия с работы. Это не причина для трусости. Стыжусь до сих пор.

На этом дне рождения наверняка увижу Татьяну Васильевну.

Подготовка к пьянке, которую я собираюсь устроить коллективу завтра после ученого совета, идет полным ходом. Дипломы на этот раз я раздал весело, чего-то балагурил и все время ощущал в зале, что студенты меня любят, по крайней мере относятся ко мне снисходительно. Вот и награда. Но это совсем не означало, что кто-то встанет поблагодарить. Но на этот раз молодцом оказался мой семинар, ребята подарили мне букет цветов. Вручала мне букет моя любимица Оля Никитина. Букет оказался очень кстати, я вспомнил, что иду на свидание к двум женщинам, и со двора вернулся, чтобы к моим розам присовокупить и другие.

Во МХАТе стол накрыли в кабинете директора. Украшением стола был холодец — самодеятельность Галины Александровны. Мы все навалились на это роскошное блюдо (так было вкусно), пощадив покупную красную рыбу. Я хотел бы отметить очень чинный и красивый, МХАТовский, как я его представлял себе, ход застолья. Не нажираловка, а чествование. Был Валерий Николаевич Ганичев с женой, эта пара нравится мне все больше. В конечном счете, и он, как умеет, держит свою организацию. Я

умею по-другому. Был Володя Костров с Галей. Володя, как всегда, говорил умно и очень тонко. Похоже, что, как и я, он очень болен. Его русская сердечность в стихах меня всегда изумляет. В жизни-то он человек покруче и, пожалуй, равнодушный. Ганичев тоже говорил хорошо, но повторил свой рассказ о фестивале «Витязь», которым поделился со мной, когда мы ждали начала. «Витязь» на этот раз состоялся в Смоленске, туда отправились непременные участники Игорь Черницкий и Коля Романов, и что и как там проис-ходит, я себе представляю.

Выступая со словом первым, я почему-то начал с Татьяны Васильевны и льстил ей страшно. Но ведь я и люблю ее страшно. Говорили за столом о мемуарах Миши Ардова, напечатанных в «Новом мире». Отзываются о них сдержанно, корят за отсутствие доброты и духа прощения. Надо прочесть. Я еще раз поражаюсь умению Дорониной формулировать. Говорит она очень точно, лаконично и умно. Они обе мне нравятся — и Доронина, и Ореханова. Прекрасно обе одеты, не рассупониваются, это настоящая русская интеллигентная обстановка. Тот случай, когда слово «интеллигентный» я пишу без отвращения.

30 мая, воскресенье. Много вожусь на даче. Сажаю помидоры, пропалываю. В. С. на даче в первый раз. Я принимаю антибиотики, и мне заметно лучше. Надолго ли? Или не антибиотики, а погода? Дочитал прекрасные «Дневники 1993 года» В. И. Гусева. Возможно, кроме прочих достоинств, эта книга станет одним из лучших эмоциональных пособий по октябрю и расстрелу Белого дома.

Вечером позвонил Саша Вознесенский из «Независимой газеты». С трудно скрываемым раздражением он задал мне вопрос, суть которого базировалась на известном высказывании Гоголя о русском человеке через 200 лет — это и есть Пушкин.

— Почему вы Пушкин?

— Почему вы не Пушкин?

«Сама постановка вопроса неловкая или, по моему мнению, как говорят сегодня не по-русски, некорректная. И подумать, чтобы себя даже сравнивать, невозможно. Это значит с небом себя сравнивать, как китайский богдыхан. Добрая душа Гоголь наобещал нам всем некое человеческое, а скорее духовное совершенство через 200 лет. Сто пятьдесят уже прошло. А где эта пушкинская гармония сердца и знания, талант и бесшабашность? Один расчет-с! Весь Пушкин, как я по-человечески его вижу, умещается в своем собственном изречении, повторенном после его смерти Лермонтовым, — «невольник чести». Грешны. И с честью у нас, русских писателей, не все ладно. И предавали, и

служили новейшим богам, и перевертывались, а написать чтобы просто, ясно и народно — мало. С другой стороны, знаю я с десяток имен в русской литературе, которых, как и Пушкина, я бы отнес к небожителям. Среди них есть и мои современники».

31 мая, понедельник. Был на юбилее Леонида Леонова. Юбилейные торжества проходили в Октябрьском зале Дома Союзов. Они проходили без малейшей правительственной поддержки и указа. Культура разделилась на два течения, одно из которых тусовка. В президиуме Распутин и Бондарев, Проскурин. С очень неплохим докладом выступил Феликс Кузнецов и интересно против обыкновения говорил В. Н. Ганичев. В Октябрьском зале тем не менее когда-то проходил процесс над Н. И. Бухариным. На банкет я не остался. Хотя надо было бы поговорить с Зюгановым.

Для «Труда»:

«Как телезрителя меня давно уже интересуют не события, а подробности. Именно поэтому не пишу о фильме «Повержен будет Вавилон» в целом, прошедшем и, кажется, созданном на канале «Культура», а лишь о замечательном закадровом ведущем фильма Михаиле Александровиче Ульянове. Этот удивительный голос так врезается в сознание, что невольно вспоминаешь буквально все, что он когда-либо играл и читал на экране или на радио. И сравнение это дает определенную пищу уму. Какой пафос, какой актер! Как виртуозно перевоплощается из одной политической ипостаси в другую. Как искренен. Как талантливо голосом «поддает» Ленину, которого когда-то играл, и времени, которому в свое время верно служил. Просто замечательный и смелый фильм о неудачном строительстве Дворца Советов. Как все-таки мы отчаянны, выходя на предварительно разминированное поле. Вот как надо жить, бороться и достигать намеченных целей.

Из других подробностей восхитил новый вице-премьер Аксененко со своей точной установкой на помощь самому ближнему и себе, и наш президент, свободно и непринужденно перелетающий из Сочи в Москву. Меня всегда интересует, когда я вижу его на экране, смотрит ли он сам на себя по телевизору и что, интересно, говорят по этому поводу члены его семьи, дети, внуки, жена, близкие и Борис Абрамович Березовский? Еще я хотел написать, что, судя по рекламе, появился новый вид «Комета», особо въедливого к ржавчине».

Напишу рейтинг о невероятном оскорблении России — отмене космоса.

1 июня, вторник. Утром ездил в издательство «Олимп», где

говорили об издании новой книги. Все это происходит с подачи Д. Р. Кандахсазовой. Они хотят не просто несколько перепечаток, а вполне своеобразную книгу в свою новую серию «Зеркало». Показали мне в качестве образца книгу Галича, в ней стихи, проза, немножко о нем. Я предложил в книгу несколько своих небольших романов, пару-тройку повестей и очерки об артистах и литераторах. Все вместе это составит любопытную и до некоторой степени новую картину.

Заплатили мне довольно хороший аванс.

Весь вечер знакомил Сашу Великодного, который на время моего отсутствия остается с В. С. и собакой, с квартирой и хозяйством. Показал ему, как гулять с Долли. Во время пробной прогулки возник конфликт с некой парочкой у вольера, где мы выгуливаем злобных или течных собак. Хозяйка бультерьера заорала на нас, что она пришла раньше. В этом ее отчаянно поддержал, остервенясь, ее кобель. Как же походят собаки на своих владельцев.

Вечером подготовил план для книги «Олимпа».

3 июня, четверг. Бомбят Сербию уже свыше двух месяцев. Если взвесить на весах потенциал огромной страны Америки и помощь половины Европы — то Сербией война уже выиграна. Как справедливо замечено, войну ведет американский доллар против европейского евро. На эту тему говорил вчера по телефону с бывшим послом России в Албании Нерубайло. Тот самый, с легкой руки которого мы получили пятерых студентов из Тираны. По его мнению, Югославия будет рано или поздно расчленена, разделен будет на албанскую и сербскую части Косовский край. Неизбежно будет и наземное вторжение войск НАТО в Косово. Мы оба согласились, что сербы в этом случае уйдут в горы и начнется дикая партизанская война, из которой, наверное, американцы долго не выберутся.

В Москве — я хотел написать об этом уже давно — антиамериканские настроения растут. Если бы не запрет Лужкова на пикетирование посольства США, толпы наших возмущающихся сограждан до сих пор стояли бы возле уже залитых чернилами стен посольства. Лужков, безусловно, играет много партий сразу — в том числе и американскую. В критике Лужкова «Киндер-сюрпризом» есть много обоснованного и верного. Москвичи компенсируют свои антиамериканские настроения по-другому; во многих окнах жилых домов антиамериканские и антинатовские плакатики. У нас во дворе стоит «жигуль», у которого на заднем стекле наклеечка «FUCK NATO».

Оппонировал двум ученикам Орлова: Самиду Агаеву с его замечательным романом и Васе Логинову, доктору биологических

наук, который у нас выпускается с повестью и рассказами. В Самиде больше честолюбия, молодой страсти. Здесь выдает себя постмодернистика. «Охотничьи рассказы» у Васи Логинова просто хороши. Это попытка составить художественную доктрину просто из умных рассуждений. Вчера выяснил, что после реорганизации ГАИ в какую-то новую структуру, они берут по-прежнему. Мой шофер Миша что-то вильнул в сторону на Ленинском проспекте, и — началось. А вильнул он потому, что в идущем перед ним «форде» шофер, все время нажимая на стоп, говорил по мобильному телефону. Остановили, посадили в милицейскую машину, начали писать протокол. В конечном счете и я сел в машину к сытому гаишнику и стал его упрашивать не составлять акта. Тем более что само нарушение было пустячное. Сначала этот сытый молодой человек сказал, что они после реорганизации ГАИ взяток не берут, а потом милостиво разрешил положить на пустое сиденье возле себя 500 рублей. На этом мы тихо и мирно с ним разъехались. Никакие деньги не сравнятся с бюрократической волокитой, которая расстилалась перед нами.

4 июня, пятница. Невероятная и неприличная суета возникает перед нами всеми в связи с празднованием 200-летия А. С. Пушкина. Что я и предполагал, о чем писал в обращении к Академии российской словесности, то и случилось. Самое некультурное правительство и самая некультурная власть за все время существования Русского государства хотели бы, чтобы этими торжествами с нее списали ответственность за развал культуры и образования. Если раньше огромные деньги дельцы зарабатывали на московских и российских подрядах в строительстве, то теперь уже на культуре. Есть сорт людей, которые подобное ожидают, знают, когда и что из юбилеев подойдет, и с ловкостью выхватывают куски. Вся Москва оклеена портретами поэта и какими-то панно со случайно выбранными текстами. На Пушкинской площади установили в виде рисованного панно какую-то карету с открывающимися дверцами. За этими дверцами портрет Пушкина. Дверцы открываются, челюсть у картонного монумента отпадает, раздается клекот стихов, колеса на карете крутятся.

Уже несколько недель, проезжая по утрам в институт, наблюдаю, как в срочном порядке возносится перед церковью Большого Вознесения ограда и некая ротонда, окруженная кольцевым фонтаном. В центре ротонды находятся два скульптурных изваяния: А.С. и Наталья Николаевна. Вечная любовь на фоне церкви, в которой они венчались. Боюсь, не окажется ли это работой так полюбившегося Лужкову скульптора

Церетели. Почему нужна такая дорогостоящая спешка? Почему надо с таким размахом затевать праздник, когда у половины народа такое непраздничное настроение?

На телевидении всего Пушкина приватизировали с десяток актеров, регулярно курсирующих в Израиль и обратно и так удачно живущих за счет его стихов уже много лет, и несколько ведущих, например Леонид Парфенов, который еще недавно выступал перед нами в роли специалиста по Набокову. Теперь Парфенов в визитке, жилетке и галстуке изображает из себя демиурга пушкинской жизни в пяти сериях.

5 июня, суббота. Весь день занимался хозяйственными делами. Завтра я уезжаю в санаторий, в Форос, вместе с Людмилой Артемовной Линьковой. Форос — это лучшее и самое надежное место, где лечатся все легочные заболевания.

Весь день занимался приведением в порядок дел по институту. Меня очень волнуют три момента: зарплата и отпускные в начале июля, ремонт крыши основного корпуса и ремонт холодного водоснабжения в общежитии. Вдобавок ко всему в хозяйственном корпусе и на «заочке» лопнула труба водопровода. Весь институт сгнил. Я все чаще и чаще думаю о слушании в Думе: «О состоянии дел в Литературном институте». Все пора перестраивать, приближаясь к созданию культурного многопрофильного центра. Кстати, именно в пятницу я выяснил, что М. А. Платоновой отказали в создании музея Андрея Платонова за счет площадей института. Здесь у меня от сердца немного отлегло. Не самые глупые люди сидят, значит, в администрации президента. Но отказ администрации пограбить за счет памяти русского классика Литинститут совершенно не означает, что меня не волнует память о Платонове, как и память о Мандельштаме, живших когда-то на территории института. В этом законе, проект которого я предложу Думе, будет предусмотрено и строительство корпуса, который позволил бы, перенеся туда учебную работу, создать ряд «зон памяти». Дело, конечно, прошлое, но Н. В. Корниенко, которая всегда стояла за всеми посягательствами на институтскую площадь в пользу Платонова, так мне и не сделала список литературы, стоявшей в стенном шкафу Платоновской аудитории.

В пятницу писал письма арендаторам и звонил им, собирая зарплату из недоимок, вечером с натугой и напряжением, как всегда, собирался, гладил рубашки. Ходил с Сашей закупать продукты. Знаю, что сердце будет болеть за В. С. Понимаю, как ей обидно, что она никуда не может поехать, и насколько она великодушнее меня.

Сопротивление со стороны бухгалтерии, то есть попытка разными приемами видимости продемонстрировать свою главенствующую роль в деле сохранения уровня экономической жизни института, продолжается. Они все время хотят держать меня в напряжении. Вот, например, перед самым моим отъездом, подавая мне банковские сведения, Людочка позабыла внести 400 тысяч рублей, которые поступили на счета.

6 июня, воскресенье. На Украине, в Крыму все, конечно, глухо в смысле экономики. Промышленность стоит, из-за огромных цен полупустые санатории, значит, не работает туризм. Крым пытается выбить себе часть бюджетных денег, которые переводят в Киев. Все клянут Кучму, который сделал своей предвыборной платформой сближение с Россией. Везде вырастают татарские поселки. В сущности смешно: татары и украинцы спорят, кому из них принадлежит Крым. В былые времена ни те, ни другие по этому поводу не могли и пикнуть. Если на Крым кто-либо в историческом плане, в качестве исторической химеры, еще мог бы претендовать — это Турция. Цены, судя по всему, здесь баснословно низкие по сравнению с Россией. За 40 долларов довезли до Фороса. Клубника 3 гривны за кг, менее двух долларов, черешня — 2,5. Меня поселили в «люксе», Л. А. практически отказалась от него в мою пользу. В этом я вижу не особый вид подобострастия и любви к начальнику, а какой-то особый ход ее собственного мировоззрения. В санатории хорошо, почти как при советской власти. Новые русские кавказской национальности ходят в спортивной форме или в трусах в столовую. Много детей и перекормленных, безвкусно одетых женщин. Сразу же столкнулись со взяточничеством. Женщина, которая должна была жить вместе с Л. А., дала взятку по 12 долларов за день дежурной, чтобы жить вместе с ребенком, и вот эта дежурная долго Л. А. доказывала, что все нормально и в номере будут жить трое. Та, дескать, имела право. А если бы эта женщина приехала с собакой? В конце концов все обошлось. Мы сразу же спаровались с еще одними приезжими. Пока назовем их так: Алексей и его десятилетний сын Саша. Они из Москвы.

7 июня, понедельник. Провел чудесный день в прогулках и играх с мячом. Здесь дивный терренкур. Все это можно было создать только при какой-то экономической и политической несправедливости. Над санаторием знаменитая церковь. Скалы над санаторием, как сцена. Все время открываются и закрываются облаками. Кажется, это Байдарские ворота. Соседка Л. А. оказалась из Красноярска. «Как только Лебедь даст команду

начать проверять какую-нибудь районную администрацию, так и находятся деньги на зарплату учителям и медицинским работникам». Я еще раз подумал, что Лебедя определенно пресса замалчивает.

Дневник отнимает у меня очень много времени. Я ведь приехал писать здесь про другое. У меня полная прикроватная тумбочка литературы. Надо читать Троцкого.

Врачи не дали мне никакой надежды на выздоровление. Сделать ничего нельзя, с этой болезнью — хронический бронхит, хроническое воспаление легких, эмфизема — мне и доживать. Прописали массаж, ингаляции, прогулки.

Писал ли я о том, как невероятно волшебно нравится мне здешний парк? Такой терренкур, полный маленьких тайн и неожиданностей, построить можно, лишь имея впереди столетия. Все удивительно стройно и не надоедает. Мне все время кажется, что расстилается панорама в «Спящей красавице». Мой номер, в отличие от номера Людмилы Артемовны, выходит не на море, а на горы, на Байдарские ворота. Сколько невероятной красоты и неповторимости в горах. Они располагают к активной и сильной жизни. Как они невероятно красивы и изменчивы! Ленивое, конфетное море тянет к неге.

Во время прогулок мы с Людмилой Артемовной обнаружили на самом краю берега у воды скульптуру сидящего юноши. Скорее всего — это почти вечный чугун. Несколько раз, пока не подошел ближе, я принимал скульптуру за рыбака, который почему-то не шевелится. Кто-то не поленился, синей краской нарисовал ему плавки. И не пощадил себя притащить банку с краской.

Меня совершенно ошарашило чтение Троцкого. Начал с «Моей жизни». Прекрасный писатель. Как это совершенно и прекрасно написано. Его и не могли любить наши вожди-писатели. Он единственный владел всем корпусом словаря, в том числе и народного. Пока меня удивляют сцены его деревенской жизни, поражает богатство лексики, искренность тона и юношеская чистота автора. Этот-то теоретический противник крестьянства. Каков он, этот автор, будет дальше! «Мельник Филипп в очках на молотилке у барабана. Черная борода его покрыта серой пылью, с воза подают ему снопы, он берет их не глядя, развязывает перевясло, раздвигает сноп и пускает в барабан. Рванув охапку, барабан рычит, как собака, схватившая кость. Соломотряс выбрасывает солому, играя ею на ходу».

Для Ленина Троцкий, видимо, был ближе многих по культуре и по искренности пережитого. Читая сейчас Троцкого, я вижу, сколько мелких ошибок я уже насажал в текст.

Еще раз прочел с карандашом в руках «Болезнь и смерть».

Материала мало, чтобы передавать его кому-либо из действующих лиц. Ну, может быть, Сталину: перед генеральной репетицией посещения мавзолея делегатами Коминтерна просматривает бумаги о «мумии». Здесь еще роль Красина — инженера и боевика с его приоритетной идеей заморозки.

8 июня, вторник. Людмила Артемовна ездила на экскурсию в Никитский ботанический сад. На всем побережье, по словам экскурсовода, около 100 недостроенных санаториев, многие из них построены на 60–70 %. Жизнь остановилась. Такое ощущение, что находишься в царстве Спящей принцессы. Роскошные парки, корпуса, начиненные медицинской аппаратурой, стоят и медленно ветшают. Травой прорастают спортивные площадки. Здесь есть мысль об общественных фондах потребления, за счет которых все это содержалось. Считалось, что для начальства за счет остального народа. Но ведь и отдыхала на Черном море за три месяца почти половина страны.

Катастрофа с Крымом связана не только с нелепой государственной политикой наших и украинских временщиков, но и с общим психологическим настроем «урвать». Не заработать медленно и большим трудом, а желательно встретить лоха и почистить его. Ряд процедур в санатории стали «платными». В рамках путевки это мелочи, но оставляет отвратительный привкус мелкой наживы. Массаж — платный. Но массажист предупредил, что если в его кабинете кто-нибудь меня спросит, когда я к нему пришел, говорить: «сегодня», хотя я пришел еще «вчера». «Надоело на государство работать», так теперь работает на собственный карман. Но ведь если санаторий пойдет ко дну, то он лишится работы. Телефон в номере поставить — 10 гривен. Да включите это все в путевку! Ходят слухи, что эти санатории будут приватизированы. И при этой ситуации «как в Анталии», не получится, только погубим исключительную и уникальную систему. Но всюду это ощущение мелкого жульничества. Все почему-то пытаются жить как-то… боком. В лифте молоденькая медсестра предложила мне прогулку по Крыму верхом. На набережной ребята торгуют вареными крабами, которых тут же и ловят. Сын той самой красавицы, которая взяла деньги, не хочет работать спасателем, потому что мало платят, всего 80 гривен, да еще за 5 минут надо суметь проплыть 200 метров — норматив. Он идет в официанты, ему 16 лет.

Многие новые русские удивительно умело пользуются преимуществом старой социальной системы и продолжают ездить не за свои, а за соцстраховские.

Рядом с Форосом на одной из 15 госдач отдыхает Кучма. По

подсчету крымчан, он отдыхает уже шестой раз и продолжительность его отпусков состав-ляет два месяца.

9 июня, среда. Вечером звонил в Москву, слава Богу, с В. С. все в порядке и вернулся из Лондона С. П. Теперь он возьмет в свои руки все мои заботы, главные из которых В. С. и собака.

Продолжаю читать Троцкого. Может быть, я использую в книге эпизод, как отец Троцкого находит сына в Кремле в 1921 году. Для красных Давид Троцкий помещик и классовый враг, а для белых он отец одного из главнейших больше-вистских лидеров. Наибольшее количество времени уходит не на написание вещи, а на ее вызревание. Ошибка того моего романа в том, что я пишу его по горячему материалу — что прочел, о том и пишу, за полями романа остается много материала, который возник позже. Вот и второй съезд без Троцкого получается не так ярко. Прочти я «Мою жизнь» раньше!

У меня еще хватает воли, чтобы наблюдать за природой. В парке сегодня видел двух желтых белок с белыми хвостами. На набережной «познакомился» с местной собачкой, шарпеем — зовут Надой. Вспомнил свою замечательную Долли, мне без нее очень скучно, да и вообще тоскливо. Все говорят, что «собака друг человека», больше — это его идеал дружбы, бескорыстной любви и преданности, идеал всего того, чем сам человек, увы, располагает в меньшей мере, нежели четвероногие друзья.

Ездил на автобусную экскурсию по окрестностям. В основном это знаменитая «дача Горбачева», возле которой нельзя останавливаться, можно лишь медленнее проехать на автобусе. Гид, похожий на всех вместе «культурников», который вообще лепил много чепухи, по-провинциальному наивно сказал: «Все слышали, что такое Форос, но никто не знает. Вы все можете домашним сказать, что отдыхали на даче Горбачева». Сооружение это из ненадежного далека — занятное, эдакой скромно-западной архитектуры с претензией на современный шик, оранжевые черепичные крыши, закрученные наподобие китайских.

Побывал наконец-то в Байдарской долине. На перевале стоят знаменитые Байдарские ворота — довольно скромное строение из ракушечника. Триумфальная арка в честь русских завоеваний и овладения Крымом. Не через них — это более позднее строение — Екатерина въехала на Южный берег. Перед Симферополем — так же, как и Севастополь, эти названия городов принадлежат воображению и вкусу Екатерины, — итак, перед Симферополем есть селение с жеманным названием: «Приятная встреча». Именно здесь, по преданию, Потемкин снова встретился с матушкой.

От Байдарского перевала пешком спустились к знаменитой

церкви, которую построил чаеразвесочный фабрикант Кузнецов. Она очень красиво, как лампада в небе, висит над поселком Форос и над дорогой. Я был здесь лет восемь-десять назад, когда жил в доме творчества в Ялте. Церковь была в то время не реставрирована, убога. С вывалившимися камнями и текущими крышами. Но в своих недостатках мне она казалась более значительной, чем теперь, в золотых куполах она поблекла. И вообще, это был довольно безвкусный и подхалимский ход — поставить церковь во спасение царя и царской семьи после крушения в Борках неподалеку от Ливадийского дворца. Ах, ах, кто это возвел такой замечательный храм на скале? — А это, ваше величество, в честь вашего спасения фабрикант Кузнецов способствовал. В церкви хороши и скромны внутренние помещения и новый, нашего времени дубовый резной иконостас.

Церковь реставрировалась по повелению Раисы Максимовны, честь ей за это и хвала. Она любила, чтобы вокруг все было красиво, и собиралась долго благодетельствовать и украшать эту землю. Относительно храма ходит и еще несколько легенд — будто бы, например, именно в помещении этой церкви или рядом, в доме священника, где, вроде бы, был ресторан, Хрущев собирался дать торжественный обед в честь шаха Ирана. Узнав о таком вольном обращении с домом Бога, шах категорически отверг эту честь.

Поставил несколько свечей за здоровье близких и на канон в память о родителях.

Я полагаю, что у России сейчас есть политический смысл поддерживать татар.

10 июня, четверг. Закончился первый этап сербской войны. Подписали какие-то документы и вроде бы пока не будут бомбить. Россия вводит наряду с НАТО свои войска. Истратили весь стареющий запас бомб. Апробировали новую военную технику, потренировали людей, разрушили страну. Теперь заводы получат заказы на новую технику и на восполнение потерь в боеприпасах, американские инженеры засядут за проектирование нового вооружения. Если будут что-либо восстанавливать в Югославии, то опять же — получат работу американские фирмы. Совершенно искренне проклинаю наших и ихних дель-цов.

11 июня, пятница. Забежал к врачу по настоятельному требованию Л. А., которая это уже сама сделала. Сердце и кровь у меня еще вроде бы в норме, хотя много каких-то ферментов в крови, которые подразумевают аллергию, и в крови есть повышение нормы сахара. С легкими хуже, определенная часть их

уже не работает. Но субъективно я чувствую себя лучше, каждое утро вместе с Л. А. ходим минут сорок по дорожкам терренкура — она все время что-то рассказывает, — потом она купается в море, я отложил систематические морские купания на более дальний срок, а вслед за тем мы идем в бассейн минут на десять: надо еще помахать руками. Утро у меня занято врачебными процедурами. Их, по моим подсчетам, у меня семь — и массаж, и ингаляции, и прогревания. Стараюсь больше быть на воздухе, много читаю и печалюсь, что ожидаемая «кристаллизация» новых глав романа не происходит.

Не мог весь вечер дозвониться до В. С. Волнуюсь.

12 июня, суббота. Валя все же испортила мне настроение. В Москве жара, ей, конечно, очень трудно, но тем не менее разговор она начала с того, что ей жалко нашу собаку, которую некому вывезти на дачу.

Вечером, включив телевизор, несколько минут смотрел концерт из Сочи — там два повода для него: День независимости и «Кинотавр» Рудинштейна. Пели очень обрюзгшие Буйнов, Добрынин и Розенбаум. Демократия, надо сказать, очень постарела.

13 июня, воскресенье. Говорили с Сережей и Анатолием — нашими новыми друзьями. Патриотические разговоры всегда душат меня своей ограниченностью и кастовостью приводимого материала. Кто против нас, того не читаем.

Принялся, наконец, за новую главу. Какие-то смутные ощущения появились. Без самого Ленина мне писать трудно.

Начал купаться.

15 июня, вторник. Прочел в «Новом мире» один из выпусков мемуаров Миши Ардова «Легендарная Ордынка». Прочел, так сказать, с подачи Татьяны Васильевны. Здесь, конечно, огромная эксплуатация имени Ахматовой, которая дружила с семьей Ардова и часто останавливалась у них в Москве. Автор ее и любит, и она, видимо, относилась к нему неплохо, но какая видимая разница в духовном натяжении жизней. Местами интересно по факту, но во всем этом такая облегченность и такое пошлое и плоское отношение к жизни, что начинаешь дивиться — и этот человек прошел процесс превращения из просто мирянина в священника! Сколько разных анекдотцев и анекдотиков.

В известной мере я, конечно, автору завидую, что таких собеседников у меня не было.

Чуть-чуть подвинулся роман и пошел опять медленно, как

обычно. Все дело в мельчайших переходах, акцентах и поисках «увлекательности».

Наши вошли в Косово, перебросив войска из Боснии, обдурив всех. Но это все мелкие ухищрения по сравнению с главным: Югославия будет расчленена, и Косово, конечно, хотя бы его часть, отойдет к албанцам.

У меня остался очень небольшой объем легких, я внутренне пытаюсь заглянуть себе в темное нутро. В связи с этим вспомнил, как Федя для Долли привез из деревни мешок замороженных легких от коровы. Когда я разбирал эти куски по долям, я натыкался на совсем как бы трухлявые, потерявшие плотность и эластичность кусочки. Вот так я представляю и себя, разве здесь можно что-либо восстановить?

16 июня, среда. Безумно волнуюсь за Валю. Весь вечер дозванивался до Лошкаревой. Аппарат жрал карточки. Я понял, что сделал очень интересную книгу. Вечером провожали Лешу.

17 июня, четверг. Сегодня утром уехал Леша со своим десятилетним сыном Сашей. Мы с самого начала просидели с ними за одним столом, попривыкли, вечерами сидели на балконе и ели какую-нибудь, под вино, ягоду. Леша с какой-то сложной казацкой биографией, с какой-то легендой. В его роду отчетливо помнят о табунах лошадей и крупных богатствах, которые имелись у предков. И сегодня он определенно принадлежит к некому высшему слою русских, которым с детства досталось чуть больше, чем всем остальным. Его детство — отец геолог — прошло в Афганистане, он умудрился даже получить пожатие руки короля. Сам он человек безумно интересный, обаятельный, физически славный. Он занимается добычей нефти, проектированием, разведкой и обустройством скважин. Все на уровне эксперта, в Москве. Деньги — от нефти и оттого, что работает с зарубежными нефтяными компаниями. Леша с увлечением рассказывал мне о бурении, показывал на чертеже, мне все это было интересно. Достаток определенно накладывает отпечаток на поведение людей. Саша тоже имеет прелестную рожицу, но, к сожалению, у него какой-то врожденный дефект в строении верхнего резца. Ему сделали в Германии какую-то сложную операцию, есть надежда, что в проломе появится новый зуб, и, кажется, он уже растет. Особенность этой операции, что над этим новым зубиком врастили капроновую петлю, за которую в случае, если зуб на свое место не сядет, надо будет дернуть. Я пишу об этом подробно потому, что интересуюсь всеми достижениями человеческой мысли, и потому, что тысячи

Сашиных сверстников не увидят ни Фороса, ни знаменитого хирурга, который оперирует в Германии детей состоятельных людей. В самом конце случайно выяснилось, что Лешин тесть, а Сашин дед, очень богатый предприниматель. «Сашке уже можно всю жизнь не работать, он единственный наследник, на него уже столько записано и столько ему принадлежит…». Я впервые вижу такого богатого мальчика. Милый, не жадный, покладистый, никак не похожий на капиталиста. Пока все это ему идет на пользу, он прекрасно держится, интересуется компьютером, книжками, устройством мира. Но мир в моей стране уже определенно уплывает в незнакомую для нас сторону, и с этим надо примириться.

Сумку Леши пришлось тащить наверх. Перед самым отъездом я успел забежать в магазин и в подарок Леше купил бутылку «Каберне Инкерман», а Саше жвачку. От Саши я еще получил задание купить в книжном развале несколько клеящихся книжек: «Летчики», «Моряки» и «Король Артур».

Звонил в Москву. Видимо, дела идут без особых эксцессов. Фриу из Парижа пытается, как всегда, вести свою политику. В частности, он настаивает на приглашении в Париж в связи со 100-летием Платонова Корниенко. Я написал ему письмо, где сказал, что у меня есть собственные соображения. Ну, во-первых, она постоянно работает не в Литинституте, а в ИМЛИ, вот пусть от них и едет. Не в счет нашей квоты. Во-вторых, ну как же я могу относиться доброжелательно к женщине, которая вот уже несколько лет мотает мне нервы и пытается урвать часть института во имя создания собственного платоновского центра или музея.

18 июня, пятница. ТВ показало жуткую картину бегства сербов из Косова. Вот, оказывается, чего добивались силы НАТО. Именно на этом фоне видна последовательность сербов в отстаивании порядков на своей земле. Национальные конфликты всегда чреваты, всегда, если нет сильной руки и упорства в наведении порядка, — месть. В «НМ» читаю очередное для меня эссе Битова. Как парень хочет казаться великим европейским писателем! Из этой статьи я впервые узнал, что Битов был аспирантом ИМЛИ. Как и Ерофеев. Это опять-таки попытка создать литературу не из собственного темперамента и переживания, а из знания. Модели въелись и теперь по способу экономии материала просятся в литературу. Листая Троцкого, я пришел к выводу, что многое из написанного им надиктовано. Вот эти надиктованные вещи у меня сразу отмечает компьютер. Подчеркивая красным ошибки в стилистике.

Утром к нам за стол подсадили молодую пару: муж и жена. Муж, черноглазый парень лет двадцати четырех, уже с пузцом. Это сытенькие еврейчики из-под Винницы. С собою они привезли двухлетнего младенчика, естественно, ни питания, ни проживания на него не оформили, и вот малютка сидит на коленях у матери, капризничает, слюнявится. Все подсчитано и скоординировано. Их привез папа за 800 км на «автомобиле с кондиционером», так дешевле. Папа, видимо, тоже живет в санатории, но в столовой не появляется. Я вспомнил весь ритуал наших обедов, когда были Леша и Саша. Обед стараемся с Л. А. есть раньше, до прихода этой образцовой семьи.

Л. А. продолжает безумствовать по поводу восстановления своего здоровья. «Солдат собственного здоровья».

22 июня, вторник. Дневник, как таковой, я не пишу. Кажется, немножко пошла глава. Я собрался и уже настрочил что-то около десяти своих полных страничек. Изредка на диктофон надиктовывал отдельные фразы.

Мой лечащий врач сказала, что по моей просьбе она все узнала: ни в одном санатории на Южном берегу Крыма не работает ни один гемодиализ. Я всегда думал, что В. С. будет работать до глубокой старости. И будет долго ездить по всему миру, как она и любит. Такая знаменитая, словно Фаллачи, старуха.

После куриного скандала, когда поставляемые в Россию куры оказались заражены диоксином, скандал новый — из продажи во многих странах Европы изъяли кока-колу. Я всегда лелеял свою старую мысль, что советская власть в глазах ее граждан погорела потому, что не было жвачки и кока-колы. Теперь рушится последний бастион. Изъяли, кажется, и «Фанту».

В воскресенье говорил с В. С., как всегда после этого ходил расстроенный. Это обычная ситуация с тяжелобольными людьми. Им хотелось бы, чтобы вместе с ними сгинул и весь мир и даже их близкие. Умозрительно я это понимаю. Глядел на огромную сосну в прекрасном форосском парке: после меня, когда меня уже не будет, много других людей будут восхищаться вязью, на голубом небе, этих тяжелых изогнутых ветвей.

По ТВ показали, как албанцы вернулись в Косово и убивают сербов. После всего этого о каком холокосте мы можем говорить. Евреи — нация, которая нескромна по отношению к своим страданиям. Мы, Россия, эту войну проиграли, НАТО взяло верх. Ну, исхитрились, ну, перебросили батальон в Приштину, а что теперь с этим батальоном делать? Все задавлено натовскими и албанскими войсками. Не написать ли мне письмо министру

Филиппову, чтобы он разрешил мне взять сербский семинар?

В Швейцарии на перевале Сен-Готард поставили памятник Суворову. Организатором всего этого оказался один из потомков Фальц-Фейнов, о богатейших землях которого писал В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России». Немудрено, что эта фамилия так богата. Тем не менее спасибо. За основу при изображении полководца скульптор взял посмертную маску Суворова. От этого полководец, верхом на коне, приобрел какие-то мистические черты. Здесь погибло 5 тысяч русских солдат. Стоит ли какая бы то ни было победа пяти тысяч жизней? И взятие какого бы то ни было моста? Зато погуляли по Неаполю.

Читаю воспоминания Михаила Ардова. В этих мемуарах, кажется, действуют только люди одной национальности. Все они остроумны, милы, шутливы. Я не вижу ничего смешного во многих их шуточках.

Лужков по ТВ жалуется, что Иосифу Кобзону по какому-то каналу не дали спеть песню, в которой есть слова об отечестве. Тут же он и расшифровал: подразумевалось «Отечество», лидером которого является сам Лужков.

29 июня, вторник. Снова в Москве. Вышел «МК» с полосой «Диссиденты-99». Статьи и интервью Синявского, Матусевича, Розановой. Мне этот номер подложил Лева Скворцов, потому что здесь Зиновьев написал, что его после возвращения на родину берет преподавать Литературный институт. Это соответствует действительности, ибо мы договорились с Александром Александровичем, еще весной во время его приезда в Москву и выступления в институте. Я выписываю то, что мне подходит: «С юности я был антисталинистом, коммунистическим романтиком, считавшим, что советская романтика не соответствует марксистским истокам».

Здесь же интервью нашего с Валей старейшего друга Володи Матусевича. Он, конечно, в свое время лихо сбежал из Союза, оставив двух ребят-близнецов и жену. Все подготовил, не заплатил деньги за квартиру и смотался. Не знаю, что у него пересилило: тяга к свободе или тяга к западным удобствам. Сейчас Володя резко пишет о радио «Свобода», где он в свое время возглавлял русскую службу. Всегда они, конечно, были против русского национального начала, против нашего понимания свободы как ряда обязанностей, свободы думать и не зависеть от куска хлеба и быта. Мы не свободны были лишь относительно жвачки и кока-колы. «То, что произошло с Россией сегодня, поистине страшно. И я виню в том, что произошло со страной, и себя, и русскую службу «Свободы», которую я

возглавлял. Правда, сегодняшняя «Свобода» обслуживает властные структуры России — работая на Березовского». Мне-то все это было ясно, когда они еще начинали свой либерально-демокра-тический процесс, потому что сразу замахивались не на беспорядки, а на замену сердцевины.

Дорогая Мария Васильевна Розанова говорит: «Я человек многопартийного мышления, поэтому страна одной идеологии мне абсолютно не подходит». Слово «многопартийный» подходит и мне. С ума они сошли, эти диссиденты, в своем беспамятстве! Они что, забыли, о чем говорили раньше? «Даже советская 70-я статья, каравшая за антисоветскую пропаганду, была лучше, чем ваша демократия». О нетерпение желающего лучше жить сердца! Отказываю я им всем в искренности!

Толя Гладилин. Я-то знаю, что уехал он, запутавшись в своих бабах, а вовсе не потому, что что-то было в его судьбе не так. Теперь подвирает: «После Литинститута мне дали такую смачную комсомольскую характеристику, что я долго не мог найти работу по специальности. Но однажды мне неожиданно позвонили и предложили работу в «МК» — и.о. завотдела искусства». Характеристику комсомольскую никто никогда для работы не требовал. Ее могли попросить, когда человек отправлялся работать в комсомольскую газету. Толечка, повторяю, был счастливейшим человеком при советской власти, в 17, кажется, лет напечатал повесть, которая сделала его знаменитым. Я помню, как в Копенгагене в начале перестройки подарил ему свою книжечку с цитатой из «Клеветников России» Пушкина, вместо посвящения.

2 июля, пятница. С утра был Э. Лимонов, приводил очень талантливую девушку. Поговорили с ним о том, как не регистрируют его партию, так сказать, вопреки закону. Тихо-тихо, но Эдик своего добьется.

3 июля, суббота. Сегодня в Московском отделении Союза писателей состоялось торжественное вручение членского билета Александру Зиновьеву. Я тоже был к этому готов: в моем портфеле лежало удостоверение профессора Литинститута и выписка из приказа о нагрузке профессору Зиновьеву на очередной учебный год. Я не очень еще представлял, что он будет читать, но ведь большее значение имеет не что, а кто читает. Поразительнейшее наблюдение высказал Зиновьев перед самим вручением: «Когда в 1988 году Горбачев приехал в Лондон и отказался поехать на Хайгетское кладбище, я уже тогда понял, что мы имеем дело с предателем».

5 июля, понедельник. Утром в институте встретились со знаменитой индийской поэтессой, она была когда-то женой посла Индии в СССР, потом была женой премьер-министра. В те времена она не ведала ни Литинститута, ни Сергея Есина. Но нынче ни Белла Ахмадулина, ни Андрей Вознесенский ее не принимают и больше ее стихов не переводят. Все условно. На встрече переводила немыслимо элегантная Людмила Артемовна, у нее родилась еще одна внучка. Она счастлива.

Выдали зарплату и отправили всех в отпуск. Меня, конечно, угнетает, что в нашем институте простой народ получает так немного. Занимался арендаторами и ремонтом. Начал читать «Россию, которой не было» некоего Александра Бушкова. Как быстро они все, наверное бывшие преподаватели марксизма-ленинизма, набрали материала «супротив». Ну обо всех плохо — и о Ленине, и о Петре Первом, и о Столыпине. Хорошо, оказывается, только татарское иго. Какая сытная и плотная вещь Россия — сколько же паразитов она может прокормить!

6 июля, вторник. Наконец-то отработал и закончил речь для Италии. Постарался включить в нее все, чего нет у меня в дневнике.

ПРОСТРАНСТВО ЛИТЕРАТУРЫ И ПРОСТРАНСТВО НАУКИ СЕГОДНЯ

Выступление на «круглом столе» «Наука и литература», проводимом в рамках Международной премии имени Эннио Флаяно. Италия. 10 июля 1999 г.

Удивительная тема нашего собеседования «Литература и наука сегодня» кажется мне не только актуальной, но и несколько причудливой. Это как попытки изобретения перпетуум-мобиле. Теоретически невозможно, но бытовая логика заставляет пытливого механика что-то мастерить. Так, наверное, и писателям кажется: какое отношение наука, да и сам прогресс имеют к литературе? А если они все же взаимодействуют, то, вероятно, лишь на уровне стального пера, которым писал раньше неутомимый чародей слова, а нынче на уровне компьютера, на котором писатель отбивает свои сумасшедшие такты.

Эта завлекательная проблема — взаимодействие литературы и науки — сегодня не имеет никакого объективного решения. Вернее, писатель с воображением наворочает вам огромное количество «за» и будет говорить о неумолимом ходе прогресса, а вместе с ним и о движении литературы, и в той же самой профессии найдет достаточное количество «против», доказывая неумолимость гнета формального знания над полетами воображения. Ответ на эти вопросы — «за» или «против» — имеет не объективное, а лишь личностное значение. Их ценность зависит от искренности писателя, пытающегося вновь и вновь рассмотреть проблему.

Я, естественно, в ужасе от того, что мне надо сказать. Рой обязательных для литератора ассоциаций накатывается на меня, начиная с библейских. Я пытаюсь вспоминать и перетряхивать литературоведение и историю литературы, забытые со студенческих времен, и вспоминаю, что Рабле и Чехов были врачами, математик Ньютон почти в художественной форме, уехав во время чумы или холеры из Лондона, изложил там, в тени остывающей зелени, свое соображение о яблоке, русский писатель-классик Гарин-Михайловский, написавший ряд прекрасных художественных произведений, был знаменитым инженером и построил Транссибирскую магистраль. Примеры можно было бы множить, но я вам обещал искренность и потому не утаю вспыхнувшую у меня в сознании цитатку из нашего классика Федора Достоевского, ключевым словом в которой звучит слово «наука».

Это беседуют герои вещего романа «Бесы». Они говорят о будущем: «Другие из коноводов прямо уже говорят, что братства никакого им и не надо, что христианство — бредни и что будущее человечества устроится на основаниях научных. Все это, конечно, не может поколебать и убедить буржуа. Он понимает и возражает, что это общество, на основаниях научных, чистая фантазия, что они представили себе человека совсем иным, чем устроила его природа; что человеку трудно и невозможно отказаться от безусловного права собственности, от семейства и от свободы; что от будущего своего человека они слишком много требуют пожертвований, как от личности; что устроить так человека можно только страшным насилием и поставив над ним страшное шпионство и беспрерывный контроль самой деспотической власти».

Ясна мысль этого экстремиста, которого представляет в своем романе писатель?

Стану на некоторое время ретроградом. Наука много раз обещала человечеству счастье и достаток, а через них, через свое материальное могущество, спокойную совесть, не отягощенную суетной необходимостью искать пропитание. Выполнила ли она свои обещания? Слава Богу, рухнули режимы, построенные на принципах двоемыслия и шпионства, но, может быть, рухнули они потому в первую очередь, что при их закладке мало было обращено внимания на саму чистую науку и математику совести, которая была включена в эту науку, а строители торопливо воспользовались жесткими фантазиями — «утопиями». Может быть, сама наука созидает, а человек с его мизерабельными интересами к общему все разрушает? Я уверен, что не один оратор здесь вспомнит человеческий гений, приоткрывший дверь в мир, чтобы в мир, как созидатель, вошла атомная энергия. Но, оттолкнув от бронированной двери реактора человека в белом халате и с логарифмической линейкой, в мир выпрыгнула атомная бомба.

И подобные примеры можно множить. Бывший российский премьер Черномырдин обессмертил себя, рассматривая подобную ситуацию, знаменитым афоризмом: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Кто же думал, что светильный газ, впервые дебютировавший на средневековых улицах наших городов, со временем превратится в «Циклон Б», от которого во время войны в фашистских застенках погибли тысячи наших соотечественников?!

Я никогда не поверю, что братья Райт, строившие свои летательные аппараты, предвосхитили совершенно научные и выверенные удары по Косово. Да и вообще албанцы и сербы, жившие

столетиями в косовских долинах мирно, может быть, как-нибудь и продолжили мирно существовать, поклоняясь разным ипостасям Бога, если бы не существовали могущественные, начиненные техникой и горящие поддержкой соседи и не имелась бы масса технических устройств, от электронной трубки до любимого сотового телефона. Развитие техники провоцирует электронную трубку. Как завоевание человечества, она, конечно, дорога, но человеческая жизнь дороже. Я боюсь науки.

Теперь мне предстоит сказать несколько слов о преимуществах сегодняшней русской литературы. Парадокс заключается в том, что, сдав свои советские, а по сути социальные, позиции, литература почти прекратила создание фундаментальных произведений. Нашу страну, как раньше, не потрясают сочинения писателей, которые прочитывались всеми. Куда-то даже делись напряжения пытливого русского духа. Я бы сказал — даже наоборот, на передний план вышла какая-то яркая шутейностъ и безобразие плоти. Может быть, потому, что оказался доступен компьютер и его главный герой — всеобщая технотронная личность с присущими ей чертами — принципиальной аморальностью и аполитичностью.

Вы помните, как в середине XIX века Ф. Достоевский говорил о будущем человечестве, которое утвердится на «научных началах»? Не утвердилось ли оно в типографских картинках, которые создают приукрашенное ощущение полноты иллюзий и цвета в мире, и в электронных текстах, создающих иллюзию многолагерных и философских?

Но пока, и к счастью, еще нет электронной философии, и первый держатель и создатель виртуальной реальности, мира образов — литература — еще цепко держит свои позиции. Нет пока ничего более художественно емкого и эмоционально потрясающего, как картины ада, рая, чистилища «Божественной комедии». Можно, конечно, это все, что словами сотворил флорентиец Данте, перевести в электронные образы, включая образ автора, его вожатого и Люцифера, но все это получится мелко и скучно.

Поэтому предоставим литературе те специфические возможности, которыми она и занимается — исследовать сердце человека и его божественную крепость. Предоставим литературе в яркой обложке заниматься тем, чем она занимается — развлекать и искушать человека. Она уже не литература, как придание формы зубной щетке, по большому счету, не искусство, а дизайн.

Удивительно емкое слово! Дизайн литературы, дизайн философии, дизайн человеческих отношений. Без какого бы то ни было принципиально нового внутреннего содержания. Это новизна,

старая как мир, лишь отложенная временем. А сущностью по-прежнему занимаются литература и наука. Две любящих и воюющих сестры! Две распределительницы знаний и счастья. И ничего нового.

В той цитате, которую я вспомнил в начале своего выступления, я приводил слова одного из героев Достоевского. В них мне дорога лишь часть фразы: «……человеку трудно отказаться от безусловного права собственности, от семейства и от свободы». Ну, от права собственности я еще откажусь…

В этом году в Литинституте, в элитарном московском заведении, среди выпускников которого из последних имен и Фазиль Искандер, и Чингиз Айтматов, итак, в этом году были выпущены пять албанских студентов. В свое время их приравняли к студентам русским, Джон Сорос дал им кое-какие деньги на проезд. Они пришли к нам — повторяю — пять лет назад, и их специальностью стал перевод русской художественной литературы на албанский язык. Хорошие ребята, хорошие специалисты. Сегодня я полагаю, что мне уже необходимо входить к начальству с тем, чтобы в ближайшее время постараться принять в институт с полдюжины сербов. Мы и из них сделаем специалистов. Я знаю, что быстрее всего общий язык сегодня находят люди, занятые одним из двух благороднейших в мире дел — наукой и литературой. Два зернышка из спелого яблока рая…

7 июля, среда. Возможно, для «Труда». Если все будет в порядке, то заметочка выйдет лишь в номере от 16–22 июля.

«Самое крупное художественное впечатление от прошедшей недели — это интервью Павла Бородина по поводу окончания первой очереди реконструкции Кремля. Всей реконструкцией, оказывается, лично руководил Ельцин, и поэтому так и хочется воскликнуть: какой художественный руководитель! Теперь-то мы точно знаем, чем знаменательны годы его президентства. Какие снова возникли залы с орлами, какая роскошная средневековая позолота. И все это сущие, по словам Павла Бородина, гроши. Какие-то 350 миллионов долларов. И при этом было вполне взвешенно сказано, что Россия всегда занималась духовностью. Беда только, что тысячи и десятки тысяч обнищавших учителей и врачей, не имеющих медикаментов и средств добраться к тяжелобольному, под духовностью понимают нечто другое. Но главное, успокоительное слово произнесено. У реставрационной команды возникают даже какие-то идеи насчет Дворца съездов, который как-то не вяжется с общей царской обстановкой. Я уже подумал, не ждет ли этот Дворец нечто такое, что уже случилось с храмом Христа Спасителя. Какие роскошные были кадры

взлетавшего на воздух храма. Ломать — не строить. Мельком замечу, что, кажется, навсегда в этих реставрациях исчез прежний зал заседаний Верховного Совета, в котором творилась наша история. Но, похоже, у истории теперь новая система координат, она начинается с Бориса Ельцина и Павла Бородина, соседей по Кремлю и соседей по дому».

(Все, что в этом материале отмечено жирным шрифтом, результат редакторской правки, и правка эта, конечно, имеет некоторый политический, а не стилистический привкус.)

В Москве невероятно жарко, весь день провел на работе. Прочел труды некоего абитуриента Сафьянова, отвергнутого на публицистику Юрой Апенченко. Парень еще хороший спортсмен, кажется, играет за дубль «Торпедо». В конце концов оказался же чуть ли не лучшим аспирантом мой бывший ученик, мастер спорта Валера Осинский. Единственное, что меня смущает, сам ли это все написал парень.

9 июля, пятница. Утром рано улетаю в Италию. Поездка короткая — три дня, участие в дискуссии на «круглом столе» национальной премии Флаяно. Всё это произойдет в Пескаро — городе на берегу моря. Здесь надо обязательно написать, что поездка возникла почти случайно, благодаря итальянским связям Миши Семирникова. Я написал заранее речь, оригинал отослал по факсу, но все равно бросился в эту поездку как в омут. Всему этому посвящены мои «итальянские» страницы в записной книжке. Но начинать надо с Инны Ростовцевой.

Только, пожалуй, в самолете, когда улетаешь от одних забот и еще откладываешь, чтобы начать думать о заботах будущих, ты вроде бы свободен. В самолете притворяюсь перед собой, что я свободен, имею досуг и могу просто так, от любопытства и любознательности перелистать прессу. Перелистал.

Писал ли я, что за несколько дней до этого ко мне в институт зашла Инна Ростовцева, наш знаменитый литературовед и критик? Я ворвался откуда-то со двора в приемную, а в приемной, в кресле, сидит то ли какая-то барышня, то ли старушка. Я даже будто бы не очень вежливо рявкнул: «В чем дело? Вы что, насчет жилья?» Я подумал, что меня подстерегает какая-то просительница из жилого корпуса общежития, но просительница сказала: «Сергей Николаевич, вы меня не узнаете? Я — Ростовцева». Я сразу смутно вспомнил наш с ней какой-то разговор еще на радио, когда шел ее материал. Я относился к ней почему-то тогда настороженно. Поговорили в моем кабинете. Инна Ивановна рассказала почему-то мне о встречах с Твардовским. Ее рассказ не пересказываю, видимо, он ею уже где-

нибудь опубликован. Но весь разговор у меня оставил очень славное впечатление. Постепенно обнажилось и то, с чем Ростовцева пришла. Просьба у нее была только одна, довольно типичная для нашего писателя: она хотела бы поработать в институте. С подобными просьбами ко мне обращаются довольно часто. Вот недавно об этом же просил поэт Устинов. Причем обижаются, когда я отказываю. Но здесь другое. Я давно уже думаю еще об одном мастере-критике, но никогда имя Ростовцевой в этом переборе не возникало. Ростовцева принесла мне журнал «Всемирная литература» со своей статьей. То ли подарок, то ли «пробный материал». Вот статью Ростовцевой я и начал в самолете читать.

Оказалось, что в статье довольно много цитат из моего выступления на Тютчевской конференции в 1996 году. Я-то делаю быстро, как бы вскользь, по должности кропаю отдельные материалы, а они постепенно уходят в работу. Воистину, «нам не дано предугадать…». Прекрасная статья об одном из феноменов тютчевского стиха — он виден из названия статьи: «Принятый в XX веке как современник» — практически открывается моей цитатой. «Наверное, нет в русской литературе другого такого поэта, творчество которого настолько бы не принадлежало себе. Ничтожно малый остаток его стихов, которые сами по себе являются благоуханными цветами поэзии, заключен в обложках его книг. Это, может быть, самое небольшое в России собрание поэтических произведений. Все остальное из авторской собственности нашего национального поэтического гения принадлежит уже читателю, читательской народной душе, формулам нашего национального самосознания и думанью, нашему языку: «Умом Россию не понять…», «Молчи, скрывайся и таи…», «Счастлив, кто посетил сей мир» и т. д.». Порадовался и за себя, и за институт, потому что есть ссылочка на то, что подобные конференции, тютчевские чтения проводятся у нас через два года. Как бы теперь нам не забыть об этом начинании. Ушел, умер Лев Адольфович Озеров, и конференция почти иссякла. Да и сам я все еще не привык, что меня цитируют, все приходит слишком поздно, а сверстники уже мрут.

Итак, Италия. Аэропорт, такси до Рима — в этот день, как назло, бастует электричка, — потом двухпалубным автобусом почти через всю Италию, от одного моря к другому — в Пескару. Невероятная дорога через горы, мимо крошечных городков на вершинах горных отрогов, мимо полей и фруктовых рощ, через ту самую голубую дымку, которую можно увидеть на полотнах мастеров Возрождения.

Наконец, как корабль в причал, автобус тыкается в

железнодорожный вокзал Пескары. Меня должен встречать синьор Креати, смутно припоминаемый мною по книжному конкурсу Пенне — мы оба с ним в жюри. Синьора Креати нет, но у меня есть название отеля. Идет теплый летний дождь, и это придает мне уверенность. Я нахожу отель, разыскиваю некую Христиану. Мой номер на втором этаже. Умываюсь, спускаюсь вниз. В вестибюле новые приезжие. По лицам я всю эту тусовку не различаю. Прилетел только смутно знакомый мне Данте Марнанаги — парень, похожий на Стенфорда. Он итальянец, занимается итальянским институтом в Шотландии. Публика все пожилая, известная в собственной среде, и это ее час. Они ходят и собирают свой виноград, Но, может быть, и я живу, чтобы писать своего Ленина — ленинский текст о кооперации у меня с собой — и дневник? Где счастье? Где развлечения?

Тут меня встречает наконец-то синьор Креати. Он ни слова не знает по-английски. Я совершенно забываю, что он чуть-чуть понимает по-русски. В моей памяти вдруг всплывает слово «манже». Я хочу есть. Тем временем Креати скрывается.

Премия Флаяно относится и к телевидению, и к кино, но это, то есть сама церемония, через день — пока мы во власти слова. Я также помню наказ Миши: «не миндальничать, напомнить Креати о деньгах…». За мое выступление мне должны оплатить билет и дать 500 долларов. Мысль о долларах делает меня расчетливым.

Если тебе платят деньги, естественно, надо отрабатывать. Не успел оглянуться — я в автобусе, и через час куда-то привезли. В автобусе представительные дамы-профессорши со всей Италии, старики-профессора и, кажется, писатели. Ужинать? Не тут-то было. Сначала какие-то посиделки. Куда они дели обещанного мне переводчика?

У меня ощущение, что я уже на каком-то «круглом столе».

Пожилые джентльмены по очереди занимали внимание зала. Я находился в каком-то старинном палаццо, прекрасно отделанном и перестроенном под ресторан. Во время всей этой собеседующей процедуры я скромненько сидел на стульчике и разглядывал кусочки, под старину, фрески на потолке, покрытие полов из крупной керамики, стулья под старину, крытые полосатым репсом. Здесь я впервые ощутил пытку безъязыкости. Положение обязывало постоянно общаться с маститыми, но мой английский язык сразу же буксовал, когда от приветствий собеседник переходил к чему-либо более существенному. С некоторым недоумением наблюдала за мной Христиана.

Это молодая полная женщина в дальнейшем оказалась очень заботливой и даже мне сочувствующей. Сначала она приткнула меня к итальянке, но та оказалась беременной. Мы поговорили с

грехом пополам о будущем мира и о том, что его обживать молодым. Но тут «круглый стол» заканчивается, и все отправляются ужинать. Манже! Тут мне не нужен ни язык, ни Вергилий.

10 июля, суббота. Утренняя прогулка: в белых штанах и своей светло-голубой рубашке, в которой я проехал все тропические страны, — покупал ее еще в Таиланде — иду по набережной Пескары. До 12-ти я свободен. На завтрак съел творог, корнфлекс, кекс и кофе. Такое я раньше видел только в американском кино с местом действия во Флориде. Один к одному стоят, без промежутков, отели, потом довольно ухоженная набережная, потом, напротив, огромные, но разделенные на сферы влияния пляжи. Перед каждым — то ли пропускной пункт, то ли кафе. Видны ровные ряды зонтов от солнца и шезлонгов. На каждом пляже свой цвет. Все это очень увлекательно. Народу много, вдоль всего пляжа запаркованы машины. Среди ряда отелей попадаются частные виллы: небольшие, под черепицей, старинные — и огромные современные монстры.

Навстречу мне едут на велосипедах загорелые старички и трусцой бегут 30—35-летние перекормленные джентльмены. Здесь эстетика — солнце, загорают все, не задумываясь о радиации.

Сижу на пресс-конференции молодой американки, которая, кажется, пишет какие-то ужастики. Американка — негритянка, миловидная, с тучей мелко заплетенных косичек. Когда она моет голову, интересно, расплетает их или нет? Она, как и молодой китаец с модными локонами, основные претенденты на лауреатство. Войдя в комнату, я немедленно перевожу кондиционер с отметки 9 «холода» на 1 «тепла». Со своей болезнью я теперь на «вы». Идут разговоры, все время звучат интернациональные слова: «культура», «литература», «эмоции»! Опять «культура»! Несмотря на это, естественно, я ничего не понимаю. В окно царапается пальмовая ветвь. На втором плане — раскаленная розовая улица с ползущими вереницей машинами и за улицей пляжные кабинки. За ними — этого уже не видно — Тирренское море, похожее на щавелевый суп. Жара, море начинает цвести. Пескара — в переводе рыболовное место, по народной этимологии вспоминаю пескарей. Но вообще-то это большой город со своей промышленностью и огромным курортно-туристическим бизнесом.

В президиуме наш председатель и еще другие люди со значительными лицами, корреспондентов немного, лениво в крошечный зальчик заглядывает иногда человек с видеокамерой:

в другом зале отеля тоже проводят какое-то собрание. Мне, как и всегда, кажется, что русских здесь не любят. Сижу одиноко, чуть в стороне, ближе к двери. В американку президиум вцепляется, как собака в кость. У итальянцев страсть к американцам, как и у нашего правительства. Когда ей что-нибудь, американке, переводят, все терпеливо пережидают. Я тоже пережидаю, а потом снова вслушиваюсь в округлость итальянского языка. Одновременно завидую, как это все раскручено, и хотя я, возможно, пишу лучше всех в зале, мне таких пресс-конференций не устраивают. Принадлежать бы к какому-нибудь национальному меньшинству и заплетать косички.

Для американки пригласили переводчика. Это, конечно, позволяет ей чувствовать себя значительным лицом. Собственно, она и китаец будут главными действующими лицами литературной части Флаяно. Между ними и разыграется конкурс, организованный по тому же принципу, что и московский конкурс Пенне. Голосует то ли публика, то ли жюри. Говорят, что и на мое выступление тоже переводчика наняли. Но только на выступление, а пока я неприкаянный и потому злой. Во время этой чужой пресс-конференции, на которой я присутствую из вежливости, по своему обыкновению веду «дневник глухонемого». (Позволю себе быть искренним. Это старая история, как русский путешествует без знания языка, как бывает стыдно — не уметь выразить свою мысль.)

Как мне кажется, разговор идет о том, что и слушающим, и ораторствующим хорошо известно. Судя по интернациональным словам — типичный жаргон интеллигенции. Сидящие в президиуме лениво, как наркоманы косяк, перекидывают микрофон от одного к другому. Я злобствую, что меня не пускают поучаствовать в этой сладкой говорильне на жаргоне. Жаргоне интеллигенции.

Обед. Первые спагетти в моей жизни.

Я решил вынести всю кухню за пределы других своих переживаний. Настоящие спагетти, главное, начать есть, попробовать первую порцию. Дальше ты будешь как упырь, попробовавший свежей крови. Это я записываю в блокнот в ресторане.

Я читаю речь.

В течение всего дня Христиана сообщала мне, что моя переводчица едет. Я отчетливо понимал, что успех или неуспех моей поездки зависит от того, правильно или неправильно сеньор Креати выбрал переводчика. Но переводчика не было ни в 12 часов, как договаривались, к пресс-конференции, ни в два, к обеду, ни в четыре. К шести вечера, как и было предписано,

оделся и ожидаю в вестибюле. Приехал Креати, и по его лицу я понял, что и он в растерянности от неточности переводчика. Тут я впервые узнал, что это русская, некто Наташа. Наташа вышла замуж за итальянца и живет в Пескаре, преподает русский язык. Уже подали автобус, чтобы ехать в театр «Максимо» на вручение. Заморосил дождичек. Джентльмены и дамы рассаживались в автобусе по своим местам. А некто Наташа так и не появилась. Тем не менее, я чувствовал, что всё закончится хорошо. Все это, включая мои переживания, тянет на небольшую повесть в манере Нагибина. Надо ли описывать, нагнетая атмосферу, ожидание и появление Наташи — молодая женщина, с вечерним платьем на вешалке в руках, вдруг выскакивает из припарковавшейся возле автобуса машины, — надо ли описывать, как она переодевалась где-то в недрах администраторской? Главное, мы немедленно подружились, и я вдруг понял, что и переведет она меня хорошо.

Пропускаю театр, полный народу, телевидение, представление участвующих в «круглом столе» писателей и ученых. Пропускаю мое волнение, потому что слово дали не сразу. Это и хорошо, потому что мы с Наташей договорились, что я читать буду первые фразы абзацев, а она будет читать перевод целиком. Какая тишина возникла после первого абзаца моей речи, как затаился во внимании весь зал, пока Наташа читала перевод. Я-то знаю, что такое внимание зала и что такое владеть аудиторией. Почему-то у меня получилось, думаю я. И сам себе отвечаю: просто это русская манера говорить мыслями, а не словами. И в слове отдавать себя до конца.

Я после доклада.

Сразу же после доклада ко мне резко изменилось отношение моих коллег. Нечто подобное со мною уже случалось после публикации в «Новом мире» «Имитатора». Когда в Доме литераторов сам Андрей Вознесенский вдруг узнал меня и как бы с бухты-барахты задушевно со мной поздоровался.

После выступления мы так сроднились с Наташей, что я обязательно захотел притащить ее на торжественный банкет. Но она была с мужем, который ее ревнует, и с мальчиком шести лет. Тем не менее я прихватил их, пользуясь своей сановной осанкой, с собой. Все было хорошо, но я не рассчитал неверо-ятной роскоши ресторана «Эспланада». Не рассчитал я и того, что начальство организует свой стол из почетных старцев, за который посадят и меня. А пока Людовико бегал по залу, а его папа Франко пытался его ловить. Франко обижается, что ему много приходится заниматься сыном, называет себя «мамо». Но это потом.

Приемчик сначала мне показался бледноватым. Поставили

напитки, чипсы, орешки, вино, графины с переслащенными соками. Вынесли еще блюдо с устрицами, украшенное кружками лимонов и апельсинов, да по обеим сторонам длинного, через всю залу, стола два официанта кромсали огромных копченых до прозрачности лососей на листики папиросной бумаги и раздавали в наваливающуюся на них толпу. И это все, на столько-то народа? Но вдруг открылись двери в другой зал, и Людовико, естественно, первым туда втянуло.

Дальше — пусть скажет торжественное меню, напечатанное на прекрасном бланке ресторана, на обложке — обведенное карандашом название: «Aperitivo cocktail», «Cocktail di scampi», лангусты, «Risotto all astice», рыба с рисом, далее по меню…

Сюжет вечера составлял Людовико. Его не пустили за наш стол старых бегемотов, и ему пришлось остаться с отцом и Креати за другим. Но он постоянно прибегал, вызывая несколько снисходительное умиление трех дам: жены начальника области Абриццо, жены мэра Пескары и жены председателя премии Флаяно Тибони. Все это продолжалось до того, как подали десерт — по куску чудного торта. Я, совершенно обнаглев, выпросил у официанта два куска.

11 июля, воскресенье. Музей д, Аннунцио, утро.

О культурной программе я позаботился сам. Вся культурная программа на Флаяно в разговорах. Вообще в Италии — прости меня, Боже, за обобщение — надо различать культуру внешнюю и внутреннюю. И та и другая концентрируется в постоянных разговорах. В разговорах все самодостаточны. Но Наташа с мужем — повторяю, его зовут Франко, — счастливые моим к ним вниманием, взялись на следующий день, в воскресенье, отвезти меня в музей д'Аннунцио.

Ничего я, конечно, его не читал прежде, ибо этот поэт шел у нас под рубрикой пособника Муссолини. Как важно, оказывается, иметь для биографии небедных родителей и для будущего музея свой дом. Любимый поэт народа не очень задолго до смерти был здесь и распорядился все отреставрировать, как было во времена его детства. У него имелась определенная тяга к увековечению своего имени. По его завещанию сразу же после смерти с него снимают гипсовую маску. Он просит, чтобы скульптор чуть «смазал», омолодил черты. Возраст выдает слепок руки с мельчайшими едкими морщинами у большого пальца.

Еще в доме развешены на манекенах мундиры поэта. Он служил в армии, какое-то отношение имел к авиации, об этом свидетельствуют снимки. Но нет ни одной рукописи. Это все в другом музее, под Миланом.

Оказалось, что д' Аннунцио — народный поэт. Может быть, что-то вроде Есенина и Маяковского, которых потягивало дружить с энкэвэдэшником Аграновым и другими сильными сего мира. Дуче, вроде бы, д' Аннунцио опасался, поэтому подарил ему в Ломбардии виллу — живи от света подальше.

В Пескаре у д, Аннунцио еще одна роль — он что-то вроде местного дон- жуана. Смотрительницы с упоением рассказывают о его любовницах, женах и просто дамах. Показывают фотографии мест, где они встречались. Все идет в распыл, когда дело касается литературного процесса и тщеславия.

Кроме интереса к литературному процессу, я рассматривал дом еще и с точки зрения «как люди жили». Мне все интересно: кровати, уголки, устройство дома, каретный сарай, стойло для двух лошадей на первом этаже. Интересная подробность: живопись на потолке дома — это дело рук крестьян. Талантливый до рукоделия народ. По словам моих вожатых, крестьяне делали это иногда просто за цену их прокорма. «Ты меня прокорми, а я тебя нарисую».

Страсть к России.

Креати был женат на бывшей жене клоуна Серебрякова. Но почему-то, и это заметно, неравнодушен к Наташе. Со своей первой женой Эджино разведен. Та приехала в Италию с сыном и матерью, которой сейчас за 60. Так вот, та уже вышла замуж за пожилого итальянца, и бывшая жена Креати живет сейчас со своей матерью и ее мужем.

Наташа утверждает, что к русскому языку у итальянцев нечто вроде губительной страсти. Кто начинал учить русский язык и бросил, тот рано или поздно к нему вернется. То же самое, по ее словам, относится и к русским женщинам. Итальянцы, разведясь с русскими, норовят снова жениться на русской.

У одной из смотрительниц музея д'Аннунцио, женщины сравнительно молодой, двое приемных из России детей — девочка и мальчик — 10 и 6 лет. Я спрашиваю: «Почему вы выбрали русских детей?» — «Очень уж красивые в России дети».

Она же рассказала, что у них есть ассоциация усыновивших русских детей, и через офис этой ассоциации идут все усыновления.

Театр д'Аннунцио.

Я содрогнулся, увидев в вестибюле и возле гостиницы «Карлтон» рой знаменитостей. В их числе Алена Делона и Микеле Плачидо. Христиана приветливо помахала мне рукой: садись, дескать, вместе со всеми в автобус — и напомнила про вечерний банкет. Но я решил сам, пешком, не надо раздражать звезд своей русской непонятливостью. Буду любоваться издалека.

Театр сам по себе оказался для меня самым ярким открытием. В нем прелестно сосуществуют традиции древнего амфитеатра и современного сооружения. При сравнительно небольших, по меркам Москвы, размерах он вместителен и монументален. Монументальность малыми средствами. Я пришел, когда фестивальное действие уже было в разгаре. Мой галстук и степенный вид были как бы пропуском. Каким-то образом я наткнулся на Христиану, и по мановению ее ручки мне тут же в первом ряду с краю было поставлено кресло.

Оглянувшись, я смутно опознал Делона и Плачидо. Отблеск их известности засветился на моих плечах. И тут же нашлась Наташа. Они все трое, оказывается, ходили в цирк. Они тоже были мною пристроены. На дружбу «синьора» с «обслугой» соотечественницы Христианы смотрят широко раскрытыми глазами.

Дальше я привожу записи, сделанные во время представления на пригласительном билете. Это опять из «дневника глухонемого».

* В оркестровой яме расположились телевизионщики. Здесь же, лицом к зрителю, огромный монитор: но монтируют и кадрируют, несмотря на славу итальянского ТВ, довольно бездарно.

* Вдоль всей сцены за столом сидит жюри. Проглядывается светловолосая женщина — Стефания Сандрелли. Выглядит она прекрасно и совсем не похожа на мою сверстницу.

* На сцене, на столике сбоку, находится целый рой позолоченных чудовищ — это наградные Пегасы — значит, вся церемония будет очень долгой.

* В середине сцены безумствует мужчина, похожий на Тото, — это какой-то телевизионный критик — и шармирует высокая блондинка, она вся в красном, как королевский гвардеец. Потом Наташа мне объяснила, что это популярная телеведущая. Сзади под декольте у красотки прикреплено какое-то радиоустройство с антеннкой, как мышиный хвост. Как и у нас, атмосфера ложного артистического братства.

* Вовсю и с разными прищепками звучит несравненное слово «культура». На сцену выходят какие-то люди, вероятно критики кино и телевидения, — я их не знаю и поэтому занимаюсь разглядыванием театра. Определенно, построен театр без мании грандиоза, но удобен и изящен. Рампа и кулисы как бы выносные в зал. Иногда над сценой пролетает птица. Жизнь суетливая и вечная.

* Я, конечно, злобствую, но все говорят так самоуверенно, так безапелляционно, будто каждый по крайней мере замещает на

этой земле Данте.

* В процедуре, кроме премируемого, двух ведущих, которые задают вопросы, жмут руки, смеются, чествуют награжденных, похлопывают их по плечам, участвуют еще юные девы. Девы выдают мешки коричневого цвета с красными шнурками — это упаковка под бронзовых Пегасов, провожают награжденных на сцену и возвращают на место. У этих дев по пояс декольте, и они делают все, чтобы камеры обратили на них внимание.

* Вся публика производит впечатление сытой. Это не ироническое замечание, а наблюдение. Когда перестаю злобствовать, я замечаю, что и ведущие, и герои торжества включены в тонкую игру общего шоу: веселят публику. Вообще-то дело это трудное.

* На ступеньках в оркестровой яме расположился наш китаец и трясет кудрями. Закончили премирование совершенно неизвестных телевизионных звезд. Говорят все удивительно гладко, слова скользят друг за другом, словно по желобу. Стоит открыть рот — и посыпалось. Многоречивая нация.

* Наконец-то для меня стали прорезаться какие-то знакомые имена: Вероника Повони, Микеле Плачидо. Плачидо очень молодой с прекрасной крашеной шевелюрой. Здесь это кажется не зазорным. Низенький Плачидо в темном костюме и светло-голубой рубашке.

* Кто такой Могиус Скаца, при имени которого зал встал?

* Появился встреченный овацией какой-то обаятельный парень, одетый очень простенько, в обтяжку, с почти выпирающими гениталиями. Он о чем-то поговорил. Позже Наташа сказала, что это актер, автор и исполнитель песен. Он, в частности, сказал, что вот, дескать, мы все говорим о трудностях, а есть трудности у людей, которые встают в пять и идут на завод. А мы в пять часто возвращаемся из ресторанов.

* Рассматривая жюри, выступающих, ведущих, респектабельную творческую публику вокруг, я подловато думаю о том, каков процент среди них клятвопреступников, мазохистов, предателей, скрытых гомосексуалистов, сумасшедших, клептоманов.

Мои размышления на эту животрепещущую тему прерываются появлением на сцене какого-то плотненького мужика, работавшего еще с Висконти (сведения от Наташи). Произнесенные этим героем слова — интернационального звучания. Он и сейчас еще чувствует себя коммунистом.

* Как здесь не развернуться к размышлениям о себе. Может быть, мне надо кончать писать и только произносить речи? Может быть, мне надо менять имидж? Превратиться в статного и

важного джентльмена?

* Тем временем, словно герой из какого-то кинофильма, появляется молодой фотограф. Он весь одет в тон: песочный костюм, жилет, галстук, ботинки. Как автоматчик, чуть пригнувшись на изготовку, он проходит перед первым «высокоответственным» рядом, раз за разом, как убивая, фотографирует знаменитостей.

* Ну, вот на сцене и Ален Делон. Издалека он значительно моложе, чем на своих фотографиях. Мне лень перелистывать свою молодость и фильмы тех лет. «Рокко и его братья». Я вспоминаю Висконти и его фильмографию, интересно, был ли Делон его любовником? А тем временем Делон — обаяшка и умница — говорит.

Ведущий спрашивает: «Как вы относитесь к тому, что ваше имя стало неким мифом XX века».

Как заклинание, Делон повторяет: «Я работал со знаменитыми режиссерами и старался успеть сделать то, о чем мне говорили. Это они сделали меня таким, каков я есть».

Последние и первые покупки.

Самое большое несчастье в этой поездке — я потерял колпачок от дорогой авторучки, которую подарила Танечка. Как всегда, в магазины я не ходил, лишь в каком-то киоске купил три шариковых ручки за 1.500 лир.

Честно говоря, я предполагал, что пойду после процедуры награждения на банкет, но мне было жалко бросать Наташу, ее муженька Франко, а с ними и разбойника Людовико в дебри их повседневной жизни. Коли сегодня я уже не герой дня и не могу их всех взять с собой, то я принимаю их предложение и мы едем в маленький прибрежный ресторан есть пиццу.

Людовико, возбужденный двумя прошедшими днями, безумно шалит. Франко переживает из-за этих шалостей. Мы немножко говорим о политике. Франко удивляется, как наш народ терпит такое правительство и полупрезидента (Наташа так переводит), а потом нам приносят по огромной, как украинский подсолнух, пицце. Когда это без подделок — это безумно вкусно и остро, это настоящее чудо, которое описать словами очень трудно.

Мы вскоре расстаемся. Утром я встаю в пять, пешком дохожу до станции, сажусь в автобус и безо всяких приключений добираюсь до Рима, так его и не увидев, до аэропорта. Здесь у стоек «Аэрофлота» я встречаю целую кучу своих соотечественников. Как будто ничего не изменилось, они хитрят, стараются провезти, не оплачивая, побольше багажа. Это хористы

одного из знаменитейших коллективов. Наблюдений за ними мне хватило бы на маленькую повесть, но об этом как-нибудь в другой раз.

12 июля, понедельник. Утром уже на работе. Вечером же заглянул в телевизор. Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе? Оказывается, приехал Собчак, даже собирается баллотироваться в Думу. Это все, конечно, вызов народу и лучше всего показывает, какое у нас правительство и кого оно собирается поддерживать. Вот тебе, бабушка, и Скуратов день. И еще один подарочек судьбы. В «Труде» от 10 июля, суббота, 1999 года, утверждается, пока в качестве «версии», — генерал Олег Калугин был агентом ЦРУ и в течение 40 лет… С версией выступает полковник разведки в отставке Александр Соколов. Ну, ретивые демократы первого призыва, вы и даете!

13 июля, вторник. Вышла в «Правде» моя давнишняя с В. С. статья-интервью. Валя, остерегаясь, укрылась за псевдонимом, но статья хорошая. И здесь опять несколько моих любимых героев — Собчак и Стреляный.

В обед была г-жа Спендель из университета в Турине. Приходила она вместе с Евгением Михайловичем Солоновичем. Хорошо поговорили, эта дама, владеющая русским языком, мне нравится. Правда, должны были бы меня насторожить ее литературные пристрастия. Естественно, любит Петрушевскую. Ладно, люби — и не люби меня, мы и так прорвемся, хотя, конечно, хорошо было бы мне быть евреем. Подарил ей несколько своих книг и побежал купил для нее в магазине книгу Эммы Герштейн о Мандельштаме. Ноблесс оближ. Говорят, в мое отсутствие Битов и Щекочихин беседовали обо мне (естественно, Платонов) в «Общей газете». Додержаться бы до 1 сентября. Жаль, конечно, что платоноведку я не выгнал в этом году. Это она вместе с дочкой и мутит воду.

14 июля, среда. Занимался ремонтом крыши, потом встречался с архитектором по поводу реставрации изгороди по Бронной и строительства институтской проходной. С каждым годом жить в институтском дворе все сложнее. То бомжи пьют пиво, то какие-то бандиты ставят на день машины.

В час дня я вместе с охранником Димой пошел за аккредитацией на Московский фестиваль и благополучно и быстро ее получил в одряхлевшем Доме кинематографистов. Но по дороге мы проходили мимо Музея революции, того самого, где Витя Симакин служил когда-то дворником, и тут я обнаружил,

что знаменитого троллейбуса с раскореженным боком, появившегося как экспонат после переворота 1991 года, уже нет. Тяжелое артиллерийское орудие, стоящее в правом углу музейного двора, — есть, на месте и знаменитый броневичок, участвовавший в революции 1917 года, а вот троллейбус куда-то исчез. И тут Дима рассказал мне, что именно на этом экс-музейном троллейбусе работал его друг.

В Димином пересказе эта история выглядит так: «Шел дождь, моего друга остановили около американского посольства. У него закончилась смена, и он ехал в парк. Развернули троллейбус поперек, баррикада. Мой друг от троллейбуса не отходит. (Из телефона-автомата звонил в парк — приказали от троллейбуса не отходить. Как-никак, а вверенная ему гостехника.) Через полчаса появляется компания демократов с водкой и бутербродами. На баррикаде, составленной из парковых скамеек, троллейбусов, легковых авто, мусорных контейнеров, — шумела напряженно-разухабистая толпа, подогретая чаем, кофе и другими, более крепкими напитками. Все ждали штурма. Мой друг, продолжает Дима, сидел в своем троллейбусе, пока не начали стрелять. Стреляли с крыш, но не прицельно по людям, а по технике, стоящей в баррикаде. Кто стрелял, по-моему, до сих пор не знает никто. (Если только некоторые деятели спецслужб.) Скорее всего это была провокация, так как буквально минут через 15–20 появился первый танк, и разогретая толпа обезумевших «защитников демократии» стала забрасывать его тем, что под руку попалось. Друг, кстати, видел, как этот дурачок, кажется, фамилия его Комаровский, попал под танк. Дождь — а этот парень с плащ-палаткой на плечах, веревка в плащ-палатке у него узлом на шее завязана. И вот он полез на танк. Ребята в танке ничего не видят, все люки задраены, «смотровые щели» залиты и заляпаны всякой гадостью (которой забрасывали машину), а у того плащ-палатка зацепилась за трак, вот этой плащ-палаткой его под танк и затащило».

15 июля, четверг. Утром в 4 часа вместе с Димой и Федей поехал на дальнюю дачу в Сопово. Отвозили мебель, которую мне за деньги отремонтировал Денис, и посмотреть, что там получилось после того, как поработал Николай. Мебель для меня имела ритуальное значение. Обеденный стол, который я помню всю жизнь, и от него семь стульев. На этом столе в гробу лежала тетя Валя, и Федор Кузьмич, мой отчим, и моя матушка. Я ведь помню все и всех их и все их поминки. Добрались за два часа. Разобрались со всем оставшимся строительным материалом. Все очень хорошо и толково получилось. Хорошо, что я при

строительстве «вписал» домик покойного Юрия в новое строительство. Мебель, посуда, среди которой кое-что помнится мне еще чуть ли не с детства, все мне напоминает о брате. Уже семь лет, как его нет. Я тут же решил, что надо строительство заканчивать. Решил не жмотиться, переставлять новые двери, класть плинтус, облицовку на окна и проводить проводку. На даче я ребят покормил беф-строгановом собственного производства, который привез в стеклянной банке.

В институт приехал к часу дня. В машине переоделся. В Москве царит невероятная жара. В пять обедал с приехавшим по гранту деканом факультета русского языка Пекинского университета. На обед пригласил Ю. И. Минералова, который, видимо, осенью поедет прочесть там, в Пекине, курс лекций, В. И. Гусева, с которым мы вместе пользовались гостеприимством декана, и С. П. Декан хороший малый, отлично говорящий по-русски. Я уже довольно много встречал китайцев, которые овладели на очень высоком уровне русским языком именно в Китае. Страдает, что его дочка, химик, сейчас в Америке, и боится, что она там останется. У них точно такая же утечка мозгов, как и у нас. Социализм, видимо, способствует вызреванию интеллекта, а американский капитализм способен этот готовый интеллект использовать и создавать для него условия.

С. П. очень много читает к семинару, который собирается вести осенью.

16 июля, пятница. Редактировал книжку кафедры о литературном мастерстве. Даже придумал для нее название: «… чтоб было у кого потом учиться». Много занимался арендой гостиницы; мы решили с Сергеем Ивановичем Лыгаревым поселить на несколько дней несколько сот человек — это участники ансамблей и коллективов, которые приехали обслуживать новую предвыборную затею Лужкова — день пива в Лужниках. Вот, наверное, загадят все окрестности.

Пресса взялась за жену Лужкова, которая оказалась какой-то бизнесвуменшей. В фирме, которая, кажется, ей принадлежит, произведен обыск. Все это свидетельствует, для широкой публики и избирателей, лишь об одном: и в семействе Лужкова живут далеко не на одну зарплату. Заниматься бизнесом в ситуации жены ли, сына ли Лужкова — это значит постоянно испытывать его государственную поддержку. Даже не личную, а поддержку его имени и прихлебателей. Это открытое окно, через которое всегда впорхнет взятка.

Вышел очередной номер «Вестника». Я всегда горжусь этими книжечками. Будто я сам их написал. В этом номере статья А.

Чудакова, статья В. В. Иванова, продолжение лекций по славистике А. И. Горшкова, протоколы заседаний Общества исследователей Древней Руси, статья Миши Стояновского и статья Ани Кузнецовой «Смерть Владимира Ивановича».

Последний день недели мрачно осветился жутким известием: внезапно умер Валентин Митрофанович Сидоров. Кроме чувства потери и для института, и для нашей культуры у меня и серьезные личные мотивы ощущать и проявлять скорбь. Я обязан ему при последнем голосовании на должность ректора. Может быть, именно его речь повернула все собрание. Это был крупный человек. Я уже распорядился относительно похорон: институт все берет на свой счет.

В Москве 34 градуса жары.

Сделал маленькую заметочку о ТВ для «Труда» — как обычно:

«Разберемся с феноменом слова «политика». Кроме присущих ему от рождения смыслов, слово это в наше время вдруг приняло спасательный и все объясняющий характер. Оно сможет объяснить любое воровство и любую манипуляцию, вплоть до солнечного затмения. Заговорили о счетах в швейцарских банках, принадлежащих, вроде, главе кремлевской администрации. И сразу возникают какие-то политические силы, которые как бы эти счета организовали. Политика наворожила. Принимается, как летний пожар, тлеть дело об «Аэрофлоте» — политические враги инспирировали. Пытаются проверить малозначительную фирму, имеющую дело с производством пластмассы, — наслание политических врагов. Но во всех случаях надо уметь слушать объяснения. О несвоевременности кремлевской реставрации уже говорилось. Стали мы жить лучше оттого, что по фасаду Большого кремлевского дворца вместо одних гербов появились царские орлы? У «Аэрофлота» неизвестно куда подевались доходы. А что касается малозначительной фирмы, то даже ее владелица что-то говорила о заказе на кресла для Лужников. Да за это и убить могли. Это уже не политика, а многомиллионная экономика. А политика, как известно, это та же экономика, но идущая другим путем. В этой связи мне близка точка зрения Юрия Баграева, недавно отставленного из военной прокуратуры генерал-майора, который признал незаконным возбуждение уголовного дела против Юрия Скуратова. Находясь на пенсии, генерал утверждал, что при всем желании властей найти на него компромат сделать это невозможно. Двухкомнатную квартиру генерал получил пятнадцать лет назад, а не как некую плату за сегодняшнюю услугу. Нет у отставного генерала ни машины, ни дачи, ни фирмы. И у жены его не было юридической фирмы, занимающейся делами военных.

Что касается культуры, которая по роду действия мне ближе, то я, не скрою, весь воскресный вечер наслаждался записью оперы Джакомо Пуччини «Девушка с Запада». Какие гениальные самоповторы: то слышится в музыке «Богема», то «Мадам Баттерфляй»! Как в нашей политике — то своеволие самодержавия, то беззаконие сталинского тоталитаризма. Кстати, если хоть как-то мне объяснили, наверное неправильно, арест министра Чечни, то почему не объяснили мотивов его освобождения. Закон наш, судя по всему, как дышло… Политика!»

20 июля, вторник. Сижу как проклятый, в институте, редактирую книгу о кафедре литмастерства, которой руковожу, занимаюсь с архитекторами, проектирующими новую проходную, и кровельщиками. Волнует меня наша бухгалтерия.

Возвращаясь на машине домой, на Ленинском в самом начале, у магазина, где продаются дубленки, я вижу живую рекламу. На этот раз это пятерка каких-то сказочных американизированных персонажей в теплом искусственном мехе, расставленных вдоль улицы. Зазывают. Какова же нужда и каков уровень платы, если в такую немыслимую жару люди соглашаются на подобную работу. В Москве под 30 градусов.

Недавно я видел живой рекламный сэндвич на Пушкинской, а раньше на Лубянке. С кока-колой и жвачкой пришли и эти милые шалости капитализма.

21 июля, среда. Вечером поехал поливать огурцы на дачу. Решил гульнуть, попить вина, покупаться, у меня с собой 700 страниц верстки собственной книжки для издательства «Олимп»: здесь, кроме «избранного», ещё и публицистика, и критика, и собственные маленькие жанры. Все, конечно, прочесть не удастся, но хотя бы просмотрю. На даче пробуду весь день и вернусь в четверг вечером. Хорошо.

23 июля, пятница. «Рейтинг» — заметку мне всю, конечно, в редакции испортили. Достал газету из почтового ящика и чуть ли не всплеснул руками. Мне иногда кажется, что во время редактуры руководствуются еще и вполне понятной завистью плохо пишущих людей. Это первый раз, когда материал начинает приобретать обратный смысл. Все пассажи относительно Лужкова, конечно, исчезли.

Утром отправил в издательство верстку. В целом книжка получилась. Никогда не думал, что мои статьи об актерах и писателях приобретут самостоятельное значение. Последним усилием вырезал из книжки статью обо мне А. Латыниной. В

разделе «критики о Есине» с удовлетворением прочел давнюю статью Чупринина. Он очень верно подметил мои недостатки, и в первую очередь излишнее морализаторство. К сожалению, все это стало мне понятно только теперь. Книжка получилась, романы я написал неплохие.

Днем был в общежитии. С такой же последовательностью, как я строю туалеты, ремонтирую проводку и чиню души, студенты варварски все это разрушают.

В конце рабочего дня приехали директор Гатчинского кинофестиваля «Кино и литература» Генриетта Карповна Янгибекова и Людмила Алексеевна Балашова, занимающаяся отбором фильмов. Здесь ничего не поделаешь — Литинститут среди учредителей. Хорошо поговорили два часа. Решили обновить жюри. На этот год вводим критика Виктора Матизена, Петра Лукича Проскурина и, возможно, кинокритика Тримбача с Украины. Договорились, что мне надо познакомиться с нынешним «киноминистром» Головней и написать кое-какие письма. Фестиваль набирает влияние и силу. На этот раз возьму с собой в Гатчину молодых поэтов и Валю Сорокина.

Текст в верстке не меняю: что было и как было, так и осталось. А остановился на имени В. В. Сорокина потому, что и сам В. В., и другие мои товарищи указали мне на жесткую инвективу, допущенную мною в его адрес в предыдущей публикации. Оправданием моим здесь может послужить только эмоция момента. И пусть В. В. меня простит, как и другие люди, которых я невольно обидел. «Дневники», публикуемые почти без дистанции — жестокий жанр. У слова, знает писатель, есть своя инерция. С В. В. мы работаем много лет, в работе у него свой почерк, и я, и многие наши студенты многим ему обязаны. В общем контексте моей жизни это, конечно, фигура мне близкая, и мне остается только сожалеть, что сказанное мною может быть воспринято буквально. Мне хотелось бы сейчас, чтобы сгоряча сказанное не разрушило всего былого и будущего.

В Косово вырезано 14 сербов. Наше правительство объявило, что даст на восстановление разрушенного войной в Сербии 50 миллионов долларов. Лучше бы в свое время дали оружие, сейчас бы не потребовалось помогать деньгами.

24 июля, суббота. Начался Московский кинофестиваль. Утром ходил на просмотр для прессы кинофестиваля. Мексиканский и французский фильмы. Оба на высоком уровне, тем не менее мексиканский фильм произвел на меня впечатление. Мальчик, который должен стать убийцей. Но человек сопротивляется и общественному гнету, и бытовым

представлениям о чести. Человек еще сам по себе что-то значит.

После обеда с В. С. поехали на дачу. Здесь все у меня полно недавних воспоминаний.

Сидел, делал вставки в новый роман. Он пишется, к сожалению, медленнее, чем вызревает.

26 июля, понедельник. Опять о ТВ для «Труда»:

«Совершенно оглушительное впечатление произвело на телезрителей решение какого-то районного суда Эвенкии снять с выборов бывшего спикера Федерального собрания Владимира Шумейко! Эти бесстрашные эвенкийские судьи нашли, видите ли, некоторый подкуп в предвыборной деятельности будущего депутата! Да что же это такое делается, да почему теперь человеку нельзя купить то, что хочется? Да какая-такая здесь демократия и рынок? Рынок, это когда что хочешь, можешь продать, а что хочешь, можешь купить. В средние века, еще во времена глухого, как марксизм, мракобесия, можно было даже отпущение грехов купить по сходной цене. Совсем еще недавно вероятно было продать, скажем, фирме «Филипп Моррис» за очень недорого, почти отдать по-братски табачную фабрику в Краснодаре, где, кстати, начинал свой политический путь не состоявшийся пока депутат, и получить у своих земляков-южан прозвище Филиппморрисович. Да мало ли чего можно сделать в обществе свободного и веселого, как Роджер, рынка в эпоху первоначального накопления капитала! Нет, объясните мне, почему депутатская неприкосновенность не может идти с молотка? Разве такие серьезные дела, как нефть, воздушные перевозки, телевизионный и банковский бизнес, не должны охраняться этой самой неприкосновенностью? Вот Валентина Соловьева, хозяйка бывшей фирмы «Властилина» (кстати, Владимир Шумейко состоял у нее в почетных клиентах) поскупилась, не позаботилась об этой неприкосновенности загодя и теперь сидит и властвует в других сферах. А как же тогда жить и работать? А как же совершать подвиги в политике? А кто же тогда по-вашему, станет бесплатно обслуживать Эвенкию, Бурятию? А есть еще чукчи, нивхи и другие области и народы замечательно и стремительно развивающихся регионов, так сказать, по-родственному, но далеко от пронырливой и все понимающей Москвы».

Опять прорезалось дело Андрея Платонова, и ходатай по этому делу старый дурак Бакланов. Уже и В. И. Матвиенко спустила резолюцию, и к Степашину обратились с просьбой. А не пора ли мне бросить этот институт, и пусть все тогда летит к чертям?

В невменяемом состоянии от всех этих событий был в Доме кино на фильме Кането Синдо «Жажда жизни». Я вперился в эту картину, потому что она о моей собственной надвигающейся старости. Но удивительна интеллектуальная и художественная решимость этого 87-летнего режиссера. В картине та свобода обращения с формой, которая возможна только у очень большого мастера. Старик глазами старика. Никакой киношной литературщины. Старость со всей жестокостью настоящего гуманизма. Я бы сказал, лицом к лицу со старостью. Меня даже смущало, как же эту картину показывают молодым и как же они ее смотрят. Правда, довольно быстро часть молодых и старых посетителей Дома кино покинула просмотр. А чего тогда они ждут от кино про старость? Как же вытерпеть собственную старость?

27 июля, вторник. Утром занимался писанием письма нашему министру, Владимиру Михайловичу Филиппову. Сожалею, что в свое время поленился и не поехал, после его назначения, представляться. Дима и С. П. письмо перепечатывали на компьютере.

Глубокоуважаемый Владимир Михайлович!

Последнее время усилился нажим дочери писателя Андрея Платонова, заинтересованных лиц и представителей определенной части общественности на Литературный институт с категорическим требованием создать в принадле-жащих институту зданиях музей Андрея Платонова, которому, как известно, в этом году исполняется 100 лет со дня рождения. Я полагаю, что и у Вас на столе есть подобные письма, именно поэтому я решился Вам написать, дабы прояснить свою позицию.

С одной стороны, это позиция писателя, отчетливо понимающего необходимость пропаганды творчества известного мастера советской и русской литературы, с другой — ректора учебного заведения, пекущегося о его целостности и необходимости без ущерба продолжать учебный процесс.

Сразу скажу, что полномасштабный музей во флигеле Литинститута невозможен. Прерогативой открытия музея строго обладает лишь Министерство культуры и его экспертный совет. Но только наивный дилетант скажет, что музей — это одна, две комнаты. В реальности — это комплекс помещений со сторожами, хранителями, директором на зарплате, которым традиционно становится кто-нибудь из родственников. Это огромные траты на организацию, а также высокие коммунальные платежи. У нас в институте нет свободных площадей, ибо уже сейчас при норме в 14,5 кв. метра на студента институт располагает лишь 4 метрами. Причем и здесь, чтобы выжить, часть институтских площадей приходится сдавать в аренду.

Есть и другое обстоятельство, которое не позволяет форсированно открывать музей в здании института. Здесь ведь не только жил А. Платонов, но и родился А. Герцен. Здесь в том же флигеле — единственный постоянный московский адрес другого выдающегося поэта современности — Осипа Мандельштама. Само здание описано в романе Булгакова «Мастер и Маргарита». Еще один музей? А сколько замечательного народа здесь училось! Мемориальные доски могли бы сплошняком покрыть здание института до второго этажа.

Мне хотелось бы также напомнить Вам, Владимир Михайлович, да и себе тоже, что по письмам дочери писателя неоднократно собирались комиссии и Минкультуры, и мэрии, и решение всех этих комиссий было однозначным. Рассматривались претензии М. Платоновой и на секретариате Союза писателей России. Все сознавали их скоропалительность и невозможность

пока создания музея за счет института. А почему бы для начала не открыть музей не в перенасыщенной мемориальными комплексами Москве, а на родине писателя, в Воронеже? Такая инициатива исходила со стороны Воронежа в свое время, но была отвергнута Министерством культуры. Между тем, выход из этой ситуации есть, и (как ни странно) он предложен именно Литинститутом, по инициативе которого и на средства которого было создано Платоновское общество. О последнем пишу, дабы не сложилось впечатление, что у меня есть какая-то личная неприязнь или неприятие творчества Платонова.

Это была именно моя инициатива — создать на базе 40-метровой аудитории памятную аудиторию имени Андрея Платонова, но с охранной музейной зоной. В Сорбонне это, скажем, амфитеатр Ришелье и амфитеатр Мольера. У нас в институте тоже есть такой прецедент: в комнате, где родился классик рус-ской литературы А. И. Герцен, находится одна из кафедр института. Но это не помешало разместить там музейные портреты и создать определенный интерьер.

Точно так же предполагалось решить и с Платоновской аудиторией (в упрощенном виде она существует уже несколько лет). Были заказаны и выполнены эскизы, которые делили аудиторию на зоны занятий (здесь предполагается кабинет современной литературы) и мемориальную зону, а точнее, здесь надо было разместить лишь два крупных предмета, которые сохранились у дочери: бюро и диван — и заложить во встроенный стенной шкаф за стекло дубликаты книг, издания, принадлежавшие писателю. Ожидая эти предметы и начало совместной работы, институт на единственную аудиторию во всех своих зданиях повесил металлическую дверь с сейфовым замком: ценности должны быть охраняемы. Тем не менее, понадеялись на сотрудничество мы напрасно. М. А. Платоновой, видимо, овладела идея единолично завладеть как можно большим количеством квадратных метров.

Эскизы стоят у меня в кабинете. Идея мне близка, но не идея некого Платоновского центра: рукописи должны храниться (да они и хранятся) в ЦГАЛИ, в Пушкинском доме, в отделе рукописей Ленинки.

Даже в подобной ситуации, если Министерство согласится с идеями института, необходимы определенные бюджетные средства. Их, вероятно, легко по эскизам могут определить и специалисты Минкультуры, и специалисты-строители нашего Министерства.

Владимир Михайлович, я отчетливо сознаю роль литературы и роль культуры в самоидентификации нашей Родины. Я уверен,

что рано или поздно в здании Литинститута откроют музей советских писателей, музейные комнаты, посвященные памяти Платонова, мемориальные помещения, посвященные Мандельштаму, будут музейные комнаты «Общежития советских писателей», здесь же будет жить и существовать Литературный институт. Но для этого снова потребуются большие государственные вложения. Нужно перестроить центральное ветхое здание, воссоздав в нём анфиладу комнат. Необходимо вместо гаражей выстроить учебный корпус и т. д. Несколько лет назад я писал по этому поводу письмо Лужкову. Его приговор был таков: «Если, дескать, институт перейдет из федерального в ранг столичного, то будем думать о подобной перестройке».

Я также думаю и полагаю, даже уверен, что рано или поздно идея реконструкции института решится на государственном уровне, и тогда хватит места для всех. Под сенью новых крыш Литинститута, может быть, помирятся и старые литературные недруги. Но выполнение всех этих планов — это задача следующего ректора.

Сергей Есин,
Ректор Литературного института,
секретарь Союза писателей России

Было еще дурацкое заседание в издательстве «Пик», посвященное молодежи и затеваемому ею союзу. Я уже привык, что созданием новых союзов и всякой другой организационной склокой занимаются самые неталантливые.

Пример — наш Дубаев с его чубом, которым он картинно мотает, и Столяров с его улыбочками. Скучно все это, чего ребят-то сюда мешать. Все говорили, что раскрутиться в наше время молодому почти невозможно. Но простите, а кто раскручивал Пелевина? Сидит на этом заседании Дима Былинский, еще совсем недавно мы давали ему 5000 долларов премии, прошло два года, и где новые произведения? Слабоваты ребята и суховаты. Нет дыхания. Ничего не читают, кроме газет.

28 июля, среда. Внезапно умер Всеволод Алексеевич Сурганов, преподававший в институте и много лет ведший кафедру советской литературы. Мне позвонил и сказал о его смерти поздно вечером Вл. Павл. Смирнов. Я, конечно, был зол, что из-за этого звонка мне обеспечена бессонная ночь, но уж такова моя судьба. Народа в морге больницы у Петровских ворот было немного. Я почему-то вспомнил, как Сурганова выживали сначала с места завкафедрой, а потом и из института. Все это было как бы исходя из рабочих обстоятельств. Умер Сурганов по

нынешним меркам довольно молодым, нет семидесяти, но попивал. Уходит поколение, которое, как считается, себя исчерпало, а скорее, мрет оно потому, что чувствует, что начинает мешать.

Вечером был в Доме кинематографистов. Смотрел знаменитый китайский фильм «Император и убийца» — исторический боевик — и американский «Среди холмов и долин». Больше подействовал последний, какая-то неизвестная, простая и грубая Америка. Отсюда нехитрая американская сила и мощь.

29 июля, четверг. Опять звонила Наталья Михайловна Кучер из министерства. Все понимают бессмысленность задумки М. Платоновой и Н. Корниенко оттяпать полздания института. Разумная женщина, подала мне ряд советов. А главный: чего я так горячусь? Есть Закон о высшем образовании, в нем за институтом не оставлено права организовывать какие-либо музеи. Это право исключительно у Минкультуры, которое действует на основе решения экспертного совета. И собственно, кто пока входит с инициативой в правительство? Лишь группа заинтересованных лиц.

Да что мне этот Платонов! Пусть устраивают музей, пусть закрывают институт, пусть студенты выходят на улицу. Мне опять подтвердили, как в прошлый раз из администрации президента, что ходит везде Г. Б. Понять его можно — ни живой литературы, ни живой деятельности, взопрел от зависти к живым и более молодым, волнуется, что напишут о нем после его смерти. Хочется примкнуть хоть к чему-то созидающему. Раньше платил ему деньги Сорос, теперь вроде в должности и деньгах отказано, хочется влезть опять в живую обойму деятелей. Мне не следует упираться, а то я еще всех этих деятелей прославлю.

С опозданием на день больным пришел на экзамен сын Саши Науменко Миша. Этюд написал не очень хорошо, но все равно есть блестки талантливости. Сказалось отсутствие консультации, поэтому сделал в жанре, который всегда обречен на провал — стихи и проза…

В конце дня смотрел проект новой ограды и будки-проходной со стороны Бронной. Наша старая ограда покосилась и распадается на глазах. Проектная организация, которая этим занялась, требует немыслимые деньги. А тут еще некие доброхоты из администрации президента через все ту же Наталью Михайловну Кучер передают, что надо обязательно к юбилею А. Платонова отреставрировать фасад, выходящий на Тверскую. А знаете ли, голубчики, сколько все это стоит? Как только начнете институт по-настоящему финансировать, реставрируйте фасады,

стройте музеи, рапортуйте своему президенту и отечеству, что все с культурой в полном порядке.

Вечером еду на дачу читать студенческие этюды.

30 июля, пятница. Год выдался огуречный. Уже засолил пять или шесть двухлитровых банок огурцов и вот опять набрал целое ведро.

Я, видимо, ошибся, дав в этом году темами по семинарам то, что предложил мастер. Вот теперь и хлебаю. Обе темы «Образ друга» и «Воспоминания о первой любви» — прочел пока семинар Кузнецова — решены из рук вон плохо. Абитуриенты пошли за знакомыми ситуациями, вместо того чтобы думать и знакомое перемалывать в необходимое. Больше никогда и ничего не давать впрямую.

Вечером внезапно по «Немецкой волне» услышал своего старого выпускничка Павла Лося. Я уже давно знал, что работает он на этой радиостанции, но никогда его не слышал. Паша говорил о Косово, об окончании войны, о восстановлении края. Это был тот же знакомый мне голос, из которого выстрижено все живое. И текст у него был такой же, видимо, как текст политический, высоко оплачиваемый, но совершенно неживой. Стоило ли ради всего этого заканчивать институт и притворяться, что ты когда-нибудь станешь прозаиком? Впрочем, последнее, что Паша никогда прозаиком не станет, я знал всегда. Для этого надо было быть более открытым, менее осторожным и расчетливым. Пластмассовый пенал для карандашей и канцелярских скрепок, который мне Паша привез из Кельна, у меня до сих пор в ящике стола. Отправив Пашу в Кельн для совершенствования в немецком языке, я, собственно, спровоцировал его судьбу.

31 июля, суббота. За завтраком «Голос Америки» рассказывал мне о еврейской жизни. Какая-то есть нетактичность, что в направленных на Россию передачах рассказывают о российской жизни евреев. Ну, рассказывайте, если вам так хочется, но не трогайте уж русского языка, давайте на своем.

Из радионовостей — цена компенсации, которую американцы платят за троих китайских журналистов, убитых во время авиационного налета на здание китайского посольства в Белграде. За нескольких человек из персонала, за раненых. Это 4,5 миллиона долларов. Вот наконец-то цена и определена. Как, оказывается, если все собрать, по всему миру, в том числе и у нас, погибших во имя американских интересов, — как, оказывается, легко разорить всю Америку! Из той же передачи узнал, что в Америке длится небывалый по протяженности и размаху подъем

экономики. Он начался с 1990 года. Интересно, что подъем этот по времени совпадает с нашей перестройкой.

Прочел в старом журнале «Искусство кино» доклад С. Аверинцева на конференции в Париже, посвященной «Великому инквизитору». Доклад Аверинцева называется «С точки зрения «адвоката дьявола». Доклад хорош, гибок, догматичен, всяк, но весь внутренне против существовавшего режима. Год 1993-й. Я вспомнил почему-то свою переписку с мэтром по поводу Мандельштама. Эта переписка опубликована в «Засолке».

Вообще-то мне кажется, что теперь надо поддерживать везде, и за рубежом в том числе, появление всяких литературных журналов на русском языке. Даже еврейских, китайских и румынских. Русские расползаются по всему миру. Они сейчас и в Америке, и в Англии, огромная колония в Германии. Самые ли это лучшие представители России? Наверное, все же нет, лучшие не из тех, которые в последнее время сумели заработать большие деньги. Но есть надежда на их детей. Эту перестройку сделали в известной мере дети бывших наркомов и партийно-военной элиты. Что натворят дети сегодняшних миллионеров? Русский язык слишком едок, чтобы пользование им обошлось так просто. Он сам найдет и справедливость, и правду. Опасное это дело — русский язык и русская литература. Да здравствует любой еврейский журнал на русском языке, хоть в Антарктиде. И там все выжжет, даже через многокилометровую толщу льда. Все обратит в русское.

Все это я пишу на даче. В восемь вечера на электричке приедет В. С. Объективно это, конечно, героическая женщина, которой надо восхищаться.

1 августа, воскресенье. По дороге с дачи видел несколько жутких автокатастроф. Почему во всех автокатастрофах всегда участвуют иномарки?

2 августа, понедельник. Утром ходил за мясом, которое уже несколько лет регулярно привозит некая Дуся с Украины. Предвидя жуткое повышение цен и тяжелую грядущую зиму, купил на шестьсот с лишним рублей 12 килограммов свинины. Потом поехал на работу, предварительно завалив нарезанное и разложенное по пакетам мясо в морозильник. Занимался редактированием кафедральной книги о мастерстве, вручал свидетельства о прохождении курса русского языка корейцам, потом разговаривал с Натальей Михайловной Кучер. Нашли паллиатив: сделаем Платоновскую аудиторию. Надо готовить смету на переустройство Платоновской комнаты. Если

правительство хочет иметь полномасштабный праздник, пусть отремонтирует и фасад дома классика литературы, который помог ему прийти к власти. Пусть ремонтирует фасад старинного здания. По поводу сметы на интерьер комнаты разговаривал с Шахаловой. В том числе разговор зашел и о самой М. Платоновой. Скандал ей нужен, а не музей, так откомментировала события моя собеседница.

Задание себе: составить список лучших студенческих этюдов. Надо делать книжку этюдов.

Рейтинг для «Труда»:

«У классика современной немецкой литературы Генриха Белля есть знаменитый рассказ «Молчание доктора Мурке». В нем повествуется о том, как одуревший от ужасов радио корреспондент и радиослушатель начинает сначала вырезать из репортажей на магнитной пленке паузы, а потом склеивать и слушать паузы. Именно этот рассказ отчего-то вспомнился мне в воскресенье 1 августа, когда ни на одном из центральных каналов я не обнаружил знаменитых политических собеседников. На НТВ — Евгения Киселева, на российском канале не оказалось Николая Сванидзе, а с экранов ТВ-6 исчез Станислав Кучер. Причина вполне естественная — летние отпуска, хотя при советском тоталитарном идеологическом режиме, которым так виртуозно управляли уже богом забытый Суслов и здравствующий Александр Яковлев, было бы невероятным, если бы в одно мгновенье покинули боевые ряды такие кумиры и соловьи ЦК КПСС, как Валентин Зорин, Генрих Боровик и Юрий Зубков. Но речь, собственно, о другом. Заметили ли телевизионные зрители, как с исчезновением наших современных телевизионных олимпийцев, словно по мановению волшебной палочки, изменился мир? Вроде бы перестали гореть леса, интриговать в Кремле, бастовать в Приморье. А если и бастуют, то как-то менее опасно. Мне вообще показалось, что на это время доктор Мурке склеил паузы простой и обычной жизни, и она вдруг перестала заниматься политикой. Теперь я с чувством тревоги жду, когда, поправив здоровье и загорев, вернутся высокооплачиваемые комментаторы из отпусков. Отдохнув, вот тут-то и начнут гвоздить наши бравые ребята».

3 августа, вторник. Из отпуска, из Швеции, вернулась Елена Алимовна, принесла торт. Сидели у меня в кабинете, говорили о королевском дворце в Стокгольме, сравнивали с нашими дворцами и жизнью, пили чай. Пришел С. П. со своим другом — переводчиком Валерой. Они собираются вместе подрабатывать как гиды-переводчики в каком-то зарубежном туристическом

круизе. Валера рассказал, что в России сейчас бум туристов из Израиля. Но тут же отметил, что за тридцать лет своей переводческой деятельности он не встречался с такой трудной публикой. Все умные. Утром в автобус набивается тридцать гениев, и начинают показывать тебе и друг другу, что они умнее всех. Многие переводчики, добавил Валера, отказываются с этой публикой работать.

Я удивительно охладел к политике, видимо, это связано с полной недейственностью слова. Чего бы мы ни говорили, а чудовище сидит в Кремле и портит жизнь всей стране.

4 августа, среда. На счетах у института осталось 19 тыс. рублей. Из главных неплательщиков — Илья Шапиро. Только за телефон его фирма должна институту 160 тысяч. Деньги в фирме, кажется, есть, но они их, видимо, пока «крутят». Звонил их главному бухгалтеру и сказал, что если не заплатят, то завтра дам указание отключить у них электроэнергию. Хозяин фирмы в отъезде.

6 августа, пятница. Вечером собрался на дачу — и вдруг перед самым отъездом телефонный звонок от дорогого Ильи. Он звонит мне аж из Иркутска. Считается, что он там в командировке, но я думаю, что он с женой поехал посмотреть Байкал в последние дни лета. Начинает, как обычно, с давиловки, но я кое-что помню и тоже на него давлю — Илья Геннадьевич разозлился страшно, в его собственной фирме развеялось ощущение, что он с Литературным институтом может делать что хочет. Во взвинченном состоянии поехал на дачу. Впереди дорога в 100 километров. Если бы кто-нибудь знал, сколько на себя должен брать ректор! Все представляют его работу только как представительскую.

8 августа, воскресенье. Читаю для конкурса Пенне «Неизбежность ненаписанного» Андр. Битова. В одном смысле эта книга хороша. Я помню, как мастерски Битов сочинил «Словарь отживших вещей». Он мастер формального замысла и мелких прошивок в текстах. Вот и «Неизбежность ненаписанного» — гениально скомплектованные мемуары, из отрывков личного во многих битовских сочинениях. Как это он только помнит, что написал! Этот прием я обязательно использую, когда начну комплектовать, если успею, если не умру, — свои дневники. Но теперь о самих битовских мемуарах. Эти безукоризненно сделанные кусочки под расставленными датами, к сожалению, в моем возрасте уже почти не читаются. Я связываю это с самой,

как мне видится из текста, личностью А. Битова. Он стремится быть философом, он предельно окультурен, но лёт его низок. Нигде нет общей боли и пронзительно выраженной жалости. Только о себе, только о своей рефлексии. Иногда он еще винит советское прошлое. Оно, советское общество, действительно перед ним виновато, не поставив в свое, советское, время на нем тавро «гений». Но для этого нужно быть мастером, пронзительным, и писать народную жизнь. Это еще один пример того, как вышивальщик не может стать писателем. Сгораемые от честолюбия интеллигенты в свое время уцепились за Набокова, заметив изысканность и эгоизм его письма, но проглядев его социальную боль. Ну, уж изысканность и изящество мы как-нибудь по словарям отшлифуем, это рукотворно. Литература дело профессуры. И вот университетский профессор пишет, будто за дверью стоит что-то великое, и на всякий случай, словно мелкий журналист, говорит, как он был невыездным.

Писал ли я о том, что на Ленинском проспекте сгорело помещение «Авто-банка»? Когда я обратил на это внимание, то отнесся к этому с удовлетворением. Этот «Автобанк» или кто-то из его клиентов до сих пор должен институту что-то около 50 тысяч рублей.

Но, Господи, есть ли в стране известный писатель без еврейского замеса? Вот Битов пишет о своей тетке: «Она избегала приглашать в свой институт, быть может, до сих пор стыдилась того понижения, которое постигло ее неизбежно, в последние годы вождя, под предлогом возраста, по пятому пункту».

О политике. Суть известий из Белоруссии: оппозиция перестает воевать с Лукашенко. Причина: оппозицию перестают финансировать из-за рубежа.

Читаю «Славный конец бесславных поколений» Анатолия Наймана. Нравится мне это несравненно больше, чем Битов. Это, конечно, опять мое время и так же, почти как у Битова, компания. «…Следующий, буквально через десять минут, звонок был не менее ошеломителен: звонил Бродский, который только что приехал в Москву прямо со станции Коноша Архангельской области, где позавчера получил документ о досрочном окончании пятилетней ссылки. За последние полгода было столько обещаний, ликований и разочарований по поводу его освобождения, что уже и не верилось. И вот: «Здрасьте, АГ, что сегодня делаете?» А АГ сегодня идет в клуб КГБ любоваться Мэрилин Монро в фильме «Some like it hot». «Значит, так живете? А меня возьмете?» Звоню Аксенову, выброс воодушевления, в три встречаемся на Большой Лубянке у Большого дома». У Наймана, как и у Битова, все тот же герой с высших сценарных курсов. И те

же узкие, себялюбивые проблемы талантливого юноши. «Выйдя на волю с запрещением проживать в больших городах, он прописался у нашего общего приятеля — художника, родившегося и имеющего дом в деревне Угор Владимирской области. Через год, когда эмигрировал, он показывал всем похожую на хлебную карточку времен войны визу и приговаривал, что вот, № 1 по владимирскому областному ОВИРу, до него никого и после навряд ли». И тут же, по поводу того, что «проживающий в деревне Угор отправляется на постоянное жительство в государство Израиль», прибавлял, себе противореча: «Россия тронулась». Сколько здесь гордости, всех обманул, а родину-мать еще и продал. Юноши умеют обставлять свои молодые годы. «Через несколько лет я смотрел все это в столице Болгарии Софии. Я приехал туда выбирать из издательства «София-пресс» левы, причитавшиеся за перевод революционной поэмы Хрелкова». У Наймана масса свежих интересных деталей, но все равно остается ощущение, что автор осознает горечь своей легко составленной жизни. Наверное, это прерогатива русских — даже в юности думать обо всем мире. Русский глобализм, делающий нас несчастными. Это все лежит в русле их интересов, но не образует нашей народной метафоры.

На этом Найман закрывается, ибо его роман «Поэзия и неправда», помещенный в том же томе, это никакой не роман, а тот же большой очерк, даже скорее группа литературоведческих очерков, сколотых подобием сюжета. Им, друзьям, все кажется, что стоит только назвать сочинение романом, так сочинение литератора и окажется романом писателя.

Но здесь опять встреча с Битовым. Ну, никуда от него, пострела, не деться. «Три года назад, когда советская власть уже кончилась, а несоветская еще не началась, когда опять в России что-то победило, а что-то не угодило, в деревне Норвич, штат Вермонт, США, задумано было написать Энциклопедический словарь уходящей эпохи. Творческие силы, отечественные и с чужбины, желали спасти обреченную исчезнуть культуру, ее чертежи и инструменты. Положим: «коммуналка» — статья, «всенародные стройки» — статья, «декады национальных искусств» — статья и так далее, sub specie aeternitatis. А то все это уйдет: с нами, так сказать, уйдет, на глазах уходит, и уже новой смене не будет понятно». Ух ты, и это, оказывается, не проект Битова, а я-то, наивняк, думал!»

9 августа, понедельник. Утром президент, как уже давно предсказывали и обещали большевики, внезапно сменил Степашина. Чем ответить на эту фантасмагорию, я просто не

знаю. Но, честно говоря, и задумываться на эту тему некогда. У меня начались дни собеседования. Сегодня пропустили «маленькие» семинары и всю поэзию. Я, кажется, нашел новый ключ, стал спрашивать у абитуриентов о культуре и литературных упоминаниях города, откуда они родом. У ленинградцев: о клодтовских конях, о Зимнем дворце, о пейзажах Достоевского, у костромичей о Романовых и Островском, у таганрогцев об Александре Первом и Чехове….

Но до этого в 9.30 утра приезжал Илья Шапиро. Я встретил его вместе с начальником охраны Сергеем Лыгаревым, а также пригласил Толкачева и Тимат-кова. Чего это я объясняюсь с ним постоянно, как шерочка с машерочкой, и его упрашиваю отдать причитающиеся институту деньги. Иногда нужно делать решительные и опасные шаги. Уже вечером он позвонил мне домой и сказал, что сегодня же высылает ближайшие 30 тысяч. Добавит в четверг и в пятницу.

Снова пишу для «Труда»:

«Снился мне литературный сон. Пришел старик на берег моря и стал кликать Золотую рыбку. Выплывает Золотая рыбка из пены морской и спрашивает. Как обычно, говорит: «Чего тебе надобно, старче?» — «Пошли мне, Золотая рыбка, нового премьер-министра, но только не простого, а волшебного. Такого, чтобы скоординировал в нужное русло все денежные потоки, чтобы платил всем пенсии, чтобы хватило на культуру, образование, а главное, на выборы. Чтобы был этот премьер-министр румян и ухватист, как Гайдар, богат, как Черномырдин, мудр, как Примаков, быстр и увертлив, как Кириенко, нахрапист, как Степашин, и умел всегда говорить «да», как Чичолина». — «И только-то?»— спросила Золотая рыбка. «И чтобы еще меня никто не трогал, когда окончательно прохудится мой невод и я уйду на пенсию, и никто не приставал, на какие деньги я построил свою хижину». — «Ну, тогда иди домой», — сказала рыбка и уплыла в синее море. Вернулся старик к своей старухе и видит: сидит старуха перед старым телевизором, а по телевизору выступает президент».

10 августа, вторник. Завтра затмение солнца и конец мира по Нострадамусу. Сегодня проходило собеседование у переводчиков. Что-то меня в этом наборе волнует: слишком много милых интеллигентных девочек, слишком много москвичей. В Дагестане уже несколько дней настоящая война. Чеченские «добровольцы» перешли границу и захватили три села в Ботлихском районе. На карте, показанной по телевидению, я узнал села, через которые проезжал в юности верхом. Я работал репортером в журнале

«Кругозор» на радио. Был у меня такой эпизодик, когда вместе с чабанами я проехал от приморья, с зимовки до летних пастбищ. Жив ли еще сейчас мой друг Шамиль?

11 августа, среда. Конца света не произошло. Но дорога в Обнинск была страшная. Дождь лил как из ведра. Все было в полном наборе — и ветер, и дождь, и молнии. Но на даче хорошо и тепло. Урожай огурцов немыслимый, завтра начну их солить.

Днем выбрал вместе с Г. И. Седых темы этюдов. В основном взяли по темам мастеров. На всякий случай перепечатываю. Я вообще скорее не понимаю, а ощущаю, что именно необходимо записывать в дневник.

Темы этюдов: Проза (сем. М. П. Лобанова): 1. Убей бедного! (рекламный ролик олигарха). 2. Разговоры в очереди. 3. Жизнь и смерть одуванчика. 4. На вчера был объявлен конец света. Проза (сем. В. В. Орлова): 1. Сообщение на пейджер: разыскивается альтист. 2. Последний урок в школе дураков. 3. Автомат Калашникова как последний аргумент в споре. 4. Татьянин день: из жизни имиджмейкера. Поэзия (сем. Э. В. Балашова): 1. Холодный ветер дул с вокзала. 2. Этот твой день — последний. Проживи его! 3. Все о яблоке. 4. Человек без свойств. Поэзия (сем. В. Д. Цыбина): 1. Я на перекрестке трех дорог. 2. Ангел мой, не покинь меня. 3. Встреча с чудаками. 4. Разговор птиц и трав. Драматургия (сем. И. Л. Вишневской): 1. Крыло Пегаса. 2. Как стать богатым. 3. Эротика и культура: правомочен ли вопрос? 4. Домовой в нашем доме. Критика и публицистика (сем. В. И. Гусева, сем. Ю. С. Апенченко): 1. Год Платонова. 2. Любил ли Достоевский природу? 3. Электорат депутата Чичикова. 4. Лебединая песня.

Вечером на заправке, на Ленинском проспекте, разговорился с заправщиком, я его знаю пару лет. Он для меня как измеритель уровня на реке для шкипера. Каждый раз, когда изменяется экономическая или политическая ситуация, я задаю ему какие-нибудь вопросы: «Как новый премьер?» — «Степашин обещал сажать, если начнут повышать цены на бензин, вот два дня его нет, и цена на бензин выросла почти на рубль».

12 августа, четверг. Читал «Андеграунд» Вл. Маканина. После повестей это его первый роман. По сравнению с «Кавказским пленным», рисунок мельче. Довольно точно описано общежитие. Но быт описывать в эру телевидения бессмысленно. Прелестная и узнаваемая вязь очерков, но бросить читать можно на любом месте. Все удивительно узнаваемо, тем не менее нет любопытства к продолжению. За всем скорее рациональное, нежели

художническое искусство выбора сюжетов. Словно под диктовку социолога, вместе с автором проходим по московскому общежитию, чиновничьим кабинетам, знакомимся с демократами, с простым людом, лежим в психушке. Будто бы по заказу и тех и других. Демократов и патриотов.

Весь вечер смотрел в четвертый или в пятый раз «Гибель богов» Висконти. Вот она, литература без книги — глубокая и сильная. Сценарий не дает никакого представления о картине. Но если просто описывать кадр за кадром, писать изнутри, какая получится книга! Больше всего поразило, что за всеми этими сытыми и хорошо одетыми людьми чувствуется рабочая масса. Само сталелитейное производство великий режиссер не показывает. Только во время похорон старшего Эссенбека проплывут производственный пейзаж да алые отблески разливаемой стали. А ведь все время видится непрерывающаяся работа простых людей.

13 августа, пятница. Ну, наконец-то «Труд» опубликовал мои маленькие писаки без своей правки! Моя сказочка, вопреки ожиданию, вышла. Почему-то порадовался, будто бы вышла целая книжка.

На работе отдиктовал Екатерине Яковлевне какую-то маленькую статейку для «Неофициальной Москвы». Фестиваль по случаю Дня города, который организует в пику Лужкову бывший премьер С. Кириенко. Приехал с дачи утром, перед этим ночь не спал, хотя лег довольно рано. Возьму этюды и поеду домой читать. Уже дома выяснилось, что забыл об обеде в индийском посольстве. Если бы в американском или французском! Это мой референт Дима забыл поставить на компьютер оповещение. Самочувствие отвратительное, физиологическое ощущение высокого давления и кризиса в жизни. Утром буду заниматься уборкой, дождусь В. С. с диализа и поеду на дачу дочитывать этюды.

16 августа, понедельник. С утра принесли «Гудок» с интервью М. А. Платоновой — все о том же. Хочется ей музея и стать директором музея. Это как «вернем церкви собственность», а верующих нет. Тональность, правда, сменилась: *«Вот так! Не заслужил Платонов музея. По мнению ректора С. Н. Есина, довольно будет и именной аудитории. И ладно бы был противником замшелый чинуша, а то ведь писатель, талантливый прозаик, знающий, что книги пишутся не чернилами, а кровью сердца».*

А в обед оказалось, что и «Комсомольская правда» выдала по

этому поводу некий текст. Последний делала наша выпускница. Один пассаж мне не понравился: *«По сути, единственное, что здесь напоминает об авторе «Счастливой Москвы», — мемориальная доска из грубого гранита. Одна из комнат, где жил писатель, стала аудиторией Литинститута. В аудитории висит портрет писателя и пара стендов с копиями рукописей. По мнению ректора Литинститута Сергея Есина, эта комната и представляла собой жилище Андрея Платонова, но была как бы разгорожена на две части. Мария Андреевна, дочь писателя, утверждает, что жили они все-таки в двухкомнатной квартире. Вторую комнату Литинститут сдает в аренду — сейчас ее занимает организация, которая обучает игре на фондовой бирже. Отказываться от арендных денег руководство института, естественно, не хочет, ссылаясь на трудности с бюджетным финансированием.*

Собственно, это и есть главное препятствие, мешающее создать музей. Хотя вопрос с финансированием можно было решить достаточно просто — в свое время мэр Москвы предлагал институту перейти из федерального ведомства в ранг столичного. Сергей Есин отказался от этой идеи и отказ свой объясняет невнятно. Мол, в этом случае институт вынужден был бы переехать в новое здание в Сокольниках, что не желательно…».

Я-то ей объяснял, что в свое время писал Лужкову письмо, в котором предлагал помочь ему реконструировать весь институт и Некрасовку в единый комплекс, и тогда хватило бы места для всех — и для центра Мандельштама, и для центра Платонова. Но Лужков ответил: «отдайтесь», выйдя из федерального подчинения, Москве. Но простим выпускнице. Все время она была вынуждена подчиняться ректору, а теперь имеет возможность покуражиться над ним и заодно прищемить хвост институту. Надо обязательно написать книжку «Вокруг Плато-нова», материал, кажется, собрался. Здесь появится возможность опять написать с пяточек портретов. Если Мария Андреевна отсылает Степашину письмо с приложением на 21 странице, то, значит, книга готова.

А вот и мои новые телевизионные впечатления для «Труда»:

«Постепенно каждая передача на телевидении становится телеспектаклем. В подтверждение своей мысли я хотел было привести игривое «Намедни» с блестящим, как балетный солист, Леонидом Парфеновым. Как стоит, как держится, как небрит, какие обрамляют его города и страны, когда он иллюстрирует свои слова некой зарубежной окантовкой. Как, наконец, безошибочно и раскованно считывает текст с телесуфлера! Художественный театр времен Митковой и Доренко.

Но еще увлекательнее и интереснее так называемый

«Домашний театр», в котором в качестве подтекстовщиков для участвующих в нем политических деятелей уже привлечены Пушкин, Грибоедов и Жан Ануй. Уже выступили: Владимир Жириновский в роли Моцарта и Константин Боровой в виде Сальери, Александр Шохин разыгрывал Чацкого, а Брынцалов незабвенного слугу всех господ Молчалина. «Собачку дворника, чтоб ласкова была!» А в кулисах телевидения уже готова на выход очаровательная Валерия Новодворская, чтобы предстать как Жанна д'Арк, и Геннадий Бурбулис в виде французского короля. Мильон терзаний, как сказал бы классик. (Это традиционно сокращено при редактуре.)*Но вот что отличает этих представляльщиков от обычных лицедеев. Они все как бы для телезрителя стеклянные, и через их стекловидные тела различаются небезынтересные вещи. Не просвечивается ли сквозь добродушнейшего Борового его фондовая биржа и какой-то фонд в защиту обманутых вкладчиков? А через наследника знаменитой фармацевтической фирмы не маячит ли новейшее достижение фармакопеи — брынцаловка? Но почему же в этом случае не вспомнить, глядя на добродушнейшего Шохина, что именно он в свое время успешно руководил в парламенте партией власти — «Вашим домом России», сделавшей поголовно весь народ счастливым. А уж что видится через энергичное тело «сына юриста» и нашей знаменитой и непримиримой публицистки, это я целиком предоставляю фантазии и исторической памяти нашего терпеливого и замечательного телезрителя».*

18 августа, среда. Из газеты «Неофициальная Москва»:

«Сергей Есин, ректор Литературного института.

Когда я думаю о неофициальной Москве, то прежде всего — о тайных пружинах власти. Невозможно представить, какая это мясорубка, какие извивы человеческих отношений. Через какие черные лабиринты протискивается любая бумага, чтобы попасть на свет Божий! Это похоже на сон, на мираж, хотя жизнь вообще мираж… Вот у нас в литинститутском дворике студенты выкрасили памятнику Герцена ботинки, а каждый год 31 декабря ставят ему бутылку шампанского и бокал — тоже ведь неофициальная Москва».

Я хорошо помню, как этот текст наговорил Вячеславу Курицину. Тот был без блокнота и магнитофона. Интервью давалось в деловом разговоре. Но каким-то образом Слава все запомнил. Я восхищаюсь такими свойствами памяти.

Был у меня на работе сын Володи Бондаренко. Сам Володя только оправился от глубокого инфаркта, который случился с ним в Архангельске. Просил за сына, который закончил истфак

МГУ и стажировался в Оксфорде. Специалист по валлийской литературе и кельтской мифологии. Володя заботится о трудоустройстве. Парень зашел, принес очередной номер «Дня литературы». Постараюсь его пристроить, но каковы патриоты — везде успевают.

Итак: довольно внезапно я очутился у вице-премьера России В. И. Матвиенко. В тех же кремлевских апартаментах, которые так любят показывать телевизионщики. Предлогом оказалось вручение ей Пушкинской юбилейной медали Академии словесности. Были: В. С. Розов, С. Г. Шувалов, Ю. А. Беляев, А. А. Смирнов. Цель: попытка добиться для академии статуса государственно-общественного. Пропускаю весь разговор, с чаем и правительственными конфетами «Кофе или чай?», пропускаю челядь, просторный кабинет, табельное российское знамя в углу и единственный портрет — Пушкина. Первое впечатле-ние В. И. Матвиенко производит хорошее. Сильная, привыкшая к работе, комсомол, партийные органы, с их натаской и информированностью, апломб, словесные стереотипы, формулировки, внешняя искусственная открытость. По прессе и средствам массовой информации прошли слухи, что Матвиенко не войдет в новое правительство. Исполняющая обязанности вице-премьера, она подшучивает: «В конце недели я буду свободный человек». Я сразу же говорю: «Уже как свободного человека я вас приглашаю в институт на встречу со студентами и преподавателями». Если суммировать все разговоры, получается, что С. Г. и Ю. А. документы принесли не до конца отработанные, в них не было того, пусть и острого, госфинансирования здания для академии. Сразу же какой-то нужный тон задал я, а потом общую слезницу — разрушение культуры — произнес В. С. Розов. Валентина Ивановна его-то визитом была польщена.

Зашел разговор о средней школе и потере ею гуманитарно-литературного цикла. Здесь и я вспомнил не ко сну помянутого замминистра Асмолова, с его концепцией к переходу на западные образцы. Валентина Ивановна не без некоторой гордости сказала, что именно она приложила руку к его уходу из министерства. Я вспомнил, что, в отличие от всей интеллигенции, я в газетном рейтинге приветствовал его уход из министерства образования. Сам-то Асмолов по телевидению говорил, что уходит в знак протеста против назначения на должность министра коммуниста Филиппова.

В разговоре все время витал, подразумеваясь, вопрос о Платонове, его музее, Литинституте. Мы этот вопрос обходили стороною. Валентина Ивановна рассказала, что с ее настойчивостью ей удалось почти целиком погасить

задолженность по социальной сфере. Я-то думал, что деньги для этой социальной сферы нужно было выбить у той части управленцев, которые этими деньгами хотят манипулировать в жизни и на выборах.

Вечером за мной заехал и повез на дачу Андрей Мальгин. Я уже традиционно смотрю его новую дачу — третью — и по этим крохам представляемой мне действительности изучаю новую жизнь. Ну вот я кое-что узнал о дорогом «мерсе-десе», появление которого в нашем институтско-барском дворе произвело впечатление и на шофера Федю, и на охранника Витю. Господи, как, оказывается, богатство охраняет жизнь. В машине нет шума, потому что в окнах сильнейшие стеклопакеты. Машина не покатится с горки, потому что включится один из восьми ее компьютеров, проанализирует ситуацию и включит тормоза. При парковке компьютер не даст коснуться другой машины, потому что каждый миллиметр до «опасности» тоже будет машиной обозначен. Я уже не говорю об автоматической коробке передач и пр. пр.

Толк в этой поездке заключался и в том, что я наконец-то увидел благословенные и легендарные места Барвихи и Успенского шоссе. Названия населенных пунктов «Горки-10», «Горки-9» звучали, как Фонтенбло и Виндзор. Сколько, оказывается, исчезнувшего из жизни порядка на этих дорогах, какой асфальт, какие заборы, какие особнячки по сторонам.

Еще больше меня поразила «частная дорога», которую приватизировала (охрана в погонах) какая-то финансовая группа, ведущая к собственному этой группы поселку Чекасово. Это исполнение детско-еврейской мечты о западном оазисе, под боком, рядом с огромным пышным телом России, которую можно кусать и грабить. Поразили меня и бомжи, ходящие вокруг этого приватизированного рая. Почему не разгонят, что медлит охрана?! Они тоже необходимая деталь нового быта: это дешевая рабочая сила, которая роет канавы, рыхлит землю на дачках, по необходимости чистит нужники и создает прелестный зеленый фон жизни. На первом конном заводе — проезжали мимо: из устных рассказов Андрея — вывешен список неплательщиков. Список организован по степени уменьшения долга неплательщиков. Первым в этом списке стоит г-н телекомментатор Доренко, а вот последним, с минимальным долгом, аккуратный г-н экс-премьер Сергей Владиленович Кириенко (500 р.)

Наиболее важным фактом из увиденного, безусловно, является поселок империи г-на «Хозяина». Это что-то похожее, но более, конечно, элитное и закрытое, на поселение Центробанка

«Солнечный берег» в Вороново, мимо которого я проезжаю по пути на свою дачу каждую субботу. Какие через глухой забор с колючей проволокой поверху — «здесь бродить неосторожно, можно деньги потерять» — видны нежнейшие газоны, какие пряничные черепичные крыши! Невероятно только то, что в отличие от всего мира, когда во имя вкладчиков описывается имущество лопнувшего банка, все продается с молотка, закладывается, вводится временное управление, этот роскошный поселок и эта царская дорога, выстроенные на «гробовые» деньги стариков и старух, по-прежнему существуют в своей размеренной и спокойной жизни.

На первом конном заводе у Андрея стоит своя лошадь, на которой ездит ребенок, поэтому новую его дачу не описываю. И без описаний понятно. Вечером посидели в сауне — пол теплый, — попили чай с молоком, утром я проснулся в гостевой спальне и пишу дневник.

22 августа, воскресенье. На даче с вечера четверга. Занимаюсь тем, что солю огурцы и читаю этюды, их ведь около трех сотен, пытаясь не только прозондировать весь срез будущих студентов, но еще одновременно «обмениваюсь опытом, как писать», есть вещи очень занятные — вот фрагмент текста одного из этюдов: «Ты че, рекламы не видал, где мужик светом прикалывался, а ему: «Уплатите налоги!!!». Ну, видимо, доигрался светом. Короче, поедут сегодня, завтра ждут гонцов от «Печали». («Печаль» — имеется в виду начальник налоговой службы Починок.)

Заочники всегда работают интересней, чем ребята с очного отделения. Но читать так называемых «платников» — это жуткая и неблагодарная работа. Большинство «платников» — это все же люди, чуть-чуть умеющие складывать слова. Мы раздали, в принципе, очень неплохие темы, но получили одноцветные, скучные этюды. Все оказывается невероятно плоско, когда вместо некоего обобщенного многозначительного мира предложенной темы абитуриенты вытаскивают только свои частные наблюдения. Причем большинство — совсем не как писатели, а держатся своих очень конкретных и чаще всего мелочных жизненных происшествий. Или это мелочность жизни?

Телерейтинг для «Труда»:

«Как и обычно, невероятная портретная галерея политических деятелей новой России прошла на этой неделе перед глазами телезрителей. Депутаты, лидеры фракций, отставные министры, бывшие экс-премьеры, бывшие вице-премьеры, бывшие высокие чиновники, честолюбцы, возглавляющие движения, городские и

районные начальники и многие другие. И вот, как мне кажется, у большинства из них было одинаково искательное выражение лица. Все, в преддверии выборов в Госдуму, жаждали власти и жаждали избирательских голосов. Не так ли? Я уже давно не слушаю, что говорят эти деятели, а слежу только за новыми приемами их искательности. И постоянно думаю, как бы и на этих выборах не поддаться на головокружительную демагогию. А то ведь они будут с властью и хлебом, а мы без хлеба. Я даже рискну нашим будущим избирателям дать рецепт перед выборами: не доверяйте словам, внешнему виду, не доверяйте телевидению и СМИ, доверяйте только себе, только своей интуиции и все время думайте, выгоден ли этот человек лично вам и вашим детям.

Но тем не менее еще о портретах. Я хотел бы привлечь внимание телезрителей и общественности к коротенькому слову председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина, выступившего по поводу бандитского нападения на Дагестан. Он сказал и о том, чем бандитизм отличается от религиозности, и о том, что правительство было предупреждено о возможности подобной акции, и о том, что, по его мнению, нельзя давать оружия мирному населению. Оружие действительно жжет руки. И вот, сравнивая это выступление с телевизионными речами других общественных деятелей, я невольно думал о масштабе и о том, как возвышается человек, когда он в первую очередь думает не о себе родимом».

25 августа, среда. Утром до обеда шло собеседование, которое в этом году будет обширнее, чем в прошлые годы. Только на заочное отделение мы берем более 40 человек — это свыше половины того, что планирует нам министерство. К сожалению, во время собеседования опять вылезли жуткие огрехи в знаниях. Нечитаными остаются Шолохов, Пушкин, Достоевский, Крылов. Ребята знают много случайного. То есть, не имея базовых знаний, они глобализируют случайные «литературные знакомства».

Во второй половине дня ездил в жилищное управление на жилищную комиссию. Комиссия признала, что мы не можем дать освободившуюся двухкомнатную квартиру в нашем ведомственном доме Зое Михайловне, в этом случае она получит на двадцать метров больше. То, что она не получит ничего, так как жилплощадь освобождается у нас не чаще одного раза в пять-шесть лет, комиссию ничуть не смущает. Превратить эту квартиру в коммунальную, т. е. поселить, скажем, Зою и С. П., чтобы потом ее разменять, они тоже не разрешают. Я попытаюсь по этому поводу написать письмо Лужкову и передам его ему или Шанцеву второго числа во время приема в честь новых лауреатов премии

Москвы, хотя не уверен, что из этого что-либо получится.

Пришел пригласительный билет на открытие выставки в библиотеке им. Ленина, посвященной 100-летию со дня рождения Платонова. Подразумевалось, наверное, что после всех платоновских скандалов я на вернисаж не пойду. Но я твердо надумал написать книгу «После Платонова».

Завтра продолжение собеседований и днем эфир на РЕН ТВ. Звала Ксения Ларина, у которой теперь своя передача. С Ксенией я несколько раз до этого встречался на «Эхо Москвы». Те, кто со мною имел когда-либо в эфире дело, неизбежно вызванивают меня, если касается знаковой и наверняка должной получиться передачи.

27 августа, пятница. Приехал на работу в 9.00. Сейчас все время обдумываю письмо Лужкову, которое надо написать по поводу квартиры Зои Михайловны. Вчера собеседования начались в десять. Потом днем я поехал на телевидение, где записали передачу об образовании к 1 сентября. Передача мне не понравилась. Я становлюсь болтушкой, треплющейся без остановки. Примеры все старые. Потом я возвращаюсь на работу и попадаю на традиционный день рождения Александра Ивановича Горшкова. Как всегда, его день рождения проходит сердечно. Александра Ивановича у нас любят. А в пять часов начинается последний тур собеседования: около тридцати человек заочников «платников». Уровень чудовищно-средний, но без «платников» институту уже не прожить. После прошлогоднего кризиса многие наши площади стоят без арендаторов. Теперь вся надежда на платное обучение. Тем не менее я все-таки думаю, что это платное обучение для многих шанс, которого они бы не имели раньше. В искусстве будущее всегда неясно. Среди наших «платников» — я здесь меняю форму собеседования, и все сидят вместе с комиссией и читают по кругу — резко выделяется своими стихами некий Володя Маршин. Он шофер, приезжает на экзамены на фургоне с рекламной надписью коммерческой фирмы на бортах. Я тут же, на собеседовании, предлагаю ему пойти на первый курс дневного отделения, и, естественно, бесплатно. Парень отвечает, что у него семья и его время гулять закончилось. Какие прекрасные стихи!

В три часа дня у нас собрание. Как всегда в последних числах августа, жизнь уплотняется. Я представляю новую профессуру, среди них Александра Александровича Зиновьева, объясняю экономическую ситуацию. Говорю о необходимости большего внимания нашим «платникам».

Рабочие завершают ремонт крыши. Одновременно в

институтском дворе устанавливают помост для концерта «Неофициальная Москва» на 3 сентября.

29 августа, воскресенье. Все по строгому субботне-воскресному расписанию — уборка квартиры, ожидание В. С. из больницы и — на дачу. Бензин у нас на Ленинском проспекте стал уже по 6 руб. 40 коп. за литр. Соответственно поездка в Обнинск и обратно — около ста пятидесяти рублей. Опять чуть-чуть занимался огурцами, собрал, чтобы отвезти в институтскую столовую, посолил. Основное время заняло чтение книг, присланных на конкурс Пенне. Миша Семирняков прислал мне — добрая душа — список предпочтений, сделанный Женей Сидоровым. Судя по списку, Женя расставил все довольно точно по литературно-генеральскому ранжиру.

Короткие рецензии:

Гоар Маркосян-Каспер, «Пенелопа» — невероятное количество литературных ассоциаций, оправданных текстом. Дивные картины сегодняшнего Еревана — без воды и света. Здесь так и хочется сказать: «Так вам и надо!» Но справедливо замечает автор: мы тоскуем по былому здравоохранению и социальному обслуживанию, но идти в то время снова не хотим. Тем не менее все содержание довольно мелко, игра ради игры, нет ни силы чувств, ни страсти. Все до ритуала.

Значительно большее впечатление произвела повесть «Живая вода жизни» — так, кажется, называется произведение совершенно неизвестного мне автора Михаила Тарковского из «Нашего современника». Наш Женя-министр его совсем пропустил, видимо, и не прочитал, как сочинение из «патриотического издания». Все очень здорово, язык мощный и свежий, Сибирь, где только еще и остались страсти жизни и новое поколение, которое эту жизнь постепенно оставляет и сиротит.

30 августа, понедельник. Утром отвез В. С. в Матвеевское в дом творчества кинематографистов. У нее есть скидка на оплату. Я все же решил отремонтировать свою комнату и вывожу В. С., чтобы лишний раз не заставлять ее нервничать. Потом она мне еще раз пять позвонила: «Потеряла кольцо с топазом, которое купила в Мексике», «Потеряла портмоне, в котором все деньги!» Все, естественно, тут же находилось, но нервов мне стоило невероятных.

Для «Труда» (жирным курсивом выделены редакционные потери):

«Осень, как известно, время свадеб. Вот и телевидение посвятило предвыборным брачным союзам наших политиков много

времени. Это и понятно, значительно интересней наблюдать извивы, казалось бы, знакомых характеров, нежели скучные и в большинстве случаев известные «ходы» американских фильмов. В конце-то все будет хорошо, честный шериф победит, а бесчестный бандит будет наказан. Здесь бы, конечно, нырнуть в свежий российско-американский криминальный сюжет, связанный с отмыванием денег через «Бэнк оф Нью-Йорк». Но на защиту нашей бывшей соотечественницы, доросшей до должности вице-президента банка, Наташи Гурфинкель и ее супруга, нашего нынешнего соотечественника и представителя во Всемирном банке, Кагаловского брошены были такие силы от Лифшица до Павла Шеремета, который, кстати, несмотря на свои «заслуги» в борьбе с президентом Лукашенко, оказался совсем никудышным ведущим, что лучше свернуть на проторенную дорожку о свадьбах. Итак, как мы видим, мэр Лужков соединился с бывшим премьером Примаковым и Санкт-Петербургским губернатором Владимиром Яковлевым; координатором, шафером на этой свадьбе «на троих» стал Олег Морозов. Бывший премьер Кириенко слился с бывшим вице-премьером Немцовым и бывшим министром среднего предпринимательства Хакамадой. Экс-министр Борис Федоров — человек невероятной амбиции и самоуважения! — прихватив свое движение «Вперед, Россия», состыковался с бывшим премьером (каждому объединению по премьеру!) Черномырдиным и молодым Рыжковым. А невероятно принципиальный Григорий Явлинский пригласил на брачный пирог свободного экс-премьера Сергея Степашина и бывшего посла в США Владимира Лукина. Самое бы время тут отметить: «Ребята, у многих из вас уже раз не получилось, и страну вы не подняли, и обещания не выполнили, и в какие-то дела вляпались. Имейте скромность, подвиньтесь, дайте попробовать другим». Но речь не о том. Заметите ли вы, уважаемые читатели «Труда», что присутствие координатора Морозова, на наших глазах сменившего приоритеты, вдруг сделало менее любимыми всех троих: и Примакова, и Лужкова, и Яковлева? А Кириенко, которому, в принципе, лично я симпатизировал за мужество сказать всей стране: «Мы живем в долг» — вдруг для меня поблек рядом со словоблудом Немцовым и умничающей Хакамадой. Продолжать? Так вот, цены, наверное, не было бы Владимиру Рыжкову, если бы он выступал без умудренного годами аппаратных игр Черномырдина, пять лет успешно разваливавшего страну! И стоит ли здесь патетически восклицать: «А где же знаменитая принципиальность «голубя» Явлинского, вдруг побратавшегося с «ястребом» чеченской войны Степашиным?» Но, впрочем, чего не случается в пору осенних свадеб и битв «женихов».

1 сентября, среда. Утро началось с небольшого митинга. Уже, наверное, восемь раз я провожу его как ректор, но тем не менее помнится самый первый, 1991 года. Много за это времени воды утекло. Порожек нашего институтского крыльца врезался в асфальт, в кабинете Льва Ивановича осел пол. Но крыши тем не менее в этом году в институте новые, осталась не отремонтированной лишь крыша на бывшем особнячке «Знамени». Я произнес в микрофон — это впервые за многие годы, интересно, что при взгляде на микрофон я вспомнил, какие баснословные деньги за него заплатили, — довольно заковыристую речь, нагло раскавычивая цитаты из Ленина и Хрущева. Утешение в том, что не повторился. Потом, вспоминая утреннее собрание, З. М. рассказала, как покойный Ошанин каждый раз, когда выступал на таком митинге, читал одни и те же стихи и в одном и том же месте, встряхивая седыми волосами, снимал очки:

Мир овален, светел и огромен,
Где бы ни ходить нам, ни летать,
Встретимся мы в нашем милом доме,
На Тверском бульваре 25.

После митинга я поехал на открытие Международной выставки книги на бывшей ВДНХ. В пригласительном билете так и было написано: Всероссийский Выставочный центр (бывшая ВДНХ). И на русском, и на английском языке. Выставка поразила меня своим убожеством. По-прежнему было много народа. Потому что вокруг книгопечатания — без учебников, брошюр, некоторых книг, нужных для подарков, «для души» и в учебном процессе, не проживешь — еще много народа кормятся. Но на прилавках почти нет той массы книг классики и современной литературы, которая и составляет основы духовной жизни народа. Книга функционализируется, книга для серьезного неспешного чтения исчезает. Мысль до конца я не выразил, но ясно.

Стало официально известно, что Александру Ивановичу присудили премию правительства за комплекс его учебников для средней школы «Российская словесность». Во время небольшой пьяночки в ректорате Александр Иванович вспомнил, что именно я настоял послать учебники на конкурс.

В Москве несчастье. Взорвали один из этажей подземного комплекса на Манежной площади. Объективно и сердцем я сочувствую жертвам этого взрыва. Но тем не менее отмечаю, что в

этот комплекс я пока еще не ходил. И дело даже не в эстетическом уродстве, царящем сейчас на Манежной площади. Я отчетливо сознаю, что рестораны, магазины, развлечения, расположенные в этом подземелье, — это все для очень богатых. Бедным в лучшем случае оставлена роль зрителей, а я на такое унижение не пойду. Еще соображение. Показывают по ТВ пострадавших: все это в основном выкормленные и статные молодые люди. Взрыв произошел в зале игровых автоматов, в котором, по словам моего секретаря Димы, один жетон стоит 70 рублей. Напомню, что государственная стипендия по-прежнему 89 рублей.

Вечером по «ящику» показали сюжет, связанный со 100-летием Андрея Платонова. Жалкий сюжетец с Марией Платоновой, Натальей Корниенко и легкой, не соответствующей действительности инвективой, дескать, в комнате, где он умер, работает валютный пункт. Я абсолютно уверен, не начни дамы распри с институтом, я добился бы государственного статуса для этого юбилея.

Себя по РЕН ТВ я, естественно, смотреть не стал. Подожду утренних рецензий окружающих.

2 сентября, четверг. Ходил в мэрию на вручение премии мэрии и начал читать книгу Анат. Королева «Голова Гоголя». В мэрию пошел исключительно из-за того, что надо было передать письмо Лужкову, как говорится, в собственные руки. В кармане у меня было на всякий случай два письма одинакового содержания. В правом на имя В. П. Шанцева, если Ю. М. не будет председательствующим, а в левом на само высочайшее имя. Это все тот же квартирный вопрос. Посмотрим, как власти отреагируют на этот пассажик. Письмо, мне кажется, неплохое. Работая над ним, я все время держал в уме знаменитую речь адвоката прошлого века Кони о старухе, укравшей чайник. Интересно, подействует ли такая «архаичная аргументация» на нынешних гуманистов.

Лужков выступал без бумажки. Энергично и хорошо. Его имидж, когда он не «телевизионничает», значительно теплее и ближе. Кое-где он привел новую аргументацию: в частности, 80 процентов денег страны крутится в Москве. Но ведь и весь бюджет России на 41 процент состоит из денег Москвы. Наверное, чтобы этими деньгами управлять, нужны соответствующие навыки. Любопытно: два раза начиная говорить, что «за последние годы Москва стала жить», Лужков избегнул привычной формулы «лучше», заменив ее на «комфортнее, удобнее». В Москве самая маленькая в России безработица — 1 процент.

После церемонии вручения медалей было несколько выступлений. О своем я еще скажу, а пока о новом лауреате — Кублановском. Говорил умно, но так искусно кадил Лужкову, так подъялдыкивал. Учиться, Сергей Николаевич, надо. Порадовался за циркачей, которых я видел весной, особенно за высокого, как Паганель, парня. Он и в жизни такой же обаятельный. Был в смокинге и бабочке.

Я выступал от имени комиссии. Сказал, что интеллигенция всегда «подкусывает» власть, но всегда хочет официального признания. До сих пор высоко ценится, казалось бы, архаичное звание народного артиста СССР. Дальше сказал о наблюдении во время церемонии за качеством собственного «отстрела». Пока, дескать, — и это почти соответствует действительности — не промахнулись.

На доску публикаций в Литинституте вывесили статьи о Платонове. Это все наши: Корниенко, Федякин и Смирнов. Очень хороша полоса в одной из газет: сначала большая статья Федякина, потом Федякин берет интервью у Корниенко.

Дочитал «Голову Гоголя» Анатолия Королева. Это, конечно, очень близко к тому, о чем я часто размышляю: сегодняшняя проза, когда художественное возникает из потребности мысли. Особенно хороши сцены с эксгумацией Гоголя. Здесь вообще много остроумного и много точных литературоведческих наблюдений. Отчасти проза напоминает своей оснащенностью прозу Фаулза. Я обязательно прочту еще два романа, соседствующие с «Головой» в томике «Избранного». Собственно, на это

м мое чтение для конкурса Пенне закончилось, моя десятка отобрана.

3 сентября, пятница. Определенно мне приходится играть на нескольких полях одновременно. Вчера я витийствовал перед Лужковым, сегодня у нас в институте был бывший премьер и лужковский недруг Сергей Кириенко. Лично у меня, пожалуй, нет никаких политических пристрастий, кроме убеждения, что человек должен жить достойно, но я пользуюсь любой возможностью устроить для института рекламную кампанию и заручиться поддержкой в его пользу со стороны любых общественных деятелей.

Еще неделю назад я дал согласие устроить в институте после учебного дня небольшую поэтическую тусовку во дворе: студенты и все желающие читают стихи. Это идет в рамках некоего кириенковского фестиваля «Неофициальная Москва», приуроченного ко Дню города. Кроме этого мероприятия, у нас в общежитии еще состоится «выставка картин» — каждый художник

в какой-либо общежитовской комнате. Пожалуй, это я разрешил потому, что в свое время, служа в армии, решил выставить рисунки своего друга Володи Кейдана у себя дома, на Гранатном. Воистину, у русского все сказанное рано или поздно сбывается. Был и еще один мотив — ребятам, владельцам комнат, обещали приплатить.

Наше поэтическое гуляние в институтском дворе получилось на славу. Все организовывал Леша Тиматков и его команда. Выстроили сцену, притащили звукоусилительную технику. Наши поэты читали, барды пели. Потом состоялся конкурс, на который владиленцы тоже выделили немножко деньжат. Все было очень здорово и празднично.

С. Кириенко приехал вместе с Маратом Гельманом почти к началу. Мы постояли с ним рядом, послушали стихи, потом я повел его в ректорат поить чаем. Он сидел на том же стуле, где сидели до него Явлинский, Зюганов, Лебедь, и ел точно такой же пирог с капустой. Я пригласил всех проректоров и заведующих кафедрами. Кириенко — легкий человек, но из тех, кто полагает, что достаточно сформулировать логическую теорему, и по ней сразу же подровняется жизнь. Его слова хорошо сцеплены, он даже увлекателен, но, как мне кажется, он не верит в русскую жизнь. А она перетирает любые обстоятельства. Ему все время кажется, что вот если бы народу все объяснить…

Концепция русского народа как «пьяницы и придурка» многое объясняет в умственных построениях нашей славной интеллигенции. Апеллировать к своеобразию страны, к ее традициям, к ее климату, к ее неожиданностям они не могут. Мне также кажется, что «инородцы», как бы они ни ассимилировались и сколько бы в России ни жили, так о стране говорить не имеют морального права. Это по меньшей мере нескромно.

Президент, по словам Кириенко, живет «в другой реальности». Насколько я понял, президент просто придурок, который ничего не помнит и в состоянии удержать в логической последовательности только ближайшее.

4 сентября, суббота. Весь день плохо себя чувствовал. Какая-то удивительная слабость, потливость. Единственная радость — читал «Гений места» Анатолия Королева. Здесь опять полюбившийся мне сплав истории, вымысла, правды, факта, умелого письма. Сама по себе прекрасна задумка сделать героем романа парк. Расширяющее и врачующее душу чтение. А. Ким делал героем романа лес.

В четыре часа ездил в кинотеатр «Кунцевский» смотреть «Онегина» — прелестный, кажется английский фильм. Сделано

все очень точно, ни единой ноты Чайковского. В самом начале фильма Ольга и Ленский поют из «Кубанских казаков». Как и всегда, усадьба — это дворец. А высший свет — это уже что-то совершенно воздушное. И тем не менее удивительно русский и точный фильм. Здесь все не по форме, а все по духу, с русскими типами и русскими переживаниями. А дуэль сделана на фоне голландской мельницы. Но как хорош Зарецкий как тип мерзостный и глупый, буквально принудивший героев стреляться. На обратном пути заезжал к В. С. в Матвеевское, в дом творчества кинематографистов, немножко погуляли.

5 сентября, воскресенье. Специально ничего не писал о Мише Науменко, потому что даже не знал, как за это взяться. Это инстинктивное чувство организма в минуты особого волнения отключать волю и сознание. В субботу, сразу же после 12 дня, позвонила Мариэтта Омаровна и рассказала, что только что по телевидению видела сюжет об аресте студента Литинститута некоего Науменко. Потом этот сюжет я видел в вечерних новостях. Сначала возле метро «Арбатская» Мишу схватили какие-то люди, потом показали, как вроде бы у него из заднего кармана джинсов вынули пистолет. Ведущий сообщил, что нашли и героин. Милиция всегда страхует себя героином. Сразу же насторожила на экране рука, предусмотрительно одетая в резиновую медицинскую перчатку, и сама ситуация: брали на глазах у профессиональной телекамеры. Обо всем милиционеры, получается, знали: и о пистолете, и о героине. Съемка была явно не служебной, а для телевидения. Потом показали дом, жилую квартиру, какую-то банку вроде бы с серой. Диктор объяснил, что толстый Миша — глава секты сатанистов и кличка у него Бегемот. Потом показали с удовольствием рассуждающего о возможных терактах Мишу. Я сразу уловил, что он, красуясь, говорит, не вполне поняв опасность вопроса. Мариэтта Омаровна во время разговора со мной привела свой аргумент. Вот, дескать, мы все время говорим об отсутствии духовности в наше время, и наиболее активные молодые люди бросаются в сатанизм. Я как-то сразу понял, что этих молодых людей учим не мы, а телевидение, так любимое М. О., и время. Надо обязательно о духовности написать ей письмо. Вот такая, в общем, история. Сказали также, что органы следили за мальчонкой уже несколько лет и взяли его в виде превентивной меры. Да, показали также брикет, похожий на мыло, — это динамит, его тоже нашли в Мишиной комнате. Я его последний раз видел в пятницу, как раз после занятий.

6 сентября, понедельник. Утром пишу для «Труда»:

«В связи с премьерой фильма «Мавзолей», только что показанного по НТВ, меня, конечно, очень интересует реакция нового министра «пропаганды» г-на Лесина, так энергично закрывавшего петербургский канал по этическим соображениям. Ну, да бог с ним, министром, ему суждено ошибаться, как и остальным министрам и их замам. Для этого достаточно было послушать воскресное выступление г-на Доренко, и не о деньгах некоторых высокопоставленных лиц, а о прогнозах прессы на положение в Дагестане, которые наши министерства, снабженные разведкой, спутниками и черт знает чем, попросту игнорировали. Пока этот тайм битвы гигантов — Киселева и Доренко — Доренко выиграл. Ничего не поделаешь, в глазах телезрителей побеждает скорее правда, нежели заставка и кокетливый разворот ведущего. Но тем не менее вернемся к «Мавзолею», показанному коллегой Евгения Киселева Павлом Лобковым. Практически этот фильм сделан по книжке профессора Юрия Михайловича Лопухова, вышедшей два года назад. Но то, что в книге скромно вырисовывалось как скрытые знания и научный реестр, здесь приобрело чудовищный вид образцового морга. Я бы даже сказал, что препараты, инструменты, трупы, над которыми экспериментируют ученые, показаны с болезненной и нездоровой любознательностью. Напомню, что уже давно в Каирском музее залы мумий, имеющих многотысячелетнюю историю, выделены из общей экспозиции. Я полагаю, что это связано именно с этикой. Даже случайный взгляд человека на вещи, относящиеся к этой печальной стороне жизни, способны надолго травмировать психику. Такая деликатность авторам фильма не свойственна. Конечно, у них есть какие-то политические задачи. Ну, например, названа сумма денег, необходимая для поддержания всего комплекса. На фоне тех объемов личного состояния отдельных наших чиновников, названных же, со ссылками на прессу, первым каналом, все это кажется мелочью и крохоборством. Чего стоили только золотые пуговицы со сталинского мундира, которые были срезаны во время перезахоронения. И эту деталь отметил фильм Лобкова. Мне бы, конечно, надо здесь перечислить всех участвовавших в фильме, и оператора, и режиссера. Смелые люди, а страна должна знать своих героев. Но, как человек добрый, не делаю этого еще и по мистическим соображениям. Но, впрочем, судьба найдет всех сама».

Статейка из «Московского комсомольца»:

«Студенты-сатанисты собирались взрывать храмы

Группу сатанистов, намеревавшихся взорвать несколько столичных церквей, обезвредили накануне Дня города оперативники Управления ФСБ по Москве и Московской области.

Как стало известно «МК», еще несколько месяцев назад контрразведчики получили информацию, что студент первого курса Литературного института им. Горького 22-летний Михаил Науменко создал среди сокурсников секту сатанистов «Черный орел». Все ее участники были известны друг другу только по кличкам. Сам Науменко представлялся своим последователям как Бегемот.

Собрания секты напоминали больше не религиозные сборища, а сходки студентов, революционеров начала XX века.

Науменко обвинял во всех бедах страны священников и призывал других членов «Черного орла» взрывать храмы. По имеющейся оперативной информации, сектанты даже мастерили самодельные бомбы. Кроме того, Бегемот постоянно ходил по Москве с пистолетом за поясом.

По информации ФСБ, решение об аресте Науменко было принято после теракта на Манежной площади и изъятия в Москве партии взрывающихся новогодних фейерверков. Опасаясь, что сектанты, воодушевленные этими событиями, все-таки взорвут какой-нибудь храм, оперативники в пятницу арестовали Науменко в вестибюле станции метро «Арбатская». При себе у него был револьвер. Во время обыска в его квартире и по месту жительства других сектантов были обнаружены детали для сборки взрывных устройств.

Насколько серьезны были намерения у членов «Черного орла», предстоит выяснить в ходе следствия. Кроме того, сейчас контрразведчики попытаются установить связь «орлят» с взрывами у двух московских синагог 1 мая этого года и попытками совершения терактов в Любавической синагоге на Бронной, а также в театре «Шалом».

Кстати, сотрудники ФСБ не исключают тесных контактов людей Науменко с лидером «Союза революционных писателей» Дмитрием Пименовым. Листовка Пименова, напомним, была найдена в торговом центре на Манежной площади вскоре после взрыва. По крайней мере, сразу за арестом Науменко чекисты произвели новый обыск в квартире Пименова. Они изъяли компьютер, неизданные рукописи, в том числе новый роман «Вело». Самого писателя доставили в ФСБ, где после двухчасовой беседы отпустили».

Вечером говорил с Ганной Науменко, матерью Миши. По ее словам, все не сходится. Накануне отец перебрал в шкафу все книжки сына и ничего не нашел странного. А при обыске в этом шкафу сразу нашли динамит. У нее сложилось впечатление, что Мишу выманили из дома. Я рассказал ей о своем разговоре с Зоей Михайловной. Мы оба решили: «Через полгода учебы у нас из его

головы любой сатанизм бы выветрился». Ганна сказала, что сыну уже предъявили обвинение, перевели в Бутырку, и он отказался от адвоката. Это опять говорит о его характере, хочет покрасоваться.

В Дагестане идет самая настоящая война. Экстремисты взорвали в одном из городов дом для офицерских семей. Около полусотни жертв сразу. На этом фоне «победы» московской милиции кажутся достижениями. Розыскного таланта, чтобы предусмотреть там, у них нет.

7 сентября, вторник. Чувствую себя ужасно. Все началось с прошлой пятницы, когда по случаю премии А. И. Горшкова я напился шампанским. Тем не менее провел семинар, на котором говорил о прочитанных книгах и о «ходах» — то есть о технологии. Опирался на книги, присланные на конкурс Пенне. Кстати, в тот же день продиктовал Мише Семерникову свое видение лидирующей десятки. По телефону он прочел мне рейтинг, который сделали Ганичев и Бэлза. Что касается Бэлзы, тот вроде бы сказал: «Мне все равно, но чтобы первым был Маканин». В. Ганичев, как и в случае с Е. Ю. Сидоровым, выставил только своих. Возможно, что все они даже книги не читают. Первый — мой же ученик Дегтев, а второй с моей подачи — молодой Тарковский. Естественно, ни тот, ни другой в общий рейтинг не попадают, но Тарковский — это очень сильно.

Днем заходила Татьяна Бек отпрашиваться на какой-то семинар в Германию. Одновременно жаловалась, что ее обидели в «Книжном обозрении», рецензируя костровскую антологию поэзии XX века. Эта антология противопоставляет себя евтушенковской. Михаил Синельников сделал это в едкой перечислительной манере. Как жанр — это прекрасно, наверное, много и справедливого. Вряд ли хорошие стихи от ругани станут плохими, после того как их разругают в газете. Навскидку: «Пастернак составлен с ненавистью к нему, раннему, то есть богатому свежими и резкими красителями», «Бек — серая форма и ничтожное содержание, тут-то и преподавать в Литинституте». Поищу еще наших: «Прекрасное религиозное стихотворение Ольги Николаевой». (Решил, что это наша Олеся), «Но у нее отмечу лишь цезуры в длинных строках». (Это о нашей), «Фирсов — выступление в красном уголке по путевке», «Сорокин — превратное представление о России, русской грамматике и русской рифме». Никого почти не похвалил автор. А Сорокину я только что отдал семинар после покойного В. М. Сидорова. Не сделать ли мне в институте обсуждение с привлечением Синельникова «Две антологии»? Таню Бек очень, я чувствовал, все

это возмутило. Что пишет о них с Олесей коренной еврей, Таня даже констатировала, что бьют и своих, все в нашем лагере демократично!

Телевидение: огромное несчастье — взрыв жилого дома в Печатниках. На месте этих несчастных людей мог бы быть каждый. Телевидение впрямую говорит, что это все чеченские дела. Меня безумно на ТВ возмущают слова «зачистка», а в жизни — поголовное хватание всех людей кавказско-восточной внешности.

9 сентября, четверг. «Труд», кажется, целиком напечатал мой последний рейтинг. На радости, в машине за рулем продиктовал Диме про запас новый, не думаю, что в ситуации что-либо изменится. В этих заметочках меня даже не очень интересует сама телевизионная ткань, а только отблески. Все программы полны сведений и намеков, что президент и семья пользуются «дареными» банковскими пластиковыми карточками:

«По сути, на прошедшей теленеделе было два героя: Дагестан и пластиковые карточки. По поводу Дагестана сказать можно только следующее: давайте представим, что бы произошло, если на какую-нибудь часть СССР напали некие бандиты году так, скажем, в 1975–1980. Или другая загадка природы: за сколько дней, но в крайнем случае недель справились бы внуки Дзержинского со всей московской коррупцией, воровством, кражами в правительстве, безобразиями на дорогах, взрывами, подрядами и коммерческими фирмами детей и жен руководителей?

Впрочем, Дзержинского не хочу. Хочу Путина, но с повадками Дзержинского.

Что касается пластиковых карточек, то напомню хорошо известный «еврейский» анекдот, не будем скрывать, что такой жанр существует.

В Одессе еврея-портного спрашивают: «Что бы ты делал, если бы был царем?» — «Я бы ел сало с маслом и вареньем», — отвечает портной. «А еще что?» — «А еще я бы немножко шил». Спрашивается: зачем царю швейная машинка?

Все понятно с пластиковыми карточками?»

По поводу надоевшей платоновской комнаты в институт приезжала Наталья Леонидовна Дементьева. Я познакомился с ней, когда она еще была министром культуры, сейчас она первый зам. Она выполняла указание министра, нашего бывшего ректора, который знает положение прекрасно, но, как опытный аппаратчик, хотел бы заручиться мнением со стороны. Недавно, выступая на открытии выставки Платонова в Библиотеке им. Ленина, он вроде бы дал слово, что откроет музей Платонова,

посмотрим, за чей счет. Я встретили Дементьеву во дворе, показал и весь институт, саму Платоновскую комнату. Как всегда, она мне нравится, хотя слухи о ней ходят разные. Была откровенна, довольно проста, не стеснялась лезть и в собственный быт. Старается кастрюлю борща у себя дома растянуть на несколько дней. Об институте очень информирована, слышала даже, что Леша Тиматков — я его представил — выступал на «Неофициальной Москве». По крайней мере мимо нее не прошло участие института в этой акции, наблюдала, не знаю, ставили ли мне за это плюсы или минусы. Но, впрочем, как дальше дело повернется, не знаю. В пригласительном билете на платоновскую конференцию в ИМЛИ значится и такой пункт: «Сегодня и завтра «Общества Андрея Платонова».

10 сентября, пятница. Умер Лев Разгон. Вчера было сообщение по ТВ, а сегодня получаю на каком-то клочке бумаги записку от Мариетты Омаровны, что она не может его не проводить, а поэтому надо отменить ее лекцию на 4-м курсе. Вечером в дикторском тексте телевизионщики как бы извиняются, что так мало народа пришло на похороны. Тем не менее выступал Явлинский, говоря о покойном замечательные слова, был Гайдар. Покойный просидел чуть ли не 20 лет. Его «сшибли», когда он начал делать какую-то немыслимую партийно-комсомольскую карьеру. Как же не сделать, если он был зятем или каким-то другим родственником всемогущего Бокия. Все было породнено, в те времена партийная элита имела тенденцию превращаться в семью. Жена Каменева, например, была сестрой Троцкого. Мне кажется, Сталин и принялся бороться против этой семейственности, против превращения государственной машины в родственно-коррумпированную организацию.

Уже в репортаже с Востряковского кладбища увидел Мариетту Омаровну, шагающую в первой паре с каким-то трагически-искусственным лицом. Публика в основном еврейская. А в принципе, нет ни писателя Разгона, ни общественного деятеля. Общественность только декларирует, что она возглавляет народ, но за ней никого нет.

11 сентября, суббота. Открылся Кинорынок. Это почти единственное место, где В. С. может посмотреть фильмы. Интересуется и смотрит она только, как раньше говорили, советские, нынче российские. Ехать надо далеко — в Измайлово. На этот раз показывали два и оба замечательных. Фильм Хотиненко «Страстной бульвар». Здесь история актера, который

уже давно не актер, и, так сказать, в гриме Пушкина решил пройти по товарищам своей артистической юности. У всех жизнь не сложилась, кто переквалифицировался, а кто просто неудачник. Это все на фоне коммуналки где-то на Сретенском бульваре. Сюда потом с вокзала герой приводит и «сибирячка» с сыном. Милые, приятные люди. Мальчик на роликовых коньках. Время такое. Они-то его и обворовали. Фильм длинный, с излишней претензией на исчерпывающую метафору. Кое-что здесь позаимствовано. В лучшем эпизоде с Серг. Виноградовым — «хромым танцором» взят напрокат танец из «Ночного портье» и пр. Как искусство фильм скорее не получился, но вызывает массу размышлений. В год юбилея Пушкина фильм показывает, что поэт стал для нашей интеллигенции общим местом. Цитируют его по школьной программе где нужно и где не нужно. Хороши бывают наши министры, когда цитируют классику.

«Молох» Сокурова, который и в Канне — будто бы и в Канне на престижных просмотрах не сидит обыватель — обыватель нашел скучным. Это, безусловно, шедевр. Сокуров, конечно, не Висконти, не умеет снимать народное кино, для этого надо родиться герцогом, но все, что Сокуров делает, чрезвычайно значительно. И фильм о Гитлере и Еве Браун, и о разрушительном действии на личность окружения. И об одиночестве и бреде власти. И о «публичном одиночестве». Пикник, где за спиной почти каждого нечеловек-охранник. Дождь в начале фильма и обнаженная Ева на террасе. Вот возможность ненадолго побыть самой собой, но тут же она оказывается в сетке прицела. Как и любое искусство, описать словами трудно, но очень все значительно, и теперь мне с этим жить. Другое дело — идеология. Стоит ли Гитлер романтизации?

Завтра собираюсь в Переделкино к Игорю Васильеву смотреть дом и горку вместо моего старого, еще маминого буфета.

12 сентября, воскресенье. Тем не менее самая главная цель моей поездки была прогулять мою собачку Долли, которая уже две недели сидит без дачи. Пускай побегает, пока я буду осматривать чужие пенаты. Дача хороша, благоустроенна, масса антикварной мебели. Особенно меня восхитило японское фуро в ванной комнате. Поймал себя на том, что совершенно лишен зависти. Ну, совсем мне не обидно, что кто-то живет на даче в Переделкино, а я в Обнинске за 100 километров, и живет лучше, чем я, ректор. Я всегда думаю о том, сколько же сил люди потратили, чтобы жить именно таким образом. А я тем временем так счастливо пописывал свои романчики, пока они строили и перестраивали свои хоромы.

Вечером читал рассказики первокурсника А. Приходько. Пожалуй, молодые не то что по-новому пишут, но по-другому чувствуют. Я судорожно пытаюсь с этим разобраться. А если конкретно, то очень боюсь первых своих советов ученикам.

Сложность обучения литературе состоит в том, что почти все исчерпано. Понимаешь, что направление — реализм, но эту реальность необходимо выразить каждый раз по-новому, какими-то иными приемами, новой стыковкой слов. И тут начинаешь отчетливо осознавать, что неисчерпаемы мысль и человеческий взгляд на жизнь. Значит, надо опираться больше на мысль, но как же ее выразить, чтобы она дышала, чтобы понятия сверкали чувственной новизной?

Приходько, конечно, пишет очень неплохо. Но, как и они все, только про себя. Образная и мыслительная сгущенность перерастает у него в манерность.

13 сентября, понедельник. Сегодня был взорван еще один жилой дом в Москве. Я очень боюсь, что наши власти дождутся народных волнений. Начинается внутренняя паника. На улицах машин больше, чем обычно, — многие боятся ездить в метро и вытащили свои машины, хотя, возможно, и не предполагали поездки. Мэр обратился к идее создать некие общества самообороны. Везде теперь будут старшие по подъездам. Всем бабушкам и дедушкам приказано смотреть в оба глаза и доносить о подозрительных лицах. Я очень боюсь взрыва национализма по отношению к смуглым и с усами. По словам Димы, на Ленинском проспекте уже кучкуются отморозки в четырнадцать-пятнадцать лет с надеждой наткнуться на каких-либо «черных». Это результат работы телевидения и разговоров на кухнях.

14 сентября, вторник. Начались заседания Госдумы. Уже давно в воздухе витают суждения о введении чрезвычайки. Судя по тому, как упорно Путин в Госдуме отрицает предположение о намерении правительства ввести чрезвычайное положение, его, наверное, не введут. В Москве останавливают любую машину, за рулем которой человек с нерусским лицом. Я бы сказал, демократизм в действии.

Упорная и справедливая тенденция прессы — выявить, кто же все-таки виноват в Чечне. То есть спохватились задать вопросы, которые критически мыслящие люди задавали себе и обществу еще несколько лет назад. Почему же тогда прошли мимо очевидного, не довели до конца грозненскую операцию? Почему так охотно и быстро закончили Буденновск, начали переговариваться с бандитами? Так ли поступили бы в этих

ситуациях в США, на которые все кивают? Всплывают в связи с этим личности Лебедя и Черномырдина.

Сегодня состоялось заседание нашей кафедры. Мы справились с этим за 20 минут: Сергея Чупринина рекомендовали ученому совету на должность профессора, Таню Бек на звание доцента и Анатолия Дьяченко на звание старшего преподавателя. Цыбина, Орлова и Кострова приговорили к голосованию уже на звание профессора.

Попутно А.Е.Рекемчук рассказал мне о скандале, произошедшем на похоронах Разгона. Оказывается, покойный принял несколько лет назад православие. Тем не менее «группа писателей» под руководством Жени Альбац принесла в ЦДЛ венок с огромным, бросающимся в глаза знаком магендоида и привела с собой еврейский оркестрик. А. Е. усмотрел в этом, наверное, справедливое стремление Союза писателей Москвы превратиться в другую организацию или во что-то такое. После смерти Савельева и при попустительстве вновь избранной главы союза Риммы Казаковой вожжи оказались отпущены, и «группа писателей» пытается приватизировать, а точнее, национализировать союз. Эти хлопоты вокруг союзов и тонкости их идеологических или националистических нюансов — чисто советская черта.

15 сентября, среда. Утром, когда гулял с собакой, увидел молодую женщину, старательно одетую, но не богатую, идущую к трамваю. Рядом к школе все время подъезжали машины, из которых выходили обеспеченные дети и родители. Я шел за этой женщиной и увидел, что ее чулки все были забрызганы грязью. Мне стало удивительно ее жалко.

Начал перечитывать «Марию Антуанетту» Цвейга.

Газета «Мир новостей», 11 сентября 1999 г., № 37(299).

«САТАНИСТ ХОТЕЛ ВЗОРВАТЬ МОСКВУ.

Студента литературного института подозревают в организации серии взрывов в столице».

Перепечатываю в дневник только конец статейки:

«…Нашему корреспонденту удалось встретиться с друзьями студента, факт задержания которого не вызвал у них ничего, кроме недоумения. Рассказывает бывший одноклассник Михаила Ярослав Мостовой: «Еще в школе Наумыч был довольно неординарной личностью: постоянно рассказывал невероятные истории из своей жизни. По его словам, он был одним из основателей секты «Церковь Черного Дракона» и постоянно участвовал в сходках членов этого общества. После окончания школы Михаил перепробовал много дел: был активным фанатом

«Спартака», работал ди-джеем народно, много путешествовал по миру. Его увлечение сатанизмом никто не воспринимал всерьез, впрочем, как мне кажется, он и сам не придавал этому большого значения. Все это не выходило за рамки простого дурачества». О последних увлечениях Михаила рассказывает его знакомый Дмитрий Путивцев: «Не думаю, что все это он говорил серьезно. Мне кажется, он не способен на какие-то агрессивные шаги. Обвинять его в подготовке взрывов в Москве — полный абсурд. Думаю, что милиции необходимо было найти мальчика для битья, вот они и решили отыграться на студенте». Настораживает, что в результате оперативно-розыскных работ столичной милиции удалось разработать лишь две версии: студента-сатаниста и революционера-литератора. Наша газета обязательно будет следить за развитием событий и расскажет о дальнейшем ходе следствия по этим делам».

16 сентября, четверг. Утром телевидение объявило о новом взрыве жилого дома в Волгодонске. Москвичи с облегчением подумали: не у нас. Господи, ведь все это результат деятельности ублюдочного правительства, ублюдочного президента и общей доктрины, при которой большинство должно жить беднее, чем жили раньше, а некоторые так роскошно, как не снилось прежним магнатам. На всех не хватает. Причем богатые пытаются еще создать себе на всякий случай задел на Западе. Страна ушла в горячие завтраки в чужих отелях, в белые полотенца в номерах. В клизмы, памперсы и пьянку.

У нас на подъезде две памятки. Одна из них: давайте, жители, собирайтесь организовывать круглосуточное дежурство в подъездах, а протокол о вашем собрании и график дежурств пришлите к нам, в РЭО. А зачем же мы содержим милицию, правительство, внутренние войска, министров?

Звонили из Бутырской управы, просили взять до нового года на житье 47 участковых милиционеров, присланных на усиление в Москву. Взял, может быть, к ним дадут еще и полсотни кроватей, которые мы потом присвоим.

Вечером был на «круглом столе» в посольстве Индии в Москве. Что-то о традиционных связях и контактах на следующее тысячелетие. Интересно, но трехчасовое сидение слишком серьезная плата за фуршет. Ушел, выслушав пару докладов.

17 сентября, пятница. Самое главное и печальное, что В. С., поменяла больницу и своим ходом ездила в Бабушкино и обратно в некий центр гемодиализа, потому что «блестит, потому что новый». Как она это только вынесла? Я надеюсь, что все это

закончится хорошо, может быть, и действительно придется переходить в эту другую больницу, где все по европейским стандартам. Валя не сообразила, что в этой сутолоке, которая сейчас царит в Москве, в этих пробках и «скорая помощь» может опоздать, и просто всем скоро будет не до «скорой помощи». Я все время думаю, что скоро в транспортировке В. С. на диализ надо будет рассчитывать только на себя.

Утром ходил на рынок, где купил кучу костей и обрезков мяса для питания собачки. Кость она начала грызть с невероятным наслаждением. Вечером был в Матвеевском у В. С. Прочел в трех номерах «Киносценариев» мемуары М. Буа о Нуриеве. Вырисовывается очень неодинаковый, жадный, эгоистичный, но великий человек. Кстати, Нуриев был маленького роста. Поразило, что ноты он читал с листа почти так же, как и Стравинский. Стал думать о смерти не в каком-то литературном плане, а как о вполне естественном и закономерном явлении. Нужно довольно сильно устать от болезни, чтобы она тебя утомила, и тогда начинаешь думать по-иному.

19 сентября, воскресенье. В Обнинске природа никогда не надоедает. Несмотря на самые пессимистические мысли, посадил пять кустов черной смородины, которые купил на рынке, и надумал обкладывать дом кирпичом. Дом надо красить или что-то делать с обшивкой, но я склоняюсь к тому, чтобы сделать это раз и воистину навсегда. Обычная моя манера идти более трудным путем. Кто бы потом в доме ни жил, меня будут вспоминать хорошо. Совершенствование жизни — это мое хобби.

Прочел книгу К. А. Иванова, директора СПБ 12-1 гимназии «Средневековые монастыри и их обитатели», 1910 г. Какая прелесть, чем могли заниматься люди! А я…

Для «Труда»:

«Когда глядишь на очередную «говорящую голову», тебе начинает смутно мерещиться, что же эта голова говорила раньше. В общем, телезрителя, кроме изображения, начинают посещать еще и видения. Для меня поверх всей Чеченской войны плывет незабываемая, почти «святая» тень Сергея Адамовича Ковалева, нашего знаменитого правозащитника. Воистину, хотелось воскликнуть: что хорошо было Адамовичу, то для обычного русского — смерть. Другое, уже свежее видение. Выступает, например, один из наших бывших премьеров и начинает ворковать о своей исключительной роли в прошедших чеченских событиях. А если что-то, дескать, получилось не так, как намечалось, то в этом виноваты другие министры. Как будто не

долг и обязанность вожака сделать так, чтобы другие сделали так, как надо. А может быть, универсальна истина, что «руководить — это предвидеть». Или последние рассуждения другого свежего героя нашего времени, бывшего бравого генерала Руцкого, о почти потерянной нашей русской армии. Вот это созидатель! Какие дает советы и как логично рассуждает. Но кто, спрашивается, раньше мешал генералу проявлять свое здравомыслие? А ведь так был близок к вершинам власти. Но хватит злобствовать. Есть и еще одна мыслишка: «Кажется, этот этап чеченской войны Чечня проигрывает потому, что поскупилась на телевидение». Чего же это сейчас журналисты НТВ не смотрят в рот полевым командирам? Жареным запахло, и свою шкурку стало жалко? Тем не менее и на телевидении, которое осточертело своей пронзительно предсказуемой нотой, не все так печально. Перебирая телерегистры, я вдруг наткнулся на передачу, от которой уже не мог оторваться. Как ни удивительно, это был «Музыкальный ринг» с очень странной ведущей. Но заслуга ее — на этот раз — только в том, что вместо привычной попсы госпожа Максимова пригласила на ринг участников конкурса Елены Образцовой. Какие голоса, какие прекрасные молодые лица! И тут же невероятное и неожиданное свидание с легендарными певицами Ренато Скотто и Федорой Барбьери — членами жюри. Немыслимая по красоте и неожиданности передача. И такая бездарная и неумелая власть!»

21 сентября, вторник. Невероятные вещи открываются про наших политиков. Все, естественно, вращается вокруг денег. Вот уже и Примакова обвиняют в получении взятки в 800 тыс. долларов за передачу Ираку каких-то сведений для создания атомной бомбы. Допустим, этого нет. Но ведь все как-то не по зарплатам живут. Каким-то образом лечатся в европейских клиниках, собирают огромные средства. Телевидение сообщило, что Лужков в Германии за 155 тысяч марок купил двух пони для своих детей и кровного жеребца. Ответ очень простой: деньги у моей жены. Но если действительно фирма жены мэра получила заказ на всю пластмассу в Лужниках, на кресла, на всё, то ведь за такой заказ могут и застрелить. Это все из разных передач. Скандально выглядит список в Думу у Жириновского. Среди кандидатов на место в Госдуме красноярский Быков, Якубовский (генерал Дима), Михась, Ашот Енгизарян, банкир, скомпрометированный на деле Скуратова. Наш избиратель все забывает, люди влиятельные и очень денежные проголосуют. Определенно в стране не хватает на прожиточный уровень бедных и образ жизни богатых.

Умерла Раиса Максимовна Горбачева в Мюнстере от лейкемии. До этого она показалась в институте гематологии у нас, и ей поставили правильный диагноз. По словам моего племянника Димы, который работает в институте, у нас знаменитый Воробьев ее бы спас, но ей показалось в Москве некомфортно. О, эта тяга Кузнецкого моста к Парижу. Наверное, не так, всем распоряжается судьба, но ее смерть имеет какое-то мистическое значение. Горбачев тем не менее перед телевидением гнет свою линию публичного политика. Наверное, уже подсчитал шансы, что даст ему как политику смерть жены.

26 сентября, воскресенье. Я снова излагаю для «Труда» свою точку зрения на события по «ящику»:

«Как филолога, меня очень увлекает слово «зачистка». Я представляю себе некое место, ну хотя бы лист бумаги, на котором выскребается любой текст, чтобы и духу не было. Меня каждый раз коробит, произносят ли это слово по отношению к освобожденному селу, или к разбомбленным выходцам из этого же села, к развалинам. Я всегда думаю, сколько под эту зачистку попадает и живого. Не лучшее это слово и для души взрослого, и для хрупкого воображения ребенка.

Самый ненавистный для меня телевизионный жанр — это «ток-шоу». Вся нелепость и глупость и наших телевизионщиков, и нашей тщательно отфильтрованной публики здесь налицо. Что стоил только вопрос в ток-сериале «Моя семья» некоему транссексуалу, наверное, мужественному человеку, переменившему пол и обретшему свою семью: «А как проходила ваша первая брачная ночь?» И без ханжества: самая ли актуальная эта тема? И сколько неловкости и за публику, и за этого смелого человека, вынесшего на суд общественности свою личную жизнь. Вообще, со словами на телевидении плохо. Кажется, что во всех ток-шоу участвуют одни и те же люди, некая уже заранее сговорившаяся тусовка, мнение которой выдается за мнение специалистов и народа. На это суждение надоумила меня когда-то любимая «Старая квартира-1992». Но как раздражают в свежем выпуске и кочующая из передачи в передачу Кира Прошютинская, почти придушившая свой «Пресс-клуб», а вот воскресшая в уже пробуксовывающей славкинской «Квартире», и неувядаемый Горин, слетевший с жердочки своего «Белого попугая» на просторы 1992 года, и Олег Марусев, традиционно причастный к самому неинтересному на ТВ. Я уже не говорю здесь о вечно самоуверенном Гайдаре, решившем на фоне нашей сегодняшней жизни еще раз объяснить всем нам и обкраденным старикам и старухам, каким он был молодцом в 1992-м. Какая сила, кроме, естественно, немыслимого таланта, держит на телеэкране всех этих

замечательных людей одного мировосприятия? И нельзя ли изредка добавлять туда для аромата и разнообразия — других?»

28 сентября, вторник. Сдавал кровь в институте иммунологии на Каширке. Как сейчас принято, всех анализов сделать мне, как и положено, как я по прежней жизни привык, то есть за государственный счет, несмотря на протекцию Саши Науменко, не смогли, поэтому другую часть этих самых анализов сделали частным образом. В коммерческой лаборатории, составленной из тех же сотрудников и в том же коридоре института. Стоило это около полутора тысяч рублей. Пора, кажется, делать параллельный Литературный институт. Тогда я начну за деньги учить детей этих самых сотрудников и прочих, которые теперь с помощью бессильного и разворованного государства почти приватизировали нашу медицину.

Чувствовал весь день себя ужасно. Когда поднимался на второй этаж, то на мгновенье потерял сознание. Тем не менее провел семинар. Обсуждали Пашу Быкова. Пришлось его отбивать от молодых волчат, хотя ему надо больше сосредоточиваться на прозе и своем внутреннем мире. Он немножко разбрасывается. Его женоненавистничество меня настораживает. Видимо, он недавно получил афронт или приспосабливается, а у него ничего не получается.

29 сентября, среда. Наконец-то я решился, и уже пишу в больнице. Мое саморазрушение заканчивается, меня уже исследуют, заставляют плевать в баночку, расспрашивают, мнут, слушают, выясняют. Скорее всего, выяснят, но ничем не помогут. Я в отделении у Ильи Дорофеевича, моего старого знакомого и знакомого Инны Люциановны. Утром перед госпитализацией меня опять принял Алексей Григорьевич Чучалин, который отчего-то ко мне очень добр и снисходителен. Из мелочей рассказал, что вскоре после моего ухода от него в прошлый вторник у него был Панин, муж Елены Владимировны Паниной, увидел мою визитку и очень хорошо говорил обо мне. Поговорили о Паниной, и академик с радостью отметил, что она хорошо говорит по-французски. Он сам говорит на английском, и, видимо, язык дался ему нелегко. В нескольких словах Алексей Григорьевич описал недавний день рождения своего пациента Николая Ивановича Рыжкова, бывшего Председателя Совета Министров. Было — тысяча человек. Мы вместе вспомнили косноязычие Рыжкова, и тем не менее его интересные речи, когда он говорил о хозяйстве и социальной политике Союза. Одновременно я вспомнил, что мои деньги за переводы

последних предкапиталистических времен так и рухнули в Тверском банке, которым товарищ Рыжков руководил.

В больнице меня поместили в отдельную палату. Кормят скудно, но меня это не очень волнует. Вечером поднялась температура. Голова по-прежнему темная. Между врачами читал книжку Владислава Александровича. Как всегда умно, суховато, с массой информации из первых рук.

1 октября, пятница. Видел на рентгеновском снимке свои легкие, похожие на беспорядочные кружева. Вопрос о can. и о многом другом все еще впереди. Опять смотрел Александр Григорьевич, из его реплик я понял, что все не так хорошо, как можно было предположить. Он разбирал снимки с Ниной Петровной, моим лечащим врачом, и это было похоже на урок гениального учителя. Случайные подробности вдруг обретали смысл и свою логику. Какая бездна якобы второстепенного проходит мимо взгляда даже опытного врача. Как, оказывается, прав был Ленин, когда он требовал лечиться только у лучших докторов. Назначили томографию и бронхоскопию. Что это такое, я знаю по маме.

Вечером приезжал Н. А. У него прекрасная новая машина, я его встретил во дворе. Показывал мне свои летние фотоснимки: и дачные, и испанские. И там и там — и сытно, и богато. Я, конечно, ему не завидую, но все же мельком вспоминаю, что в самом начале перестройки спас его от тюрьмы, куда он мог попасть. Вспоминаю, как даже «принимали» почтеннейшего адвоката у меня дома, праздновали окончание процесса. В известной мере процесс решила моя режиссура, я вспомнил, что мать Н. А. глухонемая, и вместе с его глухонемым же отчимом посадил ее в первом ряду в зале суда. Тут же я невольно, разговаривая с Н. А., отмечаю два обстоятельства. Я, конечно, сукин сын, что позволяю себе так думать: Коля привез такую огромную сумку продуктов. А с другой стороны, мелькнула мысль нищего: не стал ли бы я, если не так сильно был занят своими романами в начале перестройки, а сосредоточился на другом, богатым жуликом?

Днем лежал под капельницей. Теперь я тоже не буду чувствовать себя обойденным по отношению к другим больным в нашем отделении.

Гневлю я Бога, мельком заглянул в соседнюю палату: какие у людей страдания!

Умер Анненков. Еще десять дней назад праздновали его 100-летие, он играл на сцене. Сама его долгая жизнь давала всем некий шанс. Президент наградил его каким-то орденом. И, как

всегда, опоздали, не вручили. Хоть бы здесь посчитались с судьбой.

2 октября, суббота. Второй день читаю Троцкого о Сталине. За всем чувствуются и необъятные знания, и работа помощников и секретарей. Но какая злоба и мелочность к Сталину как к более предприимчивому игроку. Этим вечным подсчетом, на каком месте в протоколе стоит имя Сталина, и сравнением его с местом, которое занимает собственное имя, Троцкий напоминает мне Бакланова. Когда-то в самом начале перестройки в Комарове, под Ленинградом, кинорежиссер Сокуров, тогда еще вполне доступный, говорил о том, что он что-то делал с Баклановым, какой-то фильм, закончившийся скандалом между мэтрами, и вот с той поры я запомнил такую деталь наблюдений Сокурова. Он рассказал, как неприлично, для большого писателя, «впивался» Григорий Яковлевич в тогда еще вражеские «голоса» и жадно, не скрывая своего интереса, следил, на каком месте в западном «поминальнике» Юрий Бондарев, Валентин Распутин, а главное — он сам.

3 октября, воскресенье. Вчера поздно вечером высунулся из палаты и в приоткрытую дверь вижу: две сестрички везут из дальнего конца коридора каталку, на которой что-то длинное, закрытое простыней. Я сразу понял: кто-то умер.

Ночью так сильно кашлял, что сестра вызывала врача, и тот мне, сонному, вкатил какой-то укол.

4 октября, понедельник. Несмотря ни на что, поехал на защиту диссертации С. П. Защита была блестящей, если бы еще поднажать, то ему могли бы дать сразу и докторскую. Особенно на фоне другой, «соседней» защиты. Сережа хорошо был одет, складно и полно отвечал на вопросы, был уверен и самодостаточен. Даже вечно недовольный Владислав Александрович, кажется, был доволен. Давали не из жалости. Отмечали неординарность работы, ее внутренний объем. Кандидатом Сережа стал не потому, что написал диссертацию, а потому, что прошел всю эту изнурительную процедуру, набрался терпения и воли. Сегодня он провожает мать, которая приезжала на защиту, — это очень правильный шаг, я представляю радость моей мамы, если бы ей пришлось поприсутствовать на чествовании своего сына, — и, кажется, займется сантехникой. Какое счастье, что природа наградила меня умением радоваться за других. Хоть бы какую-нибудь зависть найти в своем сердце.

В больницу возвращаюсь, как зверь в нору. Я полюбил больницу, которая надежно отгораживает меня от мира.

5 октября, вторник. Ездил на семинар, потому что упустить страшно — потом не расхлебаешься. Мне необыкновенно приятно видеть рожи своих ребят. Обсуждали три новых рассказа Ани Кузнецовой. Все очень талантливо, но холодно, будто бы она специально не подпускает к себе ничего человеческое. Все три рассказа тем не менее могли бы получиться очень заметными, в одном даже проклевывается новый характер. Отдельные строчки ослепительные, но все вместе не складывается. Пожар под водой.

6 октября, среда. Сегодня вместе со своим лечащим врачом Ниной Петровной ездил в Радиологический центр на Ленинском проспекте на томографию. Какое огромное было построено здание, какая удивительная аппаратура. Главный результат — рака у меня в легких нет. Самое интересное, что довольно определенно по этому поводу высказался завкафедрой Петр Михайлович уже по моему больничному снимку. Потом это подтвердил компьютер и томограф. Снимки тем не менее отметили все мои нелеченные простуды, катары, плевриты, воспаления легких, которые я перенес на ногах, потому что в институте скандалил Калугин, интриговал Смирнов, за кулисами интриговала и хотела институтских площадей Корниенко, слишком «шустрила» Оля Шалиткина, ставшая Горшковой, не платил деньги Шапиро, неизвестно куда дел мои собственные деньги О…в. И нынешняя болезнь — это болезнь их имени.

Делали мне это исследование платно. Я долго пытался кому-то отдать деньги, но потом человек, который их должен был взять, нашелся. По сегодняшним дням это довольно дорого — 1300 рублей. На дверях кабинета вдобавок ко всему висит надпись о том, что «за деньги» — делается без очереди. Этому придана литературная форма — «пациенты, заключившие индивидуальный договор»… Внизу, в регистратуре, записали номер моего полиса и дали мне листок с номером моей истории болезни и пр. На первый взгляд, медицина стала вроде бы и доступнее, но это ее сегодняшнее положение отсекло от нее огромный пласт людей. Много людей просто махнуло на себя рукой и не лечится. Нина Петровна сказала мне — она тридцать лет проработала в этой больнице, — что будет держаться до последнего, потому что даже ей с уходом на пенсию система станет недоступной. Я ведь тоже вхож сюда, пока я ректор и есть дружеские связи.

В коллекцию медицинских происшествий дня вношу еще один «казус». Накануне был у окулиста. Я давно жалуюсь на глаза, ношу чужие очки, подбираю их «на глазок». Иногда

вечером я чувствую, что не могу читать, текст расплывается, я отодвигаю и приближаю книгу к себе, ищу какие-то ракурсы. В эти минуты я чувствую себя стариком. Все эти мои манипуляции окулист без моей жалобы расшифровала довольно быстро: «У вас маленькая катаракточка». Я понимаю, что пока маленькая, но будет и большая. Тут же врач мне прописала лекарство. Эта пропись выглядит так: квимакс, или катахром, или тауфон по 2 капли — 2 раза в день, в оба глаза. Настаиваю в этой прописи на слове «или». Я подал эту бумажку в аптеку, и седовласая аптекарша сразу же мне выпаливает — 137 рублей и называет лекарство. Уже радуясь, что это лекарство есть, на всякий случай я спрашиваю, а нет ли чего-либо подешевле? К чести седовласой аптекарши, она, ничуть не смущаясь, отвечает: «Есть тауфон — 2 рубля 47 копеек». Я окончательно убеждаюсь, что мы живем в мире капитализма. Аптека работает с оборота.

7 октября, четверг. Был Александр Иванович. Вчера он получил медаль и пришел мне показать ее. Доволен, и я доволен, потому что прозвучал институт. Впрочем, прозвучал он сегодня и еще раз. По ТВ объявили, что в результате спецоперации взяли и привезли в Москву одного из лидеров чеченских событий — одного из братьев Хочелаевых. Он выпускник Литинститута и его повесть в свое время была опубликована в «Октябре».

Вечером приезжал мой племянник Валера. Привез виноград и ветку бананов. Я знаю, что у него нет денег, а вот все же что-то привез. У меня определенно есть «чувство родни». Так легко, свободно, с такой степенью понимания я, пожалуй, не чувствую себя ни с кем.

Потихонечку работаю над ленинской главой.

8 октября, пятница. Сегодня ходил в аптеку купить пульмокорд, необходимый мне для ингаляций. Александр Григорьевич дал мне несколько штук — все, что у него было. Упаковка лекарства на 5 дней стоит 1242 рубля. А это лекарство старых людей. Еще раз подумал об отодвинутости всей старости от медицины. За всех русских стариков лечится только Борис Николаевич Ельцин.

Читаю дипломную работу Юры Роговцева. Кажется, я выпускаю гениального писателя.

11 октября, понедельник. Мне делали бронхоскопию. Огромное впечатление на меня произвело мастерство наших медиков. Врач, делавший мне это исследование, огромный, как шкаф, человек, не с руками, а с лапами. Но как же в этих лапах

работает инструмент! Задыхаясь, обливаясь непроизвольными слезами, я думал о русских виртуозах.

12 октября, вторник. Уехал из больницы около 12 часов. Обсуждали Юру Роговцева. Семинар не очень согласился со мной, и нашли у Юры кучу блох. Я колеблюсь, отдать ли диплом таким образом на обсуждение, или обезопасить себя и отдать читать «проходимые» главы. Юра капризничал, как примадонна.

Перед самым семинаром мне позвонили из министерства: я накаркал себе судьбу, пригласив В. И. Матвиенко, а получил — Путина. О дате и времени визита ничего не известно. Требуют прислать сценарий встречи в двух вариантах: на один час и на два. Этим всем будут заниматься С. П. и Александр Иванович.

13 октября, среда. Как же мне надоело каждый день по 30 минут дышать пульмокордом, делать утром и вечером ингаляции. А В. С. через день по 4 часа лежит на переливании крови. Подобное может выносить только женщина.

14 октября, четверг. Опять удрал из больницы и поехал проверять «боевую готовность». С. П., Лев Иванович и Александр Иванович оказались на высоте — все подготовили. Тем временем на студенческой доске объявлений появился листочек, который зоркая Светлана Викторовна мне принесла. Как расценивать написанное — как некоторую симпатию ко мне со стороны студенчества или как язвительную инвективу — не знаю. На всякий случай, для «истории» перепечатываю:

«Объявляется сбор пожертвований в пользу идей воздвижения памятника Есину С. Н. на столбике при входе в садик Герцена. Предполагается переименование садика Герцена в садик Есина.

Деньги класть на сказанные столбики».

Ал. Иванович сказал, что Н. В. Корниенко подала заявление об уходе из института. То, чего я мстительно хотел, свершилось, а мне не радостно. Ал. Иван. рассказал, что, по словам В. П. Смирнова, она больна и плохо себя чувствует. Я тут же подумал, вот теперь-то я и займусь платоновской комнатой.

Сегодня в институте днем на семинаре наших немцев-переводчиков с участием немецких поэтов был также мой старый знакомый Рексус, а во второй половине дня лекция Фридриха Цира по проблемам перевода. Все это в рамках дней немецкой культуры — «Дней Марбурга в Москве». На лекции я посидел, пока Дима не вытащил меня из зала: разыскивает министр Филиппов. Владимир Михайлович, естественно, интересовался, как у нас идет подготовка, и, кажется, волнуется больше, чем я.

Это и понятно.

Из института мне надо было еще заехать домой, взять костюм на завтрашнюю торжественную встречу.

15 октября, пятница. Утром меня смотрел приехавший из Испании с конгресса академик. Как же просияло у него лицо, когда он не услышал у меня в легких ни одного хрипа. Опять пытал Нину Петровну по поводу «первопричины». Нина Петровна довольно удачно отбивалась, у нее на все вопросы был готов анализ, формула и собственные предположения. Если все врачи в России такие, то я не боюсь за здоровье нации. Но ведь даже мои свидания с терапевтами в поликлинике Литфонда говорят об ином. Честно говоря, я совершенно не предполагал, что в обычной больнице все функционирует. Как быстро и четко делаются любые анализы! Но работа каторжная: Нина Петровна — я это вижу в открытую дверь ординаторской — до глубокого вечера сидит в больнице. После осмотра и неизменного ослушивания немедленно удрал на работу.

Уже несколько дней все руководство института стоит на ушах. К нам едет премьер-министр Влад. Влад. Путин. Все это началось с прошлого вторника, когда мне позвонили из министерства и сказали, что к нам собирается приехать премьер-министр. Как я полагаю, это наводка Валентины Ивановны Матвиенко, которую я в августе звал в институт. Может быть, и устойчивая репутация института, где ничего не просят и где начальство не встретят болезненными просьбами. А может быть, и некая мистика — мне Путин определенно нравится, «очно», так сказать, красноречиво молчит и безошибочно говорит.

«Живьем» Путин мне тоже понравился. Очень сдержанный. Внутренне собранный на своих идеях, человек с комплексом собственных мыслей. Спокойно обошел институт, посмотрел из окна «комнаты Герцена» на ребят, играющих на спортплощадке в футбол, потом пошел в зал. Через пять минут, сказав несколько общих фраз, он удалил прессу и начал говорить о насущных делах. Все это существенно отличалось от интерпретации СМИ, и тут начинаешь думать, почему же ты сам не смог сообразить. В принципе, он говорил о негодном управлении. О том, что в условиях России означает Таможенный союз, о собственности, прозвучала в его устах и горечь по поводу итогов приватизации. Говорил об армии, о Чечне, о русских за рубежом. Его информированность рушила привычные представления. В Москве 120 000 азербайджанцев, каждый из них отсылает ежемесячно домой в среднем по 200 долларов. Дальше не нужно быть математическим гением, чтобы понять, сколько денег Россия

теряет на таких ситуациях. Малые «партнеры» России стараются грабить и грабят нашу страну. Ее специфика: 40 процентов доходов — это ее нефть и газ. Меня он убедил и убедил наших ребят, я очень рад, что многие из них после этих слов задумаются над экономикой и материальными проблемами жизни.

Сегодня же я познакомился с нашим министром Владимиром Михайловичем Филипповым. Он приехал за час до Путина, и мы очень славно поговорили с ним о проблемах русского языка и литературы. Как всегда, интересно вел беседу Александр Иванович Горшков. Снова встает проблема русского языка, мы в два голоса убеждали министра, что никакой общественный совет по русскому языку ничего не решит. В этом государстве за язык и литературу должен отвечать наш институт. Владимир Михайлович поддержал мою идею литературного минимума.

Владимир Владимирович, когда его спросили о собственности на землю, сказал: «Вот в Германии, например, вы можете быть собственником леса, но вы не сможете без разрешения властей вырубить ни одного дерева». Почти тут же из президиума я тихонько так говорю: «Значит, купить вишневый сад можно, но вырубить нельзя». Путин немедленно: «Без разрешения нельзя».

Интересный и жесткий вопрос задал Александр Александрович Зиновьев. Смысл его заключался в том, долго ли он, Путин, продержится и дадут ли ему возможность довести додуманное до конца. Вл. Вл. ответил, что постарается быть на этом посту долго. Лично я думаю, что Ельцин, видя такую растущую популярность премьер-министра, снял бы его и сам, но это его единственный шанс получить гарантии после отставки. Наверное, и его окружению Путин, с его хваткой, его государственным и русским умом, стоит поперек горла. Но собственная свобода и жизнь дороже.

Не утерпела и с вопросами-«сентенциями» выступила Мариэтта Омаровна. Вопрос был так долог, что у меня возникло ощущение ее лекции, и я стал обдумывать, как бы ее прервать. Привыкла барышня, что ее всегда слушают, открыв рот. Заслуженный тренер России по дзюдо чуть заметно пожал плечами. Чувствовалось, что многое, о чем говорил Путин — о Чечне и экономике, — ее раздражает. Ей не нравится, вернее, она не советует переходить Терек и подходить к Грозному. «Уже перешли», — меланхолично отмечает премьер-министр. Она, кстати, единственная, хотя вопросы задавал и А. А. Зиновьев, между прочим, писатель с мировым именем, представилась по полной катушке: и профессор Литинститута и член Президентского совета, и член Комиссии по помилованиям. Это

не просто я говорю, а почти сам Президент! Остро стало чувствоваться, что время демагогии шестидесятников прошло, прошло и время говорить таким вихляющим образом, как Мариэтта Омаровна. А я-то кто сам? Я-то другой?

Я все-таки не вытерпел и устно почти выпросил у премьер-министра военную кафедру для института.

Эту встречу пришлось вести мне. Я отметил, что мы наконец-то дождались, что премьер-министр начинает свою деятельность с Литературного института. В конце я сказал, что Путин производит впечатление премьера — НЕ сказочника.

Новостей у меня за день, что я на работе, хоть пруд пруди. Говорил с заочницей Мариной Гринберг, она откуда-то из Сибири. Она была у меня и летом. В заявлении пишет, что ее родители уезжают в Израиль, на нее давят, и единственная возможность ей не поехать и остаться — это перевестись на очное отделение. Она на втором курсе. В ее зачетной книжке тройки, учится неважно, способности, видимо, средние. В качестве пробного шара я посоветовался с М. О. «В нашей свободной стране никто не может принудить кого-либо уехать». Знакомые слова. Кажется, девочку надо переводить, хотя на втором курсе у меня нет ни одного свободного места. Уже заранее знаю, что, если переведу, с этой девочкой у меня будут сложности. Жаль, нет в Москве Станислава Юрьевича Куняева, у которого Марина учится. Какое у него мнение?

16 октября, суббота. Утром неожиданно меня повели на исследование желудка. Делать будет тот же врач, Сергей Петрович, который проводил мне бронхоскопию. Все прошло хорошо, как и в прошлый раз, я был восхищен работой врача и медсестры. Такое ощущение, будто ты на концерте сыгравшихся музыкантов. Но интересна причина, по которой Нина Петровна меня направила. В моей истории болезни, которую мне дали и которую я понес, стыдливо прикрыв газетой «МК», с интервью Олега Павлова, где он по обыкновению «навязывает» себя, итак, в истории болезни оказалась такая запись: «…в связи с отягченной наследственностью, брат умер от рака». Это, конечно, работа моего племянника Валеры, побеседовавшего с врачом. Если бы мой замечательный племяш еще вспомнил, что и его бабушка, моя мать, умерла от рака, тут Нина Петровна нашла бы еще какую-нибудь сферу исследований.

Пришлось ехать на работу: в связи с приездом премьер-министра, я перенес обед, который был назначен с немцами. Было 14 человек, все старые знакомые — Легге, Рексус, Цир, который прочел у нас лекцию по теории перевода, Барбара, Зибила, новый

заведующий кафедрой славистики в Марбурге доктор Иблер. Последний мне, кстати, очень понравился. Поговорили, немцы признались, что министр культуры их не принял. Из наших: Зоркая — на плечах которой все эти выступления, С. П. — весь желтый от переутомления, Гусев — как глава московской писательской организации, я и Никита Гладилин — который открылся мне во время этих немецких семинаров как блестящий переводчик.

По пути в институт, на метро, заехал в аптеку на Старом Арбате, купил коробку пульмокорда — она стоит 1600 рублей, а это мне в лучшем случае на неделю.

18 октября, понедельник. Плохо спал, вчера поссорился со всеми домашними. У В. С. паническое стремление общаться и занять все мое время и всю мою жизнь только собой. При этом неадекватное ощущение собственной значимости и самостоятельности. Это типичный наглый, упорный и безжалостный духовный шантаж. Есть ли еще муж, который в этом ее состоянии оставался бы преданным и верным. Нет, он еще должен обязательно страдать с ней вместе ее страданиями и даже не вспоминать свои собственные трудности, как несущественные.

Утром выглянул в окно, на кустах в больничном дворе, на траве кусочки чего-то белого, мне сначала показалось, что это какие-то выжатые осенние ягоды, которые я раньше не замечал. Нет, — снег.

Вчера чуть-чуть двинулся Сталин. Очень самоуверенно с моей стороны было браться за эту книгу. Никаких информационных открытий я не сделаю, только интонационные. Читаю Радзинского, много фактического материала, но невероятная злость и подозрительность. Сталин и провокатор, и убийца, и неврастеник, но нигде, что он — гений. Удивительно, что у некоторых писателей нет никакой жертвенности, но зато сколько мстительности. Почему же они не хотят переделывать собственную священную историю? Ведь если даже не трогать первого братоубийцу Каина (отсюда «окаянство»), сына Адама, от которого ведет свою родословную племя Моисеева завета, то и в признанных библейских героях вероломства хватает. Вот патриарх Авраам. Бежав с семейством и челядью от голода в благоденствующую землю египетскую, он представляет фараону свою жену красавицу Сарру, как сестру, чтобы самому не стать жертвой завистников. Этим он, естественно, вводит приютившего их властителя в грех. То есть отдает жену на поругание, правда, получив за это много земли со всякой живностью и рабами, но и поставив благодетеля под кару Господню. «Что ты это сделал со

мною?» — только и мог беспомощно вопросить фараон. Так же провокаторски сын Авраама Исаак, женатый на прекрасной Ревекке, поступает с царем филистимским Авимелехом, в чьих владениях он с домочадцами оказался по причнне все той же бескормицы на родине. И опять изумленное: «Что это ты сделал с нами?» Конечно, в от отношении инородцев все средства хороши, особенно если те занимают «предназначенную» тебе территорию, и мировая история дает нам возможность неоднократно в этом убедиться. Однако же внук Авраама Иаков хитростью вынуждает уже единокровного брата-близнеца Исава продать свое первородство за чечевичную похлебку, столь лакомую для многих в дальнейшей человеческой истории. И царь Давид, возжелавший чужую жену Вирсавию, ничтоже сумняшеся, отправляет на смерть ее мужа Урию, своего преданного военачальника. И тем не менее с великим, и справедливо, почтением говорится «Бог Авраама и Исаака», «род Давидов», а второе имя Иакова — Израиль («боровшийся с Господом») — стало названием государства. Значит, собственная история в восприятии библейцев, как и в восприятии русского человека его история, — это некий рок, уже ушедшее, поглотившее порой и самое дорогое, но оно от Бога, все надо принимать. Когда русский человек сопротивляется, то несчастий становится больше. И виной этого, чаще всего, бывают теории, пришлые или сказочные (о «добром» царе, например). Почему же нынешние апостолы демократии, оптом обратившиеся из Савлов в Павлов, уже не трижды, как Петр, а бессчетное число раз отрекаются от отеческого прошлого? Не хватит ли нам теорий, не учитывающих нашего менталитета?

Кстати, вызывает восхищение, как четко в Книге Бытия прописана идеология прогресса. Ведь Каин, старший сын Адама, был пастухом, то есть кочевником, младший Авель — земледельцем, то есть оседлым, его жертвоприношение было предпочтительнее Богу, возбудив тем самым ревность брата. И на том этапе человечьего развития Авель, как впоследствии Христос, должен был стать великомучеником нарождающейся цивилизации. Знак свыше подан. Прошло время, и уже землепашец Иаков мирно, хотя и обманно (потому что ослепший — в буквальном, а может, в переносном смысле — папа Исаак, не разгадав глубинной подоплеки знака, делал ставку, как принято, на старшего сына), вторично обыгрывает вольного зверолова Исава, по подсказке разумной мамы Ревекки, добившись отчего благословения. Жизнь потекла в предуказанной колее, тряся телегу человечества на ухабах, подчас, по греховности людской, ввергая ее в бездну. Поколение XX века, мое поколение, пересело на ракеты и вышло в космос, став будто ближе Богу. Правда,

ракетами уже и грозя друг другу, то есть явно от Бога удаляясь. Но стоит ли и тут злобствовать? Это уже книга НАШЕГО БЫТИЯ, которую, возможно, напишут, все осмыслив, потомки…

Все приведенные выше ветхозаветные сокровища я накопал в дополнение к журнальной публикации дневников, когда один доброжелательный читатель указал мне, что я спутал филистимлянку Далилу (или Далиду?), коварно спроворившую на муки иудейского силача Самсона, с еврейкой Юдифью (или Иудифью?), которая так же патриотично отрезала голову ассирийскому военачальнику Олоферну. Единственное, что могло связать их в моей памяти — это постельный способ усыпления мужской бдительности (в православной Библии, кстати, нет Учительной книги Юдифи, не думаю, что здесь повлиял метод расправы чеченских экстремистов с нашими солдатами, попавшими в плен, — чистое варварство, отделяющее его адептов и от ислама, и от Аллаха). Попутно я наткнулся на нечто, достойное подражания. В России никогда не было государственно установленных Дней ликования по поводу извода некоторой части «людского поголовья», грозящей сохранности народа и страны. День Победы в Великой Отечественной войне мы и раньше отмечали «со слезами на глазах», теперь-то тем более. А такие судьбоносные события, как сражение на Чудском озере с псами-рыцарями или, еще хлеще, Куликовская битва с Золотой Ордой, скромно вспоминаем лишь по большим юбилеям, через столетия. Для сравнения: иудеи не забывают, что в глухой древности, как рассказано о том в Книге Есфирь, их предки истребили около 100 тысяч персов по наводке «малого человека» Мардохея и указу персидского же царя Артаксеркса. Скажут: жанр фольклора предусматривает гиперболизацию любого пустяка для большого впечатления у грядущих поколений. Не спорю, наверняка и убито-то было несколько десятков или вообще один «Соловей-разбойник», как у Ильи Муромца. Но — иудеи ВСЕГО МИРА ежегодно празднуют в честь этой легенды Пурим, праздник мщения, или жребия, склонившегося в их пользу, о чем нам сочувственно живописал один из телеканалов, не буду тыкать пальцем — какой. Прав, ох прав был Ленин: учиться нам нужно, учиться и учиться.

Все время наблюдаю очень трогательные посещения моей соседки Зои Николаевны ее мужем Григорием. Им обоим, полагаю, давно за шестьдесят, а может быть, и за семьдесят. У них жизнь уже позади. Он обмывает ее, стрижет ногти, меняет белье, выносит за ней ведро. Удивительно трогательная и достойная еврейская пара. Зоя Николаевна иногда рассказывает, как она стояла на балконе и ждала, когда из института вернется

ее сын Сеня. А в это же самое время на троллейбусной остановке стоял и ждал сына Григорий. Сегодня их Сенечке тоже, наверное, за пятьдесят.

19 октября, вторник. Утром немножко разбирался со своими карточками цитат. У меня их собралось килограммов пять. Постепенно выкристаллизовывается структура. Никакого своего текста я делать не буду. Только небольшие примечания. Придумал прекрасное название для этой давно вынашиваемой мною книжки. Выглядеть это будет так: Сергей Есин «Чужие мысли».

Утром слушала Нина Петровна и осталась мною довольна. Тут же сказала, что пришли анализы по гастроскопии: все нормально. Я через Нину Петровну послал виртуозу Сергею Петровичу бутылку водки. Обсуждали рассказ Валерия Пака «Люди луны». Этот рассказ я читал еще в прошлом году. Все это довольно плотно, но почему-то скучновато. Литература и восприятие развиваются быстрее, чем мы пишем.

Перед семинаром состоялась комиссия по допуску на экзамены в аспирантуру. В этом году, кажется, будет конкурс. Я наконец-то озвучил свою старую идею: аспирантов только докторам.

Случайно узнал, что О. В. неймется, она хочет заказать специалиста, который проверит, не прослушивается ли ее кабинет. Похоже, что она действительно живет в странном мире.

21 октября, четверг. Очень сильно продвинулся с главой о Сталине. Здесь я пользуюсь тремя источниками: сборником М. П. Лобанова, который собрал много документов и воспоминаний, книгами о Сталине Троцкого и большим томом Радзинского. Из всех них я беру материалы, факты, цитаты, даты довольно беззастенчиво. Я не делаю никаких открытий, я только пытаюсь интонировать. Все персонажи — заложники времени, и их воли в поступках немного. Чтение книги Радзинского, написанной, казалось бы, очень размашисто, все больше склоняет меня к мысли о крепкой ее тенденциозности. Радзинский, как и я, лишь пакует материал. Мыслей у него немного, нет и художественного обрамле-ния, скорее, он ссыпает факты.

Сегодня не стал смотреть когда-то почти любимого мной Явлинского. Тень политического неудачника витает над ним. Он решительно ни с кем и ни с чем не может согласиться, всегда он должен переформулировать и поумничать. Чем-то неуловимым он мне стал напоминать Троцкого. Последний, при внимательном чтении, меня тоже все больше разочаровывает.

Помирился с В. С. Но ей хоть кол на голове теши, вчера она раньше времени сама пошла гулять с собакой, и собака подралась с другой сукой — овчаркой. Каждый мой звонок домой — это сплошные расстройства.

Завтра меня выписывают. Я думаю, что при всех явных у меня улучшениях болезнь накинется на меня сразу, как я выйду на работу.

23 октября, суббота. Хочешь не хочешь — надо ехать на дачу. Осталась неразобранной теплица, не вскопаны грядки, надо слить воду из водопроводных труб и душа. Это феномен: жизнь без детей. С наслаждением провозился два дня, топил печку, жил в тишине. Но еще больше, чем я, наслаждалась дачей Долли: носилась по моему и соседскому участку и со всего маха перепрыгивала через водопроводную трубу, отделяющую меня от соседа. Вечером разбирался с карточками «литературоведческой книжки». Мне очень помог мой ученик Алеша Бойко. Он не только прочел 250 карточек, но и сделал мне планчик новой классификации. Тут же я обратил внимание, что все же у нас разный подход. Тем не менее кое-что из предложенного Алешей я использую. Твердо понял, что делать книжку, как я сделал первую главу, не получится, это слишком легко и слишком будет напоминать Вас. Розанова.

Мой сосед Володя Шемитовский сказал: «Я тебя видел с Путиным по телевизору». — «А что, раньше ты меня по ТВ не видел?»

24 октября, воскресенье. Вечером сделал очередную работу для «Труда»:

«Нам, простым людям, угнаться за всем хитросплетением политики невозможно. Мы безошибочно отмечаем лишь крошечные факты, которые потом или печалят, или веселят нас. Ну, например, разве не смеется вся страна, когда Центризбирком цепляется за старую сгнившую машину или гонорар за прочитанную лекцию? А больше разве нет никаких вопросов, в том числе и имущественных, ни к людям из первого списка ЛДПР, ни к, скажем, бывшим премьер-министрам, ни к другим прошлым и настоящим начальникам? Все нищие, все живут на зарплаты, на которые невозможно прожить другим, все как бы существуют за счет предприимчивых жен и находчивых энергичных детей. Почему только у жен и детей простого и нечиновного народа не получается так ловко? «Мелочь», которая меня восхитила — это героизм Сорокиной в беседе «Герой дня» с депутатом Госдумы, «яблочницей» Ольгой Беклемишевой. Последняя попала в милицию,

ввязавшись в митинг в другой стране. Присутствовать на чужом митинге — это называется быть наблюдателем. Мне кажется, что и пригласила Сорокина Беклемишеву, чтобы продемонстрировать свое виртуозное мастерство вопросов на буксующем месте. Тем не менее не получилось придать «приводу» в другой стране героические черты».

27 октября, среда.

Все, что связано со съездом Общества книголюбов, прошло очень славно. Съезд проходил в музее экслибриса. Были накрыты столы, была водка, закуски. Я прочел обращение Ельцина, написанное в недрах нашей же книголюбской организации.

Собрались из всех республик. В свое время мы рассылали циркулярное письмо по всем странам СНГ и просто по бывшим республикам. А также в России — губернаторам и главам администраций. Пришло очень много телеграмм и приветствий. В Грузии Шеварднадзе, которого я до сих пор, этого пронырливого партийного лиса, недолюбливаю, наградил руководителя республиканской организации орденом. Ничего не прислали нам ни наш российский министр культуры, ни секретари союзов писателей, ни мэрия Москвы. Самое интересное приветствие было из Эстонии, я не могу его не процитировать:

VABARIIGI PRESIDENDI KANTSELEI
OFFICE OF THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF ESTONIA
Ваше письмо от 28.07.1999 № 70
Наше письмо от 03.09.1999 № 3–5/V-3182

Господин С. Есин
Международный Союз Книголюбов, Пушечная ул., 7/5
103031 Москва РОССИЯ

Уважаемый профессор С. Н. Есин

Как сообщил Канцелярии Президента Республики господин Валло Раун, он в качестве председателя Эстонского союза книголюбов уже в 1989 году официально информировал Московский союз о выходе Эстонского союза из всесоюзных структур. Сейчас работа бывшего общества в Эстонии приняла другие формы.

С уважением
Урмас Рейнсалу,
и. о. директора.

С какой все это чисто западной изысканностью. Цивилизованные люди. Недаром, как я где-то читал, из эстонцев на Западе всегда вербовалась лучшая прислуга.

В тот же день был в Союзе на Комсомольском. Обсуждали будущий съезд и, как всегда, собственность. Было очень интересное сообщение Феликса Кузнецова о покупке институтом (отметим — на деньги правительства), рукописей шолоховского «Тихого Дона». Экспертиза части этой рукописи — речь идет о злосчастных 1-м и 2-м томах — уже закончилась, и эксперты единодушно установили, что это безусловно Шолохов. Бедный Солженицын, столько старавшийся доказать, что «Тихий Дон» написан кем-то другим. Надо не забывать, что «находка» эта состоялась не без наводки Льва Колодного. Я, конечно, счастлив таким оборотом событий.

Сегодня выступал в Думе Ал. Лукашенко, президент Белоруссии. В частности, он говорил о последних беспорядках в республике, о том, что они оплачивались и руководились ЦРУ. Судя по всему, коллективным агентом этого управления он считает наше «Яблоко» во главе с Явлинским. Последний вместе со своей фракцией на заседании Думы демонстративно отсутствовал. Это было не похоже на политический ход, а просто на политическую неизбежность. Причина тоже была дурацкая: Лукашенко, дескать, не легитимен.

28 октября, четверг. Днем два совещания: о грядущей в декабре конференции по «Терре», это к 10-летию издательства, и вслед — об Интернете в институте. Из «Терры» приезжала Ирина Львовна Шурыгина, директор издательства. Все как-то удивительно легко и просто решилось, я обнаружил, что совершенно спокойно можно было обойтись на этом совещании без вечно капризничающего Смирнова. Я полагаю, что несмотря

на название — кафедра литературы XX века — современную литературу кафедра знает плохо. А кто ее знает? Все присутствующие взяли по теме: Горшков — романы писателей-литинститутчиков: Орлова, Есина и Киреева; Руслан Киреев — романистов серии «Литература»: Нагибин, Рощин, кто-то еще; Орлов — терровскую фантастику; Агаев — исторический роман; Толкачев — компоновку романов в «Избранном» Есина; Вал. Сорокин будет говорить о собрании сочинений Рубцова, Скворцов — о «компьютерной» прозе. Я ведь хорошо помню, что «Терра» не только издала три мои книжки, но и держит такой нужный нам в институте книжный магазин, поддерживает нашу профессуру.

В Чечне наши военные ракетами разбомбили дома-особняки Яндарбиева, Масхадова, кого-то еще из так называемых «полевых командиров». Показали и эти еще вчера роскошные домики — оказывается, очень хорошо можно отстроиться за счет работорговли и терроризма. Наши наконец-то пошли по чеченскому пути, то есть делают, как и они.

Совершенно времени не хватает на творческую работу. Прихожу домой, а сил уже нет.

29 октября, пятница. Весь день просидел на нашей ежегодной конференции «Язык как материал словесности». В отличие от прошлогодней мы решили дать поговорить нашей молодежи — аспирантам и преподавателям. Конференция, как и прошлогодняя, была посвящена дню рождения А. И. Горшкова. В этом году ему стукнуло 76 лет. Был и еще один предлог: недавно, как я уже писал, Александр Иванович удостоился премии правительства России за свой учебник для средней школы. Поначалу мне показалось, что получается мелко и неинтересно. Не приехал, как обычно, хотя и пообещал, Н. М. Шанский, и вместо него стал говорить о своей книжке Александр Иванович. Но потом довольно неплохо выступили наши аспиранты: Ирмияева, Годенко и Поляков («Я» рассказчика в романе С. Н. Есина «Затмение Марса», «Языковые средства выражения образа автора и образа рассказчика в современных прозаических произведениях», «Приемы субъективизации повествования в прозе В. Г. Распутина»), выступила Г. А. Основина о названиях у Чехова и доцент Плешкова из Архангельска — говоры у писателей. Наши студенты слушали с большим вниманием, хотя от первых курсов особой подготовленности ожидать было трудно. Вторая часть была просто блестящей. Костомаров говорил об изучении в мире русского языка, очень интересно говорил о менталитете В. В. Колесов из Ленинграда, потом москвич Юньев — о переводах Пушкина на английский язык, наша Таня Никольская — об

именах в литературе, Сиромаха — о конфликте никонианцев и старообрядцев. Заключал все В. П. Смирнов, как наш премьер, но на общем фоне выглядел чуть легковато, хотя и говорил о своем любимом Георгии Иванове. Невероятно талантливый как артист и лектор В. П. мифологизирует довольно случайные моменты литературы. Иногда он переходит на форсированный тон, и тогда его слова звучат как некое шаманство и заклинания.

2 ноября, вторник. Два дня просидел на аспирантских экзаменах. В понедельник на русском языке и эстетике, а во вторник на литературе и критике. Как и всегда, строго принимали русский и стилистику — это Михайловская и Горшков — и довольно вольно «зарубежку». Здесь сидели Тарасов и Пронин. На зарубежной литературе экзаменовались Сережа Арутюнов и Саша Родионов. Саше это вообще ни к чему, просто не может найти себе занятие, которое традиционно кормило семью: фильмов не снимают, а пьес, достаточно корявых, он писать не может. Три года аспирантуры это как бы некое занятие, в результате которого можно еще и получить степень. Конечно, Саша кое-что помнит и читал. Сережа Арутюнов все знает как бывший отличник и как пока не возникший поэт. Даже В. С. как-то удивилась, когда я между делами сказал, что у Саши четверка. По большому счету оба показали знания довольно клочковатые, в известной мере начетнические. Саше поставили четверку, а Сереже натянули пятерку. Нет ни вкуса, ни понимания литературной ситуации. Я сам знаю, как это трудно — сложить все мозаичное, случайное, соединить тенденцией один роман и другой и вычертить некую среднюю линию. Несколько удивили меня и сдававшие эстетику — принимали Кривцун и Зимин — Максим Петров и Расторгуев. Я не предполагал в Петрове такой внутренней холодности и жесткости. Все это только суждения об искусстве и литературе, но не мне здесь обмануться. Я невольно вспомнил и жену Максима Ольгу, у которой такая же теплая рука, но железные «объятия», и подумал о дипломной работе Максима: чистых стихов почти не было, переводы, кажется, эссеистика. Много знаний и ума, но мало сердца, почти нет личностного начала. Прочитано, усвоено, доложено.

На стилистике очень хороша была Оля Савченко. И знание темы, и умение рассуждать. А сфера рассуждений самая скучная — грамматика.

Экзамены по литературе меня долго раздражали. Здесь материя более зыбкая, рассуждения более общие. Вопросы: «А читал ли?» Ответы: «Вроде читал». «А когда написано?» И море каких-то неясных объяснений. Денис Ильичев, которому я,

безусловно, симпатизирую, он еще и плотник хороший, вдруг так и признается: «Я вот конкретно не помню, но порассуждать бы смог». Эти приблизительные рассуждения — проклятие нашего института. Есть, правда, и ребята очень точные. Например, Светлана Пономарева, просидевшая молча у меня на семинаре пять лет. Потом выяснилось, правда, что одновременно она заканчивала и юридический институт. Но какой дьявольский параллелизм. И опять, несмотря на все, некоторый изъян в том, что она писала. Отвечала она прекрасно, и придраться было не к чему. Я только понимал, что вижу человека не целиком. Но рассудит время. Предполагаю, что мое раздражение и мизантропия во время экзаменов связаны с собственной неудовлетворенностью, но потом понял, что это просто экзамены неудачников. Если «зарубежники» и «эстетики» уже твердо в этом себе признались и никогда не поплывут, как поэты и прозаики, то «литераторы» еще маскируются, еще претендуют на внутреннюю талантливость. Но дай Бог…

В понедельник после экзаменов обедал с приехавшей в Москву Ирэной Сокологорской из университета Париж-VIII; она предыдущий ректор, по их терминологии — президент. И во время этого обеда ничем меня эта дама не заинтересовала, но, наверное, и она ко мне относится без сердечности. Я полагаю, что она не видит во мне писателя, а видит только политического конъюнктурщика. Это ее вкус и ее право. И я дал для этого повод. Она только не смогла задуматься, почему я, написав роман о Ленине при советской власти, вдруг взялся писать о нем же роман совершенно при другом режиме. Но мы еще слишком мало знакомы.

Во вторник у меня на семинаре был Володя Орлов. Он говорил хорошо и интересно. Я запомнил очень любопытное суждение о Платонове. Орлов вспомнил, как читал писателя несколько месяцев и вынес ощущение, что от него просто пахнет могилой: «Он труп человека любит больше, чем этого самого человека». Я к Платонову отношусь веселее. От экзаменов и от этого семинара, на котором я мало говорил, я все же чувствовал огромное утомление. Все проигрываю, все пропускаю через себя. Постоянно держу поле, которое и делает экзамены — экзаменами, а семинар — семинаром. А если без напряжения? То все будет по-другому.

3 ноября, среда. Уже несколько дней лежат вопросы из «Литературной России». В минуту цейтнота и раздражения ответил. Интересно, как газета выкрутится и что сократят?

1. Нужен ли Союз писателей? Если да, то каким он должен

быть?

Ну конечно, нужен, хотя и раньше-то он был нужен в основном всяким прихлебателям. Сколько вокруг него кормилось, поилось, квартировалось и дачеполучалось разнообразных и псевдописателей. Всё это, как правило, было ниже ватерлинии. Входили в правление писатели и очень крупные. Но ведь, скажем, Вал. Распутин, Федор Абрамов, Вал. Трифонов, Вас. Белов и в том же роде другие — это писатели милостью Божьей при любом строе. Старый Союз писателей делал хоть одно важное дело — он был с властью на почтительное «ты» — добывал машины, квартиры, строил ведомственные санатории и дома творчества. Построил, кстати, и подарил всему Союзу писателей одну из лучших в Москве поликлиник. Ныне, впрочем, приватизированную неизвестно кем, а еще точнее, сданную как рабыня. Кому это было выгодно, спросили бы римляне? Понастроил Союз массу дач, которые прошлые и нынешние ловкие писатели, если опять не приватизировали, то превратили в свои ленные владения. Обратите внимание, что в Переделкино самые грандиозные и безвкусные строения у плохо пишущих писателей. За исключением, конечно, «комплекса Черномырдина», который построен на бывшем футбольном поле, рядом с резиденцией Патриарха. Это — из-за монументального забора — вообще какая-то «зона». Криминальная или отдыха?

2. Какими качествами должен обладать руководитель крупнейшего творческого союза в новых условиях?

В первую очередь, он должен быть узнаваем и быть фигурой знаковой. Грубо говоря, это должен быть человек, который, позвонив по пластиковой карточке из городского автомата, должен быть уверен, что он с первого захода будет соединен с президентом. Лично я думаю, что такую телефонную аудиенцию, если, конечно, наш президент еще не окончательно ребенок, что мог бы получить Солженицын. Хотел бы я увидеть такого помощника, который не соединил бы президента с Бондаревым или Михалковым. Если такие люди есть, то и помощников президента и руководителя президентской администрации — на мыло. Надо понимать, что честь и величие государства пребывает величием писателя. Что Франция без Вольтера, Мольера и Стендаля?! Англия без Шекспира и Байрона?! Германия без Гёте и Шиллера?! В новейших условиях руководитель должен быть исключительно честным. Опыт показал — я имею в виду то что имею на виду — что хватают или на себя, или на весь коллектив. Аппетиты кушающего человека и его сытой семьи, его прелестных внуков, желающих ходить в элитный детсад и учиться в английском колледже, невероятно растут. Но ведь настоящие господа не

воруют у своих лакеев.

3. Какую помощь Вы получили от Союза писателей и что Вы ждете от Союза в дальнейшем?

Так я, испуганный величием старого Союза писателей, вступил в него, уже опубликовавшись во всех толстых журналах. У меня уже была квартира, машина и дача за сто километров, с тех пор в моей жизни не изменилось ничего. Только вместо «запорожца» я езжу на «шестерке» выпуска 1989 года. Союз подарил мне возможность без особой робости подходить к великим писателям современности. Лет 15 назад, по-моему, в Барнауле, в холле гостиницы я сел со своим ровесником Валентином Григорьевичем Распутиным, и он со мной поговорил. Я на «ты» с Петром Лукичом Проскуриным, Сергеем Ивановичем Чуприниным, Владимиром Ивановичем Гусевым, с моим старым оппонентом Натальей Борисовной Ивановой, и это немало. От Союза я хотел бы, чтобы внутри него был мир, чтобы сократился писательско-чиновничий аппарат, чтобы, как и в старое время, выйдя с приема у крупного союзного чиновника, писатель мог записать в дневнике: был на приеме у такого-то. Я хотел бы, чтобы писатель твердо осознал, что Союз, кроме подачки, дать ему ничего не может. Но может потребовать для него очень многое, если осмелится говорить во весь голос и требовать положенного от правительства. Давайте не забывать, что величие России — это не только ее территория и полезные ископаемые, но и великие тени ее писателей.

4 ноября, четверг. Состоялся ученый совет, на котором рассматривался вопрос о новом наборе. Я попросил выступить мастеров. Как всегда точно, выступил Рекемчук. Он говорил, что с ужасом думал о «платных студентах в Литинституте», это будут дети «новых русских», но оказалось, что многие из этих «платных и богатых» студентов вынуждены работать, чтобы оплатить свою учебу. Хорошо говорили о новых ребятах Апенченко и Эдуард Балашов. Очень много ребят из маленьких глубинных городов России.

В плановом порядке на совете выступила И. Л. Вишневская с блестящими размышлениями о Пушкине и Лермонтове, чьи юбилеи только что прошли. Все привыкли, что Инна Люциановна анекдотчица и острословка, и ждали чего-то воздушного. Но по сгустившейся в зале тишине я сразу понял, как интересно, свежо и умно она говорит. Это был совет вдумываться в текст, там все написано. Вышла ли наша проза из гоголевской шинели? Прав ли юродивый в «Борисе Годунове»? Что означает «народ безмолвствует»? Все это лишь малая толика того, над чем, по словам Вишневской, современный исследователь должен

задуматься. Может быть, единственной вольностью ее было слишком свободное обращение со старыми педагогическими схемами и трактовками. Они все же выстраивали в определенной последовательности материал литературы, при помощи этих схем укладывался этот материал в сознании поколений. И в «гоголевской шинели» было много проку. Она заставила нас задуматься о качестве сукна, из которого шилась русская литература.

Дали на совете 120 тысяч рублей на покупку квартиры для С. П. Сначала он просил ссуду, но на совете вмешалась Зоя Мих. и начала все ту же песню — «неужели он не заслужил». Они все добры, но думать о зарплате приходится мне. Тем не менее С. П. заслужил, сколько раз мы выдавали зарплату из денег, которые давало нам обучение иностранцев.

Вечером ездил на спектакль по пьесе Марка Равенхилла «Шоппинг & Fucking» в театре «Русский дом». Пьесу переводил Саша Родионов. Интересно, что сказал по этому поводу его целомудренный дед, написавший в свое время сценарий о Марксе. В центре сюжета — одна девочка и два мальчика, которые спят в одной постели и живут друг с другом. Вдобавок все они еще наркоманы. Действие осложнено романом одного из этих «взрослых» парней с мальчиком 14 лет. И тут, после первого антракта, я ушел.

5 ноября, пятница. Утро. В этот же день, как и в прошлом году, был в Свято-Даниловом монастыре на панихиде. Служили в домашней церкви Патриарха. Меня поразили слова священника, произнесенные после службы во время краткой проповеди: «грехи вольные и невольные». Какое здесь, в последнем слове, понимание природы человеческой слабой воли и психологии человеческой надежды. Здесь своеобразного гуманизма больше, чем во всех вместе взятых речах Генеральной Ассамблеи.

Вечером, в шесть, оказался на встрече, которую проводит объединение избирателей КПРФ — блок «За Победу» — с творческой интеллигенцией. Из знакомых лиц здесь Бондарев, Ганичев, Проханов, Ф. Кузнецов, Вал. В. Чикин, которого я сначала не узнал, Вл. Бушин, Шилов, был Витя Кожемяко. Все это состоялось в бывшем банкетном зале ресторана «Украина». Охрана, значки, флажки. Вели встречу сначала Купцов и Губенко, а потом подъехал Г. А. Зюганов. Его охранников я узнал, именно эти ребята приезжали с Г. А. к нам в институт. В президиуме, куда посадили и Ю. В. Бондарева, мне очень понравился Глазьев. Бывший министр, перешедший на сторону оппозиции. Довольно спокойно Купцов объяснил, как в этом году получается много

различных объединений и избирательных блоков и кому это выгодно. Сделано это, чтобы раздробить левые силы и оттянуть у компартии голоса. Потом прочли избирательный список компартии, и я нюхом старого аппаратчика почувствовал, сколько здесь уже давно притершихся к движению людей. Мне и нашей интеллигенции малоизвестных, часто уже вышедших в тираж, отзвучавших. Мелкость большинства названных — возможно, я и ошибаюсь — меня и поразила. Писателей, особенно известных, в этом списке не было вовсе. Потом раздали текст обращения, которое предложили желающим подписать. Обращение будет напечатано. Я из-за плеча увидел, как Феликс Кузнецов подписывает «профессор, член-корр. РАН». Я решил не подписывать. Почему-то, кроме моих личных мотивов, я счел себя связанным и недавним визитом В. В. Путина к нам в институт. Да и само обращение мне не нравится. Ну не могу я подписать такой текст: «Творческая интеллигенция, как мозг и нерв нации, понимает, что предстоящие выборы в Государственную думу — это последний законный и бескровный путь к возрождению России». Не Жанна ли Болотова это писала? Кстати, это особенность коммунистов: Ник. Губенко возглавляет театр на Таганке, а разве в этом театре хоть раз состоялся какой-либо политический перфоманс, возник какой-либо политический спектакль?

На обязательный фуршет я, к сожалению, не остался. Надо было ехать на годовщину смерти Гены, родственника Коли Агапова.

Закончил читать «Щепку» Владимира Зазубрина. Это ЧК в конце двадцатых, начале тридцатых годов. Автор наверняка многое познал на своей шкуре, но вещь отчасти несправедливая. Я полагаю, что М. О., рекомендующая эту повесть как обязательное чтение своим студентам, поступает не очень правильно. Повесть трудно понять вне исторического контекста, да и сама по себе она написана между внутренним озлоблением, литературным ходом и социальным знанием. Но запоминается. Хотя я твердо знаю, что так не может быть. Я вообще не понимаю, что такое классовая борьба. Это классовое озлобление очень напоминает родовые междоусобицы, когда людьми двигал инстинкт. «В другом углу, синея, храпел поручик Снежницкий. Короткой петлей из подтяжек его душил прапорщик Скачков. Офицер торопился — боялся, не заметили бы. Повертывался к двери широкой спиной. Голову Снежницкого зажимал между колен. И тянул. Для себя у него был припасен острый осколок бутылки». Это озлобление вне литературы и даже вне летописи времени.

7 ноября, воскресенье. Весь день 6-го сидел дома, выправил один файл дневников и восьмую главу романа. Мой дневник — это тоже роман, где каждую страничку предстоит сначала прожить. Мне иногда кажется, что я совершаю некоторые поступки, чтобы потом их описать. Иногда это даже труднее, чем просто что-то «сочинить». Воистину здесь все оплачивается собственной кровью, а что такое время, как не кровь нашего существования.

По привычке, хотя с А. С. Вартановым мы договорились одну неделю пропустить, формулирую свои телевизионные наблюдения. Здесь я отметил бы два выступления, оба на первом канале. Одно в передаче у Сванидзе — это чтение Этушем довольно тенденциозно подобранного отрывка из книги Шаляпина «Маска и душа». К празднику подбиралось, про большевиков, и действовал в отрывке мой старый знакомый Эйно Рахья, которому безгранично доверял Ленин. Все это происходило в музее Шаляпина на Садовом, открытом, кстати, при советской власти. Так что же, этот народный артист СССР, до сих пор, наверное, гордящийся своим званием, льготы для владельцев которого не отменены, не понимал, что он делает? Значит, специально приехал старичок в музей, чтобы просто поблистать? Не снимая долю вины за эту счастливую задумку со Сванидзе, я все же полагаю, что и для старичка это подловато. Может быть, и членом партии был, и партийные тексты, наверное, играл, а не только «Кавказскую пленницу». Второе выступление — это убийственно точно найденная Доренко, которого еврейская интеллигенция называет фашистом, «многоходовка»: праздничное выступление одряхлевшего, в стареньком костюме Егора Лигачева и врезанное в него выступление Евгения Примакова, тогда директора института, на XIX партконференции. Старик Лигачев ничего не сдал, никого не предал и спокойно может глядеть в свое прошлое. В принципе, он-то и оказался прав: «Борис, ты не прав!» А вот Примаков, оказывается, говорил о партии, которую позже сдал, о ее необходимости для страны и прочее. Этот социалистический экономист, потом оказавшийся сторонником капитализма и частной собственности. Я думаю, что перед выборами более серьезного удара Примакову не получить. Характеристика получилась убийственная: двурушник и перебежчик. Большая политика, большие хлопоты. Ай да Доренко, ай да сукин сын!

Завтра дочитаю домашние задания студентов и верстку кафедральной книги.

9 ноября, вторник. Завтра везу Ирэн Сокологорскую в Ясную Поляну. Созвонились с Владимиром Ильичом Толстым.

Говорил по телефону с Ильей Шапиро: все те же знакомые проблемы — не платит. Орехов платит, «Машинпекс» платит, а Шапиро, как и Финкельбаум, — не платит. Должен институту 51 тысячу долларов.

Вечером смотрел передачу «Глас народа». Невнятный диалог Св. Горячевой и Анат. Чубайса. Жуткие, специально подобранные старики и специально подобранная, глупая, из хороших семей молодежь. Все без собственных мыслей, с исключительным стремлением уесть друг друга. Молодежь суетилась задать вопрос и попасть в кадр. Все хорошо, по-телевизионному складывают плоские слова.

Много было телевизионных толков о 10-летии падения Берлинской стены. М. Ростропович при помощи политики привлекал внимание к своей уже плохо играющей виолончели. Принимал поздравления Горбачев. Германия не без его помощи объединилась, Россия — распалась.

В «МК» прочел заметочку о падении популярности Киркорова.

10 ноября, среда. Над Тулой до сих пор красуется надпись «Значение Тулы для республики огромно. В. И. Ленин», но Тулу пролетели мигом, дома старые, дома безобразно новые, машины, люди, притворяющиеся заграничными и богатыми, заводики, заводы, река. Как зубы, одинаковые коттеджи для новых русских тульского разлива. Никто в них не живет, слишком дорого содержать охрану, топить и прочее. Но чтобы было, чтобы как у американских миллионеров. Русские «американцы». Лозунги старые и новые, выборный плакат с нашим мэром Лужковым, экс-премьером Примаковым и специалистом по криминалитету Яковлевым. Дошли, дошагали, Лев Толстой, кажется, за неделю или за десять дней доходил до Москвы пешком. Эти долетели. Этим немыслимо хочется власти. Мне иногда кажется, что власти всем нынче хочется уже не для власти и дела, а чтобы за старые дела не забирали.

«Ясная» на меня, как и всегда, произвела огромное впечатление. Хотелось плакать, ведь впервые я попал сюда лет сорок назад, ничего почти не изменилось, а я уже старик. Встретил, как и обещал, Владимир Ильич Толстой. Вокруг него кружатся телевизионщики, но я-то представляю, какая это нагрузка, представляю, что в нашем государстве все может держаться только старанием одного человека-энтузиаста. Владимир Ильич обещал, если от него отстанут, с нами пообедать, но я уже заранее вижу, не сможет, не успеет.

Экскурсию провела Татьяна Васильевна Комарова. Я специально вставляю в дневник имя этой замечательной женщины, хранительницы музея. Рассказывала она упоительно. Какой чудесный и живой музей. Но есть что хранить и есть вокруг чего строить. В шкатулках хранятся те же письма и фотографии, в письменном столе писателя — письма и черновики. Все, как и было. Диван, на котором родился писатель и на котором в войну спал немецкий офицер. Этот диван мы встречали в «Войне и мире». Висят в стеклянных шкафах зипуны, пальто и толстовки Льва Николаевича. Стоят его ботинки и «мокроступы», все заботливо отреставрировано. Размер обуви у него, судя по всему, — 44-й, а рост, как мне объяснили, — 181 см. Вот тебе и маленький сгорбленный старичок за сохой! Вспомнили, что в 1917 году крестьяне отстояли усадьбу от погрома крестьян из других деревень, охраняли усадьбу рабочие ближнего металлургического завода. Знакомые портреты, знакомая столовая. Здесь за столом когда-то Толстой раскладывал пасьянс: «Если сойдется, Катюша Маслова выйдет замуж за Нехлюдова». Вот тебе и все литературоведе-ние.

Впервые я попал в прежде закрытую комнату Софьи Андреевны. Вообще-то уходящий от нее старый Толстой поступил плохо, это был сплошной эгоизм. Он ушел, кладя последние мазки на свою биографию мирового писателя. Хороши и Душан, и дочка, не предупредившие мать. Все спасали свое место в мировой истории. А С. А. до своей смерти вышивала монограммы на белье гр. Толстого и переписывала в реестрик книжки в библиотеке. Много бы он написал без нее? В фундаменте великого писателя почти всегда великая жена.

По дороге Ирэна рассказывала разные французские истории. Я теплею. Поговорили о юбилее Айтматова, куда Чингиз Терекулович не удосужился позвать ни одного французского писателя и ни одного переводчика. О Сергее Хрущеве, с которым Сокологорская встречалась в Америке. Тоже, наверное, говорил, как его притесняли. Ученый и инженер-ракетчик уехал, чтобы читать в заштатном университете какую-то политическую дрянь. Жил в России хорошо и уехал, чтобы жить лучше и питаться жирнее. Как беззастенчиво дети предают своих отцов.

11 ноября, четверг. Осуществилась моя, может быть, заветнейшая с детства мечта… Но это надо представить маленького мальчика, зимние и весенние вечера в сталинскую, с 1945-го по 1953 год, эпоху. Малую Никитскую улицу, на которой живет в особняке Литвинова — Лаврентий Берия, и несколько находящихся здесь по соседству особняков, в которых

иностранные посольства. На Никитской улице, на улице Герцена. На улице Воровского. Которая нынче называется Поварской. Иная жизнь за кремовыми, всегда опущенными шторами. Иногда приоткроются ворота, милиционер отдаст честь. Выедет машина, какие-то не нашего дизайна предметы во дворе. Лопаты. Ведра. Метелки. Иногда приоткроется дверь — кусочек ковра или коридора, дверная ручка. Остановиться на бегу нельзя — на улице в каждой подворотне по агенту. Иногда вся улица запружена автомобилями, и над нищетой ближайших подворотен и подвалов, в которых живут татары, разносится: «Машина французского посла — к подъезду, машина военного атташе Королевства Великобритания — к подъезду…» Попал наконец-то внутрь. Во всех посольских особнячках бывал, во многих пивал и едал. Но наконец-то на той самой улице моего детства. Литературоведы, анализируя этот текст, скажут: воссоединилось время.

Еще несколько месяцев назад Ольга Мироновна, жена Александра Александровича Зиновьева, сказала мне, что посол Германии собирает вечер в честь Александра Александровича. Действительно не шуточное дело — и гражданин Германии, и многое там написал, и двадцать один год, кажется, прожил. Пришел факс, сговаривались по телефону.

К сожалению, этот вечер в честь Зиновьева наложился на другой вечер и банкет, который устраивал уже другой Александр — Александр Иванович Лебедь по случаю 65-летия Красноярского края. И с Красноярским краем я в особых отношениях, и с Германией дружим, принимаем студентов из Кельна и Марбурга. Немцы, как очень богатые люди, устроили прием изумительный. Но и сама резиденция прелестная. Старый особняк во всех старых и уникальных индивидуальных подробностях. Горящий камин, плотный ковер, женская прислуга в кружевных наколках. В холле антресоли и лестница, ведущая в теплую глубь немецких апартаментов. Одно из главных украшений холла — старинный портрет Екатерины Великой — все-таки княжна Цербстская — и мраморный бюст Гете. Я думаю, что, увидев что-то подобное в кино, Андрей Мальгин решил строить у себя на последнем этаже дома зал-библиотеку в два этажа. Рассадили всех — было человек около 100 — в салоне с настоящей живописью и хрустальными люстрами. В этом смысле интерьер посольства архаичный. Я все время глядел на подсвеченный точечной лампой старинный портрет какой-то девушки в бальном платье с обнаженной грудью и собачкой на руках. Но если чуть перевести взгляд, из-за колонны виден седой клок волос на голове Сергея Николаевича Бабурина. Зиновьев, видимо, с ним дружен. Была еще и мысль,

что за двадцать лет, которые Зиновьевы пробыли в Германии, наступила самоидентификация Германии. Выступал старый друг Зиновьева Карл Кантор. Кто это такой, я не знаю, но он говорил хорошо и умно. В конце сравнил его поэзию, довольно политичную, с вершинами русской лирики. Здесь Кантор, конечно, немножко переборщил. Упомянул, что в одной из вышедших в Германии рецензий была мысль, что это первая в мире книга XXI века. Соединение научного взгляда и художественного подхода. Но у меня все время шумел под сердцем холодок некоего сожаления. Вот Ал. Ал. читает о немецкой бюрократии, о выборе в ресторане блюд, о несвободе советского человека за рубежом. Выступление, вернее, чтение крошечных отрывков из его произведений Ольгой Мироновной и самим Александром Александровичем чередовалось выступлением солистов «новой оперы», была инструментальная музыка самого общего классического разлива и пение. Удовольствие было возвышенное, вернее, возвышающее, потому что во время всего этого вечера работала собственная мысль. Здесь венец деятельности Зиновьева, однако, судя по реакции нашей самодоволь-ной и чванливой общественности, она в ней не нуждается, как не нуждалась и раньше.

Я дал себе на эстетические переживания лимит времени в два часа, потому что твердо решил побывать на приеме, устраиваемом Лебедем. Мысль у меня была такая: во-первых, нельзя, чтобы подумали, что я сума переметная и дружу сегодня с Лебедем, а завтра с Путиным. А во-вторых, всегда в глубине у меня соображения об институте, надо, чтобы любая власть его и ценила, и любила. Но, наверное, я приехал в Дом союзов зря. В половине десятого концерт уже закончился, и в фойе оставались только приглашенные на банкет люди. Тут же я встретил Валеру, с которым летал в Красноярск, Володю Полушина. Они оба, кажется, из администрации губернатора. Рядом с ними стояла и писательская команда: Володя Еременко, редактор «Литроссии», Арсений Ларионов, Валентин Сорокин и Петр Лукич Проскурин. Чуть поговорили, тут же мимо нас ледяной глыбой, затянутый в смокинг, с бабочкой на мощной шее, проскользнул губернатор со свитой, и все повалили вослед. Охрана у входа в банкетный зал тщательно все фиксировала и проверяла билеты. К моему удивлению, мы, как в старое время сказали бы — «группа писателей», замешкались и оказались в самом конце стола. Мы пили и ели, какие-то ребята — «на двадцать человек охраны одна бутылка водки и два бутерброда» — уносили от нас то блюдо с колбасой, то тарелки, рюмки и бутылки, говорили о чем-то своем, но я цепко заметил, что и ни у кого не было попытки перевести

хотя бы Петра Лукича в заздравный губернаторский угол. Вот как интересно получается. Все совершенно самостоятельны. Всем никто не нужен, но все время апеллируют к писателю как к гаранту интеллектуального суверенитета, а вот когда писатель появляется, прихорашивается и сердце у него трепещет: вспомнили! — о нем забывают, и он пирует в лучшем случае с охраной, которая старается вырвать из-под него блюдо с полукопченой колбасой.

12 ноября, пятница. Это обычный кошмар конца года. Мое расписание: в половине двенадцатого встреча с китайской делегацией, в три переговоры с Ильей Шапиро по поводу неуплаты аренды, в пять приедет Сережа Шолохов с интервью для своей новой литературной передачи. Ой, как я не люблю говорить о литературе. Я за ней по-настоящему не слежу, мало ее читаю и не люблю строить из себя в этой области знатока. Обо всем этом писать грустно.

На переговоры взял как поддержку и свидетелей Людмилу Михайловну, Сергея Петровича, Сережу Лыгорева и Костю из бухгалтерии. Первое, что сделал Илья, увидев столь обширную делегацию, накричал на Костю, который неверно сделал бухгалтерскую сверку. Илья Геннадьевич принадлежит к типу наших арендаторов, которые все время начинают вспоминать кризис 17 августа, как будто бы институт жил и живет вне этого кризиса и должен помогать винному торговцу. И очень при этом гордится, что гасит все счета за телефонные переговоры, тем самым как бы включаясь в весь процесс высшего образования. Одна цифра, произнесенная им, вызывает уважение — 700 тысяч долларов, которые он выплатил институту с начала аренды. Но лучше бы их выплатило государство. Включив в арендную плату стоимость электричества и всех коммунальных услуг, в том числе и уборку мусора, мы тем самым кредитуем ведомство Ильи Геннадьевича.

Все грустно и мерзко. В Чечне идет полномасштабная война, делают до 100 боевых вылетов. Но все же мне кажется, здесь и с чеченской стороны не очень чисто. Я вспоминаю этих старых женщин перед телекамерой, которые поддерживали Дудаева и Мосхадова. Нужна железная работа, привычка к труду, а не привычка к несчастьям.

В. С., кажется, за ее книгу «Болезнь» дают государственную стипендию. Это, по-моему, для нее единственный проблеск за последние времена.

14 ноября, воскресенье. Выходные провел на даче. Топил

баню, такое ощущение, что вернулись времена пяти-шестилетней давности, когда физически мне все было легко. Вечером позвонил Анри Суренович Вартанов, пришлось срочно садиться за «впечатления» для «Труда». Впечатления составились после двух часов просмотров с кнопки на кнопку.

«Как-нибудь обязательно поговорим о «битве компроматов», которую так не любят наши политики. Но обратили ли вы внимание, что есть ряд лиц, к которым никакой компромат вроде бы и не приклеивается? Во-первых, это, конечно, люди, далекие от денег, от собственности, а во-вторых, это люди особого нравственного склада. В этой связи хотелось бы напомнить о воскресном интервью Павла Павловича Бородина, начальника хозяйственного управления президента, которое он дал на шестом канале Станиславу Кучеру. Очень талантливо Павел Павлович довел до всеобщего сведения, что он очень честный, очень порядочный, очень знающий и очень энергичный руководитель. Был и еще ряд «очень». Мы даже узнали, какая у него зарплата — третья по величине в стране. Банкиры и прочие здесь не в счет. Банкиры не живут в одном подъезде с президентом. Обо всем другом, сокровенном, несмотря на крайнюю заинтересованность и иезуитский напор интервьюера, интервьюируемый так ничего и не сказал. Проявил здесь просто выдающиеся способности. Кое-что, на мой взгляд, правда, выдала телекамера, которая иногда, особенно на крупных планах, работает с убийственной беспощад-ностью.

Из телепотрясений — несколько эпизодов, которые можно поставить в ряд. Показали, как перед камерой заложнику отстреливали палец. Сначала один, а потом другой. Потом показали чеченского посланца во Франции, — хорошо одетого и отлично артикулирующего человека, показали несчастную чеченку-беженку, которая рассказала, как она страдала и от русских бомбежек, и от собственных боевиков, которые могли вломиться ночью в дом. Все эти люди говорили по-русски. Это потрясало. По-русски человек с маской на лице требовал у другого, который умолял родственников собрать деньги: «Вытяни палец, указательный покажи…» Потом звучал выстрел, потом крупным планом показали обрубок пальца с костью и кровь… Вспомнились в этот момент героические репортажи Елены Масюк».

Когда приехал с дачи домой, то у меня на автоответчике стояло известие: умер дядя Толя, брат моего покойного отца. Ему далеко за восемьдесят. Потом я узнал, что он сидел на стуле и внезапно и тихо умер. В свое время после ареста моего отца в 43-м году дядя Толя вставил в свою русскую фамилию лишнюю согласную букву и стал Ессиным. Я все это осмыслил потом: здесь и боязнь за себя, и боязнь за семью. В то время дядя Толя тоже

работал прокурором, как и мой отец. Горько стало удивительно.

15 ноября, понедельник. Завтра начинается X съезд Союза писателей России, но сегодня, в четыре, объявлен пленум. Мне не очень понятно, пленум чего? Пленум еще не начавшегося съезда? На пленуме без особых сложностей выверяется список правления, так называемого совета «старейшин», секретариата и список президиума, который завтра будет предложен делегатам. Но, собственно, все делегаты уже сидят здесь, в зале. Есть сложности: на маленькой сцене можно разместить только 25 стульев — это максимум того, что может «вместить» президиум. Значит, могут оказаться недовольные. Делегаты все благостные, выдали суточные. И я получил 250 рублей. Впервые я обращаю внимание на прелесть формул: «Есть предложение согласиться…», «Давайте посоветуемся по списку правления». Мы со всем согласились. Когда читали списки, я понял, что если один раз попал, если вкусил, то это навсегда и всегда будет хотеться.

На пленуме вдруг внезапно вспыхнул вопрос о Славе Дегтеве. Это один из моих учеников еще по какому-то прибалтийскому семинару советской эпохи. Пишет он много и хлестко, за его писаниями и их горячностью чувствуется острейшее стремление пробиться. Не брезгует и инвективами. Лет пять назад он приезжал в Москву за поддержкой — получить в Воронеже, где он живет, какой-то домик, чтобы в нем устроить что-то вроде музея Платонова. Возле Платонова почему-то хотят жить все, это вроде бы еще не освоенная территория. Я тогда же сказал Славе, что из этого ничего не получится, министерство его не поддержит. Так оно и вышло, не поддержало. Здесь, на пленуме, попытка секретариата внести Дегтева в список правления внезапно вызвала отпор. Потом в кулуарах я спросил у Вани Евсеенко, в чем здесь дело, такой ли проказник этот мальчик. Я-то ведь вспомнил, как его всегда поддерживал Валерий Николаевич, даже дал — единственный — ему 10 баллов на конкурсе Пенне. Видимо, собирался запрячь его в свою тележку, но получилось все по-другому. Норовистый конек понес по своей дорожке. Цитирую вдогонку из интервью Славы Дегтева в «Литроссии» за конец октября. Он не только мой ученик по каким-то творческим семинарам, но и выпускник Литинститута. Его интервью названо довольно претенциозно «Один на льдине». Этот смелый полярник — сам Слава. Подразумевается, что льдина плавает в море дерьма. В известной мере это все свидетельствует о состоянии умов молодых и положении, с их точки зрения, в Союзе: «*Вопрос*. В одном своем заявлении вы сказали, что русские писатели-де сами себя загоняли в резервацию. Как это понимать? *Ответ.*

Очень просто. О том писать нельзя, так-то вот тоже писать нельзя («не по-русски это!»), этого хвалить и любить нельзя, а того, наоборот, нужно непременно любить и хвалить. Мы приняли навязанные нам правила игры, играем черными, да еще с огромной форой (отдали ладью), и нам чуть что — сразу же меняют правила игры. Так мы не выиграем никогда. Сложилось мнение, и прежде всего в среде патриотов, что русский писатель должен быть обязательно неустроенным, жалким, бедным, больным, обиженным и униженным, лишним человеком, несчастным, сирым, бородатым. В драных штанах, непохмелённым, не должен забывать о гибели Земли Русской, то и дело поминая Бога, бесов, призывая Сергия Радонежского, Дмитрия Донского, Александра Невского. А я восхищаюсь Батыем, в войске которого было 80 процентов русских, какой бы национальности он сам ни был (я считаю, что был он казаком, а «Батый» — это «батька»). Перед конскими лавами которого трепетала вся Европа. В полках Сталина тоже было 80 процентов русских… Восхищаюсь Петром, который прорубил окно в Европу, именно «прорубил» — топором. Восхищаюсь Александром Третьим и Победоносцевым, который говорил: «Правее меня — только стенка». Хватит ныть. Пора создавать идеологию победы».

16 ноября, вторник. Впервые семинар, хотя я в Москве, идет без меня — будет вести Самид. Сегодня съезд писателей. Съезд, как и все съезды и собрания, с тщательно продуманным и отлаженным действием. Это было ясно уже по квоте, предложенной правлением: два делегата от писательской организации. Это означало, что будет представлен председатель правления и оргсекретарь. В каждой организации эти люди могли называться по-разному, но смысл един — люди, близкие к писательской власти и привыкшие к ней. Съезд, как и пять лет назад, проходил в тесноватом зале Союза на Комсомольском. Конечно, там было слишком скученно, раздевались по кабинетам, очередь в столовую была огромная. Сделано это все было небрежно специально, вопреки пожеланиям, именно в тесноте на Комсомольском, а не в большом зале ЦДЛ на Герцена. В ЦДЛ было бы слишком много народа, слишком много дотошных москвичей, которым некуда торопиться. Тем не менее эти суровые размышления не помешали мне с чувством величайшей радости встретить многих своих знакомых: крупных писателей, наших выпускников и даже своих учеников. Здесь были Ваня Евсеенко из Воронежа, Виктор Потанин из Кургана, Саша Бологов из Пскова. Многих я узнаю не сразу: меняется ракурс наблюдения, человек поворачивается — и вдруг: ба, да знакомое лицо. Вот так я не

сразу узнал когда-то всесильного Олега Шестинского. Потом стало неловко, еще подумает, что я веду себя высокомерно. Но ведь еще ко всему у меня очень плохая память на лица.

Здесь же встретил я когда-то совсем молодого Роберта Балакшина. Теперь он возглавляет писательскую организацию в Вологде. Я ведь помню его еще по сыктывкарскому совещанию молодых писателей, чуть ли не пятнадцать лет назад. Он, кстати, подарил мне книжку. Прекрасно сделанное компилятивное — из исторических цитат — сочинение: «Россия — это сама жизнь. Свидетельства иностранных путешественников, дипломатов, политиков, мыслителей о нашей Родине». Уже заглянул, представляю, как буду сегодня перед сном наслаждаться, выискивая знакомых и перебирая цитаты.

Доклад Ганичева был продуман, он тщательно, как потом и докладывавший от имени ревизионной комиссии Числов, тщательно уходил от всех острых моментов, почти не привел никаких цифр расходов и доходов. Оба жаловались, что писательскую собственность увели, но оба, по существу, палец о палец не ударили, чтобы ее вернуть. У Валерия Николаевича в докладе еще был очень поверхностный и популистский взгляд на литературу. Видимо, почти как и я, не читает современных писателей.

После Ганичева все пошло как по накатанному. Речь В. Распутина о современном времени с интересной, хотя и знакомой стилистикой, с обновленными мыслями о современном читателе. Интересное наблюдение, что отсутствие читателя — это реакция народа на современные извращенные тексты с обилием смертей, с обилием плохих семей и всем в том же роде. Потом речь Вас. Иван. Белова о языке. Начал Василий Иванович с того, что предостерег от «чужебесия». Старинное словечко, но весьма точное. Кстати, Василий Иванович сделал мне еще до начала съезда удивительный подарок: старинный значок с портретом Горького и надписью «Литинститут». Ведь специально где-то отыскал на дне шкатулки, притащил из Вологды, чтобы подарить мне. Я был тронут этим его поступком и по привычке все интегрировать с интересом института сразу же решил заказать для своих студентов такой же. После классиков говорило еще много народа, не перечисляю конкретно, но в своей записной книжке сразу отметил: многие выступающие писатели хвастают книжками, которые выпускаются в их регионах, но это все лишь признаки жизни: у этих книг, написанных по старинке, — знаю это по опыту — нет настоящего и заинтересо-ванного читателя.

Наше дорогое писательское начальство на этот раз заполучило на съезд одно из первых лиц государства —

Валентину Ивановну Матвиенко. Было немного жалко наблюдать за ней, когда она усаживалась в очень тесный президиум. Она произнесла какое-то довольно ладное приветственное слово, я бы даже сказал интересное, хотя и не запомнившееся, и довольно быстро, где-то с середины доклада Валерия Николаевича, ушла. Всегда слово выступающего в правительстве почти равно стоимости спичрайтера этого выступающего. Повинуясь какому-то инстинкту благодарности, я, сидящий почти у двери, тут же вышел за ней следом и успел подать ей пальто. Она меня прекрасно помнит, и мы перемолвились парой слов. Перед глазами у меня, естественно, какая-нибудь критическая ситуация в институте, и я вынужден буду обращаться к ней.

Первый скандал разразился, когда «гостья» съезда Абаева — распущенные по спине белые волосы, челка — надменно зачитала письмо Правления Союза российских писателей с предложением создать общий союз на началах ассоциации. «Была у лисы избушка ледяная, а у зайца лубяная» (?) Это и есть идея ассоциации. За этим, конечно, отчасти проартикулированный, стоял вопрос о собственности, стремление расквитаться с «узурпатором» Пулатовым и всем поживиться за счет чужой собственности. Вспомним, что СП России уже имел арендатором банк «Изумрудный», с которым расстались чуть ли не через перестрелку, а сейчас, я думаю, имеющийся в подвале под СП ресторан тоже находится с СП в сложных отношениях и наверняка платит не столько, сколько правление хотело бы. Мне-то вся ситуация ясна. Следующим на очереди не Переделкино, а Литературный институт. Ведет собрание Феликс Кузнецов, который уже в третий раз, дословно, рассказал историю с шолоховской рукописью. Я чувствую, что по каким-то соображениям Кузнецов лоббирует это предложение. Он даже зачитывает составленную, видимо, им самим резолюцию по этому вопросу. У меня сначала легкое недоумение, потом я тяну руку. Я сижу в третьем или в четвертом ряду, меня прекрасно видно. Кузнецов, старательно обводя глазами зал, меня не замечает. Я молча тяну руку уже минуты три. Не встаю, не кричу, молча тяну. Кузнецов ждет, когда я устану и махну на все рукой. В крошечном масштабе борьба воль. Наконец зал чего-то галдит, Кузнецов меня выкликает. «Феликс Феодосиевич, — елейным голосом обращаюсь я к председательствующему, — не затруднит ли вас напомнить мне, кто из кого вышел. Бывший Союз писателей РСФСР из Союза российских писателей или Союз российских писателей из Союза писателей РСФСР?» В этой аудитории идея ассоциации уже провалена. Недаром, когда я лениво собрался выступать и решил посоветоваться с Ал. Ивановичем, он сказал,

что моя реплика стоит иного выступления. Потом это подтвердилось, несколько раз выступающие ссылались на меня. «Они вышли, ну пусть теперь повинятся и возвращаются». На этой фразе я схватываюсь с… Дальше мы схватились с этой самой красавицей. «Действительно, — говорю я, — а что нам мешает снова объединиться?». Но при этом объединении исчезают места секретарей, возможности на дачи в Переделкино, возможность писать письма Президенту по всяким спорным вопросам; «на Пулатова» написано свыше пятидесяти.

Второй скандал возник уже на пленуме правления, когда выбранный председателем Ганичев — я единственный из всего пленума был против открытого голосования — решил взять в сопредседатели Юрия Полякова. В одном из последних номеров «Литроссии» в аншлаге на обложке был напечатан список из четырех человек, которых писатели хотели бы видеть во главе Союза: Ю. Поляков, В. Ганичев, С. Есин и В. Маканин. Маканину, как и мне, это, естественно, по фигу. Валерий Николаевич решил хоть как-то скорректировать свое раздражение всеми троими и ввести хитреца Полякова в должность сопредседателя. Но обставил это такими приблизительно словами: ну, он парень неплохой, хотя и с несколько размытыми позициями, но может, и уже пообещал, достать денег, поэтому введем. Тут встал Сергей Лыкошин и сказал, что если Поляков войдет в число сопредседателей, то он, Лыкошин, снимает с себя полномочия рабочего секретаря. Сразу же взлетел на трибуну Поляков, чтобы ответить, дескать, что пока в Союзе будут такие чиновники, как Лыкошин, никакого толку не будет, рассказал, что Лыкошин молчал, а он, Поляков, через день после путча написал статью «Оппозиция умерла, да здравствует оппозиция!» Эта аргументация показалась мне мелкой и нескромной, но тем не менее началась перепалка. Я остро почувствовал, что еще несколько минут, еще несколько движений в сторону самолюбия, и Союз расколется. Я встал и очень аккуратно, заикаясь и косноязыча, попросил Ганичева извиниться перед Поляковым, форма, в которой он его представлял, была некорректной. Ганичев извинился, все стало покрываться временной пылью, углы сгладились, вопрос отнесли на следующий пленум, Лыкошин остался секретарствовать — пока без Полякова.

Голосовали, конечно, списком и открытым способом.

17 ноября, среда. Начнем, как и положено джентльменам, с утреннего чтения газет. Александр Архангельский в газете «Известия», в заметочке «Союз нерушимый» пишет о прошедшем съезде и о писателях. Содержание диктуется хозяевами наемника,

хотя с некоторыми положениями можно и согласиться. Но какая из всего этого сочится ненависть, а к Литинституту — еще и зависть. Я всегда замечал, что поношение Литинститута всегда теснейшим образом связано со страстным желанием в нем работать. Итак, писатели. «Они давно расстались с романтическими иллюзиями конца 1970-х, поняли, что сравнительно безбедное и во всяком случае безответственное существование литератор может получить лишь в обмен на свободу творчества. И готовы идеологически приспособиться к любому властителю, который пообещает им сохранить литературную богадельню. Они протягивали хладеющие руки то к Черномырдину, главному специалисту по шолоховским рукописям, то к Путину, заманивая его на встречу с Литинститутом. Но все это случайные связи, а так хочется по-простому, по-бабьи прислониться к сильному мужскому плечу». Здесь можно, конечно, еще отметить у критика и комплекс перверсии. Но не мое это дело.

20 ноября, суббота. Утром видел через окно, с каким огромным трудом, поддерживаемая медсестрой, В. С. садилась в «газель» с красным крестом на борту — в «скорую помощь». Утром же ходил для нее в аптеку за антибиотиками. Бесплатные лекарства — это то, что богатые еще не отобрали у бедных. Но уже подбираются, организовав получение их через аптечные киоски в поликлиниках. Но зато теперь уже без унижений их не получить. Раньше хоть и с натугой, но можно было что-то купить. Но цены на лекарства у нас давно, как на Западе. Мой бронхомунал, 10 таблеток, стоит 300 с лишним рублей. Ежедневно утром я глотаю таблетку стоимостью в 30 рублей. Это дорого даже мне, ректору прославленного столичного вуза.

21 ноября, воскресенье. Читал новую книгу Лидии Гинзбург. Здесь два подзаголовка, вернее, уточнения жанра: «Записные книжки», «Страшная книга». Читаю, наслаждаясь той свободой, с которой автор располагает материал. Женщина, конечно, ума поразительного, рано созревшая и четко обозначившая свою любовь и, пожалуй, страсть к литературе. Но литература по-другому и не делается. До страшного, обозначенного на суперобложке, я еще пока не дошел, но есть рассуждения и цитаты по еврейскому вопросу. Кстати, чрезвычайно актуальные и сегодня. Гинзбург писала еще в 1927 году, а практически, после отказа избиркома зарегистрировать якобы фашистский, а на самом деле просто русский «Спас», ничего не изменилось.

«У нас допускаются всяческие национальные

чувства, за исключением великороссийских.

Даже еврейский национализм, разбитый революцией в лице сионистов и еврейских меньшевиков, начинает теперь возрождаться политикой нацменьшинств.

Внутри Союза Украина, Грузия фигурируют как Украина, Грузия, но Россия — слово, не одобренное цензурой, о ней всегда нужно помнить, что она РСФСР».

В этом смысле сегодняшний режим по существу ничего нового не внес.

По ТВ вдруг передали, что Валентина Ивановна Матвиенко попала в аварию. Она была в Пензе и возвращалась на автомобиле вместе с губернатором из музея М. Ю. Лермонтова. В этот момент на встречную полосу выскочил какой-то грузовичок. Да что же это получается, смерть легендарного Машерова из Белоруссии тоже произошла от внезапно появившегося на дороге грузовика. Я вспоминаю, как на гатчинском кинофестивале перед автобусом с актерами всегда шел милицейский автомобиль с мигалкой и сзади автобуса шел автомобиль, а тут едет вице-премьер и никакого ограждения. Как-то все нехорошо сходится. Мы, оказывается, все ни от чего не застрахованы.

С большим трудом наскребаю что-то для телевизионной заметочки в «Труде». Ничего они, эти заметочки, конечно, не отображают, но если я формулирую это ничто, значит многие люди моего возраста и привычек, не умеющие формулировать, думают так же. Интересно, что на прошедшем съезде писателей многие делегаты, в том числе и Виктор Лихоносов, подходили ко мне с тем, что следят за моей деятельностью по «Труду». Ну, предположим, действительно, романов вроде я сегодня и не пишу. Итак, очередная моя инвектива на время:

«Появляются новые мотивы, почему русские вновь должны овладеть Чечней. В одной из вечерних политических передач воскресенья было показано интервью с новой главой администрации Гудермесского района. Меня вообще на всех съемках из Чечни больше всего интересуют женщины, дети и молодые мужчины на дальнем плане. Я слежу, что завозят и сколько этим самым беженцам, разглядываю, во что одеты женщины, как устроены дома местного населения, какие в них газовые плиты и холодильники, сравниваю их с нашими сельскими домами. Я пытаюсь понять, что эти люди утверждали, когда другая администрация была в этих местах, и чем занимались эти молодые вежливые мужчины, и что говорили старые, да и молодые женщины, когда в их дома их сыновья, мужья и братья привозили обновы из дорогих бутиков и модных магазинов Москвы и Ростова.

Я прикидываю во время телевизионных просмотров, в каких из этих домов в подпольях, в темных ямах могли сидеть пленные, которые ждали выкупа, или сидели рабы, которые обрабатывали огороды и месили бетон, паяли электронику, и таких домов я вроде не нахожу, как будто бы их и не было, и не нахожу людей с лицами работорговцев. Я с чувством глубокого удовлетворения узнаю, что открываются школы, которые были закрыты несколько лет, и что всегда в школах в Чечне преподавание шло с первого по последний класс на русском языке. В этом случае всегда выступают учительницы, у них культурная русская речь и приятные, как говорили раньше, туземные лица. И я был рад, что эти школы снабжены за счет Федерации учебниками, ручками, тетрадями. Я даже не злобствовал, что вот наши сельские школы этим не всегда снабжены. Но какой ужас, несмотря на все это, царит в этих местах и в жизни. Выступающая по телевизору немолодая женщина, глава Гудермесского района, сказала, что до 90 % этих симпатичных и живых детей больны скрытой или открытой формой туберкулеза. Станет ли это поколение поколением XXI века? Мы, русские, уже раз входили в Среднюю Азию для расширения своего имперского пространства, а победили там трахому и сифилис, мы в свое время в этих же горах победили тот же туберкулез. Наверное, и сейчас, зачищая одно село за другим и не штурмуя Грозный, мы вернем этот порабощенный собственными и чужими бандитами народ в лоно нормальной и достойной жизни, но вот справимся ли сегодня с туберкулезом? Возможно, что для местных условий это посильнее и поглубже, чем ВИЧ-инфекция для Тверской улицы у Моссовета».

22 ноября, понедельник. Лариса Васильевна, вдова Виктора Бочкова, передала мне книгу «Кострома». Книга вышла уже лет через восемь после смерти Виктора Николаевича. Нигде, конечно, о ней ни полслова. Прекрасная, полная, как и все, что он делал, книга. Тираж разлетелся в несколько месяцев, а для нашего времени он огромен. Если бы что-нибудь подобное вышло в любой провинциальной Оклахоме, об этом раструблено было бы по всем газетам. Вспомнил сразу Витю, наши прогулки по Костроме, его тихие речи, несуетные движения. А сколько он знал! Пожалуй, это первый человек из встреченных мною на жизненном пути, который так рано созрел. Кажется, ему давали выговор по комсомольской линии за то, что он как-то по-другому, чем все, трактовал или Евгения Онегина, или Татьяну Ларину. Лично мне такое открытое инакомыслие дано не было.

Вечером позвонил Ларисе, чтобы поблагодарить за книгу. Они с дочкой уже в Москве, поменяли квартиру, потому что в Костроме работу не найти. Дочка Вити уже закончила

Сельскохозяйственную академию и сейчас в каком-то салоне торгует цветами. Так сказать — работа по специальности.

Утром был на лекции отца Филиппа (Филиппа Георгиевича Тараторкина). Он сын знаменитого актера, с которым я когда-то дружил. Это наш факультатив по основам православного катехизиса. Уже эта лекция разрушила мое представление, что я один, сам, самостоятельно могу постигнуть и суть религии, и суть пути к Богу. Из запомнившегося, он говорил о даре покаяния. Лекция была посвящена категориям пространства и времени в православном христианстве.

23 ноября, вторник. Очень интересно обсудили Володю Харченко. У него была повесть из жизни средневековья, здесь псы-рыцари, язычники, католики и православные, и современный рассказ. Дело и там, и теперь происходило на территории нынешней Эстонии. Он, видимо, родился в Эстонии, любит эти края, но потом его семью оттуда выжили. Вот этой болью и пронизано все повествование. Володя будет хорошим писателем, а главное, умным. Я в нем вижу много родственного со мною — исследовать жизнь не только образным, но и рациональным методом. К сожалению, пока он не выпишет свою Эстонию, не освободится от этой горечи, он не пойдет дальше.

24 ноября, среда. Днем был Александр Михайлович Науменко, я попросил Сашу зайти, чтобы поговорить о сыне. Попытки Саши как-то повлиять на его судьбу через свои знакомства и связи не удались. По вполне понятным причинам ФСБ, или кто-то иной, клеит мальчишке все, что только можно. Это пока единственный у них «реальный» террорист. Следователь молодой и, значит, честолюбивый, это чуть ли не первое его дело. Я тут же вспомнил о первом в своей жизни фельетоне, который мне «поручили» в молодые годы написать в «Московском комсомольце». Я ведь написал, а до сих пор мучаюсь отрыжкой совести. Но экспертиза тем не менее показала, что на всех трех «криминальных» предметах, которые изъяли у Миши, — пакетик с наркотиком, револьвер, бри-кет с динамитом — нет отпечатков его пальцев. Наверняка, страхуя себя, все это власти подложили. Есть и еще одна потрясающая деталь. По телевизору в свое время показали сам арест и для пущей убедительности высветили, как за поясом у Миши был засунут револьвер. Он был засунут — я это хорошо помню — рукояткой вправо. Это, конечно, прокол милиции. Миша — непереученный левша.

Опять была некоторая свара с Юрием Ивановичем Минераловым. Его «не- щедрость», когда дело касается

присуждения кому-либо научного звания, поразительна. Он хотел бы остаться единственным доктором наук и профессором в мире. Но перед этой стычкой по поводу наших новых доцентов и профессоров по кафедре творчества, которых пора было бы представлять на звания, Юрий Иванович подарил мне конверт со стихотворением, посвященным мне. Это минераловский подарок ко дню моего рождения, который обстоятельства заставили обнародовать раньше времени. Стихотворение названо «Горки». О Горках Ленинских. Слово «Ленин» в нем не употребляется, но все удивительно возвышенно, точно, поэтично и пронизано сегодняшним настроением. Это разница между поэтом и просто неуживчивым человеком.

Меню «Smirnoff-ско-букеровского» праздничного обеда:

Холодная закуска — лососевая икра с блинами. Коктейль из камчатских крабов с коньячным соусом. Горячая закуска — грибы фолле в валоване со сметанным соусом. Шербет Smirnoff лимонный. Горячее блюдо — телятина «Орлов» с овощами, шампиньонами, черешневым соусом. Десерт «Романов» — маринованная в портвейне клубника и малина со сливками.

Сидел я на этот раз очень хорошо, близко к сцене. Безукоризнен во всей этой церемонии был Игорь Шайтанов: и умен, и занимателен, и даже красив. Он секретарь Комитета литературной премии. Хорошо говорил Константин Азадовский, который в этот раз был председателем жюри. Но жюри было странноватым. Ладно, помилуем Ольгу Седакову, она хоть пишет стихи, но абсолютно нелеп был пишущий актер Сергей Юрский и никчемен, кроме своих узких пристрастий, финн и профессор Пекка Персонен. Зачем, к чему? Лица всех присутствующих были смутно знакомы, но текстов ничьих я не помню. Вся эта публика не могла сойти за литературу без Вас. Белова, Вал. Распутина и старенького уже Пети Проскурина, как лишь вареная морковка, ломтики картошки и соленый огурец без куска мяса не могут сойти за полноценное второе блюдо. Даже Маканин не приехал на этот раз, не рассчитывая ни на что для себя беспроигрышное. Для того чтобы написать такой роман, как роман-лауреат Михаила Бутова «Свобода», кроме литературной ловкости и таланта, надо было обладать очень усидчивой задницей. «Новый мир», где роман был опубликован, последнее время после смены главного редактора не отличается хорошей прозой, все какое-то слюняво-текучее. Претензии на якобы стилистику. Прекрасно пел молодой парень из Большого театра Николай Басков. После него возникал образ органично счастливого человека. И безусловно подлинной была водка Smirnoff. За столом я сидел рядом с Наташей Ивановой и Игорем Зотовым. С Наташей мы

наболтались. А Игорю я очень обязан за только что напечатанную в «Независимой» статью В. С. «Неперспективные больные». Что касается Малого Букера, то если мне не изменяет память, роман Маканина «Андеграунд» начинается с того, что герой читает Хайдеггера в переводе Владимира Бибихина. Вот этот Бибихин и выиграл Малого Букера.

26 ноября, пятница. Поехал сегодня в министерство и довольно быстро все решил с прекрасным малым — заместителем начальника управления Сергеем Михайловичем. Потрясло здание министерства на Чистых прудах — Наркомпрос. Высоченные потолки, устремленные вверх двери, парадные лестницы. Мне кажется, что здесь еще витает тень Надежды Константиновны Крупской.

27 ноября, суббота. Быт переливается в жизнь, а жизнь в то, что мы пишем. Каждому человеку дано своё. Жизнь такая страшная, что приходится думать о технологии самозащиты. Я завидую людям, которые вооружены хамским напором или умением не угрызаясь красть. А как русские люди снабжены, оказывается, предприимчивостью! Сколько разграблено и приватизировано. У людей моего класса лишь одно преимущество — слово. Я все о своей телефонной стычке с главврачом нашей 95-й поликлиники Зинаидой Федоровной.

Для «Труда» на следующий четверг:

«Избирательная кампания окончательно определила для граждан нашей страны, что жизнь — театр. Все распределено, актеры выходят с написанными ролями в своих «политических роликах» и достаточно убедительно произносят тексты, сообразуясь с моментом. Владимир Вольфович заиграл в эдакого чуть ли не квасного патриота, все на фоне русского пейзажа, березок и осинок, а Григорий Алексеевич на фоне толпы своим убедительным голосом убедительно, как всегда, обещает «достойную жизнь». Обманут по обыкновению, конечно, все. Сменил имидж и Геннадий Николаевич, баллотирующийся в подмосковные губернаторы, — эдакий малахов-ский раздумчивый паренек. Но особенность этой избирательной кампании заключается в том, что задействован и тот вид театрального действия, который искусствоведы называют «комедией дель-арте». Это когда точных ролей не написано, а есть общая наметка сюжета и актеры текст фантазируют. Несколько актеров, играющих по этим правилам, меня и восхитили. Задано было: посещение Шойгу птицефабрики, Тяжлов встречался с женами и семьями ветеранов Чечни и Афгана, а Лужков шествовал по

московской поликлинике. Лужкова сопровождал, как всегда не в меру подобострастный, Павел Горелов. Все это вместе вызывало некоторую брезгливость своим направленным популизмом, но Шойгу явно не учил кур нестись. Тяжлов противопоставлял себя Госдуме, которая глупа, жадна и невразумительна, и рассказал, как росчерком своего сановного пера именно только что — читай: перед выборами! — увеличил пенсию для инвалидов, чеченцев и афганцев. Ну, просто Екатерина Великая, жалующая Потемкину земли в Херсонском крае. А вот Юрий Михайлович всем своим шествованием по коридорам образцовой поликлиники демонстрировал и медперсонал в новых халатах, и полный порядок, и довольство московского здравоохранения. «Чего не хватает?»— звучит барственный вопрос у аптечного киоска. «Проблем практически нет!» — следует подобострастный ответ. Это по поводу нового принципа распределения лекарств для льготных категорий граждан, который недавно введен: не через аптеки, а через киоски коммерческих фирм, работающих непосредственно в поликлиниках. Но вы лучше спросите об этих новшествах у моей жены, инвалида 1-й группы, прикрепленной к 95-й московской поликлинике».

Утром ездил в министерство, отвозил письмо, потом пытался попасть в музей Серебряного века, куда меня направила Н. Л. Дементьева, посмотреть насчет художника для платоновской комнаты. В институте провел несколько совещаний: деньги, Интернет, зарплата за январь. Выборы все ближе и, соответственно, финансирование все мельче. Завтра на семинаре обещал быть В. Г. Распутин.

30 ноября, вторник. Диктор НТВ так закончил выпуск вечерних новостей: «О дальнейшем развитии скандалов вы узнаете из наших дальнейших выпусков». Сами эти скандалы не живописую, это обычная, выраженная по-русски борьба за власть, где и вилы оружие. Кремль борется с Лужковым, Лужков со всеми остальными, а Березовский с Абрамовичем за деньги и депутатскую неприкосновенность. Надеюсь, за деньги все получат свое. Скандалы, повторяю, не берусь живописать, потому что ничто так быстро не забывается, как скандалы.

Вечером на семинаре был Вал. Григор. Распутин. Выглядит он плохо, больной. Позже на семинаре рассказал, что глаза посадил, покрывая своим мельчайшим почерком так лист почтовой бумаги, что с него потом можно было выпечатать до шестнадцати страниц на машинке. Его речь перед студентами была интересна, умна и выразительна. Он говорил о том, как начал писать, как много для начинающего писателя значит среда, поддержка товарищей. К

счастью, умница Аня Кузнецова вынула магнитофон и включила, записав все рассказанное. Для истории все не пропадет, Аня эти записи куда-нибудь пристроит. А для себя я хотел бы отметить, сколько общего у нас оказалось в судьбе. Это, видимо, общие места поколения. Та же газета, та же среда, тот же пролом через журналистику. Интересно, что у нас обоих страсть «к уплотнению» и, кажется, общие методы. Я ведь тоже, когда работаю на компьютере, пользуюсь, не как все, двенадцатым шрифтом, а всего лишь десятым. Почему в свой семинар я всегда приглашаю людей патриотически мыслящих и твердой народной ориентации в творчестве? Видимо, это связано с тем, что я сам, скорее «западник» в литературе, я ее люблю, да и студенты много читают Запада, так вот, отчетливо понимая корневое значение народной жизни для литературы, я и приглашаю писателей, которые «прививают» моим студентам то, чего не могу дать сам.

Во время семинара я все время чуть-чуть нервничал, а интересно ли это ребятам? Уже после, в коридоре, я успел перехватить Дениса Савельева. «Денис, интересно было, я что-то закомплексовал?» — «Да я Распутина с детства обожаю».

Вечером мне принесли пятничную статью в «МК». Она посвящена имиджу Путина и полна цитат из некого тайного доклада РТР. Есть в этом докладе и строки, касающиеся меня. Их тон мне понятен. Я довольно остро пишу о телевидении, не забывая РТР, и в частности Сванидзе, и, конечно, этот документ, рассчитанный на утечку, — со мною рассчитывается. Вот как пишет некто Ирина Ринаева: *«От зрителя не удается скрыть тот факт, что заполнены только два первых ряда, весь актовый зал с плюшевыми занавесками на самом деле пуст!»* Это плохой пример «путинской трансляции». А вот хороший — на который надо равняться: *«Речь идет о материале, который был посвящен визиту в Литинститут. Хором подводящий синхрон студента-«ботаника», в котором он пытается поразмышлять об образе «крутого руководителя» и о том, что такой лидер как Лебедь, молодежи не нужен. Хороша ошибка — спокойный, скромный разумный Путин и суетливый, заискивающий Есин в пижонском павлиньем кашне. Наконец-то показан полный зал…»* Ну, мне-то не показалось, что я заискиваю, но я хотел бы посмотреть на любого другого человека и руководителя, который не проявил бы некоторого внимания к премьер-министру, приехавшему в его учреждение как гость. Ну, завидуют моему кашне. Простим и будем снисходительны.

1 декабря, среда. С раннего утра в институте началась конференция «Русская литература в контексте мировой культуры». Докладов было много, и все они на надлежащем

уровне, то есть более или менее точно имитировали науку. Доклады постараемся напечатать.

Вечером смотрел по НТВ какое-то частное расследование, проведенное по поводу кражи ребенка. Поразили даже не факты, а спрос и расценки. За 25 тысяч можно купить ребенка в возрасте 1,5–2 лет с пакетом документов. Скупка часто идет и в родильных домах. Из новорожденных наибольшим спросом пользуются еврейские дети. Я еще не могу осмыслить этого факта: на вывоз? Большое ли количество среди евреек — бесплодных? Кстати, и это расследование было проведено по поводу ребенка из еврейской семьи.

2 декабря, четверг. «Труд», как я и предполагал, «отредактировал» мой последний материал. Весь пассаж, касающийся Ю. М. Лужкова, таинственно исчез. Это, конечно, не государственная цензура, а просто цензура собственника, который внимателен к собственным сокровенным интересам.

3 декабря, пятница. День состоял из двух событий: визита Ильи Шапиро и зашла после лекции Мариэтта Омаровна.

С Чудаковой поговорили о наших немецких делах, о моих принципах выбора студентов для посылки, с которым не всегда фрау Виббе может согласиться. Конечно, последней ближе Кацура, которая уже была в Германии на стажировке полгода и еще ездила сама по старым связям, и образцовый Павлик Лось, оставшийся работать на «Немецкой волне». Аню я еще помню, когда брал ее из Института военных переводчиков. Возможно, фрау Виббе, служившей в Москве в посольстве под руководством Казака, это было роднее, своя дисциплинированная душа. Но для меня важен был Илья Кириллов, который все же вызрел в интереснейшего критика, и Маргарита Черепенникова, которая, я уверен, еще напишет отличную диссертацию. Русские вообще зреют медленно. Что касается Ильи Шапиро, то речь опять шла о его долге институту в 61 тыс. долларов. Он его вроде бы готов платить, но позже, а институт не готов долг ни прощать, ни особенно долго терпеть. Сложность этой ситуации заключается в том — Илья подчеркнул, что она возникла в известной мере из-за нерадивости главбуха О. В., которая не выставила весной счетов, то есть ситуация повторялась, как и с Финкельбаумом, — что мы разрываемся между тем, что можем потерять все, и тем, что удастся что-то спасти.

5 декабря, воскресенье. Читал Троцкого, ездил в Колонный зал на вечер романса. В метро через весь вагон катил инвалид на

тележке без обеих ног. Никто не бросил в его кружку ни копейки. Время ожесточилось.

«Труд» уже несколько лет ведет открытый конкурс романса. Все тот же блестящий, нестареющий зал. Когда-то самый престижный в Москве. В один вечер на люстрах горит 18 тысяч лампочек! Недаром несколько дней назад я вспоминал, что соскучился по «Полонезу» Огиньского. Это естественные вкусы моего поколения — соскучился и по романсам, которые всегда были частью русской культуры. Концерт был замечателен, такое большое количество молодых талантливых людей. Я с жадностью вглядывался в их прекрасные лица — им жить в следующем веке. Опять поймал себя на том, что моя собственная жизнь заканчивается, а впереди все так интересно. Лучше всех пели, как ни странно, грузины, молодой дуэт из Тбилиси: Нино Аразашвили и Давид Отиашвили. В их исполнении был такой милый аристократизм, кавалерство, возвышенность. Я просто ахнул, будто бы проснулся прошлый век. Все еще было мило срежиссировано. Молодых лауреатов и дипломантов «поддерживали» и «приветствовали» члены жюри, наши признанные мастера. Здесь было несколько мини-представлений, которые устроили Бор. Штоколов, Ведерников, Варгузова. Совершенно неотразимым оказалось трио, состоящее из двух молодых басов и мэтра Добрынина. Пели они «Ямщик, не гони лошадей». Впечатление тонкого и изысканного удовольствия все равно не передашь, можно только перечислить исполнителей.

Вечером позвонили из подмосковного Пушкина: электричка сбила насмерть нашего преподавателя Сережу Иванова. Все время ездил на велосипеде, бегал, делал зарядку, хотел прожить долго. У меня сразу в голове возник его развод: не ушел бы к молодой жене, не жил бы на даче, был бы жив. Вспомнил, как ездили с ним на какой-то выездной семинар, разговаривали. Вся его жизнь, от первых его журналистских рассказиков, прошла на моих глазах. Хороший был парень, добрый и отзывчивый.

6 декабря, понедельник. Утром начался пятый конгресс Всемирного Русского Собора. С большой неохотой поехал туда, исключительно ради институтских связей. Но все оказалось любопытнее. Может быть, в отличие от прошлых разов и я подошел ко всему более доброжелательно.

Конечно, в первую очередь порадовал зал; возможно, это особенность церковной архитектуры: президиум и то, что мы называем «зрители», — сидят напротив друг друга и по объему почти равны. В зале всего до десяти рядов, но зал длинный, следовательно, есть возможность все разглядеть. Вспомнилось тут

же, что монахи часто поют, встав в церкви кругом. Хорошо узнаваемого народа была тьма; поменялось время — поменялось отношение так называемых политиков, но для этого нужно было начать и выстоять. Первым, кого я встретил, был Зюганов. Поговорили о том, о сем. Подошел Розов. Любое прямое слово стоит мне всегда напряжения, но тем не менее я сказал, что компартией недоволен, потому что много читаю Ленина, понимаю, что компартия перестает быть компартией. Но голосовать буду за нее. У меня вообще появилась теория, что Дума всегда должна быть не подпевалой, а оппонентом президента. Если на выборах в Думу у компартии будет большинство, то, конечно, я смогу голосовать за президента более широкого социального спектра, скажем — за Путина.

Позже встретил и Алешу Подберезкина, баллотирующегося по Центральному избирательному округу — тому самому, куда он не пустил меня в надежде победить самому на выборах в Мосгордуму. Я ему отказал подписать обращение к избирателям. Алеша, с которым мы всегда были в хороших отношениях, широко раскрыл глаза: дескать, почему? Но я всегда помню профессиональное предательство и коммунистов, да и наших «духовников». Распихивание по всем местам верных «своих» к хорошему не приводит.

Медленно стал разглядывать президиум. Сразу узнал Распутина, сидящего с краю, потом Панину, а с ней рядом, вижу, сидит вроде бы какой-то толстомордый синагогист, а когда стал приглядываться — оказалось, что это Лужков. В президиуме были Патриарх, Вешняков, председатель Центризбиркома, Игорь Иванов, министр иностранных дел, Рушайло, министр внутренних дел… кого-то, наверное, еще подзабыл. Прозвучала целая куча однообразных по мысли приветствий: президент, мэрия, Дума, Совет Федераций, Путин. Это было соревнование спичрайтеров. Речи пишут плохо. Лучше всех говорили верховный муфтий России и, может быть, Зюганов. Муфтий говорил об общей родине: из этой земли поднялись, в эту землю уйдем, о том, что одни — правоверные, а другие — православные; говорил об этике, об общих корнях религий, о том, что некрасиво ругать выбранное правительство, каждый заслуживает то правительства, которое имеет. «Каково ведро, такова и крышка». Много было у других ораторов и неуклюжих, и неловких слов. Игорь Иванов начал так: «Ваше Святейшество, уважаемые члены правительства!» Вообще, слово — вещь опасная; по некоторым выступлениям я понял, что человек, которому слово дано от природы, может себя опустошить формулировками. Рушайло много цитировал Бердяева. Как всегда, свое «пустоутробие»

показали Федулова — бывшая пионерская деятельница, возглавившая сейчас Российское женское движение (в свое время она ходила в пионерском галстуке), и Черномырдин. Последний больше всего напирает не на понятие правды и правдивой жизни, так свойственные русскому менталитету, а на закон. Я его понимаю, ему хочется установить закон денег и заставить всех по нему жить. У него самого денег достаточно.

Зюганов привел массу очень выразительных цифр. Меня всегда восхищает, как он их держит в голове. 21 миллиард долларов — это бюджет России, 600 миллиардов долларов — это бюджет СССР. Современный мир держится на трех «Т»: 1. Трубы, трубопроводы — их в России не меняли ни одного метра. Мы видим это по Москве, которая вся заставлена трубопроводами, выведенными из подземелья. 2. Турбины — на каскаде Волжской ГЭС тоже не поменяли ни одной турбины за все постсоветские времена. 3. Тракторы — там, где раньше выпускалось по 300 за смену, сейчас, в лучшем случае, выпускается по 20.

У Шойгу было первое публичное выступление в центре. Это было неинтересно и по тону, и по тексту. Но обаятелен и курчав. Как всегда, выступал Жириновский. Если бы не знать его, можно было бы сказать, что речь эта — узконационалистична. За такую речь Рогозина привлекли бы к ответственности. Жириновский требует: диктатуру русского народа, русское национальное правительство, соблюдение русских национальных интересов — хочет быть исключительно русским, с сохранением всего того, что нажил как либерал. Надо всегда помнить, в какой аудитории и кому забивает баки Жириновский.

Это все, что я собрал за два часа.

В институте, как всегда, рутина финансов. Банки, в связи с новым столетием, видимо, прекратят работать 20–25 декабря. До этого надо выгрести деньги и постараться за декабрь заплатить зарплату. Я уже давно перестал видеть месяцы: вижу лишь зарплату за декабрь, зарплату за январь, вижу две зарплаты — за июль и август. Бюджет, естественно, молчит в связи с выборами, и деньги за ноябрь так и не пришли.

8 декабря, среда. Подписали договор с Белоруссией. Думаю, что это, конечно, не союз двух государств. Это огромная Россия, с которой воссоединилась Белоруссия. Так оно и будет, и в этом залог целостности Белоруссии. На церемонии подписания Ельцин, читая свою речь, повторил два раза заключительный абзац. Это мне напомнило, как старый Брежнев два раза прочел одну и ту же страницу на торжественном митинге в Баку. Тогда мы все хохотали. Сейчас это кажется трагичным.

9 декабря, четверг. Ельцин уже в Китае и мелет какие-то угрозы в адрес Америки. Сходил он по трапу еле-еле, но я помню, какая сила исходит от него при личном общении.

Днем был на ежегодном совещании ректоров Москвы и Московской области в Российском химико-технологическом университете на Миусской площади. Уже по обилию охраны на входе я мог бы догадаться, что кто-то приедет. Потом при регистрации раздали какие-то книжки, и вдруг среди них веселая брошюрка «Юрий Лужков. Российские законы Паркинсона» и еще кучка каких-то одинаковых плотных конвертов. Конвертам предшествовало объявление: *«Уважаемые коллеги! Геннадий Хазанов проводит спектакль-презентацию по материалам книги Ю. М. Лужкова «Российские законы Паркинсона». Спектакль можно будет один раз видеть в Театре эстрады 15.12.99 в 19.00.*

Значит, еще одна предвыборная акция. Сами билеты были сделаны в виде зачетной книжки с красующейся подписью Юрия Михайловича. На задней стороне обложки — афоризм: *«Любые указания люди понимают иначе, чем тот, кто их дает».* Дополнение Лужкова*: «Мат — единственный язык, указания на котором понимают без искажения».* Пока я все это листал, раздался какой-то небольшой гул и появился Лужков. Я его последнее время постоянно путаю с какими-то другими лицами. В моем сознании все сразу встало на место: будет предвыборная речь. На место встал и бесплатный буфет — кофе, чай, печенье, конфеты, — который был устроен в зале. Тут же оказалась и пресса.

Пропускаю речь председателя Совета И. Б. Федорова, лишь выбираю некоторые фрагменты. Например, средства на коммунальные расходы московские вузы не получали с 1995 года. Или мысль о стремлении правительства регламентировать расходы вузов, стремлении снять с них все опрометчиво данные льготы. С некоторой гордостью и приличествующей случаю важностью докладчик сообщил, что 80 % выпускников все же в Москве устраиваются на работу, требующую высшего образования. Правда, докладчик сразу оговаривается, что в большинстве случаев не по специальности. С грустью Федоров отметил, что некоторые вузы сокращают продолжительность своих лекций, чтобы уложиться в световой день. Нет денег на электроэнергию.

Потом выступил Ю. М. Лужков. Он сразу сказал, что не рассматривает свое выступление как предвыборное. Но ведь, думаю я, и Шойгу, который занимался своей предвыборной кампанией, Путин отозвал из отпуска и вроде бы послал в Чечню.

Но я-то полагаю, что он создавал ему информационное поле. Возможность перед выборами постоять перед телекамерами. Дальше Лужков говорил о помощи Москвы студентам. Все это довольно ничтожно и мелко в общем масштабе, но в конце года за счет различных поступлений мы выплатим студентам очень большую материальную помощь — до 1000 рублей. Но жалко, что для достижения своих целей взрослые дяди пользуются молодежью. Слу-шали Лужкова внимательно. Когда я уходил, надевая пальто в кабинете ректора, в приемной вовсю раскладывали на подносы красную рыбу и другие делика-тесы.

Вечером по НТВ была передача Е. Киселева «Глас народа». Конечно, как и всегда, киселевский народ спорил друг с другом. Это как распри в одной семье. Прошлый раз были Явлинский и Чубайс, потом Хакамада и Лахова, нынче опять любимцы народа — Явлинский и Кириенко. Все происходило удивительно скучно. Попытки Явлинского немножко обострить ситуацию были тщетны, Кириенко хорошо выучил свой урок и ни разу не сбился. Иногда казалось, что перед глазами у него стоял текст домашних заготовок. В конце передачи Кириенко победно, как боксер на ринге, поднял кверху обе руки, и в этот момент камера пошла вверх и стало видно, что на затылке у Сергея Владиленовича начинающаяся очень аккуратная лысинка.

13 декабря, понедельник. Я не знаю уже, в плане избирательной кампании или просто в плане игр с интеллигенцией, но в воскресенье, 12 декабря, я оказался в Кремле. П. П. Бородин позвал группу интеллигенции, чтобы показать плоды своей деятельности, о которой много писали газеты и о которой я высказывался не очень лестно. Речь идет о воссоздании Александровского и Андреевского залов. Залы эти когда-то стояли на месте того огромного пространства, которое называлось залом заседаний Верховного Совета СССР.

Сложное у меня здесь чувство. С одной стороны, при том, что воссоздали все это точно и залы оказались немыслимой красоты и сказочного богатства, — все равно это новодел, в котором нет ни духа Николая I, ни теней прежних императоров, ни растерянности Николая II, получившего в этом дворце известие о Ходынке. А тот прежний, конструктивистский зал был напоен нашей историей, живой, могли здесь говорить: «Это случилось здесь», «Это сказано здесь».

Собрались в основном кинематографисты, но я ведь плохо знаю людей и плохо их узнаю. Узнал Колю Бурляева, потому что с ним знаком, Ирину Константиновну Скобцеву, Игоря Бэлзу, потому что с ним соседствую, Анастасию Вертинскую. Был

Коконин, экономический директор Большого театра. Потом он произнес речь в просительных тонах. Вертинскую я попросил не отказать во встрече с нашей аспиранткой Машей Лежневой, которая пишет диссертацию по творчеству ее батюшки. Не было отказа, но и не было восторга. Не было желания «спрямить путь», пускай сами ищут, «они ставят свои микрофоны и присасываются как пиявки». Интеллигенция на этом просмотре вся была, в основном, как бы этнически другая, нежели у Лужкова. Мы уже как-то привыкли, что у последнего с одного бока — Кобзон, с другого — Волчек.

Процедура осмотра такова: Бородин встретил всех в вестибюле. И сам повел. Георгиевский зал (новые детали — ларец с орденами, Георгий на стене); Александровский зал; Андреевский зал… Потом показал массу «новодела» — комнаты для переговоров, гостиные. Все здорово, итальянская мебель, быстрые копии вчерашних учеников Глазунова, зал с полотном Глазунова на стене. Потом показали «Личные покои» — роскошно, но безвкусно, как и всё середины прошлого века. Покои при советской власти были не тронуты, сохранились полностью. Может быть, иногда в тоске Сталин проходил этой парадной анфиладой.

Наибольшее впечатление на меня произвел подвал фантастической, по сложности, системы. Кондиционированная, тепловая регулировка отопления оказалась под фундаментом дворца, который стал хлипким из-за карстовых пустот, образовавшихся при строительстве Дворца съездов. Пришлось закачать огромное количество бетона, чуть ли не 7 составов. Вот эта фундаментальность меня подкупила.

В каких-то переходах удалось поговорить с Бородиным. Тезис: уж если вы так прекрасно реставрировали и такие роскошные хозяйственники, может быть, возьметесь перестроить жемчужину русской архитектуры — Литинститут, сделать его на государственном уровне. Я твердо решил написать письмо Бородину по этому поводу… Конечно, наверное, ничего не сделает, но идею эту надо распространять в обществе. А вдруг?..

Я понимаю, что Лужков, Бородин, Ресин, Шанцев — это люди одного закала, не забывающие про себя. Наверное, поэтому они так ожесточенно дерутся за власть. Тем не менее Бородин мне чем-то нравится, чем-то для меня больше свой. А может быть, это и мстительное чувство — в свое время я ведь писал Лужкову письмо о реконструкции Литинститута и получил ответ: готовы рассмотреть этот вопрос, если институт перейдет в московское подчинение.

Кормили расчетливо, строго и плохо: такой легчайший

фуршетик на прощание.

14 декабря, вторник. В конце года столкнулось много всяких общественных и научных событий. Состоялась маленькая конференция по переводу — «озеровские чтения». К сожалению, я не смог быть на начале, но пришлось сказать несколько слов на закрытии. Для сидящих в зале студентов Лев Адольфович уже стал некой литературной абстракцией. Я эту абстракцию зрительно хорошо помню, она еще для меня жива, она еще ходит по нашим коридорам. Его деликатность, старомодная вежливость, галантность по отношению к молодым и пожилым женщинам, ясная привязанность к русской культуре XIX века — все это так важно было для института.

Вечером опять у Киселева была телевизионная дискуссия. На этот раз спорили между собой товарищи по классу: Георгий Боос и Явлинский. Оба парни бравые, оба хороши. У обоих нет ни малейшего сомнения в том, что они с легкостью могут управлять Россией. Ну, просто каждый готов Россию поднять на дыбы.

15 декабря, среда. Отдиктовал для Интернета в наш литинститутский сайт текст о Распутине. Его выступление на семинаре. После трех поехал на годовую конференцию в Московский союз по прозе. Самое интересное, что я оттуда вынес, это факт полной перевооруженности лагеря, который чуть уничижительно называют патриотическим. Наши ребятки по мысли, по аргументам, по терминологической вооруженности и теоретической точности стали говорить совсем не хуже так называемых демократов. Раньше мы хорошо писали, а они хорошо говорили. Теперь это положение изменилось. Но пишем по-прежнему хорошо.

16 декабря, четверг. Конец года, время совещаний, конференций, советов. Весь день занимался конференцией, которая называется «Издательская деятельность и современный литературный процесс (к десятилетию издательства «Терра»)». Здесь два момента: во-первых, и это основное, мы наконец-то сделали то, что и по нежеланию, а больше по неинформированности никогда в институте не могла сделать кафедра советской литературы — хоть как-то очертить современный литературный процесс. Несколько раз я заглядывал к ребятам на «текучку» — как на жаргоне Литинститута называют семинар по текущей литературе — всегда это какие-то более или менее отстоявшиеся вещи, но связанные с нынешним временем плюсквамперфектом. В худшем случае — Константин Воробьев,

былой классик, которого надо читать в курсе лекций; в лучшем — Дмитрий Галковский, «Бесконечный тупик». Но и те и другие — произведения знаковые, сам процесс, в его мелких, но таких важных для учебы подробностях, уходит. Я понимаю, насколько все было раньше проще: пять толстых журналов и нашумевшие вещи периферии — какая-нибудь лобановская статья в «Волге» или Стругацкие в «Байкале». А потом, конечно, ребята с кафедры в силу времени заняты — своими делами и своей судьбой. Сам В. П. занимается началом века, переложением для телевидения известных легенд. Его артистическая натура рефлексирует только возле отстоявшихся имен, когда уже есть судьба, интерес, анекдот. Я очень надеюсь сейчас на то, что Бор. Леонов возьмет на себя содержательную часть 40—70-х гг. Он, по отзывам, держит зал, о нем хорошо говорят студенты, и он знает это время, потому что в нем прожил. В общем, с сегодняшней текучкой, с ее успехами и мерзостями, на которых тоже есть смысл учиться, — все это выпадает из поля зрения. Да и, вообще, учебный процесс, наверное, надо строить по-другому. Век практически закончился, и его надо включать в течение русской литературы. Но почти откристаллизовался феномен советской литературы. Русская литература как бы обтекала архипелаг произведений, созданных в советское время, с другой идеологией и другой системой ценностей. И вот, я продолжаю, во-первых, мы на этой конференции попытались показать на примере одного, хотя, быть может, самого большого, частного издательства срез литературного процесса. Мне кажется, это было очень интересно.

Во-вторых, эту конференцию мы заварили потому, что у нас работает много «должников», связанных с издательством. Это и Руслан Киреев, у которого выходило «Избранное» в самой престижной «Терре», и Б. Н. Тарасов, который работал с «Террой» над книгой Шаховской (не знаю, правда, вышла она или нет); это и Володя Орлов, у которого сейчас идет в «Терре» шеститомник, и, в конце концов, я, которого «Терра» тоже печатала несколько раз.

Доклады были интересные, по крайней мере, для меня, уже немолодого человека, все работало в приварок, я что-то узнал, и под аккомпанемент чужих мыслей текли мои собственные. Самым увлекательным был доклад Скворцова о компьютерной прозе, в частности, о Марининой и Сотниковой — о современном женском романе. Любопытен был Орлов — о фантастической литературе в «Терре», и очень познавателен другой Орлов, А. С., — о тенденциях исторической романистики. На этот раз вторично и без особого успеха говорил С. Толкачев, но все равно, мне нравится его стремление все время вкладывать усилия. В этом

смысле он где-то очень напоминает меня, когда я пришел на радио. Тогда в компании Шерговой, Визбора, Петрушевской, Велтистова, Энвера Мамедова я вдруг обнаружил, что публично говорю плохо, не умею донести до слушателя мысль, не умею довести то, что бьется у меня внутри. И тогда я начал готовиться и выступать на каждой летучке. Правда, не думаю, что научился…

18 декабря, суббота. Весь день дома. Мой день рождения. В. С. на диализе, поэтому пригласить никого вечером нельзя. Приезжали Владислав Алекс и Витя Мирошниченко, который рассказывал, что перед перестройкой я и Петрушевская были его любимыми писателями. У меня в бюро стояла «горилка» в фирменной бутылке, которую я купил чуть ли не за 20 долларов в Симферополе весною. Берег для подарка во время какой-либо международной оказии. Через стекло просвечивал портрет Мазепы. Пришлось колоться и бутылку открывать. Между прочим, что бы стоили пятьдесят процентов наших исторических деятелей, если бы не литература, а только одна история. Об этом и поговорили. Студенческая роскошь: торт и жареная картошка. Потом, когда они ушли, долго мучился над Троцким. Все близко, но в руки не дается.

В качестве улова есть смысл выписать цитату о неподкупности прессы.

«Золя писал о французской финансовой печати, что она делится на две группы: продажную и так называемую «неподкупную», т. е. такую, которая продает себя в исключительных случаях и по очень дорогой цене. Нечто подобное можно сказать о лживости газет вообще. Желтая уличная печать лжет походя, не задумываясь и не оглядываясь. Газеты, как «Times» или «Temps», говорят во всех безразличных и маловажных обстоятельствах правду, чтобы иметь возможность в нужных случаях обмануть общественное мнение со всем необходимым авторитетом».

19 декабря, воскресенье. День выборов. Народ идет без особого энтузиазма. Дали целую кипу бумажек: выборы в Госдуму, выборы мэра, выборы районных муниципальных советников. В этом ворохе может разобраться достаточно опытный и грамотный человек, определенно наша тенденция образования не дает надежды, что в этих списках разберется каждый. По нашему университетскому округу идут две дамы — Дарья Асламова и Мария Арбатова. Одна — известная журналистка, которая описывала, как к ней «приставал»

Хасбулатов, другая — феминистка.

Невероятное впечатление произвел Одинцовский рыночек, на котором мясом, курями, фаршированной рыбой домашнего приготовления, разносолами торгуют русские местные бабы. Это дачный район жирных котов. Продавщицы все хотят проголосовать за сегодняшнюю власть богатых, с их стола что-то им достается. Это покупатели.

По ТВ была гениальная фраза Лобкова о том, что по приезде на избирательный участок Кириенко тактично за сто метров сошел со своего «мерседеса» и сто метров тактично прошел пешком.

20 декабря, понедельник. О результатах выборов не говорю, о них все знают. Собственно, коммунисты не потеряли своих позиций, в подобных условиях это фантастически. Народ постепенно поймет, за что надо голосовать, пока он только учится, и если поступает правильно, то скорее интуитивно, а не из расчета. Научится. Но судя по всему, есть еще такие наивные народы, что без присмотра им выдавать бюллетени нельзя. Меняли же дикари за стекляшки золотой песок. На Чукотке получил свою депутатскую неприкосновенность Абрамович, в Бурятии — Кобзон, в Карачаево-Черкесии — Березовский. Депутатство, судя по всему, это самое выгодное место. Эти ребята знают, чем и когда надо заниматься. Они с огромной легкостью перестали заниматься наукой, искусством и Бог знает чем еще и занялись своим бизнесом. Одним словом, московиты. Я всю жизнь занимаюсь литературой.

21 декабря, вторник. Вечером ездил на встречу с читателями, которую устраивала «Терра» в магазине «Библио-Глобус». Мне досталось самое неудобное время, когда специальных покупателей нет. А просто люди идут с работы и от усталости, чтобы не идти в опостылевшие дома к своим опостылевшим убогим телевизорам, заходят по пути в книжный магазин. Многие также по пути забегают, чтобы купить учебник для сына или дочки или новогоднюю открытку. Я стоял довольно долго, одинокий и никому не нужный, а радио надрывалось. «Вы можете купить книгу и получить автограф писателя!» Рядом стояла тележка с моей книжкой «Избранное» стоимостью в 33 рубля. Наконец, одна дама просто книжку купила, а один мужичок подошел за автографом и вдруг начал говорить, как много значат для его семьи мои книжки, что за мной следят и меня любят. Потом я погулял по книжному магазину и приободрился. Замечательные классики лежат на полках, книги Мопассана,

Солженицына, Музиля, Булгакова. В лучшем случае читатели бросают на них незаинтересованный взгляд, выходя из отдела поздравительных открыток к Новому году. Может быть, покупают писателей в другое время?

Вечером по ТВ Лужков встречался со своими избирателями. Лужков с Шанцевым сидели в студии, а избиратели толпились перед камерами на Манежной площади. Павел Горелов говорил об оглушительной победе выборов, что все москвичи Лужкову поверили и выбрали его как честного и порядочного человека. Отнюдь, скажем для точности. Свыше четверти избирателей-москвичей, т. е. каждый четвертый, что-то о Лужкове понимают свое, что-то соображают о его окружении. Этот коварный избиратель задумывается о стоимости Кольцевой дороги и особом положении этого богатейшего города мира. Попутно я подумал, почему жены наших крупных и богатых людей, такие, как раньше Нарусова, рванули в политику? А чтобы страховать свое богатство и в случае необходимости его защищать. Смог бы выехать прошлый раз без своей супруги, депутата Нарусовой, экс-мэр Собчак на самолете из петербургской больницы в Париж? Нет, эта сцена стоит у меня перед глазами. Расслабленный, с обнаженной грудью Собчак, люди в белых халатах, приборы, а на следующий день голубчик уже в Париже. Иная жизнь, и берег дальный. Почему-то есть уверенность, что если Путин станет президентом, то он о многом вспомнит.

Над Библиотекой им. Ленина начали ставить невероятные буквы «Самсунг». И после этого кто-то говорит, что у меня в здании валютный пункт!

22 декабря, среда. Я думал, что тихо и спокойно просижу на премьере нашего античного театра, но не тут-то было. Это театр первокурсников, которые сдают античную литературу. Завела этот театр, серьезную, античную студенческую традицию Елена Алимовна, наш декан. Я хорошо помню, как во время первого года моей работы ректором я задал риторический вопрос: «А почему античку у нас должен читать приглашенный преподаватель?» И уже на следующий год Елена Алимовна, специалист по английской литературе, выигравшая в свое время в Америке какой-то конкурс с докладом по Фолкнеру, начинает читать античку. Она-то и придумала вместо зачета — получают участники — этот античный театр. Играли Плавта, Менандра, нынче был сыгран Аристофан. На этот раз театром руководит уже новая преподавательница, Татьяна Борисовна Гвоздева, но спектакль получился чудесным. Что-то ребята с преподавательницей приписали, чго-то сократили, и получился

изумительный спектакль, который мне тут же захотелось показать кому-нибудь еще. Как невероятно талантливы наши ребята, сколько артистизма и грации у девочек!

На защиту я успел, поднявшись на второй этаж, уже когда свой отзыв читал первый оппонент. Само по себе все фантасмогорично: на втором этаже в зале с барельефами Блока, Есенина и Маяковского идет Аристофан, а на третьем, как раз над греческими героями, защищают диссертацию о проблемах современной драматургии, ссылаясь на опыт дзен-буддизма. Причем в самой защите есть еще привкус некой мистической интриги.

Кстати, о Собчаке, которого я недавно поминал в дневнике. Вечером в передаче «Частное расследование» генеральный прокурор России Юрий Скуратов сказал, что дело Собчака, так же как и дело Бориса Березовского, прекращено необоснованно. Я не помню дословно. В этой же передаче о знаменитом воре-бриллиантщике Козленке была высказана весьма правдоподобная версия о причастности к этой афере века бывшего министра финансов Бориса Федорова. Того самого, который говорил, что всех воров надо пересажать. Вот удивительная вещь наша жизнь. О той или иной фигуре, казалось бы, все знают: «вор», «клятвопреступник», «казнокрад», но он по-прежнему везде принимается, телевизионщики такого человека с удовольствием показывают. Как бы даже это воровство ставя ему в заслугу. Дескать, вором человека должен признать только суд. Это западная модель, которая не очень-то подходит России. Это лукавая нерусская модель: «Не пойман — не вор!»

24 декабря, пятница. Утром пришлось диктовать Диме очередную заметку в каталог Гатчинского фестиваля. Я пишу уже в шестой раз на одну и ту же тему:

«Очередной фестиваль — очередная заметка. Вроде бы ее надо писать во здравие. Возникают отдельные шепоты относительно подъема нашего киноискусства, рассказывают, как ходит народ на интернациональный «Титаник» и на интернациональный «Цирюльник». Возникают и другие киноявления, которые вводят в соблазн надежды. А вдруг? В кризисе мы и в экономическом, и в политическом, и в кино. Отдельные шедевры кино: «Молох» и «Хрусталёв» лишь подтверждают тенденцию, так же как изготовление каких-нибудь сладких подушечек по зарубежной технологии и кетчупа на краснодарской основе — не свидетельствует о буме в промышленности. Не секрет, что на прошлом фестивале мы не отыскали претендента на Гран-при. Мы ловим рыбу в обмелевшей реке, но надеемся, что в верховьях

пойдут дожди. Тем не менее мы по-прежнему твердо уверены в том, что основой любого искусства, даже искусства будущего, абрисы которого мы еще не можем определить, будет литература. В кино тоже слишком много удач было связано со словами, которые писатель, и не думая о кино, изложил на бумаге. И хотя майнстрим литературы не тащит по своей волшебной глади произведений большого стиля, мы, тем не менее, с надеждой смотрим на надвигающееся на нас всех радостное событие — VI Международный кинофестиваль «Литература и кино» в Гатчине. А вдруг прорыв произойдет именно в этом, осененном русскими музами, месте. Не может не радовать также то, что фестиваль этот — явление народное.

С. Есин, председатель жюри».

Во второй половине дня поехал в Дом Брюсова на проспекте Мира, чтобы посмотреть новую экспозицию, в которой, говорят, задействован интересный художник. При всем при том я, конечно, думаю о платоновской комнате и, если бы не экстремизм дам и не их стремление свить себе до конца жизни уютный уголок в центре, это самое увековечение на уровне «комнаты» давно бы состоялось. Как только ситуация утихает и я уже думаю начать, тут сразу поднимается новая волна, которая останавливает мои порывы. Не хочется казаться слабым.

26 декабря, воскресенье. Где теперь знаменитое Радио, которое воспитало не одно поколение людей? Почему не звучат замечательные записи деятелей русской культуры? Как быстро его развалили молодые капитаны!

28 декабря, вторник. Начну с самого конца рабочего дня. Пришел Гусляров и принес свежий номер журнала «VIP» с моей статьей. Когда он еще только звонил мне и договаривался о встрече, я долго не мог взять в толк, о какой статье он говорит. И только потом я вспомнил, что наговаривал ему что-то на магнитофон недели три назад. Причем это интервью, так же как и сегодня его визит, происходило в самом конце рабочего дня, я был раздражен, устал, болела голова и нес, как мне казалось, полную чухню. Но оказалось, вполне умный текст на открытие номера с Солженицыным и другими столпами культуры. Заплатили, оказалось, мне за этот материальчик тоже классно. Я об этом так подробно вспоминаю, потому что именно сегодня утром я понял, что вполне овладел тем способом письма, который покойный писатель Валентин Катаев назвал мовизмом. Чем хуже, тем лучше. Утром я диктовал срочную статью в «Правду».

В середине дня был на секретариате в СП на Комсомольском.

Обсуждали планы, в которых много знаковых и эффектных мероприятий. Но вообще-то мы готовы провести выездной секретариат везде, где только заплатят. Я пытался говорить о книготорговле, о лоббировании закона о государственной торговле книгами. Без этого, товарищи писатели, ваши книги никому не нужны в своей массе. Поддержал меня Коля Дорошенко, а для остальных моя мысль, кажется, не дошла. На секретариате слово «архиерей» звучит так же полновесно и значительно, как раньше «секретарь обкома». Тем не менее план секретариата есть хоть какая-то попытка активизировать общественную жизнь.

Видел на секретариате Юру Полякова, он баллотировался в Госдуму. Через стол я ему показал большой палец вверх: «Прошел?» Он меланхолично повернул ладонь большим пальцем вниз: «Не прошел». В связи с массовым непрохождением писателей в Госдуму надо ожидать напора межписательской борьбы на секретариатах, пленумах и собраниях. Я помню, как Юра и меня призывал в этом году выставлять свою кандидатуру. Юра, естественно, не прошел и в этом году. Я думаю, не прошел и Петр Лукич Проскурин. По телевидению много говорят о новой партии «Медведь», которая превратилась в движение. Главная цель этого движения — борьба за избрание Путина в качестве президента России. Я не думаю, чтобы это было так уж плохо, он русский, он государственник, в нем есть старый социальный закал. Прозвучала по НТВ смешная фраза: «Шойгу любит Путина, Путин любит Шойгу».

29 декабря, среда. Главное, что я в этот день решил, это — как переделывать главу о Троцком. Начну с эпизода, когда больной Троцкий лежит в Сухуми и смотрит на море. Здесь воспоминание о Ленине. Внутренний спор о том, кто сделал Октябрь. Надежды, которым не суждено оправдаться. Не сделать ли мне бухаринскую главу с процесса? Или сделать ее с процесса Зиновьева-Каменева и сюда же присовокупить Бухарина. Вот удивительные были предатели и перебежчики.

С самого утра на среду я смотрел, как на битву: три приема, и на все надо попасть.

Собирал министр по делам СНГ в галерее Дом Нащокина в 12 дня. С нынешним министром Л. Драчевским меня знакомил еще в советские времена покойный Валера Юдин. По этому поводу я даже приготовил речь, потому что есть иностранные студенты, проблема регистрации, проблема проезда и пр. Этот дом превратился в домик Марлен Дитрих. Везде висят ее фотографии, и есть даже отдельная витринка с ее бальными платьицами. Все

это занимает двадцать минут, Кирилл Лавров произносит речь: гастроли, льготные тарифы, цены на гостиницы. Выносят водку, вино, минеральную воду и шампанское. Потом мальчики в белых рубашках выносят дивной красоты булочки с маком. Я затрухиваю сахарной пудрой какой-то диванчик и соблазняю на булочку Сашу Маслюкова. Тем не менее тут же коварно и подло спрашиваю Сашу: «Как с фигурой?» — «У меня эфир только 20 января, сяду на диету где-нибудь дней за десять», — это ответ. Сашу время щиплет только с затылка. В булочках невероятное количество мака и чудесный аромат. По плебейской привычке узнать «где дают?» я спрашиваю мальчика-официанта, подразумевая, что он здешний, нащокинский крепостной. «Откуда булочки, где прикупили?». Ответ был ошеломителен: «Привезли из администрации президента». Булочки оказались бородинские.

Прием по случаю 10-летия издательского дома «Терра» в пятизвездочной гостинице «Балчуг Кемпински». Я многим обязан этому издательству и люблю и Сережу Кондратова и Ирину Львовну Шурыгину. Этот прием в 19.00.

Наконец, традиционный московский новогодний прием. Патриарх, артисты, министры, чиновники правительства, депутаты Думы, Юдашкин, адвокат Макаров. Съезд гостей в 18.30, а само начало, т. е. речи и застолье, в 19.30. Всегда на таком приеме, который традиционно устраивала мэрия, бывал и президент, на этот раз только В. В. Путин. О значении этого приема говорит следующий крошечный эпизодик. Я опоздал на два часа, и когда в необъятном, как футбольное поле, зале среди выгородок, елок, каких-то палаток разыскивал вход в собственно зал, то сразу встретил Владимира Константиновича Егорова и его замечательную жену Светлану. Мы перекинулись парой слов, вернее, В. К., как партизан, не высказал никаких своих мнений о месте и характере происходящего, но заметил: «На такие приемы нельзя опаздывать». Я даже, честно говоря, не знаю, так ли это мне было необходимо как ректору, или я туда стремился как наблюдатель. Было еще чисто писательское соображение, я собирался под конец этого своего года эффектно поставить в текст меню кремлевского новогоднего приема. Я даже спросил у девушки-официантки — все официанты, и девочки и мальчики, были одеты в какие-то красные нелепые униформы, под половых, стиль рюс, — она мне ответила, что такого меню нет.

Как, собственно, и предвиделось, обжитой и привычный Кремлевский дворец под прием Павел Павлович Бородин не дал. Но уже был запасной вариант — специально подогнанный к этому случаю Гостиный двор — огромное здание на Варварке, бывшей

улице Степана Разина. Старый Двор перекрыли, получился некий атриум, похожий лишь по идее на атриум в Балчуге. Но ближе всего это было к крытому перрону Казанского вокзала. Зато все остальное было как в Кремле. Большая эстрада с неизменным Газмановым, какие-то самодеятельные коллективы, оркестр. Это как — по описанию — балы в Парижской опере. Аристократы и дамы полусвета. Лица были почти все знакомые, а незнакомые — это финансисты и служащие мэрии. Здесь большинство мужчин были с бабочками. А бабочка для русского мужчины, особенно богатого, это уже приобщенность к элите и к Западу. Но главное — стол, он был изобильный и роскошный. Я, видимо, пропустил закуски. Но не сомневаюсь, что была икра. К моему приходу еще был чудесный жареный поросенок, много овощей, фруктов, какие-то грибы, потом подали бараний шашлык и шашлык из осетрины.

Весь день был раздражен московским транспортом. Сидевшая напротив меня бывшая знаменитая спортсменка Лариса Латынина призналась, что они с мужем ехали полтора часа с Арбата. Я час двадцать ехал из дома по Ленинскому проспекту до института. Потом полтора часа ехал до Балчуга. Эти бесконечные московские пробки, гарь улиц и машины с мигалками, все время проносящиеся мимо. Если бы хоть один раз наш мэр постоял в московских унылых пробках! Это все результат транспортной политики и политики вообще. Москва и Россия стали свалкой всех старых машин Европы и Азии. Мы как-то стояли в одной пробке с моим шофером Федей, и вдруг промчался кортеж, замыкал все это новенький, сверкающий джип. «Это повезли ельцинский туалет, — сказал остряк Федя, — горшочки разные, пам-персы».

30 декабря, четверг. Состоялся ученый совет. Отчитывалась аспирантура о приеме, и потом я делил материальную помощь, которую собираюсь дать в январе. Прислал за декабрь и ноябрь деньги Илья Шапиро, все-таки сдержал слово. Была докторантка из Кельна Елена Нарайкина. Она рассказала, что помнит Путина в начале перестройки, даже была у него на квартире, где-то на окраине Ленинграда. Было тесно, и все было заставлено вещами, привезенными В. В. из Германии. По-немецки, как призналась Лена, Путин говорит прекрасно. Уже тогда у него была репутация человека, который все может.

31 декабря, пятница. Хотел поэффектнее закончить в этом году дневник. Уж коли роман, то и какой-либо романный, скругленный конец. Но жизнь всегда круче литературы и приготовила другое окончание года. Отставка Ельцина. Если

продолжать про литературу, то вот почему я всегда держусь фарватера реализма — там труднее формулировать, но крепче выходит. А если об ельцинской отставке, то она такая же, как и вся его политическая деятельность. Путин, как и. о. президента России, уже подписал указ о неких гарантиях президенту, но указ может и не стать законом. Откупился. В свое время приблизительно такое же решение принимали и о М. С. Горбачеве, но в нем не было некоего пункта «д».

Указ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи».

д) Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий, обладает неприкосновенностью. Он не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности, задержан, арестован, подвергнут обыску, допросу или личному досмотру.

Ельцин, конечно, войдет в нашу историю, как вошли в нее Абакумов и Малюта Скуратов. Его выступление было полно точно рассчитанных риторических ходов. В последний день уходящего века. Как будто не знает, что и конец века этот не конец века, а просто рекламная кампания. Он даже попросил прощения у сограждан, что не все получилось так быстро и уверенно, как ему хотелось вначале. Но уже тогда, когда ломал великую державу, он не был мальчиком. А теперь, погубив миллионы людей, он просит прощения. Здесь нельзя прощать. Но судьба еще его накажет, отыгрываясь на близких. По телевидению началось пристрелочное восхваление нового президента и сразу же покусывание старого. Пресса уже выуживает подробности о Путине у соседей по ленинградскому дому и его старых учительниц.

С 1 января дневник писать, если смогу, прекращу, — сосредоточусь на окончании романа.

2000 год

1 января, суббота. Новый год встречали в очень узком семейном составе. Я возился целый день со столом и едой. Альберт Дмитриевич, директор нашей институтской столовой, прислал мне миску салата и два ассорти на трех человек — рыбное и мясное.

Долго рассуждали о поступке Ельцина. Я не вижу в его поступке ни раскаяния, ни собственной подобревшей воли, а только холодный личный расчет. Единственный шанс — это посадить умеющего держать слово и совестливого Путина, чтобы еще прожить немножко беззаботно. Это не очень похоже на отречение Николая II. Того волновала держава и недовольный им народ. Интересно отметить, что в отставку Ельцин ушел лишь после того, как его ближайшие друзья Березовский и Абрамович получили парламентскую неприкосновенность.

Путин в своем рассуждении по ТВ говорил о внезапности решения Ельцина. Такой наивный мальчик! Работавший ранее в разведке и, наверняка, сохранивший все связи. Так внезапно, что указ о безопасности Ельцина уже был подготовлен и тут же в одночасье подписан. Некрасива и сама тайная идея подготовки этого указа. Станет ли он законом!

Начинаю трубить над главой о Троцком. К С.П. приехала мать, Клавдия Макаровна, он будет эти дни с ней и, значит, даже не зайдет хоть изредка погулять с собакой. У Долли началась течка.

4 января, вторник. По московскому каналу показывали московскую власть: в ряд сидели ладком и отчитывались Лужков, Ресин, Никольский, Толкачев. Давно не видел такого скопления сановных миллионеров. Как всегда был независимо-подобострастен Павел Горелов. Вообще-то очень стареют наши ведущие. И отчаянно поднадоели.

Телевидение передало о пожаре в Обществе книголюбов. Какие-то аварии с электропроводкой.

6 января, четверг. Утром ездил в больницу к Александру Григорьевичу Чучалину, моему знаменитому врачу. Ему — 60 лет. Он был одет в какой-то элегантный пиджак, в галстуке и без халата. Скольким людям спас он жизнь или хотя бы, как мне, позволил жить нормальной и полной жизнью. В малом конференц-зале уже был накрыт стол человек на двадцать. Меня

угощали жареным поросенком, но я постарался поскорее смыться, хотя и выпил глоточек вина. По дороге к лифту меня перехватил Илья Дорофеевич, заставил скинуть рубашку и послушал: ни одного хрипа, но дозу лекарств, пока холодно, приказал не сокращать.

Днем был на работе, созвонился с Натальей Леонидовной Дементьевой, договорились с нею встретиться в понедельник. Тема — комната Платонова.

Был на Пушечной, у книголюбов. Загорелся где-то кабель под книголюбами в ювелирном магазине. Воспользовавшись этим, пожарные все, что можно разломали и побили, какие можно, большие стекла. Рассказывали, что под маркой пожара шел еще настоящий грабеж. В своих тяжелых робах, вернее, под ними пожарные выносили телефоны, принтеры, даже компьютеры. Как изменилось время! В 1992 году, когда у меня в квартире случился пожар и пожарные расхаживали по квартире, не пропала ни единая мелочь. Я хорошо помню, как на столе В.С. в это время лежали кольца и другие цацки с камнями.

7 января, пятница. Еще во время последнего семинара, который прошел в конце декабря, Паша Быков пригласил меня в церковь. Паша не только пытается писать прозу, но еще ради приработка поет в церкви. Он сразу пообещал мне, что если я приду, то меня проведут поближе к алтарю и я услышу рождественскую службу. Мы договорились, что накануне рождества Паша мне позвонит. Мне казалось, что только моя обязательность согнала меня с места. Накануне я не выспался, и идти страшно не хотелось. Существовала проблема и возвращения домой с Большой Ордынки. Паша поет в церкви «Всех скорбящих радости». Забегая вперед, скажу, что у свечного ящика, при входе в храм, с Пашей мы не встретились, но я был рад, что сделал усилие и пошел в церковь. Дело не в том, что я сразу стал верующим, правда, неверующим я не был никогда, и еще в самом начале перестройки в одном из своих интервью требовал свободы совести для коммунистов. Но атмосфера баженовского храма на меня подействовала самым необыкновенным образом. Мне трудно это описать, колеблясь между чувственным и рациональным объяснением. Во-первых, много мыслей вдруг возникло под пение в храме. Это было что-то похожее на собственное течение, когда слушаешь хорошую музыку. Воспринимаешь три-четыре места из программы, но масса своего входит в сознание. Во-вторых, здесь каким-то образом накалена энергетика и по-другому слышатся чужие тексты, то есть свежо и ново воспринимается сам Божий текст.

Первое, что поражает — это обилие русских замечательных, как правило, молодых лиц. Но и лица пожилых людей освещены каким-то родным и исконным светом. У меня, кроме сакрального, есть еще и рационалистическое объяснение. Живой, теплый свет свечей заставляет по-новому играть краски на лицах. Необычность момента также пробивается в выражении. Подумалось в эти минуты о православии, как религии русских. Как значительно и важно само по себе то, что в определенный час вся страна в огромных и стройных городских храмах и в маленьких сельских церквушках стоит у своих алтарей! Можно восхитится этой одновременностью, хотя она, наверное, из прошлого. Но это снова и опять будет, потому что такое единение соответствует сокровенному желанию русских, начинающих тонуть в море иных народов. Одновременно возникла мысль коварная: как же так быстро русский народ смог сдать свою церковь, которая отвечала его чаяниям?

Среди верующих было много ребят, бритоголовых, бандитского вида, которые пучками ставили свечи не разбираясь куда. Что они замаливали? Конечно, для них посещение церквей — это не постоянное занятие. Очень отчетливо я их вижу, этих ребят, высаживающих какого-нибудь богатого джентльмена силой из его «мерседеса», роскошествующих в казино или отдыхающих со всей неистовой молодой страстью где-нибудь в публичном доме. Но вот они, внимательные и вежливые, как дети. Здесь возникает у них первая робкая попытка вглядеться в себя. Как нужно сегодняшнему человеку, если не побыть наедине с Богом, то хотя бы побыть с собой.

Все мне на этот раз в церкви кажется чудесным. По-другому вдруг смотрится обряд покупки свечей. Каждый покупает свечу не в соответствии со своим богатством и положением, а со своими возможностями. Все участвуют в общей духовной жизни исходя из того, чем располагают. Это как дифференцированный налог. Конечно, поразило меня, как нечто Богом внушенное торжественное скандирование нескольких молитв. Одну я точно знаю: «Отче наш, Иже еси на небеси…». Здесь каждый голос опирался на соседствующий и на общее предчувствие.

Я достоял службу до без двадцати час, когда закрывается метро, но в метро я узнал, что работают они сегодня до двух ночи и вернулся в храм. Отчего-то остро вспомнилось, как я лет в четырнадцать или пятнадцать всю ночь простоял в Елоховском соборе. Такое было светлое и дивное настроение, когда я возвращался домой.

Транслировали большой концерт в поддержку Громова, избираемого губернатором Подмосковья. Лужков произнес речь, в

которой порицал кремлевское руководство за организацию поддержки «своих» на гостелевидении. Была произнесена некрасивая инвектива об участии Селезнева в приватизации «Правды». О коммунистах Лужков говорил так, будто ни сам не состоял в КПСС, ни сам в Москве ничего не приватизировал. А разве поддержка кума Громова такими дорогостоящими концертами это не господдержка? Господдержка правительства Москвы.

8 января, суббота. Еще вчера вечером начал читать дневники покойного Игоря Дедкова в 11 номере «Нового мира». Все очень точно искренне и тем не менее есть напряжение в создании художественного текста. Я сделал выписки для «Книги цитат». Цитаты я отдам сделать Екатерине Яковлевне. Себе в дневник выписываю лишь суждение о Володе Крупине. «Крупин показался мне человеком не очень глубоким и скорым на обобщения, как правило, сомнительного свойства». Я думаю, Володя что-либо в разговоре сказал с намеком на евреев. У Игоря к этой теме очень свое отношение. Я бы так хотел искренне думать и смотреть на этот вопрос, как и он, но я живу в другой действительности. Недавно у меня возникло такое соображение: в процентном отношении состав новой Госдумы наверняка выше, чем те же самые отношения — русские и евреи — в действующих войсках в Чечне. Что-то я не видел на телеэкране ни одного еврейского юноши. По отсрочкам и по негодности к воинской службе они кладут на лопатки русских.

В том же номере «Н.М.» посмотрел роман «Читающая вода» Ирины Полянской. Много любопытного по истории кино, но все без нервов, гладкое, умное, холодное письмо. С интересом посмотрел и библиографию, которую новомирцы делают очень интересно, с выделением некоторых смысловых моментов и крошечными цитатами. Судя по спискам, литературная жизнь бурлит, но опыт чтения убеждает меня в обратном. Это литература возросшей грамотности и Интернета. Опять не могу удержаться, чтобы не выписать:

Михаил Новиков. Рыбки изящной словесности. — «Коммерсантъ», 1999, № 115, 3 июля.

«Если читать подряд, допустим, эти мемуары (Виктор Топоров, «Второе дно. Признания скандалиста». М., «Захаров — АСТ», 1999), а затем их как бы антипод — воспоминания Григория Бакланова, вышедшие в «вагриусовском» «Моем XX веке», обнаружится следующее. Увенчанный титулами и орденами, сделавший и советскую, и перестроечную карьеры,

мастеровитый, но удручающе традиционный прозаик Бакланов — и злющий, диссидентствующий, почти «проклятый», почти маргинал, потративший лет двадцать, чтобы пробиться в Союз писателей, Топоров придерживаются одного и того же свода дурацких корпоративных правил. Интрига жизни — как следует из текста этих разных одинаковых автобиографий — строится из эфемерных, класса коммунальной кухни интриг вокруг заказов, публикаций, какой-то дребедени, жухлой, как позавчерашняя газета».

Кстати, в книге Топорова есть Указатель имен. Счастлив тот, кого в нем нет.

Сработал все тот же механизм: как только я закончил главу о Троцком и появился крошечный просвет, я сразу вспомнил об этой уже начатой работе — книге о литературе. Осталось написать 2 главы в романе о Ленине. Надо заставить себя не уходить в публицистику и аранжировки старых идей, а писать что-то, как говаривал Л.Толстой, «художественное». В «Н.М.» мне надо еще посмотреть Буйду. Читаю я не из любви к литературе, а скорее, чтобы посмотреть, чем дышат коллеги.

Вечером неизвестный посыльный от неизвестного адресата принес мне золотой крест и золотой перстень. Я сопротивлялся этой передаче, как мог, а потом моя слабохарактерность победила. Я догадался, от кого посылка. Если бы был не крест, я бы ни за что не взял. Автора этой идеи придется отдаривать, скорее всего, надо будет что-нибудь привезти из Дании, из высокостоящего фарфора.

9 января, воскресенье. Утром, не вставая с постели, прочел критику «Н.М.». Критика — это свое собственное жречество, но все же поверить, что именно критика может составить признание читателей, не могу. Здесь действуют какие-то другие законы. В свое время А.Борщаговский в сердцах сообщил мне, что, дескать, славу Распутина сделали несколько московских критиков. Это не совсем так. Но как сегодняшние критики все ищут и находят какие-то необыкновенные смыслы! Надо прочесть Тучкова в «Н.М». Но, думаю, как и Курчаткин — его я уже прочел! — это лишь верхняя беллетристическая и легко дающаяся оболочка современной жизни. Чем дальше от газеты, тем ближе к литературе.

Для «Труда»:

«*Две темы волновали телевидение этой недели: Рождество и Путин. Конечно, можно все это назвать началом его избирательной кампании, но скорее, это душевный склад*

целеустремленного человека, когда все, чтобы он ни делал, — попадает в такт. А собственно, как по традиции премьер мог бы отсветиться во время религиозного праздника? Да встать где-нибудь на парадных мостках Елоховского собора на фоне других конъюнктурно верующих людей, православие и сочувствие вере у которых равно их былому, столь же конъюнктурному атеизму. Нет, Путин на полчаса заезжает по дороге домой в церковь на Воробьевых, бывших Ленинских горах возле Московского университета. Точность время места и действия здесь настолько совпадают с повседневной и незаигранной искренностью, что начинаешь сомневаться: имиджмейкер ли все это или сама промышляющая себя воля человека. Это как в очень хорошей литературе: сюжет и герой не разделимы.

Несколько другая картина встречала нас в Вифлееме и на Святой земле, где на этот раз синхронно двигались Патриарх, который завоевывает все большее сочувствие точностью своей нравственной позиции у верующих и неверующих людей, населяющих Россию, и наш экс-президент. Для последнего декорации Святой земли послужили хорошим фоном нескольких словесных извержений. Но на этот раз он ничем не дирижировал. Послание же патриарха церкви и верующим, которое в Рождественскую ночь зачитывали в церквях дышало удивительной современностью и нравственной силой. Там было обо всем, и о сегодняшней жизни, и о Чечне, и о нашем совместном будущем».

10 января, понедельник. Перевез на две недели в Матвеевское В.С. Все время за нее болит сердце, то она разольет варенье, то рассыплет лекарства. Вчера вечером собирал ее чемодан, все ее вещи вышли из моды, все такое маленькое, старомодное, как бы из иной жизни. Оба ее меховых жакета: и из норки, и из черно-бурой лисы — стали сечься, шкурки кое-где лопаются. И жизнь и вещи вокруг нас ветшают.

Утром боролся со студентами — подписывал заявления с просьбой допустить к экзаменационной сессии тех, кто что-то не сдал вовремя зачетной. Обычно это физкультура, латинский язык, введение в языкознание. Фокус заключается в том, что на этом же заявлении я заставляю деканат писать пропуски, а потом отправляю к физкультурнику или латинисту «согласовывать». Режим наибольшего неблагоприятствования.

С утра обошел весь институт и везде чуть подкрутил винты.

Приезжала Н.Л. Дементьева, обедали с ней в каминном зале и обсудили общие параметры проблемы. Вот теперь еще будем заниматься делом преждевременным только потому, что не можем прямо сказать: рано! В музей Платонова никто ходить не

будет. Вообще насколько все светлее и более емко из платоновского наследия то, что печаталось раньше. Там было больше человеческого и светлого. Немножко поговорили об общих событиях. Как дама очень опытная, Наталья Леонидовна держит в уме все имена и фамилии. Вообще помнит все. Моя попытка выудить у нее отношение к Путину закончилась полной неудачей. Молчит, как партизан. Единственное, что сказала: Путин любит балет. А кто его не любит?

Гусляров произвел очень хорошую выборку из моих годовых дневников для своего журнала. Но главное, все очень внимательно прочитал. Не слишком ли много у меня в дневнике слов? Даже сделал мне редкий комплимент: со временем это будет читаться, как было у Марка Аврелия: рушится империя, а тут описывается, как скрипит крестьянская телега.

Объявили награжденных премией «Триумф». Премия эта — детище Березовского, а руководит раздачей слонов Зоя Богуславская. Не скажу, что получать эту премию неприлично, но она отражает вкусы этого ловкого джентльмена, ставшего депутатом. С годами Богуславская, эта верная Оза, стала все больше напоминать старую библейку. Выбор ее соответствующий, хотя говорят, выбирает попечительский совет. На этот раз триумфаторами оказались знаменитый клоун Вячеслав Полунин, который уже лет десять не живет в России, Василь Быков, который полтора года живет вместе женой в Финляндии нахлебником тамошнего пен-центра, драматург Александр Володин, дирижер Георгиев, из Мариинского театра — как часто дирижирует он в бывшем Ленинграде? Кого же я пропустил? Но все равно преимущество за людьми круга Озы. Не награждать же выдающегося Белова!

11 января, вторник. Утром диктовал и отсылал в министерство проблемы связанные с «платоновской комнатой». Днем встретился с Сашей Трушиным из «ИТАР ТАСС» и передал ему копию. Он обещал сделать из нее что-то похожее на мое интервью. Кое-что еще и наговорил.

Вечером зван был на торжественный вечер, посвященный Рождеству, от имени президента и Патриарха. Ну, сначала я думал, что это вроде старинной, еще при Хрущеве, встречи с творческой интеллигенцией, потом понял, что все обстоит куда масштабнее и дешевле. Действие происходит во Дворце Съездов, перенаименованном в Государственный кремлевский дворец. Для меня все знакомо, В.С. традиционно не пошла, поэтому взял с собой С.П. Он всегда очень точно подсказывает, кто есть кто, и помнит по телевизионному экрану все фамилии. Оказалось, что

какой-то задушевной беседы, а потом ужина не будет. В холлах и фойе были накрыты столы, означавшие вместо глубокого и горячего слова фуршет, легкомысленное и искрящееся словцо аперитив. Шампанское, разлитое по бокалам, конфеты, пирожные. Я сразу смекнул даже не потому, что увидел, а потому, что предчувствовал: Путин постарается объединить разрозненную интеллигенцию, и в первую очередь творческую. Званы были не только все политики и правые и левые. Но и вся интеллигенция — и Черниченко, и Вас. Белов. Я уже, наверное, писал об этом, но когда я вижу Василия Ивановича или Валентина Григорьевича, меня охватывает одно и то же механическое чувство — хочется вытянуться по стройке смирно.

Надо отметить, что здесь почти не было столь любимых Лужковым бабочек. Почему-то, когда я вижу лужковскую фрачную тусовку, всегда вспоминаю фильм «Однажды в Америке». Как же хорошо сидели черные костюмы и белые рубашки на героях американского разбоя!

Мне кажется, что такому объединению как одна, так и другая интеллигенция не рады. Одни уже прижились в этом разброде и знают, что при объединении потеряют, не хотят делиться. У других сразу рухнет их слава диссидентов и борцов с русопятостью. Видел К. Райкина, А. Абдуллова, А. Любимова. Все «наши» тоже были. Как всегда, был рад поболтать с М.П. Лобановым и его женой Татьяной. Все, тем не менее, были польщены, что оказались званы.

Хорошо говорили Патриарх и Путин. Последнего, как всегда, выручал или его редкий ум или редкий такт, проявляющиеся и в крупном, и в мелочах. Путин на этот раз был в черном костюме, который он не любит. Но это, однако, сочеталось с черной мантией Патриарха. Патриарх у нас тоже умница, но и народ придает его словам какое-то более глубокое значение — все скучают по знакомым словам церковных книг, по возвышенной риторике, по иному не бытовому слову.

Концерт был хорош, но иногда его течению не хватало вкуса. Дети, одетые под ангелов с серебряными крыльями, выглядели, скорее, умилительно, нежели трогательно. Безо всякого голоса, одетая, как боярыня, в золото, Зыкина пела о Боге и Божественном с той же пафосной задушевностью как раньше пела о Ленине и компартии. Не было Лужкова, как некоего антагониста нынешнего премьера и его власти, но замещал мэра на сцене депутат Кобзон в красном жилете и красной бабочке. Он пел об атамане Кудеяре и о его раскаянии. Песня, кажется, заканчивается призывом молиться за душу разбойника. Но у меня эта прекрасно исполненная песня не вызвала желания сразу же

все простить Борису Николаевичу. Наина Иосифовна сидела в первом ряду вместе с Патриархом и Путиным. Все это было саккомпанировано телевизионным экраном, где разбирались тезисы Хомякова Примаковым, Жириновским и Зюгановым. В конце на вопрос телевизионной ведущей, вдруг оказавшейся в зале, о главном принципе объединения — заскромничав, как курсистка, Путин сказал: любовь». Я помню, как я долгие годы неверно выговаривал фамилию Зюганова через «д» Дзюганов.

Общее настроение было хорошее. Виню себя за то, что люди старались, радовали и вводили меня в мир больших чувств. А я огрызаюсь и злобствую.

12 января, среда. Утром еще в постели читал статью о Берберовой в «Новом литературном обозрении» (№ 39). Речь идет о ее некоторой симпатии к немцам во время войны. Одновременно есть некоторые рассуждения о знаменитой книге Берберовой «Курсив мой», в которой она дала ряд убийственных оценок своим современникам. Эти оценки часто были связаны с ее личными пристрастиями. И ничего, сглотнули голубчики-господа. Вот она сила слова. В статье есть еще пассажи, расшифровывающие прохладное отношение к ней литературной общественности. «Мы жизнь Нины знаем близко. Решительно никаким «сотрудничеством», даже в косвенной форме, она не занималась, а по горячности характера высказывала иногда «еретические мнения (нравились сила, дисциплина, мужество, предпочитала русских евреям и русские интересы ставила выше еврейских»). Это, кажется, Газданов в письме Бунину. Кажется, мы нашли нового шофера. Это может прекратить монополию нашего всеобщего любимца Феди.

Показали по телевидению репортаж о мальчике, который лишился обеих рук в тот момент, когда срезал куски кабеля на высоковольтной линии. За десять-двадцать метров технической меди или алюминия ему платят 100–200 рублей. Потом взрослые дяди, нанявшие этого мальчика, продают дорогой металл. Мальчик лежит в бинтах и еще не понимает, что с ним произошло. Мама кормит его с ложечки. В связи с этим вспомнил, что встретился и довольно сухо поздоровался с Толей Приставкиным на Рождественском приеме в Кремле. Толя у нас один из главных противников смертной казни. Но у меня другие основания здороваться с ним сухо. Я ведь тоже не за смертную казнь. Человеческую жизнь, которую дал — ну если не Бог, — то Провидение, не человеку же и отнимать. Но здесь, в этом случае я своими руками повесил бы того взрослого, который мальчишку погнал на линию электропередачи. Но возможно ли было такое

при предыдущем политическом режиме? Тут же сказали, что это — типичный промысел в Кузбассе и назвали чудовищную цифру пострадавших людей, в основном мальчишек, а не взрослых.

По ТВ показали инициативную группу по выдвижению Путина в президенты. Опять Марк Захаров!

13 января, четверг. Вышел «Труд», мой рейтинг подхалимски обрезан наполовину. Исчезли строки о Патриархе, и я оказался мелким лизоблюдом за столом у будущего президента. Противно.

На следующий год надо день в день начать печатать в Интернете дневники со сдвижкой в год, или же на несколько синхронных дней. За пять, шесть, десять лет. Надо еще из дневников вырезать датские дни и сделать из этого книгу. Это планы. Их надо постараться осуществить.

В 2 часа в институте состоялась встреча с послом Корейской Республики.

Вечером был на заседании правления Общества дружбы с Ираком. Возможно, до Ирака никакого никому из присутствующих нет дела, но мы понимаем интересы России. Насолить Америке — это тоже интересы отечества. Сидел рядом с Валентином Ивановичем Варенниковым. На этом заседании был и говорил еще и Ю.В. Бондарев. Я выцедил в записную книжку кое-что из его речи. «Дружба в XX веке не оправдала себя». «Человечество идет от плохого к худшему». Интересно говорил о религии.

По ТВ. Горбачев организовывает какую-то социал-демократическую партию. С чувством восторга увидел за столом старых демократов, Ю. Любимова. В этом-то и заключается ужас старого невостребованного мяса.

14 января, пятница. Пропускаю всю политическую невнятицу с регистрацией кандидатов на должность президента, с исполнительной властью, выбивающей вперед Путина. Он мне, как я писал, нравится. Но вот прочел у Ленина, что везде надо уметь различать классы. Пока Путин поддерживает богатую тенденцию, тенденцию банков и воровства богатых у бедных. Это лишь мои домыслы, что внутри себя он и человек русской национальной ориентации, и глубинный социалист.

Пока у меня новые разборки с компанией «ДИСС», которая должна институту около 12 тысяч долларов. Сложность в том, что и сдать-то эту площадь пока некому и если я не представлю определенных льгот, то и старый долг убежит. Моя задача, как и с Шапиро, все выжать или, по возможности, выжать все.

Утром поменял старые водительские права на новые. В

милиции все те же старые порядки, больше всего на свете милицейское начальство, зная своих, боится, как бы они сами не получали деньги. Поэтому в милиции, где идет тьма платежей, нет своего кассира. Все через банк, который совсем не рядом, а за три или четыре квартала. А с каждого платежа банк берет не малый процент комиссионных. За каждое нажатие клавиша на компьютере. В бывшем ГАИ состоялась такая сцена. В окошечке для приема документов сидит подполковник. Инвалид спрашивает: «Как к вам теперь обращаться: господа или товарищи». «Мы товарищи. Господа сидят в Думе». Вспомнил в связи с этим, что слово «господин» применительно к живому обращению я действительно впервые услышал в Госдуме, в 1992 или 1993 году.

Вечером смотрел «Людвига» Висконти.

Удивительное чутье стал проявлять Дима Дежин. Прочитав мою главу о Троцком, он сказал, что она ему нравится меньше, чем предыдущие главы книги, в ней меньше «художественного». Вот тебе и обилие материала! А скорее всего, фигура Троцкого меньше совпадает с моим собственным темпераментном, нежели фигура Ленина. Пусть отлежится, потом я эту главу «вздрючу».

15 января, суббота. Ходил в баню и там, на сиденье, нашел сегодняшний номер «Коммерсанта». Мне достался листочек с рубрикой «Культура», и здесь очередная статья лихого Михаила Новикова. Он рассуждает о результатах опроса: первые имена в литературе и культуре XX века. Статья любопытна и фактами, и самим бесплодным, но злобным и антирусским общим ходом. Вглядывался в маленький портрет: что за парень? Он наш выпускник, обязательно возьму его личное дело. Скорее всего, он неудачливый прозаик, перешедший на журналистскую критику. «Так, первым поэтом назван Есенин, художником — Репин, артистом — Никулин, артисткой — Мордюкова». Это пишет Новиков. Но вот что интересно: все это художники, в своем творчестве несущие народное начало, решающие свои образы приемами реализма. Это все Новикова раздражает, и он анализирует другие данные:

«…над листом изящной словесности я позволю себе пролить более подробную слезу. (Очень хорошо и очень с подробной слезой по-русски — *С.Е.*). Прежде всего вот он сам, этот скорбный список национального недомыслия. Вслед за Есениным в нем поименованы Михаил Шолохов, Василий Шукшин, Михаил Булгаков, Максим Горький, Алексей Толстой, Анна Ахматова, Владимир Маяковский и Александр Блок».

Принцип у «голосующих» все тот же, народность и

восприятие народа как русской данности. А вот Новикову это не подходит. Ему бы что-нибудь поизящнее. Его, видимо любимые, писатели третьего и второго ряда сюда не влезают. Поэтому какие убийственные замечания: «Горький, конечно, скучища и посредственность, но он настоящий писатель, и его роль в культуре — положительная (именно в его газете Зиновьев и Каменев напечатали знаменитое письмо против восстания — *С.Е.*). О роли Шолохова такого не скажешь, и у меня лично он ничего, кроме ненависти, не вызывает, но писания его все-таки обладают всеми признаками литературы». Что, интересно, сидит в душе этого Михаила Новикова, что он там промысляет, какие именно статьи требует от него этот самый «Коммерсантъ», какая степень личной литературной неуверенности заставляет его так концентрированно мыслить?

Опять читаю Ленина. В принципе осталось написать две главы.

16 января, вторник. Читал и анализировал многостраничную статистику по выборам в Госдуму.

17 января, понедельник. Весь день возился с «ДИССом». Хозяева так и не пришли, завтра новый тур переговоров. Кажется, все переходит к некому Олегу Сергеевичу, который принимает на себя и предыдущий долг. Дай Бог, чтобы все получилось, но боюсь, что здесь какая-то воровская ловушка. Мой план заключается в том, чтобы, перерегистрировавшись, новый «ДИСС» остался старым «ДИССом». Вторую половину дня занял Илья Шапиро. Он выполнил первую часть своих обещаний и оплатил ноябрь и декабрь согласно контракту. Теперь остался долг. Ах, это изысканное иностранное слово, пришедшее из Международного валютного фонда — реструктуризировать!

С Ильей потом, после дел, говорили о некоем призе, который на фестивале «Литература и кино» можно было бы выдать от его имени. Илья даже предложил какую-нибудь бутылку старинного французского вина стоимостью в 2 тыс. долларов. Я требовал чего-нибудь простенького, но непременно ящик. Фантазирую, кто и как такие напитки пьет. Попутно Ильей была рассказана быль. В кафе «Манер» на Манежной площади (входит в две сотни лучших заведений Европы) утром часов в 9 входят два молодых «новых русских» совершенно бандитского вида. Они, видимо, пили всю ночь, и теперь им надо опохмелиться. Они оба пышут ночным спиртом. Им наливают по две рюмки «Реми Мартен» с иксо в 20 лет (выдержка). Они платят что-то около 400 долларов. «Ох, отпустило», — говорит один, тот, который пониже. «Хули

чешешься? — говорит второй, повыше. — Нам пора ехать».

В «МК» большое интервью Юрия Черниченко. Он торопливо, но вовсю ругает Ельцина.

«Путин приобретает очень тяжелое наследие от Ельцина. По объему сложности (его, правда, невозможно взвесить) Сталин перекинул Хрущеву такое же скопище тромбов и завалов, как Ельцин Путину. Наш президент даже умудрился пойти дальше: привел к остановке сельхозмашиностроения. Теперь технику мы покупаем за рубежом».

Это тот вид журналистики и общественной деятельности, когда обязательно надо кого-нибудь ненавидеть или хотя бы ругать. Подбирает ли автор уже аргументы, которые он выложит, когда будет уходить Путин? Пока все достается Ельцину.

«Время, которое нам передает Ельцин, дает массовый генотип этого самого бродяги. Его теперь 99 %! Он разграбил миллиардные ценности в виде основных производственных фондов колхозов. И сейчас требует только одного — зарплаты. Грабеж скота на селе стал повальным явлением. Недавно я был на горном Алтае — там лошадь или корову, как машину, больше трех дней не ищут. Ее уже или съели или закрутили в банки…»

Был еще Гусаров — ему «наговорил» про Николая II, и Таня Земскова — ей дал интервью для «Парламентской газеты».

В завершение дня резко поругался с Генриеттой Карповной, из-за приглашения журналистки «Культуры» на фестиваль. Коли «Культура» выперла с работы В.С., которая придумала этот фестиваль, которая его вынянчила, если культура оспаривает мнение жюри, если «Культура» не хочет материально фестиваль поддерживать, то почему мы должны устраивать этой газете информационный праздник? Я даже вспомнил окрик больного Ленина, когда Сталин оскорбил Крупскую. Наверное, я не прав. Но я поступил так и буду так поступать впредь.

18 января, вторник. Внезапно умер Саша Науменко, мой друг и отец моего студента. Умер в приемной тюрьмы, когда занимал очередь, чтобы отправить сыну передачу. Перед этим он говорил мне, что «пасли» Мишу для того, чтобы сковырнуть с поста самого Сашу. Создавали компромат на человека, который занимался лицензированием московских лечебных заведений. Золотое дно. Теперь расправа состоялась, желающие могут на лицензирование сажать своих друзей и родственников. Прощание состоится в четверг в морге Боткинской больницы. Саша был намного моложе меня.

Сегодня состоялось первое заседание Госдумы, которое открыл старейший депутат 79-летний Егор Кузьмич Лигачев.

Потом выбирали председателя. Им стал Г.Н. Селезнев, дав, так сказать, реванш за свой проигрыш в Подмосковье. Все вместе это было очень похоже на иллюстрацию ко 2-му съезду РСДРП. Был даже местный госдумовский Бунд. Именно его уход со съезда сделал большевиков большевиками. Об этом и надо будет написать в рейтинге.

Утром вдруг пришла спасительная идея не делать главу от лица Зиновьева, о котором нет материалов, кроме косвенных знаний и предощущений. Нет ничего, связанного с бытом. Только его скучные демагогические перепевы-сочинения. Надо писать от лица Крупской. Стоящей у гроба Ленина.

Купил 3-х литровую банку меда. Но медом от смерти не спасешься. Закончить бы Ленина, дневники и книгу выдержек.

Вечером решал дела с ДИССом. Оказалось, что Сема Апокорин передал все свои права на ДИСС какой-то своей 75-летней родственнице. Нынешний директор ежемесячно отвозил ей не учтенный никем «доход» в 1000 долларов.

19 января, среда. Утром пришла чрезвычайно изящная отписка от министра обороны И.Д. Сергеева. В моей коллекции автографов наконец-то и автограф этого замечательного военачальника. Я давно уже не был в такой ярости от изысков чиновников. Письмо, судя по датам, в недрах Минобороны составлялось два месяца. На обратной стороне документа стоят фамилия и телефон исполнителя: Губарев А.Н., 203 55 21. Я решил вывесить это письмо на доску студенческих объявлений, но если бы я указал еще и телефон исполнителя, то хорошенькую бы жизнь устроили Губареву А.Н. наши студенты. Но пока я действовал сам и тут же написал министру ответ.

Министру Обороны РФ
И. Д. Сергееву
103160 Москва К-160.

Глубокоуважаемый Игорь Дмитриевич!

Абсолютно уверен, что мое письмо не дойдет до Вас, тем не менее считаю необходимым вступить с Вами в переписку, т. е. ответить на Ваше письмо от 28 декабря 1999 г. В свою очередь, Вы отвечали в Литинститут на мое письмо, переданное и.о. президента России В.В. Путиным.

Суть нашей переписки — получить возможность для маленького института проводить своих студентов через военную кафедру. Я вынужден повториться, — сложность нашего института заключается в его феминизации, т. е. ребята, которые могли бы стать выдающимися поэтами и писателями, в силу той или иной причины, ими не становятся, а превращаются в плохих коммерсантов, плохих юристов или плохих инженеров. Они идут учиться туда, где есть военная кафедра. А литература — дело очень и очень молодое, особенно поэзия.

Меня радует, что Министерство Обороны РФ планирует в 2001–2002 гг. некий эксперимент по созданию межвузовских военных кафедр. Но ведь практически этот эксперимент начнется через два учебных года, когда, возможно, сменится, в силу своего возраста, и ректор Литературного института, и Министр Обороны. Два года в жизни людей пожилых — это не два года в жизни людей молодых, это разные годы. А ведь Литературный институт практически предлагал этот же самый эксперимент, нащупав возможности к сотрудничеству с Военным университетом. Если бы не длительные согласования и раздумья, — а первое предложение в Министерство Обороны мы сделали два года назад, — то, может быть, к сегодняшнему дню эксперимент этот уже и закончился бы.

Я предлагаю Вам еще и другой эксперимент: взять кого-нибудь из наших выпускников, изучавших не военную специальность, а иную — например, стилистику, и сделать так, чтобы он готовил стилистически выверенные письма Министра Обороны.

Язык и литература — это столь же важные и боевые вещи, как и воинская наука.

Извините, что написал это письмо, а не просто согласился с предложением терпеть и терпеть. Но у меня есть собственный долг перед моими студентами.

С уважением — С. Есин,
ректор Литературного института

Вечером ходил на выставку Ильи Глазунова. История этого моего похода такова. С неделю назад мне позвонили из «Вечернего клуба», и попросили высказаться о творчестве Глазунова. Я высказался, т. е. сказал, что думаю я на самом деле, и даже не прочел, что же «Вечерний клуб» напечатал. Оказывается, что-то напечатал. Потому что приглашение исходило непосредственно от И.С. Он пригласил всего несколько человек, в том числе и С.Ю. Куняева и Петю Алешкина. Оба люди известные в литературе, знаменитые издатели. Один печатал его мемуары, другой монографию о нем. Нам всем была сделана индивидуальная экскурсия специально приставленным искусствоведом. Конечно, выставка ошеломляет. Этот-то человек всю жизнь не просидел сиднем. Многое здесь мною видено ранее. Художник этот, конечно, крупный, оставивший свой отпечаток в жизни общества. Его почерк идет не от неумелости руки или глаза, а как осознание своего способа выражения действительности. Есть виртуозные рисунки и ранние картины, которые по пятну повторяют Серова. Надо говорить еще и о специфике народного видения истории. Как и все мы, он человек мечущийся, так и не уяснивший себе, нужен ли был Ленин России и в чем состоит ее, России, духовная суть. Его философия — эклектична, но искренна. Мне понравилась его последняя картина «Разгром храма в пасхальную ночь». Особенно верхняя ее часть, связанная с интерьером и интерпретацией церковных фресок. Она менее однообразна по цвету в сравнении с прежними его картинами гигантами. Здесь надо стоять и вчитываться в художественные тексты, т. е. расшифровывать иносказания художника.

На выставке я много думал о масонстве, образы и символы которого часто упоминаются в его картинах. Оно не могло прижиться в России из-за своей линейности, логической сухости, из-за стремления игнорировать саму жизнь, ее внезапность. Я еще не написал, что, встретив, Глазунов меня поцеловал. При всем прочем, при всех своих несогласиях и временных раздражениях я сознаю, что это один из известнейших художников нашей русской эпохи.

20 января, четверг. Утром был на похоронах Саши Науменко. Происходило все это в мемориальном комплексе Боткинской больницы. Погребальный обряд совершенствуется. Все это похоже на крематорий. Гроб спускается в подвал и — все. Кремация происходит позже, видимо ночью в каком-то из крематориев. Гроб и родное тело как бы поступает в камеру хранения. Народу и

цветов была тьма. Непростой он был человек, а если мы сердились на него, когда не все он делал и обслуживал всех не так быстро, то знакомых, родственников и друзей у него было слишком много. Я поцеловал его в лоб и на поминки не поехал. Безумно жалко Гану, но манто из черного каракуля на ней было надето класса высшего. Собственно говоря, знали, чего хотели. Я ожидал увидеть Мишу, с наручником на запястье и с милиционером рядом. Но Фемида несговорчива — проститься парню с отцом не дали. Это бы я воспринял, как изменение в нашей судебной системе.

Сегодня купил для института машину. Вопреки просьбам С.П. и Феди купили «Волгу» самую недорогую и не черного, а светло-серого цвета.

Елена Алимовна рассказывала о встрече Нового года в Доме кино. Те, кто платил 350 долларов и те, кто (члены союза платили по 700 рублей). Обветшалый туалет, скрываемая полубедность, но тут же платья от Кардена, а потом все объединились — и общий доморощенный канкан.

Из книжной лавки принесли прелестную сегодняшнюю книжку о В.И. Ленине «В.И. Ленин, как предмет исторического исследования» издал Университет дружбы народов. Уже начал читать, судьба мне помогает.

21 января, пятница. Утром Лев Иванович порадовал меня выпуском «Независимой», в которой четыре полосы посвящены пятилетию «Антибукера». На одной из фотографий самого первого вручения стою и я, в бабочке и белой рубашке. Неужели прошло пять лет? Есть статьи, в которых подробно описана вся ситуация той поры: заседание у меня в кабинете, бумажки, которые бросили в шапку, и Волохов со своей повестью, который вылез оттуда. Все помалкивают, что именно я придумал в тот же раз принцип номинаций — «Три сестры» или «Братья Карамазовы», уже не помню. В газете же и новые лауреаты: Павел Бассинский, Евгений Гришковец (драматург), Саша Иванченко (он получает премию за «Четвертую прозу»), за обычную, простую, кондовую, настоящую прозу жюри премии никому не вручает. Такой прозы нет. Забегая немножко вперед, должен сказать, что представляла на вручении и нажимала при баллотировке за Сашу Марина Кудимова. Соратник. Для посвященных здесь все ясно, тем более проза эта нигде не напечатана, а существует в Интернете. Называется это в соответствии с сегодняшним принципом вторичности «Купание красного коня». Поэма без героя». На одно заглавие по меньшей мере две аллюзии. Тем не менее желательно ее посмотреть. Весь блок об «Антибукере» в

«Независимой» предваряет эссе Виталия Третьякова «Миссия «Антибукера». Так ли он все это планировал с самого начала? Но смысл и этой премий, и премиальной политики до меня дошел. Хоть как-то, хоть случайно, но расставить вешки на линии литературного слалома. Если не получается, как раньше, генерализированное движение, то хотя бы вдоль множества тропинок. Самое занятное, что ни один из этих лауреатов, подающий надежды или как Эмма Герштейн, уже не связывающая с этой жизнью никаких надежд, дальше не продвинулись и не продвинутся.

Литературный обед и вручение состоялись в ресторане «Серебряный век», в помещении высшего разряда бывших Центральных бань. Я там уже раз был. Билеты разглядывали и проверяли, как на краснопраздничный парад. Это, видимо, связано и с тем, чтобы не тырились зайцы. В той же газете заметочка: за пять лет на обеды истрачено 28 900 у.е. в среднем человек на сто. Здесь надо считать на сколько я съел осетрины. В этот раз я с удовольствием разглядывал зал, в котором проходило вручение, раньше именно на этом месте был бассейн, и я совершенно отчетливо представляю себя голым на его краю. Теперь все обшито заморенной под красное дерево вагонкой и превращено в некий амфитеатр. Над амфитеатром стоят наяды и посейдоны с трезубцами и раздумывают о наводнении. Пороху у нового режима, чтобы сохранить эти роскошные бани, не хватило.

Среди гостей все старые знакомые. По привычке рассказывать только о себе, не могу не сказать, что встретил Ал. Ал. Михайлова. Он мне сказал, что прочел книжку Харченко: «Она уловила самое главное, что у тебя есть: волшебный, затягивающий язык. Вроде и сюжета особенного нет, а прочтешь страничку — и не отпускает и сразу видно, что Есин.». Про свой язык знаю я и сам. Если бы писал похуже и понетребовательнее, был бы давно лауреатом «Антибукера».

Я сидел за главным столом — с Третьяковым. Слева от меня Ирина Купченко, справа Марина Зудина. Обе в жизни очень милые, а с Купченко мне было просто хорошо и интересно. От нее исходит какой-то милый и неагрессивный магнетизм. Она тоже любит собак, но ей полегче, она живет за городом, на даче. С Мариной было просто, я для нее не чужак, она не забыла моей статьи о «Последних», а я помню, как прекрасно она играла. Напротив сидела Мария Васильевна Розанова. Как-то мы перепаливались. — «Вы, ведь, кажется, патриот?» — «А вы, Мария Васильевна, не патриот?» — «Я патриот — русофоб». — «А я патриот — русофил». Это не помешало произнести ей яркую речь с огромной цитатой из Яркевича. Цитату из Распутина она

никогда не приведет. После этого взволнованный Яркевич: — «Выпьем за лучшую из женщин». — «А Есин делает вид, что не слышит», — говорит с бокалом в руке Розанова, эта тень покойного Синявского. «Есин обдумывает новый эпитет», — ответил Есин.

В своей собственной речи я как бы даже почти и не коснулся «молодой литературы», а посетовал, что нет напечатанного, как на «Букере», меню. Топоров, автор «Записок скандалиста» высказал мысль, которую раньше я пытался приватизировать: «Ни один из лауреатов «Букера» и «Антибукера» не совершил броска вперед, получив премии».

Андрей Вознесенский, который не так хорош, как бы хотелось, вроде бы смутно меня узнал и кивнул. Зоя Богуславская по типу стала окончательно похожей на Лилю Брик. На лице Зои написано, как люто она, писательница, меня не любит. Знаю, за что, за владение пером. Познакомился также с Ириной Прохоровой, которая наверняка много гадкого уже слышала обо мне. Я рад, что сумел сказать ей, как люблю ее журнал — «Новое литературное обозрение», тем более что только что его читал и делал из него выписки.

Теперь главное, меню: у камина видел два огромных блюда с осетрами, по кусочку которых нам и раздали. Закуски и прочее было в ассортименте. Запомнилась жареная осетрина, ее вкус и прекрасное ощущение, когда режешь или отламываешь вилкой от нее кусок.

22 января, суббота. Тема продолжается. Был в своей субботней бане и там у кого-то опять перехватил «Коммерсантъ». Прочел только статью Мих. Новикова, которого специально на этот раз рассмотрел на «Антибукере». Что-то его ко мне тянет — о, это содружество Литинститута! — но одновременно он меня побаивается. Крепкий, высокий, спортивный, держащий себя постоянно в форме парень. Калмыковатое лицо и лихорадочное, тщательно скрываемое честолюбие. Он написал довольно интересную заметку о церемонии вручения — все тот же напряженный стиль и язвительность видения — этим отличаются выпускники Литинститута. Есть фраза вроде того что ректор косвенно похвалил лауреатов и конкурс, сказав, что хорошо написанная газета премирует хорошо написанные тексты.

Еще ранее, заинтересовавшись его оценками сегодняшнего литературного процесса, я попросил из архива его личное дело и обнаружил то, что и предполагал: он поступал на прозу. И даже к М.П. Лобанову. Этим многое и объясняется: прозаик, который как будто знает, как надо писать прозу, но пишет критику. Вот так,

мальчики, это совсем другое, нежели складывать холод критических наблюдений. Для прозы надо горестные заметы сердца.

Читал весь день книжку Елены Кателенец. Она молодец не потому, что собрала много сведений, а потому, что в такое время решилась продолжать невыгодную работу. Не так-то просто нас, русских, заставить говорить то, чего мы не хотим. Здесь много аргументированной критики Волкогонова, Афанасьева и других столпов перестрелки-перестройки, сделавших себе имела на антиленинизме и подтасовке нашей истории.

23 января, воскресенье. Как обычно, галерная работа для «Труда»:

«*Обоим сюжетам, заинтересовавшим меня на этой неделе, я дал названия: «Страничка истории» и «Явление монстра». Начнем с истории. Кто мог предположить, что нам всем, людям старшего поколения, придется почти в натуре и в яви увидеть знаменитый II съезд РСДРП, который мы тщательно изучали в институтах и кружках политграмоты! Все, конечно, поняли, что веду я здесь речь о недавнем думском скандале, связанном с выборами спикера и распределением постов. Какие здесь Шатров и Марк Захаров — прежние специалисты по ленинской тематике! Сегодня и драматургия повеселей, и режиссура покруче. Но в основе все то же. Разве не узнаются в сегодняшних картинках испытанные вожаки Мартов, и Плеханов, и Аксельрод и даже Вера Засулич, бодро на думских заседаниях жующая «Дирол без сахара»! Есть даже Бунд, уход которого со съезда в тот раз и дал возможность «твердым искровцам» перетащить «болото» на свою сторону и стать большевиками. Нет только актера на роль Ленина. Меньшевики как герои слов. Сегодняшних персонажей не называю, они и так у всех до противного на слуху. Но напомню, чем закончился меньшевизм и во что обошлись ему и стране изысканные меньшевистские капризы.*

Второй полюбившийся мне сюжет — это явление Бориса Абрамовича Березовского на телеэкране в программе Сергея Доренко. Признаюсь в том, не прерывая признательности нашему мэру, что смотрю этот канал. Так вот, этот монстр, прославленный в деле «Аэрофлота» и во многих таких же громких делах, вдруг рассуждает и по вопросу Чечни, и по вопросам устройства нашей экономической жизни, также и по существу парламентского конфликта удивительно здраво и точно. Он даже проявил редкую для публичных политиков принципиальность, признавшись: душой он с «капризниками», а вот в натуре, так сказать, голосовал за Селезнева. Но если так, подумалось мне, вот

бы в порядке большевистской нагрузки послать Бориса Абрамовича как переговорщика к меньшевикам. Меня не испугало бы, если бы даже вдруг появился новый Троцкий. Ведь по существу, как сейчас доказано, Троцкий мало чем отличался от Ленина, главного героя большевиков. По крайней мере, кроме речей и рассуждений, человек номер два в революции был полководцем, одним из создателей Красной армии и реанимировал разрушенный железнодорожный транспорт. Представляю в этой роли наших говорунов и говорунью!»

Был Юрий Михайлович, как всегда неунывающий. Это не Лужков, а мой друг. Он, лицо, мне обратное в политике, тоже возмущается действиями героев-отказников в Госдуме. Это уже что-то новенькое, это Ю.М. уже по своим, которых он раньше в ссорах со мной не давал в обиду. А вот и рассказ Алеши, восемнадцатилетнего мальчишки, которого Ю.М. предлагает мне в институтскую охрану. Это какой-то его знакомый. Он работает после ПТУ токарем в Измайлово на военном заводе. Зарплата — 1000 рублей, 500 из них отдает матери. Встает в 4 часа 50 минут, если нет сверхурочных (они до 8 вечера), то он возвращается домой в 6 вечера, ест, смотрит телевизор, спускается во двор, играет во дворе многоэтажки со своими сверстниками в салочки. При сверхурочных зарплата достигает 2000 рублей В 9 вечера ложится спать. Ничего не читает. Как правило, на заводе ничего целый день не ест. Если есть деньги, идет в столовую: суп —5 рублей, гречневая каша с котлеткой — Зрубля 60 копеек, картошка, размазанная по тарелке, и сосиска — 4 рубля. Эти цены он знает наизусть. Через год он уходит в армию. Это не жизнь, она лишена каких бы то ни было перспектив, это рабство. Я понимаю датского или шведского рабочего, который также целый день вкалывает, но у него хотя бы есть деньги раз в неделю напиться и съездить в отпуск.

24 января, понедельник. Кстати, о Дании. Сегодня последний день на работе, завтра, по традиции вместе с Людмилой Артемовной и ребятами улетаю в Данию. На этот раз прихватили еще Сашу Великодного — за верную службу в международном отделе. Весь день распихивал последние дела. Из самого неприятного это разговор с неким К-м (имя-отчество я не запомнил), представившимся мне как председатель комитета из Думы. Он просил, чтобы с нашей студенткой Юрченко в одной комнате в общежитии жила еще одна девочка, которая — смутно помнится, — у нас училась. Я ответил, что такая возможность реальна, но мне нужна хоть какая-нибудь бумажка, чтобы девочку зарегистрировать. Но, оказывается, эти думские господа ведут

себя, как хозяева жизни. «А только ли студенты у вас в общежитии живут?». Информация у него через наших милочек собрана. «Не только, живут рабочие по просьбе управы, студенты других вузов, но все они до единого, зарегистрированы!» Вот, дескать, я, Кузнецов позвоню в управу, пусть вас проверят. Какая-то жуткая бюрократическая гадость.

В час дня уже был на студии документального фильма — Саша Шаталов снимает своего «Графомана». Вошел в студию, а там Мария Васильевна Розанова. Говорили об Интернете. Был рад повидать Сашу. На этот раз сплел что-то любопытное. Саша это подтвердил. Саша попутно отметил, что с профессорами и научными работниками иметь дело очень трудно, у них слово плетется за слово и нет информативности. Особенность громких лекционных фраз и цитат.

Прочел статью, которую отдиктовал в пятницу, писал для Серенко. Десять лет «Сопричастности» Мне не очень нравится, но делал я ее с колес. Впрочем, там есть отдельные интересные мысли. За статьей приезжал Коля Тырин. Поговорили о театре, о его жене Наташе Кулинкиной. Театр. Дни постановки моих пьес в Москве ли, в Одессе, в Костроме — самые счастливые в моей жизни.

Только в самом конце дня дозвонился через Геннадия Гусева до «Современника». До этого, когда я говорил с С. Куняевым, тот отшучивался: какие дневники без ошибок. Оказывается, все набрано, идет в 3-м номере, когда я приеду, все будет уже не в воле моей и редакции. В седьмом часу вечера, когда редакцию запирали, взял верстку и поехал домой — 31 полоса.

Вечером позвонила из Матвеевского В.С. Там ее уведомили что ей надо заплатить за питание 1300 рублей. Вот тебе и грант, который Союз кинематографистов дал ей, известному критику и инвалиду первой группы. Вдобавок ко всему сделано это все было в самый последний день: оказалось мифом и продление ее пребывания в доме ветеранов кино до 31 января. Но теперь у нее все уже связано с диализом, с распланированным временем. Значит, набегает еще два дня, каждый из которых по 250 рублей. К счастью, у меня от премии еще оставалось 2500 рублей, я отдал их Феде, который должен вывезти ее в среду утром.

Был Олег Александрович Кривцун. Ему предстоит операция, и он ищет помощи института, чтобы ее оплатить. До чего дошла жизнь, профессор, крупнейший специалист в своей области, автор многих книг волнуется в приемной, а потом должен заискивать перед ректором, потому что не может найти и вынуть из своего скудного бюджета две с лишним тысячи, чтобы сделать хирургическую операцию по жизненно важным показателям!

До 11 ночи собирался, наверняка позабыв кучу предметов, а потом до 3-х читал верстку. Есть купюры, нарушается внутренняя логика. Но к правке «Современника» я привык. Вспоминаю еще правку Саши Сегеня моего «Гувернера». Жду дополнительных сокращений, кому-нибудь понадобится что-то вставить, но, может, я излишне строг. Вечером позвонил Сорокин и рассказал, как Л.Г. Баранова-Гонченко на секретариате протестовала против присуждения мне премии Тредиаковского, которая обычно дается ученым. В.Н. Ганичев в ее руках — вата. Но это и понятно: для того, чтобы протестовать и сопротивляться, надо иметь характер и художественный авторитет. Меня это все не удивило. Я увидел за всем этим, конечно, дружбу Ларисы Георгиевны с В.П. Смирновым, но по сути-то, мне их жалко, как не пишущих, а реализующихся лишь в устном жанре людей. С чувством некоторого удивления обнаружил, что премии, оказывается, распределяются на секретариате, но может быть, я и ошибся. Были ли на этом секретариате наш институтский доцент Саша Сегень и наш доцент Стасик Куняев?

25 января, вторник. В самолете «Аэрофлота» стали хуже кормить. Разглядывал с интересом, — встретились под табло — лица ребят, шестеро из института, две девочки с курсов Н.А. Бонк. Постепенно я со всеми освоюсь. У Миши и Даши роман, я-то полагаю, по его интенсивности, что они поженятся. На аэродром приезжал Гасин, он провожает Катю. Тот самый Гасин. который начинал, как платник, родители — обнищавшие учителя из Вологды, а потом я перевел его на дневное. Я у Кати тут же спрашиваю: а он чего здесь, он провожает? «Он мой жених». Я уж давно оставил ханжество моего поколения связанное с тем, кто и с кем живет в общежитии. Общее моральное и нравственное чувство ребят вывезет. Помню, этот самый Гасин подходил ко мне с каким-то обменом комнатами в общежитии, в результате чего получалось, что какие-то трое ребят хотят жить вместе, а он будет жить в одной комнате с какой-то своей девочкой. Намерения серьезные? Намерения серьезные. Живи. Вот, значит, с кем он собирается жить! В гостинице, уже в Дании, и Миша, и Даша оказались в одном номере. У меня при распределении никто не спросил, а я не заметил. Даша после операции аппендицита, и ей нельзя носить тяжести. Носит Миша.

Гостиница в самом центре Копенгагена, но в пяти минутах ходьбы целая улица наркоманов и других сладостей. Уже подъезжая, увидел букет секс-шопов с нагло торчащими из витрин членами. Пол предупредил: выходя из гостиницы всем идти только налево. Отель хороший и называется Хеброн. В отеле

меня удивило новшество, недоступное нашим гостиницам. Внизу, в холле, а точнее, даже чуть ниже, в недосягаемости взгляда портье стоят несколько столиков и автомат, который без всяких денег выдает любое количество чая, кофе и какао. Вечером, когда мы обсуждали с Полом программу выпил две чашки своего любимого какао, сокрушался только, что нет молока.

Встретили нас на аэродроме Пол в своей желтой куртке и Марина в лисьем жакете. Марина очень меня интересует и как красивая женщина, и как некий общественный тип. Теперь она занимается телевидением, у нее два часа на центральном канале. Это новости культуры из России.

После размещения в гостинице мы с Мариной, ее матерью, милой и элегантной дамой моего возраста, и Людмилой Артемовной уехали в Луизиану. Ребята с Полом бродят по Копенгагену. Я вспоминал свою молодость, встречу писателей в Луизиане. Недовольство моим выступлением дамы из Би-Би-Си. Попцов, старательно выбиравший, за кого встать. Наташа Иванова, пока юлившая между нашими и вашими, но уже дававшая платное интервью кому-то из западников. Первая встреча с легендарным Синявским и его женой Розановой. Мария Васильевна тогда только искала свой непререкаемо-хамский стиль. Уже нет Раисы Копелевой. Уже нет Копелева, реббе русской общины в Кельне. Я прочел позже их книги. Помню молодого Васю Аксенова. Он бегал, а я бегал и купался в море. Помню свежесть молодости.

Все тот же парк с мрачными глыбами условных скульптур, галереи музея, спускающиеся по холму. Человек все время пытается отгородить и присвоить себе часть природы. Сейчас, в ночи, в парке вместо электрических фонарей, горят, видимые через стекла газовые факелы в стеклянных колбах. И тут взгляд не хочет обшаривать скульптуру, а пристально пытается сосредоточиться на живом пламени.

Я плохо прошлый раз восемь лет назад посмотрел галерею, а может быть, этих вещей и не было. Дега, его танцовщицы и не видимые мною раньше скульптуры балетных девушек. А дальше имел значение лишь почерк — почерк Сезанна, почерк Гогена, почерк Шагала, почерк датских художников, имена которых я не запомнил. Но они тоже прекрасны. Современное искусство хорошо, когда оно довольствуется лишь малым, искренним. Никакое искусство не может охватить всей жизни в ее сложности целиком. Жизнь, она разная, а искусство пытается сделать ее универсальной, обобществить и мифологизировать во славу творца. Претензия в искусстве чего-нибудь не забыть — его губит. Хороших художников и хороших писателей очень много в этом

мире, много отдельных хороших картин, но у нас у всех есть тоска по системам.

Я опять вспомнил о страсти датчан вечером ставить на подоконник настольную лампу и держать окна не зашторенными. Мне это нравится. Может быть, это от малого количества света в жизни? Но датчане не жили в этом веке с КГБ. А наш КГБ при всем моем уважении к нему и вере в его необходимость — самый лучший в XX веке.

Вечером Пол кормил нас в ресторане. О, эти большие датские рубленые бифштексы с картошкой и свежей капусткой на огромных прямоугольных тарелках. За Данию высоких налогов и больших порций! В этом она схожа с Германией.

Поздно начал читать «Взятие Казани» В.И. Гусева по журналу «Проза». Может быть, это лучшая у В.И. вещь, все, не смотря на отдаленность во времени, очень современно. Интересные размышления о власти, о ее связи с Божьим промыслом, интересна манера языка, сегодняшняя, и сама манера повествования, как бы не скрывающая и свою художественность, и следование историческим источникам. Любопытен и сам молодой царь, и Курбский и Воротынский. Батальные сцены сделаны не по кино и телевидению, а по прозе, везде дыхание и голос автора. Прочел практически махом.

26 января, среда. Утром я уже два часа работаю. Помылся в душе, потом обнаружил, что забыл станок от бритвы, но есть лезвие, побрился. Сделал в коридоре зарядку, попил какао внизу, кстати, нашел и сухое молоко, оно стояло в пластмассовой чашке с крышкой. Все есть, надо только поискать, датчане большие искусники по части удобств и комфорта. Стукнулся к Саше, он наверняка вчера сорвался с места и до середины ночи бродил, разглядывая витрины. Саша проворчал, что еще рано. Но писатель потому и писатель, что может для работы довольствоваться малым количеством наблюдений. А у меня за утро уже готова страница дневников, а потом Саша будет стонать, что диплом у него не пишется.

Утром ходили в музей естественной истории. В полном названии музея я мог ошибиться, но в сути нет. Все-таки очень интересно, когда в человеке остается рост хотя бы юношеской пытливости! Так увлеченно карапузы — второй или третий класс — раскладывают по полу свои листочки с тестами и заполняют их в залах музея, что-то разглядывают в витринах, сравнивают, потом записывают в своих тетрадочках. Когда все это стопорится и человек уходит в поверхностные слои культуры? Я полагаю, что недостаточно дает школа, в ней слишком много игры, выбора.

Сейчас и нашу школу тащат на демократическую необязательность.

Музей прекрасный. Я даже не могу сказать. какие отделы богаче. Конечно, впечатляют «предки». Все эти викинги, которые показаны в подробности, реставрации одежд, обуви, жилищ. Очень много лодок и долбленок-гробов. Что-то есть кощунственное в востребовании этих костей. Черепа улыбаются все той же улыбкой, по-прежнему свежа эмаль зубов. За каждой косточкой, за каждым пробитым каменным топором черепом, который выставлен в витрине я фантазирую жизнь и страсти, детей, семью, мысли, сотрясение тел. Много интересного в оружии, в рыцарской утвари, в механике вооружения. Во всем музее богатство и следование современной технологии показа. Меня интересует слияние и устройство современной техники и старинных зданий. Стен. Музей — это какой-то реконструированный дворец. На месте двора огромный, крытый стеклом дворик. В среду, кстати, день бесплатных посещений, но народу, тем не менее мало. Наши ребята с большим интересом все это осмотрели. Может быть, не все еще потеряно?

В музее Пол кормил всех огромными бутербродами с копченой семгой и поил кофе и чаем. Вторым номером нашей дневной программы было посещение оперы. В перерыве еще поход к «Русалочке». Ребята вызнали все наиболее банальные места общего показа и без этого не могут. Хорошая милая русалочка, хорошо посажена и инженерно отлично сделана. Но меня все время интересовало, каким образом припаяли украденную голову так, что шов незаметен. Может, просто на прежнее место, на прежний штырь посадили новую отливку, а раструбили, что голову отыскали и припаяли? Вообще в Копенгагене масса памятников, в основном XIX века: как будто столица торопилась стать культурным центром. О, если бы сюда пустить наших мародеров, сколько бы они посдавали меди!

После бутербродов — музей театрального искусства. Это старый королевский театр в одном из флигелей парламента. Напротив, в другом флигеле, — королевские конюшни. Между флигелями — открытый манеж, со следами недавней выездки. Это в центре города, практически, во дворе парламента. Из этого музея меня вытащили с большим трудом. Посылали за мной Сашу Великодного. Здесь все подлинное. Оставшееся с XVIII века. Поднимающаяся сцена. Крохотные ложи с дверями, открывающимися, как в железнодорожном купе, сцена без поворотного круга, но с перспективой. Ощущение подлинности. Как жалко, что я совсем не знаю историю датского театра, и сколько здесь интересного для своих. Портрет Фанни Эйслер и

Тальони… Пол, когда Саша, привел меня в вестибюль, даже пошутил: «не стал ли Есин там экспонатом?»

Вечером исполнилось мое сокровенное желание — я попал в Королевскую оперу. Повезло вдвойне, потому что шел фестиваль Буорнонвиля. И опять — «Консерватория», у нас это «Класс» и «Сильфиды». Хорошие места. Отличный театр, в котором сохраняется атмосфера. Даже лампы в фойе не слишком яркие, чтобы создать ощущение свечей. Я был в восторге. Тогда же возникла и мысль, а так ли хорош наш огромный Большой театр? Так ли там хорошо видно и слышно? Танцевали чисто и хорошо, ни оркестр, ни кордебалет не так велики, как в Большом, но было ощущение стиля и монументальности. Вспомнился недосягаемый Барышников. Вспомнил и такой эпизод. Когда я первый раз был в Копенгагене, то посол тогда Советского Союза Пастухов устроил для нас прием. Все было очень чинно, места указывались на карточке с гербом. Всего было не более 20 человек. Но во время обеда вдруг поднялся Я. Засурский и смущенно объявил, что у него билет в оперу, на балет. А у меня ведь тоже днем было желание купить билет при виде афиши театра, но струсил, но чего-то ожидал от приема.

К удачам дня я отношу и то, что на спектакле была королева датская, ее гостья королева Норвегии и муж датской королевы принц-консорт. Зал дружно встал. Танцоры, выходя кланяться, первый поклон обращали к королевской ложе, которая находится не как у нас парадно, в центре, а сбоку, почти над сценой. Королевы и принц весьма энергично хлопали вместе со всеми. Простые и без вычур одетые женщины, грузноватый мужчина с бабочкой. Тут же кто-то объяснил, что королева приехала на машине с одним шофером и без охраны. Надо бы тут написать пассаж о наблюдении моего шофера Феди. Мы с ним несколько раз за последние дни видели кортеж машин Путина. Федя признал, что с Путиным ездит на три четыре машины меньше, чем с Ельциным. По крайней мере, не ездит машина с врачами. Аристократизируемся. Вот так, кратенько, без лишних деталей.

27 января, четверг. Рано или поздно я всегда докапываюсь до того, что мне необходимо. Сегодня утром ходили в парламент. Достоинство Пола в том, что он все делает обстоятельно, и нетороплив. Особенно это относится к еде. Вышли из гостиницы за час. Никаких французских куншток, в ресторане рядом с Хеброном, но «по-датски» — мясо с картошкой, с какой-нибудь подливкой. Так надо кормить солдат или работников в поле. К парламенту подошли, осмотрели, не торопясь, эту серую огромную коробку с претензией на средневековье. Наш

парламент в Москве, по сравнению с датским — это игрушечка, маленькое собрание, теснота. Но и, надо сказать, под здешнюю демократию строили дома специально. Масса коридоров, переходов, огромные холлы, гигантские лестницы. Сама обстановка тоже стабильная, картины, много лет висящие на одном месте, камины, зажигаемые или не зажигаемые по торжественным дням. Висят огромные люстры. Большие фарфоровые вазы, стоящие столетиями. По стенам в одной из комнат портреты спикеров. Каждый спикер имеет право на выбор художника в конце срока своего управления. Я посмотрел, в отличие от мяса и колбасы, с этим здесь в настоящее время обстоит неважно. Для Ильи Глазунова здесь работы был бы непочатый край, и парламентские стены от этого не стали бы хуже.

Выстроен парламент специально на том именно месте, где в XII веке двоюродный брат короля и по совместительству епископ основал и замок, и город. На острове, среди топей, среди речушек.

К посещениям парламента трудящимися здесь готовы. Сразу появился экскурсовод, которая объявила, что готова ответить на любые вопросы, кроме политических. Пожилая, в голубеющих кудряшках и в строгом костюме дама. Спросили о зарплате парламентеров — около 5 тысяч марок в месяц. Какие привилегии — внешне никаких. Но возможность лоббировать, устраивать, ездить, даже без денег посещать Королевский театр, возможность привлекать к парламентским расследованиям помощников, труд которых, их поездки и проживание в гостиницах могут быть вознаграждены. Если, конечно, из своего округа, если не копенгагенские, если иногородние. Все, как в греческой демократии, оплачиваемые посещения городского собрания. Саша Великодный тут задал классный вопрос: а много ли в парламенте деятелей искусств, актеров, писателей.

— В прошлом парламенте был один певец и актер, но в этом году его не выбрали.

В связи с этим самое время вставить в дневник табличку, которую я сделал вскоре после выборов в нашу думу. Из общего списка кандидатов в депутаты Думы, напечатанной, в «Российской газете», я выбрал знакомые имена и отметил их галочкой. Уже мой референт Дима выписал со всеми данными эти фамилии и сунул перед отъездом мне табличку в портфель.

Никогда не предполагал, что когда-нибудь с интересом буду рассматривать огромную, много газетных полос таблицу прошедших выборов в Госдуму. Отметил и сгруппировал тех людей, о которых когда-либо имел собственное суждение.

Отметил, с моей точки зрения, и казуальное. Что толкнуло идти на выборы целый ряд людей? Угасающая известность и стремление устроиться комфортно и на виду? Переоценка собственных возможностей? Привычка, прикрываясь демократической ризой, участвовать в распределении, т. е. опять деньги, престиж, власть? Желание иметь депутатскую неприкосновенность?

Писатели: Черниченко Юрий Дмитриевич — Республика Алтай; 8-е место, 1,13 % избирателей. Поляков Юрий Михайлович — Москва; 5-е место, 5,51 % избирателей. Немченко Гарий Леонтьевич — Кемеровская область; 4-е место, 1,68 % избирателей.

На что рассчитывали актеры: Панкратов-Черный Александр Васильевич — Алтайский край; 6-е место, 4,70 % избирателей. Боярский Михаил Сергеевич — г. Санкт-Петербург; 5-е место, 9,42 % избирателей. Драпенко Елена Григорьевна — г. Санкт-Петербург; 4-е место, 11,92 % избирателей. Белохвостикова Наталия Николаевна — г. Москва; 6-е место, 6,91 % избирателей. Ваня Охлобыстин — г. Москва, Тушино; 6-е место при 11 кандидатах, 4,07 % избирателей — не пощечина ли это актеру, не пощечина ли это самоуверенности?

Теперь люди привыкшие к славе, к скандалу, не щадившие ради красного словца и своего успеха ничьей репутации — но только журналисты. А какие были имена! Караулов Андрей — 3-е место, 11,13 % избирателей; но все же из 17 претендентов, г. Мытищи, Московской области. Щекочихин Юрий, правдоискатель из «Литгазеты» — Московская область, Истринский район; 3-е место из 11 претендентов, 9,96 % избирателей. Вощанов Павел, был пресс-секретарем Президента Ельцина, потом писал блестящие статьи против него — Московская область, Люблино; 3-е место, 11,32 % избирателей. Арбатова Мария, выпускница Литинститута, феминистка — мой Университетский округ, 3-е место, 47 052 человека за нее. Очень сожалею, что проиграл Николаю Гончару Александр Минкин, но в Центральном округе г. Москвы с соотношением 32,24 % (1-е место, Гончар) и 23,92 % (2-е место, Минкин).

Отдельной строкой ставлю Аллу Ефимовну Гербер не забывшую, что четыре года назад была в Думе, потом проигравшая, и вот вновь пытает свое счастье, но проигрывает и Минкину и Гончару, Алла Ефимовна — борец с антисемитизмом, но и в Центральном округе, где живет много еврейских семей, и на Бронной большая синагога, это не спасает — 11,32 % избирателей. Н.А.Б., сама еврейка по рождению, говорит, что оголтелый облик Аллы Ефимовны способен спровоцировать в

любом нейтрально настроенном человеке чувство антисемитизма.

Люди с фамилией Брынцаловы (о деньгах людей этой фамилии не говорю, возможно, и справедливо: если ты беден, то не умен): Наталья Геннадьевна — Ставропольский край; 5-е место из 13 претендентов, 6,24 % избирателей. Владимир Алексеевич — Орехово-Зуево, Московская область; 1-е место из 7 претендентов, 26,77 % избирателей. Игорь Юрьевич — Пушкино, Московской области; 2-е место из 12 претендентов, 22,11 % избирателей. Юрий Григорьевич — Автозаводской округ, г. Москва; 4-е место из 9 претендентов, 8,65 % избирателей; 25587 человек — ЗА. Татьяна Алексеевна — Кунцево, г. Москва; 9-е место из 11 претендентов, 2 % избирателей, т. е. 6098 человек проголосовали ЗА — «за» ее ум, красоту и другие человеческие достоинства — остальные «ПРОТИВ». Александр Александрович — Черемушки, г. Москва, 6,81 % избирателей; 4-е место из 11 считающих себя достойными. Вывод: за 4 года все принимавшие в этих выборах Брынцаловы поднаберутся опыта, избирательные технологии совершенствуются. В следующий раз все Брынцаловы будут в Думе.

В отдельный отряд выстраиваю известных людей, живущих в Москве, но, как правило, выставляющих свои беспроигрышные кандидатуры на далеких, плохо говорящих окраинах Родины. Люди не бедные, и все они выиграли. Кобзон И.Д. — Бурятия, 91,21 %, 3 претендента. Абрамович Р.А. — Чукотка, 59,78 %, 3 претендента. Черномырдин В.С. — Ямало-Ненецкий автономный округ, 48,07 %, 7 претендентов.

Есть еще и чревовещатель прежнего времени Алан Владимирович Чумак — 5-е место, получивший 3,17 % голосов, а это 9405 избирателей в Самарской области.

Проигравшие жены: Жириновская Любовь Андреевна (а может быть сестра или близкая родственница?) — Мурманская область, 4-е место из 6 претендентов, 11,49 % избирателей, 25137 человек. Нарусова Людмила Борисовна «дама в тюрбане» — Брянская область, 4-е место, 5,9 % избирателей. Муж Нарусовой — Собчак А.А. проиграл «свою Думу» в центральном округе г. Санкт-Петербурга, 2-е место, 16,46 % избирателей.

Есть еще известные всей стране последовательные и выигравшие коммунисты: Севастьянов В.И. — Туапсе, Краснодарский край. Лукьянов А.И. — Смоленская область. Лигачев Е.К. — Томская область.

Жалею что проиграла в этот раз Е.В. Панина — Люблино, г. Москва, 2-е место из 12 кандидатов, в избирательном списке 12-я; 12,24 %; 41733 избирателя. Она представляла «Российское Земство» и блестяще выступала в Думе прошлого созыва.

Но вернемся в Данию.

Походили по зданию, посмотрели картины. Потом нас повели в зал заседания на галерею. Депутатов 179 человек, все они сидят в креслах, перед ними спикер, трибуна, пол застлан зеленым, под травку, ковром. На галерее, куда нас привели, кресел не было, — скамейки, но видно было хорошо. В зале, внизу, сидело человек десять. Обсуждали, по словам Пола, ситуацию в магазинах, торгующих некондиционными товарами. Это официальная версия. Пол перевел нам ситуацию на язык местных реалий. Это о магазинчиках эмигрантов: арабов и прочих шведов. Проблема есть. Пол говорит, что в школах уже до 25 процентов из общего числа учащихся арабов, турок, инородцев. Есть естественная обида населения: наши предки создавали это изобилие, сейчас им приходится делиться с пришлым населением в тот момент, когда не хватает для своих.

Интервью для Марины. Ее главный тезис: «Нашу страну надо показывать с лучшей стороны».

Сережа Адамов и поезда в Христианию.

Меню не выписываю, потому что названия могут быть и разные для блюд, но суть у всех одна: хорошо приготовленная отварная картошка, соус и мясо. Очень высокая добросовестность в еде.

28 января, пятница. Ольбург. Все в той же гостинице, все тот же город. Ничего не изменилось ни в пейзаже, ни в обслуживающем персонале, ни в движении на улице. У гостиницы появились гипсовые львы. Из впечатлений: в парке, как и в прошлом году, в это время режут старые деревья. В 12 часов обедали в ресторане «Стейк». Был прекрасный стейк из индейки с жареной картошкой, это надо взять на вооружение. Продолжаю читать журнал «Проза». Володя Крымский пишет очень хорошо, по ерничанию и по использованию стилистических приемов — он мой ученик. Прочел также Лешу Иванова — когда он пишет с сумашествинкой и без претензий на большого писателя, получается хорошо.

29 января, суббота. Этой группе везет невероятно больше, чем предыдущим. Но, может быть, в тот момент, уже не помню, когда мы уезжали в учительские путешествия, в Скандинавию, предыдущие ребята тоже были в Скагене. И наверное, были, но почему же тогда я не расслышал восторженных отзывов? Но, впрочем, я и сам поначалу не очень-то специально в Скаген стремился. Но не оттуда ли отходил паром на другую сторону моря?

Еще один, похожий на предыдущие, провинциальный город. Какие-то художники, вроде бы великие. Но разве можно быть великими в XX веке после Сезанна, Ван Гога, Шагала, после импрессионистов? Еще раз я столкнулся с тем, что человек всегда пытается следовать за общественным мнением вместо того, чтобы мыслить самостоятельно, и в том, что искусство всегда должно соответствовать настроению и степени образованности потребителя.

Но сначала о границах между Балтийским и Северным морями. Это минут 10 езды от Скагена на машине. Доты, побережье, дот в глубине, куда мы с Сашей ходили по нужде и музей художников. Сам мыс — это вымытые пески побережья с тусклой растительностью дюн. В море вдается небольшая коса, над которой идут постоянные схватки волн. Вода разного оттенков, как бы разные наречия одного языка. Над неглубоким дном ходят сильные струи воды, причем существует два течения: одно из Балтийского моря, другое из Северного. Дует сильный ветер, срывая шарфы и шапки. Все это производит какое-то мистически-таинственное впечатление, но точно такое же, какое в свое время произвел на меня, когда я вышел за стену Кронберга, замка Гамлета, находящегося под Копенгагеном. Как все-таки сильно влияет на наше восприятие литература. Тот же самый свист ветра, и та же самая пушечная пальба волн, сквозь которые прорываются слова.

Немаловажной деталью Скагена стали серые, похожие по форме на выброшенные на берег подводные лодки, старые немецкие доты и огневые точки. Я заглянул в глубь одного из них, из бетона выступал мощный стальной швеллер. Все это оказалось сплошной железно-стальной массой, в которой проделаны узкие лазы, для того, чтобы умереть, и узкие, словно лазы в гнездах термитов, бойницы — из которых ударить. Это циклопические сооружения, недаром они ничуть внешне не разрушились со дней войны. Немцы готовились к высадке англичан и понастроили такие сооружения почти до самой немецкой границы. А я-то в свое время удивлялся, увидев нечто подобное, но по размерам много мельче, на побережье Албании. Какое огромное количество непроизводительного труда и материалов. Англичанам и немцам не забывать бы этого и держать в уме, как символ европейского содружества. А кстати, на кой оно нам, русским?

Ребята очень серьезно отнеслись к увиденному. Миша «омыл» ботинки в воде двух морей.

В Скагене, предупреждали меня, — поразительный свет. И это действительно так. Низкие берега, не задавленное ими море

отсвечивает в невысоком блеклом небе. Два щита мерцают в сторону друг друга, смешивая свет. Здесь все полно объемов, окружено вибрацией света и воздуха. Недаром здесь издавна селились датские художники, некий датский Барбизон. Сейчас здесь картинная галерея. Имен я никаких, естественно, раньше не знал. Все похоже на русские художнические школы начала века. Репинский, набирающий силы реализм и серовская нежность и трепетность цвета. Самый значительный из художников — это Анна и Михаель Анхер и Кройер. Жена у последнего тоже была, кажется, художницей. Их фигуры в длинных летних платьях, идущие вдоль моря, являются символами экспозиции. Кроер часто рисовал жену и усаживал на картинах рядом с ней собаку, уверяя, что это он сам. Много здесь и других первоклассных картин, рисующих местных моряков, рыбаков и просто жителей. Некоторые так удачны, что являются маленькими шедеврами. Здесь запечатлена уже ушедшая жизнь, которую так невозможно показать ни в кино, ни в литературе. Иногда сокровенное нашего быта не в подробностях, а в ощущениях. Такая нежность сжимает сердце, когда подумаешь о тихих вечерах у лампы, с книгой или вечерних прогулках вдоль моря. Жизнь без телевидения.

Я почему-то запомнил картину Дранхмана: на картине молодая цветущая женщина у двери, то ли выходит, то ли, молодая и сильная, только вошла. Во всех случаях удивительно грустно.

Сам город Скаген — это огромный порт. Над дюнами и кранами возвышаются огромные многопалубные суда и паромы, снующие в Швецию и Данию. По дороге видели башню маяка прошлого века и «реконструкцию», нечто похожее на шлагбаум, к стреле которого подвязывали бочку с пылающей смолой — тоже маяк.

У меня ум деятельный. Всю полуторачасовую дорогу от Ольбурга до Скагена я в уме перестраивал дачу и думал о главе с Крупской. За перестройку дачи в уме я брался уже много раз.

Когда крылья ветряков, которых здесь очень много разбросано по побережью, машут из за какого-нибудь леса — это производит космическое впечатление.

30 января, воскресенье. С утра ходили в зоопарк, числящийся по программе. Из ребят был только Саша, все отсыпаются после вечеринки. Наверное, это одно из лучших в Европе заведений подобного типа. Народу было не много, зверей только выпустили из клеток. Таких веселых, незамученных и здоровых зверей я еще не видел. Что-то изменилось в их содержании. Белых медведей можно было видеть через специальные стеклянные окна в

бассейне на их территории. Два мишки гонялись друг за другом и плавали в бассейне. Когда кто-то из посетителей подошел к окну с собакой, Миша очень заинтересовался зверем и сопровождал его от окна к окну.

Л.А. сказала тигру, отделенному от нее рвом: «Привет». Тигр выставил вдумчивую рожу, похожую на кошачью, ничего не сказал — но живо представил, как с этой дамочки снял бы всю кожу, а потом и мясо.

Какое разнообразие тварей создал Господь. Случайно ли все это или подчинено идее. Возила нас в зоопарк Хелла, молодая женщина лет 30 с небольшим. Прошлый раз у нее жил сначала Ваня, а потом Алеша Прудников. Она показывала снимки своей кошки, на которую наехала машина и которой пришлось делать операцию, сращивать с помощью металлических стержней лапку. Хелла сказала, что все это ей обошлось в 1000$, но т. к. кошка была застрахована, то 400$ выплатила страховая компания. Какое огромное количество на земле несчастных людей. Как только я узнаю чью-либо судьбу, начинаю страдать. Вдобавок ко всему у Хеллы, по словам Л.А., какое-то заболевание.

Впервые серьезно задумываюсь над тем, что пора собираться. Заканчивать дела, подытожить прожитое, завершить, как ни грустно, этот путь. Какой холод внезапно схватывает за сердце.

Вечером был с Анет на «народных» танцах. Было человек сорок, люди старые. Она аккомпанирует здесь и водит на занятия сына. Он единственный здесь молоденький. В перерыве все пили кофе, каждый ел, что принес с собой. Была лотерея — разыгрывали 2 бутылки вина. Грустная форма общения. Школа платная — около 100 датских марок в год с человека. Танцы таковы, чтобы не спадала деревянная обувь.

31 января, понедельник. Людмила Артемовна уехала в школу, где я уже был два года назад. Воспользовавшись временем, я прочел новую повесть в журнале «Проза» Миши Попова «Последнее дело Шерлока Холмса» Обычная литературная придумка, сделанная на основе уже написанной литературы — т. е. повесть постмодернистская. Но интересен внутренний ход: весь Холмс со всеми его историями — это гениальные постановки в жизни, которые поставил сам Холмс. Сержант Лестер довольствовался славой, все остальные были актерами. У Холмса было состояние. Дедуктивный метод хорош только для литературы и только в литературе он что-то объясняет. «— Правильно ли я вас понял, ваши сбивчивые признания — я был единственным зрителем, ради которого готовились эти громоздкие розыгрыши? — Только ради вас. И не заблуждайтесь

насчет громоздкости, чаще всего удавалось обойтись минимумом средств. Разве что история с собакой Баскервиллей потребовала особых приготовлений. Да еще, может быть гонка катеров по Темзе. — А сокровища Агры вы взяли напрокат? — Милый Ватсон, вспомните. Разве вы видели их? Вы все время имели дело с закрытым ящиком. Их вообще никогда не существовало. Зато теперь они существуют, хотя и не на дне реки, зато в воображении читателя.»

Все утро до часу дня сидел над последней главой и написал 2 или 3 страницы. Но впереди самое сложное. Потом ходил в бассейн, со всем разобрался, несмотря на свой слабый английский язык и даже купил там полотенце. Вечером вместе с Людмилой Артемовной были у Пола и Анет. Аспион вырос, количество игрушек на полу прибавилось. За столом я спросил у Пола: «Я видел столько музеев, разных интересных мест, где всегда находил детей, я увидел, что власти делают все, чтобы развить молодежь. Однако она не такая, какой мы хотели бы ее видеть. Где происходит сбой?» Пол безапелляционно ответил: «Школа. Учитель. Нет неуспевающих учеников. Все стараются заменить учебный процесс игрой. Недавно показали двух учительниц: обе не могли назвать ни одного датского писателя, наконец, одна смутно припомнила Андерсена, а другая сумела выговорить фамилию Кьеркегор». Потом Пол стал рассуждать об Андерсене и языке, которым написаны его сказки. В этом языке масса мельчайших непереводимых нюансов, словечек. В этот момент я вспомнил маленький домик, в котором Андерсен родился, народная среда. Пол считает, что с точки зрения языка Андерсен непереводим. Большинство, по мнению Пола, говорит не на датском языке, а на каком-то смутном наречии. Есть тенденция даже Библию приблизить к этой речи для всех. Но тогда из нее выпадает ее поэзия. Поговорили о национальных корнях воспитания, почему все так ополчились против них? Лично я думаю, что нивелировка в воспитании и обучении — это стремление поскорее получить квалифицированных рабов для производства. У которых нет никаких духовных задач.

Анет кормила запеченным в духовке рубленым мясом с картошкой и соусом. Салатом из яблок и капусты и дивным молочным кремом. Сбиваются в миксере полтора литра сметаны и сливок и три яйца, добавляется немножко сахара. Все это посыпается корнфлексом. Я побезумствовал. Но все равно помню горячий паштет и селедку прошлого года. На Анет все та же кофточка с белым воротничком и брошка, но зато в прошлом году они всей семьей съездили в Австралию. Это притом, что Пол целые дни сидит в своем подвале за компьютерами и переводит

техническую литературу.

1 февраля, вторник. Сегодня утром была лекция местного социолога, посвященная датской демократии. Все было довольно интересно, и парень, читавший лекцию, говорил хорошо и живо. В конце была игра, одни продавали, другие покупали собственность и недвижимость.

Купил для В.С. термос и кое-что из металлических мелочей в хозяйство. Нашел корзину для бумаг, о которой мечтал давно, но не знаю, осмелюсь ли я ее купить. Дорого!

Вечером зашел в секс-шоп, находящийся рядом с гостиницей. Все, как и в любом секс-шопе мира. Как в Париже, но размеры поскромнее. На телевизоре все хлюпает и стонет. В зале стеллажи с порнокассетами и силиконовые изделия. Висит прейскурант на просмотр видеокассет в кабинах. В основном редкие посетители — мужики моего возраста. На входной двери со стороны салона объявление на английском: «Не забудьте забрать свои велосипеды». Мужики после просмотра дуреют.

3 февраля, четверг. Уже несколько дней чувствую себя простуженным. Из симптомов — красные глаза, нестройная голова и течет нос.

Это, наверное, аллергия, но не вполне ясно, к чему. Собирался отлежаться дома, но сегодня встреча в администрации графства, и пришлось поехать. Весь наш проект, в котором я с каждым годом вижу для института больше полезного, сейчас под вопросом. Пол просил направить меня, как защитника, и обаять даму, которая отвечает за образование.

Самое интересное — это осмотр дома администрации графства. Всего «управленцев» 150 человек. Современная постройка, в которой очень удобно работать, но основное «поле» деятельности — компьютер, подключенный в сеть с компьютерами коллег: здесь не придешь к соседу просто так, попить чайку и поболтать. Схема управления, сбора и контроля за налогами — традиционна. Но здесь в небольшой стране меньше централизации. До 48,87 % собираемого тратят на больницы, на здравоохранение 17,23 %, на социалку и «webfare» как говорит сестра Лена, о которой я здесь уже упоминал, 16,64 %, образование — 10,47 %, дороги — 3,58 % — уже в основном все построили.

Налоги свыше 5 % исторически берут с физических лиц, а не с фирм. Понятно, почему так образовалось, непонятно, кому нынче это выгодно.

Даму, которой все пугали, зовут Else Hvid Sensen.

Респектабельная, хорошо и нарядно одетая дама, встретившая поначалу нас в штыки. Но зал — с удобными сиденьями, к кофе сыр, масло и булочки были приготовлены. Она сама раньше была учительницей. Теперь курирует вопросы образования. В ее сфере работает 15 тысяч человек: учителя и прочие. Дальше переходить на споры не буду, они увлекательны и создают определенную магию.

Тенденция — чтобы старшеклассники и студенты жили дома, 85 % молодежи учится.

Else и ее помощник гигант Sqren Vrup пытали нас, как приготовишек на предмет демократии. Выяснилось, что о ней мы знаем не хуже. Тогда уже пошли обычные разговоры. И у них есть коррупция, воровство и т. д. Сошлись на том, что схема должна быть наполнена человеческим материалом, и тогда все заработает.

На столе был очень хороший сыр.

Самая большая сложность — это система распределения ресурсов.

Если система прозрачна и позволяет всем участвовать в политике, то большинство в политике участвовать перестает.

Как я понял, все хотят изменений в молодом поколении.

В разговоре о национальной политике, который повел Sqren Vrup, сразу зазвучали не турки и арабы, а евреи: «Если бы появилась какая-либо партия, которая сказала: давайте уничтожим евреев, — то она оказалась бы под судом».

Ира, у которой дед знаменитый художник советской эпохи Кац, немедленно отреагировала: «У нас тогда половина правительства сидела бы в тюрьме».

Я: «А оказались бы под судом люди, если бы они вышли с лозунгом: «В каждой русской семье — по пять человек детей!»?

Очень хорош был ленч. У ребят глазки разбежались и, торопясь, они набрали полные тарелки во время шведского стола: где кто стоял, то и брали. В тарелку с десертом потом пришлось добавлять селедку.

Я пытаюсь договориться об обмене с институтским театром.

4 февраля, пятница. Все-таки какая замечательная гостиница, в которой мы живем. Правда имеет значение, что мы за нее не платим и даже не знаем, сколько она стоит. Но, судя по всему, хозяин не стремится выжать из нее чистый доход, а многое благоразумно вкладывает в ее благоустройство — это семейное предприятие. Десять лет назад была пристроена целая секция. Здесь все присовокупляют: новые корпуса, новые удобства, автоматы, продающие мороженное и кофе. Отличительная черта

— прекрасные картины датских художников первой четверти XX века. Гостиница стоит на привокзальной площади, видимо, художники-пейзажисты приезжали из Скагена и, когда нечем было платить за еду и постой, платили картинами. Известно, так было создано много первоклассных коллекций. Вспомним парижскую коллекцию импрессионистов и французское собрание Ван Гога.

Поздно закончил одиннадцатую главу романа. Я назвал ее «Бальзамировщики». Может быть, в этом названии некий ход.

Вечером, несмотря на плохую погоду, долго гулял по парку. Никого. Только иногда через парк проскальзывают одинокие велосипедисты. Скульптура здесь скорее изящная, домашняя, чем мощная. Много идеализированных женских тел, и есть приглаженные пейзажи.

Вечером на специальном подносе возле лестницы кладут груду свежих яблок. Это для гостей, перехватить перед сном. Видимо, это местное специалите, в других гостиницах я этого не видел.

5 февраля, суббота. Все время думаю о доме, о В.С., о собаке. Как там справляются со всем ребята? Утром прочел книгу внучатого племянника Л.М. Кагановича — «Кремлевский волк». Книжка довольно мерзкая, предательская, списанная с разных источников. Как всегда, наткнулся на не очень правдоподобные, но интересные детали. Например, Поспелов, секретарь Сталина, был евреем. Не верю! Читаю также книгу о связи большевиков, во время Революции, с Уолл-Стритом. Среди прочего есть сообщение, что Джон Рид был курьером, отвозившим в Россию деньги, а привозившим из России на запад золото. Теперь понятно, почему похоронен в Кремлевской стене.

Сегодня на улицах много народа. Много негров, вьетнамцев, турок, о которых говорил Пол. Ребята эти держат себя довольно развязано.

Сейчас набирал в ручку чернила, и опять вспомнил Диму, своего секретаря. Перед самым отъездом он сунул мне в портфель флакон с чернилами. Я отчетливо осознаю, как он мне помогает!

Сегодня днем наши ребята ездили на ферму к молодому предприимчивому фермеру, о котором я писал в прошлом году, на всякий случай переписываю его имя Yoreoen Runk, а его жену зовут Hella Runk. Они из Qster Hornum. У парня что-то случилось со спиной, и он продает ферму. Он не может все это физически вынести, невероятные условия контроля за качеством продукции делают его жизнь невыносимой, он не выдержал, сломался. Я воспринял эту историю, как свою личную трагедию. У этой

семейной пары трое детей. По словам Пола, Иорген уже купил новый дом и будет переезжать. Теперь он будет преподавать в техникуме, который готовит фермеров.

Вечером были у Анет. Она на этот раз кормила говядиной с бобами, жаренной на противне с кусочками грудинки. Десерт: мороженое с авокадо и бананами. После десерта мы заводили с Аспионом его паровую машину. Это очень дорогая игрушка, которую богатые дедушки и бабушки дарят своим внукам: крошечная модель паровой машины с генератором и электрическим фонариком, который загорается, когда машина раскручивается до полной мощности. Эти игрушки наглядно показывают устройство очень сложных вещей. Она на уровне ювелирного изделия. Как я мечтал в детстве о чем-либо подобном!

7 февраля, понедельник. В Москве в аэропорту встретил меня Федя и С.П. В институте все в относительном порядке. Но, к сожалению, умер Михаил Павлович Еремин, уже несколько лет назад ушедший на пенсию. Не одно поколение писателей вспомнит его лекции. Он был представителем несколько театрализованной манеры чтения, которой после него славится В.П. Поминки проходили где-то за городом на большой и богатой даче. Но может быть, это взгляд наших бедных и не привычных к роскоши сотрудников. И вторая смерть — Евгений Михайлович Бурмистров, наш англичанин. Он проработал у нас всего несколько лет и пришел по рекомендации Н.А. Бонк. Институт эти похороны взял на себя, здесь ничего не поделаешь.

8 февраля, вторник. Федя приехал за мной на новой «Волге». Как всегда, после долгого отсутствия в институте накопилась уйма дел, и весь день не выходил из кабинета. Среди прочего опять говорил с Шапиро, они потихонечку платят, не гася задолженности. Вроде бы с ним налаживается некоторый бартер в счет погашения его долга. Он уже готов поставить нам постельное белье для общежития, стиральные порошки и бумагу для принтера.

Главное — все в порядке с В.С., — но гематома у нее на руке не уменьшилась.

Прошел скучно и вяло семинар. Я что-то комкано рассказал о Дании.

Уже после семинара пришел ко мне наш новый студент Миша Сукерник. Он живет в Нью-Йорке, у него вид на жительство и есть работа. В 92 году он по линии науки уехал в Америку и зацепился. Он врач, анестезиолог. Я посмотрел его стихи — это

очень и очень неплохо, но ему уже 40 лет. Какая жалость, что он не попал ко мне в руки лет на десять-пятнадцать раньше. Леша Тиматков позже подтвердил мне, что стихи у него хорошие. Теперь он студент-заочник.

9 февраля, среда. Уехал на работу в 9 часов, взяв с собою живущих рядом Диму и нового шофера Сережу. По дороге слушали последние известия в основном про Чечню, и вдруг Сережа безо всяких моих провокаций разразился страстной филиппикой в адрес НТВ. Оказалось, что во время службы в армии он находился в Чечне и возил кого-то из наших командиров. Суть его высказываний в том, что он не любит НТВ — у них всегда чеченец «бедный» и «несчастный». Он хорошо сказал о Путине. Потом вспомнил о каком-то лозунге, который видел в тех местах: «Русские, не уходите, иначе нам негде будет брать рабов».

Утром устраивал обычную «презентацию» для своих студентов. В десять часов утра стоял у дверей возле охранника. У меня имеется целый набор фраз Если студент или студентка опаздывает минут на двадцать: «Ну, милочка, ты очень рано пришла на лекцию, она начнется еще через час, а на первую пару ты уже на 20 минут опоздала». Или: «Ты знаешь, во сколько на Руси обычно обедали? В двенадцать часов дня! А ты только в институт приходишь в половине одиннадцатого».

Я не зря в свое время нападал на так называемую, московскую народную медицину и ругался с главврачом поликлиники В.С. Ей не дали «Железо в ампулах для внутривенного вливания», вот тебе и пропись главного нефролога Москвы «по жизненным показаниям». В конечном итоге я пошел в аптеку и купил десять ампул за 300 рублей. Одновременно купил себе «Бронхомунал» это тоже 300 рублей. Я уже не говорю о куче лекарств, которые я принимаю и которые стоят бешеные деньги. Как же живут люди попроще! В наше время нельзя умирать, потому что нельзя достать элементарных лекарств.

Сняли Володю Егорова с должности министра культуры и назначили М.Е. Швыдкого. Что касается последнего — это конец его политической карьеры. Вечером звонил Светлане, жене В.К. Она рассказала, как Егорову, который лежал во время гипертонического криза под капельницей, позвонил Сидоров. Он был в ярости, потому что вроде бы Егорова назначают на его место в Париж. Очень мужской поступок. Как я никогда не стал бы ректором, если бы не Егоров, так и Сидорову… У меня не аналитическое видение мира, мне мешает собственное воображение. Отчетливо представлю лицо Веры, жены Е.Ю. во

время этого телефонного разговора.

Получил удивительное письмо. Из которого, кстати, узнал, что моя статья в «Правде», которую заказывал Кожемяко, напечатана. Но это явление обычное. Само письмо тронуло меня до слез, значит, те картины, которые стояли у меня перед глазами, окончательно исчезли. Нет кладбища, на котором хоронили, а первый в своей жизни гроб и первую покойницу я увидел там, нет единственного кирпичного дома, принадлежащего отцу тети Вали, значит, моему прадеду, нет яблонь, колодца. Первого в моей жизни увиденного жнивья. Но, судя по письму, еще, значит, стоит колокольня над Огарево-Почковым, я ее помню, это в двух или трех километрах от родных Безводных. «Вот моя деревня, вот мой дом родной….».

Ректору литературного института Есину С.Н.

В «Правде» прочитал Вашу статью. Все бы ничего, но Вы там упомянули деревню БЕЗВОДНЫЕ ПРУДИЩИ в Рязанской области.

Так вот это моя деревня.

Деревни сейчас нет, года два назад оттуда ушли последние жители в соседнее село Огарево-Почково.

И последнее.

В Безводных Прудищах не было жителей с фамилией Есины. Или мне что-то неизвестно?

Ответ:

«К сожалению, на конверте нет ни имени-отчества адресата, ни точно написанной фамилии, я колеблюсь, дорогой житель Безводных Прудищ, называть ли мне вас Донин или Данин? Если Донин, то моя родная тетка, ныне покойная, была замужем за Иваном Ивановичем Дониным. Вы правы и в том, что фамилии Есины в деревне не было. Фамилия моей матери, а значит, фамилия моего родного деда по материнской линии — Афонины, а фамилия моей бабки Конушкина. Есины — это фамилия моего отца, он тоже уже умер, родом он был из Саранска.

Ваше письмо меня, в первую очередь, конечно, обрадовало. Я как был в Безводных Прудищах свыше 50 лет назад мальчишкой, так больше этих мест и не видел. Но в памяти их держу, люблю и считаю лучшими местами в мире. Я помню колокольню над Огаревым-Почковым. Жаль, что из Безводных ушли последние люди, значит, место запустеет и исчезнет из памяти людей, а Вы там, наверное, родились, а для меня это место как вторая Родина. Формально я родился в Москве, но про себя считаю своей родной стороной Рязань и маленькую нашу деревню Безводные Прудищи. Обязательно выберу время, чтобы туда съездить.

Сергей Есин. 10.02.2000»

Прислал свою новую книжку Саша Щуплов «Кто есть ху». По виду это очередное его хулиганство, политические инвективы на лингвистическом уровне. Страсти и его собственные пристрастья, но, по сути, он, может быть единственный, снимает тонкий слой лексики современной молодежной тусовки, для науки и литературы это очень и очень важно.

10 февраля, четверг. Вечером прочел в «Н.М.» отрывки из записных книжек М.Чудаковой — 50-е — 90-е годы. Много интересного, но как некое абстрактное кручение, холод рационализма по отношении к стране, русским и страстно нелюбимого, просто, видимо, как обильный факт литературы, Ленину. Много заледеневшего в подходах, в наблюдениях, хотя и есть места эмоционально или фактически удачные. Это некий рупор нашей обозленной интеллигенции и, выдрессировав себя под эту прогрессивную интонацию, милая Мариэтта Омаровна продолжает говорить и говорить. Время прошло, и интеллектуального или общественного успеха уже нет, есть остаточное упрямство.

Прочел также интервью с Михаилом Новиковым о значении «Нового мира». Это все поживее, поискреннее, поострее. Для меня лично и много полезного и в ощущении разницы журналов и разницы стилей. Михаил, оказывается, выпустил две книжки прозы. Интересно, что ни в первом, ни во втором материале я не сделал никаких карандашных помет. Или это неподходящая для меня манера, или неподходящие для меня мысли, которые я не могу выделить из общего контекста.

Днем в институте состоялась в седьмой раз панихида по Пушкину. Служил опять наш выпускник 1992 года. Оказалось, что четверо из этого выпуска стали священниками. Как всегда, организационной стороной дела занимался Олег Ефимов, и институт и я очень ему благодарны. Было человек тридцать, Олег обычно берет 40 свечей, около десятка оказались невостребованными. Когда перед самой панихидой я составлял список новопреставленных по институту — это Буханцов, Бурмистров, Славецкий, Сидоров, то Св. Вл. Молчанова, не утерпев, мягким голосом добавила: «заблуждавшийся». Имелся в виду интерес покойного Валентина Митрофановича к Индии. Он уже язычник. Как-то все знают в науке о Христе эти нынешние «матушки», состоявшие в прошлом в парторганизациях. На панихиде была и О.А. Николаева, подарившая мне свою книжку. Буду читать.

11 февраля, пятница. Уже давно не писал о политике, потому что во время поездки не смотрел наш советский телевизор… За это время «меньшевики» потихонечку опять вернулись в зал заседания Госдумы и потихонечку начали поднимать планку своих требований. Сегодня случился новый скандал. Дума забаллотировала представленные от «меньшевистских» фракций кандидатуры: Б. Немцова на место вице-спикера и всегда гладкого Лукина, кажется, на место председателя одного из комитетов. Депутатов по сути можно понять: вся страна знает, каким Немцов был фантазером на должности вице-премьера министра. Лукину инкриминируют Хасавюртовские соглашения. По итогам голосования очень занятно выступили персонажи из лагеря потерпевших. Сам по себе в виде оппозиционера интересен Примаков, за свою жизнь поигравший буквально за все команды и наконец-то примкнувший к «своим». Глядя на комментирующего это поражение и, как всегда, обвиняющего большевиков Говорухина, начинаешь думать, что никаких актеров пускать в Думу нельзя. Сколько пафоса в словах «Что же вы всегда врете!..» Вообще думцы все начали говорить, как актеры.

Вторым немаловажным обстоятельством стала всеобщая ругня Путина. За всем этим я вижу только одно — деньги. Все говорят о законе, о социальной справедливости, о порядке, но ни один из телевизионных говорунов этого не хочет. Здесь сразу в доходы может заглянуть налоговый инспектор, в кассу аудитор, здесь могут сосчитать, когда, и где, и кто украл.

На этом фоне разворачивается какая-то некрасивая история с корреспондентом радио «Свобода» Бабицким. По виду он, конечно, не из Рязани, хотя и рязанец в наше время может быть задержан с фотографиями мучений русских людей в чеченском плену. Я не представляю себе фронтового корреспондента Константина Симонова, фотографирующего расстрел немцами белорусских партизан.

Обедал в нашей столовой вместе Георгием Петровичем. Мы знакомы с ним с 1959 года, когда я привез в Ярославль выставку живописи «Советская Россия». Мы оба были молоды, Георгий Петрович тогда был лейтенантом. Я дал ему список книг, необходимых для самообразования. Он до сих пор эти книги, которые прочел, помнит. Я опознал свой почерк по «Истории живописи в Италии» Стендаля. Вообще в молодости все равно, какие читать книги, главное, читать хорошие. И если мы в советское время не смогли прочесть Джойса, то читали Стендаля. Если бы был Джойс и Миллер, то смотришь, на Стендаля и Флобера времени бы не хватило. Сейчас Георгий Петрович —

юрисконсульт «Налоговой полиции», юристом из военного-кадровика он стал позднее и считает, что к этому подвиг его в свое время я. Какая масса людей рассказывает о моей юности байки.

Вечером надел себе на шею золотую цепочку, крестик и знак зодиака. Не старая ли эта Лапландская история, несмотря на стихи? Да и стихи совпадают. Вот и всплыло имя М.Н. П-ая.

12 февраля, суббота. Наконец-то позвонила из Гатчины Генриетта Карповна. Я сделал вид, что ничего не произошло, но для себя решил: в последний раз. Институту это уже не нужно, в понимании знаковой литературы мы расходимся.

Весь день читал работы студентов и документы. Паша Лукьянов страшно за это время вырос, он нашел и свой стиль, и тему, главное — в том, что он пишет, он свободен. Мне даже не верится, что это мой ученик. Он реализовал мой совет — ближе к реализму. Пожалуй, я начну печатать его рассказы. Очень интересно начала работать и Катя Фролова. Она написала рассказик про семью, где угол треугольника: трое влюбленных друг в друга мужчин. Им, молодежи, виднее такая ситуация. Самое главное, что это внутренне социально и есть прочерк сюжета, который в институте нелюбим.

13 февраля, воскресенье. Для «Труда»:

«*Наше, несмотря ни на что, все еще советское телевидение хорошо тем, что показывает прекрасные картины жизни и героических людей. Одним из таких людей я считаю Владимира Лукина, депутата Госдумы, потребовавшего роспуска парламента, потому что парламент не избрал его вице-спикером. Этот замечательный поступок заставил меня поискать другие яркие высказывания депутата. И в новом справочнике «Кто есть ху» я нашел: «нельзя, чтобы хвост вертел животным…»*

Самой выдающейся картиной прошлой недели я бы назвал пейзажи и съемки одного из подмосковных охотничьих хозяйств. По уверениям жителей и корреспондентов, здесь охотятся высокопоставленные и просто москвичи, имеющие охотничью карточку стоимостью в 25, 10 или 5 ТЫСЯЧ долларов. По словам телевидения, бьют они дичь и других, еще не убитых животных, в любое время года независимо от сроков охоты. Ну, в это, зная строгое соблюдение в родном Отечестве законов, я не поверил».

Звонил Лыгарев, три каких-то мальчика из общежития скинули с пятого этажа стол и еще что-то из мебели. Лыгарев обещал прислать докладную.

14 февраля, понедельник. Н.Л. Дементьева пригласила меня в министерство культуры на процедуру представления Путиным нового министра. Им стал Швыдкой. Это означает все то же: Смелянский, Марк Захаров, Волчек — их мнение. Это вопрос все той же кланово-национальной эстетики и культуры. Но дело не в этом, я пришел, двор министерства был почищен, как перед пасхой. Милиция ни одну машину во двор уже не пускала, и поэтому Федя встал где-то в полукилометре от министерства. Мы поговорили с Н.Л. о создании общего проекта реконструкции Института, я рассказал, что уже сделано. Тем временем перед входом в конференц-зал поставили металлоискатель. Но оказалось, что сверху уже был сброшен список приглашенных: члены коллегии и руководители творческих союзов. Опять телефонный звонок, почему-то представлять Швыдкого едет В.И Матвиенко, это неспроста, что-то мне подсказывало, что надо уходить. По дороге встретил идущую через двор Ирину Константиновну Архипову. Путин уже запаздывал. Через два часа Н.Л. позвонила мне и сказала: В.В. так и не приехал, они пили праздничное шампанское без и.о. президента, президент не стал брать ответственность за Швыдкого. Самое интересное, что одновременно с этим Путин индивидуально, так сказать, принимал в Кремле Кончаловского и Гергиева, ставящих в Мариинке «Войну и мир» Прокофьева. Вот тебе и партийное руководство культурой! Посмотрим.

У нас в институте состоялась встреча с профессоршей из Оксфорда Карен Хью, которую очень протежировал Толкачев. Встреча была интересной, но, как мне показалось, милая профессор начинает диктовать всем университетам России, что такое современная британская литература. Одновременно с этим идет нажим на то, что известная нам литература XX века — Моэм, Мердок и все такое — устарела. Это, возможно, так, но должно быть чувство классики. Литература всегда следует образцам столетней давности, это вполне понятно, что она опаздывает.

Говорил со Светланой Николаевной Лакшиной о мемуарах Чудаковой. По словам Светланы Николаевны, Чудакова чуть ли не выдвиженка Лакшина. Теперь на него, на покойного, она нападает. Именно он отвел ее к Елене Сергеевне, вдове Булгакова. Ее заявление о том, что она не цитировала Ленина, тоже оказалось очень односторонним. С.Н., работавшая в Гослите, вспомнила внутренние рецензии нашей профессорши.

Умер Игорь Саркисян, один из самый талантливых людей времени. Мы работали вместе: я, Визбор и Саркисян. Я помню его еще молодого, с синевой на выбритых щеках, в красном свитере. А вот литературная судьба не заложилась.

Весь вечер читал мемуары Куняева в «Нашем современнике» и «Дневник» Ник. Бурляева. В мемуарах Станислава об осени 93-го много уже вторичного, рассужденческого. У Бурляева невероятная уверенность в себе. Досталось всем нашим общим знакомым и, возможно, поделом. Когда Андрей Плахов нападал на семейственность в фильме — это, конечно, было некоторое иносказание. Главная цель была — не маленький режиссер Бурляев, а авианосец по имени Бондарчук.

У меня жесточайший приступ аллергии.

15 февраля, вторник. Все утро дома занимался «Лениным» и только к двум приехал на работу. Тут же меня огорошил Сережа Кондратов. То, чего так долго ждали большевики, свершилось — в этом году очередные пять тысяч долларов на главный приз фестиваля он дать не может. Он не сладил со своими пайщиками. Причины у него вполне конкретные и, скорее, я его утешал, нежели он меня. Я всегда горжусь, и гордился Сережей так же, как и моими другими друзьями. Ничего не получая взаимен, — а та реклама, которая неизбежно шла, она мелочь по сравнению с тем, что он давал, практически бескорыстно, на последнем слове я и настаиваю, — Сережа за пять лет отдал фестивалю 25 тысяч. В возмещении, как бы моральных, потерь Сережа предложил по 2 комплекта энциклопедии «Брокгауза» и «Сочинений Толстого» (по 90 томов). Обещал еще также какой-то замечательный подарочный комплект 5-томного Высоцкого. Как последняя деталь, свидетельствующая о специфике русского характера. «Я, конечно, могу дать тысячу долларов, но это из своих личных денег». Тут я принялся уговаривать его этого не делать.

Вечером очень хорошо прошел семинар по материалу Кати Фроловой. Я не устаю восхищаться тем, как быстро движутся ребята. В известной мере семинар знаковый. Наверное, впервые в институте обсуждается повесть с гомосексуальным сюжетом, и заслуга ребят и Кати в том, что они тихо, спокойно, не хихикая, в этом пытаются разобраться, как с одним из феноменов жизни. Я был доволен собой и моим ассистентом Самидом Агаевым «лицом кавказской национальности», который, когда надо, умело молчит и умело что-либо вспоминает или подает реплики. Я прочел кусочек из «чернокожего массажиста» Теннеси Уильямса, а потом на память прочел из Хемингуэя. Все, что было сделано в молодости, начинает работать только в возрасте.

Что-то вечером было плоховато с сердцем, или наелся для профилактики чеснока.

16 февраля, среда. Об этом эпизоде, который случился утром,

я не смогу, как надо, ни рассказать, ни его описать. Это одна из тех историй, которые случаются в жизни, и к которым не подступишься в литературе. Для того, чтобы ее развернуть в литературе во всей психологической достоверности, надо обладать огромной площадью или невероятным талантом. Вся история вмещается в слова — русский национальный характер. Мне позвонил довольно внезапно Олег Захаров, тот самый, с которым я познакомился через Журавлева во время поездки в Ирак, и в разговоре я заметил, что мне другой мой приятель не смог дать 5 тысяч долларов на фестиваль. В этом же разговоре по телефону Олег мне сказал: «Ну, я сейчас к тебе подъеду и тебе их привезу». Последнее я, естественно, принял за некую инерцию, но когда Олег приехал, он вынул из кармана пакет с деньгами и положил на стол. Я обомлел. Он просто, от своего имени, дает этот самый призовой фонд, не от имени своего банка. Ни от имени своего учреждения. Просто дает. И у него мечта — конфиденциальность! — чтобы по этому поводу к нему не пришла налоговая полиция.

С Олегом говорили о политике.

Был и выступал на вечере памяти Владимира Яковлевича Лакшина в ЦДРИ. Там же познакомился с Анатолием Королевым, который так понравился мне при чтении летом. Меня порадовало, что на этом традиционном вечере людей было больше, чем обычно. Купил там книгу последних статей Лакшина за баснословно малые деньги — 10 руб. Теперь предвкушаю прекрасное чтение в Гатчине. Вечером говорил с Г.К., мне все больше и больше кажется, что у нас и разные цели, и разное отношение к искусству. На фестиваль я поеду в последний раз. Написал заявку для Гали Костровой по поводу своих дневников.

20 февраля, воскресенье. Днем ездил на работу, разобрал стол, чуть-чуть посидел над последней главой. Я не знаю, и не представляю, что я написал и что из этого получится. Если бы этому сооружению некоторую легкость. Мысли уже заняты сборником цитат! Читаю разную критику в «Н.М.», делаю выписки. Как много зависит от точки зрения. Немзер доказывает мне, что Нейман хороший романист. Между прочим, что там у нас на очереди? Книжка цитат. Вот за нее и возьмемся. Правда, как справедливо отметил в своих воспоминаниях Бурляев, художник остается в памяти потомков не письмами и статьями, а лишь художественными текстами.

Для «Труда», тоже, кстати, писать уже не хочется, надо сменить угол зрения. И язвительность иссякает:

«*Никак не могу понять, что соединяет в моем сознании*

Жириновского, лучшего говоруна постсоветской эпохи и «князя серебряного» нашей эстрады Сергея Пенкина. Один говорил в субботу у Доренко, а другой пел по ТВЦ в воскресенье. Пенкин мурлыкал что-то о любви и вспоминал свои двадцать лет, а Владимир Вольфович о квартирах и обидах от Избиркома. В обоих случаях камера как бы выманивала исполнителя на откровенность. И в обоих случаях впечатление состоявшейся эстрады. Все-таки телевидение — невероятная сила».

21 февраля, понедельник. Весь день просидел на научной конференции: «Древний текст: от оригинала к переводу». Все это организовано силами наших Гвоздевых, матери и дочери. От кафедры зарубежной литературы присутствовали только Тарасов и Кешокова. Второй раз делать преподавателям замечание неудобно. Много нового услышал от двух блистательных участников. А.А Россиуса и С.И. Кучера. Один блестяще говорил о стереотипах Возрождения, второй о китайской древней литературе и о китайской письменности. Россиус — самый молодой доктор и профессор МГУ. От обоих у меня ощущение восторга. Интересно выступил и наш С.В. Лаптев — он сделал перевод «Прекрасной песни» Ли Ок. Это называется «пощупать» литературу.

Конференция закончилась спектаклем «Муки Аристофана». Какая жалость, что из памяти все выветривается рано или поздно. Хороши были Малых, Дерепа и Маша Царева. Такое ощущение, что играл и веселился больше всех я.

Звонил Саша Сегень. «Наш современник» передвинул мои дневники на пятый номер. Ставят опять, наверное, что-либо горящее или свое, духмяное. Испаряется моя хорошая журналистская задумка. Показать жизнь с интервалом в один год. В год 2000 год 1999. Но Саша, которому А. Казинцев передал «Дневники», — «это скорее литература, чем публицистика» — редактор опытный и, значит, мне повезло.

22 февраля, вторник. Должны были обсуждать Лешу Бойко, но ксерокс не пробил его бледно напечатанную рукопись, и пришлось предпринимать меры. К счастью, согласился выступить на семинаре Анатолий Васильевич Королев, с которым я познакомился на вечере памяти Лакшина. Два часа он не без блеска держал аудиторию. Кое-что я записал из его выступления в свою записную книжку. Чтобы стать писателем. «Я очень страстно придирался к себе с юности». Здесь же последовал рассказ о Толстом, который придирался к себе молодому в дневниках. «Надо писать тексты, которые невозможно напечатать». «Дело

судьбы подхватить стакан, чтобы он не разбился». «Писатель не должен быть открытым блюдом». «Первым делом писатель должен создавать собственную историю». «Роман всегда допишешь до конца, сел, как на трактор, и доедешь. Другое дело рассказ». «На наше имя записана судьба». «В XIX веке роман любил читателя. Сегодня роман его не любит. Беря в руки роман, читатель попадает в ловушку». «Пыточное пространство романа». Интересно, хотя и не очень правдоподобно рассказывал Ан. Королев об отношениях Пушкина и Гоголя. «Если бы Пушкин остался жив, он бы стрелялся с Гоголем после выхода «Мертвых душ». Плюшкин — это отец Пушкина. Сходство фамилий и пр. Сергей Львович отличался скупостью. Пушкин, бросающий в воду серебряные монеты. Образ поведения художника. Ловил впечатления. «Читать не читая. Жить не живя».

Анатолий Васильевич не лишен кокетства. Я понимаю, что эти эссенции он произносит неслучайно, не совсем в пылу вдохновенья. Все это он узнал и прочувствовал за много лет. Желание покрасоваться законно. Мне понравилось, что с собой он принес небольшой конспект. Такого преподавателя было бы взять очень хорошо, но хватило бы ему сил и интереса блистать так пять лет?

Вечером было телевидение, несколько слов о Гатчинском кинофестивале.

23 февраля, среда. Ученый совет. Сам по себе он не представлял для меня особого интереса. Но еще утром Б.Н. Тарасов попросил меня подписать ему научную характеристику для баллотировки в РАН. Я отказал, потому что решил, что процедуру надо проводить более демократическим, а точнее, справедливым путем. Надо создать некий «Избирком», который внимательно рассмотрит все кандидатуры. Б.Н. человек достойный, в этой ситуации его жалко, но по-другому поступить я не мог. Впрочем, и этот мой шаг вызовет новые интриги нашей неунывающей профессуры.

24 февраля, четверг. Первая защита дипломов в этом году. А Анаприенко. Руководитель Юрий Кузнецов: «Пять лет в сонном состоянии, и поэтического перевоплощения не произошло». Миша Свищев. О нем Ю. Кузнецов сказал, что он идеологически амбивалентен. Рейн студента защитил. Потом слушали стихи Вани Русанова. К нему тоже были претензии. Тем не менее ученики Юрия Кузнецова — лучшие у нас в институте. Кузнецов очень требователен, хотя у него и много «отходов». Это отметил даже Андр. Мих. Турков, сказав о Кузнецове, что

«предпочтительнее, когда мастер суров, а не ведет себя, как на избирательном участке».

Сегодня защищалась также еще Света Богданова и Данила Денисов — у обоих холодная, грамотная постмодернистская проза. Оппонировал Вяч. Курицын и был удивительно точен. «Я не вижу побудительных мотивов ее работы» — о Богдановой. Что-то подобное сказал и о Давыдове. Интересно, что пять лет этот мальчик, сутулясь и перевесив через шею шарф, ходил с видом мрачного гения.

Вечером — в Ленинград, на фестиваль. Ехал в одном купе с Юрием Васильевичем Яковлевым. Он вспомнил меня по работе на радио. Юрий Васильевич умен, тактичен, стеснителен. Но ночью я проснулся от того, что во сне Яковлев ругался.

Похороны в Ленинграде Анатолия Собчака. Его похоронили рядом с Галиной Старовойтовой, которую уже забыли. Путин говорил не о смерти Собчака, а о его гибели. Верность Путина своему учителю понятна, но в этическом плане фигура Собчака сомнительна. Тень на нее бросает и его боевая супруга Людмила Нарусова. Впрочем, она со смертью мужа — фигура, уже принадлежащая прошлому. Но собственности ей бывший мэр оставил немало.

25 февраля, пятница. Открытие фестиваля. Клара Лучко. Я уже давно предположил, что большие актеры это все же несколько другой материал. В машине Клара Степановна и Юрий Васильевич рассказывали анекдоты. Анекдоты были не лучше и не хуже, чем во всех компаниях, но уровень рассказчиков сделал это невероятно острым и блестящим спектаклем, сыгранным лишь для нескольких зрителей.

Начало церемонии задержалось на полтора часа: опаздывал губернатор. В своей речи я аккуратно это отметил. Речью я своей доволен, сказав, в частности, о приоритете гуманитарного взгляда на жизнь перед прагматическим. Я закончил постмодернистским пассажем: из всех искусств после литературы важнейшим для нас является кино. Несколько раз мои слова прерывались аплодисментами. Открытие было строже, чем обычно, в церемонии стал исчезать провинциализм. Меньше оказалось бальных танцев, туманных дам в туалетах с перьями. В фойе меня нашел один из читателей моего незаконченного романа «Смерть титана». Он сказал, что это новый взгляд на проблему. Это не совсем так, но интонация здесь действительно несколько неожиданная для темы.

Потом состоялся прием в школе бального танца «Олимпия», где танцевала совершенно необычная пара ребят, мастера, как

говорят, международного класса. Это было здорово, но ребята эти, похоже, никогда в жизни не ели досыта жареной картошки и пирожков с капустой. Мы с Кларой Степановной налегали на оладьи из ананасов в кляре. Это какой-то петербургский изыск. Здесь же на приеме мне рассказали о другом петербургском изыске: рыбном торте. Слои красной и белой рыбы, икры и пр. Вот бы попробовать!

26 февраля, суббота. Первый день просмотров. Но уже сейчас я чувствую, что консенсус в жюри будет достигнут тяжелым путем. Наши силы поляризованы: с одной стороны, «чистые» демократические кинематографисты — Виктор Матизен и Ю.Н. Клепиков, к ним в силу целого ряда обстоятельств может примкнуть З.Г. Шатина, может примкнуть В.А. Сергеев. С другой, П.Л. Проскурин, К.С. Лучкой, Е. Плаксина, отчасти я. В первую очередь мы все люди народной идеи, сторонники большого стиля, мы любим русское лицо, пейзаж, иногда условную русскую речь. Я не могу сказать, что тот же Витя Матизен русофоб, но мы по-разному понимаем историю и у нас разные рефлексы. Вот в одном из сегодняшних фильмов реплика условного комиссара о будущем, обращенная к раненой молодой героине. Сидящий рядом Витя почти рефлекторно шепчет, «в котором ее расстреляют». Если говорить о том, что все мы в своей деятельности питаемся с России, то я хотел бы, чтобы эта неповоротливая, пьющая и неделикатная Россия давала Вите повод говорить о ней больше. А то он все своими блестящими статьями исправит, и писать будет не о чем.

«Семья» — сценарий и постановка Рустама Ибрагимбекова. Наконец-то я понял, почему в свое время были введены советские танки в Баку. Видимо, армяне, захватывая Карабах, так сильно надавили на азербайджанцев, вытуривая их из Армении, что родственники тех в Баку и Сумгаите устроили ответную бойню. Весь фильм ложно интернационализирован. В центре семья, в которой какие-то усыновленные дети других национальностей, девочка, дружащая с русским мальчиком. Но интересно, что глава семьи умирает, в том числе и от квартирных интриг своего приемного сына армянина Гарика, и у этого сына еще есть какая-то история с собственными ребенком, записанным на другую фамилию. В общем, если быть внимательным на эмоциональном уровне, армяне, по Ибрагимбекову, не так хороши.

«Волшебная свирель» — прелестный анимационный фильм по мотивам осетинского эпоса. Много народного вкуса, хорошо вписаны «современные» начало и конец. Здесь рисованный старик говорит внуку об эпосе аланов. «Футбольная команда так

называется»

«Подлец» — эстонский режиссер Валентин Куйк по рассказу Набокова. Все это осовременено, как бы большие настоящие страсти в малогабаритной квартире. Все очень точно сделано, грамотно и последовательно. Хорошие молодые актеры. Но фильм холодноват, да и вообще материала к концу не хватает, много снов и кинематографической литературщины.

Народ очень горячо воспринял фильм Панина по рассказу Андрея Платонова «Опять надо жить». Здесь много русских лиц, молодых, красивых. Действие происходит в двадцатые годы, голод, галерея типов. Много вставных эпизодов не лучшего вкуса, много штампов и красивостей. Но это такой кинематограф. Зато это большой стиль, народная жизнь, симпатия к русскому характеру. Интересно то, что в своей интерпретации Панин вернулся к тому прочтению Платонова, который и соответствует писателю. Платонов поддерживал революцию и не был антисоветчиком, каким сейчас его пытаются представить. Прелестная девочка, игравшая в фильме Говорухина — Анна Синякина.

Перед показом «Опять надо жить» выступал композитор Дога: «Я давно живу в России и теперь более русский, чем многие русские, которые перестали ими быть. Любите себя, и другие вас тоже полюбят».

27 февраля, воскресенье. Главное событие — это никакой фильм, сделанный по «Судье в ловушке» Филдинга. Но это на последнем сеансе. Сначала показали «Ворошиловского стрелка» Говорухина, и состоялся гала-концерт. «Стрелок», конечно, странноватая картина. Как просто человек, я согласен с героем: если не может защищать государство, надо защищаться самим и своими методами. Но что же будет, если вместо закона мы начнем заниматься самосудом. В фильме предупреждение не только государству, но и криминалу. Мне очень нравится девочка героиня и восхитительный С. Гармаш, играющий капитана милиции.

На гала-концерте я заметил, что актеры уже не читают монологи или серьезные стихи и рассказы Чехова и Толстого. Все приплясывают, рассказывают случаи, играют на гитаре и поют, вспоминают старые байки. Все идет по какой-то облегченной программе. То ли у актеров не хватает адреналина, то ли страсти и техники. Зритель привык, чтобы его развлекали, и не хочет серьезной работы. Кстати, в обычной жизни, я заметил, родители очень заботятся, чтобы их дети ходили в музыкальные школы, кружки бального танца или в секции, порой заставляют свое чадо

играть на пианино силой, гордятся успехами детей, а ведь никого особенно не волнует, что ребенок не читает книгу. На гала-концерте очень интересно и зло Вячеслав Шиловский рассказывал о посещении МХАТ Брежневым. Зал слушал его на одном дыхании. Интересно наблюдать, когда разные люди: служащие, рабочие, банкиры, шулера, пэтэушники, солдаты, воры, проститутки, сутенеры и киллеры — превращаются в публику. Но вернусь к рассказу Шиловского. В тот день показывали «Дальше, дальше, дальше» Шатрова. Это спектакль о Ленине. Брежнев, сидящий в ложе, что-то недослышит, Громыко ему объясняет происходящее. Но кремлевская охрана перепутала линии связи, и шепоты Брежнева пошли через репродукторы в зал. Здесь возникли какие-то комические эффекты.

Очень умно выступила Клара Степановна Лучко. Я никогда не думал, что эта актриса так точна, умна и тактична. Разговоры и общение с ней мне доставляют огромное удовольствие.

Полную и вопиющую неудачу «Судьи» Людмила Ивановна Касаткина никому не простит. Фильм сделан по какой-то новой телевизионной технологии, но ни зрителей, ни жюри это не интересует. Режиссер не уходит от пьесы, но и не вплывает в кино. Людмила Ивановна играет форсированно, чувствуется, что и взялся Колосов за эту работу из-за нее. Кому-то Касаткина сказала, что за последние пять лет в театре у нее нет новых ролей. Из жюри только я один досмотрел фильм до конца. Пришлось отчаянно напрягать глаза, но у меня в гостинице оказался катахром. Каким образом фильм попал в конкурс, мне тоже неизвестно: его показывали на трех больших телевизорах, поставленных на сцене. Это, конечно, было издевательство над зрителем. Но кого-то Л.И. уговорила на такой эксперимент.

2 марта, четверг. Долго после обеда спорили и торговались. Мне понравилось то, что Матизен слушает аргументы. Тенденция Юрия Николаевича Клепикова такова: мы не уступаем ничего. Самое главное — мы отдали второй по значению приз Говорухину, и для главного приза — «Барак» Валерия Огородникова придумали точную формулировку «За создание выдающегося актерского ансамбля». Сделан фильм здорово, но есть некоторые резоны и в том, что это не прорусский фильм. Прекрасно, кстати, еврея-фотографа играет Ярмольник. Посмотрев его работу, хочешь-не хочешь станешь антисемитом. К шести часам я уже сделал протокол решения жюри. Ничего не получила Галя Евтушенко, которую я же и рекомендовал на фестиваль за документальный фильм о Шатрове.

Вечером был «пивной бал». Опять байки актеров, песни

наших ребят, некая отдыхуха для своих. Пообщаться с великими актерами пришло и начальство.

3 марта, пятница. Утром на пресс-конференции был маленький инцидент. Я объявил решение жюри, и кто-то из журналистов поинтересовался, почему мы обошли Сафонову. По стилистике я сразу понял, что кое-что из аргументов и контраргументов заседаний нашего жюри просочилось. В вопросе было и такое: были ли другие точки зрения на распределение призов, и в частности, за женские роли. Я сразу увидел здесь призыв к доносительству и предупредил автора вопроса, что та часть вопроса, которая касается «других мнений», некорректна. Витя Матизен не утерпел и нарушил общую анонимность, сказав, что, по крайней мере, он был за Сафонову. Мне очень понравилась, что Лучко в ответ приняла вызов и сообщила собственные аргументы относительно игры Сафоновой. Мне-то эти аргументы казались убедительными, но мужество актрисы порадовало.

Вечером состоялась церемония вручения призов и прием. Я сумел сказать несколько слов, которые вызвали аплодисменты. Моя мысль была не нова, о государстве, которое бросает своих граждан. Во время церемонии зачитали приветствие В.В. Путина. Меня радует, что наш президент (или будущий президент) поддерживает все начинания, которые и мне кажутся дельными. Вот, думаю я, маленький самодеятельный фестивальчик превратился в культурное мероприятие совершенно определенного направления и четкой ориентации. В определении этой ориентации необходимо слово «народный».

4 марта, суббота. Приехал, уборка, В.С. уехала в больницу. Стирка белья, мытье кухни. Приехала еле живая. Голова у меня кружится, из носа течет, куда-то задевалась одна работа о Ленине. Завтра утром пойду в баню. Саша Великодный очень удачно справлялся без меня — аккуратно гулял с собакой. Пришел С.П. рассказывал, как ездил в Видное.

7 марта, вторник. Была Ольга Васильевна со старой песней, что она святая, бухгалтер идеальный, деньги внесены в кассу по другому ордеру, а почему они были внесены по ведомостям курсов Н.А. Бонк и почему надо было это делать, она не знает. Тем не менее, ничего не могу с собой поделать, и, несмотря ни на что, она продолжает мне нравится. В разговоре я прямо высказал ей, что подозреваю ее в «наезде». Она тут же и готово отпарировала, что сдал меня Дмитрий Николаевич, тут же

отправив бандитов ко мне. Я промолчал о том, как она купилась на телефон ФСБэшников, который я ей дал. Ребята мне точно сказали, что по этому телефону никто к ним не звонил и «стрелку» не назначал. Отчетливо я помню и другие детали, которые свидетельствуют против нашей милой Олечки. Ну, да Бог с ней. О.В. попросила у меня также ссуду в 20–30 тысяч рублей, «на жизнь». Я не очень верю в нищету, в которой она живет, думаю, что, скорее, здесь стремление сыграть на беспроцентной ссуде и повышении курса доллара.

Вечером был в театре Калягина «Эт сетера» на представлении «Лица» по Чехову. Как мне надоел Чехов на театре! Это даже не любовь зрителя к Чехову, а простая лень завлитов и руководителей театров что-либо читать новое. Вспомнил «Театральный роман» Булгакова: а зачем надо писать новые пьесы? Пять известных рассказов Чехова. Сыграно неровно. Иногда или сам Калягин или его партнер форсируют образ.

Прочитал книжку, которую по моей просьбе подарила мне Олеся Николаева. Честно говоря, ожидал скорее отрицательного удовольствия в духе ее довольно многозначительных речений. Меня всегда смущала ее преподавательская практика, со слишком необязательными и приблизительными требованиями. Но книжка оказалась классная. Это разговор о постмодернизме в разрезе христианства, и здесь довольно точно вскрыта антигуманная и вторичная сущность этого направления, подмена веры — ну, не рискну сказать «в Бога», но во что-то святое, чему всегда поклонялась литература, верой в какие-то мелкие плюралистические божества. У нас — один труд, одна совесть, одна этика, это те права, которые христианская религия, в первую очередь, отвоевала для человека у разума и природы.

В книжке много дополнительного материала, интересных исследований, я даже полагаю, что Олеся Александровна по ней может защищаться. Не смутило меня и благословение книжки Патриархом, хотя сначала могло показаться, что и это «блатная», «общественная» часть связей Николаевой.

У меня поменялась психология, т. е. практически я начал жить, как когда-то мне рекомендовала моя бабушка — не думай о завтрашнем дне, Бог даст. Это, в основном, относится к жизни истинной. Я всегда чрезвычайно нервничал, если реально не мог представить себе — чем заплачу через месяц зарплату, если в январе уже не высчитаю отпускные на июль и август. Но сейчас это становится невозможным. Остро чувствуется отсутствие денег не только у населения, но и у предпринимателей. Практически уже несколько месяцев не платят арендаторы-угольщики, расторгнут договор с магазином. Институту давно не платит

Шапиро. Я все время пытаюсь устроить с ним хотя бы какой-нибудь бартер. Недавно привез бумагу для ксерокса, которую он выменял на какое-то свое вино, и на этом прекратилось все. К счастью, пока оплатил телефон вплоть до февраля. Наше платное обучение также не в полном порядке: одни ребята расторгают договор, другие требуют скидку. До 30 %, разрешенных законом, я даю. Вывозит все ведомство Толкачева. Репутация, которую мы нарабатывали за последние 8 лет, начала действовать. Есть два потока: ирландский и корейский. Сейчас, может быть, возникнут некие тайванский и китайский проекты.

Тем не менее эта проблема заставляет меня дергаться, отсюда плохо со здоровьем. Я грешу на аллергию, на простуду, но заметил, что все ухудшается, как только я понервничаю.

В политике некая зыбь перед выборами президента. Мне иногда кажется, что большинство кандидатов в президенты затеяли свою заранее проигранную кампанию, чтобы просто поудачнее сдаться Путину. Нашего президента окружает все та же тусовка искусства. Мне иногда кажется: Марк Анатольевич Захаров сожалеет, что у него нет второго партбилета, который он мог бы сжечь. Вообще тоска и сумерки.

Сегодня у нас семинар, разбираем Пашу, который невероятно вырос за два года. Я отчетливо сознаю, что это не только мои усилия, но, тем не менее.

На 8 Марта мы всем нашим женщинам выдали по тысяче рублей.

8 марта, среда. Спокойно и тихо прошел этот несчастный и нелепый праздник.

Вечером звонил Илья Кириллов. Поговорили с ним о судьбе его товарищей — выпускников литинститута. Любопытно, что именно ребята, заканчивавшие институт с особыми претензиями, отошли потихоньку от литературы. Назаретян живет на компьютерно-програмном бизнесе, Грачев держит какой-то киоск с дисками, Арсений Конецкий развелся с Мариной Ровнер, и имя его в прессе не встречается. Олег Коростылев, с которым Марина была дружна, сейчас работает ответственным секретарем журнала «XL». Олег ушел из института, где преподавал, в коммерческое дело. Перед этим институт оплачивал какие-то счета из больницы за лечение его артритов. Марина вышла замуж за владельца какого-то крупного частного сыскного агентства, и теперь главный редактор того самого журнала, куда ее привел Олег Коростылев, Виталий Амутных ничего не пишет и занялся телевидением, один несчастный Илья Кириллов, «пасынок природы», сочиняет свои упорные статьи в «Завтра литературы».

9 марта, четверг. Состоялось заседание государственной комиссии по защите дипломов. Поэзия: Лисковая О., Марголина И, Полубота А, Серединцева Е. и Федя Черепанов. Федя получил отлично, Полубота свои твердые «успешно», а девочки были невероятно слабы. Девочек представляла Олеся Николаева. Можно было бы упрекать и ее, но Марголина и Лисковая это «отходы» от семинара Ю.П. Кузнецова. Тем не менее я не утерпел и, выступая по поводу диплома своего ученика Юры Роговцева съязвил, что наши защиты похожи на выступление Дэвида Копперфильда или другого какого-то мага. Какую-нибудь гадость маг накрывает своей шляпой, и под шляпой оказывается цветок. Тем не менее никто, кроме Цибина и Кузнецова, не дает нашим студентам твердой поэтической школы. Теперь я возлагаю особые надежды на Лешу Тиматкова. Сегодня он очень точно и непримиримо выступил как рецензент по поводу диплома Оксаны Лисковой. Вот цитаты из Леши, который еще так недавно был нашим студентом. Как хорошо я помню милого хипповатого мальчика с ленточкой на лбу, который пришел проситься у меня перевести его с заочного на очное отделение. «Истинная поэтическая речь всегда поляризована, она, как прут средневекового золотоискателя, сама тянет автора к тому месту, где лежит клад. В стихах О. Лисковой я не чувствую этой намагниченности. Силового поля, которое одно только способно обеспечить единство художественного мира». И вторая цитата, еще более жесткая: «Если с неуверенностью в нашу рефлектирующую эпоху бороться действительно трудно, то формой за пять лет учебы в Литературном институте можно было овладеть». Мне очень нравится, что идет новое «негибкое» поколение.

Особый эпизод — защита Юры Роговцева. К счастью, я давно приучил себя к предательству учеников. Я сочинил довольно точную, как мне кажется, и объективную рецензию-представление. Из недостатков указал на крайний субъективизм и вследствие этого неумение структуризировать тексты. В общем, Юра меня не послушал и сдал огромную работу, в которой прекрасные куски перемежались с невнятицей.

Самое любопытное, что С.Р. Федякин повторил все мои доводы по общей организации повести Юры. В конце защиты, когда соискателю предоставляют слово, Юра вспомнил мне все, а особенно то место в моей статье, когда я представлял его рассказы в «Домашнем чтении». Там я рассказывал, что взял его в институт практически из жалости. И это действительно было так, потому что я не имел права брать абитуриента с Украины. Потом

я его перевел на очное отделение, потом он попросил отдельную комнату, привезя справку из психдиспансера. Во всей его путаной речи было стремление во что бы то ни стало уязвить меня. Но я его, бедного, понимаю.

Днем занимался организацией ломоносовской конференции и бумагами. В Москве метель, зима компенсирует упущенное. По телевидению передают о взрыве самолета ЯК-40 в Шереметьеве. На его борту погиб Артем Боровик. В прессе поднялся невероятный шум. Потому что предполагается теракт. Показали плачущую мать Артема и отца, Генриха Боровика. Почему-то мне не жаль этих людей, т. е. нет особой человеческой жалости, но есть понимание катастрофичности для отца и матери этой утраты и сочувствие. Богатые гибнут в наше время первые. Генрих Аевизерович заплатил за ранний старт сына, за те возможности, которые не имели его сверстники. Возможности рождали чувство исключительности. Помню еще совсем молодого Артема, которого отправили служить в американские войска. Его прекрасные статьи, отзыв Грехама Грина об одаренности этого мальчика. Где здесь одаренность, а где мощная подпитка клана. Жаль. Я плавал с ним в бассейне «Москва», на месте которого сейчас храм Христа Спасителя. А в общем, конечно, лучше бы ничего подобного не происходило.

Несколько выписок из архивных дел. Я использую свое служебное положение в личных целях. Эти документы потом надо будет разнести по соответствующим местам.

Пелевин В.О., 2 курс, контрольная работа по политической истории XX века.

Тема: «XXVII съезд о дальнейшей демократизации общества». 25.02.90 г.

Впечатление от работы такое, что писалась она лет пять тому назад, автор мыслит устаревшими категориями, как будто и не было пяти лет перестройки.

Характеристика |

на студ. 2-го к. з. отд. Пелевина В.О.

В рассказах Виктора Пелевина — достоверность житейских наблюдений, иногда утрированных. В последнем рассказе — попытка «сюрреалистического» повествования (о том, как наступает смерть). Еще пока — авторские поиски, идущие скорее от отвлеченного «философствования», нежели от подлинности внутреннего, духовного опыта.

Руководитель семинара М. Лобанов, март 90 г.

Новиков М., 4 курс, контрольная работа по истории русской критики на тему «Учение В.И. Ленина о партийности литературы.

Ваше неравнодушие, ваше стремление размышлять, а не повторять, разумеется, вызывают сочувствие, но перечитайте свою работу, благо, она крохотна: в ней больше суммирования уже высказывавшегося, а не конкретно исторического анализа. Кажется, Вы сели за машинку раньше, чем обдумали то, о чем хотите сказать.

Характеристика на студ. 2-го курса з. отд. Новикова М.С.

Путь Михаила Новикова от фантастических рассказов, с которыми он поступал в Литинститут, к реалистическим несколько затянулся, он мог бы писать больше. Отчасти это можно объяснить тем, что он увлекается критикой /показывал мне свою статью/. Сейчас М. Новиков работает над новыми рассказами, в которых должно с большей четкостью, чем до этого, определиться направление его литературных интересов, само качество прозы /до этого «реалистические» рассказы его были удачнее «фантастических»/.

Руководитель семинара М. Лобанов. Март 1965 г.

Николай Шмелев, газета «Труд» № 45:

«Начнем с того, что оборонительные расходы, которые фактически задушили СССР, сократились примерно в пять раз. Расходы на здравоохранение, образование, науку уменьшились в десять раз. Заработная плата в России упала приблизительно в два, а с августа 98-го — в три раза. Пенсии сократились в пять-шесть раз. При этом налоговая нагрузка на предприятия выросла в среднем в два раза по сравнению с советским временем. Кроме того, мы перестали содержать 14 советских республик, субсидии которым ежегодно составляли порядка 50 миллиардов долларов. Плюс 20–25 миллиардов долларов в год мы вколачивали в страны СЭВ и страны третьего мира — бесплатными поставками, льготными ценами на нефть, газ… Это колоссальные деньги. А сегодня весь российский бюджет — 20–30 миллиардов долларов».

12 марта, воскресенье. У меня ощущение, что мало работаю над дневником. Правда, вечер пятницы и субботу сидел над верстской журнала «Проза», где у меня идет половина материала. К сожалению, в редакции не сделали никаких замечаний, а вычистить рукопись сам я не смог. Боюсь, что редакция понадеялась на меня больше, чем это следовало бы делать. Этот журнал очень лихо издает Володя Крымский. Я заглянул в другие тексты, много интересного, хотя на первый взгляд кажется, что облегчено. Но читающий, проходя через усложнения, вплавляется в более четкие и трудные тексты. Кажется, в журнале будет хорош роман какого-то неизвестного мне молодого парня. В романе действуют ангелы.

С моей публикацией в «Нашем современнике» что-то застопорилось. Я говорил об этом в пятницу в институте со Станиславом Юрьевичем Куняевым. Он также сказал мне, что я напрасно умягчаю в верстке еврейскую тему. Объяснять, что деталей больше, чем диктует хороший вкус, бесполезно. Здесь правота не одного дня дневника. А общей картины. Задержка с

публикацией, видимо, связана с обилием других обязательств. Мои дневники не защищены ни связями, ни экстренной ситуацией, в них только мой заблуждающийся голос. Я тихо делаю ставку на книгу — «Дневник ректора».

По словам С.Ю. я понял, что наш патриотический клан обеспокоен присуждением В.Г. Распутину премии Солженицына. Это как бы выводит Распутина из публицистическо-патриотического оборота. Журнал поставлен в трудное положение: Распутина надо поздравить публично. У журнала возникло желание поздравить сам присуждающий премию фонд с проявленной смелостью. Воевать и воевать. Я посоветовал все-таки не обращать внимания на внутренние распри и поздравить как надо. Пора, ребятки, смириться, с тем, что рожей, талантом и образованностью не вышли. Да и к чему эта подпольная война?

С удовольствием, а иногда и с упоением читаю книгу В. Гусева. Все на редкость толково и спето своим голосом.

14 марта, вторник. Записываю театральные впечатления, а вдобавок ко всему и сегодня иду в театр. У К. Райкина премьера по пьесе Мердок. Это моя старая привязанность, да и Сергей Петрович просил. Мои театральные впечатления чисты от корысти и мелкости, потому что по обыкновению хожу бесплатно и сижу близко. Из-за плотности этих «хождений» невольно возникает идея сравнений. И здесь из последнего и более дальнего я, конечно, не пропущу «Без вины виноватые» А. Островского в театре у Т.В. Дорониной. Это уже второй спектакль, премьера состоялась 8-го. Шел, уже зная, на что, потому что в субботу прочел в «Коммерсанте» уничижительную рецензию. Этому можно и не удивляться, это просто другая точка отсчета без взгляда на другую. Широта восприятия подразумевает культуру. Спектакль у Дорониной, как всегда вызывает много раздумий. Во-первых, хорошего спектакля и не может быть без хорошей пьесы. Любые просто театральные действия, не снабженные глубоким словом, — это лишь быстро выветривающиеся сны, лишь настоящая драматургия захватывает человека до подсознания. Хорошая, мощная пьеса проходит, если все гладко, нет особых накладок, если за актеров, за качество их игры не стыдно. Вот почему, наверное, театры предпочитают устоявшийся репертуар. Во-вторых, идет уже собственно театр, актеры, декорации. Это тоже держит, увлекает, вызывает волнение. В рецензии «Коммерсанта», как обычно, нападки на режиссуру и статуарность Дорониной. Но разве не растворяется актер в приеме? Я не мог здесь разделить спектакль и режиссуру. Если и были «приемы», то они немудрящие. Но вот любимая моя

«гудящая» атмосфера на этом спектакле была. Доронину часто упрекают в том, что она отыгрывает уже нажитое с другими режиссерами. Нажить этот внутренний магнетизм огромной личности ни с кем невозможно. Он или есть или отсутствует. С поразительным вниманием четыре с лишним часа зал внимал — другого слова я не подберу, — жизням по времени давно истлевших людей. Вот тебе и режиссура! В этом смысле спектакль почти модернистский по своей простоте и следованию МХАТовской правде. Никаких приемов и подделок под правду. Декорация рисованная, интерьер достаточно условный, костюм театральный, в котором никто и никогда по городу не ходил. Но какое от всего этого огромное удовольствие. Опять поймал себя на том. что думаю, сколь многим Чехов попользовался у Островского. Какая неслыханная простота в слове и обязательно история. Как же мне надоел в театре Чехов и его «интеллигентность», которую наша ублюдочная интеллигенция из-за недостатка чего-либо путного в себе несет, как знамя.

На следующий день был в театре на Бронной на спектакле Сергея Житинкина о Нежинском. Это тоже все занятно, интересно, местами условно глубоко. Но почему-то все это меня не затрагивает. Хорош Вавилов и Домогаров. Я люблю балет, все знаю о Нежинском и их отношениях с Дягилевым, но что-то в пьесе оказалось тематически непрописанным. Я бы сказал, что Житинкин каким-то образом сумел преодолеть недостатки пьесы. Я еще никогда не видел такого большого количества исторических лиц на одной сцене: Бакст, Кокто, Стравинский, Дягилев, Фокин. Нижинский.

На семинаре обсуждали Светлану Г… Много говорил о стилистике, а перед этим рассказывал о двух спектаклях, которые я посмотрел за воскресенье и понедельник. Только двое из всего семинара слышали фамилию Дягилева, двое — Кокто и человек пять-шесть слыхали о Стравинском.

Потом я поехал в райкинский театр на премьеру спектакля по пьесе А. Мердок «Слуги, снег». И опять, несмотря на высокие цены, театр был полон. Может быть, — вернее, в том числе — это зависит от того, что все почувствовали, что телевидение окончательно мертво и потянулись к чему-то живому. Эта единственная пьеса недавно скончавшейся английской писательницы — прекрасный путеводитель по всем ее профессорским романам. Новых особенно мыслей нет, пьеса растянута, но, как иллюстрация к сегодня, любопытно: стоящий на коленях и требующий власти народ, либерал, желающий устроить парламент слуг и не желающий поступиться властью. Хороша и картинка: этот же либерал, в своем поместье, «по

необходимости» пользующийся правом первой ночи. Воистину влияние писателей на публику бессмертно.

Встретил в театре В. Маканина с женой. Поговорили без сердечности. Чего ему не хватает?

В театре холодно: из-за аварии отключено отопление.

Поздно вечером по РТР шла передача, посвященная 70-летию Егора Яковлева. Участвовал весь совершенно определенный политический бомонд: Юр. Любимов, В. Молчанов, Каданников, В. Славкин, Ю. Гусман, Л. Дуров и даже М.С. Горбачев. Как быстро оперился после трагической смерти жены! Все это политические единомышленники и люди близкого к Яковлеву возраста. Вся ситуация показалась мне достаточно нескромной. Кто такой Яковлев, чтобы устраивать из его частного юбилея общенациональный праздник? Это в тот момент, когда гибнут тысячи людей в стране. Кто такой Яковлев, когда почти от голода погибают его сверстники, проработавшие весь свой век у станков и в поле? Разрушитель их обеспеченной старости? Я полагаю, что мы, старики, не умеем взглянуть на себя, на свои вторичные лица и все жмемся к живительной телекамере. Я-то уже начал себя стесняться.

ФСБ взяло и уже перевезло в Москву Салмана Радуева. Чего это он стал такой легкодоступный? Опять по ТВ показали похороны псковских десантников. Служил патриарх, на службе присутствовал Путин. Его предвыборная кампания режиссируется прекрасно.

16 марта, четверг. Звонил А.С. Вартанов, постоянный редактор телевизионной странички из «Труда». Жаловался, что без меня в его страничке не хватает перца. «Конечно, в редакции иногда не понимают, о чем вы пишете, но когда понимают…». Обещал в субботу что-нибудь сделать.

Наши мальчики и девочки довольно быстро ассимилируются в Москве, когда приезжают. И не имеют никаких моральных обязательств. Когда им представляется возможность зацепиться здесь поплотнее. Валера Беляров, наш заочник, которого я устроил в Москве у нас в институте охранником, привез в столицу жену и ребенка. У них в провинциальном городе нет ни работы, ни возможности жить. Он сам работал охранником в банке. Жена, молодая красивая женщина, очень хорошо работала в общежитии горничной сразу на двух ставках. Мы ему дали комнату в общежитии иностранцев на 3-м этаже. Но вот теперь жена вдруг устраивается, еще не проработав и полгода, в рекламное агентство. Что же, будет теперь жить по коммерческой цене!

В институте в четверг прочли лекцию по авторству Шекспира.

Все достаточно убедительно и даже романтично — драматург — сводный брат и племянник Елизаветы, его авторство — «государственная тайна» королевства, Шекспир — «живой псевдоним», Бен Джонс — агент английской разведки. Конечно, ничего от этого не изменится, в авторах будет состоять все тот же миф о Шекспире. Но многое в драматургии Шекспира стало понятнее. Автор лекции очень верно подметил: надо признаться в том, что мы имеем дело с гениальным трагиком, плохим комедиографом, с вымученными ухмылками и средним поэтом — «Лукреция», «Венера и Адонис». Студентов мы отпустили с плановой лекции. Чтобы они послушали что-то сенсационное. Но в зале сидел ректор, декан и пять студенток.

Вечером ездил с С.П. и Барбарой на спектакль в театр А. Вилькина «Вишневый сад». Это два действия по Ионеско и Беккету. В этом и заключается единственный смысл нашего времени: за четыре дня я смотрю четвертый — и такие разные — спектакли. И ничего от этого не меняется. Опять спектакль превосходный. Мне иногда кажется, что Вилькин довольно крепко дописывает именитых авторов. В этом семейном предприятии очень хорошо играет и дочь, и мать О.А. Широкова. Обидно, что я приехал без цветов. Зал, как и на предыдущих спектаклях, полон. Я связываю это с постоянным враньем телевидения и усталостью от него.

Снился Сережа Кондратов. Надо ему позвонить, как он там? В «СК новости» написали, что «издательство «Терра» на этот раз не сопроводило Главный приз фестиваля денежным поощрением». Все помнят интеллигенты, когда дело касается денег.

Вечером поздно по ТВ шла передача о 93 годе. Самое любопытное в этом — формулировка Сатарова «О необходимости расстрела Белого дома и путча перед возникающей возможностью приватизировать многомиллиардную собственность Союза». По ТВ в открытую говорят о фальсификации референдума о конституции.

17 марта, пятница. На ночь глядя, просматривал прекрасный журнал «Новое литературное обозрение». Его редактирует Ирина Прохорова, говорят, что деньги на журнал дает ее брат, банкир. К сожалению, весь журнал прочесть не могу, хотя это увлекательнее, нежели читать какую-нибудь мелкую художку и уж тем более студентов. В 40-м номере заинтересовался статьей А.И. Рейтблата «Русские писатели и III отделение». Ничего нового здесь в тенденции, кроме массовости этой «писательской службы», для меня нет, но какие имена приводит автор.

«В середине 1840-х гг. Ф.И. Тютчев установил контакт с III

отделением, пытался наладить систему русской контрпропаганды за рубежом, для чего подал через III отделение царю специальную записку». Опять цитата: «В июле 1831 г. Пушкин пишет Бенкендорфу следующее характерное прошение: «если государю императору угодно будет употребить перо мое, то буду стараться с точностью и усердием исполнять волю его величества и готов служить ему по мере способностей…» ничего не поделаешь, писатель всегда жмется к власти, к достатку. Был, оказывается, связан с третьим отделением Загоскин. Дальше я приведу еще одну занимательную цитату. Автор статьи говорит о неком Борисе Михайловиче Федорове, журналисте, поэте, прозаике и драматурге. Судя по всему, это старая модель какого-то жившего в наше время поэта-лизоблюда. Вот что автор о нем пишет: «Придерживался он и устаревшего понимания социальной роли писателя как клиента при патроне, меценате, обязанного воспевать своего покровителя и подносить ему плоды своей музы. Его формулярный список испещрен записями о поднесенных членам царской фамилии произведениях и полученных за это подарках. Так, за поднесенное императрице Александре Федоровне в 1826 г. сочинение «Чувства Россиянина при вести о кончине Александра I» он получил в подарок золотую табакерку, за представленную ей же в 1827 г. книгу «Детский цветник» был пожалован бриллиантовым перстнем, за стихотворение на рождение великого князя Николая Александровича в 1843 г. вновь получил бриллиантовый перстень, за стихотворение на рождение великого князя Владимира Александровича в 1847 г. — еще один, за стихотворение по случаю юбилея великого князя Михаила Павловича в 1848 г. — золотые часы и т. д. Но Б. Федоров не ограничивался императорской семьей. Точно так же он посвящал стихи сенатору, адмиралу Н.С. Мордвинову и брал деньги за подносимые экземпляры» (Нов. Литобозр. № 40, стр. 179). Здесь все можно транскрибировать по-другому. Заменить кольцо с бриллиантами на ордена и медальки, высочайшие благодарности на путевки в санаторий и безочередное получение машины «Жигули» и — вперед!

В старом 38-м номере я прочел прелестную рецензию О. Коростылева на книжку профессора Агоносова «Литература русского зарубежья». Это огромный том в 500 страниц. Я уже давно не читал ничего столь уничижительного. После такой критики надо собирать ученый совет и снимать с человека звание. С чувством глубокого удовлетворения позвонил Ю.И. Минералову и зачитал избранные цитаты. Теперь переношу их в дневник. Делаю это еще и оттого, что в свое время любезный профессор проехался по двум аспирантам, делавшим доклады о

моих работах.

«Дружелюбный джентльмен М. Осоргин предстал «анархистом и ярым антисоветчиком. А жена Синявского Мария Розанова, как выяснилось, родная дочь того самого Василия Васильевича Розанова, что скончалась в 1919 г. А ведь по виду никак не скажешь, что ей под девяносто!»

«Есть все же какой-то уровень числа погрешностей, превышение которого переводит книгу в новое качество. В данном случае любые максимальные нормы превзойдены в разы, в масштабах прямо-таки космических».

«Много несуразного было в советской системе книгоиздания, однако же и положительные стороны были. Учебник с таким количеством неточностей и явно неверной информации вряд ли мог бы не только дойти до магазинных полок, но и пройти рассмотрение высших инстанций. О том, что разрушен этот аппарат, сама система предварительной оценки учебных изданий, стоит только пожалеть. И повздыхать о тех временах — прошлых или будущих — когда учитель может взять в руки учебник без недоверия и опаски».

Теперь по времени поднимемся вверх. Днем встречался с дирекцией Стружских вечеров в Македонии. Встреча проходила по инициативе Минкульта. Вся приехавшая ко мне тройка — люди немолодые. Уходят последние люди, которые еще владеют русской культурой. Напоил коллег чаем, и разошлись, взаимно довольные друг другом.

В музее Ермоловой был на маленьком спектакле по «Бесам» Достоевского. Мне было интересно.

19 марта, воскресенье. Возможно, что для дневника я уже иссяк. Пишу с неохотой, скорее принуждая себя, нежели с удовольствием. Подчиняясь, скорее, рациональной необходимости — я действительно много вижу и многое замечаю, — эмоциональной волне. Скорее, из честолюбия, чем по собственной спокойной воле.

День прошел бестолково и трудно. Хорошо, что с утра написал отрывочек для газеты, который пойдет, как обычно, ниже. К одиннадцати заехал Федя, и мы с ним отправились на Пятницкую, где в прямом эфире Виктор Калугин час интервьюировал меня для «Народного радио». Сама передача и интервью были плоскими, я говорил довольно затертые для меня слова. Интересным было только то, что когда я как-то очень обтекаемо дал отпор некой прорвавшейся по телефону гражданке — она говорила, что советский строй убил Мандельштама, мучил Пастернака, довел до самоубийства Цветаеву, при советском

строе сидел Шаламов, когда я очень деликатно стал говорить об издержках каждого времени и вспомнил Генриха VIII и его канцлера Томаса Мора, — то целую отповедь этой даме дал другой радиослушатель. Он сказал, что при этом строе они стали поэтами и писателями и при этом же строе стали сомневаться и начали быть строем недовольны. Сказал дорогой товарищ все это убедительно и весомо.

Вторым любопытным моментом оказалась статья в февральском номере журнала «Москва» Наташи Ярцевой, с которой я вместе работал. Статья называется «На развалинах радиоимперии». Здесь много интересного, а главное, есть попытка и сформулировать, и сохранить из былого. Много для меня дорогих имен. В частности, Зои Николаевны Люстровой, Лиды Кирпичовой, Сони Давлекамовой. Эти люди многому меня в свое время научили. Вспомнила Наташа Бориса Дубинина и наверняка специально выпустила имя Эмиля Григорьевича Верника — отца двух московских плейбоев Верников. Я выписываю кусочек, касающийся меня.

«В 70-е годы литдрамой заведовал будущий известный писатель, а тогда просто весьма энергичный молодой человек, очень успешно делающий карьеру, — Сергей Есин. Его кипучий темперамент сотворил в редакции мини-перестройку, но с тоталитарным уклоном: он переворошил множество старых записей, вытаскивая на свет пылившиеся «в запасниках» шедевры (как, например, потрясающее чтение А. Твардовским своей поэмы «Дом у дороги»), часть классики вообще переписал заново с современными мастерами, не боясь парадоксальных сочетаний. Так, Михаил Царев читал Пастернака, Вячеслав Тихонов — Брюсова, Анатолий Папанов — Тютчева (это была его творческая заявка), Иннокентий Смоктуновский — пушкинского «Евгения Онегина». Именно в это время ведущее место в программах редакции заняла рубрика «Писатели у микрофона», доставлявшая много хлопот и сотрудникам, и начальству: столько было различных идеологических табу, предписаний и прочего!

Конечно, по прошествии лет многое видится в некоей голубой дымке, смягчающей жесткие и грубые контуры. Но все же как не сказать о том, что даже Есину, с его энергией, не удалось «пробить», например, чтения по роману А. Н. Толстого «Петр Первый»…»

Потом, после радио, был в общежитии. Там грязь и кажется не все в порядке с законом. С этим буду разбираться завтра. Уже созревает план некой структурной перестройки и кадровых изменений. Может быть, есть смысл сделать все почти так же, как в гостинице. Лыгарев выдыхается и перестает за всем следить,

занимаясь только собою.

Вечером был В.А. Симакин, говорили с ним о театре и жизни. Завтра у В.С. день рождения.

С большим трудом пишу очередную инвективу для «Труда»:

«*Родное телевидение с немыслимым воодушевлением создает мыльную оперу под названием «Выборы президента». Как и всегда бывает в драматическом произведении, узлами сюжета становятся особенно интенсивные события, которые мы в святом просторечии называем скандалами. Но, к сожалению, скандалов так много, что мы прекращаем обращать на них внимание. Скандал как норма политической жизни. Особыми затейниками здесь выступают лидеры партий, да и само телевидение, привлекая тех или иных лиц, не дремлет. То Зюганов объявит, что в Дагестане и в Башкирии у него на прошлых выборах украли огромное количество голосов, а то на всех обрушат, что тот знаменитый референдум, где мы все должны были говорить «Да-да-нет-да!» целиком был сфальсифицирован, а все архивы уничтожены. А сколько любопытного говорит Скуратов о кремлевской камарилье, ассистируемый собственной женой, что придавало его высказываниям особую пикантность. А как интересно рассуждает Альфред Кох, что ты, дескать, сам виноват: поверил телевидению и во время приватизации бегал по митингам и читал газеты вместо того, чтобы воровать! Если ты небогатый, то чего же ты такой умный? Но иногда, к сожалению, в эту детективно-мыльную оперу вторгаются и чуждые мотивы. Это понятно, классика так обильна, а человеческое воображение исчерпаемо. Удержаться и не подворовать здесь трудно. Вот раздались чарующие звуки цыганской музыки. Путин встречался со своей учительницей, с ивановскими ткачихами, с солдатами на передовой, с рабочими на подмосковном заводе, а вот теперь, значит, приехал в табор? А вот и нет! Цыгане-то поют «К нам приехал, к нам приехал Владимир… Вольфович дорогой»! Слушать надо и смотреть. Потому что прелестную сценку показало телевидение. Песня, чарка, сердечность. Вот только драматургия знакомая. Лев Толстой, «Живой труп».*

20 марта, понедельник. День был очень деятельный. Исключил в педагогических целях двух студентов из института. Это первый курс и если не продемонстрировать административные мускулы, то к пятому курсу все разболтается.

Сегодня день рождения у В.С., но отмечать его будем через два-три дня, в пятницу. Пока делаю закупки. Купил мясо на холодец, несмотря на пост, В.С его любит, и судака, чтобы фаршировать.

Ночь просмотрел в «Москве» роман Лидии Шеяковой «Очень интересный роман». Это новейший вид беллетристики, когда предметом облегченного исследования становится собственная жизнь. Чтение прекрасное, но близкое к беллетристике и к мемуарной литературе. Читается, интересно. В романе, одна из глав которого происходит в «Советской культуре», встретил знакомые имена Гриши Симановича и Фархада.

21 марта, вторник. В политике очень много движений, они порой экстравагантны. Но не интересуют. Я успокаиваюсь на том, что Путин русский человек и у него советский менталитет. Все боятся возвращения некоего коммунизма… Я думаю, что из него мы не выходили и теперь в ближайшее столетие и не выйдем. Путин призван выпрямить изломанный и изгаженный якобы демократами кусок рельсов. Он слишком хорошо помнит мать, отца, школу и обстановку, в которой вырос. Все это у него на уровне инстинктов, а последние не выветриваются так быстро, как хочется неким зрителям. На телевидении шабаш всяких предвыборных номеров. Неделю назад Жириновский ездил к цыганам, а два дня назад из Сочи в Грозный Путин перелетел за штурвалом военного самолета. Пиарщики, конечно, придумывают прекрасно. Иногда по ТВ показывают изысканного, с точеными ногтями Павловского. Вот он главный режиссер нашей жизни, надо сказать, он, кажется, переигрывает Бориса Абрамовича, которого кто-то из кандидатов в президенты назвал мудрым. Хорошо бы только чтобы этот мудрец помудрствовал что-нибудь и для народа. Меня очень интересует, любит ли пиарщик своего клиента или здесь, как в публичном доме, ложись давай и имитируй страсть, если деньги «плочены».

Днем на полтора часа заезжал на научную конференцию о Солженицыне, которую устроил журнал «Москва». Повидался с Леней Бородиным, он чувствует себя намного лучше и посвежел, я этому порадовался. Больше всего в нем меня волнует его предельная искренность. Что касается самой конференции, то она, как мне кажется, прошла под знаком отторжения обществом Солженицына. А собрались люди, которые или, как Бородин его чтут в силу разумения или воспоминаний юности, или писали о нем диссертации и работы. Был даже один арабский аспирант, собирающийся мастерить диссертацию о классике. Большинство же народа Солженицына просто не хочет читать. Нет пророка в своем отечестве? Но пророк оказался солидарен с властями предержащими, а перед этим разрушил дом нищего. Доктором из Тюмени Ю.А. Мешковым был прочитан доклад «*Право писателя — высказать опережающее суждение о нравственной жизни*

человека и общества». Это из письма Солженицына IV съезду писателей о цензуре и о своем величии. Уже тогда раздражало в этом письме понимание собственной, может быть и справедливой, роли. Читатель определенно находится по отношению к Солженицыну настороже. Очень интересную мысль высказал Леня Бородин: «Вся литература о лагерях написана «придурками». Один устроился в шарашку, чтобы выжить. Другой в хлеборезку. Единственный писатель, который прошел все — это Шаламов».

Скрытому антисоветскому напору конференции противостоял один парень, говоривший о чувстве «разгона», которое ощущала страна. Это чувство разгона многое, дескать, объясняет. Верно. Это обычная ситуация, через которую проходили многие страны, и в том числе наша, когда «пробивали» окно в Европу. Но есть и моя аргументация, почему «молчала» страна. Почему иногда не клали в почтовые ящики письма, выброшенные на перрон или рельсовое полотно в щель теплушки. Почему не было даже у уголовников сочувствия к политическим? Вся масса народа, если хотите, пролетариата страны стала жить по-другому. Это было замечено — другая пища, другая школа. Другая, более демократическая культура. В сознании народа политические и протестанты были разрушителями этого общего благоденствия, этого чувства счастливого будущего. Да и вообще, почему на околицах сибирских деревень клали хлеб для проходящих по этапу каторжников? Только ли из чувства жалости. А чтобы голодные люди еще и не шарили по домам. Дайте всем нормальный прожиточный уровень, сами мамки искоренят преступность своих детей. Дайте ребенку купить себе бутылку коки, пачку дирола с сахаром, и он не полезет в палатку.

Восстановил одного из выгнанных вчера ребят. Теперь надо восстановить другого. Но интересно, Сериков, которого я выгнал и за нарушение дисциплины и за неуплату, немедленно денежки принес за первый семестр.

Вечером состоялся семинар. Обсуждали трех наших девочек с общим материалом «Как мы не попали на ТВ». Все это очень ругалость, но написано по-журналистски было не плохо. Я забыл им сказать, что роман, написанный в таком стиле, это все равно роман, имеющий право на жизнь.

26 марта, воскресенье. Выборы. Судя по всему, победит Путин. В счете голосов ясно одно: огромное количество нашего народа стоит за коммунистический путь развития страны. Будущему президенту надо крепко с этим считаться. Все разговоры с экрана телевидения о приоритетах у электората Жириновского, Явлинского и Титова оказываются полным

блефом. Неожиданность — Аман Тулеев, у него что-то около 8 %. Показали Б. Ельцина в загородной резиденции — что-то вроде царских апартаментов. Жена, дочь — все с бокалами светлого вина. Тон у Ельцина прежний, президентский.

Теперь для «Труда»:

«*Смешно в эти дни писать о чем бы то ни было на телевидении кроме, как о выборах. Казалось надо признать, что выборы в настоящее время целиком в руках телевидения. Однако личный опыт Жириновского и Явлинского явно демонстрирует мстительный характер средств массовой информации. Пересолили друзья и с прогнозами относительно себя, любимых, и с мельканием на телеэкранах. По-человечески обоих жалко: как они посмотрят завтра в глаза тем людям, которых дурили? Впрочем, это особенность политиков — превращать химические элементы в Божью росу. Что касается конкретных эпизодов дня президентских выборов то лично меня поразил контраст между светской тусовкой на РТР с участием знаменитой поэтессы, читавшей свои политические стихи, и актрисой, вспоминавшей, как в свое время она голосовала за Ельцина в Бискайском заливе во время круиза. Я даже записал ее выраженьица: «болтались» в этом самом заливе и «люди в основном обеспеченные» — это о самих избирателях. Так вот, контрастом к этим бискайским воспоминаниям, дирижируемым неутомимым Молчановым, стал удивительный репортаж из разоренного колхоза «Тихий Дон», показанный по НТВ приблизительно в то же самое время. Телерепортер как бы и не скрывал, что и это демократия. Воистину у одних суп жидок, а у других жемчуг мелок. Ясно также, что бы и сколько бы ни обещали кандидаты в президенты, взять что-либо, чтобы отдать народу, будущий президент сможет, только вернув украденные деньги из-за рубежа или оттеснив олигархов от миски с нефтью, полезными ископаемыми и отобрав у них общенародную собственность».*

22 марта, среда. Восстанавливаю день уже в пятницу и, как всегда бывает, вспоминаю самое главное: с заседания по защите дипломов меня сдернула необходимость ехать в Академию художеств и вручить диплом Гатчинского фестиваля Говорухину. Я убил сразу двух зайцев: еще и посмотрел его выставку, которую он развесил в залах. Это пейзажи, кстати, очень неплохо написанные,

Вообще, существует два Говорухина: один — неприятный демагог, который объясняет, как он сделал фильм и как ему мешали, какая у нас страна, который требует к себе внимания. И другой — художник. Я ведь люблю «Ворошиловского стрелка» именно за внутренний, сдержанный пафос. Картины Говорухина

оказались, по любимому выражению В. Сорокина, — нежные, пейзажи — горная и центральная часть России.

Но вернусь ко второму «зайцу». И Говорухин, кстати, тоже своей выставкой убивал двух зайцев: к своей избирательной кампании приурочил открытие выставки. Был общий каталог, который мне не достался. Я успел вручить диплом, показал первый том Толстого и пообещал то, что и выполнил на следующий день — перевез сам приз — 90 томов классика в Думу. Удивительно, что Говорухин (это, наверное, действовал тот самый, любимый мною, глубинный) очень обрадовался 90 томам собрания, сказал, что давно об этом мечтал. Я его понимаю — я сам еще с университетских времен хочу иметь это собрание, но, видимо, раньше, чем мне исполнится 65 лет и Сережа Кондратов мне его преподнесет, — мечта не осуществится. А тогда уже некогда будет и читать.

Народу на выставке было — тьма, в том числе и именитого, но практически я обратил внимание только на Примакова, уже несколько малоподвижного. На фуршет, по своему обыкновению, я не остался. Мне это давно неинтересно. Но успел повидать Мишу Державина, который всю жизнь ровен и доброжелателен. Я посчитал: знаю его около 50 лет. С ним рядом стоял его племянник, такой немного чудаковатый парень, актер. Миша сказал, что это сын той самой знаменитой телевизионной «Авдотьи Никитишны». Как сходятся различные куски действительности!

На выставке пробыл 40 минут и вернулся на защиту дипломных работ. Меня эта защита увлекает все больше и больше. Я стараюсь уже просматривать тексты, а не только прослушивать оппонентов. У Железякина оказалось очень интересное стихотворение — «Маргинал», которым я завтра, наверное, воспользуюсь на другой защите, и проза, хотя и несколько манерная, но искренняя. Обратил внимание на него еще и потому, что парень заканчивает второй институт, по первому образованию он — военный физрук. Может быть, уговорю его поработать год-два у нас, или помогать Тычинину, или в охране. В институте надо своих держать как можно дольше.

23 марта, четверг. Уже сам ничего не успеваю для себя сделать, Мне бы часов 4–5, чтобы доделать главу о Троцком, которого я отчетливо себе представляю. Но вынужден все время читать то документы, то студентов. Сегодня, к защите переводчиков, с утра в библиотеке читал Медведева. Огромный, как и у Юры Роговцова, интересный, но без внутреннего отбора, без умения взять на себя ответственность, диплом. Это стихи и

кусок романа Чарльза Буковского. Отчетливо представляю, что потянут на диплом с отличием, но переведено все значительно хуже, чем в «Глаголе», да и предисловие самого Кирилла Медведева предстает с некоторыми заимствованиями из Саши Шаталова. Скорее, больше понравились стихи. В прозе Медведев не справился с бесконечными соитиями, с описаниями любовных и половых актов, со всем тем, где русская литература начинает стыдиться себя. Нам это очень несвойственно. Сам по себе русский язык, который держит наш изощренный мат, — не держит в своем пространстве нецеломудренных описаний, где физиология должна бы сливаться с духом, физиология для нашего языка невыразительна и неинтересна. Здесь достаточно чеховского высказывания: «и он стал целовать ее лицо, плечи, грудь».

Я довольно удачно 15 минут проговорил на защите, потому что надо было дать знать кафедре, что переводчики — это не только как бы их собственное решение. Здесь должен быть уровень всего института, а не вежливый уровень оппонентов. Моя заинтересованность Кириллом была связана еще и с той немыслимой силой, с которой его отец внедрял мальчика к нам в институт после второго (кажется) курса МГУ, и с кучей мелких провинностей, среди которых главной была дисциплина и неявка на лекции, что характерно было для Кирилла до 5 курса. Мне отмщение. Аз воздам.

В самом конце защиты очень интересно выступил Сергей Петрович Толкачев и Барбара Кархофф. У С.П. были свои маленькие счеты с Верой Соловьевой, да и я сам отлично понимаю, в чем там дело. Они многие, эти мальчики и девочки, попробовав зарубежных харчей, начинают звонить в институт с просьбой остаться на лишних 2–4 месяца. Но я всегда понимал, что за одними студентами, уезжающими в командировку в Германию, идут следующие. Вере в свое время отказали. Естественно, приехав в Москву, она перестала здороваться с Толкачевым.

Все это, может быть, и мелочно. Но это лишь повод для того, чтобы внимательно посмотреть работу. А посмотрели — около 50 стилистических ошибок, много претензий, разные авторы переведены, как один (это мои выводы, я также просмотрел листы). Барбара обратила внимание на незнание целого ряда языковых немецких реалий. Отсюда — довольно крупные ошибки в немецкой части перевода, Мне потом Барбара сказала, что произошла встреча двух культур. Они, немцы, на своих защитах стремятся как можно больше сказать замечаний — а мы похвалить. Я постараюсь эту часть немецкой культуры перенять.

26 марта, воскресенье. Весь день читал семинарские работы, доделывал главу о Троцком, гулял с собакой, а вечером «взасос» начал смотреть процедуру избрания Путина. Собственно говоря, то, что я пишу сейчас, это добавление к рейтингу. Я его переписывать не буду, а от себя добавлю: как все это выглядело низко, как невероятно самоуверен Явлинский. Без малейшего чувства стыда переходит со стороны на сторону Жириновский. Что-то приговаривает глупый купидон Немцов. Но всех переигрывает гладкий и розовый Кириенко. Как он похож на Явлинского! Это ведь целый человеческий подход, — жить и паразитировать на разговоре! Всем кандидатам кто-то и что-то мешает, и никто всерьез не говорит о нищих и обездоленных людях, о том, что на обед детям часто заваривают отруби, о том, что пустеет земля и стоят заводы.

27 марта, понедельник. День театра. Вечером гремит «Золотая маска» в Малом. Говорят, что разгневанный Табаков покинул высокое собрание: что-то ему недодали. Но в воскресенье он звонил мне, мы очень мило поговорили о былом и его репертуаре. Особенность Лелика заключается в том, что его звонок что-то означает, — он просил, чтобы на два дня в общежитии поселили 40 человек Татарского молодежного театра — это гастроли проездом в Минск.

Я понимаю, сколько идет разговоров, как часто я не разрешаю житье даже собственным студентам с их безобразием, но здесь дело общекультурное, и, что бы ни происходило, это общекультурное российское пространство надо держать.

Выборы Путина состоялись, и сегодня я поймал себя на мысли, что воспринял это как данность, к которой надо приноравливаться и рассматривать на протяжении многих ближайших лет.

К телевизору совершенно не тянет. Но поздно вечером я с удовольствием слушал рассуждения Говорухина о Высоцком и театре на Таганке. Тут же ему помогал Любимов: интересна в нем, ну, как всегда, претензия, что советская власть ему чего-то не давала делать.

К 6 часам поехал на юбилей театра Сиренко. Они ставили «Кровавую свадьбу» Лорки. Меня всегда раздражала драматургия Лорки, поэтическая взвинченность и многозначительность. Садился на место и слушал первые диалоги с мыслью: ну, как бы все это вытерпеть и не заснуть. А потом все увлекло, возвысило, и 1 час 20 мин. прошли как одно мгновение. Сильно, мощно, духовно возвышенно, не знаю, как насчет испанцев, но в русле

молодости, любви, воспоминаний, все было полно и совершенно. Я сказал бы: спектакль на чистом сливочном масле. Грандиозно сыграла мать — Светлана Мизери. И сколько таких не востребованных в России актрис!

В театр с собой брал Барбару и Сергея Петровича с матерью. Мать Сергея рассказала об ужасах провинциальной жизни. Она духовно очень сильная женщина. Но фантастически скромно, и я бы даже сказал бедно одета. У меня сердце обливается, кровью, когда я вижу людей в возрасте, которые живут неадекватно наработанному для общества и государства.

28 марта, вторник. Дневник писать надо, несмотря ни на какую усталость ежедневно. Даже отдиктованные на следующий день странички выглядят неживыми. Он требует вставок, добавлений и прояснения мыслей. И каждый день своей темы.

Традиционный день семинаров. Обсуждал Андрея Коротеева с его безукоризненной по стилю, но еще не имеющей собственного дыхания прозой. Вот появится ли оно, это неизвестно. Анне Кузнецовой все это нравится, но здесь общность глубинной душевной недостаточности. Проза — это еще и собственный характер, и настоящий ум. Проза Андрея почти дотягивает. Но это «почти» может никогда, как и бывает в искусстве, не возникнуть.

Тем не менее, семинары — это отдых. В присутствии бухгалтеров Кости и Ирины Николаевны имел перед семинаром изматывающий разговор с Шапиро по реструктуризации его долга. Еще до этого Володя Харлов спросил меня, не стал ли и я окончательно антисемитом. Становлюсь. Шапиро должен нам 100 тысяч. Пока он выигрывает что-то тысяч восемнадцать на долге «Агроторга». Я поставил ему довольно жесткие условия. Хотя, конечно, он хитрит и делает все, чтобы бессчетно заплатить как можно меньше. У меня возникает мысль о коммерческой мести.

Вечер. Смотрел по ТВ, как наша элита властно ластится к Путину. Этот, конечно, не устоит. Пока на сегодняшнем вручении каких-то трендов какой-то главный конструктор, имя которого я не расслышал, но имя которого обязательно найду и впишу, уже назвал Путина «Владимиром Красное солнышко». Неплохо. Все жду появления Марка Захарова. На НТВ Киселев злобно начинает кампанию оппозиции против нового президента. И, как всегда, ничего хорошего по поводу советского времени. Киселева я понимаю, он защищает только свои немыслимые доходы. Доходы всегда защищаются убежденно.

Прочел статью в «Труде» о немыслимых привилегиях для Ельцина-пенсионера. Это цена Путина за президентство. Он, конечно, не сдает своих, но это то, против чего я всегда буду

протестовать. Здесь заведомая возможность нарушать должностным лицом закон. А почему под этот закон попадает жена и дочь? Здесь дорожка к ненаказуемой почти легальной коррупции. Уже появилась газетная заметка, что правша Путин тем не менее носит наручные часы на правой руке. Тут же сообщается, что наша элита тоже часы принялась носить на правой.

Поздно вечером звонил Вартанов. В редакции «не понимают» мою заметку. Что же здесь понимать, когда она написана с мыслью о переделе собственности. Здесь я не боюсь крови. Если собственность, которая принадлежала мне, попала бы в управление и приносила бы общий доход, на который жили бы медицина и образование, это одно. А она — просто украдена, вывезена за рубеж, и на этот доход живут какие-то темные люди, притворяющиеся порядочными. Собственно здесь два момента моего несогласия с властью.

29 марта, среда. Утром ездил на суд Миши Науменко. Это на Зоологической улице. Адвокаты говорят, что ему дадут лишь условно. В деле уже отсутствует пачка динамита, на револьвере и пакетике с героином никак не могут найти его собственных отпечатков пальцев. Ганна, мать Миши, рассказала, как этот самый героин и взрывчатку искали: сначала люди все это нашли в тех именно местах, в которые положили, а потом в комнату ввели телевизионщиков и собаку, которая все это должна была отыскать, а телевизионщики зафиксировать. Миша очень неуравновешенный парень, тюрьма не лучшим образом на него повлияла. В камере находилось до 70 человек. Спали валетом в три смены. Был разговор о суде и адвокатах. Милые адвокатессы ездят на «мерседесах». О суде не пишу. Вот с чего надо начинать всю реформу. Суд и медицина — вот что по-настоящему страшно. В нашей поликлинике нет гинеколога и нет рентгена. Суд отложили почти на месяц. Судья не хочет вести дело при съехавшихся с разных сторон корреспондентах, которые хотят поглядеть на сатаниста.

Читаю в «Иностранке» перевод Игоря Болычева Готфрида Бенна, его документальные эссе о жизни. И прекрасно переведено, и текст изумительный. Этот знаменитый писатель в 1933 году в Германии, когда оттуда уехали все прогрессивные писатели, остался. Для нашего времени это очень значительно, как некий исторический пример. «Художник — духовно утонченная личность, по природе своей аполитичная и настроенная против войны, — попадает в водоворот истории и как-то вынужден с ним бороться. Как быть? Определенного ответа

на этот вопрос нет у художника ни для самого, ни для окружающих; его положение зыбко, неопределенно или — говоря одним словом, которое мне лично очень не нравится — трагично. Вот, скажем, заметки Гете о войне и сражениях, в которых ему доводилось участвовать, согреты настоящей теплотой: но это его личные впечатления, и он не мог предвидеть, какие гибельные перспективы открываются перед его потомками».

Бенн очень хорошо пишет о демократических песнях и о том, что либеральные декларации ничего не решают в истории. В истории все определяет только воля и решимость.

В Думе голосование по поводу законности первого указа Путина о неприкосновенности бывшего президента. «За» около 130 голосов, против — необходимых для того, чтобы подать в Конституционный суд, — 250. Либералы и Кириенко, так много говорившие об отмене депутатской неприкосновенности, здесь — за привилегии бывшему президенту. Пресса с радостью сообщает о том, что коммунисты потеряли контроль над Думой.

Я кожей чувствую, как мы возвращаемся в старое сталинско-советское время. Этого я не боюсь. Но время это будет без мелкого, но кровавого произвола.

30 марта, четверг. Неинтересная суетливая тусовка весь день. Приезжал Витя Симакин и Женя Луганский, у всех свои дела, потом бумаги. Жуткий обвалившийся на Тверском фасад, угроза, что могут возникнуть неприятности со столовой из-за новейших порядков, мысли о том, как надо делить новую премию, потом ученый совет. Перед советом Владимир Федорович Огнев — председатель Международного Литературного фонда, с которым всегда борются патриоты, вручал шесть стипендий нашим студентам и слушателям ВЛК. Спасибо. Это всеобщая страсть как-то примкнуть к регулярно действующему институту и процессу. Шесть этих стипендий ничего не решают, но создают приобщенность к общему делу.

Был Володя Бондаренко. Вызревает еще один сын, его надо устроить. Привез вырезки из газет с сочинениями ребенка, буду смотреть. Как всегда, привез и свою газету «День литературы». Этот номер посвящен Володе Личутину, его 60-летию, редакция (как дилетанты, а как не филологи) его очень любит за слово, которое мне кажется довольно искусственным. В газете приветственный стишок Ст. Куняева. Цитирую конец: «Слегка похож на домового, он у таежного огня, ворчливо, нудно и сурово перевоспитывал меня. Кричали гуси на болоте, и голос филина сквозь снег пророчил нашему Володе богатство, славу, долгий век…. У нас есть Сегень и Распутин, у нас есть Есин и Крупин, но вспомнишь — есть еще Личутин, и ахнешь — «ай да сукин сын!»

По утрам я все еще немного работаю над Лениным, подчитываю рукопись, думаю о том, как ее собрать, как расставить главы.

3 апреля, понедельник. Сначала занимался опозданиями студентов, с премиями коллективу, выколачиванием денег из ДИССа — фирмы-арендатора, всеобщим воровством, всеобщей хитростью, желанием обмануть, во что бы то ни стало бюджетное учреждение, выхватить свое.

Вечером поехал представлять нашего студента Сашу Коровкина, его пьесу «Король и капуста». Вишневская куда-то укатила и попросила меня заменить ее в этом представлении. А это значит — прочитать пьесу, обдумать ее, сидеть все время на нервах — ведь надо что-то сказать зрителям, найти интонацию.

Пьеса коммерческая, средняя, как и все пьесы сегодня, — плоская, однотонная, автор заранее знает — как посмешить и развлечь публику. Знает немудреные ходы, щекочет под мышками и в паху. «Народ ведь платит, смеяться хочет он» Такая ушлость молодых драматургов меня просто восхищает. Их уже целая плеяда. Сам Саша, очень милый и фактурный парень, перед этим зашел ко мне в институт, рассказал о себе. Он восемь лет работает у Дорониной, потом принялся писать. В каждом его слове и движении чувствуется энергия и воля, направленные на одно: пробиться! Большой, уверенный в себе, сытый парень. Отчасти я согласен с ним — старики неадекватны, не чувствуют иногда целого, не увязывают в узел разрозненные эпизоды.

Спектакль шел на Трубной, в театре Рейхельгауза, в рамках некой молодежной антрепризы. Я вышел на сцену, что-то говорил о носорогах, которых не молодых буйволов, и сел на место с надеждой, что все-таки пьеса понравится. Публика, внутренне нетребовательная, знала, на что пришла. Я уже давно заметил, что современные бурные аплодисменты быстро и без сожаления заканчиваются. Так исступленно, с неистовством начинаются и немедленно, как слезы ребенка, высыхают. Будто, кроме каких-то несильных впечатлений, публике нужна еще и физическая разрядка.

Принимали, повторяю, неплохо, но, чувствовалось, глубинного удовлетворения не было. Форсируемый, вызываемый грубостью смех очень принижает человека. Ушел со второго действия, хотя есть во мне некое постоянное детское стремление узнать, чем дело закончится. Самое обидное, что в эти самые часы в Консерватории шел большой концерт Ирины Константиновны Архиповой, посвященный ее 75-летию. И на этот концерт у меня был билет. А может быть, Инна Люциановна просто наколола меня, а сама отправилась в консерваторию?

«Короля и капусту» никак не сравнишь с горьковским «На дне» у В. Беликовича на Юго-Западе. Я был там в пятницу вместе с В.С. Знакомая пьеса и по сценографии, и по смыслу сверкнула своей современной огранкой. Будто выдутый прекрасным стеклодувом спектакль. В театре так важны мощь, социальный темперамент. Я думаю, зритель с большим удовольствием платит даже за неприятные, но искренние впечатления, если они крепко держатся за его нутро, нежели за поверхностный трагизм и смехачество.

Все воскресенье и субботу занимался хозяйством. Купил картошки, свеклы, сделал двухлитровую банку корейской моркови; прочитал вещи к семинару, закончил чтение Готфрида Бенна. Художественная, в том числе и иностранная, литература не читается совершенно, и совершенно перестала интересовать политика. Волнует только фасад институтского флигеля на Тверском, он обваливается со стороны театра имени Пушкина. Но за один только проект реставрации берут 300 тысяч рублей.

Горьковская пьеса «На дне» — пьеса знаковая для сегодняшней русской жизни. Но в начале века интеллигенция опрощалась, изучала это самое дно, сегодня с полным знанием сама ведет репортаж со дна жизни.

4 апреля, вторник. Утром семинар — короткие рассказы Чуркина и две повести Паши Быкова. У Паши в повести все те же «проблемы связанные с его половой жизнью» (это Ксения), а у Вадика — несгибаемый столп его чистоты и озаренности жизнью. Какой удивительно чистый и морально устойчивый мальчик. Я каждый раз удивляюсь чистоте и ясности наших ребят. Это при современном телевидении и примерах взрослых.

Вечером планировался некий перфоманс в Доме Кино по поводу Гатчинского фестивали. Составили план, напечатали календарь, подготовили пригласительные билеты. Одной из картин, которую предполагалось показать, была анимация Александра Петрова «Старик и море» Но тут случилось неожиданное: в США картине дали «Оскара», и весь наш вечер стали пристраиваться к петровским работам. Прощай, моя задумка пошире рассказать о Гатчинском фестивале, показать наших институтских бардов. Все это пришлось сокращать, так же как и сократить мое собственное выступление. Зал был набит битком, как в былые дни во время показа чего-нибудь зарубежно-скандального. Две картины, которые показали перед Петровым, — неравноценные. Еще ничего Ульяна Шилкина со своим небольшим фильмом, сделанным по рассказу Пелевина, но как выдержит публика «Чистый понедельник» другой ВГИКовской

дебютантки? Картина очень безвкусная. Но девочку кто-то толкает. Действие рассказа Бунина перенесено в наши дни. Отвратительная и слюнявая жизнь новых русских. Смотришь — и задаешь вопросы: а откуда у тебя, молодечка, такое манто, а у тебя, молодец, такой уютный «мерседес»?

Моя в Доме Кино речь была короткой и информативной. Хлопали, скорее, потому, что я довольно быстро ушел со сцены, нежели оттого, что я говорил хорошо. В Доме Кино, я чувствую, меня, как и всех, с их точки зрения удачливых, людей карьеры, не любят. Но в одном я был хорош: в черном костюме и в черной косоворотке. Под русского боевика.

Потом в институте был еще вечер неугомонного Толи Дьяченко. Я успел и на это мероприятие. На этот раз на его музыку и стихи Цветаевой пели романсы солисты Большого театра. Удовольствие довольно изысканное, но народу маловато, а Дьяченко все же слишком много. Выглядело это приблизительно так: «Стихи Марины Цветаевой, музыка Анатолия Дьяченко» или «Стихи Федора Тютчева музыка Анатолия Дьяченко» О, эта страсть провинциала завоевать сразу весь мир. Ему бы родиться в девятнадцатом веке и стать универсальным деятелем украинской культуры. Леонардо да Винчи Подола в Киеве! Мне кажется, на характер Дьяченко сказалось то, как мы буквально вытащили его диссертацию.

Дописал Ленина, и стало пусто. Но сил браться за него еще раз, чистить и шлифовать нет. Скинуть бы рукопись в издательство!

5 апреля, среда. В три часа дня началась кафедра у Смирнова. Он в общем ведет дело очень неплохо. Обсуждали главу диссертации Марутиной и Леши Иванова. Выступал Паша Панкратов. Я давно обратил внимание на него еще по рецензированию дипломных работ. Но наибольшее впечатление на меня произвел следующий эпизод. Когда в середине заседания вошел Александр Иванович, то никто из сидящих молодых мужчин и дам не дернулся (а в этом случае можно было «дернуться» и дамам), чтобы уступить ему место. Любопытен был Борис Леонов, которого я всегда держал просто за остроумного человека в своем анализе литературной действительности. Владимир Павлович пытался вывести на авансцену Корниенко с ее отчетом о научной работе и сборником по Платоновской конференции, в которой участвовали все наши. Но на меня это не произвело впечатления, здесь еще неизвестно — кому все это выгодно. А вообще эта часть жизни уже пройдена и отрублена. Я никогда не забуду — сколько не самого доброго принесла мне эта

дама. Но, слава Богу, она выглядит ничего и чувствует себя получше, В конце заседания я высказал довольно ехидное соображение, что кафедре пора бы взять некий отпуск, и чуть отставить, на пару лет, литературу русского зарубежья. Заканчивается век, именем которого названа кафедра, пора подводить итоги, убирать из курсов случайное, формулировать учебные и литературные уравнения. Пора по-настоящему наладить текучку. На институтском сленге так обозначается один из основных предметов — современная текущая литература. Я говорил о том, что мы сосредоточились в текучке не на литературном процессе, а на отдельных модных вещах, говорил, что надо координировать текущую литературу с кафедрой творчества: последняя всегда готова залатать те дыры, которые оставит после себя кафедра Смирнова. Все закончилось очень мирно. Потом праздновали решение ВАКа — присуждение кандидатских званий. Песни над Бронной из раскрытого окна носились часов до девяти.

К семи я поехал в Театр Олега Табакова, смотрел «На дне». Это уже третий спектакль по этой теме. Здесь играют «первачи»: сам Табаков, Фоменко, которого я постоянно вижу у Альберта Дмитриевича в кафе «форте», Безруков, Германова. Сюжет показался мне концептуально слабее, чем у Беликовича, хотя и поставил его великий Шапиро. Вход был привычный. Ряды кресел на сцене как бы повторяли ряды кресел и нумерацию зала — и те и другие — на дне… У каждого большого актера была своя выходная ария. Такое ощущение, что, играя, Табаков все время вспоминал знаменитого Грибова.

6 апреля, четверг. В Москву приехала Ирена Сокологорская и Рено Фабр. За обедом у нас в ресторане они рассказывали о забастовке у них в университете. Все та же проблема, как и у нас, условно назовем ее национально-демократическая. Милые выходцы из Северной Африки, пользуясь правом на «бесплатное образование», хотели бы учиться по десять и двадцать лет. Ах, как хорош милый и ухоженный Париж! Все, как и у нас: работать на стройке, в мясном магазине, как наш Раджабов, толкаться на рынке, но не на пыльной и каменистой родине. Французский вариант — учиться и убирать мусор по демпинговым ценам, воровать и торговать наркотиками. Какие-то французские проблемы с регистрацией, и отсюда — конфликт. В Париже целая кампания в поддержку Чечни. Мы, русские, понимаем как все несправедливо! На Чечню всем, конечно, наплевать, но русских, как значительных и сильных, очень не любят.

Стригся у татарина Игоря в парикмахерской на

Ломоносовском. Я писал о нем раньше и писал о его удивительной для меня страсти к литературе. Я поражаюсь этим парнем, сколько он уже прочел, всерьез готовясь к поступлению в институт. Начал расспрашивать меня во время стрижки о «Повелителе мух». Я тут же вспомнил, что на недавнем госэкзамене переводчиков по английской словесности наша пятикурсница завалилась на том, что не читала этого романа. А им за пять лет надо было прочесть и рассказать всего тринадцать основных произведений английской современной литературы.

7 апреля, пятница. Вчера вечером отодвинул дверцы книжного шкафа в коридоре — и просто ахнул, сколько у меня прекрасных, непрочитанных или полузабытых книг. С любовью их перебирал и тут же вгрызся в Пруста, в нечитанный том «Содома и Гоморры». Целый час читал книгу и утром и сразу же заметил, что совершенно по-другому понимаю и книгу, и замысел автора, нежели двадцать лет назад. Насколько книга емче и богаче телевизора.

Тем не менее вечером влез в четвертую серию фильма о Ельцине. Больше всего меня раздражает сытое и самонадеянное лицо «молодого реформатора» Гайдара. Но и в них во всех: в Немцове, в Гайдаре, в Чубайсе — столько ненавистной правоты. Сколько же лет собираются они сидеть в первом ряду партера, управляя народом. Много показывали Чечни и путча, в том числе и расстрел Белого дома. По-прежнему здесь очень много неясного, большинство выступающих врут и история никогда не узнает правды, потому что она очень ничтожна, ирреальна и мелка для настоящей истории. Не верю я в любовь Ельцина к демократии, это властность кулака, чтобы его кулачиха ходила в трусиках по Парижу, которых ни у кого из деревенских баб больше нет. Никто никогда не поверит в эти истинные мелкие причины. Была пролита кровь, и расстрелян парламент из-за мельчайших личных побуждений. Из-за шелкового белья жен и любовниц, из-за дурацких буржуазных вилл во Флориде, из-за нелепых кирпичных «замков» в Подмосковье. Немцов рассказывает, как в самолете из Чечни они пили — не забыл — водку «Юрий Долгорукий».

На работе занимался открытием буфета в общежитии, потом ходил в детский театр «Волшебная лампа» на спектакль по «Капитанской дочке». Это на Сретенском бульваре. Маленький зал на 50 мест. Работают молодые актеры и куклы. Произвело это все на меня неизгладимое впечатление. Я никогда и не думал, что можно так в театре показать метель, встречу Гринева и Пугачева и многое прочего. Что, казалось бы лишь достояние прозы.

Спектакль этот делал Владимир Штейн и художник Марина Грибанова. Сам Владимир Штейн в кресле-каталке, не ходит. Видимо — это семья. Очень трогательно художница вывозит на довольно неуютной каталке в зал своего мужа.

Гринева, и молодого и старого, играет прелестный молодой — ему лишь 26 лет — актер Аркадий Капатов. Здесь надо играть и с куклами, и выходить, как непосредственный актер. Как сказал режиссер, мальчик этот из актерской семьи, заканчивал горьковское театральное училище. Самый незабываемый образ спектакля — это Белогорская крепость. Она представлена в образе молодой женщины-актрисы со шляпой в виде пушки и с коромыслом, на котором как бы подвешены солдаты-инвалиды. Это надо увидеть. Во время метели «крепость» закрывается кисейным платком, а когда приходит Пугачев, накрывается черной шалью. Здесь также много всяких «добавок», например, переписка Вольтера и Екатерины. Конечно, для того чтобы адекватно воспринимать все аллюзии, надо много знать, почти все об этой эпохе, и тогда все и поймешь, а этим дети не располагают, но кто знает, в каком именно месте спектакля для ребенка может произойти «зацепление». Где с восторгом сойдется свое и предложенное художником? Каким образом развивался в этом возрасте я сам? А экскурсия в третьем или в четвертом классе в Третьяковку, которую проводила мать Марика Раца? И ребенку, и взрослому надо все говорить без поблажек, по возможности объясняя все, что только можно.

Смотреть спектакль я стал с большим предубеждением, потому что не люблю спектаклей к датам, а ушел горячим поклонником и этой работы, и театра. Мне показалось, что напрасно вставили только письмо Пушкина, кажется, к Пущину о русском бунте и стихи Самойлова из его Пушкинского цикла. И то, и другое запоминается, но осмысляется, верно, только зрелым человеком в определенном контексте. Здесь мне показался некий протестующий национальный нажим.

Я уже чувствую, какая ожесточенная схватка намечается у нас в комиссии и по театру, и по литературе. Любовь Михайловна, наш новый секретарь, имеет на все свою точку зрения, и довольно тенденциозную. Она уже не согласилась со мной относительно скуки на калягинском спектакле «Лица», вспомнив лишь деталь оформления — пенсне. Я в ответ сказал, что меня тошнит, когда каждый театр ставит Чехова. И уверен, ставят не из чистой любви к нему, а из лености что-либо читать, из стремления «дополнить» конкурента», из мелкоинтеллигенского видения.

8 апреля, суббота. Поездка во Владимир, мимо Юрьевца и

Лакинска. Когда ехали через Манежную площадь, Федя — он внимательный телезритель — вдруг рассказал мне один из фрагментов передачи о Ельцине, вернее, деталь. Мы с ним довольно много до этого говорили о Манеже, о том, что начали делать под ним торговый центр, чтобы закрыть площадь и лишить народ единственного места в Москве, где можно собираться. Это все понятно. Понятна эта инициатива Лужкова, который дал таким образом подзаработать Москве. Но, оказалось, по этому поводу был указ Ельцина. И значит, за все плачено из федерального кармана. Чтобы заведомо испортить площадь, раскошелился бюджет. Не мост построили где-нибудь в Самаре или Костроме, а торговый центр в перекормленной деньгами Москве, которая все это могла построить сама.

Уже с утра я понял, что за субботу и воскресенье мне не отойти, потому что для меня обязательна поездка с И. Сокологорской и Рене Фабром в Суздаль. А это труд невероятный и совершенно не компенсируется пейзажем, знаменитыми памятниками, знакомыми историями, а также обременительной казенной пищей, обычными разговорами.

На этот раз наши французские друзья не очень много говорили о Чечне, потому что тоже хватили демократии. В Университете произошла забастовка турок и африканцев, которые предпочитают учиться не 5 лет, как все, а 15–20. Немного это напоминает наших литовцев и молдаван, которые норовят также продлить московскую регистрацию хотя бы на год. Во время этой забастовки Рено вызывал полицию, но та как-то не очень охотно вовлекалась в дело, ибо не хотела огласки. Демократического решения здесь быть не могло, а силовые приемы демократия предпочитает прятать. Удовольствие во время поездки доставлял только гид — 26-летний парень, который окончил местный университет, историк, и хорошо знает не только английский, но и исторические реалии. Ему это интересно. И в этом смысле мне тоже — такая сгущенность времени сегодняшнего и прошлого на одном пятачке…

Из обычной моей добычи — это памятник Ленину, стоящий на монументе памятника Александру III, и памятник строителям-ярославцам, в народе называемым «У трех дураков», на постаменте, когда-то занимаемом скульптурой Сталина.

В Покров выехали по ул. Ленина, мне самому надо поподробнее написать историю Золотых ворот. Золотые ворота есть в Иерусалиме, в Киеве, были в Византии. По преданию, Господь снова должен войти в мир через Золотые ворота. В Иерусалиме они заложены камнем, на всякий случай.

Сейчас надо написать о том, что недостаточно времени для

каких-то значительных мероприятий, когда ты в поездке или в гостях: слишком много сосредоточено на себе. Возникла в разговоре с французами мысль о Людовике XIV — что он совершенно неслучайно вдруг начал носить кружева, шелковые камзолы, бархат. Ему, видимо, надо было поднять производство… Во время строительства Версаля также было немало сделано научных и строительных открытий, а чтобы чего-то достигнуть, недостаточно только перемещения денег.

Вернулся ночью в Москву полуразбитый, и от Красных ворот поехал домой на метро.

9 апреля, воскресенье. Утром занимался оздоровительными мероприятиями и, кажется, перепарился. К вечеру добрался до студии «Человек», о которой так много говорили. Любовь Михайловна, со своим исключительным театральным видением, уже предупредила меня, что там будет нечто, и что из этой студии вышел не один знаменитый актер. Все это возможно: студия в центре, на Скатертном переулке, и руководит ею довольно известная Д. Рашковян — судя по описанию, — энергичная армянская дама. Есть и второе название: «Не привыкнешь — сдохнешь». Это модный современный жанр трагикомедии, общее впечатление традиционного для современной драматургии плоскостного видения: обязательный «ход», обязательное «решение» и некие приблизительные и условные персонажи. Автор С. Бодров, тот самый, который делал «Кавказского пленника», и который давно живет в Канаде. И еще некий Г. Слуцкий.

Я пишу об этом, чтобы было видно, что главный герой, естественно, некий безумно преуспевающий еврей, миллионер, взращенный в этих стенах, любящий Россию, но живущий все-таки там. Во время одного из своих залетов он познакомился с девушкой, которая в его апартаментах вымаривала клопов. Ну, и, естественно, любовная сцена… Православная девушка хочет теперь молиться за него, у которого дед и отец ходили в синагогу. Преуспевающий молодой человек улетает обратно к себе, в американские Палестины, а девушка остается со своим безумием. Это безумие — воплощено в некой второй девушке. Главная деталь интерьера — постель, на этот раз в виде огромного гамака.

Надо отметить, что в этой плоской драматургии актеры работают превосходно, почти в каждом спектакле, который я смотрел за последнее время, — актер синтетичный: он и эквилибрист, и фокусник, и драматический актер. Но хочется отметить, что в этих студиях на 50—100 человек — никто не говорит тем поставленным голосом, каким в свое время говорили

в Малом театре. За этой бытовухой и за необязательностью текста уйдет высокое и условное голосовое искусство театра.

11 апреля, вторник. Мой собственный семинар, где обсуждали Даню Савельева. Потом — хозяйство, в котором не все в порядке. Потом — семинар Коржавина. Таня Бек, Олеся Николаева и Рейн объединили своих перед Наумом Моисеевичем. В последний раз я был на его семинаре лет 10 назад, где-то в дневнике у меня записано: «Как скудна была публика, человек десять, как скудны и неинтересны были вопросы и потерян интерес к поэзии»… Я было порадовался тому, что сидящая через одного от меня девочка старательно все записывала в большую тетрадь. Но потом оказалось, что она — просто дежурная «писица» семинарского дневника.

Как меня раздражают наши ребята, когда не записывают ничего, имея перед собой такой подбор людей! Со временем даже та необязательность, которую порой говорит Рейн, будет иметь бесценное значение. Где их дневники, из чего они будут делать потом свои мемуары?

Сейчас старательно переписываю кое-что из высказанного Коржавиным. Мне кажется, что он раздражен Америкой, в которой живет, по крайней мере, весьма критически относится к ее духовному миру. «Метод обучения путем дискуссий» он сам же и охарактеризовал: «обмен невежеством». «Все передовые взгляды сводятся к необязательствам». Коржавин о рассказе Тендрякова, в котором описан арест Манделя: «Он перепутал только одно: меня посадили в 49-м, а он перенес все на время борьбы с космополитизмом». Ну что ж, каждый расшифровывает, как хочет. Я расшифровываю это как стремление Тендрякова придать этому эпизоду некий антисемитский характер.

Д. Белинков: «Людям горных местностей свойственен идиотизм». Вроде бы за это он и сел. Хотел оболгать Сталина.

Еще высказывание Коржавина: «Интеллектуально догонять запад нам не надо». Но Коржавин расстроен тем, что поэты о стихах перестали говорить правдивые резкости: «Мы всегда говорили о стихах правду, а потом она куда-то исчезла».

Таня Бек привела высказывание Ахматовой о том, что в искусстве говорить неправду — подлость. Но заметила, что милая Ахматова обладала целым набором эвфемических скольжений об искусстве.

Коржавин предупреждал об эффекте эстрадного чтения. «Не доверяйте никаким успехам у зрителей в зале. Можно так наблатыкаться, что в любом зале снискать успех».

Вечером был на Юго-западе на «Калигуле» по Камю. Меня

поражает любовь Беликовича к работе с текстом. Он всегда следит не только за тем, как и что актер играет, но и что он говорит. Калигулу играл блестящий молодой актер. Многое из самой пьесы я не понял, но это не обязательно, я понимал значительность текста и значительность происходящего. Когда-нибудь все это дозреет в душе.

12 апреля, среда. Утром ездил с Федей на дачу отвозить старый диван и посмотреть, что там делается. С прошлого года, когда рабочие доделывали верх, я там не был. Выехали в шесть утра и уже в час были на работе. На даче изумительно… Как прекрасна весна, как чудесен воздух, как свежо ощущение жизни. Жаль, конечно, что в прекрасном доме, который я выстроил, я никогда не буду жить. Как бы в нем можно было работать, мне очень нравятся огромные комнаты, которые я заставляю старой еще маминой мебелью. Может быть, это мне и нравится больше всего. Какая- то своеобразная попытка реставрировать в предметах детство. Одна дача новой жизни, квартира наших книг и носильных вещей и еще дача-музей воспоминаний о юности. Это соображение видимо искреннее, ибо и строить я ее принялся, пристраивая огромный дом из бруса к крошечному домику, построенному братом Юрием.

Накануне мне позвонили из «Олимпа» — есть сигналы моей новой книжки. К моему возвращению с дачи книжки уже были на столе. Чудесного темно фиолетового цвета обложка, несколько моих портретов. Нина Лошкарева, редактировавшая сборник, отобрала нужные вещи и сделала книжку прекрасной. Кроме традиционного для любого моего издания «Имитатора», поместили «Гладиатора», а также вошли «Гувернер» и рассказ и повесть — «Стоящая в дверях» и «Техника речи». Я вдруг начал замечать, что отдельные мои вещи только через несколько лет после их публикации начинают жить новой жизнью. Вот, скажем, А.И. Горшков мельком, как ни о чем особенно не значащем, сказал мне, что сейчас читает «Гувернера» с братом и сестрой итальянцами, которые учатся у нас и изучают русский язык — в дальнейшем эти ребята собираются специализироваться на туристском бизнесе. В книжке есть еще два раздела: мои очерки о деятелях искусства: Табаков, Ладынина, Тихонов и Глазунов и несколько критических отзывов обо мне, в том числе С. Чупринина и статья из «Независимой газеты». Мне особенно нравятся очерки о деятелях искусства, в них много мыслей, сказанных без аффектации.

Продиктовал вступление к рассказу С.П. Толкачева для «Литроссии». Не умею я писать просто, всегда что-нибудь

неконкретное, об общем, а уж потом о предмете. Всегда меня подгоняет какая-нибудь идея.

«С легкой руки профессора Минералова возник удивительный, но обладающий весьма конкретным смыслом термин — писатели Литинститута. Именно так называлась одна из лекций профессора и доктора филологии, прочитанная в пекинском университете. Как ни странно, у термина есть серьезные обоснование. Если тезисно, то писателей-мастеров и преподавателей Литинститута объединяет не тематика и идеологическое единство, а качество самого текста при всем разнообразии его смысловых доминант. Нужны примеры! В. Гусев и М. Чудакова, М. Лобанов и А. Приставкин, С. Куняев и Р. Сеф, Ю. Кузнецов и Е. Рейн… К этой же школе, плотного многоемкого текста принадлежит и наша литинститутская молодежь: С. Казначеев, И. Болычев, А. Антонов, А. Панфилов, А. Лисунов. В наше время писатель уже не может не работать, мы, с легкой руки разыгравшейся демократии, добились того, о чем мечтали и что является традиционным для западной литературы. Писатель служит, писатель работает: преподаванием ли, чтением лекции, редактированием ли — писатель зарабатывает свой насущный хлеб. Зарабатывает на электрическую лампу, при свете которой он пишет по ночам то, без чего писатель не существует: свои ли стихи, свои ли переводы, свою ли прозу. Пишет прозу и Сергей Толкачев. Уже многие годы ведущий международные дела института в качестве проректора по международным делам и разбирающий со студентами зарубежную классическую литературу как преподаватель и кандидат филологических наук. Толкачев в свое время закончил воронежский университет, владеет английским, французским, испанским и немецкими языками. Учился Толкачев в Литинституте в семинаре профессора Михаила Петровича Лобанова. Отчасти и я считаю Толкачева своим учеником. Именно поэтому я и представляю сегодня читателям «Литературной России» его новый рассказ — «Пришелец» — я был первым его читателем и взял на себя смелость переслать рассказ главному редактору еженедельника.

С. Есин — ректор Литературного института им А.М.Горького».

С Зоей Михайловной определил квоты семинаров на следующий год. С.П. прав: надо брать испанскую группу и нацеливать ребят и руководителя на латино-американскую литературу. А значит, у нас опять возникает Паша Грушко.

Юра Кимлач восхищался своим шефом Костей Райкиным. Один раз тот, дескать, не поехал на открытие ресторана «Планета Голливуд», где ему был приготовлен дорогой подарок, второй раз

махнул на один день за счет Аэрофлота в Америку, чтобы появиться со Стуруа — к дате начала репетиций «Гамлета». Выбывал Стуруа для театра. Юра все это выдает за самосожжение. Обычная жизнь артиста, ничего в этом нет для профессионала неожиданного и суперострого.

Сам Аркадий Райкин, оказывается, встречался с Брежневым три раза. В 39 году, когда тот был в Днепропетровске, потом показался у него на Малой земле, где вместе со своей бригадой прожил чуть ли не месяц. Потом они встретились в Молдавии, где Брежнев работал перед тем, как стать генсеком.

И когда молодой Райкин бросил «Современник» и переехал в Ленинград, где с театром у него не так все хорошо складывалось, — он упросил отца позвонить по телефону Брежневу. Вот так, в 15 минут, и решилось все с новым театром. Теперь сын у дела,

Еще раз вспоминаю «Оперу нищих» Брехта: бандиты на сцене и люди с мобильными телефонами в зале.

13 апреля, четверг. Продиктовал вступительную заметку о Паше Лукьянове для «ЛитРоссии». В этой статейке пузырится давняя моя обида на Юру Роговцова. Нашел место где сводить счеты! Но несправедливая обида держится долго. Юра хочет теперь в аспирантуру. Я, конечно, не унижусь до того, чтобы чинить ему какие-нибудь препятствия. Пойдет наверняка к кому-нибудь из моих недоброжелателей. Другое дело, что это лишь препровождение времени в Москве, ни ученым, ни преподавателем Юра не станет. Слишком уж велика мера собственного эгоизма! Но вот что я написал о Паше. И это все о Юре.

«Представляя читателям еженедельника своего ученика Павла Лукьянова, я хотел бы рассказать другую историю.

Недавно у меня защищал другой, старший, ученик свою прекрасную дипломную работу. В этой дипломной работе был один недостаток: наряду с главами блестящими, с главами-открытиями, были и главы проходные, главы огрехи. Я-то помню, как эти огрехи складывались, — иногда это были студенческие этюды, иногда летние задания. Но, тем не менее, все каким-то образом соединилось и вызрело, приобрело известную условную целостность, которая из-за обилия материала не дотягивала до целостности литературной. И тогда возник конфликт — сокращай. Но ведь профессора тоже конфликтуют с некоторой усталостью: ну, хочешь защищаться целиком, что и неэтично, и тебе невыгодно, — что ж, защищайся… И в результате собственной спесивости мальчик не получил диплом с отличием. А

жаль.

Вообще с этим своеобразным студентом у меня в свое время было довольно много возни. Он поступил на заочное отделение, а я брал только на очное. Он попал в отбраковку — я вытащил его из кучи отказов, прочел, взял в свой семинар — заочника на очный семинар — потом перевел на очное отделение, может быть, не совсем имея на то право, потому что он официально — не житель России. Потом, представляя его первую публикацию в один из ежедневников, как-то, может быть, даже не очень деликатно, описал всю эту историю. Но ведь гений — всегда себя чувствует гением. Гений обиделся, кое-что сказал, упрекнул, но и я обиделся! Но я выработал в себе здоровое чувство не обращать внимания на легкие предательства учеников, я бы даже сказал, что это их долг. Внимания не обращаю, но сердце иногда саднит.

Но вернусь к ученику другому, к Павлу Лукьянову, которого я, собственно, и представляю сегодня читателям газеты. Он заочник и учится на втором курсе. Ах, как неясны и зыбки все наши критерии! Так же, как и понимание себя в молодости. Как быстры мы и самонадеянны!

Вот совсем недавно вышла моя книжка. В разделе «Критики о Есине» есть статья Сергея Чупринина, чуть ли не 20-летней давности. Это была огромная статья в «Литературной газете», которую тогда я проглядел мельком, она была, в общем, ЗА, и для меня являлась лишь неким знаком успеха. Зачем же особенно вчитываться! Они пишут про свое, а мы пишем про свое. А вот теперь, после чтения ее через 20 лет, я увидел — сколько там справедливого, и пожалел, что внимательно не прочел, а главное, не пережил сказанное тогда. От многих недостатков, на которые указал Чупринин, я избавился, но сколько же сил ушло на «изобретение велосипеда»!

Так вот, с Пашей Лукьяновым молодым студентом-прозаиком произошла почти точно та же история. Он достался мне после чтения нашего замечательного мастера, педагога и писателя, В.В. Орлова. Орлов колебался. У него во внутренней рецензии были и «плюс» и «минус». Он писал об излишней «залитературенности» мальчика, о том, что подчас его фраза растворяет в себе смысловую информацию автора до полного ее исчезновения. Был и вывод, довольно жесткий: «Автор человек пока излишне литературный».

Но Паша Лукьянов уже до этого год ходил ко мне на семинар. Ходил, как приклеенный, что-то находя в сюжетике наших семинарских диалогов. Он в то время учился на четвертом курсе Бауманского. На моих глазах защитил диплом, поступил в наш Литературный — я ведь тоже «взял его из милости», из-за того,

что — а вдруг… И, Боже мой, как я бываю счастлив, когда вижу: Паша перемогает свою литературную образованность, образованность физика. Он мечтает, ему больше незачем заниматься абстрактными построениями, он берет сюжеты из собственной жизни, из происходящего, фантазии, сбывающегося… И в этом смысле показателен его рассказ-репортаж, который несколько вычурно назван. Он действительно не попал ко мне на день рождения, как узнает читатель, но я обычно зову на свой день рождения весь институт и трех-четырех студентов, робеющих и теряющихся в профессорской массе. Но это все вызывает размышления у нашей молодежи. А в данном случае, еще размышления, связанные с технологией новейшего времени, когда обман, жесткость и воровство становятся предметами быта, а не экзотики.

Понимаю теперь, что Паша Лукьянов будет писать дальше. Но это всегда бывает: на каком-то курсе у меня перестает болеть сердце за того или иного студента, я уже начинаю твердо верить в то, что получится. Моя миссия закончена. Я его поставил на рельсы, а дальше доедет сам, только на промежуточных станциях я должен дать отмашку.

С. Есин, ректор Литературного института им. А.М. Горького».

Надо обязательно написать большую статью о моих походах по театрам. Сделать это можно широко, с массой ассоциаций, с портретами членов комиссии и с нашими внутренними борениями. Но для кого? Валя очень помогла мне и вычитала главу «Болезнь» из романа о Ленине. Ошибок в главе тьма. Похоже, она немножко вчиталась в эту работу и сегодня сказала, «хотя нового там ничего нет, но новое — это боль за этого человека». Здесь, конечно, еще и сегодняшний поиск справедливости.

Занимаюсь строительством буфета в гостинице. Цирк селит своих артистов у нас, гостиничный бизнес в институте стал приобретать определенное значение, и нужны новые услуги и затраты. Буфет придется снаряжать, как бар и даже покупать туда бильярд.

14 апреля, пятница. Был мой племянник, полковник. Зарплату ему опять не платят, взял 500 рублей. Его приходы — это и социальный зондаж, и некоторое замаливание моих собственных грехов. Но хорошо, что у меня пока еще есть деньги. Помогаю я ему мало, а дети его все болеют.

Опять новые сложности с арендаторами. Теперь от четырех комнат отказывается «Машимпекс». Здесь есть два варианта: или

навязать комнаты Орехову, или продлить общую квартиру ирландок на втором этаже. Я, наверное, пойду по этому пути.

Вечером с Валей ходили в Дом кинематографистов на новый боевик «Восток-Запад». Кино это культовое, поставил тот же режиссер, что и «Индокитай», но на этот раз в его новом фильме наша, «русская» основа. Дело все начинается в 1946 году, когда возвращаются в Россию старые эмигранты, и заканчивается после смерти Сталина. Муж-русский, жена-француженка и сын. Обращает на себя внимание и крайняя лживость картины. Как всегда и бывает у ловких людей, все здесь вроде правда и все здесь ложь. Естественно, КГБ, коммуналка, предательство, новая любовь, отдельные эпизоды, рассчитанные на просвещенного западного зрителя. Есть ложь, внутреннее неудобство и отсюда плохая игра актеров: и Меньшикова, и младшего Бодрова. Кстати, Бодров-старший, живущий уже несколько лет в Канаде и благополучный Рустам Ибрагимбеков — авторы сценария. Что тот, что другой сделали из «художественного антисоветизма» источник заработка. Для целых поколений, которые уже не знают советской жизни, они показали ее превратно. На мой взгляд, это довольно подло. Но, с другой стороны, та же самая интеллигенция по первой команде точно так же лживо и однотонно начала формировать в кино и в литературе видение царского времени. Здесь же, возвращаюсь к «Восток-Запад» и к нашим сценаристам, всегда внутренняя нелюбовь к России и привычные художественно отработанные болевые точки. Я иногда думаю, чего это они так крепко вгрызлись в КГБ, откуда такая уверенность при изображении всех этих сцен? Играющая в картине великую актрису Катрин Денев — какое-то чудовище. Позволь себе так сыграть Доронина, сколько было бы протестующего визга.

После Дома заехали в Институт, съели у Алика в кафе салат и выпили кофе. В это время в кафе играл Козлов. Валя всегда любила козловский простой джаз их молодости. Я так мало делаю что-либо для В.С., порадовался ее радости.

16 апреля, воскресенье. Еще в пятницу в Книжной лавке я купил несколько книг. Среди них «5 лет среди евреев и мидовцев» (sic!) Александра Бовина, книжку Попцова и статьи Вайля о литературе. На даче читал по переменке Бовина и Пруста. Предвкушаю, как в мае пойду вместе с Сокологорской в музей Пруста. Ну, мог ли я мечтать в детстве и юности об этом? Милая Саша Ильф, давшая мне в девятнадцать лет прочесть отсутствующего в библиотеках Пруста. Увлекают оба, но Пруст неожиданно для меня оказался очень политизирован. Вот тебе и

чистая литература, под сенью девушек. Не чужд французский, мною так почитаемый классик и напряженно юдофильских мыслей. Как и любого полукровку, это его увлекает, уязвляет, он все время возвращается к теме крови, ищет какие-то свои ответы, как человек культуры, пишет так, потом, как участник племени, по-другому. Дело Дрейфуса, поделившее общество на дрейфусаров и антидрейфусаров, т. е. «патриотов» коснулось, оказывается, всех, и в том числе аристократические салоны, о которых пишет Пруст. Это было, а мы в своей писательской практике чего-то миндальничаем. Писатель не должен бояться современности, даже если эта современность затрагивает и евреев. Даст Бог, не съедят. Пруст пишет, вернее, его герои из высшего общества весьма смело говорят о деле Дрейфуса, и вспоминают первые сезоны русского балета. Самая современная для того времени корочка — Пруст упоминает имена и Нижинского, и Дягилева, и Бакста, почти газета. Что касается Бовина, то надо ему отдать должное: читается он с не меньшим интересом, чем рафинированный французский классик. И сам по себе он человек неглупый, в первую очередь чувствующий себя гражданином России, а уж потом евреем. Уже на 40 странице разрешилась одна загадка, над которой долго бились в 1992 и последующие годы и я, и другие советские писатели. Вот что пишет Бовин, помечая этот раздельчик словечком «кадры»:

«Получаю бумагу от заммининдел Г.Ф. Кунадзе. Рекомендует советником по культуре известного писателя А.Г. Алексина. Отклоняю рекомендацию. Однако она повторяется с добавлением того, что жена рекомендованного превосходно владеет английским языком.

Еще раз возражаю. Пишу о том, что мне нужны не просто «хорошие люди», а именно — специалисты. Прошу больше не поднимать вопрос об Алексине.

Больше не поднимали. Через некоторое время Алексин появился в Израиле, но не как российский дипломат, а как обычный репатриант, «оле хадаш» (новый, значит, олим). В своих интервью он объяснял выезд из России нападками и угрозами со стороны антисемитов». Конец цитаты.

Но каков наш пострел, наш упитанный, со всеми вечно целовавшийся до исступления Толечка. Сколько раз мы давали его по радио, откликались на каждый чих, завалили премиями. изданиями и гонорарами. Угрозы антисемитов! Это говорит любимец советской детворы, сотворивший благостный пряничный образ советского подростка. Это говорит любимец ЦК КПСС и второе лицо в Российском Союзе писателей. Это именно он, жертва русского антисемитизма многим русским писателям

мешал своими чудовищными блатными тиражами, оттесняя их на обочину. Милый, слюнявый Толечка!

Оба дня, субботу и воскресенье, копался в огороде, и все же довольно много читал. Как не хочется что-либо писать, читал бы и читал. Но и в земле копался с удовольствием. Редиска выкинула уже два листа.

Рано приехал домой и еще успел сходить на коротенький концерт в Историческом музее. Потянуло меня, в первую очередь вновь отреставрированное здание. Собственно моя ранняя юность прошла в этом доме. Так важно было из наших тесных коммуналок попасть в другой быт, в иные объемы и увидеть частицу жизни, которая для нас как бы и не существовала. Теперь видно, что дистанция между этой несуществовавшей жизнью крохотная. В свое время зря большевики отказались от прошлого. Можно отказаться от настоящего, но от прошлого отказываться нельзя. Оно может создать духовный вакуум в настоящем. Концерт шел в Парадных сенях, с родословным деревом Романовых на потолке. Надо попозже прийти в музей и рассмотреть все это серьезно. Все получилось величественно. Но парадный вход со стороны Красной площади, через который вваливалась молодежь во времена моей юности, пока не открыт. В музее зато уже есть ресторан, салон по продаже сувениров. Публика на концерте сидела немолодая, тем более, что концерт был спонсорский, бесплатный. Исполнялся репертуар, который исчез с радио и телевидения и который поэтому любим и чуть ли не кажется новым: «Ария князя Игоря» из оперы Бородина; ария Шакловитого и сцена гадания Марфы из «Хованщины» Мусоргского; романс «Поле битвы» Гурилева; песня Любаши из «Царской невесты» Римского-Корсакова. Все это из обихода русского превратилось в культурный обиход патриотической части настроения. Пели Нина Слепкова и Анатолий Лошак. Артистам хлопали неимоверно. Но лучше всех была моя старая знакомая Лена Алхимова — «богиня пианизма». В конце концерта, сложив ладони рупором, я выкрикнул: «Браво, богиня!» Лена услышала. Русская музыка действует на меня каким-то оживляющим образом. Хотя русские и вообще слишком много поют о Руси, о страданиях и прочем.

Позвонил Вите Матизену. Он разругал в газете новый фильм Анатолия Гребнева. Этого никто из критиков никогда прежде делать не осмеливался. Покусился на священную корову. Это надо поощрять.

18 апреля, вторник. Провел семинар и провел кафедру, после этого поехал на встречу с писателями Приднестровья и оттуда

домой: должны были привезти кухню, которую я заказал еще месяц назад. Обсуждали Сережу Самсонова, пишет он замечательно, как отменно поставлена рука, теперь бы только собственного характера и собственных мыслей.

Иногда мне начинает казаться, что я хожу в Союз к своему другу Пулатову на всякие мероприятия, чтобы поесть бутербродов с замечательной селедкой. Где только милые пулатовские женщины ее покупают и как замечательно чистят и режут. На этой встрече были приднепровские писатели и председатель Верховного Совета республики Приднестровья Григорий Семенович В(?). Он очень толково объяснил причину и начало конфликта и с исторической, и с культурной точки зрения. Молдавия вышла из состава СССР до Беловежских соглашений: Прибалтика и Молдавия. Молдава объявила молдавский язык государственным, ввела латиницу. Таким образом, все Приднестровье стало неграмотным. Надо не забывать, что молдаване-то, кроме Приднестровья, где была автономная республика Молдавия, двадцать лет с 1918 по 1940 были под румынами. То есть почти ассимилировались. Но Г.В. говорил, что молдаване с разных берегов Днестра — это генетически разные молдаване. Левобережные всю жизнь жили с русскими, у них уже российский менталитет. Показали карту. Я сразу смекнул, из-за чего идут такие ожесточенные бои. У Молдавии выхода к морю, практически, нет. Если Приднестровье отсоединится, то метрополии платить придется за каждый килограмм транзитного груза.

В МСПС хорошо найдена форма творческих встреч. Это отдельные выступления во время застолья. Вел все это, как всегда достаточно изящно, Валентин Васильевич Сорокин. Мне пришлось тоже сказать несколько слов. Я говорил о влиянии ненавидимой России и русского языка на культуру стран, когда-то входивших в состав СССР. Они стали свободными от России, но где их литература, кто их теперь знает?

Привезли кухню, вернее, кучу отдельных ящичков, дощечек, полочек, отдельно коробка с фурнитурой и электрооборудованием. Все новые извивы бытовой инженерии меня восхищают, сколько на все это потрачено изощренного человеческого ума, как все толково и изящно. На всякий случай я принялся отодвигать мебель, вычищать мусор под старыми шкафами и полками. Открылась бездна тараканов, несмотря на то, что я веду с ними непрекращающуюся войну много месяцев. Возник некий литературный план — роман «битва с тараканами». Тараканы в сознании, тараканы в собственной жизни. Тараканы живут даже во внутренностях, под крышкой посудомоечной

машины.

Поздно звонил Володя Мирнев, приглашал на конференцию по Набокову с докладом Мулярчика. Проговорил и привычный для многих современных писателей тезис об излишнем внимании к Вал. Распутину. Я позволил себе с ним не согласиться. Распутин — выдающийся писатель, а у выдающегося писателя все так просто, что, кажется, может каждый. Во всех подобных писательских разговорах много обычной зависти.

Вечером по каналу «Культура» смотрел «Медею» Пазолини. Я не устаю поражаться мощи мирового искусства. Но эта мощь иссякаемая, приблизительно все на безукоризненно превосходном уровне. Но все, скорее, воспринимается умом, нежели чувствами.

19 апреля, среда. Весь день дома, монтируют новую кухню. Я с наслаждением наблюдаю, как молодой парень Максим — он столяр-краснодеревщик — ловко и ухватисто все складывает и прилаживает. Кухня будет новая, но жизнь моя вряд ли изменится.

Завтра — кровь из носу — надо отдиктовать статью о Ленине. Ни одной мысли.

Валя Сорокин принес мне вырезку из вчерашнего «МК». Это справедливое утверждение, что рукопись «Тихого Дона» нашел и опубликовал, по утверждению директора издательства «Голос» Пети Алешкина московский журналист Лев Колодный. Недаром меня до изумления смущали заявления Феликса Кузнецова о своей первой роли в этом деле. Я ведь помню, как несколько лет назад Лева Колодный был у меня на семинаре, и тогда же всем как-то стало ясно, что рукопись найдена. Сомнений никаких, и дело только за временем или деньгами, чтобы эта рукопись стала достоянием общества. Возможно, и кажется: это на самом деле Феликс Кузнецов сыграл первую скрипку в доставании через В.В. Путина денег. Вот, что пишет МК: «В 1993 году Колодный сообщил в «МК» о найденных рукописях, сделал сообщение об открытии в Пушкинский дом и Институт мировой литературы. Несколько страниц ксерокопии передал музею Шолохова в Вешенской. Однако обнародовать 125 страниц (пятая часть рукописи) удалось лишь сейчас. Издание стало возможным благодаря содействию Правительства Москвы и Мосстройбизнессбанка. Хотя выходу книги пытался помешать литературовед, директор ИМЛИ Феликс Кузнецов, известный своей неблаговидной ролью в истории альманаха «Метрополь».

В прошлом году государство выкупило черновики у наследников Кудашовых и передало их в ИМЛИ. Повторный анализ судебных экспертов и филологов подтвердил открытие,

сделанное 5 лет назад, — Михаил Шолохов, и никто другой, автор «Тихого Дона». Конец цитаты. А кто в этом сомневался?

20 апреля, четверг. Уже давно обещал дочери Александра Ивановича Горшкова съездить в 17 школу, где она преподает, и поговорить с местными десятиклассниками. Взял с собою ассистировать Диму. Дима, как кролик, весь урок просидел на задней парте. К моему удивлению, ребята слушали идеально. Молодежь и школа мне понравились. Нет какой-то затравленности, которая была у десятиклассников в мое время. Лица открытые и красивые, может быть, это связано с тем, что район довольно благополучный — проспект Мира. Литературу классическую хотя бы по названиям, кажется, знают. Я отговорил все легко и просто. О литературе, о необходимости не боятся жизни и не стесняться неудач. Уже сама Елена Александровна задала мне вопрос о современной литературе. Все хотят знать о современной литературе, хотя она, как массив, не существует. Я назвал отдельные имена, но они ребятам неизвестны. Это справедливо, потому что подобная литература известна только профессионалам и не захватывает общественного мнения. Как и в давнее время, когда гимназическая программа начала века останавливалась на Гоголе, сегодняшняя программа должна останавливаться на «Тихом Доне» и «Мастере и Маргарите». Дальше уже дело пристрастий и свободного полета. Но сколько насовано в рекомендательных списках. От Есина и Орлова до Довлатова. Раньше еще, помню, в школе изучался Амлинский.

В час провели совещание по предложению Толи Дьяченко о курсах театра, режиссуры и драматургии — в общем, всего. Я стал присматриваться к деятельности Толи после того, как прочел его диссертацию. Он довольно тенденциозно проанализировал последнюю драматургию и вывел формулу, как писать проходимые пьесы. На этой базе и собирался открыть свои курсы. С собою во главе и под знаменем Литинститута. Честолюбивый остаток, наконец-то, выплеснулся. Были Вишневская, Молчанова, Скворцов, Горшков, Толкачев. Выступали все довольно ладно. Теперь еще будем слушать Дьяченко на ближайшем совете. Он еще невероятно упрям и тенденциозен. Я помню, как Толя сначала взял, а потом отказал в постановке пьесы Светланы Пономаревой. Это была просто жесткая и капризная редактура.

Вечером ходил на премьеру «Венецианского купца» в театр Калягина. Видимо и маститость самого Калягина, авторитет Стуруа, и особый привкус шекспировской темы привлек весь бомонд. Все стареют, но стараются выгребать на поверхности. Но в принципе и Третьяков, и Горин, и Андрей Парватов, и Егоров со

Светланой, и Гарик Бугаев — все это люди, которым я симпатизирую. С чувством взаимной настороженности пожали руки Швыдкой и я. Я знаю его намерения и его истинную цену, а он понимает, что эту цену знаю я. Вот Н.Л. Дементьевой не было, а жаль. Привели даже В.И. Матвиенко, а на сцену в конце вышел даже О.П. Табаков, умело и расчетливо оделяя исполнителей и режиссуру считанными розами.

Это объективная особенность театра и драматургии: тема в ее подразумеваемом величии не получилась. Филиппенко, который играл Антонио своей внутренней душевной тонкостью переиграл Калягина. Спектакль мне, доброму человеку, понравился, хотя очень напоминает капустник. Ирония и трюки появляются, когда театр не очень представляет, куда идет. Меня посадили почему-то на первый ряд, перед самым носом у актеров. Рядом были два свободных кресла. Я догадался, для кого они предназначались. Если «да», то протокол очень точно выбрал соседа, который, наверняка, ничего не попросит. Еще через два кресла сидел Ястржембский. Ястреб женский.

Умер Сергей Павлович Залыгин.

21 апреля, пятница. Весь день занимался покупкой мебели для гостиницы и общежития. У нас возникает новый бизнес — гостиничный, мы отжали за счет невысоких цен и качества обслуживания «Арену», в которой раньше селили цирковых артистов, и теперь они стали жить у нас. Здесь надо было действовать, по-снайперски. Кровати, телевизоры, холодильники, посуда для буфета. Жара, забитая транспортом Москва, возле ВДНХ строят какую-то космическую развязку, через которую надо пробираться, потом отобрать необходимые вещи, проверить ширину кроватей и качество матрацев, отторговаться, выписать счета, привезти в институт, тут же выписать платежки. Дело, недостойное писателя.

В шесть часов вечера выбрался пообедать к Альберту Дмитриевичу и встретил там в каминном зале Филиппенко, которого еще вчера видел на сцене. Он, оказывается, со сцены сразу меня распознал. Еще пожурил, что, дескать, нельзя хорошим знакомым садиться так близко. Я-то думал, что этот актер так самоуглубленно сосредоточенный на себе, ничего не видит и не слышит, что происходит в зале. Оказывается сознание расщеплено, и пока одна его часть мерцает в образе Антонио, другая лихорадочно фиксирует, кто же сидит в первом ряду.

С наслаждением читаю мемуары Топорова. Это для меня урок, вот так писать и надо. Наотмашь.

В субботу поеду на дачу досадить редиску, а в воскресенье у

меня телепередача и спектакль в Большом театре.

22 апреля, суббота. Замечательно много часов спал на даче. Замечательно сначала бегала по дачному участку, а потом спала Долли, моя собака. Ездили с С.П., он очень хорошо говорил о литературе и институте. Об институте мы говорим всегда.

23 апреля, воскресенье. Я всегда умело рассуждал о балете, который когда-то знал, но о многом судил по телевидению или по кино. И вот мне повезло — благодаря комиссии! — я впервые увидел «Баядерку». Мой билет на контроле лежал в конверте «Merelitn Pacific» отель, Токио с трогательной надписью от руки «Есину С.Н. — Н.Цискаридзе» Почерк изысканный с «росписями», как и положено мало пишущему человеку. Внутри два билета — 1-й ряд партера, 3 и 4 места, напротив барабана, но зато рядом с директорской ложей. Цена билетов невероятная — по 400 рублей каждый. Конечно, это царственный подарок самого премьера, заинтересованного в премии. Иногда из глубины директорской ложи — я знаю, куда смотреть — возникают старые, но смутно знакомые лица бывших великих балерин — Семенова, Головкина, Максимова, профили, как на старинных камеях.

У меня не хватит ни умения, ни сил, чтобы в рамках дневника рассказать об этом спектакле и потрясшей меня сценой теней, когда одна за другой появляются тридцать две танцовщицы кордебалета. Грандиозная по своим масштабам и эпическому размаху сцена. И, конечно, невероятен, как летящий гвоздь, Цискаридзе. Удивительная, будто чуть надломленная, и в то же время мягкая и кавалерская пластика. На программке я тут же в темноте нацарапал несколько слов. «Триумф кордебалета». «На центральной люстре сменили лампы накаливания на криптоновые. Сравнить с Датской королевской оперой». «Иногда Цискаридзе изящнее своих партнерш». «Вот тебе и развлекательный, рутинный спектакль императорского балета». Тороплюсь сказать, что понравилось все: и Г. Степанова в роли Никии и М. Аллаш в роли Гамзати. Какой еще театр, кроме Большого, выдержит такой полномасштабный и размашистый спектакль. Я думаю, образы этого балета, как никакого другого, будут долго преследовать меня.

Менее интересной была запись телевизионной передачи, которая состоялась в некоем доме рядом с бывшим Моссоветом. Этот домик выглядывал своей остроконечной, очень современной башенкой, и я все время думал, что же в нем. Во-первых, это здание невиданного для Москвы комфорта и архитектуры. Зимний сад, фантастические скульптуры Шемякина, конференц-

зал наверху под стеклянным куполом. Две мысли. Одна мягкая и приветливая: какая удивительная панорама Москвы открывается отсюда. Вторая мысль более едкая: о бюджетных деньгах, пущенных на это совершенство, о том, сколько и кто заработал на этом строительстве. О том, что наверняка строили все это не наши русские рабочие, к тому же строительные материалы, лифты и конструкции поставлялись из-за рубежа. Какие здесь открывались невероятные возможности для чиновников!

Сама передача показалась мне невыразительной. Немного порассуждали о реализме и модернизме. В паре со мной, как главный герой передачи, был мой семинарист Денис Савельев, его отдельные высказывания иногда были точнее и многомернее, чем мои. Сейчас вопрос ставится так: не кто больше знает и умеет, как у кого складывается писательская судьба, а кто больше собственной жизни готов бросить в топку. В качестве публики в основном был мой семинар, лица ребят были славные и милые.

24 апреля, понедельник. Утром давал разгон Леше Тиматкову по поводу непорядков с освещением аудиторий. Все началось с того, что Леша опять пришел просить какие-то надбавки и льготы для нашего электрика. Зарплата-зарплатой, а за каждый поворот отверткой нужна доплата. Наша хозчасть первой усвоила законы рынка, за все пытается сорвать. Но, повторяю, все забыли о регулярно получаемой зарплате. Основная работа между делом. Завхоз Максим учится в аспирантуре и подрабатывает дворником. Сам Леша Тиматков ведет семинар и клуб авторской песни. Лешенька талантливо переваливает на меня свои многочисленные обязанности и жалуется мне на жизнь, на то, что ничего не успевает. Я его ругал, что не оформил до сих пор регистрацию в Москомимуществе. Ругал, что затянул с договорами на ограду и проходную со стороны Бронной, за то, что не заключил договора на реставрацию фасада.

Прочел материалы Рустама Фесака, Кати Фроловой и Саши Скудина. Молодцы все, ближе всех мне Фесак, но Катя очень продвинулась.

Звонила Ольга Васильевна, наш главный бухгалтер. Жаловалась, что сын упал и теперь у него сотрясение мозга. Надеюсь, это не страшно. Я все же не утерпел и сказал, что надо сидеть с сыном дома и следить за ним, а не мотаться на работу. Тем более, подозреваю, что главная ее цель не подсчет часов у преподавателей, а гараж. Я продолжаю к ней неплохо относиться, ценю ее хватку и обаяние, но не могу забыть и историю прошлого года. Пожар и «наезд» — два самых сильных эпизода моей институтской жизни. Между тем на этот раз Оля звонила с

просьбой дать ей беспроцентную ссуду в одну тысячу долларов. С ссудой именно ей есть проблемы, институт оказывается заложником этой ссуды, держи главбуха, который наводит бандитов, пока она этой ссуды не выплатит. Вдобавок ко всему через года эта тысяча долларов в рублях превратится в половину.

На беспроцентную ссуду для покупки квартиры претендует также Дмитрий Николаевич.

25 апреля, вторник. Утренний семинар. Много говорили о рассказе Скудина. Здесь показаны реализовавшиеся комплексы.

В три часа дня был на совещании у министра культуры Швыдкого по поводу предварительного решения думы сократить финансирование культуры. Мне дали список приглашенных на эту встречу. Архипова, которая «не подтвердила свое участие», и Зайцев, который тоже «свое участие не подтвердил», Марк Розовский, редактор «Культуры» Юрий Исаакович Белявский. Вся эта искусная публика ближе к Швыдкому, чем ко мне. Когда кто-то сказал, что гибнет система театров, которую создавали Станиславский и Немирович, Швыдкой поправил, что «создал систему Сталин», поэтому, дескать, не жалко. Ох, умен, увертлив и напорист наш министр. Цель проведения этого собрания — обеспечить себя защиту силами культурного лобби, оставаясь, как правительственный чиновник, как бы в стороне. Да уж куда там в стороне, когда служит в этом министерстве чуть ли не со дня его демократического обновления!

Первым выступал знаменитый пианист Николай Арнольдович Петров (герой битвы подсвечников), потом сказал его дружок Белявский, который стал мне неприятен после сокращения из газеты В.С., для которой газета была всем. Здесь обычные сетования и непонимание политического зерна проблемы. Так же сетовал на начальство и чиновников Марк Розовский, приводил даже какие-то примеры как они не платят налоги. Талантливый человек, это еще не значит умный. Как бы Марка не взяли за бакенбарды после его признаний в том, что нигде не показывают на бумагах, что театр сдает площадь под стоматологический кабинет. Мне было ближе выступление Юрия Мефодьевича Соломина, который задал вопрос, что надо теперь делать и кто в этом виноват. Я выступал последним, да и сидел не за столом коллегии, а в сторонке, с министерской челядью. Как поделилась со мной Наталья Леонидовна Дементьева, в конце совещания — забил гвоздь. Говорил резко. Я вспомнил свой роман, который описывал «забастовку искусств»: подтекст — вот как надо отвечать. Сказал, что предыдущий режим пал потому, что в первую очередь не занимался по-настоящему культурой. И

последняя мысль — о том, что именно это министерство упорно в первые годы перестройки говорило, будто культура, видите ли, должна себя содержать (Е. Сидоров). Призыв: Михаил Ефимович, ведите нас, — это уже реквизит.

Михаил Ефимович все понял и очень уважительно в своем заключительном слове упомянул, что хотя Сергей Николаевич и сказал, о «тех, наверху» (иду не по словам, а по мысли), но там ко всем собравшимся деятелям культуры относятся замечательно, любят, но считают их не очень хорошими экономистами. Вот так. Речи Швыдкого мне показались очень интересными, по нахрапистой манере и по очень трезвому прагматизму. Он прекрасно говорил о жесткой фракционной дисциплине в новой Думе. Голосование не означает порыва и сумму решений многих думских индивидуальностей, а лишь степень договоренности между главарями фракций.

«Юность» опубликовала еще один кусок из «Смерти титана». Сейчас постепенно клею, редактирую и собираю роман. Две последние главы и финал придется переписать.

26 апреля, среда. Утром ездил с Федей и Андреем покупать посуду для буфета в нашем общежитии. Еще раз продумал, что буфет открывает дополнительные возможности для нашего международного обмена. Все станет проще и доступнее: группу зарубежных студентов или летнюю школу мы можем теперь принять с питанием.

Но перед этим случился маленький казус. Я довольно внезапно приехал в институт рано и на своей машине. И тут выяснилось, что нет ни Феди, который всегда подчеркивает, что днюет и ночует в институте, нет и Сережи Осипова, который должен был со Светланой Михайловной ехать в банк за стипендией. Тогда вызвался ехать я сам. Самое любопытное, что в воротах встретил опаздывающего на час Сережу. Так сказать, наказал примером. Теперь оба: и Федя, и Сережа — мучаются.

Федя, кажется, опять заиграл на два фронта. Моя личная контрразведка донесла мне, что именно он, когда я приезжал в воскресенье в три часа в институт, позвонил в бухгалтерию, чтобы закрыли окна. Не должен был я видеть, что на работу приехала Ольга Васильевна. Она, видимо, обсчитывала по договоренности учебные часы. Александр Иванович потом мне с грустью рассказывал, что он сам, определяя ей плату, предложил за эти несколько дней работы сумму зарплаты экономиста за десять месяцев. Но когда договор пришел из бухгалтерии, то там оказалась сумма, равная оплате за целый год. Ну и прорва!

Вечером вел изматывающий разговор с Шапиро об аренде.

Это, конечно, великий человек и великий торговец. Он так талантливой не без помощи Ольги Васильевны, которая перед своими родами забыла выставить ему счета, задолжал нам, что теперь запросто выколачивает из нас разнообразные скидки. Мы стоим перед дилеммой: или потерять все, или на скидках потерять лишь часть. Он уже получил общую скидку около шестисот тысяч рублей, более половины того, что был должен. Это те яблоки и бананы, которые не получили дети наших сотрудников. К сожалению, мы пока не можем выполнить распоряжение правительства о передачи всех наших денег от арендаторов в казначейство, но вот когда бюрократическая волынка закончится, я с наслаждением буду наблюдать схватки Ильи Геннадиевича уже с казначейством и фискальными органами. Моя суперзадача — отжать у него немного комнат и пустить их под надежный гостиничный сервис.

После разговора с Ильей Геннадиевичем, уже в разговоре с Харловым, ассистировавшем мне в этих торгах, выяснилось, что наш милый Андрей Орехов, этот эталон честности и порядочности, в договоре указал несколько не тот метраж и уже пару лет, кажется, не платит за две комнаты на втором этаже. Сочувствия к Андрею у меня нет, но я и не жду, когда судьба поднимется против этого молодого человека, так удачно зарабатывавшего на счастливо найденном месте на Тверском бульваре. Я часто вспоминаю и трудягу Юлю, его жену, и главного бухгалтера.

Между моими арендаторами и поездкой за оборудованием был на защите кандидатской диссертации Лены Карпушкиной. В моей работе именно подобное приносит мне наибольшее удовлетворение. Очень хорошо и четко провел совет Борис Николаевич Тарасов. Но в личном плане я все время чувствую его раздражение, что я, как ему кажется, перебил его стремление баллотироваться в академию. Ах, как всем хочется — без очереди, оттеснив товарища! Во время защиты с огромным интересом выслушал Ильина, который был первым оппонентом.

Подписал книгу для Николая Цискаридзе, завтра отошлю в Большой театр. Не слукавил в этой надписи, что спектакль с его участием — это одно из сильнейших моих театральных впечатлений жизни.

27 апреля, четверг. Утром ко мне приехал Андрей, и мы отправились с ним смотреть и выбирать технику для открываемого буфета. В Андрюше мне нравится такая же внутренняя скаредность, что и во мне. Ему все дорого и ни за что он не хочет переплачивать казенных денег. Как ни странно,

нашли мы почти то, что нужно, в ближайшем магазине «Партия» на углу Ленинского и Ломоносовского проспектов. Это была бошевская посудомоечная машина за 599 долларов. Фирма как бы гарантировала надежность. «К счастью» — пишу к счастью весьма условно — на машине дефект: помята крышка. В дом бы я с такой помятой крышкой никогда такую машину не купил, а здесь — 15 % скидки. Да еще 5 %, по дисконтной карте постоянного покупателя. Это на 100 долларов дешевле.

В три часа состоялся ученый совет. Здесь два вопроса: положение с нашей библиотекой и отчет А. Дьяченко о своем театре. Валентина Васильевна выступила очень щадяще для ректората. А я сам чувствую, как мало я делаю для этих замечательных женщин из библиотеки. Они сидят в подвале, а я только собираюсь поставить им кондиционеры. Библиотека до сих пор не компьютеризирована. Здесь тесно, мрачно, плохой свет. Хорошо, что хоть недавно что-то сделали с архивом и навели порядок там. Пишу это для себя, для того, чтобы не забыть и что-нибудь все же сделать.

Дьяченко выступил с огромным самомнением. Прижившись в институте, он строит, видимо, какие-то далеко идущие планы. Мне иногда кажется, что он видит себя и в качестве завкафедрой и в качестве ректора. Но я сразу зафиксировал уровень его притязаний: театр не является структурным подразделением института, точка зрения самого Анатолия на театр и драматургию не совпадает с точкой зрения института. Выступавшие Вишневская и Молчанова довольно критически отозвались и о театре и о теориях Анатолия. С одним я могу согласиться: как правило, все это не очень интересно, провинциальный авангард. Именно поэтому театром не интересуется ни московская публика, ни московская пресса. И об этом тоже пришлось говорить. И студентами, несмотря на мои надежды, Анатолий занимается мало.

Потом пришлось ехать в общежитие. В результате довольно длительных переговоров у Шапиро удалось оттягать еще шесть комнат, из которых мы соорудим что-то наподобие отдельной коммуналки для ирландских студентов.

Интересно, что за ирландками, не ослепительной красоты девушками, вовсю ухлестывают наши самые красивые и языкатые парни. Вот и сегодня у них в общей комнате сидит Аликулов. Не думаю, что это страсть к английскому языку. Скорее, здесь, «синдром Мартынова».

Пока я был в общежитии, у меня дома «арестовали» Федю, которого я посылал погулять с Долли. Федя, снимая квартиру с охраны, перепутал пароль: «Кишинев», написанный моим

почерком, прочел как «Киселев». В результате этого приехала милиция. Милиционеры оторопели, увидев Федю рядом с огромной собакой. Это и послужило главным доказательством его невиновности. «Здесь огромный парень, стали они объяснять по рации своему начальству, и ротвейлер. Они неплохо понимают друг друга». Федя стал было приглашать их войти в квартиру. Один из них ответил: «Мне через три месяца идти на пенсию, и я не хочу до этого быть покусанным».

Приехал домой в девять и свалился в койку. Как убитый. Какое там чтение!

28 апреля, пятница. Сложил сегодня, наконец, всего «Титана». Сразу выяснилось что нужна некоторая связка между главами. Пойду по тому же пути, что и в «Близнецах» — сделаю публицистические от себя вставки, хотя время романа закончилось. Он умер, и я уже в другом. Скорее всего, сделаю эти вставки по тематике газет. Хорошо, что много лет собирал вырезки, связанные с Лениным. Весь день состоял из массы подробностей. В «Независимой» вышла Валина статья о Гатчинском фестивале. Это, конечно, сильно ее должно поддержать.

Из интересного обнаружил, что наша доблестная Олечка, полагая всех полными идиотами, просит безвозмездную ссуду в 1000 долларов сроком на три года. Именно такая дата возврата ссуды стояла на договоре: 2004 год. Или ректор сдохнет либо доллар рухнет. Во что тогда превратятся 30 000 взятых ею рублей?

Интеллигенция и пресса накатывают на Путина. Мне все, что пока он делает, нравится. У нас с ним общее национальное чувство.

Получил многозначительный подарок от М.О. Чудаковой. Откуда-то она или привезла или ей подарили бумеранг — переслала его мне. Значение этого подарка мне очевидно. Что там произойдет с моей судьбой? Иногда М. О. не ошибается. Мои друзья и люди, которые меня окружают, нервничают с возрастом все больше и больше.

Я ни на минуту не забываю, что идет страстная неделя, но не пощусь, не получается.

29 апреля, суббота. Около двух часов дня уехал на дачу вместе с ассистирующим мне сегодня С.П. Он готовится к аспирантским экзаменам и семинару. Крохи от его начитанности достаются и мне. Долго говорили о «Венецианском купце». В театре у Калягина его сократили на полтора акта. Сегодняшний

театр приблизился к функциональному, все, что не нажимает на разум, политику и не артикулирует проблематику — долой. Свобода слушания умных и просто изящных речей уходят. Но с какой жадностью в те давние времена публика, всегда стремящаяся себя поднять и воспарить над плоскостью жизни, в обществе, полулишенном книг, слушала то умные, то красивые, то просто поучительные речи из уст актеров. Мне все больше и больше кажется, что пьесы Шекспира как бы написаны для себя и случайно счастливо сыграны. Эта идея с просвещенным братом Елизаветы, о которой я уже писал, нравится все больше и больше. Тогда все укладывается. Много досуга, далекий двор с его празднествами и хитросплетениями и собственные конструкции жизни, честности и справедливость, на листе бумаги. Из окна башни видны зеленая кромка леса и одинокий всадник, пересекающий пустошь.

30 апреля, воскресенье. В Москву приехал около трех, потому что всесте с В.С. надо идти на модный мюзикл «Метро» в театре оперетты.

Вернувшись из театра, долго сидел, перелистывая «Титана» и придумывая другие названия для глав. Это какой-то тяжелый, медленно выкручивающийся в мелких водах дредноут, но настоящий. Из всех щелей сочится неприступная основательность. Я не могу понять основного импульса этой своей работы. Люблю ли я Ленина? Он, в первую очередь, интересен мне как человек, замахнувшийся на невероятное. Перед Голиафом обнаженный Давид с пращой. Мне Ленин нравится, как укор всему человечеству и за его брезгливую нелюбовь к интеллигенции, которая им восхищалась, а потом его бросила. Да и пишу я его, чтобы в первую очередь насолить ей. Особенно сегодня к Ленину непримирима еврейская интеллигенция.

Пошел я на этот мюзикл в основном из-за В.С. Но перед спектаклем, когда приехал шофер Федя, у нас разгорелся жуткий скандал. В.С. всегда нужен зритель, чтобы самоутвердится и дать мне реванш. Она совершенно не понимает ни расстановку сил в институте, ни моего положения, ни того, что Федя много рассказывает из сущего О.В., которая и превратно все истолкует и неправильно все поймет. В том, что такая быстрая связь существует, я убедился недавно. Запустил одно наблюдение об О.В. через Федю, и уже на следующий день оно с ее комментарием вернулось в институт. Здесь мне стоит выбрать какую-нибудь собственную тактику.

Спектакль мне, скорее, не понравился. Надо отдать должное

невиданным спецэффектам и стремлению театра выдвинуть на сцену молодежь. С основным приемом и интонацией я уже был знаком лет тридцать. Типичный западный, американский мюзикл, но с русскими текстами и русскими сегодняшними приколами. Зал бешено реагирует на все невинные и простенькие шуточки. Здесь меня больше волнует некая подловатая, примиренческая социально-политическая позиция. Мальчики и девочки поют и благополучно находят свое место в жизни. Невинная ложь искусства. Это фон социального крушения большинства молодежи, отсутствия работы, войны в Чечне, регрессе в промышленности. Именно так хотел бы видеть ситуацию правящий класс и верхушка общества, и театр с готовностью сказал: еее-сть! Спектакль для богатых. По размаху этот спектакль мне чем-то напомнил спектакль у К. Райкина «Опера нищих». Это действительно спектакль для богатых. Сидящий рядом со мной молодой мужчина все время что-то считывал с дисплея радиотелефона. Программка стоит 70 рублей, в фойе продают майки с надписью «Метро» — 300 рублей. Я представляю, как безумно этот спектакль нравится нашему Лужкову, носящему пролетарскую кепочку!

Вечером взасос читал В. Топорова.

1 мая, понедельник. Рано вернулся из Москвы на дачу и принялся, не разгибая спины, за реконструкцию теплицы. Еще раз подумал, как хорошо, когда ты что- то перестраиваешь и добавляешь к сделанному до тебя. Каким этот участок мог бы стать через двадцать лет. Меня удивляет мое вдохновенное хозяйствование на природе. А ведь собственная работа лежит и не движется.

До глубокой ночи медленно с карандашом читал мемуары Топорова «Двойное дно». У мемуаров есть еще подзаголовок «Признание скандалиста». И в первом и во втором случае Топоров желаемое выдает за действительное. Нормально все, искренне, точно. Мне это особенно интересно, потому что это моя среда. Многие фамилии, развенчанные В.Л., я когда-то слышал с придыханием от своей ленинградской приятельницы Миры Смирновой. Есть прекрасные места, связанные с теорией перевода. Есть много совпадающего с моими собственными мыслями. Топорову дозволено высказать то, о чем я сказать не имею права. И конечно, он, никакой не антисемит, он просто очень хорошо знает «своих». Не могу удержаться, и как обычно, цитирую:

«Кстати, о евреях. Как и всякое маргинальное творческое поприще, поэтический перевод предоставлял им шанс выйти

далеко за рамки «национально-пропорционального представительства». Скорее, наоборот, — неевреи в своей совокупности составляли в переводе нацменьшинство или, если угодно, образовывали «малый народ». Порой, правда, проходила кампания гонений. Директор «Художественной литературы» Валентин Осипов (ставший потом «большим демократом») потребовал, чтобы переводческие договоры подавали ему на подпись тройками — причем среди трех имен одно непременно должно было быть русским. Так мне единственный раз в жизни пришлось выступить в роли «аризатора»: в одну тройку попали договоры Юнны Мориц, Маргариты Алигер и Виктора Топорова».

Вообще Топоров прекрасно чувствует литературу. Чего только стоит его пассаж об Айги! Я иногда пытаюсь объяснить себе успех за рубежом того или иного иностранца, тут приходит умница и аналитик Топоров и, как из снайперской винтовки: «Мне всегда хотелось перевести на русский стихи Геннадия Айги. Нет, не потому, что они написаны верлибрами, а я бы их зарифмовал, — я бы их верлибрами и перевел. Но, при всей яркости метафорики, слово у Айги — приблизительно, общо, нечетко — из-за чего возникает впечатление талантливого подстрочника. Чрезвычайно талантливого, но подстрочника. Стихи Айги переводимы и на русский язык — возможно, именно поэтому они значительно более популярны в переводах на иностранные».

Опять новый пассаж, ему, эти самые свои, досадили больше, чем кто-либо еще. Цитирую потому, что и этот пассаж всецело отвечает моим собственным настроениям.

«Меня часто обвиняют в антисемитизме (хотя применительно ко мне речь может идти только о национальной самокритике), даже — как некто Рейтблат — в «неуклюже скрываемом антисемитизме». Меж тем совершенно ясно, что разговор о еврейском преобладании (или о еврейском засилье) в определенных сферах деятельности и о специфических, не всегда безобидных формах утверждения этого преобладания, разговор, в годы советской власти с ее неявным и ненасильственным, но несомненным государственным антисемитизмом абсолютно недоступный, — сегодня, когда евреи перестали скрывать или хотя бы микшировать свое еврейство, не отказавшись, однако же, от методов и стилистики неформального тайного общества, — такой разговор сегодня необходим и неизбежен — и вести его надо в форме честного диалога с теми, кого презрительно аттестуют или шельмуют антисемитами».

Дальше уже Топоров пишет по существу. Одному из первых достается моему старому знакомцу Даниилу Гранину, который вовсе и не Гранин. Я, оказывается, довольно многое пропустил в

его творчестве. В том числе и какую-то повесть-памфлет о давнем первом секретаре ленинградского обкома КПСС Романове. Так вот, Герой Социалистического труда Гранин, чьи выступления с таким блеском всегда украшали пленумы обкома, написал об этом самом Романове повесть-памфлет. Вот так утверждает Виктор Леонидович Топоров и соответствующим образом комментирует: «Я ничего не имел, да и не имею против Гранина. Напротив, считаю его недурным очеркистом, поневоле — в силу особой иерархичности советской литературы — превратившимся в средней руки прозаика… Изначальное отсутствие чести и достоинства — лишь оно дает человеку возможности сочинить памфлет против того, кому ранее, до свержения, лизал пятки. То есть, точнее, если ты кому-нибудь (кроме сексуальных партнеров) когда-нибудь лизал пятки, то никогда и ни против кого не смей писать литературных памфлетов». И последнее все на ту же, опротивевшую мне тему. Миф о том, как в годы советской власти евреев зажимали. Так сказать, ленинградский комментарий:

«Зажимали, правда (в ретроспективе это видно особенно ясно) не столько еврейский талант, сколько крепкую еврейскую посредственность. В литературе, например, магистральными жанрами которой традиционно считались проза и поэзия, евреи преобладали в маргинальных жанрах — детской литературы, художественного перевода, научной публицистики, и так далее».

3 мая, среда. Утром боролся с Лешей Тиматковым. Творец есть творец, и в этом талантливом мальчике сидит невероятный творческий эгоизм.

Вместе с В.В. Орловым ездили в Митино смотреть очередное культурное начинание «Монотон». На этом вся программа просмотров в премии мэра закончилась.

4 мая, четверг. День сегодня трудный. Утром отвез В.С. в Матвеевское. На фоне ее одинокого и трагического сидения дома это единственная для нее возможность общаться с людьми своего круга и говорить о кино. Встал рано, стащили с Федей вниз чемодан, сумку, телевизор и пишущую машинку и успели не только заехать в Матвеевское, распаковать В.С. чемодан, настроить телевизор и открыть, опробовав, пишущую машинку. Но и не опоздать на работу. Потом целый рутинный день, главное в котором — кандидатские экзамены по русской литературе.

Я специально сижу на каждом экзамене, чтобы не допустить никакой халтуры. Я даже иду дальше, сам перемешиваю перед экзаменом билеты и слушаю ответы от начала до конца. Но и результаты такое методическое упорство тоже приносит. Недавно

Миша Стояновский, у которого был опыт Педагогического Университета, сказал мне, что вначале его удивили наши кандидатские диссертации, как достаточно поверхностные, а вот теперь уровень на порядок поднялся. А для этого надо было сделать так, чтобы и аспиранты, и соискатели, и преподаватели боялись, что их могут изобличить в недобросовестности. Сдавало пятеро: В. Воронов, Т. Воронин, А. Замостьянов, И. Мартина, Рю Ми Джон. Лучше всех, как ни странно, отвечала Рю Ми Джон. В отличие от наших собственных, российских, аспирантов эта вьетнамская платница все прочла, все внутренне переработала, все связала. Слушать ее, конечно, несколько затруднительно, но никаких пустых слов, девочка гонит только мысль. Я опять удивляюсь тому, как быстро ребята взрослеют, зреют, как люди думающие и серьезные.

Перед отъездом на церемонию вручения премии Распутину встретил Свету Звонареву. Она, видите ли, в пятницу на семинар прийти не может и предлагает мне вместо себя для разбора Катю Локтионову. Отклял Свету разнообразными словами, пригрозил выгоном и другими карами, кстати, в пятницу, допустим, семинар идет вне расписания, но ведь и суббота — день у нас рабочий, а наша Светик ни у кого не отпрашивалась.

В воскресенье 7 мая состоится инаугурация В.В.Путина. По ТВ показывают новый президентский штандарт, изготовленный где-то под Ленинградом. Показывают убогую мастерскую, где вручную вышивают эту немыслимую геральдическую красоту. Невольно вспомнились крепостные времена с их контрастом золоченых кафтанов и курных изб.

5 мая, пятница.

Мэру г. Москвы
Ю.М. Лужкову

Глубокоуважаемый Юрий Михайлович!

Ну никогда я не решился бы к Вам обратиться, если бы не два обстоятельства. Во-первых, на встрече в фонде Солженицына Вы разрешили мне написать о горестном состоянии фасада Литинститута, выходящего на Тверской бульвар. И, во-вторых, так уж исторически сложилось, что Литинститут просит что-либо только у Вас и всегда хорошо помнит, когда Вы Литинституту помогаете. Я вообще прикинул: когда Вы помогли несколько лет назад заасфальтировать наш двор и покрасить стены, — я об этом много раз говорил и в студенческих аудиториях и на Ученом совете, — и во скольких же студенческих и писательских умах совместилось «Лужков» и «Литинститут», а значит, так, вместе, и уйдет в многочисленные мемуары, воспоминания, в какую-нибудь публицистику, которая проявится, может быть, не сегодня и не завтра.

Конкретная, глубокоуважаемый Юрий Михайлович, просьба. Литературный институт им. А.М. Горького, находящийся на Тверском бульваре, убедительно просит Вас помочь институту с ремонтом и реконструкцией только фасада нашего двухэтажного здания. Не больше! Здание представляет собой историческую ценность и является памятником культуры и архитектуры (городская усадьба XVIII века). Своими силами институт не потянет этого ремонта.

Я хотел бы дополнительно сообщить Вам, глубокоуважаемый Юрий Михайлович, что за 8 лет, которые институт является государственным учреждением, хотя и финансируемым, но лишь на 40 %, — он ни разу не задолжал по коммунальным услугам, по налогам и прочему. То есть, если мы просим — это не значит, что мы хотим больше для себя, а просто мы сами не можем сделать необходимое.

С уважением и неизменной благодарностью — С. Есин, ректор, профессор, секретарь Союза писателей, лауреат премии Москвы.

Семинар. Обсуждали Лактионову. Рассказ так точно и средне-профессионально написан, что я полез в ее личное дело смотреть работу, с которой она поступила. И достоинства и недостатки все те же, высокий общефилологический уровень ее письма. Рассказ у Кати называется «Бельведер». Кстати, не только названием, но и чем-то, деталями, что ли, и отдельными поворотами напоминает запомнившийся мне перестроечный роман Даниила Гранина

«Картина». Роман был неплохой. Но тогда мы все дружно читали «Новый Мир».

6 мая, суббота. У нас рабочий день. По телевизору показывают, как ветераны тренируются к Красной площади. Они пока идут в своей штатской одежде, в стареньких плащиках, хорошо говорят в телевизионные камеры. Но жизнь прошла, пролетела, сегодня жизнь их сплошь и рядом убога. Сердце обливается кровью, когда смотрю на них. И завтра о них забудут. Но и писателей помнят не дольше. Писатели просто поназойливее. В день зарплаты позавчера встретил нашего преподавателя Семена Шуртакова. Один из участников будущего парада ветеранов. В эту зарплату ветеранам я еще выписал по 1000 рублей. Несколько человек меня за это благодарили. Мне неловко.

В моем дневнике мало рефлексии. Я вуаер, пишу только то, что вижу и что происходит со мною и вокруг меня. В моей душе ничего толстовского не происходит. Никаких катаклизмов, раскаяний, угрызений. Кое-что я, правда, помню и себя за это корю. Помню, как мама за несколько дней до смерти стонала, когда я ей поставил электрогрелку под ноги. Мы с Валей лежали в другой комнате, и она мне говорила: «Не вставай». Я не встал. Я, после того, как пришел хирург и сказал, что скоре маме придется ампутировать ступню, прекратил делать ей уколы вакцины, которую ей приготовила знаменитая Троицкая и которая, как говорили, помогает. Метастазы пережали ток крови, и ноги стали мерзнуть, пальцы потеряли чувствительность, ступня распухла и приготовилась гнить. Или наоборот пальцы на ногах подсохли?

Читаю из периодики только то, что попадает мне на стол, журналы, в которых статьи студентов или преподавателей. Вот, например, из «Новой Юности» цитатка. Библиотека принесла журнал, потому что в нем стихи нашей студентки-заочницы Ирины Котовой. Я залез в общее содержание. Подбор немножко странноват. Новый перевод отдельных глав Казановы, статья к 20-тилетию Керуака, «архивные разыскания «Русь голубая». Разыскали. Это великий князь-поэт. Из его дневника. «Мечтаю сходить в баню на Мойке или велеть затопить баню дома, представляю себе знакомых банщиков — Алексея Фролова, а особенно Сергея Сыроежкина. Вожделения мои всегда относились к простым мужикам, вне их круга я не искал и не находил участников греха. Когда заговорит страсть, умолкают доводы совести, добродетели, благоразумия… Я опять отказался от борьбы со своей похотью, не то чтобы не мог, но не хотел бороться. Вечером натопили мне нашу баню; банщик Сергей

Сыроежкин был занят и привел своего брата, 20-летнего парня Кондратия, служащего в банщиках в Усачевских банях. И этого парня я ввел в грех. Быть может, в первый раз заставил я его согрешить и, только когда было поздно, вспомнил страшные слова: «Горе тому, кто соблазнит единого из малых сих».

И князь хорош и хорош старший Сыроежкин — брата привел. Но каков уровень искренности! Какова рефлексия. Но для того, чтобы писать так, надо иметь по-другому повернутые мозги. Теперь примусь читать Казанову.

Звонил Олег. Он прочел «Болезнь» В.С. и из этой повести понял, что и я болен. «Что же ты, дурил, не обратился ко мне? Я ведь занимал не последнее место в медицине». Главное — он, Олег ее финансировал. Своего ребенка Олег возил в Германию, там этой крохе делали какую-то ювелирную операцию на сердце. Можно только представить, что пережили отец и мать. Единственное, что я чрезвычайно ценю в сегодняшнем прогрессе: идем против провидения и отнимаем у смерти ее добычу. По крайней мере теоретически это умеем. Любая техника меня не очень волнует, это все рукотворное и дело человеческих рук, а вот здесь мы вмешиваемся в Божий расклад. Операция стоила 55 тысяч долларов.

7 мая, воскресенье. Сегодня состоялась инаугурация президента, которую по ТВ я не видел. Это все происходило в тех залах, которые мне показывал Барсуков. Как бы возвращаемся к той самой имперской линии. Вечером состоялся, концерт, посвященный и инаугурации, и 55-летию со Дня Победы. Во время концерта я смотрел его по ТВ уже в Обнинске, читали стихи и отрывки из документалистики и прозы, где много говорилось о социалистическом отечестве, о великом Советском Союзе. Пела Зыкина и просила Бога благополучия и здоровья для всех. У нее на необъятной груди золотая Звезда Героя. Вот это чувство момента! Тенденция такова: существует Россия, а ее монархическая, коммунистическая и демократическая жизнь — эпизоды, моменты вечной жизни страны. Может быть, тайная мысль Путина — восстановить в размерах советскую империю? Пока все только разрушали. Поеживаясь, наши идеологи и демократы подстраиваются под желания президента.

Днем сидел над дневником и редактировал последнюю главу «Титана». Если бы удалось не писать «срединных» вставок! Завтра буду затягивать пленкой теплицу, в которой не будет никакого урожая. Посмотрел на редиску, вся ушла в ботву, зато кажется, благодаря свежести этих дней прижились новые кусты смородины.

8 мая, понедельник. У Бовина в мемуарах — я их продолжаю читать — есть одно выражение… В июле 1992 в Иерусалиме был открыт памятник жертвам советского режима, и Бовин, посол России в государстве Израиль, пишет статью «Я плачу вместе с вами». Посол перебирает все приличествующие моменту случаи: и убийство Мейерхольда, и суд и расстрел Еврейского антифашистского комитета; далее говорит о существовании будто бы плана «уничтожить или заключить в огромное гетто всю еврейскую общину Союза». А абзацем ниже этот опытнейший журналист пишет «К счастью, умер Сталин…» И говорить с такой определенностью об этом! Писать так нельзя. Ничья смерть не является счастьем.

Весь день занимался теплицей, натягивал пленку, что-то прибивал и с упоением работал. Прошлый год в это время каждое движение давалось мне неизмеримо труднее. День пролетел незаметно.

Вечером по телевизору говорили о подготовке к параду и о поездке Путина в Курск. Постоянная праздничность и идеологическая точность разъездов президента начинает раздражать. Но понимаю, что это еще и необходимость момента. Посмотрим, как пойдут дела дальше. Говорили по РТР о недавнем поражении российской сборной по хоккею, собранной из уехавших звезд, наших практически бывших соотечественников, проиграли команде Латвии. Звезды, действительно, экстракласса. Вот тебе и всеми оплеванный коллективизм. Латыши, конечно, расценили эту игру как свою неслыханную победу над всей Россией. Комментаторы все это смачно пережевывают. Точнее всех на этот раз сказал Зюганов: «Ничего другого нельзя было ожидать от команды эмигрантов, у которых в других странах и все интересы, и свой бизнес. Слово бизнес прозвучало особенно удачно.

9 мая, среда. Праздник ознаменовался скандалом между мною и Шимитовским. Я где-то потерял в траве или куда-то сунул принадлежащий ему молоток, который он дал мне накануне. Утром молоток исчез, несмотря на часовые поиски. Когда-нибудь, молоток, конечно, найдется. Шум, который здесь поднял Володя, мне не описать. Прожили вместе двадцать лет, а разошлись из-за какой-то мелочи, цена которой — грош. Помню, как у меня в банке пропало несколько тысяч долларов, которые я отдал А.О. без расписки. Пропали, когда банки реструктуризировались, денежки и пролетели. Но ведь я тогда и не пикнул. Самое смешное, что тут мне стало так плохо, так поднялось давление, что от греха подальше я тут же свалил с

дачи. Но сначала посмотрел по ТВ парад.

У всех участников и старых ветеранов, которых Путин собрал впервые, и у молодых участников какие-то одухотворенные лица. И дикторы соскучились, заговорили по-другому. В речи Путина прозвучало понятие «советская Родина». На парад были приглашены участники войны из стран СНГ, я видел киргизские шапки и кавказские черкески. Зарубежные долги платит Россия, но и славу страны-победительницы мы никому не отдадим. Это все каким-то образом воодушевляет. Теперь можно и потерпеть.

Сегодня — такое услышал мнение от кого-то из молодняка во дворе, когда гулял с собакой. Дедовщина и голод в армии были организованы специально, чтобы армию развалить и чтобы в нее никто не шел служить. Теперь в армии кормят хорошо, по крайней мере, лучше, чем дома. Из разговоров я еще понял, что весь быт молодняка сконцентрирован во дворе, в подъездах, в каких-то близких оврагах, где они справляют свои дни рождения, тусуются, где им отдаются девки. Картиночки интересные.

Опять Гранин. Звонила из Гатчины Генриетта Карповна, советовалась со мной по кандидатуре президента кинофестиваля. Гранин стар, и ходят слухи, что он может подать в отставку. Блинов сюда сватает Петю Проскурина. Но, как мне кажется, фестиваль не вынесет двух патриотов: меня и Петю. Я советую, заботясь, скорее, о себе и балансе, пока оставить Гранина.

И — главная новость. Звонил из Нью-Йорка Ефим Лямпорт. Он сдал все экзамены и получил сертификат врача. У него родился сын Петька, я записал вес — 4350 и рост — 56 см. Благоденствует и лямпортовский кот, в судьбе которого я принимал участие на Шереметьевской таможне. Здорова и мать Ефима, я, правда, не спросил, работает ли она? Я сказал Ефиму, что начинаю печатать свои дневники. Вот тут и задумаешься о некоторых моих пассажах, связанных с арендаторами и разными герберами. Ефим — единственный человек, чьим мнением я в данном случае дорожу. Но этой сволочи обязательно надо будет промаркировать меня — антисемит. Легко быть, как Бовин, юдофилом и просемитом. Здесь жизнь идет повеселее.

Опять об этом. Вчера вечером по ТВ показали репортаж из Израиля о праздновании Дня Победы. Старики с орденами, многим из которых их вернули, русские песни, тоска и по советской нашей родине, но главное: ведет Андрей Дементьев. О том, что это когда-то был известнейший поэт-песенник, и не упоминается. Обычный моложавый, за что и держат, потому что стариков на ТВ не жалуют, корреспондент. Зато он теперь вместе со своим другом Алексиным. Что-то разбежалась вся старая «Юность»!

12 мая, пятница. Государственные экзамены. Сегодня или, может быть, раньше, а сегодня только вспомнил, встретил в институте Сашу Чернобровкина. Он долго мне рассказывал, что его «Чижик-Пыжик» является бестселлером, который почему-то магазины отказываются продавать. Также намекнул, что считает меня плохим писателем, но хотел бы, чтобы я срочно прочел его новый роман. Очень расстроился, когда я сказал ему, что до лета у меня времени на это не найдется.

13 мая, суббота. Второй день государственных экзаменов по словесности. Сегодня шли переводчики, и значит, еще хуже, чем вчера. В основном это самонадеянные девушки, уже заранее презирающие всю комиссию, потому что приготовили себя к жизни в светлых зарубежных далях. На «отлично» отвечала лишь Седова. Она уже ходит без палки и это для меня как одно из главных достижений в жизни. Опять слиберальничал и Рубину, который с натяжкой защитил диплом, разрешил сдавать с заочниками. Ну, просто ничего не знал. Я кинул ему спасательный круг: «Акмеистов всего, как известно, было шестеро. Назовите хотя бы троих». — «Ахматова…» Пауза. «Вспомните, у Анны Андреевны был муж. Как его звали?» — «Мережковский…» По правилам экзамен должен быть повторен только через год. Основные оценки — удовлетворительно и хорошо.

Этот анекдот с мужем Ахматовой я рассказал на церемонии присуждения премии Пенне. Мне пришлось говорить об Анатолии Киме. Говорить было очень трудно, потому что в «Стене» была масса стилистических неточностей и безвкусиц. Но это стало заметно лишь при повторном чтении. Правда, было еще два претендента: Толя Королев и Владимир Маканин. По моим представлениям Володя Маканин вышел из жюри, потому что твердо рассчитывал на первую премию. Однако ни он, ни Толя Ким ее не получили: общественное жюри, состоящее из нескольких сотен московских студентов, распорядилось по-другому. В этом есть некоторый акт судьбы. А я бы сказал иначе: следить за собой надо, товарищи писатели, стареем, бронзовеем, перестаем быть критическими по отношению к себе. На праздничный фуршет я сумел протащить троих своих студентов: Чуркина, Савельева и Коротеева.

На приеме видел Ганичева и его жену. Я очень им благодарен, что каждый раз они вспоминают В.С.

Интересно: еще до церемонии поговорил с А.М. Турковым. Он рассказал, как отец нынешнего Гайдара получил контр-адмирала,

не служа на корабле и как брезгливо относились к этому контр-адмиралу военные моряки. Говорил о претенциозном завещании покойного развеять его прах в районе Красновидова. Чудовищно безвкусно. Ведь не над океаном, а если прах падет на огороды?

«ЛитРоссия» опубликовала рассказ Паши Лукьянова с моим большим вступлением.

14 мая, воскресенье. Завтра уезжаю во Францию. Академический обмен, лекции, договор о сотрудничестве. Вместе со мною летит по протоколу С.П. Во Франции мною заниматься будет некому.

Сегодня — только хозяйство — купил пшенную крупу и мясо для собаки, что-то убрал из вещей, чуть-чуть разобрал записи и книги. Собаку и В.С. будет опекать Саша Великодный.

15 мая, понедельник. Париж. Все как обычно. Прилетели. В который раз повосторгались аэропортом Шарль де Голь. Все, как в фильме «Экипаж», снятом лет двадцать назад. Фильм, кстати, довольно плоский. А вот эскалаторы в зарубежном аэропорту оказались прочными — все неутомимо ездят. У паспортного контроля очередь из нас, русских. Порадовались, что в одной очереди с нами стоят американцы — «неевропейцы». Все, как в родном Шереметьево. Француз-негр работает медленно, но очередь не кричит, как в таких случаях у нас: узнаю, дескать, родную Россию.

Встретил Ив-Мари, худощавый, лет пятидесяти мужик, преподает в университете и помогает по международному отделу. Сразу на такси — университетской машины нет — и в гостиницу. Ив-Мари объясняет, это недалеко от Сен-Дени, значит, окраина. Мимо знаменитого стадиона. Поселились. Очень скромно. Общежитие для рабочей молодежи, скорее, для негров. В чужой комнате через открытую дверь вижу компьютер. Потом: банк, университет. В университете представились, в банке — деньги на прожитье. Во Франции деньги из кассы учреждения получить почти невозможно, только через банковский счет. О наш знаменитый, российский, «черный нал». Здесь государство хотело бы контролировать все, особенно налоги.

Первая разведка города. Вечер. Уже подсвеченный Лувр и Консьержери, нелепое колесо обозрений в самом начале Тюильри, у краешка площади Согласия, где казнили Марию-Антуанетту. В двенадцать часов, в метро, две девушки с музыкальными инструментами: одна — с виолончелью, другая, похожая на мужика, — с арфой. Она ее держит на весу, как тяжелоатлет штангу. Вокруг все черно. Сидим в метро с С.П. В вагоне 11

человек, из них (с нами) белых — четверо. Поселили нас, как написал, на дальней окраине, в общежитии для молодых рабочих. Академические обмены. Но есть кровать, умывальник, письменный стол и невероятное удовольствие от чтения вечером. Я с собою взял роман М. Пруста «Содом и Гоморра». Литература под знаменем Франции. Цитаты будут прелестно разнообразить мой дневник.

16 мая, вторник. Французские деньги: на купюрах Ж. Эффель, П. и М. Складовские-Кюри, К. Дебюсси, — это к вопросу о культуре.

Душ: устройство, включающее воду лишь на несколько минут, у нас бы разбили, разнесли. У жильцов нет стремления нагадить в душе. Одно и то же чувство: у нас в правительстве, в культуре, в экономике сидят люди, которые плохо считают.

Утром отправились в Версаль. У меня, например, именно на Версаль всегда не хватало времени. Исполнится мечта — Зеркальная галерея, еще до сих пор хранящая отзвук каблуков Людовика XIV. Сообщение невероятно удобное, из самого центра. «RER» — специальная скоростная линия метро, идущая с редкими остановками и продолженная за городом. В метро хорошо ехать от одного дома на улице Риволи до другого. Первая цитата из французского классика.

«Между отстоявшими особенно далеко один от другого домиками и проходившей мимо них железной дороги, по которой поезда двигались не быстрее, чем быстро идущий человек, расстояние было так невелико, что в тот момент, когда, стоя на платформе, нас вызывали из зала ожидания их владельцы, мы могли подумать, что они зовут нас, стоя на пороге своих домов или из окна своей комнаты, как будто пригородная железнодорожная ветка была всего лишь улочкой провинциального городишка, а стоявшая на отлете дворянская усадьба — одним из городских домов». На «RER» хорошо со свистом пересечь Париж, отправиться в Версаль или в Шантийи. Ах, эти галереи, покои короля и королевы, спальни, приемные, салоны. Всю зиму листал книжки, а кончилось тем, что совершили гигантскую прогулку по паркам, мимо озер, водоемов, бассейнов, мимо подстриженных рощ. Эстетика лучше всего запоминается через усталость. Сколько всяких при этом мыслей! Чего это Людовики разрядились в кружева, зачем эти фонтаны и беседки. А сколько рабочих мест, это все сегодняшняя жизнь, конструирующая будущее. Но как умеют сохранить и недавнее прошлое. Вокзал в Версале — ровесник Эйфелевой башни: скругленные металлические балки, клепка, все хорошо

покрашено.

Сам Версаль описан много раз, зелень, фонтаны и бассейны в некотором отдалении. Спереди двор, по которому, кроме короля и принцев, никто не имел права ездить в каретах, парковый фасад как бы установлен на сверкающем подносе — колотая галька. Корона на серебряном блюде. Толпы народа, тщательно регулируемые потоки, везде кассы, билеты, проспекты. За твои деньги какое-нибудь вещественное возмещение: планчик, билетик с картинкой, проспектик. Мерси, мерси, мерси. Также часто звучит и другое слово: «Пардон!»

Версальский парк сильно вычесан прошлогодним ураганом. Но курочке, несущей золотые яички, сразу же приделывают золотую ножку. Пострадавшие аллеи прочищены, гигантские деревья аккуратно распилены, пни выкорчеваны и уже посажены новые пяти-семилетние деревья. Все с огромной аккуратностью: каждое дерево распято на столбиках, чтобы правильно росло, каждый молодой ствол в нейлоновой сетке от зайцев, к каждому кому корня идет пластмассовая трубка для полива. Я думаю, и французы понимают, что культура не может себя кормить, но по возможности она должна себя содержать. Хотя бы за счет туристов и экспорта. Экономика культуры — это система сообщающихся сосудов. На каждом переходе от одного сосуда к другому — крантик: билет в Большой дворец, в Большой Трианон, в Малый Трианон. Здесь удивительный размах, широта и великолепие соседствует с мещанской расчетливостью и скаредностью: Людовик XIV, спавший в детстве на рваных простынях.

Нет смысла описывать прогулку по парку, поход вокруг креста центрального водоема, паузы, когда зелень сменяется прохладой малых дворцов. Один парк, другой парк, а здесь еще и ферма королевы возле Малого Трианона. Образ русской матрешки, шкатулки в шкатулке, яйца Фаберже. Для меня все это еще населено тенями. Не очень большое пространство, а сколько сплетен и интриг. Здесь же, у Большого дворца, зал для игр в мяч — не отсюда ли началась Французская революция. В одной из этих аллей королева встретилась с графиней Валуа, дело об ожерелье королевы — один из самых громких скандалов царствования Людовика XVI. Местами парк бывает совсем безлюден. Но и безлюдный, в стороне от туристических тропинок, он может подарить затейливый одинокий павильон, фонтан, скульптурную группу. И вот что удивительно: ни одного отбитого носа, отломанного мизинца, отколотого полового члена. Здесь французские мальчишки будто спят, и скульптуры не боятся своей наготы.

Фонтаны обычно работают по субботам и воскресеньям, в середине дня. Когда, уже обойдя парк, мы возвращались, то внезапно на одну минуту ожил центральный фонтан-гигант «Аполлон». Сказочно! Видимо, фонтаны опробовали перед открытием сезона. Аполлон натянул вожжи, и ладья всплыла из морской пучины. Мистическое совпадение.

Короли, видимо, со времен Фронды не любили Парижа. Города. Там становилось ясно, что власть не от Бога, а от народа. В надежде всю жизнь прожить «на даче» Людовик XIV и построил Версаль, отделился от города

Город достал его правнуков.

Малый Трианон: не только ужин с друзьями. Изучение жизни простого народа. Ферма королевы. Домики, крытые соломой. Выходя из мраморных покоев, хорошо пройти до хлева с надушенными розовым маслом коровами. Крестьяне ее величества. Горки Ленинские, Горки-7, Жаворонки, Николина Гора! Надо отдать пальму первенства Версалю перед Петергофом, их идея. Но наше — все-таки родное. Самсон, пожалуй, нам поближе, чем Аполлон. Иные пейзажи. На аллеях, оттесняя праздничные, со всего мира, толпы, причудливые машины обрезают деревья. Парень без рубашки оттаскивает ветки. На его спине вытатуирован дракон. Вот радость, которую он может себе позволить, когда все в будний день ходят смотреть на фонтаны и позолоту. Садовник-раб, как и триста лет назад, почтительно снимает шляпу.

Я опытным взглядом ректора-хозяйственника отмечаю: везде что-то подновляют, штопают, стригут, латают дыры времени в камне и металле, чистят. Очищают от водорослей большой бассейн, в котором плавают сытые огромные карпы.

Накануне отъезда — вспомнил! — у нас был Ник. Арк. На новой роскошной машине, в роскошных кожаных штанах. Мы с В.С. его знаем очень давно, человек небедный, занимается общественным питанием. Я знаю и его семью, Галю бывшую жену, мать, помню его погибшего друга, его умершего отчима. Знаю его квартиру, рядом с которой наша, — сарай. Коля рассказал, поделился, как к его глухонемой матери недавно, перед 1-м мая, позвонили в дверь. У них над дверью специальная сигнализация. Две женщины, весьма благообразные: «Надо оформить возможность получения льготного продуктового заказа к празднику». Мать, которая и племяннику дверь не откроет, на этот раз открыла. Общественность! Пока одна из женщин что-то оформляла, другая быстро влетела в одну комнату, в другую и в спальню, и вскользь сгребла с зеркала золотые цацки Н.А., которые на работу он не надевает: цепочки, браслеты, перстни.

Чего, собственно, открыла дверь? Жадность!

17 мая, среда. Утром зашли на почту. С.П. захотел, по молодому тщеславию, отправить родственникам открытку из Парижа. На почте удивительно много народа: цивилизация начинается с бюрократии и связи. Недаром в ленинском знаменитом списке такие приоритеты: банки, почта, телеграф. Но в основном на почте люди пожилые: узловатые ноги старух — это вид снизу, с лавочки, на которой сижу. Все операционисты, а их около десятка, за крепкой мраморно-стеклянной стеной. Разбой существует и здесь. Вспоминаю, что и в банке, где мы были вчера, у черты перед кассой, у которой маялись клиенты, прохаживался молодой человек — охранник. Кстати, бастуют инкассаторы, считающие свою работу опасной и низкооплачиваемой, поэтому наличность выдают только по две тысячи в день — ездить в банк придется чуть ли не каждое утро.

С.П. даже не интересует, как на полную катушку использовать карту на посещение музеев, транспорт, телефон — важно, чтобы они были. Совершено западный человек.

Банк. Купили музейную карту на 3 дня. Это довольно дорого: 180 франков. Но уже посещение Базилики Сен-Дени стоит 32 франка. Базилика здесь же, рядом. Каждый день надо ходить минимум в два музея!

На этот раз меня проняло в Сен-Дени. Как я уже писал, со стабильными покойниками мне привычнее и легче. Поплясав и поиздевавшись над живыми, демократия ставит памятники мертвым. Внизу в базилике плиты над несуществующим прахом Людовика XVI и Марии-Антуанеты, как выразился С.П., «жертвами демократии», а наверху, уже в храме, их коленопреклоненные фигуры.

Хорошо, что реставраторы не тронули нагромождение могил в самом центре крипты: вскрытые пчелиные соты. В каждой клеточке был покойник. Все превратилось в пыль. Это все клиенты Дюма и Дрюона, писателей, сделавших для прославления Франции, больше чем кто-либо из политиков. Литературные ли герои лежат, прототипы, действительные ли действующие лица истории? Все это лишь отблеск, отбрасываемый словами. Приходится мысленно все время перемещаться из базилики в крипту. Могила, вернее, памятники Генриху II и Марии Медичи: безжизненные тела с грубыми крупными ногами и стыдливо, рукой прикрытым срамом, и сверху их величественные фигуры в коронах.

Сразу после Сен-Дени хотели попасть в новый для нас музей эротики, но он только до двух часов дня. Это чтобы в него не

ходили настоящие эротоманы. Вперед по музейной карте дальше!

Музей сточных вод. Это один из самых интересных музеев, виденных мною. Цивилизация начинается с сортира. Моя жена думает, что вода течет из стены. Любой студент полагает, что унитазом все и заканчивается, там внизу, в белой дырке его навоз кто-то съедает. Если бы студентки прониклись сочувствием к труду канализационщиков, никто из них не бросал бы в унитаз тампаксы и пластмассовые бутылки. Музей находится в центре Парижа, возле одного из мостов, в старом коллекторе. Все блестит, но текут сточные воды и попахивает. Много старинных приспособлений и механизмов.

Музей Консьержери. Старый королевский замок и дворец. Потом, естественно, тюрьма. Это то, что я из жадности пропускал в прошлые разы. И здесь волновала меня скорее не историческая действительность, а литература: камера, в которой держали перед судом и казнью Марию-Антуанетту. Я ее уже люблю и сочувствую ей. Для меня существует только история описанная австрийцем же, как и его знаменитая королева-землячка, Стефаном Цвейгом. Низкое, темное окно, манекены, изображающие королеву, читающую письмо, солдата, наблюдающего за узницей. Демократы постановили, чтобы за австриячкой, кроме тюремщика, наблюдал еще солдат, постоянно находящийся в камере. Какая приобщенность к величию: солдат может видеть, как его бывшая королева отправляет естественные потребности или, если он скромник и отвернулся, слышать, как журчит высочайшая струя.

Наверху в отдельной комнате список гильотинированных в революционное французское лихолетье. И «бывшие дворяне», и «простые фермеры». ГУЛАГ после этих во всю стену списков, кажется лишь дальнейшим движением цивилизации. Списки огромны, и ведь это лишь списки, а сколько за ними рук, ног, локонов, шей и голов.

Нижний зал Консьержери — это пламенеющая готика. Огромный, воистину королевский зал. Огромные камины. Еще большие камины на кухне. Челядь ела, пила, спала и испражнялась. Какой же величины стояли урыльники? Проблема общественного или коллективного питания успешно решалась и тогда.

Лувр, конечно, перегружен, он как тот библиотекарь, который на каждый вопрос читателя сует ему докторскую диссертацию. Может быть, это связано с тем, что он не просто музей, а еще и грандиозное шоу, собирающее самого разнообразного зрителя. Но какая пропускная способность! Эрмитаж, не уступающий Лувру по величию и составу коллекции, конечно, в техническом отношении

в прошлом веке.

Можно скептически относиться к строительству во дворе Лувра «Пирамид», под которыми оказался «предбанник» музея, но это счастливая идея позволила точно, а главное, быстро распределить все людские потоки. И здесь невольно: сколько недополученных денег у русской культуры? Но нужны были первые правительственные инвестиции. Пожадничали.

Кстати, общий билет во все музеи позволяет еще и стимулировать посещаемость, т. е. создать моду, престиж на посещение музеев. Это как низкие налоги, их хочется платить.

В Лувр попали около шести, по средам он работает до 21.45, за два часа осмотрели французскую скульптуру, древний Вавилон и апартаменты Наполеона III. В апартаментах все похоже на роскошь Александра III. Как в это время завитушек и бархатных портьер боролись с пылью? Наибольшее впечатление произвела пожилая соотечественница расхаживающая по апартаментам в шлепанцах. Все то же: жили же люди!

Мысль о том, что империя крепко пограбила свои провинции.

Каменные быки из Месопотамии. Несколько раз был в Ираке, а ничего подобного не видел.

Мысль о том, что в писании дневника есть опасность: не поторопишься, отложишь — и одно впечатление затмевает другое.

Музей О. Бальзака, в Пасси. Ехали туда с пересадками. «Мы ждем вас после 24 мая» — это на плакатике, который висел на двери дома, где жил Бальзак в Пасси. Я с досадой приписал своей профессорской авторучкой: «Очень хреново!». Я представил себе, как кого-нибудь из соотечественников моя приписка повеселит. Если, конечно, соотечественник умеет читать.

В Лувре есть буклеты на всех языках — кроме русского.

Зато под одним из мостов призыв нашей соотечественницы «Сосу здесь! Маша», меня эта надпись повеселила, как весточка с Родины.

После неудачи в Пасси мы с С.П. от замечательного «Дома Радио» — это неподалеку, карикатура на него есть в Москве — круглый жилой дом в Матвеевском, автобусом отправились на Вандомскую площадь. План во что бы то ни стало нужно выполнять — просмотреть музеев на 180 франков (именно столько стоит музейная карта на 3 дня).

Музей Виктора Гюго.

В 20.30 в 14 квартале у Клода Фриу и Сокологорской. Позже подъехал Рено Фабр. Описать квартиру Фриу и Сокологорской очень трудно: это, с мельчайшими деталями, декорация к опере Пуччини «Богема». Только эта огромная мансарда находится на

втором этаже. Сын Ирины Ивановны и Клода Игорь сейчас преподает где-то в Марокко. Судя по всему, эта парижская собственность ему ни к чему. Но такой интерьер строится всю жизнь. Здесь нет просто книг, просто афиш, просто сувениров — все принадлежит жизни, за каждым предметом история, за книгой автор. Но все ветшает, требует ремонта. Я представляю, как со временем это окажется никому не нужным.

Ужинали в этой самой обстановке. Меню было по-французски скромным: омлет с сыром и ветчиной, красная фасоль с кусочками мяса, торт, чай, традиционный сыр. Здесь дело не во французской прижимистости, а в невероятной занятости Ирины Ивановны и Клода. Клод, кстати, выпускает 5-томник Маяковского со своими комментариями. Мне кажется, что мы в России этого поэта мирового класса окончательно забыли. Вина было много. Я впервые попробовал «Вдову Клико». Отличается французское шампанское от вина, которое называли «Советским шампанским». Посидели тихо и ладно: четыре ректора как никак…

Разговор крутился вокруг отсутствия вступительных экзаменов во французских университетах, записываются эмигранты: алжирцы, выходцы из Африки, — но это еще и социальная реабилитация. Разговор крутился вокруг национальной проблемы. Фриу сразу обозначил свою позицию по Чечне: для его поколения много значила борьба против войны во Вьетнаме и Алжире. Я понимаю, это стабилизировало духовный мир. Здесь есть и обязательная привычка интеллигенции бороться «против» государства. Привычка — рефлекс к подобной благостной цивилизации. Разумеется, понять, почему многие деятели культуры, в частности, Михалков и Сокуров, занимают своеобразную и такую близкую мне позицию по Чечне, Фриу не хочет.

Ирина Ивановна с облегчением обнаружила, что мы доберемся до нашего общежития своим ходом. У Клода и Сокологорской дивной красоты афганская борзая. Шерсть везде, как и у меня в квартире.

18 мая, четверг. День музеев.

Все рассчитали, чтобы музейную карту использовать на полную катушку. Но не тут-то было, карта действует только для госмузеев. А мы-то раскатали губы на «музей эротики», о котором узнали в путеводителе, пять этажей набитых несколькими тысячами экспонатов. Поразили «эротические» устройства и порнография начала века. В принципе ничего не меняется. Фигура сидящей в кимоно японки, сразу через зеркало видны ее

половые органы. Наши русские в книге отзывов: «Мы из России. Интересно, но немного старомодно. Хотели бы узнать что-нибудь новое и свежее. 17.05.2000 г. Л. Казакин, А. Леонов».

19 мая, пятница. Вы можете сколько угодно стоять над уже давно поевшей и сложившей свой коробки на поднос французской парой в переполненном «Макдональдсе», но они и не подумают двинуться. Пока лишь три раза, за время пребывания в Париже, посещали «Макдональдс», один раз побезумствовали на улице Риволи в открытом кафе (кофе, два сэндвича — 100 франков).

Музей Клюни. Это рядом с Сорбонной. С десяток раз, в прежние времена, вместе с Б.Н. Тарасовым проходили мимо каких-то археологичностей, меня магнитом тянуло к ним, но вот оказалось, что это действительно остатки римских терм — эти провинциальные остатки тоже впечатляют! — рядом музей Клюни, созданный на основе аббатства. Еще раз вспоминаю, что никто не сделал так много для восприятия русскими истории Франции, как два писателя: Дюма-отец и Морис Дрюон. Они крепко мифологизировали персонажей ее и топонимику. Что там делал у нас д'Артаньян? Сен-Жермен, Сен-Дени — впервые я об этих местах узнал от знаменитых авторов.

В музее Клюни для меня оказалось впечатлительным: постановка музейного дела, античные реалии — первые термы, которые я видел, литературное слово отчасти материализовалось. Здесь предметы средневековья, среди которых шесть гобеленов «Дама с Единорогом». Все это в деталях не удается сохранить в памяти, но в душе надолго будут раздаваться звоны, и чувствоваться вибрации, исходящие от этих кусков тканей. Вот оно, просто, безо всякой внешней цели и назидательности, прекрасное. Возможно, это символическое изображение человеческих чувств. В одном из залов выставлены и головы ветхозаветных царей, сбитые со статуй Нотр-Дама во время революции. Надпись на табличке — «еврейских королей», в путеводителе — иудейских «королей», из чего можно сделать вывод, что французских. Почти сразу же после музея я совершенно случайно наткнулся на этих же «королей» у Пруста. Как переплетаются жизнь, литература и сегодняшняя политика.

Напротив римских развалин на бульваре Сен-Мишель (это часть Клюни) — все тот же «Макдональдс». Не утерпели. Установил, для чего на стаканы с салатом надевают пластмассовые купольные навершия, — это чтобы перемешать салат с майонезом. (110 франков)

Бросается в глаза: кроме смотрителей, среди посетителей музеев нет африканцев. Изредка чернокожие ребята и девушки попадаются со школьными экскурсиями.

В метро. Заходим, возвращаемся из Лувра. Молодая женщина на балалайке играет русские мелодии. Вознаграждают ее за старания не густо.

В Лувре на первом (нашем втором) этаже устроено маленькое кафе на лестнице, возле классический барельеф «Нимфа Фонтенбло» Б. Челлини. Цены сносные: двойной эспрессо и горячий шоколад — 37 франков.

С.П. обладает каким-то специфическим зрением аналитика на искусство. Он улавливает и формулирует то, чего не вижу я. Собственно ему я обязан тем, что впервые, «несюжетно» увидел Монну Лизу. Многомысленно. Но все это еще и радует глаз. Столько людей общаривают эти ткани взглядом, что все краски должны были сгореть и обесцветиться.

Все рядом. Дворец Правосудия — его я видел раньше — и знаменитая часовня Сен-Шапель, уже три предыдущих раза бывая в Париже, жалел на посещение этого музея денег. И здесь с особой остротой понял, как невыгодна жадность. Последний раз я заглянул в открытую дверь, на меня пахнуло золотом, я подумал, что все, фраер, видел, познал. Но сейчас оказалось, что это помещение для слуг, а господская-то, немыслимой красоты, церковь наверху. Планируемый эффект: ощущение неземного!

Тут же я не утерпел и показал С.П. Дворец Правосудия, в котором был раньше, и потому привык управляться. Нужна особенная решительность, чтобы по нему походить. Впрочем, в одном из углов Дворца на полу сидела школьная экскурсия и учитель что-то им рассказывал. Мы даже завалились в какой-то зал, где шло слушание дела. Дамы в мантиях были похожи на породистых собак, которые только потому, что ощущают присутствие хозяина, не вгрызаются друг другу клыками в горло.

На улице шел дождь, уходить из дворца не хотелось. Из чувства раскованности посетили туалет. В туалете во всю дверь надпись «нет закона, нет правосудия». А чуть ниже по-французски «Ищу черного парня». А говорят о расовой нетерпимости!

Под дождем через «Порт Неф» пошли в Лувр. По дороге зашли в Нотр-Дам. Здание, так подробно описанное Гюго, потрясает своими размерами. Каждый сантиметр здесь отвоеван у земного притяжения. На фасаде те самые ветхозаветные короли, головы которых мы только что видели в музее Клюни. «Метрдотель сейчас был занят разговором с двумя слугами. Они поклонились мне, а я недоумевал, почему же я не узнал их, хотя в их манере говорить мне слышалось что-то знакомое. Эме не нравились их невесты, и он костил обоих слуг за помолвки. Он воззвал ко мне, но я отговорился тем, что я здесь не судья, так как эти люди мне не знакомы. Они назвали свои имена и

напомнили, что часто подавали мне в Ривбеле. Но один из них отрастил усы, а другой сбрил и остригся наголо — вот почему, хотя у них на плечах были все те же (а не другие, как после неудачной реставрации собора Парижской Богоматери головы), мой взгляд на них не задерживался: так разные мелочи ускользают от производящих самый тщательный обыск, валяются у всех на виду, на камине, и никто их не замечает» (стр. 353).[2]

Как ни увлекательно бродить по Парижу, а все равно тянет в нашу чумазую гостиницу, к собеседованию с господином М. Прустом. Это по-настоящему меня увлекает. Уже становлюсь противником того, чтобы набирать и набирать внешние впечатления.

Все парижские вестибюли метро залеплены огромными плакатами с изображениям обнаженной шоколадной девицы, вызывающей чувство некоторой неловкости — реклама купальника бикини (95 франков).

Сравнивая московское генерализированное метро с изящным, подвозящим вас почти к каждому дому, парижским, представляешь как наша толпа с сумками наперевес разнесла бы эти стеклянные барьерчики и забила все лестницы и переходы. Но, может быть, ручейки тоже способны пропустить весь поток?

В метро и автобусах перестали читать газеты после того, как появились пластмассовые упаковочные материалы.

21 мая, воскресенье. Только С.П. мог вытащить меня в новый район Дефанс. Я не люблю новейших достижений в архитектуре, минимизирующих пространство для человеческой жизни. Потом мне казалось, что это черт знает как далеко. Я мысленно представил себе пятачок строительства и горы мусора, грязи, подъездные пути и человеческие неудобства. Мы все это хорошо изучили: пятна засохшего цемента, провалы и колдобины, выжженная, без веточки зелени строительная пустыня.

Как уже понятно из моих песнопений, всего этого вовсе нет. Это так красиво, что заставляет вследствие красоты смиряться с экономной геометрией. Боже, как красиво, как величественен человеческий разум, которым Ты наградил свое дитя, как плавно отражение облаков на стеклянных стенах небоскребов, как широки и величественны площади, как изобретательно устроены фонтаны. Но жить я здесь не хочу!

В центре Дефанса стоит огромное «П» высотой в 140 метров — это некая современная реплика триумфальной арки. Стекло, паутина канатов, сталь, электричество. Подъем в стеклянной колыбели и осмотр Парижа с этой высоты стоит 42 франка. Это много. Но сверху видна логика и эстетика строительства. И, Боже мой, отсюда — Париж величественный, но маленький город.

Какой же он был, когда стоил обедни! Значит, в нем какая-то своя волшебно-бытовая метафизика. По одной прямой: ворота Дефанса, Триумфальная арка, Лувр, Тюильри, и все это замыкается огромным Колесом обозрения на площади Согласия. Картина циклопическая, между двумя арками — все открытия последнего века.

В общем, если быть кратким, несмотря на наши проездные билеты, бросили мы весь заманчивый общественный транспорт и по этой самой оси — одна Триумфальная арка напротив другой — двинулись пешком. География Парижа теперь на моих подметках. Воздух был очень прозрачен. Дошли. На стенах Триумфальной арки наполеоновские победы, и в этом списке наш милый Смоленск. Силы мы чуть-чуть не рассчитали, но, тем не менее, дошли до Лувра, где сели в метро.

По дороге к Лувру совершили открытие. Нашлась Вандомская площадь. Я был в Париже три раза и ни разу, быть может, кроме первого, в 1968 году, ее не видел. Тот прежний молодой и глупый «раз», пролетел, как сон. Париж, Париж, «я там был». Надо бы как-нибудь «записать» эту поездку, КГБшную историю, разговоры с Радзинским.

Следы Вандомской площади сначала обнаружились во время подъема на башню Дефанс, а потом довольно случайно, благодаря цепи случайностей: надо было обойти Елисейский дворец, потом не захотелось возвращаться на Елисейские поля и пришлось идти не по Риволи, а как бы задами, по улице Сент-Оноре, вот тут радость, словечко из сочинений Бальзака, вот так шли да шли, и вдруг, за углом, возникла колонна. Площадь — чудо. Пришлось доставать путеводитель: «Вандомская колонна поставлена в честь побед Наполеона в 1805 году, отлита из металла от русских пушек, добытых под Аустерлицем». Задираем с С.П. головы, вдруг мимо проходит неестественно длинный белый лимузин. Я думаю «какая безвкусица» и тут же вспоминаю Аллу Пугачеву. Одно время у нее было что-то похожее.

Потом, возле колонны, останавливается, весь сверкающий лаком, другой автомобиль. Из него, скрипя, вываливается джентльмен лет семидесяти, грузный, но хорошо одетый, с ровно-красным лицом, за ним, такого же возраста, ухоженная дама. Вылетает шофер, щелкает каблуками. Я говорю С.П.: «Богатая, капиталистическая, обеспеченная старость». И в этот момент слышу отчетливую, без акцента, русскую речь. Прикидываю по стилю, по возрасту, по осанке: директор какого-нибудь приватизированного завода, ставший главным акционером, или бывший секретарь обкома, или, на худой конец, бывший крупный комсомольский деятель. Помимо прочего, в моем сознании

выскакивает слово «ВОР».

В одном из домов останавливался в 1847 году А.И. Герцен — русский след и мистические совпадения — Литинститут помещается, напомню себе, в доме, принадлежавшем А. А. Яковлеву, дяде Герцена.

Вечером надо идти на ужин к ректору Рено Фабру.

Сначала роскошное меню. Надо не упомянуть каждое блюдо, а если описывать? Не хватит русского языка, чтобы перевести замысловатые названия. И здесь имеет значение размер блюда, подставки и сопутствующее — горы колотого льда на подносе, где расположились островками в декоративных раковинах большие и малые устрицы, виноградные улитки, которых нужно извлекать специальными крючочками, лангусты и крабы, у них клешни надо ломать специальными щипцами, наподобие тех, которые употребляют для колки орехов.

Еще брызжущие мутным соком лимоны, какая-то зелень, красные королевские креветки, нанизанные на некий шпиль. Все это — в два этажа, переливается, блестит. Само сооружение и выкладка — это целый творческий процесс. О цене не говорю, я только надеюсь, что у Рено есть представительская возможность накормить ректора за счет французского налогоплательщика.

Вся еда, из-за обилия часто сменяемых инструментов трапезы, напоминала хирургическую операцию.

Итак, меню:

1. Ассорти из даров моря;

2. Жареная рыба, с жареными баклажанами и картошкой ломтиками, помидорами и шпинатом. (Имеет значение огромная, с велосипедное колесо, тарелка, вилка и специальный, похожий на ятаган, нож для резки.

3. Десерт состоял из кусочков всех десертов, которые были в меню. Когда его подали, мне показалось, что ужин плавно переходит в завтрак. На тарелке стояло: несколько сортов мороженного, блины, политые сиропом; в вазочках и горшочках лежали: щербет, сладкие соусы, кусочки пирога и пр. и пр. Воспоминание о Лукулле и об излишествах французской кухни.

Приглашенные: Рене, как никогда, был обаятелен и мил. Он прелестно улыбался, из-за чего его лицо сразу делалось лукавым, смотрел на собеседника из-под очков. Подарили ему фирменную футболку института, он был очень доволен.

Ирина Ивановна Сокологорская, она нас встречала.

М-м Ивлева (полурусская, полувьетнамская дама), которая раз в год в каком-то старом аббатстве устраивает литературные чтения и что-то вроде конкурса. В этом году она хотела бы получить рассказы на рисунок, который она предложит. Я,

пожалуй, заставлю написать на эту тему весь свой семинар, и кто-нибудь из наших получит премию, но во всей этой истории есть душок авантюризма — дама откровенно предполагает, что «получит» что-нибудь от правительства, но от правительства легче получить, когда что-нибудь сделано.

Была и Оля, подруга Фабра. Ей 18 лет, она с Украины, мечтает поступить в МГУ на журналистику, но сейчас занимается коммерцией. Милая девочка, которая еще и умна, и упорна, поэтому добьется своего женского успеха.

Я пытал Олю: как она попала во Францию — совершенно бестактно, напористо — и говорили о системе образования в деталях. В том, что мне рассказывали о письменных экзаменах, есть толк.

Но самое главное, на свидание с нами Ирина Ивановна приехала со своей собакой — Норкой — афганской борзой. Машину пришлось припарковать в центре бульвара Сен-Мишель на разделительной полосе. Собака спокойно просидела три часа в машине.

«О такого рода вечерах нельзя судить, пока они в разгаре. Им можно дать правильную оценку только на другой день, когда они пробуждают интерес у неприглашенных. Писателю настоящему, свободному от присущего многим литераторам глупого честолюбия, читающему статью критика, который всегда расхваливал его, а тут, называя имена посредственностей, его даже не упоминает, — такому писателю некогда удивляться; его ждет работа над новым произведением» (стр. 56).[3]

22 мая, понедельник. Утром и вечером читаю Пруста — роман заканчивается — и я больше всего боюсь, что останусь без чтения, правда, у меня есть еще номер «Н.М.». Пруст совершенно меня опустошает, начинаешь понимать, как широка река настоящей литературы, а ты лишь малый ручеек этой реки, сочащийся вдоль грязноватого берега.

Утром с настойчивостью маньяков продолжали наши экскурсии, ездили в Сен-Жермен-ан-Лей. Это довольно близко, на «RER» — особой комфортабельной железной дороге, состыкованной с метро. Порядки на этой дороге довольно строгие. Мы видели, как контролеры энергично и в назидание другим потрошили безбилетницу.

Здесь, в Сен-Жермен-ан-Лей, знаменитый замок, где родился Людовик XIV, и парк, сделанный Ленотром. В замке музей — разные древности археологического и исторического характера. Один из залов дает представление «как было».

Великая нация не в мелочности лавочников, не в привычке

королей и кардиналов считать су, а в величественности замыслов. Вот приехал Ленотр в Сен-Жермен-ан-Лей и сразу зафигачил бельведер в несколько километров. Можно предполагать, что строил и придумывал не для короля, а для туристов на пять веков вперед.

Этот бельведер, тянущийся по урезу подъема от реки, сооружение сложное: не только прелестнейшая аллея, но и подпирающая ее каменная стена. Сооружение не самое крупное во Франции, но все равно египетское. И опять с этого бельведера, с вершины холма, на котором стоит замок, виден весь Париж. Облокотились на кружевную металлическую решеточку, вдалеке, в тумане, все тот же район Дефанс, а еще дальше большое «П» и невидимая за ним прямая нить к Триумфальной арке.

Но вернусь на бельведер. Все-таки удивительные люди французы! Стоит металлическая решетка, не очень даже охраняется, да любой бы на их месте наш, российский привез бы в «Жигулях» сварочный аппарат, срезал и на дачу или в пункт по сбору металлолома. А сколько бронзы на мемориальных досках, сколько медных ручек, сколько блестящих алюминиевых поверхностей, да потом, сколько неразбитого стекла, сколько скульптур с неотбитыми носами и не раскрашенными фломастером членами и грудями. Впрочем, мы, русские, из породы отважных людей. «Гораздо труднее обезобразить произведение искусства, чем создать его».

23 мая, вторник. С Ириной Ивановной ездили в Шартр, а там недалеко — знаменитый Комбре. Вот уж чего я не мог предположить и о чем не мог мечтать: один из самых замечательных в мире соборов и одно из самых знаменитых литературных мест.

В дороге много и долго говорили с Ириной Ивановной о высшем образовании, о французских принципах высшей и просто школы. Школа все время снижает свой уровень. Говорили об эмигрантах из Африки; но здесь много эмигрантов и из других стран. Некоторое время назад мы с С.П. стояли в очереди на раздачу в «Макдональдсе», и С.П. своим опытным взглядом определил в работнице, стоявшей у прилавка, русскую. Славянская грация и женский шарм непередаваем! Но девушка призналась только в том, что говорит по-русски. Говорила она, конечно, славно. Зачем едут эти девочки и мальчики? Чтобы стоять за прилавком? Чтобы вместо литературы изучать коммерцию? А потом удивляются, что им как носителям языка, а иногда и специалистам, не находится места в университете. На лекции, кстати, ко мне подошел молодой парень из университета

в Гренобле — он все из того же Нижнего Новгорода, в который так любит ездить Клод Фриу, кажется, даже со степенью. В университет, в штат преподавателей, не пробиться. Специальность, значит литература, побоку. Этот парень вроде бы соединил свою судьбу с француженкой. Но у той — по рассказам — уже был русский эксперимент. Она уже вывозила из России 23-24-х летнего, не очень трезвого и не очень подготовленного паренька. Тот не то что по-французски, но и по-русски писал с грамматическими ошибками. Парень уже считал, что схватил, как говорится, «Бога за бороду», уже родился ребенок, но парень загрустил, потерял душевное равновесие, перспективу и покончил жизнь самоубийством. Француженку эту я тоже знаю (Изабель): милая, уравновешенная, очаровательная женщина. Я понимаю привлекательное свойство русского языка в постели, но, может быть, у бедной женщины что-то получится, этот парень из Новгорода не совсем сумасшедший, и не совсем русский. Вот и не вполне справедливая и далеко не прямая реминисценция из Пруста. Это герой, над которым в данный момент Пруст иронизирует. «Мы были чересчур мягкотелы — теперь это ясно, — а бестактность Свана наделает тем больше шуму, что к Свану относились с уважением, его даже принимали в хороших домах: ведь он был почти единственный еврей, с которым мы были знакомы».

Почти всем студентам, кроме студентов из очень богатых семей, приходится подрабатывать, одним — постоянно по вечерам или свободным дням, другим — на каникулах или в летний период. Но почему далеко не у всех хорошо идут дела?

Здесь наш разговор соскользнул на среднюю школу, тенденцию распространившееся в ней (подобное было и у нас) чтобы любой ребенок не чувствовал себя отстающим идиотом, а без особых усилий переходил из класса в класс. Не перегружайте ребенка, во что бы то ни стало удерживайте его в школе до 18 лет. Это тот возраст, до которого обычно дети живут с родителями, в семьях. Потом, как в мире животных, родители выпускают их в свободный мир. Но оказывается, что 18 лет — это тот возраст, утверждают социологи, когда взрывная энергия разрушения и интуитивный социальный протест бедной молодежи уже не так зависит от внутренней стихии. Утверждать в школе: спорт, развлечения, времяпрепровождение вместо уроков, какие-то экскурсии, матчи, бассейны — все, лишь бы незрелая и ничего не боящаяся молодежь не попыталась поколебать социальный порядок.

Все это, какое-то потакание взрослых, приводит к

расслаблению, не нарабатывается навык постоянной интеллектуальной работы, и, если у человека нет природных способностей к изучаемому предмету, ставит у него на пути серьезные преграды. Но правда, сказала Ирина Ивановна, таково следствие экономического положения в стране, и вот сейчас, когда оно выравнивается, не исключено, что в школе могут быть наведены другие порядки.

Тут я, конечно, порадовался, что в институте я сумел восстановить порядки старого времени, дисциплину и обязательное посещение. Я порадовался, что повысился уровень диссертационных работ и уровень знаний. Студию при Союзе Писателей СССР удалось превратить в твердое филологического профиля учебное заведение.

Ирина Ивановна, хотя и рассказала об очень старой докторской диссертации, которую как раз в прошлую субботу, вскоре после моей лекции, точнее, нашего с С.П. трехчасового семинара, защитил какой-то ее ученик, выходец из Африки, но она больше, чем моя сестра Татьяна рассчитывает на тренировку ума, больше верит в возможности, заложенные в человека.

Но потом разговор зашел — в уме-то я все время имел Чечню, — о «приварке» в экономическом строе государства, который оставляет после себя каждое поколение. На этот «приварок», «припек», в первую очередь, имеют право рассчитывать дети и внуки собственные, кровные, родные. А, почему, собственно, чужие? Почему так называемые права человека, и в первую очередь своего человека, должны ущемлять человека другого. Здесь я опять вспомнил Таню и ее рассуждения о другой плоскости мысли и жизни этих людей. Эти чеченские женщины, устраивающие митинги перед телевизионными камерами и утверждающие, что на них, невинных, падает бремя войны. Разве они ночью не принимают своих мужей, вооруженных автоматами, чтобы те утром ушли подрывать минами машины и дороги. Позволила бы здесь, во Франции, рыпнуться какому-нибудь национальному сообществу полиция? А у нас можно азербайджанцам и чеченцам захватывать рынки и гостиничный бизнес.

Пропускаю, как возникали на равнине знаменитые шпили Шартского собора, сам этот собор, произведший на меня какое-то огромное, сразу осевшее в сознании и в памяти, впечатление. В Шарте все имеет другие временные отсчеты, нежели в России. Нас еще не крестила Византия, а здесь уже этот прапрасобор много раз горел. Мы обедали в маленьком, почти домашнем кафе, неподалеку от собора. Казалось бы, самый большой, самый ухоженный. Рядом с собором и напротив кафе стояла церковь XII

века. По сравнению с собором молодая, на 7 веков моложе, но по российским меркам… Какого возраста у нас памятники в Великом Новгороде, в Пскове и уже не в нашем, но вечно нашем Киеве?

Не смогу сегодня описать и Комбре. Дом тетушки Пруста, «По направлению к Свану», «По направлению к Германтам», церковь, которую видно с полей. Цветник во дворе: куст роз (не боярышника) и гнездо белых пионов, комнаты, подлинность, запах оставшийся с тех времен, это запах дерева в столовой. Все это — если получится, позже. Слишком это все для меня прожитое и близкое. Но есть конкретная мысль: как много здесь придумано, как много здесь из сослагательного наклонения. «Чтобы ничего не видеть, я повернулся к стене, но — увы! — передо мной оказалась та самая перегородка, которая с покорностью скрипки, выражающей все оттенки чувства, точно передавала бабушке мою боязнь разбудить ее или, если она уже не спала, боязнь, как бы она меня не услышала, как бы не побеспокоить ее, а мгновенье спустя, подобно реплике другого инструмента, возвещала мне о ее приходе и призывала сохранять спокойствие. Приблизиться к перегородке мне было страшнее, чем к роялю, струны которого все еще дрожали бы, хотя бабушка давно бы уже на нем не играла. Я знал, что теперь можно стучать в стену, даже громче, чем раньше, но что бабушку уже ничто не разбудит, что я не услышу ее ответа, что она ко мне не придет. И я просил Бога об одном: если существует бессмертие души, то пусть Он мне позволит тихонько постучать в стену три раза — бабушка отличит мои стуки от тысячи других и ответит стуком, означающим: «Не волнуйся, мышонок, я поминаю, что ты беспокоишься, но я же сейчас приду», — и пусть он мне позволит быть с бабушкой целую вечность, которая нам обоим не покажется чересчур долгой». (стр. 156)[4]

Поздно ночью закончил читать том «Содом и Гоморра», и будто бы что-то оторвалось, опустело. Кажется, дальше у нас ничего не переведено. Это неслыханное удовольствие — листать плотные тексты и думать над ними. Последнее: я спросил через Ирину Ивановну, нет ли музея или памятного уголочка Пруста где-нибудь в Париже. Нет, и невозможно — это все кому-то принадлежит. Мне, как любителю, экскурсовод, пожилая, по-столичному подтянутая дама, переписала все парижские адреса Пруста: бульвар Осман 102; бульвар Малерб 9; ул. Курсель 45; ул. Амле 44. Кажется, что это и к вопросу о Платонове в эпоху олигархов в России.

26 мая, пятница. Пропустили вчера льготный спектакль в

Комеди Франсез — 50 франков. Я тоже начал, как западные люди, ориентироваться на «сумму прописью». Весь день посвятили прогулкам с Ив-Мари. Потихонечку из разговоров с ним и с Сокологорской выявился его портрет. Я полагаю, ему за пятьдесят, родом он из Нормандии, там же учился у Сокологорской, а потом с помощью своей учительницы перебрался в Париж: везде и все, в любой деятельности опираются на своих. Я думаю, он ничьих поручений не выполнял: мы приезжие и нам надо помогать. Здесь еще был, конечно, момент общения с носителями языка, а так как он ведет семинар «Чтение газетных статей», доставшиеся ему от Фриу — сведениями, идиомами, духом России нужно подпитаться. Со своей стороны, каждую встречу с французами-преподавателями русского языка мы рассматриваем, как деловую. Всегда из этих личных проектов выходит больше, чем из официальных и заранее спланированных. Может быть, мне так и не удастся записать все разговоры с Ив-Мари, но «записанные», как в жизни, разговоры так скучны. С другой стороны, в живом разговоре столько внутренней динамики, в незначащих фразах столько подтекста, но, увы, даже в стенограммах это не воплощается. Как распишешь переходы тона, сдержанную иронию или ярость в голосе? Жизнь, увы, есть жизнь, а литература и жизнь параллельны. «Чтобы достичь полноты в обрисовке какого-нибудь действующего лица, в определенный момент необходимо дополнить описание его внешности воспроизведением его речевых особенностей, а в обрисовке де Шарлю останется пробел за невозможностью передать его ласкающий слух быстролетный смешок — так исполнение иных произведений Баха никогда не бывает совершенным, потому что в оркестрах нет «маленьких труб» с их единственным в своем роде звучанием, труб, которые, по замыслу композитора, должны вступать там-то и там-то»

Мы встретились с этим милым преподавателем в 12 дня у станции метро «Рим». Ив-Мари составил, скажем так, такой реалистический план, о котором нам и доложил. Сначала обед — не хотим ли мы в русский ресторан? Потом в «Музей романтической жизни» — здесь, оказывается, квартира Жорж Санд, которая именно тут мучила Шопена, — а уж на закуску, он, Ив-Мари, «поводит нас по старинным пассажам». Хождение по пассажам было для нас неожиданным и не очень укладывалось в наши… привычки — мы не покупатели, но уже после я понял, что это была замечательная, редкая для туриста прогулка: какое обилие вещей. Вещей и раритетов, которые, оказывается, продаются и покупаются. Продается и покупается антиквариат: старые открытки, книги, мебель, фарфор, старинная посуда,

разрозненные чашки, старые, но модные кастрюльки, допотопные фотоаппараты. Как многообразна жизнь и сколько разного человек систематизирует, собирает, коллекционирует и тащит себе в логово! Между сколькими вещами проходишь с потаенной мыслью: ко мне бы в дом!

Но, вернусь к вопросу о русском ресторане. «Русские рестораны обычно очень дорогие…» — «Для новых французов» — это С.П. «Это правда, — чуть раздвинул свои узкие губы Сен-Мари — они дорогие, но вот этот ресторанчик — совсем как обычный. Я в нем был и мне там понравилось». Для нас, конечно, посещение русского ресторана — это несбыточная мечта — русские у себя дома, русские в представление французов — основные-то посетители французы, как в китайские рестораны не затащишь китайца, — русский ресторан для нас, русских, это зеркало в зеркале. Что в нем отразится? Но вот тут, в ресторане «Казачье веселье» мы и сделали некоторую промашку, ввели Ива-Мари в расход.

Дело в том, оказывается, что в любом французском ресторане существует «меню» — это как бы наш комплексный обед, цены, если ты заказываешь «меню», — умеренные. И все в этом «Казачьем веселье» было в полном порядке, милый бармен лет пятидесяти прекрасно говорил по-русски и по-французски, и приготовлено все было с прелестной умелостью, но мы, кроме «меню», заказали еще «борщ». Соблазнился я цитатой из Пушкина, и соблазнил всех на пожарские котлеты, отказавшись от бефстроганов. В «меню» входил набор закусок: селедка, капуста и русский салат (оливье — только без мяса или курицы). Вторые блюда: пожарские котлеты и бефстроганов. Десерт: лимонный пирог (слоеное тесто с начинкой из меда и лимонного сока), ватрушка и кисель. Все демократически согласились на лимонник. Но пока мы размышляли над «аперитивом», — слово это не совсем привычное для русского уха — хозяин произнес с особым смаком, пока решали, вишневая наливка или смородиновая, невольно подумалось: ну какой обед без борща? А теперь сравнительные суммы: «Пожарские котлеты» — 32 франка, «Борщ» — 68. Всегда, Сережа, помни о «меню» и не разрешай захватить себя обеденной энергии. Но, к счастью, борщ был, хотя и без мяса, как борщ, очень вкусный и с настоящей сметаной и маленькими пирожками с мясом.

Естественно, — ресторан крошечный, на 20 мест. Захотелось увидеть творца этих гастрономических совершенств, и увидели: женщина лет 45-ти, она преподавала домоводство, шла за своими детьми, из школы, где работала, в школу, где они учились (школа была с «французским» уклоном). Потом дети «зацепились» здесь.

Но разве моя сестра Татьяна не «зацепилась»? Открыли с мужем семейный ресторан. Муж, тот самый вежливый и предупредительный официант (бармен), знает язык, тоже был учителем. Из Москвы уехал зам. директора издательства «Просвещение». Стоило ли менять одну долю на другую? Я бы не смог. Я выше всех считаю долю русского писателя на своей родине.

Теперь о Жорж Санд. Прелестный, во дворах доходных домов, особнячок в центре, но ближе к Монмартру. Санд какими-то родственными узами была присоединена к художнику Шефферу, крепкому портретисту второй половины XIX века. Что-то вроде наших академистов. А он был учитель императорских детей, хорошим, одна из принцесс стала профессиональным скульптором. Сохранили именно его музей, картины, но «паровозом» собрание вещей и художественных предметов связали с «романтической жизнью» — с Жорж Санд.

Самое интересное: правильно или нет, но Аврора Дюдеван считается дальним потомком знаменитой на всю Европу связи Августо Сильного Саксонского и знаменитой авантюристки графини Авроры Кеигсмарк. (А.Толстой «Петр Первый») И бабушка, и правнучка с мужчинами обращаться умели.

В музее — выставка чудесных портретов и женских украшений времен Империи. Веера, ожерелья, браслеты, брошки, диадемы — все на фоне чудесных, «роскошных» портретов. Вся выставка направлена против сегодняшней феминизации женщины — против «деловой женщины», в которой мы с изумлением обнаруживаем, что она еще женщина.

Начал читать Гениса «Иван Петрович умер» — статьи о литературе — ярко, порой действенно, но холодно.

Разговоры с Ив-Мари касались его отца — старого поэта, живущего в Бретани. До сих пор пишет, собирает книги и все те же проблемы — «темного» населения.

Против воли, я замечаю, как много эти черные и смуглые люди все же делают. Все они каменщики, штукатуры, чернорабочие. Франция ли пользуется их трудом, они ли пользуются социальным богатством страны — сказать трудно. Они вместе. Закон запрещает статистике подсчитывать эмигрантов и новых (родившихся здесь) французов по цвету кожи и этнической основе. Они все — французы. Возможно, это социальная трусость, но может быть — акт прозорливости. Почему-то мне лично не хочется увидеть Францию 21-го или 22-го веков. Да и Россию тоже. Важно было бы, чтобы они остались.

Я все чаще, читая того или иного автора, обращаю внимание на годы жизни. Сколько?

Ездили в Шантийи, в замок Конде и Монморанси. Прекрасный сад, спроектированный Ленотром: гений всегда должен делать много и быстро. Есть памятник Ленотру. Частный музей, подаренный собирателем, герцогом, государству. Очень много знаменитых портретов. Но все в путеводителе.

Самое яркое — в поезде: молодая пара, мальчик и девочка лет по 20–22 читали: она — «Теорему» Пазолини, не знаю, сценарий ли, или есть такой роман, а он — «Лолиту» Набокова.

Вечером в кино видели «Лунного папу» Худайназарова. Хорошо, но очень экспертно. Собственная родная таджикская этнография продается, как газ.

27 мая, суббота. Очень узок круг моих наблюдений. Утром поели и — за работу, в музеи. Решили сделать финальный аккорд — купить музейную карту на один день — 80 франков на одного. В метро опять двое русских музыкантов — аккордеонист и саксофонист. Обоим до тридцати лет — оба узнаются по специфически русской повадке, отчасти по одежде — оба в сандалетах (но у одного на босу ногу, у другого с носками), и, конечно, по музыке. Играли они с невыразимым изяществом, легко перебирая короткие пьески, и оба были так обворожительны и пластичны, что мы ими залюбовались. Играли они два перегона. Один почти у двери, а другой, облокотившись на какую-то стальную держалку. Потом аккордеонист пошел собирать деньги, а саксофонист в это время играл. Они, кстати, много играли из Вертинского «Дорогой длинною, да ночью лунною…». Мы тоже, несмотря на скудный кошелек, дали 5 франков.

1. Музей Бальзака
2. Музей Д`Орсей
3. Могила Наполеона
4. Музей великой Армии

Французы в музеях любят роскошь. Наверное, поэтому в их музеях внимание придают обстановке. В нашем понимании, когда разворачиваются щиты с документами о литературной жизни, музей Бальзака скуден. Домик в самом центре Парижа, в районе Пасси, но расположен таким образом, что никогда не подумаешь, что он, как горская сакля, спускается вниз по горе, а попадаешь ты лишь на его первый (четвертый) этаж. Садик, куда этот первый этаж выходит, хорош. В него сверху смотрит многоэтажный дом. Наибольшее впечатление произвела страница верстки, правленная рукой Бальзака. Это очень напоминает, как работаю и я, грешный, и любой писатель, уточняю и делаю выпуклее мысль. Все поля полны правкой. Правил Бальзак «по газетному» на

«вожжах». Из технологии: так же, как и в «Комнате под сводами» в Ясной поляне, у французского мэтра подпилены ножки рабочего кресла. К старости писатель становится слаб глазами. Внутренняя зоркость увеличивается, а зрение слабеет.

Мало книг, подлинных вещей. И их, видимо, ценят. Смотрительница сразу подошла к витрине, где находятся личные вещи: трость — золото с бирюзой, золотые карманные часы с гербом и печатка, как только к витрине подошли мы.

Железнодорожный вокзал в центре Парижа, на набережной Сены превратили в музей. А собственно, зачем вокзалы в центре современного города? Я совершенно отчетливо вижу, как станет музеем Киевский вокзал, а, собственно, сам вокзал окажется где-то на Юго-Западе или в районе Внуково. А почему бы и нет? Станет труднее добираться до Черемушкинского или Аэропортовского рынков только перекупщикам и людям с коробами. Но овощи в Париже в коробах и мешках на метро не возят. Рынок начинает работать, как рынок, если только его охраняет власть. А сколько под перестроенный дебаркадер Киевского вокзала могло поместиться произведений искусства, хранящихся сейчас в запасниках музеев. Центральные музеи трещат от переполнивших запасники произведений искусств. Это вообще одна из крупнейших задач русской современной культуры: рассредоточить по стране когда-то свезенные в Москву и Ленинград картины, скульптуры, произведения прикладного искусства. Но ведь вот в чем вопрос: раскрадут, растащат по дачам. Я хорошо помню, как один из начальников от идеологии приказал выломать — это здание, где он работал — камин, в котором Гоголь сжег свои рукописи.

Мир вообще, повторяю, переполнен произведениями искусства очень высокого уровня, ждущих признания, но тем не менее, даже в очень крупных музеях вещей самого высокого класса не очень много. Они выхватываются из общей массы опытным зрением мгновенно. Так и в «железнодорожном» музее Д`Орсей. В огромных дебаркадерах, столь же изящных, принадлежащих своему времени — конец XIX — начало XX века, — как и Киевский вокзал, как и Эйфелева башня, разместилась огромная экспозиция. Сейчас музеи творятся не как собрание только одних раритетов, а как некое шоу, где посетитель смотрит «весь поток», отмечая, если он чуть-чуть в этом деле понимает, знакомые по репродукциям и телевидению произведения. Такой же собственно и музей современного искусства. Выставлено все, и говорю это без уничижительного оттенка. Выставлены оригиналы скульптур, украшающие мосты и здания, картины выставлявшиеся в «Салоне» — в то время

скандал, — а потом вошедшие в сокровищницу мирового искусства. Есть залы с мебелью в стиле модерн, стоят макеты вокзалов, театров и отелей. Самая интересная игрушка этого музея — огромный макет Гранд-Опера, зал, в котором макет выставлен, называется «Opera room». Еще когда я, в натуре, в городе, обошел Гранд-Опера по периметру и со стороны площади Дягилева посмотрел на задний фасад, я обратил внимание на объем закулисной части: да это целая фабрика видений со своими мастерскими, хранилищем, балетными залами, кабинетами администрации и прочее и прочее. А здесь дан разрез этого здания, показана огромная империя, наглядно видно, какие гигантские полотна декораций, все эти задники, падуги во все зеркало сцены могут быть подняты вверх по всей их длине или спущены на много метров вниз, видна конструкция, показывающая, как сначала поднимали, чтобы зажечь свечи, а потом спускали в зрительный зал гигантскую люстру. Вообще, чтобы быть кратким, можно сказать, что и конец, и начало прошлого века показаны синхронизированно с направлением искусств и самой жизнью.

Самое драгоценное сокровище всего этого пышного и разнообразного парада — коллекция импрессионистов. То, что мы в свое время выхватывали поодиночке в разных музеях нашей страны, а потом и за рубежом, представлено здесь во всей своей целостности, как единый поток единомышленников, может быть, и не всегда друживших и знакомых друг с другом, но исповедующих новое видение мира. Ах, как хочется вспомнить здесь отдельные работы из коллекции миллионера Щукина, ставшие основой экспозиции музея изобразительных искусств им. Пушкина. Нам казалось всегда, как это много. Но это лишь проблески. Шедевры здесь в залах Д`Орсе.

28 мая, воскресенье. Эту последнюю во Франции запись я заканчиваю соображением: историческая Франция для меня исчерпана. Я сверил свои книжные образы и обнаружил, что люди, которые когда-то отбрасывали тень в истории — существовали. Ряд мифов развеялись — Лувр и Париж Людовика XI исчез, а другие, сформированные временем образы оказались полны сил. Существует Шартрский собор, и оттого, что он провинциальный, он больше похож на живого посланца истории, он так и ввалился к нам весь в пометах времени и со своими нуждами ремонтов и реконструкций. Самое сильное впечатление даже не от посещений дома, связанного с Прустом, а от параллельного с этим посещением чтения прустовского романа. Некоторое впечатление от жизни и других, в отличие от Фриу и

Сокологорской, умонастроений, — посещение в Мело Татьяны.

Я ее, конечно, люблю, мое сердце и душа открыты для всего связанного с моей собственной историей, я, в отличие от В.С., просто люблю родственников, это дом, родственный мне по духу, и что-то неуловимо есинское разлито здесь, откровенное, смелое на язык и живое. Мы все, действительно, не умеем от всех таиться, жить в щелочке, загораживаться ставнями и т. д. В общем, я у Татьяны уже второй раз, но они опять переехали, и Марк директорствует теперь в огромном лицее в Menlo. Здесь квартира значительно больше и презентабельнее. Это и кухня, и парадная гостиная, и комнаты для гостей, и спальни наверху, и директорский кабинет, вход из которого ведет и в сам лицей, и в квартиру. Естественно, существует еще и отдельный ход с улицы, гараж, стоянка для автомашины, высокие потолки, камины и предметы нового времени — газ, центральное отопление и пр. и пр.

Есть большой смысл, что директор живет в большой, отличной квартире непосредственно в самом учреждении. Все правительства, включая царское, недаром селили так своих чиновников — чиновник был и заложником, и наблюдателем. Я бы без малейших колебаний переехал в институт, и это было бы и для дела, и для меня полезно. Но мы живем в других координатах порядка.

Коля, мой племянник, чей портрет висит у меня в кабинете, подрос. Чему можно позавидовать, так это его детству — огромная комната, два ящика игрушек, конструкторы, железная дорога, компьютер, свой телевизор. Сегодня в 7 часов вечера Коля на автобусе со своим классом едет в Милан. Жизнь молодого буржуазенка. Марк втянулся в этом лицее в какую-то демократически-административную склоку со своими коллегами. Жаловался, что чем меньше опыта и знаний у коллеги, тем больше амбиций. С этим я согласился, это нам знакомо по нашим. Кормили хорошим буржуазным обедом, но репертуар Тани, хотя и чуть расширился, — знаком: полуфабрикаты, но высшего качества и приготовленные с большей умелостью. Уровень их жизни несравним с уровнем жизни ректора одного из самых престижных в России вузов и известного писателя. На столе вывезенный из России хрусталь — из соседнего, им по прошлой жизни, магазина «Власта», и еще ГДРовский фарфор — из «Лейпцига».

Марк и Таня купили в Ла Боле новый дом, старый, маленький будут продавать. Взносом за дом, видимо, послужила плата за проданную в Москве квартиру. Дом стоит около 300 тыс. долларов. Отцу еще расплачиваться за дом 20 лет, но у

племянника уже есть собственность. Моя мачеха, которой 80 лет, изучает французский язык в мэрии, вместе с молодыми неграми, и чувствует себя прекрасно. Отец умер, вернее, погиб в 78 лет. Т.А. была в прелестных жемчугах и с голубыми волосами. Судя по всему, мечта ее жизни исполнилась. Требовать от нее, чтобы во имя просто слов «страна», «Родина» она жила в Москве, когда единственная и так внешне похожая на нее дочь и единственный внук живут в другой стране, было бы жестоко. Она уехала 26 сентября, почти два года назад. Плохо, что сегодня она говорит: «Это день моего освобождения». Ее сводная сестра была 30 лет секретарем и близким человеком у Матисса. На десерт подали три сорта сыров и прекрасный торт-мороженое. Сразу же после обеда Таня и Марк отвезли нас с С.П. в Фонтенбло.

Ну, здесь, кажется, я и насытился историей. Надо забыть о королях, их предательствах, своеобразии их личной жизни, все это тлен и все ушло в землю, но вот краски еще по-прежнему сияют. Но это все — миг истории, как все сплющится, если цивилизация простоит еще тысячу лет, какая там разница между Карлом III и Карлом IV и кому будет какое дело, что все французские королевы и императрицы в Фонтенбло спали в одной и той же комнате. Какие тени гнездятся в ней сейчас? И как им всем было не страшно спать под той же самой сенью, под которой обдумывала свои коварные интриги Мария Медичи. Я досматривал здесь, в Фонтенбло, чего не досмотрела В.С. Круглый столик в маленькой комнатке во дворце, где Наполеон подписал свое отречение, двор, где он прощался со старой гвардией.

Поздно вечером мы вернулись в Париж.

Завтра утром — в супермаркет за подарками, в аэропорт, тут затаримся спиртным и «Мальборо» для Феди и Димы и — дома.

Много думал о Шапиро, почему он устраивает мне столько забот?

«Вот если бы в Командорском поселился я, это было бы вполне естественно. Но еврей! Впрочем, меня это не удивляет: это объясняется особой склонностью к святотатству, свойственной еврейской нации. Если еврей накопил столько денег, что может позволить себе приобрести замок, он непременно выберет такой, который носит название «Обитель», «Аббатство», «Монастырь», «Дом божий». Я знал одного еврея-чиновника. Догадайтесь, где он проживал? У храма Благовещенья. Как только дела его стали плохи, он поселился в Бретани, у храма Успения. Когда на Страстной устраиваются непристойные зрелища, именуемые «Страстями», половину зрительного зала заполняют евреи, злорадствующие при одной мысли, что они сейчас вторично

распнут Христа, хотя бы на театральных подмостках» (стр. 452).[5]

1 июня, четверг. Утром, несмотря на все, на долгое отсутствие в институте, двинул на дачу на машине Андрея. Не был здесь больше трех недель, но сад и огород и даже теплицы выжили. С упоением целый день крутился на огороде. Собирался посадить и помидоры, заехал на базар и купил рассаду, но мои замечательные соседи сделали это за меня. Помидоры уже растут у меня в новой тепличке. Кажется, в этом самое горячее участие принимал и Володя Шимитовский, с которым мы поругались из-за потери мной его молотка перед самым отъездом. Рассаду пришлось отдавать соседу Сереже. Уродилась масса редиски. Андрей стоял на кухне, мастерски готовил и чистил перезревшую редиску, которую мы забрали в Москву. На нем была и кормежка.

2 июня, пятница. Вечером был на большой ревизии в общежитии. Те переделки, которые должны были начаться на втором этаже у Шапиро, еще не начались. Свою обыкновенную хватку Илья Геннадиевич держит. Здесь общая экономическая этика: не платить, не выполнять. Не платить государству, в бюджет, компаньону, арендатору. Все рассосется или кого-нибудь можно будет подкупить. Мы собирались начать эти переделки еще 9 мая, как он и просил, на праздники, но тогда он не был еще готов, хотя и обещал. Мы с этими переделками торопимся, потому что рассчитываем в освободившихся комнатах поселить надвигающихся на нас корейцев. Надо сделать и эти комнаты, и закончить бар, чтобы было этих корейцев где кормить. В нашем образовательном бизнесе борьба идет, как нигде и как никогда, и я совершенно не собираюсь проигрывать из-за того, что Шапиро наплевать на все. У него уже и так из-за его постоянных недоплат самая низкая арендная плата из всех арендаторов. Я зашел к нему в контору и написал записку, смысл которой сводился к тому, что если он забыл о своих обязательствах, то и я не вспомню о своих обещаниях. Вечером, не успел я доехать до дома, раздался звонок Шапиро. Я отказался с ним разговаривать, сославшись на отъезд, и больше разговаривать с этим дельцом не буду, пусть с ним говорит и выжимает из него все, что надо Володя Харлов. Сколько будут продолжаться ссылки на дефолт? Надо постараться, чтобы мы взяли на себя при новой системе наименьшую часть аренды, пусть большую получает казначейство, оно-то из него свою часть вытрясет. Почему у меня должно подниматься давление, болеть голова и начинаться бессонница из-за того, что и этот парень ищет своей неблагородной выгоды?

В общежитии все же грязь, видел двух пьяных вумат уборщиц.

В пандан им — логово студента и врунишки Файзова.

3 июня суббота. Как всегда, я раб своих необдуманных обещаний. Мир кажется таким интересным и неохватным. По-моему, у Пушкина есть фраза о жадности любопытства. У меня тоже эта жадность несмотря на годы, еще есть. Порой само материальное устройство жизни представляется интересней литературы и всяких россказней. Поэтому я рассматриваю устройство телег, элементарную инженерию бань, характер вывешенности стропил в крестьянском доме…

Подхожу к теме медленно, но, в общем, я оказался в Нижнем Новгороде, а потом и в Болдино, на традиционном празднике Пушкина. Может быть, здесь сказываются прежние молодые обиды, когда на эти праздники валом валили, обрыгивались шпротами и молдавским коньяком, советские, но в принципе плохие поэты, а мы молодняк, знающие кое-что про себя, стояли в сторонке. Меня заманивают на эти праздники уже много последних лет или в Михайловском или в Болдино. Но здесь в Москве всегда экзамены, куча административных дел, и где-нибудь в апреле, дав обещание, я в последний момент, как лещ, прыгаю и тяжело плюхаюсь в воду, в общем — ухожу. Но здесь наш бывший ВЛКашник, Женя Шишкин, как я уже писал, взял меня хитростью. С Женей такая история.

В самую нищету, разруху и идеологическую боязнь, когда наши литературоведы, первыми почувствовавшие смену вех, больше всего боялись пролетарского Горького, я поехал на конференцию, связанную с горьковским юбилеем, в Нижнем Новгороде. Там была произнесена речь, позже напечатанная в одной из моих книжек. И кормежка нищая была, и жилье скудное. Но именно там я встретил своего семинариста, знакомого мне еще по совещанию молодых писателей в Дубултах, где я помогал С.П. Залыгину. Парень был в каком-то паническом состоянии, — как жить, что писать. И тогда я ему сказал: приезжай на ВЛК к нам в Москву, два года поживешь поспокойнее. Отбыл он эти два года, и вот теперь — Женя Шишкин главный редактор толстого журнала «Нижний Новгород». Про этот толстый провинциальный журнал — целая история. Но о ней чуть ниже.

Так вот, Женя Шишкин поступил очень предусмотрительно. Когда я вернулся из Франции, то у меня на столе уже лежало два билета на поезд: мне и Руслану Кирееву. Отступать было некуда. И вот после рабочего дня, в II часов вечера, мы погрузились с Русланом в поезд и утром были в Горьком.

Опять, забегая вперед, скажу, что у меня давно не было таких сладких литературных разговоров. Мы перебрали с Русланом все,

что можно. В том числе вспомнили, как под Валдаем спалили баню. А колокол, который подарил мне Игорь Дедков, до сих пор висит у меня на даче. Живой голос. И я много узнал от Руслана, потому что он обладает, при всей скромности его выражения, при всей молчаливости, удивительными познаниями и редкостной эрудицией. Это настоящий человек литературы.

Теперь легендарное Болдино. Дорога, на новенькой «Волге», от Нижнего до этих потаенных мест. Мне нравится, что большинство начальства ездит здесь на собственных. Нижегородских «Волгах». Какие грандиозные пейзажи. Пейзажи взрастили Россию. В своем выступлении на торжественном вечере я говорил о географических названиях, в которых — сама по себе литературная тема: жизнь, смерть и судьба писателя. Это — Стейтфорд-на-Эвоне (Шекспир), Дублин (Джойс с его «Улиссом») Комбре, лежащий посередине между Сваном и Германами у Пруста. Таково и Болдино.

Дальше я говорил о культуре, как о некоей самоценной стороне жизни, о взаимоотношении культуры и государства; в культуру надо всегда сначала очень много вложить, прежде чем она начнет что-нибудь отдавать, потому что изначально культура не может себя кормить, культура это не производство. Собственно, этот тезис я стал развивать после очень толкового выступления Вячеслава Леонидовича Жарикова, — специально записываю это имя-отчество в дневник, чтобы не забыть. Это глава Болдинского района, человек, мыслящий удивительно ясно и точно в культуре. Вот бы кому быть материальным организатором культуры, (В момент диктовки этих мыслей, стенографистка Екатерина Яковлевна мне подсказала, что, возможно, все эти жариковские суждения неслучайны: некто Леонид Жариков учился в Литинституте. Не сын ли его — В.Жариков?)

На собрании выступил еще Шуртаков со ссылками на Кюстина, и с какой-то патетикой, и Шестинский: усталая и рассчитанная декларация. Мне кажется, что сюда, в Болдино, надо вызывать людей самой первой поэтической руки, и в этом смысле ни я, ни Шестинский, ни даже Киреев — не очень-то подходим. Но выступлением моим все были довольны. Доволен был и Женя, он волновался как-то больше всех, потому что, видимо, мое приглашение — его инициатива. За время, которое мы не виделись, он вырос в интересного деятеля литературы. Во-первых, он очень много знает; во-вторых, его суждения очень точны. Умеет отказывать во имя журнала друзьям и товарищам, а это, я по себе знаю, очень трудно. Теперь надо сказать, как появился этот толстый журнал.

Если мне не изменяет память, то в свое время журнал «Волга», который обосновался в Саратове, предлагался сначала городу Горькому. Но горьковские обкомовцы стали сетовать на то, что где писатели — там пьянка, склоки, идеологические ошибки, а ответственность за все придется брать им. Вот журнал и «поплыл» вниз по течению, аж до Саратова. Новый журнал создан был на деньги и по инициативе очень известного предпринимателя — Владимира Ивановича Седова. Я в свое время услышал его имя рядом с именем не утвержденного мэра Горького, который ныне сидит. Что уж там был за бизнес — не знаю, но журнал этот мужик сделал. Мы на десять минут в субботу забежали к нему в контору, у меня возникло любопытство — посмотреть на этого мецената, друга Михалкова. В конторе, конечно, висит большой портрет Михалкова в обнимку с Седовым. Дай Бог, если у них настоящая: дружба, но Никита Сергеевич — мастер знакомств и дружб. Может быть, я к нему и несправедлив… Богатство, впрочем, ныне скорее бывшее, возникло из сети ресторанов, каких-то акций, торговли спиртным — так говорят.

Логово бизнесмена — хорошо, почти по-столичному, обставлено. Поили чаем, охранника посылали за конфетами. Сам хозяин пишет, поэтому понятно его стремление хоть как-то руководить толстым журналом. Он выпустил 7 собственных книг, я заглянул в одну из них — что-то любопытное по стилю, он, скорее всего, не обычный графоман. Самое крупное впечатление дня — это удивительные пироги с зеленым луком, которыми кормили нас на границе Болдинского района. Но было и лукавство, мы к месту кормления подъехали последними, вице-губернатор уже отбыл, и милые русские женщины прикрыли полотенцем пироги другого сорта: с капустой и мясом. Да, есть женщины в русских селеньях! Произвели впечатление и ребята из Армавирской самодеятельности, которые выступали на концерте (вообще что-то удивительно есть в самодеятельности, и какое счастье, что она еще существует!) — так вот, ребята: почему эти люди, зная, что они никогда не будут профессиональными музыкантами, собираются и играют квартеты и октеты на скрипках и виолончелях? Почему девушки изучают классический балет, отчетливо понимая, что большого результата не состоится, а другие поют арии и сцены из «Онегина»? Любовь к искусству — вторая русская болезнь, как написал Костров. Потом вышла замечательная певица Нижегородского Оперного театра, и мы поняли, что эстетические переживания могут вместить в себя много качеств. Пела она великолепно; но самодеятельность, тем не менее, в моих глазах не померкла.

4 июня, воскресенье. В Болдине на празднике каждый может найти свое: любитель старины обнаружить форму, в которой брали оброк. В конторе имения стоял специальный стол, чем-то похожее на сейф, весы, на которых взвешивались мешки с крупой и зерном; коробы, в которых крестьянки приносили рулоны холстины. Досуг Пушкина, посвященный искусству, — это итоги крепостничества. «Но мысль ужасная мне душу омрачает». Тем не менее. Есть заповедное место, сейчас там стоит часовня, построенная в прошлом году. Она была и раньше, говорят, Пушкин любил сидеть неподалеку на дерновой скамье. Возле часовни был погост, где хоронили, конечно, и Пушкиных. Сейчас ничего нет, ни присыпочки, ни холмика. Были какие-то строения, их порубили, разобрали. Ведь география не меняется — по окоему простираются земли рода Пушкиных. Вот это место, с которого теперь смотришь, эта смотровая площадка, бывший погост, приводит к ощущению, что «стоишь на плечах» предыдущих поколений, и это очень действует, очень волнует. Пушкин не был, по-видимому, хорошим хозяином. Когда карантин осадил его в Болдине, он произнес перед крестьянами что-то вроде: наслание это вам от Господа, за то, что бьете жен, много пьете и не платите оброка.

С оброка жили. Деньги — не самый большой стимул для творчества. Болдинская осень могла и не состояться, если бы в этом доме, планировка которого и стены, в отличие от дома в Михайловском, сохранились с той давней поры, — не подавали, после трех, «донского скакуна», если бы не были натоплены печи, не была бы приготовлена еда… А с утра до трех — он писал, как правило, лежа. Все интересно, когда дело касается этого великого человека. Ни одного письменного стола, одни ломберные, а сейчас писатели жалуются, что нет компьютера, чтобы сочинять. Кстати, Болдинская осень состоялась не без участия уже не гусиного, а металлического пера, его только что изобрели, и Пушкину прислал его и подарил, кажется, Вяземский. К празднику дом был чисто вымыт; много сирени, цветов начинающегося лета. На террасе тихую музыку конца XVIII — начала XIX века играли на своих скрипках все те же арзамасцы. Экскурсия была специализированная, вел ее директор, слушали потомков Пушкина, приехавших сюда. И директор, и все мы, удивлялись тому, как много было сделано в преддверии 200-летия со дня рождения поэта — и в этой усадьбе, и вокруг: гостиница, ресторан, различные строения. Все это сделано благодаря Примакову, все с благодарностью вспоминают его — человек слова, который обещал — и сделал.

И последнее, что удивило — это сам праздник, который состоялся днем, в Лучинской роще. Съехалось тьма народа, в основном молодежь из соседних деревень, из соседних районов. Магазины, лавки, дым от шашлыков, великолепные самодеятельные коллективы, на прилавках все рябит от бутылок и банок с пивом. Вокруг поляны расположились семьями, на одеялах, брезентах, со своими кастрюльками; гремят репродукторы… И — практически — ни одного пьяного. Организация фантастическая. Девочки в нарядных платьях, в туфлях на огромных платформах, которые не очень хорошо смотрятся в лесу, но девочкам так хотелось одеться красиво, как в Москве! У этого праздника, кроме памяти великого земляка и гордости за себя, что мы тоже, с земли великого, — есть и еще одна особенность. Мне кажется, что здесь происходила какая-то ярмарка невест — может быть, мальчик из соседней деревни встретился с девочкой из другой деревни, может быть, здесь все и завяжется…

Я говорил об огромном количестве присловий, крылатых выражений, родиной которых стал Пушкин. Я говорил о Лицее, которым в наши времена стал Литературный институт. Я говорил молодым ребятам, что ничего не надо бояться. Я в свое время испугался — и закончил МГУ, а сейчас понимаю, что и в Литинституте меня встретили бы хорошо. Бояться ничего не надо, и Пушкин был не из боязливых, иначе бы не погиб на дуэли от пули собственного свояка.

На обратном пути ехали через Арзамас, Вид — один из лучших в России — через пойму реки перекликаются два собора; места спокойные, но как будто намагниченные… В дороге выяснилось, зачем оба мы были нужны Жене, кроме, конечно, того, что он неплохой парень. От меня — внутренняя рецензия на его новый роман.

5 июня, понедельник. Вернулся из Нижнего Новгорода рано утром. Гулял с собакой, уехал на работу, там студенты, необходимые платежи. Все время в уме деньги, которые надо достать на ремонт фасада, на реконструкцию старинной изгороди. Выяснилось, что Налоговая академия, которая арендует у нас в общежитии комнаты для своих студентов, с марта месяца ничего не платит, и мы по этому поводу и не трехнулись. Не установили этот факт ни главный бухгалтер, ни Дмитрий Николаевич, который на этом сидит, ни Костя, который эти счета выписывает, ни Аня, которая все должна на первичном уровне контролировать. Я сам во время обхода общежития. Надо каким-то образом всю отчетность по общежитию переводить на

компьютер. Этого, правда, имея в виду новые сложности и мороку, никто не хочет. Я думаю, есть мотивы, по которым этого не хочет и гостиница, и бухгалтерия. Устроил легкий разнос в бухгалтерии, такое ощущение, что им всем на это наплевать. Все равно Есин простит и премию заплатит. Уже не в первый раз пожалел, что институт не мое частное дело, все запели бы по-другому, и денег было бы больше, но и работали бы шустрее.

На сон грядущий читал дневники М.О. Чудаковой, названные «Людская молвь и конский топ». Выписываю из дневников две цитатки. И после этого говорят о национализме нас, русских. Может быть, начать стеснятся того, что мы русские?

«2 июля (1974) Все время по радио из соседнего дома несся хриплый бабий хор, вот уже три десятилетия знаменующий советскую жизнь».

«29 июля (1974) — Эти пакостные русские фамилии — Прокудин, Проскурин! Что за гнусность в звучании. (Эмфатическая реплика N)»

Вдруг вспомнилась картинка из Болдинской жизни: на центральной площади вновь, к случаю покрашенного дома, на котором еще старая, выложенная кирпичом надпись «Дом Советов». И не меняют, хотя и имение Пушкиных. Кстати, очень большое имение. Вот тут я впервые начал понимать, что такое двести душ крепостных крестьян.

6 июня, вторник. Весь день занимался бухгалтерией, собирал и рассчитывал «Вестник», который Л.И., конечно, оставил мне совершенно сырым. Много занимался студентами, разбирался с их пропусками в общежитие и жизнью. Очень беспокоят меня наши переводчицы, которые забывают, что из них готовят переводчиц художественной литературы, а думают, что просто переводчиц для фирм. Нет, милочки, так дело не пойдет. Я готов гробиться для литературы, но не для зарубежного бизнесмена. Приезжала аудитор Алла Ивановна, порядок у нас только в кассе, где я все понимаю. Мы опять переплачиваем налоги, потому что не хотим считать и думать.

Сегодня у В.С. все в порядке с диализом. Звонил Миша Семерников, кажется, все начинается снова с конкурсом Пенне.

Прочел в том же номере «НМ», где и Чудакова, коротенькие рассказы Сергея Шаргунова «Как там ведет себя Шаргунов?» Ощущение новой интонации. Здесь есть и что-то новое в выражении.

7 июня, среда. У меня на даче состоялось празднование тридцатилетия моего шофера Феди. Уехали с работы в четвертом

часу. Празднование происходило пышно, съели ведро картошки и пять килограммов шашлыка. Водки было выпито около одной поллитры на брата. Для меня была куплена бутылка красного вина. Все это для меня было омрачено какими-то неладами у Феди в семье. В этот день утром позвонила его своячница Диляра. Федя в этот день ночевал дома, и вдруг в два часа ночи приехала О.В. с бранью и криками. За Федей и с ультиматумом. Ей ассистировала ее сестра Таня. Наша будущая переводчица и студентка. Дай Бог, чтобы она поступила, но преподаватели говорят, что данные у нее минимальные. Это воспитательный акт будущей студентки. Теперь о Феде. Оказалось, что с 6 мая он дома не жил и денег, кажется, на семью не давал. В Люберцах у него их отнимали что ли? По словам этой Фединой родственницы, получалось, что дама вроде бы привезла его вещи и выдвинула ультиматум: ни минуты у жены или забирай свое шмотье. Требует моего шофера безвозвратно и целиком. Здесь тоже требуется мое какое-то решение, но у меня — его нет. Одна женщина вроде смирилась, что мужа у нее отобрали, и отца у ее ребенка отобрали — это законная жена, а вторая женщина готова эту первую живьем закопать и хочет, чтобы у этого отца был только один ребенок, это ее ребенок. Эта женщина, защищая свое, женское проигранное, может ворваться ночью в чужой дом и не боится стыда и огласки. Но эту женщину я хорошо знаю. Но вот удивительное дело, не могу размахнуться на нее как на литературный характер, здесь открываются бездны, а у меня таланта не хватает.

8 июня, четверг. С дачи вернулся утром и сидел на работе. В конце дня считали с Димой, что было сделано, получалось много: и разобрал гору бумаг, и решил другие дела, и говорил с подрядчиками. В машине слушал поэтическую композицию, которую Рафаэль Клейнер представил на премию Москвы и которого хотят протащить даже вопреки комиссии по эстраде, которая должна была его рассматривать. Это стихи Бродского и молодых советских поэтов, погибших в первые годы войны. Н. Майоров, П. Коган, М. Кульчицкий, В. Багрицкий, Б. Смоленский. Здесь же кроме стихов и дневники. Обычная радиокомпозиция, в которой мало индивидуального. А вот поэты эти безумно устарели и высветились в новом свете. Сколько здесь не поэтического, а политического, сколько экстатического нажима. Воистину дети своего поколения, а поколение безжалостное, завороженное словами *борьба, враг, месть*. Я полагаю, что секретарь нашей комиссии, сделает все, чтобы я не оказался на президиуме. Вспомнились реплики и обаятельные телодвижения

Павла Слободкина во время первого обсуждения.

Прочел заключение аудита.

Как хорошо жить без писания романа.

9 июня, пятница. Последнее время мне не хватало моей пенсии, чтобы оплатить квартплату, электричество, гараж и другие коммунальные платежи — и пенсия идет через банк и платежи тоже через банк. Утром ходил в банк, — тревога напрасна, мне рублей семьдесят еще прикинули, сейчас я получаю 571 рубль. Вместе с моей зарплатой, почасовыми и гонорарами, с которых по возможности я стараюсь не платить налогов, выходит что-то около двухсот долларов в месяц. Сумма, конечно, не олигарховая, но я никакой общенародной собственности вроде нефти или газа не приватизировал.

Что касается добывания денег, то сегодня опять ездил в общежитие, занимался гостиницей, порядком, дисциплиной. Постепенно прихожу к ощущению о необходимости реорганизаций и замен. Наш коллектив чувствует себя коллективом советским. В гостинице грязно, «хотя и по-домашнему», здесь предпочитают не медленное и неуклонное поддерживание всего хозяйства в порядке, а тоталитарный ремонт. Если отвалится одна кафельная плитка, вместо того, чтобы быстренько ее приклеить, будут ждать, когда отпадут все. В бухгалтерии будут переплачивать налоги, но не решаться изучать налоговое законодательство. Сегодня дал выговор Зиновьевой И.Н., Д.Н. Лаптеву и А. Вохромеевой за непорядки с платежами. Другим приказом по выговору Горшковой и Зиновьевой за старые грехи с налогами. Во вторник достану и А. Тиматкова, который по молодости не ценит свое положение. Я поздоровел, роман написан и вчерне принят — звонил Алексей из «Армады» — семинары закончились, можно теперь и нажать на приведение всего в порядок.

Сегодня Олега Табакова представили труппе как нового руководителя МХАТа им. Чехова и сегодня же у него взяли интервью. Олег не нашел новой маски, все как-то было неглубоко, некий шутливый тон провинциального продюсера; еще раньше он говорил, что будет ставить Шоу, а приглашать, как режиссеров, Гинаса и Шапиро. Ничего программного, как в свое время на открытие МХАТа. Даже у В.С. предложение интереснее — Булгаковский «Театральный роман» — специфические страницы того же театра, взгляд на прошлое, подведение итогов. Уже стало известно, что ректором МХАТовской школы стал Смелянский, Все, кажется, опять расходится по своим. Никто не вспомнил о другом МХАТе, о возможности слияния, об общей программе. В

интервью оказались ноты, не очень славно прозвучавшие в адрес Ефремова.

У Инны Вишневской сегодня вышла толковая статья о Литинституте в газете «Век». Еще раньше «Труд» писал, что обокрали квартиру редактора «Века» Саши Колодного. Вот время! Из статьи Вишневской привожу небольшой фрагмент обо мне. Снимем некоторую патетику и, в принципе, получится довольно правдиво.

«Самые разные есть в институте семинары — поэзии, прозы, драмы, публицистики, детской литературы, критики, художественного перевода. Здесь учатся студенты из многих стран, здесь создаются международные программы сотрудничества с университетами почти всего университетского Запада.

Здесь есть еще и отличный ректор-писатель, профессор Сергей Николаевич Есин, соединяющий в себе черты, нужные сегодня людям культуры: талант — без вечно обиженного избранничества, деловитость — без личного обогащения, милосердие — без рекламного меценатства, демократизм, не закрывающий дверей перед демосом».

Завтра дождусь В.С. из больницы и поеду на дачу. У нас в понедельник какой-то праздник. День Независимости. От чего?

12 июня, понедельник. С упоением два дня занимался участком. Приехал из Германии Игорь, сын Володи Шимитовского, который уехал десять лет назад. Много с ним говорили. Он все в тех же дачных штанах с военным поясом — офицера-заправщика ракетного комплекса на космодроме. В Германии начинал с мытья машин и прочей самой черной работы. Игорь определенно приобрел другой кругозор. Рассказывал о краже машин в Германии для перегона в Россию. Как правило, хозяин в курсе этой кражи и производится она с его согласия. Ему достается страховка и еще некая маржа от «воров». Есть даже специалисты-хакеры, которые выводят угнанную машину на год-полтора из компьютеров «Интерпола». Из интересного, некая особенность немецкого законодательства. Есть обязательная страховка, которая снижается в зависимости от стажа водителя и безаварийной езды. Молодой человек, как у нас, не может схватить дорогую машину и вдоволь на ней раскатывать. Это слишком дорого.

Теперь Игорь занимается посылочным бизнесом. Так сказать, выпускник Бауманского сменил специальность, но «обязательно каждый день ест какой-нибудь йогурт и выпивает литр фруктового сока». В перерывах между беседами с Игорем читал

«Повелителя мух» Голдинга, статьи из «Нового мира» и «Дня литературы». В последнем статью Лобанова, с замечательными словами, которые я обязательно использую в своей картотеке. Что касается Голдинга, то можно восхищаться подобной литературой, но следует признать, что никакой всемирной литературы нет. По крайней мере русская может вместить в себя все. И она совершенно другая, повторять и даже идти чужим, более логическим и абстрактным путем бессмысленно. Вот почему у нас невозможен ни Борхес, ни этот самый гениальный Голдинг. В этой его интонации и в этой логической манере читать про наши русские дела неинтересно. Попутно много последнее время размышляю о Пушкине. Для всемирной литературы — это гений XXI века, когда его смогут перевести. Тем не менее, теорема Голдинга великолепна и такому сочинению, такому подходу можно позавидовать. Чувство которое охватывает читателя, когда разворачивается сцена охоты на супоросую свинью не сравнимо по вызываемой жалости ни с какой охотой на оленя. Поразительна еще сцена охоты на Ральфа и финал. Мальчики вышли на английского офицера. И тут оказалось, что это роман о защите империи, без нас англичан вы — мелкие царьки, только Повелители мух.

Вечером узнал, что Федя все-таки опять ушел к О.В. Обидно, что за всем этим много лжи, и много лжи, значит, последние несколько лет накручивали мне. Но у меня на этот счет свои планы.

Придумал переходные абзацы перед последней главой романа о Ленине. Кажется, «Армада» роман все же берет. Что касается денег, то здесь будет полное бесправие. Издатели уже привыкли ничего авторам не платить.

13 июня, вторник. Вечером из дома ездил к Владиславу Александровичу возил ему верстку институтского журнала, который он обещал отредактировать. Число несчастливое, выезжая со двора, — а меня какой-то любитель талантливо запер — сломал деревце. Очень переживаю. Даже если не будет скандала, осенью куплю деревце и посажу. У В.А. смотрел передачу НТВ «Глас народа» посвященную аресту в этот день В. Гусинского, магната Медиа-Моста и гражданина Израиля. Ему предъявляют обвинение в хищениях в особо крупных размерах. Но как же вообще разбогатеть за десять лет без хищений? Здесь вообще сомнительное место: может ли человек, имеющий другое гражданство занимать такие ключевые посты в государстве, гражданином которого он хочет быть лишь попутно. «Глас» немедленно собрал народ в защиту. Собственно беседу на

передних рядах вели почти сплошь лица еврейской национальности, защищая своего, и это понятно, в качестве «народа» выступали и молодые люди с русскими лицами. Один из них даже задал «нетактичный» вопрос о том, что вот вы обратили внимание, когда в Бутырку посадили миллионера, а когда там сидят десятки невинных людей, внимание на это не обращаете. Хорошо бы перечислить всех, кто приехал на эту сходку. Шендерович сидел рядом с Венедиктовым, все почти персонажи из группы и, естественно, защищали свою зарплату и демонстрировали лояльность по отношению к шефу. Сорокина как бы переломилась, как Мальвина, через огородку ложи. Шефу господину В. Гусинскому я, конечно, не сочувствую, но, если, не имея очень серьезных оснований, власть будет хватать людей и выколачивать из них показания, зачем такая власть? Наиболее низко вел себя самый высокооплачиваемый сотрудник НТВ Е. Киселев, он закончил передачу пассажем из детства Гусинского, о котором тот вроде бы рассказывал и которое протекало где-то на московских окраинах. Он начал мальчиком драться, потому что, проходя через двор, постоянно слышал слово «жид». Какая чушь, какая направленная на разжигание антисемитизма утка. Что мне этот антисемитизм? Не трогайте меня, не говорите о вашей исключительности. Прекратите вашу удивительную преграждающую путь всем солидарность, и мы забудем вас. А уж в искусстве-то и подавно. В искусстве национальность существует только у претендующей серости, гениальные писатели и артисты национальности не имеют, они принадлежать только человечеству и Богу.

14 июня, среда. Утром вышел «Труд» с огромным интервью со мною. Хорош был и портрет, который сделал сам Саша Неверов. Вещи все самые обычные, много раз мною проговоренные, но плотно и компактно. Больше меня тронуло, что, наконец-то, вышла давно собираемая мною книжка о работе мастеров, о кафедре творчества. Это моя личная и большая победа.

Днем говорил с Тантлевским, отвечающим в комитете по культуре Москвы за памятнику и мемориальные доски. Мы согласовывали с ним процедуру открытия мемориальной доски Даниилу Андрееву на здании ВЛК. Процедура оказалась длительной, потому что существует множество согласований. Тантлевский мне рассказал, как на Арбате поставили мемориальную доску Анатолию Рыбакову. Уезжала в Америку вдова покойного Таня Винокурова и решили пренебречь всем, даже открывающимся через несколько дней конгрессом пен-центра, открыла доску сама. Это все мне рассказал Тантлевский.

Таня хочет. Таню-то мы знаем.

Через посредников пришел ответ от Лужкова на мою просьбу отремонтировать фасад или как-нибудь помочь. Я всегда предполагал, что письма писать умею, но никогда не думал, что мой гонорар за полторы странички текста равен 300 тысячам рублей.

> *Ректору Литературного института им. А.М.Горького Есину С.*
>
> Управа района «Пресненский» рассмотрела Ваше обращение к Мэру Москвы об оказании помощи в ремонте фасадов Литинститута. Сообщаю, что Управа готова профинансировать ремонт фасада здания основного корпуса, выходящего на Тверской бульвар в размере 300 тыс. рублей, при условии прохождения документов через финансово-казначейское управление ЦАО.
>
> *Для открытия финансирования прошу представить экземпляр утвержденной проектно-сметной документации. Средств на ремонт других фасадов нет.*
>
> *А.Г. Бочаров.*

В три часа состоялся специализированный совет. Это первая у нас в институте защита докторской диссертации: Дима, тема диссертации и имя-отчество и фамилию диссертантки, у Льва Ивановича. Во время защиты мне понравился отзыв ведущей организации кафедры теории литературы МГУ — они предостерегали диссертантку против конъюнктурных счетов: «Разгром» Фадеева — неплохой роман, не следует наносить булавочных уколов против критиков революционных демократов. Очень понравилось выступление старика Лазарева из Педуниверситета. О, эта тихая размеренная манера спокойно говорить беспощадные вещи.

По телевизору говорят только о Гусинском. Все померкло оттого, что ущемили гражданина двух стран. В Мадрид даже выехал вице-президент моста Игорь Малашенко, чтобы на параллельной Путину пресс-конференции привлечь внимание журналистской общественности к ущемлению миллионера. Он собирается ехать еще вслед за Путиным и в Берлин. Что интересы государства, что родина и ее президент, успех его первого государственного визита, если совершенно безвинный миллионер не бравший никогда ни одного ломаного гроша ни у кого, сидит в следственном изоляторе и испытывает неудобства. Впрочем, я за

него успокоился: в Бутырке он в камере с двумя соседями: фальшивомонетчиком и другим джентльменом тоже из интеллигенции, изолированным за экономические преступления. Владимиру Александровичу в камеру поставили цветной телевизор, теперь он может с большей пристальностью наблюдать за тем, как стараются его холуи. Олигархи сплотились, потому что понимают, что каждый из них в досягаемости закона. Бизнес в нашей стране в рамках правил вести трудно, а разбогатеть можно было только на преступлениях, воровстве и разбое. Народу, естественно все по фигу. Он только смотрит в лицо Гусинского, которого показывают, как на скорбной церемонии, в уголочке кадра, и отчетливо видит, что какой-то он не такой, как все они.

Стараюсь ездить теперь с Сережей Осиповым, естественно полагая, что нечего через Федю невольно снабжать О.В. информацией о себе и своей семейной жизни. Правда, В.С. любила с ним говорить. Поздно позвонил старый выпускник Женя Тюрин, ученик Приставкина, который проездом, у которого украли сумку, который врун, талантливый человек, который много раз дерзил мне, брал какие-то деньги у меня на зубы и пропивал; попросил на этот раз дать возможность переночевать ему в общежитии. Какие же гадости Женя рассказывал у меня за спиной, Чего ты, Женя, не позвонишь своему любимому учителю Анатолию Игнатьевичу Приставкину? «Он не мой любимый учитель, он все пять лет рассказывал о своей комиссии по помилованию». Пришлось звонить домой С.И. Лыгареву и договариваться о подконтрольной ночевке парня. Но просто так это все не закончится.

15 июня, четверг. Клейнер получит свою премию, или я перепутал, или меня перепутали, но я не приехал на заседание президиума. Из дома отправился в общежитие. На обратном пути машина шла мимо Бутырской тюрьмы. На солнцепеке, у въезда стерегут каких-либо вестей от Гусинского с пяток телекамер. Вот это упорство. Вот это отстаивание прав одного богатого человека. Противостояние на Калке.

В общежитии наши рабочие трудятся над полем боя, оставленном Ильей Шапиро, над шестью комнатами. Ремонт.

16 июня, пятница. Заочники сдавали госэкзамены — философию. На две трети вопросов я бы не ответил и сам, поэтому с удовольствием сидел и слушал. Потом пришла совсем слепая Алла Александровна Андреева, вдова писателя, и я отдиктовал с полдюжины пригласительных писем. Мемориальную доску мы будем устанавливать в институте в среду.

Поздно вечером выпустили из Бутырки В.А. Гусинского. По этому поводу идет всеобщее ликование на НТВ и других программах. Журналисты, как им кажется, отстояли свое право на большую зарплату. И в том числе свою зарплату отстояли Малашенко и Киселев. Родина не должна их забыть. Было даже интересно наблюдать, с каким искусством Малашенко мешал президенту и в Мадриде, и в Берлине. Здесь мы воочию видим, насколько важнее интересы одной богатой личность интересов народа. Как известно, богатых, включая журналистов-акционеров, у нас 3 %, а бедных 97 %. Собственно, паника идет из-за того, что все очень богатые свое состояние сделали в районе 90-го—97 годов. Вспомним имена Петр Авен, Анатолий Чубайс, Альфред Кох. Это знаменосцы. По поводу этой приватизации и этих захватов сейчас, задним числом, можно возбудить уголовные дела почти по каждому умельцу. Богатым страшно. Им совершенно не жалко Гусинского ни как руководителя Еврейского конгресса в России, ни как руководителя группы Мост. И свобода слова им не очень нужна, если не трогают их богатство. Но власть, справедливо или нет, вспомнила о каком-то старом мошенничестве при организации резидентом Гибралтара фирмы «Русское видео». Всех естественно тут же заволновало, что могут взять за одно место за какие-то старые грехи. Но, тем не менее, постепенно я начинаю всерьез понимать всю аргументацию противоположной стороны о свободе слова. Но я только не могу вбить себе в толк, зачем путать мошенничество или даже тень мошенничество с журналистикой. Надо придерживаться одной профессии. Совсем необязательно проститутка должна быть еще и фальшивомонетчицей.

17 июня, суббота. Весь день читаю роман Ф. Родионова «Инсталляция». Ему 20 лет, парень ученик Пронина. Очень талантливо, хотя и в нелюбимой мной современной манере. Вечером вилял и нашим и вашим по телевизору С. Доренко. Воистину акционер акционеру глаз не выклюет. И еще много читал Даниила Андреева, в среду мне произносить речь.

После всех выступлений по телевизору адвоката Генри Резника ненависть к нему простого народа достигла молчаливого апогея. Вся эта компания с Гусинским отчетливо показала, кто есть кто. Кто богатый, кто бедный, кто богатых защищает. Показала, что богатым украсть и смошенничать можно, а бедным нельзя.

19 июня, понедельник. В воскресенье утром вместе с В.С., прихватив с собой шофера Сережу Осипова по кличке Каспер, ему

делать нечего и денег кормиться у него нет, уехал на дачу. День как день. Между огородом и Гусинским, которого выпустили. В понедельник утром Сережу остановила милиция за несданный техосмотр. Все это происходило долго, милиция, видимо, выжимала взятку, а Сережа применял свой испытанный прием небогатого человека. Милиционер мялся, потому что штраф небольшой, всего пятьдесят рублей. Вдобавок ко всему — за одно нарушение дважды не наказывают — по талону можно ездить целый месяц. Милиционер мялся ну, писать, что ли? Подразумевая, давай денежку и проваливай. А Сережа мнется и денег не предлагает. Я говорит, возьму газету, поеду в отделение в группу разбора и хоть полдня просижу. А ему, неграмотному, оформлять мне штраф, а изъятие прав работа на полдня, а тут на машинах пролетают живые деньги. Потом ему еще куча возни со сдачей прав в группу разбора, а если они пропадут, неприятностей для персонального милиционера не обобраться. Отпустил.

По НТВ показали следственный изолятор Бутырки, психиатрический изолятор. Это земной ад. Пока правительство не наведет порядка в системе наказания, уважать его не следует. Хороший контраст — дачный поселок Российского банка «Солнечный берег», мимо которого я езжу, и эта страшная тюрьма. Я-то, конечно, понимаю, что показывают Бутырку, чтобы опять вызвать сочувствие к Гусинскому. Видите, как этот человек пострадал. Интересная последовательность, сначала реконструкция Кремля и уголовные дела, возникшие вокруг этой реконструкции, а когда же реконструкции тюрьмы? Последняя амнистия уже откликнулась на нашей жизни, во дворе развешены объявления: участились квартирные кражи, ни в коем случае не открывайте дверь никаким службам, ни милиции, ни телефонистам и водопроводчикам, ни социальным службам, — скорее всего, это грабители. В деле Гусинского меня потрясла одна деталь, почти незамеченная нашей общественностью. Это признание самого героя, слышанное мною из его собственных уст. Компания с миллиардными фондами платит всего 40 миллионов налогов в год. Личные налоги г-н председатель российского еврейского конгресса платит в Гибралтаре. Прелесть.

На работе суета по подготовке к открытию доски Андреева, все стареют. Начинают волноваться об уходящих силах. Пришел О.А. Кривцун, у него велика нагрузка; начинает постанывать Александр Иванович, тяжело.

20 июня, вторник. Сразу два дня рождения — у Саши Великодного и у Людмилы Михайловны Царевой. Были все свои;

я послал Диму за цветами, и дал ему 500 рублей. Он, не долго думая, купил на все, целый букет пунцовых роз. Ну и молодец! Особенно я был рад встрече с Н.А. Бонк, она, несмотря на преклонные года, обаятельна, умна, скорее даже мудра и тактична. Ира, кажется, отходит от своей химиотерапии. У нее отросли волосы и, дай Бог, чтобы она позабыла пережитый кошмар.

Привезли тираж книги «Несуществующая теория», в пятницу устрою кафедру и раздам всем участникам книжки по экземпляру. Решил так: всем преподавателям-авторам, кто придет на заседание кафедры, книжку дам из своего фонда, недисциплинированные будут покупать ее в книжной лавке. Это моя «экономическая» борьба за дисциплину и уважение к кафедре.

21 июня, среда. Наконец-то все закончилось с установкой доски Д. Андрееву. С утра шел дождь, но на время церемонии гроза сделала перерыв. Открывали доску И. Бугаев и Н.Л. Дементьева. Я просто счастлив, что она откликнулась на мое приглашение. Главное — доска получилась прекрасная. В своей речи я не утерпел и сказал о «малых классиках», проведя аналогию с живописью. В речь я также ввел мотив знаменитой писательской жены. Прерванный на Надежде Мандельштам список теперь, по моему мнению, дополняется Андреевой. Выступали также Москвин-Тарханов, депутат Мосдумы, и Е. Колобов. Песни все те же — тоталитарный режим, который всех душил. Это, как в прежние времена, вместо славы КПСС. Подобным образом советское время еще долго продолжало на словах бороться с царизмом. У меня в кабинете устроили фуршет. Стихи, которые прочла Алла Александровна, меня немножко разочаровали своим холодом и ригоризмом. Но С.Б. Джимбинов утверждал, что Д. Андреев — это поэт XXI века. Сразу после фуршета я поднялся в аудиторию, где у заочников шли госэкзамены. В.П. Смирнов дискутируя с пятикурсницей, читал своего любимого Георгия Иванова. Вот это стихи, как они хорошо и светло ложатся на мою простенькую душу. В.П., по моему разумению, стал теплее и мягче.

По ТВ Хакамада говорила о том, что пересмотр результатов приватизации — это конец стране или что-то в этом роде. С ее точки зрения, это так и есть. Но промышленность не двинулась, государство обеднело. Кто разбогател? Большинство народа нищие. Все выступающие по ящику еще ссылаются на то, что в нашей стране чистого и этически выверенного бизнеса быть не может. Отсюда силлогизм — все бизнесмены воры? Признайтесь,

покайтесь, как вы требуете от коммунистов покаяния. Но как все испугались! Список: Хакамада, Немцов, Кох, Явлинский, Котляров. Все свои, семья. Я-то уверен, что это все еще только начало. Если Путин не попытается навести порядка и не пересажает основных жуликов, значит он не президент этой страны.

Звонил Саша Варламов из «Армады» — вроде они все берут, но договор заключат со мной и расплатятся только осенью. Мне лично позапрошлогодний дефолт обойдется в четыре тыс. долларов. «Армада» по старому договору заплатит мне не 5 тыс. долларов, как договаривались, а сегодня лишь тысячу. Интересные оплаты у издательства за редактуру — 100 рублей за печатный лист. Вот тут-то и начинается капитализм эпохи победившего империализма.

22 июня, четверг. С самого утра поехал в общежитие, проверить, как идет строительство и навести маленький шухер. Очень интересен был наш компьютерщик Роман Фролин, когда я поднял его в одних трусах в одиннадцать часов. Ах, Рома, Рома, сколько же ты на ночь выпил, голубчик, пива! Потом в институте с Костей подводили баланс всем нашим активам и задолженностям. Во время этого процесса замаячила маленькая победа: в понедельник ведомство Ильи Геннадьевича Шапиро переведет нам 400 тысяч рублей. Позвонили. Я люблю арендаторов, которые платят хотя бы долги, уже не говоря о тех, кто платит арендную плату регулярно.

Все эти дни держал в уме нашего адвоката Генри Резника и все понимал, что его отвратительную, демагогическую роль в процессе ярко сформулировать не смогу. Могу только сказать, ненавидит его весь советский народ от края и до края. Но вот прочел публицистику Саши Проханова. Это уж он умеет: «Вальяжно, с манерами провинциального актера, позировал перед воротами Бутырской тюрьмы адвокат всех миллионеров Резник. Веря в свою неотразимость, патетически восклицал: «Сбесившаяся стая, подмявшая под себя общество!..»

23 июня, пятница. Утром возил В.С. в институт гематологии на анализ, который назван торжественно «Парад гормонов». Еле успел к себе в институт, чтобы кассир уехал за стипендией. Федя в этот день повез корейцев в Загорск. Ничего, конечно, не читаю, мельком просмотрел «Новый мир». Кстати, два дня назад позвонили из редакции и принесли 150 экземпляров 5-го и 6-го номеров. Видимо, журнал не полностью расходится. Мы с В.П. Смирновым решили затырить эти экземпляры до осени, чтобы

тогда на одном из курсов устроить занятие по текущей литературе — будет возможность раздать всем студиозусам по экземпляру.

В середине дня устроил заседание кафедры. Я хотел раздать авторам новую книжку о нашей теории, как-нибудь подвести итоги года, но внезапно получился интересный разговор о времени и о литературе. Выделяю две мысли: М.П. Лобанова о том, что вопросы модернизма, постмодернизма и реализма решаются лишь внутренним наполнением, лишь личностью автора. Он привел два таких примера: оду Державина на смерть жены и рассказ Платонова, где тоже переживания героя по поводу смерти жены. Протяжение — 200 лет, а боль общая и она до сих пор тревожит читателя. А я перед этим говорил, что, как в живописи, академическая студия и умение ее вести, так и реализм в слове позволяют и открывают дорогу к настоящему новаторству. В конце концов, В. Пелевин это ведь ученик того же Лобанова, реалиста с головы до ног. Выделю также и мысль А.Е. Рекемчука о новом поколении наших студентов. Это ребята по 17–18 лет, выросли они уже без комсомола и пионерии, а тем не менее в своей прозе не принимают именно этот наш сегодняшний мир. Кто их, спрашивается, научил, кто распропагандировал? Коммунисты? Комсомол? Они все как один пишут критическую прозу и ни одного сочувствующего всхлипа по поводу нынешних новых и богатых русских. Поколение не принимает страны в ее нынешнем состоянии.

Гусинскому прокуратура не разрешила выезд за границу, в Испанию. Он сетует, что впервые регулярность его встреч с семьей контролируется неким следователем Николаевым и Генпрокурором. Ведь неплохо устроился этот гибралтарец.

Вечером звонил Илья Кириллов и советовался: писать ли ему статью о вручении Распутину премии фонда Солженицына. Я объяснил ему свою точку зрения. Не позорься. При всем прочем, писатели очень крупные. Сам по себе выбор фонда очень точен. Напомнил, какой разнобой и какая разнополосица бывает когда «наши» дают премии «нашим». Очень часто эти «наши» по своим литературным достоинствам лежат ниже ватерлинии. В связи с этим вспомнил о попавшейся мне только что под руку статье еще тогда четверокурсника Олега Ефимова о «Затмении Марса». Ах, как мальчик хотел стать знаменитым, даже скандально, даже за счет человека, который спас его в свое время от выгона из института. Скорее ему повезло, что он эту статью не напечатал, нежели мне. Точно так же, как в свое время не повезло не мне, который промолчал, а Олегу Павлову, который написал и напечатал обо мне якобы скандальную статью. Бедные

тщеславные ребята.

24 июня, суббота. Читаю рассказы студентов, которые обещал отобрать и снабдить предисловием для журнала «Мы». Предисловие я буду делать, базируясь на мысли Рекемчука. Много про наркоманию, много почти репортажного. Это не Берроуз, а скорее советская любовь к этнографии малых народов. Кроме моих, Славы Пака и Ксении Королевой хороша еще Ирина Щеглова, она ученица Рекемчука. У Марианны Карпенко с ее наркоманами все очень впрямую. В «Новом мире» наткнулся на статью Татьяны Касаткиной, размышляющей над прозой постмодернизма. Ссылаясь на прозу Петрушевской и Галковского, она вводит новый термин «говорение без сказывания».

26 июня, понедельник. Сегодня уже в час начали праздновать защиту докторской диссертации Александра Ивановича Зимина. Вот так, тихо, скромно, не беря никакого отпуска на написание диссертации, взял и написал. Каждым лишним доктором в институте я горжусь. У меня такое ощущение, что это моя личная заслуга и что лично я защитил очередную докторскую или кандидатскую диссертацию. Я полагаю, что личики у некоторых членов нашего Ученого совета вытянутся, когда я последний ученый совет в этом году начну с поздравления Зимина.

Второй, главной новостью этого дня стало известие из банка — пришли деньги на отпуск, конечно, не в полном, как нам нужно, объеме, но пришли. Все с приходом в стране нового руководства меняется, и уже все труднее становится говорить о своих личных выдающихся качествах при руководстве институтом, государство тоже начало шевелиться. Значит, разговоры об оживлении экономики не миф, не пропагандистская утка, лед тронулся.

Каким-то мистическим образом нашелся в Париже и оказался пересланным мне очечник с видом Марбурга. Этот очечник был подарок Барбары, которая окружила меня целой тучей мелких знаков внимания. Я дал Барбаре знать об этом несчастье, она уже прислала мне новый очечник, как две капли воды похожий на старый, но тут волшебным образом из Парижа прибывает потеря. Это рука Ирины Ивановны: или я забыл очечник у нее дома, или в машине, или в университете, но, во всяком случае, была проявлена наблюдательность и внимание ко мне. Я и люблю потери, ибо считаю, что малые несчастья берегут нас от больших, но к потере некоторых вещей отношусь с долей беспокойства, видя в этом некий предостерегающий знак.

По телевидению, по одному из каналов передали, что в

Швейцарии начинается какой-то процесс по обвинению Мабетекса в отмывании денег и коррупции. Каким-то образом по этому процессу проходят обе дочери Б.Н. Ельцина и Черномырдин. Логически для меня это вполне естественно, я чувствую внутреннюю логику этих взяток, возникших при огромных госзаказах, но я никогда не думал, что западная демократия на это отважится. Сегодня же на ТВ возникло предложение резко повысить денежное довольствие чиновникам высших эшелонов. Как это правильно, скольких людей такая постановка вопроса спасла бы от соблазнов, которые диктует наше вороватое время. На жене одного моего знакомого чиновника увидел прелестный тяжелый браслет, стоящий целое состояние. Для меня не вызывает вопроса, как эта драгоценная вещь могла появиться.

Написал страницу для журнала «Мы», отдиктовал ее за пять минут, но сколько времени, оказывается, готовился.

Ничего не читаю, не думаю. Когда ехали с дачи, я вдруг в боковое зеркало увидел свою руку — тонкая износившаяся кожа, рука абсолютно старого человека. За взятку в 50 долларов ребята-шофера мне помогли сделать техосмотр.

27 июня, вторник. Утром шла аттестация первого курса, впечатление местами безрадостное. Особенно своеобразно выглядели студенты Ю. Кузнецова и переводчики. В институт еще много людей попадает потому, что здесь неблатное, потому что многие думают о себе, что они не гении и в институт не идут, а вот народ понахальней не остановишь. Я хочу быть строже, поступать, как в других вузах: несданный экзамен — в армию, на улицу но, а вдруг талант! И — либеральничаю.

Гусинскому опять не дали разрешения на выезд за границу. На это раз на экономический форум в Вену. Любыми путями, но выбраться из этой проклятой России и пересидеть. Из институтского: милый Лешенька забыл проконтролировать уплату за тепло за прошлый год, и только что мне принесли счет на 225 тысяч, который оказался внезапен, как летний снег — премия для коллектива. Я, видимо, плохой руководитель. Леша у меня уже занят собой, Дмитрий Николаевич занят собой сугубо. Вчера вечером он мне позвонил, что не может, как мы договаривались в среду, переезжать из нашей ведомственной гостиницы в купленную наконец-то квартиру, потому что идет ливень, а ему завтра уезжать читать лекции в Сибирь — на заработки. Гостиничный номер с его вещами, который мог бы войти в оборот, стоит. С опозданием, с многими сложностями вроде бы мы открываем в гостинице буфет.

28 июня, среда. Утром очередной тур аттестации. Перевел своих, Сашу Скудина и Пашу Быкова на заочку, а «итальянку» Лену Ищенко отчислил из института. Про первых двух я все знаю, — они просто не живут жизнью литературы, а у Лены, переводчицы с итальянского, тройка по языку и незачет у Е.М. Солоновича. После совершенно изматывающей процедуры со студентами я еще дал небольшое интервью о земле в «Труд». Корреспондент из «Труда» пришел по следам моего интервью в «НГ», которое я давал Саше Щуплову, там о даче, о земле. А после переговоры с подрядчиками по поводу ремонта на 2-м этаже.

А.И. Горшков, я, С.П., Л.И. поехали к Ивановым — был традиционный праздник по поводу возвращения Марии Валерьевны из Кореи. Прекрасный стол и подарок — мне подарили кожаный кейс, который я все же не могу расценивать как взятку. Отдарю чем-нибудь позже. За столом я заметил, как постепенно привыкаю к лести, по крайней мере не воспринимаю ее так болезненно, как раньше.

29 июня, четверг. Последний аккорд аттестации, Ученый совет, обед с Вилли, приехавшим из Германии. Как всегда я сражался один против всех. Ученицы Олеси Николаевой читали плохие стихи, а у меня требовали, чтобы я говорил, что они хорошие. Хороший семинар у Маши Зоркой. В работе понравились ребята В.П. Смирнова: и Болычев, и Панкратов, и даже Крапивин с его любовью к востоку. У С.Р. прекрасные рецензии на курсовые работы — не щадит ни себя, ни будущих писателей, возникло две идеи: напечатать «диалог» — С.Р. и кто-либо из его студентов, т. е. курсовая и развернутая рецензия и создать семинар поэтического перевода для Болычева. Игорь знает английский и немецкий. По телевизору борьба губернаторов за свою парламентскую неприкосновенность и отголоски всхлипывания команды Гусинского. Во время обеда с Вилли говорили о так называемой «независимой прессе». Опять начали болеть глаза.

30 июня, пятница. День зарплаты. Меня разрывают на части. Ольга Васильевна в институте. Я уезжаю в Сопово делать электропроводку на даче вместе с Сашей Крапивиным. Ехали долго, часа три. Поужинали и засветло легли спать. Часа в три или в половине четвертого проснулся от пения петуха. Упорный и горластый оказался петушок. Все свои песни он выдавил стремительно, не пропуская ни одной ноты. Пока все пропел, не замолчал. Петуха в ночи я не слышал живьем лет сорок.

Перед отъездом на дачу позвонил А. Вартанов — «Труд»

снова призывает меня потрудиться.

1 июля, суббота. Никогда не думал, что целый день возни: по лестнице туда-сюда, потом с веником, потом снова туда-сюда с досками и разным мусором, целых 12 часов на ногах может доставить удовольствие. На сон прочел несколько страниц хорошо знакомого Булгакова о Мольере.

2 июля, воскресенье. По спидометру заметил: ехать мне из Сопова 112 километров, на 12 километров больше, чем из Обнинска. В три — надо же что-либо по телевизору посмотреть — уже вернулся домой; с Сашей разошлись мирно, за всю работу я дал ему 1000 рублей, значительно меньше, чем взяли бы с меня посторонние халтурщики.

Рейтинг для «Труда»:

«Мы люди небольшие, в высших сферах не вращаемся, умных разговоров не ведем, а когда телевидение смотрим, то норовим, по старорежимной привычке не развешивать уши и верить всему, о чем толкует высокооплачиваемый ведущий, а соображать, чего хотят от нас скрыть, развешивая туманы над вертикалью. А хотят скрыть от нас главное. То о свободе печати говорят, то о Федеральном собрании, о так называемом сенате. Ну и что они сидят такие праведные, честные и деловитые, обремененные депутатской неприкосновенностью! Может быть, у всех у них в губерниях праздник и пряники даром раздают? И ведь много лет уже сердечные сидят, рядят государственные дела, аж взопрели бояре. То говорят о Газпроме и возмущаются, что раньше Вяхирева без его согласия заменить было нельзя, а теперь суд решил, что можно, да еще насовали в Газпром в совет директоров министров, будто недра принадлежат государству. Тому они принадлежат, кому принадлежат. Не нам с вами, и этого достаточно. И кстати, Малашенко с Киселевым виднее. Кисельные реки и молочные берега! Каждый пишет свою конституцию под себя. Зато какие свободы! Ну, кто бы, скажите на милость, в старое время смог разрешить одному из директоров какой-то телевизионной компании испортить или попытаться испортить зарубежный визит президента. А его бедного, по головке не погладили, ордена не дали и задержали в аэропорту при попытке вылететь на частном самолете. Да это от зависти к частному самолету! Да ведь и улетел, в конце концов. А президенту и власти надо было бы другую щеку подставить. Малашенко с Киселевым его по роже, по роже, а он, улыбаясь, подставляет свою другую щеку, не толстовец! А скрывают от нас деньги, стоящие за всеми эти проблемами. Кому летать на частных самолетах и не испытывать даже тени сомнения, что приватизация, так грабительски проведенная в ущерб народу, может быть подвергнута критике, а кому сетовать, что подняли тариф на электричку и до огорода, без которого не проживешь, не добраться.

Вот такие мысли и навеяло на меня, маленького человека и обывателя, нынешнее телевидение, по преимуществу свободное. Я опускаю здесь адвоката Резника так любимого нынче народом. Какой напор, какие краски, какая лексика! Художественные программы были довольно скучные, все боевики с мордобоем или мордобой с любовью. Художественное в основном уступало документальному. Лучшей передачей недели была передача из серии «Большие родители» все того же свободного НТВ. Здесь дочь Александра Трифоновича Твардовского Валентина Александровна рассказывала об отце. Возникала иная страна, иная литература, иная эпоха. Хорошо, когда дети соответствуют родителям, а

телевидение Отечеству».

3 июля, понедельник. Невероятный мой собственный психоз из-за сбоя в компьютере, из-за хамства Ирины Николаевны — это особое свойство главных бухгалтеров, находящихся возле денег, полагать, что им мало платят, завидовать и злиться на всех, — а ведь деньги они просто считают. И даже не проявляют ни знания необходимых инструкций, ни определенной ловкости в уходе от государственных поборов, называемых налогами. Приезжала еще О.В. — ей во что бы то ни стало надо впендюрить свою младшую сестру на роль студентки-переводчицы, но та, проучившись у нас в лицее целый год и даже проработав в библиотеке, куда я ее отправил в надежде чуть-чуть расширить кругозор, но сестра О.В., боюсь, девочка не слишком талантливая. Ну даже если ребенок и поступит, если все преподаватели дружно вздохнут, но как потом пять лет учиться? Все это грустно, смешно и позорно. Вот он наш простой победительный народ, получивший высшее образование. В свое время я Тане, сестре, когда брал работать в библиотеку, устроил маленький экзамен. Литература, если она не воспринята органично, не литература. Ее не вызубришь и не выучишь, ее надо выучить, вычитать, а потом вдохнуть в нее собственный огонь и сделать своей.

В обед, получая зарплату и отпускные, Юрий Поликарпович устроил мне легкую выволочку из-за аттестации его дочери, которая серовата и к которой я был достаточно суров. Вот курсовые работы у нее были сделаны по литературе отлично! Я так и сказал, что в семье двух выпускников Литинститута и, имея отцом выдающегося поэта, по-другому и нельзя. Но талантливое дитя и эту невинную реплику дома превратило в стремление свести счеты. Вот, дескать, выдающемуся поэту ректор не может возражать, так отыгрывается на дочери. Чушь какая-то. К счастью, Юрий Поликарпович, делая мне обещанный, видимо, дома репримант, не верил в говоримое. Разошлись мирно.

Вечером по НТВ была фантасмагория ненависти к Путину.

4 июля, вторник. С большим воодушевлением работал над реорганизацией структуры, в частности хозяйственной части. Заезжал С.Ю. Куняев с кое-какими вопросами по своему семинару, и от него я узнал, что уже 2 недели, как вышел 6 номер «Нашего современника» с продолжением моих дневников. Я тут же взял номер в библиотеке, в читальном зале. Но каковы наши библиотечные дамы, даже мне не сказали, а сами уже взахлеб дневники прочли. Какова наша славная Дашенька! Тут же я узнал, что уже и кафедра Л.М. дневники прочла. Отношение у всех

сдержанное, особенно хвалить побаиваются, а вдруг на следующих страницах появятся и их имена.

Вечером был на приеме в Белорусском посольстве по случаю дня независимости. И народу, и на столах было много. Поговорил с В. Андреевым, в этом году, в августе ему 70, а театру 75. Все это пытаются совместить, я понимаю его грусть. Володя говорил, что с возрастом все больше и больше ощущает себя русским, что, по его словам, сегодня что-то главное из нашей русской жизни возвращается на место. Видел постаревшую Быстрицкую, которая жаловалась на московскую критику, которая ее плохо понимает. А понимает плохо за ее участие в народной жизни, за ее роли в фильмах по Шолохову.

Шашлычок в посольстве был холодноват.

Видел В.К. Егорова, мельком в каком-то общем разговоре с его присутствием я обмолвился, что тому, что я ректор Литинститута я обязан именно ему.

5 июля, среда. Заметил, как удивительно много надо человеку в среднем или, как у меня, уже в очень пожилом возрасте. Раньше на улицу выскакивал бог знает в чем, не причесывался, и так сойдет, и так красив. А нынче, посмотрел в портфель, и две пары очков там, и два вида лекарств, и газета, и целая горсть ключей. Имущество тоже обременяет. И утром приходится обязательно делать зарядку, и обязательно ежедневно мыть голову, а то последние волосенки слипнутся, и нужна капля духов на носовой платок, и нужна обязательно свежая рубашка. Время твое прошло, надо хотя бы внешним своим неопрятным видом не отвращать людей.

Начал перечитывать «Море, морей» Айрис Мердок и вдруг подумал, какая удивительно тонкая и многочувствующая женщина, но проза все равно профессорская, умница, повествовательница, но не романистка.

Александр Иванович сегодня хвалил мои дневники, вторую часть, говорил об объективности их и особо говорил об эпизоде с О.В. Вот что он отметил. Много раз О.В. рассказывала об эпизоде, когда в кассе не нашлись какие-то деньги, которые она или утаила, или подержала, подержала, а потом, попользовавшись, все же внесла, не в этом суть. Она ни разу не рассказала своему наперснику об эпизоде наезда на меня. Вот это опять и опять вызывает некоторые размышления.

Утром Федя устроил Сергею Осипову, своему коллеге-шоферу, целую истерику. В связи с последними событиями Сережа чаще возит меня, действительно, не хочу сказать, что Федя — соглядатай, но мне совсем не надо, чтобы часть моей личной информации поступала к О.В. Итак, истерика: «Как ты

тихо сюда пришел, так и уйдешь иначе я тебя поставлю на счетчик (вторая часть фразы пришла через Лыгарева, чуткий Сережа ее мне не передал)». Здесь и ревность, и чувство подорванной монополии, и стремление, и гараж, и все институтские дела ни с кем не делить. Возникла еще одна мысль: а может быть те давние налетчики наведены другим адресатом, из другой мафии?

Разговаривал с М.О. Чудаковой. В комиссию по помилованиям при президенте они пригласили еще одного члена, наверное, вместо Окуджавы, — это Крелина, и писатель хороший, и, кажется, врач первоклассный, и человек, наверное, добрый, но опять все не нашего разлива. Понимаю, думать так не очень хорошо, но думаю. М.О. говорила, что хорошо бы пригласить в институт Александра Павловича, но и сказано это поздновато, и Ю.И. не очень этого хочет. Действительно, один раз ушел из института Чудаков и в разгар учебного года, уехал на заработки. Но ведь всего не заработаешь.

Сидел, выкраивал премии по случаю окончания учебного года. Штатное расписание надо все перекраивать, переделывать и жить менее суетливо — это все касается хозяйственной части.

Вечером делились с С.И. всей сложившейся у нас в институте ситуацией и у обоих одинаковые мысли.

6 июля, четверг. Утром пришел «Труд», весь мой довольно значительный комментарий опущен, а остался один пассаж о передаче о Твардовском. Мне это, зная их газетные заморочки, даже не показалось обидным, в конце концов, текст с моим отношением и к времени и к проблеме сидит в компьютере. Но вечером звонил Вартанов, которого уже мне пришлось успокаивать. Мой совершенно пропутинский текст редакция приняла за некоторую уклончивость. Я сейчас только его перечитал, никакой уклончивости там нет, но есть сомнение в приватизации, есть сомнения в добропорядочности Вяхирева, есть свободное непривычное для газетных писателей обращение со словом, есть мой протест против захвата наших естественных монополий и брезгливость к собственности, как таковой, и к тому, чего все наши газетчики и даже я наверное достигли. Все мы превратились в мелких буржуа, а мечтаем превратиться в крупных. Не превратимся, нет полета и все еще хочется книжки читать, а с книжками в крупного буржуа не превратишься. Спокойствия, свободы души нет.

В институте подписал премию и занимался приказом о новых структурах. Надо создать крепкий аппарат надзора и управления. Шапиро перевел деньги, но за ним опять 1,5 миллиона рублей, он

цинично их не хочет платить. Если бы все мои должники заплатили, то мы бы отремонтировались, и тихо и спокойно институт вошел бы в новый год. Что-то в стране и потихонечку меняется, судя по всему, и к моему удовлетворению, в страну опять потихоньку возвращается государственный порядок. Но этот порядок может существовать только рядом с порядочной государственной властью и судом. Леонтьев по 1-й программе долго говорил о Дзержинском и красном терроре. Об этом красном терроре, как о некотором чистом, как из колбы, изобретении большевиков. Детали вроде бы точные, причина открытия террора — это убийство Урицкого и рана Ленина, скрыто, что белый террор, возник также не стихийно, а продуманно и директивно. В его разговорах было мало внутренней снисходительности и исторического прощения. Я прощаю истории ее молох, ломающий жизни — без этого не просуществуешь. Я прощаю ей своих родственников и себя. На углях истории не прожаришь ни одной свежей и искренней мысли. Все это кровавая шелуха человеческой жизни. Мало читаю. Эдик Дорожкин прислал «Культ личностей» новый толстый журнал. Обывательски интересен, обо всем, но сколько же производится в стране этого глянца. Как пытаются по этому глянцу заставить жить людей, но что-то не очень получается.

7 июля, пятница. В четверг у нас был, оказывается, небольшой пожар. Загорелась проводка под полом в деканате, кто-нибудь из ребят выбросил окурок в окно, он отлетел от решетки и провалился в щель между батареей и стеной, дым пошел в седьмом часу. Можно было только порадоваться, что оказался под рукой заряженный огнетушитель. Весь день — бухгалтерия, приказы, выдача премий. Мне тоже отвалили больше, чем нужно — 7 тысяч. Когда я сказал об этом Александру Ивановичу, он ответил: и не думайте, С.Н., мы это сделали пропорционально всем премиям института. Но 3.800 я сразу же отдал за билеты в Мурманск к Саше Мамаю. В.С. очень этим недовольна, лето проходит, но других дней у меня нет, дальше идут экзамены и начинается обычное учебное колесо. Я много жду от этой поездки, потому что уже давно не был в провинции и перестал знать страну. Имеет значение, что это и места моей юности, Лапландский заповедник рядом, может быть, мне удастся в нем побывать. Итак, впереди семь дней отпуска.

Начал диктовать Диме Крюкову — это наш студент, он пару недель секретарствует вместо ушедшего в отпуск Димы Дежина. Начал диктовать какое-то эссе о еде и вдруг понял, что это нечто для меня новое, оно может разрастить опять в какую-то прозу.

Проза у меня, как всегда только о себе. Это ее огромный, кстати, недостаток. Тем не менее по ощущению это что-то совершенно современное. Сейчас вообще проза тяготеет к факту, к законченному описанию эпизода. Начал я с прицела на «Культ личностей», а как пойдет дальше, не знаю.

Вечером относил «Теорию» Петру Алексеевич Николаеву, живет он от меня рядом, на Ломоносовском проспекте. Какую бы то ни было информацию о нем я имел только от Ю.И. Я редко встречался с людьми такого калибра и такой эрудиции. Но самое главное в нем — внутренняя энергетическая мощь, а ему уже 75 лет. Чем-то он напоминал мне покойного С.П. Залыгина, вот этой самой напористостью, активностью взглядов, наконец, обилием знаний. Какой же я пигмей рядом с ним. Какая великолепная память, сколько знает и как умен. Я так называемый профессор рядом с ним чувствую себя полным невеждой. Говорили о дневниках и постмодернизме. Взгляды и позиции конечно схожи, но я все равно думаю, что в известной степени это связано с общностью возраста. Я говорил о том, что лежит под постмодернизмом, отдельные произведения которого бывают великолепными: это литературное движение, которое дает возможность любому неглупому человеку говорить и считать себя писателем. Словечко «текст» оказалось в ходу недаром. «Некий текст», а не произведение. Тексты, как правило, до произведений недотягивают. Я приводил в пример прозу Битова и даже Маканина, которую я знаю как свинтить и развинтить. Так и я, полагаю, могу. А вот как Астафьев я не могу.

Николаев очень тепло и завораживающе говорил о жене, которая недавно умерла и о давнем ректоре Литинститута Пименове, которого он знал.

8 июля, суббота. Выправил три плотных страницы «гастрономического эссе» и чуть продвинул план его окончания. Здесь главное не торопиться и постараться выйти как можно ближе к себе. То, что интересно тебе, будет потом интересно и другим. Но свое собственное должно идти легко.

Еще накануне Петр Алексеевич Николаев сформулировал мои наблюдения работы над дневником: он активизирует мою творческую деятельность. У Николаева было точнее, но оставим так, как вроде бы запомнил я. У ученого и писателя разные принципы мышления. Я просто отмечаю, что не поехал на дачу, потому что получил приглашение на 50-летний юбилей Константина Райкина. Я люблю дачу, но здесь скорее мои обязательства перед дневником. Я и из собственной жизни делаю роман. Сам я с Константином Аркадьевичем не знаком, не думаю,

что состою в когорте нужных для него людей, но я много лет дружу с Юрой Кимлачем, а тот в силу своей хозяйственности и многолетних театральных знакомств уже несколько лет распорядительный директор фонда Аркадия Райкина. Не могу здесь не припомнить, что на заре своей журналистской деятельности, в первый года работы в М.К. с Борисом Евсеевичем Иоффе, это значит, год 58 или 59-й он послал меня делать к этому выдающемуся артисту какое-то интервью. Это было в гостинице Москва, я помню и мать К.А. знаменитую артистку Рому. Но какой же был уровень официального признания Райкина, если он согласился на интервью с мальчишкой, а газета мальчишку послала. Я еще помню, что не очень твердо тогда знал отчество Райкина и пару раз назвал его то ли Александровичем, то ли Ивановичем. Он аккуратно пару этих раз меня поправил — Исаакович. Но какова степень и моей невинности! Кто, время или сами люди, отстреливающиеся из подполья, заставили нас следить за именами, национальной или клановой принадлежностью того или иного человека? Из этого интервью запомнились какие-то военные истории, о которых тогда Райкину обязательно хотелось оповестить народ. Надо бы найти эту статью, которую я в те времена ценил не больше, чем свой какой-нибудь репортаж «Рысь на капроновой нитке».

Я не поехал на дачу, как обычно после диализа В.С. в субботу. А в середине дня телевидение, объявляя о награждении К.А. сказала, что на состоящемся сегодня в «Сатириконе» юбилее возможно присутствие президента В. Путина. Об этом меня предупредил и Юра Кимлач и посоветовал из-за охраны, которую понавешают вокруг театра, приехать пораньше. Приехали с С.П. — В.С. была на диализе, да она бы физически не вынесла процедуры пытки юбилеем, да и не интересуют ее наблюдения над тусовкой, — приехали около шести и уехали в двенадцатом часу ночи. Фуршетом, который был объявлен в программе, пренебрегли. Путин хорошо сказал об избранничестве публике, находящейся в театре — «Константина Аркадьевича любят миллионы зрителей, а в зале находятся что-то около тысячи человек».

Естественно, тусовка была своя, несколько специфическая, но не такая определенная, как случись это, на юбилее Марка Захарова. Но я увидел и самого Марка Анатольевича, и Хакамаду, и Бунича, нынче уже не депутата Госдумы, и Фоменко, сквернословщика, а не знаменитого театрального режиссера. В меру сочувствующие. Был еще Киркоров в неясной прическе и какой-то несмотря на жару кожаной униформе. Он оказался очень высокого роста. Встретил я здесь Наталью Леонидовну

Дементьеву, которой давно симпатизирую. Она сказала, что накануне у нее была М. Платонова, которая, вполне естественно, вылила на меня ушат грязи. Н.Л. сказала, что на всякий случай принимала ее в присутствии третьего лица Алексея Бархатова. Здесь зашла речь, конечно, о гигантских суммах, которые я, и институт, якобы имеют со сдачи в аренду комнат в хозяйственном корпусе. Как и обычно поднялась к горлу тупая гипертоническая волна. И ведь главное, никто никогда не попросит никаких документов, никогда не поинтересуется, каким образом, не наличными ли производится эта оплата! Хочется им, голубчикам, всегда оставаться правыми, чувствовать себя вершителями и хозяевами. Ну, кончайте с Платоновым, с этими проблемами, организуйте музей, сдавайте все в арену, но сами.

Симптоматично, что в юбилей, превращенный в бенефис, К. Райкин играл монопьесу Зюскинда «Контрабас». Все это мне очень понравилось — и пьеса, и сам Райкин. Конечно, грандиозный актер, дотягивает до такого уровня, где не поможет никакой папа. Но не Островского — Зюскинда. Я редко в зале на протяжении почти двух часов слушал такую волшебно-напряженную тишину. Это впечатление объективного наблюдателя. Здесь эти грамотные люди в индивидуальном порядке каждый для себя ловили что-то для своей собственной драматургии, для своих собственных размышлений, для своей собственной режиссуры. Относительно самой пьесы, которая произвела на меня впечатление и пафосом и технологичностью, конечно, у меня есть некоторые суждения, но, тем не менее, она уже послужила мне импульсом в моей собственной работе. Сразу отметил не только точно найденный ход, бесспорный талант автора, но и огромное количество холодно привнесенного в пьесу автором знания. Здесь есть та холодная и рациональная работа, которой каждый автор может гордиться. В современной культуре слишком много шедевров. Тут же по какой-то немыслимой параболе ассоциаций вспомнился покойный Гриша Горин и его очень технологичные и умные пьесы. Мир праху твоему, дорогой друг. Помню и твою отзывчивость, и сердечность, и доброжелательность. Но, тем не менее, Зюскинд не Горин.

Еще одно впечатление, которое возникло во время спектакля. Райкин начал его виртуозно. Зал затаился, нащупывая контакт с артистом. Или наоборот. Но уже после первых нескольких фраз я понял, что опять появляется та самая скрытая, не высказанная и почти не обозначиваемая, но конфронтация к правительству, состоянию умов, интеллигенция и в частности еврейская интеллигенция, что-то затаила по отношению к власти. Она хотела бы что-то сказать, но почему-то не может сформулировать.

О президенте. Путин приехал в этот раз почти без опозданий, прошел вместе с Лужковым через весь зал и тут же появился в ложе уже в конце зала, места эти неудобные, от сцены далеко. Во время этого прохода раздалось несколько одиноких хлопков, но зал не встал и не приветствовал президента. Я тоже растерялся, я клакер опытный, и не хлопнул несколько раз властно в ладоши. Но этот зал, может быть, этого и не ждал. Путин отыгрался уже во второй части вечера, когда вручал орден. Его речь была искренна и политически умна. Он вспомнил и Аркадия Исааковича, и культ в обществе, который был по отношению к нему. На чужой площадке президент многого добился. Это было, по сути, то же, за чем он приезжал в наш институт. Правда, передо мной некий дамский голос напомнил фразу из Крылова: «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он…» Зал все-таки Путин заставил подняться с аплодисментами, но люди свободные, наглые и много о себе думающие, — в зале были сидящие проплешины.

Очень хорош и изящен был Райкин, когда во время номера, который на сцене показывали его жена и дочь, вдруг сделал несколько танцевальных невероятного изящества па. И тут я перейду к Цискаридзе.

Я впервые увидел его, вернее показал на него С.П., еще перед началом, когда мы все стояли перед входом в театр. В маечке, небольшой и хрупкий, с сумочкой через плечо и явно не в своей тарелке. Не его круг людей и зрителей, никто с ним, кроме Киркорова не заговаривает. Я был потрясен, потому что для меня это один из немногих здесь не просто деятелей искусства, а бесспорный гений, чье имя войдет во все энциклопедии. В первый же перерыв я подошел к Цискаридзе, он сразу же сказал о моей книге, что несколько раз мне звонил, чтобы поблагодарить, он сохранил мою визитную карточку. В мире вообще какие-то странные совпадения. Еще утром я прочел интервью с ним журнале «Культ личностей», которые мне прислал Эдик Дорожкин. Я пригласил Николая как-нибудь зайти в институт. Это, пожалуй, один из немногих людей, к которым я испытываю некое божественное преклонение. Гении не часто встречаются на нашем пути.

На дачу поехал в воскресенье утром, с собакой и В.С. прожили там очень мирно, в понедельник вернулись утром в Москву.

10 июля, понедельник. Пропущенный в дневнике день почти невозможно восстановить. Возникает уже другой жанр, слова начинают казаться искусственными.

Цитата из Гусинского. Она взята из того же журнала, который

прислал Дорожкин. Гусинский, чувствую, герой надолго, поэтому цитатой обзавожусь про запас.

«Все публичные политичные фигуры должны знать, что нарушение норм морали, которые они допускают в личной жизни, могут в любой момент стать достоянием общественности. То же относится и к их неоправданно высоким доходам. Что такое компромат? Если все, что в нем написано, это правда, то это и есть правда. Если нет — то можно обратиться в суд. Я не понимаю, что такое «война компроматов». Если взяточника прямо называют взяточником — общество от этого только выиграет. Если не так — он может обратиться в суд и доказать свою невиновность». Цитата дает свободу для психологичных толкований. Мы-то, добропорядочные евреи, сидим себе в Гибралтаре или в других столь же тихих, с тропической отдушкой, местах и воспитываем детей и делаем деньги, а вот ваши более активные граждане. Личная жизнь является… собственностью того, кто за ее отслеживание вкладывает деньги. Мораль из дела личного становится предметом торга. А вот что касается тебя, взяточника, то посмотрим, у кого сильнее адвокаты. И не смей пикнуть, если просто, обыватель, видишь, что богатство тебе, толстосум и кровопивец, взять не у кого, как разве только украсть. Никакого общественного мнения. Молчать! Веди, нищий, со мною дорогостоящую процедуру, и еще посмотрим, кто кого, не окажешься ли ты в тюрьме раньше, за неуплату судебных издержек.

11 июля, вторник. Вечером долго и пронзительно с участием всех традиционных лиц от Женечки Альбац до правдоруба Иртеньева состоялась на НТВ передача, посвященная свободе слова, а на самом деле — выемке финансовых документов в НТВ. До этого по какому-то поводу арестовали или напугали кого-то из помощников Гусинского. Хорошо знакомых персонажей присутствовавших на передаче, о которых заранее известно, что и как они будут говорить, можно было бы перечислять довольно долго. Надо отметить также, что иногда на галерке «народа» попадались и лица, которые резали такую правду-матку, что Киселеву хотелось, чтобы отключили электричество. Тут он довольно умело и мужественно старался заткнуть рот инакомыслию и прекратить лишние разглагольствования. Попутно, тем не менее, отмечу, что происходили сбои и с лицами, чьи речи были, казалось бы, предсказуемы. Так внезапно Толя Ткаченко — подаренный им роман еще не прочитан — вдруг так понес министра культуры Швыдкого за его репортаж о встрече Путина с членами Пен-центра, что этого лучше не сделал бы и

такой специалист по социальной анатомии, как Владимир Бушин. Основная фигура здесь, конечно, был все тот неиссякаемый рыцарь Женя Киселев. Профессионально можно было бы восторгаться тем, как он работает. Вот это воля, вот это натасканная злость, вот это памятливость, вот это неутомимость. Но я все время, глядя на него, вспоминал виденную утром машинку фирмы БМВ, легкий, нарядный и стремительный кабриолет, стоящий у подъезда, из которого обычно выходит сам Киселев. Мы все в районе Большой Бронной улицы, рядом: МЕДИА-МОСТ, апартаменты одного из ведущих и директора НТВ и Литинститут. Как я уже писал, ежедневно проезжаю мимо отдельного, видимо приватизированного, входа в дом директора НТВ и внимательно слежу: что возле подъезда стоит и сколько. Ну, действительно, признаемся, ему есть что защищать и за что бороться, А если кабриолетик его, то вот действительный и яркий пример человека, который как летнюю обувь на зимнюю, меняет и машины.

В связи с этим, вспомнил такой ничтожно-завистливый эпизод из своей последней поездки во Францию. Когда мы с С.П. после посещения дворца возвращались пешком на вокзал в Фонтенбло, то уже в самом городе у светофора нас пропустил вдруг огромный и дорогой кабриолет с поднятым верхом. Милый и точный жест чисто французской вежливости шофера на «зебре». «Проходите, мсье!» На жест я ответил жестом. Помахал рукой, но взгляд мужчины сидящего в открытой машине был по ту сторону какого-либо общения. Человек другого класса, для которого незнакомые пешеходы, — это вроде фазанов, разгуливающих по его угодьям.

13 июля, четверг. Утром на дачу в Сопово отвозил Нину Александровну, чтобы она с десяток дней пожила. Дача все равно пустая, а если она отмоет холодильник и чуть протрет мне кухню, мы в расчете.

Вечером досадный инцидент с Сережей Осиповым. Он опоздал к китайцу, которого надо было везти в аэропорт. Но в этом я виню и Лешу Тиматкова, который при нехватке времени услал шофера куда-то по заданию. «Он сказал, что он успеет». Досталось и Толкачеву и Великодному. Здесь столкнулось два взгляда на управление. «Хозяин» отвечает за все.

14 июля, пятница. У меня восемь реальных дней отпуска, которые я могу взять, между окончанием предыдущих институтских хлопот прошлого года и началом новых экзаменов. Все-таки — лечу к Саше Мамаю в Мурманск, а потом в

Оленегорск. Это и воспоминание юности, — именно здесь я работал лесником в Лапландском заповеднике, а в пустой квартире Саши может возникнуть возможно поработать. Билеты на самолет очень дорогие 1800 в одну сторону. С собой беру всю свою картотеку с начатой первой главой. Как всегда, планы на работу у меня грандиозные, а выполню мало. Самолет полупустой. Уже в Московском аэропорту видно, как мы живем по двум стандартам. Хорошее покрытие на шоссе закончилось на Шереметьево-II, откуда идут основные рейсы за рубеж. В Шереметьево-I — внутренние рейсы, страны СНГ и что-нибудь экзотическое вроде Израиля, но это тоже внутренний рейс — дорога продирается среди складов и мастерских. Естественно, перед самим зданием аэропорта огромная платная автостоянка, которой нет ни в одном аэропорту мира: цепи, талоны, хари сторожей. В самом аэропорту нет даже нормального информационного табло, все на каких-то маленьких бликующих телевизорах. Сесть практически негде, информация дикторов еле долетает. Дикторы отчетливо обозначают лишь что-нибудь близко зарубежное, презирая свои русские названия.

В «Коммерсанте» подробно читал об убийстве в Свердловске и похоронах в Москве генерального директора «Уралмашзавода» Белоненко. Вчера эти похороны показали в Москве по ТВ; мы уже стали привыкать к виду прекрасных, наверное, по стоимости равной стоимости «мерседесов», полированных драгоценных гробов. Покойный Белоненко владел еще 0,5 процента акций КамАЗа. Пишут о нем хорошо. Есть в газете и портрет владельца этого завода некого Кахо Бендукидзе, необъятного грузина. Почти впервые вижу нашего родного собственника такого масштаба. Завод, который делал шагающие экскаваторы.

В самолете же начал читать «Мефистофеля» Клауса Манна, все время сравниваю его с фильмом Сабо «Мефисто». Какой-то очень интересный внутренний запал.

Мурманск. В городе цветет сирень, обычно она зацветает в начале августа. Я впервые вижу Мурманск и разглядываю его жадно, залив, дома по его берегу, центр города, уже летом готового к сопротивлению зимы. Иномарок мало. Пейзаж до Оленегорска все такой же владивосточно-корейский, распадки, сопки, низкая вымученная сосна и береза, редкие сгущения жизни. Люди, обитающие здесь, мне кажутся героями. Оленегорск — это большой поселок, который существует за счет гигантского железнорудного карьера.

Вечером по ТВ показали Путина, он где-то на Урале, чуть ли не в том же Свердловске, и его встречает губернатор Россель, которого показали во время похорон Белоненко. Вместе с

Путиным Россель дергает запал какой-то гаубицы. Показывают новые танки и виды вооружения. Счастливое лицо Путина.

15 июля, суббота. Только к старости, когда путешествия перестают быть обыденностью, а становятся чудом, начинаешь понимать, как велика страна. После перелета я ассимилировался плоховато, но все равно утром вместе с Сашей поехал к его родителям в Кировск. Тот самый город, о котором говорил мне мой сменщик-лесник из заповедника в 1964 году: «Я на лыжах через Имандру, а потом я уже и дома». Только зыбкость воспоминаний позволяет мне сказать, как давно все это было. Сколько любопытного случилось в тот памятный год. Куда все подевалось, в памяти твердо лишь одно имя Марина Никитична Печенежская, от которой, кажется, иногда я получаю неподписанные письма. И удивительно: ничего я об этом не написал. А ведь было о чем, и появление у меня на кордоне московских туристов, и мои путешествия через озера, на базу. На мысу, когда показывались огни поселка, я ложился, в любую погоду, на лыжи — отдыхал, теперь не заблужусь. Эти несколько домиков с электрическим светом казались мне после моего кордона небольшим городом. Кто-нибудь из девушек, научных работников, меня отпаивал чаем. Марина кормила сигом с тушеным картофелем и морковкой. Я всегда знал, что в одном из домиков базы сидит некто в очках, имя которому Семенов-Тянь-Шаньский, он доктор биологических наук. Помню даже название его монографии — «Экология тетеревиных». Здесь же, в этих краях, я получил телеграмму от мамы, чтобы я возвращался: у отчима, Ф.К. обнаружили рак.

Поехали не на автобусе, через Мончегорск, а на поезде. В места своей непосредственной боевой юности меня не тянет. Или я эту встречу отодвигаю? Из окна я внимательно наблюдал знакомые пейзажи, невысокие горы, озера, в которых еще есть рыба.

Земля малозаселенная, но богатства, хранящиеся здесь, под землей, невероятные. Все города здесь на месте знаменитых залежей. У города, как правило, одна специализация — или завод, или горный комбинат, или шахты и рудники. Мончегорск — это никелевый комбинат, Кировск, Апатиты — это апатиты, Оленегорск — это огромный железнорудный карьер, снабжающий Череповец. На дне огромной воронки крошечные, не более клопа, автомобили. С поднятыми кузовами, так сказать, в естественном масштабе, эти японские самосвалы достигают высоты девятиэтажного дома; колесо этого автомобиля — 5 метров высотой.

Садясь в Оленегорске на поезд, мы чуть ли не опоздали, — шел бесконечный из типовых платформ состав: это везут удобрения на экспорт — своему с. х. оно не нужно, нет денег.

Очень понравился Кировск, расположенный в распадке между двумя рядами гор. О городе когда-то мне восторженно рассказывал Юра Визбор, который ездил сюда кататься на горных лыжах. Как-то он уезжал из моей квартиры на Качалова. Он сидел какой-то печальный на диване в рваных проношенных трусах.

Город — это 30-е годы, отсюда простор, простые конструктивные решения, надежды на будущее. Здесь есть памятник Ленину и памятник С.М.Кирову, который реставрируют.

О памятниках. В Апатитах два вокзала: старый и новый. Возле старого небольшая каменная тумба — это постамент от снятого памятника Сталину. В Кировске есть и памятник А.М. Горькому. Бетонная скульптура писателя стоит возле школы № 1. Над входом барельеф В.И. Ленина. На стене две мемориальных доски: в войну здесь размещался полевой госпиталь, а после войны 3 года (старшие классы) учился Венечка Ерофеев. Здесь у голубчика проснулась тяга к филологии.

Осталось два момента: когда-то все заканчивается. Истощилось месторождение никелевое руды, Мончегорский комбинат работает на привозной, из Норильска, иначе надо закрывать город. Но ведь в Норильске со всем справились бы сами. В Мурманске огромное недостроенное, с советских времен, здание мореходки. В Апатитах огромное и, наверное, ненужное здание больницы, нет стекол и полов, гниет столярка.

Некоторые детали быта: новая гостиница — ее владелец, кажется, сын директора комбината; здесь состоялась драка местной охраны с охраной или чинами администрации В.В. Путина. Они приезжали разведывать условия катания на горных лыжах. Это хорошо. Когда в прошлый раз приезжал вице-президент Аксененко, перед заводоуправлением наполнили водой пересохший искусственный водоем.

В стране стало лучше с экологией — заводы стоят.

С удовольствием встретился с Зоей Куприяновной и Михаилом Ивановичем — родителями Саши, они оба довольно подробно, в той мере, в какой позволяет литературное изображение натуры, описаны в «Гувернере». Я ездил в 1994 году с ними на Кипр. Они живут без малейших излишеств, размеренной и здоровой жизнью пенсионеров. Дети и внуки выросли, даже та самая «романная» внучка уже что-то закончила и два раза побывала замужем, внуки — уже в институте, работа закончилась. Само по себе вырастить и дать образование троим парням очень немало.

Вечером приходил внук Антон, 18 лет, 187 роста, в прошлом году с отцом на заработках в Норвегии. По своему обыкновению я немножко покопал. Мальчик гордится, что за месяц работы привез 1000$. Похвастался тем, как хорошо хозяин фирмы их встречал. Они сортировали ношеную резину для машин, что в переплавку, что перекомплектовать и продать. Я думаю, что здесь была умелая и точная эксплуатация. Работа грязная, физически не самая легкая, экологически не самая здоровая. В Норвегии потихонечку отжимают тех, кого в Америке называют цветными, тех кого используют «для работы неквалифицированной». С въездом и выездом в страну белых проще. Белые батраки.

Дочитал «Море, море» Айрис Мердок. Все сомкнулось, все эпизоды встали на свои места. Особое впечатление произвел эпизод со смертью Джеймса и воспоминаниями о том, каким образом Чарльз оказался спасен. Впервые в литературе на меня подействовало «чудесное начало».

16 июля, воскресенье. Невероятное удовольствие получил от прогулки наверх ближайшей горы, окружающей город. Когда мы через пять часов вернулись домой майка и рубашка на мне были совершенно мокрые. Я даже не мог предположить, что могу выносить такие нагрузки. Значит надо меньше щадить себя и нагружаться.

Всю дорогу, поднимаясь, вспоминал свою жизнь в Лапландском заповеднике, свое путешествие на Камчатку, подъем на Авачинскую сопку и спуск вниз. То, что, казалось бы, навеки утонуло в глубинах памяти, вдруг всплыло с немыслимой яркостью. Какая жалость, что тогда я не вел дневник с другой стороны, какая была бы это журналистская чухня. Дневниковые записи хороши, когда они окутаны временным фоном, когда выработан стиль и уже вызрело мировоззрение. Мое поколение, выросшее без христианской морали и с заменившими их приблизительными социальными знаниями, зрело и выкристаллизовывалось особенно медленно. Во время этого подъема я вспомнил и как карабкался — на сопках уже лежал снег — на гору возле Мончегорска, как двое суток шел по просекам по картам, данными мне покойным Валерой Безродным. Удивительно ярко помню и его, и наше путешествие с ним по Печоре. Воистину каждый человек жив до тех пор, пока жив последний носитель памяти о нем. Вспомнил я ночь на кордоне под Мончегорском, в избе полной начальствующих рыбаков. Но имена забылись. Неужели ни чего не осталось? Надо покопаться в своих записных книжках.

Опять, поднимаясь, когда с каждым шагом подъема

расширялся кругозор, вспомнил Юру Визбора. Это его география. Но это и география романа и фильма Юры Скопа. Первый рудник, второй рудник, белеет вдали станция Апатиты и выросший вокруг нее город. Плато Росвумчорр — «на плато Росвумчорр не приходит весна», песня хорошая, стихи плохие. Как Юра Визбор хотел быть еще и хорошим прозаиком! Я завидовал ему в Мурманске, в издательстве ему заказали книжку. Книжка, маленький формат, средняя толщина, вышла, а прозы — не получилось.

Поднимались чуть больше часа. С нами был Слава, товарищ и одноклассник Саши. Перевалив гору, где-то в распадке у озерца, разожгли костерок, пожарили колбаски, которые принес Слава. По горизонту расставлены трубы котельных, многие не дымят. Перестройка и последовавшая за нею промышленная катастрофа, дали возможность природе немножко передохнуть. Да и наш человек вдруг устремил свой взгляд в Турцию, Польшу, Норвегию, чуть отступил от природы, которая как всеобщая дотация развлекала его, была простором его геройства и добычливости.

Вечером вместе с Михаилом Ивановичем, Славой и Юрой — это другой одноклассник Мамая, ходили в городскую баню. В городе, в центральных районах, отключена вода. По дороге М.И. много рассказывал о городе, а когда мы вернулись и ужинали, о своей юности и прелестно играл на балалайке. Можно только удивляться силе, выносливости и незлобливости этого человека. Я впервые сожалел, что не вожу с собой кинокамеры. М.И. рассказывал, как в 15 лет в эвакуации, когда из деревни забрали последнего парня в армию, девки принесли ему в дом балалайку этого ушедшего парня и сказали: «Чтобы вечером начал играть». М.И. рассказывал о частушках и кадрили. Куда делось это здоровое и увлекательное искусство? Неужели во всем виновато только телевидение? Сейчас М.И., как он сказал, снова записался в библиотеку и берет книги по русской истории.

Завтра днем мы должны уехать.

Перед сном читаю Бенвенуто Челлини — это из библиотеки Саши — своеобразный текст, который мне всегда нравился, а сегодня после поездки во Францию приобрел новую остроту. С особым интересом я выписываю фрагмент о «Нимфе Фонтенбло». Я хорошо запомнил, как мы пили кофе возле холла на парадной лестнице, где она была установлена. Интересно как много времени сильные мира сего отдавали консультациям с художниками, несмотря на войны и государственные дела. Когда в тексте я встречал Фотана Белио, то с трудом определял, что это Фонтенбло. Стр. 310–312; ХЛ-1987.

«В полукружии я сделал женщину в красивом лежачем положении; она держала левую руку вокруг шеи оленя, каковой был одной из эмблем короля; с одного края я сделал полурельефом козуль, и некоих кабанов, и другую дичину, более низким рельефом. С другого края легавых и борзых разного рода, потому что так производит этот прекраснейший лес, где рождается источник».

17 июля, понедельник. Утром ездили к руднику им. Кирова. Я ведь уже видел карьеры, в том числе и очень большие под Кемерово. Здесь далеко не самый большой карьер Кировска, не Росвумчорр, но он тоже поражает. Рукотворная пропасть метров триста, становишься в тупик перед разницей возможностей человека и природы. Тем не менее эта дырка в земле не заживет многие столетия. Вообще-то интересно, как со временем природа отреагирует на свои старые раны, нанесенные человеком? Может быть, она приспособится, и через сотню лет на месте этой воронки окажется глубоководное озеро с какими-нибудь экзотическими рыбами? В этот же день по дороге на автобусе в Оленегорск я много раз встречался с уронами, наносимыми природе человеком. Все выжжено километров за тридцать перед Мончегорском. Это следствие кислотных дождей. Через тридцать три года после того, как был я здесь последний раз, я не узнавал природу. Все это походило на несчастье, будто бы по тундре и лесам прошла невероятная космическая гарь. Лишь смутно помнятся очертания сопок. Не увидел я и привычной таблички с надписью «Лапландский государственный заповедник». Почему-то желания попасть обратно в места моей юности не возникло. Я боюсь этих мест, боюсь нарушить какой-то привычный строй в своей душе.

В Кировске как-то нехорошо кольнуло при виде закрытой Первой обогатительной фабрики и бывшего огромного вокзала. Ныне — почти в развалинах. В любых местах меня волнует какое-либо помещение, которое человек не использует. Всему приходит конец, может быть, на этой первой, поставленной еще до войны с крупповским оборудованием фабрике, все поизносилось, да и пыль, поднимаемая ее мельницами и котельной, вредят городу, понятно, что закрыли огромный вокзал, потому что пассажирское движение прошло через соседний Оленегорск, но все равно больно от этой бесхозяйственности. Будто забыли похоронить покойника, и лежит он теперь незахороненный в квартире среди живых, даже не накрытый марлечкой. Не жалко работы людей, не жалко памяти. Также трагично выглядят разбитые и неживые окна общежитий. Слишком много развалин и запустенья,

слишком внезапно остановилась жизнь.

Уезжая из Кировска, с болью простился со стариками Саши, свижусь ли с ними когда-нибудь?

По телевидению продолжение скандала с губернаторами. По-прежнему, и это понятно, держатся они за свои привилегии и за свое мыто. Народ ведь понимает, за что именно они держатся. Опросите народ, что он скажет по поводу этих краснорожих удельных князей?

Березовский объявил о снятия с себя полномочий депутата Госдумы, не сумел, не справился. Наверное, претендует на какое-нибудь государственное место, но говорит о карнавале и театре Госдумы, о своем стремлении в данный момент быть вместе с «преследуемыми» олигархами. Все это, конечно, и не пахнет никакими принципиальными решениями. Не представлял он, какая именно будет дума? И чем она ему плоха? Любой унисон с властью уже криминал? Обиделся за федералов-сенаторов. Тоже мне сенат! Ни одна организация еще так не отстаивала права на привилегии своих членов. Дума не состоит из Березовских. Испугался, скорее всего, Березовский ближайшего будущего.

Сейчас около двух часов ночи, за окном светло, небо розовое и нежное.

18 июля, вторник. Убили писателя Д.Балашова, кажется, это сделал его собственный сын. Мы с ним договаривались, что он в начале года будет у меня на семинаре.

Весь день сидел и писал в записную книжку эссе о пище. Сделал личностный последний кусок. На душе один страх, чего-то я боюсь и мучаюсь.

19 июля, среда. Идет арест имущества В.Гусинского. Описывают дом в том самом поселке Чекасово, который мне показал Мальгин. Там же первая частная дорога в России, которую я видел. Сегодня же в Думе Березовский произнес прощальную речь. «Англичанин уходит не прощаясь. Еврей прощается, но не уходит». Сказано не без угрозы.

20 июля, четверг. Весь день занимался разбором карточек. Но утром Витя, сосед Мамая, показал мне за час город. Люди уезжают, многие дома пустуют. Общежития с заколоченными окнами. Почему эта уже освоенная земля никому не нужна?

Появляется какое-то смутное, новое решение «Книга цитат». Все-таки главная жертва у меня — писатель. В расположении разделов и в самих карточках, в содержании будет много борьбы. Моя нелюбовь к интеллигенции осталась.

21 июля, пятница. До вечера занимался карточками. Структура стала определенней — писатель, а между этими главами пойдет литературоведение. Потребуются еще мои направленные комментарии. Вечером говорил с Николаем Ивановичем Кройтером. Рассказывал мне об экономике, о новой технологии, которой овладевают наши рабочие. Ник. Иван. Сказал, что раньше не планировали денег на технологию и инструменты. У Н.И. очень интересные мысли о том, что в стране создан искусственный дефицит оплаты. Пенсионеры думают не о размерах пенсии, а лишь о ее сроках. Почему? Много интересного рассказал об устройстве социально системы в Израиле. У него там сестра, сын и невестка. Говорил очень обстоятельно и умно. Что-то я впервые новое начал понимать именно после беседы с ним. Меня восхитило, как он рассказывал о покупке квартиры на ипотечный кредит в Израиле. Все посчитали: зарплату, проценты, плату за обучение детей.

Путин после Пекина и Пхеньяна на Окинаве. В энергии ему не откажешь.

Накануне закончил читать «Мефистофеля» Клауса Манна. Фильм я помню очень смутно, но книга сильная по замыслу и внутреннему желанию. В свое время из-за множества прототипов она была, видимо, горячее.

Вечером до двух ночи смотрю телевизор. Мне нравится все живое, «не художественное», по одному из каналов показывают круглые сутки мировую моду.

22 июля, суббота. Вдоль дороги от Оленегорска до Мурманска продают семгу по цене 190 рублей за килограмм. Это не браконьеры, а перекупщики: на базе в Мурманске покупают — продают вдоль пути, не без выгоды для себя. Это «норвежская» семга, выращенная в питомнике. Браконьеры продают чуть дешевле, но жмутся к обочине, рыба у них где-то затырена. Перекупщики милиции не боятся — у них все схвачено, да и много ли патрульному надо: хвост от рыбы!

Это комментарий шофера, который меня вез в аэропорт.

За неделю я чуть-чуть поздоровел. Провожали меня Саша и его сосед Витя — прокатиться. В самолете читал «Исповедь» св. Августина. Вот это уровень литературы, вот это уровень духа.

23 июля, воскресенье. Утром ездил с В.С. на дачу, а к вечеру уже вернулся. Тем не менее, день показался мне долгим и красивым. В этом году у меня, наконец-то, урожай петрушки, но никудышные огурцы. Мыслей пока никаких, душа в паузе.

Вспоминаю о прочитанной в самолете статье А. Щуплова о родословной и кланах деятелей искусства. Вечером смотрел ТВ и написал коротенький текст для «Труда».

24 июля, понедельник. Первый день на работе начался с удачи — Дима Дежин на неделю раньше вышел из отпуска. Я редко о нем пишу, но только с ним я ощущаю устойчивую надежность тыла. Без Димы всем командовал Славик, который сохранял весь порядок, фиксировал звонки и собирал почту. Без меня вышел журнал Володи Крымского с моими дневниками за 1998 год вплоть до июня. И надиктованная статейка в «Труде» о наших дачных сотках и земле. Статейка лишь наметки моих мыслей, все получилось не совсем продуманно, но главный тезис, что в мое время земли нам дали мало, сохранился. Человек обуржуазивается не от богатства, а от бедности, от скромности своих запросов. За этой повседневной скромностью и крохоборством приходит и интеллектуальная нищета. Много хозяйственных забот. В четыре часа уехал домой. А к восьми надо ехать на прием в честь высокопоставленных особ британского королевского дома. Мое эссе о пище пока стоит. В Москве идет кинофестиваль, и В.С., несмотря на жару и свое самочувствие, на него ходит. У меня интерес к кино почти полностью пропал. Мне кажется, потому, что раньше в кино были прорывы, оно было менее массовым, а значит в своих глубинах менее коммерческим. В наше время появление такого художника, как Феллини или Висконти, почти невозможно и дело здесь не в физиологии самого таланта, а в другом — в ином состоянии общества.

Прием состоялся на Пречистенке, в здании музея А.С. Пушкина. Это в высшей степени архисовременно. Для устройства приема в честь их Королевского высочества Принца и Принцессы Кентских Российско-Британская Торговая Палата выбрала, может быть, одно из самых нынче красивых и вопиюще роскошных зданий. Я уже лет пятьдесят, а может быть и лет пятьдесят пять посматриваю на улице Кропоткина на этот особняк Хрущева. Всегда было жалко разрушающиеся флигели, исковерканный сад и решетку выходящую на улицу, а в самом музее жалковато отреставрированные интерьеры. Для нашего «все» не поскупились на затраты. Двор перекрыт стеклянными переплетами, там, где раньше были гаражи и умельцы тачали жестянку и искушали бумажники владельцев, сейчас буржуазно-аристократическое благолепие и ресторан Балчуг-Кемпинский расставил свои столы. Впервые близко увидел Королевских высочеств. И он хорош и уверен, и она стройна и прекрасно одета. От остальных людей отличаются разве что выезженностью. Все люди делятся на тех,

кто самостоятельно гладит себе рубашки и кому эти рубашки гладит прислуга. Остальное дело времени, дело наживное.

Горжусь, что управился со всем за сорок минут. И с обзором королевских кровей, и с угощением, которое было прекрасным, и с общением. Встретил Ларису Васильеву, Олега Попцова, Наталью Леонидовну Дементьеву, к которой у меня есть тяга, Эдварда Радзинского и Гришу Симановича, с которым, вроде, помирился. Должен сказать, что Гриша показал даже — некоторое благородство, потому что в свое время первым на него наскочил я. Я бы сказал даже — благородство русское, что я очень ценю.

Эдвард — как всегда был в центре разговора. Мы вместе повспоминали, как в Ленинграде в 1968 году его высадили из туристического автобуса, когда мы ехали вместе за границу. Он в нашем автобусе был как бы всеобщим любимцем, все жены начальников, которые ехали в изобилии, были счастливы такому знакомству. А вот когда ему в Ленинграде объявили, что паспорта у него нет, все как-то быстро от него отшатнулись. Оказывается, и он заметил, и я запомнил, как я тогда его поддержал. В тот момент, когда вокруг него образовался некоторый вакуум, когда все мечтательно отвели взоры, я пошел вытаскивать из багажника его чемодан. Вот это чувство справедливости и совесть когда-нибудь меня подведут.

Не буду подробно описывать то, что было на столах. Мы, бедные люди, должны пользоваться такими случаями, но, надеюсь, и богатые не каждый день такое едят. Креветки, еще раз креветки. Гигантские креветки жареные. Тарталетки с рыбным фаршем. Необычная курица. Баранина, специально выращенная для жаркого и десерт, и пирог, и клубника, и крем, и многое-многое другое. Да здравствует британская монархия!

Вчера ночью начал читать романы Ольги Новиковой, о которых говорил по ТВ Саша Шаталов. И умная вроде бы баба, и культура у нее есть, и бойкость, а все неживое, будто бы переписанное с других романов. В сознании ничего не держится. Но это только начало. Нет, как я говорю, раствора, одни сухие плиточки, кафель не держится, летит и бьется.

25 июля, вторник. Утром остался дома, чтобы выбрать темы для экзаменационных этюдов. На этот год, в связи с некоторым давлением на меня по поводу приема, дам темы по-настоящему литературные. Не картинки и наблюдения. В каждой из тем будет некая литературная загадка. Каждая потребует некоторого движения головы. Посмотрим, как справятся, а уж потом будем говорить о снисхождении.

Д/о темы этюдов 26 июля 2000 года среда.

1. Кое-что о «почтовых лошадях просвещения».

2. Как бы Достоевский написал «Толстого и тонкого».

3. Народная сказка как зеркало российской действительности.

4. Легенды и призраки Литературного института — «Дом Герцена».

5. Русский при дворе короля Артура.

Звонили из «Нашего современника» относительно дальнейшей верстки. Интересно, что корректор сразу же начала говорить мне о Маше Платоновой, с которой она прежде работала в каком-то издательстве. Ни дня без Маши. Наглый напор и крик, — это ее кредо. Уже тогда она говорила, «я за счет отца буду жить оставшуюся жизнь». Интересное кино, а меня никто никак не сподвигнет взять справку о том, что я сын репрессированного. Это какие-то льготы при поездках на электричке и при оплате за квартиру.

В бассейне вечером попытался побольше подвигаться, чем это закончится, не знаю. Уже после бассейна пошел смотреть в «Художественный» фильм «Вдова с острова Сен-Пьер». Такого глубокого кино я давно не видел. Сюжет самый для кино обычный, для зрелищности выбран и один из экзотических островов-колоний Франции и время — середина прошлого, XIX века. Костюмы, паруса, море, широкие юбки и пышные прически. Совершено преступление, есть убийца, везут, чтобы его казнить, на гильотину. Но этот фильм о свободе, о том, как грешно, когда один человек убивает другого, о том, что жизнь всегда дает человеку шанс, чтобы вырасти душой. Здесь отблеск французских идей Просвещения. Фильм об отмене смертной казни. Фильм меня убедил, вернее, укрепил в моих собственных представлениях об этом предмете.

26 июля, среда. Утром ездил в общежитие, где застал жуткий бардак у наших студенток-иностранок. Они вцепились в близко расположенных видных русских ребят, а ребятишки на этих в основном некрасивых девушек смотрят с тайной надеждой. Барбух, мой милый ученичок — женился на француженке, Мартынов, мой милый ученичок, — женился на ирландке. Сердцу не прикажешь! Ирландки стали ходовым товаром для наших молодцов. Сейчас на выданьи Аликулов, я его несколько раз заставал на вечерних посиделках в ирландском логове. Но естественная у меня к нему претензия, дружишь с девушками, участвуешь в их пирушках, то хоть последи за порядком. Чтобы твои собственные подружки не попадались.

Многое недоделано в буфете. Сережа Лыгарев как всегда

пообещал, но у него куча дел и по охране, и по собственной конторе. Перед отъездом в общежитие раздал темы этюдов и поговорил с преподавателями. Конкурс должен начаться с этого экзамена, с первого маленького самостоятельного творчества, не следует, поставив вам пятерки, перекладывать решение на преподавателей литературы и языка.

Вчера в метро мне впервые в одном случае — уступили место, а в другом назвали «отцом» — это эвфемизм «старика».

Читаю верстку «Современника», определенно эта публикация не убавит моих недоброжелателей. Очень много упоминаний еврейского вопроса, чего он меня так дерет? А не драл, пока я не начал встречаться в бизнесе со своими арендаторами и не стал приглядываться, как распределяют литературные премии.

28 июля, четверг. Утром звонил Е.А. Евтушенко — ему нужна справка об обучении в институте. Это тот случай, когда безобразие, что мы до сих пор не выдали ему диплома. Но диплом — это не звание почетного доктора литературы. Кстати Ирэна Ивановна Сокологорская прислала письмо, где благодарит за присуждение ей ученым советом звания почетного Доктора литературы Литературного института. Письмо надо бы внести в дневник, как образец искреннего и точного стиля. По дворянской привычке Ирэна Ивановна пишет письмо от руки, а посылает по факсу.

К счастью, ремонт институтского фасада стоит несколько меньше, чем я предполагал. 450 тысяч, это нам вполне по деньгам. Покроем еще крышу над флигелем и можно, наконец-то, часть денег бросить на социальные нужды. Но уже сегодня я предполагаю повысить все зарплаты технического персонала до 1.000 рублей. А вот все совместительства по штатному расписанию.

Вроде бы власти отпустили с миром Гусинского, даже разрешили уехать ему в Испанию. Средства массовой информации по этому поводу спели песню. Что, дескать, у нас левая рука не знает, что творит правая. Я абсолютно уверен, что это результат строгой договоренности с правительством: оно обменяло репутацию Гусинского либо на его акции на НТВ, либо на что-то другое. Я ощущаю хватку Путина. Задушит в своих тихих объятьях. Его главное оружие — выдержка. Во всяком случае этого «олигарха», как и Березовского, не пригласили на сегодняшнее заседание в Кремль. Вот и опять зазвучало словечко «публичная репутация». Негоже царю встречаться с кем попадя.

Путин встречался с Акаевым, говорил о русском языке.

28 июля, пятница. День не сложился счастливо. Утром приходил Саша Барбух. У него умерла мать, Галина Александровна. По моим счетам — совершенно молодая женщина, 51 года. Саша не рисовался, и у меня заболело сердце его болью. Я помню, кем была моя мама для меня. Единственное утешение, что пока жив я, и пока жив Саша, наши матери — тоже живы. Может быть, в своей последней законченности они живы, более чем когда бы то ни было живы. Все забывается, но лишь облик, лицо и повадки мамы не забываются никогда. Я помню сгиб ее локтей, ее руки, ее шею и крошечную родинку на подбородке. Я помню ее молодой и уже старой. Как бы много любящих женщин окружают меня в моих думах. Они привлекательны, мудры, талантливы, снисходительны. Они даже веселы. И все это — мама. Этим я пытался успокоить и Сашу. Тут же Саша рассказал мне, как умерла его собака Ольвия, это уже мать моей Долли. Он пошел с Ольвией на прогулку, большую, километров на 15, и собака не выдержала. Она легла на землю и заснула. Он принес домой только поводок и ошейник. А уже потом вернулся с лопатой и похоронил ее под кустом.

Днем был Е.А. Евтушенко. С человеком подобной заразительной витальной силы я встречаюсь в жизни второй раз. Вот почти такая же, но большая энергия исходила от Ельцина. Е.А. был с женой Машей, кажется, это та, которая из Карелии, и одним из сыновей, Сашей. Саша кончает университет в Лондоне. Я устроил Е.А. полное удовольствие. Усадил его в собственное кресло, в котором он, кстати, очень хорошо смотрелся. Жалко не было фотоаппарата. Евтушенко сидит в кресле ректора того института, откуда его пятьдесят лет назад выгнали. Это определенно в некотором случае реванш. Говорили о литературе, о стихах, о восприятии стихов и прозы молодежью. Чего-то я сказал о любимом Прусте. «Я развелся с Беллой Ахмадулиной потому что она слишком любила Пруста, который нагонял на меня сон». Потом посмотрели институт, в аудитории пятого курса Е.А. показал мне парту, за которой он сидел. «Иногда за день я писал за этой партой до пяти стихов». Большой кабинет ректора: «Отсюда Поженян ушел на руках. Гладков на него кричал: «Чтобы ноги вашей не было в институте». Поженян встал на руки и ушел из кабинета».

Другой рассказ Е.А. касался той ситуации, которая возникла в студенческой среде сразу же после дела врачей. На следующий день в институте Е.А. видит ситуацию в курилке, т. е. в том уголке, где сейчас висит афиша театра, собрались все студенты. Но сразу же стало заметно, что они разделены. С одной стороны А. Киреева и Л. Жуховицкий — Е.А. назвал только их, — а с

другой все остальные. Не ругаются, не спорят, не предъявляют друг другу претензии, а просто разделены. И дальше, со слов Е.А., он совершает то, что мне очень по духу, он — подходит к этим двоим.

Е.А. нужен диплом об окончании Литинститута. Договорились осенью: я получу разрешение на экстернат, и он сдаст все недостающие экзамены. С Сашей мы договорились, что в России никто не знает текущего литературного процесса в Англии, не побеседует ли он с нашими студентами? При жене и при сыне Е.А. мне очень понравился. Определенно здесь я все забыл и был только под обаянием этой незаурядной личности. Он сказал мне, что перемонтировал свой кинофильм «Детский сад». Я вспомнил тот скандал, который сопутствовал показу — вне конкурса — этого фильма в Канне, куда Е.А. был приглашен членом жюри. Мне тогда казалось, что этот скандал вызвал сам Е.А., когда фильм прошел не так, как ему хотелось. Он мастер, как и любой профессионал, привлекать к себе внимание. Но это в прошлом, тут, когда речь зашла о «Детском саде», я ему жестко ответил, что и в этом улучшенном перемонтированном виде его фильм уже, кроме меня и его, никому не нужен. Другое время, другое поколение.

Я определенно думаю, что я — человек, не приспособленный к современной борьбе и жизни. Когда кто-то говорит обо мне, что я смелый и решительный, это не соответствует внутренней правде. Я человек слабый, разъеденный рефлексией. Перейду к фактам. Вернее к сегодняшнему случаю.

Какой-то дьявол понес меня вечером не вокруг дома, как я привык делать, гуляя с собакой, а через наши дворы. Гуляю я, обычно, около семи часов вечера. И тут же, только войдя под арку, во дворе я вижу кучу народа, милицейскую машину, встречаю громогласную Люду, нашу замечательную общественницу. Оказывается, у Коли Машовца разбили только что стекло в машине и вытащили радиолу. Люда требует, чтобы я стал понятым при обыске и изъятии украденного. Самое необычное, что на этот раз похитителей поймали. Героем оказался, как ни странно, наш участковый Сережа, совсем молодой парень. Он проезжал на машине мимо и практически видел всю сцену. Забегая чуть вперед, скажу, что парень, который выбил стекло и не отказывался. У него взяли из-под полы магнитолу, в кармане нашли нитяные перчатки, такого сорта, какие монтажники обычно надевают на руки, чтобы не пораниться, тут же в кармане оказались и несколько кусочков стекла. Процедура допроса и изъятия заняла чуть меньше часа. Парня ощупали, заставили снять кроссовки, носки, наверное,

искали деньги и наркотики. Ноги были грязные, давно немытые с грязью въевшейся под ногти и с чернотой между пальцами. Без куртки — это тщедушное молодое тельце недокормленного бройлера. Постепенно мне все больше и больше становилось жаль не потерпевшего Колю Машовца с его «Мерседесом», а этих двух жалких пацанов. Они из Бирюлева. Кто-то сказал, что месяц назад их видели, как они что-то доставали из машины, в нашем же дворе. Они сидели на земле, скованные друг с другом наручниками. Наручники были стянуты слишком сильно и у одного из них кровило запястье. Старшему — 24 года. Я успел спросить — в армии отслужил. «Отслужил в Реутово». В карманах у них ничего не было кроме двадцатки, которую они взяли в «бардачке» той же машины. Другой, совсем молодой, ему 17, был с поврежденной психикой. Собственно переживания возникли из нескольких параллельных сопоставлений. Первый ряд — это роскошный новенький Колин «Мерседес». Коля из когда-то комсомольской элиты. В молодости он был критиком, писал статьи русского, патриотического направления. У него трое дочерей и он не без локтей — после смерти Наровчатова, мемориальная доска которого висит на нашем доме, он получил четырехкомнатную квартиру покойного. Человек он разворотливый, в самом начале перестройки, когда все мы оказались выброшенными из жизни, он организовал какие-то журналы и издательства и зажил. Не буду считать чужое, но «Мерседес» — показатель.

Второй ряд — эти два худых и заморенных парнишки, рваные, многоношеные, перетертые кроссовки на том, что постарше. Ссадина на скуле. Он с такой готовностью, будто освобождался, рассказывал, как камнем колол стекло. Такая вдруг жалость резанула по сердцу. Негде работать, не на что жить. Может быть, не только воровство, но и некий протест: по этой лакированной жизни да кирпичом! Рядом раскручивается жизнь богатых, жизнь в «Казино» и ресторанах, телевизионные, призрачные, как счастливый сон, видения.

Третий ряд — это почти вывод. Он ни в коем случае не касается ни Коли Машовца, да и никого из моих знакомых. Но ведь три последних дня по телевидению все время кого-то убивают: убивают прокуроров, бизнесменов, милиционеров. Мы все наблюдаем и наблюдали, как нечестным путем, с точки зрения русского менталитета, были добыты огромные богатства. Сколько настоящих бандитов и воров ходит на свободе, а у этих несчастных пацанов теперь испорчена жизнь. Я чуть успокоился после того, как спросил у участкового: «Сколько дадут?». «Два года условно».

По ТВ показали, как Путин встретился с бизнесменами. Путин пообещал, что итоги приватизации пересмотрены не будут. Тут-то я понял, что пересмотрят все, до чего Путин сможет дотянуться. У него русский характер.

Вечером еще два известия. Возникли сложности с прилетевшей к нам на летнюю школу итальянкой из группы Никулеску. Наши ребята до ночи сидели в аэропорту, но из-за какой-то паспортной неразберихи девочку депортируют. И еще Фабр, который уже несколько дней живет в нашей гостинице, сказал, что у Ирэн Сокологорской рак печени. Чем это все кончится? Хорошо, что мы успели присудить ей премию почетного доктора, теперь успеть бы вручить мантию и диплом.

29 июля, суббота. Пустой хлопотливый день с одной радостью — съездил на дачу. До этого сидел над версткой своих дневников — выкорчевывал из них все непринципиальные желчные мои инвективы и тушил еврейскую терминологию.

Года четыре я не ездил по Киевскому шоссе, сколько же, оказывается, настроено, какие развязки, переходы и какое многополосье! Очень много сделано городскими властями, но теперь после принятия нового закона о местных сборах, в Москве такой свободы с финансами, наверное, не станет. Впрочем, пару дней назад показали, как за неуплату коммуналки отключили от горячего водоснабжения несколько больниц. Сегодня М.К вышел с заголовком явно имеющим в виду эту ситуацию: «Холодная клизма».

30 июля, воскресенье. Для «Труда»:

«Поговорим о русском языке, тем более что о нем уже заговорил президент.

Во время встречи с президентом Киргизстана Акаевым, подписывая документы, Путин получил из рук, присутствовавшего на этой церемонии киргизского писателя Чингиза Айтматова, его новую книгу. Это дало возможность нашему президенту заметить: «А какой Чингиз Айтматов писатель: русский или киргизский?..» Своеобразное замечание и — смелое. Мы как-то никогда, идя в русле советской национальной политики, не усомнились в том, а кому собственно принадлежат, какой культуре и какому языку национальные писатели. Ну, допустим, никому они не принадлежат, а все они просто киргизы, таджики, узбеки, калмыки, аварцы, грузины и украинцы. Но специалисты знают, какое огромное значение для многих этих писателей имеет и имел русский язык. Мы ведь помним, как порою отдельные стихи, романы и поэмы переводились на русский, а потом уже

обогащенные снова оказывались переведенными на родной. И боюсь, многие национальные литературы сейчас потерялись из-за политизированных людей, далеких и от чтения, и от литературы, — из-за политиков. И эти культурные травмы не последние. Когда во Львове запрещают русскую песню, то, боюсь, бьют скорее по своей культуре, чем по нашей. Существенно обогащенными оказались и Пруст, и Джойс, переведенные на русский язык. Они и мы выиграли от этого сотрудничества. Возможно, и гениальный Тарас Шевченко имел бы другую литературную судьбу, не учись он в Петербургской академии художеств и не попади в кружок русских писателей и художников. Чтобы понять это, достаточно трезво посмотреть на соотношение культурных потенциалов и разработанность языков. Поэтому решение академика Акаева придать русскому языку в Киргизии статуса государственного — это не решение изощренного в науках человеках, а просто человека, трезво желающего процветания, в том числе и культурного, своей родине»

Уже когда написал эту заметку, по телевидению передали сообщение об убийстве ректора ГИТИСа. Потом показали загородную дачу в подмосковном поселке Валентиновка. Сад камней, гараж с поднимающейся дверью, дорогая машина у ворот, цветы, ухоженные дорожки, кирпичный, отливающий новизной замок. Все это далеко не шесть соток и не в 100 километрах, как у меня, от Москвы. Я смутно вспомнил восторженные рассказы И.Л. Вишневской о разворотливом ректоре, о коммерческих его начинаниях и свое смутное неоформленное впечатление, что происходит в ГИТИСе что-то не так, по крайней мере, не так, как видится мне. Тем не менее, все это очень страшно. Отстрел ведется уже в нашей среде. Надо добывать себе разрешение на ношение оружия.

31 июля, понедельник. Вчера на ночь принялся читать только что выпущенные «Дневники» В.А. Теляковского». Это знаменитый Директор Императорских театров России, о котором рассказано во многих мемуарах. Но у меня сразу же сложилось ощущение, что это — писал я. По крайней мере, приемы управления и проблемы те же. Да и дневник он пишет достаточно подробно, я почти, как он.

«Осматривал лестницу и отхожие места в Малом театре, где живут электрические деятели. Ужасно плачевный вид имеет лестница и отхожее место. Лестница не выметена, стоит на площадке масса сундуков и шкапов. Съестные припасы хранятся около отхожего места». 27 сент. 1900.

Это о Шаляпине, но также о Минералове и Сорокине, хотя

калибр мельче.

«Шаляпин вообще представляет из себя довольно сложный тип и требует особого обхождения. Как нервный человек, когда его рассердят, он сам не знает, что говорит и что делает. Это человек порыва, и с этим надо считаться». 27 сент. 1900.

«Вообще Театральное училище все больше и больше кажется мне каким-то семейным учреждением, созданным для питания учебного персонала»

«В 5 часов ездил с Досекиным выбирать мебель и обстановку для «Накипи». Аукционный зал представил такую дорогую цену за прокат, что от этой идеи пришлось отказаться. При стоимости вещей в 1685 р. он просил за прокат 10 раз по 100р., а более по 75 р. с полным ответом за порчу. У Мюра-Мерилиза мы купили более предметов за 700 р.» 29 сент. 1900.

Это я покупаю стиральные машины, мебель для бара, кровати для общежития, торгуюсь с нашими подрядчиками.

«В Театральном училище плохо кормят и особенно маленькие порции. Необходимо проверить отчетность и расход по продовольствию». 30 сент. 1900.

Актуально и для нас, но только чего здесь проверишь.

«И что это за театральная служба, где все больны, немощны и никто не хочет уходить. Выслуживая пенсию, все на нее смотрят как на пособие и конец своей службы не видят раньше смерти». 2 окт.1900.

«По докладу ревизора-техника Николая оказалось, что все приспособления, сделанные Пашковым для тушения пожара в Большом театре и стоившие 30.000 рублей, не могут действовать, ибо требуют напряжения машины в 100 лошадиных сил. По составленному акту все исправно, но упустили из виду, что пробовали это днем, когда машины не заняты освещением театров. Вечером Цейтшель не может дать 100 сил, ибо тогда потухнет освещение и в театре будет страшная паника. Итак, истратив 30.000 рублей, мы в течение 3-х лет имели устройство, не могущее отправлять свои задачи в случае пожара».

За сто лет ничего не изменилось. Будто бы это, повторяю, писал этот дневник я.

Все утро читаю довольно средние этюды прозаиков. Большинство ребят не справились с постановкой тем, восприняли их буквально, без больших литературных полетов. Удивила меня одна девочка — Таня Бондаренко, приведя очень интересный современный пример. Я-то думал, что так прямолинейно думаю только я. Все время корю себя за прямоствольность, политизированность. Ан, да не так. «Лето кончилось быстро. У кошки родились котята, и целые дни я проводила с ними, а Юра

— с дедушкой и мамой. Они все время говорили про богатых людей, которых показывают по телевидению, о тех, кто зарабатывает деньги нечестно, и про какого-то Бориса Абрамовича.

— Вор? Ну и что, что вор? — изумлялся Юра. — Вот Борис Абрамович ворует, да дело разумеет. Живет, как каждый хотел бы пожить. Разве это плохо?»

Получил письмо от Миши Сукерника из Нью-Йорка. Это в ответ на предыдущую мою записку. Многое в его письме меня убеждает. Еще пройдет пару месяцев, и они меня переубедят. Он очень точно разбирает мой роман «Бег в обратную сторону». Фразы у него простые и не особенно заковыристые, но они пришли в нужное время. У меня возникает какое-то новое ощущение свободы.

Не могу не процитировать: «Главный герой вашей книги человек талантливый, здоровый физически и завидную карьеру сделавший. Так зачем ему давить молодых и заниматься плагиатом? Не потому ли что его с ранней юности преследует замешенное на страхе чувство неуверенности в себе, выросшее в комплекс неполноценности, приобретенное в те годы, когда приходилось скрывать, что отец враг народа, потом самого отца скрывать и бояться, и, что гораздо страшнее, отца своего стесняться и стыдиться этого. Вот так в страхе стыде и стеснении вырос человек тем, кем вырос. А ведь мог бы вырасти нормальным человеком, если бы жил в нормальных условиях, т. е. при свободе».

Не знаю, как портрет героя, но мой портрет дан довольно точно. Роман этот я уже забыл. Сейчас пишу новый.

Вечером приехал президент университета Конкук в Сеуле г-н Мэн, с ним его ответственный секретарь и мой старый знакомец профессор Син. Кормили их в нашем новом баре в общежитии. Хорошо, что помог Альберт Дмитриевич, прислал повара, официанта, еду и посуду. Все прошло хорошо, но все это нам не по силам. Постараюсь, чтобы 4 дня пребывания наших гостей в России были интересными и полезными для них. Объективно говоря, мы потихонечку открываем корейский рынок. Корейские студенты. Встречавшие президента корейские студенты, за полгода в Москве очень европеизировались. По крайней мере все они с крашеными волосами. На их иссиня-черный цвет краска, особенно блондинистая, ложится плохо, все они какого-то оранжевого цвета. Но все равно мне это нравится. Какая жалость, что во время моей молодости нам не дали перебеситься, и мы, молодые, все шли за суровой модой Политбюро.

1 августа, вторник — 4 августа, пятница.

Не писал несколько дней, потому что в институте стоял некоторый ад по поводу встречи делегации из корейского университета Конкук. Здесь мой старый знакомый Президент (ректор) Мэн Ван Джа, его помощник Ким Пэ Хо и опять старый знакомый профессор Сим Сон Бо. Собственно, мы свои долги уже почти оплатили, в Университете в Корее год отбыла Е.Л. Лилеева и сейчас преподает М.В. Иванова. Мы все знаем, что они не могут преподавать без блеска, но такое же ощущение возникло и у нашей корейской стороны. Для меня это еще и распространение русского языка. Воспитанный прежним режимом, я не вижу своих действий вне общерусских и общенациональных задач.

В качестве еще одной аргументации приведу следующее: впервые финансовые итоги квартала по аренде и по платному обучению в институтском бюджете сравнялись. А что значит успешное проведение визита корейского руководства? Это значит, что студенты поедут к нам. И уже едут. Одновременно с визитом начальства у нас сейчас учится постоянно и на летних школах 18 итальянцев, 12 корейцев и человек 5–6 другого инонарода. Я уже не говорю, что только что уехали 10 ирландцев, отучившихся у нас год.

Сейчас, когда все уже закончилось, мне все кажется таким мелким и не требующим, казалось бы, вмешательства ректора. Но надо было организовать встречу, кормежку в гостинице, позаботиться о фруктах и чае в номерах, о посуде в баре, потом об экскурсии в Кремль и по Москве, в Третьяковскую галерею, покатать на речном трамвае, устроить большой обед, подготовить подарки, подарить наши памятные майки, а потом за все это отчитаться, списать. В нашем маленьком институте по-другому, как не без вмешательства ректора, этого не сделаешь.

Не обошлось и без происшествий. По дороге во Владимир сломался наш автобус, и пришлось высылать туда машины. В этой ситуации героически вели себя Надя Годенко и Нина Александровна, которые сорганизовались и поехали дальше на перекладных. Экскурсия состоялась, показали все достопримечательности и закончили благополучно день. Здесь и я бы растерялся, а они справились и верно сориентировались. Надо отметить еще и помощь нашей О.В.: довольно неудачно в институт на переводческое отделение сдает приемные экзамены ее сестра, и О.В. оказалась здесь. Характер у нее не изменился, она пытается силой сестру прошибить, не понимая того, что время уже изменилось, что нужны знания, нужна некоторая предопределенность к филологической науке. Но О.В. несмотря на свою молодость, человек старой закалки все можно сделать по

договоренности, по блату, угрозами, застращать своим положением. Тем не менее правдолюб Антонов влупил Тане тройку: не знала футуристов и не знала художественных особенностей «Вишневого сада». Попутно долго говорили с О.В. о наших отношениях. Она хочет досрочно возвращаться из отпуска, не понимая, что над ней висит, и всю сложность морально-этической ситуации между нею, коллективом и Федей. Я уже твердо решил, что если она все же выйдет на работу досрочно, то Федору я контракт не продлю. О.В. ссылается на какие-то прецеденты в институте. Даже в дневнике не хочу писать, на кого ссылается. Из-за этих экзаменов и появилась в институте. Вся ситуация с поломанным автобусом разворачивалась у нее на глазах. Здесь, правда, она немедленно собралась и на своем БМВ сразу же поехала с Сережей Осиповым во Владимир спасать экскурсию и выручать Федю.

Экзамены продолжаются. Я по-прежнему держу курс на знания, на то, чтобы выявить общий уровень, набрать в литературный институт людей любящих литературу и понимающих ее. Предупреждаю преподавателей не разбрасываться пятерками, ставить их только тогда, когда абитуриент по-настоящему исследован.

Таня Шалиткина все же получила пятерку, хотя преподаватели говорят, что девочка она не очень развитая. Меня радует, что оценку эту поставила З.М. Что там она рассказывала мне о том, как О.В. ходила по коридору и что-то кричала? По поводу чего она кричала? А кричала по поводу путевки на Кипр, которую институт купил приемной комиссии после целого летнего сидения. Воистину, не помнит зла.

Ашот принес из Минкульта копию Указа президента о присвоении мне звания Заслуженного деятеля искусств России. Приятно, но кому это теперь нужно? Девятого придется устраивать маленький выпивон для части коллектива, не находящегося сейчас в отпуске.

Вечером 3-го ездил в Теплый Стан, посмотрел там природу и былое. Днем возник телефонный звонок из Иркутска. Спрашивали, приеду ли я в Иркутск на дни литературы, которые проводятся стараниями В.Г.Распутина. Корреспондент также спрашивал, может ли он превратить мое интервью в «Труде» и высказывания там же о ТВ в новую статью. Я сказал, валяйте.

5 августа, суббота. Приезжал Игорь Лавров, которого я знаю уже сорок два года — это мой сержант по армейской службе. Именно он учил меня разбирать карабин, прыгать через коня, подтягиваться на перекладине и тянуть носок. Армия научила

меня многому, и я ей за это благодарен. В мое время армия была еще и очень важным социальным инструментом. Многих деревенских ребят здесь обучали какой-либо гражданской специальности, многих ребят из республик учили русскому языку. Я дружу с Лавровым с армии. Игорь из очень простой семьи, свое высшее образование и звание инженера выгрыз зубами. Он проездом из Фастова, под Киевом, где на родине жены обосновался, в Рыбинск, где родился, и где живут его родители и братья. Рассказывал, как сейчас живет на Украине, рассказывал о поголовном воодушевлении в момент «незалежности». Пенсии ему хватает только, чтобы заплатить за отопление. Но, рассуждает, куда же девалось электричество, которое Украина вырабатывает не меньше, чем раньше, значит, воруют и продают. Вспомнили о знаменитом премьере Лазаренко, которого американцы и швейцарцы объявили виновным в отмывании денег и еще в разных грехах. Это все притом, что промышленность, в лучшем случае потребляет одну треть. Завод, на котором Игорь работал в Фастове и который был ведущим предприятием по изготовлению нагревательных тенов в Союзе, теперь работает два дня в неделю.

Приезжал на сутки, проездом в Мурманск, Юра Воробьев. Они поворковали с В.С. о кино и жизни. У В.С. больше нет возможности путешествовать, что она раньше очень любила. Теперь она рассказывает о странах, в которых побывала раньше. Несмотря на телевидение, она умудряется сплести новые интересные подробности.

Свое чтение на конкурс Пенне начал с книги Сергея Лукницкого «Это потому, что ты…». Детектив. Прочел его от корки до корки. Увлекательное и неплохо сделанное произведение. Рассматриваются почти все слои общества, но сосредоточенно внимание автора на «новых». Жить после этого не хочется, жулики везде, даже в ФСБ. Все это дает Лукницкий, который, судя по аннотации «пишет за рулем автомобиля перед красным светофором», он автор тридцати книг и монографий. Имеем дело с пишущим автором. Щеголяя свободой языка, которым он владеет, автор доходит до развязности. Лукницкий — доктор, адвокат, ученый. Здесь нет только признаков новизны в развитии нашего дела. Писатель это не тот, кто описывает судебное дело и подследственных, это не переводные картинки. Какая игривость. Как нравится автору этот полукриминальный богатый мир новых русских. Поддержать автора должно Переделкино, которое описано точно, с фамилиями дачевладельцев.

Рейтинг для «Труда».

«Нынче много говорит о президентской вертикали. Кому нравится, а кому нет. Это как в старые перестроечные времена, когда все только начиналось, все говорили только о выездах из страны и о двойном гражданстве. О промышленности, хлебе И НАЛОГАХ НЕ ГОВОРИЛИ. НТВ даже показало «Кукол», где кукла Волошин в роли Моисея, передающего указания неведомого Бога. Иронизируют. Но одновременно, вернее чуть ранее «Кукол» по тому же каналу прошел фильм с Бельмондо (комиссар Журдан) «Вне закона». Криминал, коррупция, наркотики и полицейский комиссар, берущий на себя всю ответственность. По НТВ, кстати, идет еще американский сериал про крутого Уокера с Чаком Норрисом. Уокер всех арестовывает, надевает наручники, все по закону, по букве закона. А вот Журдан по справедливости, которая так близка нам, русским. Журдан в своей сущности чем-то похож на знаменитого Деточкина, сыгранного в фильме «Берегись автомобиля» Смоктуновским. Тоже, скорее, полагавшегося на свое собственное чувство совести и социальной справедливости, нежели на правоохранительные органы. Если бы быть уверенным, что все получится, что разделаемся с коррупцией, с воровством, со взяточничеством, если олигархов сведут до положение просто богатых граждан, если пенсии, которые, кстати, заработаны, а не просто даны государством, станут деньгами на жизнь, а не деньгами, половину из которых надо отдать за квартиру, а другую половину за электричество, если будет покончено с войной в Чечне и с терроризмом, то я выбираю комиссара Журдана и Бельмондо, и Бог с тем, если пара тумаков достанется виноватым преступникам без упреждающего разрешения судьи. Тут начинает действовать закон Моисея: око за око и зуб за зуб. Тоже, кстати, как и права человека, придумка Человечества».

Были с В.С. на даче, я занимался теплицей и солением огурцов.

7 августа, понедельник. Ашот принес мне уже и ксерокс указа В.В. Путина о присвоении мне звания. Перед сном внимательно разглядывал этот длинный список. Народа скопилось много, это, кажется, первое подписание после избрания В.В. на должность президента. В моем возрасте это все довольно смешно, хотя может понадобиться при оплате квартиры — деятелям положена большая скидка. Не отменят ли?

Заходил в середине дня в хозчасть — Максим Петров и Чемоданов пьют пиво.

8 августа, вторник. Весь день шло собеседование, сначала поэты — семинар Е. Рейна, потом переводчики. Я честно

отрабатывал весь день на арене. Практически это непрекращающиеся телевизионные интервью. Интервьюированных около 40, а интервьюер один. Постоянная компания зрителей. Моя задача для зрителей не повториться ни в приеме, ни в вопросе и все же честно раскрыть характер и возможности каждого. Ребята, кажется, интересные, ощущение некой плотности набираемой команды. Идут в основном девочки, но есть и пареньки. Понравился сын Тани Сотниковой. Все-таки взяли на перевод медлительную и степенную Таню Шалиткину, сестру нашего главбуха, она девочка старательная, но тем не менее пробила ее О.В. Чего-то я девочку пожалел. Самое главное, как она изменилась после того, как объявлены были результаты — помолодела лет на пять. Тем не менее одного балла ей не хватило, пришлось зачислять только на испанский язык.

В Москве жуткая катастрофа. На Пушкинской площади в переходе в 6 вечера взорвалась мина. Очень большое количество жертв, свыше пятидесяти. Это опять терроризм. Теперь отпадает отмена регистраций, ужесточится режим. Мне последнее нравится, потому что на общежитие все время нападают. Научат ли последние события чему-нибудь московские власти? Решатся ли они убрать все киоски и торговые точки из переходов? Ранение в основном люди получили от осколков стекла.

Тут же, уже через пару часов В.В. Жириновский говорил о том, что мертвый чеченец это хороший чеченец. Гадость какая-то такое говорить. Но все это со слов телевидения. Впрочем, в смелости ему не откажешь.

Прочел роман Нины Катерли «Тот свет». Это слюнявое произведение из провинциальной жизни. Похоже это все на запись словами какого-то бразильского телесериала. Разные истории, антураж, декорации и имена русские. Облегченная бытовая проза, которой мы баловались лет сорок назад и которая нынче скучна и никому не интересна. Язык усередненный, плоский, будто бы это машинный перевод с какого-то другого. Перевод бесцветный, но грамотный.

Звонила Галя Кострова, возможно их издательство возьмет мои дневники. Я уже придумал, как я их сделаю. Теперь надо отобрать пробные куски. На работе у меня о дневниках говорят много, но все пока видят в них частное.

9 августа, среда. Такое ощущение, что уже проработал неделю, усталость даже в костях. С утра проходило собеседование. На этот раз очень тяжело и медлительно шли прозаики А.Е. Рекемчука. У самых лучших, как всегда, недоставало баллов, у меня порой возникали сомнения, что

конкурсные работы и этюды писаны одним и тем же лицом. Талантливые и неталантливые девочки шли очень кучно. Отличницы были не самым лучшим материалом. Много сил отнимало выяснение заинтересованности и глубины всех этих девочек и мальчиков. Я придумывал все новые и новые вопросы, заходил со всех сторон. Потом даже Алеша Антонов отметил меня как мастера художественного слова. Казус возник во время приема драматургов. У одного довольно средне сдававшего, но проходившего ребенка, у Оли… не оказалось аттестата. Обычные хитрости, девочка поступала в два вуза, по закону вплоть до зачисления мы можем пользоваться копией, но к моменту зачисления нужен оригинал. Оказалось, что у ребенка аттестат в какой-то еврейской академии, ее зачислили, но она теперь хочет к нам, потому что понимает, здесь образование настоящее, без кнедликов, но канцелярия закрыта, и аттестата она получить не может. Собственные проблемы с огромной настойчивостью она хотела переложить на меня. Но и я здесь стоял насмерть. Даже показал ей личные дела, в каждом из которых лежал документ об образовании.

После собеседования быстренько устроили маленькую вечеринку по поводу присвоения мне звания. За пару дней до этого я давал Наде Годенко деньги, но она мои деньги пожалела и уложилась не в 2000 рублей, а в 1500. Такие маленькие пьянки я очень люблю, да вдобавок здесь на меня нашло редкое умиротворение, и я почувствовал какое-то почти семейное отношение ко всем. А что у меня есть кроме института? Молодцом здесь показали себя Дима и Слава, так замечательно к окончанию собеседования все подготовившие. Сережа Лыгарев пришел даже с цветами.

Вечером по ТВ много говорили о вчерашнем происшествии на Тверской и о создании какого-то оппозиционного блока. Во главе этой новой общественной организации Борис Абрамович Березовский, С.Говорухин и отчего-то Василий Павлович Аксенов. Чему он, так хорошо устроившись в Америке, теперь собирается учить нас? Я помню, с каким пафосом В.П. уезжал, как давал по западным радиостанциям интервью, что его не печатают, а в это время «Новый мир» спокойненько выходит с его последней прекрасной повестью «В поисках жанра». Какое там не печатали, просто в Америке произрастал другой сорт колбасы. Все, что я читал у Аксенова после этого, было скучно. Вообще ребята хорошо устроились, учат и там, и здесь, не ленятся и учат даже во время собственных каникул. Какое прекрасное эрудированное племя учителей российского населения. Поэт в России больше, чем поэт!

Начал читать для конкурса роман Эргали Гера «Дар слова. Сказки по телефону». Первая глава просто блестящая. Что-то похожее о сексе по телефону. Вырастают новые типы, молодежь…

10 августа, четверг. Уезжает из Москвы в Сеул Сон Сим Бо. На прощанье он передает мне роскошный веер, которым должен пользоваться лишь «мастер» и прелестное маленькое письмо. В искренности этого сеульского профессора у меня нет основания сомневаться. Как хорошо, что еще есть люди, смотрящие на нашу страну с надеждой и обожанием.

Из переписки с Мишей Сукерником.

«Дорогой Миша!

Я твердо усвоил из Вашей записки, что в середине ноября двигаться никуда не следует. В начале октября я, на неделю, «е.б.ж.», хочу слетать в Иркутск на какие-то очередные «дни». Мысль у меня возникает коварная — организовать семинар по прозе из ребят-заочников из Восточной Сибири, но это при условии, если за семинар возьмется Распутин. Я представляю себе такую схему, как ни парадоксально: именно самое уникальное — повседневный творческий процесс на месте, а академия — в Москве. У меня даже есть романтическая и наверняка не осуществимая мысль, что хорошо бы также семинар сделать в Красноярске, с Астафьевым. И уже сейчас возникает совсем бредовая идея. Представляете себе, вдруг еще действует Межиров, который живет в Америке. И если он живет где-нибудь поблизости, то с ним тоже можно договориться о наших студентах в Штатах. А Межиров в былом — наш профессор, два года уже как он «сбёг» из Москвы, мы платили ему зарплату. Вот таким сугубо прозаическими мыслями, дорогой Миша, я и живу, вместо того, чтобы предаваться размышлениям о высоких материях.

Сейчас у меня, как я уже писал, в «Нашем современнике» идут дневники. Как стонет моя знаменитая жена (которая не без еврейского происхождения), — произведение получилось достаточно антисемитским. Но я-то думаю, оно просто про коррупцию, в том числе и в литературе, Приедете в Москву, я Вам дам прочесть, тем более что это дневники за прошлый год, а сейчас уже наготове дневники за 1998 год. Польза в них та, что здесь видна технология моей административной работы, отчасти, конечно.

Я вот сейчас дочитываю дневники В.Теляковского, директора Императорских театров только что вышедшие, написанные сто лет назад — это просто и про мою работу, и про нашу сегодняшнюю жизнь. Ничто не изменилось в Великой Российской

Империи.

Теперь относительно Вашего письмеца. Первый импульс, конечно: еще не хватало, чтобы меня учили с той стороны океана; но каким-то образом Вы умудряетесь расставлять слова так, что они цепляют именно меня. Очень сильно и в моей плоскости четыре строки первого абзаца; и, пожалуй, я осваиваю Ваш императив, что Бродский ближе всех подошел к Пушкину.

Из моих последних новостей — я стал Заслуженным деятелем искусств Российской Федерации, о чем указ уже подписан президентом. И намыслил новый роман, он уже угнездился где-то у меня в организме и начинает развиваться, постепенно вытесняя и меня, живого, и все мои другие размышления. Не удается сказать то, что хотелось. Но пусть будет что будет.

Дружески Вас обнимаю. С.Н.»

Подготовил темы для этюдов, запечатал в конверт и положил в сейф З.М. И на этот раз темы постарался усложнить, пусть думают, куда поступают. Время меняется и темы на уровне журналистики уже не подходят.

З/О темы этюдов 14 августа 2000 года, понедельник.

1. Незваный гость в Интернете.
2. Сообщение на пейджер: разыскивается альтист.
3. Чацкий, как спичрайтер городничего.
4. «Друзья — враги времени» (Ф. Бэкон)
5. Какой смысл вкладывал Л. Толстой в известный свой афоризм — «Патриотизм — последнее прибежище негодяев».

11 августа, пятница. В час дня провел консультацию по этюду для заочников. Сразу бросилось в глаза, что актовый зал полон. Это впервые за все время, что я ректор. И опять одна особенность, довольно много, почти столько же, сколько ребят, девочек. В этом году в соответствии с законом об образовании мы не берем на заочное отделение людей с высшим образованием. Многие ребята идут платно. Как будто бы весь дурман, связанный с «разбогатеть!», прошел. Я вдруг тоже понял, что перед этой аудиторией надо выступать по-другому, ближе к ним, серьезней и вдохновенней что ли. Начал с профессии, с института. Говорил как с коллегами. Зал замер, несколько раз ребята аплодировали удачно сказанному слову, и похлопал мне, когда я уходил, оставив на растерзание совершенно измученную З.М. и Галю Седых. У З.М. иногда сдают нервы.

В середине дня пришел прелестный и настойчивый ребенок, который поступал в еврейскую академию. Аттестат, естественно, сразу же нашелся. Я отчетливо понимал, сколько хлопот принесет в институт этот талантливый ребенок, который каждый день

будет биться за свои права. По закону можно было бы не брать. З.М. сказала, что накануне уже приходил отчаянно загоревший и полный энергии моложавый папа. Я представил, как они вдвоем будут добиваться чего-то, и сдался. Россия — это страна еврейских писателей и писательниц. А ведь девочка сдала очень средне, но у нас на каждый семинар свой конкурс. Назначил ей собеседование на понедельник, на вторую половину дня. Покопаю, что она, милочка, знает.

12 августа, суббота. Вечером приехал на дачу вместо с В.С. Солил огурцы и пересадил сельдерей, который мне дала Галя Шимитовская.

Дочитал «Дар слова. Сказки по телефону», роман Эргали Гера (С.-Петербург, 1999, Лимбус Пресс). Это для конкурса. Отличный мастер, с пластичным ясным словом, интонационная и лексическая свобода. Великолепная, хотя и чуть механическая общая идея — человек слова, человек весь целиком утонувший в словах. Дивная первая глава — этот самый говорун, голосообольститель Сергей. Потом все идет к журналистике: «новые русские», их богатства и путь наверх. Возникают если не как типы, но как образы Вера Семеновна — миллионерша и Анджела — ее дочь, девочка-тень, без внутреннего тепла.

Дальше роман губит журналистика, необходимость выговориться по поводу новой жизни и приобщиться к миру богатых. Смерть Сергея — это неумение автора роман довести до своего логического конца. Подробности «МК», кризис мысли. Обидно. Сравниваю с «Андеграудом» В. Маканина, насколько мельче, но беллетристически несколько занимательней.

Сразу же начал читать новый роман В.Пелевина «Генерация «П»». Поколение, которое выбрало «пепси». Одно немедленно определилось — это очень талантливый человек и, боюсь, я напрасно прошлый раз так быстро отверг его роман «Чапаев и Пустота». Вспомнил, как на обеде у французского посла несколько лет назад Витя говорил мне, что принципиально не изучает жизнь, чтобы писать «с чистого листа». Ну, уж тут-то он врет, весь его новый роман дышит этой самой жизнью, дышит большой подготовительной работой, он конечно, не стилист, но уж социолог один из лучших.

13 августа, воскресенье. Для «Труда», написал, почти не заглядывая в экран телевизора:

«Увы, увы, телевидение уже не смотрят, как в дни перестройки, с утра до вечера. В комнате с «разговаривающим» телевизором уже не днюют и не ночуют; проходя мимо, через

полуоткрытую дверь, видишь то какую-то новую классную передачу о животных, то путешествие по разным странам, то очаровательное «Дог-шоу» с Ширвиндтом-младшим. Вот настоящий мастер! Собаки у него движутся и говорят лучше, чем тигры у Ирины Бугримовой. А иногда через полуоткрытую дверь ловишь что-то жизненно для себя важное.

Вот именно так, мельком, но настойчиво, внедрилась в мое сознание мысль, что, кажется, наступает закат НТВ. А в субботу в защиту его говорил отец нашего русского телевидения — Олег Попцов. И тут я встрепенулся, я понял, что дело серьезное, и как зритель-оппонент этого телевидения, как человек, много раз создававший некоторые инвективы и по поводу Киселева, и по поводу Сорокиной, и не забывший репортажей Елены Масюк «Вперед, Чечня!», — я должен сказать: нет, нет, нет — не делайте этого! Никого и никогда оппозиция еще не обманывала. Неприязнь, которую НТВ выливает на Путина, оборачивается только ростом уважения к этому стоическому государственному деятелю. Отбор героев только объясняет всем телезрителям, что в этой компании существует кроме выбора идеологического еще и предпочтение этническое, и это очень хорошо нам всем заметно. И в соответствии с этим самым отбором мы начинаем относиться к этим деятелям. Как мы полюбили Немцова, Явлинского и Хакамаду! Мы отчетливо сознаем и антиправославную позицию НТВ. И это больше, чем что бы то ни было, скрепляет в своем единстве православных людей. Так что не трогайте НТВ, не трогайте Гусинского, налогоплательщика Гибралтара, руки прочь от телекомпаний, которая позволяет нам жить, писать и бороться!»

Это именно та заметочка, которую объективный «Труд» не решился напечатать.

14 августа, понедельник. Приехал за полчаса до экзамена. Раздал темы этюдов, переговорил со всеми преподавателями об оценках. Чувствую глухое писательское сопротивление, мы все сами знаем. Приходила Катя Нарайкина, поговорили о Кристофе Дайнингере, ее бывшем несбыточном женихе. Кристоф меня разочаровал, бросив диссертацию. В ответ я не продлил с ним контракт на следующий год, мы не благотворительная организация, которая спонсирует бедных несчастных немцев, а помогаем людям, которые занимаются русской культурой. Тем не менее, Кристоф уже присосался к каким-то немецким фондам. В Кельне он получал что-то около 1000 марок, из которых чуть ли нет 800 платил за квартиру. Здесь фонд переводит ему 4000 марок. Немец и в России должен жить как победитель. Теперь он

переехал преподавать в Красноярск, и свои 4000 будет регулярно получать. Дай ему Бог счастья.

Был А.П. Чудаков, рассказывал, как был на конференции славистов в Хельсинки. Его там поразило выступление Василя Быкова, который говорил всякие антирусские небылицы. В том числе, что белорусский язык был официальным языком Великого княжества Литовского. Никто из славистов такого не припоминает. Узкий национализм ломает человеку разум.

Исполнилось 100 дней правления В.В.Путина. Чем-то они должны ознаменоваться.

В институте Склифосовского погибла от ожогов 11 жертва теракта на Пушкинской площади. Как-то все мучительно близко. Пару дня назад показали руководителя чеченской диаспоры в Москве. Их в столице около 100.000. Диаспора обещает 100.000 долларов за известия о террористе. Смущает и обилие этих людей в столице, и легкость, с которыми они манипулируют огромными суммами денег.

15 августа, вторник. Возвращался на машине с работы, на повороте с Арбатской площади на улицу Фрунзе остановил милиционер. Остановил за дело, я не разглядел светофора и нарушил правила. Сразу начал каяться, но бывалый лейтенант, эдакий кряжистый психолог-любитель, не принимая мой шутливо-покаянный тон, сразу же перевел все в здоровую прагматическую плоскость: официально будем или по-товарищески? А официально это как? Официально — это 79 рублей, а неофициально это «пятишничек» — 50 рублей. Это в тридцати секундах от въезда в Кремль. Ничего сукин сын не боится. На фоне постоянных разговоров высших должностных лиц о борьбе с коррупцией.

Разговаривал по телефону с Ваней Панкеевым. Он только что вернулся с родины, с Украины. Рассказал, что по ТВ видел моего ученика Виталика Амутных. Он ведет какую-то развлекательную передачу, лото и выглядит вполне довольным жизнью. Я уже задавал себе в дневнике вопрос, правда, в прошлый раз по поводу Павла Лося, стоило ли ради этого заканчивать Литературный институт. Но Паша так, как Виталик, никогда не писал. Я до сих пор помню рассказ Виталика, как влюбленный человек весь пророс ландышами. Поговорили об Интернете, которым Ваня увлечен, и о языковой ситуации на Украине. Относительно газа украинцы все переговоры ведут на русском, а вот надо бы здесь проявить свою гордость и самостийность и русским, москальским газом не пользоваться.

Вечером ездил к Ник. Аркадьевичу — от тоски и хорошо

поесть. Он, как всегда, встретил радушно, хотя и весь замотан. В Москве проходит архиерейский собор, и значит он занят с утра и до вечера. В эти дни, на первом же заседании собора, была канонизированы Николай II и его семья. Об этом я, кажется, уже в своем дневнике писал. Канонизировали его вместе с восемью или девятью сотнями других мучеников. Здесь церковь пошла по политическому пути, вспомнила всех расстрелянных и погибших иерархов. Как могла, отдала дань своим. Никто не забыт и ничто не забыто. К этому была выпущена и раздавалась участникам собора, архиереям специальная икона, повторяющая обычные житийные иконы. В табло по краям рассказы о мучениках и страстотерпцах, их истории. Меня поразил совершенно новый для иконографии образ — красноармеец, в типичной для того времени шинели и шлеме — именно он олицетворяет зло и большевистский рок. Не отдельные неумцы и негодяи, а некий мифицированный красноармеец. Дракон. Дальше история уже не станет ни в чем разбираться. История получила еще один образ зла.

16 августа, среда. С самого утра уехал на дачу в Сопово читать этюды абитуриентов. Собака охраняет меня, создает видимость безопасности, работает молчаливым собеседником. Нина Александровна после своего десятидневного здесь пребывания оставила образцовый порядок: хочется поддерживать и развивать. Тишина, простор и незахламленность дачи действуют на меня живительно. Возникла мысль, и дальше сюда из близких никого не пускать и пожить здесь одному. Монрепо. Возможно, этот эксперимент я проведу.

Сейчас среди дня только чуть-чуть закусив и разобрав вещи, сразу же сел за компьютер, потому что одна деталь меня по дороге потрясла, и я боюсь, как всегда, все порастерять. Отдельные эпизоды крутятся у меня в голове, как записанные, т. е. зафиксированные в дневнике, но это совсем не так, мне только показалось, что я их записал.

На повороте через Электрогорск, кстати, здесь вотчина известного капиталиста Брынцалова. Мимо его заводов я регулярно езжу, и уже разговаривал с кем-то из его рабочих: по обыкновению, всех подвожу, благо моя собака не агрессивна. Вспомнил его, потому что его имя возникло в разговоре. Так вот, сажаю на повороте двух пареньков одного лет девятнадцати в простой рабочей одежде. А второго школьника лет двенадцати. Малыш прижимает к груди цветастую коробку. Я сразу спрашиваю, какая-нибудь компьютерная игра. «Да, — отвечает старший, — приставка к телевизору». Вопрос о стоимости. Ответ: 760 рублей, купили в Павловом Посаде, сейчас везут домой.

Значит, здесь есть на что жить. «А ты кем хочешь стать?» — спрашиваю у юного компьютерщика. Получаю удивительный ответ: «Барменом». Тогда тестирую старшего. Сейчас он маляр и плиточник, не учится. Осенью уйдет в армию, в десантники. Его мечта выслужиться до малинового берета и вернувшись устроиться в охранники. Но не век же ты будешь в охранниках. А, может быть, учиться. Брынцалов тоже не учился. Главное — выбиться в люди. Сейчас его знакомые ребята ездят в Сочи. Там вовсю идет строительство коттеджей, а строить некому, за три месяца привезли по три тысячи рублей. А если потом со строительством не получится, он займется животноводством, у них есть дом где-то в сельской местности. 18 соток, он займется или поросятами или курами. Жизнь идет, а мясо всегда в цене. У ребят есть старший брат, он уже выбился в люди. После армии он уехал в Германию и сейчас «ювелир, ездит и заключает договора». Это уже выросло и созрело новое поколение молодежи, у которого образовались свои приоритеты; учеба, знание, духовные ценности в число этих приоритетов не входит. Что бы было со мной, если бы я жил в их пору. Что бы я выбрал? В моем сознании с детства писатель был человек престижной профессии. Не даром в раннем детстве я вырезал из журнала «Огонек» портреты писателей, лауреатов Сталинской премии, и наклеивал их на отдельные листы бумаги.

Все время слушаю по радио о спасательных работах на затонувшей еще в субботу в Баренцевом море подводной лодке «Курск», все остальное отошло на второй план. Я даже не представляю, что может произойти в сознании общества, если и здесь не спасем. Раньше считалось, что в таких случаях мы предпочитали смерть молодых ребят гласности. Я про себя все время молюсь за спасение этих несчастных. Это кажется страшнее, чем Чечня. Здесь опять кого-то убивают и раздаются взрывы. Если в русском накопится ненависть, то Чечне не сдобровать.

17 августа, четверг. Ночью закончил читать роман Пелевина. Тут же на обложке написал и маленькую рецензию. Роман больше меня разочаровал, потому что обольстил вначале.

В конце этих заметок — Виктор Пелевин «GENERATION «П»» — я приведу пяток цитат, в них отдельные мысли из этого романа. Здесь нет общего смыслового вектора: Пелевин играет на всех полях, его книга подчеркнуто всеядна. Это очень талантливый современный писатель, есть и слово, и наблюдательность — может быть, он еще талантливей, как журналист. Но у меня появилась брезгливость от его всеядности,

в основе которой, боюсь, — расчет. Никакой амбиции стать большим писателем — только продаваемым. Книга о телевидении, о рекламе. Интересно и поразительно — любовь полностью опущена. В соответствии с духом времени, — введены восточные учения, мифология — читатель чувствует себя умнее, прочтя книгу. Деньги потрачены не даром. Тем не менее, наступая на горло песне, должен сказать, что это явление. Очень талантливый и холодный ум. Но играет все же за богатых, есть даже в соответствии с условиями привязанности издательства пассаж о герое — антисемите. Найти можно любую аргументацию. Литература без чувств и привязанностей, холодно и стерильно, как в Антарктике.

Пелевин вовсе не «плохой писатель», как об этом любят поговаривать его коллеги. Пелевин «писатель момента».

Цитаты:

Один из героев:

> «*…сейчас особое время. Такого никогда раньше не было и никогда потом не будет. Лихорадка, как на Клондайке. Через два года все уже будет схвачено. А сейчас есть реальная возможность вписаться в эту систему, придя прямо с улицы…*
>
> *Многого из того, что говорил Морковин, Татарский просто не понимал. Единственное, что он четко уяснил из разговора, — это схему функционирования бизнеса эпохи первоначального накопления и его взаимоотношения с рекламой».*

Снова мысли вслух:

> *«Пройдет год или два, и все будет выглядеть иначе. Вместо всякой пузатой мелочи, которая кредитуется по пустякам, люди будут брать миллионы баксов. Вместо джипов, которые бьют о фонари, будут замки во Франции и острова в Тихом океане. Вместо вольных стрелков будут серьезные конторы. Но суть происходящего в этой стране всегда будет той же самой».*

И еще три цитаты. Здесь не только политика и социология, но и точные наблюдения «из сегодня».

Реклама:

> *«Реклама, как и остальные виды человеческой деятельности на холодных российских просторах, была намертво пристегнута к обороту черного нала, что в*

практическом плане означало две вещи. Во-первых, журналисты охотно обманывали свои журналы и газеты, принимая черный нал от тех, кто как бы естественно оказывался в поле их внимания, — причем платить должны были не только рестораторы, которым хотелось, чтобы их сравнили с «Максимом», но и писатели, которым хотелось, чтобы их сравнили с Маркесом, отчего грань между литературной и ресторанной критикой становилась все тоньше и условней».

Русская идея:

«— Скажите, — спросил Татарский неожиданно для себя, — вы случайно не знаете, что такое русская идея?

— Ха, — сказал водитель, словно только и ждавший этого вопроса.

— Я тебе сейчас расскажу. Я же сам мордвин наполовину. Так вот, когда я в армии служил, в первый год, в учебке, там один сержант был по фамилии Харлей. «Я, — говорил, — мордву и чурок ненавижу!» Посылал меня зубной щеткой очко драить. Два месяца, сука, надо мной издевался. А потом вдруг приходят к нам в учебку сразу три брата-мордвина — и все штангисты, ты себе можешь представить? Кто здесь, говорят, мордву не любит?»

Любовь к «Мерседесам»:

«…ничто так не выдает принадлежность человека к низшим классам общества, как способность разбираться в дорогих часах и автомобилях».

Передали заявление премьер-министра Касьянова: «Положение складывается трагическое, но надежда есть». Кислорода у подводников по расчетам хватит до 23-го.

Занимаюсь хозяйством, закручиваю рамы, которые мне строители сделали плохо — узнаю почерк Леши из Электростали — расставляю мебель и все время читаю этюды. Нет ничего более тяжелого, чем сплошняком чтение сочинений абитуриентов. А ведь надо читать и еще рецензировать. Мои надежды не оправдались, правда, и я сам не на все бы темы написал. Мяса и страсти очень мало, как ни странно хорошо пишут рекемчуковские и особенно какой-то малый из Прибалтики. Все норовят уйти на формальную сторону проблемы. Тем не менее, двигаюсь медленно.

Утром, еще не вставая, начал читать роман Евгения Попова «Подлинная история «Зеленых музыкантов». Все топчутся на прочитанном. Уже сейчас видно, что по форме Попов повторяет «Бесконечный тупик» Галковского. Повесть о неком писателе Иване Ивановиче уже прочитана, сейчас посмотрю комментарии. Опять гипертекст. Повесть сделана под жития, с цифровым обозначением «стиха». В комментарии чуши, кажется, немало, но этот роман Попова скорее меня порадовал, обычно, как мне кажется, он пишет много хуже.

Завтра утром еду в Москву, по телефону С.П. сказал, что приезжает Саша Мамай.

18 августа, пятница. «Труд» на этот раз мою заметочку не напечатал. Звонил А.С.Вартанов, редактор прочел, все просек, он думает, признался, как и я, но струсил. Ничего в этом неожиданного нет. На работе мелкие проблемы, написал поздравительное письмо О.П. Табакову, ему уже 65, и Мише Сукернику в Нью-Йорк. Переписка с Мишей разрастается.

На въезде в Москву были жуткие пробки, все ищут террористов. Их не искать надо, а вводить прописку. Недавно был на базаре возле метро, ни одного русского лица среди продавщиц. Мы уже, видимо, не выращиваем помидоры, огурцы, петрушку, а одни азербайджанцы. В Тихой Риге свои террористы взорвали универмаг. От испуга все латыши для московского телевидения заговорили по-русски, забыв свою национальную гордость. Они, цивилизованные латыши, думали, что у них все обойдется, и они безнаказанно смогут и дальше посылать своих снайперш на заработки в Чечню.

Я физически ощущаю, как задыхаются в затонувшей лодке люди. И мы ничего не смогли сделать. Выяснилось, что по-прежнему царит показуха, хватило сил только чтобы выйти в море, а чтобы предусмотреть непоправимое нет уже ни мощностей, ни желания. Вышедший досрочно из отпуска, загорелый Путин оправдывался перед телекамерами. Он в патовой ситуации, пресса с наслаждением его травит.

Сейчас уже около 12 ночи. Норвежское спасательное судно, с английской подлодкой на борту, на которую возлагают какие-то надежды, придет к месту катастрофы только завтра.

В «Труд» теперь пусть пишет редактор. А впрочем, может быть, и не стоит ссориться, а попытаться сохранить мобилизующую меня площадку.

19 августа, суббота. «Курск», подводники.

20 августа, воскресенье. «Курск», подводники, пресса.

21 августа, понедельник. Телерейтинг для «Труда». Продиктовал А. С. Вартанову, но думаю, что или не напечатают совсем, или напечатают с огромными потерями:

«Об этом все напишут, но не писать об этом нельзя — авария на атомоходе «Курск». Первый импульс, когда авария стала развиваться как трагедия: к чертовой матери пора помести всех этих старперов, по-прежнему, принимающих «взвешенные» решения. Не будем, как дети, играть в любимые российские игры — «поиск виноватого», но давайте вспомним, кто у нас отвечает за армию, за авиацию, за флот. Один у нас есть министр. Вот его и имею в виду, тем более что имел с ним конкретную и предметную переписку об организации военной кафедры в институте — наверху, в министерствах сидят опытные и вдумчивые решальшики.

Я представляю, как было советниками и решальшиками доложено президенту об аварии: не волнуйтесь, ваше превосходительство, у нас есть техника, откроем, достанем, справимся сами. Шапками закидаем. Возьмем Грозный к Новому Году! И президент оказался в патовой ситуации: своей волей пригласи иностранных спасателей — виноват, подрывает престиж государства; едет на место событий — опять виноват, занимается популизмом и мешает нормальной работе. А тем временем из трагедии телевидение выстраивает мексиканский сериал. Камера допрашивает бывших подводников и заглядывает в лица родственникам. Частное горе тысячи людей и горе народа выпотрошены, как праздничная индейка. Забыта трагедия на Пушкинской площади, столкновение пассажирского автобуса в Омске. Идет охота на матерей, отцов и жен погибших моряков. О верховной власти высказываются бывшие и действующие подводники, и «простой народ». Выстраиваются журналистские карьеры. Но другого телевидения, не смотря на свободу слова, у нас нет. Через трагедию телевидение сводит свои счеты с властью».

Ездил в общежитие, устроил разнос С.И. по поводу охраны, недоволен работой буфета. Андрей Гринберг после смены оставляет грязь, не выдерживает графика, Лыгарев, несмотря на мой приказ, не подписывает меню. До сих пор нет заключения СЭС. Вернее, оно есть, но Лыгарев все никак его не заберет. Второй раз СЭС очень неохотно к нам ехала, мы взяли своих рабочих, а не подрядчиков которые они нам рекомендовали и выполнили все буквально их пожелания — значит, с нас уже ничего не возьмешь.

Порядка маловато, в комнате упросившей меня оставить ее на лето Л.Борисовой живут две посторонние женщины и какой-то

парень. Каждый студент или выпускник старается с института драть.

Вечером на подлодке наконец-то норвежские водолазы открыли аварийный люк — лодка затоплена, полна воды, опоздали. По телевидению показывают родных и близких. Как будто бы кто специально свез их в Мурманск, чтобы было что показывать, чтобы поиграть на нервах зрителей. Родственников-то понять можно, но вот организаторов этого скопления отчаявшихся людей понять нельзя.

22 августа, вторник. Уехал Саша Мамай. Он приезжал сдавать какой-то вексель. Попутно купил себе штаны за 2000 рублей. Я себе таких штанов не смогу купить никогда. Но штаны так себе.

Утром, стиснув зубы, продирался сквозь этюды абитуриентов. Понравился один мальчик, которому влепили тройку, все очень зыбко, неловко, но за всем этим бьется неординарный человек, но стал сегодня справляться у З.М. и она сказала, что мальчик получил двойку по изложению и уже уехал к себе в Таганрог.

Приезжала с матерью моя ученица Асель. Они сменили Казахское гражданство на русское. Асель сказала, что хочет печататься на русском. Из Казахстана уезжают самые натуральные казахи, не сладко им, видимо, там всем.

В 3 часа состоялся секретариат СП. Приняли обращение по поводу гибели подлодки и развернутой в прессе травли Путина, я удивился, как по мыслям я совпал в рейтинге со своими коллегами. Тон этого обращения показался мне верен, на всякий случай я снял ряд перехлестов из текста и передал их В.Н.Ганичеву.

Я пришел первым и сел в уголке в кабинете В.Н. Потом вошел Сорокин, Ганичев ему сказал, может быть ты поздороваешься с ректором? Мы пожали с В.В. руки. Зла у меня на него после безобразной сцены, которую он мне устроил по телефону, никакого. Кажется и он, кряхтя, забывает. Но в этой ситуации я больше виню себя. Нечего со своей правдой лезть, пока не издох. Со мной все ведут себя довольно осторожно, как бы ждут подвоха.

Вечером ходил в бассейн, хожу туда уже полтора месяца с большим упорством.

По телевидению душераздирающие сцены, связанные с молодыми женщинами, женами погибших моряков и с их матерями. Путин полетел в Мурманск, чтобы встретиться с этими женщинами и разобраться в ситуации. Он, как мне кажется, сделал это абсолютно вовремя.

23 августа, среда. Опять ездил в общежитие, решили

относительно ремонта в местах общего пользования на втором этаже. Опять наткнулся на каких-то загадочных жильцов на 3-м этаже в 434 комнате. Услышал враки о том, что это какие-то заочники. Потом С.И. плел мне какие-то объяснения относительно МУРовца и будто бы он меня об этом информировал. «Сережа, хоть одного человека селил ли я в общежитие без письменного разрешения? Вот то-то».

Во второй половине дня был Женя Шишкин из Нижнего Новгорода. Я сказал ему всю правду о его романе. Написан он здорово, может быть, даже очень здорово, но в самом письме есть старомодность подхода. Женя собирается переезжать в Москву, я обязательно ему помогу. Лучшего мастера по прозе для ВЛК я вряд ли найду, а попозже он устроится с жильем и сам. Женя подтвердил свое желание напечатать в своем новгородском журнале мои дневники за 1998 год. Надо начинать их вычитывать.

Заезжал Ваня Панкеев, с которым мы хорошо поговорили. Подарил мне свою книжку, отметив места, которые мне надо бы прочесть. Я ему в ответ подарил новенькую книжечку о литмастерстве.

Вечером ТВ долго рассказывало о помощи семьям погибших моряков. Показывали посещение Путина жены командира «Курска». И он сам и эта женщина вели себя очень достойно. Но вот вечернее интервью В.В. корреспонденту Мамонтову показалось мне безвкусным. Какое-то жалкое лепетание о силах, которые купили себе виллы на Средиземном море.

24 августа, четверг. К моему удивлению, «Труд» напечатал мою маленькую инвективу против Сергеева. Впечатывал ли я в дневник мое ответное письмо на письмо министра? Хотя можно и подумать «Ай моська. Знать она сильна…», но тем не менее нужно было определенное мужество, чтобы так смазать по сусалам.

«Труд», конечно, заметочку отредактировал. Исчезли некоторые фрагменты. Снова перепечатываю все целиком, дабы новая цензура была наглядной. Совершенно очевидно, что редактируется не стиль, а политика и собственный портрет.

«Об этом все напишут, но не писать об этом нельзя — авария на атомоходе «Курск». Первый импульс, когда авария стала развеваться, как трагедия: к чертовой матери пора помести всех этих старперов*, по-прежнему, принимающие «взвешенные» решения. Не будем, как дети, играть в «любимые российские игры, поиск виноватого», но давайте вспомним, кто у нас отвечает за армию, за авиацию, за флот. Один у нас есть министр. Вот его и имею в*

виду, тем более, что имел конкретную и предметную переписку об организации военной кафедры в институте — наверху, в министерствах сидят опытные и вдумчивые решальшики.

Я представляю, как было советниками и решальшиками доложено президенту об аварии: не волнуйтесь, ваше превосходительство *у нас есть техника, откроем,* достанем, *справимся сами. Шапками закидаем. Возьмем Грозный к Новому Году! И президент оказался в патовой ситуации: своей волей пригласи иностранных спасателей — виноват, подрывает престиж государства, едет на место событий — опять виноват, занимается популизмом и мешает нормальной работе. А тем временем из трагедии телевидение выстраивает мексиканский сериал. Камера допрашивает бывших подводников и заглядывает в лица родственникам.* Частное горе тысячи людей и горе народа выпотрошены, как праздничная индейка. Забыты трагедия на Пушкинской площади, столкновение пассажирского автобуса в Омске. *Идет охота на матерей, отцов и жен погибших моряков. О верховной власти высказываются бывшие и действующие подводники, и «простой народ». Выстраиваются журналистские карьеры. Но другого телевидения, не смотря на свободу слова, у нас нет.* Через трагедию телевидение сводит свои счеты с властью». *(Жирным шрифтом то, что исчезло после редактуры).*

С десяти и до четырех часов вел собеседование на заочном отделении. Заочники, как и всегда, интереснее и круче наших ребят с дневного отделения. Они более бескорыстны, что ли?

Того самого Быкова из Красноярска, о котором так долго трубили, выпустили из тюрьмы под какое-то поручительство влиятельных людей, фамилии которых не называют. Главный свидетель, переправленный из Греции в нашу тюрьму, изменил показания. А чему же здесь удивляться? Наша правовая система, губернатор Красноярска и лично В.В. Путин, как борец с коррупцией, получили пощечину.

Прочел отмеченные Ваней Панкеевым места. Все это интересно, легко, умно, но не дотягивает до подсознания, работающего, как топор.

Начал читать книжку Александра Гениса «Довлатов и окрестности». Сразу же ясно, что написал эту книжку человек одаренный, но я это знал и раньше. В связи с этим вспомнил, как кто-то из КГБшников, сопровождавших советскую делегацию на первой встрече советских писателей и писателей-эмигрантов что-то очень пренебрежительно сказал то ли о Генисе, то ли о Вайле, я только запомнил что разговор был о парне, эмигрировавшем из Прибалтики.

25 августа, пятница и 26 августа, суббота. Здесь надвигался день рождения у С.П. Мы уже прикинули, что отметим его сразу же после окончания последнего тура собеседования 26-го августа, но С.П. заболел, у него температура, и вечеринка была отменена. Собеседование на этот раз далось мне необыкновенно трудно. Во-первых, было, как никогда, много ребят из провинции, а значит, при сегодняшнем уровне подготовки приходилось работать на сниженных, а для меня трудных, оборотах. Во-вторых, были еще платники, которые требовали особого подхода, уровень обычно низок, но с ними требовался разговор серьезный, клиент за деньги имеет право на внимание и хотя бы ощущения серьезности намерений организации, в которую он вносит деньги. Все это было еще и физически очень трудно. Спектакль с бесконечными монологами и без готовой драматургии. В общем, набрали норму 70 человек на бюджетную основу и около 50 человек будут обучаться на так называемой компенсационной основе.

Последнее время я очень много размышлял о соотношении наших платных и бюджетных студентов. Мы часто дотягиваем изо всех сил бездарных московских — девочек и мальчиков, даже когда выясняется, что они недотягивают, а порой бездарны, и никак не можем дать нормальную среду и возможности получить полноценные знания нашим бюджетникам. У меня вызрел план, по мере возможностей интегрировать учебные планы на очном и заочном отделениях и по возможности давать заочникам возможность повариться на 4-м, 5-м курсах на очном отделении.

Работа комиссии завершилась моим приказом, в котором я распределял премии. Каждый год я давал какие-то деньги всем в самом начале учебного года, после отпуска, полагая, что все после лета уже на пределе, а на этот раз дал по 1000 рублей всем преподавателям, принимавшим участие в наборе студентов, и по 5000 тысяч З.М. Кочетковой и Д.Н. Лаптеву — ответственный секретарь и проректор, отвечающий за платное обучение. Наде Годенко тоже как проклятой, просидевшей в приемной комиссии все лето, дал 3000 рублей. Пусть получат те, кто работали. Разговоров в нашем коллективе, привыкшем к уравниловке, я думаю, будет много.

Выкинул номер Федя, отпросившись у меня на один день «менять права» и исчезший на все четыре. Так он меня еще не обманывал, я думаю, с ним пора расставаться. Здесь еще, конечно, и доброе влияние О.В. Но я не думаю, что они даже вдвоем меня переиграют. Я расцениваю произошедшее ответом на мою реплику О.В.: «Как только вы выйдете на работу, с Федей возникнут проблемы». Я думаю, Федя собрался уходить.

Внутренне я с ним уже простился, с ним больше никогда не возникнет сердечных отношений, а работать, не доверяя друг другу, нельзя.

27 августа, воскресенье. Ехать на дачу не было ни сил, ни желания, занимался хозяйством, сварил себе овощное рагу и переставил мебель в своей комнате. Днем В.С. пошла гулять и через полчаса — она гуляет и слушает радио — через домофон сказала мне, что случился пожар на Останкинской башне, и телевидение в Москве будет отключено на один-полтора месяца. Что-то есть мистическое в том, что телевидение, которое разрушило империю, сейчас само оказалось обескровленным. Медленно падающие осколки разрушенного государства свалились на Останкинскую башню. При предыдущем режиме этого быть не могло. Здесь бы уже оказалось резервное подключение. А потом я представляю, сколько разных коммерческих систем связи за деньги, за взятки было понавешано на эту изнемогающую в собственных задачах и службах башню.

Для «Труда»:

«Вряд ли есть смысл неспециалисту влезать в подробности и комментировать пожар на Останкинской башне. Телевизор в моем доме молчит, раздвигая время для чтения, но это молчание не молчание спокойного умиротворения. Слава Богу, что, кажется, *эта новая катастрофа стала только московской, и телевизионное вещание принимается через спутниковую связь по все стране. Это первый случай, когда в привилегированном положении, оказались не Москвичи, а жители провинции. В самой Москве, естественно, не пострадали самые богатые, — те, у кого есть «тарелки».* Можно поразмышлять над теми никому неизвестными персонажами культуры, искусства и политики, которые никогда бы не были известны, если бы не телевизионное лоббирование их. Не убудет ли их слава? Петросян это не какой-нибудь Толстой, который не пропадет и без телевизора. Пример выхватил из первого пришедшего на ум, но примеры можно и можно множить. В этом смысле, в отношении вкуса, наше телевидение всегда глубокая провинция. Но все-таки *первая мысль, которая возникла, когда погас телевизионный сигнал, у меня, человека десяток с лишним лет проработавшего на радио, эта мысль о том, как много внимания предыдущий* (коммунистический. — *Ред.*)*режим уделял Радио. Люди пожилые меня поймут, потому что первое фундаментальное знакомство с театром, литературой и классической музыкой получали из приемника. Какой существовал поразительный фонд, накопленный за многие годы художественной деятельности Ради. Увы этот фонд или продан, или разбазарен и*

уже во всяком случае не является достоянием народа и уже конечно Радио не может конкурировать с телевидением. А зря, уже давно установлено, что по своей нравственно образующей силе художественное радиовещание оставляет более глубокие следы в психике и душе человека. Вот *исходя из этого я написал письмо президенту страны и министру культуры об организации литературного всесоюзного радиоканала, на котором транслировались бы старые и новые спектакли, классика нашей литературы и произведения сегодняшних писателей. Через каждые тридцать минут могли бы быть и какие-нибудь новости культуры. Но письмо пока не отправлено и надежд на воплощение этой идеи никаких.* И тут же я думаю, что катастрофа на Останкинской башне не глобальна, а если бы… *Мы многие годы так надеялись на телевидение, что давно уже не имеем в домах даже громкоговорителей, регулярно продолжая платить за пользование городской радиосетью деньги».*

Уже много дней по телефону и напрямую веду переговоры с А.П.Чудаковым. Он просится на работу, но нагрузки для него нет, да и Ю.И.Минералов не очень хочет брать его на кафедру. Буду брать А.П. на свою кафедру.

28 августа, понедельник. Все радиостанции заняты пожаром на Останкинской телебашне. Август месяц катастроф и месяц немыслимых заработков журналистов. Они рвут эту новость, как шакалы падаль. Как повезло: взрыв на Пушкинской площади, катастрофа на крейсере «Курск», наконец, пожар на башне! Среди многих причин пожара указывают и еще одну: не работала система противопожарной безопасности. В связи с этим мне припомнилось одно место из дневников Теляковского — о противопожарной системе в Большом театре. Свой следующий рейтинг я закончу словами «Изменилось ли что-нибудь за сто лет в Российской империи?» Эта фраза будет сразу же после большой цитаты.

Состоялся день рождения Александра Ивановича; во время этого праздника поговорил относительно судьбы Чудакова, будем брать на полставки и искать место.

Вечером радио передало некрасивую историю о смене руководства в Большом театре. Зная нашего министра, я давно предполагал, что Владимира Васильева он уберет. Так оно и произошло. Указ о назначении новой фигуры подписал, правда, президент, но сам указ, как отмечает радио, тайно готовился в недрах минкульта. Да и трудно ли обмануть президента в такой не очень знакомой для него области? Новым директором стал финансовый директор канала «Культура», работавший ранее с

Товстоноговым. Уж его-то Швыдкой, появляющийся на канале чуть ли не ежедневно, знает! Мне совершенно очевидны корни этого человека. По крайней мере бесспорно, что русского гениального артиста из труппы изгнали. Правда история повторяется, изгнали Григоровича, наверное, не без помощи Васильева, теперь изгнали Васильева. Но какова нахрапистость Швыдкова. Он становится для меня образцом поведения в кадровых вопросах: только свои! У этой истории есть великолепное завершение. Васильев прислал министру культуры телефонограмму, в которой сообщает, что не хочет лично встречаться с министром, обременять его этим свиданием. Здесь хорошо словечко «обременять». Это пощечина, которую трудно смыть. Сколько здесь русской брезгливости.

Звонил Миша Науменко. В субботу мы говорили о нем с Л.М. Царевой, она сказала, имея в виду девочек с первого курса, соучениц Миши: «Сразу же потеряли доверие к власти и к прессе». Они-то ведь знали, какой из их товарища и сатанист, и какой террорист.

30 августа, среда. По Москве отключена пейджинговая связь, оборудование которой тоже оказалось на Останкинской башне. После целых суток разных стращаний и сомнений, а выдержит ли башня, не рухнет ли, оказалось, что башня выдержит, и ее начинают восстанавливать. Мои ребята-шофера ознаменовали это событие прошением купить им карточки на телефонные переговоры: их пейджеры молчат. С гневом и причитанием я все это подписал. На мои глубокомысленные восклицания, что завтра починят, умные ребятишки, осмедомленные в текущем лучше меня, сказали, не раньше чем, через два месяца!

Целый день воевал один против всех. Начал чувствовать некоторое сопротивление Леши Тиматкова, «он человек бесконфликтный», но это еще и разный взгляд на действительность, на хозяйствование. Он совершенно не собирается сгибаться, как личность, перед нашими многочисленными хозяйственными проблемами. Вот бы мне так. Из разных углов я слышу, о том, что он «художник», «личность». Но может быть поведение прозаика и поэта — это разные линии поведения?

Закончил читать «Довлатов и его окрестности» Александра Гениса. Это опять тот же специфический отряд русской литературы. Мирок этот вырисовывается все круче и все полнее, но, к сожалению, рядом с этим мирком существует большой монументальный круг русской литературы. Если бы этот большой мир, растворился и исчез, тогда вырисовались бы пики новых

классиков и один из них, этих пиков, безусловно, — Довлатов. Достоевский, Белый и Довлатов. И Толстого, и Достоевского, и Тургенева — мы оставляем, это фундамент, а потом некого будет пародировать. Но куда бы деть Горького, Шолохова, Абрамова, Шукшина, Леонова, Распутина! Вот попались, черти, и заклинили в русской литературе. Книжка вовсе не бесталанная, хотя Генис просто сместил акценты: литература начиналась и заканчивалась в еврейском окружении и мирке радио «Свобода». Тем не менее как облегченное литературоведение я книжку принимаю. Даже талантливое литературоведение. Газетно-фельетонная подмена мысли хлестким словом. Тем не менее и здесь много интересных оригинальных мыслей, наблюдений, но каждый раз исходя из своего мелкого горизонта. Ассоциальный мир бьет копытом по морде, когда лошадь пытаются гнать. Вагриус и Генис нашли друг друга, хотя я мечтал бы в Вагриусе напечататься. Как всегда мой энтузиазм, с которым я начинаю читать ту или иную книгу на конкурс, к концу поубавился. Обязательно вставлю помеченные цитаты. Ничего так книгу не разоблачает, как собственные цитаты.

31 августа, четверг. «Труд» не утерпел и сократил меня в деталях, так важных для меня. Я залез немного повыше текста и выделил шрифтом все цензурные вычерки. Боязнь власти у прессы сохранилась. Даже когда она ее ругает, это тоже боязнь.

Днем продиктовал давно вызревшее письмо Швыдкому о радио. Самую суть готовил С.П., и его детализация очень мне тут помогла.

Глубокоуважаемый Михаил Ефимович!

Только подобная ситуация с Останкинской башней и, как ни странно, с подводной лодкой «Курск» (причину последнего Вы поймете позже), заставляют меня писать к Вам. Есть еще один дополнительный импульс.

Многие годы я работал на былом Всесоюзном радио, где прошел путь от корреспондента до главного редактора литературного вещания и, следовательно, знаю эту структуру, и, как сейчас принято говорить — продукцию этой структуры — хорошо. Счастье, что Останкинская трагедия достаточно быстро может быть ликвидирована. Но наше время, как выяснилось, не уберегает нас ни от чего в нашем Отечестве. Представьте себе, что исчезает не только телевизионная башня, но и телесигнал. Многих, конечно, не пугает разынтегрированность страны, разнесенной по разным регионам. Меня пугает, так же как пугает падение уровня знаний школьников, истончение базовой культуры

личности. В связи с этим, вспоминая свою молодость, я должен сказать, что очень много знаний приобрели люди моего поколения через радио, знаний основательных, потому что радио почти всегда имело дело с прямыми текстами. То же самое я могу сказать о музыке, а музыка — это всегда душа и, как явление, почти неподцензурное — свобода. Вот почему, Михаил Ефимович, я хочу обратиться к Вам с предложением: создать канал литературно-драматического вещания с приемом его на всей территории России. Наверное, это вещание на УКВ и средних волнах по типу Маяка.

Почему радиовещание? Потому что оно дешево, оно, как давно установлено, обладает большим духовно-образующим потенциалом, у него большая проницаемость. Радиоприемник, говорящий на кухне, в парикмахерской и в автомобиле, признаемся, это большая сила. Важно — ч то он бормочет и как это бормотание воздействует на мораль, этику и поведенческие инстинкты человека. Давайте согласимся, что наше общество сейчас (забудем на минутку об экономике) в первую очередь проигрывает именно в этих областях.

Я хочу напомнить Вам, Михаил Ефимович, что за многие годы своей работы радио накопило огромный фонд литературных произведений, записанных выдающимися мастерами. Воздействие их на общество могло бы быть огромным. Предыдущий режим по тем или иным причинам имел основания не доверять литературе. Я помню, как в свое время радио не давало в эфир рассказ Чехова «Сирена», с бесконечным перечислением яств, потому что «это возбуждало у слушателя плохие чувства». Радио не давало отдельно записанные произведения Пушкина, Лермонтова, Достоевского. Помногу лет, уже в записанном виде, оно держало даже произведения Бондарева и Бакланова. Разве есть сейчас у нас основания чего-нибудь стыдиться или чего-то бояться?

Повторяю, фонд радио огромен. Другое дело, что частично он разбазарен, может быть, частично «приватизирован». В известной мере, пропал вкус к чистой классике, высвобождая место для рекламы, мы иногда забываем или игнорируем лучшее из наших национальных богатств.

Итак, что бы я мог предложить для литературного канала, который можно обозвать как угодно — «Русская литература», «Русская муза», можно назвать — «Российская словесность».

В первую очередь, это литературно-драматические инсценировки, классические спектакли, записанные в исполнении мастеров из старых фондов Гостелерадио; репортажи с литературных праздников, юбилеев, поэтических вечеров; ежедневный выпуск журнала «Новинки литературной жизни», «новинки литературно-драматического вещания», новые

постановки, осуществляемые на основе русской и зарубежной литературы, интервью с российскими и зарубежными писателями по проблемам современной литературы, передачи драматических постановок московских театров. Вы ведь, Михаил Ефимович, наверное, видели «Контрабас» Зюскинда в гениальном исполнении К.Райкина? Но ведь пока это видели и слышали в лучшем случае 2 000 человек. Ну, еще 5 тысяч услышат и увидят в течение года, А ведь Отечество наше велико и обильно. На этом канале я бы ввел вещание с часовыми и двухчасовыми блоками, с короткими, пятиминутными новостями культуры в течение каждого часа. Реклама на канале могла бы быть представлена короткими, 30-секундными клипами и носила бы, наверное, тоже культурный характер.

Дотации на создание канала могли бы быть отчасти получены но государственной линии — разве наше государстве уже отказалось от какой-либо просветительской деятельности? — отчасти от заинтересованных спонсоров, имена которых постоянно оглашаются в кратких вставных напоминаниях дикторов. К созданию каналов в качестве соучредителей можно было бы привлечь творческие союзы. Можно было бы дать большое количество рабочих мест для актеров, режиссеров, звукотехников и чрезвычайно оживить культурную жизнь страны, интегрируя ее на лучших образцах отечественной литературы, культуры и исполнительского мастерства.

Мне не надо на это письмо, Михаил Ефимович, ответа, я не буду лихорадочно следить, что по этому поводу делается. Потому что сделать что-либо в наше время трудно, но кое-что надо начинать, а кое-что пора возобновить. Я только крепко надеюсь, что аварии, подобной произошедшей на Останкинской телебашне, и трагедии, случившейся на подводной лодке «Курск», — будут все реже.

Вечером ходил в бассейн и читал.

Надо мной постоянно висит конкурс Пенне. Литература, присланная на конкурс, — конечно интересная, но кипа непрочитанных книг из картонного ящика все не убывает. При всей прелести нашей литературы заметил, что для интереса читаю литературу другую. Сейчас параллельно с принудительным чтением взасос читаю «Остаток дня». А что касается Пенне, то во всем этом самое интересное — кто же кого выдвигает. В постановке этого вопроса возникает удивительная оценка пишущего, а чаще всего чудовищная переоценка себя и полное незнание — на каком уровне работает окружение.

Вот Боря Шереметьев с его «Морским рундучком отставного

капитана Усова». Сборник исторических рассказов — простеньких, незатейливых, по-своему прелестных, настоящее чтение для четвероклассника. Естественно, ни с Маканиным, ни с Баклановым, ни с Пелевиным в один ряд это не становится и не конкурирует.

Или — другой автор, «Знаменский», Валерия Алфеева, «Странники» — о православном служении в Америке. Здесь имена, фамилии, история, прелестно написанные пейзажи и отдельные отчерки духовных деятелей. Но не больше. Познавательно. Душевозвышающе. Но не выше. Есть некоторые проговорки, как бы сугубо «Знаменского» характера: «Санта-Розу мне называли деревенькой, хотя ее яркие коттеджи в садах с розарием и стриженым газоном ничем не напоминают серых изб и запустения русских деревень». Естественно, духовность «русских деревень» писать труднее. Ее повесть «Подарок к совершеннолетию» — в «Новой России» — обычное автобиографическое произведение: война, родители, нравственные грехи, невыполненные обещания. Грамотно, точно и опять — не более. Такова же книжка «Шаман», хотя уровень ее чуть пониже — Ирины Полещук, нашей выпускницы и ученицы Володи Орлова.

Неужели автор не чувствует своей беллетристической направленности, неужели не чувствует, что не имеет права на претензии? Ни черта она не чувствует. Повеселила, правда, книжечка нашего недавнего выпускника Кирилла Рожкова «Записки сына ветра». Здесь хоть какая-то наивная, сегодняшняя интонация, и полное отсутствие претензий. Пишет как дышит. Это для меня приятная неожиданность и я даже сказал бы — событие знаковое. Никогда заранее не хорони выпускника. Правда, в свое время Рожкова я отбивал от мастеров, которые его ругали за дело и крепко. Приехал из Оленегорска Витя Ибрагимов, сосед Мамая и коллега Юры. Рассказывал мелкие новости, которые я очень люблю слушать. Есть известие и про мамаевские штаны. Саша не успел сойти с самолета в Мурманске, как тут же обнаружил штаны такого же фасона и качества, т. е. идентичные его собственным, за 800 рублей. Ну что же, а как Саша хвастался, как его вежливо обслуживали, какие длинноногие девушки.

1 сентября, пятница. Мне казалось, что в этом году мы так и не откроем учебный год. Страшился своей усталости, неустроенности института, разора в общежитии, отсутствия там охраны. Не было, казалось, ни одной мысли для вступительной речи. Но вот наступил день, я открыл рот и пошло, и поехало.

Интересно, что, как всегда, еще накануне, в четверг отпросился Леша Тиматков. В этот день мы вместе обедали и он интересно говорил, чуть-чуть раскрыв себя. Обольщаться насчет его отношения ко мне не следует, у него друзья в другом, часто воюющем со мною лагере. Так вот интересно, что Леша отпросился на пятницу, на день начала учебного года. Вот и мои проректоры. С.П. тоже отпросился, повел сына, моего крестника в школу. Д.Н. просто не пришел. Мы любим считаться проректорами, а работу проректора не любим. Зато очень хорошо на митинге выступил В.В.Сорокин. Пахнуло старой школой, когда на выездных пленумах у секретарей было главным выступить, и как бы этим отработать свой долг. Но тем не менее и пафос, и горячность здесь были уместны. Я ему даже сказал что-то вроде того, что теперь будешь выступать каждый год. Народа и студентов новых и старых было много, будто вернулось старое время.

После митинга я поехал в общежитие смотреть ремонт и договариваться с охраной. Почти случайно, но, кажется, я ее нашел, но это будет обходиться институту в копеечку. Правда, здесь мы будем еще платить и жильем, и пропиской. Охранники — молдаване-рабочие, привлеченные к ремонту фасада на Тверском. Уже завтра в девять утра они могут заступить на смену.

Был бывший студент Раджабов, который говорил, что зашился, что ночует на вокзале, мне его было жалко, но не поддался, я его уже столько раз восстанавливал в институте, переводил на заочное отделение, выселял из общежития. Сейчас его мать прислала письмо, он ей в Дагестан не пишет. Сердце у меня за него болит. Когда я его принимал в институт, мне казалось, что он будет писать свои басни, но его интересует только материальная, физиологическая жизнь. Но вот наша тусовка, наши разговоры тянут.

Не забыть: посмотреть относительно возможности привлечь, как преподавателя Женю Лесина, кажется, он бросил пить. Как блестящ, как остроумен, как широк.

Вечером дочитал роман Кадзуо Исигуро «Остаток дня». Удивительно цельное и глубокое произведение. Здесь все: и народ, молчащий и подающий господам подогретые тарелки, и историческая атмосфера, и фашизм, и любовь, и несколько замечательных характеров. В первую очередь поражает скудность средств, которыми все это достигнуто, — простота. Речь идет от лица дворецкого Стивенса. Показано, как власть вколачивает в людей интеллектуальную покорность, как под давлением привычки повиноваться гибнет личность. Здорово сделана любовь дворецкого к экономке мисс Кентон. Судя по переводу, и в

языковом отношении все довольно сдержанно, т. е. малыми средствами.

НТВ сетует, что их канал не привлекается к освещению государственных событий. Не пустили их в КБ «Рубин», проектировавшего «Курск». Я это перевел на деньги: мало эксклюзивной государственной информации — меньше рекламодатели дают рекламы. Это уроки, недавно данные нам Гусинским. Но кому государство должно в первую очередь материально помогать — своим каналам. Это не отстранение НТВ, а помощь, материальная, своим. Капиталистический счет должен быть капиталистическим.

Прочел статью Олега Михайлова о Сергее Чудакове «Русский Вийон». Пожалуй, это единственный гений, с которым я познакомился в юности. Я помню этого парня со всей отчетливостью с времен «Московского комсомольца». Какие прекрасные стихи, но оценить их во всей полноте я не могу, я для этого слишком рационален.

Открыли проезжую часть Метромоста, сделали это с необыкновенной быстротой. Вот так и начинаешь верить в капитализм, я представляю, сколько бы провозились с этим мостом при прошлой власти. При всем моем скептицизме все, что сейчас происходит в Москве, похоже на чудо: я, коренной житель, не успеваю увидеть новые постройки, строители и проектировщики успевают их возводить.

Утром встретил прелестную, как всегда, Людмилу Артемовну. Она привезла мне из своей поездки в Англию фигурку рыцаря. Но и огорчила, сказав, что ей звонил из Дании Пол, его уволили из школы. Сам Пол связывает это со своими продатскими, националистическими взглядами. Увольнял его безо всяких объяснений его ближайший друг Бруно. Не накрылись ли наши отношения с Данией? Утром же я встретил своего ученика Рустема Фесака и сразу же спросил «не твой ли родственник?» Дело в том, что в списке погибших на подлодке значился некий Фесак. Но облегчает ли душу, что это «не наш»? А разве чужие незнакомые?

2 сентября, суббота. Сегодня день города и одновременно вручение премий мэра Москвы в области литературы и искусства лауреатам. Для меня эта процедура и церемония привычная. Я умиляюсь тем, что сегодня, в отличие от прошлых лет, мне ничего не надо просить для института. С собою я решил взять Витю Ибрагимова, того самого приехавшего с матерью из Оленегорска. Он нянчился по поручению Мамая со мной там, а я решил организовать ему незабываемые впечатления здесь. Мне

было интересно наблюдать, как Витя будет открывать рот при виде разных знаменитостей…

На этот раз церемония, в силу всех аварий на «Курске» и на Останкинской башне была, подсокращена. Было интересно из окон Белого зала наблюдать, как напротив, у памятника Юрию Долгорукому Лужков награждал победителей по профессии. Тут же стояли и подарки: новенькие «Москвичи». Потом он упомянул об этом в своей речи уже деятелям культуры.

Было много людей, которым я симпатизировал, и которые знали, что я их пробивал. Мы тоже любим своих, но всегда готовы признать достоинства других. За исключением, конечно, Ирины Константиновны Архиповой, которая сделала честь премии, согласившись ее принять. В прошлом году она отказалась от премии в пользу какого-то пианиста. Из моих знакомых, т. е. из мастеров, кому дать премию я считал справедливым, были Штейн, кукольник и его жена, Валера Белякович, Боря Поюровский, о котором сидящая рядом со мной дама съязвила, каждый год начинается с того, что общественность говорит, что Поюровский умирает с голода, Володя Андреев и его партнерша по спектаклю Элина Быстрицкая.

Мэр говорил умно и хорошо, он с каждым годом набирает внутреннюю силу, говорил о философии мира, не как противопоставление войне, а философии мира как философии сегодняшней жизни. Сказал он и о 13 % приращения в промышленности по сравнению с прошлым годом.

Мне пришлось выступить от комиссии. Я все-таки не утерпел и пригласил мэра в Литинститут. Выступал я неплохо, в частности, говорил о непредубежденности комиссии. Потом эту тему поднял и сам Лужков — мэрия только обеспечивает денежное выражение премии, а выбираю сами мастера искусств. Кое-какие в моей речи прозвучали и колкости.

Вечером у меня поднялась температура, в бассейн не пошел. Сказывается напряжение двух последних дней. В институте полным ходом идет реставрация фасада.

3 сентября, воскресенье. Вечером на кассете смотрел фильм Рогожкина «Блокпост». Это образец того, как с удивительной художественной силой, можно воплотить довольно расхожую легенду, о том, что русский народ предатель, пьяница и жулик. Повторяю, внутри фильма все достаточно убедительно: война на Кавказе, предполагается в Чечне, данью обстоятельств и группа ребят оказывается на блокпосте вдали от города. Приходят к ним на укрепление девушки-кавказки и «за деньги», эквивалентом их здесь служат патроны к снайперской винтовке, отдаются этим

молодым жеребцам. Секс-услуги на дому. Это тайные снайперши. Здесь возникает любовь, как некий обязательный беллетристический ход. Потом «влюбленная» тем же самым патроном «влюбленного» и убивает. Русский парень продал свое будущее и свою судьбу. Кровь изо рта. Много, очень много милых уродов.

4 сентября, понедельник. Отчаянное настроение, связанное с непоглощенностью работой. Работать хочется не по заказу. Так надоело читать и хорошо относиться, выискивая все лучшее к Пенне. С другой стороны под рукой всегда замечательные книги, раньше преподавание, формальное чтение, даже дача занимали время, которое оставалось от продуктивных часов, а сейчас поперло: хочется работать и работать, хочется свободы, жить на даче, топить печку и сидеть за письменным столом.

Утром читал статью Ф.Ф.Кузнецова о шолоховских рукописях. Еще не дошел до конца, но чувствую, как многие дни я был к Ф.Ф. несправедлив. Это все чужие слухи, чужие мнения, обычные понятные и человеческие слабости, которые я воспринимал генерализованно. В своей статье Ф.Ф. докапывается до «духа мести» — именно это чувство руководило женой покойного друга Шолохова, когда она утаивала рукописи, отданные семье на хранение. Здесь ситуация прямо для меня и ситуация для моего романа. Любопытна здесь роль Л.Колодного — журналист и национальный, мстительный, без компромиссов характер.

Днем отбил у Ловчерстроя в смете несколько десятков тысяч рублей. Удивительна последнее время роль Леши Тиматкова, который от моей скаредности защищает наших подрядчиков. Днем же Леша, Дима и Костя ездили принимать новый кусок второго этажа, и главный инженер Владимир Семенович угостил их по этому поводу. Дима после этого выключился и сорвал мне рабочий день. Завтра объявлю всем троим выговор.

Вечером был С., у которого какой-то семейный конфликт. Разговорились на служебные темы. Интересная подробность: разрешение на захоронение на Новодевичьем и Ваганьковском дают сам Лужков или Шанцев. Но ведь земля-то у нас не частная, поэтому платят за ритуальные услуги. Плата за эти услуги достигает до 50.000 зеленых. Поговорили о похоронах молодого Боровика. А кто такой Боровик, чтобы быть похороненным в национальном пантеоне. Но такая в то время царила всееврейская печаль. На этих кладбищах есть «коммерческие участки».

Был П., секретарь Лебедя, я невольно стал наводить справки о Быкове. По словам П., судебная история стоила Быкову на круг

20 миллионов долларов. Говорил об угрозах, об убийстве мужа судьи, о схватке между деньгами и законом. Мера пресечения, чтобы не давил, не пугал. А законно ли это?

5 сентября, вторник. Как обычно, состоялся семинар. Первый в этом учебном году. Самид, как он и мечтал, в этом году получил свой собственный семинар, где я «не буду его давить», а у меня появился новый ассистент. Это Саша Михайлов, сын Александра Алексеевича Михайлова. На это раз я построил семинар на опросе летнего чтения. А здесь уже были мои комментарии. Попутно я выписывал разные фамилии на доске. Имена, которые нас окружают. Оказались очень интересные результаты.

С.Терехов: читал Островского и Гончарова. Островский не ниже Шекспира.

Паша Быков: Ясунари Кавабата. Рассказал сюжет «Семи красавиц» — старики среди спящих девушек в публичном доме. Пишет какую-то повесть.

А.Бойко, А.Эппель — восторженно как о стилисте.

Я как раз сегодня начал его читать, текст действительно прекрасный, есть места даже сильные, хотя это, конечно, проза выведенная в колбе Битова.

С.Кузнецова: Томас и Генриха Манны, «Детские годы Багрова-внука».

Каждый, как больная собака, ищет свою травку.

В.Чуркин: «Три сестры» Чехова — «эта пьеса первой была в сборнике драматургии», Лев Толстой.

Р.Фесак: Астафьев — «Царь-рыба», Платонов.

Харченко: открыл для себя Фейхтвангера. Поговорили о жизненной и художественной правде.

Катя Фролова — она прочла «Волхва» Фаулза и Кортасара. Я, оказывается, ошибался, говоря о сконструированности книги, Фаулз писал, с его слов, как Пушкин «Онегина»: а Татьяна учудила…

Сережа Самсонов: «Чевенгур» — «у меня живот болит от этого чтения». Это очень возвышенная оценка.

Резников — этот читал Довлатова. Мне последнее показалось и симптоматичным, и занятным.

Самсонов: «Как графоман пишет слово «чайник», так Д. — слова «совесть» и «порядочность».

Паша ничего за лето не читал, но перед каникулами прочел «Дом на краю света» и очень хорошо об этом романе отзывается. «Это о трех гомосексуалистах что ли?» — подает реплику Савельев.

Савельев говорил об Андрее Дмитриеве. Для меня, к стыду, имя совершенно неизвестное.

Что-то говорил и Перышев, но это оказалось у меня не записанным. Скорее всего, потому, что я понимал, что Даниил выкручивается.

Вечером показали В.В.Путина в Японии. Я твердо уверен, что ничего В.В. не отдаст, а уж особенно Курилы. Хорошо быть уверенным в национальном чувстве президента. Заканчивался визит неким показательным боем на татами. Здесь Путин позволил бросить себя через бедро какой-то японской десятилетней девочке. Но этот аттракцион мы уже видели раньше.

Верховный суд Красноярского края подтвердил изменение меры пресечения, которую установил перед этим суд районный. Ура, Быков на свободе. Олигархи на то и олигархи, что почти бессмертны.

Предают только свои. В тот момент, когда у нас полная разруха с охраной, когда полно работы взял, только что отгуляв отпуск за 2000 год Дима Дежин. Не сдюжил. Пошел зарабатывать деньги грузчиком и расплачиваться за машину. Но я ведь люблю только тех, кто хорошо работает.

Среди моих выписок нашел еще одну цитату Пелевина, без которой мне не обойтись. Вот она, субъективная правда Пелевина.

«В книге было несколько загадок; на одной из них Татарский прочел пометку: «Суггест. шизоблоки».

— Это про что-то компьютерное? — спросил он.

Взяв книгу, Ханин спрятал ее в ящик стола.

— Нет, — сказал он неохотно. — Именно про виртуальный бизнес.

— А что это такое?

— Если коротко, — сказал Ханин, — это бизнес, в котором основными товарами являются пространство и время.

— Это как?

— Да как у нас. Ты посмотри, ведь страна уже давно ничего не производит. Ты вообще делал хоть один рекламный проект для продукта, произведенного в России?

— Не припоминаю, — ответил Татарский. — Хотя, подождите, был один — для «калашникова». Но это можно считать имиджевой рекламой.

— Вот, — сказал Ханин. — В чем главная особенность российского экономического чуда состоит в том, что экономика опускается все глубже в жопу, в то время как бизнес развивается, крепнет и выходит на международную арену».

Не записал, что в том же номере «Знамени» где стояла так понравившаяся мне повесть Асара Эппеля, были и стихи Коли Штромило. Стихи определенно мне понравились. Это тот самый Коля, которого я встретил в своем дворе. Значит, пишет, значит, тоже идет своим путем, значит, все было не зря. Я еще помню, как в прошлом году Коля ездил с нашими литинститутовцами в Гатчину и загулял там, даже ни разу нигде не выступил. А все же держится в главном.

6 сентября, среда. Утром был в ВАКе относительно специализированного докторского совета по защите диссертаций. Институту необходим это совет по трем специальностям: теории литературы, истории литературы и по русскому языку. Последнего совета у нас нет, а кафедра стилистики у нас самая сильная. Почему Ю.И. Минералов не хочет нововведений и протестует против любых новшеств, даже попыток? Ему кажется, что в этой перестройке ВАКа старый кандидатский совет по истории литературы сохранится, а будет ли новый — неизвестно. Самое удивительное, что в Литературном институте своей необходимой для совета по истории литературы докторантуры почти нет. Кафедры маленькие, на кафедре современной литературы ни одного собственного доктора. На зарубежной кафедре только один Б.Тарасов, а Джимбинов уже много лет все пишет свою докторскую. Б.Н., кстати, рассказал мне, что С.Б. хотел просить у меня еще один годовой отпуск все под ту же докторскую диссертацию. Но вот на кафедре стилистики своих докторов: А.И.Горшков, Л.И.Скворцов, М.В.Иванова, Н.Г.Михайловская. Какие-то винты у нас недокручены.

Долго разбирался с буфетом. Пока его пришлось закрыть, Андрей, как организатор не тянет. Мил, обаятелен, но в госструктуре с ее неукоснительной отчетностью не работал. С другой стороны, я понимаю его растерянность перед нашими нахрапистыми и ушлыми сотрудниками. Леша Тиматков после получения большой премии заболел. Ранимая душа художника.

Ругал Лыгарева, у него все разваливается. Сегодня Максим Петров подал докладную записку о том, что у нас украли контейнеры для мусора. Это второй раз за последние два месяца. Мальчики работают, как им удобно, выкатывают контейнеры с вечера. Теперь я чего-нибудь придумаю для них финансовое.

7 сентября, четверг. В начале недели были стенания моих сотрудников: «Сергей Николаевич, вы без отпуска, давайте хотя бы пару дней в конце недели поживите на даче». Я уже решил, что в четверг и в пятницу не выйду на работу, но в среду позвонил

после большой, 5000 рублей, материальной помощи Леша Тиматков: заболел, и я подумал, что он может не выйти и в четверг. Володя не вырезал мне стекло, о котором я просил. Но они, ребята, художники, они ни с кем не конфликтуют. Теперь и завтра я пойду на работу. А может быть, правильно живу, потому что в моей жизни каждый день что-то происходит.

Каждый день забываю записать какую-нибудь интересную историю. Вот две.

Несколько дней назад я повстречал нашу бывшую студентку Л.П. Она потом у нас же защитилась, работала и внезапно уволилась. Правда, думаю, догадывалась, что к студентам ее я бы не подпустил. Девочка была замужем, а последний раз за каким-то бизнесменом старше ее, но богатым. Теперь она уже преподает за рубежом в Юго-Восточной Азии. Как попала? Мне объяснили. Преподавала какому-то престарелому профессору с желтым цветом кожи русский язык, подрабатывала. Потом кто-то из сотрудников зашел в аудиторию, где шло это преподавание и сразу же осторожно закрыл дверь.

Шофер Федя, на которого я иногда злюсь, а иногда думаю, что он лучший шофер в мире и самый обязательный человек, рассказал, почему в совхозах и колхозах не рождались у коров двойни. Одного теленка сразу кто-нибудь воровал и продавал. Механизм, как видим, очень простой.

Дочитал роман Алексея Слаповского «День денег». Подзаголовок «плутовской роман» не спасает. Все это не имеет внутреннего стержня, картинки жизни, нажим на пьянство русских. Почти на уровне легкого формального чтения. По композиции близко предыдущему роману Слаповского «Анкета», та же механистичность композиции. Осточертела уже эта ирония, хочется игры с огнем. У Слаповского есть некоторое движение в использования мата. «А вы проваливайте к е.м., е.в.м., с.п.!» Неплохо? Формальный ум, он всегда формальный и именно в этом направлении будет брать свое.

Вечером вместе с С.П. были у Елены Алимовны дома. Как всегда у нее все было очень красиво и возвышенно. Е.А. устроила маленький праздник по случаю приезда ее старшей сестры, живущей в Швеции. У последней недавно умер муж, значит, еще и чтобы чуть ее отвлечь. Обе сестры удивительная, но исчезающая порода женственных женщин. Много говорили о моих дневниках, о Швеции и об институте. Об институте и о литературе мне говорить интересно всегда.

Березовский объявил, что отдает свои акции ОРТ, группе писателей, журналистов, в общем, интеллигенции. Если удастся это список достать, обязательно перепечатаю. Он выразителен

сам по себе и для думающего человека не нуждается в комментарии. Это все общественность? Классно по этому поводу высказался Жириновский, который иногда озвучивает чаяния русского народа. Здесь он сформулировал, что это попытка Березовского оставить за собой руководство ОРТ. Из правого кармана пиджака переложить акции в левый. Было даже какое-то сопоставление с Гусинским. Земля горит…

8 сентября, пятница. Утром целый комплекс переживаний, связанный с общежитием, с нашим бефетом. Оказалось, что Андрей Гринберг не только человек хищный, но и неумный. При инвентаризации у него оказалось: испортившаяся семга на 120 рублей, «заплесневейший» бекон, потерявший «срок годности» йогурт, за два или три месяца работы он продал всего лишь «шесть» банок пива. Вот это пиво и доконало меня, это при том, что наши сотрудники Рома Фролин и Сережа Осипов на всех углах рассказывали, что чуть ли не по пятьсот рублей должны в буфет. Они что, за пельмени ему должны? Я ценил Андрея за инициативу, за то, что он наш буфет все же собрал, но откуда я знал, что хищность так начнет давить на соображение. Воистину, жадность фраера сгубила. Но ясно здесь и другое, он все время жил без контроля бухгалтерии.

Второй комплекс наката — это сначала родители, а потом и студенты Налоговой академии. В прошлом году у нас жили оттуда студенты, Академия платила нерегулярно, отмахивалась от наших претензий, как от мелочных, со своей стороны студенты грязнили, все время у них были лишние люди, дерзили, когда я делал им замечания. Тот угол, которые они занимали на пятом этаже, у меня всегда вызывал беспокойство. Я много раз их предупреждал. Одновременно сам факт их жилья и под их марку создавал некоторую базу для того, чтобы поселить и кого-либо инкогнито. Но как все они изменились, когда я в этом году лишил их жилья, как все обещают жить тихо и скромно. Как мамаши объясняют, что их ребятишки, которых на лето отобрали по конкурсу в Америку на стажировку, там самые лучшие. Там-то они самые лучшие, русские ребята в принципе знают, как надо вести себя в гостях, но дома вываливается наружу своя хамская природа. Это моя маленькая компенсация за пережитые в прошлом году унижения от этих мальчиков и девочек, перед которыми открывается жизнь, которые уже сейчас предвкушают свою будущую обеспеченную жизнь. Как мило они посылали меня с моими замечаниями почти на х….(Это уже по Слаповскому.)

Из общежитийских дел: Володя Макаров, наш переводчик-чуваш и институтский столяр, так с премии и зарплаты напился,

что в своей комнате выломал дверь. Вернее кто-то из ребят ее выломал: «Не умер ли упившийся Володя»

Новости и с первым курсом: застал в 12 часов утра в общежитии первокурсника Малыха с каким-то парнем. Он не на лекции, парень ровесник, но неясный, расстеленная постель, два смятых носовых платка, пепельница, полная окурков, деревенская грязь. Второй парень выдал себя за нашего студента.

Вечером читал новые, летние рассказы Резникова. В нем появился собранный, аскетичный профессионализм, свой почерк. Рассказ о взаимоотношении с отцом безупречен.

Поздно вечером вместе с В.С. смотрели «Табу», это еще фестивальный фильм сделанный тем же режиссером, который ставил «Империю страсти». Но здесь на самурайско-гомосексуальной основе. Все воины влюблены в одного прелестного мальчика-воина, но только все возлюбленные его умирают. Потом оказывается, что это оборотень. Некоторое прикосновение к чужой культуре, к чужой красоте, к чужой жестокости. Чувствуется и след иной удивительной литературы. Завтра собираюсь в Сопово, отвезти рамы со стеклом.

9 сентября, суббота. До трех часов занимался хозяйством, готовил, чтобы взять с собой еду, немножко наводил порядок. Я люблю Сопово за тишину, которая здесь другая, чем в Обнинске, за память о Юрии, за отсутствие грядок, за просторный пустой дом. Живу внизу на кухне и в проходной комнате с лестницей, а семидесятиметровый зал наверху радует. Завтра утром обязательно все вымету.

Прочел «Посланца богов» Эрнеста Малышева. Его книги вышли тиражем 1,5 миллионов экземпляров. Это смесь истории, науки, космических фантазий. Некий текст, претендующий на интеллектуальную религию. Это убогая, массовая нелитература.

Александр Говоров-младший «Талисман». Это кто-то из потомства Лиды Либединской. Ироническая проза искусственно повзрослевшего молодого человека. Проза из дома, где все пишут и знают, что пером можно заработать на хлеб с маслом и необременительную жизнь.

С боязнью взялся за повесть Володи Крупина «Люби меня, как я тебя». Володя сложный человек, с фиксированными взглядами. Я уже знал, что повесть будет христианская, но она оказалась еще и про любовь. Схема известная — любовь к молодой девушке, которая умрет. Страдания в поезде Москва—Ленинград. Герои оба — православные люди. Но как плотно и хорошо написано. В наше время создать образы двух положительных героев это очень тяжело. Я читал с интересом, что бывает со мною не часто. Много

верных политических суждений, они несколько повесть приземляют.

Начал читать повесть Галины Кузнецовой «Гость таинственный». Это тоже, кажется, патриотическая линия. Но опять читается легко и общий тон тактичный и умный.

10 сентября, воскресенье. Плохо спал ночь. Лег рано, потом несколько раз просыпался, читал. Утром, еще не было семи, начал ставить лестницу и монтировать рамы. Со стеклом рамы стали намного тяжелее, почти неподъемные. Еще подивился, в который уже раз, человеческим возможностям. Думал, что и одной-то рамы не установлю на весу, лестница хлипкая, на второй этаж подниматься. Под рубашкой липкий холодный пот. Одну установлю и баста, потом приедет кто-нибудь из шоферов и поставит. Ладно, еще одну поставлю сам. Сил уже никаких, руки и ноги трясутся, а справился и с последней. Сразу попил чаю и лег под одеяло читать, это было в двенадцатом часу дня, отложил книжку. И тут мне приснился страшный сон. Сразу записал, но и сейчас сон с отчетливостью яви стоит у меня перед глазами.

Мы с В.С. едем на автомобиле. Резко тормозим на перекрестке, я замечаю разметку, летний день, людей, светофор. И вдруг я вижу, что В.С. нет. Каким-то образом, или она вывалилась из машины и почему-то попала в канализационный люк. Это метров за тридцать от перекрестка. Я вижу ее и ее лицо, она держится на руках. Я уже бегу к ней, и сердце у меня замирает от предчувствия несчастья. Но сразу перед тем, как я уже почти добежал, она вдруг исчезает. С размаху я бросаюсь в эту трубу, уходящую внутрь. Лечу несколько метров. Сырая кирпичная кладка окружает бетонные кольца. Задерживаюсь на каком-то приступочке. Подо мной, дыша, занимая все пространство туннеля, свинцовая быстрая вода. В водовороте крутится какая-то щепочка. Импульс броситься в эту уже сожравшую все живое воду.

Усилием воли, чтобы сон не продолжался, я просыпаюсь и начинаю собираться ехать в Москву.

11 сентября, понедельник. Для «Труда»:

Чего писать о Березовском? Эта фигура заслуживает романа и пера Бальзака. Какой матерый человечище. Кстати, абсолютно бальзаковская тема: деньги, добытые во время политической смуты. Что касается последних событий с передачей пакета акций или, как весьма остроумно выразился Глеб Павловский, «конфетных бумажек», эта акция знаменательна только тем, что Борис Абрамович «засветил» всех своих «демократов» как людей

небедных. Жаль, конечно, что в эту бесконечно ангажированную компанию попал Виктор Пелевин. Это может стоить ему карьеры, по крайней мере, высветило его связи и пристрастия. Список всех этих предложенных Березовским деятелей культуры надо обязательно переписать и хранить так же, как список из 42 человек, в свое время обратившихся к Ельцину с просьбой «добить гадину». Оба списка уже принадлежат истории русской «освободительной мысли».

По сути дела ни визит Путина, ни дело ОРТ, ни подлодка, изваянная русскими умельцами в горах Колумбия для перевозки наркотиков, не являются подлинными событиями недели. Героем дня стал нарком железных дорог Аксененко, чье ведомство резко подняло цены на железнодорожные билеты. Дело представлено так, что больше платить будут богатые, те, кто ездят в купейных вагонах и в вагонах СВ. У богатых-то всегда будут деньги, за богатых, как правило, платят фирмы. Но что означает поднятие цен на пригородную электричку? Прощай свежий воздух для бедных, прощай дача-кормилица, прощай последнее ощущение свободы. Впрочем, возможно, у Киселева с Гусинским и у Доренко с Березовским на это другая точка зрения».

Вечером дочитал повесть Галины Кузнецовой. Конечно, она пишет не хуже Улицкой. Здесь есть характеры, интересные наблюдения, есть здесь кроме частной жизни еще и общественная и часто в прямых публицистических формах. Это первые годы перестройки. Хорошо, что Кузнецова, не следует до конца криминальному началу, сама ситуация и убийство некого расчетливого порхунчика по жизни, Азарова ее не интересует. Но, как и многие, Галина Кузнецова не может удержаться на самой же заданном уровне и часто сползает в многословие и беллетризм.

По ТВ передали о том, что в ожоговом центре института Склифасовского скончалась еще одна девушка, жертва августовской трагедии на Пушкинской площади. Как беззащитен народ, но как много охраны вокруг наших депутатов, спикеров и президента

12 сентября, вторник. Семинар — обсуждали рассказы Филиппа Резникова. Это как бы мой ребенок, вернулся с летних каникул, я вижу, как он вырос и возмужал. В подборке рассказы про некого Аркебузова — совершенно новый тип, но сумеет ли Филипп его мифологизировать? Правда, не без воспоминаний о Хармсе. И здесь же большой рассказ «Человек просящий»: сын, детство, воспоминания об отце, с которым мать в разводе. Суховато, рационально, но, читая прозу Резникова, я все время думаю о Трифонове, который учился здесь, в этих аудиториях.

Здесь же у нас учился и Иван Шевцов, юбилей которого только что отпраздновали. Какие разные люди собрались под одной крышей, какие разные идеологи. Значит, не совсем учитель воспитывает ученика, значит, и сам он со своими представлениями о мире и со своими генами что-то значит.

Хорошо и точно говорили на семинаре ребята, и удачно начал А.А.Михайлов-младший. Уже после семинара, когда я завел речь, что начал читать повесть Г.Бакланова «Мой генерал» и она мне понравилась, Саша рассказал историю. Он живет в двух дачах от дачи Бакланова. Бакланов был распорядитель кредитов Сороса в литературе. Вроде бы так. В то время Саша редактировал журнал «Соло» и от «Сороса» получал на журнал, назовем это тактично — грант, не деньги. Потом Саша решил дать все это почитать распорядителю кредитов и соседу и после чтения, когда Г.Я. увидел, что там печатается, фонд Сороса гранты давать перестал. Я про себя подумал: и правильно сделал, все, что редактирует Саша, мне в свое время показалось довольно странным и облегченным. Модернизм маскирующийся.

Закончил читать баклановскую повесть. Читал с удовольствием, может быть, это мой внутренний убаюкивающий ритм. Все же он большой мастер и умеет очень чисто и возвышенно писать и любовь, что я очень высоко ценю, и саму жизнь. По прозе он очень высоконравственный человек со своей правдой. В прозе много жестоких проговорок о времени, которые никогда не допустил бы Бакланов-соросист и совершает Бакланов-художник.

Проводил кафедру. Призыв работать по-настоящему с платными студентами.

Казус произошел с Ю.П. Кузнецовым: он уверял, что в аудитории, где он преподает, установлена телекамера, которая фиксирует все его разговоры. Оказалось, что это направленный прожектор, который остался еще с бардовских вечеров «Третьего уха». Мы до сих пор дети товарища Сталина и его времени.

Для «Труда» на следующую неделю. Надеюсь, что не устареет:

«Невероятное впечатление произвело сенсационное интервью Сергея Доренко, рассказывающего о своей часовой встрече с президентом на пресс-конференции, публично. Новая ипостась телезвезды. Пришел человек в гости, попил чая с пирогом, а потом говорит: чай жидок, пирог подгорел, хозяин… Доверчивый человек у нас президент. Ему все ставят в строку. А может быть, дисквалифицировался, как человек осторожный? Я хорошо помню, как в самом начале встречи со студентами и преподавателями Литературного института В.В. Путин, догадываясь о нравах прессы, попросил журналистов покинуть зал. «Ну, а теперь

побеседуем». И, кстати, из целого зала пишущих людей никто потом не сподвигнулся понести некоторые откровения президента в прессу. Писатели. В сегодняшнем случае мне вспомнился Ленин, который, — сам-то журналист-практик, говорил о своеобразии журналистов в буржуазной печати. Вряд ли статья под названием «Партийная организация и партийная литература» укрылась от кого-либо из закончивших институт международных отношений еще во времена застоя. Вот еще почему для меня пресс-конференция Доренко, моего до сих пор любимого телеведущего, — явление неслыханное. Что там говорил Кант о звездном небе над головой и нравственном законе в душе? Ошибался старикан. Вождь мирового пролетариата, когда утверждал, что в буржуазной журналистике все на продажу, сравнивая ее с иной более энергичной профессией, был к истине ближе. Ай да Доренко, ай да журналист! Но на этом не закончились все мои самые волнующие впечатления телевизионной недели. На ТНТ7-м канале показывали фильм «Маугли». Не кукольный, а с живой пантерой Багирой, тигром Шерханом и мудрым медведем Балу. Сколько благородства и широты у зверей, как они мужественны и принципиальны! Вот только один шакал Табаки все какой-то прежний. И Маугли его не любит, и Киплинг. Видимо это животное пообщалось с людьми из замечательного племени, дающих пресс-конференции».

13 сентября, среда. Я не устаю удивляться на людей. В институте уже давно лихорадит с охраной. Фирма С.И. Лыгарева, услугами которой мы пользуемся, дает крен, охранный бизнес хиреет, становится дороже. Народ все чаще хочет не работать, а просто что-то сорвать. Московские мальчики и девочки заражены какими-то огромными деньгами, которые кто-то, где-то платит. Вот и сейчас мой секретарь и охранник Дима ушел в отпуск, потому что ему пообещали работу грузчика на 300–400 долларов в месяц. Прошла уже неделя, а этой самой работы нет. Конкретно все нище и голо. Тем не менее, нам приходится все время в охрану «вербовать» новых и новых людей. Как правило, стараемся брать заинтересованных: студентов — заочников, у которых появляется возможность жить в Москве, мы ведь в этом случае охраннику предоставляем комнату, ребят, старающихся зацепиться за Москву, которые заинтересованы в другой работе, ведь у нас-то два дня из трех охранник свободен. Вот и опять попались двое откуда-то из нижегородской глубинки. Один сразу отсеялся, а другой вроде прижился, его одели в форму, дали койку и т. д. Но вот этот самый Ваня вдруг назанимав у своих уже московских товарищей денег исчезает, прихватив и форму, и какую-то мелочь, и чью-то спортивную сумку. Или нагляделись на

ТВ, где люди хапнули миллионы, и ничего, или не хотят жить, не веря в него, завтрашним днем.

Гонял шофера Сережу в «Наш современник», откуда он привез мне очередное продолжение моих дневников. Я вперился в них. Это конечно роман, быть может, даже для одного человека, и это человек я. Для меня все мелочи зримы и объемны.

Вечером с В.С. и Барбарой ходили на новый спектакль «Любовные письма» с Ольгой Яковлевой и Олегом Табаковым. Прелестная камерная на два часа пьеса Альберта Гурнея, и без единого сбоя и штампа игра этих выдающихся актеров. Оба исполнителя очень тактично дали друг другу поблистать, находясь в честном соревновании. Не так уж часто в театре видишь что-либо без одного наигрыша. Особенно хорош был Табаков во второй части спектакля, где его персонаж — крупный политик. Естественно, мужчина живет карьерой, а женщина чувствами. Яковлева превосходно слепила образ полусумашедшей современной женщины, которая не знает, куда приложить силы. Для Табакова это какие-то новые ходы в следующие его возрастные актерские круги. Тем не менее, я вижу некий кризис в русском театре. Все меньше больших, объемных спектаклей о жизни, даже из классики делают концертщину. Театр растаскивается по антрепризам. Вот и Лелик играет не во МХАТе, где все надо через госкассу, а частным образом, выступая, еще и как антрепренер.

Наконец-то до меня дошла статья Станислава Рассадина о моих дневниках. Многое здесь интересно, чувствуется, что журнал маститый критик вертел и так и сяк, но обеспокоен он только еврейским вопросом. Есть место, где дневник он называет смешным, но тем не менее для аналогии пришлось ему вытащить даже «Уединенное» и «Опавшие листья» Вас Розанова. Интересно, что Приставкина от еврейства Рассадин защищает, а вот от его умения уходить в сторону во время наездов на его якобы друзей забыл. А это тоже описано в дневнике за тот же год. Меня радует только то, что в дневнике появляются сквозные герои. Теперь надо их вести.

14 сентября, четверг. Пришел «Труд». Мою заметочку отредактировали сапогом. Выпала мотивировка, почему «засветился» Пелевин и все, что связано с бедными и электричкой. Все свелось к интеллигентскому: что же, вся Россия должна ездить в общем вагоне?

Сегодня днем приезжал Владик Илюшин со своими африканскими новостями. Живет он в Гвинее, там белый человек такая же редкость, как попугай в наших лесах. Университет, в

котором он преподает, полон русских из разных регионов России — это математики, физики, врачи, химики — это самая дешевая рабочая сила а науке. Среди прочих курьезов Владик рассказывает: собирают кафедру, рабочий язык английский или французский, но вдруг все заговорили по-русски. Все университетские кафедры мира полны русских математиков.

Из Владивостока приехала моя сестра Светлана, завтра она приедет от Валеры к нам в гости и будут рассказы, новости.

Весь вечер сидел, разбирая правку Татьяны Александровны. По моему роману о Ленине она сделала гигантскую работу, а самое главное — роман прочла. Получилось у меня что-то около 300 страниц плотного компьютерного текста и плотных набранных листов «Юности».

Решил коллекционировать «автомобильные» анекдоты, которые постоянно рассказывают мне шофера: «Милиционер-гаишник «потрошит» водителя. У того, к досаде милиционера» все в полном порядке. Есть огнетушитель, аптечка, в порядке документы. Ну никаких причин, чтобы получить взятку! Досмотр и пытка недостатками закончились. «Товарищ милиционер, я могу ехать?» спрашивает водитель. Раздосадованный милиционер: «Езжай, езжай, если у тебя нет совести», — отвечает человек в форме.

15 сентября, пятница. Вечером приезжала моя двоюродная сестра Светлана с дочкой Светочкой и ее сынишкой Сережей. Я их помню еще по Владивостоку. Я сразу спросил о муже Светочки Саше, отце мальчика. Я помню, что он тогда был безработным и жил за счет каких-то боковых доходов. Я приготовился услышать даже что-то скверное, потому что парень он был рисковый и ради семьи его могли толкнуть на это самый риск, но оказалось, что он сейчас в командировке в Японии — работает на фирме, время чуть стабилизировалось, и уже не надо зарабатывать, рискуя попасть в тюрьму. Маленький Сережа свел меня с ума. стремясь сесть за компьютер — уже привык в доме к игровой приставке. К сожалению, мальчик говорит о долларах, о том, кто и сколько зарабатывает долларов — взрослые разговоры.

Закончил читать роман Ольги Славниковой «Один в зеркале», напечатанный в «Новом мире». Это уже стало общим местом: отличное глубокое письмо, прелестные наблюдения, но внутри все полумертво. Жизнь лишь высчитывается. Автор не хочет выходить один на один с проблемой, да и, видимо, знает ее только понаслышке. Проза Набокова и, как ее отблеск, проза Битова никому не дают покоя. Блеск зеркала через отсветы других зеркал. Это портрет мужчины и через него портрет женщины.

Рационалистка Славникова создает еще и как бы систему прототипов, одевая куклы в свои платья. Не конструкторское бюро, а пошивочная мастерская. Действуют некий Антонов и Вика, в зеркале отражается лишь один филологический туман.

17 сентября, воскресенье. В субботу сидел над вычиткой «Смерти титана». Татьяна Александровна очень точно указывает на все пограничные, в смысле дурного вкуса, места моего неправильного словоупотребления. В четверг нечаянно в бассейне я поменялся с соседом пластмассовыми мешками с бассейновым оборудованием. У меня были хорошие плавки, отличные очки для плавания, шампунь и китайская шелковая шапочка для плавания. В пятницу отвез чужие вещи в бассейн, но своего у дежурной не обнаружил. Удивительно, ведь ходят-то туда состоятельные люди, а вот и здесь не могут расстаться с копейкой. Посмотрим, что будет во вторник. Тем не менее поехал в магазин, чтобы все это купить. На обратном пути с Комсомольского проспекта дошел до Фрунзенской и там по новому пешеходному мосту через Москва-реку дошагал до Ленинского проспекта. Оказываешься будто в чужом городе. Сделал еще одно наблюдение: мало детей, дети все заняты, если не школой, как раньше, то добыванием денег на пиво и сладости. Какой же красоты этот мост и как много сделано в этом центральном районе для богатых. Представляю, как нажились строительные компании на этих подрядах. Стоит все это невероятных денег, и это на фоне полного неблагополучия окраинных районов. Но ведь наши туристы отвозят в Париж и Лондон огромные деньги, может быть, есть смысл, чтобы лондонцы и парижане привозили немножко своих рублей к нам?

Начал читать огромный роман Юрия Дубова «Большая пайка». Пока это производит на меня обнадеживающее впечатление.

18 сентября, понедельник. Наполовину прочитал роман Дубова, читается это запоем. Потому что и человеческий, и финансовый, и криминальный материал из первых рук, но тем не менее это не литература. Все подчинено упрощенному восприятию литературной данности современного человека, да и написано без должной писательской рефлексии. Каждый пишет, как думает. Писатель не может перешагнуть через себя, и не каждый человек, хорошо владеющий письмом, большой писатель. В повторах и излишних деталях Казановы новая данность. Текст еще и слишком холодно вычищен, м.б., не обошлось и без литрабов. Мне сказали, что высоко оценил роман Е. Сидоров, мне долго было это непонятно, ведь он опытный критик. Потом я

узнал, что Дубов генеральный директор ЛОГОВАЗа. Я и за машину не поставлю этот роман на призовое место.

Был в ВАКе, отвез предварительные документы на открытие докторского специализированного совета. Необходимо еще ходатайство министерства. Все решается на удивление быстро и четко. По совету местного начальства решили в совете сделать двух заместителей председателя. Вторым станет Ю.И.Минералов Это лучше, потому что при всех прочих качествах, Ю.И. человек энергичный. Писал ли я, что вышел очередной номер «Вестника»? Большая часть его посвящена нашим аспирантам. Теперь надо делать следующий.

Прочел легкую повесть Валерия Алексеева «Похождение нелегала». Вещь милая и светлая, но это перифраз Свифта и Влад. Орлова. Автор, кажется, живет в Германии.

19 сентября, вторник. На семинаре обсуждали рассказ Светланы Зимаревой о двух девушках-лесбиянках или почти лесбиянках, которые не могут часто общаться из-за того, что их окружает не та среда. Это почти перифраз заглавия рассказа. Светлана с замечательным чутьем к языку, этот ее рассказ емок, прост по конструкции и оставляет после себя ощущение дрожащего воздуха жизни. Вопрос только в том, чтобы она двигалась дальше из этой своей маргинальной ямы. Естественно, на семинаре прозвучали упреки, суть которых — это отождествление автора и героя. Но многим, и мне в том числе, было завидно, что наша жизнь проходит без таких празднеств и загулов. Молодость канула, а я ни разу, пожалуй, не был в большом разврате, не напивался, пожалуй, ни разу до крупных чертиков, а где наркотики, воровство, измены, предательства.

Во второй половине дня ездил в Министерство добывать письмо-ходатайство в ВАК об открытии докторских советов. Все решилось быстро и четко. Правда, я заранее созвонился с начальником управления Дополнительного образования Валерием Васильевичем(?) Бел… И привез ему заготовки даже и того письма, который департамент должен написать в ВАК. Решение должен готовить тот человек, которому это решение необходимо. Но с Валерием Васильевичем, пока перепечатывали письма, мы хорошо поговорили. Обсудили тему армии, он рассказал, как в свое время ломали 32 института повышения квалификации ВАК. Я понял, что в министерстве далеко не всем по душе новая «западная» реформа средней и начальной школ. Во время разговоров понял, что министерство поддержит инициативу института об открытии докторантуры.

Евгения Александровна жаловалась на Игоря Эбонаидзе,

которого мы пригласили для чтения курса немецкой литературы. Я не понимаю, как мог молодой кандидат наук оскорбить женщину, которая в свое время выдавала студенческий билет и справки и ему самому, и его отцу. Я принял твердое решение: в институт Игоря брать не буду. Не забыл я и как отправляли его в Германию, сколько было звонков вокруг него, давиловки и суеты. Придется уговаривать В.А. Пронина взять на себя немецкую литературу.

По ТВ: организован общественный совет НТВ во главе с М.С.Горбачевым. Если иметь в виду позицию НТВ относительно России и ее строительства, то привлечение в совет Горбачева, выглядит симптоматически. Выступавший гл. редактор «Эха Москвы» Алексей Венедиктов требовал встречи 4-х главных редакторов с Путиным. Это ответ интеллигенции на напор Газпрома за долги взять часть акций НТВ себе, т. е. подчинить НТВ другому идеологическому начальству. Я-то понял, что Гусинский все это свое телевизионное богатство построил в долг.

Дочистил после правки Т.А. рукопись «Смерти титана». Получилось 28 листов. В конце этой недели или в начале следующей за рукописью зайдет Саша Варламов.

20 сентября, среда. Отвез в ВАК все документы по открытию докторского совета.

21 сентября, четверг. Вечером ездил смотреть фильм Ридли Скотта «Гладиатор». Очень многое от фильма ожидал, но по сути фильм банален и плоск. Интересна только вещественность, которая в кино добывается деньгами: реставрация оружия, обычаев, костюмов. Гладиаторские бои и натурализм крови щекочет нервы и сегодняшнего зрителя. Где-то я прочел, что исполнитель главной роли где-то в Австралии сейчас занимается фермерством. Это я держал в памяти все время. Здорово сняты и сцены битвы с германцами, с варварами. Фильмы сейчас снимают уже для очень быстрого зрителя, который привык немедленно в полглаза считывать с компьютера информацию. Мне это нравится.

22 сентября, пятница.

Очень сложной оказалась вторая половина дня. В четыре часа был на вернисаже у Елены Киселевой на Пушечной улице, здесь открывалась выставка экслибрисов. Это ее уже третья выставка, жаль только, что сама книга у нас в стране постепенно отмирает. Полулитература вытесняет литературу. Это хорошо видно и по Пенне.

К сожалению, не смог до конца быть на презентации книги Евг. Солоновича в малом зале ЦДЛ. Евг. Мих выпустил прекрасную книгу избранной итальянской поэзии: от Данте до наших дней. Зал был битком. Вот так и бывает: одни писатели добиваются Большого зала и не могут собрать аудиторию, а другим дают малый, который оказывается мал. Но не только сама книга привлекла внимание зала, но и личность Евг. Мих., всегда доброжелательного, внимательного и всегда очевидно талантливого. Выступавший Зверев приводил афоризм Набокова о поэтических переводах: «Замученный автор и обманутый читатель».

Уехал неприлично рано, потому что уже договорился о поездке на дачу. Завтра утром забирать навершие на колодец. Настоящий колодец с ручкой — это моя мечта. На даче многое можно было бы сделать и много привезти вещей и книг, которые украшают жизнь, если бы не постоянный страх, что заберутся и все украдут. Время неминуемого разбоя. В этом случае очень волнуюсь за В.С. Совершенно беспомощный человек — открывает квартиру. Никакого труда не составляет отобрать у нее ключи.

Около девяти вечера позвонил Вадим Валерианович Кожинов. Отношения у меня с ним дружественные, он ни в коей мере от меня не зависим, места в институте не ищет, а по своей природе человек не заискивающий. Он позвонил, чтобы сказать, что у меня в дневнике есть одна фактическая ошибка и одна неточность. Ошибка эта — повторенный мною анекдот о «бабушке, укравшей чайник». Бабушку защищал не Кони, а Плевако. Неточность касается Льва Разгона, история этого человека В.В. хорошо известна. Он не только, оказывается, был из родни и окружения Бокия, но и сам работал в КГБ. В каких-то мемуарах Разгона это есть на уровне проговорок, а где-то Разгон это тщательнейшим образом вырезал. Надо взять и прочесть кожиновскую книжку «Россия век XX. 1901–1939. Опыт беспристрастного исследования». С 39 по 64. том II.

23 сентября, суббота. Установил ворот и крышу над колодцем. Крепление пришлось усиливать. Сделано довольно плохо и примитивно, а цена высокая — 1200 рублей. Также обрезал старые двери от балкона, которые поставлю в качестве рам на парник. Уже года два они мозолят мне глаза, но понадобился стимул.

Погода чудесная, гулял с Долли вдоль реки и много читал:

Совсем не самая простая вещь «Замыслил я побег…» Юрия Полякова. В свое время в «Знамени» я так же пытался назвать один свой рассказ, но журнал сократил пушкинскую цитату до

одного слова. Кстати, как и у Полякова, там то же побег от жены и детей. Правда, другие мотивы. Вещь, как всегда у Юры, остро современная, гротесковая, но так славно проглядываются детали сегодняшнего дня с его банками, фирмами, офисами и людьми, психология, которых очень и очень меняется. Вряд ли Юра при советской власти жил бы так хорошо, как живет теперь, вряд ли построил бы такую дачу, какую построил сегодня в Переделкино, но объективно, как писатель, он не друг новому режиму. А впрочем, и при советской власти у Юры было бы все, но еще и оглушительная слава, а слава это, бесспорно, больше, чем деньги.

24 сентября, воскресенье. Очень рано поехал с дачи. В Москве огромное количество дел по чтению и письму, что и на даче всего сделать не успеешь. Отвлекают более приятные дела по хозяйству. Насильственное, за деньги — чтение это большой и жестокий труд.

Как всегда остановился возле молочного заводика в деревне сразу после второго поста ГАИ (люблю старое наименование этой неменяющейся организации). Здесь мы с В.С. обычно покупаем на неделю сметану, творог, масло, кефир. Не то что дешевле, а если дешевле, то не намного, а просто товар свежий и не мучимый на многих перевозках. Есть, конечно, и некоторая гарантия качества. Сегодня не было сливочного масла, уже в середине дня — скупают по два-три килограмма, это видимо после ряда статей о подделках сливочного масла, среди которых и такой способ: вымазывание целого бруска маргарина слоем настоящего сливочного масла. Здесь же купил и три килограмма винограда. Его продают с машины дагестанцы. По привычке узнавать «исходное» выяснил, как возникает цена. Перекупщик-дагестанец приобретает у соседей виноград — привез он КамАЗ — по 8 рублей за килограмм, а продает по 13. С собой у него был сертификат качества и справки из сельского совета, что это виноград, выращенный на собственном участке, все документы у него были в абсолютном порядке. Но среди трат, из которых слагается торговая наценка, есть такая. Дагестанцы мне признались, что не было ни одного поста ГАИ, который они проехали бы бесплатно. Вот такса: сначала по 20–30 рублей, потом стали давать по 50. Особенно мздолюбивы, по словам дагестанцев, волгоградские гаишники — тем надо было давать по 100 рублей. Ну а в Москве и в Подмосковье цена столичная — дагестанцы говорят это без возмущения — тоже 100 рублей. Возмущаться надо потребителям. Из-за неумения нашего министра внутренних дел управлять вверенной ему областью — ГАИ — потребитель на каждом килограмме винограда теряет 2–3

рубля.

Заезжал в Теплый Стан на строительную ярмарку. Купил «Пинотекс» для окраски теплицы. Запрашивали 280 за банку, отдали за 250. Здесь тоже есть почва для размышления. В магазине потерял бумажник, в котором немножко денег, а главное — единственный экземпляр моей любимой фотографии В.С. После пожара в моей квартире я по-настоящему жалел только о моем портрете работы моего армейского товарища Володи Кейдана, а теперь долго не успокоюсь по поводу этой сущностной, как мне кажется, фотографии.

Подбиваю концы с чтением на конкурс Пенне.

П.Алешкин совсем не хуже, чем Юрий Дубов. Его новая книжка называется «Лимитчики». Что-то подобное я уже у него читал. Здесь нижние этажи так называемой лимиты, агрессивной и разной. Живая почва для новых русских. К сожалению, новые оказались много хуже старых. Очень хороши у Алешкина небольшие рассказы: «Я — убийца. Рассказ омоновца». «Убийство генерала Рохлина. Рассказ омоновца». Кое-что выглядит фантастически, но почему бы и нет?

Тимур Зульфикаров — это, наверное, гениально, но читать эти поэмы я не могу, у меня не хватает для этого ни головы, ни терпения. А может быть, это возраст? В этом году Тимур по поводу своего участия в Пенне даже не звонит.

«И будет Вознесенье» небольшой рассказ Александра Арцибашева о похоронах старика в сибирской деревне написан в любимой мною простой русской манере. Есть сюжет, язык, хорошая метафора — могилу копали в жуткие холода, даже рвали землю взрывчаткой, но перед похоронами забыли развязать покойнику ноги и в тот же день стали заново могилу раскапывать. Как же он со связанными ногами пойдет к Богу. О скрытой в народе религиозности. Я это все очень хорошо понимаю и очень тоскую, что нет у меня полной веры.

Анатолий Курчаткин «Бегство» Из книги «Радости смерти». Как всегда у Толи больше от ума, нежели от сердца. Все сработано крепко, добротно, местами почти искренне. Он напал и уже несколько лет работает на очень интересную полудокументальную манеру, но чтобы работать в ней и прославиться, нужно было советское время. Я помню роман Толи про метро, тоже, скорее, не чтобы выразиться, а чтобы подыграть времени и властям.

Очень умелой и талантливой рукой сделаны рассказы Бориса Василевского опубликованные в «Новой России», это лишь рассказы. Здесь, правда, есть вопрос о претензиях, о собственной самооценке. Я об этом уже писал.

О другом, мелком разнообразии Пенне не пишу, просто выбраковываю.

25 сентября, понедельник. Для «Труда»:

«Вот она сила прессы: невольно включаюсь в борьбу «за» и «против» НТВ. А вообще-то, какое дело крестьянину с его сельскими заботами и школьному учителю с его городскими до собственности господина Гусинского? Ну, какое дело до московских скандалов, когда опять не выполнен привычный при советской власти летний завоза топлива, продуктов и учебников в самые восточные земли России оленеводу-чукче? Чукча даже вправе будет связать этот самый «незавоз» с деятельностью НТВ и, по-своему, будет справедлив. На НТВ все монетаристы да монетаристы, а солярка, картошка, хлеб и спирт вещи, как известно, вполне материальные. Где, господин Гусинский и господин Киселев этот простой продукт? Одни займы, да акции, сплошная виртуальность. Вот тебе и глас народа. Немцов, Явлинский и Хакамада, а где наш друг чукча?. Ну, коли должны почти госучреждению, Газпрому, 210 миллионов долларов, то и отдайте. И неужели думает наивный чукча, все эти высокие гонорары журналистов на НТВ платили из этого самого долга, так сказать, за счет рядового избирателя? И знаменитому, как Шаляпин, адвокату Резнику тоже из этого долга? Ну, вы даете! У нас ведь и за двадцать долларов в коммерческой палатке убьют, так что радоваться надо, что государство такое гуманное и за миллионы можно расплатиться распиской о невыезде. То Путина в образе Сталина покажете, с трубкой, то как пожарника, то какую-нибудь иную досадную каверзу устроят… А этот президент-дзюдоист все по столу кулаком не стукнет. Даже наивный оленевод-чукча понимает эту тактику. И все мы, простые люди, понимаем, что хочется на НТВ во что бы то ни стало политического скандала. На политический скандал все может быть списано. А скандала все нет. И даже более того, когда рассеялся лирический туман, выяснилось, что империя финансово гения выстроена в долг. И высится этот долг, как большой кукиш г.г. Гусинского, Киселева и Малашенко, шлющего нам свои приветы из комфортабельного Лондона над просторами далекого магаданского севера».

26 сентября, вторник. Рано проснулся и прочел повесть Отрошенко. Читать это трудно, за словами какие-то подтексты и даже геополитические хулы. Все это конечно, о России в журнале. Дайте же мне от литературы получить хоть какое-то удовольствие.

Обсуждали замечательную повесть Паши Быкова «Бокс». Это

какое-то новое отношение к действительности, к природе человека и к сегодняшнему дню. Как было уже не один раз, пришлось Пашу отбивать от семинара. Но на этот раз все у Паши удалось. Его традиционная нелюбовь к женщинам выразилась в том, что героиня на протяжении пятнадцати лет сожительствует с собакой, с кобелем. Уйдя на пенсию, героиня побирается, чтобы купить своему кобелю мяса. В конце повести, загрызая хозяйку, муж и кобель Боря, называет ее сукой. Она научила его языку. Хороши детали, например, выпавший в стакан с водой глаз официанта. Здесь поразительная вера Быкова в себя, как в писателя. Но у Паши какие-то болезни, нехорошо с кровью, пять дней в неделю он сторожит по ночам какой-то компьютерный офис.

Вечером ездил в Союз журналистов на презентацию книжки погибшего сына Иры Медведевой Ильи Тюрина. Мальчик утонул в 19 лет. Мальчик, безусловно, талантливый, хорошее лицо на портрете. Родители организовали фонд имени своего сына и собираются поддерживать и выдавать премии молодым талантливым ребятам. Здесь есть смысл получить премию имени сверстника. Да и не страшно ли молодому человеку сразу получить премию имени Пушкина. А потом чем премий больше, тем выдаются они справедливее. Все взрослые премии это еще и сложный баланс интересов членов жюри. Марина Кудимова, впадая в подобающий случаю транс, все же сказала вещь справедливую: гениальность — это возраст молодости.

В метро видел молодую даму, читающую какую-то книжку и одновременно потягивающую из алюминиевой банки напиток под названием «Джин». И ничего.

В Праге немыслимые волнения против сессии Всемирного банка и глобализации капитала. Вот тебе и «бархатная революция». Демонстранты, собравшиеся из разных стран, видят в этой глобализации путь к обнищанию трудящихся. По сути, это еще и движение против еврейского капитала, который стремится стать интернациональным.

Закончился второй день недели, а я уже устал, как вол в ярме.

27 сентября, среда. С весны все время думал о повышении зарплаты в институте. Но весною все как-то этим заниматься не хотели. Евгения Александровна ушла в отпуск, она пенсионерка, у нее собаки, Дмитрий Николаевич покупал квартиру, Лешу Тиматкова, как пофигисту и сыну обеспеченных родителей, эта возня не интересовала. Лев Иванович и Александр Иванович в преклонном возрасте, Валентин Васильевич на этом

административном уровне думать не умеет, он болен, он много ездит, он любит Отчизну. Я один долго изобретал принцип. Решил начинать с проректоров, как людей, организующих производство, и с низкооплачиваемых: преподавателей без степени, преподавателей со степенью и доцентов без степени. Одновременно зарплата повышается у методистов несовместителей — у Барановой, Ирмияевой и Киселева. Одновременно идет упорядочение структуры учебной части. Вся сложность заключалась в том, что Тиматков и Лаптев заняли какую-то устало-расслабленную форму отношения к работе. У Д.Н. зуд больших денег, ему кажется, что это именно он привлек платных студентов. Он их уловил и юридически укоренил, но идут они именно в Литинститут, который прославился тем, что здесь хорошо учат, и тем, что ректор беседует с каждым студентом. А Леша с годами усвоил, что всех дел не переделаешь. Он устал от административной работы, натура он артистическая, ему кажется, что артистом он может быть, и не будучи проректором. Он едет в отпуск на Мальту, хотя мы договаривались, что, пока мы не отремонтируем фасад и не зарегистрируемся в Москомимуществе, он в отпуск не пойдет. Фасад, о ремонте которого с фирмой договаривался он, полуразрушенный стоит, ограда на Бронной разобрана и тоже ни с места. Но интеллигенция кричит: в Москву, в Москву. Интеллигенция не хочет работать в грязной провинции. На Мальту! А я его отпускаю. Я думаю, что вот эту любовь к себе, к миру только через себя, этот мальчик, родившийся в Праге, воспринял у своих родителей. Все последнее тяжелое время мать Леши работала, занимаясь почтой, в Немецком посольстве, а отец в какой-то инофирме. Для них все, что происходило, конечно, благо.

Мне нравится, что дело о гласности, о свободе слова и о НТВ постепенно переходит на уголовные горизонты. Самое интересное сейчас следить за адвокатом Резником, который напирает на отсутствие этики у Генпрокуратуры. Гусинского вызвали на допрос, но он где-то за рубежом. Занятно.

28 сентября, четверг. Состоялся Ученый совет, на котором я объявил о повышении зарплаты для низкооплачиваемого персонала, преподавателей без кандидатской степени и доцентов без звания (мастеров кафедры творчества) и для проректоров. В октября будет следующая очередь — профессора и доценты. С большой гордостью я объявил, что С.П. (подразделение связанное с деньгами) будет получать 6000 рублей. Возвращаясь с работы, разговорился в метро с двадцатилетним парнишкой, который

ехал куда-то на тренировку. Он недавно закончил ПТУ, повар, работает в кафе где-то на Старом Арбате, в армию его не берут, потому что мать и малолетняя сестра, — он единственный кормилец. Так вот, зарплата у этого мальчика такая же, какую получает преподаватель и ученый, координирующий важнейшую государственную задачу — воспитание следующей смены писателей, ученых, крупных редакторов и управленцев 6 тыс. рублей.

В Югославии состоялись выборы президента. Милошевич, который, похоже, проиграл, требует второго тура, оппозиция, которая вроде выиграла, требует немедленной передачи власти. Западные власти уже поздравляют противников бывшего президента, будто бы они сами считали бюллетени. Пикантность ситуации усугубляется тем, что 2/3 парламента это сторонники Милошевича и, в соответствии с традицией, даже проигравший Милошевич, по обычаю, имеет право на должность премьер-министра.

29 сентября, пятница. День прошел тяжело и уныло, слетались итоги вчерашнего ученого совета: недовольных хоть пруд пруди. По слухам, в первую очередь недовольна Евгения Александровна, которая предполагала, что ей надо повышать зарплату в первую очередь. Юлия Борисовна уже сейчас раздумывает, что ей принесет государственное повышение зарплаты, которое грядет с 1-го января. Ее волнует не то, что она получит уже сегодня реальное повышение, а то, что вдруг не повысят так, как ей бы мечталось: и за аспирантуру и за ВЛК. Но по количеству аспирантов у нас не должно быть отдела аспирантуры, и она еще не знает, что появится докторантура, которая заставит перестроить всю структуру дополнительного образования. Все чаще и чаще вспоминаю Булгакова, который говорил, что люди остались людьми, и недостатков у них не убавилось. Но моя задача — в первую очередь повысить зарплату профессуре, на которой все держится. Персонал окажется в следующем эшелоне.

Наконец-то договорился с охраной и, кажется, с воскресенья 1-го октября в общежитии станут новые охранники вместо наших инвалидов. Институту обойдется это дорого, каждому из семерки (седьмой бригадир) придется платить по 4,5 тыс. рублей, это больше, чем мы сейчас платим профессору. Следующая — это сократить любое воровство в общежитии, никаких неизвестных жильцов. Или по праву или на основании коммерческого расчета. Как к этому отнесутся студенты и все наши проживающие? Говорят, что даже Каспер, который всегда был за порядок,

недоволен надвигающими переменами. В делах коммерческого проживания и платного обучения надо научиться быть бескомпромиссным.

Мои постоянные распри с Дм. Ник., видимо, приведут к тому, что он уйдет. Слухи об этом до меня доходят, справимся.

Разговаривал с Ал. Иван. и Левой, они настаивают, что мне надо защищаться. И хочется, но справлюсь ли я с этим, и какая бездна уйдет на эти защиты времени.

В пятницу раздался звонок от главного редактора «Труда» Ник. Серафимовича Потапова. Он звонил по поводу моего вчерашнего, сильно обрезанного Вартановым, рейтинга. Но и в этом виде моя заметка видимо кому-то очень понравилась наверху, просят дать интервью по поводу НТВ и всей этой склоке. Пришла Антонина Крюкова, но интервью не получилось. В принципе она не согласна со всей постановкой вопроса по НТВ. Отчасти я ее устно переубедил. Как и все «домашние философы», она не доводит логическую цепочку до конца, до своего собственного кармана. До своего собственного поведения. Поговорили о свободе журналистов, но интервью не получилось. Я не мастер устного жанра, в моем характере идти к обрисовке через стиль, умение подцепить на дополнительной детали фон, на котором плавают мои герои и жертвы.

Мне нравится, что люди много раз говорившие о честности, о коррупции в среде бывшей КПСС, о государственном подходе к делу, о законе и приоритете закона, нынче обвиняются в мошенничестве. Это я о НТВ и руководителях компании Медиа-мост. Судя по прессе, эти предприимчивые ребята принялись вывозить авуары, заложенные у Газпрома, за границу. Вот тебе и русский фашизм с оттенком Гусинского.

Завтра по приглашению Валентина Григорьевича Распутина я улетаю в Иркутск на фестиваль русской духовности и культуры. Слово *духовность* я не люблю, также как и слово *патриот*. Употреблять эти слова в контексте самохарактеристик выше моих сил. Пообещал приехать я летом. А сейчас совершенно нет сил. Лечу скорее из-за дневника, из-за любви к Распутину, из-за того, что не хочу нарушать собственное слово.

30 сентября, суббота. Обычный трагизм моих сборов в дорогу. Что с собой взять, какие книжки? Как всегда, беру с собой и много разной работы, компьютер, рукописи, дискетки. Самому надо погладить рубашки. Надо не забыть еще и самые разнообразные лекарства. Раньше и расческу не брал, утром проведу пятерней по волосам — и хорош. Наконец, к восьми вечера собрался, Федя меня привез во Внуково. Самолет задерживается на три с половиной часа. На мне, как только

объявили об опоздании, прекратили и регистрацию. Оставили один на один пассажира со своим багажом. Таким образом, должно быть, дают подработать камере хранения. В камере хранения мне тут же оторвали ручку на новом чемодане. Вот она ненависть обслуживающего персонала! В группе: Гарий Немченко, очень похудел и поздоровел, Марина Ганичева и Сережа Первезенцев, они представляют «Роман в газете», Леня Бородин и его сотрудница Капитолина, я ее помню, умница. Она организовывала в «Москве» конференцию по Солженицыну, Александр Корольков из Ленинграда.

1 октября, воскресенье. В Иркутске в аэропорту нашу группу встречал В.Г. Распутин. Наверное, он так и останется самым сильным моим впечатлением от этой поездки. Хотя уже видел краешек Ангары, сам Иркутск, его старую часть — прелестный город в своем смешении старины и новых зданий. Старинный театр и новый стадион соседствуют. Губернатор Борис Александрович Говорин сам показал нашей группе театр, которому в этом году исполняется 150 лет. Театральное здание, построенное 100 лет назад, было только что реставрировано. Во время реставрации к театру была сделана современная и очень неплохая пристройка с малой сценой, еще одним залом и службами. Получилось все по нынешним временам отменно. Я понимаю гордость и чувства губернатора, но разделить их с ним из присутствующих мог, пожалуй, только я. Я-то знаю, что такое сделать по проекту, привинтить такую, какую нужно дверную ручку, заказать где-то в Ленинграде канделябры, попасть в тон с покраской, а главное все держать и сохранять, чтобы не загадили. Я сам специалист по крышам, местам общего пользования, по прачечным, столяркам. Общая культура начинается с культуры и красоты общественных мест. Я-то что, воспитывался во дворце? В проходной комнате, в постоянном недоедании, но меня приучили наряжаться при походе в театр, понимать красоту и порядок общественного распорядка, а уже потом пошло все остальное, и эта красота и порядок стали внедряться в личную жизнь.

Но этот поход по центру начался после небольшого, с хорошей, но не кричащей кормежкой, приема у губернатора и большой беседы в администрации. Стиль выявлен портретами царских сановников, бывших губернаторов по стенам. Губернатор много и толково говорил о культуре, он явно русских и социально взвешенных взглядов. Мне понравилось в нем, в первую очередь, мысль о необходимости поднимать сельскую культуру и помогать ей. Половина хозяйств в области рентабельна, но ведь другая пока убыточна, а значит, люди там мечутся, живут в бедности, и

какая уж здесь культура. Но портреты по стенам, тем не менее, были неважного качества, написано это средними копиистами, ни на подлинные вещи, ни на следование стилю сил и выдержки не хватило. Все во время приема и прогулки были оживлены и беззаботны, губернатор дал почувствовать каждому его собственную государственную значительность. Не всегда это всем идет на пользу, наш писатель с преувеличенными представлениями о себе иногда и развязен. Контраст, как всегда являл собой В.Г. На приеме, когда все разошлись с речами и славили, наверное, справедливо и губернатора, и свою мнимую или подлинную причастность к Иркутску, впрочем, делали это вполне искренне, я тоже произнес речь. Я говорил о том, что в силу моей связи с литературой в каждом городе и стране для меня всегда есть некая сверхценность, связанная с личностью того или иного писателя. Я говорил о Дублине и башней Джойса, о Комбре во Франции, где завязывались романы Пруста, о Бунине и Лескове в Орле. В этом смысле для меня Иркутск город выдающегося писателя современности Валентина Распутина.

Здесь же удалось поговорить об «иркутском семинаре». Его детали становятся мне все более и более ясными. Если бы получилось. Непреодолимым препятствием может стать болезнь В.Г.; несколько раз за последнее время мэтру делали операцию на глазах.

Вечером в музыкальном театре был на концерте хора Кубанских казаков. Театр, как и драматический, заслуживает особого разговора. Но строили его видимо в советское время. Ой, не дремала советская власть и после себя оставила много нерукотворного.

Над Иркутском стоит огромная плотина, сдерживающая Иркутское море, — кстати, это последняя из ГЭС, строившаяся с привлечением заключенных. Километров на тридцать вокруг города стояли лагеря.

Как всегда, меня волнует народное пение и народная жизнь. Начался концерт с народной песни «Славное море, священный Байкал». Священный! Песня прозвучала мощно и патетически. Зал взорвался аплодисментами. Русские почувствовали себя в своей стихии, заработали какие-то внутренние, генетические импульсы. Мне уже плакать хочется, когда заслышу балалайку. Это мои тетки, бабушки, это все знакомые мелодии и привычные слова моей семьи. Насколько искусство этого коллектива крепче и сильнее действует на душу, нежели современная эстрада. В известной мере сила и эмоциональное воздействие артистов являются причиной того, что их почти нет на телеэкране, — они создают довольно сильную конкуренцию. Да и сами эстрадные

звезды, наверное, рядом с этими звездами народа чувствуют себя неуютно. Переполненный зал отчаянно на все реагирует. Сам концерт с его русской направленностью, с его православными и казачьими песнями нес в себе заряд политического протеста. Мы — русские. Как прекрасно ходят, поют и держатся женщины на сцене, как сексуальны, хотя не демонстрируется ни единый клочок обнаженного тела. Закончился концерт песней, исполняемой на мотив «Прощание славянки». Но слова здесь уже новые, их написал местный иркутский актер и поэт Андрей Мингалев. На первом же куплете тысячный зал встает.

Много песен мы в сердце сложили,
Воспевали родные поля.
Беззаветно тебя мы любили,
Свято-Русская наша земля.

Высоко ты главу поднимала,
Словно солнце твой лик воссиял,
Но ты жертвою подлости стала,
Тех, кто предал тебя и продал.

И снова в поход,
Труба нас зовет.
Мы вновь станем в строй,
И все пойдем на смертный бой!

Все это происходит довольно грозно. Артисты, напрягаясь, выпевают слова в зал. Концерт заканчивается. После, во время ужина в ресторане «Ангара», мы снова встречаемся с артистами. Здесь они по просьбе Коли Бурляева поют песню о Кубани. Это их какое-то специалите. Зал ресторана полон звуков. Профессионалы не умеют халтурить. Напряженные лица певцов, хотя многие уже выпили по рюмочке, звук идет тугой, как масса из-под мельничного колеса. После я разговариваю с хормейстером Володей. Он говорит, что в песне главное слова, музыка лишь средство эти слова донести. Мне кажется поначалу это довольно парадоксальным. Но потом я понимаю, что молодой хормейстер глубоко прав. Спасибо ему, что не шаманит. Рассказывает, что за рубежом, например в Испании, хор пользуется оглушительным успехом.

На афише в академическом театре увидел афишу с премьерой «Ревизора». Очень хочется сходить на спектакль, но кажется этот

театр для патриотической публики табу. Писательские организации «наши» и «демократические» не дружат. Им бы всем, дуракам, группироваться вокруг В.Г. — литературы не бывает без вершин. На концерте видел Таню Семину(?) мою ученицу. Прелестная девушка, несколько лет назад она закончила ВЛК. Несколько месяцев назад я получил от нее рецензию на «Затмение Марса», напечатанную в «Сибири». Встретил также и своего ученика еще по семинару в Дубултах. Иркутский номер «Роман-газеты» (ганичевский вариант) напечатал его повесть.

2 октября, понедельник. В два часа началась встреча в Педагогическом университете. Практически, здесь была вся наша писательская делегация. Кроме Валерия Хайрюизова, с которым я знаком много лет, были еще Н.Коняев, Александр Корольков доктор философии из Ленинграда, А.Г. Румянцев, доктор из Ельца, и многие другие. Вел встречу В.Г. Распутин. Сначала мне показалось, что довольно монотонно, а в шесть чествование лауреатов премии святителя в театре Народной драмы.

3 октября, вторник. Утром ездили на экскурсию по городу. Центр компактен и красиво застроен. Нам показали несколько церквей, мы побывали в монастыре на могилах декабристов. «Младенец Никита Трубецкой». Здесь же лежит и другой сын Трубецкого — Владимир и их мать, замечательная русская женщина Екатерина Ивановна Трубецкая, поехавшая за мужем в Сибирь. Здесь же могила Григория Шелихова, основателя российско-американской компании. На огромном памятнике высечена по мрамору эпитафия Гавриила Романовича Державина:

Колумб здесь Росский погребен,
Переплыв моря, открыл страны безвестны.

Тем не менее известна история с жуткой эксплуатацией местного населения на Алеутских островах.

Было во время экскурсии и много горького. Показали место на берегу Ангары, где расстреляли Колчака. Теперь здесь стоит белый крест, видимый с дороги, из автобуса. Кстати, именно во время Сибирского, колчаковского правительства был основан иркутский университет. Во время перестройки, рассказывала экскурсовод, раздавались голоса о присвоении университету имени Верховного правителя. В связи с этим я вспомнил все разговоры о переименовании Литературного института в

институт имени Платонова. Эту историю я потом рассказал на встрече со студентами в союзе писателей. Но она прошла вечером.

Во время экскурсии мы узнали, что на том самом месте, где сейчас стоит дом областной администрации и где в первый день с нами разговаривал Борис Александрович Говорин, до 32 года стоял огромный храм Казанской Божьей Матери. Этот храм вмещал до 6 тысяч молящихся. Храм Христа Спасителя в Москве вмещал до 10 тысяч. Храм разрушили. Разрушили и памятник Александру III. На его постаменте сейчас какой-то вроде египетского обелиска шпиль. Как же хороша и нарядна была бы России, если бы очередная власть ничего не ломала.

Буквально потряс новенький корпус института железнодорожного транспорта. Современное здание с окнами — стеклопакетами. Во время наших выступлений студентам, пожалуй, было скучновато. Вел встречу Андрей Георгиевич Румянцев, руководитель местного отделения союза писателей. Он неплохой поэт, четко знающий о том. что голос его негромок. Это особенность провинциальной поэзии, она очень сердечна, искренна, но в ней нет того наплыва и общего вибрирующего тона, который присутствует в большой поэзии. Но она ничуть не хуже последней. Ее, наверное, не очень высоко оценят поклонники Мандельштама, Ахматовой, Бродского. Но уверен, сами бы эти очень крупные поэты оценили эти стихи высоко. Это поэзия стихов, а есть поэзия системы. У А.Г. дивное стихотворение о ребятах, прошедших «как сыновья полков» войну и после войны вернувшихся в школу к сверстникам. Во время встречи со студентами я все время глядел в окно, из которого виделся один из самых красивых в мире пейзажей. С высоты видна Ангара, деревья, кованные из рыжего серебра, мост через реку, церкви, монастыри и трубы ТЭЦ на другом берегу. Если бы как на этой картинке мирно уживался человек с природой!

Потом интересно говорил о расколе и «либерализме» царей Николай Михайлович Коняев. Он заканчивал наш институт и один из немногих писателей России, который живет только профессиональным трудом. Свои прелестные и негромкие стихи читала Таня Миронова, жена Саши Смирнова. Надо прочесть его повесть.

В своей речи я постарался объясниться по поводу сущности искусства. Говорил о фундаментальном значении литературы по сравнению с другими искусствами, об отличии писательства от журналистики.

После обеда я встречался с писателями и молодежью в отделении союза. Это дивный особняк XIX века. На улице раньше

висела вывеска из цветного металла, но недавно ночью ее сняли. Особняк был отреставрирован тщанием губернатора, который дал на реставрацию деньги и поддерживает писателя. Показали комнату, в которой в войну останавливался и жил Ю.Андропов. Рассказали обычную легенду о неком летучем романе и его некоем живом итоге. Народ хочет легенды.

На встрече я долго рассказывал об институте, о его истории о правилах приема. Повидал Таню Суровцеву, спросил, как поживает ее малый, который все играл на гитаре, когда сидел в институте сторожем. Он, оказывается, все еще в Москве, работает в каком-то детском фонде.

Вечером сидели в штабной комнате. Мне принесли ужин из ресторана. Все пили пиво или что покрепче, но несерьезно. Мы все свое или выпили в юности, или уже перестали баловаться этим продуктом. Сначала читали стихи по кругу. Прозаиков пропускали. Прозаики отыгрывались байками. Самые занятные о Распутине. Вокруг него уже создается прижизненный миф. Есть изба на Байкале, где он написал «Живи и помни». Потом эту избу вроде бы перекупил иркутский же поэт Владимир Петрович Скиф. Так вот, подходит раз В.П. к избе, а возле нее стоят туристы и пьют из бутылки шампанское.

— Вы Распутин?

— Нет, я не Распутин.

— А это тот дом, в котором он писал?

— Да, дом именно этот. А за что вы ребята пьете?

— За то, что добрались сюда.

Вторая байка. Есть такой престарелый писатель, назовем его, скажем, Григорий. Это человек редкой находчивости и балагур. На автобусной остановке в одном из прииркутских поселков огромное количество народа. Все едут в Иркутск. Появляется Григорий со своим родственником, оба еле переставляют ноги, ужаленные русским недугом. Подходит автобус, толпа напирает. В этот момент находчивый Григорий кричит: «Сначала Распутин, потом все остальные». Народ расступается, Григорий вводит своего родственника, кладет его на заднее сидение, тот спит. Машина трогается, народу, как селедки в бочке, большинство стоят, клонясь по ухабам вместе с машиной. На заднем сиденье спит «Распутин».

Сам Валентин Григорьевич, подначенный товарищами, рассказывает, как в одном из поселков его признала какая-то старуха:

— Ты не Распутин ли?

— Я и есть Распутин.

Старуха вглядывалась, вглядывалась:

— Нет, ты не Распутин.

4 октября, среда. Боже мой, как надоело каждое утро начинать с одного ингалятора, потом через паузу дышать другим. Я как старая машина, которая долго не заводится. В техническом университете. Стараюсь меньше говорить, а слушаю Коняева и Королькова. Приходил мальчик Валера(?) Науменко брать интервью для вкладки в газету «Трибуна». Ему 23 года, он член альтернативного союза писателей. Хорошо и откровенно с ним поговорили, я даже подумал, что было бы хорошо взять его на ВЛК. Может быть, с этого начнется объединение. Писал ли я о Васе Забелло?

5 октября, четверг. Накануне до трех ночи сидел редактировал «Дневники 1998 года», а потом читал Малькольма Бредбери «Доктор Кириминале». К сожалению, в дневниках потерян раздел моего пребывания в Китае. Что касается романа, то это очень информативное и увлекательное чтение, но не эмоциональное. Последнее всегда рождается только при наличии характеров.

В час дня участвовал во встрече на филологическом факультете в университете. Самым ярким было выступление Л. И. Бородина. Он иркутянин, учился в этом университете, и здесь его арестовали, обвинив в каких-то антисоветских, как тогда говорили, делах и посадили. Он говорили ярко и хорошо о судьбе, товарищах, прошлом и журнале, которым сейчас руководит. Но в его речи был какой-то пронзительный личный момент. Здесь же в зале, возле президиума, сидел преподаватель, который все время с готовностью уточнял все детали, фамилии, если Бородин ошибался или оговаривался. Всегда предельно вежливый Бородин как-то игнорировал этого доброхота, не срезал, не грубил, но подчеркнуто не замечал. Потом я узнал, что именно этот несчастный человек, когда был студентом, получил от КГБ задание приглядывать за своим товарищем, смотреть, что у того в карманах телогрейки (так тогда молодежь ходила), что тот носит в своей ученической сумке.

Я на встрече начинал первым и, мне кажется, задал хороший, доброжелательный тон. Во время выступления касался своих «Дневников» и новой книги о литературоведении, даже читал некоторые цитаты из подобранной пачки, которую брал с собой. Вот успею ли я сделать из этих цитат главу.

За обедом Л.И. рассказал, как его предали, «раскололись» его ближайшие друзья. Детали здесь не привожу, потому что они пропадут в моем пересказе. Неужели так жили?

Вечером ходил на премьеру «Ревизора» в областной театр им. В.П.Охлопкова. Я очень хорошо помню этого замечательного актера, он много играл в кино. Особенно запомнился он в ленинском сериале, где играл рабочего, охраняющего Ленина в 1917 году. Спектакль оказался не так хорош, как я предполагал. Трудно начинать спектакль, если в театре нет ни Городничего, ни Осипа, ни Хлестакова. Но, оказалось, что именно «Ревизором» в свое время сто пятьдесят лет назад (?)театр открывался. И еще одно свойство этого спектакля: актеры грамотно представляли пьесу, которую на русском театре принято с наслаждением и удовольствием играть. Обидно, я раскатал губы, а пришлось уйти после второго акта.

Из нашей группы кое-кто уже уезжает. С поразительной трогательностью В.Г. провожает в аэропорт каждого. Я учусь. Чувствует он себя плохо.

6 октября, пятница. У меня сегодня почти свободный день. Утром ездил в музей декабристов, вернее, в один из его филиалов, в дом Волконских. После обеда ходил по городу, искал сумку, чтобы отвезти подаренные мне книги. Выбросить книги или потихонечку оставить в гостинице, отодрав первую, с посвящением, страницу — именно так поступают многие писатели, — у меня не хватает духа. Надо бы вообще написать статью о всех подаренных книгах. Наша критика и литературная журналистика стонет, что их никто не читает, а устроить что-то вроде почтового ящика и в одной-двух строках рецензировать все книги, которые присылают в редакцию, не хватает духа. Для этого нужно не лениться и все читать. А это трудно. В музей ездил вместе с Натальей Сергеевной Бондарчук и каким-то ее актером удивительно похожим на Пушкина. Н.С. снимает какой-то сериал про декабристов. Сама пишет сценарий, сама достает деньги и сама режиссирует. Здесь можно поиронизировать, но мужества этой молодой даме не занимать. Все действие будущего сериала, как я понял, будет сгруппировано вокруг М.С. Волконской. Она дочь знаменитого генерала Раевского. Уже в музее, глядя на портрет этой удивительной женщины, воспетой Некрасовым и Пушкиным, я понял, что Н.С. еще и поразительно на Волконскую по внутренней сути похожа. Знает Н.С. о своих героях и о всем декабристском движении бездну, вопросы задавала очень грамотно. Тут же я подумал, что советская власть за все годы своего существования не удосужилась снять настоящего сериала о декабристах. Если у Н.С.Бондарчук все получится, как она рассказывает, то сериал будет похлеще зарубежной «Санта-Барбары». Перипетии декабристской истории невероятны.

О музее не пишу, он прекрасен, хотя и довольно нов. Весь этот дом Волконских, в свое время один из самых лучших домов Иркутска, свидетельствует еще и о поразительном либерализме царской власти. Здесь был одно время самый большой зал в Иркутске, в котором играли многие прекрасные музыканты и пели знаменитые певцы. Сплачивалась интеллигенция, и улучшались нравы. Вообще стоило бы задуматься, что бы могло произойти в России и как могла бы повернуться ее история, если бы — по Никите Муравьеву — Россия стала конституционной монархией. Декабристы, конечно, разбудили нравственные силы в народе. Это были люди удивительной чистоты, недаром до сих пор их имена не поглотила история.

Совершенно невероятно рассказывал о музее, об истории декабристов Евгений Александрович Ячменев. Он даже сам поиграл нам Моцарта на пирамидальном фортепиано Волконской. Его помощник Алексей Кривенчук ходил за нашей экскурсией неотступно, «впитывал». Это свидетельство редчайшего профессионального магнетизма, который излучает этот человек. Алексей, как нам сказали, юрист, юрисконсульт музея, но вот сейчас учится на филологическом факультете.

Тем не менее заметим, весь этот комфорт и интеллектуальный мир покоился на 10 «людях», которые обслуживали и дом, и зимний сад, и топили, и ухаживали за садом, и открывали двери, и подметали пол. Конечно, в разнообразных записках и мемуарах зафиксировано и то, что порою всю работу за каторжников делали люди простые, так сказать, рядовые каторжники, известно также, что, когда декабристы ушли на поселение, к ним присылали как бы в командировку, крепостных, которые, конечно, формально в Сибири были свободны, которых потом, после нескольких лет службы, официально отпускали на свободу. Это была эпоха, когда без слуги не снимали сапог даже очень конституционнолюбивые дворяне.

Прочесть роман Дюма «Записки учителя фехтования» — это о Волконском. Не успел роман выйти в свет, Николай Павлович его запретил. Естественно, этот французский роман сразу же переслали декабристам в Сибирь. С этим романом связан такой анекдот. Немедленно этот роман захотела прочесть императрица Мария Федоровна. Достали роман, расположились. Мария Федоровна возлежит, а лектрисса ей вслух читает. В этот момент шум, шаги. Книжку — под подушку. Входит император. «Что вы здесь делаете?» — «Читаем». — «Что читаете?». — Молчание. — «Можете не отвечать. Я знаю, что вы читаете.» — !? — «Вы читаете «Учителя фехтования». Это самый последний роман,

который я запретил». Во все времена запрет — это лучшее побуждающее действие.

Во второй половине дня ходил к реке и гулял по городу. Ангара течет полноводно и стремительно. В этом смысле она напоминает мне Неву. Центр города очень красивый и яркий. Зашел в торговый центр — товары, конечно, есть, но все какого-то истлевшего, провинциального пошиба.

Валентина Григорьевича уложили в больницу — у него опять плохо с глазами.

7 октября, суббота. Я уже давно заметил, что иркутяне мистически относятся к Байкалу. Мне всегда казалось это несколько вычурным, эдакий провинциальный выверт, когда нужно найти повод для гордости и исключительности. Но. конечно, по описаниям я предполагал, что увижу что-то замечательное. По крайней мере, грандиозное, длина озера — что-то около 600 километров. Это ненамного меньше, чем путь от Москвы до Ленинграда. Тем не менее, озеро производит гораздо большее впечатление. Здесь для меня многое было знакомо. Горы на горизонте, покрытые снегом, отвесные берега застланные лесом, водная гладь — это напоминало озеро в Лапландии, где я жил зиму 1968 года, и напоминает Иссык-Куль, где я провел целый месяц. Здесь другие внутренние масштабы и другая степень излучения. Будто с этим озером связанна какая-то вселенская тайна, будто сама жизнь зародилась и берет отсюда свои силы. Сидоров, замечательно мудрый человек и председатель Союза художников России, который находится с нами в этой поездке, как-то сказал, что никто из художников пока не справился с Байкалом. Но боюсь, этого не сможет сделать ни кино, ни телевидение, ни какое-либо из искусств. Красоту и силу Байкала может лишь почувствовать сам человек. Здесь важно все: зрение, слух, ощущения собственной кожи. Вид — прекрасен, внешние контуры пейзажа известны, о его разнообразии много написано. Первое, что поражает, — глубокая и сосредоточенная тишина. Она, наверное, чувствуется и при буре, и при свисте ветра.

Теперь по порядку. Утром выехали из Иркутска. Дорога до Байкала, что-то около часа, прекрасная. Даже я, у которого в силу первой профессии журналиста довольно много точных наблюдений над Сибирью, не ожидал увидеть здесь такого порядка. Дорога прекрасная. Километров на двадцать от Иркутска стоят, как и в Подмосковье, красные кирпичные особняки, их торопливо построили новые богатые, в них никто не живет, и которые теперь эти богатые никак не могут их продать. До самого

истока Ангары в левах прячутся дачные поселки, совхозы, которые умирают. Проехали большой зверосовхоз, в котором уже нет зверей. Но сотни метров занятые вольерами, издалека, с дороги их стройные ряды напоминают тепличное хозяйство. Потом начался Байкал. На другом берега Ангары — поселок. Здесь же была когда-то дача, т. е. домик В.Г. Распутина. Практически здесь же, под дорогой в конце августа много лет назад случилась трагедия, в результате которой погиб А.В Вампилов. Об этом со знанием дела и тактично рассказал Андрей Григорьевич, иркутский глава союза. Он тоже, кажется, наш выпускник, так же, как и Распутин и Вампилов чуть, как бы это сказать, калмыковат внешне. Он сам из очень простой и многодетной деревенской семьи, здесь же с Байкала. За неделю, пока он был с нами и я за ним наблюдал, я обратил внимание на два его свойства, которые очень ценю: полное понимание своих возможностей в литературе и очень независтливый, но точный вкус к тому, что пишут другие. Из его рассказа о гибели Вампилова выяснилось, что лодка, на которой А.В. с другом шли по Байкалу, наскочила на топляк. Сейчас наверху, на дороге стоит стела в память о замечательном драматурге. По Байкалу ходит теплоход «Александр Вампилов». Так доехали до Листвянки, небольшого поселка на северной стороне озера. Знаю, что многое из памяти вытрясется, поэтому пытаюсь записать все. А писать надо, скорее, о том, с какой любовью их стараньем организовали местные власти этот фестиваль. Вроде бы мы много работали, и вот нам награда — экскурсия на Байкал. Вся эта экскурсия вне описания. Пока плыли на турбазу и плыли обратно вечером, я все это время сидел на палубе. Как в печи, разгорался и утихал закат. Жизнь кратковременна, а Байкал вечен. Проплывали мимо полумертвых доков с заржавленными судами, мимо новенького завода, на котором разливают по бутылкам байкальскую воду. О прозрачности байкальских вод многое говорилось. Уже на турбазе, после бани, когда сидели за праздничным столом, кто-то из писателей, человек немолодой рассказывал. Здесь есть феномен местного писателя: обычно это местный человек, занятый каким-то другим ремеслом и к своей новой профессии подходящий медленно и очень истово. Так вот, за столом этот писатель говорил, что никогда местный житель в Байкал даже не плюнет. Если рыбаку в сеть попалась какая-нибудь щепка, то он эту щепку обязательно возьмет себе в лодку и привезет на берег. В каждой лодке есть специальное место на корме для бытового мусора — ничего в воду. А какая была на этой турбазе баня! Парились в две очереди: сначала мужчины, потом женщины. Меню прощального ужина: Салат из креветок и красной икры,

салат из тертого сыра, чеснока, зелени и майонеза, мясное ассорти, овощное ассорти, ассорти из рыбы холодного копчения, на первое была уха из карася, на второе куриное филе, фаршированное яйцами и грибами, на десерт — фруктовый салат из бананов, апельсинов, арбуза, яблока с йогуртом.

Не могу не привести рассказа ребят из порта. Все вокруг задавлено огромными налогами. Поэтому многие предпочитают не регистрировать свои личные катера. Всегда дешевле и проще договориться с инспектором. Но все страдают от этого положения и предпочли бы нормально рассчитываться с государством. Только мертвая стоянка судна на воде стоит чуть ли не 6 тысяч рублей в месяц.

Возили нас на своих частных маленьких японских автобусах двое прелестных ребят, молодых мужиков — Володя и Миша. Миша утром в день моего отъезда, даже успел сгонять на базар и привез мне три килограмма свежепосоленного омуля.

8 октября, воскресенье. Встретили во Внуково С.П. и неизменный Федя. В институте, вроде, все благополучно, В.С. здорова, Долли здорова тоже. В среду в «Труде» вышла моя безликая статья-инвектива против НТВ. Какая бы могла быть статья, если бы я не «наговорил» с голоса корреспондентке А.С.Крюковой, а написал сам! Не буду расстраиваться: прочел и — забыли! К счастью, мне в этот раз рейтинг не писать. Но если бы я его писал, то обязательно сказал бы об угодливом интервью Константина Эрнста с Б.Н. Ельциным по поводу выхода в свет его книги. Ельцин, пишущий книги! Вообще, интересный феномен книг политиков, написанных журналистами. Книга без стиля, где лишь догадки становятся действительными фактами. Искренность, проверенная целым легионом лиц. Это как лжесвидетельство перед самим собой. Я вообще предполагаю, что даже дневники пишутся с одной целью — оправдать собственное прошлое. Любая положенная на бумагу искренность имеет мало отношения к действительно происходящему.

За время моего отсутствия в институте два несчастья: умер — сердце! — наш электрик Геннадий. А я-то еще был недоволен, когда давал ему дополнительный отпуск, когда он начинал заговаривать о каких-то еще прописанных только на бумагах льготах. Еще один факт, когда люди жизнями платили за разгильдяйство нашего партруководства, да и руководства вообще.

9 октября, понедельник. Получил свою новую довольно большую зарплату и сразу же занялся повышением зарплаты

следующей категории служащих: профессорам, доцентам, людям без степеней. Вся шкала с первого октября будет выглядеть так: Отправной точкой для меня стала зарплата профессора, доктора наук. День для меня прошел во всей сложности «текучки»: здесь Вл. Ал. Харлов: договора с арендаторами; разговор с Володей об охране, которая в общежитии действует с бесстрастностью гильотины, бесконечное общежитие. Практически все наши заочники, пытаются остаться, как-то зацепиться за Москву. Надо себе только представить, как же плохо живется в провинции!

Две новости: вышел журнал «Нижний Новгород» с моими дневниками за 1998 год, первая половина года. Сдавая дневники Жене Шишкину, моему ученику, я и не предполагал, что они их и напечатают так быстро, и вообще напечатают. Но главное — под материалам стоит небольшая ремарочка — «продолжение следует», значит надо опять впрягаться. К счастью, прочел вторую половину рукописи в Иркутске. Тогда же обнаружил, что отсутствует огромный кусок с 17 сентября по 16 октября, за месяц. В моем портативном компьютере, который я брал с собою, этого куска нет, надежда была на большой компьютер дома. Но и там файла за этот период не оказалось. К счастью, я вспомнил, что в Китай брал старенький ноутбук, но и последний не дома. Уже две недели назад уехал в санаторий Саша Великодный, похоже, компьютер у него. Я всегда легко раздаю свою технику, а потом не помню, кому дал. Так исчез, например, магнитофон, который в свое время я привез из Японии. Помню ситуацию, в которой это произошло, будто бы помню обстановку, но кому?.. К счастью, в свое время кусок был распечатан и нашелся у меня в стопке других. Откуда такая предусмотрительность, я ведь не предполагал быстро печатать дневник. Здесь предусмотрительность одинокого путника — всегда все должно быть наготове… Вечером я впился в текст и с облегчением обнаружил, что он не так плох для полутуристической поездки. Теперь предстоит медленное и внимательное чтение. Жаль, что не успеет посмотреть В.С., — значит, будет много ошибок. Когда В.С. последний раз просматривала мою рукопись, то ругала меня за безграмотность и выправила кучу моих неточностей: имена, фамилии и другие реальности.

И второе — Галя Кострова готова заключить со мной договор на книгу дневников, причем сдать ее надо довольно быстро, где-то в марте. Директор прочел пробные куски, которые я представил, и написал, что это очень интересно. В издательстве идет серия, которая начинается с дневников Чуковского. Это и радует, и страшит. Дневники отдавать в чужие руки, да и в руки читателя, а прочтут в первую очередь мои недоброжелатели, —

страшно. Но мое положение безвыходно, после моей смерти всем этим заниматься будет некому, а на литературу, или хотя бы на то, чтобы прожить рядом с литературой, я положил всю жизнь. Дочитываю «Доктора Криминале». Удивительное дело, книга явно не имеет художественного дыхания, но такая интересная. За многие годы своей деятельности как литературовед — он автор массы учебников по английской и американской литературе — Малькольм Бредбери собрал такое огромное количество фактов и знаний, что уже сами они данность. Прописанные в книге в беллетристической форме, они играют и дышат. Все это еще хорошо организовано и дозировано. Это один из примеров, как можно производить очень качественную, почти элитную литературу на вторичном материале. Наши писатели, даже самые большие, первого ряда, перед М.Бредбери с его эрудицией, перед его виртуозным знанием дефиниций литературы — щенки, но зато они титаны по общему щемящему душу впечатлению. О, непобедимая русская проза. О, русская литература, ты уже за холмом! И какое ясное понимание политики. Бредбери помнит каждый политический факт не хуже Вал. Сергеевны. Любопытно, что здесь исследуется, так сказать, интеллигент советского и постсоветского пространства и периода. Выдающийся ученый, демонстративно не русский, венгр по национальности, некий профессор Басло Криминале. Сколько предательств, какие извивы судьбы. Не упущено ничего, речь в книге идет даже о «золоте партии», т. е. привлечен весь газетный набор. Но какая замечательная упаковка.

Ночью приснился сон о том, как я потерял портфель с документами. Пробил страх, как же я все это снова восстановлю. Как я, маленький постсоветский коммуненыш, смогу сразиться с современной бюрократической системой!

В Москве был проездом Толя Прокопьев. Мы с ним договорились, что он приедет в конце октября и поживет у нас месяц или два, помогая мне на даче и по дому. Это опять паллиатив Леши. Как бы там Леша ни поступил, маленький негодяй, я ему обязан тем, что написал книгу о Ленине и большую часть дневников — он высвободил мне самое дорогое, — время.

10 октября, вторник. И. Л. Вишневская пригласила на семинар В. С. Розова. Мы объединили три семинара в конференц-зале. Слушали.

В.С. Розов: «Не старайтесь! Пьесы не сочиняются, они рождаются».

Молодость. Я — актер театра Революции… Очень важно,

чтобы на душе всегда пело. Я ничего никогда не боялся. В театре Революции, где я работал актером, ставил пьесу об Иване Болотникова. Там есть такая картинка: в стан Болотникова приходят скоморохи. Вызывают меня в дирекцию, я еще, повторяю, совсем молодой человек. «Не напишите ли вы сценку в спектакль? Вы так смешно пишете в нашу стенную газету…» Я ответил своим обычным присловьем: «Ну, завтра к обеду». Скоморохи, дуракование… Написал. Эта сцена всегда хорошо принималась зрительным залом. Мне это было интересно. Я и сейчас не считаю себя драматургом. Я всегда писал все, что хотел. Флобер: «Что-то проносится перед глазами», и на это «что-то» жадно накинутся». Вот так и пишется, а по заказу не получается. У меня жена актриса, я хорошо знал великую актрису Марию Ивановну Бабанову, но — и для них пьесу я не смог я написать.

Сочинять легко. Все пьесы я писал для себя. Хочу сказать вам, молодым людям, что, тем не менее, надо уметь себя защищать. Я хорошо помню, как в сценарии «Летят журавли», в одной из сцен оказались не мои слова. Я поговорил с Калатозовым, и больше чужих слов в сценарии не оказывалось.

Я не могу подсказать вам, как писать пьесы. Про любовь. Меня пригласили на Новый год, когда я был еще совсем молодым человеком. А надеть нечего. Степан Петрович, костюмер в театре, откуда-то из глубины костюмерной, принес костюм. В нем я и пошел. Открывается дверь в квартиру — и на пороге стоит неземное существо. С этим неземным существом я прожил потом всю жизнь.

Золотую свадьбу мы уже встретили очень давно. Всю жизнь я не бегал.

Мне везло. За что? Может быть, за то, что я слишком много страдал физически. Месяц, когда меня ранило. Очень страшно — это бой. Толпа на толпу, пушка на пушку, винтовка на винтовку. Они вооружены до зубов, у нас пушки на конной тяге в начале войны. Так жалко лошадей! Самое страшное воспоминание, когда я в ватнике полз по ручьям крови. Лежал в палате смертников. Лежал на спине и читал Гоголя. Потом врач сказал: переведите его в палату выздоравливающих.

Я так бедно жил. Я входил в дом и не мог снять калоши — не было подметок. Стоял около двери. Писал на старых конторских книгах. В темной послевоенной Костроме, я на костылях. Делать нечего. Фитилек горит в пузырьке. И так сладко писалось!

В Литературный институт пришел на костылях. Меня спросили: «У вас есть что-то творческое?» А я принес только инсценировку «Обыкновенной истории» Гончарова… Это было не очень творческое. Потом эту пьесу прочел в театре. Понравилось.

Говорят: несите в цензуру. В цензуре все было не так сложно. Сказали: зайдите завтра утром. Утром цензор говорит мне: «Спасибо, товарищ Розов, прочел. Всю ночь читал. Плакал. Но — запрещаю».

Потом, через десять лет, в недрах литинститутского архива нашли эту инсценировку и она пошла у Ефремова, ее поставил театр «Современник» и я получил за нее Государственную премию. А ведь за инсценировки Госпремий никогда раньше не давали. Сейчас Олег Табаков два раза в месяц в своем театре при полном аншлаге играет мою пьесу. Мне кажется, играет он ее для меня, потому что со спектаклей Табакова всегда очень большие отчисления. Но я живу хорошо, у меня военная пенсия, как у инвалида.

Я сделался драматургом сам по себе. Сейчас у вас главное — общаться с порядочными интересными людьми. Я ни разу не заключал договоры на пьесу. Вызывали в Министерство культуры, но никогда не писал пьес, на которые заключал бы договор. Всегда потом получалась совершенно другая пьеса.

У меня есть какое-то предвидение. В пьесе «В поисках радости» в конце первого акта герой рубит шашкой мебель. Я еще тогда не предвидел этого обарахления в стране. Я получал огромные деньги, но не тащил в дом антиквариата. Одному дядюшке, другой тетушке — вот им посылались деньги. У меня поэтому никогда ничего не пропадало на сберкнижке. Собирал почтовые марки, потом продал, думал, что умру, — а дети в этом ничего не понимают.

Не насилуйте воображение. Умейте ждать.

На многое не обращайте внимания. Не стоит. Любите жизнь. Искусство оказывает большое действие на человека. Искусство лечит. Я помню, в Ялте со мной приключилась страшная русская болезнь — хандра. Это когда ничто не мило. Я пошел на концерт Рихтера. Рихтер опустил руки на клавиши — и в первый же момент все из меня вылетело. Блаженство, когда что-то зудящее в сознании, выключается. С температурой я недавно ходил в Большой театр на «Реквием» Верди. Вернулся из театра — температуры нет.

Была Октябрьская революция. В 1989 году произошла контрреволюция. Какие-то вещи вернулись, но пропало огромное ценное государство. Как много жуликов оказалось, — все бывшие партработники.

Я так хотел сделать инсценировку по Достоевскому о Смердякове, но сил нет. Он брат знаменитых трех братцев, но они держат его за слугу. Я хотел написать «Муки Смердякова».

«Кабанчик» — тоже пророческая пьеса. Молодой человек кончает жизнь самоубийством, когда узнает, что его отец, секретарь обкома, берет взятки. Эта пьеса написана перед перестройкой.

За рубежом другой зритель — он заплатил деньги, он должен получить удовольствие.

Мы живем в реальном мире, но в этот мир вошли какие-то другие существа. Телевизор — вы себе купили в квартиру зверя. Я реалист, я всегда стремлюсь к реальности.

Розов рассказывает, как в детстве лежит на кровати, за окном ясный летний день, и он чувствует, что с ним это уже случилось. Розов считает, что душа бессмертна.

Несмотря на то, что я предполагал обсуждать роман Ильи Балакина и читал, притащив тяжелую рукопись в Иркутск, в мое

отсутствие Саша решил обсудить Юлю Божьеву. Юля, конечно, сделала за два года очень большой прогресс, но рассказ внестилевой, лишь с намечающейся робкой стилистикой. Лет 27-ми женщина, у которой умер муж, и 15-летний мальчик, фантазер. Отношения дружеские, романтически никуда не переходящие. Рассказ практически никакой, тем не менее вызвал довольно серьезное обсуждение. Сережа Терехов отметил, что все время в момент чтения разные места в рассказе хочется переписать. И это справедливо. Прежде всего надо определить характер отношений между героями. Могут ли они быть идеальными?

Я в этот момент вспомнил, как с К-ой в Москву — в той истории я был самым младшим и не думаю, что кто-либо из свидетелей еще жив, — моей матери послал из Ташкента, где я тогда молодой парень жил, коробку из-под ботинок с узбекским виноградом. По тем временам лакомство умопомрачительное. К — на пришла к моей маме, и у них состоялся разговор. Мать, как и любая мать, очень проницательна, особенно, когда дело касается ее сына. К-не в то время было 40 лет, она была знаменитой актрисой, мне — 20. Только много позднее я понял, с каким внутренним напряжением, как натянутая струна, шел этот разговор между двумя женщинами, почти ровесницами.

Я вспомнил и историю В.Ш. моего друга и отличного писателя. Он много в свое время сделал для меня, и очень жаль, что его уже нет. У него тоже были очень напряженные и не совсем целомудренные отношения со своей учительницей. А был он тогда в 10-классе. Это к тому, что любая проза должна или доказывать силой слова свое, независимо оттого, могло именно так быть или не могло, или идти за общеизвестной правдой жизни. Но и правду, и эту жизнь тоже надо все равно доказывать.

В начале собственного семинара я довольно подробно рассказывал о только что прочитанном романе М. Бредбери «Доктор Криминале». На его примере — технологию построения западного «профессорского» романа. Герой, фон, сюжет, политика, современность. Сравнивал с Экко и Фаулзом.

В три часа приезжал директор еврейской школы при синагоге в «Марьиной роще». Здесь собирают еврейских детей со всей России и дают им образование. Образование в основном религиозное и прагматическое. Например, сильно сокращена программа по русской литературе. Дети будут утром уезжать на автобусе в свою школу, а в девять вечера автобус будет их привозить. Но вот в пятницу вечером и в субботу дети должны до школы ходить пешком. От нашего общежития до Марьиной рощи идти минут двадцать. Это тоже аргумент в выборе места

проживания. Директор молодой парень по имени Арон. Все в полном наборе: пейсы, широкополая шляпа, под которой кипур, черная одежда. Директор в свое время закончил Второй медицинский институт. Еврейской школе надо где-то этих ребятишек поселить. Они уже посмотрели наше общежитие и пришли договариваться. Пока детишки живут в гостинице «Металлург», где и дорого и «не так интеллигентно». «Проходите там по разряду жидов?» Я мгновенно прикинул, что институту такое соседство не навредит, а вот с коммерческой стороны такие жильцы могут оказаться выгодными. Начали торговаться, и сошлись на 3.000 рублях за комнату, 500 рублях за смену белья. Школа селит 40 человек. Возможна еще аренда нашего спортзала и маленького зала на первом этаже. Под еврейскую молодежь надо освобождать половину этажа, я мысленно прикинул — седьмой. Слово сироты почему-то заставляет меня расслабится. На седьмом потише и пообособленнее. В уме я еще держу ремонт не только туалета и кухни «еврейского» отсека, но и реконструкцию мест общего пользования противоположной стороны коридора. Эта аренда, если все состоится, компенсирует плату за новую охрану.

Сегодня по челобитной студентов вновь дал команду купить молоко для утренней раздачи. Писал ли я, что отменил эту раздачу потому, что ребята стали разбрасывать пакеты из-под молока?

В Израиле идет восстание палестинцев. В Югославии эйфория новой власти, не участвовала в выборах, проигнорировав их, Черногория и не из сторонников президента состоит парламент. Молодым югославам, как в свое время молодым россиянам, кажется, что США возьмут их на содержание. Не возьмут.

Уходит Д.Н. Лаптев.

11 октября, среда. Это можно использовать для «Труда»: Объявили о присуждении Нобелевской премии Жоресу Алферову, физику из Ленинграда. Здесь для нашей демократической прессы произошел некоторый казус: г-н Алферов коммунист и член государственной Думы. Не должен был такой человек получать премию! Куда смотрела Шведская академия! А если и дали, так сказать из милости, и чтобы поддержать несчастную российскую науку, то пора перековываться в соответствии со временем, дорогой профессор. И вот в вечерней передаче знаменитый взглядовец Саша Любимов начал в своей амикошенски-развязной манере пытать знаменитого физика. Да как же так, да зачем вам такие грубые заботы! Физик и какая-то Дума! Никогда еще телевизионная звезда не получала такого сокрушительного

отпора в прямом эфире. Гори, гори, моя звезда! Само по себе для тех, кто видел эту сцену, происходившее оказалось незабываемым. Вот тебе и свобода совести, вот тебе и уважение к инакомыслию. Физик, в том числе, и показал записным гуманитариям, которых воспитала партия и комсомол, что убеждения это не всегда товар. В том числе, и коммунистические. Нобелевский лауреат призвал звезду говорить на темы близкие фундаментальной науке, но не отказался побеседовать на темы прошлого и настоящего режима. На тему прежде и теперь. По крайней мере, лауреат утверждал, что прежняя наука снабжалась и оплачивалась лучше, и что звание державы мы пока удерживаем исключительно за счет заделов, которые в минувшие времена создали инженеры и ученые. От себя добавлю, и за счет заделов в литературе.

В институте ВЛКашники окружили меня после занятий и «хотят поговорить». С.И. уже сказал некоторым из них, что предстоит переезд, им бы хотелось покачать права. «А правда ли, что мы будем жить по двое. А как же писать?» Я помалкиваю, что «жизнь вдвоем» — это их фантазии, и спрашиваю, стоящего рядом А.И.Горшкова по скольку человек жило в комнате, когда А.И. учился в аспирантуре. «По шесть человек», — отвечает А.И. Между собой мои милые студенты уже, конечно, решили, что Есин продался евреям.

12 октября, четверг. Вышел «Труд» без моей заметочки, но объективно должен сказать, вся подборка очень качественная. Молодцы Кублановский и неизвестный мне писатель Маркуша. Зло и едко приложили за плоскость и пошлый стиль Льва Новоженова. В «толстушке» на этот раз много интересного: под именем Наполеона на острове Св. Елены скончался его двойник, наша милиция умеет пытать своих подопечных, часто совершенно безвинных. Статья многозначительно называется «Опера «играют в гестапо». Не могу не отметить один вывод статьи: «В последние годы скандалы, связанные с милицейским криминалом случаются в Ульяновске с удручающей регулярностью. Но вот, что интересно: в подавляющем большинстве их участниками становятся люди до 30 лет — зревшие и мужавшие в послеперестроечные годы. Случайность? Или все же и впрямь общество «успешно избавилось» от неких нравственных тормозов?»

Воистину еврейская тема стала и для меня на повестке дня. Знаменитый Влад. Бушин в газете «Завтра» напечатал большую статью по животрепещущему для русской литературы вопросу. Один из тезисов — никакой дискриминации, а уж тем более в

научной сфере у евреев в советской России нет и не было. По этому поводу автор пишет:

К четырем часам ездил в общежитие. На этот раз показывал седьмой этаж и все наше хозяйству какому-то начальнику Арона. Это был молодой богатырского роста и стати еврейский господин не так хорошо знающий русский язык. Мой тезис на этот раз был таков: незачем со всей России свозить детей, чтобы они жили в трущобах. Чтобы мои аргументы по поводу ремонта были наглядными, показал гостям второй этаж совсем недавно отремонтированный под иностранных студентов. Наши студенты мужественно и терпеливо отнеслись к расхаживающим по этажам странным фигурам. С Ароном были еще и две женщины, занимающиеся с ребятами — Наташа и Анжела. Рядом с высоким начальником они вели себя скромно и тихо. Руку для прощания не протягивали: у нас это не принято. От гостей я узнал, что завтра начинается шабад.

В общежитии встретил нашу выпускницу Вассилики. Ее история такова. Пять лет назад она на платной основе поступила к нам в институт. Потом, естественно, к ней приклеился наш парень Валера (?) и у них родился ребенок. Целая история, как она вывозила из Москвы к себе в Грецию их ребенка. Были даже жалобы мне о том, что Валера ее побивает. Жалобы со вполне очевидными следами. Потом этот самый Валера попытался устроиться у нас в аспирантуру, я помог ему немножко пожить в общежитии. И тут появляется Вассилики с заявлением, что она уже гражданка России. Так сказать, по мужу. Ее главная, как мне кажется, цель — это получить нашу аспирантуру бесплатно. А это деньги большие.

13 октября, пятница. С самого утра дома как приклеенный, читаю рукопись дневников. Это уже огромный кусок позапрошлогодней поездки в Китай. Его надо сегодня же отдать Сереже Гончаренко, он внесет правку.

Вечером ехали с В.С. вместе из института на машине. Тут я обнаружил, что Большая Бронная, по которой я езжу домой, перекрыта. Стоит милиционер с бляхой на груди и палочкой посылает в соседний переулок, в объезд. Я вспомнил, пообщавшись с хасидами, что сегодня шабад — один из главных религиозных праздников. Но раньше такого никогда не было. Уже дома узнал, что в Израиле началась настоящая война. Восстало против израильского порядка арабское население. По телевидению показали традиционное кидание камней арабскими молодыми людьми в сторону израильских патрулей. Много жертв.

На фоне этой настоящей войны потерян интерес к Югославии. Новые югославские власти начали традиционно с поиска Милошевича и объявления, что казна пуста. Как же она не будет пуста, когда неделю, по меньшей мере, все пели, плясали и митинговали по случаю выборов. Искусство власти это и есть искусство добывания денег. Местные демократы увидели здесь руку Москвы: деньги в банках России и Китая.

В международном отделе сломали ксерокс. Нина Александровна что-то размножала и по ошибке поставила 1000 копий. Остановить она машину не смогла.

Ашот кинул мне в почтовый ящик «Открытое письмо А.И.Солженицыну». Сейчас открытые письма пишут все, не сообразуясь с масштабами личностей. «Валерия Новодворская, диссидент и правозащитник с 1968 г. (с19 лет), трижды лауреат 70-й статьи УК РСФСР» Все те же песни. Что, жить им больше нечем? И сколько самомнения. Что бы ни говорили, но Солженицын крупнейший художник современности. Сейчас я перепечатаю по обыкновению цитату, но вначале такая пришедшая в голову мысль, возникшая, конечно, от размышлений над текстом письма. Режим хорош своей последовательностью, нарушение правил его губит. Не печатали во имя режима такие вещи, как «Один день Ивана Денисовича». Хрущев полиберальничал, отступил перед силой таланта. Солженицыну после публикаций пришли тысячи писем. Из этих писем и судеб при его таланте публициста родился «Ахипелаг». Архипелаг погреб под собою империю. Теперь цитата г-жи Новодворской, свидетельствующая об отсутствии у нее какого-либо критического отношения к себе.

«Я говорю с вами как диссидент с более чем тридцатилетнем стажем, бывший товарищ по оружию и преданный читатель, распространивший в Самиздате множество копий Ваших великих произведений. Я имею право сказать Вам то, что должна сказать.

Что Вы делаете, Александр Исаевич? Вам мало того, что с момента Вашего возвращения вы не боретесь с коммунизмом, что не обращаете внимания на звезды над Кремлем, ни на мавзолей Ленина на Красной площади. Вам понадобилось еще унижаться перед чекистами, Вашими палачами и губителями России, подобострастно встречая на крыльце кадрового сотрудника КГБ Владимира Путина»

Ей бы, «диссидентке» с 30 летнем стажем, подумать, к чему привела ее правозащитная деятельность, позаботиться, чтобы народ достойно жил, а она все в бирюльки. Свобода, госпожа Новодворская, мнения и убеждений, демократия. Но ведь с волей большинства надо считаться. Путин президент всей страны.

Кесарю кесарево.

14 октября, суббота. Утром уехал в Обнинск. Читал, работал в теплице. Появился новый проект электрического отопления. По дороге купил электрообогреватель и электроплитку. У Володи Шимитовского умер брат Саша. Игорь с присущей ему откровенностью рассказывал, как добывал визу во Францию. То, что нашему поколению казалось святая-святых: паспорта, визы, разрешения, теперь может быть куплено за деньги. В воскресенье встретился и говорил с Л.Н., он бывший генерал КГБ, много знающий и умеющий молчать. Тут он поделился со мной своим огорчением по поводу открытого письма Новодворской Путину. Какой накат! Опубликовано это в «Коммерсанте». Теперь только ленивый, не пишет нашему президенту открытых писем. Не пора ли создать бюро по чтению и регистрации этих сочинений? Вот где бумажищи! Все интеллигенция его клянет за русский национальный характер со всеми вытекающими для них всех последствиями и за работу в КГБ. Как будто бы работа в газетах или экономических институтах чем-либо существенным отличалась от работы в органах. Также стучали-с! Пусть еще радуются, что КГБ пока молчит со списками, кто на них работал. Л.Н. сказал, что и сам г-н Гусинский к ним забегал, но, по сведению старого генерала, тот одновременно забегал и в другие ворота, к идеологическому и государственному противнику. Молодец! Никогда не следует держать всех яиц в одном лукошке.

16 октября, понедельник. Целая история возникла с моим абонементом в бассейн. Он лежал в кармане рубашки, рубашка оказалась выстиранной. От абонемента осталась картонка, на которой четко выбит номер абонемента. В институте есть бумаги, что деньги мы переводили. Но дубликата в бассейне не выдали. Новый паспорт выдают, новые дипломы выдают. Мне интересно посмотреть на директора. Я понимаю, как эти люди разбогатели, владея таким имуществом. Не оставить бы, отослать хотя бы в общество потребителей. Если не удастся вернуть свое, то хотя бы в рамках существующей демагогии, потрепать персонажам нервы.

17 октября, вторник. Утром ехал на машине на семинар. Через всю улицу висит желтый плакат: «Новый фитнес-центр на Остоженке». Здесь же указан и адрес: «Остоженка, 25». Оглядываюсь по сторонам: ба! да это же адрес знаменитой певческой академии Галины Вишневской. Припоминаю, об этой академии была статья в «Труде», и я какие-то цитаты вносил в дневник. Не может академия выжить, на имеющиеся

благотворительные средства? Или же так далеко глядела наша знаменитая музыкальна чета!

На семинаре обсудили «маленький роман» Ильи Балакина. «Зе бест» — лучший. Как всегда у Ильи, это очень доброе произведение, оно вне политики, сегодняшний парень, музыка, его друзья, любовь на уровне симпатии и прочее. Чуть пересолено с подробностями, но роман получился. Семинар отнесся к произведению сдержанно, но скорее это от скрытой зависти перед крупной формой. Илюше удалось.

Вечером у хлебного ларька, когда я стоял с собакой, за мной встала девушка, тоже с сукой, но маленькой злобно-убийственной породы. Суки обе немедленно припали к земле, и я отчетливо представил, какая бы здесь разразилась драка. Девушка даже расстроилась и что драка не состоялась, и от моего замечания, ты что, дескать, не видишь? Не хочет она что-либо видеть. Возникла, наверное, неправедная мысль, что человечество опять превращается в первобытное стадо, но только стадо в прекрасной одежде, вооруженное компьютерами, автомашинами и всеми достижениями цивилизации.

Б.А.Березовского опять вызвали в прокуратуру по делу об «Аэрофлоте» в качестве свидетеля. Да кто же такой Березовский, чтобы так много им занималось наше телевидение. Ну, объявите, наконец, сумму его богатств и все всем станет ясно.

Вроде бы в египетском Шарм аль Шейхе состоялось подписание между иудеями и палестинцами соглашения о перемирии. Присутствовал Клинтон, и это соглашение считается личной удачей американского президента. Но все ли можно сделать только росчерком пера лидера. Мне кажется, что это уже народное восстание и остановить его будет трудно.

18 октября, среда. Уже вторую неделю подряд я хожу на лекции А… Матвеевича Зверева. Сегодня он читал швейцарскую послевоенную литературу — Фриша и Дюренматта. Мне интересно, но студентам, полагаю, трудновато, они приходят на лекцию без знания не только имен героев и времени, но и даже без твердого представления, кто эти писатели. Наверное, как и в мое время, усваивается материал в лучшем случае на 10–20 %. Но как хорошо слушать лекции уже во взрослом возрасте.

Лекции, по словам Елены Алимовны, не очень студентам нравятся. Это естественно, они не соответствуют их низкому уровню, хотя студенты ссылаются на то, что он не вполне ясно формулирует. Формулирует Зверев прекрасно, но на этих лекциях надо работать, думать или сразу выпадаешь. Это недоброжелательство связано еще и с тем, что писатели, о

которых лектор говорит, уже априори мешают, их новому поколению надо преодолевать. И я их раздражаю в аудитории, потому что я непосредственно воплощаю поколение, которое мешает. Еще почему-то не умер!

Как ни странно, связав с определенным контекстом зарубежки, упомянул А.М. имена Распутина и Белова. Здесь не новая мысль о деградации таланта писателя без критического взгляда на себя. Полагаю, А.Г. копирует чей-то не русский, априори, взгляд на этих писателей. Вряд ли он читал последние рассказы В.Г.Распутина и вряд ли читал их кто-либо из персонажей, формулирующих общественное мнение. Подобное мнение о писателях базируется на не всегда удобных для интеллигенции устных, порою резких, высказываниях. Понятно?

Во время лекции внезапно придумал форму чествования для И. Сокологорской: Гусев и Тарасов — ее гости в Париже — должны будут произнести «похвальное слово». Хорошо бы еще привлечь к процедуре Ларису Богораз. Но, жива ли она? Сможет ли? Захочет? Как ее в нашем институте примут? Или кого-либо из демократов, например, М.Чудакову. Но в этом случае придется включаться и мне. У Славы Зайцева сшили хорошую мантию, но своих обязательств сохранить прежние выкройки и эскизы не выполнили. А когда мы в первый раз за это платили и переплачивали, в его конторе говорили, утверждая уникальность своей услуги: «Мы это все сохраним в компьютере!» Все стали кроить заново.

Сегодня звонила Любовь Михайловна, ответственный секретарь по премиям мэрии Москвы. Ей скандал устроил Лазарь Карелин: «Почему мы ему не дали премии?» Вот так, а в этот год мы никому из представленных писателей именно за литературу премии не давали вообще. Это еще психология советского писателя, что премии раздают по очереди или по велению начальства. Змеелов, хват! Но уже старый хват. Новое сочинение Карелина я читал, не тот калибр. У меня вообще ощущение полного творческого кризиса советского поколения писателей. Мне повезло только в том, что я на поверхности дел, сама жизнь заставляет меня относиться к себе критически и вслушиваться в шепот молодых.

19 октября, четверг. С самого утра в третий раз в институте идет научная конференция «Язык как материал словесности». Возможно, традиция эта укоренится, но пока она целиком держится на авторитете Горшкова и Скворцова, собирающих ее. Крупные ученые идут в Литинститут, но в первую очередь к ним. Вначале мне показалось, что состав учащихся жидковат, потом

определилась тема, и было очень интересно. Это современное состояние языка и новые тенденции. Старые бакенщики еще следят за уровнем реки и обстановкой на ней, хотя по реке уже давно не ходят большие пароходы. Из самых крупных имен были Виталий Григорьевич Костомаров и его сотрудница по институту Наталья Дмитриевна Бурвикова, а также Юлий Абрамович Бельчиков. У всех них были интереснейшие наблюдения. Прекрасно выступила и доктор филологии Татьяна Леонидовна Миронова, жена бывшего министра печати Бори Миронова. Она из национальной библиотеки. Надо бы посмотреть эту молодую женщину на предмет устройства в наш институт. Ее выступление называлось «Языковые технологии информационного террора». Из частностей, которые она сообщила, иллюстрируя свой доклад, — это о влиянии слова на ДНК человека (опыты американцев). Воистину, «в начале было слово». Не осталось у меня без внимания и сообщение Мироновой, о том, как сначала по примеру австро-венгерской монархии запущенно, было, как словесная формула, мысль о трех разных нациях: русских, украинцах и белорусах. До середины 19 века все было едино — Россия, были диалекты, существовала некая родная мовь, на которой писались стихи. Много позже, когда в конце конференции Д.Н. Воскресенский говорил о разных тенденциях в современной китайской литературе, я вспомнил основное ее свойство. Она не разъединяет людей, а объединяет. Люди разных провинций, которые не могли в устной речи понять друг друга, читали общую китайскую литературу. Я не понимаю тебя, нарисуй мне иероглиф. В этой же связи очень кстати и как бы в ту же точку выступление доктора Е.В.Клобукова о графических экспериментах в современном тексте. Меня удивило, что он считает наше письмо скорее графическим, нежели фонетическим. С демократизацией письма уходили чувства преемственности и истории у пишущего. По мысли Е.В., это шуточки Луначарского. Технология — уничтожай, а потом правь, выработана не наркомом. Это еще в Древнем Риме каждый новый император сносил мраморные головы императорам другой династии.

Поразило то внимание, с которыми все слушалось, и в первую очередь студентами. Например, все время просидел Володя Макаров, «чуваш», который подрабатывает в институте плотником. Всю конференцию просидел и аспирант Эдик Поляков. Это все ребята из нищих и темных семей, которые сами открыли себе двери в институт, для них происходящее и участие в этом их самих — чудо. А вот наш певун Леня Кочетков, который так и не пошел в армию, а при помощи, полагаю, родни и знакомых откочевал в какую-то организацию, которая дает

отсрочку, Ленечка — лишь отсветился. Наука, как функциональное действие, как копка огорода, когда престарелая тетка попросит, и как образ жизни. Не статейку написать, а создать самого себя, вытянуть себя до последнего, самого верхнего уровня, а уже там, как пойдет, как сложится, но до последней грани быть и быть, а не казаться.

Выступили среди корифеев и три наших аспиранта. Само по себе это и замечательно и страшно, все ведь на подобных собраниях выступали впервые. Маша Лежнева — о Вертинском: «поэзия и проза». Оля Исаенко «Автор и рассказчик в романе В.Орлова «Альтист Данилов»» и Виргилия Дегтярева «Книжная и устная традиция в сказах Б.Шергина». Все девочки выступали на уровне, хорошо, но только после выступлении самой внешне неяркой Дегтяревой выяснилось, каким может быть этот уровень. Это была уже речь сильного и убежденного ученого, глубоко и смело копающего. Здесь еще и очень точное знание текстов, в том числе и религиозных, православных, вечных для русской литературы. Здесь вспомнил я мысль покойного М.П.Еременко о православной идее формулирующей русскую литературу. Русский ум вибрирует возле самых основных истин христианства.

Из наших — выступали также Т.Е.Никольская, к сожалению, я вынужден был выйти на время ее выступления, и Ю.М. Папян. Его я слышу впервые, А.И.Горшков очень и очень не ошибся, когда взял его к нам на работу. Четкое и ясное мышление, системный взгляд на предмет.

20 октября, пятница. Ирина Лячина, вдова командира атомного подводного крейсера «Курск» вышла из комиссии по распределению помощи семьям погибших — причина: уровень коррупции, расхищение средства отпущенных на эту помощь. Непосредственным поводом стала покупка книги о гибели «Курска» то ли выпущенной издательским домом Олега Попцова, то ли им самим, Попцовым, подготовленной и отредактированной. Ну и шустер! Впрочем, я уже встречался с тем, как покупались никому не нужные книги, только потому, что автор или издатель сидели у раздачи каких-либо благ. Я знаю несколько толстых романов, выпущенных подобным образом и подобным же образом распроданных. Например, командир военного училища покупает несколько тысяч экземпляров подобной художественной литературы, а личный состав потом, приобретя, ее читает. Перед этим начальник училища, например, защищает диссертацию, оппонирует ему беллетрист по совместительству.

На Ближнем Востоке, как я и предполагал, война между

арабами и израильтянами не утихает. Вот тебе и блестящий результат дипломатии Клинтона!

Был на дне рождения у Игоря. Впервые в жизни сидел за одним столом с человеком, который владеет 5 % акций одной из крупнейших в мире авиакомпании. Как всегда с огромным интересом и без малейшего чувства зависти рассматривал уникальную, старинную мебель и коллекцию миниатюр прошлого века.

21 октября, суббота. На даче апробировал печку, работающую на солярке. Это что-то вроде керогаза. В рекламе сказано, что это продукция одного из заводов ВПК. Основная? Неплохо сделано, кажется, даже надежно. По крайней мере, на даче сразу же расширилось жизненное пространство. Но солярка, на которой печка работает, стоит около 7 рублей за литр. Но что же стало с ВПК, который мог кормить всю страну?

Для «Труда». «Уже несколько дней подряд НТВ решает вопрос с государственным гимном. Не спят, не едят, решают. Этому была посвящена последняя передача «Гласа народа». Телезрители знают общую канву: гимна пока нет, но есть воспоминания о двух гимнах и мелодия «Патриотической песни» Михаила Глинки, которая пока и временно исполняет обязанности. Негоже Державе без своей музыки. Сочинять новый гимн, или ограничиться старыми мелодиями, приписав иные слова? Как быть? А как заодно ущучить президента, инициировавшего поиск слов и мелодии? Можно, конечно, мурлыкать и без слов.

Пригласили народ в надежде на получение нужного гласа. Пригласили и двух «основных собеседников» — Светлану Горячеву и Николая Федорова. Каждый гнул свою линию. Из своего самарского далека комментировал встречу губернатор Аяцков, специалист по продаже земли и гимнам. Но заметили ли телезрители, что у НТВ все реже и реже получается так, как они задумывают? Не помог дворянский хор, не без волнения исполнивший «молитву русского народа» — «Боже царя храни». Мечтать не вредно. Получился афронт и с другой задумкой — во время исполнения гимна Советского Союза часть «гласа» встало. А как плохо повел себя и несговорчивый телезритель, во время телефонного голосования высказавший свою симпатию не к нужной мелодии! Понятно? Кто там из римских императоров приказал море-океан выпороть плетью? Бедная ведущая Светлана Сорокина! Так ведь и от начальства достаться может! А тут еще губернатор из Самары под занавес роняет, что передача плохо подготовлена. Да и сам, старый романтик хорош: он за прежнюю мелодию, но с другими словами. А где их другие слова

отыщешь?» Дальше весь текст наша газета старательно опустила. Я стою в шляпе с перьями и без порток. Эту цитату еще бы раз в 26 число, когда «Труд» вышел. «Впрочем, слова, это особая статья этой передачи. Сочинители новых слов сидели тут же и жадно поблескивали глазами. Сколько их, и каждый горазд. И тут Светлана Горячева, напуганная ответственностью, высказывает роковые слова: создать комиссию по оценке текстов.

В связи с этим рассказываю историю, которую слышал о создании слов гимна Советского Союза. Создали его два поэта: Эль-Регистан и Сергей Михалков. Их вызвал к себе в Кремль Сталин, еще раз перечел текст и сказал, что надо поправить. Авторы вышли в приемную и тут что-то переделали. Сталин прочел, расписался на тексте. Эль-Регистан попросил тут же себе на память историческую ручку. С.В.Михалков — новую квартиру. Возможно все, что я рассказываю, это миф. Мифы рождаются не всегда и не по каждому поводу. Как и гимны. Была бы эпоха — гимны сочинятся».

Писал этот текст около двух часов, обычно делаю все быстрее, минут за двадцать.

22 октября, воскресенье. Руцкого сняли с выборов. Плакался, что не посчитали угнанный у него джип «черроки», а вот «Волгу», старенькую решили, что он утаил, а он ее просто продал. Очень бедный человек курский губернатор. Снял его с выборов, между прочем, областной суд, находящийся на его, Руцкого, губернаторской площадке. Чем он ему, суду, не потрафил?

Принесли «Юность» с главой из Ленинского романа. Напечатание ее стала для меня некоторой неожиданностью. Как и неожиданностью стало, что «Юность» еще выходит. Я так давно этот материал отдал в редакцию. Глава одна из самых удачных, где смерть, болезнь, интрига смешались вместе под названием жизнь. Я перечитал это вечером, к сожалению, много досадных мелочей, ни верстки, ни гранок я не читал. Например, в одном случае «порез», а в другом правильно «парез», удар, инсульт.

23 октября, понедельник. По ТВ выступал А.Вешняков, разъяснял позицию Избиркома по Руцкому. Цифры, которые он приводил, впечатляют. В Москве у боевого генерала квартира площадью свыше 400 кв. метров, и еще есть квартира в 160 в Курске. Бедный Руцкой ошибся в цифрах, когда заполняло декларацию. Я отчетливо представляю себе эту московскую квартиру. За последние годы светская хроника не обходилась без упоминания генерала и его молодой подруги. И с каким ощущением своей правоты, своей необходимости для народа

человек стремится во власть. Естественно, и сам Руцкой, и НТВ рассматривают проблему, как интриги президента. Такой человек, как Руцкой, имеет право на ошибки, на сокрытие имущества и пр. В этом и заключается демократический закон. Надо, конечно, еще здесь отметить, что Руцкой профессиональный предатель: он начинал, как коммунист, потом стал разрушать компартию, потом примкнул к Ельцину, потом его предал. Он Ельцина, этого доброго дедушку, еще вспомнит. Тот после всех фортелей Руцкого на него не нажал. Генерал-предатель.

Дело Руцкого будет рассматриваться в Верховном Суде.

24 октября, вторник. Продолжается, как я и предполагал, противостояние между израильскими войсками и населением Палестины. Израильтяне выдвинули в бой танки. «Независимая газета пишет, что вследствие войны, миллион наших соотечественников из Израиля может вернуться. А не вернется ли Андрей Дементьев, бывший редактор «Юности»? Утром заходил ко мне С.Ю.Куняев. Приехали его заочники, сегодня его семинарский день. Говорили о публикации дневников. В десятом номере «Нашего современника» эта публикация закончилась. Патриотический лагерь раскололся, многие меня за эту публикацию осуждают. С.Ю. рассказывает, как к нему приходят отдельные персонажи, показывают цитату, скажем, из Троцкого или Гинзубрга и говорят со значением: «И это ты печатаешь!» Я ответил, что многие мною недовольны персонально за эту публикацию, а другие руководствуются мафийным принципом, которым руководствуются, кстати, и их антиподы. Стасик человек значительной культуры и очень живого ума. Другое дело, что нам приходится жить в сложном, постоянно ловчащем, окружении. Писатели народ сложный и очень неадекватный. Есть писатели, которые находятся в патриотическом лагере, потому что другой лагерь из-за отсутствия таланта и культуры их просто бы не взял, а есть, которые, обладая все полнотой таланта и эрудиции, добровольно в лагерь либерально-демократический лагерь не ушли, хотя имели бы больше именно в нем. Таков, кстати, Распутин.

Умер Сева Копытов, племянник давно покойного дяди Феди Сапрыкина, моего отчима. Он преподавал математику в МГУ. Не видел я его лет тридцать. Завтра поеду хоронить на Троекуровское кладбище.

25 октября, среда. Утром Федя ездил в банк за стипендией. На кладбище меня отвозил Самид на своей замечательной

машине. Я все время удивляюсь, как человек за волосы вытащил себя к образованию и другой жизни. Его мысль о разнообразных землячествах. А зачем надо уезжать из метрополии, чтобы сразу же требовать обучение на языке, театров, школ и т. д. Кажется, он понимает особенность своей нации. Хотя сам он, приехав в Москву мальчишкой, переменял десятки специальностей, работал таксистом, мастером на ЗИЛе, закончил один институт — автомеханический, потом наш Литературный, он понимает, что нация не рабочая, а торговая. Ну, любят они торговать, ну уйдут с Московских рынков — значит, они совсем будут пустые. А то, что они на рынках, значит, этого кто-то хочет. Десятки участковых, милиция, городские власти, которые все это терпят. Здесь, конечно, сложный вопрос, но о нем размышляют.

Русский писатель — это писатель пишущий и думающий на русском языке. Не называй себя русскопишущим писателем, а просто русским писателем. Писательство это больше, чем нация!

В ритуальном зале я вспоминал о молодом Севе, думал о маме, о дяде Феде. Много мыслей летало под этими высокими сводами. Встретил на похоронах Зою, сестру Севы, я помню ее еще девчонкой-студенткой, когда за нею ухаживал парень-музыкант из Таджикистана. Они потом поженились, парень стал председателем союза композиторов Таджикистана. Вот она жизнь, вот она и политика. Сева умер в 72 года, всю жизнь проработав в МГУ, в институте механики, весь белый, седой доцент, не хвативший звезд с неба, но проживший удивительно честную и достойную жизнь. Передаст ли он привет моим близким?

В 12 часов состоялось бюро исполкома. Пулатов еще до начала был сильно выпивши, не закончилась первая часть, — утверждали повестку завтрашнего собрания, как уже понесли шашлыки, водку и закуску. С циничной силой азиата Тимур верит в непобедимость этих средств. Я сразу почувствовал какой-то конфликт, который веял над всем этим собранием. Резко говорил Шавкат Ниязи, еще недавно постоянный союзник и друг Пулата, его защитник, советник и серый кардинал. Шавкат проработал в Союзе 40 лет. На чем они поссорились? Тут же Пулатов наехал на Арсения Ларионова, директора «Совписа», который всегда писал все его уставные документы. О силе предварительного скандала стало понятно, когда юрист МГСПС, по просьбе принципала, зачитал параграфы устава, по которому Пулатова можно снять с должности. Снять его с должности нельзя, для этого он сам должен написать заявление. Устав в свое время он создавал вместе с Ларионовым. Хорошо поработали. И не рыпайтесь, не получится. Пулатов говорил какие-то упреждающие речи о воровстве, о слухах, об удивительно выгодном для МСПС проекте

Госкомимущества по сдаче в аренду усадьбы Ростовых. Своим подозрительным умом я представлял, что за этим может стоять.

26 октября, четверг. В десять часов Исполком начался с речи Тимура, полной тех же подтекстов, мыслей о том, что без него всем будет плохо, что он единственный, кто может поддерживать ситуацию. Пулатов все время нажимал, что здесь представители Госкомимущества. Вот они встанут и все вам расскажут. Эти двое ребят, с готовностью бывших и вчера, сидели и сегодня. Какая-то большая заинтересованность у этой пары. Я уже понимаю, все решено, условия и для ресторана и для других организаций, оккупирующие усадьбу арендой, удобные, в лучшем случае для Тимура не хлопотные. А тут старый черт Михалков влезает в это дело и говорит, а надо ли союзу идти в долговременную кабалу. На этот раз круг слушателей был расширен. Кроме представителей республик, сидели и русские писатели, в частности Бондарев, Михалков. Это именно по их инициативе было собрано это совещание. Потом вместо отчета по работе с национальными литературами Ниязи произнес 40-минутную речь, полную самых серьезных обвинений в сторону Пулатова. Здесь и каких-то 1,5 миллиона долларов, недополученных Сообществом за уступку права на дом кому-то из банков или застройщиков. Такой факт, дом, действительно был. О деньгах за проданную квартиру, принадлежащую ранее СП. О каких-то других суммах. Все это было так крупно и отважно, что напоминало вымысел.

Как правило, писатели из республик, совершенно задавленные местными властями, удивлялись, что у русских писателей еще что-либо есть. Для них еще поддержка Пулатова — это поддержка своего, кровного. Если это все перейдет к РФ, то они станут никому не нужны, кто хоть изредка будет принимать их в Москве. Время действительно изменилось, МСПС выродилось в организацию, работающую с начальством. Они и сейчас в практическом смысле нужны только Тимуру. Он распределитель средств, международный представитель. Я его всегда поддерживал.

Михалков читает свое обращение. Его подписал он сам, Бондарев, Гамзатов. Все весомо. Он, Михалков сам — почетный председатель Сообщества. Сразу же возникает склока по ведению собрания. Пулатов пытается давать слово в дискуссии только своим. Возникает предложение по ведению собрания кем-либо из объективных людей: Гусев или Есин. Я все время помню, что в три у меня Ученый совет.

Я хорошо выступил в самом начале. Моя задача состояла из

желания «взнуздать» Пулатова и дать ему время «исправиться», замять скандал. Но первое, что надо сделать, если он, как уверяет, живет честно, ввести его в какие-нибудь рамки. Отсюда и мои предложения. Все денежные платежи вести только через банк. Требование независимого аудита. Я понимал, что спокойно, не пошевелившись, стоически выслушав все сказанное, Пулатов никогда заявление не напишет. Значит, процедуру надо тянуть и постепенно создавать прецедент для внеочередного съезда. Я отчетливо понимал, что за стенами всех этих ресторанов в центре Москвы и магазинов стоит мафия, опасная и беспощадная.

Во время небольшого перерыва со мной переговорил Михалков. Рассказывал о бытовухе Т.И., но это даже не для дневника.

Уехал с Исполкома в надежде закончить быстро ученый совет и вернуться. Около четырех, уже снова в пальто, звоню секретарю: «Как там идут дела?» Одновременно вспоминают рассказанное Михалковым. Девка наглая, слова чеканит. Отвечает: «Исполком закончился.» — «Соедините меня с Пулатовым. Кто говорит?» — «Говорит ректор Литературного института.» В трубку отчетливо слышу переговоры. Она повторяет дословно лишь то, что я уже слышу, Пулатов шепчет со злобной аффектацией. «Тимур Исхакович не хочет говорить с ректором Литературного института».

Самонадеянный дурак!

Вечером ездил в общежитие. Опять всякие мелочи. Разворачивается целая история с простынями. Если нельзя украсть напрямую, то делаем это косвенным образом. Купили плохие простыни для общежития за цену, в два раза превышающую рыночную. Потом вскрылось, что все эти самые дорогие покупки делаем через одну и ту же фирму. Кому-то из наших эти перекупщики отстегивают.

Во время Исполкома говорил о своих «Дневниках» в «Современнике» со Стрелковой и Михалковым. Ирина Ивановна, в частности, касаясь ведения мною финансовых дел, говорила об их открытости. Собственно, этого все хотят и от Пулатова.

27 октября, пятница. Вечером параллельно с замечательной «Книгой мертвых» Э.Лимонова принялся читать сборник «Четыре шага в бреду» — французская маргинальная проза первой половины XX века. Здесь новый перевод «Кэреля» Жане и повести Арагона, Жоржа Батая и Пьера Луиса. Начал по алфавиту с Арагона. Его повесть интригующе называется «Лоно Ирены». Хорошо начинал автор многотолстой эпопеи «Коммунисты», которую мы изучали в университете. Действительно, на кровати

можно было разглядеть лежащего на спине раздетого артиллериста, который теребил толстую сисястую девку со складками на боках и признаками базедовой болезни на шее. У нее были выпученные глаза и маленький, словно прорезанный бритвой, ротик. Она вертелась как бешеная. Два другие клиента, солдафоны, с низкими лбами и свиными глазками, спокойно дрочили с тупым видом, сидя напротив на стульях в ожидании своей очереди.

Арагон давно меня интересует как основатель социалистического реализма и хотя бы как муж Эльзы Триоле, родной сестры Лили Брик. Чем они брали талантливых и не слюнявых мужиков. Но брали. Правда, один — застрелился, а другой после смерти жены пустился во все тяжкие. В предисловии сказано — о связи с пареньком. Об этом же, кстати, пишет в своей «Книге мертвых» и Лимонов. Этот парень оттер его от классика и не дал возможность передать рекомендательное письмо Брик Арагону.

28 октября, суббота. Утром отправился на дачу. Перед давно запланированной поездкой в Германию надо вскопать грядки в теплице, пересадить в горшки и забрать в Москву сельдерей. В теплице он во всю растет, а я сельдерей люблю в Москве как декоративное растение. Все сделал, а также с помощью некого молодца Димы покрыл плиткой пол в бане. По дороге купил продукты для В.С. В очереди за сметаной и творогом одна дама рассказала мне такой рецепт: «мясо со сметаной». Отварить мясо, нарезать его ломтями, уложить в сковородку или на противень. Перед этим отпассировать лук, обжарить муку, одним словом, сделать сметанный соус. Соль, специи и перец по вкусу. Все залить этим соусом, сметаной. Сверху посыпать тертым сыром, поставить минут на 40 в духовку. То же самое можно делать и с курицей, но с добавлением тертых яблок. По дороге все время размышлял, что надо сделать в Германии. Подписать соглашение с Новым литературным обществом Марбурга. Но это самое легкое. Постараться пробить конференцию «Ломоносов—Вольф» на осень следующего года, т. е. через год, а лучше на весну. Надо в Марбурге купить нижнее для меня белье, носки и может быть костюм. Я обносился, а в Москве на все это нет времени.

Вечером до глубокой ночи собирался. У В.С., как всегда, куча всего наготовленного: суп с фасолью, ленивые голубцы, овощное рагу и шарлотка. Много ем, чтобы ее не нервировать. Я давно заметил, готовка снимает у нее стрессы.

29 октября, воскресенье. Накануне отлета в Германию тем не

менее сижу и пишу рейтинг для А.С.Вартанова — обещал-с!

Поразительный факт — прилюдные жалобы А.Руцкого на несправедливости нашего суда. Самомнение иногда лишает людей разума. Бедного губернатора лишили возможности второй раз пытать судьбу и страдать на губернаторском месте. Лишил-то, между прочим, свой собственный, как считается, прикормленный областной суд. Не московский, который, естественно, в сговоре с Кремлем. Да и какое дело Путину до Руцкого. Как говорится, слишком много чести. Зато Руцкому удобнее, чтобы фигурировало не мелкое мошенничество под маркой недогляда, а политический фактор. Гнобит власть боевого летчика, которого приходилась за большие государственные деньги выкупать в Афганистане у противника, когда он попадал в плен. Хочется летчику всегда быть командиром. А не выходит. Дело даже не в том, сто шестьдесят кв. метров или сто сорок губернаторская квартира в Курске, четыреста кв. метров или больше в личных апартаментах в Москве. Именно такие цифры называло телевидение наряду с многим другим. Четыреста метров отмечаем мы все про себя, это еще с того времени, когда Руцкой, начиная свою политическую карьеру как коммунист переметнулся к Ельцину и был облагодетельствован званием вице-президента. Это все лучше бы не ворошить и не вспоминать, потому что тут же некая коварная мысль о профессиональном предательстве. Как там стремила политическая судьба Руцкого после Ельцина? Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел. Лучше бы, как говорится, в несвежем анекдоте, сидеть и в этом случае не чирикать. А то начинают вспоминать люди какие-то тысячи долларов, которые сын губернатора пытается провезти через границу. А это что означает, а это означает жадность, Пойди в любой банк и справку эту на провоз валюты купи. Народ вспоминает здесь джип «черроки», на котором губернатор приехал жаловаться в белокаменную. А что касается довода, что вот слишком поздно заставили губернатора сойти с дорожки, то извините, это ведь не так легко такую махину отпихнуть от корыта управления.

30 октября, понедельник. Кормили в самолете: гуляш с макаронами, салат овощной с майонезом, соленая семга и рыбный паштет, булочка белая и кусок черного хлеба, масло и плавленый сырок, два свежих пряника, кофе или чай. Я, как всегда, предпочитаю чай с молоком. Сразу после взлета давали вино, пиво, соки и минеральную воду. Приблизительно пару часов провел над «Дневниками», распутывал дальние годы. Как всегда в дорогу я нагрузился: компьютер, «четыре шага в бреду»,

«Книга мертвых» Э.Лимонова, две папки с дневниками, первая половина 2000, которую надо отсылать и перепечатанная для правки рукопись старых, бухгалтерская книга с оригиналами, да еще рукопись Сережи Терехова. Его будут обсуждать без меня, но для контроля.

Встречали Барбара, Легге, как всегда в своей знаменитой шляпе и костюме с галстуком и платочком в боковом кармане. У Легге облик англизированного денди. Доехали из Франкфурта хорошо и быстро, Барбара просто засияла, когда я вручил ей свой главный подарок. Не гжельский чайник, который купил в Шереметьево, а пачечку ее новых визиток, где на русском и на латыни объявлено, что она доктор литературы гонорис кауза. Вот так то. Подарки в своем большинстве закупил в аэропорту: шоколад, конфеты, большую бутылку «Смирновки» для Людвига и пр. Дорогое дело для ректора выехать в командировку. Та же гостиница «Марбург» напротив церкви Св. Элизабеты. Даже тот же, как и в прошлый раз, 211 номер на втором этаже. Я узнал его по удлиненной цветной гравюрке ириса, висящей в комнате, и тому же виду из окна. Стерильная, отчаянная немецкая чистота. Иногда кажется, что наведение чистоты — это попытка убить время, которое мы, русские, тратим на мечтания.

Барбара перенесла все свои занятия на неделю, будет потом отрабатывать, текущую неделю она самоотверженно посвящает мне. Я за свою жизнь не часто встречал благодарных людей.

В первый же день Барбара устроила у себя дома пир. Ассистировал все тот же обаятельный и милый Вилли. У Барбары в этом же подъезде теперь еще одна квартира — для гостей и под кабинет. Попользуемся. Кормежка: салат из зеленого горошка с креветками и чем-то похожим на облегченный майонез; семга с кусочками фаршированной рыбы; жареные кабачки; горячие из черного хлеба тосты с консервированными персиками, ветчиной и сыром. Этот рецепт необходимо взять на вооружение. Основное блюдо: фондю. Но не с мясом, а с кусочками нарезанного хлеба, которые окунают в горячий расплавленный сыр с вином и специями. Потом было отдельно несколько сортов сыра и потрясающий десерт: мороженое с чем-то бисерно-карамельным и взбитыми сливками. С Вилли долго говорили об образовании, о бесполезности в развитии интеллекта компьютера, о телевизоре и о других разностях.

31 октября, вторник. Утром читал рукопись дневников за 2000 год. Я начал редактирование еще в Москве и хорошо поработал в самолете. Страшит собственное многословие, но иногда попадаются прекрасные эпизоды.

В час дня обедал с Легге в какой-то итальянской пиццерии. Парадный обед с обнюхиваниями. Поразительный суп-соус с какими-то раковинами, похожими на наши мидии, может быть, устрицы? Между выковыриванием из ракушек кусочков мяса разговаривали. Когда рядом с тобой гора ракушек, невольно чувствуешь себя богатым человеком. Потом мне одному дали самый невероятный из всех съеденных мною десертов: горячие лесные ягоды с мороженым. Сочетание поразительное по своей смелости. Но я вообще чрезвычайно высоко ценю необычные решения.

Оговорили контуры соглашения. Все время звучало в немецкой удивительно противной огласовке слово — финансировать. Кто финансирует? Никто финансировать культуру не хочет. Культура — как платье от хорошего портного. Можно ходить и в ширпотребе, но так соседи и друзья завидуют.

В три часа подъехал неутомимый Вилли, и мы поехали в Баденхейм. Это тот курорт, о котором Барбара много мне говорила. Это сравнительно недалеко. По действию, судя по всему, это что-то вроде нашей Мацесты. Но организовано все на порядок выше. Общий бассейн, вернее три бассейна с разной температурой, все, естественно, в немецкой чистоте и порядке. За режимом каждый должен следить сам. Курорт недорогой сейчас, хотя здесь лечился и кайзер, и наши императорские родственники. У Барбары есть план: я живу у нее, на поезде через день езжу в бассейн и через два часа возвращаюсь. Она так делает минимум раз в неделю. Это помогает привести в норму сосуды, сердце. Я не думаю, что это окажется дороже, чем трехнедельное житье в Сочи. Определенно, Барбара мыслит реальнее, чем я.

Вечером читал рукопись. Болят глаза, вижу без очков плоховато.

1 ноября, среда. Утром, с половины седьмого, еще в постели читал и правил рукопись Дневников за первую половину года. На то и дневник, чтобы его не перечитывать, но я превратил его в некоторый вид литературы и некоторый инструмент давления на действительность. Вот приходится расхлебывать. Места попадаются неплохие, но много слов «без говорения», надеюсь на редактора. После одиннадцати ходил в магазин искать себе костюм. Обносился я предельно. Надо купить белье, опять, как и три года назад, пар десять и, если попадутся, ботинки. Но обувь здесь плохая. Для окончательного совета приглашу с собой завтра Барбару. Она женщина со вкусом. После магазинов сделал большую прогулку по парку. В Марбурге я все время в одно и тоже время — золотые листья от кленов уже на земле. До

половины четвертого правил рукопись.

В 4 часа, как и договаривались, пили кофе у Людвига Легге. Это третий или четвертый дом в Германии, куда я попадаю. Большая квартира в центре, много книг, старая, но не старинная мебель, по чистоте, картинкам и рисункам по стенам, видно, что Людвиг не работает. Говорят, что он живет на средства жены, которая служит где-то в университете и занимается географическими картами. Это милая женщина, излучающая скрываемую энергию. Она сама уже 27 лет выпускает большие настенные календари с видами Марбурга. Марбург очень живописный город и выставка, если ее делать по сюжетам, по «узлам» из этих календарей за все 27 лет, может быть интересной.

Церемония питья кофе, который оказалась недолгим чаем. Хозяйский яблочный пирог был превосходный, на столе стоял и чудный покупной торт со взбитыми сливками. Особенно мне никто не предлагал, но я умудрился съесть два куска этой немецкой «шарлотки». В отличие от нашего варианта, здесь тесто внизу, под яблоками. Довольно много говорили о создании книги с параллельными текстами. Может быть, к этому привлечь Куприянова?

После гостей Барбара отвезла меня на короткую прогулку вверх к Замку. На этот раз он показался мне живым существом, просто живущим по незамеченным нам ритмам. Недаром он даже строился не сразу весь, по единому плану, а как бы рос. Вот это движение его во времени очень заметно. Обратил внимание, что один из наддверных горельефов, где два рыцаря поддерживают герб владельца, окутанный колючей проволокой. Одну голову уже оторвали.

К двенадцати ночи рукопись закончил.

2 ноября, четверг. Днем встретились с Легге. Ну, чего я, собственно, хлопочу? Что лично мне этот Марбург? Что лично мне некий Пастернак и национальный гений Ломоносов? Что мне лично взаимопонимание между Россией и Германией?

Легге, который много и самоотверженно делает тем не менее наш русский неумеха и растяпа. Все письма и звонки о моих встречах, которые ни в коем мере не нужны мне, а в первую очередь ему, он сделал слишком поздно. А теперь получает отказы, ставя меня в глупое положение просителя. Но, с другой стороны, немцы в личном плане, конечно, прагматичнее нас, русских. Шалю, с которым я говорил пару лет назад, разговаривал о конференции Ломоносов — Вольф было некогда, он занимался своими перевыборами. Теперь на эту гуманитарную проблему в высшую степень наплевать новому ректору, который по

образованию медик. Да он и не должен в нее вникать. Зав. кафедрой Иблеру, на которого скинули этого надоедливого русского, все это не очень нужно, потому что он специалист по Чехии. Ему на это чихать. Но главное, Легге полез во все эти дела раньше времени, лучше пусть ничего не решают, чем хотя бы в косвенной форме отказывают. Затаил на коллег злобу.

Зашел в большей антикварный магазин на центральной торговой улице. Сразу же увидел неплохого из чешского фарфора «бравого солдата Швейка» мне в коллекцию. Не купил не потому, что очень дорого, а из-за ненависти к русским хозяина. Он меня с моим английским быстро рассек. Крупный, кормленый, наглый чех. В Германии, говорит, с 1958 года, т. е. с русских танков в Праге. Ему хотелось вывести меня на какую-нибудь склоку. Профессор, значит, все знаете. Да, я довольно нищий профессор и даже не владею магазином антиквариата, но у себя на родине кое-кто меня знает, и я вхожу в любой русский сборник «Кто есть кто», дорогой антикварщик. Такого же Швейка куплю в Праге. Специально съезжу и куплю, а торговаться с тобою не стану. Но сменим тему.

Как важно немцев, не очень привыкших к вниманию русских, хорошо и добротно накормить в Москве. Грандиозный обед у Рексуса. Его квартира. Меню. Выставка рисунков пушкинской поры. С 7 до 11.30

3 ноября, пятница. Как и в прошлом году, оказался на летучем дне рождения у бургомистра Мюля (фирменная майка). Легкий фуршет для служащих, посыльные с подарками по лестнице, не очень-то обращающие внимание на принципала чиновники, но с удовольствием уничтожающие его бутерброды. Пышная дама в белом переднике торжественно из армейского термоса разливает суп. Чуть-чуть с замороченным мэром перекинулись словами. Он меня помнит, я его помню. И быстренько мы с Барбарой, но гордо, не вкусив ни мэрского кофе, ни мэрского супа, удалились пить чай в кафе, где через сорок минут у нас была назначена встреча с корреспондентом. Легге, естественно, остался потереться среди начальства и поесть супа. Суп, как форма лояльности. Чай с Легге и корреспондентом. Обед во вьетнамском ресторане с Плагенборгом (фирменная майка и колода карт). Чай в кафе на ратушной площади с обербургомистром Фаупелем (набор шоколада и колода игральных карт). Оба последних просто спасли положение. Оба на лету все схватили, поняли, прикинули общую, да прости меня Бог, государственную и идеологическую пользу от моих предложений. Оба мгновенно прикинули пользу, славу, рекламу

от этого начинания для города и университета. Оба сообразили, что это крошечный плюсик в их карьере, и Фаупель сказал: город эту тему: «Марбург в русской литературе» готов финансировать, но дайте письменно (это уже Легге) предложения. А Стефан Планненборг сразу же вспомнил, что на следующий году университет празднует свой очередной юбилей, значит хорошо бы в раздел «Мифы» поставить конференцию «Учителя и ученики». Здесь можно или провести симпозиум по одному Ломоносову, или по Ломоносову и Вольфу, либо добавить еще сюда и Пастернака. Тоже, между прочим, не человек с улицы, а лауреат Нобелевской премии. Замечательный малый этот Плаггенборг, он заведует кафедрой и читает, кажется, новейшую историю Россию. Его книжку «Революция и культура» перевели и выпустили у нас. Он пользуется материалами начала века, по крайней мере это для меня интересно постановкой вопроса. Мне даже кажется, что его хорошо было бы показать и нашим студентам. Иная, нежели наша привычная, точка зрения помогает сформировать и выработать убеждения. Профессор долго допытывался у меня, утверждаю ли я темы работ своих студентов и как я на них «нажимаю». На них нажмешь. Добыть книгу — это из-во журнала «Звезда» и послать ему, как специалисту по идеологии, мою «В родном эфире». Профессор, конечно, безудержный демократ и интеллигент. Интеллигенты, которым тяжело далась карьера и которые интеллигенты в первом поколении, всегда немного «супер». Ленинское «говно», еще не про них. Это все со временем еще спадет. Но интересно как, через кого попал в «Звезду» и что смутно обещал.

4 ноября, суббота. Днем, в китайском ресторане, — а это довольно дешево и вкусно — обедал с Барбарой и Легге, он принес договора, на которые в свою очередь я должен буду поставить печати, и мы подводили итоги. Я даже сделал для него списочек, что ему надо сделать, с кем переговорить и какие письма написать. Сам я уже вчерне продумал совместный сборник. Мы — прозу, они, — коли у них прозы нет, — поэзию. Наши: Орлов, Киреев. Зиновьев, Есин, Сегень, Толкачев. В заключении Барбара сказала, что только я так мог справиться с Легге, даже Толкачев бы с ним не совладал. А придется, я твердо решил, что на следующий год возглавлять делегацию будет он.

Барбара мастерски ставит последние аккорды. Чуть ли не силой она усадила меня в автомобиль и повезла в Амольбург(?), где я уже был несколько лет назад. Все тот же город высоко на горе, все тот же разрушившийся замок, построенный чуть ли не в 5-м веке. Здесь был когда-то католический монастырь,

основанный святым Бонифацием. А теперь здесь какая-то католическая школа. Не забыть и центральной площади, вернее площадки, с трогательной с часами ратушей. Рядом с часами небольшие колокола, которые по-прежнему отсчитывают неторопливое деревенское время. Вот бы здесь зиму пожить и поработать, отключив телевизор и себя от мира.

Сверху кажется, что мир совершенно не изменился, все те же домики, квадраты полей, квадраты лугов, на которых пасутся коровы, но вот на дороге блеснет машина, а не рыцарские доспехи. Такой огромной долины с разбросанными по ней деревнями нет нигде в мире. Это модель самого мира. Изредка, раздвигая облака, Бог освещает то один участок земли, то другой. Мне кажется, он по настоящему увлечен этим занятием, разве есть у него время, чтобы еще интересоваться человеком?

5 ноября, воскресенье. Барбара — удивительная женщина. Она перенесла все занятия недели, чтобы все время посвятить без трепки нервов только нашим с нею делам. Но вот сегодня я уезжаю, уже есть машина, у меня в кармане билет, все что можно было сделать для меня, она сделала и тем не менее она еще едет провожать меня во Франкфурт. Эта самолетная возня, хождение по терминалам в попытке получить налог на покупки, так называемый tax free. Получил, как ни странно что-то около 35 долларов.

В самолете сидел рядом с молодым человеком лет 28–29. Очень быстро выяснилось, что он русский, сразу же после окончания института уехал в Испанию, долго там жил, начинал с мытья посуды и работал в качестве ночного санитара при умирающем старике. Сейчас у него есть женщина испанка-юрист, они живут вместе уже около года. Она старше него. Он уже менеджер крупной фирмы, торгующей в России мебелью и керамической плиткой. Почему в Испанию? Зовут, кстати, этого молодого человека Сергеем Николаевичем, как и меня. Сестра у него закончила в Краснодаре романо-германское отделение в педвузе, испанский язык. Она уехала первой, семьи у нее пока нет и, наверное, не будет. Сестра и брат живут в Валенсии. Сейчас она преподает русский в школе и занимается техническими переводами и переводом деловых бумаг. Ради этого-то? Тут же я подумал, а не готовим ли мы наших девочек для заграницы? Не даем ли мы им, по сравнению с их сверстницами, лишний шанс? Я поиграл с ним в «угадайку»: определил, что воспитывался он одной матерью, что у него не было в детстве друзей, что маленьким его обижали товарищи. Я даже сразу определил: «Ты украинец?» У украинцев есть какая-то несвойственная нам,

русским, повышенная любовь к себе, к материальному. Ну почему ты уехал? Какие-то неубедительные ответы о том, что в этой стране невозможно ничего добиться, не воруя. Господи, как же ярко выражена у человека любовь к колбасе. У него просрочен паспорт, ему сделали новый за 3000 долларов без его возвращения в страну. Как хочется этому парню приехать в станицу таким гоголем! Доказать! Поговорили о торговле. «На дорогую мебель и предметы роскоши спрос даже возрос, а все среднее перестали покупать». У меня, ректора и писателя, никогда не было таких денег, какие сейчас есть у этого человека, только что получившего вид на жительство. У него оклад свыше 2000 тысяч в месяц, машина и мобильный телефон, оплачиваемый фирмой. Я тут же вспомнил молодую русскую даму, заботящуюся в таможне о том же tax free. По мобильнику она отдавала приказания кому-то в Москве вычистить бассейн и сменить охрану. Рядом с ней целая тележка с чемоданами. Она такая богатая и, тем не менее, не стесняется конфузиться, как я, трясти кофточками у таможенной стойки.

У Сергея Николаевича на границе в Шереметьево все же возникли некоторые трудности. Последнее, что я слышал — он шел за мною — «Я очень давно не был дома…» Голос был заискивающий.

Звонили, не успел я приехать, противоборствующие силы: Лыгарев и Баженов. Надо иметь в виду, что еще пока ехали с аэродрома, подкормил меня дезой Федя. Баженов катит на Лыгарева и хочет свою собственную, преданную только ему, охрану. Я ему прямо сказал, что поборов с ребят-охранников не допущу. Ах, как хочется. С другой стороны, как я узнал, у него в гараже вовсю во время пьянок говорят, что вернется, дескать, Оля, и они возьмут на себя гостиницу и магазин, и начнется у них тогда жизнь. А, дескать, Лыгорева и Св. Михайловна — должны уйти. Все у этих друзей уже распланировано. И боюсь, живя только этим, они планируют лучше меня.

В общем, перед сном сотруднички меня подзарядили. Спал плохо, два раза принимал снотворное.

«Труд» напечатал весь материал, но, как всегда, демократическая правка.

Завтра В.С. уезжает в Матвеевское, укладывал ей чемодан, собирал вещи.

6 ноября, понедельник, 7 ноября, вторник. В Обнинске. Долго гулял по лесу с собакой. Долго правил дневники. Тишина. Моя соседка Валя видимо, как и в прошлом году, сдала квартиру и теперь живет на даче. Еще две недели назад она жаловалась на

холод. У нее в доме нет печки, перегородок, одна большая комната. Чудная, замечательная жизнь без телевидения. Тем не менее видел несколько демонстраций по поводу праздника Октября.

Потрясла фраза по ТВ «Главное событие недели это выборы президента в Америке…»

8 ноября, среда. Это особая беда бюджетных учреждений, инертность любых сотрудников. Перед отъездом я отдал приказ об увеличении зарплаты всего коллектива. Тем не менее, наша расчетчица Лена это приказ наполовину игнорировала, но ведь я недаром в приказе о повышении зарплаты ввел графу: «за интенсификацию труда». Я окончательно бросил советские штучки, связанные с выговорами. Они не действуют. Они хороши, чтобы копились в личном деле, и чтобы на их основании можно было с человеком расторгнуть контракт. Действенны только деньги. Нашу Леночку я лишил за месяц этой «интенсификации». Вместе с ней на 1000 рублей пострадала и И.Н.Зиновьева — и.о. главбуха. В этот же день мне пришлось и вторично воспользоваться своим правом. Служебное расследование по покупке по завышенным расценкам простыней закончилось: «интенсификация», около 1000 рублей с С.А., нашего главного инженера, которая отчего-то внедрилась в это снабжение — я вспомнил еще и покупку по завышенной расценке облицовочной плитки летом, — и столько же сняли эти шалости нашему снабженцу Саше Тримасову, который от снабжения устранился.

9 ноября, четверг. Когда я еще только приехал, у меня на столе оказалось письмо С.В.Михалкова. Состоялось заседание комиссии, выбранной Исполкомом, которая должна созвать съезд. Уже определена и дата — 23 ноября. К 15 ноября необходимо представить учредительные документы. Но 9-го состоялась и сама комиссия, в которой я состою членом. Видимо, мое участие долго обсуждалось. В длинном столбике имен, мое стоит последним.

Перед самой комиссией Тимур мне внезапно позвонил на работу. Большое искушение было через помощника Сережу Гончаренко ответить, дескать, у ректора Литинститута нет возможности переговорить с председателем Международного Сообщества Писательских Союзов. По своей восточной глупой привычке Тимур опять звонил через секретаря, что меня уже накрутило, когда я брал трубку. Я узнал голос той самой секретарши, которая десять дней назад гордо сказала мне что «Тимур Исхакович не хочет говорить с ректором Литинститута». Мы-то люди не гордые, мы связи из-за испорченных собственных

нервов не рвем. Тем не менее, в разговоре я аккуратно напомнил об инциденте. «Ну, понимаешь, у меня тоже бывают стратегические моменты…». Я отчетливо представил себе пулатовский кабинет после заседания исполкома, почтительные и возбужденные присные, верные до подобострастия националы, которые на исполкоме в ответ на критику в адрес председателя, требовали представить его к ордену. Пулатов отчасти понимает сложность своего положения. Он еще надеется на клики вертухаев с окраин. Свой! Придут русские и всех нас задавят. Никого еще русские не давили. Но где наши дома творчества, которые принадлежали всем сообща? Они стали чьей-то национальной собственностью в ихнем раскосом далеке. Пулатов еще надеется на худший вариант демократии, на громкие выкрики общего несогласия, на так называемую власть большинства, которая в этих специфических условиях представляется мне властью клаки. От меня он хочет хотя бы лояльности и некоторых сведений с заседания. Позже, когда я выполнил его просьбу и после комиссии позвонил с неутешительными для него новостями, я тут же подумал, а зачем, собственно, ему соглядатай. Был верный Жуков. Я не только ценю Анатолия Жукова как замечательного писателя и человека, многое сделавшего конкретно для меня. Именно он напечатал в Н.М. «Имитатора», и именно М.О.Чудакова была внутренним рецензентом моей рукописи. Я об это не устаю помнить. Но Толю Жукова я оценил и сейчас, когда он остался верен своему принципалу. А ведь понимает, что в словах Ниязи на исполкоме было много правды, с собственностью и с финансами все не очень гладко.

Рассказывали на комиссии о том, что Пулатов ведет отчаянную торговлю. Он уже «хочет сохранить лицо». «И свое богатство», — ехидно заметил Ниязи, главный еще недавно клеврет и помощник Тимура. А я-то думал, что в русском окружении своего азиаты не предают. Теперь Тимур хочет какого-то доброго в конце слова, какой-то грамоты. В одном он его заслуживает, он хоть как-то сохранил организацию, а мог бы и не сохранить. Ну, падок на женщин, лесть и деньгу, но я не налоговая полиция, чтобы все знать и определить. Сама организация слабо работала, что-то делалось, хотя бы сохранялась видимость общего союзного пространства. На все остальное, даже на пересол Тимура с финансами и любовью к себе мы закрывали глаза.

Сама комиссия состоялась на Поварской в доме «Совписа», в кабинете Арсения Ларионова. Чувствуется, что наряду с Михалковым, он здесь главный закоперщик. Объективно на все это нужно было определенное мужество. Рассказали о странном

письме Пулатова на исполком, которое не является формальным письмом об отставке. Здесь же было рассказано и с документами в руках показано, что тот договор с «Эфесом», по которому управление домом Ростовых переходило к этим чужим людям, тот договор, о котором говорилось, зондируя мнения, что его выгодно было подписать на момент исполкома, был уже подписан. Вот это чудовищно, это не ложь даже, а это большой театр лжи. Как распинались на Исполкоме, а перед этим президиуме Исполкома заинтересованные лица! Нет, от меня здесь нельзя потребовать просто верности, в этом случае и Тимур мне уже не товарищ. Здесь уже не шалости и не мелкое мздоимство, за всем этим просматривается огромное воровство. Точка зрения комиссии: не наше дело ворошить и искать финансовую правду, председатель не устраивает нас по морально-этическим соображениям.

В телефонном разговоре я постарался это Тимуру объяснить. «Пиши заявление об отставке по полной форме». Это я. Он довольно зло: «Я не советую тебе попадать в ситуацию, когда тебе можно будет что-то советовать». Я тоже этого не хочу, поэтому ничего себе лишнего не позволяю.

10 ноября, пятница. Приехал Толик Прокопьев, мой связной по жизни в глубинке. Это парень, работавший когда-то у Ю.М., и он мне его порекомендовал для работы по хозяйству. Я уже давно живу по принципу: люди, которые меня в силу тех или иных обстоятельств обслуживают, должны снабжать меня определенной информацией. Толик будет помогать мне по хозяйству и с собакой. Мне хотелось бы, чтобы он остался у нас подольше, может быть, мне удастся взять хоть пару недель отпуска, и тогда мы пожили бы на даче и кое-что там по хозяйству сделали. Толик удивительный парень, который примирился со своей судьбой. Он пытается заработать, как только может. Весною ловит раков, холод и это часовые сидения в холодной воде. Собирает и сдает цветные металлы. А когда кончатся эти цветные металлы, оставшиеся от советской власти? Пытается заниматься скупкой зерна. «У пьяниц, мешок пшеницы — за бутылку водки». Рассказывал о зонах зеков, которые находятся в округе. О жутких порядках в этих зонах, с наркотой, торговцами водкой и дурью, нравами милиции и пр. Его друга посадили за то, что когда у него отобрали права на автомашину, он расстрелял здание райотдела милиции из автомата. Вот они и нравы.

12 ноября, воскресенье. Для «Труда»:

«По одному из каналов уже в который раз показали не ментов,

а фильм с выдающейся нашей актрисой Л.Гурченко «Любимая женщина механика Гаврилова». Замечательный фильм о нашем недавнем прошлом. В основе — коллизия любовная, но фон до социологической прозрачности достоверен. В день свадьбы невеста купила импортный тазик для стирки, который «выкинули» на прилавок именно в этот момент. Ну, как мимо такого пройдешь! Но вместе с этими странностями, которые сейчас вызывают болезненные впечатления, сколько доброты и духовного здоровья открывала в «том» мире замечательная лента Петра Тодоровского. Фильм про нашу жизнь.

Какая бы она, эта жизнь тогда не была, но про нее мы кое-что знали. Телевидение рассказывало нам кое-что о том, чем нам, гражданам, можно было гордиться. Это было. Ныне чувство родины не в моде. Теперь замечательная диктор объявляет, что «главным событием недели стали выборы американского президента». Я думал, что это случайная и досадная оговорка. Насто русских, а можно и россиян, интересуют другие проблемы. Перечислять их бессмысленно, они у всех навязли в зубах. Но нет, оказывается. Это я о Сванидзе, устроившем в новом, похожем на «Глас народа», «Зеркале» разборку с американской демократией.

Но хватит о случайном. Заметил ли кто-нибудь при новом просмотре «Механика Гаврилова» симптоматическую деталь, которую внес в свой фильм режиссер? В скверике у Одесского оперного театра, где героиня ожидает суженого, за ее спиной бродит почему-то солдат с миноискателем. Солдат и миноискатель. В то время? почему? Зачем? Что предугадал художник? Чечню? Разгул криминала по стране или общую ситуацию: есть мина, ищите ее, граждане. Но художник на то и художник, чтобы сегодня открывать то, что лишь должно будет произойти».

Фильм действительно на меня произвел огромное впечатление. Некоторые проходы Гурченко по своей суммирующей эмоциональной сути и мастерству сделаны совсем не хуже, чем пробежка через всю сцену Большого Улановой в «Ромео и Джульетте».

13 ноября, понедельник. Надиктовал целый ворох писем в Марбург. Я все-таки полагаю для себя, как общественного деятеля, обратить внимание на значение в культуре Ломоносова. В конце концов и Вольф это то имя немца, которое, именно как учителя Ломоносова русский школьник узнал одним из первых. Между прочим еще во время войны.

Вечером смотрел фильм «Особенности русской бани». Это с блеском снятая с актерами и актрисами не эротика, а почти

порнография. Неужели все это на русском языке? Неужели нам необходимо было набирать художественный потенциал, открывать и совершенствовать ВГИК, чтобы потом снимать такое. Но прелестные русские лица, дивные, обаятельные женщины. Подловатость в использовании чистейшего русского антуража для в принципе не русской картины. Здесь еще есть тонкая и подлая усмешка над классическим произведением русской литературы — «Плотницкими рассказами» В.И.Белова.

Как там Распутин, как у него с глазами, я все время думаю о нем.

14 ноября, вторник. Приехал Миши Сукерник и по традиции привез мне три банки кофе. Меня привлекает в нем человеческая беззащитность, хотя для того, чтобы эмигрировать, нужна была определенная решительность… Трудно предположить, как в той или иной ситуации Миша поступит, но и стихи его мне кажутся очень близкими, в них тоже есть какая-то приблизительность отражения… Сам он летит в Новосибирск, где у него родственники. Зашел разговор о Мишиных экзаменах, которые он, конечно, в эту сессию не сдает, и тут у меня стал выкристаллизовываться некий план. Это, практически, первый случай попробовать дистанционное обучение. Вызову М.Ю. Стояновского и его озадачу.

На семинаре сегодня обсуждался рассказ Дениса Савельева «Сумеречные люди». Денис, конечно, крепкий и точный мастер. Все, что он пишет, прочно, но состоит из отблесков чужих литератур. Здесь много шахмат, много головных ходов, но все это почти всегда работает. На курсе Дениса любят. Ребята в основном говорили о его сочинении хорошо. Мне лично кажется, что у Дениса не хватает укрупненных образов, его мир темен и бессмыслен, сам он определенно подражает Платонову и Шукшину, но, как знающий мальчик, держится посередине двух этих струн. В конце семинара Паша Лукьянов прочел открытое письмо Савельеву. Мне это очень понравилось: готовятся, сукины дети. Тут же я решил вокруг этого письма создать некий материал. Дал задание сформулировать всем и каждому сказанное сегодня — 0,5 стр.

Миша Сукерник просидел у меня весь семинар. Говорит, что интересно. К сожалению, как я и предполагал, Миша не получил, чего хотел, на семинаре у Евг. Рейна. У старых поэтов все меньше и меньше сил остается на других

Написал письмо «Редану», фирме, которая организовывала у нас в общежитии и институте охрану. Времена изменились: «бартер» — они нам охранников, мы им — площадь под офис и

оружейную комнату — институт уже не устраивает. Охрану в общежитии они просто завалили. Расстаемся. Капитализм предполагает денежные, а не товарные отношения.

Вечером Светлана Михайловна оповестила меня, что в четверг выходит на работу Ольга Васильевна Горшкова, наш находящийся в декретном отпуске главный бухгалтер. Но я уже подписал новые документы в банк, где ее подпись отсутствует. Теперь я с удовольствием буду наблюдать за ситуацией. Несколько недель назад я ее предупредил, что ей не следует торопиться. Объективно отметим, что за время ее отсутствия мы оздоровили нашу отчетность, почти совершенно избавились от наличных денег, укрепили финансовую дисциплину. И — ни одной истерики, ни одного скандала с бухгалтерией. Добрых слов в этой ситуации у меня нет. Федя предупредителен и вежлив.

Закончили ремонт фасада, выходящего на Тверской. При закрытии нарядов подрядчики пытались впаять мне зимнее удорожание.

15 ноября, среда. Утром был на лекции Алексея Матвеевича Зверева. Это стало одним из главных удовольствий текущей работы. Сегодня Зверев взял английскую послевоенную литературу и остановился на творчестве Грэма Грина. Надо еще помнить, что это писатель нашей общей молодости. Зверев рассказывает о писателях. Зверев приводил в качестве примеров около десяти-пятнадцати романов и других крупных произведений Грина. Я читал из них, наверное, пяток. А ведь ребята, наверняка, не читали ничего. Но почему с упоением слушали? Я, кстати, подумал, что кафедра зарубежной литературы сильно меняется. С приходом Пронина, Зверева, с чтением очень обстоятельно курса английской литературы Толкачевым поднялась планка. Скоро студенты не потерпят ни занудливого, ни поверхностного чтения.

Во время этого интересного рассказа вдруг внимание переключается, как во время хорошего концерта, и начинаются собственные мечтания. Чужие ассоциации вызывают свои. Вдруг созрело жестокое желание написать роман, взяв далеким прототипом Олю Горшкову. Вот это характер, и я полагаю, что и у меня получится что-то новенькое. Сюда бы еще добавить Наталью Михайловну с ее разнообразием стилей, причесок и ее ленивой грацией. Слишком много эта расторопная девочка из Подмосковья (Оля) потрепала мне нервов. Теперь я ее буду держать для своей литературы, все время подпитываясь ситуацией. Она, кстати, единственный человек в институте, который не на договоре. Для начала я ее переведу на договор.

Охраняет ее на месте, как ей кажется, еще и ребенок. Будем иметь в виду и это. Я, полагаю, что она поймет, что я ей не доверяю. Но ребенок есть ребенок и человеческую судьбу я трогать не стану, пусть устраивается на новое место работы с прежней должности.

К трем часам я уезжал в бывший Дом Советской Армии на встречу с учащимися библиотечного техникума и военными библиотекарями. Организовывала это Лариса Жарова, так сказать, я согласился по старой памяти. Забегая вперед, скажу, что все прошло удачно. В основном были девочки из библиотечного техникума. Они сидели с довольно индифферентными лицами, но потом подходили брать автографы и благодарили. Видимо, с ними никто серьезно и на хорошем уровне до сих пор никто не разговаривал. Я-то говорил о молодости, о ее значении в дальнейшей жизни человека, о значении литературы и искусства в построении судьбы. А потом я выпустил троих своих студентов: Лешу Тиматкова, Лешу Тихонова и подвернувшегося Мишу. Была, не была! Он оказался в приемной, Пусть пробует. Потом Миша мне признался, что это в первый раз. Ну, что, голубчик, попробовал сок отравы? Леша Тиматков бы, как всегда, убедителен. Мне всегда кажется, что при разговоре со зрителем, Леша внезапно взрослеет. А может быть, это ипостась поэта, который взрослый, когда у него взрослые стихи. Был ли мальчишкой Бодлер? И вот, кстати, еще один довод, что производит что — то не образование, а самообразование и внутреннее возвышение. Вырос Леша Тихонов — его перевод из Гесса был по русским словам безукоризненным. Надо внутренне нацеливать его на аспирантуру. Интересные стихи были и у Миши. Он талантливо с юмором держит аудиторию.

После выступления я поговорил с милой женщиной — библиотекарем суворовского (?) музыкального училища, находящегося в Теплом Стане возле Севастопольской дивизии. Она говорит, что шесть последних лет фонды библиотеки не пополняются, в том числе нет и периодики.

Вечером по ТВ г-н Березовский из Нью-Йорка долго распинался, почему он не хочет возвращаться в Москву, чтобы встретиться со следователем по делу «Аэрофлота». Какая назойливость здесь вопрошающего телевидения, кто оплатил этот дорогостоящий канал. Стало, конечно, ясно, что Борис Абрамович, словно опытный рецидивист, готовился к этому побегу давно: передача акций ТВ «интеллигенции». У интеллигенции их будет труднее потом национализировать. Естественно, как у нас в стране принято, под мошенничество подверстывается политика. Как стремительное внезапное

обогащение, так и политика: Быков, Гусинский, Березовский. Это лишь первый эшелон.

16 ноября, четверг. Утром работал над дневником — редактирование старых кусков. А когда приехал на работу, обнаружил, что меня уже ждет Ольга Васильевна с готовым заявлением. Заявление я отправил в отдел кадров, но постепенно мое довольно благостное настроение принялось испаряться. Через Ирину Николаевну я выяснил, что у О.В. вообще было ощущение, что я могу не допустить ее до работы. Но тут же старательная бухгалтерия дала мне справку о ее зарплате перед уходом в декрет. Я опять подивился, до чего шустрая девица. У главного бухгалтера, оказывается, был приработок, она еще работала у себя же экономистом учебного отдела. И теперь этой матери-одиночке надо по закону платить ту же сумму, что и до отпуска — около 3 тысяч рублей, и за бухгалтера, и за учетчика. Причем, воистину, брань на вороту не виснет. Она, оказывается, согласна работать главбухом без права подписи и со всеми ее выговорами. Мысль такая — фразу, естественно передали — «Есину 65, а мне только 30. Он подохнет, а я еще долго буду работать». Мне надо с ней сразу же подписывать договор. А на кого, на какую должность? Если «главбуха», значит, я признаю, что я ее и в нынешнем состоянии вижу главбухом? Ну, нет, милочка. Усугубилось вся эта странная ситуация еще и тем, что мне только что стало известно о неком визите А. Д-ча в сопровождении Феди и Баженова в общежитие, где они рассуждали, где будет магазин и как они модернизируют гостиницу. Шестидесятипятилетнего ректора уже нет, и витает хозяйственный разбор. И чего собственно я в случае такого долгосрочного прогноза барышни буду ее жалеть? Себя надо жалеть. Значит просто так, жалеючи, от нее и, главное, ее от бухгалтерии не отторгнешь. План у меня уже вызревает. Не самый плохой план. Здесь как в восточных единоборствах — побеждает то, кто умеет ждать.

17 ноября, пятница. Технология написания дневника, если я не пишу несколько дней такова: выставляю на экране отсутствующие числа, а потом по всем сразу пунктам начинаю заполнять. Постепенно все обрастает подробностями, деталями, все вспоминается.

В пятницу выяснилось, что мои евреи окончательно меня опять накрыли. Я, как дурак, ежедневно ездил в общежитие, переселял наших матерых ВЛКашников на другие этажи, освобождал седьмой этаж под комнаты для еврейских детей, под их жилье покупал новые простыни, но вот уже месяц

освобожденные комнаты пусты, а милые хасиды из Марьинской синагоги не чешутся. Где наша взаимная симпатия с Ароном, выпускником медицинского вуза, где наши планы реконструкции седьмого этажа? Мы терпим убытки и упускаем выгоду. А ведь вроде договаривались, что через две недели мгновенно дети будут заселены, и начнется оплата. А разве новая дорогая охрана в общежитии не связана была с этим проектом? В пятницу я твердо решил, что ждать больше не могу и решил заселять верхний этаж студентами гуманитарного экономического института. Они будут жить по трое и платить по 1000 рублей в месяц. Здесь у меня и еще один расчет: чем плотнее заселение, тем меньше возможностей к злоупотреблениям.

Главное событие дня — спектакль в привычном для меня Театре Гоголя. Это опять был любимый театром Тенесси Уильямс: «Записная книжка Тригорина». Здесь все вызывает размышления. Но прежде всего: спектакль мне очень понравился. Я бы даже сказал, что это одно из очень сильных для меня театральных впечатлений последней поры. Это римейк чеховской «Чайки», те же имена и персонажи, то же действие, крутящееся вокруг приезда Аркадиной. Но то, что у гладкого Чехова в его благополучно-интеллигентской драматургии обойдено, ибо этому как бы и не придано значение, у Уильямса выходит на первый план. Пьеса тайных, но действенных и убедительных мотивов. В первую очередь шокирует предыстория Тригорина — его «голубая», как говорит Аркадина, юность. Тригорин ночью ходит купаться на озеро с лакеем Яшей. А отсюда уже недалеко до влюбленности Треплева в Тригорина. И именно эта любовь делает Треплева писателем. Сам союз Аркадиной и Треплева выходит не только своими чувствами, но и выгодой прагматиков. Пьеса меня необыкновенно привлекает самим фактом своего написания. Как же надо было «завестись» от Чехова и как хорошо его знать, чтобы сотворить не скетч, а огромную — спектакль идет четыре с половиной часа и начинается на час раньше, чем все спектакли в Москве, в шесть. Но как же надо было с ним враждовать, что прописать чеховские причины.

Я думаю, что это и огромная удача Сережи Яшина. Он как бы прорезался, его огромные прежние монстры-спектакли были подготовкой к этому замечательному говорению. Здесь везде какая-то искренняя сегодняшняя струя. И отсюда, наверное, — полный зал. Как всегда, прекрасна Светлана Брагарник. Она играет Аркадину и, как мне показалось, повторяет или пародирует Татьяну Доронину в ее незабываемой «Чайке» в театре Маяковского. Но от этого она и сама становится интереснее. Надо бы еще написать о декорациях и всем

художественном строе спектакля, но лучше несколько слов о том, как меня поразил зал, когда Тригорин и Треплев рассуждали о литературе. Что им в наше время эта Гекуба? Мы по-прежнему литературоцентричная страна. Тригорин — Гущин, он погрузнел, но о нем уже хочется написать.

Рядом со мною сидел Лева Анинский и непроницаемый Поюровский. Говорят, что спектакль обложил Гриша Заславский. Прочесть бы его было очень интересно.

Из рассказов Анатолия. В совхозе делать совершенно нечего, работы нет. Бывшие работнички пьют, ездят на приработки в Ростов, собирают цветные металлы и металл. Все время ездят скупщики, предлагая свои услуги. Как правило, металл отправляют в Турцию. Утром некто приходит на совхозную ферму где сохранилась какая-то механизация, в частности есть транспортер, а значит к нему редуктор. Хочешь опохмелиться? Втроем выносят редуктор, в котором килограмм двести пятьдесят. Для маскировки слесарь кричит вслед отъезжающей машине: «Если быстро не отремонтируете, буду жаловаться!»

19 ноября, воскресенье. Для «Труда»:

«У Виктора Степановича Черномырдина, непревзойденного мастера художественного слова, появился грозный соперник, явно намеревающийся отобрать пальму первенства, — это Константин Натанович Боровой. В воскресном эфире не сказал, а припечатал: «Когда мы говорим о русской духовности — это шовинизм». Оставим в покое, чем так эта духовность допекла депутата и руководителя биржи. Но какая несправедливость лишать нас того немногого, что признается всем миром. А если все же шовинизм? Тогда, значит, по логике Борового, когда французов — галантными, англичан — точными, испанцев — гордыми, итальянцев — жизнерадостными, скандинавов — неразговорчивыми — это тоже недружественный акт, выявления расового превосходства. Или я чего-нибудь недопонимаю».

Второй вариант для «Труда»:

«Я начинаю думать, что наш президент — это сторукий Шива. Только этим можно объяснить те многочисленные грехи, в которых его обвиняют. Двумя руками столько не сотворишь Да и вообще, существует что-либо, в чем не мог быть обвинен В.В.Путин. Кажется, он даже неблагоприятно повлиял на выборы президента США и погоду в Атлантике. Что касается последнего, не знаю. Но вот на отъезд в благословенную Америку бывшего депутата Березовского — точно. Именно политические причины, и нелюбовь к Березовскому президентских структур, а не мелкие хозяйственные затеи, заставили правоохранительные органы

вызвать знаменитого богатого человека повесткой по делу «Аэрофлота». «Политическое давление!» — воскликнул знаменитый бизнесмен и общественный деятель. Теперь Березовский в эмиграции. Как князь Курбский, как Ленин, как Гиппиус с Мережковским. Заметим также, что во всех случаях, когда богатого человека вызывают к следователю — это политическое давление. Это нелюбовь президента. Гусинский, Березовский, красноярский Быков — это лишь три руки Шивы, а у Шивы, как известно, их сто, как у нашего президента».

20 ноября, понедельник. С появлением О.В. я опять зажил «полной» жизнью. Снова возникло то психическое напряжение, которого и я, и весь институт были лишены два года. Я уже давно замечал, что она постепенно старается поставить себя в виде первого лица в институте, пытаясь везде настоять на своем. Здесь какое-то удивительное ничтожно-низкое личное начало соединено с советско-купеческим представлением о роли первого лица. Я уже не говорю здесь о некоторых ее финансовых «неточностях». Деньги, которые сдавала ей за обучение Бинева, и которые долго проболтались где-то в ее личном «подчинении», так и не нашлись. А потом, как низка и пренебрежительно с подчиненными. Я решился на это, когда почувствовал, что и она сама будет смотреть на меня, как на идиота, если я допущу ее до работы. Утром я вызвал ее и объявил о моем решении. Она уходит экономистом-подсчетчиком в учебный отдел. Я даже сохранил ей заработную плату выше на 1000 рублей, чем ей полагалось по закону. Но до чего шустра и предусмотрительна девушка. Хотя и ей, и всем известно, что отец ребенка Федя, и он сам не отказывается от этого, но вырвать нужно еще и особый статус и госденьги во время декрета. Отцом своего ребенка она записывает своего отца.

Я разговаривал с ней два с половиной часа. Но все мои доводы разбиваются о ее внутренние планы и о том, как же она теперь выйдет на работу. Я уже знаю ее уклончиво-сосредоточенное выражение лица, когда что-нибудь из задуманного не получается. И по мере того, как она упорствует у меня все меньше и меньше жалости. Во время разговора возникает мысль о том, чтобы сделать О.В. заведующим плановым отделом, у нас здесь вакансия, отдел такой нам нужен. Но позже, говорю я. А почему не сейчас. И хотя отдел нужен уже сейчас, но все равно назначать буду позже, чтобы не перешагивали через мою волю. Она говорит, что будет думать, зная мою отходчивость и рефлексию, а я говорю, что приказ отдам сегодня же. Возник даже такой пассаж: «Может быть, я не буду прерывать отпуска» —

«Я тебя предупреждал, что выходишь рано. Теперь ты вышла. Заявление лежит в отделе кадров. Ты можешь взять отпуск, но уже с новой должности».

В «Известиях» появилась довольно злая и явно заказная статья про институт. Называется «Совхоз тщеславия. Литинститут — последнее место, где можно стать гением за государственный счет». Написал ее некто Дмитрий Соколов-Митрич. Статье предшествует явно постановочная фотография перед памятником Герцена двое ребят пьют из горла (судя по тексту, подразумевается, водка). Лиц у ребят не видно. Пафос статьи: отсюда не выходит никаких талантливых людей, печатающихся в центральной печати. Я, кстати, сразу же дал задание библиографическому отделу сделать мне список публикаций наших студентов по центральной журнальной периодике. Только их последнее время, кажется, и печатают. Литература стоит. В конце статьи интервью с Вл. Ивановичем Новиковым, тем самым, нашим, которого прокатили на выборах, который обозлен. «Это заведение провинциальное, не разомкнутое в широкое литературное пространство, там слишком велик процент людей, которые ничему научить не могут, а особенно не могут научить писать, потому что сами не умеют…Там слишком много красно-коричневой нечисти, неофициально по-прежнему действует пятый пункт. Институт отчетливо ориентирован на худший из Союзов писателей — тот, в котором «Завтра» и Проханов. Но я могу вообразить себе и лучшее будущее этого заведения. Все зависит от людей, которые в нем будут работать… Типичная жизнь студента Литинститута — это питье водки в общежитии, непосещение выставок, театров, всего, чем Москва богата». Вот это осведомленность.

Я приказал вывесить эту статью на стенде публикаций у нас в институте. Пусть в первую очередь студенты видят, как представляют их просвещенный профессор МГУ и некто Соколов-Митрич. Посмотреть бы как-нибудь на него.

В субботнем номере «Независимой газеты» появилось мое эссе о пище — это полторы полосы, полтора газетных листа. К сожалению, и здесь не обошлось без сокращений. Конец публикации этим был испорчен. Отсутствие всей предыстории дяди Коли и Центральные бани исчезли.

Вечером я пошел в «Звездный» в кино на фильм «Криминальные сцены». В.С. заказала билеты, а они по 100 рублей. Для кого? Кто готов выложить, чтобы не почувствовать такие деньги? Режиссеров и актеров не знаю, фильм французский. Это, как обычно, расследование, которое тянет за собою ряд эпизодов. В зале всего пара десятков человек.

Сравнивая «ихние» и наши милицейские возможности понимаю, как страшно жить у нас. Кому нужны наши убитые, наши обездоленные. Смотрю с увлечением и тут понимаю, что это стилистика не американского кино. Оно уже не просто надоело, оно уже раздражает.

Умер Нерубайло.

21 ноября, вторник. Утром, когда я берегу и коплю силы для семинара, раздается телефонный звонок: мать Ольги Васильевны. Она мне хочет объяснить… Я нагрелся мгновенно, как чайник — «Тефаль», и объяснил этой женщине, что снимаю ее даже не потому, что она подослала ко мне бандитов, а потому что она плохой бухгалтер. Бухгалтер, который не хочет учиться, а предпочитает все спорить и спорить.

Днем с О.В. еще инцидент. Ее визит ко мне пропускаю. Неинтересно даже в человеческом плане. Но из отдела кадров она вдруг выкрадывает заявление о возвращения из отпуска. Ей во что бы то ни стало, надо остаться, хотя бы на время, хотя бы в отпуске, главным бухгалтером. «Сергей Николаевич разрешил». Через пять минут я на нее наорал: «Ты никогда не подойдешь к бухгалтерии, если немедленно не вернешь заявление обратно». Пришлось объясниться и более горячим образом: «Ты не думай, что сможешь пересидеть. Я собираюсь жить долго и долго здесь работать. И работать здесь счастливо». Был глухой намек на новый наезд бандитов. Накануне она пыталась воздействовать на Ирину Николаевну, чтобы та написала мне заявление, что будто бы не справляется с обязанностями главного бухгалтера. Пишу обо всем этом так подробно, потому что для меня это еще не освоенный литературой тип, и как подступить к нему, я не знаю.

В пять состоялся Оргкомитет по созыву съезда. Я попытался смягчить некоторые формулировки, не потому что даже кого-то жалко, а потому что не хочу грязи. Хочу отделить ругань от решения юридических вопросов. Феликс Кузнецов, который, как всегда, хочет какого-то нового влияния, сказал, что «Есин замыливает». Предвижу и возможные ответные шаги среднеазиатов. Всем здесь командует Ларионов, который, чувствуется, глубоко Пулатовым оскорблен. По некоторым репликам я понял, что хочется нашим русским товарищам вернуться и к решению вопроса о Литинституте.

Продолжаю читать книгу Штефана Плаггенборга «Революция и культура». Здесь нет каких-то экстатических выкриков, которые хочется поцитировать, но само спокойное разбирательство с эпохой и временем, сама неожиданная постановка вопросов о пропаганде, о воспитании масс затягивает своей логикой и

доказательствами. Плагенбор молодец еще и потому, что просмотрел кучу «низового» материала, которого так чураются наши исследователи. Много нового в сведениях о революционных праздниках, о «переделке» человека, об экскурсиях, о монументальной пропаганде и пр.

В девять опять в «Звездный» ходил смотреть французский фильм «Развратник». Он переводится и как-то еще, типа свободолюбец и пр. Это про Дидро с Фанни Ардан и Винсан Перес. Великолепная картина, нарядная, увлекательная, преувеличенно эротичная. Но это и картина, о том, почему произошла Французская Революция.

22 ноября, среда. Накануне раздался странный звонок. Я вполне могу забыть и фамилию и уже почти забыл сам факт этого эпизода. Звонил Владимир Михайлович Гориккер — режиссер, снявший когда-то фильм с моим участием «Соната Бетховена». Это была одночастевка на Высших режиссерских курсах. У меня были сложные отношения с этим человеком. И этот фильм, только потому, что действие происходило во время гражданской войны, и его следующий сделанный по сентиментальному рассказу Паустовского, я считал конъюнктурными. В молодые годы Гориккер был женат на выдающейся нашей певице Галине Олейниченко, у него было музыкальное образование, и его работы я трактовал так: в другие места не протиснулся, значит, схватился за музыку. Или почти так. В общем, Горрикеру исполнилось 75 лет, и в Музее кино показывали его ретроспективу. Он позвонил мне, я взял несколько человек с работы, взял для подарка книгу, купил розу. Как мог. Но главное и этот фильм со мною мне очень понравился, и произвел огромное впечатление другой гориккерский фильм «Моцарт и Сальери» по опере Римского-Корсакова. Здесь четыре выдающихся актера: П.Глебов, И.Смоктуновский, Пирогов и Лемешев. Глебов просто произвел на меня такое же впечатление, как в свое время Бондарчук в «Тарасе Шевченко». Я помню, как довольно бестолково снимался, а как В.М. все смонтировал, какие лица, детали и какая акцентировка. Как поверхностны мы в наших суждениях. Какой великий был это подцензурный советский кинематограф. Я обязательно напишу эссе о кино. Так же, как я написал о пище. Надо подумать, запустить в подсознание и ждать оттуда результатов. Не пиши, Есин, торопливо.

23 ноября, четверг. Вышел «Труд», которым я почти удовлетворен. Правке подвергся только «расизм» К.Борового. У Меня в записях стоит именно так: «разговоры о русской

духовности — это расизм». Значит, я сам не поверил своим глазам и «снизил» точку зрения, заменив на шовинизм.

Съезд пролетел за три часа, как и обещал Ларионов. К счастью, не было никаких разбирательств, делегаты, а их было всего двадцать, все понимали и молча проголосовали и за пулатовскую отставку и за избрания председателем С.В.Михалкова. Все внутренне были сломлены представлением, который Пулатов устроил на Исполкоме, якобы, с еще не подписанным договором на передачу в оперативное управление Дома Ростовых фирме «Эфес». На самом деле договор ужен был подписан. Дележ остальных должностей Исполкома проходил осторожно, дабы не нарушить баланса сил, не восстановить против себя националов и сохранить во главе организации людей из сферы влияния Арсения. Арсений добился своего и стал первым замом Михалкова. Здесь есть замах остаться наследником. Сергею Владимировичу 88 лет. Замом стал Ренат Мухамадиев, Феликс Кузнецов. Во время самой процедуры выдвижения я сказал несколько слов об энергии Ларионова и его с юности честности. Дай-то мне бог, чтобы за прошедшее он не изменился. Вместе с Проскуриным и Сорокиным я получил место секретаря Исполкома. Настроение по этому поводу не самое радостное. Все зависит от того, что будет дальше, а не просто эксплуатация аренды Дома Ростовых. С некоторой иронией я подумал, что путешествовать и представительствовать от лица несуществующего сообщества сейчас станут другие.

Во время вопроса о Ревизионной комиссии я слегка схватился с Феликсом об оплате труда Председателя ревизионной комиссии. Я считал, что это надо делать, и принципиальность Председателя от этого не убудет. Все зависит от того, кто во главе. Кстати, в члены комиссии избрали Толкачева. Для меня это был лишь эпизод. Однако, проходя позже по залу, Феликс сказал, «в этом вопросе ты выиграл». Играйте сами в свои вопросы.

Вечером мне звонил какой-то клиент Арсения, предлагал возглавить букинистическую торговлю и попутно сказал, обратил ли я внимание на то, что бывший «Советский писатель» ничего не выпускает. Действительно, в киоске, стоящем во дворе, ничего нет кроме двух или трех романов директора. Вечером уже на фуршете, который состоялся у Ларионова в издательстве, подошла ко мне Людмила Салтыкова и начала беседу, в которую вкрапливала свои инвективы против Пулатова. Я не очень был расположен слушать, ибо знаю, как много здесь возникает несправедливых наветов. Руководить в условиях всеобщего воровства и мздоимства трудно, и руководителю часто приходится делать то, чего в обычном налаженном

государственном порядке он никогда бы не сделал. Тем не менее два факта неприятно зацепили сознание. Тимур, оказывается, купил пятикомнатную квартиру на Гоголевском бульваре. Это очень большие деньги, если так и было. Взять писателю, не издающемуся широко, таких денег неоткуда.

24 ноября, пятница. В час дня началась ежегодная конференция о переводе. У нас она посвящена памяти Льва Адольфовича Озерова. Очень интересно говорил профессор Воскресенский о новом лауреате Нобелевской премии китайце. Воскресенский вообще очень интересно рассказывает о Китае. А что касается нового лауреата то в основе его успеха лежит не только талант и новизна для европейца тематики, но и диссидентство. Это тоже невозвращенец. В.П. Голышев говорил о необходимости для переводчика дополнительного чтения на родном языке. Он интересно все это аргументировал.

Открывая конференцию, во вступительном слове я остановился на статье в «Известиях». Мой тезис: ребятушки — это ваш портрет. Одновременно я прочел длинный список публикаций наших студентов в центральных толстых «демократических» журналах за последних пять лет. Тут же попросил сделать такой же список и по кафедре перевода. С этого в свое время я и начну свою отчетную речь на перевыборах ректора.

Враг к этому тоже готовится.

Порассуждали с Мишей Сукерником на тему антисемит ли я. Миша утверждает, что он сам «интернационалист». Я-то уж не интернационалист точно. Само рассуждение человека «рассеянного» племени об интернационализме некорректно.

Вечером в Доме Кинематографистов (какая глупость с переименованием, этот дом по-прежнему называют Дом кино — инициатива этого переименования лежала на Э.Климове.) смотрел прекрасный фильм Дэвида Линча «Обычная история». Старик, не имеющий автомобильных прав, на газонокосилке едет за 400 километров к брату, с которым они в ссоре. Как бы другая, трудовая и нерекламная Америка. В.С. все время постанывала, почему же эту Америку раньше нам не показывали. В кино все, что истинное, сейчас называют «фильмами для фестивалей».

25 ноября, суббота. Вечером звонила Маша Ремизова из «Независимой газеты». Опять пришло письмо по Андрею Платонову, и они хотели бы услышать другую сторону. Я поставил условие: эта самая Маша должна приехать и посмотреть платоновскую аудиторию. «Но я человек занятый» — Маша. «Я

тоже» — я. Первый заместитель министра нашел время, чтобы побывать, люди из администрации президента тоже нашли время». Но вот что обидно, только я соберусь что-то сделать, опять, на меня накат, и я ухожу в сторонку. Но Платоновым — они меня доконают. Правда, у меня уже есть несколько демагогических идей. Практически оба лагеря сражаются при помощи демагогии. Мария Андреевна хотела бы для себя престижного места директора и жить за счет посмертной славы отца. Я действительно смог бы организовать что-то вроде музея, ибо обычный музей просто не нужен. Платонов серьезный писатель, а не Окуджава и не Высоцкий. Но я не хочу перед угрозой шантажа это делать. Я слишком много об этом думаю.

Утром ездил на продовольственный рынок за продуктами. Собака охраняла машину. Вечером три часа лепил пельмени.

26 ноября, воскресенье. Рассказы служащего родственника. Солдат мотают не только по строительствам генеральских дач. Сын одного полковника организовал свой офис. Солдат гоняли убирать и свинчивать там мебель.

Сегодня перевез В.С. из Матвеевского домой. Была трогательная встреча с собакой. Для «Труда»:

«На «Зеркале» у Н.Сванидзе опять говорили о гимне. Сванидзе вообще очень талантливо позорит своих приглашенных. Иногда кажется, что он заранее знает ответы на собственные немудреные вопросы. Ну, кто мог предположить, что любимец народа Никита Богословский, не обойденный почестями предыдущим режимом, оказывается, всегда был диссидентом. Завязывал шнурки на ботинках или что-нибудь ронял на пол, чтобы не вставать на музыку Александрова и слова Михалкова. Но простим знаменитому композитору его «приколы», здесь, наверное, есть и чувство ревности: усатый вождь выбрал не его вместе с Лебедевым-Кумачом. Но заметим, не ошибся, хотя ни в гимназиях, ни в консерваториях не обучался. До сих пор чуть ли не семьдесят процентов населения хотели бы и сейчас вставать при звуках этой самой Александровской музыки. Однако мудрый, как змий, Николай Сванидзе против арифметических решений, если они касаются даже общественного мнения. У нашей, т. е. настоящей демократии, как известно, гибкие принципы. Народ не всегда прав! Это не тот вопрос, который должно решать большинство. Я был даже готов в это поверить и назвать себя сталинским выкормышем за любовь к музыке Александрова. Но тут все разъяснил, как ни странно, иерарх русской православной церкви митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Вот у кого надо учиться если не демократии, потому что церковь это

иерархическое подчинение, то хотя бы пониманию духовных ориентиров народа. Митрополит предложил решать вопрос, как говорят дипломаты, в пакете, комплексно. Двуглавый орел, прибывший к нам, кстати, из Византии — это сегодняшний герб, трехцветный флаг — это сегодняшний российский флаг, а александровская музыка — это наш гимн. Михалков, слава Богу, жив и, значит, нужные слова найдутся. Здесь не надо быть записным идеологом, чтобы понять всю разумность этого предложения. Правда, но это уже так сказать мое личное мнение, хорошо бы и в старый герб и в подновленный флаг включить простенькие, но так всегда гревшие мое сердце символы — серп и молот.

27 ноября, понедельник. Ну, слава Богу, кажется, О.В. собирается уходить, попросила меня сегодня не торопиться вносить ей в книжку эпизод о снятия ее с должности главного бухгалтера. Опять мне было ее жалко, но опять у меня напряглись плечи и шея, пока мы с нею говорили.

Начал читать «Щину» Юрия Буйды в «Знамени». О чем это трудно сказать, скорее это проза талантливого человека, которому момент письма доставляет острое удовольствие. Но проза человека непростого, не духмяного, а образованного и книжного. Отдельные эпизоды прелестны. Чтение, как постоянное удовольствие. Канатоходец под куполом цирка не сорвался ни разу. Завтра Буйда у нас на семинаре.

В Москву привезли «Венеру урбинскую» Тициана. В том же музее Пушкина показывают Вермеера Дельфского.

Анекдот. Новый русский о своем посещении Эрмитажа: «Бедновато, но зато очень чисто».

День Независимости Албании. Очень небогатая страна, но как хорошо кормят в «Президент-Отеле». Мне кажется, что все остальное время года в посольстве питаются макаронами и едят картофельное пюре. Все время вспоминаю античную фреску, мокнущую под дождем, которую я видел в Албании на побережье. Арбен вернулся в Россию и учится сейчас в дипломатической академии, Туффа женился на Светлане Богдановой и теперь, кажется, гражданин России. Кстати, Светлана Богданова опубликовала в шестом номере «Знамени» роман «Дневник Иокасты» (?) Произведение слабое и вторичное, я помню этот роман еще по защите дипломной работы.

28 ноября, вторник. Прекрасно еще раз удивил Юрий Буйда, выступивший у меня на семинаре. Но прежде должен сказать о внезапной смерти Михаила Новикова, того самого критика из

«Коммерсанта» которому я симпатизировал, но который допустил по отношению ко мне странную инвективу. Еще раз необходимо заметить, что достаток или богатство (по моим нищим меркам) вынуждает к жестокой расплате. «Коммерсант» богатое издательство и много платит журналистам, отчаянно выжимая из них все. У Михаила оказалась дорогая многомощная машина, которая его и погубила. На дороге было скользко, и его выбросило на повороте за несколько десятков метров от обочины. Увлечение машинами, подводным плаванием, экзотическими путешествиями — это, конечно, от неудовлетворенности своей литературной жизнью. Не получалось то, о чем, закончив Литинститут, а в него даром не поступают, Михаил мечтал. Помню его искательно независимый вид на последнем антибукеровском обеде в «Серебряном веке». Ему хотелось быть здесь, как участнику или герою праздника, а оказался, как журналист, как обслуживающий праздник персонал. Прощай!

Буйда начал с того, что прочел два или три коротких прекрасно отработанных рассказа. Здесь грань между высочайшей наработанной техникой и собственно искусством. Я потом опрашивал ребят о творчестве Буйды, и многие говорили о выдуманном, но очень прочном его мире.

Фразы и отдельные сведения. О Толстом и старческом авангардизме. Эпизод из кино: «Броненосец Потемкин», который в России провалился, смотрит в Америке один из бывших солдат, участников расстрела на Потемкинской лестнице. После фильма он пошел «сдаваться» Ему приказали, он стрелял в толпу, а теперь оказалось, что это люди. Искусство приближает лицо.

Рассказы о Восточной Пруссии, в которой он родился. О двойном по необходимости штурме Кенигсберга. Первый раз наши войска город обложили, но наткнулись на самый большой в Пруссии Спиртовый завод. Здесь наших танкистов в кальсонах и повязали эсэсовцы. Гибель и разбор несколько позже королевского замка это такое же культурное варварство, как и взрыв храма Христа Спасителя. В 1948 году всех оставшихся немцев выселили: «идеологически чуждый контингент». Книга Буйды называется «Прусская невеста». 1410 год битва при Грюнвальде («Крестоносцы» Сенкевича), 1914 — гибель армии Самсонова.(«Август 14-го» Солженицына).

О «Единстве настроения рассказа». «Нет ничего так быстро стареющего, как новое». О В.Пелевине: «Хорошо написанная проза; языка и стиля в ней нет». «Сорокин менее разнообразен, чем Пелевин». Что такое, подчас, русский писатель на Западе. Вик. Ерофеев, его «Страшный суд» издан на Западе тиражом 10 тыс. экз., но продано лишь 22 экземпляра. Совет нашим

современным гениям: «Надо почитывать современную зарубежную литературу». Это приведет к смирению. Закончившиеся, по мнению Буйды, писатели: Т.Толстая, только что выпустившая роман «Кысь» и В.Нарбикова, выходившая даже в Индонезии. Дайте мне славу только на родине, а там посмотрим.

Сегодня вечером еду на радио, на прямой эфир к Алле Слонимировой.

29 ноября, среда. Утром с половины шестого читал «Новый мир». Здесь была одна «нагрузка» — рассказ Ильи Кочергина, за которого ратует Александр Евсеевич, и два материала «по интересам» — «Стариковские записки» С.П. Залыгина и дневники Игоря Дедкова. Название «Холодные руки циклопа», я полагаю, придумали покойному в редакции. И то и другое на меня производит впечатление. Стоицизм Залыгина, ведущего свой репортаж до самой смерти. Теперь ему надо поймать тайну старения, смерти и последних минут. Мне в связи с этим вспомнился его рассказ о поездке в Китай в составе делегации. Каждое утро он писал статью о своих впечатлениях. В этой придельной дисциплине ума и почти полном отсутствии рефлексии мне видится что-то даже неестественное. Впечатления сразу — в распыл. В дневниках Игоря Дедкова удивительным образом еще и присутствует картина дня рождения Залыгина, на котором Белов, Распутин и Крупин. Удивительная случайность, делающая многое выпуклым. Рассуждения Игоря мне не всегда близки, но подлинны, и вызывают настоящее волнение. Как ни странно, в памяти остается другое, о чем он пишет скупо и как бы отрешенно. Это пустая, без продуктов Кострома, описание его жизни в коммуналке, его тетки, которая идет с сидением для унитаза вдоль домов. То, что могло быть «художественным». Судя по записям, Игорь каким-то образом, возможно, самым прямым и естественным был из дворянского сословия. Отсюда и взгляд на государство, которое много у него отобрало, и мой взгляд, который считает, что это государство дало ему все. Игорь, как и я, много пишет о телевидении, полагая его выразителем власти, выразителем тенденции. Рассказ Кочергина очень прост, запоминается, близок мне и чист, но делать какие-либо выводы еще рано. Ну, умеет, ну ясно пишет, но это еще не будущее. Кажется, этот Кочергин чей-то высокопоставленный сын или внук. Из бывших, естественно.

Вчера состоялся итоговое заседание Исполкома у книголюбов. Я вижу, как постепенно, не умея переориентироваться, Общество дряхлеет. В своем выступлении я

указал на новые условия работы и новые условия жизни. Нам надо становиться более социально отзывчивыми. Времени и самодовольству высших классов надо противостоять свою пролетарскую и полуинтеллигентскую солидарность. Мне кажется, что общество присосалось к программам Москвы и тихо похрапывает. К сожалению, собирается уходить Игорь Котомкин, который все понимает. Наше дело — показывать уникальность опыта общения с книгой в отличии от других форм общения с культурой и с Интернетом.

В Думе как-то кисло проходит закон о государственной неприкосновенности бывшего президента. Хорошо, давайте, в память о том, что оно нами управляло, сохраним это честолюбивое бревно, но почему мы должны охранять еще дочь и внуков? Лучше сразу дать им всем звание великих князей, а мы все так и останемся крепостными.

Вечером читал газеты Саши Проханова «Завтра» и «День литературы». Очень самодовольный Володя Бондаренко ведет диалог с Юрой Поляковым. Оба чрезвычайно любят себя и занимаются скрытой рекламой своих сочинений. Это понятно. Тут же обзор прессы Николая Переяслова с упоминанием меня несколько раз. («Дневник» С.Есина, хотя и перегружен деталями личного, а в особенности медицинского характера, но в целом весьма интересен».) Ни мысли ни стиля, но зато у Николая какое преклонение перед начальством. «Самыми современными из всех материалов воспринимаются путевые очерки Александра Сегеня и Николая Коняева о поездке группы писателей на остров Валаам, в которых день сегодняшний наглядно пересекается со вчерашним». Это в одну сторону. Теперь в другую. «Понятна для нас важна….и позиция государыни императрицы Екатерины в отношении литературных журналов, поведанная в новых главах из романа Валерия Ганичева «Державница» (прямо хоть отксеривай их да рассылай представителям нынешней власти — от президента до наших думцев и губернаторов, чтоб поучились державному взгляду на журналистику). Ни больше, ни меньше.

30 ноября, четверг. Состоялся Ученый совет. Для меня главное на нем — это согласие коллег написать ходатайство в министерство о продлении моих полномочий, как ректора, до 70 лет. Это, конечно, не означает, что меня изберут на третий срок. По закону ректор обязан прекращать свои полномочия в 65, но Министерством при наличии письма Ученого совета срок может быть продлен до 70-ти. Во время этого заседания услышал много для меня лестного, но поражался тому стоицизму, с которым я все это вынес. Понимал, что коллеги говорят лишь правду, что

выговориться таким образом им было необходимо и это тоже естественная для русских форма внутренней благодарности. Так благодарят за помощь соседа и всегда ждут предлога. Стеснительные мы люди. Тем не менее, я при этом страдал. Я с детства привык, что лесть это плохо, и хотя какая это лесть, был напряжен и зажат. Вспоминали в том числе и разные курьезы моих выборов, статью в «Известиях» и пр. Интересная подробность, когда вышел «Альтист Данилов» Вл. Орлова, то «Литгазета» по распоряжению Чаковского долго искала автора, который смог бы роман отругать. Никто не хотел, тогда вызвался и первым написал отрицательную рецензию Вл. Иван. Новиков. Ему, Орлову, не хватило там соцреализма. Ай да модернист.

Интереснее были для меня два отчета преподавателей нашей кафедры — М.П.Лобанова и А.В.Тиматкова. Здесь получился интересный и глубокий разговор. Леша все в области теории, Михаил Петрович по практике. У М.П. Паша Гасин написал повесть: мальчик нанимает киллера, чтобы освободиться от своей бабушки.

Вечером был на презентации огромного Биографического словаря «Русские писатели 20 века». Здесь 591 имя. Немножко комплексную, как сюда затесался я. Редактировал это огромное предприятие Петр Алексеевич Николаев, он же в самом начале вечера выступил с большой и блестящей речью. Здесь об общем течении литературы и таланте умения не смешивать личность и быт писателя с его литературой. Повторить это невозможно, но будет обидно, если эта речь окажется незаписанной. Писателям-персонажам давали по тому. Первым делом прочел статью о себе И.Г.Минераловой. В статье есть описки, но сделано это с огромным тактом, знаниями и уважением к писателю. Дело не в общем комплиментарном тоне статьи, а в уровне осмысления. Ирина Георгиевна заметила и проанализировала то, о чем я и не помышлял. В своем небольшом слове, — меня как бы подняли почти насильно, — я говорил о смелости и дерзости авторского коллектива, замахнувшегося на подобный труд. Что-то было и еще. Несколько раз мне хлопали.

1 декабря, пятница. Занимался письмом министру о продлении срока моих полномочий — мне 65 лет. Продлить могут только по просьбе Ученого совета и по решению Министерства. Вроде бы не продлить не могут, я бы не сказал, что очень мне хочется, но надо доделать задуманное. Реконструкция, музеи Платонова и Мандельштама. Это последнее место моей работы. В Университете в одной из аудиторий видел бронзовую мемориальную доску одному из академиков. Доска холодная,

жизни одна не стоит, но все же… Тем не менее врагов у меня много, место для неофитов лакомое, все может и развернуться и по другому сценарию. Буду продавать дачу, гараж, проживу.

Сегодня женятся Денис Савельев и Света Кузнецова. Я очень хотел попасть к ним в ЗАГС, но случился юбилей у В.И.Кузищина, и я поехал сначала в МГУ. Максим Амелин, который обещал написать мне для Кузищина оду, подвел, я отговорился какими-то общими словами, хотя Амелин был его учеником. Атмосфера кафедры, да и Университета произвела на меня огромное впечатление. Лица экстравертов, в отличие от наших студентов лишь в себя. Хорошие речи, атмосфера сердечности, но какая мельница — чествование еще не закончилось, а аудиторию надо было освобождать, начинался диссертационный совет.

Обидно было возвращаться почти от дома в институт, а потом в общежитие. Свадьба у Дениса была в общежитии, в комнате Светланы. Его мать, бабушка Светланы, которой я писал, жалуясь на внучку на первом курсе, трое ребят, товарищей Светланы и Дениса. Светло, чисто, комната оклеена классическими репродукциями живописи из старого «Огонька». «Непышность» напоминала нашу с Валей женитьбу. У Дениса почти не было спиртного, простая еда на столе, был морс, который сделали из клюквы, которую привезла мать. Я привез им три бутылки шампанского и коробку конфет. Накануне успел оказать ребятам материальную помощь — 3000 рублей. Вот ради этого я и собираю копейки.

Вечером состоялся «Глас народа», который ведет значительно лучше, чем Киселев, Светлана Сорокина. Передача была посвящена президентской неприкосновенности, народ-то против нее. Интересную оговорку допустил один из выступавших: «Жириновский — мой любимый актер…».

3 декабря, воскресенье. Все два дня сидел дома. Был Саша Крапивин, отремонтировал свет в коридоре. Там, оказывается, спаялись все провода: старые остатки пожара. Много занимался своими рукописями.

Для «Труда»:

«По каналу «Культура» в воскресенье показали удивительный фильм «Взятие власти Людовиком XIV». Все очень похоже на то, как было, как есть и как будет. Олигархи, разоренная промышленность, непомерные налоги, выведенные из оборотов капиталы. Стычка с супер-интендантом Фуке, похожим то ли на Черномырдина, то ли на Гусинского с Березовским. Каждый ведь смотрит, руководясь собственной системой ассоциаций и своим опытом. Молодой Людовик в перьях, в диковинных костюмах и

невероятных шляпах. Но выясняется, что шляпы и перья необходимы, чтобы поднять легкую промышленность, дворцы строятся не только ради престижа, но и чтобы дать работу. Не тогда ли в битве с олигархами и во время этого строительства возникает значение Франции, как мирового центра культуры, искусства и моды? Аналогия прозрачна и универсальна. Но нужен характер. Фильм о роли личности в истории, не отменяющей, кстати, ни марксизма, ни классов. А ведь хотел писать о «Жизели» на телевидении с неповторимым Николаем Цискаридзе и Светланой Лунькиной».

Из остального поразил Шойгу, организовавший у себя в партии двойную бухгалтерию: он, оказывается, «лидер партии», но не ее член, а следовательно может оставаться министром, сколько ему захочется. Этот эпизод нашей текущей жизни вполне по своей раскрепощенной игривости тоже мог бы быть вписан в замечательное время придворных интриг сына Людовика XIII».

4 декабря, понедельник. Писал письма и редактировал бумаги, связанные с моим несчастным юбилеем. По закону, если министерство не даст специального разрешения, я должен буду оставить свой пост. Я к этому отношусь спокойно: разрешат, не разрешат, судьбе виднее. Вечером выяснилось, что у В.С. плохая гастроскопия. Я сразу же на работе напился и, уже крепко выпивши, приехал домой. У В.С. была изнурительная истерика Скорая помощь через полтора часа после ее вызова еще не пришла, и я по телефону скорую отменил. Может быть, это умышленное стремление к тому, чтобы быстрее извести всех старых и слабых.

5 декабря, вторник. Утром продолжал думать в том же направлении. Ходил к восьми часам в поликлинику, где выдавали талоны на рентген. Эти талоны десять или пятнадцать минут выдает врач-рентгенолог. В.С. талона не дали, — она не вернула рентгеновского снимка, который ей делали в апреле. Снимок этот в ее диализном центре. Старая и плохо одетая публика нашей поликлиники. Вот чего мы добились за десять лет наших преобразований. Власть не имеет прав ни на какие свои спецполиклиники и спецотдых, пока не наладит здравоохранение для всех. Волна ненависти поднялась у меня по отношению к Горбачеву, Ельцину и даже Путину.

В одиннадцать часов провел семинар. Обсуждали Ксению. Она сделала определенные успехи, будет писать прекрасные женские романы.

Паша Лукьянов побывал на съезде молодых писателей

Литинститута. Как он сказал, на 85 % участники — это наши Литинститутские студенты, прошлые и нынешние. Была в частности Лена Нестерина и обсуждалась с повестью, которой она защищалась.

Вечером состоялась церемония объявления и награждения букеровского лауреата. Лауреатом стали Шишкин и его роман «Взятие Измаила». Через Букера, который нынче называется SMIRNOFF БУКЕР, я постепенно знакомлюсь с лучшими ресторанами города. Нынче это MOSCOW MARRIOT GRAND HOTEL. Нынче кормили: «Коктейль из тигровых креветок подается с рагу из авокадо и манго и свежей зеленью». «Равиоли, начиненные шпинатом и копченым лососем, подаются с сырным крем-соусом, приготовленным с добавлением водки «SMIRNOFF» и красной икрой». «Обжаренная телятина на косточке подается с рататуем, луком шалот и итальянской полентой» «Шоколадное безе под апельсиновым соусом, приготовленным с добавлением водки «SMIRNOFF». «Кофе или чай. Домашняя мини-выпечка».

Икры в чистом виде, как в прошлый раз в «Метрополе», не было.

Встретил Володю Маканина и тут почему-то вспомнил, что по конечной коллизии его рассказ «Кавказский пленный» чем-то напоминает рассказ Э.Форстера «На том корабле».

7 декабря, четверг. В здании МГУ начался шестой съезд ректоров. Пришел утром, все аккуратно выслушал. На банкет не остался. Садовничий произнес очень хорошую речь. Действительно, единственная отрасль, которая выдержала напор времени и не сдалась. Сейчас бизнесом овладела идея внедрения в эту область, где можно сорвать огромные деньги. Седые мужики отстояли свое дело. Были потрясающие цифры продолжительности жизни, числа зараженных СПИДом, студентов, которые физически плохо развиты. 40 % студентов должны обязательно заниматься лечебной физкультурой. Вывод для себя: необходимо обратить внимание на науку в институте. Всю нашу деятельность надо подкреплять основными направлениями развития нашей институтской науки, т. е. язык и литература.

8 декабря, пятница. Писать ничего не могу. Только обратил внимание, когда ехал в институт на трамвае, — у нас стало зимой, как в Европе, декабрь идет, а на газонах зеленеет травка. Сегодня Приемная комиссия праздновала новоселье: реставраторы заставили нас сделать новые окна на фасаде, и пришлось ремонтировать и обставлять приемку. Но в это время я

занимался с Машей Ремизовой, которая приехала по поводу все той же платоновской комнаты. Я нахожусь в тисках интеллигентской демагогии. Я разве против? Я разве не понимаю, что это огромный писатель? А что делать со студентами? Кто будет ходить в этот музей? Разве в Париже есть музей Пруста? Не позволяют время и возможности. Я пытался достучаться до милой Маши, но ее позиция с ректором-ретроградом более выигрышна для публикации. Для журналиста большее значение имеет не истина, а удобность выразить ту или иную позицию. Мы разговаривали в Платоновской комнате. У Маши мнение уже было готово, хотя ей, кажется, было жаль моей горячности. Фотограф, которого она привезла, непрерывно снимал меня — старого, усталого, замученного этими дрязгами. Я представляю, как образ этого монстра украсит газетную полосу. Почти в инфарктном состоянии я сел в машину, чтобы ехать на юбилей театра Сиренко. Маша опоздала ко мне в институт, я опаздывал в театр. Все мы на этой земле взаимосвязаны. Садовое было забито, как никогда. Я приехал в театр, опоздав на сорок минут, в дверь глянул на переполненное фойе. Да тут еще выяснилось, что забыл приглашение. Не стал собачиться. Повернулся и поехал домой.

9 декабря, суббота. Институт гуляет целых четыре дня. Я не стал мелочиться и был в министерстве у Юрия Александровича Новикова начальника управления вузов. Поговорили с ним о «Деле Евтушенко». Мне очень понравился этот действительно широкий и умный мужик: «Да выдай ты ему диплом». Я и выдам. У меня лично положение не сложное, но зависит от воли министра, который мог уполучить товарищескую директиву от кого-либо из демократов. Но это их проблемы, а не мои. Судьба, я уверен, сделает так, как нужно мне.

10 декабря, воскресенье. Возникла идея книги-диссертации. Надо чаще выходить на улицу. В.С. в субботу легла в больницу, и в субботу же ее отпустили до вторника. Но все время возникает коварная мысль, а не пора ли все заканчивать, не пора ли сидеть дома и заниматься книгами и уже прожитым.

11 декабря, понедельник. Для «Труда»:

«Последнее время я внимательно начал следить за отдельными, штучными высказываниями на телевидении. Да ведь пара слов иногда значат больше, чем какая-нибудь речь безумного политика. Вот молодой человек на прошлом «Гласе» выкрикивает: «Жириновский — мой любимый актер…» То ли сознательная инвектива, то ли оговорка по Фрейду, но в обоих случаях как о

многом эти четыре слова говорят. Для многих из нас появление интеллектуально переменчивого, как ветер мая, Жириновского на экране всегда означает нечто или скандальное, или невероятно драчливое. В последнем «Зеркале» любимец народа Михаил Задорнов, еще совсем недавно заменявший своим выступлением новогоднюю речь сгинувшего, как сон, президента, вдруг осмысленно и торжественно говорит: «Мне надоело, что меня все время учит Ростропович..» А как лично мне, а как тысячам моих сограждан надоело! Я вообще предполагаю, что когда не ладится с музыкальным инструментом, с ремеслом писателя, с талантом постановщика, деятель искусств идет выступать на телевидение. Особенно наш эмигрант, имеющий двойное гражданство. Особенно если наездом, торопясь отсветиться. Колбаса там, конечно, слаще, сцена просторнее, тиражи, напечатанные на средства разведуправлений, побольше, но в качестве беспристрастного оракула кто же тебя там станет слушать?»

13 декабря, среда. Под вечер позвонил в управление кадров министерства, как мне посоветовал Новиков. Начальник управления сразу же сказал мне: жду вас завтра в 9.15.

14 декабря, четверг. Валерия Трофимович Корольков оказался мужиком на удивление четким. Он сразу понял, в чем дело и объяснил мне ситуацию. Там бы другой ректор уже год изучал проблему, я чесался и надеялся на судьбу. Он сразу сказал, что министерство может дать ректору разрешение на продление срока, но только один раз. Или на год, который у меня остался или на пять новых. Я, наверное, могу пересидеть год, пока не закончится мой законный срок, но следующий мой срок будет лишь четыре года. Лучше если провести досрочные выборы и досидеть в должности до семидесяти. Я стал уклоняться, говоря о том, что найду себе применение. Опытный Корольков сразу сказал мне, что мужчина должен быть честолюбив. Положение ректора очень престижное и ключевое, здесь можно многое сделать. Сказал о нашем вузе как о вполне самодостаточном. Очень опытный психолог. План рождался на глазах. Вы нам напишите письмо, мы вам — разрешим. Но надо, чтобы это взяло на себя начальство. Идемте к Жураковскому. С Жураковским я незнаком, но это человек легендарный. Тут же я начинаю жалеть, что редко бываю в министерстве, не шляюсь по кабинетам, ничего не прошу. Но Жураковского нет, он будет во второй половине дня.

Это мое первое посещение общежития утром. Мне надо посмотреть, как идет ремонт в гостинице. Сам ремонт стоит, а

смета на него растет. Здесь работает ушлый пузатый русачок Володя, который пригрелся и присосался, как клоп. С ним будет еще много возни, пока его отдерешь от пышного тела. К моему удивлению, по коридору на седьмом этаже разгуливают наши ВЛКашники, лекция у них началась час назад.

К вечеру я получаю коллективную бумагу от слушателей ВЛК, что из-за шума, который поднимают другие студенты, они не спят. О, русский писатель!

Через Интерпол арестовали по обвинению в мошенничестве Гусинского, в прессе по этому поводу идет большой шум.

15 декабря, пятница. Во второй половине дня раздался звонок от Валерия Тимофеевича (?) Королькова — он посоветовался с первым замминистра Жураковским, и они решили: институт пишет письмо в Министерство и Министерство разрешает институту досрочные выборы.

16 декабря, суббота. Уехал домой совершенно и счастливый ублаженный Толик. Он очень много делал последнее время по дому, и без него мне будет трудно. Вот уже в понедельник вечером, пока будет идти вечеринка в мою честь, некому будет погулять с собакой. Вечером приехала своим ходом В.С. Она пробудет до понедельника. В понедельник у нее гастроскопия.

17 декабря, воскресенье. Весь день сидел, вычитывая дневниковые записи за 97-й год. Настроение жуткое, завтра мне исполняется 65 лет.

Возвращаясь к Букеровскому обеду, не могу не привести выдержку из «Огонька», который несколько своих страниц посвятил течению современной русской литературы. В своей статье Александр Никонов не оставляет камня на камне от премированных произведений. Делает это он путем обширных цитирований. Но есть и прямой вывод: «Вообще тема пьянства и человеческого скотства очень хорошо и во всех подробностях отражена современной русской букериадой»

Для «Труда»:

«Один из телевизионных каналов чуть ли не целиком посвятил свое вечернее время яркому слову «мошенничество». Чего привязались? И вот накручивать. Сначала что вроде бы мы не брали, а потом — вроде бы все такие. «Мабетексу» и бывшей администрации президента спустили, а почему не нам? Или я что-нибудь неправильно понял? Мы все, правда, склонны привыкли подбирать к этому слову мошенничество привычный эпитет — «мелкое», но здесь, судя по дозированной информации, которая до

нас доходит, оно — крупное. Кажется, взяли в долг и не вовремя отдали. О том, у кого и кто, не пишу, и так все знают. А о крупном, мы вроде бы со времен классической русской литературы и подзабыли. Что-то там произошло во время «Свадьбы Кречинского», какой-то подлог с драгоценным камнем, потом вроде Чичикова за его аферы в таможне и с подсчетом мертвых душ обвиняли в мошенничестве. Не могут остановиться мои соотечественники! Но здесь случай другой. Не брать в долг, по мнению канала, даже нельзя: аппаратура дорогая, камеры, штативы и монтажная техника. Все нам объяснили, кроме зарплаты и стоимости рекламы. И не объяснили, причем здесь политика. Политика, на взгляд многих, начинается лишь только после слова «вернул» и «честность». Взял, вернул, а лучше не бери и говори, говори и говори любую правду и о чиновниках, и о президенте. Но впрочем, нам всем очень хочется, чтобы невиновного немедленно выпустили, а слово «мошенничество» дезавуировали. Охота нам, чтобы самый смотрибельный канал и дальше не обвиняли в мошенничестве»

Это я написал по поводу ареста в Испании магната Гусинского и возникшей вокруг этого ситуации. В этой инвективе слишком много намеков. Писать надо проще, наотмашь!

Днем отослал письмо в Министерство о разрешении провести досрочные выборы. Результаты этой переписки меня совершенно не волнуют. Вместе в письмом В.Т. Королькову послал и том «Русские писатели XX века». Все-таки начальство должно знать, с кем оно имеет дело. Тут же возникла мысль выпечатать из словаря статьи на наших мастеров и отправить их на нашу страничку в Интернет. С последним надо что-то делать. Наш сайт в Интернете совсем засох и покрылся грязью, надо назначать туда главного редактора — Тиматкова.

18 декабря, понедельник. По обыкновению и чтобы самому не возиться, решил устраивать день рождения в нашей столовой. За два ящика водки я уже заплатил раньше. Альберт Дмитриевич пытается все остальное — закуску, вино и стоимость обслуги всучить мне в качестве подарка. Но, в конце концов, я его пристращал тем, что, дескать, знаю свой характер и, если возьму этот подарок, похожий на взятку, начну мстительно его же, Альберта Дмитриевича прижимать. Боюсь данайцев! Сговорились на плате по себестоимости. Я в этом смысле вообще люблю свой день рождения. Я так многим обязан нашему институту, что хочется устроить всем праздник. Зову я всех. Для многих наших работающих в библиотеке или в хозчасти женщин это единственный в году светский прием и праздник. Все остальное

время на работе, дома, ну в гости сходит, где будет много салатов. Единственное, что мне не нравится, это много цветов — дорого, слишком обильно для одной квартиры и одного кабинета и слишком хорошо для иноземных торговцев цветами. Я ведь понимаю, что часто цветы для начальника покупают и не от излишества! Я не люблю, также дорогих подарков, не сомневаюсь в искренности дарящих, но это делает меня несвободным. Впрочем, не всегда… Надо бы здесь сделать списочек подарков. Среди них много прекрасных книг, и как всегда Н.А. Бонк с Л.М. сделали мне подарок очень нужный — кассетник для дома. Когда отключали в связи с Останкинской башней телевидение, чтобы не остаться без информации, я на неделю на кафедре брал приемник — запомнили. В подарках есть смысл, когда они попадаются на глаза, я всегда с благодарностью вспоминаю о людях, их даривших.

Первое, что я сделал, войдя в это день в институт, это убрал аншлаг, где меня поздравляют с 65-летием. Возраст не такой, чтобы этим хвастаться. Но разве чего-либо утаишь! У меня на столе уже лежал «МК», с традиционной заметочкой «Дни рождения. Вилли Брандт (1913), канцлер ФРГ, нобелевский лауреат, Владимир Ворошилов (1930), ведущий программы «Что? Где? Когда?», Жан-Клод Ван Дам (1962), «бельгийский мускул», Сергей Есин (1935), прозаик, ректор Литинститута, Пауль Клее (1879), живописец-экспрессионист и пр.

Я писатель вещественный, поэтому многое описываю не через чувства, а через предметы, через перечисления. Хотя я и старался никого лишнего не нагонять, а наоборот стерегся гостей, приезжали В.Н.Ганичев, И.И.Ляпин, прислал телеграмму В.Егоров, был Юра Копылов с Игорем Захаровым, подарившие мне роскошный ханский, расшитый золотом халат и папаху. Они разыграли целую сценку «Бай и батрак». Юра еще принес целое блюдо с роскошным пловом. Я определенно, думая о нем иногда не так хорошо, почувствовал себя не очень хорошим человеком. Наверное, мелочность еще не окончательно вывелась из души. Богиня пианизма Лена Алхимова принесла огромный пирог с мясом. Это наряду с пирожками Виргилии, тортом Нади Годенко, горшочком с гиацинтами Аллы Ивановны и банки с орехами и курагой Маши Зоркой, подарки меня очень тронувшие. А шерстяные носки Зои Михайловны! Мне тоже надо больше думать о людях и тщательно подбирать, что я дарю, а то я все отделываюсь тем, что передариваю что-то и покупаю дорогие цветы. Лева на торжественном приеме в нашей институтской столовой исполнил гимн, естественно, на музыку Александрова, с использованием слов Михалкова.

Уходя вечером домой, все букеты мы со Славой заложили в холодильник и я наказал ему утром разнести по кафедрам и в бухгалтерию.

Праздник прошел прекрасно. Я, правда, все время думал о В.С. Кроме ее болезни и самой больницы, где она находится, она еще и накручивает, ей бы так хотелось, чтобы ничего не было, а все разлетелось… Правда, знаю, с этими своими настроениями она борется. Дома разглядываю все адреса, надписи и отчасти подарки.

«СЕРГЕЮ ЕСИНУ — НА ЮБИЛЕЙ

ОТ ТАТЬЯНЫ БЕК

Не имитатор и не соглядатай,
А сущий
настоящего участник,
Приветствую тебя!
Со славной датой…
Да будет жизнь сплошной
непраздный
праздник.»

Вот адрес, который подписали мне сотрудники от института. Тезисы, может быть, выпиливала сообща инициативная группа, а вот в самом тексте я узнаю высокоталантливую и нестареющую руку Инны Люциановны Вишневской.

«Дорогой Сергей Николаевич!

Коллектив Литературного института имени А.М.Горького горячо и сердечно поздравляет Вас с первым зрелым юбилеем. Не так часто сотрудники тех или иных учреждений искренне любят свое начальство, успокаивая друг друга, что пусть уж лучше будет этот, потому что другой — хуже. А вот мы любим Вас и послушайте — за что.

Во-первых, у Вас есть настоящая харизма талантливого писателя. Мы гордимся тем, что наш институт возглавляет не чиновник, не руководящее лицо каких-то бывших инстанций, но именно талантливый литератор, блистательный журналист, яркий организатор литературного дела.

Во-вторых, у Вас есть подлинная харизма педагога, и пусть маленькие учителя и маленькие музыканты утешаются тем, что такие понятия, как Учитель и Сочинитель, Учитель и Исполнитель — вещи разные, словом, поэтом можешь ты не быть… Вы — педагог, который учит не на пальцах, не на теориях, но на личном глубоком опыте. Вы — педагог, предвкушение встречи с которым заставляет студентов с радостью приходить на Ваш семинар. И с небольшой долей зависти мы говорим: Ваш семинар — лучший, он собирает самых разных людей, он действительно творческий, он выпускает не работников слова, а создателей слова. Ваш постоянный педагогический успех, вероятно, в том, что с Вами можно говорить демократично, но не запанибрата, по

душам, но не пуская в душу пьяных слез пьяных гениев, что Вы предельно интеллигентны, но не интеллигентски-растерянны.

В третьих, — в Вас харизма чуть ли не драйзеровского финансиста. Каким-то образом, пока где-то там голодают, а здесь замерзают, там бастуют, а еще где-то требуют, — мы регулярно получаем зарплату, с видимыми и весомыми прибавками и почти невидимыми вычетами. И что самое приятное — представить не можем Вас где-нибудь на вытоптанном лугу у цветущего Лужкова с протянутой рукой — все как-то незаметно, легко для нас, трудно для Вас, но прекрасно для всех.

И четвертая Ваша харизма — это уж от имени женщин коллектива — наш ректор хорош собой. Не Леонидо-Андреевский, не «Некто в сером», не «Некто в красном» (или коричневом), не церковный «Некто в черном». А плейбой, да и только! Ах, эти Ваши длинные яркие шарфы! Ах, эти тонкие заграничные свитера! Ах, эта изящная обувь! Ах, эти отлично сшитые костюмы! Только так и надо выглядеть руководителю института литературы, великой русской литературы, в которой были Тургенев, Толстой и Бунин.

Правда, у Вас, как у каждого грешного человека, есть, говоря современным уличным языком, свои приколы, фенечки, фишки, прибамбасы — то вдруг Вы считаете, что нужна дисциплина; что нельзя опаздывать на лекции, не являться на семинары; то (и это правильно), что студент не должен курить в аудитории (а заодно и преподаватель). Но мы прощаем Вам эти маленькие странности за удовольствие видеть и слышать Вас, как говорили классики.

Желаем Вам (а значит и себе), чтобы Вас никогда не огорчали ни близкие, ни дальние, чтобы Вы всегда были здоровы, молоды, талантливы.

Что бы ни случилось в этом тысячелетии или следующем, но годы работы с Вами для многих из нас лучшие годы жизни.

Долгих Вам лет!»

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОДНОГО ПУШКИНСКОГО УМОЛЧАНИЯ В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»

(С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕКСТОВ «ЭНЕИДЫ» ВЕРГИЛИЯ И КОТЛЯРЕВСКОГО)

СТИХ ХВАЛЕБНЫЙ МАКАРОНИЧЕСКИЙ, СЛЕГКА СЕРЬЕЗНЫЙ, СЛЕГКА ИРОНИЧЕСКИЙ

Сергей наш парубок моторний,
Хоть не Эней и не казак,
Удавсь на всее зле проворний,
На все дела большой мастак.
И в нашем славном Институте
Во всем доходит он до сути,
И день и ночь он зорко бдит
И бодро всем руководит.
К тому же он романы пишет
И новый строит нам забор
Он от угла и до сих пор,
Фасады красит, кроет крыши
И поднимает до небес
Учебно-творческий процесс.

Сергеус, прінцепс наш моторний,
Формозус, гарний і проворний,
Что любим мы тебя вполне,
Побачиш сам інноміне!
И прежде чем распить по чарке,
Чтоб каждый бибулюс сполна
Мог выпить водки и вина,
Вели акціпере подарки,
А среди них и наш пустяк
И квантум сатис всяких благ!

19 декабря, вторник. Утром состоялся сначала пленум СП России, а потом и Съезд. Как я понимаю, главная причина съезда — это подтверждение легитимности его устава и предыдущих уставных документов. В свое время они были подготовлены с нарушениями, и об этом раструбила «Литературная Россия». Что касается еженедельника, о котором идут постоянные споры, то оппозиционный орган Союзу нужен, но то, что ребята сделали — это подлость. К ним тоже относились дурно, требуя помещать и славословить, но здесь речь касалась судьбы целой огромной и такой важной организации. Второй причиной стало объединение с Союзом российских писателей, с демократами. Это сделано в надежде выторговать какую-нибудь былую собственность. Идеологической платформы для объединения, теперь это будет Ассоциация, — нет, поступаем не принципиально. Проглядываются за всем этим какие-то иные мотивы. Не

принципиальность будет наказана. Прошлый раз я от этого формального объединения предостерег, на этот раз промолчал и поехал в институт ворошить свои хозяйственные дела. С интересной речью выступал В.И.Гусев, ему это объединение тоже не в кайф. И еще один его тезис: свою, московскую собственность мы не отдадим! Знаменательна была речь С.В.Михалкова, он появился на трибуне дома на Комсомольском через 10 лет. Это был момент его и всех нас некоторого торжества. Калибр этого человека велик. Он подтвердил свой старый тезис о национальных литературах — как опоре литературе русской. Насколько я понял, он говорил о том, как в свое время он, руководство всегда сможет опереться на национальное большинство при борьбе в Союзе с разнообразными экстремистами. Я понял, против чего и против кого тогда Михалков боролся.

Еще до начала заседания я встретился с С.В. Он действительно, старый маг, меня любит и говорил, что очень уважает меня как профессионала. Просто он чувствует мою несгибаемую тему. Не лгу.

Во время чтения разнообразных бумаг, я заметил, что документы стали готовить хуже, в них много пустых слов и еще больше, чем было раньше, демагогии.

Стреляли в Иосифа Орджоникидзе, известного чиновника московского правительства, ведающего крупным строительством и иностранными подрядчиками. Все это, я полагаю, не очень просто. Конечно, криминала у нас много, но и чиновники дают повод для собственного отстрела. По ТВ М.Касьянов, находящийся сейчас в Париже, самодовольно рассказывает о том, как он посетил в течение часа музей Орсей и смотрел там импрессионистов.

Вышел номер «Нижнего Новгорода» с окончанием дневников за 1998 год. Привез журнал Женя Шишкин, он был у меня на дне рождения. Все-таки я сукин сын в тексте есть несколько инвектив, связанных с друзьями и преподавателями, которые лучше бы прозвучали после моей смерти. Закончив Ленина, я, как телегу с камнями, теперь тащу свои дневники. Боюсь, что постепенно в силу их внезапно возникшей публичности, я теряю в искренности и точности.

Вечером внезапно приехала из больницы В.С. Я думаю, что там ей страшно.

20 декабря, среда. Все утро В.С. провела в кормлении собаки и некоторой ругани со мной. Это естественное озлобление больного человека, но и я хорош.

Весь день провел в надежде всучить деньги Мосгортеплосетям за тепло. Складывается ощущение, что деньги никому не нужны. Какая-то девочка уже несколько месяцев не высылает нам счета. Наши деньги в казначействе, которые предназначаются для уплаты за тепло, через несколько дней пропадут. По телефону я добрался до очень большого начальства, но думаю, что оно ничего не сделает.

Вечером Федя повез В.С. в больницу, а я сел читать подаренную мне Антологию поэзии под редакцией Евтушенко. Это очень серьезный и большой труд. Такое нахрапом не сделаешь, это действительно труд многих и многих лет. Поэзию я для себя не читал давно, как это чтение расширяет душу. Будто бы продышался. Прозаикам чтение поэзии просто необходимо. В почерке составителя мне нравится его социальная позиция. Перечитал стихи Вознесенского, как это здорово. Разве поэт виноват, что он еще не умер, и писать и творить хочется всегда. Следующие поколения еще разгадают эти ребусы.

21 декабря, четверг. Спор с А.И. об образовании. Не приехало ТВ об экзаменах. Тесты или экзамены. Нет письма из министерства. Письмо Мише Сукернику Разговор о дневнике. Визит в «Труд» на фотографирование. Шампанское, бокалы, мандарины. Юферова. 100 тыс. экз. в Узбекистане. Спектакль в институте по Ионеско. Дима Дерепа. Моя речь.

Годовой рейтинг для «Труда»:

«Наше телевидение, безусловно, лучшее в мире, может только восхищать».

Улыбающиеся лица детей;

доброжелательные и спокойные политические деятели, в речах которых не наигранная уверенность, умеющие держать слово и делать дело;

старики и старухи мирно и достойно доживающие свою жизнь, которая и в старости наполнена и содержательна;

уверенные лица молодежи, знающей, что за ней будущее и твердо верующей в него;

благородные лица крестьян — это цвет нации, — людей понимающих счастье жить и работать на земле;

здоровые и ухоженные солдаты и офицеры армии, стоящей на страже обильной и многосильной родины;

студенты, торопящиеся из светлых аудиторий на стадионы, в библиотеки, театры, на дискотеки, уверенные, что каждый после окончания вуза найдет себе работу по сердцу;

ученые, склоняющие над книгами, работающие в огромных лабораториях со сложнейшими приборами;

новые плотины, огромные домны, изобильные леса, поднимающуюся природу, приумножающееся богатство простого человека;

простого, умного, счастливого рабочего;

спектакль МХАТа имени Горького, спектакль МХАТа имени Чехова

а также многого другого, что составляет смысл и содержание человеческой жизни, — в этом году на экране телевидения я не видел. И это меня удивляет.

Уверяю, как только перестанут мелькать, сразу забудутся Жириновский, Немцов, Хакамада, прораб перестройки Яковлев, Строев, Зюганов, Селезнев, Илюхин и даже депутат Шандыбин, и адвокат Генри Резник, но до сих пор помнится звеняще-детский голосок Бабановой и милые ухмылки Бориса Андреева».

22 декабря, пятница. Вечером в Дубовом зале ресторана Дома литераторов состоялась церемония объявления лауреатов Независимой литературной премии «Дебют». Здесь пять номинаций: «крупная проза», «малая проза», «крупная поэтическая форма», «малая поэтическая форма», «драматическое произведение». Денежное выражение по каждой номинации — 20000 долларов. Это лауреату, дипломантам, их двое или трое по каждой номинации дают ценный подарок. Самое главное — награждаются только литераторы, не достигшие 25 лет. В этом смысле это очень важная премия, хотя в наше время это ничего не решает. Не решает даже скандал, если его поднимает молодой писатель. Литература и известность вызревают как-то сами по себе, будто на молекулярном уровне просачиваются в мир.

Я был зван, наверное, исходя из того, что трое институтских ребят стали дипломантами этого конкурса и потому, что в хороших отношениях с Эдвардом Радзинским. Эдвард с большим вкусом причесан, его пламенные волосы старательно маскируют начавшийся обнажаться затылок. Он в этом году глава Попечительского совета, а вот жюри возглавляет Дмитрий Липскеров, который является и автором всей этой идеи. В жюри все люди модные: Ольга Славникова, Вячеслав Курицын, Бахыт Кенжеев. Но лучше бы устроители не делали свой маленькой программки, в которой все написали про себя. Дмитрий Липскеров — «открыл в Москве три ресторана», «с 1991 по 1993 год жил в Америке». Бахыт Кенжеев — «сейчас живет в Канаде, работает переводчиком в Международном Валютном Фонде». Вот кто нам всегда дает деньги. Об Ольге Славниковой и Славе Курицыне я уже в дневнике писал. Интересно, что Слава пришел на этот вечер в галабие — длинной рубахе, в которой обычно

ходят на Востоке.

Вся церемония проходила в том самом Дубовом зале, где в прошлом проходили все пленумы, лежали все знаменитые покойники, протекали все «судьбоносные» партсобрания. Аперитив все получали в каминной гостиной, где раньше находилось партбюро. Здесь все теперь затянули шелком, в камине, сохранившемся еще с прошлый лет, помню его, пылали березовые поленья Я отчетливо представляю себе длинный стол, который стоял здесь раньше, а в торце стола себя, принимающего партвзносы. На писателей я тогда смотрел снизу вверх. Для меня было большой честью, что я расписывался в партбилетах, да и просто с ними разговаривал и их видел. Стаднюк, Борщаговский, Бакланов, со многими другими я впервые разговаривал именно здесь.

Играли два оркестра. Была умопомрачительная еда, которой знаменит ресторан Дома. Многим из присутствующих ребят такой еды больше попробовать не удастся. Попутно вспомнил о том, как на съезде только что об этом ресторане и Доме говорили. Остался последний срок… «Новая литература» ворвалась в зал откуда-то слева, такая живая очень выразительная толпа. Василий Сигарев из Нижнего Тагила получил премию по номинации «Драматургия», за «Крупную прозу» — москвичи-соавторы Сергей Сакин и Павел Тетерский. «Крупная поэтическая форма» — Екатерина Боярских из Иркутска, а за «Малую поэтическую форму» и «Малую прозу» наградили Данила Давыдова и Кирилла Ратникова, москвичей.

24 декабря, воскресенье. Два дня сидел за компьютером, правил дневники. Мне их через пару месяцев сдавать. Обещали 30 тысяч сразу, и потом процент от тиража. В принципе, почти обдираловка.

Вечером созвонился с Е.А.Евтушенко, во вторник он обещал выступить у меня на семинаре. Здесь двойной расчет: и мне надо что-то писать в дневник, и моим мальчикам и девочкам нужно тоже набираться впечатлений.

25 декабря, понедельник. В городе много говорят о нападении на Иосифа Орджоникидзе. Сегодня по радио передали такую подробность. Его семья живет в центре, в собственном пятиэтажном особняке. Два этажа находятся под землей. Здесь есть бильярдный зал, сауна и бассейн. За что, как говорится, купил. Вот как опасно быть богатым.

Я жду письма из Министерства, его нет, я невольно волнуюсь, окружающие меня, не подавая вида, тоже волнуются. Вечером

звонила Валя. Пришел результат биопсии. Пронесло. Господи! Господи! Господи! Господи! Господи! Господи! Господи!

Вечером Путин беседовал с журналистами. Были Третьяков, Леонов и какая-то очень неумная, но активная женщина, кажется с РТР. Путин говорил очень хорошо и уверенно. Очень часто политические проблемы — это проблемы их наименования, т. е. филологические. Но слишком все у В.В. легко и четко формулируется. Он дает на все удивительно правильные и глубокие ответы.

Для «Правды». На вопрос: «Что день грядущий нам готовит?»

«А ничего особенного, нового век нам и не готовит. Можно, конечно, написать: как огромный, обледеневший паровоз, через мглу и метели, мчится Россия в грядущее. Это правда, Россия всегда в медленном, но нагнетаемом движении. На ее пути были остановки, перрон заполнен, светофор подрагивает, и, вроде бы, машинист уже перестает шуршать в топке… — но опять гудок, и опять помчались.

С удивительным талантом страна умудряется перемалывать все чужое. Она и страдает, и лечится сама по себе. Как собака весной, выскочила на лужок и выбирает только нужную травку. Это неправда, что Россия смолола монархизм, смолола социализм. Одна никуда не денется от высшего авторитета — служения родине, и никуда не денется от своего семейного, коллективистского, начала. Кальвинизм, который высшую идею Бога мог привести в скопидомство и бездуховность, нам не свойствен, недаром цивилизация наша в первую очередь возникла из живого дерева. А уж потом из камня. Было время думать о душе, в первую очередь, сам русский человек был мерилом всего.

Мчится Россия, отбрасывая ненужное, все на той же скорости, в следующий век. Ах, как все хотят, чтобы исчезло «имперское сознание!» А его у нас и не было! Было всегда в русском человеке желание огородить слабого. Сирого и малого. И остаться самим собой. Мы и сейчас, по-прежнему считаем своим то духовное, чем владели раньше. Так, от няньки порой убегают дети, а потом возвращаются к ее теплой руке и мягкому подолу, в который можно в горе уткнуться лицом. Ах, цивилизованные страны, цивилизованные малые страны!

Кто-то из западных классиков как-то заметил: эстонцы всегда — лучшая прислуга, а чехи — лучшие кучера. «…С кувшином охтенка спешит». Это Пушкин.[6] *Спеши, родная, спеши. Многому тебя научили, много ты умеешь сама. Выходи замуж за чужого дядьку; дети и внуки вернутся в отчий дом. Как-то два гоголевских темных героя размышляли: докатится колесо до Москвы или не докатится? Сейчас, на пороге нового века, вроде бы нашли новый*

географический центр России и с громкими кликами в нищем и темном райцентре устроили по этому поводу политическое представление. Уверяю вас, друзья мои, если есть в этом населенном пункте пункт по сдаче металла, еще не минет первый год следующего тысячелетия, как памятник окажется там. Почем у нас там старая, еще советская, медь на вывоз?..

Но мы ведь недаром упомянули о колесе: хотим мы или не хотим, но центр этой огромной страны, по которой катится русский паровоз, — все-таки в Москве. И Москва все равно всех защитит, отстоит себя и возьмет всех под свою державную руку. Ничего случайно в этой стране не происходит. Хочу заметить: в моей любимой, единственной и неповторимой стране.

С. Есин, писатель без двойного гражданства».

25.12.00

26 декабря, вторник. Как и обещал, приехал на семинар Евг. Евтушенко. Можно поражаться, как подтянуто и молодо он выглядит. Получилось так, что мы сумели немножко поговорить с ним до начала семинара, а потом и пообедали. Это очень интересный и глубокий человек с обширными и независимыми знаниями. Мне даже показалось, что судьба несправедлива к нему. Ребята с интересом его слушали и задавали вопросы. Они только скучали, когда старый поэт переходил к ближней политике, воспоминаниям о тоталитарном прошлом, гонениям на себя. Евтушенко тоже был доволен. Его поразила начитанность наших студентов. Безошибочно они называли авторов известных цитат, которые произносил мэтр. Я законспектировал его выступление. Вернее, брал отдельные ключевые высказывания. Но вот что интересно, он становился плоским и однотонным, когда дело доходило до его стихов. Новые стихи растянуты, с привычным набором политических дефиниций. Тот же самый набор, который он считает общечеловеческим, а на самом деле это однообразный душный набор идей клана. За обедом Е.А. интересно и со знанием дела говорил о кино. Его кино никогда не казалось мне ординарным. За обедом я оказался посвященным и в историю взаимоотношений Е.А. и Бродского. Известно высказывание Бродского, что если Евтушенко против колхозов, то тогда он, Бродский — за. Оно базируется будто бы на том, что Евтушенко сыграл роль в его выдворении из Советского Союза. Характер Е.А. таков, что он, конечно, совал свой нос всюду, где мог получить какие-то общественные дивиденды. Он мог начальство отговаривать от этого выдворения, а те распустили другие слухи. Вся история могла быть случайной, но вроде бы состоялся между Бродским и Евтушенко разговор, где все точки

были расставлены. При этом разговоре случился Евгений Рейн. Но Рейн молчит и своих воспоминаний об этом реабилитирующем Евтушенко разговоре не пишет или не печатает. Во время разговора у меня в кабинете я делал пометки в своей записной книжке, потом полтора часа записывал на семинаре. Старался фиксировать ключевые фразы.

«Разговор о Грише Петухове. Гриша поступал в институт с письмом Е.А., которое где-то у меня в бумагах. Ходили слухи, что он был или собеседником Е.А. или его дворником в Переделкино.

— «Он для меня закончился, я стал к нему по-другому относиться после того, как произошла такая история. Когда умер Владимир Соколов, я специально приехал его хоронить из Америки. Гриша Петухов в это время жил у меня, его моя экономка поила чаем, а он философствовал с ней на кухне, часто говорил не очень хорошо обо мне, она его обрывала. Собираюсь на похороны, сажусь в машину, еду и неожиданно для себя вижу идущего по дороге Гришу. «Гриша, а вы, собственно, почему не едете со мной на похороны?» — «Вы понимаете, Евгений Александрович, Соколов как бы не мое поколение, — мне не очень интересно… Я не люблю советское время, оно уже прошло, что нам вспоминать о вашем мучении»… После этого я к Грише стал относиться по-другому.

— «Если ты человек, любое время, которое было до вас, это ваше время».

— «Врачи часто испытывают симптомы своих пациентов. Писатель — это представитель боли, боль — интернациональна».

О чтении «Бабьего яра» недавно в Киеве.

— «Выходит один седой человек. Я уже объявил, что буду читать это стихотворение, и этот человек говорит: «Товарищи! Это стихотворение нужно слушать стоя».

— «Я люблю слово «товарищи», это старинное доброе русское слово».

— «19 августа 1991 г. Ельцину было страшно, когда он взбирался на танк, такой мальчишка сидел водитель… он у него спрашивает: «Ты не собираешься стрелять в своего президента?» А потом мне: «Спасибо, тов. Евтушенко, за то, что вы в это трудное время с нами».

— «Я не умею рисовать и поэтому обожаю живопись».

Денис Савельев спрашивает о процессах в американской прозе.

— «Процессы везде одни и те же, во всем мире. Все зависит от отношения писателя с обществом. В советское время существовала та же коммерческая литература: Бубеннов, Ажаев… Ну, такая облегченная, где конфликты разрешались так, как хотел

читатель».

— «Недостаточная даровитость часто выглядит приспособленчеством».

— «Люди измотанные сидят во всех метро мира».

— «Американская коммерческая литература, она в двух уровнях; первый: Стивен Кинг. Это, конечно, высокий класс. Классом ниже — литература, которую можно читать в метро, в кровати, в самолете, и ничему тебе не помешает».

— «В России разрушена легенда, о самой читающей в мире публике».

— «Знающие советское время люди представляли, что стояло за каждой хорошо одетой женщиной. Ничего не продавалось. Все надо было доставать. Книга была также предметом роскоши, как и одежда. Сейчас все есть, и бывший читатель не выдержал теста выбора: лучше купить не книгу, а нечто другое».

— «Я никогда не любил слова «элита».

— «Сейчас для писателя нужна колоссальная выдержка».

— «Я был первым, кто издал книжку поэзии стотысячным тиражом. Наше поколение вернуло отечеству любовь к поэзии».

О В.Г. Распутине. У него кажется тоска по этой былой дружбе. Долго объяснял мне, какие надписи на книгах Распутин ему писал, а теперь, дескать, в своих речах говорит: эти евтушенки, так сказать с малой буквы…

— «В американской литературе нет литературных провинций».

— «Каждый университет должен иметь штатную должность «писатель при университете».

— «Наряду с коммерческой литературой существует «университетская литература».

— Мне всегда нравился мятежный дух поэзии. Быть индивидуальностью и не присоединяться к остальным — это тоже мятеж».

— «Вокруг каждой премии существуют тусовки. Сейчас так распределяются и российские премии».

— «В такой богатой стране, как Америка таких больших премий, как в России, по 50 тысяч долларов, нет. Пулитцеровская премия — 25 тысяч. Деньги большие».

— «Так называемое повстанческое движение в Америке».

— «Когда бомбили Сербию, я был единственным писателем на территории Америки, который протестовал. И меня редактировала, как у нас, цензура».

В отношении Стейнбека, которого затащили во Вьетнам, где у того лежал в госпитале раненый сын. В то время Стейнбек писал приблизительно так: «Пальцы пулеметчика лежали на гашетке,

как пальцы виолончелиста Казальса».

«Маргинальное движение ковбоев-поэтов».

Постмодернистская литература:

— «Я пытался прочитать Сорокина. Очень скучно».

— «Без особого восторга, во имя объективности, отразил в своей антологии Рубинштейна и Пригова».

Е.А.Евтушенко очень хорошо и профессионально держит пространство своей лекции. Я убеждаюсь в том, что американский профессор совсем не хуже нашего российского, литинститутского.

— «Литература не отражение жизни, а ее концентрация».

— «Аксенов все сгустил до сарказма».

— «Университеская надменная литература».

— «Гарлем — это приличное место по сравнению с нашим Орехово-Борисовым».

— «Нигде в стране Америке нет такого мата, как в голливудских фильмах».

— «Все лучшее в искусстве основано на внутренней необходимости».

— «Человек 15 из пишущей братии в Америке — это приличные писатели, которые достаточно дорого издают свои книги».

— «Очень тяжело в Америке получить известность, как здесь говорят, — раскрутку».

— «Американцы сами первые жертвы пошлости»

Говорит о пошлой и низкой масскультуре в нашей стране — о Киркорове, Шифутинском и др. «Разве американцы диктуют: «ты моя банька, я твой тазик»?.

— «Сейчас в России нет газеты, которую читали бы все. В былое время мое стихотворение в «Правде» прочитывали все».

— «Хочется успеха, но на хорошем поприще, как говорил Д. Самойлов.»

— «Мы тоже грузили арбузы и уголь».

— «Сегодня ни в какой отдельно взятой стране ничего не происходит».

— «Идет борьба триумфальной пошлости с духовностью».

— «Для меня лучший русский писатель советского периода — Андрей Платонов».

— Как вы относитесь к проблемам гимна? — спрашивает кто-то.

— «Слов хороших на музыку Александрова быть не может». Это, конечно, он от ревности.

В начале перестройки:

— «Я пробил уничтожение цензуры»

— «Я пробил отмену выездных комиссий».

— «Мужество сражаться в одиночестве, много выше мужества в строю». В стихах, повторяю, Евтушенко ограниченнее и спрямленнее, он пользуется обычными и привычными формулировками.

— «А что мне делать? Вы бы писали политические стихи?»

— «Взгляд зла, который неминуемо участвует в каждом моменте человеческого счастья».

Среди ребят, набившихся в аудиторию, я с удивлением и с удовлетворением увидел Таню Шалиткину.

Вечером позвонил Юра Апенченко. В «Независимой» наконец-то появилась давно ожидаемая статья Олега Павлова. Все тот же набор штампов и страстная, негасимая зависть ко мне. Я к этому привык, особенно от людей, чья литературная судьба не складывается. Олег Павлов, я думаю, понимает, что вся его литература — охранника в лагерях, кажется, — заканчивается и все время пытается переходом из лагеря в лагерь, какими-то региональными скандалами удержать свое имя на плаву. Как профессионал и специалист, уверен — не удержит, имя будет угасать. Пока плавучесть скорее из-за молодости. Искренне жалко этого старого, нездорового и бородатого мальчика. В структуре статьи есть тенденция к доносу, в частности попытка столкнуть меня с людьми из администрации президента. Павлов очень интересный современный тип, лишенный внутренней стабильности. Только поведенческие стереотипы. Он знает, как казаться порядочным человеком или как человеком совестливым. Слишком много знаний в тех случаях, когда должен действовать инстинкт. Обычный интеллектуализированный шулер и литературный доносчик. Помню, как в одной из своих статей он сетовал, что ректор прогрессивного учебного заведения пишет роман о Ленине. Завтра утром вставлю в дневник мой текст, который довольно удачно записала Маша Ремизова. Машенька только почему-то не вставила мою аналогию Пруста и Платонова. У Пруста, который в Париже жил по пяти адресам, музея, посвященного его творчеству, в Париже нет: частная собственность не дает возможности это сделать. У мощного и богатого государства пока тоже нет возможностей сделать это. Вот он. В стиле сохранилась горячность, с которой я давал это интервью. Но это скорее особенность магнитофона, без которой нынешняя журналистика ни в какую.

«Я — организатор Платоновского общества. Оно появилось в этом институте по моей инициативе. Я за музей, но музеями распоряжаюсь не я. Для того чтобы он возник, нужно решение экспертного совета Министерства культуры, решение правительства. Этот дом принадлежит не мне, а государству —

оно и должно решать. У меня на столе лежит большое письмо в Госдуму о полной реконструкции института, такой, чтобы нашлось место и для Платоновского музея, и для музея Мандельштама, у которого здесь единственный достоверный адрес в Москве.

Все упирается в деньги, в площади, в собственность, в решение специалистов. Специалисты были, много раз были… И они настаивают, что в этой аудитории (действие происходит в мемориальной комнате Платонова, где писатель представлен только фотопортретом на стене) Здесь милая Маша тоже что-то недосмотрела, действие происходит в одной из самых крупных институтских аудиторий, в комнатке, где кроме портрета Платонова висит еще шесть стендов, посвященных его жизни *должна быть некая музейная зона. Есть эскизы этой зоны. И одновременно здесь может быть кафедра, скажем, русской литературы.*

Дочь Платонова уверяет, что хочет передать архив в музей. Архив Платонова является государственной собственностью, этот архив лежит в ИМЛИ и в РГАЛИ. Почему мы должны его брать в музей? Музей — не место для рукописей. Пушкинский дом — это не музей, и Толстовская бронированная комната — тоже не музей. Я-то и за музейную зону, и за кафедру. А государство имеет право отобрать у Литинститута хоть весь дом. Но для этого нужно решение совета министров.

Объективно я скажу следующее: время наступит. Реконструкция — рано или поздно — неминуема. Я уже писал один раз Лужкову — как раз имея в виду создание большого литературного комплекса. Но нужно выстроить новый учебный корпус. Я знаю, что такое музей. Разве здесь можно его устроить? Музей — это архив, это фонды — а где их держать? У Литинститута есть государственные цифры набора, мы и так набираем больше людей, чем у нас есть площадей. Пока речь идет о том, что, либо музей, либо институт.

Как писатель я за музей, я подпишу любое письмо, а как ректор, как музейщик, я считаю, что сейчас это нецелесообразно. В стране, которая, так сказать, разряжена по музеям. Я думаю, начинать надо с большого Платоновского музея в Воронеже. А потом уже здесь — большой комплекс как один из филиалов, может быть, Литературного музея: ведь кто только ни жил в этих стенах! В комплекс должны войти мемориальная комната Платонова, мемориальная комната Мандельштама, мемориальная комната под названием «Музей советской литературы», мемориальная комната Герцена. У нас в том здании (то есть основном корпусе Литературного института) есть комната, в

которой родился Герцен… У нас есть свой театр. Вот это — Литинститут будущего.

Попытка построить музей Платонова в консенсусе с текущими интересами Литинститута не удалась. Потому что — я могу вам прямо сказать, что хочет Мария Андреевна Платонова: звания директора. Это ведь государственная зарплата и все прочее… Уже на второй день, как я организовал общество Платонова, ко мне в кабинет пришли какие-то люди и сказали: ну ладно, давайте делить лицевые счета. Помилуйте, это все принадлежит Литературного институту! Ну что ж, давайте распустим студентов или не будем брать студентов из Вологды и Сибири. Давайте вообще закроем институт!

15 января юбилей у Мандельштама, Мандельштамовское общество, так же как и Платоновское, открылось в стенах этого института. Его комната занята издательским отделом, я не могу ее освободить. Студентам негде заниматься. У нас что, легко с площадями? Я писал огромное письмо — давайте делать музей, давайте ремонтировать. Была составлена смета… но денег-то нет! Мы их зарабатываем сами, тяжелейшим преподавательским трудом — на курсах, на всем. Вы представляете, сколько денег дает государство нашему институту? И 40 % не дают того, что мы зарабатываем.

С Марией Андреевной мы договаривались: прежде чем делать музей — у нее там есть два предмета — давайте сделаем металлическую дверь. И ввозите архив. Потом соберутся и другие экспонаты, вокруг памятной комнаты.

Вот вы приехали, потрепали мне нервы. Вы же знаете, что это единственные неприватизированные стороны жизни в нашей стране — высшее образование! Вы знаете, что растащено все имущество бывшего Союза писателей СССР — кроме Литинститута, который я сохранил? Все растащено! Где Малеевка, Голицыно? Где дома творчества?

Нужен музей? Пожалуйста, берите! Распустим студентов, ремонтируйте крышу и все остальное… на что будет существовать этот музей? Кто его будет топить? Я знаю, что такое водопровод и что такое канализация!

Такого музея, как хочет Платонова, сейчас не будет. Он будет потом — лет через двадцать».

27 декабря, среда. С утра С.П. и А.И. убеждали меня посмотреть, кто стоит за статьей Олега Павлова. До меня с трудом доходила их логика, но дошла. Я начал сопоставлять факты, по-другому посмотрел на ситуацию отдельных наших

кафедра. Я ведь русский человек. Важно не чтобы мне было хорошо, а чтобы корова у соседа издохла. Меня ведь никто из наших писателей, обладающих определенным влиянием в прессе, ни Федякин много работавший в газетах, ни Болычев, имеющий связи, ни В.П., имеющий трибуну на Т.В., ни Чудакова, ни Чудаков, ни Тарасов, много печатающийся в журналах, никогда меня не поддержали публично в отстаивании хозяйственных интересов института. А ведь, это и их интересы, и их карман. Может быть, есть смысл посмотреть, как корова у соседа издохнет?

Сегодня комиссия, образованная президентом, приняла текст Гимна Михалкова. Когда я этот текст поддерживал, то «Труд» тщательно вычеркивал имя Михалкова. Гениальный ход совершил президент, включив в эту комиссию Швыдкого. Комиссия ведь твердо знала о пристрастиях президента. Теперь бедному министру культуры придется поддерживать не популярное в его клане имя и непопулярный гимн и непопулярные в их компании слова. Швыдкой сегодня по ТВ оговорился, раскрыв по Фрейду, свои внутренние мотивы. «При музыке Александрова слова должны быть Бродского условно…» Условно не Твардовского и условно не Юрия Кузнецова. Дальше был объяснение, почему на музыку Александрова легли слова Михалкова. У меня это объяснение другое.

Под вечер ко мне в институт прибыла группа НТВ, от Кара-Мурзы. Задавали вопросы о моем отношении к гимну, к С.В.Михалкову, ко всей семье, отношение к символике, т. е. к флагу и гербу. Я ведь С.В. люблю, отвечал как надо и по совести. Но сказал то, что потому ни у кого не услышал, что Михалков всю свою жизнь был с этой страной и что в известной мере он медиум этой страны и этого народа. Вырежут, конечно, мое рассуждение о серпе и молоте, т. е. о трудовом начале, которого мне не хватает в новом гербе. Что касается семьи, то я сказал, что все ее члены крупные люди сами по себе, как бы орлы. А орлы любят дружить друг с другом.

Как ни странно, ничего про серп и молот не вырезали. Все это было аккуратно смонтировано вместе с высказываниями других людей. Мне запомнился только предводитель дворянства Голицын.

28 декабря, четверг. Утром занимался анализом наличия и использования купленного за прошлый год инструмента. Вернее, смотрел, что пропала, что украли, где переплатили. Пил чай у А.И., который нервничает оттого, что из министерства не приходит письмо и хочет подтолкнуть меня на какие-нибудь

поступки. На Ученом совете я рассказал о статье Павлова и объяснил, как все это может коснуться каждого. Это маленькое удовольствие наблюдать за схваткой ректора и идеи музея может привести к уменьшению зарплаты. Ни один из вас публично, в печати, к которой вы все имеете доступ, не выразил хотя бы солидарность со мною. И не выразит. Значит, и у меня руки развязаны. Значит, и я вам не помогу, когда вы потребуете у меня помощи. Говорили о низком уровне набранных на ВЛК слушателей. ВЛК постепенно превращается в организацию по решению социальных проблем слушателей. Хорошо по работе с иностранными студентами отчиталась Е.Л.Лилеева.

После Ученого совета поехал на годовую редколлегию «Нашего современника». Мои дневники, оказывается, имели большой успех. Вначале, оказывается, в редакции думали, будет ли это вообще читаться. Хорошо говорил Проханов, как из под сегодняшнего либерального катка, как некий русский феномен сопротивления выходит новая русская литература. Интересна была и речь Личутина. Компромиссы приводят к слабой прозе, к болоту.

Из больницы приехала в очень плохом состоянии В.С. Она уже принимает свою дозу страдания, у меня все еще в это отношении впереди. Правый глаз у нее уже ничего не видит и, кажется, еще и сильно болит.

29 декабря, пятница. Ничего я в дневнике не писал, но меня все время волновал ответ Министерства на письмо А.И.Горшкова. Я отчетливо понимал, что шло достаточно внимательное согласование. Для Министерства это хороший предлог освободиться от неугодного ректора, расстаться с ним. Но вот письмо пришло. Нам разрешили досрочные выборы ректора. Значит, впереди предстоит собрание, волнение, опять два ученых совета. Результат, конечно, предсказуем, но мои сторонники должны для этого поработать. Я все надеюсь на какую-то перемену судьбы. С другой стороны, бросать все, когда стало работать полегче. Ходят также слухи о присвоении ректорам некого государственного статуса.

Вечером ездил в общежитие. Там снова маленькое воровство. Самое главное, что это не старики, а наши молодые рабочие смотрят на институтское, как в прежние времена на советское, — можно украсть, это все наше. Теперь это электрики: и провода на ремонт номеров в гостинице ушло в два раза меньше, чем выписали и стоит этот провод в два раза меньше, чем он стоит на самом деле. К счастью, я все это хорошо помню по покупке провода летом на дачу.

Президент, естественно, подписал указ о гимне. Слова здесь новые, даже не те, что мне показывал С.В. Это качество настоящего мастера, он шлифует текст до последнего и отказывается лишь тогда, когда истощает все свои ресурсы. В словах гимна огромная точность, только профессионал видит, как слова сливаются с понятиями и как плотно скомпоновано все поле.

30 декабря, суббота. Весь день продолжал читать биографию Оскар Уайльда Ричарда Эльмана. Образцовая книга. «Провожая гостя на поезд, Уайльд вдруг заговорил о «Яствах земных»; ранее он отозвался об этой книге лишь в общих выражениях. «Милый мой, — сказал он Жиду, — вы должны мне кое-что пообещать. «Яства земные» — прелестная вещь… прелестная. Но обещайте мне, дорогой мой, с нынешнего дня отказаться от местоимения «я». В искусстве не может быть первого лица».

На телевидении праздник в полном разгаре. Удивительное несоответствие ощущения страны и этой лихорадочной подтанцовки. Как надоели все эти «маленькие» случаи, дешевый одесский юмор и низкопробная эстрада, которые, по мнению устроителей, должна веселить. Есть определенная тоска по большому масштабному искусству. Одесса, родина юмора, отделилась от нас, но бросать нас, к сожалению, не собирается. Кажется, вчера в какой-то передаче, где в качестве главных персонажей оказались Киселев, Сванидзе и Доренко, кто-то из участников сказал, что они уже прошлая эпоха, что они могут уйти. Что-то действительно поменялось. Я очень остро почувствовал это во время огромного концерта Пугачевой. Вся эта вульгарность продавщиц советского периода, выдаваемая за народность, устарела. Будто прокололи воздушный шар, и он медленно через дырочку спускает воздух.

31 декабря, воскресенье. Утром по какому-то странному, но уже три года выполняемому правилу, ходил в баню. Пришел, убирался, накрывал на стол. В.С. чувствовала себя уже несколько дней разбитой и ожила только часам к девяти. На этот раз обошлись без привычного судака, который заменил кусок жареной в духовке свинины. Альберт Дмитриевич прислал с Федей четыре тарелки салата, ассорти рыбное, ассорти мясное и свежие овощи. Теперь еды на неделю. Встречали новый год вдвоем и очень радовались, что никто не посягнул на наше общество. От имени властей по ТВ поздравлял с новым годом В.В.Путин. Его речь была взвешенной, но последнее время я всегда пытаюсь отделить саму личность говорящей персоны от

спичрайтера. Путин первым из всех произнес речь не в кремлевских апартаментах, а на улице. Была видна Спасская башня и часы над ней. Снег, погода, освещение казались натуральными. Но речь закончилась секунда в секунду с движение к полуночи часовой стрелки. Впечатка это или живая трансляция? Где здесь правда, где искусство телевидения? Потом заиграли старо-новый гимн.

1 января, Понедельник. 2001 год. Странные впечатления ночи от передач по ТВ. Утром, когда я пошел гулять с собакой, редчайшая тишина. Город будто бы весь вымер, будто через мир этой ночью пролегла какая-то трещина, и вот теперь все замерло, слушая, не обрушатся ли края гигантского каньона. Весь день сидел и редактировал дневники. Вечером В.С. мне сказала, что я уже никогда не смогу написать нового романа — «Ленин» и дневники меня иссушили.

2 января, вторник. 2001. Для «Труда»:

«Самыми заметными лицами в новогодние и предновогодние дни стали Михалковы. Впрочем, впервые мы еще, конечно, увидели поздравления президента, записанное не в недрах кремлевских хором, а на свежем воздухе. Путин говорил хорошо, но всегда, когда говорят крупные политики, хочется отделить искусство спичрайтеров от самой личности. У личности, правда, всегда есть право выбора предложений. За спиной президента возвышалась Спасская башня, и окончание его речи магически совпало с движение стрелок, в этот момент подобравшихся к двенадцати. Точный ли это расчет или телевизионные чудеса, не знаю, но шел снег, и погода вроде бы соответствовала.

Что касается триумфа Михалковых, то это, конечно, в первую очередь гимн России, одним из авторов которого стал Сергей Владимирович, — Михалков-старший. Работа исключительная, потому что только профан и мещанин, привыкший в искусстве к искусственным усложнениям, не увидит в стихах гимна несколько безукоризненных формул русского самосознания, которые еще десятилетия будут волновать сердца россиян. Я бы даже рискнул сказать, что гимн весь из этих формул.

«Сибирский цирюльник» — это телевизионный бенефис Никиты Сергеевича Михалкова. Фильм вроде бы снимался для заграницы, по крайней мере, английский и русский языки здесь на равных, но получился очень российским, национальным и народным. Здесь уместно вспомнить Белинского, полагавшего, что народность это не описание сарафанов. Боже мой, оказывается на российском

экране можно обойтись без киллеров, мерседесов, банкиров и всей этой надоевшей барахолки, о которой тоскуют наши кинематографисты. Об этом замечательном фильме разговоры среди телезрителей только начинаются, но не менее интересной оказалась и другая работа Никиты Михалкова — еще один фильм, прошедший накануне, о том, как снимался «Сибирский цирюльник». Это увлекательно, как детектив, но воодушевляет и факт, что в наше время кто-то еще может работать с восторгом и увлечением.

Было также показан несколько раз клип с участием Андрона Михалкова-Кончаловского об участии холестерина в нашей жизни. Но здесь другое искусство и, видимо, другая судьба.

Вы заметили, как вдруг устарели все эти новогодние шуточки, репризики, песенки и прививаемая нам последнее время телевидением сальность. Это не феномен нового века, а готовность страны жить по-новому. Боюсь, что в ближайшее время сменятся не только телевизионные ведущие, о которых накануне праздника уже сказали, что они отжили свой век, но и певцы, и эстрадники. Стучатся в нашу дверь какие-то новые эстетические времена».

«ЖИЗНЬ КРАСИВАЯ И МУЧИТЕЛЬНАЯ…»

Сейчас много говорят о глобализации и, как бы ни относиться к ней (конечно же, управляемой «новым мировым порядком»), с нею уже нельзя не считаться. Даже и само праведное сопротивление ей предполагает ориентирование в том, что принято называть «ценностями» западного мира. Автор «Дневников» обладает даром свободного контактирования с той средой, с которой ему приходится иметь дело во время его зарубежных поездок. Он — не из тех постоянных заграничных писательских вояжеров, которые крутятся там с чисто коммерческими интересами, заискивая перед своими «благодетелями». Так, в «Дневнике» приводятся слова одного из них, Приставкина, (не вылезающего из Германии, подлаживающегося там под немецкую публику): «Как писатель, я скорее нужен Германии, чем России». Именно потому что Есин чувствует себя нужным прежде всего России, он и о других странах пишет с любознательностью человека, не забывающего о том, что может быть интересно для его соотечественника. Части «Дневников», относящиеся к поездке автора во Францию, Корею, Италию, можно назвать «записками русского путешественника» — с характерным для них сгущением текста (то же самое можно сказать о поездке в Крым). Но к чести автора, он не скрывает и того, огромная информация, которую он каждый день получает, будучи за границей, не соответствует «количеству духовной работы». И здесь освоение впечатлений «своих» и «чужих» — то есть у себя на родине и на чужбине — можно сравнить с таким наблюдением автора «Дневников»: «За пролистыванием книги мысли идут по-другому», чем за чтением на компьютере. Но вот за пестротой «информации» открывается вдруг то, что становится открытием и для нашего читателя: «Сеул потрясает своими размерами. Мы все хотим от Востока экзотики, сохранения нравов и обычаев, чтобы было чем любоваться, — а он уже другой. Уже несколько поколений живет с техникой и в современных домах. Это не Запад, а выбранный всем населением — оптимальный образ жизни». Упрощение помогает иногда лучше понять сущность явления, и в данном случае этот выбираемый всем населением «оптимальный образ жизни» может быть ключом и пониманию и «западной цивилизации», и соблазна нынешней «глобализации» с ее «опорой» на эту цивилизацию. Вообще в есинских записях есть точки, которые ударяют по сознанию, будят мысль, могли бы войти в тот «Сборник цитат», который многие

годы, по его признанию, он собирает.

Можно говорить об особой значимости для автора поиска новаторской формы, своей стилистики, средств выражения. Из некоторых его признаний видно, что он ценит в своих «Дневниках» своеобразие формы: «романное повествование», «личностная интонация», «тексты мои — не биографически-протокольные, а скомпонованные, придуманные» и т. д. Но я хотел бы, предваряя знакомство читателя с книгой, выделить другую особенность ее. Многое поясняет в «стилистической позиции» автора вскользь иронически брошенное им словцо «духмяное» в отношении той литературной продукции, которую обычно называют «кондовой», «доморощенной», изготавливаемой «на завалинке». Не стоит путать эту «кондовость» с той подлинной традиционной крестьянской культурой, которая, как известно, была колыбелью и самой классической русской литературы. Нынешняя же «духмяность» лишена того, без нет энергии слова — современного ощущения бытия, моральной стойкости, самой элементарной духовной культуры.

Имея в виду в худшем смысле слова провинциализм мышления иных «патриотов», автор замечает, что они «не хотят знать ничего, кроме своего». Сам же он не считает зазорным работать в «контексте мировой литературы». В этом смысле он — «западник». Отправляясь во Францию, он берет с собою в качестве «путеводителя» по этой прекрасной стране Пруста, его «Содом и Гоморру», в парижской гостинице перечитывает эту книгу, цитирует ее, делает сноски, его тянет к «собеседованию с господином М.Прустом». Когда я был в Париже, меня тянуло к «собеседованию» с Паскалем, книгу которого «Мысли…» я взял с собою из Москвы, влекло меня к нему просто по контрасту с внешними впечатлениями от кишащей уличной жизни «мировой столицы». Собеседник Сергея Николаевича Марсель Пруст вызвал в моей памяти ту давнюю историю с моей статьей о нем, когда я за нее подвергся атаке целой дюжины член-корров АН и докторов (журнал «Литературное обозрение», № 6, 1975). Попало мне за то, что я не принял принципа релятивности, морального нигилизма этого французского модерниста. И я не думаю, что Сергею Есину, восхищающемуся Прустом, его стилистической новизной, изысками, «ассоциациями» и прочим, что писателю Есину, видящему во фразе, абзаце, в их физиономии — суть прозы, — не думаю, что его чарует абзац из текста того же Пруста, где понятия божественные смешаны на равных правах с понятиями обратного смысла, высокое — с низменным и т. д. Как бы ни был автор «Дневников» озабочен «формой», «новаторством», — главное для него — «суть» («Во всем мне хочется дойти до самой сути» —

Б.Пастернак). И эта суть в данном случае — в этической определенности, неразмытости нравственных критериев. В этом смысле он — писатель традиционно русский.

Уже чисто русская черта — литературоцентризм, одержимость ею, этой проклятой литературой как изнурительным пожизненным бременем. В записи конца 1998 года вырывается: «А ведь и себе и всем говорю, что только ради этого и живу. Точнее было бы сказать — проживаю». Но ведь именно живет, а не занимается литературой, как на том же Западе, где литература в основном такое же профессиональное занятие, как адвокатура, медицина, бизнес и т. д.

Форма — это не искусственное изобретение, не раз и навсегда заданный жинр для всех. Толстой говорил в том смысле, что каждый писатель пишет свой роман и каждый раз этот роман — новый, неповторимый, потому что в нем выражена неповторимая личность автора, и она, эта личность, накладывающая свою печать на все произведение, и составляет главный интерес его. И, говоря о «Дневниках» Есина, можно сказать, что своеобразие их, прежде всего, в личности самого автора. И здесь примечательны не столько его авторекомендации, вроде «я — консерватор-либерал», сколько само его поведение и психологические акценты его. Писать смело, откровенно о себе трудно и рискованно. Умственный змий Василий Розанов, добивавшийся предельной искренности самохарактеристики, мог сказать о своей душе, что в ней «смесь грязи и нежности», или выставить неприглядно свою физиономию с «выпученными глазами» — и что же? Не чувствуется ли в этой «прямоте» та недосказанность, некий налет эстетизации, которые напоминают увиливание героев «Идиота» Достоевского от договоренности в игре «пети-же» не скрывать всей правды от содеянных дурных поступков? Как помним, они не договаривали всей подноготной их, на что Фердыщенко, выложивший все о себе до конца, завопил от возмущения: «Надулди меня». И к тому надувательству чуток читатель. Автор «Дневников», кажется, с юмором поддержал бы самоотреченность правдолюбца. Но, помимо шуток, он действительно не боится говорить о себе то, о чем другие помалкивали бы. Да и в официальных отношениях с теми, от которых он зависит как госчиновник (ректор Литинститута), он держится независимого мнения: «Почему-то, когда я вижу лужковскую фрачную тусовку, всегда вспоминаю фильм «Однажды в Америке». Как же хорошо сидели черные костюмы и белые рубашки на героях американского разбоя!» Подобные же «комплименты» можно услышать со страниц «Дневников» и в адрес «сильных мира сего», некоторые из которых побывали по

инициативе ректора в Литинституте на встрече со студентами и преподавателями (Путин и другие).

Здесь следует заметить, что трудно назвать другого современного писателя, у кого была бы такая интенсивность связей с представителями самых разных социальных слоев, начиная от «низших» — до столичного «бомонда» и правителей. И как много говорит уже одна сама оседающая в есинских записях информация о встречах, разговорах с ними. Иногда одно имя становится как бы знаком времени. Вот, например, упоминаемый в дневнике некто М. Я вспоминаю, как в мае 1991 г. мой студент литинститутского семинара, армянин прислал мне из Еревана пакет материалов по Карабаху, предмету горячей распри между Арменией и Азербайджаном. В числе прочего была там и брошюра М. «По дорогам Карабаха», составленная из шести его передач по радиостанции «Свобода». В своей статье «Слепота» (журнал «Наш современник», № 11, 1991) я подробно писал о роли этого юного «народного депутата Моссовета», сеявшего в Карабахе и Армении ненависть к русским солдатам, к России. И вот из «Дневников» Есина я узнаю, что тот юный подстрекальщик в Карабахе — ныне житель подмосковного, под вооруженной охраной с колючей проволокой легендарного (в районе Барвихи и Успенского шоссе) заповедного места — с гнездом сказочных дворцов и усадеб новых хозяев жизни. По богатству, по «образу жизни» этот еще недавний аспирантик-журналист смахивает уже из султанчика.

Все это видится мне, когда я читаю есинские строки об этом персонаже: «Я уже традиционно смотрю на его новую дачу — третью — и по этим крохам представляемой мне действительности изучаю новую жизнь».

У автора — острый взгляд на эти «крохи», весьма характеристичные для времени. Проезжая по «царской дороге» и поселении «Центробанка», он замечает, что эта дорога «выстроена на гробовые деньги стариков и старух». И все в этой «империи» немыслимой роскоши вопит о преступности ее обитателей, воровской, кровавой шайки, спешащей «сладко положить» до неминуемого возмездия.

Кто знает гражданский путь Есина-писателя, не удивится этой социальной чуткости в его «Дневниках». Он не запятнал себя, в отличие от пишущих «демократов» прислужничеством антинародному режиму, в повести «Стоящая в дверях» показал, какая уголовного типа орава «защищала» «Белый дом» от несуществовавшего путча в августе 1991 года, а повесть «Затмение Марса» окроплена кровью невинных жертв разбойной расправы ельцинистов в октябре 1993 года. (И не память ли об

этом злодействе вызвала такую необычную для сдержанного на слова Есина дневниковую запись от 7 мая 1993 г.: «Ельцин крестился. Так как он принадлежит дьяволу, то это плохо кончится»).

Как ректор Литературного института Сергей Есин на себе испытал, какие опасности подстерегают честного работника в нынешнем криминальном обществе. Я вспоминаю, как на заседании ученого совета Сергей Николаевич с тревогой сообщил нам о посещении Литинститута группой рэкетиров, потребовавших «делиться» с ними. Из его явно взволнованных слов было видно, что он не надеется на помощь власти и рассчитывает на усиление охраны за счет скудных средств института. Тогда он собирался на другой день лететь в Корею.

И вот, читая его «Дневники», я вижу, как уже в Корее продолжает его та же мысль о рэкетирах. «Отодвинул, усилием воли, от себя московские проблемы. Вины за мной нет, а так — жизнь я прожил красивую и мучительную, пусть убивают».

По возвращении из Кореи Есин пишет заявление в отделение милиции, информируя о происшествии с рэкетирами в Литинституте, и просит принять меры. Прочитав его заявление, офицер милиции сказал: «Классно написано». «Это самый большой в моей жизни комплимент», — замечает автор «Дневников». И в этом — отгадка действенности, драматизма слова, вылившегося без всякой мысли о «форме», «стиле» из самого душевного состояния человека, над которым нависла угроза. И по-моему высший комплимент для писателя — не сопоставление его с писателями типа В.Маканина (что нравится нашему автору), а именно вера читателей в его слово. Это и есть — «классно написано» — и для неискушенного читателя, и для знатока литературы.

Запись от 11 ноября 1998 года: «Наконец-то вышел в свет XI номер «Нового мира». В нем материал В.С. Я не называю его ни рассказом, ни повестью. Думаю, что это нечто большее — жизнь». Я читал «материал» Валентин Ивановой «Болезнь» и был поражен пронзительностью ее исповеди. Тяжелая болезнь стала для нее не только страданием, но и таким постижением жизни, ее тайн, что, казалось бы, неуместен всякий разговор о литературе. Но если уж о ней говорить, то можно сказать, что она, литература, не может просто существовать без таких откровений. Часто встречающаяся в «Дневниках» В.С. — Валентина Сергеевна Иванова — жена Сергея Есина; связанное с нею чувство сопереживания, сострадания вносит в его повествование тот элемент человечности, которого так недостает нынешней литературе. Ведь и та жизнь, которую автор называет красивой, — не может не

быть в то же время и мучительной.

Особая тема разговора — Сергей Есин как ректор Литературного института (с 1992 года по настоящее время), как попечитель и наставник литературной молодежи. Его «Дневники» пульсируют литинститутской жизнью, наполнены студенческим, преподавательским многоголосьем. Удивительно сочетание в нем таланта писателя и организатора-хозяйственника. Только благодаря ему Литинститут уцелел и обрел стабильное положение, войдя в состав вузов Министерства высшего образования. По-отечески заботясь о студентах, строго следя за учебной дисциплиной, порядком в институте в общежитии, он, употребляя его выражение, толерантен по отношению к ним, и настолько, что иные нагловатые юные «гении» готовы злоупотреблять этим, что вызывает довольно добродушную реакцию ректора. Творческая самодостаточность обычно снисходительная и щедра к другим; обладая этим качеством, Сергей Есин, как руководитель семинара, и делится с молодежью своим незаурядным опытом писателя и гражданина, говоря его словами, в «манере свободно-раскованной в и объективистской», свойственной не «имитатору» в литературе (название его знаменитого романа), а личности внутренне свободной и подлинно творческой.

М.П. ЛОБАНОВ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аверьянов Сергей Сергеевич
Агаев Самид Сахитович
Агеносов
Азерников Валентин Захарович
Айги Геннадий
Айтматов Чингиз Торекулович
Алхимова Елена Александровна
Алла Ивановна; А. И.
Акаев Аскар
Аксенов Василий Павлович
Алексеев Михаил Николаевич
Алексин Анатолий Георгиевич
Алешкин Петр Федорович
Альбац Евгения
Алфеева Валерия
Алферов Жорес Иванович
Амутных Виталий Владимирович
Андреев Владимир Алексеевич
Аннинский Лев Александрович
Апасян Игорь
Апокорин Семен
О. Михаил (Ардов)
Арутюнян
Арутюнов Сергей Сергеевич
Архангельский Александр
Асмолов Александр
Афанасьев Анатолий Владимирович
Бабицкий
Бакланов Григорий Яковлевич
Балакин Илья
Балакшкин Роберт Иванович
Балашов Эдуард Владимирович
Баранова-Гонченко Лариса Николаевна
Барбара; Карховфф Барбара
Баре Лили
Баширов Александр Николаевич
Бейлис Владимир Михайлович
Бек Татьяна Александровна
Белов Василий Иванович

Белов Константин
Беляев Сергей
Беляев Юрий
Беляров Валерий
Березовский Борис Абрамович
Битов Андрей Георгиевич
Бовин Александр Евгеньевич
Богословский Никита Владимирович
Богуславская Зоя Борисовна
Бодров Сергей Владимирович
Бодров Сергей Сергеевич
Бойко Алексей Геннадьевич
Болотова Жанна Андреевна
Болычев Игорь Иванович
Бондарчук Наталья Сергеевна
Бондарев Юрий Васильевич
Бондаренко Владимир Григорьевич
Бонк Наталья Александровна
Боровик Артем Генрихович
Боровик Генрих Авиэзерович
Боровой Константин Натанович
Бородин Леонид Иванович
Бородин Павел Павлович
Борщаговский Александр Михайлович
Бочков Виктор Николаевич
Брагарник Светлана
Бревнов
Брынцаловы
Буйда Юрий
Булкин Андрей
Бурбулис Геннадий Эдуардович
Бурляев Николай Петрович
Бутов Михаил
Бушин Владимир Сергеевич
Быков Василий Владимирович
Быков Павел Владимирович
Былинский Валерий Игоревич
Быстрицкая Элина Авраамовна
Бэлза Святослав Игоревич
Вартанов Анри Суренович
Васильев Борис Львович
Васильев Владимир Викторович
Васильев Игорь Николаевич
Василики, Ставрополу

Визбор Юрий Иосифович
Вилькин Александр Михайлович
Виноградов Сергей
Винокурова Татьяна Марковна
Вишневская Галина Павловна
Вишневская Инна Люциановна
О. Владимир (Вигилянский)
Владимов Игорь
Владислав; Владислав Николаевич Илюшин
Вознесенский Андрей Андреевич
Вознесенский Александр
Войнович Владимир Николаевич
Володькина Екатерина Александровна
Воронов Владимир Юрьевич
Воскресенский Дмитрий Николаевич
Гайдар Егор Тимурович
Ганичев Валерий Николаевич
Гасин Дмитрий Юрьевич
Гвоздева Анна Александровна
Генис Александр Александрович
Гербер Алла Ефимовна
Герштейн Эмма Григорьевна
Гладилин Анатолий Тихонович
Глазунов Илья Сергеевич
Глазьев Сергей Юрьевич
Говорухин Станислав Сергеевич
Годенко Надежда Михайловна
Головачев Сергей
Голышев Виктор Петрович
Горбачев Михаил Сергеевич
Горбовский Глеб Яковлевич
Горелов Павел
Гориккер Владимир Михайлович
Горшков Александр Иванович
Горячева Светлана Петровна
Гранин Даниил Александрович
Гребнев Анатолий Борисович
Грибанова Марина
Грымов Юрий
Губенко Николай Николаевич
Гурченко Людмила Марковна
Гусев Владимир Иванович
Гусинский Владимир Александрович
Гусляров

Гюнтер
Дарико; Эгнатошвили Дарико Отаровна
Дегтев Вячеслав
Дегтярева Вергилия Станиславовна
Дедков Игорь Александрович
Дементьев Анатолий
Дементьев Андрей Дмитриевич
Дементьева Наталья Леонидовна
Державин Михаил Михайлович
Демин Анатолий Андреевич
Джимбинов Станислав Бемович
Дмитрий Николаевич; Д. Н. Лаптев
Дога Евгений Дмитриевич
Доренко Сергей
Доронина Татьяна Васильевна
Дубаев Максим Львович
Дубинин Сергей
Дубов Юрий
Дьяченко Анатолий Владимирович
Дьяченко Татьяна Борисовна
Евтушенко Евгений Александрович
Егоров Владимир Константинович
Ельцин Борис Николаевич
Ельцина Наина Иосифовна
Ерофеев Виктор Владимирович
Ефимов Олег Владимирович
Жариков Владислав Леонидович
Жириновский Владимир Вольфович
Жуков Анатолий Николаевич
Задорнов Михаил Николаевич
Зайцева Людмила Васильевна
Залыгин Сергей Павлович
Захаров Марк Анатольевич
Захаров Олег Витальевич
Заславский Григорий Анатольевич
Зверев Алексей Михайлович
Зимарева Светлана
Зимин Александр Иванович
Зиновьев Александр Александрович
Зотов Игорь
Зоя Михайловна; З. М. Кочеткова
Зудина Марина
Зульфикаров Тимур Касимович
Зыкина Людмила Георгиевна

Зюганов Геннадий Андреевич
Ибрагимбеков Рустам Мамед Ибрагимович
Ив Мари
Иванов Алексей Петрович
Иванов Вячеслав
Иванов Сергей Сергеевич
Иванова Мария
Иванова Наталья Борисовна
Изюмов Юрий Петрович
Ильичев Денис Юрьевич
Илюшин Владислав Борисович
Ирмияева Татьяна Юрьевна
Искандер Фазиль Абдулович
Казак Вольфганг
Казакова Римма Федоровна
Калугин Василий Васильевич
Капатов Аркадий
Каракина Валентина
Карелин Лазарь Викторович
Карлсон Анна Мария
Касаткина Людмила Ивановна
Катерли Нина
Ким Анатолий Андреевич
Киреев Руслан Тимофеевич
Киреенко Сергей Владиленович
Кирилл Митрополит
Кириллов Илья Михайлович
Киркоров Филипп Бедросович
Киселев Евгений Алексеевич
Клейнер Рафаэль
Клепиков Юрий Николаевич
Клинтон Билл
Клинтон Хилари
Клубуков Е. В.
Кобзон Иосиф Давыдович
Ковалев Сергей Адамович
Кожинов Вадим Валерьянович
Колодный Лев
Комарова Тамара Васильевна
Кондратов Сергей Александрович
Коняев Николай Михайлович
Копелев Лев Зиновьевич
Копосов Геннадий Викторович
Коржавин Наум Моисеевич

Корниенко Наталья Васильевна
Коровкин Александр
Королев Анатолий Васильевич
Корольков Виталий Трофимович
Коростылев Олег Анатольевич
Костров Владимир Андреевич
Кочергин Илья
Красавченко Сергей Николаевич
Красовская Вера Михайловна
Кривцун Олег Александрович
Кройтер Николай Иванович
Крупин Владимир Николаевич
Крымский Владимир
Кублановский Юрий Михайлович
Кузищин Василий Иванович
Кузнецов Юрий Поликарпович
Кузнецов Феликс Феодосьевич
Кузнецова Анна
Кузнецова Галина
Куликов Александр
Куняев Станислав Юрьевич
Купченко Ирина Петровна
Курицын Вячеслав
Куркова Белла
Курчаткин Анатолий Николаевич
Кутафина Наталья Николаевна
Кучер С. Н.
Кучер Н. М.
Лавров Игорь Васильевич
Лаврова Людмила
Лазарев Лазарь
Лактионова Екатерина
Лакшина Светлана Николаевна
Ларионов Арсений Васильевич
Латынина Алла Николаевна
Латынина Лариса Леонидовна
Латышев Анатолий
Лацисс Отто Рудольфович
Лебедев Евгений Николаевич
Легге Людвиг
Лежнева Мария Геннадьевна
Леонов Борис Андреевич
Лесин Евгений Эдуардович
Лигачев Егор Кузьмич

Лимонов Эдуард Вениаминович
Липскеров Дмитрий
Личутин Владимир Владимирович
Лобанов Михаил Петрович
Лобков Павел
Логинов Василий Анатольевич
Лопухов Ю. М.
Лось Павел Леонидович
Лужков Юрий Михайлович
Лукин Владимир Петрович
Лукницкий Сергей Павлович
Людмила Артемовна; Л. А. Линькова
Лучко Клара Степановна
Лукьянов Павел Александрович
Лыкошин Сергей Артамонович
Любимов Александр Михайлович
Любимов Юрий Петрович
Лямпорт Ефим Петрович
Маканин Владимир Семенович
Макарова Инна Владимировна
Макашов Альберт Михайлович
Малашенко Игорь Евгеньевич
Малышев Эрнест
Мальгин Андрей Викторович
Мамай Александр Михайлович
Маринина Александра
Маркосян-Каспер Гоар
Маркуша Анатолий Маркович
Маритов Юлий Осипович
Маршин Владимир
Маслюков Александр Васильевич
Масюк Елена Васильевна
Матвиенко Валентина Ивановна
Матизен Виктор Эдуардович
Матусевич Владимир
Матавец Николай Петрович
Медведев Кирилл Феликсович
Медведева Татьяна
Мизери Светлана
Минералов Юрий Иванович
Мирнев Владимир Николаевич
Миронова Татьяна Леонидовна
Митиль Татьяна Павловна
Митрофанов

Михайлов Александр Александрович
Михайлов Александр Алексеевич
Михалков Никита Сергеевич
Михалков Сергей Владимирович
Михоэлс С.
Мичков Василий Александрович
Модестов Валерий Сергеевич
Молчанов Владимир Кириллович
Молчанова Светлана Владимировна
Москвин Андрей
Мусалитин Владимир
Муфтий
Мухамадиев Ренат
Найман Анатолий Генрихович
Нарайкина Елена
Нарусова Людмила
Науменко Александр Михайлович
Науменко Михаил Александрович
Немзер
Немцов Борис Ефимович
Нерубайло
Николаев Петр Алексеевич
Николаева Олеся Александровна
Ниязи Шавкат
Новиков Владимир Иванович
Новиков Михаил
Новикова Ольга
Новодворская Валерия Ильинична
Огнев Владимир Федорович
Озеров Лев Адольфович
Ореханова Галина Александровна
Орехов Андрей Викторович
Орлов Александр Сергеевич
Орлов Владимир Викторович
Осипов Валентин Осипович
Павлов Олег Анатольевич
Павловский Глеб
Панкеев Иван Николаевич
Панина Елена Владимировна
Парфенов Леонид Геннадьевич
Паулс Раймонд
Пелевин Виктор Олегович
Пенкин Сергей
Переяслов Николай Владимирович

Персонен Пекка
Петров Максим Анатольевич
Петухов Григорий Павлович
Платонова Мария Андреевна
Поволяев Валерий Дмитриевич
Подберезкин Алексей
Пол; Кнудсен Пол
Поляков Юрий Михайлович
Полянская Ирина
Пономарева Светлана Викторовна
Попов Евгений Анатольевич
Попов Михаил
Попович Марина
Попцов Олег Максимович
Поюровский Борис Михайлович
Примаков Евгений Максимович
Приставкин Анатолий Игнатович
Приходько А.
Прокопьев Анатолий Алексеевич
Пронин Владислав Алексеевич
Проханов Александр Андреевич
Прошутинская Кира
Пулатов Тимур Исхакович
Путин Владимир Владимирович
Раджабов Тимур Умматович
Радзинский Эдвард Станиславович
Разгон Лев Эммануилович
Райкин Аркадий Исаакович
Райкин Константин Аркадьевич
Распутин Валентин Григорьевич
Рассадин Станислав Борисович
Расторгуев Николай
Растропович Мстислав Леопольдович
Резник Генри Маркович
Резников Филипп Александрович
Рекемчук Александр Евсеевич
Ремезова Мария
Рикаева Ирина
Рогов Валентин Степанович
Роговцев Юрий Павлович
Родионов Александр Сергеевич
Рожков Кирилл Кириллович
Розанова Мария Васильевна
Розов Виктор Сергеевич

Романов Николай Николаевич
Рекциус А. А.
Ростовцева Инна Ивановна
Рохлин Лев
Рубин
Румянцев Андрей Георгиевич
Руцкой Александр Владимирович
Рыжков Владимир
Рыжков Николай Иванович
Сабило Иван Иванович
Савельев Денис Владимирович
Садовничий Виктор Антонович
Салтыкова Людмила
Самсонов Сергей Анатольевич
Саркисян Игорь Аркадьевич
Сатаров
Сванидзе Николай Карлович
Сегень Александр Юрьевич
Седакова Ольга
Седов Владимир Иванович
Седых Галина Ивановна
Семаго Владимир
Семерников Михаил
Сенчин Роман Валерьевич
Сергеев Игорь
Сидоров Валентин Митрофанович
Сидоров Валентин Михайлович
Сидоров Евгений Юрьевич
Синельников Михаил Хананович
Сиренко Игорь
Скворцов Лев Иванович
Скуратов Юрий
Славецкий Владимир Иванович
Славникова Ольга
Слаповский Алексей
Смирнов Владимир Павлович
Смирнов Игорь Николаевич
Собчак Анатолий Александрович
Сокологорская Ирэна
Сокуров Александр Николаевич
Солженицын Александр Исаевич
Соловьева Вера
Сорокин Валентин Васильевич
Солоневич Евгений Михайлович

Сосковец Олег Николаевич
Старовойтова Галина Васильевна
Степашин Сергей Вадимович
Столяров Кирилл Сергеевич
Стрелкова Ирина Ивановна
Стреляный Анатолий Иванович
Стрижак Олег
Сукерник Михаил
Сурганов Всеволод Алексеевич
Сяопин Лю
Табаков Олег Павлович
Тантлевский
Тарасов Борис Николаевич
Тараторкин Филипп Георгиевич
Тарковский Михаил
Татьяна Алексеевна; Т. А. Есина
Тиматков Алексей Вячеславович
Ткаченко Анатолий
Толстой Владимир Ильич
Топоров Виктор
Турков Андрей Михайлович
Туфа Агрон
Тучков
Тыритов Николай
Тюрин Евгений
Тяжлов
Узлов
Ульянов Михаил Александрович
Фабр Рене
Федоров Борис
Федя; Фарид Тагирович Аббясов
Федоров И. Б.
Федякин Сергей Романович
Филатов Сергей Александрович
Филиппов Владимир Михайлович
Фриу Клод
Фролова Екатерина Евгеньевна
Харченко Вера Константиновна
Харченко Владимир Константинович
Хрущев Сергей Никитович
Хью Карен
Церетели Зураб
Цискаридзе Николай
Чайка генпрокурор

Челышев Евгений Петрович
Черепанов Федор Николаевич
Черепенникова Маргарита Николаевна
Черниченко Юрий Дмитриевич
Чернобровкин Александр Владимирович
Чубайс Анатолий Борисович
Чудаков Александр Павлович
Чудакова Мариэтта Омаровна
Чупринин Сергей Иванович
Чучалин Александр Григорьевич
Шайтанов Игорь Олегович
Шапиро Илья Геннадьевич
Шаталов Александр Николаевич
Шахалова Елена Алимовна
Швыдкой Михаил Ефимович
Шемятовский Владимир Васильевич
Шереметьев Борис Евгеньевич
Шеякова Лидия
Шиловский Всеволод Николаевич
Шишкин Евгений
Шойгу Сергей
Штейн Владимир
Штромило Николай Викторович
Шугаев Вячеслав Максимович
Шуртаков Семен Иванович
Шурыгина Ирина Львовна
Щуплов Александр Николаевич
Эбонаидзе Игорь
Эрк; Рёлловс Эрк
Эрнст Константин Львович
Этуш Владимир Абрамович
Явлинский Григорий Алексеевич
Яковлев Егор Владимирович
Яркевич Игорь Геннадьевич
Ярцева Наталья Константиновна
Ячминев Евгений Александрович

notes

Примечания

1

В. С. — Валентина Сергеевна Иванова — известный кинокритик, жена С. Н. Есина

2

Марсель Пруст. Содом и Гоморра / Пер. с фр. Н.М. Любимова. М.: Республика, 1993.

3

Марсель Пруст. Содом и Гоморра.

4

Марсель Пруст. Содом и Гоморра.

5

Марсель Пруст. Содом и Гоморра.

И «Приют убогого чухонца» — это тоже Пушкин.